

Кр. Р.
3-67

Кр 3878

Златовратский Н. Н.
Сочинения. Т. 3.

СП., 1897

СОЧИНЕНІЯ

Н. Н. ЗЛАТОВРАТСКАГО.

СОЧИНЕНІЯ
Н. Н. ЗЛАТОВРАТСКАГО.

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

(ДОПОЛНЕННОЕ).

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ.

(1878—95 гг.).

МОСКВА.

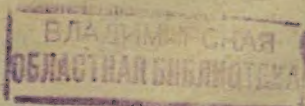
Типо-литографія Высочайше утвержденного Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К^о,
Пименовская улица, соб. домъ.

1897.

Кр. P13

3-67

и

кр. 38480 ✓ +

✓

ОГЛАВЛЕНІЕ III ТОМА.

Золотыя сердца (повѣсть).

Стр.

Глава I. Морозовъ	1
Глава II. Башкировъ	14
Глава III. Обитатели майорской колоніи	21
Глава IV. Исторія покаянія	27
Глава V. Вѣра сердца	36
Глава VI. Незамужницы	44
Глава VII. Среди добрыхъ знакомыхъ	58
Глава VIII. Странные люди	70
Глава IX. Наканунѣ	85

Барская дочь (разсказъ).	95
---	----

Скиталецъ (повѣсть).

Пріѣздъ въ деревню	135
Израильская жизнь	154
Миша и Гриша	168
Семья Кремлевыхъ	183
Конецъ Русанова	206

Мои видѣнія (разсказъ).	233
--	-----

Господа Караваевы (разсказъ)	249
---	-----

Надо торопиться (разсказъ)	267
---	-----

Безумецъ (былина)	279
------------------------------------	-----

Гетманъ (психологическій очеркъ)	285
---	-----

Какъ это было (изъ разсказовъ о «дѣтяхъ освобожденія»).

Старый домъ	299
Мой маленькій лѣдушка и Фимушка	304
Старыя тѣни	313
Аннушка	318
Канунъ «великаго праздника»	326
Потанинъ Вертоградъ	334
Забытая	343
Мечта	346

ЗОЛОТЫЯ СЕРДЦА.

ПОВѢСТЬ.

ЗОЛОТЫЯ СЕРДЦА.

(ПОВѢСТЬ.)

ГЛАВА I.

Морозовъ.

1.

акъ теперь вижу эту оригинальную, высокую, сутуловатую фигуру въ смѣшномъ длинномъ сюртукѣ, застегнутомъ подъ самое горло на одну верхнюю пуговицу и затѣмъ на одну внизу, это умное, сердитодоброе, но вѣчно угрюмое лицо, обросшее черною бородой, которую нервно и безжалостно трепать онъ лѣвою рукой въ то время, когда правая непрестанно ерзала въ образовавшуюся между незастегнутыми бортами сюртука пазуху, какъ будто онъ всегда искалъ чего-нибудь въ боковомъ карманѣ.

Я сидѣлъ на завалинѣ, около житницы, въ далекой деревенькѣ одной изъ великороссійскихъ палестинъ, и тянулъ изъ кринки парное молоко. Онъ порывисто ошагивалъ, какъ часовой, мимо меня пространство въ три сажени, сердито смотря въ землю и изрѣдка окидывая взоромъ окрестную мѣстность: „зады“ крестьянскихъ дворовъ, смотрѣвшихъ на насъ развалившимися гумнами, поля съ тощимъ хлѣбомъ, плохой лѣсеншко, раскинувшійся беспорядочно сбоку вперемежку съ кустарникомъ и перелогомъ. Мой собесѣдникъ негодовалъ, но у меня, — не знаю почему, — не сходила съ губъ самая добродушная улыбка, каждый разъ, когда я встрѣчалъ на себѣ его негодующій взоръ. Его доброе лицо, къ несчастію, никакъ не укладывалось въ мину негодованія и изъ этого выходило нѣчто ясное и смѣшное. Я хорошо зналъ его, и для меня не могъ скрыться его недостатокъ — неумѣнье,

при всемъ желаніи, лицемѣрить и владѣть личными мускулами настолько, чтобы можно было скрыть природное добродушіе. Онъ, казалось, зналъ это и часто сердился на свое лицо. „Чортъ знаетъ, — говорилъ онъ, — что за рожа такая халуйская!.. Увидить станowego — и тотчасъ же изобразить: милости просимъ закусить!“ Поэтому, никакое начальство не было на него въ претензіи, какъ онъ ни силился изобразить изъ себя безпокойнаго человѣка.

Онъ былъ, дѣйствительно, прекрасной души человѣкъ и оригиналь. Ему лѣтъ подъ тридцать пять. Въ его боковомъ карманѣ (къ которому онъ, по случайной привычкѣ, такъ часто отправлялъ на ревизію свою правую руку) лежало пять дипломовъ, выданныхъ на разные ученые степени изъ разныхъ высшихъ учебныхъ заведеній. Онъ переключивалъ изъ одного въ другое десять лѣтъ: кончивъ курсъ въ московскомъ университетѣ по юридическому факультету, перешелъ на второй курсъ математическаго факультета петербургскаго университета; кончивъ здѣсь, перебрался на третій курсъ земледѣльческаго института, отсюда на третій курсъ технологическаго института, и уже здѣсь закончилъ свою студенческую карьеру, набивъ карманъ разными дипломами, какъ паспортами на свободный проѣздъ по всевозможнымъ карьерамъ. Этому помогли, конечно, его замѣчательный умъ, безподобная память и неимоверная энергія, съ которой онъ переносилъ всѣ невзгоды необезпеченной жизни. Онъ былъ сынъ мелкаго конторщика на фабрикѣ, совершенно случайно попавшій въ „приватные“ ученики къ одному экзекутеру, который выучилъ его гра-

мотъ. Этотъ же студентъ остался для него какой-то святыней на всю жизнь, хотя онъ его уже не встрѣчалъ болѣе по окончаніи своей учебной карьеры. Онъ говорилъ, что это былъ „великій умъ, высокая душа“, что онъ, Морозовъ, „недостойнъ развязать ремень“ и пр. Запасшись столькими учеными дипломами, онъ, тѣмъ не менѣе, не придавалъ имъ никакого значенія. „Все это было приобрѣтено,—говорилъ онъ,—не болѣе какъ въ виду кормленія. Вышелъ я изъ университета, толкался было въ адвокатахъ, только что расцвѣтавшихъ тогда, да не показалось. Пошелъ въ лѣсной институтъ, въ расчетъ на стипендію; получилъ, кончилъ, поѣхалъ на заводъ; думалъ, по глупости, нѣчто совершить, да кончилъ тѣмъ, что женился на помѣщицѣ, бросилъ мѣсто и уѣхалъ опять въ Питеръ на стипендію въ технологическій, ибо съ женою было жить нечѣмъ. Мы съ ней безъ позволенія сошлись, такъ тягученька, осердившись, ничего ей не далъ. Вотъ такимъ манеромъ, ради кормленія, и нахваталъ бумагонокъ...“ После этого, онъ странствовалъ по разнымъ мѣстамъ, былъ опять юристомъ, техникомъ, лѣсничимъ, даже учителемъ, но нигдѣ не увидѣлъ больше года. Измучилъ этими переходами себя, разстроилъ нервы желѣ и дошелъ до того, что не нашелъ ничего лучше, какъ сдѣлаться самостоятельнымъ и независимымъ рабочимъ-механикомъ, въ компаніи съ двумя пріятелями, уже пытавшимися изготовлять свои швейныя машины. Но въ это время умеръ у него тестъ, и жена увезла его насильно въ оставшіеся ей по наслѣдству имѣніе. Его дѣятельность и виды приняли на нѣкоторое время другое направленіе: онъ задумалъ устроить образцовое заведеніе сельскаго хозяйства, примѣнительно къ экономическимъ средствамъ средняго крестьянскаго хозяйства. Сзываетъ къ себѣ мужиковъ-хозяевъ, поилъ ихъ водкой, показывалъ имъ плодоперемѣнныя системы, опыты возвращенія лѣса и кукурузы, великолѣпную рожь, родившуюся у него... Мужики отъ всего этого ахали, приходили въ восторгъ и говорили, что его, должно быть, Богъ возлюбилъ—потому ему и счастье...

— Врете вы!—кричалъ онъ.—Почему же у васъ нѣтъ?

— Мы, должно, Господа прогнѣвили...

— Врете вы... Смотрите: вотъ я вотъ почему; дѣлайте такъ... И пр.

Мужички стояли на своемъ и показывали на облака, „съ которыми, братъ, тоже пива не сварить!.. Вонъ его, батюшку, кто вѣдастъ—куда несетъ: можетъ оно съ градомъ, а можетъ и пѣтъ, можетъ съ дождемъ, а можетъ и съ засухой... Ты вотъ на это какъ скажешь?..“

Онъ опять ругался, кричалъ, выходилъ изъ себя, а мужики, выпивъ водки, уходили домой, можетъ быть кое-что, впрочемъ, и унеся съ собою изъ умственной пищи.

Однако, онъ былъ недоволенъ, хотя жена не нарадовалась на образцовое хозяйство. Онъ заперся въ кабинетъ и долго корреспондировалъ оттуда въ газеты и журналы. Но, какъ человекъ живой—не вытерпѣлъ, сталъ опять ругаться съ мужиками и, во время этой ругани, организовалъ артель для разработки мѣстнаго алебастра...

Но все это—и проба различныхъ профессій, и образцовое хозяйство, и производительныя артели—было для него не болѣе, какъ суррогатомъ, которымъ онъ заглушалъ въ себѣ искусственно потребность въ чемъ-то иномъ, подобно тому, какъ голодный бросается на различные суррогаты хлѣба въ видѣ древесной коры, мязги, лебеды и пр. Все это не столько удовлетворяло его, сколько еще болѣе раздражало. Онъ не только не видѣлъ во всѣхъ этихъ „экспериментахъ“ что-либо прочное, не только не вѣрилъ въ какое-либо особое значеніе ихъ, но, напротивъ, какъ будто и доказывалъ имъ съ единственной цѣлью доказать самому себѣ, что все это не болѣе, какъ „штуки“ и „мазанье по губамъ“.

— Русскій человекъ—или романтикъ, или плутъ,—говорилъ онъ, зализывая всея пятерней къ себѣ въ бороду.

— Будто бы такъ строго ограничено?

— Совершенно такъ. Какое же тутъ можетъ быть общее дѣло? Общее дѣло только у плутовъ и можетъ быть. А романтики къ нему неспособны уже потому одному, что распылчаты.

— Но, вѣдь, у насъ, какъ вы знаете, были попытки съ довольно опредѣленной цѣлью?

— Ничуть. Одинъ романтизмъ, стремленіе къ чему-то очень хорошему, но въ чемъ состояло это хорошее, а еще болѣе—какъ къ нему итти, и что изъ сего выйдетъ, мы ровно ничего въ этомъ не понимали...

— Ну, вотъ! да и вы тоже—романтикъ?

— И я романтикъ. Грѣшенъ тѣмъ же грѣхами уже потому, что самъ русскій...

— Но, вѣдь, вы—сынъ народа?

— Всѣ некультурные народы—романтики; а нашъ тѣмъ болѣе. Я, батюшка, такой крѣпкой вѣрой въ чертей заручился среди своихъ родичей, что, признаюсь вамъ, до сихъ поръ еще кой отъ чего не освободился.

Онъ сплюнулъ на сторону, какъ будто дѣйствительно отплеивался отъ дьявольскаго навожденія. Я улыбнулся, но онъ не обратилъ вниманія.

— И знаете что,—сказалъ онъ, установившись на меня глазами и засовывая за пазуху сюртука правую руку,—пока народъ не узнаетъ хорошенько себя, до тѣхъ поръ будутъ одни недоразумѣнія...

— И все отъ того, что романтики?

— Отъ этого.

— Но согласитесь, что у народа нѣрѣдко бывало „общее дѣло“?

— Какое же это дѣло? Заноситъ въ деревню отставной солтатъ какую-нибудь прекрасную идею, примѣрно хоть о томъ, что съ такого-то срока выйдетъ приказаніе съ неба галушкамъ валиться... Идея эпидемически охватываетъ бабъ и мужиковъ—романтиковъ, деревню за деревней, село за селомъ... Начинается „общее дѣло“, бросаніе работъ, уличные сходы... Затѣмъ команда—и ушатъ холодной воды на романтическія головы...

— Есть, однако, событія и покрупнѣе... Вотъ, къ примѣру, 12-й годъ?

— Это сожженіе-то своихъ хатъ и „животишекъ“?

— Да хоть бы и это.

— Помилуйте, да какой же народъ солидной культуры дозволить себѣ такое молодечество?

— Въ такомъ случаѣ все-таки нужно сознаться, что романтизмъ иногда бывалъ у насъ „чреватъ результатами“, какъ выражаетесь вы. И еще можно поспорить, что лучше: солидная культура съ опредѣленными и очень узкими идеалами, или безкультурный романтизмъ...

— Можетъ быть. Тѣмъ не менѣе то, что всѣ мы романтики,—несомнѣнно. А романтизмъ имѣетъ одно очень скверное свойство: онъ живетъ и питается иллюзіями, а этимъ свойствомъ очень удобно пользуются плуты. Кстати, вы знаете, что сегодня моя жена именины справляетъ?

— Нѣтъ.

— Пойдемте ко мнѣ. Къ ней сегодня

навѣрно съѣхалась вся здѣшняя уѣздная палестина, какъ бывало съѣзжалась къ ея отцу...

— А вы что же не участвуете въ приѣмъ?

— Я-съ?—круто повернулся онъ ко мнѣ,—я съ плутами нѣсколько строгъ и грубъ, а романтики здѣшніе меня считаютъ не болѣе, какъ мужемъ моей жены, и поэтому, кажется, презируютъ... Да и мнѣ въ нихъ мало проку. Впрочемъ, жена у меня добрая, любить угощать. Я ей не мѣшаю: она теперь попала въ свою стихію и отдыхаетъ. Я и такъ безсовѣстно долго заставлялъ ее цыганствовать съ собой... Пойдемте!

Замѣчу здѣсь кстати, что не только баре, но и мужики третировали его не то, чтобы свысока, а за напбрата. Они давно знали, что онъ—сынъ фабричнаго, и часто запросто „тыкали“ его, въ то время, какъ предъ „барыней“ холопствовали. Въ особенности „по душѣ“ относились къ нему мужики помельче, неполитики. Имъ было извѣстно, что онъ назывался еще въ мальчикахъ Петромъ Малымъ, а потому онъ и преобразился у нихъ въ Петра Петровича Малова. Настоящая же фамилія его была Морозовъ.

Мы обогнули „крестьянскіе зады“ и вышли на сельскую улицу, почти сплошь заросшую мелко кудрявою муравой, наптанной, какъ губка, водой послѣ недавняго дождя. Намъ нужно было пройти черезъ все село. На половинѣ улицы отъ одного дома отдѣлился мужикъ, безъ шапки, въ одной рубахѣ и портахъ, подошелъ къ намъ и сказалъ: „здравствуйте“, мотнувъ головой.

— А у барина гости,—прибавилъ онъ, обращаясь къ Петру Петровичу.

— А тебѣ что?—буркнулъ сердито Петръ Петровичъ.

— Такъ, молъ... Можетъ, не знаешь... Она вонъ Дикому твои заведенія показывать. Хвалить.

— И пусай показываетъ.

— Знамо... У тебя развѣ что худое есть. Тебѣ скрывать нечего. Твоимъ дѣломъ всякій любуйся—не налюбуйешься... Твое дѣло начистоту у всѣхъ...

— То-то вотъ и есть... Такъ и пущай смотреть... На то я и ферму устроилъ... А вы вотъ мнѣ не вѣрите...

— Какъ не вѣрить? вѣримъ. Да развѣ намъ пристади эти игрушки-то? Мало что хорошо—да не возьмешь!

— Знаю, лучше васъ это знаю. Кабы вы только это говорили,—такъ я бы вамъ

ни слова не сказать... А вы вонъ въ облако пальцемъ тыкаете.

— Что жъ! Въ облакъ, братъ, и ты не великъ владыко...

Пока мы разговаривали съ этимъ мужикомъ, къ намъ подошло еще нѣсколько человѣкъ. Видимо, у нихъ было до Петра Петровича дѣло.

— Петръ Петровичъ, а мы опять къ тебѣ по нашему дѣлу... Крестьянское присутствіе опять, вишь ты, затянуло насъ,—заговорили тотъ же мужикъ.

— Я сказалъ—ступайте къ майору.

— Да, вѣдь, что жъ майоръ? Майоръ у насъ—душа-человѣкъ! Только въ заправскомъ дѣлѣ выправки у него пѣту...

— Поспособствуйте!—заговорили мужики.—Мы бы по гробъ жизни...

— Я ужъ вамъ способствовалъ—чего еще? Полгода изъ кожи лѣзь, а что сдѣлать?

— Такъ, такъ... Это что говорить! Продолжительное дѣло... Да, можетъ, теперь оно ходѣй поидеть...

— Ну, и ступайте къ майору. А я не хочу, потому что все одно оно, что у майора, что у меня поидеть...

— Обстоятельнѣе бы съ тобой.

Петръ Петровичъ нагнувъ шляпу и зашагалъ отъ мужиковъ. Мы шли нѣкоторое время молча.

— Вы знаете этого майора?—спросилъ онъ.

— Мало.

— Мы его встрѣтимъ у жены. Потѣшный человѣкъ: старъ, дѣтски наивенъ, храбрится, какъ отставной солдатъ на костыляхъ. Онъ теперь гласнымъ въ земствѣ отъ крестьянъ, распинается тамъ, шумитъ, заводитъ исторіи, однимъ словомъ—подвизничаеъ. Нажилъ себѣ враговъ, а больше, впрочемъ, насмѣшниковъ. Крестьяне въ немъ души не чаютъ, а, помоему, все это выдѣннаго лѣнца не стоитъ, потому что—романтизмъ.

— Однако, значитъ, онъ полезень всѣмъ крестьянамъ.

— Навѣрно, но настолько, насколько полезень былъ бы и простой волостной писарь. Потому что, вѣдь, у насъ все „на законномъ основаніи“, а „законное основаніе“ одинаково и для меня, и для майора, и для писаря.

— Потому-то вы имъ и отказали въ содѣйствіи?

— Потому и отказалъ... Воображать, что могу сдѣлать что-нибудь помимо „законнаго основанія“, какъ воображаетъ майоръ, не могу, а потому отказалъ.

Мы прошли село, за которымъ недалеко показалась усадьба Морозовыхъ. Отъ деревни видъ на нее былъ прелестный. Она стояла на косогорѣ, отлого спускавшемся къ рѣкѣ, поросшей по берегамъ зеленымъ тростникомъ. Всѣ зданія скрыты были въ зелени садовъ и рощи, разросшейся по косогору, и только кое-гдѣ мелькали сквозь деревья красныя и бѣлыя крыши, съ бѣлыми, блестящими на солнцѣ трубами.

— Эдакая благодать у васъ въ усадьбѣ!—показалъ я Петру Петровичу, останавливаясь на поворотѣ дороги, чтобы полюбоваться этой, дѣйствительно рѣдкой, картиной.

— Да, хорошо!—прошептала онъ какъ-то лѣнливо:—я радъ за жену. Радъ, что, устроивъ это имѣніе, я хоть чѣмъ-нибудь могъ отблагодарить ее за кочеваніе со мной. А самому мнѣ хотѣлось бы вонъ отсюда.

— Опять кочевать?

— Опять.

Петръ Петровичъ улыбнулся.

— Вамъ это кажется смѣшнымъ? Да, оно смѣшно выходитъ, дѣйствительно, — проговорилъ онъ задумчиво и шмыгнувъ правой рукой къ боковому карману. — „Щупаетъ дипломы“, промелькнуло у меня въ головѣ.

— Удивительное дѣло, — продолжалъ онъ: — не могу равнодушно смотрѣть ни на лѣсъ, ни на рѣку, въ особенности на большую... Такъ и потянетъ руку къ топору, къ веслу. Тяло у меня зудитъ. Кажется, съ тѣми дипломами, какіе у меня имѣются, какимъ бы ученымъ можно быть, примѣрно хоть иѣмцу! А у меня перо валится изъ руки, потому что ей способнѣе и любезнѣе сжаться въ кулакъ. И, вѣдь, не дилетантъ я, а вотъ, подите жъ, больше дня въ кабинетѣ ни въ жизнь не просидѣть!

— Да и не зачѣмъ совсѣмъ закупо-риваться.

— А что же дѣлать? Науку я могъ бы считать единственнымъ дѣломъ, которое не напоминаетъ романтизмъ. Да что жъ вы сдѣлаете, ежели тянетъ! Мой дѣдъ былъ бурлакъ, — понимаете, настоящій бурлакъ, рабочая сила, лошадь, запряженная въ лямку, и, какъ русскій мужикъ, романтикъ по преимуществу...

— А, вѣдь, русскій романтизмъ имѣетъ глубокіе корни въ тысячелѣтней невеселой народной жизни, — замѣтилъ я.

— Это совершенно вѣрно. Этою жизнью

народъ дошелъ до замѣчательныхъ обобщеній. Но всѣ эти обобщенія романтичны и неизмѣримо далеки отъ дѣйствительной жизни. Они далеко опередили его культуру—и вотъ почему ему теперь такъ „не-можется“. Мой дѣдъ любилъ пѣть и рассказывать про поволжскую вольницу, про Ермака, про Сибирь... При этомъ плакалъ. Да и есть о чемъ!... Нашъ теперешній бурлакъ—и Ермакъ! А, вѣдь, дѣти одной рѣки! Какъ же можно было не быть моему дѣдкѣ романтикомъ! Въ своихъ разсказахъ онъ то возилъ меня съ пѣснями по Волгѣ, то тянулъ лямку по ея песчанымъ берегамъ, то уходилъ въ сибирскіе лѣса, на Лену, Иртышъ. Въ трескучіе морозы мы валялись въковыя деревья, звенѣли топоры, жужжали пилы, раздавались выстрѣлы, падалъ пушной звѣрь, трещалъ огромный костеръ. Мы проживали на „новинѣ“ зиму, строили хаты, устраивали рыбныя ловли и, основавъ поселеніе, уходили дальше, туда, въ глубь дебрей. Вѣроятно вѣлѣдствіе этого во мнѣ такъ сильна „колонизаторская“, „піонерская“ жилка. Вотъ почему я и бросаюсь на такія предпріятія, которыя носятъ приблизительно этотъ колонизаторскій характеръ, какъ, напр., мое сельскохозяйственное заведеніе или артель, значенію которыхъ я, впрочемъ, не вѣрю ни на грошъ. Дальше идти нельзя, ибо паткнешься на „законныя основанія“, а удовлетвориться этимъ не въ силахъ! Туда бы вотъ, въ глубь доисторическихъ временъ, гдѣ еще „законныхъ основаній“ не было!

Онъ улыбнулся, снялъ шляпу и провелъ рукой по волосамъ.

— Что-же,—сказалъ я,—въ Сибирь! Она велика...

— Конечно, я бы давно былъ тамъ, еслибы жилъ вмѣстѣ съ дѣдкой, ввремя Ермака... Но, пройдя пекъ цивилизации, хочется взглянуть и на это дѣло пошире, чѣмъ смотрѣлъ поволжскій бурлакъ. А когда сложатся обстоятельства сообразно этому „пошире“? Впрочемъ, для этого не единичныя силы требуются, а общее дѣло,—прервалъ онъ рѣзко свою рѣчь, которая такъ необычно плавно пошла была у него,—общее дѣло-съ!

Мы подошли къ усадьбѣ.

II.

У полсадинка изъ акаціи, окаймлява-
шаго передній дворъ, въ глубинѣ кото-

раго пропадалъ господскій домъ обыкновенной „барской“ архитектуры, съ двумя „парадными“ крыльцами по бокамъ, со множествомъ оконъ, длинный и низкій, съ высокою красною крышею, стояло два экипажа. Одинъ изъ нихъ былъ старинный тарантасъ, съ откинутымъ верхомъ, на рессорахъ, заложенный тройкой черныхъ лошадей, двѣ изъ которыхъ были уже очень стары. Старый, угрюмый, съ огромною сѣдою бородой, кучеръ похаживалъ вокругъ нихъ, изрѣдка медленно и обстоятельно запуская въ носъ понюшки табаку, поправляя сбрую и вытирая лами ветхаго кафтана старческія ноги своихъ господскихъ воспитанницъ, съ побѣлѣвшими губами и просѣдою въ гривахъ. Другой экипажъ представлялъ собой легкую крестьянскую плетушку на тонкихъ жердяхъ, заложенную въ одну лошадь, сытую, молодую, съ широкимъ, глинцевитымъ крупомъ, густой и длинной гривой, въ наборной, широкой и массивной сбруѣ, съ расписною дугой. Къ ней то подбѣгала со двора какая-то юркая, неугомонная чуйка, съ чрезвычайно-хлопотливымъ, сосредоточеннымъ маленькимъ лицомъ, какъ говорятъ, „въ кулачокъ“, съ торчащею на подбородкѣ клиновидною бородой и маленькими, быстро бѣгавшими „мышинными“ глазками, то опять убѣгала внутрь двора, въ „барскую“ приемную.

Вдали полсадинка виднѣлась простая крестьянская телѣга, съ распростертыми по землѣ оглоблями; около нея ходила, помахивая хвостомъ, рабочая крестьянская лошадь, привязанная на всю длину вожжей, и подбирала придорожную траву.

Первый изъ экипажей, съ заматорѣлымъ кучеромъ и посѣдѣвшими лошадьми, принадлежалъ „Дикому барину“, долго съ честью и славою бившемуся за излюбленные „культурныя начала“, пока не удалился „въ пустыню“, какъ наилучшій представитель ихъ, и, обросши бородой, окутавшись въ теплый шлафрокъ, не заперся наединѣ съ самимъ съ собою, съ своею любовницею и единственною старою собакою, въ глухомъ кабинетѣ своей разрушающейся усадьбы. Таковъ этотъ „Дикій баринъ“, какъ прозвали его единогласно и окрестные крестьяне, и помѣщики, и начальство. Мрачный, капризный, первый, ходитъ онъ по своей добровольной темницѣ,

скрипя половицами, глотая, безъ наслажденія и вниманія, старое бургонское изъ послѣднихъ бутылокъ, оставшихся отъ бывшихъ временъ. Онъ приходился крестнымъ отцомъ Лизаветѣ Николаевнѣ (женѣ Петра Петровича) и сегодня въ другой разъ измѣнилъ своему затворничеству—пріѣхалъ навѣстить ее, вѣрный слову, данному при смерти ея отцу: замѣнить ей его и передать его прощенье, благословеніе и наслѣдство. Первое его посѣщеніе относилось къ тому времени, когда только что пріѣхали Морозовы въ свою усадьбу. На этой же тройкѣ, въ томъ же экипажѣ пріѣхалъ онъ тогда, молча поцѣловалъ въ лобъ свою крестницу, молча взялъ у несчаго за нимъ лакея дорогой, обдѣланный въ золото портфель и, вынувъ изъ него документы, относившіеся къ имѣнію его покойнаго друга, отца Морозовой, подалъ ихъ ей, лаконично опредѣливъ ихъ значеніе. Затѣмъ, подавъ ей одну руку, попросилъ другой Петра Петровича посѣдовать за ними, обошелъ съ крестницей усадьбу, съ инвентаремъ въ рукахъ, и потомъ, также молча раскланившись съ Морозовымъ и вновь поцѣловавъ въ лобъ его жену, уѣхалъ къ себѣ, не показываясь вплоть до нынѣшняго визита.

За домомъ, въ глубинѣ сада, изъ-за густо разросшихся деревьевъ, мелькнуло предъ нами бѣлое платье Лизаветы Николаевны. Петръ Петровичъ, не заходя въ домъ, пригласилъ меня пройти прямо въ садъ. Мы обогнули уголъ дома и пошли по узкой боковой липовой аллеѣ, изъ-за которой невдалекѣ видѣлись деревянный и каменный усадебныя службы. Въ концѣ аллеи, гдѣ она подходила къ скотному двору и затѣмъ поворачивала въ сторону, намъ навстрѣчу вышли Дикій баринъ и Лизавета Николаевна, опиравшаяся на его руку. Въ бѣломъ платьѣ, съ сіяющимъ лицомъ, сквозь блѣдную кожу котораго пробивался румянецъ, она съ самодовольно-гордымъ наслажденіемъ о чемъ-то рассказывала Дикому барину, показывая то въ ту, то въ другую сторону рукой. Дикій баринъ, въ длинномъ сюртукѣ, длинный и сутуловатый самъ, съ черными, съ просѣдью, волосами на головѣ и въ длинной сепарелькѣ, въ соломенной шляпѣ и съ толстою палкой въ рукѣ, послушно поворачивался въ ту сторону, куда указывала Лизавета Николаевна, и одинаково сосредоточенно всматривался

во все, что удостоивалось ея похвалы. А она хвалила все, потому что все это было дѣломъ рукъ ея мужа.

Насъ долго они не замѣчали, но когда мы подошли уже довольно близко, Лизавета Николаевна, видимо, смѣшалась и нѣсколько поблѣднѣла, какъ блѣднѣть нервный человѣкъ, опасливый и чуткій при всякой неожиданности. Она тотчасъ оставила руку Дикаго барина и, улыбнувшись, подала руку мужу, который молча раскланялся съ гостемъ.

— Ваша жена,—заговорилъ Дикій баринъ,—мнѣ успѣла уже показать все свое имѣніе и, конечно, не поскупилась на похвалу вамъ. Впрочемъ, похвала вполне заслуженная. Прекрасно, молодой человѣкъ!—прибавилъ онъ и протянулъ ему руку.

Петръ Петровичъ слегка нахмурился и наскоро принялъ протянутую руку. Это маленькое замѣшательство тотчасъ же отразилось на нервной Лизаветѣ Николаевнѣ: она боязливо взглянула въ лицо мужа и, опасаясь, чтобы не вышло чего-нибудь, тотчасъ же предложила идти въ комнаты.

Всѣ мы повернули обратно и двинулись вмѣстѣ по той же аллеѣ по направленію къ дому, выходившему балкономъ въ разбитый предъ нимъ большой цвѣтникъ, съ живою изгородью изъ сирени, жимолости и тополей.

— Къ сожалѣнію, я слышала,—заговорилъ съ Петромъ Петровичемъ Дикій баринъ, надѣвая шляпу и закидывая руки съ палкой за спину,—вы не придаете особаго значенія своимъ прекраснымъ работамъ по устройству родового имѣнія вашей жены... Это справедливо?

— Да, не придаю,—отвѣчалъ Петръ Петровичъ.

— Гм... Обыкновенная исторія! Съ такимъ небрежнымъ отношеніемъ къ дѣлу, русскому человѣку никогда не быть передовымъ. Въ немъ нѣтъ той упорной настойчивости, той культурной напряженности, которая такъ возвысила европейскихъ націй. Русскій человѣкъ — по преимуществу „непомнящій родства“. Онъ не создаетъ себѣ почвы, съ которой бы связали его крѣпко и неразрывно культурныя преданія. Онъ вѣчно будетъ цыганствовать. Въ его знаніяхъ и способностяхъ нѣтъ прочной устойчивости, нѣтъ уваженія къ нимъ. Онъ не сосредоточиваетъ ихъ на одномъ пунктѣ, онъ, какъ расточительный и блудный сынъ,

безилодно разбрасываетъ ихъ, не думая о томъ, попадутъ они на камень или на воспримчивую почву.

— Это справедливо,—замѣтилъ Петръ Петровичъ,—но дѣйствительно ли это такъ плохо, какъ думаютъ,—еще вопросъ.

— Интересно знать,—заговорилъ Дикій баринъ, повернувъ въ сторону отъ насъ лицо и какъ бы не слыхавъ послѣдняго возраженія,—интересно знать, что, при подобныхъ возрѣвляхъ, сдѣлаете вы... т. е. вообще *ваши*... для блага *вашей* родины... *Ваши*, кажется, свысока третировали и англійскаго лорда, и французскаго буржуа... ну, и прекрасно! Событія привели къ тому, что дѣло у насъ именно оказалось такимъ, какъ вамъ было желательно. Гм... Событія разрушили тѣ культурные зачатки, которые вырабатывали наши отцы. Что же вы намѣрены парашать взамѣнъ того стараго?

— Въмѣсто отвѣта, я бы спросилъ: помѣшали ли эти культурныя традиціи спустить „съ веселой торопливостью“ выкупныя свидѣтельства и богатія имѣнія въ руки кулаковъ? Помогли ли онѣ удерживать оранжереи, парки, фруктовые сады, англійскія фермы и т. п. культурныя насажденія?

— Да, вѣдь, и вы совершенно хладнокровно оторветесь отъ той почвы, на которой возрастутъ посѣянные вами плоды?

— Совершенно хладнокровно.

— И пойдете цыганствовать и бездомничать во имя какихъ-то исканій чего-то?

— Да.

— Вотъ оно, царство „непомнящаго родства“!... Вотъ онъ, безконечный Юрьевъ день! — произнесъ Дикій баринъ сквозь зубы, и у него вырвался короткий сухой смѣхъ.

— Ахъ, Боже мой!—воскликнула Лизавета Николаевна, все время смущенно слушающая разговоръ мужа и Дикаго барина.—Да вы оба безжалостно ждете на самихъ себя! Вѣдь вы, папа-крестный, не продали кулакамъ свое имѣніе? А онъ, Петя, могъ ли бы такъ устроить свое хозяйство, если бы не любилъ это дѣло, если бы не нашелъ въ немъ, наконецъ, то, чего такъ долго искалъ! Неужели вы думаете, что это дѣло, начатое съ такой любовью, съ такими знаніями, непрочно? О, это неправда, неправда! Здѣсь положены любовь, знаніе, сво-

бода... И на нихъ-то построятся то новое зданіе, которое получатъ въ наслѣдство наши дѣти!...

Все это она выговорила торопливо, нервно, ускоряя съ каждымъ словомъ шаги и въ волненіи махая свободною рукой. Мы подошли уже къ дому, и на ея горячее возраженіе никто не отвѣчалъ, только Дикій баринъ горько, надменно улыбнулся, да Петръ Петровичъ раза два спутешествовалъ рукой за пазуху сюртука, что было у него признакомъ раздраженія.

III.

Когда мы поднимались по ветхимъ ступенямъ террасы, выходившей въ садъ, до насъ донесся изъ залы оживленный говоръ.

— У тебя уже гости,—сказалъ Дикій баринъ Лизаветѣ Николаевнѣ, приостанавливаясь на первыхъ ступенькахъ:—я не пойду. Я пойду домой.

— Зачѣмъ же такъ скоро? Выпейте хоть стаканъ кофе.

— У меня съ ними нѣтъ ничего общаго. Я не могу... Я раздражаюсь.

— Да и у насъ съ ними нѣтъ ничего общаго...

— Не знаю-съ, не знаю-съ... Можетъ быть...—скороговоркой проговорилъ Дикій баринъ.—Впрочемъ... я у тебя такъ рѣдко бываю... Я останусь на четверть часа... Но это—большая жертва съ моей стороны... Это только для тебя...

Я замѣтилъ, какъ при этомъ коробило добродушнаго Петра Петровича. Онъ выдѣлывалъ какія-то странныя гримасы губами и покачивалъ головой, какъ будто говоря про себя: „эхъ, вѣдь, изломался какъ! А романтикъ! Романтикъ чистый, какъ всѣ мы!“ По его лицу и движеніямъ замѣтно было, что онъ самъ не разъ былъ готовъ радушно пригласить Дикаго барина, но великій разъ отступалъ и вмѣсто приглашенія только что-то бормоталъ беззвучно губами. „Что жъ, коли ломается!“ говорило его добродушно-сердитое лицо. Это было понятно въ Морозовъ. Насколько я его зналъ, онъ былъ чрезвычайно чутокъ ко всякой утрировке, ко великой искусственности; онъ часто замѣчалъ ее въ такихъ тонкихъ формахъ, въ такихъ, повидимому, „душевныхъ“ отношеніяхъ, гдѣ другой глазъ все принималъ за чистую монету, и такъ какъ онъ, по открытости и добродушію

своего характера, никакъ не могъ удержаться, чтобы не дать замѣтить своихъ наблюдений, то и нажилъ себѣ много враговъ; люди, прежде души въ немъ не чаявшіе, сердились на него, начинали дуться и „отъѣзжали“ отъ него. Вслѣдствіе же такого свойства натуры онъ не разъ терилъ популярность во времена своего „молодечества“, какъ называлъ онъ одинъ изъ періодовъ своей дѣятельности, и, вмѣсто того, чтобы быть „передовикомъ“, вопреки всѣмъ ожиданіямъ являлся на второмъ планѣ или даже совсѣмъ ступшевался. Это, впрочемъ, помогло ему избѣжать, помимо его воли, многихъ непріятностей.

Мы вошли въ залъ. Тутъ, дѣйствительно, собралась если не вся „уѣздная палестина“, какъ говорилъ Петръ Петровичъ, то кое-какіе представители ея были налицо. Прежде всего бросились въ глаза два высочайшаго роста, уже немолодыхъ, джентльмена, съ здоровыми мясами, стѣснутыми въ поношенные венгерки. Они постоянно подвергивали плечами, распрямляли члены, какъ будто неустанно производили гимнастическія упражненія. Два Аякса были уже „изрядно заложивши“, какъ было замѣтно по ихъ глазамъ и испытнымъ физиономіямъ. По отрывочной фразѣ, на которой мы ихъ застали, оказывалось, что они стремились въ Сербію кого-то и за что-то „разжечь“... По ихъ пылъ охлаждалъ земскій предсѣдатель, человекъ крѣпкаго сложенія, румяный, съ брюшкомъ и одѣтый очень тщательно, даже слегка подвитой, очевидно, съ претензіей нравиться дамамъ. Это былъ Бурцевъ, извѣстный въ уѣздной палестинѣ подъ кличкой „Никаша“, прежде большой забудыга, а теперь „представитель“. По уѣздной палестинѣ ходила про него и Дикаго барина сплетня. Рассказывали, что Никаша, промотавъ большую часть своего „родового“, лѣтъ пять тому назадъ вернулся въ свои палестины изъ столицы за присканіемъ „средствъ къ жизни“. Онъ сумѣлъ скоро втереться во всѣ дома скучающихъ помѣщиковъ, которымъ правилась „новая, свѣжая струя“, вливавшаяся вмѣстѣ съ его громкимъ хохотомъ, скабрѣзными разказами и замѣчательно беззавѣтной „неунываемостью“ въ тоску и скуку ихъ жизни. Онъ скоро замѣтилъ, что онъ пужень. Въ это же время, учуявъ, что у Дикаго барина осталось еще полногрѣба бургонскаго,

Никаша забрался и къ нему. Дикій баринъ, никого не подпуская къ себѣ, отступилъ предъ Никашей и позволилъ обольстить себя. Онъ глубоко вѣрилъ, что если въ комъ осталась теперь прямота и честность, такъ это въ добродушныхъ Бурцевыхъ, кутилахъ и забіякахъ; во всѣхъ другихъ онъ видѣлъ „подленькіе подходы“, „либеральныя вилы“, вообще „печать времени“. Итакъ, Дикій баринъ допустилъ Никашу къ себѣ. Часто сидѣли они вдвоемъ, по вечерамъ, въ усадьбѣ Дикаго барина и распивали бургонское...

— Прикажете налить? — спрашивалъ Никаша.

— Налей.

— И мнѣ-съ?

— И тебѣ.

Стаканы наливались — и выпивались.

Однимъ такимъ же вечеромъ вдругъ влетаетъ Никаша къ Дикому барину весь сіяющій, весь пропитанный букетомъ какого-то невиннѣйшаго самодовольства.

— Чего ты ликуешь? — спросилъ его Дикій баринъ, сидя, съ поджатыми ногами, на широкомъ оттоманѣ.

— Я нынче счастливъ ваше—ство... Позвольте чокнуться съ вами!...

Дикій баринъ подозрительно поглядѣлъ на него. Онъ не допускалъ все-таки и съ Никашей такихъ фамиллярностей.

— Съ нынѣшняго дня я удостоенъ избраніемъ почтенныхъ представителей... началъ, сіяя, Никаша.

— Ты? — спросилъ Дикій баринъ, и у него дрогнула рука.

— Я-съ...

— Ты? На мое мѣсто? Ты, Никашка Бурцевъ?

— Ваше—ство, — обидѣлся Никаша, — въ моемъ лицѣ вы обижаете благосклонное вниманіе сословія...

— Во-онъ! — крикнулъ, весь поблѣднѣвъ, Дикій баринъ.

Никаша ступшевался, а Дикій баринъ все еще стоялъ въ одной и той же позѣ, безсознательно поводя сверкавшими изъ-подъ сѣдыхъ бровей глазами по двери, изъ-за которой онъ, казалось, все еще ждалъ появленія кого-то. Вошелъ его старій камердинеръ.

— Одѣваться! — приказалъ Дикій баринъ. Старикъ-камердинеръ, въ недоумѣніи, сталъ чистить барекій мундиръ; завожился, кряхтя, на печи сѣдой кучеръ; заскрипѣлъ давно песмазываемый старій тарантасъ, выдвинутый на Божій свѣтъ

изъ кромѣшной тѣмы сарая, и заматорѣвшія въ лѣтахъ клячи лѣниво становились въ упряжь. Дикій баринъ поскакалъ въ губерскій городъ и черезъ день же вернулся, еще болѣе первный, еще болѣе мрачный.

Понятно, что Дикому барину и Пикашѣ не особенно была пріятна настоящая встрѣча.

Вмѣстѣ съ Аяксами, что-то доказывая, горичился старичокъ. Предупрежденный Морозовымъ, я сразу призналъ въ немъ майора. Онъ былъ въ полу-военномъ скруткѣ, съ форменною фуражкой въ рукѣ, которою въ спорѣ махалъ по воздуху. Маленькіе, выпѣвшіе глазки его такъ усердно бѣгали и металы какими-то глазами, какъ будто хотѣли выпрыгнуть, не довольствуясь тѣмъ ограниченнымъ пространствомъ, которое отвела имъ природа подъ густыми сѣдыми бровями; жидкіе, сѣдые волосы торчали вкругъ его маленькой лысины прихотливыми завитками „по-суворовски“; длинныя бѣлые усы, обрамливая небольшой ротъ и чисто выбритый подбородокъ, низко спускались къ груди. Маленькое и легкое тѣлцо майора поддерживалось и носилось съ мѣста на мѣсто словно невидимыми крыльями, такъ какъ тонкія его ножки, обутыя въ мягкіе стариковскіе сапоги безъ каблукѣвъ, дрожали и гнулись. Въ спорѣ онъ старался перекричать всѣхъ, отчего краснѣлъ, задыхался и брызгалъ слюной, которую больше всѣхъ принималъ на-себя бывший тутъ же улыбающійся батюшка, мужчина лѣтъ тридцати пяти, изъ новыхъ, гласный въ земствѣ и членъ педагогическаго совѣта. Онъ все стремился вороваться въ споръ, но, пока вставалъ съ мѣста, пока запахивалъ рясу, пока поправлялъ широкіе рукава и простиралъ руку, говоря: „позвольте заявить возраженіе“, всегда опаздывалъ, ибо о томъ, на что онъ хотѣлъ заявить возраженіе, уже давно не говорилося, и онъ отходилъ съ улыбкой опять къ стулу. Не участвуя въ разговорѣ, съ надменнымъ высокомеріемъ ходилъ вдоль комнаты, закинувъ руку со шляпой за спину, очень молодой человекъ, въ золотыхъ очкахъ и во фракѣ. Я слышалъ про него. Это былъ адвокатъ, — феноменъ въ своемъ родѣ: проникнутый глубочайшимъ уваженіемъ къ родовитости и аристократизму, онъ презиралъ искренно, отъ всего сердца, „мѣщанство“ и бралъ защиту только родовыхъ дво-

рянъ. Наконецъ, за входной дверью, въ углу, сидѣлъ какой-то старикъ, изъ крестьянъ, съ подрѣзанными на лбу сѣдыми волосами, въ синемъ, застегнутомъ паглухо, армякѣ; онъ отъ времени до времени то старался однимъ ухомъ вслушаться въ споръ, то плевалъ тихонько въ уголъ и что-то шепталъ, вѣроятно, молитвы, наклонивъ голову.

Когда мы вошли, споръ прекратился. Начались поздравленія. Пользуясь ими, Дикій баринъ торопливой, но твердой поступью прошелъ въ сосѣдную комнату, не обративъ ни на кого вниманія, даже на адвоката, который выразилъ на лицѣ своемъ глубочайшее почтеніе и ловко отдернулъ стоявшій на дорогѣ стулъ. Когда поздравленія кончились, отъ дальняго окна поднялась стройная женская фигура, съ крупными чертами лица, большою косою, просто собранной въ кольцо на затылкѣ, и въ простомъ ситцевомъ платьѣ. Ей было съ перваго взгляда лѣтъ 25. Она медленно сдѣлала два шага впередъ, когда Лизавета Николаевна съ радужнымъ лицомъ направилась къ ней, и молча пожала ей руку, безъ всякихъ поздравленій; такъ же холодно и молча подала она руку и Морозову, который наскоро отдернулъ свою и, какъ мнѣ показалось, чтобы скрыть замѣшательство, подошелъ тотчасъ же къ батюшкѣ и сталъ приглашать его тихонько „курнуть“ къ нему въ кабинетъ, на что батюшка также шопотомъ и мимикой изъявилъ согласіе. Я тоже счелъ наилучшимъ отправиться вслѣдъ за Морозовымъ и либеральнымъ батюшкой.

IV.

Скоро я остался одинъ въ кабинетѣ Морозова. Я не бывалъ еще у него въ новой „барской обстановкѣ“, какъ называлъ онъ свое настоящее положеніе, въ качествѣ „барынина мужа“, и потому меня интересовала всякая мелочь. Можетъ быть, я думалъ уловить какой-нибудь смыслъ, „идею“. Въ наше время этимъ „мелочамъ обстановки“ было придано такое значеніе, что на нихъ почти невольно обращаешь вниманіе. Прежде всего, мнѣ бросилась въ глаза замѣчательная скромность кабинета Морозова. Простой деревянный, длинный письменный столъ, покрытый черной клеенкой, у окна; два-три деревянныхъ, массив-

ныхъ стула, можетъ быть, своей работы, старый диванъ съ кожаной жесткой подушкой; вдоль стѣны стоялъ верстакъ, подъ нимъ валялись свѣжія опилки и тряпки; немного дальше, сбоку отъ письменнаго стола, у другого окна—токариный станокъ. По стѣнѣ висѣли два ружья съ принадлежностями, револьверъ, рабочая блуза, инструменты и подвѣсныя полки съ книгами, которыхъ много, кромѣ того, лежало на письменномъ столѣ и на старинномъ комодѣ обыкновеннаго мѣщанскаго фасона, съ полуобломанными мѣдными ручками у лициковъ. Книги были въ здоровыхъ, плотныхъ переплетахъ, больше классики по различнымъ „отраслямъ вѣдѣній“, все—томы внушительныхъ размѣровъ, компактной печати и тяжелого, неудобоваримаго для обыкновеннаго смертнаго содержанія. Я вынулъ одну изъ нихъ: оказался томъ механики Вейсбаха. Но рядомъ съ нимъ, къ моему удовольствію, откопалъ томъ Шекспира, изъ-за котораго виднѣлась какая-то маленькая книжка. Я поemorѣлъ—„Книга пѣсень“ Гейне. На заглавномъ листочкѣ женской рукой написано: „Катерины Масловой“... Тутъ же дата: 1 декабр. 69 г. А въ самомъ низу, карандашомъ, два стиха изъ Шиллера:

Въ царство звуковъ изъ могилы,
Въ Вожій свѣтъ изъ тѣмъ густой!..

Я взялъ книгу и, сѣвъ къ окну, сталъ ее переписывать. Во многихъ мѣстахъ были сдѣланы замѣтки карандашомъ и вписаны уже мужескою рукой кое какіе стихи; попадались вопросительные знаки. Подъ однимъ изъ стихотвореній, именно подъ второй главой „Горной Идилліи“, было написано рукой, кажется, Морозова: „Обращаю вниманіе своей дорогой воспитанницы... Прошу выкинуть“. Но я замѣтилъ, кромѣ того, еще одну странность: замѣтно было, что книжка эта хранилась тщательно и съ любовью, и всѣ отмѣтки и стихи, написанные карандашомъ женской рукой, были покрыты гуммиарабикомъ. „Словно министерскія помятки!“ подумалъ я, улыбувшись.

Пока я вертѣлъ предъ глазами эту книгу, до меня долетали изъ сосѣднихъ комнатъ въ полутворенную дверь обрывки разговоровъ. Рѣчь, кажется, шла „о событіяхъ днѣ“, которыми было возстаніе славянъ. Два Аякса, вѣроятно, выпивъ еще, выразили еще большее желаніе устремиться въ Сербію, чтобы кому-то

что-то „доказать“. Никаша теперь уже не усмирять ихъ пылъ, а, напротивъ того, поощрять, тѣмъ болѣе, что и батюшка благословлялъ. Вообще, замѣтно было, что Никаша взялъ въ „высокую поту“ и уже вошелъ въ какую-то роль, которая, по его словамъ, заключалась, кажется, „съ одной стороны, въ искорененіи вредныхъ элементовъ, съ другой стороны, въ поощреніи глубокихъ началъ“; въ чемъ состояли послѣднія, навѣрное сказать было нельзя, но можно предположить, что дѣло касалось Аяксовъ. Всю эту „высокую поту“ онъ пускалъ, очевидно, въ виду присутствія Дикаго барина, потому что не разъ повторялъ фразу: „Мы не съ вѣтру-съ... Мы сознательно идемъ къ одной цѣли... Мы ясно опредѣлили для себя тотъ путь... Мы, какъ представители, обязаны уловить ту нить... Мы должны прозрѣвать въ средѣ направленіе общественныхъ симпатій...“ и т. п. Но батюшка съ нимъ не могъ согласиться, и, когда Никаша предложилъ проектъ паннихиды „по убійнымъ славянамъ“, онъ заявилъ, что-де „не будетъ ли это раненко и, такъ сказать, предвосхищеніемъ событій... У насъ г. благочинный очень строгъ въ политикѣ и руководствуется наиболѣе официальными указаніями...“ Никаша настаивалъ, но, несмотря на то, что онъ даже жертвовалъ на это своихъ три цѣлковыхъ, батюшка колебался и только тогда рѣшился, когда Никаша крикнулъ: „Я отвѣчаю!“

— Мы вотъ-съ какъ это сдѣлаемъ,—заявилъ батюшка:—чтобы господину благочинному (батюшка, какъ „новый“, звалъ заочно своего благочиннаго „господиномъ“, а не „отецъ благочинный“), чтобы господину благочинному не подать какихъ-либо поводовъ, я-съ отелужу послѣ обѣдни паннихиду вообще, о всѣхъ христолобивыхъ воннахъ, павшихъ на полѣ брани... Тутъ ужъ всѣ войдутъ—и севастопольцы, и 12-й годъ... Тенденціи-то никакой и не будетъ!

Всѣ согласились на это, даже майоръ примкнулъ.

— А вотъ мы теперь не выпьемъ ли за успѣхъ?—предложилъ одинъ изъ Аяксовъ.

— Вотъ это прекрасно!—поддержалъ Никаша;—я, кстати, и книжку предложу-съ, пользуясь случаемъ...

— Какую книжку?

— А вотъ видите... отъ комитета!

— Что-жъ, это хорошо!—сказалъ батюшка,—вы съ меня за панихиду-то и зачтите. Я готовъ пожертвовать!

— Нѣтъ-съ, позвольте... Сначала, какъ и подобаетъ, иниціатива должна принадлежать его—ству...

Всѣ отправились въ гостиную, гдѣ Дикій баринъ съ Морозовымъ пилъ чай.

— Ваше—ство! — началъ Никаша,—вамъ, какъ и всѣмъ здѣсь присутствующимъ, небезызвѣстно, конечно, какія ужасныя событія совершаются въ судьбѣ единопле...

Я нарочно подошелъ къ двери, чтобы послушать рѣчь Никаши, какъ вдругъ онъ оборвалъ ее на полсловѣ.

— Извини, Лизочка, прощай! Я не могу больше... Въ другой разъ!—заторопился Дикій баринъ:—Навѣстите меня какъ-нибудь... Буду радъ... А теперь не могу... Гдѣ моя шляпа? палка?

Но Никаша смутился только на минуту, и, въ то время, какъ Дикій баринъ поспѣшно уходилъ, сопровождаемый Морозовымъ, онъ продолжалъ рѣчь къ оставшимся. Конечъ рѣчи вызвалъ сильный протестъ со стороны майора. Майоръ закипятился: дѣло, кажется, состоялось въ томъ, что Никаша заявилъ о своемъ намѣреніи собрать съ крестьянъ пожертвованія, съ одной стороны, черезъ станovýchъ, „съ разъясненіемъ сущности дѣла“, и, съ другой стороны, путемъ земства.

Майоръ возсталъ противъ этого, подерживаемый упорнымъ несогласіемъ на этотъ проектъ со стороны сѣдого старика.

— Такъ, такъ, миленькій!—поощрялъ его майоръ, ликуя и сияя всей своей маленькой персоной,—вѣрно! Держи выстойку... Мы, молъ, и сами сумѣемъ... За нами дѣло не станетъ; захотимъ—головы положимъ!

— А что у васъ много въ земствѣ выжившихъ изъ ума стариковъ?—спросилъ сдержаннымъ голосомъ адвокатъ „отъ дворянъ“ Никашу.

— Юноша!—загремѣлъ майоръ, нахмуривъ брови, и засѣменилъ пощками (очевидно, онъ поторопился принять замѣчаніе на свой счетъ),—не смѣйши обижать стараго майора!... Не опасайся! онъ не тебя удостоитъ своимъ уваженіемъ... Впикни: въ 1835 году...

Но тутъ майоръ заговорилъ такъ быстро, что до меня долетали только одни отрывки какой-то странной хронологіи въ

такомъ родѣ: „въ 1835 году... состоялъ и бывъ препровожденъ курьерно... въ 1848 году... состоялъ и бывъ... откомандированъ въ Орскъ... Въ 1854 году... испросивъ всемілостивѣйшаго соизволенія пролить за отечество... Всемилостивѣйше соизволено... пролилъ... За дѣло на Малаховомъ курганѣ состоятъ... и бывъ... выслужилъ и получилъ... Въ 1861 году, въ незабвенный день 19-го февраля... поселился среди крестьянъ... и шпѣ, Божію милостію, пребываю...

— Ха ха ха!... Полно, старина, полно!—покровительственно посмѣиваясь, заговорилъ Никаша.—Да кто же васъ не знаетъ! Ахъ, хорохора!... Ха ха ха!..

И Никаша нѣжно тикалъ его пальцемъ въ животъ. Батюшка посмѣивался, а адвокатъ нѣсколько струсилъ и конфузливо отошелъ къ окну... Я взглянулъ на Морозова: онъ ходилъ по комнатѣ, потрепывая бороду, и опять по лицу его носилась мысль: „Экъ, вѣдь, ломается! И къ чему ломается!... А романтикъ! Чистый романтикъ!..“

— Такъ, такъ, миленькій!...—опять поощрялъ майоръ сѣдого старика, равнодушно и лѣнливо внимавшаго „барскому разговору“, какъ слушаетъ пустыя рѣчи больной или уже отрѣшившійся отъ міра человѣкъ, которому давно все это надобно,—такъ, такъ!.. Крѣпитесь, дружище стойте... Хвалю!..

— Чтò насъ хвалить? Стары ужъ мы хвалить-то насъ!—лѣнливо и сердито, отворачиваясь къ окну, проговорилъ сѣдой старикъ:—Дурно ли, хорошо ли—наше при насъ и останется. Насъ ужъ Богъ разберетъ!...

— Да, да!—заволиновался майоръ:—все еще у меня это старое... Поощрить, похвалить... Экъ въ насъ засѣло!... Ха ха!... И Орскъ не вытрезвилъ... А? Петръ Петровичъ! Орскъ—и тотъ не вытрезвилъ... А?

— И Орскъ—романтизмъ,—буркнулъ Петръ Петровичъ, залѣзая рукой за назуху и въ нервномъ раздраженіи двинувъ ногой стоявшее не на своемъ мѣстѣ кресло.

— И Орскъ?—переспросилъ майоръ внезапно надтреснувшимъ и даже дрогнувшимъ голосомъ.

— Ха-ха-ха!... — захохоталъ опять Никаша.—Ахъ, хорохора!... Ахъ, старина, старина!... А онъ думалъ и ни въѣтъ что!...

— И Орскъ?—проговорилъ уже еще

тише майоръ, какъ бы для самого себя. — Ну, это... это, кажется... слишкомъ ужъ дѣйствительность...

Онъ весь покраснѣлъ, какъ униженный школьникъ, смѣшался, смутился и закашлялся...

— Ха-ха-ха! Ахъ, хорохора! — поощрительно захохоталъ было опять Никаша и выразилъ даже намѣреніе радушно облить старика, а батюшка уже поправилъ рукава рыски, приготовляясь „сдѣлать и съ своей стороны заявленіе“, какъ изъ сосѣдней комнаты показавшаяся та серьезная дѣвушка, которую замѣтилъ я раньше... Неся въ рукахъ фуражку и толстую суковатую палку майора, она быстро, но твердой поступью подошла къ нему и взяла его подъ руку.

— Папа, уйдемъ отсюда... — раздался чистый и ясный до рѣзкости голосъ, нѣсколько дрогнувшій на послѣднемъ словѣ. А черезъ секунду въ глазахъ ея блеснулъ огонекъ и кровь залила обѣ щеки, когда ея взглядъ примѣтилъ первую дрожь на лицѣ Морозовыхъ.

— Домой? Да?.. пожалуй! Я, вѣдь, ничего... такъ... закашлялся! Это пройдетъ, — торопливо заговорилъ еще болѣе смущенный майоръ. — Прошу извинить, — обратился онъ, расшаркиваясь по военному, къ присутствовавшимъ: — вотъ она... домой хочеть!

И онъ вышелъ „пѣтушкомъ“ вслѣдъ за дочерью.

Гости, съ усмѣшкой, переглянувшись; Лизавета Николаевна, чтобы скрыть смущеніе, занялась съ прислугой, а Никаша подлетѣлъ къ старавшемуся съ первой торопливостью свернуть папиросу Петру Петровичу и, подернувъ плечомъ по направленію къ двери, куда вышелъ майоръ съ дочерью, сказалъ полшопотомъ и полутайно: — „Вредные элементы-съ!“

— А его—ство тоже „вредный элементъ-съ“? — силясь улыбнуться, спросилъ его Петръ Петровичъ.

— Ида?! — вскрикнулъ нѣпо Никаша, не зная, засмѣяться ли ему на этотъ вопросъ или обидѣться.

— Это—значительно любопытный вопросъ! — вывелъ его изъ затрудненія батюшка.

— Ха-ха-ха! Да, это—интересный вопросъ!

— А вотъ тутъ еще г. докторъ, Башкировъ, проживаетъ, — сообщилъ батюшка, — тоже элементъ-съ! Умный онъ человекъ, надо полагать, но не люблю я его.

Не своимъ дѣломъ занимается. Мораль христіанскую изволить проповѣдывать. Хорошее, конечно, это дѣло, но всякому довлѣетъ свое...

— А не выпьемъ ли мы еще, господа? — предложилъ Морозовъ.

Это предложеніе было очень кетати. Всѣ выпили, но уже бесѣда не кленлась. Видя, что хозяева „не въ своей тарелкѣ“, по замѣчанію батюшки, которое онъ сдѣлалъ мнѣ шопотомъ, войдя съ бутербродомъ въ рукахъ въ кабинетъ, гости стали прощаться, тѣмъ болѣе, что на обѣдъ разсчитывать было нельзя, такъ какъ Елизавета Николаевна, по общему мнѣнію, была „либералка“, и старыми обычаями пренебрегала.

Остался одинъ съдой старикъ, все также мирно сидѣвшій въ углу за дверью и безучастно внимавшій совершавшемуся передъ нимъ. Наконецъ, онъ вздохнулъ, собралъ тщательно съ колѣнъ крошки бѣлаго хлѣба, съ которымъ пилъ чай, стряхнулъ полы и поднялся. Вытянувшись во весь ростъ, онъ былъ очень красивъ: во всей его фигурѣ чувствовалось какое-то настойчивое самосознаніе, съ примѣсью смиренія, какъ это бываетъ у монаховъ; его умные и зоркіе глаза свѣтились такой глубиной, что, казалось, они глядѣли постоянно куда-то вдаль, поверхъ всего, что было вблизи.

— Благодарствую, матушка Лизавета Николаевна, — сказалъ онъ, — за чай-сахаръ, вашей милости...

— Ты-то чего же торопишься, Филиппъ Ивановичъ? — спросили Морозовы.

— Я ужъ въ другой разъ прѣйду пособесѣдовать съ тобой Петръ Петровичъ... Неколи теперь, недосугъ. Я вотъ барыньку-то, по-старинному, поздравить завернулъ...

— Ну, что же, какъ у васъ въ земствѣ, Филиппъ Ивановичъ? — спросилъ Морозовъ.

— Ты самъ, Петръ Петровичъ, знаешь, что тамъ... А наше дѣло одно: какъ бы грѣха не надѣлать. Въ этомъ всю и мысль полагаешь. Много было грѣховъ-то, такъ на старости только одно смотришь, чтобъ еще на душу не принять. Вотъ и все наше дѣло въ самомъ этомъ земствѣ.

Я улыбнулся, — что старикъ, казалось, замѣтилъ.

— Охъ, грѣхи, грѣхи! Дѣло, кажись, немудреное, а куды не легко! Ежели бы его-то исполнять по-настоящему, такъ и то бы въ самый разъ было! — проговорилъ

онъ, смотря куда-то вдаль, поверхъ моей головы. — Прощенья просимъ! — прибавилъ онъ, мотнувъ головой и протягивая Морозову старую, мѣдно-коричневую руку.

— А то остался бы пообѣдать, Филиппъ Ивановичъ,—приглашали Морозовы.

— Нѣтутка... Неколи!—отвѣтилъ онъ, махнулъ шляпой и вышелъ.

— Кто это?—спросилъ я Петра Петровича по уходѣ старика.

— Умный мужикъ и въ то же время не подлень и не романтикъ. Знаетъ, чего не нужно дѣлать, чтобы не подличать, и что возможно дѣлать при данныхъ условіяхъ, чтобы не тратить даромъ пороха...

— То есть то, что выражается въ одномъ словѣ: „не грѣшить“?

— То, что выражается въ словѣ: „не грѣшить“. Бываютъ такія условія дѣятельности, при которыхъ сохраненіе и защита даже отрицательныхъ добродѣтелей составляетъ подвигъ... Наши крестьяне-присяжные и лучшіе гласные изъ крестьянъ—живые примѣры этого.

Мы замолчали.

— Ну вотъ и опять мы одни!—сказала со вздохомъ Елизавета Николаевна, садясь предъ неубраннѣмъ еще чайнымъ приборомъ и откидываясь съ безпомощно сложенными на колѣняхъ руками къ спинкѣ дивана. На ея лицѣ свѣтилась не то улыбка проницательнаго сожалѣнія о чемъ-то, не то выраженіе какого-то затаеннаго предчувствія, возможности возврата чего-то стараго, тяжелаго, пережитаго. Я узналъ это выраженіе: оно было хорошо знакомо мнѣ. Встрѣтивъ Елизавету Николаевну въ саду, цвѣтущую, довольную, очевидно наслаждающуюся, наконецъ, устроившеюся по ея вкусу жизнью, я уже думалъ, что этому выраженію не суждено больше налагать на ея лицо печать преждевременной дряхлости, пассивной покорности судьбѣ и вѣчно неопредѣленнаго томленія. И вотъ опять—оно. Опять я вижу предъ собою прежнюю Елизавету Николаевну, какъ десять лѣтъ назадъ, сидящую также за неубраннѣмъ чайнымъ приборомъ, на студентской угарной и сырой квартиркѣ, въ Петербургѣ, въ Семеновскомъ полку. Она сидитъ съ озябшими ногами въ теплыхъ калошахъ, на старомъ, съ перелопавшейся подушкой, диванѣ, съ книгой въ посинѣвшихъ, маленькихъ, аристократическихъ, почти прозрачныхъ рукахъ. Она смотритъ въ книгу, но ея мысль, очевидно, витаетъ гдѣ-то далеко,

и на ея лицѣ лежитъ томительное и какъ бы вошедшее въ привычку страданіе.

Дочь богатаго помѣщика, она, какъ дитя того періода, когда русская женщина жила „накаунтъ“ чего-то, увлеклась молодымъ Морозовымъ, жившимъ въ качествѣ управляющаго у сосѣдняго помѣщика. Она страстно, беззавѣтно отрѣшилась отъ всего и во имя любви къ нему, и во имя какой-то неопредѣленной идеи „новой жизни“; бросивъ отца, богатыхъ жениховъ, роскошь окружавшей ея обстановки, она ушла за Морозовымъ. „Грубая дѣйствительность“, конечно, не заставила себя долго ждать и начала безжалостно обрывать и мять „цвѣты романтизма“. Елизавета Николаевна волей-неволей вступила съ нею въ борьбу. Она выставила противъ нея все душевныя силы, какія были въ ней; а въ ней было сердце глубоколюбящее, самоотверженно преданное. Но и только. Борьба была тяжела и едва выносима. Морозовыхъ безпощадно жала нужда. Эта нужда была ничто для Петра Петровича; онъ „купался въ ней, какъ сыръ въ маслѣ“, по его собственному признанію; но она была тяжела для Елизаветы Николаевны. И это видѣлъ и чувствовалъ Морозовъ; видѣлъ до жуткой ясности, что онъ ничего не можетъ выставить противъ этой нужды. Онъ нѣсколько разъ хотѣлъ бросить свои скитанія по „научнымъ капищамъ“ и „пристроиться“, но могла ли эта жертва удовлетворить Елизавету Николаевну? Развѣ ей нужна была эта жертва? Мало этого: она угадывала чутьемъ, что она стѣсняетъ дѣятельность мужа. Были случаи, когда онъ отказывался отъ участія въ нѣкоторыхъ рискованныхъ предпріятіяхъ. Она даже слыхала, какъ прямо сболтывали объ ея мужѣ, что онъ пропавшій человѣкъ для дѣла, что онъ измѣнилъ своимъ принципамъ, сойдясь съ враждебнымъ, въ самомъ себѣ носящемъ разложеніе и расслабленіе, элементомъ, т. е. съ нею. Она металась въ этой ужасной дилеммѣ, поставленной ей жизнью. Но ни слова ропота, ни звука жалобы или отчаянія не вырвалось изъ ея души. Иногда самъ Морозовъ думалъ о ней такъ же, т. е. какъ о веригахъ, но это были мысли мимолетныя, скверныя мысли: онъ глубоко расканивался въ нихъ. Онъ цѣловалъ ея руки, просилъ у нея прощенія за эти мысли; онъ чувствовалъ искренно, что не можетъ ни подъ какимъ видомъ не преклониться предъ этимъ „золотымъ сердцемъ“, не уважить то са-

мопожертвованіе, съ которымъ піонеры того времени выносили на своихъ плечахъ „новую идею“, не цѣнить эту чистую, беззавѣтную преданность...

— Вы не повѣрите, какъ тяжело быть всегда *однимъ*, — продолжала Лизавета Николаевна, обращаясь ко мнѣ, — не имѣть кружка, солидарнаго по убѣжденіямъ и симпатіямъ! Вѣчно сидѣть между двумя стульями и, оторвавшись отъ однихъ, не пристать къ другимъ!... Вы видѣли: мы для всѣхъ чужіе, какой бы слой общества ни взяли мы...

— Это, Лизочка, — „историческая необходимость“, говоря ученымъ языкомъ, — замѣтилъ Петръ Петровичъ, наливая самъ себѣ стаканъ. — Бываютъ времена, когда „непомнящіе родства“ цыгане составляютъ „историческую необходимость“...

— Но, вѣдь, и цыгане могли бы быть солидарны между собой? Они-то гдѣ же? Ну, дайте ихъ. Мы протянемъ имъ руку, мы дадимъ имъ свою любовь, свое сердце, всѣхъ себя.

— А солидарность между цыганами и „непомнящими родства“ составитъ второй періодъ „исторической необходимости“. А когда онъ настанетъ, не знаю; значитъ, еще время не пришло. Но ужъ, вѣроятно, не мы въ немъ будемъ фигурировать...

— А кто же?

— Кто помоложе...

— И они съ нами все-таки не сойдутся?

— Нѣтъ.

— И мы состаримся, исполнивъ какую-то странную миссію „цыганства“?

— И состаримся.

— Вы знаете Катерину Егоровну... майорскую дочь? — спросила меня вдругъ Лизавета Николаевна.

— Нѣтъ, почти не знаю.

— Странная дѣвушка! Я ее не понимаю. Ея манеры мени раздражаютъ... раздражали всегда... Она, вѣдь, воспитанница Пети. Она пріѣхала въ Петербургъ и тогда познакомилась съ нами. Мы знали ее сперва подъ фамиліей Усташевой, потомъ вдругъ она перемѣнила фамилію и стала звать себя Масловой... Катериной Масловой...

Я вспомнилъ тотчасъ же книжку Гейне.

— Я ее не понимаю, — повторила опять задумчиво Лизавета Николаевна.

— И не понять намъ. Или, по крайней мѣрѣ, трудно... — замѣтилъ Петръ Петровичъ. — Вотъ тебѣ примѣръ.

— Но неужели, Петя, мы, вчерашніе „новые люди“ (Лизавета Николаевна улыбнулась), такъ уже быстро успѣли собраться? Зачѣмъ эта сегодняшняя выходка Кати? Отчего къ намъ не ходитъ этотъ... Башкировъ?..

Петръ Петровичъ пожалъ плечами и задумчиво сталъ курить сигару. Задумалась и Лизавета Николаевна.

Я подалъ имъ руку; они молча пожали мнѣ ее, и я ушелъ.

ГЛАВА II.

Башкировъ.

I.

Я безучастно глядѣлъ на разстилавшійся предо мною тихій, мягкій пейзажъ, каковъ онъ бываетъ въ нашихъ скудныхъ палестинахъ предъ закатомъ солнца. Его грубыя во всякое другое время линіи приняли то освѣщеніе, при которомъ солнце какъ будто ласкаетъ своими послѣдними лучами убогія равнины нашей родины, какъ будто этии нѣжнымъ, мягкимъ блескомъ силится скрыть грубоватый колоритъ скудной природы и ея обитателей, недавно еще такъ рельефно бросавшійся въ глаза подъ изнуряющими, пальцами его лучами. Я стоялъ на косягѣ; отъ меня, внизъ, въ широкую и глубокую лошину сбѣгало море ржи, залитой золотомъ косыхъ лучей, по которой мелкою волной ходили едва замѣтныя полосы тѣней. Оно казалось мнѣ безконечнымъ водопадомъ, беззвучно катившимъ отъ моихъ ногъ куда-то далеко, въ безпредѣльную область, волны, несущія на себѣ довольство и полноту жизни. Дальше, по зеленой поймѣ, стеклянной лентой блестѣла рѣка; за нею, въ глубинѣ, тянулась полоса лѣсовъ, какъ дикая гряда облаковъ на горизонтѣ, а тамъ еще дальше гдѣ-то некрилась, переливалась и горѣла на солнцѣ, до боли въ глазахъ, глава одинокой колокольни. Съ рѣки несся едва слышимый шумъ колеблемой вѣтромъ осоки, сторожившей берега этой маленькой, но глубокой рѣчки; откуда-то долетало журчанье мелкой волны, бившейся о камни, запрудившіе родники; съ отавы слышались смѣшанные звуки звенящихъ бубенцовъ и колокольчиковъ отъ наснейся скотины... Всѣ эти звуки лились мягко и плавно и погибали въ безпредѣльномъ морѣ чистаго, теплаго воздуха. И

вдругъ, въ смѣшанный хоръ разнообразныхъ звуковъ, несшихся и со стороны рѣки, и съ поля, и отъ лѣса, влился еще особенный, пѣжный и лепечущій звукъ.

Я остановился и сталъ прислушиваться.

— А мнѣ нынче сонъ приснился, — тихо говорилъ чей-то свѣжій, ясный голосъ, въ которомъ звучали рѣзкія, твердыя ноты, — такой чудесный сонъ!..

— Какой? Ангель, что ли? — спросилъ другой, тоненькій, слабый, очевидно, еще дѣтскій, голосокъ. — Мнѣ вотъ ангель приснился, весь бѣлый, вошелъ онъ къ намъ въ окошко и сталъ у меня въ изголовьи. Такъ мнѣ свѣтомъ и рѣзнуло въ глаза, даромъ, что я закрывши глаза спала... Проснулась, а мнѣ въ лицо прямо изъ окна мѣсяцъ таково свѣтитъ!..

— Вишь тебѣ какой сонъ приснился! Это хорошій сонъ...

— А мнѣ вотъ такіе сны не снятся, — замѣтилъ еще чей-то тоже слабенькій голосъ: — мнѣ страшные все... Все лѣшіе да домовые, а то вѣдьмы. Меня все пугаютъ ими дома... Нѣтъ, мнѣ такое хорошее не снится...

— А ты помолись, — посовѣтывалъ первый голосокъ.

— Я молюсь... Да это ужъ не отъ того. А тебѣ какой приснился?.. Хорошій тоже?

— Мнѣ хорошій, только простой, — отвѣтилъ голосъ постарше; — мнѣ приснилось, будто маленькая я, совѣмъ маленькая, и будто я въ полѣ съ своей мамой... Мамѣ пужно было рождать... Она взяла меня, подняла на рукахъ, проговорила молитву и опустила вотъ на эту, на рождѣ... Потомъ перекрестила, поцѣловала и ушла жать. А мнѣ такъ сдѣлалось хорошо, лучше, чѣмъ въ люлькѣ... Рожь эта качается такъ тихо, и мягко такъ на ней. Вверху синее-синее небо, какъ теперь; лѣтъ-нѣтъ облачко пробѣжитъ, бѣлое, какъ сахаръ, бѣжитъ-бѣжитъ и вдругъ остановится и ратаетъ...

— Ну?

— Я глядѣла-глядѣла, качалась-качалась, меня рожь и убаюкала... я и заснула.

— И только? — спросилъ четвертый голосокъ, хриплый какой-то, болѣзненный.

— И только... Чего же больше? Больше и не нужно. Я и во снѣ видѣла то, что наяву люблю. Я люблю вонъ съ того косогора смотрѣть на эту рождѣ... Сяду и смотрю, какъ она колышется, а въ это время мысли такъ и бѣгутъ въ головѣ...

— А о чемъ ты думаешь?

— Да многое думается, о всякомъ... Думается и то, что лучше: умирать ли, чѣмъ жить, или итти дальше куда-нибудь и искать, все искать...

— Мнѣ вотъ, ровно въ слово, такое же привидѣлось, — сказалъ больной голосокъ. — Будто я въ эту рождѣ словно въ рѣку бросилась — и поплыла. Только такъ мнѣ страшно стало, будто тону я... Хочу вскрикнуть, а тутъ вдругъ турка выхватить меня за ноги и держитъ надъ рождѣю... Я закричала и проснулась. И страшно мнѣ, страсти какъ боюсь взглянуть на стѣну. А на стѣнѣ у насъ картинка съ этой туркой есть, и подпись подъ ней: „Турки валяются какъ чурки“.

Раздался чей-то тихій смѣхъ.

— А ты пойдешь ихъ лѣчить?

— Кого?

— А вотъ этихъ самыхъ, что теперь турки мучатъ.

— Да ты откуда знаешь это?

— У насъ на селѣ учитель читалъ. Всей деревней мы слышали. Пойдешь? — настойчиво спрашивалъ тотъ же голосокъ...

— Нѣтъ, не зачѣмъ мнѣ. Кабы я лѣчить умѣла!

— А какъ же ты у насъ, третье лѣто, по избамъ въ холеру съ Кузминичной вездѣ ходила съ ящикомъ? Нѣтъ, ты ступай туда. Тебѣ и доѣхать можно: у васъ лошади хорошія...

Я обернулася, и вдругъ, черезъ двѣ полосы отъ меня, поднялась изоржи стройная фигура майорской дочери, а за ней повыскакали изъ глубины колодцевъ и васильковъ бѣлые и темнорусые головки деревенскихъ дѣвчатокъ; кое-гдѣ въ эти растрепанные головки всунуто было по цвѣтку, на загорѣлыхъ тѣльцахъ висѣли грязныя рубашенки, прикрытыя короткими сарафанами изъ синюхи.

Они побѣжали вслѣдъ за майорской дочерью, которая стала подниматься на косягоръ. Нѣсколько пріостановившись, она обернулася назадъ и равнодушно оглянула меня; ея стройный станъ, въ бѣломъ ситцевомъ платьѣ, отчетливо обрисовался въ слабѣвшихъ лучахъ заходящаго солнца, лицо носило выраженіе какого-то непонятнаго смущенія, но было до того строго, что невозможно было предположить, что она только что рассказывала сонъ, какъ качали ее хлѣбныя волны. Это была опять та рѣзкая, грубовавшая дѣвушка, манеры которой такъ возмущали первыя Лизаветы Николаевны. Она приставила руку зонтикомъ къ глазамъ,

взглянула по направленію къ лѣсу, къ которому плавно катилось солнце, затѣмъ нагнувшись низко на лобъ уголь ситцеваго платка, которымъ были прикрыты слегка ея волосы, повернулась и скорой походкой пошла съ дѣвочками по дамъ Морозовской усадьбы.

Скоро всѣ онѣ скрылись. Я пошелъ вслѣдъ за ними. Взобравшись снова на косогоръ, я увидѣлъ, какъ вся группа уже спустилась къ лугу, и, разсыпавшись, занялась срываніемъ цвѣтовъ. Дѣвчата постоянно кричали что-то „барышникъ“, подбѣгая къ ней съ новыми цвѣтами; она, казалось, отбирала подходящіе и связывала въ букетъ. Минутъ черезъ десять, вся группа, перейдя лугъ, направилась къ концу села. Я болѣе кратчайшимъ путемъ пошелъ имъ навстрѣчу и увидѣлъ снова, когда онѣ выходили изъ за задворковъ послѣдней избы. Нѣсколько въ сторонѣ отъ села, совершенно скрываясь въ глуши придорожныхъ деревьевъ, стояла дряхлая, полуразвалившаяся изба. По нѣкоторымъ, еще уцѣлѣвшимъ на ней признакамъ, можно было догадываться, что здѣсь былъ прежде кабакъ, такъ называвшійся встарину „притынный“... Группа оригинальныхъ существъ, за которую я такъ пристально слѣдилъ, приблизилась къ этому домику... Старый, посѣдѣвшій пень, съ вылинилой по бокамъ шерстью, бросился было съ хриплымъ лаемъ съ завальни, но тотчасъ завертѣлъ хвостомъ и, тоскливо замурлыкавъ, улегся опять у крыльца. Очевидно, пришедшіе были ему знакомы и онѣ имѣли уже случай неоднократно убѣждаться въ ихъ благонадежности.

Одно изъ маленькихъ лицъ группы быстро забралось на завальню, перевѣсилось внутрь окна, оглядывая внутренность избы, и, наконецъ, крикнуло, обращаясь къ майорской дочери и показывая взятый съ окна стаканъ съ засохшимъ букетомъ:

— Вона—повили! совѣмъ! А самого-то пѣту. И халать на полу валяется.

Майорская дочь подошла къ окну, взяла изъ рукъ дѣвочки стаканъ, выбросила завянувшіе цвѣты, замѣнила ихъ новыми и снова поставила стаканъ на окно. Вся группа повернула было обратно, какъ вдругъ откуда то вышла имъ навстрѣчу низенькая старушка, въ темномъ кубовомъ платьѣ, повязанная шалью.

— Ахъ, милая барышня, опять это вы цвѣточковъ принесли! Все вы моего Ва-

нюшку то утѣшаете!—заговорила старуха, ища торопливо въ юбка своего платья карманъ съ носовымъ платкомъ.—Какъ же мнѣ благодарить то васъ, дорогая моя? Всѣ нами брезгаютъ, всѣ нами... Позвольте хоть ручку у васъ поцѣловать!—перебила свою рѣчь старушка, найдя, наконецъ, платокъ и вытирая себѣ губы...

— Полноте, что вы?—вся вспыхнувъ и пряча руки, сказала майорская дочь:— за такіе пустяки!..

— Нѣтъ, не пустяки это, дорогая барышня. Цвѣты-то эти для моего Ванечки, можетъ быть, золота дороже

И старушка заплакала.

— Что вы плачете? Вашимъ сыномъ вамъ бы не парадоваться! Не всѣмъ такое счастье!

— Счастье!.. Дорогая моя, мнѣ-то счастье, такое счастье, что и не достойна я, кажись... Да ему-то счастье ли? Вѣдь, молодой еще онъ у меня, вѣдь, любить тоже хочетъ. А кто его когда любитъ! Какая ему дѣвушка бросила хоть словечко ласковое! А кто виновата? Вѣдь я все виновата, что его такимъ родила! Я, окаянная, должно быть согрѣшила предъ Господомъ, что онъ, батюшка, попустилъ еще во чревѣ моемъ испортить его образъ ангельскій...

— Ну, что же дѣлать!.. За то онъ умница у васъ. И сердце у него такое, что поискать надо!

— Умникъ онъ, дорогая моя! Да, вѣдь, съ умомъ-то... развѣ умъ нуженъ для любви?

Старушка печально покачала головой.

— Да что онъ у васъ дичится всѣхъ?.. Ну, со мной бы поговорилъ... Если онъ уважаетъ меня, то ему нечего скрывать, нечего думать, что я насмѣюсь надъ нимъ. Вы скажите ему...

Она протянула старушкѣ свою здоровую, сильную, загорѣлую руку и крѣпко пожала сухіе, костлявые ея пальцы.

А въ это время я замѣтилъ, какъ самъ „Ванюшка“, съ ружьемъ, приближался къ дому и, вдругъ, какъ заколдованный, остановился за деревьями и смотрѣлъ на происходившую у его воротъ сцену.

— А вонъ онъ, дохтуръ-то!—крикнули дѣвчата, замѣтивъ его сквозь деревья.

Всѣ обернулись въ ту сторону, но уже никого не было. Въ необыкновенномъ смущеніи и волненіи, „Ванюшка“ бросился къ плетню сада и, разломавъ его, пропалъ среди густыхъ деревьевъ.

80

Майорская дочь весело улыбнулась старушкѣ и, еще пожавъ ея руку, быстро пошла по дорогѣ отъ села къ „своей усадьбѣ“.

II.

„Неужели она полюбила этого „доктора Ванюшку“, это странное существо, которому не улыбнулось привѣтливо ни одно женское лицо?“ подумалъ я. Я зналъ „Ванюшку“ по ходившимъ о немъ страннымъ разсказамъ среди московской молодежи и лѣткарей. Предо мной теперь вдругъ ясно и ярко встала его фигура, маленькая, но крѣпкая и мускулистая, широкая въ плечахъ, приземистая, что называется „башкирская“, на тоненькихъ, но крѣпкихъ и сильныхъ ножкахъ; несоразмѣрно огромная голова, съ сильно развитою затылочною частью, отъ чего она казалась двойной, сидѣла на короткой шеѣ; монгольскій типъ во всемъ давалъ себя знать — и въ маленькихъ глазкахъ, среди широкаго лица, и въ большихъ бровяхъ, сходящихся надъ широкимъ приплюснутымъ носомъ, и въ большихъ скулахъ съ выдавшеюся нижней частью лица, едва прикрываемой жидкими волосами бородин. Его рожденіе совершилось при обстоятельствахъ довольно романтическихъ, какъ бы въ наемъ надъ всей послѣдующей его судьбой. Его мать, страстная восемнадцатилѣтняя дѣвушка, единственная дочь богатаго помѣщика волжской палестины, воспитанная среди уединенія дико-однообразной природы на рыцарскихъ романахъ, которыми зачитывалась до умоизступленія, влюбилась въ одного „удалого молодца“ изъ кочевой вольницы, предводителя шайки башкировъ, рыскавшей въ окрестныхъ мѣстахъ. Ее увлекла страсть и романтическій ужасъ такой любви. Въ глухую ночь, когда ея отецъ игралъ въ вистъ на дворянскихъ выборахъ въ ближайшемъ городишкѣ, она въ тѣсу обнимала дикаго сына степей: здѣсь зачала она Ванюшку. Пролетѣли мѣсяцы, возвратился отецъ, пропавъ изъ виду „удалой молодежи“ съ своею шайкой, и вѣдлая дѣвушка осталась одна съ тайной думой о маленькомъ существѣ, развивавшемся подъ ея сердцемъ. Она съ ужасомъ видѣла, что обыденная жизнь не укладывалась въ романтическія рамки, что за мгновеніе этого романтизма приходилось такъ или иначе платить. Не-

извѣстно, что было-бы съ нею: можетъ быть, она также романтично погибла бы въ одномъ изъ прудовъ своей усадьбы, если бы, наконецъ, рано или поздно, отецъ замѣтилъ ея беременность; но, на ея счастье, въ это время влюбился въ нее уѣзный лѣткаръ, только что вышедшій въ отставку изъ полка, уже не молодой человѣкъ, любившій выпить и поиграть въ картишки. Онъ сдѣлалъ ей предложеніе, а она, недолго думая, приняла его. Черезъ пять мѣсяцевъ послѣ свадьбы родился Ванюшка. Уѣздный лѣткаръ сначала было зашумѣлъ и даже, повоенному, переломилъ о стѣну чубукъ и разбилъ трубку, но тотчасъ же смирился, сообразивъ, что все таки очень пріятно пить съ тестемъ наливки и играть въ пикетъ, имѣя въ виду, что жена — единственная его наследница. Тѣмъ не менѣе, больной, уродливый Ванюшка былъ въ совершенномъ загонѣ; онъ не интересовался имъ, не любилъ говорить о немъ, мать никогда не показывала его мужу, но зато сама отдала сыну всю душу и, какъ часто случается съ романтическими натурами, предалась религіозному созерцанію. Черезъ годъ родился еще сынъ — баловень отца. Отецъ самъ воспитывалъ его, лелѣялъ, баловалъ. Ванюшка никогда не сходилъ съ своимъ братомъ, а если это случалось, то его били. Наконецъ, отецъ съ нетерпѣніемъ сталъ дожидаться, когда ему можно будетъ „убрать“ отъ себя куда нибудь Ванюшку; едва минуло ему семь лѣтъ, какъ онъ тотчасъ же увезъ его въ городъ и отдалъ на поčenje дякона съ тѣмъ, чтобы тотъ пристроилъ его въ бурсу. Отставной лѣткаръ не хотѣлъ отдать его въ гимназію, гдѣ долженъ былъ учиться его собственный сынъ. Восемь лѣтъ Ванюшка былъ „пристроенъ“ въ бурсу, подъ фамиліей Башкирова, которую придумалъ для него уѣздный лѣткаръ. Понятно, чѣмъ стала для маленькаго Башкирова эта ужасная русская школа, для него; забитаго, смирнаго, уродливаго мальчика, лишенаго ласки отца и матери. „Двухъ-этажная банка“ — вотъ прозвище, которое носилъ онъ въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ. Наемѣшки, щипки, туманы, порка сдѣлались неизбѣжными элементами его воспитанія. Но чѣмъ больше они сыпались на него, тѣмъ онъ становился болѣе и болѣе хладнокровнымъ къ нимъ. Они какъ будто теряли для него всякое значеніе. Помогали ли этому его крѣпкая

физическая натура, или сила его характера, но только — ровнодушіе къ врагамъ и какое-то безусловное всепрощеніе постоянно царили въ его душѣ. Очень могло быть, что его забили бы совсѣмъ, если бы его не вывозила громадная, удивительная память, помогавшая ему избѣгать половину тѣхъ пороковъ, которыя переносили его товарищи. Сидя на постели и выдѣлывая какое-нибудь украшеніе для своего единственнаго друга и любимца, дьяконскаго козла, онъ протяжнымъ и лѣнивымъ голосомъ „покорнѣйше просилъ“ зубрившаго урокъ товарища прочитатъ ему вслухъ повѣяніе. Товарищ читалъ, а Ванюшка говорилъ: „будетъ“ и отправлялся къ козлу. А на слѣдующій день отвѣчалъ урокъ буква въ букву. Учителя дивились; имъ даже было досадно, что нельзя было выпоротъ Ванюшку за незнаніе урока. Но зато находили случай пороть его по другому поводу. Онъ былъ сдѣланъ аудиторомъ, — и вотъ въ этой-то должности не могъ устоять отъ искушенія ставить своимъ „слушаникамъ“ самыя похвальные баллы. Приходилъ учитель, вызывалъ ученика — тотъ ни въ зубъ толкнуть. — „Аудиторъ — сюда!“ — Ванюшка вытѣзаетъ изъ-за парты. „Поротъ!“ — Ванюшку порютъ, а на слѣдующій день опять Ванюшка поощряетъ своихъ слушаниковъ отличными отмѣтками. Кончилъ Ванюшка, наконецъ, курсъ удивительный школы, постаравшейся стереть съ его типической фizioноміи почти все, что оставилъ ему въ наслѣдство „дикій смѣлъ степеней“. Въ это время былъ вызовъ въ университетъ. Нѣсколько его одноклассниковъ собирались въ Москву и, подмѣкиваясь, приглашали его прогуляться вмѣстѣ съ ними. Они подмѣкивались, ибо чистосердечно не могли ожидать отъ него такой „приты“ и настолько правдивенной энергіи. Въ особенности, они не могли представить его занимающимся „новыми языками“. Дѣйствительно, по слѣдствію болѣи и самъ Ванюшка. Но какъ-то разъ полюбопытствовалъ онъ посмотреть книжку Марго. Прочиталъ первую страницу лексикона — и выучилъ, прочиталъ вторую, провѣрилъ себя, перевернувъ пополамъ страничку, — знаетъ. Онъ рѣшился, и чрезъ двѣ недѣли весь лексиконъ при этой книжкѣ знаетъ наизусть. Въ Москву онъ отправился въ качествѣ не то товарища, не то лакея при одномъ изъ своихъ однокурсниковъ, сынѣ благочиннаго, который постоянно читалъ

ему наставительнымъ тономъ какія-то разсужденія о примиреніи науки съ религіей. Ванюшка за это чистилъ ему сапоги, бѣгалъ за виномъ, въ лавочку. Такъ прибылъ онъ въ Москву и поступилъ въ студенты. Чѣмъ онъ жилъ, было совершенно неизвѣстно. Таскался по плотничнымъ и малярнымъ артелямъ, писалъ мужикамъ прошенія, ночевалъ у нихъ и никогда никто не слыхалъ отъ него ни одной жалобы, несмотря на то, что онъ очень часто ѣлъ только кусокъ чернаго хлѣба съ квасомъ. Ни у кого онъ и не просилъ ничего. Запуганный, робкій, неловкій, привыкшій преувеличивать свою физическую уродливость, съ которою, какъ ему думалось, нельзя было появиться въ люди, чтобы не произвести смѣха, онъ рѣдко посѣщалъ лекціи (за исключеніемъ анатомическаго театра), еще рѣже бывалъ у товарищей. Но къ экзамену всегда являлся и сдавалъ его хорошо. Громадная память и здѣсь выручала его. Но эта же память пріучила его отчасти къ уместившей лѣни: слишкомъ уже легко ему давалось все. Каждая книга, которую онъ прочитывалъ, цѣлкомъ укладывалась въ его головѣ. Читалъ онъ не мало, и такъ какъ прочитанное не улетучивалось у него, то „двухъэтажная башка“ его представляла собою какой-то чудовищный архивъ, въ которомъ онъ, впрочемъ, не оказывалъ никакого желанія разбираться. Обладающіе огромною памятью обыкновенно бываютъ слабы въ анализѣ и обобщеніяхъ: ихъ какъ будто гнететъ избытокъ знанія. Да Ванюшка и любилъ больше жизнь, чѣмъ отвлеченіе. Съ четвертаго курса онъ уже имѣлъ случай прямо прилагать свое знаніе. Постоянно толкался и живя въ подвалахъ, онъ неустанно тѣчилъ массу людей: швеекъ, прачекъ, плотниковъ, столяровъ, фабричныхъ; ставилъ имъ горчичники, прописывалъ слабительныя, крѣпительныя, вырѣзалъ чирьи, опухоли, исправлялъ вывихи. Въ это же время случилась съ нимъ одна изъ тѣхъ неизбѣжныхъ исторій, которымъ платитъ дань каждый изъ юношей. Зашелъ онъ какъ-то разъ къ одному изъ пріятелей и тотъ представилъ его своей сестрѣ. Ванюшка въ нее влюбился. Это застѣлили. Но Ванюшка любилъ по-своему: онъ никому объ этомъ не заикался, даже боялся заикнуться самому себѣ. Мысль о взаимности онъ гналъ изъ своей головы, какъ что-то химерическое. Чѣмъ выше, чѣмъ красивѣе, чѣмъ милѣе представлялъ онъ себѣ предметъ

своей страсти, тѣмъ невозможнѣе считалъ онъ мысль о взаимности. Такъ любилъ онъ, долго и молча, все сильнѣе и сильнѣе, по зато и сосредоточеннѣе. Единственнымъ утѣшеніемъ его было взглянуть хоть разъ въ день на предметъ своего обожанія. Онъ придумывалъ всякіе предлоги, чтобы заходить ежедневно къ пріятелю, и это, конечно, скоро сдѣлало его мишенью для веселыхъ пасмѣшекъ. Незвѣстно, знала ли дѣвушка объ его любви, но только она никогда не сходилась съ нимъ и черезъ нѣсколько времени вышла замужъ. Долго ходилъ по этому поводу между товарищами слѣдующій смѣшной анекдотъ. Говорятъ, что въ день ея свадьбы кто то зашелъ къ Ванюшкѣ въ то время, какъ онъ только что сталъ одѣвать брюки и уже успѣлъ натянуть одну штанину. (Онъ одѣвался, какъ и все вообще дѣлалъ, медленно и обстоятельно.) Въ эту минуту его товарищ сообщилъ ему, что сегодня свадьба его возлюбленной. Ванюшка какъ будто ударили оглоблей по головѣ. Онъ до того опѣшилъ, что товарищ испугался и ушелъ отъ него. Ванюшка не сказалъ ни слова; онъ долго смотрѣлъ въ стѣну, потомъ поднялся и, не замѣчая, что все еще въ одной штанинѣ, поддерживая другую рукой, сталъ ходить изъ угла въ уголъ комнаты. Такъ проходилъ онъ весь день, и этимъ разрѣшился вопросъ его любви. Съ этихъ поръ онъ еще дальше ушелъ отъ образованнаго общества и, наконецъ, мало-по-малу потерялъ даже всякую нравственную связь съ нимъ. Въ обществѣ сначала считали его оригиналомъ, потомъ стали называть полоумнымъ. И вотъ, въ то время, какъ ему нужно было защищать диссертацию, когда ему предложили остаться при клиникахъ, онъ вдругъ все бросилъ и ушелъ въ подвалы, въ которыхъ въ то время свирѣпствовалъ тифъ. Наконецъ, на него махнули рукой. Онъ, въ представленіи общества, сталъ тѣмъ же, чѣмъ обыкновенные юродивые, Богъ знаетъ по какимъ побужденіямъ расхаживающіе босикомъ, съ открытой грудью и головой, въ лютыя русскія зимы, „когда такъ легко простудиться“. Но общество ошибалось; въ натурѣ Ванюшки, къ удивленію всѣхъ, лежала сосредоточенная, могучая нравственная сила, очень часто доходящая въ подобныхъ личностяхъ до неимовѣрнаго упрямства, какъ слѣдствіе затаенной гордости. Но кто же могъ предполагать, что у Ванюшки есть „принципы“? А между

тѣмъ онъ, когда ему предлагали стипендію, отказался и никогда не получалъ ее. Оказалось, что Ванюшка дорожить своей независимостью. Это стоило ему очень дорого, но онъ пробился все пять лѣтъ на своемъ „коштѣ“, а стипендіи такъ и не взялъ. Что у него были „принципы“, объ этомъ безъ смѣха не могли бы и говорить его товарищи. Они его считали „осиной“, „деревомъ“ и крестили его этими именами, когда онъ равнодушно и лѣнливо слушалъ ихъ горячіе споры о „народѣ“, о „язвахъ“, о различныхъ „измахъ“ и пр. А между тѣмъ, если у него и не было цѣльнаго міросозерцанія, по неумѣнью его, вслѣдствіе уметвенной лѣни, предаваться спекулятивнымъ упражненіямъ, то было много кое-какихъ оригинальныхъ „основныхъ положеній“, „устоевъ“. У человѣка непосредственной жизни всегда есть эти устои, замѣняющіе цѣльное міросозерцаніе; на этихъ устояхъ держится, безсознательно для него, все его нравственное знаніе, хотя они стоятъ у него одиноко и, повидимому, ничѣмъ одинъ съ другимъ не связаны. Такіе устои въ особенностяхи очевидны въ народѣ. Какого рода они были у Ванюшки, мы для примѣра приведемъ слѣдующій разговоръ.

Молодые товарищи его знали, конечно, что Ванюшка хорошо былъ знакомъ съ простымъ народомъ, такъ какъ постоянно толкался среди него. Они это знали, но считали его совершенно неспособнымъ и нежелающимъ воспользоваться своимъ знаніемъ, какъ могли бы воспользоваться они. По этому обстоятельству они часто предавались соболѣзнованіямъ. Нѣкоторымъ приходила въ голову мысль эксплуатировать его практическія знанія въ этой области. Такъ, однажды, пришелъ къ нему одинъ изъ самыхъ рьяныхъ его товарищей по части разныхъ „общихъ вопросовъ“. Ванюшка въ то время жилъ въ плотничьей артели, занимая на день все ея помѣщеніе, такъ какъ днемъ рабочихъ никого не было.

— Скажи, Башкировъ, — заговорилъ пріятель, — ты хорошо, вѣдь, знаешь простой народъ?

— Чаво я знаю? знаю я Петра да Сидора. Вотъ чаво я знаю! (нужно замѣтить, что Ванюшка говорилъ почти невозможнымъ для порядочнаго общества языкомъ: это была смѣсь семинарскаго жаргона съ мужицкимъ; да кромѣ того онъ говорилъ протяжно, лѣнливо ворочая языкомъ).

— Ну, да хотя этого Петра да Сидора изучил же ты? Вотъ они съ тобой сходятся, тебѣ доверяють. Ты, значить, знаешь, чѣмъ можно добиться ихъ довѣренности, чѣмъ разрушить ту стѣну недоверія, которая существуетъ между нами и ими?

— Знаю,—протянул Ванюшка, хитро улыбувшись.

— Въ чемъ же, въ чемъ штука-то?—вскрикнулъ обрадовавшийся юноша:—трудно?

— Нѣтъ, ничего... легко!

— Легко?

— Не сумлявайся... легко...

— Ну такъ въ чемъ же штука-то?

— Штука-то?.. Быть несчастнымъ!

Пріятель отчего-то перекоңфузился, а Ванюшка сталъ хладнокровно переобувать сапоги и молчалъ.

Такого же характера были и другіе его „устои“. Какъ человѣкъ, живущій постоянно настоящею, реальною жизнью, онъ рѣшалъ всѣ сложныя вопросы конкретно, а не въ отвлеченіи. Нашелся у него одинъ пациентъ изъ мастеровыхъ, парень лѣтъ 25, больной и хилый, вздумавшій, кромѣ того, тосковать еще отъ любви.

— Мнѣ, говоритъ, жениться очень нужно... Вотъ главная суть въ чемъ!..—объяснялъ онъ Ванюшкѣ.

— Такъ чаю жь тебѣ—женись!

— Жену прокормить нечѣмъ. Вотъ какая линія!.. Самъ я хилый, а она того хуже. У меня и на свадьбу то гроша нѣтъ.

Предъ Ванюшкой сейчасъ же сталъ *средній человекъ*, человекъ, такъ сказать, „гигіеническій“, который въ лекціяхъ медицинскихъ фигурируетъ, да въ популярныхъ *гигіенахъ*; явился у него въ головѣ и теорія Мальтуса, и наслѣдственность, и расположеніе нищихъ, и отвѣтственность предъ потомствомъ. Ванюшка покрутилъ головой и затѣмъ плюнулъ.

— Ты, парень, лучше женись, пока не умерли вы оба. Жениться—умрешь, и не женишься—умрешь. А все жь испробуете, что за штука любовь-то... Тоже, вѣдь, вашему брату счастье то не вчастью... А на свадьбу я тебѣ денегъ принесу заморозочно... чтобъ тебѣ это было не въ огорченіе!

„Потомство!.. Вишь что выдумали! Хитрые шельмы! Имъ это ничего... Говорить: имѣй въ виду потомство!“—твердилъ про себя Ванюшка и волновался.—„А ты вотъ синими рубашку—и отдай!“

По окончаніи курса Ванюшка остался въ томъ же положеніи, въ какомъ былъ и студентомъ. Года чрезъ два онъ вздумалъ было защищать диссертацию, да, какъ мы видѣли, самымъ легковѣрнымъ образомъ не явился въ назначенный день на защиту. Назначили другой срокъ, но едва онъ явился на кафедру, едва увидать предъ собою группу растолстѣвшихъ и вылощенныхъ джентльменовъ, которые уже приготовились броситься на свою жертву (а имъ, дѣйствительно, диссертация была не по душѣ, ибо доказывала положительный вредъ нѣкоторыхъ медицинскихъ учрежденій), едва завидѣлъ публику, собравшуюся глазѣть на эту „диалектическую травлю“, какъ вдругъ необычайно смѣшался, сконфузился—и не „защитилъ“, къ удовольствію смѣявшейся публики и гг. оппонентовъ.

Векоръ же послѣ этого случилась съ нимъ неприятная исторія, изъ-за которой пришлось ему возвратиться на родину. Семь лѣтъ не видаль онъ своей матери и теперь засталъ ее уже худой, больной женщиной, живущей въ келіи у одной крестьянской „начетчицы“. Она молилась Богу, ходя по церквамъ и монастырямъ, и жила тѣмъ, что читала по покойникамъ. Это не удивило Ванюшку, такъ какъ онъ зналъ, что всеобщее „разоренье“ давно уже погребло въ своемъ бурномъ водоворотѣ и ихъ „дворянское гнѣздо“. Отецъ его промоталъ половину имѣнія еще прежде, чѣмъ получились выкупныя свидѣтельства, а его братъ покончилъ съ ними, спустивъ все до нитки. Въ одно утро, мать, давно уже погрузившаяся въ религиозный пѣтизмъ, къ удивленію (но не къ ужасу—ей было почти все равно), узнала, что ихъ имѣніе перешло дѣлкомъ къ одному кулаку-купцу. Съ кое-какими деньжонками, оставшимися у нея отъ распродажи „родовой“ рухляди, она перешла на житье къ своей знакомой начетчицѣ.

Ванюшка прожилъ нѣкоторое время среди волжскихъ мужиковъ, практикуя между ними и инородцами, и опять вернулся въ столицу, взявъ съ собою мать. Съ этого времени онъ велъ свою прежнюю жизнь и дѣятельность: зимой жилъ по подваламъ и чердакамъ и практиковалъ тамъ, а на лѣто уѣзжалъ куда-нибудь въ деревню „провѣтриваться отъ мѣзмовъ“, какъ говорилъ онъ. Въ деревнѣ онъ что-то писалъ въ серьезные медицинские журналы и нарѣдка лѣчилъ

мужиковъ. Изъ это-то время мы и застаемъ у него майорскую дочь.

Знала ли эта серьезная дѣвушка, кто былъ Ванюшка? Но незнаю ли его личности ухаживала она за нимъ, или именно потому и ухаживала, что знала, кто онъ и что онъ? И почему всѣ эти добрые люди — и майоръ, и Морозовъ, и Ванюшка, не находятъ между собою общей точки соприкосновенія, общаго пункта, гдѣ бы они могли сойтись? Я чувствовалъ, что здѣсь легла густая тѣнь какого-то общаго, тяжелаго недоразумѣнія. Я почувствовалъ какую-то жгучую потребность во что бы ни стало проникнуть въ суть этого недоразумѣнія, освѣтить для нихъ тѣмъ ея, въ которой они тоскливо бродили, и разогнать эту тѣму, чтобы свои увидѣли своихъ и подали другъ другу руки.

ГЛАВА III.

Обитатели майорской колоніи.

На утро я шелъ къ майору. Его усадьба, которую всѣ величали „полубарскимъ выселкомъ“, находилась верстахъ въ трехъ отъ деревни, въ которой жилъ я, и верстахъ въ двухъ отъ Морозовыхъ. Полубарскій выселокъ представлялъ изъ себя нѣчто оригинальное: это была кучка плотныхъ, здоровыхъ, обыкновенныхъ крестьянскихъ избъ, вытянувшихся на косогорѣ предъ рѣчкой; сзади эта кучка примыкала къ садамъ, переходившимъ въ березовую рощу, а предъ нею стояли въ одиночку службы: амбары, овинны. Избъ всего на всего было четыре, изъ которыхъ двѣ — одна, напоминавшая собою маленькіе, пятиконные домики уѣздныхъ городовъ, а другая, просто крестьянская, принадлежали майору, прочія — его пайщикамъ: выселившемуся изъ села юркому мужичонкѣ Чуйкѣ, первѣйшему майорскому другу и слугѣ, привязавшемуся къ нему, какъ собака, и вольноотпущенному дворовому человѣку, старику-камердинеру, большому философу и резонеру, вѣчно спорившему съ майоромъ и препиравшемуся съ нимъ по поводу разныхъ „господскихъ“ и „мужичьихъ“ вопросовъ... Эти три оригинальные хозяйна-собственникова выдѣлились изъ общаго сельско-господскаго строя и образовали собою, непостижимо какимъ образомъ, особую колонію еще въ концѣ шестидесятыхъ годовъ. Ключокъ земли, на кото-

рой они поселились, принадлежалъ майору. Майоръ предложилъ сначала поселиться Чуйкѣ, а затѣмъ и Трошѣ (такъ звали камердинера, хотя ему уже было лѣтъ подъ семьдесятъ; онъ былъ въ свое время любимецъ одного богатаго барина, и тотъ никогда не звалъ его иначе, какъ нѣжнымъ прозвищемъ „Троша“, которое и утвердилось за нимъ навѣки, несмотря на то, что старикъ очень сердился, когда мужики называли его такъ). Они поселились, раздѣлили землю на пай и завели общее хозяйство: сняли вмѣстѣ у сосѣдей помѣщиковъ землю и стали пахать; скунали у крестьянъ скотъ — и завели скотный дворъ. Первымъ воротилой во всей этой „хозяйственной обстановкѣ“ былъ Чуйка, которому майоръ, по романтичности, а Троша, по „господской апатіи и лѣни“, довѣрились волей-неволей вполнѣ. Была, впрочемъ, тутъ разнища: майоръ довѣрился вполнѣ, беззаветно, хотя и слѣдилъ самъ за хозяйствомъ или, по крайней мѣрѣ, дѣлалъ видъ, что слѣдилъ, ибо по живости своей натуры постоянно во все вникалъ, всегда шумѣлъ, всюду совался (на что Чуйка смотрѣлъ хитро-снисходительно и любовно), а Троша, напротивъ, постоянно ворчалъ, упрекалъ Чуйку за какія-то якобы „мазурническія дѣла“, которыя больше сочинялъ самъ и которыхъ въ дѣйствительности не видалъ. Упрекалъ за всякое пріобрѣтеніе, какое Чуйка дѣлалъ въ своемъ личномъ хозяйствѣ: купитъ, напримѣръ, Чуйка самоваръ, Троша уже направляется къ майору и „конфиденціально“ доноситъ, прося обратитъ вниманіе.

— Мнѣ что! — говоритъ онъ при этомъ: — мнѣ не надо. Я это не по жадности какой вамъ докладываю, сударь... А только примѣчательно, что онъ очень ужъ юрокъ, очень въ вашу довѣренность вошелъ...

Натурально, майоръ, при первомъ свиданіи, передавалъ эти слова Чуйкѣ, который возновался и шелъ сейчасъ же „требовать объясненій“ отъ Троши. Троша былъ, однако, большой руки трусъ и боялся настойчиваго, крикливаго характера Чуйки; онъ тотчасъ же начиналъ врать и отбоживаться, вздыхать о людской несправедливости и угощать Чуйку чаемъ, за которымъ убѣдительно доказывалъ, что майоръ — большой руки выдумщикъ и что онъ на него, Трошу, постоянно взводитъ напраслину. Чуйка успо-

конвался этими объясненіями—и все входило въ обычную колею. Онъ продолжалъ дѣятельно и неустанно блюсти общую хозяйственную обстановку, смотрѣть за рабочими, за скотомъ, ѣздить и маклачить на базарахъ; Троша, по прежнему, продолжалъ ходить лѣниво изъ сарай въ сарай, въ барскомъ пальмерстонѣ и вытертой бобровой фуражкѣ, понюхивать табакъ и, ворча, сидѣть на лавочкѣ около своей „горницы“, какъ звалъ онъ свою избу; а майоръ постоянно страствовалъ и „велъ баталію“ на земскихъ собраніяхъ, у мировыхъ судей, на волостныхъ сходахъ, въ присутствіяхъ по крестьянскимъ дѣламъ и даже въ окружномъ судѣ. Это была чрезвычайно живучая и подвижная натура. Несмотря на свои 60 лѣтъ, на сѣдые волосы, на разбитыя ревматизмомъ и болью, отъ засѣвшей въ правой ляжкѣ пули, ноги, онъ не зналъ усталости и постоянно кипятился, кричалъ съ мужиками, кричалъ съ господами—и только вышивалъ стаканъ за стаканомъ воду, да вытиралъ красное отъ волненія лицо большимъ ситцевымъ платкомъ. Между натурой Чуйки и майора было много общаго, и это-то, вѣроятно, и свело ихъ.

Таковы были обитатели „полубарской усадьбы“, этой своеобразной колоніи, таковы были ихъ отношенія другъ къ другу. Все это, понятно, я узналъ не вдругъ.

Я подходилъ къ усадьбѣ въ то время, когда уже у „господекаго дома“ (майорскій домъ звали „господскимъ“) стояла кучка мужиковъ, изъ которыхъ одни были дальніе, другіе—вчерашніе знакомцы, говорившіе съ Морозовымъ. Постѣдніе, какъ люди „свои“, развязно сидѣли на крылечкѣ, а первые недовѣрчиво и боязливо слушали Чуйку, который, не видя меня, горячо разговаривалъ съ ними. Такъ какъ видимо было, что майора нѣтъ еще дома, то я приостановился, облакотившись на рѣшетку палисада, и сталъ везушиться.

— Милый баринъ—они-съ, г. майоръ,—говорилъ Чуйка:—вы не опасайтесь, мы съ г. майоромъ давно ужъ по крестьянскимъ правамъ состоимъ...

— Разберетъ васъ тутъ лѣшій, прости Господи!—проворчалъ одинъ угрюмый мужикъ, видимо раздраженный трескотней Чуйки и увѣренный, что онъ только среди „своихъ“.—Все вы нынче насчетъ этихъ правовъ разъѣзжаете...

— А вы чьи?—спросили пришлые мужики Чуйку.

— Мы? Ихніе-съ были, майорскіе. А теперича они съ нами поселились на равныхъ правахъ...

— На какихъ на равныхъ?

— На всякихъ, на крестьянскихъ... Ида-съ!

— Да онъ баринъ, что ли?.. Али такъ... изъ кантонистовъ? — полюбопытствовали пришлые.

— Баринъ!.. Знамо, баринъ,—улыбнулся на недогадливость пришлыхъ „своискіе“ мужики.

— Баринъ!—какимъ-то своеобразнымъ тономъ прокричалъ Чуйка:—они майоръ и ничего больше!...

— Такъ какъ же это онъ, почтенный, въ монахи затесался? — интересовался одинъ изъ пришлыхъ.

— Въ монахи! Опять тутъ пустое слово,—какъ будто въ конецъ обидѣвшись на несообразительность пришлыхъ мужиковъ, сердито проворчалъ Чуйка:—въ міру они, въ безбрачій, пятьдесятъ лѣтъ жизни произошли... Двадцать лѣтъ тому назадъ какъ они, г. майоръ, изволили свою вотчину, послѣ покойниковъ родителей своихъ, на волю отпустить, тутъ они и на безбрачіе пообщались... Ида!.. До всемилостивѣйшаго манифеста изволили въ этомъ обѣтѣ пребывать, а девятнадцатаго февраля, въ незабвенный день, явились къ нашему батюшкѣ. „Соблаговолите, говорить, батюшка, теперича съ меня безбрачіе снять и обвѣнчать на вдовѣ—крестьянкѣ Василисѣ Ивановой. А теперь они во вдовствѣ, при дочкѣ, Божіею милостію.

— А вы при немъ какъ состоите?...

— Мы у нихъ по контореккой части. Ну и въ то же время вмѣстѣ землю подымаемъ. Коммерцію ведемъ скотинкой... Мы на паяхъ. А впрочемъ,—прибавилъ Чуйка, поправивъ фуражку,—обождите. Они сейчасъ будутъ и все вамъ скажутъ, что ежели можемъ.

— Да вы, почтенный, съ майоромъ-то аблакаты, что ли, будете?

— Аблакаты? Нѣтъ, не выйдетъ такъ,—подумавши что-то, отвѣчалъ Чуйка;—мы только единственно... И по судамъ ходимъ, но только не въ томъ видѣ... Вы вотъ г. майора спросите. Они всякую, напримѣръ, фальшь очень чудесно видятъ... Напримѣръ, по земству, даже очень ихъ эти земцы не любятъ! Обождите!—предложилъ Чуйка, заключивъ рекомендацію своего первѣйшаго пріятеля, пайщика и патрона, старого майора, ре-

путаціей котораго онъ дорожилъ больше всего на свѣтѣ, и не упускалъ случая выставить личность старика въ наивыгоднѣйшемъ свѣтѣ, не пренебрегалъ даже, какъ замѣтно, украшеніями изъ области своей личной фантазіи.

Чуйка приставилъ козырькомъ руку къ глазамъ, посмотрѣлъ по направленію пыльной дороги, затѣмъ моментально юркнулъ въ одинъ сарай, потомъ въ другой, подбѣжалъ къ амбару, освидѣтельствовавъ засовъ, притворилъ калитку дома, погладилъ мимоходомъ лежавшаго пса, тутъ же кетати успѣлъ подразнить обидчиваго индюка и, наконецъ, вновь посмотрѣлъ изъ-подъ ладони на дорогу.

— А вонъ и они-съ, господинъ майоръ!

Чуйка еще разъ показалъ фуражкой по направленію къ ѣхавшему вдали экипажу и бросился отворять ворота сарая. Черезъ нѣсколько минутъ въѣхалъ въ проселокъ знакомый майорскій экипажъ, плетушка изъ обыкновенныхъ ивовыхъ прутьевъ, поставленная на легкія дроги; въ плетушкѣ сидѣлъ майоръ и осторожно и внимательно правилъ здоровой, коренастой лошадыю. Едва лошадь остановилась у сарая, Чуйка обязательно высадилъ майора, поддерживавъ его подъ руки, и затѣмъ ввелъ лошадь въ сарай. Майоръ, въ старомъ военномъ плащѣ и фуражкѣ, храбро постукивая своими плисовыми сапожками и грозно-добродушно поглядывая, изъ-подъ нависшихъ сѣдыхъ бровей, сѣрыми безпѣтными глазками на стоявшихъ у крыльца мужиковъ, подошелъ къ нимъ и крикнулъ свое обычное военное привѣтствіе: „здорово, ребята!“

— Здравія желаемъ, ваше сіятельство!—отвѣтили, ухмыляясь въ широкія бороды, „свойскіе мужики“.

— Затѣмъ майоръ нуженъ, молодцы?—спросилъ онъ, обращаясь къ пришлымъ.

— Да мы вотъ, ваше сіятельство, какъ, значитъ, слышаны объ вашей милости...

— Ладно, ладно! знаю, что слышаны... Про майора худо не говорятъ... Объ землѣ?

— Такъ точно. Объ чемъ больше, какъ не объ ней.

Мужики всѣ вразъ что-то заговорили, стараясь возможно почтительнѣе и опредѣленнѣе объяснить майору свое дѣло.

— Смирно!—крикнулъ вдругъ майоръ командирскимъ голосомъ,—слушать коман-

ды! Объясняй, когда команда будетъ! Отойти къ сторонѣ!

Пришлые мужики совершенно растерялись при такомъ оборотѣ дѣла и поспѣшили сбиться въ кучу за крыльцомъ.

Въ это время подошелъ я.

— Что вы все воюете въ мирное время?—шутя спросилъ я его.

— А! Здравствуйте!... Иначе нельзя-съ: форма и дисциплина, батюшка, давали направленіе великимъ событіямъ. Не будъ ихъ, былъ бы хаосъ... и я бы ничего не могъ сдѣлать, если бъ не придерживался этого принципа... Вамъ что?—обратился онъ къ „своимъ“.

— Мы, ваше сіятельство, по командѣ,—снова улыбаясь въ бороды, отвѣчали они.

— Ермилъ Петровъ, доложи!

— Мы, ваше сіятельство, какъ значится,—началъ тяжелой поступью свою рѣчь Ермилъ Петровъ:—какъ мы изволили вамъ тогда докладывать, выходить, что ежели касательно...

— У Морозова были?

— Это, значитъ, у Петра Петровича Малова?

— Ну, да.

— Были-съ... Ну, только упирается, послалъ къ вашей милости... говорить, что эти дѣла ему не подѣстать, а вашей милости въ самый разъ.

— „Нашей милости!“ Възворучки! ученые!—выкрикивалъ майоръ,—нашей милости—мужикія бороды, а имъ—великія дѣла! Наполеоны! Ступайте къ нимъ!—крикнулъ майоръ, сверкая глазами и теребя сѣдой усы:—наѣво кругомъ, маршъ!

— Ваше сіятельство!—загалдѣли мужики,—это вамъ Ермилъ слуга наговорилъ! А вы извольте, ваше сіятельство, прислушать...

— Слушать команду!—крикнулъ майоръ:—отойди къ сторонѣ!

Мужики отошли. Молчаніе.

— Прошу васъ въ мои апартаменты,—пригласилъ меня майоръ, показывая рукою на дверь.—Я пошелъ, но, обернувшись, замѣтилъ, какъ майоръ вдругъ почти сбѣжалъ съ крыльца къ мужикамъ и заговорилъ съ самой плачевной миной...

— Голубчики! подождите! Усталъ я, ей-Богу усталъ... Повѣрите ли, во рту пересохло. Я только позавтракаю, рюмочку-другую пропущу... А вы присядьте!

И вошелъ въ переднюю и услышалъ за дверью голоса въ сосѣдной комнатѣ. Я прислушался.

— Блаженни алчущіе и жаждущіе правды, яко тѣ насытятся,—истово выговаривая каждый слогъ и скандуя, читалъ кто-то старческимъ, шепелявымъ, но еще внятнымъ голосомъ.

— А какимъ образомъ они, Кузьминичина, насытятся?—разсуждалъ я голосъ майорской дочери.—Какъ ты думаешь, что по твоему должно разумѣть подъ словомъ „насытятся“? Будутъ блаженствовать? Да?...

— Умрутъ, Катюшенька. Умрутъ за ближнихъ. И Христосъ Господь нашъ, Спаситель, душу свою положилъ за овцы, и всѣ, кто искалъ правды... Всѣ насытились. Сколько было подвижниковъ, мучениковъ, рыцарей храбрыхъ и благородныхъ, воиновъ и проповѣдниковъ—всѣ легли за братіи и насытились...

Мнѣ не хотѣлось прерывать разговора, но опасеніе быть обвиненнымъ въ подслушиваніи заставило меня взяться за ручку двери. Я вошелъ. Въ маленькой, уютной и замѣчательно чистой гостиной съ блѣдно-голубыми обоями, по бокамъ стола, стоявшаго въ простѣикѣ между окнами, сидѣли двѣ собесѣдницы: майорская дочь и какая-то старушка, лицо которой я не успѣлъ еще разсмотрѣть. Катерина Егоровна (такъ величали дочку майора) сидѣла, наклонившись надъ шитьемъ; ея блѣлое, почти матовое, но съ здоровымъ румянцемъ лицо рѣзко выдѣлялось изъ полупрозрачной тѣни на блѣдно-зеленомъ фонѣ отъ листьевъ, которыми было сплошь застлано все окно. Старушка сидѣла противъ нея съ чулкомъ въ рукахъ и смотрѣла сквозь большія оловянные очки, державшіяся на толстыхъ шнуркахъ, на разложенную предъ нею книгу.

На мой поклонъ Катерина Егоровна медленно подняла голову и слегка кивнула ею въ то время, какъ по лицу ея пробѣжала какая-то тѣнь, а старушка, снимая очки и не вставая, нѣсколько разъ мотнула мнѣ сѣдою головой.

— А майоръ все у васъ воюетъ, все практикуетъ, по привычкѣ, старые военные приемы,—проговорилъ я, чувствуя, что говорю пошлости и только думаю о томъ, что надо же что-нибудь сказать.

— Да... онъ иногда любитъ шутить,—лѣниво отвѣтила Катя, очевидно, все еще не выходя изъ-подъ вліянія какой-

то идеи, какихъ-то образовъ, которые овладѣли ея мыслью.

Я не сталъ ей мѣшать больше раздѣливаться съ ними, какъ она хочетъ, и внимательно сталъ вглядываться въ оригинальную старушку, такъ поразившую меня своей философій. Я смотрѣлъ въ ея сѣрые, безцвѣтные, но еще бойкіе и выразительные глаза, на ея вытянувшійся длинный худой носъ, на выдавшійся советомъ лопаточкой, которою можно было съ большимъ удобствомъ замѣнить табакерку, пасыпавъ на нее щепотъ табаку, дрожащій нервно подбородокъ, съ нѣсколькими длинными сѣдыми волосами, на всю ея длинную, костлявую фигурку—и вдругъ меня охватило какое-то далекое, неопредѣленное воспоминаніе. Чей-то знакомый, дорогой образъ мелькнулъ разъ, другой, третій въ моемъ воображеніи, и моментально предо мной пронеслось все мое дѣтство: знакомый образъ былъ уловленъ, весь, цѣликомъ, ясно, рельефно и опредѣленно. Да, это была Кузьминичина, это была моя „старая нянька“ (такъ звали ее въ отличіе отъ молодыхъ), пѣстунъ моихъ младенческихъ лѣтъ, моего юнаго ума, воображенія и фантазіи... И она еще все жива!

— Кузьминичина! няня, это — ты?—вскрикнулъ я, сіяя всѣмъ существомъ своимъ.

Старушка вздрогнула, заморгала усиленно губами и задергала подбородкомъ, потомъ наскоро протерла слезившіеся глаза, затѣмъ опять заморгала, вематриваясь въ меня.

— Николушка! Такъ, такъ... ты! Ну, устарѣла я... Конченъ путь живота моего!—проговорила она строго.

— Стали у тебя глаза ужъ слабы, няня. На тебѣ чего взыскивать! а вотъ я и молодежь, да тебя не узналъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не говори, глаза тутъ не при чемъ. Сердце провѣщать перестало. Чутье пропало, сердце-вѣщуетъ холодѣть. Охолодало... Пришелъ конецъ пути живота моего!—повторила она еще разъ.—Ужъ это вѣрно; сердце охолодѣетъ если—умеръ тогда человѣкъ, тогда ужъ онъ не отъ жизни... На свѣтъ жить безъ сердца нельзя,—продолжала она резонировать и потомъ вдругъ перебѣжала тонъ:—пу-ко-ся, пу-ко-ся! Ахъ, я глупая! Не признала! А, вѣдь, я его, Катюшенька, до девятаго годочка выхаживала, до тѣхъ самыхъ поръ, какъ въ

емназію увезли его. Да ты къ чему это больной-то, родной мой?

— Пережилъ больше, чѣмъ нужно, няня, — вотъ въ чемъ дѣло.

Она внимательно посмотрѣла мнѣ въ лицо, сказала сухія, тонкія губы и покачала въ раздумьи головой.

— Ты у меня люби его, — тихо, но строго приказала она Катѣ, которая улыбулась: — у него сердце есть, хорошее сердце... Всѣмъ можетъ человѣкъ перемѣниться, а сердцемъ нельзя. Сердце не вырвешь... Ну, чего тамъ, старикъ-то твой нейдетъ? Пора бы и закусить. Вотъ погодите жъ, коли такъ, я ужъ хоть этимъ заслужу!

Она зашумѣла въ карманѣ ключами и, подмигнувъ мнѣ, вышла.

Я еще никакъ не могъ освободиться отъ всплывшихъ въ моей памяти картинъ дѣтства. Я долго смотрѣлъ на дверь, въ которую вышла старушка, и цѣлкомъ погрузился въ море воспоминаній, совершенно забывъ о присутствіи Кати.

Да, я какъ теперь вижу въ моей дѣтской эту старушку (она и тогда была уже, двадцать лѣтъ назадъ, такой же старушкой, или, по крайней мѣрѣ, мнѣ такъ казалось, что она нисколько не измѣнилась). Мы одни, сальная свѣча горитъ, потрескивая, глухо постукиваютъ ея спицы и беззвучно шевелится ея губы, считаи петли; я всегда велухъ съ нею училъ уроки: былъ ли то законъ Божій, или арифметика, или исторія — я все читалъ ей велухъ и каждый урокъ раза по два, по-три; она всегда слѣдила съ неизмѣннымъ любопытствомъ, вниманіемъ и серьезностью. Какъ теперь помню, меня чрезвычайно удивляло одно обстоятельство. Я еще не умѣлъ читать бойко, т.-е. не умѣлъ впередъ отгадывать то выраженіе, которое должно слѣдовать по смыслу рѣчи, и потому часто, желая прочесть скорѣе, вралъ или заминался; въ это время Кузьминична всегда поправляла меня или подсказывала „наизустъ“, не глядя въ книгу. Помню, съ какимъ удивленіемъ, смѣшаннымъ съ уваженіемъ, смотрѣлъ я въ ея строгое лицо, обращенное къ чулку, и долго не въ состояніи былъ продолжать. „Ты чего же, Николушка, остановился? — спрашивала она меня.“ — „Да я, няня, думаю — какъ ты это такъ, не учившись, отгадывать умѣешь?“ — „А ты думалъ, что вы только

одни умны, что ужъ простые люди и разумнѣе не имѣютъ... Итъ, Колушка, разумомъ Богъ никого не обидѣлъ...“ Но я все же сомнѣвался, чтобы однимъ разумомъ можно было узнать всякіе тамъ Гвардафун да Гибралтары, и полагалъ, что она непременно когда-нибудь географію Ободовскаго изучала. Такъ я и не могъ постигнуть ея умнѣея отгадывать впередъ географическія названія, пока не догадался, что уроки-то я съ ней вмѣстѣ училъ и перечитывалъ одно и то же нѣсколько разъ велухъ.

Помню я и то время, когда, сложивъ книги, помолившись, ложился я спать, а она садилась на край моей кровати и начинала мнѣ рассказывать. Замѣчательно, что въ ея рассказахъ всегда отсутствовали „чудовищный и бѣсовскій“ элементъ; въ ея рассказахъ никогда не встрѣчалось, какъ это бываетъ у всѣхъ другихъ, ни бабы-яги, ни „кипятъ котлы кипучіе, точатъ ножи булатные“, ни чудовища съ песьими головами, напротивъ: всѣ ея рассказы больше воспѣвали героическіе или, по крайней мѣрѣ, „генеральскіе“ подвиги Кутузовыхъ, Суворовыхъ, даже рыцарей-крестоносцевъ, англійскихъ королей и проч. Или подвиги мученичества и добрыхъ дѣлъ изъ Четы-Миней. Конечно, это объясняется тѣмъ, что она была грамотна и въ свободное время читала житія святыхъ, а въ молодости ей, кажется, попадали въ руки „батальныя“ сочиненія и даже рыцарскіе романы. Одинъ рассказъ ея поразилъ меня впоследствии удивительнымъ сходствомъ съ романомъ Вальтера Скотта „Айвенго“. Она была старая крѣпостная дѣвка, но изъ хорошаго, образованнаго помѣщичьяго дома, и жила сначала въ горничныхъ при барышнѣ, жившей со старикомъ отцомъ, кончавшимъ свой вѣкъ среди уединенія деревни и своей библіотеки, по независящимъ отъ него обстоятельствамъ, затѣмъ была послѣ ключницей. Барышня читала велухъ съ нею всѣ книги изъ библіотеки отца и сама выучила ее грамотѣ. Старикъ-отецъ обращался хорошо съ своими крѣпостными, а бывавшіе у него знакомые нисколько не шокировались тѣмъ, что его дочь читала книжки съ крѣпостной горничной и даже иногда заговаривала при послѣдней „о матеріяхъ важныхъ“. Все это имѣло на ея характеръ значительное вліяніе. Ея міросозерцаніе далеко хватало за предѣлы народныхъ воззрѣній, а натура ея приобрѣла стой-

кость, развязность и удивительную безбоязненность. Замѣчательнѣе всего въ ней было полное отсутствіе холопства, даже самого невиннаго и добродушнаго... За смертію стараго барина и отъѣздомъ за границу его дочери она перебралась въ городъ и черезъ нѣсколько лѣтъ попала въ наше семейство. Къ кому она ни попадала, она тотчасъ же всѣхъ прибирала къ рукамъ и начинала царствовать въ домѣ. Но эта власть никогда никѣмъ особенно не чувствовалась. Такъ властвовала она и надъ моими родителями, еще молодыми въ то время людьми.

Наше семейство составляло одну изъ неособенно важныхъ спицъ обширнѣйшей чиновничьей общины. Кузьминична и въ этой общинѣ успѣла составить себѣ репутацію „толковой дѣвки“ и пользовалась отъ нея если не уваженіемъ, то боязливосдержаннымъ отношеніемъ. Последнее опять-таки внушала она къ себѣ своей упорной настойчивостью и безбоязненностью. Она умѣла „рѣзать правду-матку“ въ глаза всѣмъ чинамъ общины, которые, хотя и съ усмѣшкой, но тѣмъ не менѣе ежились подъ этой „правдой-маткой“. И никогда не забуду одного обстоятельства, которое рѣзко характеризуетъ настойчивость и безбоязненность, съ которыми Кузьминична преслѣдовала свои цѣли. Аккуратно каждое первое число мѣсяца, когда отецъ получалъ жалованье, она являлась къ нему въ кабинетъ, едва онъ возвращался домой со службы, и съ смиренно-строгой рѣшимостью на лицѣ, сложивъ на груди руки, становилась въ углу у дверей. Отецъ въ это время всегда бывалъ крайне раздражителенъ и раздосадованъ всевозможными кредиторами, осаждающими обыкновенно въ этотъ день чиновниковъ, начиналъ отъ самыхъ дверей мѣста ихъ служенія вплоть до семейныхъ очаговъ, не давая пропустить рюмку водки, съѣсть кусокъ пирога. Кузьминична терпѣливо выжидала всю эту стаю „хищниковъ, архиплутовъ и архибестій“, выслушивала брань и споры между ними и хозяевами и, когда, наконецъ, сталъ удалаться, а раздраженіе хозяина доходило до послѣдней степени, она твердо выговаривала: „пожалуйте жалованье!“ Раздраженные супруги неистово набрасывались на нее, въ конецъ огорченные такой „мужичьей нечувствительностью“, ставили ей на видъ всю неделикатность ея отношеній къ семейству, въ которомъ она жила столько лѣтъ, обвиняли ее за это

даже въ „неблагодарности“. Но Кузьминична упорно смотрѣла въ уголъ, молча выслушивала все это и снова выговаривала: „никакъ нельзя-съ... пожалуйста жалованье!“ — „Да, вѣдь, ни на что не нужно тебѣ его! вѣдь также растратишь деньги ребятишкамъ на пряники!.. Неужели чувства нѣтъ подождать немного?“ впушительно усовѣщивали ее отецъ и мать. „Никакъ невозможно, пожалуйста что слѣдуетъ по уговору. Въ животѣ и смерти Богъ воленъ“, настойчиво твердила Кузьминична, пока, наконецъ, разсерженный хозяинъ не бросалъ ей трехрублевую бумажку, посылая ее „ко всѣмъ чертямъ, чтобъ и духу ея не пахло“. Кузьминична на это смиренно раскланивалась, благодарила за хлѣбъ-за-соль, и уходила связывать въ узелокъ свои пожитки.

Дѣтямъ это всегда правилось, мы окружали ее, разбирая ея лоскутки, и только уже подъ конецъ, когда узнавали въ чемъ дѣло—начинали ревѣть. Само собою разумѣется, что все кончалось ничѣмъ. На ея жалованье, въ крутыя времена, покупались намъ „ребятишкамъ“, лѣкарства, шились на именины рубашечки, штанишки, посылались съ оказіей въ деревню какой-то Глашкѣ гостинцы. А одинъ разъ съ этимъ „жалованьемъ“ случилась вотъ какая оказія. Въ одно прекрасное утро, надъ нашей семьей разразилось несчастье: отцу отказали отъ мѣста въ виду какихъ-то не совсемъ чистыхъ побужденій со стороны начальника. Семья осталась на при чемъ; въ немногіе мѣсяцы было перезаложено все, что можно было заложить, и къ тому времени, какъ отецъ нашелъ какое-то ничтожное мѣсто, семьѣ нечего было бы есть, если бы каждымъ раннимъ утромъ Кузьминична не отправлялась на рынокъ и не приносила оттуда необходимое количество харчей. Ея трудовыя деньги уходили быстро, и также быстро возрастало ея негодованіе при видѣ нѣкогда благоденствовавшей, а теперь голодавшей семьи. Наконецъ, она рѣшилась. Однимъ утромъ, припявъ на себя личину смиренной просительницы, пробралась она въ кабинетъ бывшаго начальника отца и тамъ, преобразившись въ старую Мереру, „вырѣзала всю правду-матку“ ему въ лицо, пока насильно не вытащили ее лакеи. Она этимъ не удовольствовалась и пошла съ жалобой къ „г-ну начальнику губерніи“ и грозила „итти дальше“, если бѣ не успокоили ее

на съѣземъ дворѣ, гдѣ просидѣла она педѣли двѣ. Изъ послѣдняго она снова вернулась къ намъ въ смиренномъ сознаниіи совершеннаго долга.

Повторяю: все это—и картины дѣтства, и типичный образъ старухи-пяпки во всѣхъ его деталяхъ—пронеслось въ моемъ воображеніи почти моментально и вызвало столько пріятныхъ ощущеній, что мнѣ вдругъ захотѣлось подѣлиться ими съ кѣмъ-нибудь и я передалъ все вышеписанное майорской дочери. Къ моему удивленію, задумчивая, сосредоточенная Катя внезапно оживилась при моемъ разсказѣ; ея глаза весело заиграли, она постоянно перебивала меня торопливо и дополняла какъ будто переживала вмѣстѣ со мною одно и то же прошлое, и, наконецъ, сказала:—„Да, все это было и въ моемъ дѣтствѣ. Впрочемъ, я прибавлю вамъ еще кое-что про Кузьминичну и про себя, если уже на то пошло“.

Но я лучше начну повую главу и передамъ въ ней не только „кое-что“, общенное мнѣ Катей, но и все, что я узналъ о майорѣ и его дочери.

ГЛАВА IV.

Исторія покаянія.

Двадцать два года тому назадъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ полубарскій выселокъ, былъ лѣсъ, а позади этого лѣса, въ разстояніи полуторы версты, стоялъ небольшой помѣщичій домъ, довольно ветхій, весь заросшій кругомъ старымъ, запущеннымъ садомъ, сзади котораго лѣнились убогія избы небольшой господской деревеньки. Лѣтъ пять, какъ уже этотъ барскій домъ былъ наглухо запертъ, послѣ смерти стариковъ, барина и барыни, умершихъ скоро одинъ за другимъ и оставившихъ свою небольшую усадьбочку наслѣднику-сыну, дравшемуся въ то время на Малаховомъ Курганѣ. Въ ожиданіи пріѣзда „молодого“ барина старый домъ оберегала семья дряхлаго дворецкаго, поселившаяся въ людской. Вся эта стража состояла изъ старика-отца—дворецкаго, старухи-матери, бывшей барской ключницы, молодой ихъ восемнадцатилѣтней дочери, Паши, юнаго племянника старика, сироты Кузи, да штукъ пяти старыхъ псовъ, съ которыми Кузи ходилъ на охоту. Мирно управлялъ старый дворецкій имѣніемъ молодого наслѣдника и,

вѣрный слову, данному старику-барину, честно блюлъ интересы барскаго имѣнія. Кончилась война, пріѣхалъ наслѣдникъ, оказавшійся зрѣлымъ мужчиной, закаленнымъ жизнью, какъ кажется, прожитой не безъ тревоженій. Баринъ поселился въ уединеніи стараго дома и занялся охотой, кое-что почитывая по временамъ, да балагурия по вечерамъ съ семействомъ своего крѣпостнаго.

Онъ ничего не измѣнилъ въ исконномъ обычномъ теченіи жизни въ его помѣсть, развѣ только сократилъ кое-какія излишнія повинности, установленныя еще Богъ знаетъ когда, въ родѣ доставленія на барскій дворъ грибовъ и ягодъ. Онъ, казалось, не тосковалъ, былъ веселъ, выпивалъ со старымъ дворецкимъ, навѣщалъ кое-кого изъ сосѣднихъ помѣщиковъ и любезничалъ съ своей крѣпостной дѣвушкой Пашей. Какъ и слѣдовало ожидать, эти любезности разыгрались въ очень обыкновенную исторію и могли бы кончиться тоже очень обыкновенно, если бѣ молодой баринъ не былъ, во-первыхъ, отчасти „тронуть духомъ вѣка“, а, во-вторыхъ, не считался „честнымъ русскимъ воиномъ“. Въ виду послѣднихъ условій, барская интрижка получила нѣсколько иной, хотя и романтический, но тяжелый ходъ. Честный воинъ и вольтерьянецъ не имѣлъ ничего противъ брака съ крѣпостной дѣвкой и даже считалъ для себя это долгомъ, но старая традиція окружающей общественной жизни ставили для этого непроходимыя преграды. Честный воинъ, добрый и любящій, храбрый и рѣшительный на полѣ битвы съ героями и слабыми, нерѣшительный на полѣ брани съ пигмеями мелочной жизни, сдѣлался жертвою томительныхъ душевныхъ колебаній между долгомъ, совѣстью и сознаниемъ *просто* челоуѣка и таковыми же, но уже окультивированными въ крѣпостнической средѣ. Эта томительная, душевная двойственность выразилась въ немъ еще болѣе съ беременностью Паши, но храбрый воинъ и тутъ не рѣшался... И въ то время, пока старуха-мать Паши бѣгала на поиски за повитухой, „честный воинъ“ предавался скорбнымъ думамъ о мрачномъ будущемъ нарождавшагося созданія и каялся, и оплевывалъ въ душѣ свою нерѣшительность, свою косность, пока не донесли до его слуха слова: „Ну, гдѣ у васъ тутъ отецъ-то? Куда ты, батюшка, запропастился? На, прини-

май: твоя дочь-то! Печего отлынивать!“ Эти слова поразили его своимъ необычнымъ тономъ, такъ какъ ихъ произносила простая деревенская баба: предъ нимъ стояла Кузьминична, держа на рукахъ крошечную Катю и поднося ее скопфузвившемуся и растерявшемуся вольтерьянцу.

Это событіе какъ разъ совпадало съ тѣмъ временемъ, когда Кузьминична, по устройствѣ благополучно дѣлѣ въ нашей семьѣ, вдругъ заскучала по деревнѣ, по какой-то дѣвушкѣ Глашкѣ, о которой она часто вздыхала и ушла отъ насъ, вопреки слезнымъ упрасиваніямъ. Какъ кажется, она уже не нашла въ живыхъ ни прежней своей барыни, ни дѣвушки Глашки, и поселилась въ одной изъ сосѣднихъ деревень, въ качествѣ лѣкарки и повитухи, гдѣ и нашла ее мать Паша. Вольтерьянецъ вдругъ пропикся къ ней необыкновеннымъ уваженіемъ, упросилъ ходить ее за больной Пашей и ребенкомъ и, наконецъ, уговорилъ остаться совсѣмъ въ его домѣ. Она легко согласилась и скоро беззавѣтно привязалась къ новому емейству.

Подростала Катя, дитя „случайной“ семьи, выздоравливала и вновь хворала ее мать; вольтерьянецъ-майоръ, ее отецъ, продолжалъ попрежнему малодушествовать между двумя крайностями, любовью къ своей семьѣ и общественнымъ мнѣніемъ, между которыми онъ, для успокоенія, проложилъ очень оригинальную тропинку, скроенную изъ кое-какихъ курьезныхъ силлогизмовъ. Силлогизмы эти собственно были придуманы на случай столкновеній съ Кузьминичной, которая не оставляла майора въ покоѣ, забравъ власть надъ его „барскимъ домомъ“.

Кузьминична, вступивъ въ этотъ домъ, тотчасъ поставила себѣ очень опредѣленную цѣль и стала преслѣдовать ее безбоязненно и неуклонно. Прежде всего, она ходила за хворой Пашей и холила ее, какъ свою дочь, въ воспоминаніе о какой-то таинственной „дѣвушкѣ Глашкѣ“, на которой почему-то были сосредоточены все струны ея сердца. Затѣмъ она всецѣло захватила въ свои руки воспитаніе маленькой Кати и въ этомъ воспитаніи думала „провести принципъ“. Она старалась до ничтожныхъ мелочей окружить ее тою обстановкой барскаго аристократизма, которую помнила со временъ своей юности, пропитывала ее всѣмъ возрѣніями, какія успѣла удержать ея память отъ воспитанія своей бывшей госпожи:

главной ея цѣлью было во что бы ни стало—видѣть въ маленькой Катѣ заправскую барышню. Въ этомъ руководилъ ею тонкій политическій расчетъ: этимъ путемъ она хотѣла перѣшпительнаго майора сбить на всѣхъ пунктахъ, постоянно, неуклонно, всякой мелочью давая ему знать, что Катя его—такая же дочь, какая была бы и отъ барскаго брака, и этимъ отрицывая ему всякое отступленіе. Можетъ быть, въ ней даже жила идея—да и навѣрно жила,—что изъ мужички легко стать барыней, а изъ барыни мужичкой. Она практиковала эту идею на дѣлѣ; заставляла майора нанять старую гувернантку-пѣмку, купить фортепiano, каждый мѣсяцъ умиля прогонять его въ городъ за нарядами... Майоръ, добродушно посмѣиваясь, исполнялъ все это, но вѣнчаться все-таки не рѣшался... „Ну, постой, окрѣчу же я тебя, хромою чортъ!“—ворчала вслухъ Кузьминична, а майоръ выпивалъ рюмку, набивалъ трубку и посмѣивался въ полусѣдые усы, слушая, какъ величала его Кузьминична за дверью (онъ хромалъ отъ засѣвшей въ ляжкѣ пули, которая съ годами сильно стала донимать его)...

Странныя бывають оказіи въ жизни русскаго человѣка: иногда онъ выкидываетъ неожиданныя штуки—то покажетъ примѣръ неимоверной храбрости, когда былъ завѣдомо трусъ, то вдругъ удивитъ всѣхъ грандіознымъ подвигомъ самопожертвованія, когда былъ извѣстенъ всѣмъ за „шишину“ и „пройдоху“, то, всѣмъ признанный за человѣка радикальнаго, безбоязненнаго, упорнаго и настойчиваго во всѣхъ чрезвычайныхъ и важныхъ обстоятельствахъ, вдругъ окажется, что никакъ не можетъ (ну вотъ рѣшительно никакъ) разстаться съ кое-какими мелочами, маленькими предрасудками, несмотря на то, что отъ нихъ зависятъ многія важныя обстоятельства. Таковъ былъ и майоръ. Охваченный движеніемъ, начавшимся вскорѣ послѣ войны, онъ весь всецѣло предался крестьянскому дѣлу: сталъ выписывать журналы и вдругъ отпустилъ своихъ крестьянъ на волю, когда сгорѣла ихъ деревенька, и переселилъ ихъ на новое мѣсто, въ другомъ уѣздѣ. А, между тѣмъ, онъ все еще никакъ не рѣшался стать предъ алтаремъ съ бывшею своею крестьянскою дѣвкой, въ которой души не чаялъ, не могъ признать свою дочь за дочь и вдругъ вспыхивалъ весь, какъ зарено, терялся, когда пріѣзжалъ кто-нибудь изъ

помѣщиковъ, и торопилъ гости къ себѣ въ кабинетъ.

Кузьминишна, при видѣ такого мало-душія, приходила въ необычайное негодованіе. Она связывала свои узлы, входила въ кабинетъ майора, показывая пальцемъ на образа, поражала его грозными рѣчами и, наконецъ, просила расчета или, лучше сказать, не расчета, а просто отставки. За смертью таинственной „дѣвушки Глаши“, которая, какъ я узналъ впоследствии, была единственнымъ плодомъ увлеченія ея юности, Кузьминишна отеклась окончательно отъ всякаго корыстолюбія и предавалась всей душой Катѣ, заглушивъ въ себѣ все личныя потребности. Майоръ сѣвшилъ успокоить ее и пускалъ въ ходъ силлогизмы, въ родѣ тѣхъ, каковыми характеризовалъ его Чуїка,—плодъ его „глубокихъ соображеній“ и хитрыхъ извивовъ ума, которыми онъ предавался послѣ каждого нападенія Кузьминишны. Кузьминишна рѣдко едавалась на эти компромиссы, и тогда майоръ давалъ ей честное слово, что *скоро, очень скоро* онъ рѣшится. Майоръ чего-то ждалъ, ждалъ лихорадочно, какъ ждала тогда этого *чего-то* половина Россіи... Наступилъ „незабвенный день“ 19-го февраля; майоръ пришелъ въ какое-то странное, возбужденное состояніе, одѣлся въ полную майорскую форму и, какъ-то особенно многозначительно посмотрѣвъ на Кузьминишну, уѣхалъ къ попу въ ближайшее село.

Вскорѣ послѣ манифеста была его свадьба. Кузьминишна успокоилась. Но какъ она горько разочаровалась бы, если бѣ была наблюдательнымъ психологомъ, если бѣ могла заглянуть въ душу майора, въ душу каждаго тогдашняго вольтерьянца. „И чего онъ, хромой чортъ, еще малодушествуетъ!“ воскликнула бы она въ отчаяніи. А майоръ, дѣйствительно, опять малодушествовалъ, но замѣтила это, къ несчастію, уже не Кузьминишна, а другое существо.

Пока росла Катя среди дикаго однообразія своей уединенной усадьбы, пока крѣпли ея молодая физическія силы и еще спалъ рефлектирующій умъ, пока она довольствовалась тѣсными экскурсіями съ Кузей, подвигами безстрашія относительно волковъ и иныхъ тѣсныхъ чудовищъ, все шло мирно и спокойно: даже смерть матери, случившаяся на двѣнадцатомъ году жизни Кати, не произвела на нее никакого пробуждающаго дѣйствія. Но

вотъ наступилъ тотъ критическій періодъ, въ который закладываются въ душѣ чело-вѣка первые „краеугольные камни“ нравственнаго зданія, тѣ камни, которымъ уже цѣтъ разрушенія, которыми обуславливается великая тайна будущаго развитія. Кузьминишна ждала давно этого дня, когда ея Катѣ стукнуло шестнадцать лѣтъ, и она давно уже готовила майора къ этому дню. Давно ея настояніями все было припасено и приготовлено, чтобы достойно встрѣтить этотъ день. Майоръ и здѣсь какъ-то стихійно подчинялся во всемъ Кузьминишнѣ—и долженъ былъ рѣшиться прожить зиму въ губернскомъ городѣ и показать людямъ свою Катю. Майоръ поѣхалъ.

Онъ, Катя и Кузьминишна—въ маленькомъ домикѣ губернскаго города. Декабрь. Въ городѣ особенное оживленіе по поводу дворянскихъ выборовъ. Начались балы. На одинъ изъ нихъ должна была выѣхать въ первый разъ Катя. Наканунѣ этого дня все взволновано: и Катя, и майоръ, и сама Кузьминишна. Наконецъ, напутствуемые благословеніемъ старухи, отецъ и дочь ѣдутъ „въ свѣтъ“. Малодушіе майора принимаетъ все большіе и большіе размѣры. Они въ залѣ. Катя чувствуетъ, какъ дрожитъ рука отца, какъ онъ вспыхиваетъ при каждомъ нескромномъ вопросѣ, предлагаемомъ ему, какъ, наконецъ, (все это она слышитъ), онъ малодушно отрекается отъ своей дочери, въ необычайномъ волненіи и смущеніи стоя предъ одной сановитой особой, и называетъ ее своей „племянницей, дальней родней“. Она, въ недоумѣніи, смотритъ на повое для нея общество; ее гнетутъ любопытные взгляды барынь, разсматривающихъ ее, какъ оригинальный монстръ, и чутко слышателя ея фразы: „дѣтя случайной семьи...“ „неесчастный плодъ свободомыслия...“ Вся—недоумѣніе, вся—напряженная, сосредоточенная пытливость, вернулась она домой. Нѣсколько разъ, послѣ бессонныхъ ночей, хотѣла она спросить отца, спросить—что это значитъ; но, майоръ, очевидно, избѣгалъ ея. Онъ сталъ пропадать по цѣлымъ днямъ. Онъ ѣздилъ по всемъ дворянамъ, гдѣ чуялъ обѣдъ, и пріѣзжалъ пьянымъ. Наконецъ, она сказала: „папа, я не хочу этой жизни... Уѣдемъ въ деревню...“ И, къ удивленію Кузьминишны, майоръ тотчасъ же нанялъ лошадей и они вернулись въ деревню.

Кузьминишна не узнавала своей рѣзвой Кати. Катя „заеалидничала“, по такъ и

слѣдовало по мнѣнію Кузьминичны. Только она не понимала, почему отецъ избѣгалъ своей дочери. Увы! она не постигала всей бездны его малодушія. Но умъ Катя работала энергично, быстро. Нѣтъ больше лѣса, полей, луговъ; не существуетъ для нея уже Кузя; разрозненные книжки журналовъ заняли ея дни и ночи... Съ какимъ-то гнетущимъ страхомъ, смѣшаннымъ съ малодушнымъ отчаяніемъ, наблюдалъ майоръ рѣзкій переломъ, совершавшійся въ его дочери, и, чѣмъ глубже онъ старался вникнуть въ причины этого перелома, тѣмъ малодушнѣе становился онъ, тѣмъ чаще предавался онъ покаяннымъ самооплевываніямъ. Мало-по-малу, онъ прекратилъ всякія связи съ знакомыми помѣщиками; сталъ запивать, якшаться съ мужиками. А въ это время, Катя неослабно работала надъ собою: въ своемъ уединеніи, поглощала жадно все, что только могла найти печатнаго въ безалаберной бібліотекѣ отца; и только изрѣдка разиобразила свое уединеніе, навѣщая съ Кузьминичной старую попадью и молодую дѣлкопицу ближайшаго села, да одну вдову-помѣщицу, проживавшую мирно и тихо съ своей племянницею въ сосѣдней усадьбѣ. Въ этихъ семействахъ навѣзали на праздникъ молодые люди, заглядывавшіе въ медвѣжьи углы, гдѣ проживали „авторы ихъ дней“. Они были вѣстниками о какой-то иной, бурливой и непонятной жизни, кипѣвшей гдѣ-то тамъ далеко, за дремучими лѣсами, за необозримо-длинной степью.

Прошли два томительные года; капля за каплей, жадно воспринимала Катя случайныя вѣсти изъ далекаго міра... „Папа, я не могу больше жить здѣсь, я уѣду“, однимъ вечеромъ, наконецъ, рѣшилась Катя выговорить отцу давно уже созрѣвшее въ ней рѣшеніе, когда онъ былъ особенно веселъ, распивая со старикомъ-дворецкимъ рябиновую. Волтерьянецъ не понялъ сначала, объ чемъ говорила ему дочь, но, казалось, смутно чувствовалъ что-то и горько-застѣчиво улыбнулся ей. Старый дворецкій ровно ничего не понялъ и продолжалъ благодушно сіять своими обезцвѣтѣвшими глазами, и только, когда поделушничавшая за дверью Кузьминична, ворвавшись въ комнату, грозно крикнула майору: „да ты слышишь ли, сударь, что дочь-то тебѣ говоритъ?“—вѣ вдругъ всполошились, не то сконфузившись, не то испугавшись чего-то. Старикъ дворецкій внезапно заторопился „къ себѣ, на

кухню“, побрякивая и утирая усы и бороду; майоръ почему-то быстро налилъ рюмку, быстро проглотилъ водку и тотчасъ же поставилъ графинъ на окно, а Кузьминична торопливо отыскала въ карманѣ очки и, надѣвъ ихъ, стала черезъ нихъ строго и внимательно смотрѣть то на отца, то на дочь.

Майоръ прошелся по комнатѣ и стремительно вернулся опять къ окну, опять проглотилъ рюмку водки, съ трескомъ захлопнулъ графинъ и затѣмъ, сѣвъ въ кресло, стоявшее въ тѣни, сталъ набивать трубку „жуковымъ“. Сѣла и Катя, серьезная, задумчивая, по съ какой-то нетерпѣливой рѣшимостью на лицѣ; ея щеки и лобъ горѣли; въ глазахъ бѣгали искорки взволнованной мысли. Сѣла и Кузьминична противъ отца и дочери и все еще не переставала глядѣть на нихъ вупоръ поверхъ своихъ очковъ. Молчалъ майоръ, молчала дочь. „Да ты, сударь, спросишь, что ли: куда она у тебя собирается?“—не вытерпѣвъ, выпалила Кузьминична, повернувшись всею негодующимъ лицомъ къ майору. Майоръ вздрогнулъ, завертѣлся, усиленно затянулся и закашлялся... „Я ѣду въ столицу“,—сороговоркой сказала Катя, предупреждая смущеніе отца:—я ѣду жить съ людьми... ѣду учиться“... Она хотѣла было продолжать, заикнулась и замолчала... Майоръ усиленно засапѣлъ трубкой, опять нервно завертѣлся на стулѣ и заговорилъ, прерывая рѣчь попыхиваніями въ чубукъ.—„Что жъ?.. учиться... да, дѣло хорошее... это хорошо... Что жъ? Я не могу... Я виноватъ! Я недостойный!“

— Папа, папа!.. Нѣтъ, не надо такъ!—вдругъ прервала его странную рѣчь Катя:—зачѣмъ? Этого не нужно... Это я сама!.. тутъ никто не виноватъ, кромѣ меня!

— Да ты скажи: чему это ты учиться ѣдешь, сударыня? Чему ты не научилась еще?—направила свою грозную фізіономію Кузьминична уже на Катю.

— Учиться?—улыбнулась Катя:—многому, а прежде всего лѣчить... Пойду въ фельдшерницы, въ повивальныя бабки...

Кузьминична такъ и векочила со стула, и остановилась среди комнаты въ необыкновенномъ недоумѣніи: первая мысль ея была, что ее хотятъ провести.

— Да ты, сударь, не слышишь, что ли, что она говоритъ?—дернула она майора за рукавъ.—Али тебѣ не стыдно за дворянскую дочь?

Майоръ учиненно тянуть изъ чубука. Кузьминична подождала отвѣта, но онъ молчалъ.

— Ну, такъ этому не бывать, — азартно рѣшила она и ушла, громко хлопнувъ дверью.

Отецъ и дочь остались одни и молчали.

— Мнѣ, папа, завтра хочется ѣхать, — первая прервала молчаніе Катя. — Ты меня проводишь до города, — прибавила она съ усиленіемъ и вдругъ вся вспыхнула: въ первый разъ сказала она отцу „ты“, приученная говорить съ младенчества вѣжливое „вы“, и это маленькое слово дикимъ, терзающимъ диссонансомъ рѣзнуло ея ухо.

— А дальше? — почти шопотомъ спросилъ майоръ, котораго все сильнѣе и сильнѣе охватывала боязнь чего-то, у котораго падали силы подъ наплывомъ чего-то гнетущаго, неопредѣленного и непостижимаго.

— А дальше... дальше не нужно... Дальше я не хочу ничего...

— И не хочешь даже?..

— Да... и не хочу! — слабо и нерѣшительно выговорила Катя.

Майоръ поднялся — и вдругъ заморгать глазами; щеки у него передернуло, губы свело судорогой: онъ силится улыбнуться...

— Я теперь, папа, спать пойду. Мы поговоримъ еще завтра, — сказала Катя и вышла, угнетенная первой борьбой.

По уходѣ ея майоръ опять сѣлъ въ кресло и пролилъ покаянныя слезы.

А въ это время, Кузьминичной овладѣла ужасная мысль, что съ рѣшеніемъ Кати та цѣль, неуклонно достиженію которой посвятила она всю свою любовь, всѣ свои заботы, исчезаетъ окончательно, что ея „принципъ“ (повторяемъ, что у Кузьминичны были всегда принципы не менѣе крѣпкіе, чѣмъ у образованныхъ людей), ея идея, которую хотѣла она осуществить въ лицѣ Кати, подрывалась въ корень, и изъ Кати, какъ и изъ тысячи ей подобныхъ, случайныхъ существъ, явившихся результатомъ барской прихоти и рабства, должно было выйти нѣчто уже давно знакомое, несущее на себѣ проклятіе отверженія. Эта мысль глубоко волновала ее, и со всею силой своей старческой энергіи возстала она противъ намѣренія Кати.

Она уговаривала ее, сердилась на нее, грозила больше „не знать и не вѣдать“ ея, не молиться за нее, наконецъ, рѣши-

лась даже на непохвальное дѣло, стараясь тихими нашептываніями разныхъ ужасовъ возстановить слабаго отца противъ Кати. Но все было напрасно: воля и настойчивость Кати были достойны ея воспитательницы. Песмотря на то, что Кузьминичнѣ почти на цѣлую недѣлю удалось задержать разными способами отъѣздъ нерѣшительнаго майора и Кати, однимъ раннимъ утромъ, наконецъ, подѣхала къ майорской усадьбѣ давно жданная Катей тройка пунтовыхъ лошадей. Въ это же замѣчательное утро совершилось нѣчто неожиданное и съ Кузьминичной: она вдругъ круто измѣнила свой образъ дѣйствій, принялась быстро и заботливо собирать и связывать вещи Кати, изрѣдка только ворча себѣ что-то подъ носъ. Катя улыбнулась, смотря на нее, а Кузьминична, замѣтивъ это, полусердито, полунѣжно говорила ей: „ну, такъ хорошо же! поѣзжай... Хорошо же! хорошо же! хорошо же!“ Говоря это, Кузьминична лукаво подергивала головой и хранила какую-то тайну: очевидно, въ душѣ ея опять зрѣла идея. Всѣ вышли на крыльцо; весело позвякивалъ колокольчикъ, весела была и Катя; около крыльца собрались ближніе „добрые люди“, въ шапкахъ и безъ шапокъ, нарочно и мимоходомъ, мало зная или советамъ не зная, что за стремленія и куда влекутъ уѣзжающихъ, но всѣ — съ сердечнымъ напутствіемъ на широко-улыбающихся лицахъ.

— Ну, поѣзжай хорошо же! — проговорила въ послѣдній разъ Кузьминична, благословляя костлявою рукою Катю и не отирая съ лица бѣжавшихъ слезъ. Заскрипѣлъ тарантасъ, застучали колеса; „добрые люди“ встѣдъ за Кузьминичной осыпались крестнымъ знаменіемъ, и Катя скрылась надолго изъ родного гнѣзда.

Черезъ мѣсяцъ вернулся майоръ домой, скучный, разслабленный, разбитый. Двѣ недѣли кутилъ онъ въ губернскомъ городѣ послѣ проводовъ Кати, пока не прокутилъ всѣ бывшія съ нимъ деньги. Приѣхавъ, онъ вновь запилъ и съ каждымъ днемъ падалъ все ниже и ниже, нравственно и физически: онъ теперь порвалъ уже окончательно всякую связь съ сосѣдними дворянами; онъ стыдился себя, а они гнушались имъ; сталъ ходить по деревенскимъ кабакамъ, таскаться съ Кузей, сдѣлавшимся ловкимъ кулачкомъ, по ярмаркамъ, по сельскимъ трактирамъ.

Здѣсь онъ то бушевалъ, то проливалъ покаянныя слезы, нѣсколько разъ подвергался опасности быть избитымъ, а иногда совѣтъ потерять жизнь, но всегда былъ спасаемъ самоотверженно Кузей, любившимъ его какой-то странной любовью. Иногда онъ запирался дома и грустилъ, грустилъ глубоко, давалъ обѣты „вести осмысленный образъ жизни“. Это всегда случалось разъ въ мѣсяцъ, когда на посылаемые имъ ежемѣсячно Катѣ 30 рублей онъ получалъ ея короткое письмо. „Я получила, папа, твои деньги; здорова, счастлива, учусь. Твоя Катя“. Онъ цѣлый день посился съ этимъ письмомъ, выпивалъ только предъ обѣдомъ и ужиномъ, но на слѣдующій день опять ослабѣвалъ, проклиналъ себя и пилъ и плакалъ, плакалъ и пилъ...

Если бы знала это Катя? Но было ли бы лучше, если бы она знала? Прошло четыре мѣсяца, какъ вдругъ, вмѣсто ожидаемаго письма, майоръ получаетъ обратно посланную имъ обычную сумму... Дрогнули руки майора, ноги подкосились, мысль, что *она* умерла, рванула его за сердце. Но онъ видитъ на адресѣ ея почеркъ; онъ дрожащими руками сламываетъ печать—и читаетъ: „Папа, я больше не хочу жить твоими деньгами. Я отрекаюсь отъ всего, что мнѣ напоминаетъ *то*... прошлое... Больше не буду присылать мнѣ... Я знаю, ты будешь сердиться. Но я такъ хочу и, чтобы избѣжать ни къ чему немогущихъ привести переговоровъ, не пишу тебѣ своего адреса.—Катерина Маслова“. (Это была фамилія ея матери по отцу—дворецкому; фамилія же майора была Усташевъ.) Майоръ облокотился обѣими руками на столъ, положилъ предъ собою письмо и долго, сквозь слезы, смотрѣлъ на сливавшіеся его строки. Онъ просидѣлъ такъ, не шелохнувшись, два часа и когда поднялся, Кузьминична „не увидала на немъ лица“. На ея ужасъ онъ отвѣтилъ отрывисто: „все одно... умерла... т. е. гдѣ, я... я для нея умеръ“. Онъ заскрипѣлъ зубами и, молча, показавъ невидимо каму-то кулакъ, велѣлъ заложить лошадей и поѣхалъ въ ближайшее торговое село.

Давно уже окрестные крестьяне не разъ выказывали добродушное желаніе, зная майора за хорошаго и умнаго человѣка, „приспособить къ чему-нибудь“ его барское ничего-нѣдѣланіе; давно ужъ они пытались поэксплуатировать въ свою поль-

зу его знанія, но безалаберность майора, а отчасти и дворянскій гоноръ не позволяли ему подчиниться этой „добродушной эксплуатаціи“. Но мужики словно чутьемъ чувствовали, что рано или поздно онъ будетъ *илъ*, да и самъ майоръ давалъ надежду на это, потому что часто, плыствуя съ ними, онъ волей-неволей втягивался въ ихъ интересы, давалъ совѣты—то злобно, съ какой-то ехидной преднамѣренностью, съ желаніемъ напакостить или имъ, или помѣщикамъ, или начальству, то добродушно и безкорыстно, любовно и заботливо. Мужичьимъ надеждамъ суждено было осуществиться: дикимъ, злымъ, пьянымъ протестомъ пошелъ майоръ на это „приспособленіе“. Ходя по кабакамъ и трактирамъ, нарочно искалъ онъ матеріала для этого приспособленія: ни одна мужичья просьба, ни одна жалоба, ни одна недоразумѣніе между мужиками и помѣщиками и тѣхъ и другихъ между посредниками не оставались имъ безъ вниманія. Сначала полетѣли всевозможныя „просьбы“, „обжалованія“, „протесты“, которые онъ строчилъ по кабакамъ, и, наконецъ, когда увидѣлъ, что эти „протесты“ остаются въ большинствѣ случаевъ мертвой буквой, онъ не вытерпѣлъ и сталъ принимать на себя личныя ходатайства. Скоро имя майора загремѣло по окрестной падестинѣ: онъ сталъ „тоской и насадой“ посредниковъ, помѣщиковъ и мировыхъ създовъ. Всѣ окрестные помѣщики погодовали на него, и, только благодаря его севастопольскимъ заслугамъ да пятидесятилѣтнему возрасту, удалось ему остаться „неприкосновеннымъ“. Майоръ чувствовалъ, что онъ „не одинъ въ полѣ войнѣ“, и еще энергичнѣе направилъ свою дѣятельность: скоро онъ сдѣлался „тоской и насадой“ уже не однихъ посредниковъ, но цѣлаго мѣтнаго земства. Вся эта дѣятельность, сначала какая-то стихійная, безпутная, вконецъ мало-по-малу поглотила цѣликомъ душу майора; майоръ пересталъ пьянствовать, въ немъ забродило и ожило кое-что изъ стараго, онъ перечиталъ даже кое-какія книжки, не безъ дрожащихъ на рѣсницахъ слезъ. Въ немъ иногда закипала надежда, что еще не все пропало для него... Иногда эти надежды такъ радужно сіяли предъ нимъ, что идея любви и всепрощенія осѣнила его уставшую душу. Но чаще онъ чувствовалъ, что что-то „утекло“, утекло неозвратно. Въ эти минуты его серд-

це разрывалось тоскою о рано умершей женѣ, о потерянной дочери, и только неустанно-шумная, не дающая очнуться дѣятельность среди наплывавшихъ нуждъ сѣраго люда помогла ему перенести эту тоску. Когда дѣятельность его стала разумнѣе и отчасти спокойнѣе, онъ занялся своимъ имѣніемъ, подѣ давленіемъ Кузи, сдѣлавшагося въ это время извѣстнымъ всему окрестному люду подѣ именемъ Чуйки, и скоро на мѣстѣ старой усадьбы „обосновалась“ та оригинальная колонія, которую прозвали „полубарскимъ виселкомъ“.

Шли годы—другой, третій, четвертый...

Былъ душный польскій вечеръ; въ воздухѣ еще чуялась дневная гарь и пыль, неуспѣвшая улетѣть. Нынѣшнее лѣто было очень тяжело для окрестной палятины; нестерпимыя жары и засухи привели къ пожарамъ, скотскимъ падежамъ и холерѣ. Майоръ, Троша и Чуйка, сидя на крылечкѣ майорскаго дома, вели медленную бесѣду о „тяжеломъ времени“, причины котораго Троша, по обыкновенію, искалъ въ освобожденіи крестьянъ и народнои, вѣдѣствіи этого „необстоятельности“, а Чуйка, печалуясь о павшихъ у нихъ двухъ коровахъ, путемъ какихъ-то хитрыхъ соображеній, пришелъ къ заключенію, что все это отъ того, что „въ людяхъ вѣры нѣтъ“.

— Гдѣ нынче подвижники? Нынче, братья, ихъ за брильянты не сыщешь! Ежели бы въ старыя времена, такъ въ эдакую тяжелую пору сколько бы подвижниковъ было! Сейчасъ бы иноки во властѣнницы одѣвались, патриархи бы облеклись во вретнище, бояре и гостинные богатые люди, изыидя на площади и раздравъ одежды свои, посыпавъ главы пепломъ и отжегшись животомъ своихъ, пошли бы босы и наги по всей землѣ русской, идѣ учае, идѣ милосердствуй, идѣ же вознося и укрѣпляя мятущійся духъ. Вотъ какъ прописано въ книжкахъ... А нынче—все въ копейку, въ мамонъ ушло! заключилъ Чуйка, взволнованно поправивъ на головѣ фуражку.

Троша на это только скептически покачалъ головой и скосилъ глаза, понюхавъ табакъ. А въ головѣ у него егосила мысль: „вотъ онъ—шишга-то! Аа-ахъ! Подвижники! А примѣрно, кто первымъ дѣломъ по базарамъ маклачить? Въ праздникъ Божій, чѣмъ бы лобъ перекрестить, а онъ, еле забрезжится, ужъ на ярман-

кѣ и скупаеъ гдѣ ни то? А теперь изъ какихъ это капиталовъ, позвольте спросить, ваша супруга форсы задаеъ: что ни лѣто—новый сарафанъ?.. Подвижники!“... Троша такъ увлекся этими размышленіями, что даже забылъ о присутствіи Чуйки и хотѣлъ было уже сообщить ихъ майору, какъ вдругъ издали послышался шумъ колесъ; изъ-за угла повернула телѣга, и майоръ, поднявшись, уже пристально вематривался въ подѣзжавшихъ: изъ-за широкой спины мужика, сдѣвшаго безъ шапки, въ одной посконной рубахѣ, на передкѣ, показалась шляпка, зонтикъ. Сердце майора забилося. Еще минута—и онъ вдругъ какъ-то автоматически снялъ фуражку, обнаживъ свою серебряную голову, и, опираясь другою рукою на суковатую палку, замеръ подѣ неожиданнымъ наплывомъ чего то неизвѣстнаго, какъ замираеъ на мгновение человекъ послѣ ослѣпившей его молніи, въ ожиданіи, что вотъ-вотъ, еще секунда и ужасный, потрясающій ударъ разразится надъ его головою...

Катя, не давъ остановиться лошадамъ, выскочила изъ телѣги, быстрыми, но неровными и слабыми шагами подошла къ отцу и, взявъ его старую руку, крѣпко сжала, безъ словъ, безъ поцѣлуевъ. Что-то невыразимое словомъ было въ этомъ пожатіи для майора: изъ его глазъ хлынули потокомъ слезы и сразу смочили, какъ благодатною росой, его старческое доброе лицо. Катя поспѣшно отерла платкомъ эти слезы и, молча, поцѣловала его въ лобъ.

— Пойдемъ, пойдемъ,—пропенталъ майоръ,—вонъ туда, ко мнѣ... Онъ заторопился и чуть не упалъ отъ волненія, но Чуйка успѣлъ уже поддержать его.

Отецъ и дочь вошли въ домъ, а Троша, давно уже лѣниво стащившій съ головы своей бобровый картузъ, недовольно опять потянулъ его на голову: въ приѣздѣ барышни ему чувствовалось опять „что-нибудь новое“, что могло нарушить его мирный покой, хотя бы самымъ отдаленнымъ и косвеннымъ путемъ.

А въ это время майоръ, усадивъ передъ собою дочь, говорилъ ей съ умоляющею просьбой въ глазахъ:

— Голубушка! пожми мнѣ еще руку, еще такъ пожми... Мнѣ ничего больше не нужно...

Онъ ловилъ ея руки, и она жала ему ихъ крѣпко, со слезами и страданіемъ въ глазахъ, смотря въ его розовое, влажное

лицо, обрамленное съдыми, подстриженными подъ гребенку волосами и длинными усами, висевшими надъ плохо выбритой нижней частью лица.

— И надолго?—боязливо спросилъ майоръ Катю.

— Да, надолго... теперь надолго...

— А-а!... Ты, значить, слышала обо мнѣ?—стыдливо спросилъ майоръ.

— Да, я слышала... Но нѣтъ... нѣтъ... я не поэтому!—вспыхнула Катя.—Я совсѣмъ по другому... *совсѣмъ по другому*,—повторила она задумчиво.

— И въ такое время! Ты не слыхала, можетъ быть,—у насъ здѣсь вокругъ холера...

— Слышала и это. Но мнѣ все равно... Вѣдь ты же не боишься! А Кузьминична ужъ навѣрно не боится? Чѣмъ я хуже васъ?

Въ дверяхъ показалась строгая фигура Кузьминичны.

— Такъ и надо... Омойтесь въ банѣ покаянія и очиститесь въ горнилѣ смерти,—проговорила она наставительнымъ тономъ, молясь въ передній уголъ.

Катя бросилась было къ ней, но Кузьминична чопорно и серьезно расцѣловалась съ ней и смиренно, скрестивъ на груди руки (это ея обычная поза въ чрезвычайныхъ случаяхъ), встала въ углу у двери. Кузьминична сердилась: она не могла простить Катѣ ея „безчувственнаго забвенія“ ихъ, какъ будто ихъ совсѣмъ на свѣтѣ не было, какъ будто они не любили или не умѣли уже, или отвыкли любить, какъ будто въ нихъ (т. е. въ майорѣ, въ ней и „во всѣхъ прочихъ“, подразумевала она) сердца не было, сердце вдругъ застыло и охолодѣло. Она многое ей простила, она, въ продолженіе долгихъ четырехъ лѣтъ предаваясь надеждѣ размышленийъ о странномъ поведеніи Кати, о крутомъ переломѣ въ ея характерѣ, многое угадала, хотя и смутно, но угадала, и тѣмъ больше угадывала, тѣмъ больше прощала ей, но одного не могла простить,—именно: „зачѣмъ сердце забыли? вѣдь, сердце-то также болѣло и страдало и у другихъ, а забыли сердце, уму дали да отмищенію волю!“

Но недолго, конечно, Кузьминична фигурировала въ этой роли огорченной матери: она даже не выдержала и нѣсколькихъ минутъ молчанія, въ продолженіе которыхъ отецъ безмолвно наслаждался, смотря въ милое, дорогое лицо своей дочери и въ каждой чертѣ лица то того, старого, то совсѣмъ, *совсѣмъ новаго*. Въ

немъ было и то, и другое: отъ старого осталась дѣтская улыбка, иногда бойкій, рѣзкій взглядъ карихъ глазъ, отъ новаго — строгость и угловатость чертъ на лицѣ и печать какого-то глубокаго страданія, но такого, которое доставляло человѣку много свѣтлыхъ, отрадныхъ минутъ... Всего же поразительнѣе было въ ней — строгая простота, почти аскетическая, изъ-подъ которой хотя и была ежеминутно свѣжая, знойная струя молодой, полной силы жизни, но тѣмъ не менѣе нѣсколько не вредила общему впечатлѣнію. Кузьминична не утерпѣла; ее волновало это „безпечальное созерцаніе“ майоромъ своей дочери.

— А вы бы, сударь, полюбопытствовались: чему ваша дочка изволила научиться въ пныхъ земляхъ?—предложила она майору.

— И всему, няня, и очень немногому,—поспѣшила отвѣтить Катя.

— Такъ все жъ таки научилась дѣльному... или такъ?—переспросила Кузьминична.

— Кое-чему и дѣльному... Приѣхала вотъ въ бабки сюда, въ земство.

— Гм... Ну, такъ хорошо!... Пстойже,—погрозила ей, улыбаясь, Кузьминична и тотчасъ заволновалась, зашумѣла ключами, и лицо ея приняло то озабоченное выраженіе домовитыхъ матерей, съ которымъ онѣ любятъ угощать своихъ возвращающихся изъ ученія дѣтей. Кузьминична устраивала праздники деревенскаго кулинарнаго искусства, сбивъ съ ногъ для этого дѣла почти всю колонію, даже невозмутимаго Трошу, котораго заставила ловить курицу, забѣжавшую отъ страха предъ гонявшеюся за нею Кузьминичной къ нему въ огорождъ.

Три дня Кузьминична справляла по старозавѣтному праздникъ въ ознаменованіе возвращенія „блудной дщери“: то заколола лучшаго гуся, то индюшку, то каплуна. Но въ то время, какъ увлекшись слишкомъ воспроизведеніемъ притчи о „блудномъ сынѣ“, она забыла о всякой гигиенической предосторожности, майоръ, напротивъ, окружилъ свою дочь самую нѣжною заботливостью и въ каждой мелочи старался парализовать слишкомъ усердное гостепріимство Кузьминичны. За обѣдомъ онъ то возьметъ у Кати съ тарелки слишкомъ жирный кусокъ и положить ей тщательно выбранный имъ другой, то ѣжиково спрячетъ у нея изъ-подъ глазъ миску съ земляничкой и сливками,

когда та слишком увлечется давно невиданною ею деревенскою роскошью, то запретъ садъ на ключъ въ опасеніи, чтобы его дорогая Катя опять слишком не увлеклась красными вишнями, которыхъ она такъ любила. По вечерамъ когда Катя выйдетъ въ садъ, или ночью, когда она заснетъ мирнымъ здоровымъ сномъ, майоръ тщательно дезинфицировалъ карболкой, ждановскою жидкостью и уксусомъ четырехъ разбойниковъ не только компаты дома, но и всю усадьбу: припудрилъ даже Кузю и Трошу заботиться объ атмосферѣ своихъ жилищъ. Его опасливость за пѣжно-любимую и неожиданно возвращенную ему дочь доходила до нервной и томительной боязни; онъ страдалъ бессонницей, его кидало въ жаръ при мысли, что вотъ-тотъ занесутъ холеру въ его усадьбу; онъ даже не подпускалъ мужиковъ изъ окрестныхъ деревень близко къ своей усадьбѣ. Часто ночью раза два заглядывалъ онъ въ спальню Кати и чутко прислушивался къ ея мѣрному дыханію... Онъ даже рискнулъ очень строго поступить съ Кузьминишиной: голосомъ, устрашающимъ всякое возраженіе, онъ запретилъ ей на сажень удаляться изъ усадьбы, а тѣмъ паче ходить въ окрестныя деревни—лѣчить или принимать у себя крестьянскихъ беременныхъ бабъ. Но бабы все-таки ухитрились всевозможными способами проводить бдительность майора и проскользнуть на медицинскія консультаціи Кузьминиши такъ ловко, что майоръ никогда бы не зналъ объ этомъ, если бы не усердіе Троши, который, еще болѣе майора боясь холеры, уже по своей личной трусости, доносилъ ему о замѣченыхъ имъ бабьихъ ухищреніяхъ, нарушавшихъ всякія карантинныя предосторожности. Но скоро случилось такое непредвидѣнное событіе, которое сразу положило конецъ этой охранительной войнѣ майора и Троши противъ соседнихъ бабъ. Случилось это событіе, какъ разъ по прошествіи трехъ дней съ пріѣзда Кати, когда Кузьминишна положила предѣлъ устроению въ честь возвращенія „блудной дочери“ празднику деревенскаго кулинарнаго искусства. На третій день къ вечеру Катя случайно зашла въ избу Кузьминиши и застала у нея проскользнувшихъ изъ-подъ присмотра майора двухъ деревенскихъ пациентокъ; пациентки были смутились, но Катя смутилась еще больше, когда ей сказали, подъ какой охраной держитъ майоръ свою усадьбу. Ка-

кая-то жгучая мысль пронеслась въ ея головѣ, краска бросилась въ лицо, и она какъ-то смущенно и порывисто стала спрашивать бабъ о здоровьѣ, изслѣдовать, давать имъ совѣты и, наконецъ, велѣла имъ назавтра прямо приходить къ ней, а если кто задержитъ ихъ, то сказать, что сама барыня такъ приказала. Бабы ушли, а Катя и Кузьминишна цѣлый вечеръ пробесѣдовали о бабьихъ болѣзняхъ. Катя какъ будто очнулась, какъ будто вспомнила неотложность какой-то обязанности, и ночью долго горѣлъ въ ея комнатѣ огонь, долго просматривала она медицинскія книги, торопливо, нервно, какъ будто собиралась куда-то. Въ эту ночь не спалось и Кузьминишѣ: какія-то мысли не давали ей покоя; нѣсколько разъ вставала она съ лавки и молилась объ укрѣпленіи въ чемъ-то и спасеніи отъ чего-то. На слѣдующій день, рано утромъ, съ подогомъ въ рукахъ и узелкомъ съ какими-то снадобьями тихо прошла она въ комнату Кати. Катя была уже одѣта въ простую сѣренькую блузу, затянутую кожаннымъ ремнемъ съ клеенчатой шляпой на головѣ.

— Ты не бойся, Катюшка,—шепнула Кузьминишна, я ужъ за тебя молилась, а теперь сама помолись.

— Хорошо, няня; я про себя въ умѣ помолюсь...

— Съ молитвой-то лучше... Я вотъ ужъ какъ боялась за тебя, не рѣшалась все, да помолилась—и трусить перестала... Вѣра, сказано, горами двигается... Иисусъ-Навианъ съ вѣрой-то солнышко остановилъ... А ты шляпку-то сними,—вдругъ посовѣтовала она Катѣ,—повяжись платкомъ, для насъ, деревенскихъ, лучше какъ-то...

Катя наскоро сняла шляпу, покрыла голову бѣлымъ носовымъ платкомъ и вышла вѣдъ за крестившейся на ходу Кузьминишой.

Едва вышли они за околицу, какъ навстрѣчу имъ показался майоръ, ѣхавшій съ Трошей съ полевыхъ работъ. Кузьминишна перекрестилась.

— Куда?!—вскрикнулъ майоръ, въ необычайномъ недоумѣніи останавливая лошадей, едва они только поровнялись. Троша было поднесъ руку къ своему брововому картузу, чтобы съ подобающимъ уваженіемъ раскланяться съ „барышней“, какъ вдругъ его рука такъ и застыла на обтупленномъ и вытоптанномъ на солнцѣ козырѣ. Уви!—онъ услышалъ слѣду-

юція слова Кузьминишны, ворчиво обращенныя ею къ майору:

— Ну, батюшка, — сказала она, — не все праздновать; пора и другихъ вспомнить... Не даромъ, поди, учились.

Майоръ уже готовъ былъ что-то еще крикнуть.

— Мы идемъ въ деревню: тамъ много больныхъ, — предупредила его Катя.

— Старуха! сумасшедшая! Это ты! ты! — закричалъ майоръ, выскакивая изъ плетушки и въ негодованіи наступая на Кузьминишну.

— Папа, — твердо выговорила Катя, — она невиновата... Я должна была сама...

Майоръ и Катя оба были взволнованы; у послѣдней на минуту въ глазахъ сверкнулъ какой-то странный огонь, который раньше не приходилось замѣчать майору. Онъ наскоро снялъ фуражку, наскоро перекрестился и, молча вскочивъ въ плетушку, погналъ лошадей...

— Ну, теперь загубили!.. какъ пить дадутъ!.. я говорилъ! Мое слово съ вѣтра не бываетъ, — ворчалъ Троша, безпокойно вертѣсь рядомъ съ майоромъ. — Сударь! Прикажите наистрожайше вернуться, пока не поздно!

Вплоть до усадьбы продолжалъ волноваться Троша, нѣсколько разъ зывая къ майору, но майоръ продолжалъ упорно молчать и, пріѣхавши домой, бросилъ Трошѣ вожжи, выскочилъ изъ плетушки и скрылся въ своемъ кабинетѣ. Долго сидѣлъ онъ здѣсь, молча выкуривая трубку за трубкой; глаза его нерѣдко наполнялись слезами, имъ овладевалъ малодушный страхъ предъ тѣмъ-то. „Опять! — шепталъ онъ. — Что если теперь она *также* взглянетъ? Если опять отрѣшится отъ меня? Пойметъ ли она, что теперь уже не то... что теперь уже это я изъ любви къ ней, къ ней одной... Но — спросить — зачѣмъ же къ ней одной?“

Покаянныя мысли вновь обуяли душу майора, но уже это было его послѣднее покаяніе.

ГЛАВА V.

Вѣра сердца.

Общія впечатлѣнія дѣтства скорѣе и вѣрнѣе всего сближаютъ людей. Такъ было и теперь. Вызванныя мною въ душѣ Кати воспоминанія какъ-то незамѣтно нарушили ея сдержанность и холодность; она увлеклась, читая въ моемъ лицѣ, что

я переживаю тѣ же самыя ощущенія, какія овладѣли ею, и къ концу разсказа мы были какъ будто давно знакомы. А послѣдній эпизодъ съ бабами и выходка Кузьминишны, когда она, вопреки всѣмъ майорскимъ предосторожностямъ, повела Катю въ деревню, охваченную эпидеміей (этотъ эпизодъ Катя разсказала нѣсколько иначе, нежели передалъ его я: она прямо всю инициативу дѣла приписала Кузьминишнѣ, предоставивъ себѣ только пассивную роль, даже прибавила, какъ она будто бы струсила), заставили насъ даже очень добродушно расхохотаться. Въ концѣ-концовъ, Катя, кажется, осталась довольна мною, въ особенности при рекомендаціи Кузьминишны, по которой оказывалось, что у меня „сердце есть“... Увлечшись такою довѣрчивостью Кати, я какъ-то невольно спросилъ ее:

— Скажите, что васъ заставило вернуться сюда и жить здѣсь? Неужели только желаніе служить земскою повивальною бабкой?

— Нѣтъ, — отвѣтила Катя и тотчасъ же насторожилась.

— Васъ обманули *тамъ*?

— Тотъ не обманываетъ, кто обманывается самъ, — произнесла она докторальнымъ тономъ, въ которомъ уже и слѣда не было прежней задумчивости.

Но я, хотя и замѣтилъ это, хотѣлъ уже разузнать все, чего мнѣ не доставало для пониманія „исторіи майорской дочери“.

— Значить, вы сами извѣрились?..

— Да, — предупредила она мой вопросъ.

— И, какъ заблудшая дочь, вернулись сюда, чтобы обратиться къ старой вѣрѣ?

— Нѣтъ, не къ старой, а найти... *новую*.

— И нашли?..

— Отчасти... Да что вы меня допрашиваете? — рѣзко спросила она.

— Меня это очень интересуетъ, потому что я самъ извѣрился... Вы мнѣ не вѣрите?

Она посмотрѣла мнѣ въ лицо.

— Нѣтъ, вѣрю, — твердо сказала она послѣ небольшого молчанія. — Я о васъ слыхала.

— Скажите, въ чемъ же суть?..

— Вы знаете Башкирова? — прервала она.

— Знаю... Но, насколько мнѣ извѣстно, онъ — не теоретикъ...

— Да, онъ — не теоретикъ... У него нѣтъ системы. Но онъ самъ — воплощеніе вѣры сердца...

— Какъ вы сказали?

— „Вѣра сердца“... Это не совсѣмъ точно, но еще нѣтъ названія, такъ какъ все это пока очень неопредѣленно... Башкировъ самъ по себѣ—фактъ, воплощеніе этой вѣры...

Я замаялся и думалъ, чтѣ ей отвѣтить. Въ это время за дверями послышался голосъ майора.

— Наполеоны! Волтеры!—кричалъ онъ.

— Да, зтогъ грѣхъ за нами изъ вѣковъ,—отвѣтилъ кто-то, сильно напирая на о.

Катя быстро встала, вспыхнувъ отъ чего-то: можетъ быть, она узнала голосъ гостя.

— Говорите же что-нибудь... Вы понимаете, напримѣръ, чтѣ такое Кузьминщина?—почти шопотомъ и нетерпѣливо спросила она меня.

— Понимаю.

— Ну, вы должны чувствовать и это... эту „вѣру сердца“!—сказала она и вышла въ сосѣднюю комнату.

— Катчикъ! Катя!.. Поймалъ, наконецъ, братъ!.. Поймалъ! Ха-ха-ха!—кричалъ майоръ, проталкивая сзади въ дверь какую-то странную фигуру.

— Ничаво, я теперь не убѣгу,—протяжно проговорилъ оригинально-принимаемый гость.

Признаюсь, не скажи онъ ничего, я не скоро узналъ бы въ этой странной фигурѣ Башкирова. Весь въ пыли и поту, въ старой синей поддевкѣ, подпоясанной веревочкой, въ брюкахъ, засунутыхъ въ дегтярные сапоги, съ широко-улыбающейся потною физиономіей и довольными глазами, онъ былъ оригиналенъ и неузнаваемъ.

— Ха-ха-ха, братъ! Поймалъ! Старуха! Припирай двери! Засовомъ! Крѣпче!—суетился, видимо, чрезвычайно чѣмъ-то довольный майоръ.

— Ничаво, я теперь не уйду. Я и самъ изусталъ,—говорилъ Башкировъ, садясь псѣмъло на стулъ около двери и вытираясь большимъ клѣтчатымъ платкомъ.

— Катя! Гдѣ же она?—озирался майоръ.—Ты посмотри-ка: затащилъ, братъ, затащилъ!

— Наконецъ-то!—сказала Катя, скорою походкой выходя изъ сосѣдней комнаты прямо къ Башкирову, и пожала ему крѣпко руку.

— Потная. Издалека иду, виноватъ!—протянулъ конфузливо Башкировъ, выти-

рая руку платкомъ уже послѣ того, какъ Катя ее пожала.

Катя ничего не отвѣтила и снова сѣла на прежнее мѣсто, съ серьезнымъ любопытствомъ устремивъ взглядъ на Башкирова и нѣсколько даже подавшись впередъ корпусомъ, какъ бы ожидая разъясненія и этого визита, и странности костюма, въ серьезной цѣли которыхъ она, повидимому, не сомнѣвалась.

— Иѣтъ, ты спроси, Катчикъ: гдѣ онъ былъ? Какую онъ штуку сдѣлалъ... иѣтъ, не „сдѣлалъ“, а какъ?.. Оборудоваль? Да?—обратился майоръ къ Башкирову.

— Оборудовать.

— Да, да! никто, вѣдь, не сумѣлъ, никто не смогъ... А нашъ геніаль-то, Морозовъ-то... Каковъ!.. Ха-ха-ха!.. Отказалъ!.. Вотъ ош, Наполеоны! Волтеры!..

— Какое же это дѣло?—спросила Катя.

— Да я тебѣ, кажется, говорилъ, я тебѣ, кажется, рассказывалъ? Иѣтъ?—заторопился майоръ, говорившій всегда скороговоркой, когда хотѣлъ сообщить что-нибудь чрезвычайное, какъ будто боясь, чтобъ его не предупредили. — Поминишь, добросельцы съ красносельцами хотѣли сообща луга и пашни снить у Дикого? У нихъ, вѣдь, совсѣмъ луговъ нѣтъ, на пашнѣ скотъ пасутъ, а то по болотамъ, а рядомъ, у Дикого, поемщина въ полтора-два десятинъ лежитъ дарма: ни себѣ, ни людямъ. Кулаки къ нему сколько разъ было навѣдывались, цѣны нагнали страшныя—всѣхъ выгнали; мужички потомъ сами ходили, авось-де счастье не выпадетъ ли имъ, и ихъ выгналъ! Вотъ, изволите видѣть, молодой человекъ (это майоръ ко мнѣ обратился), мужички просто смотрѣть безъ слезъ не могутъ на эти луга. У нихъ, скотина—кожа да кости, а подъ глазами—пойма... Да-съ, такъ вотъ какая, можно сказать, поразительная картина была! Думали-думали мужики и надумали кого-нибудь со стороны послать къ Дикому: сейчасъ, конечно, ко мнѣ. Ну, я ихъ спровадилъ къ Морозову,—все же скорѣе можетъ успѣть: нѣкоторымъ образомъ чуть не родные они съ Дикимъ. А нашъ геніаль-то, каковъ!.. Какъ вы думаете: чтѣ онъ сдѣлалъ? А? Отказалъ!.. Да, отказалъ!.. „Я, говоритъ, тутъ никакого успѣха не предвижу, братцы, потому что мы съ Дикимъ слишкомъ въ убѣжденіяхъ расходимся. Ступайте къ майору! онъ самъ—помѣщикъ!“ Каковъ!..

А? Къ майору! А майоръ—что? Майоръ, стало быть, не имѣеть убѣжденій? А?

Майоръ заходилъ въ волненіи по кампаты.

— Старушенція! да скоро ли ты намъ водки-то дашь? — вдругъ крикнулъ онъ, обращаясь куда-то за стѣну.

— Несу, несу... Слышу ужъ! — говорила Кузьминична, внося подносъ съ закуской и ставя его на столъ. — У насъ, бывало, у барина моего, вотъ такъ же: говорить-говорять объ этихъ Волтерахъ-то, да и понапьются... Здравствуйте, батюшка! — поклонилась она Башкирову.

— Здравствуйте, здравствуйте, бабушка, — привставъ сказалъ Башкировъ и подалъ ей съ самымъ сердечнымъ добродушіемъ руку, къ которой несмѣло прикоснулся своими пальцами Кузьминична.

— А вы знакомы? — спросила Катя, по обыкновенію широко открывая глаза.

— Мы... по-малости собесѣдовали, — отвѣтилъ Башкировъ.

— Кто меня не знаетъ?.. Всѣ меня, старуху, знаютъ... Патко-съ, какую машину годовъ прожила! — замѣтила Кузьминична, скромно уходя и тихонько притворяя за собою дверь.

— Хорошая баба, куда хорошая!.. съ видимымъ удовольствіемъ проговорилъ Башкировъ и даже потеръ большими красными и толстыми руками свои колѣни.

— Ида! такъ вотъ майоръ, дѣлать нечего, и отправился, — заговорилъ майоръ, прожевывая огурецъ и успѣвъ уже подшумокъ выпить. — А вы выпейте-ка... Пьешь, вѣдь? — спросилъ онъ Башкирова (майоръ частенько говорилъ „ты“ тѣмъ, къ кому, въ данную минуту, чувствовалъ особое расположеніе).

— Отчего-жъ? Пью... Нельзя не пить!..

— Я, братъ, знаю! ты не изъ этихъ, не изъ геніаловъ... Отъ царской да отъ мужицкой чарки никогда не отказывайся! Грѣхъ! Да, такъ вотъ и „поѣхалъ нашъ Иванъ за колыбомъ на окіянь!“ Ужъ именно—окіянь! Насилу принять... Изъ ума выжилъ!

— Хорошій мужикъ... Вѣда — хорошій! — опять съ особымъ удовольствіемъ замѣтилъ Башкировъ, выпивая въ полуоборотъ отъ Кати водку, и затѣмъ почему-то сконфузился и покраснѣлъ.

— Хорошій, братъ, это вѣрно. Только тутъ немножко тово... винта не хватаетъ. Ну, да это — особая статья. Наконецъ, добрался до него... Говорю:

„такъ и такъ: ежели даже по-христіански...“ И—Боже мой!.. Поднялся, зашумѣлъ, заплевалъ... „Я, говоритъ, тебя уважалъ, старикъ, когда ты *тѣмъ* кровь портилъ... Ну, а мужицкое брюхо роготить—я тебѣ помогать не намѣренъ!..“ Бился, бился—съ тѣмъ и отъѣхалъ!

— Чѣмъ же кончилось это дѣло? — спросила Катя, внимательно всматриваясь въ хитро-улыбавшееся лицо майора, которое давало поводъ предполагать, что „штука-то“ еще впереди.

— А ты вотъ его спроси! — показалъ майоръ на Башкирова. — Вотъ Дикой всѣхъ прогналъ, всѣмъ оглобли завернулъ, — а ему не завернулъ, его не прогналъ! А почему?.. А потому, что вотъ онъ, не-Вольтеръ, когда у одного мужика сошникъ лопнулъ, а пора была страдная, ни взять негдѣ, ни послать въ городъ некого, ни самому отъ бороны оторваться пельзи—вотъ онъ, не-Вольтеръ-то, пѣхтурой въ городъ отмахалъ 20 верстъ, а къ вечеру мужику сошникъ принесъ! Итъ, ты расскажи! Пускай онъ самъ расскажетъ. Ну, какъ ты ухитрился? какъ ты оборудовалъ? А?.. вѣдь отдалъ онъ мужикамъ луга на сѣмъ?

— Одинъ лужокъ отдалъ, — сказалъ Башкировъ.

— Ну, какъ же, какъ же ты оборудовалъ? — спрашивалъ майоръ и, подѣвъ рядомъ къ нему на стулъ, сталъ набивать трубку у себя въ колѣняхъ, приговаривая слушать.

— Да я не знаю... само сдѣлалось, — протянулъ конфузливо Башкировъ и засунулъ руки между колѣнъ.

— Итъ, ты рассказывай все порядкомъ, какъ было. Мы, братъ, поймемъ.

— Сегодня утромъ приходятъ мужики ко мнѣ, — началъ обстоятельно излагать Башкировъ, — и говорятъ: „сходи ты, сдѣлай милость, къ нему самъ: что это, Господи, Царь небесный, за оказія! Вѣдь мы не милостыню просимъ у его; деньги впередъ уплатимъ!“ Ну, ладно, говорю, коли такъ—непробуемъ... Надѣлъ вотъ эту хламиду-то, взялъ хлѣба кусокъ за пазуху и пошелъ. Прихожу и говорю: доложите, молъ, лѣкарь пришелъ... Конечно, глаза таращатъ слуги-то. Велѣлъ войти. Вхожу, говорю: „къ вашей милости“. — Ты кто такой? — Лѣкарь, говорю. — „Знахарь?“ — Итъ, батюшка, какъ быть: изъ ученыхъ... Вотъ извольте посмотрѣть, — и ему на столъ дипломъ выложилъ; онъ сейчасъ же издивился. „А!

говорить,—прошу покорно садиться—и кресло мнѣ погой придвинулъ.—„Оедоть! пришеп намъ вина!“ Приказаль, а самъ съ меня глазъ не спускаеть. Все охаживаетъ ими меня съ головы до пятокъ.—„По какому дѣлу-съ? Вы, кажется, обѣд-няли, ищете мѣста? Виновать, деньгами, нѣсколькими рубликами могу снабдить; а болѣе ничего не могу... Я ни съ кѣмъ теперь не имѣю ничего общаго — ни съ земствомъ, ни съ администраціей!..“ Ну, я ему сейчасъ и доложитъ. — „Чего-съ? Вамъ что за дѣло? воззрися онъ на меня:—вы служите? можетъ быть, въ гласные хотите?“ Нѣту, говорю, не хочу... — „Имѣете практику?“ — „Нѣту, не имѣю, а лѣчить лѣчу, кому надобность есть...“ Извините, я васъ не понимаю!“ говорить—и поклонился мнѣ.

— Ха-ха-ха!.. Вотъ тутъ и раскуси!—восторгался майоръ, постоянно повертываясь на стулѣ, перекладывая ноги съ одной на другую, попыхивая въ чубукъ и, въ самыхъ интересныхъ мѣстахъ, ероша свои сѣдые волосы.—Ну, ну!—подгонялъ онъ.

— Ну, я ему и сталъ докладывать:—мы, говорю, другъ друга, ваше—ство, скоро поймемъ, потому что вы отрѣшились, и я — отрѣшился... Ну, и повелъ въ эдакомъ родѣ параллель... Онъ все слушалъ, все слушалъ. Признаюсь, говорить, не ожидалъ. Хорошо, говорить, я согласенъ! интересный вы молодой человекъ, заходите ко мнѣ!“ Ну, я теперича пойду ужъ, — заключилъ Башкировъ, тяжело вздохнувъ, какъ будто, сдѣлавъ этотъ докладъ, почувствовалъ себя совершенно свободнымъ.

— Куда? Куда? — вскочилъ майоръ.— Старушенція, припирай двери!..

— Да чего же я здѣсь буду пріятно бесѣдовать, когда мужики меня ждутъ! Нѣтъ, ужъ я пойду!

— Да, да, ступайте, — торопливо проговорила Катя и, быстро вставъ съ мѣста, пожала ему руку еще сильнѣе, чѣмъ прежде.

— Ну, печего дѣлать!.. хотъ поцѣлуемъ, братъ, на прощанье!—сказаль майоръ, при всякомъ удобномъ случаѣ падкій на нѣжныя изліянія, — и расцѣловался съ Башкировымъ.

— Хорошій старикъ! — проговорилъ, улыбаясь Башкировъ, взглядывая то на майора, то на Катю. Очевидно, впрочемъ, эта фраза назначалась собственно для Кат. Щеки Кати покрылись легкимъ ру-

мянцемъ довольства, и она вновь съ глубокимъ чувствомъ признательности пожала Башкирову руку. Мнѣ почему-то неловко припомнилась при этомъ сцена у Морозовыхъ на именинахъ, когда Катя на легкое раздраженіе Морозова, вызванное наивнымъ докладомъ майора о своихъ заслугахъ, рѣзко отвѣчала: „папа, уйдемъ отсюда...“—Сопоставленіе казалось мнѣ знаменательнымъ.

— Теперь вы, наконецъ, поняли?.. Видѣли, что такое онъ?—спросила меня Катя, нѣсколько напряженнымъ голосомъ, когда Башкировъ вышелъ въ сопровожденіи майора, не перестававшаго еще долго за дверью кого-то хвалить и кого-то бранить.

— Отчасти, — сказалъ я. — Впрочемъ, все это я зналъ о немъ и раньше... Но, вѣдь, онъ можетъ быть исключеніе?

— Нѣтъ, нѣтъ, — настойчиво отвѣтила она, какъ-то особенно высоко поднявъ голову и проводя рукой по волосамъ, которые слегка вежко кочилъ легкій вѣтеръ, пробивавшійся въ окно, сквозь застывшую его зелень, — потому что иначе невозможно было бы жить... по крайней мѣрѣ для меня... Я лучше объясню вамъ примѣромъ: что сдѣлали бы вы, если бы тотъ храмъ, въ которомъ вы молились, обратили въ торжище, одни—сознательно, другіе — помогая по недоразумѣнію или по неопытности?

— Я ушелъ бы изъ этого храма, унесъ въ своемъ сердцѣ Бога и свою вѣру, — отвѣтилъ я.

— И только?

— И только.

— Нѣтъ, этого мало... Нужно же проявить въ какихъ-нибудь формахъ свою вѣру... А онъ не должны быть настолько податливы и растяжимы, чтобы дать мѣсто лицемерію или обману... Вотъ что нужно найти, чтобы спасти себя и всѣхъ!

— И возможное осуществленіе этого вы находите въ Башкировѣ? — спросилъ было я, но въ это время вернулся майоръ. Я успѣлъ только по глазамъ Кати замѣтить, что врядъ ли бы еще она на этотъ вопросъ отвѣтила безъ колебанія—„да“.

Она, очевидно, еще изучала его.

— И Орскъ—романтизмъ! А? Помните вы это? — крикнулъ майоръ, обращаясь ко мнѣ. — И Орскъ — романтизмъ! каково!.. Вотъ тебѣ сынъ народа! Какъ прошли цивилизованную школу, да понюха-

ли культурнаго житія, да ежели еще при этомъ жена богатая...

— Папа! ты слишкомъ сталъ нападать на Петра Петровича, — замѣтила Катя, кладя со стола на колѣни питье и принимаясь снова за прерванную работу.

— Какъ нападать? вѣдь ты сама видѣла!—нѣсколько недоумѣвая, обратился майоръ къ дочери—и вѣдь ты, кажется, сама...

— Тогда, папа, было дѣло принципа, но собственно самъ по себѣ онъ — чело-вѣкъ очень хорошій!

— Ну, извини. Я что-то мало тутъ понимаю...

— Морозовъ, прежде всего очень хоро-шій чело-вѣкъ; онъ не падетъ такъ низ-ко, какъ думаешь,—продолжала Катя:—я его уважаю... я уважала и его прин-ципы, я сама жила его вѣрой, и ежели теперь... Но я знаю, я увѣрена, рано или поздно Морозовъ пойметъ это.

Все это Катя проговорила нѣсколько взволнованнымъ голосомъ, нервно дѣлая складки на полотнѣ.

— Ну, да, ну, да! защищай его!—ска-залъ майоръ, любовно посмѣиваясь и подмигивая миѣ на дочь:—воспитатель, вѣдь, твой! Какъ, какъ ты говорила про него? „Онъ—пахарь, онъ—сѣятель, онъ бро-силъ первыя зерна“... Такъ, что ли? А до жатвы ему нѣтъ дѣла?

— Да, жатва не его, — едва слышно проговорила задумчиво Катя.

— То-то вотъ и есть! А, что я тебѣ говорилъ: онъ -Рудинъ! Вы думаете, Ру-дины были и бывшемъ „поросли? Нѣтъ, братъ, они живутъ! Ты думаешь, что онъ артели устраиваетъ, такъ будто и дѣло дѣлаетъ? А я тебѣ скажу, что все это—таже рудинщина, только въ иныхъ фор-махъ. Знаемъ мы ихъ—этихъ разочаро-ванныхъ Наполеоновъ-то, что „по свѣту рыщутъ, дѣла себѣ исполненскаго нищутъ!“

— Да, это отчасти справедливо. Я не сомнѣваюсь, что онъ можетъ умереть такъ же, какъ умеръ Рудинъ. Но если ты говоришь въ иномъ смыслѣ, въ смыслѣ фра-зы, въ смыслѣ надутаго ученаго самоопы-шій—это неправда. Нѣтъ! нѣтъ! это не-правда! Въ немъ сильны хорошіе инстинк-ты, онъ чутокъ къ истинѣ! — торопливо проговорила Катя, какъ будто боясь, чтобы ея не перебили.

— Ну, да, ну, да! развѣ съ вами мож-но сговорить! То изъ-за одного слова чуть скандала у него не надѣлала, меня, ста-рика, утащила, а теперь...

Въ эту минуту въ дверяхъ показался Чуйка.

— Ты что, Кузя?—спросилъ его майоръ. Чуйка сѣлъ у двери.

— Г. Башкировъ, кажись, изволили на-вѣстить? — спросилъ онъ, больше обра-щаясь къ Катѣ.

— Какъ же, какъ же!—отвѣчалъ май-оръ,—навѣстилъ! А ты его встрѣтилъ?

— Встрѣтилъ-съ; идутъ, палочкой по-махиваютъ. Сожалѣю, что не потрафилъ сюда ко времени.

— А что, Кузя, онъ тебѣ нравится?—спросила, улыбувшись, Катя.

— Какъ же!—протянулъ Чуйка, съ ка-кимъ-то непередаваемымъ выраженіемъ въ голосѣ.

— Чѣмъ же онъ тебѣ нравится?—спро-сила опять Катя, по лицу которой было замѣтно, что она очень хорошо знала и то, что Башкировъ нравился Кузѣ, и по-чему онъ ему нравился; очевидно, эти вопросы задавались съ цѣлью только еще разъ услышать подтвержденіе любимой идеи, а отчасти, можетъ быть, еще бо-лѣе убѣдить меня:

Кузя не скоро отвѣчалъ на этотъ во-просъ; онъ сначала исподлобья посмо-трѣлъ на Катю, потомъ на меня, потеръ колѣни и, заппнаясь, проговорилъ: „а по-тому — какъ вопли чело-вѣкъ... ежели судя по настоящему времени...“

— Ну, ладно! миѣ, братъ, некогда,—сказалъ майоръ, когда Чуйка придумы-валъ, что сказать дальше.

— Это такъ точно, — подхватилъ онъ, быстро вскакивая и запахивая полы чуй-ки:—мужики томятся. Пожалуйте-съ!

— Сейчасъ, сейчасъ, вотъ только еще трубочку выкурю... Ну, а какое ты со-общеніе хотѣлъ сдѣлать?

— А вотъ насчетъ этой самой алеба-стровой артели господина Морозова-съ.

— Былъ тамъ?—съ видимымъ интере-сомъ спросилъ майоръ, раскуривая трубку.

— Былъ-съ.

— Видѣлъ его?

— Его не видалъ, потому еще почестъ на зарѣ ходилъ... прохладнѣе. А съ му-жиками собесѣдовалъ. Ничего, говорятъ, мы согласны! Ну, честь-честью, пригласили меня поутренничать: кашницу они вчерашнюю въ котелкѣ разогрѣли; я сей-часъ же къ нимъ примостился... Люблю я такъ ѣсть! Пары съ рѣчки поднимаются, холодкомъ тинетъ, дымкомъ попахиваетъ изъ-подъ котелка... Помнишь, въ инныя-то времена, какъ помоложе были, какіе мы

теплоты на рѣчкѣ около лѣсу зажигали: дымъ-то у насъ выше лѣсу стоячаго, выше облака ходячаго подымался!..—увлекся Кузя, обращаясь къ Катѣ.

Его глаза забѣгали и засіяли, все лицо засвѣтилось улыбкой, и онъ весело и любовно глядѣлъ въ лицо Кати, какъ бы видя предъ собой не эту взрослую, солидную дѣвушку, но бойкую тринадцатилѣтнюю дикарку, полную, румяную и загорѣлую, съ кучей растрепанныхъ кудрей на головѣ, съ которой дѣлалъ онъ нѣкогда лѣсенныя экскурсіи. Катя улыбнулась на это обращеніе къ ней Кузи, но улыбнулась такъ, какъ улыбается юность при свиданіи съ старой няней на ея длинные и обстоятельные рассказы о томъ времени, когда эта юность и какъ, сначала, ползала, потомъ „пѣшкомъ“ подѣ столѣ ходила, когда и какъ расшибала себѣ носъ и проч. Кузя такъ же было пустился, поощренный улыбкой Кати, въ подобныя же подробности, но майоръ докурилъ трубку и заторопился.

— Ну, пошелъ, пошелъ! Правду говорить мужики, что у тебя чирей на языкѣ. Что же Морозовъ-то, Морозовъ-то что же?

— А господинъ Морозовъ, такъ надо полагать, нашего брата не допускаютъ.

— А, а! отчего жъ такъ? — спросилъ майоръ и бѣгло взглянулъ на дочь.

— А такъ, надо полагать, что они противъ насъ мнѣніе имѣютъ, въ томъ родѣ, что мы, по своей коммерческой практикѣ, въ ихъ понятія, кулаки выходимъ. Ну, а они, г. Морозовъ, артель свою на подборѣ устраиваютъ. Тутъ тоже, рассказывали, одинъ мужичокъ, съ пахлей сбившись, пристанища не находи, прослышалъ объ этой самой артели—и къ нимъ было. Ну, тоже г. Морозовъ отказалъ, т.-е. этимъ самымъ артельнымъ мужичкамъ растолковалъ, что-де имъ напостройше нужно народъ избирать!

— Такъ, такъ! намъ чистенькихъ подавай!—взволновался майоръ, быстро выпилъ еще рюмку водки, взялъ фуражку, сказалъ мнѣ, шаркнувъ ножкой: „прошу извинить“, и вышелъ.

— Это точно... ежели подборъ,—размышлялъ Кузя, разводя руками:—только, вѣдь, для этого нужно, чтобы было дано... А кому это дано? — спросилъ онъ меня, улыбаясь; — никому не дано—съ еще, по настоящему времени суда... ха-ха!—закончилъ онъ, особенно внушительно подчеркивая слово дано, и затѣмъ, раскланявшись, тоже вышелъ.

Я взглянулъ на Катю: она сидѣла, низко наклонивъ голову къ шитью, и перво спѣшила окончить шовъ; все лицо ея и уши сплошь были залиты краской, вѣроятно влѣдствіе сильнаго внутренняго волненія; она не поднимала головы, очевидно, стараясь скрыть отъ меня это волненіе; но, наконецъ, не выдержала, усиленно стегнула два раза иглой и, кладя на столѣ работу, поднялась, выпрямилась во весь ростъ и вдохнула полной грудью лившійся въ окно изъ сада свѣжій ароматическій воздухъ.

— Вы пойдете сегодня къ Морозову? — спросила она меня дѣловымъ тономъ и прищурила глаза, вѣроятно, желая хоть нѣсколько умѣрить ихъ блескъ.

Я сказалъ, что пойду.

— Пожалуйста, занесите отъ меня записку... нѣсколько строкъ. Я сейчасъ напишу.

Она быстро вышла въ свою комнату. Въ полуотворенную дверь я видѣлъ, какъ она, взявъ первый попавшійся листокъ бумаги, лихорадочно стала писать. Написавъ нѣсколько строкъ, она отбросила этотъ листокъ и принялась писать на другомъ. Она сидѣла ко мнѣ спиной, и я не могъ видѣть выраженія ея лица; но краска все еще покрывала ея слегка загорѣлую шею. Наконецъ, она вышла ко мнѣ, читая на ходу.

— Вотъ,—заговорила было она.—Или нѣтъ... это бесполезно... этого мало!

Она быстро скомкала въ рукѣ письмо, сунула его въ карманъ и, взявъ со стола легкій шейный платокъ, накинула его на голову.

— Хотите, по дорогѣ? — спросила она меня, слегка подвизывая платокъ у подбородка.

— Съ удовольствіемъ. Вы куда же?

— Къ Морозову.

— Но, вѣдь, теперь — самое жаркое время?

— Это мнѣ все равно, я его должна видѣть.

— Мы пойдемъ съ вами здѣсь, — сказала Катя, выходя не на такъ называвшееся мужиками „парадное крыльцо“ майорскаго дома, со стороны котораго слышался шумный говоръ, а въ узенькія сѣни, изъ которыхъ маленькая дверь вела въ садъ.

— Какъ вы думаете: не взять ли большой дождевой зонтикъ? Должно быть, очень жарко; да, пожалуй, и гроза соберется, — проговорила она, смотря изъ-подъ ладо-

ни на безоблачное небо.—Ступайте вотъ по этой дорожкѣ. И васъ нагопою.

Я сошелъ въ садъ. Майорскій садъ былъ обыкновенный провинціальный садикъ, съ кривыми полузаросшими дорожками, съ полусгнившими деревянными скамьями, сплошь закрытыми крапивой, съ густою травой, среди которой особенно высоко выдаются сочные дягилы; одна сторона сада сплошь заросла густымъ вишневымъ, надъ которымъ подымались корявые яблони съ кое-гдѣ обломанными сучьями и берестовыми пластырями, повязанными мочалками вокругъ стволовъ; другая сторона была исключительно посвящена ягодамъ: густо разросшіеся кусты малины, смородины и кружевника, подобранные снизу въ перегородочки изъ старыхъ драищъ, такъ густо заросли предоставленную имъ мѣстность, что помѣстившаяся было среди нихъ молодая рябина, заглушенная ими, стала сохнуть; только въ дальнемъ углу, густая древняя ель, вѣроятно, оставшаяся отъ бывшаго когда-то здѣсь лѣса, могуче подымала свою пирамидальную вершину и царила надъ всею окрестною растительностью, усыпавъ широкую площадку засохшими иглами и шишками; вокругъ ея еще здороваго смолистаго ствола была сдѣлана изъ трехъ скамеекъ бесѣдка, тутъ же стоялъ треснувшій отъ дождей и солнца, полинявшій красный столикъ; на немъ виднѣлся клубокъ нитокъ, вязальныя спицы, книга и майорскій табачный кисетъ; вѣроятно, это было любимое мѣсто, гдѣ собирались на мирную бесѣду всѣ обитатели майорской колоніи.

За садомъ начинались гуменики, обращенные въ майорской усадьбѣ въ огороды; длинные ряды грядъ зеленѣли разнообразной сочной листвою, среди нея были разбросаны маленькія яблони и груши, какъ подростки, нуждавшіеся въ обильномъ и жирномъ черноземѣ; подпертыя козелками на хорошо взрыхленной и часто поливаемой землѣ, онѣ видимо росли подъ бдительнымъ надзоромъ чьей-то заботливой руки; нѣкоторые изъ нихъ начинали уже набирать плоды, и стая всякой прожорливой птицы усиленно нападала на нихъ и на гряды съ огурцами, нѣсколько не пугаясь стараго майорскаго мундира, распяленнаго на крестѣ изъ кольевъ, и стараго повойника Кузьминишна, вѣнчавшаго то мѣсто, на которомъ пернатые должны были предполагать строгую главу военного стража. Впрочемъ, строгій

стражъ оказался теперь самъ налицо и въ подобномъ же повойникѣ: въ дальнемъ углу огорода я увидѣлъ Кузьминишну, которая съ большимъ сухимъ сукомъ въ рукахъ бѣгала между грядами, съ азартомъ нападая и покрикивая необычайно строгимъ голосомъ на глумившихся надъ ней воробьевъ. Я подошелъ къ ней; она выразила было желаніе вступить со мною въ длинную бесѣду и, уже взявъ за руку, потащила меня подъ завѣтную ель, какъ въ это время нагнала насъ Катя, съ большимъ распущеннымъ парусиннымъ зонтикомъ.

— Пойдемте,—торопливо сказала она.

— Да куда ты его тащишь?—запротестовала Кузьминишна:—не успѣла ли съ нимъ и двухъ словъ перемолвить.

— Постѣ, Кузьминишна, постѣ. Намъ нужно,—проговорила Катя, уже подходя къ выходу.

Слышно было, что Кузьминишна что-то забормотала, но что—разобрать было никакъ нельзя; черезъ минуту она уже начала вновь съ сучкомъ въ рукѣ военныя дѣйствія противъ прожорливой птицы.

За огородомъ мы пошли съ Катей по гладко протоптанной и обросшей по краямъ полевою ромашкой бороздѣ, между озимымъ полемъ и паромъ. Катя мѣрною и увѣренной поступью шла впереди меня, задумчиво наклонивъ голову и твердой рукой держа тяжелый старинный зонтикъ, съ одного бока котораго мѣрно прыгало большое мѣдное кольцо.

Было время постѣобѣденнаго отдыха, и отчасти поэтому, отчасти вслѣдствіе томившаго зноя кругомъ не было видно ни одной живой души. Надъ высохшимъ и трескавшимся на солнцѣ паромъ изрѣдка пролетали одинъ за другимъ вороны, пристально высматривая полевыхъ мышей. Во всей окрестности чувствовалась томительная тишь, и въ воздухѣ проносились только рѣдкіе звуки то скрипѣвшихъ гдѣ-то далеко колесъ, то фыканье лошади, бродившей въ ближайшемъ оврагѣ, то шумъ отъ пронесшейся стаи галокъ, да карканье вороны, уфѣвшейся на брошенную среди пашни борону.

Мы шли нѣсколько времени молча.

— Ахъ, я васъ совѣмъ замучила... Посмотрите, что съ вами: на васъ лица нѣтъ!—вскрикнула Катя, обернувшись ко мнѣ.

Дѣйствительно, я изнемогалъ отъ жары.

— Давайте руку, теперь недалеко,—

сказала она и, не дожидаясь моего согласія, взяла меня подъ руку.

Поднявшись изъ оврага, мы очутились у стараго полусгнившаго и кое-гдѣ уже растасканнаго, вѣроятно, крестьянами на дрова, забора изъ толстыхъ колевъ, окружавшаго Морозовскій садъ. Мы не стали обходить его, а прямо прошли въ отворенную калиточку, заросшую бурьяномъ, сквозь который пробита была свѣжая тропка.

Изъ чащи густо разросшихся деревьевъ повѣяло свѣжестью; несмотря на жаръ, воздухъ здѣсь былъ влаженъ, вѣроятно, отъ находившагося недалеко пруда, сплошь покрытаго зеленью. Эта часть сада была запущена и мало кѣмъ посѣщалась, что замѣтно было по той безбоязненности, съ какою помѣстились здѣсь на жительство цѣлая колонія воронъ, грачей и галокъ, унижавшихъ гнѣздами старыя вязы. Сопровождаемые карканьемъ, мы вышли въ другую часть сада, гдѣ уже были замѣтны слѣды культуры: расчищенные дорожки были усыпаны пескомъ; по бокамъ ихъ кое-гдѣ видѣлись цвѣточныя клумбы; попадались скамейки, запрятанныя въ глушь сиреней, брошенные грабли, валявшіяся на боку лейки. Наконецъ, мы свернули на главную аллею, примыкавшую къ барскому дому. На террасѣ мы замѣтили Лизавету Николаевну, сидѣвшую за столомъ, уставленнымъ мисками и блюдами, и отбиравшую ягоды. Она насъ не замѣтила, пока Катя, оставивъ мою руку, не вбѣжала быстро на лѣстницу террасы. Лизавета Николаевна вздрогнула и смѣшалась.

— Извините, что мы прошли здѣсь... Такъ ближе... Петръ Петровичъ дома?—спросила Катя, наскоро пожимая ей руку.

— Да, дома. Кажется, онъ тамъ... въ комнатахъ.

— Могу я его видѣть?

— Да, конечно. Отчего же!—замынаясь говорила, все еще не успѣвши придти въ себя, Лизавета Николаевна, вытирая перепачканныя краснымъ сокомъ руки.

Катя сдернула съ головы платокъ, слегка поправила волосы и вышла въ залу.

— Здравствуйте! Я васъ и не замѣтила,—сказала Лизавета Николаевна, протянувъ мнѣ руку,—садитесь... или, можетъ быть, и вы хотите туда, къ мужу?—спросила она, стараясь не смотрѣть мнѣ въ лицо.

Я сказалъ, что останусь съ ней, и сѣлъ возлѣ перилъ. Сначала мы молчали, затѣмъ перекинулись нѣсколькими пустыми фразами о погодѣ, о кое-какихъ общихъ знакомыхъ—и снова замолчали. Лизаветѣ Николаевнѣ, казалось, чувствовалось нѣсколько не по себѣ. Движенія ея были первны, порывисты. Наконецъ, она крикнула дѣвушку, заставила ее отбирать ягоды и спросила: „баринъ у себя, въ кабинетъ?“ Вѣлобрысая, лѣтъ 12 дѣвушка, съ растрепанной короткой косичкой на затылкѣ, отвѣчала, что онъ въ саду, и что барышня прошла черезъ другое крыльцо туда же.

— Пойдемте и мы въ аллею,—пригласила меня Лизавета Николаевна:—здѣсь душно.

Мы тихо спустились съ террасы и также тихо пошли къ аллѣ. Я замѣтилъ, что, чѣмъ ближе мы подходили къ ней, тѣмъ медленнѣе ступала Лизавета Николаевна; казалось, она нарочно задерживала шаги.

— Не правда ли, какъ у насъ хорошо здѣсь?—сказала она, когда мы вошли подъ густую сѣнь древнихъ липъ, какъ будто дремавшихъ въ пріятной истомѣ, опустивъ неподвижныя вѣтви, на которыхъ не шелохнулся ни одинъ листъ. Такъ неподвижно, пригрѣтые солнцемъ, дремлютъ на завалинкахъ дряхлыя деревенскіе старцы, и въ ихъ жилахъ медленно движется спокойная, старческая кровь.—Если бы всемъ можно было жить такъ же, какъ мы!—продолжала она:—сколько свободы для любимыхъ думъ, для любимой работы, безъ мысли о давящей нуждѣ, о кускѣ насущнаго хлѣба!—Знаете что? Если еще теперь невозможно это дать всемъ, всемъ, то я, по крайней мѣрѣ, эти мирные, завѣтные уголки предложила бы нашимъ работникамъ мысли, этимъ бѣднякамъ, изнывающимъ по душнымъ меблированнымъ комнатамъ столицъ, по чердакамъ и подваламъ... Какъ вы думаете, хорошо бы это было? Сколько сократилось бы тогда надорванныхъ грудей, преждевременныхъ смертей! Сколько сохранилось бы для родины драгоценныхъ созданій мысли и фантазій!

Я смотрѣлъ на Лизавету Николаевну: она говорила совершенно серьезно; ея глаза смотрѣли вдаль и, казалось, ясно видѣли уже предъ собой этотъ будущій пріютъ работниковъ мысли,

— Вотъ вамъ примѣръ: Петя... Сколько даромъ потрачено было имъ силъ на

борьбу съ нуждою! Онъ долженъ былъ размѣнять свой умъ, свои знанія на мелочь... А теперь...

Но она не договорила; изъ глубины аллен донесся до насъ громкій, рѣзкій голосъ Кати, вѣроятно, говорившей съ Петромъ Петровичемъ. Лизавета Николаевна вздрогнула и замерла, невольно вслушиваясь въ этотъ голосъ.

— Зачѣмъ вы меня обманули? вы меня обманывали?—спрашивала Катя, нѣсколько понизивъ голосъ;—вы—мой учитель?

— Нѣтъ, я васъ не обманывалъ,—глухо отвѣчалъ Петръ Петровичъ.

— Что же васъ держитъ здѣсь?.. Зачѣмъ вы живете въ атмосферѣ этого расслабляющаго общества? Вы полюбили эту жизнь, а сами... сами чему вы учили меня?..

— Нѣтъ, я не люблю этой жизни!

— Но что же васъ держитъ здѣсь?

Лизавета Николаевна медленно и какъ-то автоматически подвинулась впередъ.

Я взглянулъ на нее; она была блѣдна, въ лицѣ ни кровинки, глаза лихорадочно заблестали.

— Что съ вами?—спросилъ я, взявъ ее за руку (руки были влажны и холодны).

— Ахъ, эта... ужасная дѣвушка! Зачѣмъ она... зачѣмъ?—прошптала Лизавета Николаевна и, закрывъ лицо руками, бросилась отъ меня, заглушивъ рыданіе, обратно къ террасѣ.

Я не хотѣлъ смущать ее своими услугами—и остался. Невдалекѣ отъ меня была старая, сгнившая скамейка. Я присѣлъ на нее.

Вдругъ какъ-то стало совсѣмъ тихо; стрекотавшіе въ травѣ кузнечики замолкли всѣ разомъ, словно по уговору; стая воробьевъ, щебетавшая на одной изъ сосѣднихъ липъ, мгновенно поднялась, прошумѣла крыльями—и пропала куда-то. Изъ чащи не слышно было никакого звука. Вѣроятно, Катя и Морозовъ прошли по нерасчищенной дорожкѣ, вившейся въ чащѣ деревьевъ, дальше. Мнѣ не хотѣлось услышу отвѣтъ Морозова. Скоро, дѣйствительно, до меня долетѣлъ невнятный говоръ; послышалось хрустѣнье валившихся сухихъ вѣтокъ, шуршанье платья о траву.

— И вы можете такъ жить?—донесся до меня голосъ Кати:—отъ скуки повторяю зады, которые давно потеряли смыслъ?

— Тяжело, но жить нужно,—отвѣчалъ Морозовъ.

— Нѣтъ, такъ нельзя!.. Это неправда!.. Вы только хотите прикрыться этимъ. Вы, не замѣчая, можете быть, сами, съ каждымъ днемъ все дальше уходите отъ тѣхъ, среди которыхъ вы родились. Въ васъ гложетъ инстинктъ правды; вы утратили чуткость сердца. Да, вы меня обманывали!

— Вы слишкомъ строги ко мнѣ,—глухо проговорилъ Морозовъ.—Вы слишкомъ строги,—повторилъ онъ, послѣ небольшого молчанія.—Я не обманывалъ васъ, покуда вѣрилъ... Но теперь...

— Да?—переспросила Катя, не давъ ему договорить.—Ну... такъ вы еще придете... если вы честны! Иначе—невозможно жить...

Изъ-за деревьевъ показалось платье Кати, но тотчасъ же опять пропало. Вѣроятно, она вернулась...

— Знаете ли,—заговорила она тихо:—вы... вы берете на себя большой грѣхъ!

— Я?

— Да, вы, своимъ малодушіемъ, своимъ сомнѣніемъ. Вы не можете не знать, что я привыкла вѣрить въ васъ, итти съ вами рука объ руку. Я не могу оставить васъ,—я нравственно связана съ вами!.. Вы должны рѣшить. До свиданія!

Изъ чащи показалась Катя; ея щеки пылали; она шла торопливой, ровной походкой, приложивъ лѣвую руку къ разгорѣвшемуся лбу; глаза ея были опущены въ землю. Подойдя къ скамьѣ, на которой я сидѣлъ, она безучастно и равнодушно взглянула на меня и, не останавливаясь, не сказавъ ни слова, прошла мимо.

ГЛАВА VI.

Незамужницы.

Послѣ перваго знакомства я сталъ очень часто, не только что ежедневно, но раза по два въ день, заходить въ полубарскій выселокъ. Старая Кузьмининна связывала меня съ нимъ все сильнѣе, почти родственными узами, и меня что-то тянуло къ майорской колоніи, едва я успѣвалъ утромъ протереть глаза. Я пересталъ пить парное молоко у своей хозяйки и договорился насчетъ его съ Кузьмининной; я сталъ даже очень рѣдко навѣщать Морозовыхъ. Я полюбилъ всей душой майорскій садикъ, съ его древней, могу-

чей, одинокой сью, величественно царившей надъ окрестною зеленью, съ лавочками подъ ея густо и тяжело нависшими вѣтвями, отъ которыхъ лился здоровый смолистый ароматъ. Я любилъ лежать на коннѣ скошенной травы, у ея массивнаго ствола, смотрѣть сквозь вѣтви на голубое, чистое, какъ бирюза, небо, внимать мѣрному, добродушному ворчанью Кузьминишны, обыкновенно сидѣвшей рядомъ на лавочкѣ, въ своихъ оловянныхъ очкахъ, и слушать постукиваніе и потрескиваніе деревянныхъ спицъ, которыми она вязала какую-то безконечную штуку. Дѣтствомъ самымъ раннимъ, самымъ зеленымъ пахло на меня, и моя изболѣвшая грудь сладко отдыхала въ этой мирной истомѣ. Ничто не нарушало этого покоя, ничто не тревожило моей груди. Напротивъ, мнѣ чрезвычайно нравилось, когда кто-нибудь завертывалъ въ этотъ уголокъ: то майоръ придетъ, весь въ поту, въ пыли, красный, но живой, дѣятельный; присядетъ на уголъ лавки, состричь что-нибудь на нашъ съ Кузьминишной счетъ, набьетъ трубку и долго сопить ею; то Кузя забѣжитъ „на одну секунду“, бросить, мимоходомъ, какой-нибудь афоризмъ собственной философіи, въ родѣ того, „что ежели по настоящему времени судя, то самое лучшее—отрѣшиться, потому вездѣ—единственно, какъ мамонъ, и болѣе ничего!“ Приходила къ намъ и Катя, улыбалась нашимъ „собесѣдованіямъ“ и, полузадумчиво-разсѣянно помахавъ зеленой вѣткой въ лицо, порывисто опять уходила куда-то.

По уходѣ ея на меня почему-то постоянно наплывали цѣлыя вереницы мыслей, вопросовъ, недоумѣній, и до того овладѣвали мною, что я часто ничего не слышалъ изъ болтовни Кузьминишны, даже не замѣчалъ, когда она уходила. Да, я сталъ замѣчать, что, помимо Кузьминишны, помимо той невыразимо умиряющей душу нетомы, въ которой отдыхалъ мой большой организмъ, меня влекло къ майорской колоніи что-то другое, еще болѣе сильное: это былъ образъ загадочной дѣвушки, съ глубокими карими глазами, въ которыхъ свѣтилась непонятая еще мною, неподававшаяся точному анализу и опредѣленію „идея“, одушевлявшая этотъ образъ, придававшая ему особый, таинственный смыслъ. И вотъ, совершенно непреднамеренно, незамѣтно для самого себя, я сталъ старательно наблюдать за Катей. Разговаривая съ Кузьминишной, я всегда

какъ-то невольно сводилъ разговоръ на Катю. Кузьминишна, впрочемъ, этого не замѣчала, такъ какъ и сама имѣла слабость, кетати и не кетати, болтать о своей питомицѣ.

Помню, какъ-то разъ зашла Катя въ садъ, улыбнулась намъ, присѣла на скамью и стала играть съ большимъ дымчатымъ котомъ, неизмѣннымъ спутникомъ и любимцемъ Кузьминишны, пригрѣвшимся на солнечномъ пятнѣ. Мы смотрѣли на нее.

— Что же вы замолчали? — спросила Катя, оставляя кота, — развѣ я вамъ мѣшаю?

— Ну, матушка, ужъ ты-то не мѣшаешь! Богъ знаетъ, что съ тобой подѣлалось. Нѣтъ, чтобы посидѣла съ людьми, да поговорила, а то сидитъ одна, али ходитъ Богъ знаетъ гдѣ! — ворчала Кузьминишна.

— Да о чемъ говорить? Говорить-то не о чемъ. Обо всемъ уже давно переговорили.

Нужно замѣтить, что Катя не говорила со мною еще ни разу такъ, какъ въ день перваго знакомства: она, дѣйствительно, какъ будто считала, что уже тогда слишкомъ много сказала, такъ много, что больше говорить нечего и не зачѣмъ. Это часто бываетъ съ сосредоточенными и порывистыми натурами: то онѣ неожиданно выложатъ предъ вами всю душу, помимо вашего желанія и часто помимо собственного желанія, то вдругъ сдѣлаются къ вамъ холодны, равнодушны, недовѣрчивы, и тѣмъ холоднѣе, чѣмъ сильнѣе, чѣмъ жарче былъ первый сердечный порывъ.

Кузьминишна совсѣмъ разворчалась, а Катя опять присѣла къ коту и стала цекотать его вѣткой. Затѣмъ она, съ обычной своею порывистостью, поднялась, сняла съ шеи платокъ и накиннула его на голову.

— Я ухожу, Кузьминишна. Придетъ папа обѣдать—меня не ждите, — сказала она. Лицо ея сдѣлалось опять такъ внушительно-серьезно, что, казалось, никакія возраженія не могли имѣть для нея значенія.

— Ну, опять пошла егозить, — буркнула Кузьминишна. — Да ты скажи хоть, куда идешь-то? Чай, по избамъ бродить съ этой... съ Морозихой?

— Да, къ пей... До свиданія, — обратилась Катя ко мнѣ. — Я васъ, навѣрное, завтра опять увижу здѣсь... Вы позволите, мы будемъ уже по родному: я не стану постоянно повторять вамъ „здрав-

ствуйте да прощайте!“ Какъ-то смѣшно выходить.

— Ибѣтъ, не могу согласиться, потому что тогда вы со мной совѣтъ уже перестанете говорить.

— Когда будетъ о чемъ говорить, такъ наговоримся.

Она улыбнулась и скорою походкой пошла чрезъ огородъ въ поле.

— Егоза, какъ есть настоящая егоза!— опять заговорила Кузьминична:—яблочко отъ яблони недалеко падаетъ: вся въ отца, вылитая! У того, даромъ что до сѣдинъ дожилъ, а еще все зуда-то не прошла, и она по немъ идетъ. Спокойна была, какъ прѣхала, годъ прожила: сидитъ себѣ да книжки читаетъ... Анъ, хватъ-по-хватъ, и проговорила: „я, говорить, хочу въ лѣкарю учиться, въ бабки—это мало...“ И отцу такъ сказала: только, говорить, я ужъ теперь не одна поѣду, а съ тобой вмѣстѣ тамъ жить будемъ... Ну, старый хрычъ и радъ!

— Такъ они скоро ѣдутъ совѣтъ отсюда?

— Чего тутъ—ѣдутъ!.. И сама теперь не пойму... Старый и то все думаетъ, что поѣдутъ... И не разберу ужъ!..

— А она раздумала?

— А ужъ и не знаю... Вотъ, вѣдь, она—какой крѣпшій, настоящій кремль. У нея тоже скоро-то ни до чего не достукнешься... Одинъ разъ только проговорила; пришла этта такая задумчивая, весь день молчала, да ужъ ночью со мной и разговорила... Проснулась я, дай-ка, думаю, посмотрю, откуда это такъ свѣжо дуетъ, а она сидитъ въ одной юбкѣ, да въ кофточкѣ на окошкѣ, растворила его... Чего ты, говорю, не спишь?— „Не спится, няня, безсонница“... Тутъ и разговорила со мной... „И, говорить, пока погоду ѣхать учиться...“

— А кто эта Морозиха?.. Сестра Морозова?

— Она самая.

— Я, кажется, видѣлъ ее раза два у нихъ.

— Она не живетъ съ ними. Братъ-то съ женой сердятся на нее за это; уговариваютъ, чтобы съ ними жила, а она не хочетъ. Знамо дѣло—мужичка она, такъ мужичка и есть. Вѣдь, Морозовъ-то изъ мужиковъ, только теперь, какъ науки проищешь, въ баре попалъ...

— Что же она дѣлаетъ такого, что ты какъ будто недовольна знакомствомъ съ нею Катя?

— Ничего она дурного не дѣлаетъ... Незамужница она... „перехожая“...

— Какая это „перехожая“?

— А такъ... Есть у насъ такія дѣвки, ежели которыя грамотны, что изъ семей уходить. Возьметъ—уйдетъ, да и начнетъ ходить изъ деревни въ деревню, изъ избы въ избу: ребятъ учать, по покойникамъ читаютъ, а то заодно съ дѣвками въ свѣтелкахъ работаютъ, ткуть. Есть изъ нихъ всякія: одиѣ для Бога идутъ, а кто изъ паскудства. Ну, этихъ мужики къ своимъ ребятамъ не допускаютъ. Про Морозиху грѣхъ что-нибудь сказать, даромъ, что дѣвка—кровь еще съ молокомъ. Всякій тоже видитъ, что отъ довольства ушла по своей волѣ, для Бога. Ну, только все же—мужичка! Мало что нашей сестрѣ хорошо!..

— По моему, Кузьминична, что вашей сестрѣ хорошо, то и нашей—тоже...

— Бываетъ, бываетъ... Такъ ужъ тутъ и опредѣли себя такъ: хочешь Богу служить—и служи... Тутъ ужъ Божье произволеніе, значитъ; тутъ ужъ свыше дано.

Кузьминична попала на свою любимую тему о „подвижникахъ“. Она говорила долго; рѣчь ея дѣлалась то торжественной, то скорбящей, когда она приходила къ заключенію, что въ наши времена все меньше и меньше становится подвижниковъ и что имъ теперь „не дано проявляться“.

— Ну, а если проявится?—спросилъ я.

— Дай Господи!—торжественно произнесла Кузьминична.

Я не смотрѣлъ на Кузьминичну; я только слушалъ, какъ лилась ея рѣчь; а въ это время предъ моими умственными очами поселился, въ какомъ-то полутайственномъ, неопредѣленномъ очертаніи, фантастическій образъ подвижника...

— А что, Кузьминична, ты когда-нибудь говорила вотъ такъ... какъ теперь... съ Катей?

— Много и ей, глупая, наговорила всякаго... Да, вѣдь, и то сказать: кто зналъ, что она такая!..

— А что Башкировъ? часто она у него бываетъ?

— Къ нему-то она не ходитъ, а къ матери... ну, да это такъ только! Чего ей въ насъ, старыхъ! У ней тутъ все свое на умѣ; со всѣми перезнакомилась, кто къ лѣкарю-то ходитъ. А недавно вотъ цѣлыхъ два дня пронадала; ждали-ждали, гадали-гадали, куда ушла, такъ мы со старымъ ни до чего и не додумались.

А это она къ мужичонкѣ одному ходила: такъ мужичокъ изъ самыхъ-то, что ни есть, плохонькихъ, на десятой верстѣ отсюда живетъ, въ деревенькѣ... Тихій такой мужичокъ: отъ земли отбился, на охоту ходить да съ тѣкаремъ пріятельствуетъ...

— А гдѣ теперь чаще можно застать Морозову?

— Ее-то? Вѣрно она теперь у келейницъ живетъ... Чай помнишь, въ домъ-то вашъ муку возили двѣ дѣвки, деревенскія дѣвки... Одну-то Павла зовутъ, другую—Аксентія... Али забылъ?

Я старался припомнить.

— Это суроведкія?

— Вотъ-вотъ — онѣ самыя... Пять верстъ отъ насъ Суровка-то всего...

— Такъ я побываю у нихъ.

— Побывай и то... Дѣвки хорошія, стары ужъ теперь стали, а все еще куды бойки! По вѣсѣмъ поселеньямъ у насъ здѣсь гремятъ. Начальству всему извѣстны, самой даже губернаторшѣ ихъ представляли: вотъ, дескать, какія у насъ бабы проявляются по деревнямъ! А народъ мимо ихъ не пройдетъ, не проѣдетъ, чтобъ не завернуть: хорошее слово, али совѣтъ услышать. Сходи; отъ меня поклонись, — можетъ, вспомнить!

На другой день я шелъ по направленію къ Суровкѣ. Слова Кузьминичны вызвали въ моей памяти рядъ образовъ и картинъ, давно когда-то волновавшихъ мою ребячью душу.

Припомнился мнѣ нашъ маленькій провинціальнѣйшій домикъ, съ засореннымъ и плохо прибраннымъ садикомъ позади, съ маленькимъ дворомъ между домомъ и сараемъ. Я особенно любилъ и этотъ уютный дворъ, и этотъ садикъ раннимъ-раннимъ утромъ. Бывало, проснешься случайно раньше обыкновеннаго — и выйдешь: тишь кругомъ (въ особенности меня очаровывала эта тишь); никто еще изъ людей не копошится, не кричитъ, не суетится; не слышно еще этой безтолковой провинціальной суетолики жизни, которая такъ нарушаетъ днемъ общую гармонию въ природѣ. И вотъ, среди этой тиши постепенно пробуждается жизнь: поперекъ двора лежитъ еще густая тѣнь, и только противоположная стѣна вся уже залита утреннимъ солнечнымъ свѣтомъ; я силуюсь увидеть солнце, поднимаюсь на цыпочки, но не могу, — оно еще скрывается отъ меня

за крышей. Вотъ выпорхнулъ изъ слухового окна пѣтухъ и, усѣвшись на конецъ крыши, захопалъ крыльями и заоралъ на всю улицу; ему тотчасъ же отвѣтили его единоплеменники, и нѣсколько времени въ разныхъ концахъ слышалось ихъ перекликанье. Мѣрной, неторопливой походкой, похлохтывая, вышли изъ курятника куры, сотни цыплятъ разсыпались по двору, расправляя маленькія пушистыя крылья. Дворяжка Орелка почувала меня и, выставивъ изъ окна коныры двѣ переднія лапы, прищуриваясь, понюхала воздухъ и, наконецъ, тѣнливо потягиваясь, вытѣзла вся.

Въ хлѣву промычалъ теленокъ, и его рыжая съ бѣлыми пятнами голова высунулась между перекладинами, задвигавшими хлѣвное окно. Я, весь объятый какой-то особенно пріятной дрожью, весь проникнутый невыразимо теплыми и нѣжными ощущеніями, конечно, не забывалъ приласкать и Орелку, и теленка. А въ саду было еще лучше. По мокрой травѣ лежали длинныя тѣни отъ яблонь; черезъ заборъ, сквозь густые вязы и липы, пробивались цѣлые снопы лучей и, разбившись о густую листву, разсыпались золотомъ по травѣ и блестяли изумрудами въ капляхъ росы. Ни вороны, ни галки, съ ихъ дисгармоническимъ карканьемъ, не просыпались еще. Но зато утреннія птицы уже давно привѣтствовали солнце.

Мнѣ вспоминается воскресенье, и я уже слышу доносящіеся до меня откуда-то очень издалека особенные, присущіе воскресному утру, звуки: мѣрное поскрипыванье тѣнливо катящихся колесъ, иногда рѣдкое фырканье лошади, изрѣдка—тихий окрикъ возчика. Это—крестьяне, ѣдущіе въ городъ на базаръ изъ дальнихъ и ближайшихъ деревень: это отъ ихъ воевъ слышится скрипъ, а вотъ скоро потянуло и дегтемъ, который такъ рѣзко поражаетъ обоняніе въ утреннемъ воздухѣ. Я почему-то былъ всегда неравнодушенъ и къ этому колесному скрипу, и къ этому дегтярному аромату. Скрипъ и запахъ дегтя становятся все слышнѣе; возы уже проѣзжаютъ мимо дома. Мы съ Орелкой выбѣгаемъ на улицу. Мимо насъ, слабо поднимая пыль, медленно тянутся телѣги, лѣтнія роспуски, плетушки и одноколки, мѣрно покачиваясь на колесахъ и поталкивая дремавшихъ, спущета ноги, мужиковъ и бабъ. Это, вѣроятно, крестьяне очень дальніе, верстъ за пятьдесятъ, которые ѣхали, не спавши, цѣлую ночь.

Усталыя лошади, понутивъ головы, ступаютъ тоже медленно; за возами идутъ лѣниво привязанныя къ задкамъ телѣги коровы, изрѣдка пытаюсь патицнуть бичевку и оторваться; съ нѣкоторыхъ возовъ глядятъ добрыми большими глазами головы телятъ. Проснувшіяся бабы начинаютъ креститься на видѣющіяся вдали колокольни, „прибираются“, повязывая головы красными платками. Весь поѣздъ, возовъ въ 5—10, тянется лѣниво, и только два жеребенка оживляютъ это путешествіе, позвякивая весело бубенцами да перебѣгая съ одной стороны улицы на другую. Не успѣлъ еще скрыться съ глазъ первый поѣздъ, какъ уже издали снова слышится скрипъ и запахъ дегтя и свѣжаго сѣна—и новый рядъ возовъ тянется за первымъ. Но мы не даромъ стоимъ и ждемъ съ Орелкой. Изъ-за поворота улицы появляется новый рядъ возовъ, и вотъ, едва они успѣли поровняться съ нами, какъ изъ середины ихъ отдѣляется знакомая сивая старая кобылка, съ поблекшими сѣрыми, добрыми и вѣчно унылыми глазами: грубо покрикивая на нее, двѣ сидищія въ телѣгѣ женщины приправляютъ къ воротамъ нашего дома. Я и Орелка весело бросаемся къ подѣзжающимъ.

— Паткась, паткась, кто насъ повстрѣчалъ!.. Вотъ ужъ не ждали, не гадали! Да чего это ты, родной, всталъ такъ рано?—ласково привѣтствуютъ меня пріѣзжія женщины, выскакивая неторопливо изъ телѣги. — У насъ ребятишки по деревнямъ—и то еще спать объ эту пору...

— Хорошо очень утромъ-то!—отвѣчалъ я, ликуя, что мнѣ удалось перешеголять даже деревенскихъ ребятишекъ.

— Хорошо, родной! Здорово эдакъ-то вставать. А папенька съ маменькой здоровеньки ли?

— Здоровы, ничего; всѣ здоровы.

— Ну и слава-те Господи! Мы вотъ вамъ мучки привезли, заказывалъ тогда папенька-то. Первая мучка, только что смолота. Вотъ на-ко тебѣ деревенскаго гостинчику, испробуй. Изъ этой самой мучки лепешку спекла, кушай во здравіе.

И женщины тащили откуда-то изъ глубины телѣги вывалившую въ сѣнѣ лепешку и совали ее мнѣ, съ прибавленіемъ двухъ каленыхъ яицъ, съ полублупившеюся шелухой. Я не могу уже теперь передать ясно тѣ ощущенія „деревни“, которыя тогда охватывали меня всецѣло, но помню что-то невыразимо пріятное и

въ поглаживаніи заскорузлыхъ рукъ, которыми нѣжили меня крестьянки, и въ прикосновеніи теплыхъ побѣлѣвшихъ старыхъ губъ сивки, которыми любезничала она со мною, когда я гладила ея голову. Что-то невыразимо вкусное было и въ этомъ особенномъ запахѣ „деревни“, который вдругъ наполнилъ весь нашъ маленький дворикъ, когда телѣга была введена въ ворота, и въ этой сѣрой, крутой, разрисованной крестиками и кружочками большой деревенской лепешкѣ изъ „первой мучки“. Но всего яснѣе, всего рѣзче врѣзались въ мою память образы этихъ двухъ женщинъ. Случалось, когда онѣ были заняты чѣмъ-нибудь и не обращали на меня вниманія, я долго, молча, наблюдать надъ ними, вематриваясь въ ихъ грубыя, загорѣлыя лица, въ ихъ мѣрныя, медленныя движенія, когда онѣ таскали на спинахъ трехъ-четырехъ пудовыя мѣшки. Я вслушивался въ ихъ тягучую, размѣренную, вѣжливую, но неподобострастную рѣчь, когда онѣ говорили съ моимъ отцомъ. Изъ своихъ наблюденій прежде всего я вывелъ одно: что эти женщины не были женщины, какъ я представлялъ ихъ по окружающимъ меня, что онѣ если и женщины, то совершенно „особенныя“, какъ, напр., совершенно особенными представлялись мнѣ женщины Новой Гвиней или Африки, которыхъ я разсматривалъ въ *Живописномъ Обозрѣніи*. И на такое представленіе я имѣлъ много данныхъ. Такъ, напр., я привыкъ видѣть нашихъ городскихъ женщинъ непремѣнно въ качествѣ подспорья: я не могъ иначе представить ихъ себѣ, какъ именно чѣй-либо женой, сестрой, дочерью, матерью, непремѣнно служащей, покоряющейся, подчиняющейся отцу, брату, мужу, чаще всего мужу. Если я встрѣчалъ какую-нибудь женщину изъ городскихъ, то въ моемъ умѣ сейчасъ же, по ассоціаціи представленій, рисовался образъ ея супруга, сообразно тому выраженію, какое носило ея лицо. Здѣсь же не было ничего подобнаго. Чѣмъ больше я вематривался, чѣмъ ближе наблюдалъ этихъ женщинъ, тѣмъ окончательнѣе терялась для меня всякая возможность представить возлѣ нихъ мужика. Онѣ при нихъ совершенно дѣлалась ненужнымъ. Кажется, не было для нихъ такого положенія, такого затрудненія, съ которымъ онѣ не управились бы сами и при которомъ нужно было бы понуканье или помощь мужика. Вотъ эта-то именно черта

и выделяла ихъ въ моемъ умѣ изъ всѣхъ прочихъ женщинъ, это-то соединеніе въ одномъ лицѣ того, что во всей окружающей меня обстановкѣ было немыслимо, въ особенности и поражало мое воображеніе, заставляло меня причислить ихъ къ какому-то особенному міру, жившему совершенно иной жизнью. Я приведу только одинъ случай, который помню особенно хорошо и который еще болѣе укрѣпилъ во мнѣ такое представленіе. Нужно, впрочемъ, кстати, замѣтить, что одну изъ нихъ звали Павла (сама она звала себя „Павлія“), а другую — Аксентья (что это за имя и существуетъ ли такое въ календарѣ, я не знаю, но ее всѣ такъ звали, хотя оказывалось, что она была крещена Секлетеей); обѣ онѣ были дѣвки, каждой лѣтъ около тридцати, почти одногодки. Вмѣстѣ онѣ были извѣстны подъ названіемъ „келейницъ“.

Однажды, когда онѣ такимъ же образомъ заѣхали къ намъ въ домъ — свалить пуда два муки, умыться, „прибраться“ и затѣмъ поспѣшить на базаръ, я попросился ѣхать вмѣстѣ съ ними. Онѣ согласились, посадили меня на передокъ тележки и, къ моему величайшему удовольствію, дали въ руки вожжи, которыми, впрочемъ, я ничего не могъ подѣлать, такъ какъ сивка не выражала ни малѣйшаго желанія не только итти вскачь, какъ мнѣ хотѣлось, но даже прибавить шагу. Впрочемъ, послѣ нѣсколькихъ напрасныхъ попытокъ, я сталъ очень нѣжно править, такъ какъ крестьянки постоянно мнѣ замѣчали, что ихъ „сивушку“ забижать не слѣдуетъ, что она сорокъ верстъ безъ отдыха прошла и т. д.

Скоро добрались мы до базарной площади, гдѣ кипѣла уже жизнь, несмотря на раннюю пору. Приѣхавшіе крестьяне выбирали мѣста; заспанное начальство хрипло крикивало на нихъ, уставляя воза „по ранжиру“; помѣстились и мы около казенныхъ вѣсовъ. Павла и Секлетей сейчасъ же захлопотали: распустили у лошади хомутъ, бросили ей связку сѣна, затѣмъ вытащили три мѣшка съ мукой и горохомъ и поставили у колеса тележки. Не прошло и полчася, какъ базаръ загудѣлъ. Появились городекіе покупатели. Все шумѣло, кричало, волновалось. Кричали и шумѣли Павла и Секлетей съ покупателями, но не тѣми пискливыми голосами, которыми пронзительно оглушаютъ наши городекія торговки, а грубыми, мужицкими, резонно-наставительными рѣ-

чами. Онѣ бились изъ каждой лишней копѣйки на мѣру, изъ каждой полушки, которую приходилось сдавать покупателю; изъ-за этой полушки — онѣ бѣгали по соединимъ продавцамъ, по лавочкамъ, чтобы размѣнять деньги и не дать покупателю случай утянуть у нихъ цѣлую копѣйку, пользуясь неимѣніемъ сдаточной полушки. Иногда, то Павла, то Секлетей уходили надолго и ворочались съ какой-нибудь покупкой: лоханкой, оглоблей, связкой веревокъ. Такъ прошло часа два. Я уже сильно заторопился и совсѣмъ было задремалъ подъ однообразный базарный гулъ, какъ вдругъ позади меня раздались крикъ, шумъ, хохотъ. Я обернулся и увидалъ, что уже лошадь наша заложена, мѣшки и покупки сложены въ тележку, а Павла и Секлетей, окруженные огромной толпой, бѣгутъ куда-то, крича: „держите, держите, православные!.. Куцавейку стащилъ проходимецъ-то!“

— Лови, лови его, бабы!.. ха-ха-ха! — покрикивалъ вслѣдъ имъ базаръ.

Скоро я увидѣлъ, какъ Павла и Секлетей нагнали какого-то пьянаго, съ глупымъ лицомъ, парня, тащившаго подъ мышкой куцавейку. Онѣ ухватили его за руки и повисли на нихъ. Парень сталъ выбиваться, ругая и грозя, но куцавейки не отдавалъ. Другъ, къ моему изумленію и къ удовольствію всего базара, на парня посыпались удары все чаще и чаще; наконецъ, онъ былъ сшибленъ съ ногъ, Павла и Секлетей вцѣпились ему въ волосы, сидѣли на немъ верхомъ и кричали: „отдай, оглашенный, честью! Отдай, говорятъ, не то — неровень часъ, тутъ и жизни твоей конецъ!“

— Ха-ха-ха!.. Важно! Ну, бабы... Лихо!.. Эдакой бабѣ попасть въ лапы, что чорту!.. — поощрялъ базаръ.

У парня, наконецъ, была вырвана куцавейка, но онъ, вырываясь, изорвалъ на Павлѣ и Секлетей сарафаны и рубахи.

— Нѣтъ, ты погоди, оглашенный! Ты не буйствуй! На твое буйство начальство есть! Ахъ, оголѣлый!.. Благо силенъ — такъ думаетъ на него и управы нѣтъ!.. Думаетъ, что бабы — такъ и обижать!.. Ахъ, обидчикъ! — покрывали базаръ голоса Павлы и Секлетей, которыя наскоро скрутили парню назадъ руки и, завязавъ ихъ кушакомъ, потащили его къ своему возу. Парень, красный отъ стыда, глупо глядѣлъ на толпу и, подталкиваемый сзади Секлетеей, шелъ за Павлой которая вела его впереди за поясъ, какъ барана.

— Ахъ, грѣхъ какой!.. Ахъ, грѣхъ какой!—повторяла запыхавшаяся Павла на ходу.

Когда они подошли къ возу, парень опять было выразилъ намѣреніе вырваться, но его опять удержали...

— Итъ, итъ, постой!.. Теперь намъ по дорогѣ... Итъ, ты намъ заплати, чтѣ требуется...

— Такъ, такъ, бабы! Веди до конца! Не отпущай!—опять поощрялъ базаръ.

И вотъ, чрезъ нѣсколько минутъ, мы двинулись. Павла и Секлетей, стоя по бокамъ парня, крѣпко держали его за руки, а другою рукой Секлетей вела подъ узды сивку. Я возсѣдалъ на телѣгѣ и торжественно ѣхалъ за ними, перебирая вожжами.

Базаръ проводилъ насъ поощрительнымъ гамомъ и смѣхомъ. Скоро мы подъѣхали къ полицейскому управленію. И остался съ лошадыю, а Павла и Секлетей ввели парня въ канцелярію. Немного спустя, вышла Секлетей, и мы съ нею вдвоемъ отправились домой, оставивъ Павлу вести „судное дѣло“.

Быль уже довольно поздній вечеръ, когда я подходилъ къ Суровкѣ. Я, впрочемъ, нарочно рассчиталъ придти къ тому времени, когда мои келейницы, управившись съ дневной работой, должны были отдыхать дома. Суровка — большое, пѣ-когда барское село, растянулось на цѣлую версту вдоль бойкой „столбовой“ дороги, на берегу довольно большой рѣки, среди заливныхъ луговъ съ одной стороны и большого лѣса—съ другой. Несмотря, впрочемъ, на такое приволье, Суровка была замѣчательно бѣдна. Большинство избъ въ ней или окончательно развалились, или пустуютъ съ провалившимися крышами, разбитыми окнами и голо-торчащими вблизи столбами, остатками деревенскихъ службъ, или же такъ малы, дряхлы и неприглядны, что тяжело было смотреть на эту „голь вопіющую“; въ особенности поразителенъ былъ контрастъ между ними и нѣсколькими новыми деревянными и каменными домами, крытыми желѣзомъ, съ рѣзбой въ русскомъ стилѣ, съ вычурными флюгерами на дымовыхъ и водосточныхъ трубахъ. А между тѣмъ, и эти малыя, хилыя, неприглядныя избы, крытыя соломою, и эти, если не дубовые, то все же довольно плотные терема, какъ-то нахально-мозолившіе гла-

за своей узорчатой пестротой, охраняли подъ своимъ кровомъ ту же крестьянскую „душу“, принадлежали тѣмъ же суроведкимъ крестьянамъ, прадеды которыхъ нѣкогда „обща осѣли“ на этомъ привольномъ мѣстѣ, а дѣти ихъ и сами они принадлежать одному „обществу“, хранять, по крайней мѣрѣ, формально, традиціи преставутой сельской общины, оставленные имъ тѣми же „обща осѣвшими“ здѣсь прадедами-колонизаторами, расчищавшими первобытную почву и строившими одинаково-однообразную избу „для всѣхъ вопче“...

Красный шаръ заходящаго солнца, словно разрѣзанный на двѣ половины узкой облачной полосой у горизонта, медленно катился къ лѣсу. Деревенская улица была еще шумна. Кое-гдѣ запоздавшія бабы загоняли потерявшихся овецъ и коровъ. Больше всего были оживлены крестьянскіе ребятишки, рыскавшіе по улицѣ верхами на лошадяхъ, сбивая ихъ въ „ночное“. Кучки малыхъ дѣвчатъ стояли на дорогѣ и завистливо смотрѣли на гарцевавшихъ братишекъ, въ тайномъ томленіи отъ ожиданія, когда они отзовутся на ихъ просьбы и, посадивъ впереди себя на шею смирнаго бурки, лихо прокатятъ ихъ по улицѣ. Къ первой попавшейся мнѣ такой кучкѣ обратился я съ разпросами о келейницахъ.

— А гдѣ бы мнѣ у васъ тутъ тетку Павлу да Секлетейю найти?

— Это бабушки будутъ — Павла да Секлетей-то—вотъ кто!..—поправили меня дѣвчонки.

— Да, да, это вѣрно, что теперь онѣ — бабушки... — поправилъ я. — Такъ вотъ ихъ-то мнѣ и нужно...

— Коли тебѣ нужно, такъ мы тебя проводимъ. Онѣ, вонъ, у насъ тамъ, на тыку живутъ.

— Ну, проводите. Я вамъ за это цѣлый пятакъ дамъ, на приники, — поощрилъ я.

— Подемъ, подемъ! Мы всѣ тебя за пятакъ-то проводимъ!—зашумѣла куча и побѣжала, обступивъ меня со всѣхъ сторонъ. Нѣкоторые даже пустились нѣсколько впередъ, вприпрыжку. Самая малая изъ нихъ, съ растрепанной головой и большимъ вздутымъ животомъ, съ тонкими грязными ногами, старалась забѣжать впередъ меня и посмотреть мнѣ въ лицо; ей, видимо, хотѣлось, что-то сообщить мнѣ.

— А онѣ отъ насъ уйтить хочутъ, ба-

ушки-то!—наконецъ удалось ей выкрикнуть, не рискуя попасть мнѣ подъ ноги.

— Отчего такъ?

— Гонютъ ихъ.

— Кто?

— На міру!.. Богатѣи гонютъ.

— Пашка!.. Перестань!.. Замолчи!..—закричали на малую солидныхъ старшія:—экая долбогивая!.. Космы-то долги, а ума нѣтъ!

— За что же это?—спрашивалъ я.

— А они, богатѣи-то, говорятъ—больно шь старухи-то супротивны.

Но дѣвчуркѣ не дали продолжать и одна, постарше всѣхъ, схватила ее изъ-за моей спины за рукавъ и оттащила назадъ...

— Поговори еще!.. не видишь рази—чужакъ онъ! Кто его знаетъ! Можетъ, подослалъ! Тягъ-то вздереть тогда!..—наставительно и строго шептали сзади меня.

Я обратился съ разспросами къ старшимъ, но они какъ-то испуганно всѣ спрятались за меня. Вдругъ, разговаривавшая со мною малая дѣвчурка вырвалась отъ сдерживавшей ее толпы сверстницъ, отбѣжала на середину улицы и храбро прокричала оттуда мнѣ: „Баушка-то Павла недавно въ темной сидѣла! Она самому старшинѣ!..“

Но тутъ вся куча, шумѣвшая вокругъ меня, какъ сталъ воробьевъ, бросилась за дѣвчуркой. Дѣвчурка, выпитивъ еще больше свой животъ, со всѣхъ ногъ побѣжала отъ нихъ, заливаясь на всю улицу пыльнымъ смѣхомъ.

Посерединѣ Суровка пересѣкалась широкимъ переулкомъ, дѣлившимъ ее съ давнихъ временъ на двѣ значительно-различныя половины: на одной жили преимущественно бывшіе помѣщичьи крестьяне, на другой — государственные, или, какъ говорятъ мужики, казенные. Съ одной стороны этого переулка находился небольшой, грязноватый и полузаросшій прудокъ; около него лежала на козелкахъ водопойная колода, а близъ нея было брошено большое старое бревно. Это старое бревно, вѣроятно, ископи было сѣдалищемъ деревенскихъ старцевъ, около которыхъ собирался міръ и часто толковалъ о своемъ житьѣ-бытьѣ. Около него и теперь собралась толпа. Проходя мимо, я разсмотрѣлъ человѣкъ пять стариковъ, сидѣвшихъ на бревнѣ; въ кружокъ около разгѣстились мужики помоложе: кто, сидя на корточкахъ, ковырялъ задумчиво щеп-

кой землю, кто просто сидѣлъ на травѣ, поджавъ ноги, кто стоялъ, переваливаясь съ ноги на ногу, или медленно переходя съ одной стороны сборища на другую. Всѣ они слушали кого-то, изрѣдка вставляя односложныя замѣчанія.

— Вотъ она, баушка-то Павла, со стариками говорить!—показали мнѣ дѣвчонки на высокую, сгорбленную и сухую женщину, съ чернымъ платкомъ на головѣ, въ синемъ крашенинномъ сарафанѣ и лаптяхъ, стоявшую среди толпы предъ стариками.

— А вона и келья ейная тутъ! Вона, на пригоркѣ-то!.. Ступай, теперь самъ найдешь!

Подойдя къ угольной избѣ и никѣмъ незамѣченный, я сталъ вслушиваться въ мірской говоръ. Сначала я никакъ не могъ понять, о чемъ шла рѣчь, и только внимательно слѣдилъ за Павлою, на которой было сосредоточено общее вниманіе.

Какъ измѣнилась она! Какъ тяжело осыли на ней тридцать лѣтъ безустанной рабочей жизни! Я едва могъ признать въ ней ту высокую, здоровую, мускулистую дѣвку, которую зналъ я въ дѣтствѣ. Въ ея наружности теперь было еще меньше женственности, чѣмъ прежде. Она, казалось, ничѣмъ не отличалась отъ стариковъ, сидѣвшихъ на бревнѣ, кромѣ костюма. Рубашка висѣла мѣшкомъ на ея загорѣлой, сухой, впалой груди, изъ впадины которой рѣзко видѣлся большой осьмикопечный мѣдный крестъ, висѣвшій на суровомъ шнуркѣ; сумрачно-сердитые глаза смотрѣли изъ-подъ сѣдыхъ бровей; сухой, длинный носъ выдавался впередъ между глубокими складками щекъ, а на костлявомъ подбородкѣ выросло нѣсколько сѣдыхъ волосъ. Несмотря на это, несмотря на ея согбенную горбомъ спину, несмотря на то, что въ ея цѣпкихъ, длинныхъ рукахъ былъ посохъ, въ ней не чувствовалось ни упадка силъ, ни старческой дряблости. Напротивъ, ея грубоватый, почти мужской голосъ раздавался замѣчательно рѣзко и сильно. Я замѣтилъ даже, что теперь этотъ голосъ производилъ особенное впечатлѣніе на міряпы: они всѣ, при словахъ Павлы, чувствовали себя какъ-то не по себѣ, чѣмъ-то сильно смущались и старались не глядѣть ей въ глаза. Я, должно быть, пришелъ уже къ концу мірской бесѣды, потому что скоро всѣ замолчали, даже Павла, какъ замолкаютъ люди, когда уже исчерпали весь матеріалъ по данному вопросу, но рѣше-

не еще не успѣло сложиться, а каждый въ умѣ подводилъ итоги.

— А засимъ честному міру кланяемся!.. Отъ насъ ему послѣднее слово сказано!.. Прощенья просимъ!—проговорила Павла и съ суровымъ взглядомъ поклонилась въ обѣ стороны въ два приема.

Мужики смущенно молчали.

— А ты обожди, обожди малость! Ахъ, бабы!—прошамкалъ самый дряхлый изъ всѣхъ стариковъ, съ огромною сѣдою головой, сидѣвшій на бревнѣ въ серединѣ всѣхъ.—А ты не суровься!.. зачѣмъ суровиться?.. Мало что мы въ Суровкѣ родились!..

Павла остановилась, облокотившись на посохъ, и ждала. Старикъ крикнулъ.

— Такъ, значитъ, новыхъ наложеньевъ вы съ Аксентьею не примаете?—сталъ онъ допрашивать.

— Не примаетъ. Потому, это—наложенье отъ богатѣевъ, а не свыше... Пуцай богатѣи и платать...

— Ахъ, бабы! А-ахъ, бабы! — сокрушался старикъ, — Такъ, значитъ, старшинскаго приказу сполнять не хотите?

— Нѣту, не желаемъ... Хочетъ съ нами честной міръ жить, какъ изстари жили, и мы согласны...

— Ахъ, бабы!.. Да развѣ мы что сказали бы, кабы у насъ земли было вдосталь... Ну-тка, сообрази!..

— Какъ земли нѣту? Есть земля, есть! У богатѣевъ есть! Пуцай богатѣи за тую землю платятъ! А наша земля сиротская... А грѣха развѣ вы на себя не возьмете, коли съ сиротской земли будете наложенья брать?

— Ты молчи, молчи объ этомъ. Вѣрно это, а-ахъ, вѣрно! — заговорили разомъ старики.—Да не объ этомъ рѣчь, а объ томъ, что васъ велѣно на бабѣ положенье свести, а тую вашу землю плательщикамъ отдать.

— А мы на бабѣ положенье не желаемъ... И это наше вамъ слово сказано... Потому вамъ, честному міру, вѣдомо, что мы отродясь мужиками въ міру изжили и вамъ честно служили...

— Молчи, молчи объ этомъ! Ахъ, это мы все знаемъ!.. Да кабы у насъ власть была на это самое дѣло!.. А вы смиритесь!

— Нѣту, міръ честной, отъ насъ умиренья не будетъ.

— Ахъ, бабы! Ахъ, бабы! — не переставала сокрушаться большеголовый старикъ, поглаживая бороду. — Такъ, зна-

читъ, отъ васъ умиренья не будетъ?—опять сталъ онъ допрашивать, какъ будто надѣялся этимъ путемъ сбить настойчивую Павлу, вывести ее изъ терпѣнія.

— Нѣту, не будетъ. Не слуги мы міру, коли онъ отъ своихъ устоевъ отрѣшается... Не слуги, коли міръ сталъ сиротъ обирать...

— И новыхъ наложеньевъ не примаете?

— Нѣту, не примаетъ...

— И на бабѣ положенье не желаете?

— Не желаемъ.

— Такъ, значитъ, порѣшить межъ нами хотите?

— Ваша мірская воля! — поклонилась Павла, — а въ конецъ себя покорять не желаемъ...

Павла поклонилась еще разъ, мотнула подогомъ и торопливо пошла къ своей кельѣ.

— Ахъ, бабы!.. Да ты обожди! Постой, можетъ, сговоримся!—кричали ей вслѣдъ старики.

По Павла, не оборачиваясь, махнула рукой и ушла.

— Чтѣ ты тутъ сдѣлаешь? А? Ахъ, грѣхъ какой!.. Сколько головъ прожили, атакосъ, чѣмъ кончили! А? Какихъ бабъ отъ себя оттолкнули! — сокрушались мужики.

— Упрямства въ нихъ много. Ровно коровы бодливы.

— Это такъ, такъ.

— А по нонѣшному времени, смиришься—то и жизнь. Смиренько бы, смиренько надоть—то и поживешь, — резонировала какой-то старичокъ.—Не прежняя нонѣ пора, нонѣ ужъ міру противъ богатѣи не выстоять... Нѣту! Ну, и умиришься!

Я послушалъ сокрушенія мужиковъ и направился къ келейникамъ. Келья ихъ стояла нѣсколько въ сторонѣ отъ прочихъ избъ, вдаваясь вглубь гумениковъ. Это была небольшая, съ однимъ окномъ на улицу, но длинная во дворъ, раздѣленная сѣнцами на двѣ половины изба, построенная еще ихъ отцомъ. Оставшись послѣ него сиротами, онѣ тридцать лѣтъ прожили въ этой избѣ, такъ хорошо знакомой всему окружному крестьянскому міру. Такъ какъ вмѣстѣ съ ними остался, послѣ смерти отца, молодой братъ, отданный въ ученье на заводъ, то за ними былъ оставленъ надѣлъ, и этотъ надѣлъ обрабатывали Павла и Секлетей, какъ онѣ выражались, „на всемъ мужицкомъ положеніи“. Онѣ такъ свыклись съ этимъ положеніемъ, что и не замѣчали, что оно

было совершенно особенное и исключительное; привыкли къ этому и мужики-миряне, и само начальство, такъ какъ Павла и Секлетей за-одно съ прочими мирянами, отбывали всѣ натуральныя повинности, участвовали на сходахъ, даже бывали сотскими. Это „положеніе“ такъ, наконецъ, укрѣпилось за ними, что, по смерти брата фабричнаго, умершаго въ молодыхъ годахъ на заводѣ, никому и на мысль не пришло отобрать у келейницъ землю и „ссадить ихъ на бабье положенье“, тѣмъ болѣе, что съ годами Павла и Секлетей, грамотныя начетчицы, стали пользоваться все большимъ и большимъ уваженіемъ. Ихъ сила, терпѣніе, умѣнье вести хозяйство, а болѣе всего то, что онѣ, ведя почти аскетическую жизнь, привѣчали у себя много деревенскихъ сиротъ, давали имъ большой вѣсъ среди прочихъ крестьянъ, а сами онѣ, вслѣдствіе своего особеннаго положенія, были храбры со всякимъ начальствомъ, и ихъ иногда трусили не на шутку сами старшины. Въ особенности умѣли онѣ всегда выхлопывать разные льготы для сиротъ у міра. У нихъ же самихъ съ мірскимъ начальствомъ происходили частыя стычки изъ-за разныхъ „новыхъ наложеній“, которыхъ по какимъ-то причинамъ никакъ не хотѣли признавать Павла и Секлетей. Разборъ этихъ столкновеній старшины всегда передавали на мірское обсужденіе и міръ обыкновенно освобождалъ ихъ отъ этихъ „наложеній“, принимая уплату ихъ на себя. Но въ послѣднее время, когда этихъ „наложеній“ стало все болѣе, а населеніе росло, земли же не доставало и, кромѣ того, среди суровецкаго общества появились богатѣи, разжившіеся кулачествомъ, собственники, скупившіе у помѣщиковъ окрестныя земли и обрабатывавшіе ихъ батраками изъ своихъ же сообщинниковъ, между міромъ и келейницами эти столкновенія едѣлались чаще. Богатѣи не хотѣли брать на себя круговую порукууплаты за нихъ „новыхъ наложеній“; кромѣ того, они жаловались, что за келейницами земля даромъ пропадаетъ, а на міру недоимки растутъ. Между келейницами и богатѣями началась борьба. Начальство стояло за богатѣевъ, а міръ малодушествовала...

Мы уже видѣли, къ чему пришло дѣло. Въ Павлѣ и Секлетѣ, кажется, уже созрѣло окончательное рѣшеніе, и онѣ не желали поступаться чѣмъ-либо и не шли „на умиренья“.

Я вошелъ въ темныя сѣнцы и отворилъ дверь налѣво. Войдя въ эту древнюю, съ почергившими стѣнами комнату, съ русской печкой, по обыкновенію, въ лѣвомъ углу, но довольно просторную, я тотчасъ почувствовалъ ту особенную пріятность, которая возбуждаетъ въ насъ домовитость. Всюду видѣлась замѣчательная чистота, выскобленные и вымытые мыломъ лавки и столы; въ переднемъ углу была большая божница съ деревяннымъ голубемъ, висѣвшимъ съ потолка, съ толстыми въ кожаныхъ переплетахъ книгами, съ черными иконами, на которыхъ чуть видно свѣтились лики святыхъ отъ лившагося на нихъ слабого сіянія зажженной восковой свѣчи, которую держала въ рукахъ Секлетей, стоя предъ божницей „на поклонахъ“. Павла, что-то тихо бормоча, копалась за печкой.

Старухи встрѣтили меня ласково, даже у Павлы голосъ сталъ чуть-чуть нѣжнѣе. Секлетей была много женственнѣе Павлы: она и ростомъ была ниже, и черты лица у нея мягче, и голосъ пѣвучѣе, хотя спина у нея такъ же была сгорблена, какъ и у Павлы. Начались, конечно, разпросы. Разспрашивала меня болѣе Секлетей, усѣвшись передо мной, со свѣчкой въ рукахъ, и смотря мнѣ въ лицо своими, нѣсколько остѣвшими, мутными глазами. Павла собиралась меня угощать.

— Ну, ну,—приговаривала Секлетей къ каждому моему разсказу о моемъ житіи, о судьбѣ моихъ родныхъ, и часто крестилась.

Скоро Павла поставила на столъ ватрушку и стаканъ молока.

— Покушай-ка, Миколанчъ, покушай нашего угощеньца, не побрезгуй,—пригласила она и сѣла по другую сторону стола.

Я сталъ, въ свою очередь, разспрашивать ихъ, и онѣ передали мнѣ все, что разсказалъ я раньше. Говорила болѣе Павла, какъ-то тягуче и нараспѣвъ, перемеживая свою рѣчь церковно-славянскими оборотами. Разсказывала она долго. Секлетей только изрѣдка вставляла слово, а болѣе вздыхала и не переставала смотрѣть на меня.

— Какъ же вы рѣшили?—спросилъ я.

— А такое наше рѣшеніе: все сдать на міръ и отрѣшиться... Будетъ ужъ, Миколанчъ, пожилъ для міру...

— И уйти?

— И уйти.

— Куда же?

— Нигдѣ путь не заказанъ тому, кто отрѣшился,—сказала Павла.

— И это не тяжело вамъ, тридцать лѣтъ проживши здѣсь?

— Возьми крестъ свой, сказано... Чѣмъ тяжелѣе, тѣмъ и богоугоднѣе. Въ томъ-то, милушка, и сила, что умѣи отъ куса, отъ жилища, отъ живота отрѣшиться, и будетъ вѣра твоя велика. А безъ этого—все тѣнь и слабость... Посмотри теперь на нашъ мѣръ: гдѣ въ немъ сила, гдѣ крѣпость? Нѣту той силы... А отчего? Оттого, что разучился человѣкъ отрѣшаться. Умирать человѣкъ не умѣетъ. А ежели я умереть умѣю, ежели отрѣшиться осилю себя, то кого убоюсь? Кто противъ сердца заставитъ меня что сотворить? Нѣту той силы, вотъ что я тебѣ скажу... Такъ-то! А въ комъ теперь это есть? Ни въ комъ нѣту: все ради грѣшныя и слабыя плоти живеть...

Долго говорила на эту тему Павла, говорила глубокоубѣжденнымъ словомъ. Секлетя крестилась при всякомъ текстѣ, который Павла вставляла въ свою рѣчь. Вдругъ, въ среднѣ ея рѣчи, раздался сзади меня вздохъ и чей-то шопотъ. У дверей на скамьѣ сидѣли старикъ и старуха и еще двѣ какія-то бабы и благочестиво слушали проповѣдь Павлы. Въ такомъ же родѣ, вѣроятно, шли бесѣды между Павлою и раскролучителями, которые, какъ мнѣ сказывали, перѣдко заходили къ келейницамъ, хотя Павла и Секлетя держались только старообрядчества и ни къ какой сектѣ не принадлежали. Среди этихъ слушателей, въ полутьмѣ, я замѣтилъ еще женскую фигуру, сидѣвшую въ углу съ скрещенными на груди руками. При слабомъ свѣтѣ восковой свѣчи, я не могъ рассмотреть издали ея лица и полагалъ, что это Морозиха.

— Ну, что, любушка, какъ она тамъ?—спросила Павла, обращаясь къ этой женщинѣ.

Та поднялась.

— Теперь ничего... Нужно будетъ зайти завтра къ Ивану Терентичу, къ лѣкарю... Здравствуйте! — протянула мнѣ руку Катя и прибавила, понизивъ голосъ: — Если бы я не слыхала вашего разговора здѣсь, я бы подумала, что вы за мной слѣдите.

— Али знакомы?—спросила Павла, — ну, вотъ, и дѣло... Такъ зайдѣ, любушка, къ нему... Пуцай завернеть. Онъ—

человѣкъ душевный, Иванъ-то Терентичъ! Она, вѣдь, тоже мать; ребятишки... Нельзя не помочь! А объ нашемъ дѣлѣ скажи ему, касатка, чтобы оставилъ хлопотать... Мы ужъ рѣшеніе устали...

— Хорошо! Прощайте пока,—сказала Катя, повязываясь платкомъ.

— Не по дорогѣ ли мнѣ съ вами?—спросилъ я ее.

— Пожалуй, проводите...

— Ну, до свиданія, бабушки! Еще увидимся?

— Увидимся еще, касатикъ! Еще, вѣдь, не скоро уйдемъ. Желаніе будетъ со старухами поговорить, приходи. Теперь мы у бездѣля, потому какъ съ землей ужъ все покончили. Сдали ужъ ее!..

— Чтѣ же еще осталось вамъ?

— Мало ли дѣловъ! Вотъ тоже сиротки у насъ есть. Мать-то у нихъ заболѣла, пристроить нужно... Вотъ старичка слѣпенькаго тоже не бросишь середь улицы, давно ужъ онъ у насъ, годовъ, поди, пять живеть, да вотъ еще дѣвушки, тоже сироты, есть. Много дѣла, много горя... Не малый тоже мурaveйникъ потревожился! Охъ, не малый! Все же пужно къ мѣсту прибраться... Матрена-то Петровна общалась, слышь ты, въ Семенки сходить посправиться?—обратилась она къ Катѣ.

— Да.

— Такъ ты ужъ, касатка, завтра пришли ее сюда.

Старушки съ поклонами проводили насъ до воротъ.

Наступала уже ночь. На небѣ загорѣлись звѣзды. Воздухъ становился влажнымъ. Съ рѣки подымался холодный паръ. На лугу, за деревней, было тихо, и только слышались изрѣдка тѣ особенныя звуки, которые присущи русской ночи: кое-гдѣ крикается утка, полуночникъ прошумитъ крыльями, откуда-то доносятся мѣрный шумъ падающей воды; слышится тяжелое отфыркиваніе и звонъ цѣпей стреноженной лошади. Вдали, по дорогѣ, скрипитъ обозъ. Гдѣ-то скрипнула запоздалая капитка. Мы шли скоро, перебрасываясь незначительными фразами. Не доходя до перекрестка, отъ котораго шла влѣво дорога къ полубарскому выселку, а вправо—въ деревню, гдѣ жилъ я, Катя неожиданно спросила меня:

— А что вы думаете относительно философіи этихъ простыхъ, русскихъ бабъ?

— Это о томъ, что нужно умѣть умирать и отрѣшаться?

— Да.

— Я думаю, что эта философія специально выработана ими для себя, такъ какъ носителями ея бываютъ только онѣ.

— Вы думаете?

Я не отвѣчалъ. Мы подошли къ перекрестку; Катя пожала мнѣ, молча, руку, и мы разстались.

Вскорѣ послѣ этого, какъ-то раннимъ утромъ, я направился изъ своей деревни къ полубарскому выселку, спѣша застать у Кузьминины парное молоко. Я обыкновенно входилъ не съ улицы выселка и не черезъ переднюю калитку, чтобы никого не тревожить, но прямо пробирался задами, черезъ огородъ и садъ, къ завѣтной ели и здѣсь ожидалъ, въ прохладной утренней тѣни, Кузьминину.

Я шелъ не спѣша. Утро было особенно хорошо. Солнце еще стояло низко, и его косые лучи, казалось, скользили по верхушкамъ деревьевъ и кустовъ. Воздухъ былъ свѣжъ и рѣдокъ; едва ощутительное дуновеніе вѣтра приносило откуда-то запахъ липоваго цвѣта. Вблизи чирикали малиновки, перелетая по кустамъ впереди меня. На зелени лежала сильная роса. Стаи воробьевъ выпархивали внезапно изъ густой зелени овощей и, усѣвшись на деревѣ, начинали отряхивать смоченныя росой крылья. Было очень тихо. Я скрылся въ кусты малины, соблазненный сочными ягодами. Нѣсколько минутъ спустя, изъ-за вѣтвей малинника, я примѣтилъ женскую фигуру, спустившуюся съ крыльца и легкой торопливою походкой направившуюся подъ ель. На ней было легкое кисейное платье и маленькая соломенная шляпка съ опущенною вуалью; на плечи накинутъ былъ пестрый платокъ, въ который маленькая фигурка лихорадочно старалась закутать плечи и руки; видно ее тревожила утренняя сырость. Я въ недоумѣніи слѣдилъ за нею. Она повернула въ бесѣдку подъ елью и вдругъ заговорила съ кѣмъ-то. Я тихо обошелъ кусты и, дойдя до плетня, гдѣ валялся обрубокъ дерева, присѣлъ на него. Здѣсь не было такой гущины, и сквозь рѣдкія вѣтви я могъ разсмотрѣть собесѣдниковъ.

Въ приходшей фигурѣ я узналъ Лизавету Николаевну; она сѣла на край скамейки и старалась закинуть за голову спутавшійся вуаль. Предъ нею сидѣла

Катя, широко открывъ глаза, въ боязливо-вопросительномъ недоумѣніи.

— Я къ вамъ,—заговорила порывисто Лизавета Николаевна, задыхаясь отъ нервной одышки;—извините, что рано... Но такъ лучше: теперь никого нѣтъ.

Она оглянулась кругомъ.

— Я давно собиралась къ вамъ, но мнѣ хотѣлось раньше все, все обдумать, приготовить. Я хочу вамъ сказать: если вы, Катерина Егоровна... если я вамъ мѣшаю... если, можетъ быть, совершенно невинно стою на пути къ тому...

— Вы... мнѣ?—еще болѣе недоумѣвая, спрашивала Катя.

Но Лизавета Николаевна, кажется, не слыжала этихъ словъ: она низко опустила глаза и, взявъ руку Кати, проговорила торопливо:

— Я все обдумала, все рѣшила. Да, я была виновата... Но вы поймете... вы простите мнѣ: я была молода, я вѣрила... Теперь я вижу... нѣтъ, не теперь, я давно уже должна была знать... Господи! я знала это, и у меня не было силъ!.. Я такъ любила его, я такъ была молода... А теперь я все рѣшила: довольно! Не я нужна была ему въ спутницы... Сколько лѣтъ онъ потерялъ со мной! Катерина Егоровна, скажите мнѣ только одно слово, только одно—и я уйду! Я уже все рѣшила: имѣніе отдамъ крестному отцу въ завѣдываніе. А сама... сама... уйду опять въ Питеръ, куда-нибудь тамъ... Тамъ стану сидѣлкой, мазкой, воспитательницей... Это по мнѣ, это мнѣ по силамъ... Вы видите, мнѣ не будетъ тяжело: я выбираю себѣ дѣло по любви... А вы, вы и Петя, будете свободны... Вы займете при немъ мѣсто друга, которое не по праву заняла я... Вы рука объ руку съ нимъ пойдете, не стѣсняя и не обременяя одинъ другого.

Пока говорила Лизавета Николаевна, Катя напряженно смотрѣла ей въ лицо, и ея щеки постепенно покрывались краской, пока не зардѣлись сплошь.

— Я васъ, право, очень плохо понимаю, почти прошептала она, боязливо смотря въ лицо Морозовой (и, дѣйствительно, все лицо ея выражало какой-то испугъ).

Лизавета Николаевна, при этихъ словахъ, съ горькой улыбкой подняла на нее глаза.

— Катерина Егоровна! я думала поговорить съ вами, какъ съ другомъ,—сказала она.—Я думала, что между на-

ми не нужно никаких официальных объяснений. Я надѣялась, что вы чисто-сердечно откликнетесь на мой порывъ. Мы знаемъ другъ друга давно... я васъ всегда считала искренней, честной!

— Я и теперь та же,—сказала Катя; но я только не понимаю, зачѣмъ вы принимаете *такое именно* рѣшеніе, когда можно бы все проще и лучше... Зачѣмъ увѣзжать и расходиться... когда могло бы быть общее дѣло.

— Да? Такъ вы...—хотѣла что-то сказать Лизавета Николаевна и не договорила, смотря все еще въ лицо Кати, на которомъ свѣтилась такая ясная искренность, что глаза Лизаветы Николаевны заискрились надеждой.

— О, если бъ это было такъ—прибавила она, крѣпко сжимая руку Кати,—тогда... тогда я опять надѣюсь, что еще сумѣю сдѣлать все для него. Пока до свиданія!—поднялась Лизавета Николаевна, быстро спуская на лицо вуаль.—Я не хочу, чтобъ меня видѣлъ кто-нибудь! Лучше, если не будутъ знать.

Она пожала Катѣ руку и пытливо еще разъ взглянула въ ея смущенное лицо. Секунду обѣ женщины стояли молча одна предъ другой.

— Если же... если вы еще сами не знаете—заговорила едва слышно Лизавета Николаевна,—если вы сами ошибаетесь... если, можетъ быть, вы сами увѣждаетесь, что любите его, что онъ васъ любитъ (*онъ* мнѣ ничего, ничего не говорилъ,—торопливо вѣстала она,—это я сама)... если такъ, то вспомните, что я вамъ говорила сегодня, что я все рѣшила...

— Не могу ли я пройти здѣсь, черезъ садъ?—спросила Лизавета Николаевна, замѣтивъ дорогу прямо въ поле.—Вы, кажется, ходили къ намъ здѣсь гдѣ-то... ближе?

— Да, можно... Вотъ прямо,—указала Катя, проходя съ нею нѣсколько шаговъ по дорогѣ между грядями.

Лизавета Николаевна ушла; Катя медленно вернулась. Необычайное смущеніе лежало на ея лицѣ: она шла тихо, наклонивъ голову, съ пылающими щеками, приложивъ одну руку къ груди.

О чемъ она думала? Чѣмъ больше я всматривался въ выраженіе ея лица, тѣмъ для меня становился опредѣленнѣе отвѣтъ. Выраженіе это было именно то, когда въ душу человѣка вдругъ забрасываютъ мысль, которая никогда ясно не сознава-

лась имъ прежде, никогда не стояла на первомъ планѣ... „Неужели это такъ?.. Неужели я, въ самомъ дѣлѣ, влюблена въ него?“ казалось, говорили ея задумчивые глаза. Она чуть-чуть приостановилась, и затѣмъ, вдругъ покачавъ отрицательно головой, быстро пошла къ дому, какъ будто рѣшившись что-то скорѣе, скорѣе кончить... По дорогѣ она сломила вѣтку сирени, махнула ею нѣсколько разъ себѣ въ лицо и вошла на крылечко. Здѣсь она быстро обернулась, какъ будто ей почуялось, что кто-то шель за нею, посмотрѣла по направленію дороги, по которой ушла Лизавета Николаевна, и скрылась.

На третій день послѣ этой сцены, въ то время, какъ я только что подходилъ сзади къ полубарскому выселку, мнѣ навстрѣчу подвигались двѣ женскія фигуры, шедшія той мелкой, сѣменящей походкой, которой обыкновенно ходятъ богомолки; у обѣихъ были въ рукахъ кривыя палки, за плечами по небольшому узлу, въ который были связаны пальто на случай непогоды. Обѣ были одѣты почти одинаково: въ простыя ситцевыя платья, съ такими же платками на головѣ, низкой крышей спущенными надъ лицами отъ солнечныхъ лучей; обѣ о чемъ-то весело говорили. Онѣ шли по межполевой дорогѣ, по одной сторонѣ которой лежала свѣже-поднятая пашня, а по другой—оврагъ. Изъ оврага прямо имъ навстрѣчу подымался мужикъ, съ косою на плечѣ и точиломъ за поясомъ; голова у него была повязана краснымъ платкомъ вмѣсто шапки; за нимъ шли, съ граблями на плечахъ, двѣ дѣвки, въ рѣденькихъ, полинялыхъ ситцевыхъ сарафанахъ, висѣвшихъ на нихъ, какъ тряпки.

— Матренѣ Петровнѣ!.. — откланился мужикъ, снимая съ головы шлыкъ и развязывая его.—Какъ здоровеньки?..

— Ничего!.. Что намъ дѣлается? — отвѣчала одна изъ женщинъ. Я узналъ въ ней сестру Морозова.

— Куда?

— Въ Семенки правимъ.

— Ну, ну! По болѣстямъ?

— Да.

— Такъ, такъ... Жарко будетъ идти! Да чего вы пѣшія?

— А чтожъ намъ? Мы здоровыя. А лошади теперь въ дѣлѣ.

— Вѣрно. Ну, дай Богъ счастливо! Скоро ли вернетесь?

— Скоро.

— Ну, то-то! Ты отъ насъ, смотри, совсѣмъ не уйди! Въ Семенкахъ-то, вѣдь, хорошо жить, не то, что у насъ... Мотри, какъ разъ соблазнишься. Мою бабу съ ребятишками не забудь. Плохо они поправляются, а мнѣ неколи теперь при-смотреть. Вотъ и дѣвочкамъ тоже не въ пору.

— Нѣтъ, не забуду,—весело отвѣтила Морозиха.

— Ну, такъ счастливо! Дай Богъ путь!—сказалъ мужикъ и протянулъ ей свою руку.

— Вы вотъ здѣсь идите,—посоветовали имъ вслѣдъ дѣвки, показывая въ оврагъ:—здѣсь прохладнѣе... А то изморитеесь.

— Мы и то хотѣли...

Мужикъ и дѣвки зашагали дальше. Спутницы хотѣли было спуститься въ оврагъ.

— Катерина Егоровна!—окликнулъ я.

— Ахъ, это вы!—сказала Катя пріостанавливаясь.—До свиданія.

— Вы куда это? Далеко?

— Да. Верстъ за пятьдесятъ.

— За пятьдесятъ верстъ?—переспросилъ я.

— Да. Что вы такъ смотрите?

— Пѣшкомъ?

— Какъ видите.

— И надолго?

— Да...Вѣроятно... На недѣлю, на полторы...

— Что же это васъ побудило?

— Да я, вотъ, съ нею...

— Съ Матреной Петровной?—сказалъ я, улыбаясь Морозовой. Матрена Петровна Морозова—или, по народному, Морозиха—маленькая, но здоровая, хотя и съ нѣсколько блѣднымъ лицомъ, дѣвушка, уже въ лѣтахъ, какъ говорить, т. е. ей лѣтъ подъ тридцать, съ чрезвычайно добрымъ лицомъ, по которому постоянно бѣгала чуть замѣтная, добродушная улыбка, съ большими черными, умными глазами, смотрѣвшими замѣчательно смирно и кротко, стыдливо опустила широкія рѣсницы и зардѣлась.

— Такъ это вы вмѣстѣ?

— Да,—коротко отвѣчала Катя.—Прощайте!

Катя подала мнѣ руку серьезно, по-рывисто, почти съ сердцемъ, а Морозова протянула несмѣло и все съ тою же чуть

замѣтною улыбкой на лицѣ. Рука Кати была слегка влажна и горяча, но нѣжна, напротивъ, рука Морозовой была совсѣмъ потная, кожа на ней рябая, складками.

Обѣ женщины спустились въ оврагъ и прежней мелкой походкой пошли вдоль его.

Матрена Петровна Морозова была сестра Петра Петровича, годами пятью моложе его. Пока онъ скитался по научнымъ капищамъ, Матрена Петровна жила вмѣстѣ съ отцомъ и матерью на фабрикѣ, гдѣ отецъ ея былъ самымъ мелкимъ конторщикомъ. Жили они нѣсколько лучше на видъ, чѣмъ обыкновенные рабочіе: такъ, у нихъ была квартирка въ четыре комнаты, обитая обоями, съ цвѣтами въ окнахъ, а отецъ ходилъ въ сюртукъ, вмѣсто поддевки; но онъ получалъ такъ мало жалованья и, кромѣ того, любилъ такъ часто вышивать, что они вѣчно сидѣли безъ денегъ, и Матрена Петровна должна была работать. Когда померъ отецъ, жить стали еще хуже; мать была стара и работать на фабрикѣ не могла. Матрена Петровна должна была сдѣлаться простой работницей. Впрочемъ, это продолжалось не болѣе года. Мать тоже умерла, а къ этому времени кончилъ курсъ въ университетѣ и Морозовъ. Онъ, задумавши тогда заняться адвокатурой, сейчасъ же взялъ было сестру къ себѣ, но она пробыла у него недолго, такъ какъ онъ самъ подумывалъ уже черезъ полгода бросить адвокатуру и уйти опять учиться. Матренинъ Петровицъ снова пришлось идти въ работницы. Да ей и не казалось это особенно тяжелымъ, а съ братомъ ей было скучно. Онъ общался ей высылать по-немногу, хотя и у самого ничего не было. Такъ отрывалъ онъ ее нѣсколько разъ отъ рабочей жизни, но всякій разъ она опять уходила на родину, такъ какъ Морозовъ очень часто мѣнялъ мѣсто и профессію и самъ сидѣлъ безъ денегъ. Это раздражало нѣсколько Морозова: онъ хотѣлъ всячески вытащить сестру изъ условій невѣжественной среды и тяжелой работы, но не было средствъ, а безъ средствъ, онъ видѣлъ, что ничего ей лучшаго доставить не могъ, какъ опять сдѣлать какой-нибудь швейи и заставить корпѣть вмѣстѣ съ нимъ на студенческихъ квартирахъ. Между тѣмъ у Матрены Петровны была уже крѣпкая связь съ фабрикой: здѣсь были у нея подруги, знакомыя—и она не тосковала.

Но вотъ, наконецъ, Петръ Петровицъ,

уже женатый, поселился въ имѣніи жены (посадъ съ фабрикой, гдѣ онъ родился, былъ верстахъ въ тридцати отъ имѣнія; такъ какъ много народа изъ окрестныхъ деревень и даже изъ имѣнія его жены ходило на заработки на эту фабрику, то почти все крестьяне знали Петра Петровича и Матрену Петровну); онъ взялъ къ себѣ тогда и сестру. Однако она опять прожила у нихъ недолго. Ее слишкомъ тяготила барская обстановка; притомъ же она никакъ не могла сойтись съ первою Лизаветой Николаевною, никакъ не могла помириться съ тѣмъ бездѣльемъ и досугомъ, какой представился ей теперь. Она было просила „брата крѣстнаго“, какъ звала она Петра Петровича, пустить ее опять на фабрику, но онъ и слышать не хотѣлъ. Онъ мечталъ самъ у себя открыть такое же заведеніе, думалъ приискать „хорошаго, здороваго, честнаго и развитого работника“, который бы руководилъ имъ, вмѣстѣ съ Матреной Петровною, сдѣлавшись ея мужемъ. Но не такъ вышло дѣло. Матрена Петровна сначала поскучала, а затѣмъ скоро стала уходить къ крестьянамъ, гдѣ она чувствовала себя, какъ дома; ея дѣятельная натура тотчасъ же нашла себѣ приложение: она то помогала бабамъ и дѣвкамъ ткать, то оставалась въ рабочую пору съ ребятишками и учила ихъ по букварю, то ходила за больными крестьянками, а иногда напращивалась на исполненіе разныхъ крестьянскихъ порученій. Такъ вдругъ она выдумала, что ей есть случай въ городъ ѣхать и собирала отъ бабъ разные порученія, пятаки на покупку платковъ, восковыхъ свѣчъ, вообще всего, чего нельзя было приобрести въ деревнѣ. Крестьянки были рады, и ей нравилось, когда, вернувшись изъ уѣзднаго городка (верстъ сорокъ до него было), она отдавала отчетъ въ данныхъ ей порученіяхъ и вся деревня встрѣчала ее съ вѣстями и обновами.

Морозову неособенно нравилось, что сестра его обращается „въ Христову невѣсту“; онъ боялся, что, подъ давленіемъ невѣжества, она легко ударится въ религиозный пѣтизмъ, въ ханжество. Нѣсколько разъ онъ ей хотя и добродушно, выговаривалъ это, а она стала бояться его, чтобъ онъ не сдѣлалъ ея барыней, не заставилъ сидѣть и звать въ барскомъ домѣ вмѣстѣ съ „барыней сестрицей“, какъ прозвала она свою невѣстку; она стала избѣгать встрѣчи съ ними и на

нѣсколько времени уходила въ дальнія деревни, гдѣ скоро опять все крестьяне дѣлались ея хорошими знакомыми. Ходила она и въ расколыничьи скиты, и на богомолье, съ порученіемъ помолиться за „грѣшныхъ рабовъ“. Ея кроткій нравъ и привычка къ работѣ, ея „золотыя руки“, какъ говорили крестьянскія бабы, ея, наконецъ, завѣдомое цѣломудріе—доставили ей общую любовь и уваженіе. Относительно ея цѣломудрія, впрочемъ, многіе были въ недоразумѣніи, такъ какъ она не прикрывалась никакимъ лицемернымъ ригоризмомъ, гуляла съ дѣвками и вела себя весело и свободно. Только иногда влюбленные подружки ея замѣчали нѣкоторую грусть въ ней, когда приходилось имъ вести съ нею интимные разговоры про своихъ возлюбленныхъ. Очевидно, для нея уже былъ пройденъ періодъ страсти, былъ пережитъ ею, и она свято хранила память о немъ. Теперь, чѣмъ старше дѣлалась она, тѣмъ становилась религиознѣе.

ГЛАВА VII.

Среди добрыхъ знакомыхъ.

Однажды, подходя къ крыльцу Морозовскаго дома, я замѣтилъ въ глубинѣ двора два экипажа: одинъ—легкій тарантасъ, запыленный, старомодный; другой, напротивъ, представлялъ собою нѣчто „новое“, непохожее ни на одинъ русскій экипажъ; это былъ тотъ легкій, но прочный и удобный фэтончикъ, заложный въ шоры, на которомъ такъ и виднѣется „вся англійская складка“. У Морозовыхъ, значить, были гости. Въ передней я увидѣлъ двухъ мужиковъ, съ медалями на шеяхъ, дремавшихъ, сидя на рундукахъ, и вздрагивавшихъ при малѣйшемъ шорохѣ въ сосѣднихъ комнатахъ. По этимъ неизбѣжнымъ спутникамъ всякаго начальства, налетающаго на деревню, можно было съ увѣренностью предположить, что бросившаяся мнѣ на глаза въ сосѣдней комнатѣ фуражка, въ видѣ ковша, украшенная золотымъ позументомъ по околышку, принадлежитъ начальству. У Морозовыхъ гостилъ исправникъ, дальній родственникъ Лизаветы Николаевны, всегда останавливавшійся у нея во время своихъ поѣздокъ въ нашу падещину.

Войдя въ гостиную, я, однако, засталъ только Лизавету Николаевну. Она

сидѣла около стола и что-то писала съ напряженно-наморщеннымъ лбомъ, какъ это дѣлають тѣ, которымъ приходится писать неособенно часто; пальцы у нея были запачканы въ чернилахъ, нѣсколько листовъ почтовой бумаги валялось на столѣ съ начатыми строками и затѣмъ оставленными. Вообще было замѣтно, что писаніе для Лизаветы Николаевны составляло, въ нѣкоторомъ родѣ, дѣло не совсемъ заурядное: все у нея не удавалось, все раздражало ея нервы—и перья оказывались плохи, и бумага рвалась, и чернила густы... Въ этотъ неудачный моментъ вошелъ и я. Она, кажется, обрадовалась случаю отказаться отъ писемъ, сейчасъ же отодвинула отъ себя бумагу и пошла мнѣ навстрѣчу...

— Наконецъ-то, наконецъ-то!—заговорила она,—и вамъ не совѣстно? вмѣстѣ, рядомъ живутъ люди однѣхъ симпатій и не хотятъ знать одинъ другого! Непостижимо, что такое дѣлается съ нашимъ поколѣніемъ! Вотъ мы обвиняемъ другихъ въ розни, въ недовѣріи, а между тѣмъ не можемъ сойтись между собой. Посмотрите, я принуждена писать письма къ друзьямъ и знакомымъ, чтобы они хоть откликнулись на мой призывъ и пріѣхали къ намъ.

— Вамъ скучно?

— Нѣтъ, это — не скука, — сказала, вздохнувъ Лизавета Николаевна, при чемъ лицо ея сдѣлалось грустнымъ;—тутъ не скука, тутъ поважнѣе. Я, право, не могу объяснить вамъ, что съ нами дѣлается. Я знаю только одно, что вы грѣшите противъ другихъ.

— Я?

— Да, всѣ вы, которые считаетесь друзьями Петра Петровича. Неужели вы не замѣчаете, что дѣлается съ нимъ? Съ каждымъ днемъ онъ становится меланхоличнѣе, въ немъ падаетъ энергія, вѣра... А вы! вы оставляете насъ однихъ... совершенно однихъ... всѣ!

Лизавета Николаевна чуть не плакала, говоря это; голосъ ея дрожалъ и на глазахъ блестѣли слезы.

Мнѣ было ее искренно жаль.

— Лизавета Николаевна, мы не столько виноваты, какъ вы думаете. Здѣсь, мнѣ кажется, причина лежитъ глубже; здѣсь имѣютъ вліяніе какіе-нибудь общіе законы...

— Можетъ быть. Но что изъ этого! Не должны ли мы бороться съ ними, не должны ли мы принимать противъ этихъ

нравственныхъ повѣтрій такіе же мѣры, какъ принимаемъ противъ другихъ эпидемій? Да нѣтъ, это невѣрно! Вѣдь есть же люди, которые дѣлають дѣло, которые нашли его и полюбили, отдали ему всю душу и энергію! Если бъ всѣ эти люди имѣли общеніе между собою, они, конечно, поддерживали бы энергію и вѣру другъ въ друга. Впрочемъ, я не обвиняю Петю. Постоянныя мелкія неудачи, постоянная борьба съ невѣжествомъ, съ непониманіемъ, съ подозрѣніемъ... да, я понимаю что это можетъ на нѣкоторое время лишитъ энергіи... Но, при содѣйствіи друзей, при нравственной поддержкѣ это какъ рукой сняло бы!.. Я теперь очень рада, что у насъ, кажется, соберется кружокъ друзей Петра Петровича (нѣкоторыхъ я пригласила тихонько отъ него; пожалуйста, не говорите ему объ этомъ). Вотъ теперь пріѣхалъ къ намъ кузнецъ — исправникъ (я этого не считаю, конечно!) Пріѣхалъ еще другъ Пети — Колосынь. Вы знаете?

— Слыхалъ. (Такъ вотъ чья англазированная-то телѣжка?—подумалъ я).

— Я рада за Петю,—продолжала Лизавета Николаевна, откидываясь къ спинкѣ дивана: — въ этомъ Колосынь есть какая-то оживляющая сила. Я не знаю, какъ это вамъ хорошенько выразить, но въ присутствіи его всегда какъ-то становится бодрѣе, не чувствуешь апатіи, приниженности. Всѣ мелочныя неудачи дѣлаются какъ-то совсемъ ничтожными, когда видишь предъ собою этотъ ровный, спокойный характеръ... Такъ и чувствуется, что для него никакихъ мелочей не существуетъ... Вы, вѣдь, знаете: онъ—техникъ? Былъ пять лѣтъ въ Англіи, вернулся, открылъ собственную фабрику (небольшую), женился (жена его вылитая онъ: какая-то обрусѣлая англичанка, тоже ровная, спокойная). Рабочіе не хвалятся имъ, да и онъ веселъ, доволенъ, такъ весь и свѣтится. Если бы я могла хотя на минуту увидѣть у Пети такое лицо!

— Онъ теперь гдѣ же?

— Кажется, смотритъ ферму. Они сейчасъ придутъ... Гдѣ вы пропадали все это время?

— Признаться вамъ, я полюбилъ здѣсь одно мѣстечко, по воспоминаніямъ дѣтства, и хожу туда каждый день...

— Куда же это?

— Въ полубарекій выселокъ...

— Ужъ не влюблены ли вы въ Катерину Егоровну?

Лизавета Николаевна хотя и улыбнулась, но при этомъ, какъ будто неожиданномъ для нея самой, вопросъ вдругъ чуть замѣтно вздрогнула, и всѣ черты ея лица мимолетно передернулись. Она, конечно, не могла и подозрѣвать, чтобы я зналъ причину игры ея лица.

— Пѣтъ, не влюбленъ... Да и она ушла теперь надолго...

— Уѣхала? Куда?

Лизавета Николаевна силилась скрыть свое любопытство и сдерживала голосъ.

— Ушла вереть за пятьдесятъ отсюда... Пѣшкомъ...

— Пѣшкомъ?.. Можетъ быть...

Лизавета Николаевна не договорила, опустила рѣсницы и задумалась.

— Я съ нѣкотораго времени начинаю чувствовать, что была несправедлива къ этой дѣвушкѣ. Въ ней есть что-то святое. Я прежде сердилась на ея угловатые выходки, на ея нежеланіе сходить съ нами, а теперь вижу, что мы для нея какъ будто и въ самомъ дѣлѣ малы. Она „не отъ міра сего“, какъ говорятъ. Такъ, вы говорите, она ушла... пѣшкомъ?—не поднимая головы, спросила опять Лизавета Николаевна.

— И знаете съ кѣмъ? Съ Матреной Петровной.

Лизавета Николаевна вздохнула и поднялась съ дивана: лицо ея было серьезно и грустно. И не хотѣлъ нарушать это настроеніе, и, взявъ лежавшій на диванѣ романъ Элюта, сталъ перелистывать. Лизавета Николаевна вышла на террасу, постояла на ней, помахала платкомъ въ лицо и снова вернулась.

— А слышали ли вы еще новость?—спросилъ я.

— Какую?

— Вашъ опекунъ навѣстилъ Башкирова...

— Папа крестный?

Лизавета Николаевна выпрямилась и полуудивленно, полувопросительно смотрѣла на меня.

— Да.

— И онъ былъ въ гостяхъ у этого чудака-тѣкаря... въ избѣ?

— Даже въ каретѣ пріѣзжалъ...

— Это очень интересно,—сказала Лизавета Николаевна, — непремѣнно нужно прогнать Петю къ Башкирову, чтобы онъ его привелъ къ намъ. Тутъ что-то кроется, чего я никакъ не могу понять.

За дверью пріемной послышались голоса, звонъ шпоръ и чьи-то тяжелые шаги.

Предъ нами явился исправникъ, мужчина въ томъ возрастѣ и съ тою солидностью на лицѣ, которые даютъ право на титуло почтеннаго семьянина, главы полудюжины дочерей, руководимыхъ толстою, сырою и дебелою супругой-матерью. Онъ былъ высокъ, мягкотѣлъ и плечистъ, съ толстою шеей, составлявшей съ затылкомъ одну сплошную площадь, съ длинными рыжими баками и здоровенными руками, внушающими страхъ. Но при всемъ этомъ въ гостиню умѣлъ держать себя вѣжливо, по-джентльменски, и говорилъ съ Лизаветой Николаевной довольно нѣжнымъ голосомъ.

— Merci, merci, сестрица,—заговорилъ исправникъ, любезно раскланиваясь со мной. — Я никогда еще не выносилъ такого пріятнаго впечатлѣнія отъ преуспѣянія помѣщичьяго хозяйства, какое вынесъ сегодня. И все благодаря вашему истинно образованному супругу! Я всегда говорилъ: дайте мнѣ больше такихъ людей, каковы г. Колосыинъ и вашъ супругъ, и въ экономической жизни всего государства (онъ не имѣлъ привычки оканчивать фразу, доставляя возможность каждому округлять ее по своему вкусу и соображенію)... Сама администрація приметъ наиболѣе успѣшный ходъ, а затѣмъ и государственныя... Ma chère, vous permettez?... Съ вашего позволенія...

Исправникъ разстегнулъ бѣлый китель, ловко вставилъ въ массивный лнтарный мундштукъ окуркъ сигары, погрузилъ свое тѣло въ вольтеровское кресло и, поглядывая весело то на меня, то на Лизавету Николаевну, приготовился къ дальнѣйшему разговору.

— Правится вамъ?—спросила Лизавета Николаевна.

— Заммѣ-ча-ательно!.. Я всегда говорилъ вашему папа, сестрица: этими людьми нельзя такъ...

Исправникъ сдѣлалъ какой-то странный знакъ рукой и не докончилъ. Въ это время вошли Морозовъ и Колосыинъ. Колосыинъ—маленькая, но здоровая и плотная фигура, въ коротенькомъ, англійскомъ пиджакѣ, въ какихъ-нибудь ходить управляющіе заводами и механики, съ угрюмою, наморщенной, вдумчиво-дѣловитою физиономіей, съ большимъ горбатымъ носомъ и длинною черною бородой. Быстро окинувъ насъ черными глазами, онъ молча, на-скоро и какъ бы мимоходомъ протянулъ мнѣ руку и тотчасъ же обратился къ исправнику.

— Извините-съ, господинъ... какъ? Колпаковъ?

— Калмыковъ... къ вашимъ услугамъ,— поправилъ любезно исправникъ, чуть двинувшись къ нему туловищемъ.

— Если вамъ, г. Колпаковъ, будетъ угодно сопровождать меня, то прошу... Для меня время дорого.

— Да, да... сейчасъ, къ вашимъ услугамъ, молодой человекъ!—ядовито вытянулъ исправникъ.—Я уважаю драгоценное время человека, который его посвящаетъ высшимъ...

— Позвольте, сударыня, раскланяться,— перебилъ сурово Колосыинъ и тотчасъ же опять, словно мимоходомъ, сталъ подавать намъ руку.

— Мы васъ ждемъ обѣдать въ четыре часа...

— Въ четыре?—Колосыинъ посмотрѣлъ на часы.—Да, я буду въ свое время; я успѣю кончить все.

И, вынувъ изъ-подъ мышки кожанную фуражку, которую онъ все время держалъ тамъ, пригласилъ исправника слѣдовать за нимъ и скорою походкой вышелъ въ дверь, какъ уходитъ занятой докторъ-практикъ съ консультаціи.

Исправникъ тоже поднялся, отдуваясь, застегнулъ китель, сунулъ мундштукъ въ карманъ широкихъ синихъ шароваръ и сдѣлалъ намъ любезный поклонъ, шаркнувъ по-военному ногой.

— Въ четыре часа будемъ имѣть удовольствіе видѣться?

— Конечно,—сказала Лизавета Николаевна.

Все это время я не имѣлъ случая взглянуть хорошенько въ лицо Морозова, но теперь, когда онъ сѣлъ, словно разбитый, въ уголъ дивана,—я удивился: такъ измѣнился онъ за послѣднюю недѣлю. Добродушіе на его лицѣ смѣнилось какою-то досадливою грустью; глаза смотрѣли скучно; во всемъ въ немъ чулось раздраженіе.

— Ну, что, Петя, какъ показался тебѣ теперь Колосыинъ? Мы давно ужъ его не видали?—спросила Лизавета Николаевна.

— Какъ же онъ мнѣ можетъ иначе показаться? Все та же самодовольная скотина!—проговорилъ Морозовъ и раздраженно повернулся въ углу дивана.

Лизавета Николаевна взглянула на меня и грустно покачала плечами. Всѣ молчали.

— Вотъ они,—заговорила опять Лизавета Николаевна, показывая на меня,—принесли двѣ любопытныя новости...

— Что же?

— Папа-крестный навѣстилъ Башкирова, а къ намъ даже не заѣхалъ. Говорятъ, они стали пріятелями.

Морозовъ молчалъ.

— Катерина Егоровна ушла пѣшкомъ... вмѣстѣ съ Матреной Петровной.

— Куда?

— Вѣроятно, за какимъ-нибудь дѣломъ.

— И прекрасно дѣлаютъ... Каждая баба, которая стучитъ лбомъ о полъ гдѣ-нибудь въ Соловкахъ, безконечно дѣлнше и честнше пастъ, дѣльцовъ...

Морозовъ выпалилъ это залпомъ и, быстро вставъ, пошелъ къ себѣ въ кабинетъ.

Лизавета Николаевна долго смотрѣла какимъ-то страннымъ взглядомъ на затворившуюся дверь и потомъ, медленно поднявшись, сказала, что ей надо распорядиться по хозяйству, и попросила меня развлечь ея мужа.

Я пошелъ въ кабинетъ къ Петру Петровичу; онъ уже былъ въ рабочей блузѣ. Сброшенный сюртукъ валялся на диванѣ.

— Вотъ самый лучшій медикаментъ при всякихъ психическихъ неурядицахъ,—сказалъ онъ мнѣ, показывая въ рукахъ рубанокъ,—только этимъ и спасаюсь... Дамъ себѣ гонку часа такъ на три, до третьяго пота,—мигомъ всю чушь изъ головы выгонитъ. И опять хоть приблизительно на человека похожъ будешь...

— Лѣчитесь, а я вамъ помогу: буду молчать и не займусь ни о чемъ, что могло бы вызвать вновь приступы психической неурядицы.

Петръ Петровичъ взворотилъ на верстакъ огромный конецъ доски и началъ строгать. Работалъ онъ легко, плавно, хорошо. Скоро лицо его ожило, зарумянилось; на лбу показался здоровый потъ, и черезъ нѣсколько минутъ онъ уже такъ увлекся физическою работою, что даже замурлыкалъ подъ носъ свою любимую пѣсню „Не бѣлы-то ли снѣга въ полѣ забѣлѣлись...“ Я ему не мѣшалъ. Открывъ окно и перевѣсившись туловищемъ черезъ подоконникъ, я смотрѣлъ на вившуюся за палисадомъ дорогу, которая пускала отъ себя поворотъ къ морозовскому дому. Вдали, вправо, изъ-за облака пыли, то показывался, то пропадалъ англійскій экипажъ Колосыина, куда-то уносившій его съ исправникомъ; влѣво видѣлось село.

Сѣдой мужикъ что-то копался около верен. Ребятишки гонялись за поросен-

комъ по околицѣ. У воротъ морозовскаго дома лежала старая собака, высунувъ языкъ и прислушиваясь къ чему-то. Двѣ дѣвочки-подростки выбѣжали изъ калитки, пошептались о чемъ-то, пугливо оглядываясь на барскія окна; пѣсь медленно поднялся и сталъ вертѣться около нихъ.

Часа черезъ полтора по отъѣздѣ исправника, къ морозовскому дому подъѣхала большая, крѣпкая, такъ называемая „купецкая“ телѣга, съ заложенною въ нее коренастою, гнѣдою лошадыю. Скоро, въ дверяхъ изъ передней въ залу, показался тотъ самый высокій сѣдой старикъ, котораго я встрѣтилъ на именинахъ Лизаветы Николаевны — тотъ „умный“, по словамъ Петра Петровича, мужикъ, который знаетъ, „чего не нужно дѣлать, чтобы не подличать, и что возможно дѣлать при данныхъ условіяхъ, чтобы не тратить даромъ пороховъ“. Переступивъ порогъ, онъ негово перекрестился три раза на образъ, поклонился и пригладилъ напередѣ чуть замѣтно подрѣзанные волосы.

— Добраго здоровья, — проговорилъ онъ и, по обыкновенію, устремилъ взоръ куда-то вдаль.

— Здравствуй, Филиппъ Ивановичъ, — сказалъ Морозовъ. — А къ вамъ исправникъ поѣхалъ... Или не зналъ?

— Были у насъ ужъ они... Сюда приказалъ мнѣ пріѣхать, кушать они здѣсь будутъ... А у насъ ужъ были, теперь къ сусѣдскому управляющему поѣхали.

— Ну, садись, Филиппъ Ивановичъ. Садись сюда! — пригласилъ его Морозовъ къ переднему столу.

— Пѣтъ, ужъ я вотъ здѣсь.

Старикъ сѣлъ близъ двери, у маленькаго столика, положилъ на него шляпу и сталъ барабанить слегка по ней рукой, какъ обыкновенно дѣлаютъ крестьяне, когда что-нибудь обдумываютъ.

— Что новаго скажешь? — спросилъ Морозовъ.

— Да есть... есть кое-что, — не скоро отвѣчалъ старикъ, — есть мнѣ до тебя дѣло, Петръ Петровичъ...

— Какое же?

— Да я ужъ — извини Бога для, — съ артелью-то нашей хочу нарушить.

— Что такъ? — спросилъ Морозовъ. По его лицу пробѣжала-было какая-то тѣнь, но онъ, видимо, задалъ этотъ вопросъ безъ особаго изумленія, а больше изъ простаго любопытства.

— Ты, Петръ Петровичъ, не думай, что это изъ-за тебя, а либо что въ этомъ самомъ дѣлѣ есть не хорошо... Дѣло это доброе, это я всегда скажу... А ежели я отхожу, такъ отъ себя единственно... И никто, кромѣ меня, тутъ непричиненъ.

— Что же у тебя такое случилось?

— Такъ, братецъ мой, полоса у меня эдакая незадашная пошла... во всемъ... Грѣхъ на меня идетъ. Въ земцы эти удостоенъ былъ, думалъ: отчего не послужить? Послужимъ. А дѣло совсѣмъ дрянъ вышло...

— А что у васъ?

— Выборы были, пьянство это началось... А-ахъ, Господи! Неудовольствія пошли... Одинъ на другого... Доношеніе въ подкупъ объявилось... Меня въ то же число, въ пьяницы, въ душепродавцы записали... О-охъ, дѣла, дѣла!.. Въ артель эту свою ты меня пріурочилъ... Только что приспособился, а тутъ этотъ мужичокъ... помнишь, съ пахлей сбившійся мужичекъ, просился къ намъ въ артель?..

— Ну, что же? помню...

— Ну, съ петли сняли... Обезработѣлъ совсѣмъ, обголодалъ. А мужичокъ-то изъ моей волости... Пошли это въ народѣ толки...

По лицу Морозова прошла тѣнь уже такъ ясно, что это замѣтилъ даже старикъ...

— Все Богъ! Никто какъ Опъ! — поспѣшилъ успокоить старикъ. — Теперь опять волостнымъ удостоили... Такія дѣла пошли! Ровно вотъ грѣхъ за мной слѣдомъ идетъ... Думалъ, думалъ, да вотъ сегодня самому-то, его высокородію, и забросилъ словечко, чтобы меня, то-есть, освободить...

— Что же у тебя тамъ?

— Много, братецъ мой, много всего. Какъ все-то это сообразить, такъ, думается, и петли тебѣ мало... Вотъ каково! А, вѣдь, по душѣ-то, по совѣсти тебѣ признаться — только на одномъ и стоять тишился, чтобы какъ не согрѣшить, чтобы для всѣхъ было въ любовь, да въ миръ! Такъ, думается, что, ужъ ежели на тебѣ эта полоса пошла, только одно тебѣ спасеніе — отойти... Значить, грѣхъ за тобой идетъ ужъ; значить, отойди, чтобы твоя полоса другимъ не вредила... Вотъ что!

— По какому же дѣлу къ тебѣ исправникъ пріѣхалъ?

— По порубкѣ въ колосыннской дачѣ, а вторымъ дѣломъ — по келейницамъ... Старушны проступки разбирать. А-ахъ,

Царь небесный! А вотъ, передъ истинной совѣстью говорю я: я и не запкался... Обидѣла меня старуха Павлія... знаешь, можетъ, двѣ у насъ старухи живутъ? Павлія да Аксентья... Обидѣла она меня въ сердцахъ, при всемъ мірѣ... Ну, понимаю, что въ сердцахъ. Посадила я ее въ темную, для ради чтобы соблазну не было, а опосля и выпустилъ... А вотъ со стороны, значится, доношеніе сдѣлали—якобы у насъ въ волости безпорядки проявились... Все это богатѣи у насъ тамъ вертять... Старухѣ-то имъ хочется выжить, чтобы землю отъ нихъ отобрать, а ихъ на бабье положенье ссадить. Теперь міръ опять на меня пальцами указываетъ... До тебя, говорить, этого не было, а какъ ты проявился—и пошло все колесомъ...

— А порубка?

— Порубили—это точно... Да, вѣдь, и то сказать,—вдругъ прибавилъ онъ, понизивъ голосъ:—гдѣ взять-то?

— Такъ, значитъ, ты рѣшилъ отойти, „отрѣшиться“,—спросилъ какъ-то особенно загадочно и задумчиво Морозовъ.

— Рѣшилъ, Петръ Петровичъ, отрѣшиться, рѣшилъ... Выходить, недостойнъ. Зачѣмъ грѣхъ съ собой въ міръ вносить! У міра своей тяготы много...

— Но мнѣ, кажется, вы умѣли и „не отрѣшиться“ и въ то же время „не грѣшить“?—спросилъ я старика.

Онъ, молча, посмотрѣлъ на меня, но опять не въ лицо, а какъ-то поверхъ моей головы.

— Охъ-ти, хти, хти! До времени все!—уклопчиво отвѣчалъ онъ.

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что и вообще, несмотря на видимую искренность, съ какою старикъ разсказывалъ о своихъ невзгодахъ,—въ его рѣчи замѣчалась недоговоренность, какъ будто онъ что-то скрывалъ.

Вошла Лизавета Николаевна. Разговоръ принялъ то скучное направленіе, когда, при появленіи новаго лица, начинаются передпросы, пересказы только-что сообщенныхъ новостей. Лизавета Николаевна, по обыкновенію, всему удивилась и при всемъ недоумѣвала. Я и Морозовъ снова собрались было въ садъ, но въ это время послышался ямичникій колокольчикъ и стукъ экипажей. Старикъ поднялся, погладилъ бороду и, тихо подойдя къ Петру Петровичу, наскоро шепнулъ ему:

— Нельзя ли самому-то закинуть словечко, чтобы ужъ онъ меня не очень

лаской-то удостоивалъ... А то говорить: ты для меня дорогъ, я съ тобой въ жизнь не расстаюсь... А-ахъ, Господи! Замошви ему, чтобы онъ меня ужъ не очень при себѣ задерживалъ.

— Хорошо, я поговорю.

— Поговори. Лучше безъ грѣха, такъ-то!

— Безъ какого грѣха?

Но старикъ замѣтилъ, что экипажи уже огибали уголъ палисадника, махнулъ шляпой и выбрался со двора въ переднюю, стараясь подняться на носки сапоговъ и ступать возможно тише.

Экипажи остановились у воротъ: вмѣстѣ съ колосинской телѣжкой, подкатилъ большой тарантасъ, въ которомъ и помѣщались всѣ пріѣхавшіе: исправникъ, ловко соскочившій съ подножки, откинутой крестьянскимъ начальствомъ съ бляхой, Колосинъ, вышедшій съ другой стороны и тотчасъ же начавшій дѣловито осматривать своихъ лошадей и англійскую телѣжку, и, наконецъ, послѣ всѣхъ выбрался все время улыбавшійся и еще издали почему-то махавшій фуражкой и дѣлавшій въ направленіи Лизаветы Николаевны ручкой, „земскій представитель“ Никаша Бурцевъ, которому и принадлежалъ тарантасъ.

Въ ожиданіи обѣда гости собрались въ гостиную. Исправникъ, теперь красный какъ ракъ отъ жары и отъ „исполненія служебныхъ обязанностей“ (о тяготахъ которыхъ онъ, видимо, силится заявить намъ какимъ-то особымъ пыхтѣніемъ), тотчасъ же попросилъ у Лизаветы Николаевны позволенія разстегнуть китель, погрузился въ вольтеровское кресло и, по прежнему, ловко всунулъ въ массивный мундштукъ крученую папиросу.

— Я говорю, сестрица, — тотчасъ же началъ онъ, — дайте мнѣ на выборъ: управлять ли цѣлымъ табуномъ толстобородыхъ мужиковъ, или двумя старыми крестьянскими дѣвками—я выберу первое. Да-съ... Потому что двѣ старыя, закосѣлыя дѣвки (pardon за повтореніе), двѣ старыя вѣдьмы постоятъ за сто тысячъ чертей!

Никаша, ходя вдоль комнаты и разминная ноги, заливался тоненькимъ смѣхомъ. При послѣднихъ словахъ исправника, онъ вдругъ круто повернулся къ Лизаветѣ Николаевнѣ.

— Позвольте, позвольте, позвольте!—заговорилъ онъ, таинственно подмигивая на исправника.

— Да я ничего не говорю, Никандръ Ульяничъ,—замѣтила Морозова.

— По-озвольте, позвольте...

— Я говорю, сестрица,—началь было опять изрекать исправникъ, но Никаша бросился, растопыривъ руки, на него.

— Позвольте, позвольте!.. Я хочу предложить вопросъ нѣсколько въ иной формѣ!

— Ну-съ, какой же? Давно бы уже предложили!

— А что сказали бы вы, любезнѣйшій г. начальникъ, если бы вамъ предложили на выборъ: имѣть ли въ своемъ вѣдѣніи ораву толстобородыхъ мужиковъ, или практиковать неполнительную власть надъ двумя прекрасными поселянками?

Никаша подождалъ секунду и затѣмъ разразился перекатистымъ смѣхомъ надъ своей будто бы „остротой“. Лизавета Николаевна сдѣлала легкую гримасу; исправникъ съ сплсходительнымъ укоромъ покачалъ головой, а Колосинъ, бросивъ взглядъ холоднаго презрѣнія на разговаривающихъ, съ серьезной миной вынулъ изъ кармана нумеръ газеты и, отойдя къ окну, погрузился въ чтеніе. До этого, онъ все время сидѣлъ въ углу, поджавъ подъ стулъ ноги, съ угрюмо-вдумчивымъ лицомъ, и занятъ былъ или дѣлалъ видъ, что занятъ глубокими соображеніями, передъ которыми, навѣрно, гостинная беседа провинціальныхъ джентльменовъ являлась просто пошлостью.

Черезъ нѣсколько минутъ, вошелъ Морозовъ, какъ кажется, преднамѣренно ушедшій къ себѣ въ кабинетъ. Велѣвъ за нимъ изъ дверей сосѣдней комнаты высунулась востроносая, растрепанная дѣвушка и сказала Лизаветѣ Николаевнѣ, что „кушать подано“. Все отправились въ столовую на приглашеніе Лизаветы Николаевны.

— Я говорю, любезный Петръ Петровичъ!—началь исправникъ, когда все сѣли за столъ (Мерси! вставилъ онъ, обращаясь съ нѣжной улыбкой къ Лизаветѣ Николаевнѣ и принимая отъ нея тарелку съ супомъ):—мы ѣхали съ Павломъ Александровичемъ... Извините, такъ, кажется, ваше имя и отчество?—спросилъ онъ Колосина.—Такъ мы ѣхали съ Павломъ Александровичемъ, и я говорю: вотъ вы, господа, представляетесь такими дѣловитыми, вѣчно занятыми, какъ будто у васъ минуты свободной нѣтъ... Конечно! конечно! Я ничего не говорю противъ... Люди европейскаго образованія... ну, новыя идеи... піонеры... Но я говорю... на-

ша сфера дѣятельности значительно, позвольте такъ выразиться, напряженнѣе и, въ то же время, представляетъ иногда такія сложныя комбинаціи...

— А не жалеемся-съ и, благодареніе Господу Богу, безъ европейскаго образованія благополучно обходимся,—вставилъ ядовито Никаша и тотчасъ же ядовитость эту скрылъ подъ добродушно-лукавой улыбкой.

— Позвольте!—остановилъ его исправникъ.—Я говорю: возьмите, къ примѣру, хотя вашу фабрику... вполне образцовое, замѣчательное и, смѣю сказать, рѣдкое у насъ учрежденіе! Вы достигли замѣчательныхъ результатовъ! Ваше учрежденіе... именно „учрежденіе“ (я стою на этомъ) будетъ имѣть для края важное значеніе, какъ первый примѣръ... Я говорю: первый примѣръ или, лучше сказать, первый опытъ разрѣшенія задачи, о которую разбивались все мѣропріятія... Я признаю все это. Я не могу не признать, что фабрика, которая не давала прежде намъ покоя, которая ежедневно выставляла цѣлый рядъ преступныхъ дѣйствій: буйства, кражи, неповиновенія, пьянства, что эта фабрика въ вашихъ рукахъ, подъ вашимъ высоко-образованнымъ наблюденіемъ, сдѣлалась такимъ тихимъ раемъ, куда мы забыли ѣздить... И безъ строгости-съ, безъ карательныхъ мѣръ—вотъ что важно!... Я заявляю самъ, предъ лицомъ всехъ, тотъ фактъ, что вы никогда не обращались ко мнѣ за помощью (я исключю нынѣшнюю поѣздку: это—пустяки!). Все это такъ-съ. Но позвольте сказать и намъ... Позвольте васъ спросить: посредствомъ какихъ мѣропріятій имѣете вы удовольствіе любоваться столь прекраснымъ учрежденіемъ? Почему этихъ же самыхъ мѣропріятій не можемъ практиковать мы, дабы вкусить всю сладость столь мирнаго теченія дѣлъ? Такъ ли я говорю, сестрица? Это правда?..

— Конечно,—замѣтила Лизавета Николаевна, повидимому, или вовсе не слыша, о чемъ шелъ разговоръ, или еще плохо понимая, къ чему велъ рѣчь ея кузенъ.

— Конечно-съ. Однако, Павелъ Александровичъ думаетъ иначе. Павелъ Александровичъ говоритъ, что это достижимо только для нихъ, для избранныхъ...

— Я этого не говорилъ,—сердито замѣтилъ Колосинъ.

— Виноватъ: можетъ быть, иначе разпились? Не отрицаю. Затѣмъ я обращаюсь съ вопросомъ: позвольте васъ спро-

ситъ, достоуважаемый Павелъ Александровичъ, какія мѣропріятія употребили бы вы въ томъ случаѣ, если бъ на вашей фабрикѣ попались въ числѣ прочихъ двѣ старыя, закоснѣлыя дѣвки, невѣжественно протестующія противъ самыхъ разумныхъ началъ?

— Что жъ отвѣтилъ Павелъ Александровичъ?—быстро спросила Лизавета Николаевна, видимо заинтересовавшаяся вопросомъ.

Исправникъ бросилъ искоса хитрый взглядъ на Колосина, который отвернулся къ Петру Петровичу, сообщая ему что-то изъ газетныхъ новостей.

— Павелъ Александровичъ отвѣчалъ очень, очень просто и коротко. Павелъ Александровичъ сказалъ: фю!..

Г. исправникъ сдѣлалъ при этомъ поясняющій жестъ.

— Я этого не говорилъ, милостивѣйшій государь!—вспыхнулъ Колосинъ, внезапно повернувшись къ нему.

— Виновать... Можетъ быть, иначе выразились? Насколько могу, впрочемъ, припомнить, вы изволили высказать такъ: мое правило —упразднить всякій элементъ, несоотвѣтствующій общимъ интересамъ нашего учрежденія; только путемъ строгаго подбора необходимыхъ элементовъ... и прочее въ такомъ родѣ... Прошу извинить: я запомнилъ точныя ваши выраженія... Вы согласны, что я передалъ мысль вашу вѣрно?

— Да, теперь, но не раньше. Здѣсь существенная разница...

— Ха-ха-ха!—добродушно расхохотался г. исправникъ.—Позвольте! Мнѣ придется на память одинъ курьезный анекдотъ. Когда-то, гдѣ-то я въ газетахъ прочиталъ извѣстіе, что какой-то тамъ англичанинъ или другой какой націи просвѣщенный гражданинъ изобрѣлъ новый способъ дѣйствія противъ непріятельскихъ силъ. Способъ этотъ, насколько могу припомнить, состоялъ въ томъ, что поливали непріятельскія войска изъ пожарныхъ трубъ горящимъ петролемъ или чѣмъ-то въ этомъ родѣ. Но дѣло не въ этомъ, а въ томъ, какъ онъ назвалъ свой способъ избіенія непріятеля? Какъ вы думаете, сестрица? Конечно, какъ человекъ образованной націи, какъ ученый, онъ, можетъ быть, совѣстился назвать свое изобрѣтеніе убійствомъ или тамъ какъ-нибудь иначе, по обыкновенному...

— А какъ же? извѣденіемъ врага, что ли? Ха-ха!—спросилъ Никаша и опять

захохоталъ, довольный своимъ остроуміемъ.

— Немножко не отгадали... Онъ называлъ его—„способомъ *упраздненія* непріятельскихъ колоній съ мѣста дѣйствія“... Конечно, мы—люди неученые, не умѣемъ деликатно выражаться; а попросту возьмешь да назовешь тѣмъ именемъ, какъ наши праотцы называли...

— Вашъ анекдотъ, г. Колпаковъ, не идетъ къ дѣлу. Вы не перефразировали, но извратили мои слова...

— Согласенъ. Могло случиться и это. Но не отъ чего иного, какъ отъ неумѣнія выражаться ученымъ языкомъ... Впрочемъ, дѣло не въ словахъ! Будемъ говорить объ „*упраздненіи*“.

Г. исправникъ выпилъ рюмку водки, медленно и тщательно вытеръ салфеткой усы и съ самодовольно-хитрой улыбкой продолжалъ „развивать теченіе своихъ мыслей“. Очевидно, онъ попалъ на тему, хорошо имъ обдуманную; очевидно, эта тема представляла очень выгодную позицію для него и была слабымъ мѣстомъ противника. Исправникъ началъ издалика, онъ коснулся въ „обширности района, доставленнаго его вѣдѣнію“, и „сложныхъ комбинацій“, которыми изобилуютъ этотъ районъ, и, наконецъ, проведя тонкую параллель между райономъ дѣйствій ученыхъ пионеровъ и райономъ дѣйствій „великаго сына отечества, исполняющаго долгъ службы“, онъ заключилъ свою параллель слѣдующимъ сопоставленіемъ:

— Я говорю: вы, Павелъ Александровичъ, или вы, Петръ Петровичъ, вы пользуетесь въ своей дѣятельности замѣчательнымъ упрощеніемъ, которое мы согласились называть „*упраздненіемъ* несоотвѣтствующихъ элементовъ“. Прекраснось. Недавно Павелъ Александровичъ „упразднилъ“ съ своей фабрики около десятка такихъ элементовъ, а вы, Петръ Петровичъ, „упразднили“ одного пьянаго мужичонка. Позвольте! позвольте!—перебилъ онъ свою рѣчь, замѣтивъ недоумѣніе на лицѣ Лизаветы Николаевны и гримасу на лицѣ Колосина,—я нисколько не хочу порицать вашъ образъ дѣйствій... Боже меня упаси! Вотъ вамъ свидѣтель—сестрица. Я еще сегодня говорилъ ей: намъ нужно больше, больше такихъ людей, какъ уважаемый Петръ Петровичъ или Павелъ Александровичъ!... Не правда ли сестрица? Но при этомъ я говорю: воздайте должное каждому. Петръ Петровичъ и Павелъ Александровичъ, конечно,

могутъ пользоваться и извлекать все выгоды изъ этого мѣропріятія... Они могутъ „упразднить“ съ поля своей просвѣщенной дѣятельности и тѣхъ двухъ законныхъ старыхъ дѣвокъ, о которыхъ я уже говорилъ; но я—куда я ихъ упраздню? Вѣдь и пьяный мужичокъ, и эти старыя дѣвки все-таки останутся въ районѣ моихъ дѣйствій? Не правда ли, что мечтаніи мои о раѣ всегда будутъ отравляться ихъ присутствіемъ, пока они не совершатъ такого преступнаго дѣянія, которое я уже въ правѣ буду представить на благоусмотрѣніе высшаго начальства?..

— Позвольте, г. Колпаковъ, вамъ замѣтить...

— Аристархъ Федоровичъ Калмыковъ, — къ вашимъ услугамъ, — поправилъ внушительно г. исправникъ.

— Позвольте, г. Калмыковъ, — не рѣшился еще разъ перевернуть фамилію Колосинъ, — вамъ замѣтить, въ заключеніе вашей рѣчи, что ни я, ни Петръ Петровичъ не имѣемъ ничего общаго съ тѣмъ, о чемъ вы говорили такъ долго. Вы воспользовались словомъ „упраздненіе“ и, между тѣмъ, совершенно извратили его смыслъ. Мы никого никогда не упраздняемъ. Нашъ принципъ — не вмѣшательство, но воздѣйствіе. Наши предпріятія тѣмъ сильны, что они покоятся на основахъ самостоятельнаго, изъ себя выходящаго развитія. Мы оставляемъ полную свободу членамъ нашего предпріятія, какъ членамъ свободной артели, распоряжаться такъ, какъ они считаютъ сообразнымъ съ убѣжденіемъ ихъ совѣсти, и только считаемъ необходимымъ предлагать имъ извѣстныя внушенія, если образъ ихъ дѣйствій, по нашимъ понятіямъ, можетъ вредить интересу общаго дѣла...

Все это выговорилъ Колосинъ залпомъ, сердито смотря въ тарелку и ни на кого не поднимая глазъ.

— Да, вѣдь, и мы „внушаемъ-съ“! Только вы внушите и сейчасъ же упраздните зловредный элементъ... а двѣ старыя, законныя дѣвки при мнѣ останутся, и я, какъ истинный сынъ отечества, по долгу службы, обязавъ о нихъ печись! Да и пьяный мужичокъ, вами упраздненный, въ моемъ же районѣ дѣйствій на свою душу руку налагаетъ: вѣдь это все — непріятности-съ! За это насъ не хвалить, — а! — закончилъ исправникъ такимъ тономъ, что Никаша, все время блаженно улыбавшійся, счелъ пужнымъ принять видъ человѣка, задумавшагося

надъ рѣшеніемъ задачи высокой важности...

— Не замѣчаешь ли ты, — обратился Колосинъ къ Петру Петровичу, скрививъ ротъ въ ядовитую улыбку, — не замѣчаешь ли ты, что г. исправникъ имѣетъ наклонность смотрѣть на вещи радикальнѣе даже насъ?..

— Да, замѣчаю, — какъ-то необычно рѣзко перебилъ его Морозовъ и вдругъ вспыхнулъ, такъ что Колосинъ въ недоумѣніи некоса взглянулъ на него.

— Кетати, скажите, — перемѣняя разговоръ, обратился Петръ Петровичъ къ исправнику, — чѣмъ кончилось дѣло этихъ старухъ?

— Великолѣпно! Подобному рѣшенію я всегда покровительствую...

— Т.-е. какъ именно? — спросила Лизавета Николаевна.

— Онѣ — упразднились, говоря чуждымъ языкомъ, но упразднились сами.

Исправникъ засмѣялся.

— Да развѣ можно самому „упраздниться“?

— Можно-съ!.. Отчего же-съ? У насъ это часто, у мужиковъ...

— Какимъ же образомъ?

— А различнымъ образомъ, смотря по тому, къ чему кто болѣе наклоненъ. Бабы преимущественно посвящаютъ себя Богу...

— И эти старухи тоже?

— Тоже-съ. И давно бы пора. Это значительно упрощаетъ рѣшеніе вопроса. Конечно, онѣ обидѣли у меня старика, представителя власти, а, стало быть, нѣкоторымъ образомъ и меня въ лицѣ его; но чтѣ же взять съ двухъ старыхъ, законныхъ дѣвокъ? Богъ съ ними!..

— Я слышалъ, что старшина проситъ у васъ отставки, — сказала Петръ Петровичъ.

— Да, онъ говорилъ; но я ему сказалъ, чтобъ онъ объ этомъ и заикаться не смѣлъ...

— Напрасно. Я, съ своей стороны, хотѣлъ просить васъ уважить его просьбу.

Исправникъ нѣсколько удивленно посмотрѣлъ на Петра Петровича.

— Прошу извинить, достоуважаемый Петръ Петровичъ, никакъ не могу. Если бы даже я самъ хотѣлъ этого, не могу-съ... потому что я — рабъ иныхъ, вышнихъ соображеній... Этотъ старшина — единственный въ своемъ родѣ. Онъ умѣлъ привести въ гармоническое сліяніе интересы управляемыхъ и управителей... Это, ба-

тюшка, идеалъ! И чтобъ я могъ съ нимъ разстаться!..

— Но вы забываете его самого. Какое-то ему самому достается это гармоническое слияніе?

— Ну, это—другой вопросъ... Служба—долгъ, уважаемый Петръ Петровичъ! Мы всё служимъ-съ, всё несемъ на алтарь-съ... Про себя уже я не говорю, но вотъ представитель выборнаго начала... Вотъ Никандръ Ульянычъ... Спросите его: какво ему достается выборная служба? Обязанность предъ обществомъ—это великая и трудная обязанность!.. Но за то и высокая! Не правда ли?—съ улыбкой спросилъ исправникъ Никашу.

Никаша, очень плохо выкашавшій въ разговоръ, выпучилъ на исправника глаза, крикнулъ и обвелъ всѣхъ блаженной улыбкой.

— Нѣтъ-съ, и не просите,—рѣшительно заявилъ исправникъ;—пока я здѣсь, Филиппъ Семеновъ будетъ старшиной, даже если бъ пришлось коснуться и выборныхъ началъ... Въ виду несомнѣнной пользы, это должно быть допустимо... Но, конечно, безъ злоупотребленій!..

— А слышали вы новость?—сказала Лизавета Николаевна:—папа-крестный сталъ пріятелемъ доктора Башкирова! Недавно онъ навѣстилъ его въ каретѣ... параднымъ образомъ, съ камердинеромъ... И ни къ кому больше не заѣхалъ, даже къ намъ.

Исправникъ вдругъ отодвинулъ отъ стола кресло и принялъ величественную, полтуудивленную позу, но, вѣроятно, замѣтивъ неумѣстность ея въ кругу близкихъ людей, тотчасъ же значительно затушевалъ величественность выраженія на своемъ лицѣ, хотя и остался погруженнымъ въ серьезное размышленіе.

— Сестрица!—началъ онъ, нѣсколько торжественно,—я говорю: *это* не можетъ быть болѣе допустимо... Я уже говорилъ Никандру Ульянычу, какъ представителю сословія, я говорилъ: въ интересахъ общественной пользы вы должны принять мѣры.

— Да что такое „это“?

— Сестрица, не волнуйтесь! Прошу и васъ, уважаемый Петръ Петровичъ! Я говорю: не можетъ быть допустимо расхищеніе имущества, которое можетъ принести богатые плоды... Замѣчаются такіе поступки, повтореніе которыхъ не можетъ быть допущено... Съ одной стороны—меланхолія, мизантропія, съ другой—одино-

чество... Какая-то женщина изъ низшаго званія, лакей, собака, отсутствіе бдительнаго попеченія родныхъ... Затѣмъ, огромныя оброшенные поля, луга, даромъ пропадающій Божій даръ, которымъ пользуются преступно посторонніе мужики... Значитъ, косвенная поблажка порубкамъ, самовольному скашиванію луговъ, за которыми никто не смотритъ... и, наконецъ, подчиненіе постороннему влиянію до того, что богатія земли бросаютъ даромъ въ руки первыхъ попавшихся!

— Послушайте, кузень, Богъ знаетъ, чтѣ вы говорите! Вы, наконецъ, хотите папа крестнаго совсѣмъ помѣшаннымъ представить!—вскрикнула Лизавета Николаевна.

— Я этого не сказалъ, но тѣмъ не мѣнѣе...

— И это все вывели изъ невиннаго визита его къ полюбившемуся доктору?

— Гм... Я имѣлъ честь, сестрица, представить вамъ значительный рядъ совпадений... Что же касается до г. Башкирова, то я ничего не говорю... Боже упаси, чтобы я образованнаго, ученаго человека могъ заподозрить въ какихъ-нибудь неблаговидныхъ намѣреніяхъ! Напротивъ, будь здѣсь г. Башкировъ, я готовъ протянуть ему обѣ руки! Но это, конечно, не обязываетъ меня сочувствовать тому направленію, въ которомъ его влияние на его с—тво...

— Полноте, полноте!—замахала рукой Лизавета Николаевна.—Вы слишкомъ многое во всемъ провидите...

— По долгу службы-съ, сестрица...

— Какъ выдумаете объ этомъ?—спросила Лизавета Николаевна Колосына,—вѣдь вы знаете и папу крестнаго, и Башкирова?

— И-да... отчасти... Я полагаю, что все это вполне естественно... Естественно и то, что люди, не имѣющіе крѣпкихъ научныхъ основъ въ своемъ міровоззрѣніи, бросаются въ мистическія бредни; естественно и то, что, за отсутствіемъ у насъ солидной культуры и въ виду переходнаго характера нашей эпохи, переходъ собственности изъ слабыхъ рукъ въ болѣе сильныя долженъ быть неизбеженъ... Это законъ Дарвина: все болѣе слабое, дряблѣе вымираетъ, все болѣе сильное, энергичное захватываетъ поле дѣйствія въ свои руки... Это—законъ; это вполне естественно, а значитъ и справедливо...

— Я совершенно съ вами согласенъ, что это—законъ... гмъ... гмъ... законъ... какъ вы изволили выразиться?..

— Законъ Дарвина...

— Да... да... его-съ... Я теперь припомнилъ... Этотъ Дарвинъ—онъ будетъ германскій подданный?

— Англичанинъ.

— Гм... да-съ... Такъ я говорю: я съ этимъ закономъ вполне согласенъ. Онъ не противорѣчитъ истиннымъ видамъ и стремленіямъ всякаго благонамѣреннаго сына отечества. Но позвольте замѣтить: нѣтъ правила безъ исключеній... Такъ и изъ этого благотворнаго, смѣю такъ выразиться, закона могутъ быть, по слабости человѣческой природы, изыятія. Такъ, напримеръ, въ данномъ случаѣ этотъ законъ подвергается искаженію, ибо собственность не переходитъ въ образованныя и просвѣщенные руки, но подвергается расхищенію. Если бы такой переходъ совершился въ ваши руки или Петра Петровича...

— Это ничего не значить, это только переходный періодъ,—замѣтилъ Колосыинъ;—съ теченіемъ времени все придетъ въ гармонію, и, конечно, собственность не минуетъ людей, которые могутъ научнымъ образомъ эксплуатировать ее съ наибольшою пользою.

— Это такъ-съ, такъ-съ... Но зачѣмъ же ждать! Не обязаны ли мы способствовать немедленному насажденію культуры, не подвергая собственность длинному періоду расхищенія? Я говорю: вы, сестрица, какъ ближайшая пастѣдница послѣ его с—тва и любимаго его крестника, и вы, Петръ Петровичъ, какъ человѣкъ, вполне достойный, — вы правдиво обязаны... А Никандръ Улянычъ, я увѣренъ, не откажетъ вамъ въ содѣйствіи, какъ представитель сословія...

Никаша мотнулъ утвердительно, съ большою готовностью, головой.

— О чемъ вы это говорите?—испуганно спросила Лизавета Николаевна исправника, взглянувъ въ поблѣднѣвшее лицо мужа и замѣтивъ беззвучно замершіе на его плотно сжатыхъ губахъ какіе-то звуки. Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ Морозовъ быстро двинулъ кресло и поднялся, а исправникъ, посмотрѣвъ на него, махнулъ Лизаветѣ Николаевнѣ рукой и тихо проговорилъ: „Мы послѣ! Еще успѣемъ! Въ другое время!“

Всѣ встали изъ-за стола. Обѣдъ кончился.

— Ну-съ, теперь курнемъ!.. — добродушно-весело замѣтилъ исправникъ Колосыину.

— Ахъ, Павелъ Александровичъ! Какіе вы, право!—продолжалъ онъ любовно, стоя предъ нимъ и покачиваясь слегка на ногахъ,—и къ чему вотъ и вы, и Петръ Петровичъ такіе сердитые, такіе угрюмые, какъ будто или васъ кто хочетъ укусить, или вы кого собираетесь тяпнуть! А, вѣдь, совсѣмъ напрасно!.. Ха-ха-ха!.. Ей-Богу, напрасно... Вѣдь ни въ насъ, ни въ васъ страшнаго ничего нѣтъ! Ахъ, голубчикъ! вѣдь, это все — только недоразумѣнія, видимость, а въ существѣ-то дѣла... Позвольте васъ обнять, уважаемый Павелъ Александровичъ!

— Вы очень любезны,—промычалъ конфузливо Колосыинъ, слабо выбиваясь изъ могучихъ объятій исправника.

— Ну, сестрица, вы насъ извините съ Никандромъ Улянычемъ (Никаша еле стоялъ и попрежнему безтолково ухмылялся). Мы ужъ къ Морфею... Вы, господа,—люди молодые, вамъ ничего; а мы—потертые, послужившіе! Намъ и отдохнуть не мѣшается... Такъ ли, Никандръ Улянычъ?

— Я давно готовъ,—выпалилъ неожиданно Никаша.

— Ну, такъ до пріятнѣйшаго свиданія! Allons, allons, allons!—заплѣлъ исправникъ подъ тактъ австрійскаго марша и, подхвативъ подъ руку Никашу, повлекъ его съ собою.

— Чортъ знаетъ, что за мерзость!—выругался Петръ Петровичъ, едва скрылись два пріятели, и тотчасъ же вышелъ въ кабинетъ.

Лизавета Николаевна вздохнула. Колосыинъ сдѣлалъ ей какой-то знакъ глазами и мотнулъ успокоительно головой.

Въ кабинетъ Петръ Петровичъ уже стоялъ у станка, въ одной жилеткѣ. Сброшенный сюртукъ попрежнему валялся на диванѣ. Петръ Петровичъ принялся точить, а Колосыинъ сталъ ходить изъ угла въ уголъ комнаты, потрепывая бороду и что-то соображая.

— Вотъ что,—заговорилъ онъ, пріостанавливаясь около Морозова,—мигъ нужно бы съ тобой поговорить...

Морозовъ молчалъ.

— Можетъ быть, я буду лишній?—сказалъ я.

— Нѣтъ, нѣтъ... Можете не беспокоиться, если желаете,—сказалъ мигъ Колосыинъ и опять прошелъ въ уголъ.

— Ну, черезъ полчаса я долженъ ѣхать.

Мнѣ время дорого, хоть я и очень сожалѣю,—сказалъ онъ, смотря на часы.

— Ну, что жь!—промычалъ Морозовъ.

— Хотя я и очень сожалѣю, что не могу поговорить съ тобой больше... Да, впрочемъ, что жь разговоры! Для насъ достаточно двухъ словъ, чтобы мы поняли другъ друга...

— Конечно!

— Я слышалъ, да и самъ замѣчаю,—началъ Колосыинъ, ходя по комнатѣ и опять трепля бороду,—что тебя какъ будто муха укусила!

— Можетъ быть, и укусила!

— Гм... странно! Зачѣмъ ты поддаешься этому настроенію? Въ тебѣ нѣтъ этого удовольствія, которое сопровождаетъ прочное, крѣпкое убѣжденіе, гармонию дѣятельности съ образомъ мыслей...

— А въ тебѣ есть?

— Есть... Я и хотѣлъ сказать: смотри вотъ на меня...

— Ну, и твое счастье!

— Напрасно ты колеблешься, хмуришься... Я бы, при тѣхъ условіяхъ, какими располагаешь ты, могъ бы рай устроить для себя, и сколько изъ этого рая могъ бы уступить другимъ, обществу... Ты счастливѣе меня. Вотъ хоть бы нѣгнѣ Дикого. Если бы мнѣ такъ везло, я бы могъ еще болѣе расширить поле своей дѣятельности и, слѣдовательно, еще болѣе процвѣтъ уступить благу общества... Но я... Ты знаешь, сколько я долженъ былъ употребить труда, настойчивости, хитрости, ума, знаній, пока не приобрѣлъ опытности жить съ людьми и...

— И умѣть невинность соблюдать и капиталы наживать?..

— Ты смѣешься?

— Нѣтъ. Вѣдь ты самъ же сказалъ, что у тебя въ душѣ *гармоника*.

— Ну, да! Но, вѣдь, это досталось не безъ борьбы. А у тебя и борьбы-то никакой быть не можетъ! У тебя все готово. Ты можешь сохраниться даже въ нравственной неприкосновенности. И я не понимаю, отчего въ тебѣ нѣтъ нравственнаго удовольствія? А въ немъ вся сила. Нѣтъ его—нѣтъ энергій... Вѣроятно, лошадь уже заложена? Какъ ты думаешь?—спросилъ Колосыинъ, смотря на часы.

— Навѣрно.

— Ну, мнѣ пора. Я повторяю, что разговоры, это—праздная потеря времени. Тѣмъ болѣе между нами, когда мы хорошо понимаемъ другъ друга.

— Еще бы!

— Я тебѣ дамъ категорическій совѣтъ: старайся, главнымъ образомъ, достигнуть нравственнаго удовольствія, несмотря ни на что. Если хочешь, уединись для этого, погрузись въ науку (ты—математикъ? она очень помогаетъ), брось политику, газеты и журналы, возьми какую-нибудь солидную книгу. Не смотри по сторонамъ. Вотъ средство, къ которому я всегда прибѣгалъ, чтобы установить въ себѣ нравственную гармонию и довольство своего личнаго я. И всегда результаты получались благіе. При этомъ условіи, ты принесешь возможную долю блага, хоть не большую, но зато прочную и солидную; безъ него не сдѣлаешь ничего *положительнаго*... Я упираю на это слово. Химера, романтизмъ, утопія—вотъ какіе результаты только могутъ выйти при отсутствіи нравственнаго удовольствія и гармоніи... Для подкрѣпленія своихъ словъ, прибавлю, кетати, что предлагаемое мною средство испытано не только мною. Оно—результатъ историческаго опыта... Я просто задался вопросомъ: отчего пошляки, кулаки и проч. необразованные дѣльцы преуспѣваютъ въ семъ мірѣ? И нашелъ, что этотъ успѣхъ лежитъ въ ихъ самоувѣренности, доходящей у нихъ до наглости, а эта самоувѣренность возможна только при полномъ нравственномъ удовольствіи. Стѣдовательно... Но выводъ ясенъ (Колосыинъ опять посмотрѣлъ на часы). Однако, прощай! Спѣшу... Да я, кажется, успѣлъ все высказать?

— Успѣлъ. Прощай.

— Если въ чемъ встрѣтишь сомнѣніе или недоразумѣніе, пиши мнѣ и я успокою тебя двумя словами... Когда буду здѣсь по дѣламъ, заѣду самъ...

— Спасибо.

— Прощайте!

Колосыинъ подаль намъ наскоро руки и, какъ профессоръ, прочитавшій лекцію, не снисходя дожидаться возраженій и даже не помышляя, чтобы они могли быть, вышелъ.

Морозовъ принялся усиленно работать. Я посмотрѣлъ на него; подождалъ немного и, когда коляска Колосыина проѣхала мимо оконъ, тоже распростился.

Въ залѣ я встрѣтилъ Лизавету Николаевну. Она была какъ-то грустно озабочена.

— Кажется, ваши надежды не оправдались?—сказалъ я.

— Да, должно быть, для насъ все кон-

чено,—грустно отвѣчала она, пожимая мнѣ руку;—все-таки, пожалуйста, заходите чаще.

ГЛАВА VIII.

Странные люди.

I.

Черезъ нѣсколько дней я былъ снова у Морозовыхъ.

Жаръ хотя и спадалъ, но было душно, откуда-то несло гарью. Со стороны видѣвшагося влѣво села не было слышно ни звука, какъ будто все замерло подъ палящимъ зноемъ. Но вотъ эту беззвучную тишину нарушилъ вразъ поднявшійся на селъ собачій лай. Телѣга, съ грохотомъ, повернула къ усадьбѣ Морозовыхъ, поднимая за собою огромное густое облако пыли, которая и осѣла густымъ слоемъ на деревья палисадника. Я, сидя у открытаго окна, могъ очень тщательно рассмотреть подъѣхавшихъ. Въ плохую, кажется, готовую разсыпаться въ щепки при малѣйшемъ неосторожномъ толчкѣ, деревенскую телѣгу были заложены двѣ истомленные клячи, въ рваной веревочной сбруѣ; на пристяжной, впрочемъ, и ея не имѣлось, если не считать за такую двѣ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ порванные и связанные узлами веревки, прикрѣпленные къ какой-то рогожкѣ, висѣвшей вмѣсто хомута, на лошади, и къ деревянной палкѣ, воткнутой въ передокъ телѣги, вмѣсто вальковъ. Лошаденки были вылинявшія, пѣгя, съ плышинами на спинѣ и бокахъ, разбитыя; какъ только подъѣхали онѣ къ воротамъ, такъ и остановились, какъ вкопанныя, выпучивъ глаза и широко разставивъ переднія ноги, изъ опасенія упасть. Возница былъ, какъ нельзя болѣе, въ рендант и къ экипажу, и къ конямъ; сидя на передкѣ, онъ казался съжившимся гигантомъ: такъ чудовищно огромна была его голова; но едва онъ всталъ на свои маленькія, худыя, въ изорванныхъ портахъ ноги, оказалось, что его огромная, вводившая издали въ заблужденіе голова, покрытая шалкой сбившихся въ мочку сѣдыхъ волосъ, была совершенно неосновательно посажена на тонкую, худую шею и сухое, худощавое, короткое туловище. Однако же, субъектъ, сидѣвшій въ кузовѣ телѣги, былъ значительно интереснѣе и оригинальнѣе и самой телѣги, и коней, и даже самого возницы.

— Почтенный Харонъ!—кричалъ онъ возницѣ, еще сидя въ телѣгѣ,—изволили вы меня доставить къ мѣсту назначенія?

Да ты къ кому ридился-то?—нѣсколько недоумѣвая отъ такого вопроса, спросилъ возница.

— Къ г. Малову, моему первѣйшему другу...

— Ну, такъ, знамо, пріѣхали. Вылѣзай!

Субъектъ высвободилъ изъ кузова телѣги свои тонкія, какъ жерди, ноги въ суконныхъ брючкахъ и штиблеткахъ и, наконецъ, побряхтывая, выбрался со всѣмъ. На немъ былъ короткій пиджачекъ, весь вываленный въ сѣнѣ, и большая, съ широкими полями, поярковая шляпа, изъ подъ которой смотрѣло маленькое лицо съ жиденькою узкою бородакою, обрамленною длинными, по плечи, русыми волосами.

— Велика-ка-тѣпно!—говорилъ онъ, твердо стоя на ногахъ и что-то пща въ телѣгѣ.—Наконецъ—у цѣли!.. А! прекрасныя поселанки!—крикнулъ онъ, замѣтивъ прятавшихся въ калиткѣ дѣвушекъ, и стремительно, изображая собою элегантнѣйшаго Донъ-Жуана и вывертывая пожатия, подошелъ къ нимъ, снимая одною рукою наотлетъ шляпу, а въ другою держа какую-то корзину.—Прекрасный пейзажи! Осмѣлюсь узнать отъ васъ, могу ли я лицезрѣть почтеннаго культурменша Петра Петровича, ci-devant Петьку Малова?..

— Петръ Петровичъ,—сказалъ я Морозову,—къ вамъ пріѣхалъ какой-то чудакъ. Какъ будто изъ знакомыхъ кто-то.

— Не знаю... Войдетъ, такъ увидимъ,—проворчалъ Морозовъ, продолжая работать на станкѣ.

Между тѣмъ, прибывшій субъектъ все еще продолжалъ объясняться съ дѣвушками.

— Насколько могу замѣтить,—кричалъ онъ, нарочно, кажется, пискливымъ голосомъ,—вы имѣете честь состоять въ камеръ-фрейлинахъ у сихъ новыхъ культурменшей? Позвольте же поручить вашему вниманію и заботѣ сего малаго птенца, подятаго мною на дорогѣ съ переломленною ногою.

Пріѣхавшій съ поклономъ подалъ дѣвушкамъ шевереньку, въ которой уложеннымъ въ сѣнѣ лежалъ кроликъ. Дѣвушки крикнули обычное: „а-ахъ!“ и занялись звѣрькомъ.

— Сколько имѣете вы получить съ

меня, мой строгий Харон? — обратился приехавший кь возницѣ, который уже успѣлъ отыскать въ глубинѣ телѣги равный картузъ (онъ ѣхалъ съ открытою головой), хранившійся тамъ исключительно, кажется, для чрезвычайныхъ случаевъ, какъ, напримѣръ, на случай объясненія съ господами.

— Извѣстно, два рубля... Али забылъ?

— Получите же, строгій проводникъ въ царство культурныхъ тѣпей, отъ меня три рублика, — сказалъ гость, роясь въ портмонѣ.

— Ладно. Три, такъ три...

Приѣзжій нѣсколько времени молчалъ, какъ бы въ недоумѣніи, зорко всматриваясь въ волосатое лицо возницы.

— Проси четыре, хамъ! Проси!.. Что жъ ты не поддерживаешь издавна приписанной тебѣ хамской репутаціи? Проси еще на водку! — вдругъ угрожающе закричалъ онъ, перемѣняя голосъ.

— Ладно, давай, давай три-то, коли тебѣ не нужно, — сердито ворчалъ большеголовый возница, вертя въ рукахъ нетерпѣливо картузишко, казалось, мозолившій ему руки.

— Прошу васъ покорнѣйше, почтенный хамъ, пропить сей рубль немедленно и тѣмъ закрѣпить издавна признанную за вами репутацію... Понимаете? Иначе оставьте его у меня, чтобы я могъ ему сдѣлать то же употребленіе съ болѣею виртуозностью, — продолжалъ лицедѣйствовать приехавшій субъектъ, подавая мужику бумажки.

Возница пересмотрѣлъ ихъ, быстро кивнулъ головой въ знакъ благодарности, подошелъ кь телѣгѣ, опять сунулъ въ ея передокъ картузъ и, взобравшись на облучокъ, крикнулъ, отъѣзжая отъ воротъ:

— Спасибо! Будь неравно знакомъ! Коли когда еще поѣдешь, перекинь мнѣ словечко съ кѣмъ ни то... Мигомъ приѣду... Свезу даромъ... А теперь деньги нужны... Живи счастливо!..

Лошаденки повернули отъ воротъ, а приехавшій субъектъ все стоялъ, погруженный, повидимому, въ размышленіе, и смотрѣлъ взадъ возницѣ, который усердно принялся работать локтями, передергивая вожжи.

— Ну, это онъ! — сказалъ я Петру Петровичу.

— Кто, онъ?

— А вотъ, увидите... Сейчасъ войдетъ... Бьюсь объзакладъ, что никакъ не ожидаете.

Петръ Петровичъ взглянулъ въ окно,

но страшный субъектъ уже скрылся за калиткой.

Минуты чрезъ три, за дверь, въ сосѣднихъ комнатахъ, послышались легкіе шаги и голосъ приѣзжаго:

— Не беспокойтесь, синьора... Прошу васъ... Я все съ собой... — говорилъ онъ кому-то.

— Omnia mea mecum porto! — торжественно пропзнесъ онъ, толкнувъ ногою дверь въ кабинетъ Морозова и остановившись въ ней съ шляпою на головѣ, съ саквояжемъ въ рукѣ.

— Не узналъ? — обратился онъ къ Морозову, пылливо оглядывая насъ подозрительнымъ взглядомъ.

— Павелъ! Какими судьбами? — вскрикнулъ Морозовъ. Все лицо его при этомъ вдругъ засіяло прежнимъ добродушіемъ, любовью, радостью.

— Я, братъ, я... и, какъ видишь, весь тутъ, — говорилъ Павелъ, все еще стоя въ дверяхъ и обнаживъ начинавшую лысѣть голову.

— Ты опять? — покачалъ головой Морозовъ. — Да входи же, наконецъ!

— Куда?.. Гм... въ храмъ принципа? — кивнулъ Павелъ на токарный станокъ, верстакъ и инструменты.

— Полно вздоръ молотъ!.. А ты самъ что? Развѣ не ради принципа устраиваешь свои „перевороты“? Ну, давай, давай сюда, — говорилъ весело Морозовъ, беря у него изъ рукъ саквояжъ.

— Перревороты! — проворчалъ Павелъ, тяжело сядя на диванъ отъ сильнаго утомленія, внезапно, какъ будто, охватившаго его. — Постой, братъ, дай очнуться... А! Я и не замѣтилъ, что у тебя интеллигенція... Виновать! Прошу извинить! — обратился онъ ко мнѣ.

— Полно же, перестань, — уговаривалъ его Морозовъ.

— А ты знаешь, зачѣмъ я сюда приѣхалъ? — спросилъ Павелъ. Его лицо какъ-то болѣзненно осунулось, глаза глядѣли устало и грустно.

— Конечно, правы „наблюдать“ — сказалъ Морозовъ, подсаживаясь къ нему. — Изсякъ, чай, запасъ... Наберешься мужицкаго-то матеріалу и опять въ распрекрасную столицу, въ обстановочку, какъ и всѣ ваши, писать для почтенной публики „веселые пейзажцы“... Ха-ха! Что? не правится?

— Ну, братъ, не угадалъ... Я теперь не пейзажи... Я, братъ, теперь за дѣломъ, за настоящимъ...

— Ну?!

— Да-а. И, братъ, напалъ на идею—изучить хамство... И прежде всего избралъ тебя, какъ наипичиѣйшаго предствителя...

— Меня?

— Да, братъ, тебя... Хамство идеи! Знаешь ли ты? что такое „хамство идеи“?

А-а! Хамы, братъ, не они,—тынулъ онъ пальцемъ по направлению къ селу,—а мы.

— Что жъ, можетъ быть, ты и правъ.

— Это, братъ, вѣрно... Онъ полною жизнью живетъ... понимаешь? Полною жизнью,—тынулъ онъ опять пальцемъ по направлению къ селу.—Онъ одинъ такъ живетъ, т.-е., понимаешь, мужикъ... А вы—хамы, хамы!.. Всѣ хамы!..

— Что же это значить у тебя — „хамство идеи“?

— А это, братъ, грѣхъ старій, извѣковъ онъ за нами... Вторую заповѣдь знаешь: „не сотвори себѣ кумира“?... Ну, такъ вотъ все противъ нея же...

— И я, по-твоему, хамъ?

— Хамъ братъ, хамъ!.. Потому, вѣдь,—баринъ тоже кумиръ для хама, ну, а для „принципныхъ“ нашихъ либераловъ принципъ кумиръ будетъ...

— Какой же принципъ?

— А такъ: приведеніе къ одному знаменателю, знаешь? Ну, вотъ это и есть вашъ принципъ... Мужика!.. Гы!.. Живого человека къ одному знаменателю привести!.. Хамы, братъ, мы, повторяю. А его, братъ, подъ одинъ знаменатель не приведешь... Онъ, братъ, полною жизнью живетъ... И, вотъ, хотя и не онъ (ну, положимъ, и не далеко ушелъ: дьячковская кровь-то), а вотъ, попробуй-ка къ одному знаменателю подвести... Ну-ка, попробуй!..

— Да, вѣдь, не всѣ такіе безпардонные, какъ ты?—смѣясь замѣтилъ Морозовъ.—А, можетъ, придетъ время—установишь, покоя захочешь, захочешь и къ одному знаменателю привести!..

— Я — успокоиться?... Я? — вскопчил Павель. — Смерть—вотъ общій знаменатель!.. А успокоиться на чемъ нибудь помимо ея—вотъ оно, братъ, хамство-то и есть. А я не хамъ!.. Потому—борюсь... борюсь, чортъ возьми!..

Павель полускренно, полупиронически сжалъ кулаки, заскрежеталъ зубами и сѣлъ. Нѣсколько времени онъ молчалъ, тихо проводя рукой по лбу, какъ бы отдыхая и приходя въ себя отъ непосильнаго напряженія.

— Петруша, извини, братъ... Я всхрапну... Этотъ жаръ... да водка... Кости болятъ!..

— Спи, спи, сдѣлай милость,—засуетился Морозовъ.

— Извините меня, мил-сдари!—обратился Павель ко мнѣ, затѣмъ забрался съ сапогами на диванъ, подложилъ въ голову подушку, поданную ему Петромъ Петровичемъ, и, повидимому, задремалъ на нѣсколько минутъ.

Мы молчали.

— А знаешь что? — заговорилъ онъ словно въ бреду, не открывая глазъ:—я, братъ, все опять разнесъ... всю эту обстановочку... Ра-азрушилъ!.. Ха-ха!.. Я, братъ, теперь опять omnia mea mecum porto!..

Павель снова замолчалъ и чрезъ нѣсколько минутъ сталъ даже всхрапывать.

— Нервы!.. Онъ весь — нервы, первый комокъ, — шепотомъ говорилъ мнѣ Морозовъ, пожимая плечами и любовно, заботливо смотря на засыпавшаго Павла.

— Петя!—тихо окликнулъ Павель. — А она здѣсь... эта... ну, эта наша кровная, русская „дщерь случайной семьи“?

— Катя?

— Да, Катерина Маслова... А, вѣдь, я ее любилъ... люблю, братъ... То-есть, понимаешь, какъ люблю? Люблю, братъ, не вожделѣніемъ... Нѣтъ... Ее такъ нельзя любить... Типъ я, братъ, въ ней люблю, русскій органическій типъ... Органическій потому, что она именно „дщерь случайной семьи“... А изъ этой-то „случайной семьи“ на насъ свѣтъ пролился, свѣтъ! свѣтъ! А одинъ уважаемый мною учитель этой „случайной семьи“ всѣ наши невзгоды приписываетъ... Обидю, братъ, мнѣ это было... Когда я прочиталъ у него эту несчастную мысль, я... съ того, братъ, момента, я всю и обстановку свою разнесъ... И, Господи, какъ же я „разрушалъ“ всѣ эти „аксессуары жизни“, всѣ эти зеркала, вазочки, собачки на пресс-папье, гарни, лампочки, абажурчики... книжки въ „изящныхъ“ переплеткахъ... Великолѣпная, братецъ, была картина!.. Достойная кисти самого Каульбаха!.. Прелестный, братецъ, вышелъ бы у него пейзажецъ въ „Сумасшедшемъ домѣ“, еслибы вставить этотъ русскій эпизодъ!.. Бррр!..

Павель скорчилъ злую гримасу и повернулся лицомъ къ стѣнѣ.

— И вотъ, братъ, еще за что я люблю ее, эту „дщерь случайной семьи“:

въ ней, братъ, этого хамства ужъ пѣтъ... Вотъ за что... Опа, братъ, тоже сумѣетъ утѣчь, отрѣшиться... А въ этомъ—свѣтъ! свѣтъ!..

Все это говорилъ Павелъ, медленно выговаривая слова, какъ будто въ забытьѣ и, повидимому, нисколько не интересуясь, слушаетъ его кто-нибудь или нѣтъ. Морозовъ сидѣлъ около дивана на стулѣ, смотрѣлъ серьезно-задумчиво на Павла и трепалъ свою бороду.

— А кромѣ этой... этой „дщери“... у меня въ груди еще есть сюжетецъ, по выраженію первыхъ любовниковъ съ Замокворѣчья,—прибавилъ Павелъ послѣ небольшого молчанія: — знаешь, что? Чашотка, братъ, злѣйшая! Одинъ знакомый докторишка мнѣ дружески совѣтовалъ поременить „переворотомъ“, т. е., попросту сказать—погодить нить... Гм!.. Повременить! Ну, я ему „дурака“ загнулъ.

Павелъ безпокойно завозилелъ и смолкъ. Изъ кармана его панталонъ выпало портмонэ, и деньги рассыпались по полу вмѣстѣ съ десяткомъ смятыхъ папирсовъ. Морозовъ медленно и молча подобралъ съ полу монеты и тумбочкой положилъ ихъ на верстакъ. Мы долго сидѣли молча, вслушиваясь въ сиплое дыханіе Павла. Я всматривался въ эту худую, съезжившуюся фигурку и, не знаю почему, не смотря на его длинныя ноги, на его бороду, на его лысину и сорокъ лѣтъ, мнѣ видѣлось—и въ этихъ тонкихъ, блѣлыхъ, почти прозрачныхъ рукахъ, хотя и маленькихъ, но посившихъ явные слѣды плебейскаго происхожденія, и въ этой безмятежной позѣ, съ поджатыми „калачикомъ“ ногами, и въ выраженіи тихаго успокоенія на лицѣ, — чуялось что-то младенческое, хрупкое, пѣжное и вмѣстѣ безпомощное, такое, что хотѣлось бы облетѣять, охранить отъ невзгодъ жизни... Но уже, очевидно, было поздно: тяжелая рука жизни давно уже отмѣтила свою жертву.

Павелъ Миртовъ былъ—художникъ.

— Это обреченные! — какъ будто отвѣчая моей мысли, шопотомъ проговорилъ Морозовъ и, тихо ступая на носкахъ, знакомъ пригласилъ меня выйти вмѣстѣ съ нимъ. Когда мы повернулись къ двери, въ ней показалось радостно улыбавшееся лицо Лизаветы Николаевны. Смотря на спавшаго Павла, она, кажется, готовилась что-то крикнуть отъ восторга, но мужъ приложилъ къ губамъ палецъ и тихо сказалъ ей:

— Тсъ! Оставь его пока!.. Онъ такъ измаялся, что, мнѣ кажется, стоитъ только на него дунуть, чтобы онъ рассыпался прахомъ... Ему, какъ ребенку, нужно люльку... Можетъ быть, и оживетъ тогда!..

Морозовъ зашагалъ къ выходу въ садъ.

— Я все, все сдѣлаю... Я спасу его,—шепнула мнѣ Лизавета Николаевна.—Видите, судьба идетъ сама мнѣ на помощь... Вотъ уже есть одинъ—и самый желанный!..

Лизавета Николаевна радовалась какъ ребенокъ.

II.

Не одинъ десятокъ разъ прошли мы съ Морозовымъ по длинной аллеѣ, а интересовавшій насъ вопросъ все еще не былъ исчерпанъ. Мы толковали о Павлѣ, о „новыхъ людяхъ“ былого времени, о судьбѣ нашихъ молодыхъ писателей. Морозовъ и въ этой судьбѣ видѣлъ „фатальную миссію цыганства“, исторически завѣщанную нашему переходному времени. Для доказательства, онъ постоянно ссылаясь на біографію Павла и приводилъ разнообразныя характерныя эпизоды изъ его жизни. Судьба Павла была такова же, какъ судьба всѣхъ русскихъ писателей—разночинцевъ недавняго періода. Какой глубокой смельскрывать въ рядъ этихъ страдальческихъ біографій, этихъ психическихъ мучениковъ, изъ которыхъ каждый такъ внушительно и назидательно повторяетъ и подтверждаетъ другой, что болью сжимается сердце и глубокою скорбью наполняется душа! Кто не различалъ въ каждой изъ этихъ біографій трехъ, рѣзко определенныхъ періодовъ: вначалѣ—школа, баснословно дикая и мрачная, и въ тѣмъ царящей въ ней рутины, схоластики, отвлеченной морали и лицемерія еле мерцаетъ готовая потухнуть и сгнущь безслѣдно „божья искра“ въ дуплѣ ребенка. Путемъ почти невысказанныхъ страданій, подъ страхомъ загубить навѣки все будущее, навѣки потерять право на дальнѣйшее развитіе, сохраняя въ юноша въ глубинѣ души, тайно отъ всѣхъ, какъ нѣчто запретное, эту „божью искру“, пока торжествующе на вынесетъ ее изъ мрачныхъ стѣнъ бурсъ въ божій вольный свѣтъ. Далѣе—жажда свѣта, новой жизни и длинный путь пѣшкомъ въ столицы изъ глухихъ деревень и городковъ обширной отчизны на поиски эта-

го свѣта, на поиски „душевнаго дѣла“. Это—рядъ голодныхъ годовъ борьбы за существованіе, борьбы сомнѣнія съ надеждой, вѣры съ отчаяніемъ и, въ то же время, лихорадочно-страстной, тяжелой выработки новыхъ нравственныхъ устоевъ... Наконецъ,—проблескъ зари, предчувствіе близости „душевнаго дѣла“, трепетаніе въ груди ищущихъ исхода силъ: одно мгновеніе—и загорѣлись лучи славы, въ душу снизошелъ восторгъ нравственнаго удовлетворенія, сердце полно безавѣтной вѣры... Но это только мгновеніе... Въ сущности, даже это мгновеніе—только пропія, грустная и тяжелая: это уголокъ обѣтованной земли, мелькнувшій вдали усталому и разбитому путнику, у котораго уже подкосились ноги, надорвалась грудь... Въ виду этой обѣтованной земли онъ изнемогаетъ, скорбя за кого-то и посылая сквозь жгучія слезы невольныя проклятія чему-то...

Павелъ Миртовъ былъ истинный „сынъ деревни“. Рожденный въ угарной, дряхлой, трехъоконной избѣ сельскаго дьячка, кое-какъ перебивавшагося въ плохомъ приходѣ, съ двумя десятинами плохой земли, ходившаго все лѣто въ длинной, бѣлой холщевой рубахѣ за сохой и бороной, а зимой—въ нагольномъ полушубкѣ, и только „на потребу“ надѣвавшего синее нанковое полукафтанье,—Павелъ все дѣтство провелъ на глазахъ вопіющей нужды, среди рабочей жазни „униженныхъ и оскорбленныхъ“, среди тихаго однообразія деревенскихъ полей и лѣсовъ. Воспоминанію этого, иногда глубоко трагическаго и трогательнаго дѣтства, какъ своего, такъ и своихъ сверстниковъ, посвятилъ онъ лучшіе свои этюды, которыми и приобрѣлъ не громкую, но прочную репутацію.

Кончилось дѣтство, самое зеленое дѣтство, пролетѣвшее подъ благодущнымъ и умиряющимъ вліяніемъ деревенской природы. Настала школа... Богъ съ ней, съ этой школой!.. Мимо ея!..

Юноша Миртовъ мѣрно шагаетъ по шоссеиной дорогѣ съ котомкой за плечами. Его молодыя, здоровыя ноги широко отмѣриваютъ сажениые шаги; на лицѣ потъ и здоровая игра крови. На фуражкѣ и пальто, перевязанномъ бичевкою, густымъ слоемъ лежитъ пыль. Вотъ онъ проходитъ село, усталый останавливается у одной избы и безсильно садится на завалы, сивъ фуражку и ослабѣвшею рукой тиетно силясь расчесать свалив-

шіея кудри. „Испей, касатикъ, испей!“ говоритъ ему старуха, вынося изъ избы жбанъ квасу и ватрушку. Жадно съѣдаетъ юноша эту ватрушку и также жадно выпиваетъ квась. Крестьянскіе любопытные ребятишки обступаютъ его полукругомъ издали. Кто-то о чемъ-то спрашиваетъ его, но отъ усталости у него идетъ кругомъ голова, шумитъ въ ушахъ, и сонъ окончательно одолеваетъ его...— „Эй, Прасковья! Кинь-ка ты намъ съ нимъ на задворкахъ, подъ навѣсомъ, сѣнца!.. Молодчикъ, а молодчикъ!“—кричитъ надъ его ухомъ мужикъ, только-что пріѣхавшій съ мельницы: „подемъ—ка, уснемъ вмѣстѣ въ холодкѣ... Ахъ, важно укрѣпиться въ путь-то свой дальній!.. А послѣ мы съ тобою косушечку раздавимъ на дорогу-то... Мы все такъ, коли на заработки ходимъ... И не услышишься, какъ отмахнешь веретъ сорокъ послѣ того!.. Вѣрно говорю!..“

Шатаясь, идетъ Миртовъ подъ навѣсомъ, бросившись на свѣжее сѣно, сладко засыпаетъ...

Такъ проходитъ недѣля... Вотъ, наконецъ, и она—Москва! Онъ поднимается на послѣднюю гору, съ которой столица видна какъ на ладони: вся освѣщенная и палимая солнцемъ, ярко предстала она предъ его глазами, блистая куполами и крестами церквей... Отъ нея несся къ нему какъ будто какой-то невнятный призывный шумъ и звоны... Павелъ выпрямилъ усталые члены, глубоко вздохнулъ полною грудью—и улыбнулся младенчески-радостно и восторженно... Но съ первыхъ же шаговъ, сдѣланныхъ по длиннымъ и кривымъ московскимъ улицамъ, молодого человѣка тревожитъ вопросъ: куда пріютиться? Онъ не знаетъ Москвы. Онъ скорѣе ориентировался бы въ родномъ лѣсу, чѣмъ въ ней. Былъ уже вечеръ, когда онъ дошелъ до Москвы-рѣки. Искать товарищей поздно. Куда же? Среди этихъ высокихъ хоромъ и палатъ, такъ негостепріимно и сурово смотрѣвшихъ на незнакомаго пришельца, онъ не осмѣлился искать себѣ пристанища; чужіе они ему: ни имъ не понять его нужды, ни ему не понять ихъ суровости...

Но вотъ его глаза останавливаются на чемъ-то близкомъ, родномъ, знакомомъ... Онъ быстро идетъ по спуску къ рѣкѣ, у береговъ которой толятся пустыя, нагруженные и полугрузженныя барки. На нихъ уже кончились работы. Рабочіе

сидятъ въ кружокъ на налубахъ и хлебуютъ тюрю изъ деревянной чашки. „Хлѣбъ да соль“, — говоритъ Павелъ. — Не знаете ли, братцы, нѣтъ ли здѣсь гдѣ поблизости среди васъ бѣльцовъ, или толоканцевъ, или суровцевъ? — „Есть, есть такіе! — отзываются рабочіе. — Вотъ Ивашка у насъ будетъ суровецъ!“ — „А! здорово, землякъ! — говоритъ Павелъ, протягивая ладонь молодому парню. — Никакъ Павелъ Лександрычъ будешь?“ — спрашиваетъ, ослабѣвъ во весь ротъ, Ивашка. — „Должно, онъ самый!“ — „Такъ, такъ... Куды?“ — „Да вотъ къ вамъ пока... Приютите...“ — „Братцы! — говоритъ Ивашка артели: — нужно приютить земляка — то на первое время. Дьячковъ сынъ. Вишь, пѣшкомъ шелъ, учиться идетъ... А, вѣдь, отъ насъ считаютъ семь сотенъ верстъ досюдова...“ — „Что — жъ? Можно. Коли пѣшкомъ шелъ, такъ не побрезгуетъ нашимъ-то дворцомъ“, — откликнулись артельщики. Павелъ забирается въ каюту и безмятежно засыпаетъ на жесткихъ рогожныхъ куляхъ...

Итакъ, пунктомъ его отправления въ „новую жизнь“ была каюта, простая барочная каюта.

Прошелъ десятокъ лѣтъ. Въ послѣдній день десятого года онъ такъ резюмировалъ этотъ періодъ:

„Я погибалъ!
Мой злобный гений
Торжествовалъ...“

Эти строки были произнесены имъ въ полночь на новый годъ, который онъ встрѣтилъ — одинокій, голодный, безпомощный — въ трактиръ „Крымъ“, на Трубѣ, въ Москвѣ.

— Милостивый государь! — крикнулъ онъ, послѣ долгаго одиночнаго созерцанія трактирнаго буйства, какой-то темной личности съ подбитымъ глазомъ, въ опоркахъ и въ какой-то странной кофтѣ, вмѣсто сюртука, когда эта личность тоскливо запускала тусклые взоры за стойку, гдѣ красовался соблазнительный рядъ бутылкокъ.

— Милостивый государь, — говорилъ Павелъ, — не имѣете ли вы желанія поздравиться со мною съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ?

— Съ полнѣйшимъ нашимъ удовольствіемъ-съ! — вспорхнула и духомъ, и тѣломъ темная личность. — Мы готовы-съ... Потому, какъ въ одиночествѣ и, притомъ,

безъ финансовъ... Очень лестно... Какъ прикажете?

— Что?

— То-есть, насчетъ поздравленія?.. Съ какимъ счастьемъ прикажете, мы такъ и рѣчь произнесемъ...

— Не трудитесь! Мы обойдемся безъ тостовъ. Наше счастье съ вами — найденный мною въ карманѣ рубль... Выпьемте же за этотъ рубль, съ помощью котораго мы можемъ отравиться цѣлымъ штофомъ проклятаго зелья.

— Съ удовольствіемъ-съ!

Милостивый государь, — говорилъ Павелъ, чокался съ темною личностью, когда часы пробили, шипя, двѣнадцать. — Милостивый государь, я погибалъ... Понимаете? — Но...

„Мой злобный гений
Торжествовалъ...“

— Понимаете, что я хочу сказать этими словами?

— Какъ же-съ! Понимаемъ-съ... Тоже насчетъ образованія можемъ... Ибо въ оберъ-офицерскихъ чинахъ... Но по злоумышленію отъ враговъ... — лебезила темная личность.

— Такъ ты понимаешь, говоришь? — мрачно спрашивалъ Павелъ.

— Помилуйте!.. Какой угодно разговоръ!.. Довольно обучены... Въ благородныхъ собраніяхъ съ дамами имѣли обращеніе... Самъ его превосходительство...

— Зачѣмъ ты лжешь, несчастный, зачѣмъ? — еще мрачнѣе допрашивалъ темную личность Павелъ. — Кто тебя проситъ? Кто тянетъ изъ твоей души эту ложь?.. Вѣдь, я тебя не просилъ лгать! Вѣдь, я тебя не заставлялъ! — закричалъ онъ, поднимаясь. — За то, что я раздѣлилъ съ тобою послѣдній ломоть хлѣба, ты не пашешь ничѣмъ лучше благодарить меня, какъ ложью?.. Ты говоришь, что понимаешь меня?.. Да знаешь ли ты, несчастный, что отъ этой лжи-то царящей я погибалъ и погибаю!.. Я правды искалъ, правды, вездѣ — и тамъ, вверху, и здѣсь — въ лохмотьяхъ отверженныхъ и прокляженныхъ... И ложь вездѣ... Какъ злой духъ преслѣдуетъ она меня!.. Пошелъ прочь отъ меня!.. Пошелъ!.. — кричалъ Павелъ, скрежеща зубами и сжимая кулаки. — Пошелъ!.. Я опять останусь одинъ!...

Морозовъ и Миртовъ были товарищи дѣтства; они были сродны по происхож-

деню; одинъ былъ сынъ фабричнаго, другой—дьячка; только Морозовъ учился въ гимназiи, а Миртовъ—въ семинарiи. Это, впрочемъ, не мѣшало имъ браться.

Долго Морозовъ, вѣрный данному обѣщанiю въ своемъ кружкѣ, долго искалъ онъ Павла и, наконецъ, нашелъ—въ сырiи, пропивавшей табакoмъ и водкой, кокурѣ, на Грачевкѣ. Блѣденъ, худъ, мраченъ былъ Павелъ. Это было въ концѣ 60-хъ годовъ.

— Петръ! — говорилъ онъ Морозову, сидя предъ нимъ на какомъ-то подобii дивана, схвативъ голову обѣими руками. — Петръ!.. Я погибаю... чувствую, что гибну совсѣмъ. Дальше невозможно жить такъ... Но невозможно и иначе!.. Я погибаю, потому что не могу уйти отъ этихъ отверженныхъ и прокаженныхъ; а быть съ ними... Я не могу не пить! Нѣтъ, не могу... Я погибаю, по мой злобный генiй торжествуетъ!.. Уйти къ „торжествующимъ“ для меня не мыслимо... Я тамъ погибну, но погибну еще хуже... Проклятая дилемма!.. Гдѣ же выходъ?.. Дайте мнѣ, укажите выходъ!.. Укажите мнѣ спасенiе!.. Въ поискахъ за этимъ выходомъ — мой мозгъ оступѣлъ, сердце чуть не надорвалось... И нѣтъ, нѣтъ спасенiя!..

— Павелъ, оно есть, — сказалъ Морозовъ...

— Есть? У кого?

— У насъ...

— Это у кого же?

— У насъ, у „новыхъ людей“... Пойдемъ къ нимъ—и ты будешь спасенъ! Ты увидишь! Согласись, Павелъ, что, вѣдь, въ сущности подло пить и еще подлѣе, когда мы свое пьянство окрашиваемъ въ цвѣтъ гражданской скорби!..

— О, вѣрно, вѣрно, трижды вѣрно!.. Да будетъ проклято это зелье, эта вѣдьма—всероссiйская сивуха!.. Если вы нашли спасенiе только отъ пая одной — я вашъ, юные трезвые философы! — крикнулъ Павелъ, стремительно тискалъ свои ничтожныя позитки въ плохой чемоданишко. — Идемъ къ вамъ!.. Дальше отъ этого „мѣста пуста“! Я усталъ здѣсь... Я задыхаюсь!.. Дайте мнѣ потокъ свѣжаго воздуха!.. Можетъ быть, у васъ, дѣйствительно, есть „правда“!

А ровно годъ спустя, также наканунѣ новаго года, Павелъ Миртовъ опять сидѣлъ въ „Крыму“, въ грязной, воюющей комнатѣ, тускло освѣщенной висѣвшей

съ потолка лампой, за столомъ, покрытымъ облитой пивомъ и виномъ скатертью. Предъ нимъ сидѣлъ мальчишка, лѣтъ семи-восьми, въ женской кацавейкѣ, съ тряпкой на шеѣ, въ валеныхъ опоркахъ на голыхъ ногахъ, одинъ изъ тѣхъ несчастныхъ дѣтей, которыхъ много встрѣчается по большимъ городамъ спующими по тротуарамъ, кабакамъ и трактирамъ. Предъ ними лежали пироги; ребенокъ, ухвативъ одинъ изъ избытыми руками, молча и смачно жевалъ, а его щеки лоснились отъ масла.

— Ышь, мальчикъ, Ышь!.. Я опять къ вамъ пришелъ... Ваша ложъ прогнала было меня... Силъ у меня больше не стало быть съ вами и я ушелъ искать спасенiя для себя и для васъ, — говоритъ Павелъ сквозь слезы, смотря на Ываго мальчика. — Ыжалъ я отъ васъ къ тѣмъ, которые говорили, что у нихъ есть „правда“. Ну, и вотъ, видишь, я опять съ вами... Ну, и довольно одного этого, чтобы понять, почему я... Или ты не понимаешь? Нѣтъ? — спрашивалъ онъ, глядя мальчика по головѣ.

Мальчикъ молчалъ, Ылъ и боязливо взглядывалъ исподлобья на Павла; можетъ быть, онъ боялся, чтобы тотъ не раздუმалъ и не отнял у него пироги.

— Погоди, мальчикъ, придетъ время—и они придутъ къ намъ искать у насъ „правды жизни“, здѣсь... здѣсь!.. Ну, что, сытъ? Приходи же завтра опять... У меня, мальчикъ, праздникъ: я переворотъ праздную!.. Да приведи ты ко мнѣ еще такихъ же, какъ ты... Мы съ вами „обстановку“ разрушать начнемъ!.. Хватитъ намъ!..

III.

Мы и не замѣчали съ Петромъ Петровичемъ, какъ проходили въ саду около двухъ часовъ. Морозовъ увлекся, приводя мнѣ разнообразныя иллюстрацiи къ общей идеѣ „современнаго цыганства“.

— Ну, теперь зайдемте-ка на ферму, — сказалъ Морозовъ: — нужно взглянуть... Потомъ ужъ и разбудимъ Павла: будетъ ему дрыхнуть.

Но едва мы повернули въ боковую аллею, ведущую къ фермѣ, какъ намъ навстрѣчу показались Павелъ и Лизавета Николаевна.

— Они уже насъ предупредили! — сказалъ Морозовъ.

— Да, братъ, предупредили, — отвѣ-

чалъ Павелъ.—И, скажу тебѣ, я очень радъ, что твоя супруга предупредила тебя... Сударыня! Вы не обидитесь, если я скажу такое лестное изреченіе: женщины обладаютъ способностью всякую мужскую идею возвести въ квадратъ...

— Или, иначе сказать, всякіе пустяки возвести въ перлъ созданія?—улыбнулась Лизавета Николаевна.

— Сударыня! это смотря по идеѣ... Да, братъ,—сказалъ Павелъ Морозову,—ручаюсь, что тебѣ никакъ не удалось бы рекомендовать мнѣ „совершенно новымъ человѣкомъ“ такъ, какъ это сдѣлала за тебя твоя супруга... Можетъ быть, ты, по свойственной человѣку деликатности и смиренію, кое-гдѣ умолчалъ бы... кое-гдѣ покрасивѣлъ бы... кое-гдѣ замялся бы... Ну, а тутъ ужъ все на чистоту рекомендовали... безъ всякихъ сомнѣній, недоумѣній...

— Вотъ это и плохо, потому что, въ сущности, тутъ недоумѣній и сомнѣній очень много,—возразилъ Морозовъ серьезно.

— У тебя вѣчныя сомнѣнія!—крикнула Лизавета Николаевна.—Это ужъ черта твоего характера... Вотъ ты и переносишь свои личныя недоумѣнія на самое дѣло, которое...

— Которое?... Виновать, извольте продолжать,—перебилъ Павелъ.

— Которое совершенно точно, ясно и опредѣленно...

— Совершенно вѣрно, сударыня... Я повторяю: мужчины никогда не обладаютъ такою искренностью... такимъ, такъ сказать, прямолинейнымъ отношеніемъ къ дѣлу, какъ женщины... Да, братъ, Петя, ты напрасно умаляешь значеніе своего дѣла... По-американски, чортъ возьми, устроено!.. Я не ожидалъ, что ты такой практикъ... Я полагалъ, что ты больше теоретикъ... И все на основаніи „последняго слова науки“

— Что?

— А вотъ это подведеніе-то къ одному знаменателю?... А ловко. Я не ожидалъ, что „новыя идеи“ могутъ на практикѣ давать такіе блестящіе результаты... А каковы рабочіе?... Мужики?... Все кровь съ молокомъ, здоровы... и трезвы... Вотъ это главное—для прямолинейности-то... Потому, вѣдь, пьяный человѣкъ, по сущности, болѣе имѣетъ склонность пататься сема и овама... Какая ужъ тутъ прямолинейность!.. Ну и что жъ, все это достигнуто дарвиновскимъ „подборомъ“?..

— Ты, Павелъ, совсѣмъ изострился,—замѣтилъ Морозовъ, когда мы входили на лѣстницу террасы.

— Напротивъ... совершенно искренно говорю... Ну, скажи пожалуйста: много ли у насъ такихъ блестящихъ результатовъ подведенія мужиковъ къ одному знаменателю?... Ты самъ знаешь, какими слезами обливаются сельскіе хозяева въ своихъ собраніяхъ. Нѣтъ, братъ, честь отдать тебѣ! Прямолинейно! Самъ, думаю я, Угрюмъ-Бурчеевъ, незабвенной памяти, и тотъ бы въ умиленіе пришелъ... А уже на что былъ практикъ по части подведенія мужиковъ къ одному знаменателю!.. Однако, чортъ знаетъ, какъ я скоро сталъ ослабѣвать!—почти беззвучно произнесъ Павелъ и тяжело опустился на диванъ, когда мы вошли въ гостиную.

Лицо его стало мрачно и сердито: казалось, въ умѣ его мелькнула мысль о смерти. Морозовъ тоже заугрюмѣлъ; въ выраженіи его глазъ свѣтились досада, обида и грусть.

— Павелъ, мы перестали понимать другъ друга... Это плохо!—сказалъ онъ, не обращая вниманія на послѣднія слова Павла, когда Лизавета Николаевна вышла.

— Напрасно, мой другъ, ты такъ думаешь!... Значитъ, ты плохо усвоилъ себѣ то, что разумѣю я подъ словами „хамство идеи“... Ты думаешь, я не знаю, что тебя, какъ человѣка честной души, мучаютъ недоумѣнія и сомнѣнія? Знаю, братъ... Но знаю и то, что не имѣя въ виду ничего лучшаго, ты рабски, какъ хамово отродье, тянешь старую канитель и не находишь силъ порвать крѣпостныя цѣпи, которыми приковали тебя къ себѣ старыя божки... Вѣрно, братъ, это? вѣрно, вѣдь?

— Вѣрно... Но вѣрно и то, что не могу я идти и къ вамъ... Если у насъ хамство, какъ ты говоришь, то у васъ...

— Свинство,—хочешь ты, можетъ быть, сказать?—перебилъ Павелъ.—Что же? Вали... не впервой... Слыхивали и такія слова... Только, братъ, зачѣмъ же къ намъ?... Мы къ себѣ ужъ никого не зовемъ... Мы люди отпѣтые...

— Но, вѣдь, должно же быть у васъ что-нибудь впереди, что вы ищите, къ чему вы стремитесь...

— Есть, мой другъ...

— Что же?

— Койка въ университетскихъ клиникахъ,—проговорилъ снова почти беззвучно Павелъ.

Морозова передернуло было отъ досады (онъ не любилъ непрямыхъ отвѣтовъ), но, взглянувъ въ лицо Павла, только теперь, казалось, онъ понялъ, что тутъ уже „съ жизнью поконченъ расчетъ“ и остается одно: *de mortui aut bene, aut nihil*... Повидимому, это ужасно поразило его; хотя онъ самъ говорилъ, что „они—обреченные“, хотя онъ чувствовалъ, что „стоило только дунуть, чтобы Павелъ разсыпался прахомъ“, но такъ ощутительно почуять близость конца, такъ почти воочию увидѣть вѣяніе смерти надъ дорогимъ существомъ, какъ замѣтилъ это Морозовъ по лицу Павла, было ему не легко. Состраданіе, прощеніе, любовь снова, какъ и раньше, согнали съ его лица выраженіе досадливой грусти.

— Покой, братъ, намъ нуженъ... Но, понимаешь, абсолютный покой... Только въ абсолютномъ покоѣ, въ смерти, и есть абсолютная справедливость,—тихо и медленно говорилъ Павелъ.—Чувствовалъ ли ты когда-нибудь эту жуткую потребность покоя-смерти? Нѣтъ, ты еще не чувствовалъ... Для этого нужно „отжить“, какъ мы...

— Полно, Павелъ, полно... Это вздоръ, —заговорилъ съ участіемъ Морозовъ.— Знаешь это:

„Еще работы въ жизни много,
Работы честной и святой!...

Въ особенности для васъ—художниковъ...

— Нѣтъ, братъ, и намъ есть конецъ. Чувствую, что будетъ... Въ этихъ терзаніяхъ мозгъ оступѣлъ... нервы притупились... Чувствую, братъ, Петя—мысль меня оставила... Уже и самые образы въ моемъ воображеніи являются туманными, безъ плоти и крови... Случалось ли тебѣ наблюдать, какъ умираетъ въ чахоткѣ смысленный въ своемъ дѣлѣ врачъ? А мнѣ случалось... Жутко, братъ, со стороны смотрѣть было, а онъ мнѣ рассказываетъ: „вотъ, говоритъ, чувствую, какъ уже вся внутренность, всѣ внутреннія оболочки перешли въ каттаральное состояніе...“ Потомъ помолчить и опять заговорить: „а вотъ теперь, говоритъ, чувствую, какъ понемногу парализуется отравленіе органовъ... кишки уже парализованы...“ Опять молчаніе... „А вотъ теперь, чувствую, и почки ужъ... и мочевою пузырь... Скоро, братъ, скоро *ad patres*!“ Каковы тебѣ кажутся эти „чувствую“?... Ну, вотъ и я, какъ

художникъ, чувствую, какъ мысль покидаетъ меня... Мысль... А что мы безъ мысли? Что? Вѣдь, она-то и есть „божья искра“, которая согрѣвала нашу душу, поддерживала нашу энергію, укрѣпляла насъ въ страданіяхъ и... питала наше грѣшное тѣло!.. Безъ мысли никто не дастъ намъ гроша... Погибла мысль—и мы погибли отъ нравственнаго и физическаго голода!..

Павелъ сталъ блѣденъ, только болѣзненный румянецъ пятнами лежалъ на его щекахъ. Онъ провелъ рукою по лбу и смолкъ.

— А знаешь ли, что мнѣ этотъ лѣкарь послѣ того сказалъ, предъ самымъ ужъ концомъ?—спросилъ Павелъ.

— Что?

— „А все же, говоритъ, Павлуша, мы съ тобой лѣтомъ еще въ Эмсъ хватимъ. Что же, говоритъ, и намъ можно... У меня есть кое-какіе гроши... ребятишкамъ хотѣлъ было оставить... Только бы вотъ весну-то переждать!..“ Ишь чего захотѣлъ—въ Эмсъ!..

— Ну, вотъ видишь,—сказалъ Морозовъ:—жизнь свое возьметъ!

— Да, а черезъ полдня онъ умеръ, этотъ лѣкарь-то... И выходитъ:

„Надежда, надежда,
Мой сладкій удѣлъ!
Куда ты, мой ангелъ,
Куда улетѣлъ?“

А скажи, пожалуйста, говорятъ, гдѣ-то здѣсь нѣкій лѣкарь (кстати ужъ, коли пошло на лѣкарей)... нѣкій лѣкарь Башкировъ проживаетъ?..

— Проживаетъ...

— Слыхалъ я о немъ кое-что... Ты его знаешь?

— Знаю... Да ты вотъ что... пересталъ бы говорить-то много... Лягъ лучше... Вотъ тутъ и подушка есть...

— Ну, ладно... Я лягу, а ты мнѣ все же Расскажи про него, что знаешь... Я буду молчать и слушать... Можетъ быть, и засну, такъ ужъ ты извини... На меня нынче спячка иногда находитъ. Зловѣщій, братъ, признакъ.

— Будетъ тебѣ!

— А твоя супруга сюда не придетъ?

— А что?.. Лежи... Я предупрежу ее, не конфузюсь...

— То-то... А то я теперь надлежащимъ джентльменствомъ не обладаю... А она все насчетъ „украшенія жизни“... Все уговариваетъ, чтобы я здѣсь остался... Для „высокихъ думъ“ самое, гово-

рить, удобное мѣсто... Вы, говорить, скрасите нашу жизнь... А, вѣдь, эти подвалы, чердаки да „комнаты съ небилыю“—гибель для васъ... Еще бы!—Я, говорить, и Башкирова приглашу... А то, говорить, всѣ мы врозь глядимъ,—вотъ, говорить, настоящаго-то дѣла и не выходить.—Славная она такая женщина, добрая... Да, вѣдь, и въ Питерѣ много было ихъ, хорошихъ-то женщинъ, а все же я утекъ.

— Ну, такъ или иначе, а я все-таки тебя не отпущу,—сказалъ Морозовъ.

— Да куда ужъ мнѣ!... Я, братъ, и самъ радешенекъ, что хоть есть приличное мѣсто для „исхода души“.. Будетъ ужъ, помытарствовалъ!.. Да, ну такъ что же о Башкировѣ-то знаешь?

— Знаю я не особенно много,—сказалъ Морозовъ.—Вы, кажется тоже интересовались имъ?—спросилъ онъ меня.—Такъ вотъ и кетати.

Павелъ вытянулъ вдоль дивана свои тонкія ноги, положилъ руки на грудь и сурово сталъ смотрѣть въ потолокъ.

— Я только два раза и видѣлъ его передъ тѣмъ, какъ онъ поселился около насъ, въ избѣ,—началъ Морозовъ... Однажды я его встрѣтилъ въ Москвѣ, на студенческой квартирѣ у одного довольно обезпеченнаго студента... Онъ только что кончилъ курсъ. Онъ уже и тогда поразилъ меня своею оригинальностью, а въ особенности я былъ пораженъ тѣмъ, съ какимъ уваженіемъ относилась молодежь къ нему, къ этой невзрачной, смирной, застѣнчивой личности... А онъ только и дѣлалъ, что добродушно улыбался, да краснѣлъ и потѣлъ... Говорить онъ, кажется, вовсе не умѣлъ... А между тѣмъ тутъ, по обыкновенію, ораторствовали вдоволь, и каждый ораторъ, въ концѣ рѣчи, непременно обращался къ нему съ вопросомъ: „какъ вы на это взглянете, Иванъ Терентичъ?..“ И всѣ смотрѣли на Ивана Терентича, пока онъ медленно вытягивалъ изъ-подъ дивана ноги и приводилъ въ движеніе языкъ, чтобы только сказать: „Что жъ! Ничаво... дѣло хорошее, ежели вообще-то взять...“ И изрекши это, опять усаживался въ уголъ... Къ концу вечера хозяинъ, который, кажется, очень заискивалъ у Башкирова, обратился къ нему опять, навѣрное уже съ неоднократною просьбою—поселиться у него: квартира была просторная, свѣтлая, сухая.. Гости тоже присоединились къ хозяину.. Башкировъ смутился—и не соглашался.

Его допрашивали: почему? Приводили всѣ удобства этой квартиры, сравнительно съ тою конурой, въ которой онъ жилъ. Башкировъ, наконецъ, выпалилъ: „Да чаво-жъ я отъ своихъ хозяевъ уйду? Къ нимъ, окромя меня, никто не пойдетъ... А я все жъ имъ малую толику въ доходную статью вношу...“ Съ тѣмъ и ушелъ. Начались, конечно, о немъ толки; говорили о томъ, что онъ жилъ съ какими-то малярами, которые уступали ему маленькую, сырую комнатку, брали съ него пять рублей въ мѣсяцъ, и всѣ эти пять рублей всю артелью ежемѣсячно пропивали... Иные считали такой образъ жизни оригинальничаньемъ со стороны Башкирова, но другіе жарко его защищали, какъ можетъ защищать юность своихъ любимцевъ.

— Только вы его и видѣли?—спросилъ я.

— Нѣтъ, и еще разъ видѣлъ... Я вамъ опять признаюсь, что несмотря на жаркую защиту молодежи, Башкировъ, своею утвиркой, уже и тогда произвелъ на меня впечатлѣніе не въ его пользу. Но... вотъ, годъ спустя послѣ этого, одинъ молодецъ, большой руки либераль, затащилъ меня къ нему. Мы пришли къ нему уже вечеромъ. Пробравшись черезъ темный и грязный дворъ, мы вошли въ сѣни, совершенно поглощенные мракомъ, и цѣлые полчаса искали дверную скобку; наконецъ, нашли. Въ отворенную дверь повалилъ паръ и послышались цѣлые десятки головъ. Вокругъ стола сидѣли рабочіе и пили чай; на столѣ горѣла салъная свѣча, отчего въ большой комнатѣ было очень сумрачно. На нашъ вопросъ намъ указали на маленькую дверь въ стѣгѣ. Отворивъ ее, мы, наконецъ, попали къ Башкирову. Комната была длинная и просторная, но почти ничѣмъ не меблированная, кромѣ письменнаго стола съ лампой, покрытой бумажнымъ зеленымъ абажуромъ, трехъ стульевъ, двухъ простыхъ, сосновыхъ табуретокъ, кушетки, очень похожей на корыто, такъ какъ середина въ ней провалилась, и желѣзной кровати, купленной по случаю въ больницѣ, даже съ доской, прикрѣпленной на палкѣ у изголовья; на ней, кажется, и тогда еще я замѣтилъ полустертую латинскую надпись. Башкировъ встрѣтилъ насъ въ потертомъ пальто, съ растрепанными волосами и въ ночной семинарской рубашкѣ, завязанной у шеи грязными тесемками... Черныя брюки у него попали за спустившіяся отъ дряхлости рыжія го-

ленища, изъ одного сапога высовывалась какая-то тесьма, которую онъ, ходя, возилъ за собою по полу... Какъ видите, я до мелочей все замѣтилъ, и это именно потому, что я былъ уже предубѣжденъ и видѣлъ во всемъ утрировку... Можетъ быть, впрочемъ, ей и не было, но уже все такъ складывалось, какъ нарочно... Встрѣтилъ онъ меня съ моимъ либераломъ не особенно радушно, хотя либераль мой и называлъ его своимъ пріятелемъ. У него были гости: два мастеровыхъ, въ нагольныхъ полушубкахъ, которые тотчасъ же было начали прощаться, но онъ ихъ не пустилъ и усадилъ опять. А на кушеткѣ сидѣла одна, чрезвычайно странная личность: я не могъ опредѣлить, сколько ей было лѣтъ. Длинные, нечесанные волосы падали на плечи, лицо заросло бѣловато рыжею бородою, глаза блуждали; поверхъ выпущенной за поясъ рубахи надѣтъ былъ широкій, засаленный полукафтанъ, какіе носятъ послушники и дьячки; изъ-за неприкрытыхъ ногъ смотрѣли грязные бѣлые штаны. Пока я вглядывался въ эту странную личность, она вертѣла безтолково пальцами и, наконецъ, вдругъ схватила стоявшій за нею у стѣны посохъ съ птицей, вмѣсто набалдачника... Башкировъ, разговаривавшій до этого съ моимъ спутникомъ, который предлагалъ ему принять участіе въ какой-то филантропической затѣѣ, тотчасъ же обратился къ юродивому; этотъ поносъ обычную чепуху, въ видѣ откровенныхъ изреченій—объ отрѣшеніи, о пустыни... объ обличеніяхъ на площадяхъ, что, будто бы, онъ проповѣдывалъ на базарахъ, за что „терпѣлъ“ и „несъ крестъ“ по полицейскимъ кутузкамъ. Башкировъ, нужно вамъ сказать, съ чрезвычайнымъ вниманіемъ вслушивался въ слова юродствующаго. Мой спутникъ напрасно старался прервать эту болтовню. Башкировъ только мелькомъ взглядывалъ на него, мыча что-то въ отвѣтъ, и опять обращался къ юродивому... Это уже выходило изъ великихъ границъ, по крайней мѣрѣ, по мѣрѣ моего спутника. Онъ не вытерпѣлъ, и, какъ-то заезгивъ на стулѣ, вскрикнулъ: „послушай, Башкировъ! Вѣдь, это чортъ знаетъ что такое! Неужели тебѣ не наскучило слушать дребедень дармоѣда?..“ Какъ вы думаете, что сталося съ этимъ застѣнчивымъ, тихимъ и смиреннымъ Башкировымъ?.. Онъ освирипѣлъ: башкирскіе глазки его обрались просто въ узенькія щелки, изъ которыхъ сверкала огонь, лицо налилось

кровью, мнѣ даже показалось, будто волосы поднялись на его головѣ... Онъ медленно повернулся къ моему спутнику и отвѣчалъ не тотчасъ, по обыкновенію; помолчавъ секундъ десять, онъ проговорилъ своимъ обыкновеннымъ неторопливымъ голосомъ: „Ежели кому неохотно уважать моихъ гостей, такового прошу не утруждать себя знакомствомъ со мною.“—„Ну, ты сегодня чрезвычайно странно настроенъ,—перебилъ его мой знакомый, въ замѣшательствѣ ища шляпу;—мы коли придемъ лучше къ тебѣ въ другой разъ...“ Башкировъ молча опустилсѣ на стулъ и, пытая, смотрѣлъ на насъ, какъ будто дожидаясь, когда мы уйдемъ... Признаюсь вамъ, положеніе мое было невыразимо глупое... Выбравшись на Божій свѣтъ изъ мрачнаго и затхлаго подвала, съ которымъ такъ гармонировала и душная духовная атмосфера въ немъ обитавшихъ, я выругалъ и своего либерала, и Башкирова. Я былъ ужасно разсерженъ... Съ тѣхъ поръ я уже не сталкивался близко съ Башкировымъ; но его красное, освирипѣлое монгольское лицо такъ и застыло въ моемъ воображеніи... Я и до сихъ поръ иначе не представляю его себѣ... Боюсь я его,—закончилъ Морозовъ и улыбнулся. Павелъ молчалъ.

— Павелъ, ты спишь?—спросилъ Морозовъ.

— Кто? Я? — вздрогнулъ Павелъ. — Нѣтъ, кажется, я не спалъ... кажется, я о чемъ-то думалъ... Да!.. Вотъ что: пойдемъ-ка къ тебѣ въ кабинетъ... Я тамъ, кстати, выпью... Мнѣ легче будетъ... Но вотъ еще что: у меня есть заяцъ.

— Какой заяцъ?

— Собственно ужъ не заяцъ, а нивалидъ заячьей породы. Нога у него перебита. Мальчишки, чай, деревенскіе, шельмецы!.. Экая у нихъ эта дикость. Никакой гуманности! Я отдалъ его на соблюденіе твоимъ фрейлинамъ. Такъ ужъ ты, пожалуйста, прикажи имъ, чтобы пособлюли его.

— Ну, хорошо, хорошо!

Павелъ пошелъ въ кабинетъ, а я сталъ прощаться съ Морозовымъ.

— Какъ онъ своими „переворотами“ напоминаетъ мнѣ такого же чудака—моего отца,—сказалъ Морозовъ, провожая меня.—Такой же былъ! Должно быть, и въ этомъ сходствѣ есть какая-нибудь органическая связь. Можетъ быть, потому онъ мнѣ такъ и дорогъ.

IV.

На третій день, ранним утромъ, свершая свой обычный моціонъ по полямъ и рощамъ, я случайно проходилъ по задамъ морозовской усадьбы, сплошь заросшей въ этомъ мѣстѣ густымъ паркомъ, почти обратившимся въ лѣсъ. Изъ маленькой калитки, уцѣлѣвшей въ полуразрушенномъ заборѣ, мнѣ навстрѣчу показалаcя фигура, на длинныхъ тонкихъ ногахъ, въ поарковой шляпѣ, съ саквояжемъ въ одной рукѣ и съ лукошкомъ въ другой. Я тотчасъ же узналъ въ ней Миртова.

— Павель Ивановичъ, куда вы?—окликнулъ я.

Миртовъ остановился и сталъ вглядываться въ меня.

— А! это вы!—сказалъ онъ, какъ будто нѣсколько смутившись.—Вы туда?—показалъ онъ по направлению къ морозовскому дому.—Пожалуйста, не говорите, что меня встрѣтили. Я утекаю-съ. Да-съ, утекаю, самымъ мазурническимъ образомъ... яко татъ въ нощи,—прибавилъ онъ почти шопотомъ.

— Да что же такое?

— Не могъ-съ, никакъ не могъ-съ иначе. Такая ужъ натурашка! Это я не впервой такъ. Ну, знаете, если уйти по-джентльменски, такъ пришлось бы объясняться. Я ихъ люблю... и уважаю... повѣрьте. Вѣдь, они, въ сущности, хорошие, славные люди... Петръ Петровичъ очень хорошій человекъ, ну, и супруга его... Да?

— Конечно..

— Ну, такъ вотъ видите: стали бы упрашивать, требовать объясненія... А я бы не устоялъ, никакъ не устоялъ бы. Потому что, первымъ дѣломъ, я никого не желаю огорчать.

— Вы куда же?

— Я? Къ Башкирову-съ.

— Да вы идете въ противоположную сторону! Вы знаете, гдѣ онъ живетъ?

— Доподлинно не знаю, но спросилъ бы кого-нибудь. Вы не укажите ли мнѣ? А сюда я зашелъ-съ нарочно... мѣсто глухое... такъ чтобы потихоньку пройти...

— Хорошо. Пойдемте вмѣстѣ, я вамъ укажу.

— И прекрасно! Отправимтесь!

Павель, обремененный всѣмъ своимъ имуществомъ, зашагалъ впереди меня.

— Но что за причина? Вѣдь, вы больны. Вамъ покой нуженъ. Вы же сами третьяго дня, повидимому, рады были

отдохнуть въ тишинѣ деревенскаго уединенія?

— Это такъ-съ... Да... вѣрно... Только ужъ умереть мнѣ иначе нельзя, какъ въ клиникахъ. Это также вѣрно. А утекъ я потому... Видите: все тутъ ужъ очень „прямолинейно“... Эти эксперименты надъ мужиками „по послѣднему слову науки“... Новые фермеры, откормленные съ вянущими научными цѣлями... А у меня грудь отъ этихъ „пейзажей“ щемитъ. Нѣтъ, ужъ вы, пожалуйста, не говорите имъ, что встрѣтили меня. Вѣдь, они люди хорошие. Зачѣмъ же ихъ огорчать!.. Теперь куда же прикажете повернуть?—спросилъ онъ, когда мы прошли мимо парка.

— А вотъ сюда.

Павель нарочно, кажется, зашагалъ быстрѣе, чтобы избѣгнуть объясненія со мною.

Мы прошли по задворкамъ все село. Я показалъ ему избу Башкирова и распрощался.

Въ этотъ же день я долженъ былъ уѣхать верстъ за двадцать. Мнѣ пришлось павѣстить Морозовыхъ только спустя уже недѣлю. Меня встрѣтила Лизавета Николаевна и тотчасъ же, не дожидаясь моего вопроса, сообщила мнѣ объ уходѣ отъ нихъ Миртова.

— Я уже зналъ это въ тотъ же день.

— Вы знали? Что жъ вы не сказали намъ? Отчего вы не зашли къ намъ тогда?

— Я обѣщалъ ему не говорить вамъ.

— Господи! Что это за странные люди всѣ у насъ!—сказала Лизавета Николаевна.—Только посредственность у насъ несколько не странна, но все, что маломальски выше этой посредственности, все это — странные люди, къ которымъ не знаешь, какъ подойти, не знаешь, какъ любить ихъ. Петя послѣ его ухода сталъ еще мрачнѣе.

— Вамъ неудачи все.

— Да. Я теперь еще яснѣе вижу, что для насъ, можетъ-быть, все кончено. И какой онъ чудакъ, этотъ Павель Ивановичъ. Вѣдь, онъ былъ такъ слабъ... вѣдь, онъ могъ умереть гдѣ-нибудь на дорогѣ!

— Гдѣ жъ онъ теперь?

— А вотъ Петя вамъ скажетъ,—сказала Лизавета Николаевна, когда въ залъ вошелъ Морозовъ.

— Вы спрашиваете о Павлѣ?—спросилъ онъ меня.—Вотъ полюбуйтесь,—прибавилъ онъ какимъ-то разбитымъ го-

лосомъ, кладя предо мною на столъ письмо.

Я привожу его дословно (впослѣдствіи я получилъ отъ Морозова это письмо вмѣстѣ съ другими бумагами).

„Дорогой мой Петръ! Наконецъ, я въ центрѣ самого лучшаго тепла и какой-то милой, безмолвной тишины, т.-е. въ клиникѣ, въ 18 палатѣ, на Рождественкѣ. Да, братъ, наконецъ, въ клиникѣ! Наконецъ, на одинъ шагъ отъ абсолютнаго покоя... чую близость могилы, которая обойметъ меня своими холодными объятіями, и изъ нея уже никуда будетъ утекать!.. Finis!.. Впрочемъ, и теперь я уже никуда не могу утечь: ноги отнялись, больше лежу и созерцаю. Большую часть времени пребываю въ забытѣ. Вотъ оно — предчувствіе абсолютнаго покоя — смерти. Я уже и теперь почти мертвъ, почти уже снизошелъ въ область этого абсолютнаго покоя, если бы... чортъ бы ихъ совсѣмъ побралъ!... если бы слишкомъ усердные, юные жрецы науки не напоминали мнѣ ежедневно, что я живъ, обращаюсь со мною, какъ съ автоматомъ, съ трупомъ. Мнѣ это ужасно обидно, и я постоянно ругаюсь съ ними, желая хоть чѣмъ-нибудь заявить, что еще я живой человекъ, что я еще не просто cadaver, любопытный для нихъ съ научной точки зрѣнія. Въ особенности ненавижу я одного изъ нихъ: какой-то прилизанный студентъ съ оловянными глазами, до умопомраченія обуянный желаніемъ выказаться предъ профессорами. И ради этого онъ мучаетъ меня по цѣлымъ часамъ! Но что всего обиднѣе: по рожѣ его вижу, что подлецу капиталъ хочется нажить, изъ науки пѣккую дойную корову сдѣлать!.. Всѣмъ, братъ, хороши клиники, только скверно сознание быть препаратомъ этихъ господъ. Впрочемъ, отъ нихъ я начинаю избавляться. Кажется, рѣшили, что я скоро умру и потому интереснаго во мнѣ уже мало. Но зато явился другой мучитель. Какъ разъ рядомъ со мною помѣстился какой-то оболтусъ, выше сажени ростомъ, съ телячьимъ взглядомъ и браитовой болѣзнію. Ты не можешь представить, чего стоитъ мнѣ этотъ человекъ?.. Неужели это еще не послѣднее испытаніе, посланное мнѣ жизнью, даже безъ возможности „утечь“ отъ него!.. Нѣтъ, ужъ это, должно-быть, послѣднее. Представь, я лежу, нарочно закрывши глаза, но самъ чувствую на себѣ телячій взглядъ этого болвана. Онъ съ невѣроятнымъ по-

стоянствомъ выжидаетъ, когда я открою глаза. И едва я успѣю ихъ открыть, чтобы хоть только чихнуть, какъ уже съ широчайшею улыбкой оболтусъ несется ко мнѣ и начинаетъ, и начинаетъ. Ни одинъ бѣсъ на томъ свѣтѣ не придумаетъ хитрѣе мученій. Въ продолженіе двухъ часовъ онъ сыплетъ на тебя статистикой, финансами, политическою экономіей, Вреденомъ и Бакстомъ, Шульце-Деличемъ и Бастиа, и въ заключеніе вынимаетъ изъ-подъ подушки рукопись. О, ужасная рукопись! Я запомнилъ ея заглавіе, чтобы не забыть и на томъ свѣтѣ. Она называется: „Опытъ строго научнаго изслѣдованія о благосостояніи народовъ: сеудо-сберегательныя кассы, какъ вѣрнѣйшее средство... отъ блохъ, клоповъ, таракановъ... Тьфу!.. нѣтъ, не такъ! (извини, не хочется зачеркнуть), какъ вѣрнѣйшее средство отъ современныхъ экономическихъ золъ“... Эту рукопись онъ называетъ „разсужденіемъ“ (!), имѣющимъ быть представленнымъ на степень „молодого нашего ученаго“... то бишь на степень магистра московскаго университета. Съ какимъ удовольствіемъ утекъ бы я отъ этихъ „молодыхъ нашихъ ученыхъ“ на мою милую Грачевку! Но чортъ съ нимъ! Говорятъ, завтра переведутъ его въ другую палату. И тогда ужъ навѣрно — абсолютный покой!.. Постой, дай отдохнуть... Я, вѣдь, пишу урывками! Дай полежать часокъ въ забытѣ: славно ужъ очень это забвеніе-то! Славно и то, что я умираю одинъ, одинъ, въ полномъ смыслѣ этого слова. Стариковъ моихъ, вѣдь, ужъ давно нѣтъ въ живъ. Друзей... но виноваты ли они, что я всю жизнь „утекалъ“ отъ нихъ?.. Кто же виноватъ въ томъ, что я одинъ? Я самъ, что ли? Ну, подожди дозавтра. NB. Заяцъ мой издохъ дорогой. Не вынесъ и онъ, бѣдняга, цыганства!“

„Утро. Я уже всталъ. Всѣ еще спятъ... Тихо... Да по утрамъ и чувствую я себя лучше. Побесѣдную съ тобой еще. Ты, вѣроятно, на меня огорчился, что я и отъ тебя утекъ?.. Что дѣлать, Петруша! Это — фатально... Ты самъ, вѣдь, человекъ умный и, кажется, самъ развиваешь послѣдовательно теорію „россійскаго цыганства“... Что жъ огорчаться-то?.. Но ты, можетъ-быть, огорчился не на то, что я утекъ вообще, а на то, что я утекъ къ Башкирову?.. Братъ! вѣдь, я еще тогда живой человекъ былъ, а не „загробный“, какъ теперь. (Съ тѣхъ поръ, какъ я уже

лишился возможности „утекать“, а следовательно, заживо, такъ сказать, поступилъ въ полное распоряженіе меня окружающихъ, я потерялъ свою личность, провиденціальныи смыслъ ея, специфическую сущность; ерго — я уже теперь „загробный“. Жажда исканія „правды жизни“ жила, братъ, во мнѣ до того послѣдняго момента, когда подкосились ноги и я уже очутился не въ состояніи ходить на поиски этой „правды“ и утекать отъ „неправды“... Могъ ли же, братъ, я отказать услышать еще новый отвѣтъ на запросъ о „правдѣ жизни“?.. И я утекъ отъ тебя, но утекъ и отъ Башкирова, утекъ послѣ того еще разъ отъ тѣхъ, кого встрѣтилъ послѣ него... и, наконецъ, какъ видишь, добрался до предназначеннаго мнѣ свыше пункта — до клиники. Можетъ-быть, ты хочешь знать, почему я такъ скоро утекъ и отъ Башкирова?.. Какъ тебѣ сказать? Вообще, это трудно объяснить... Въѣдъ, и всѣ свои перевероты я совершалъ какъ-то больше непосредственно, чѣмъ ясно сознательно, больше подъ давленіемъ какихъ-то смутно чувствуемыхъ мною стимуловъ, въ родѣ, наприимѣръ, того, что у меня грудь начинаетъ щемить, сердце пыть, или въ родѣ внезапно охватывающей меня боязни... (Скажешь ты, пожалуй, что это плохіе резоны; я и самъ знаю, но я привыкъ вѣрить имъ—и рѣдко ошибался... Непосредственное чутье имѣетъ свои права.) Нѣчто въ родѣ этой внезапной боязни охватило меня на другой же день моего пребыванія у Башкирова. Но только я испугался не его, какъ ты. Онъ совсѣмъ не такъ страшенъ, какъ казался тебѣ. Онъ человекъ добрый, славный. Иногда онъ продѣлываетъ кое-какіе „выверты“, ну, да русскій хорошій человекъ безъ этого еще не можетъ обойтись, нужно полагать... Это, полагаю, оттого, что хорошій русскій человекъ слишкомъ способенъ чувствовать самъ то, что онъ хорошій человекъ, какъ ребенокъ, сдѣлавъ похвальное дѣло, ходитъ гоголемъ, съ блестящими глазами, съ пылающими щеками... Это подчеркиваніе хорошихъ чертъ въ себѣ—удѣлъ молодости, въ первый разъ почувствовавшей въ себѣ самобытныя силы... Со временемъ это пройдетъ, какъ проходить это подчеркиваніе, когда юноша сдѣлается мужемъ. Принялъ меня Башкировъ радушно и предложилъ даже погнѣтиться у него „по-деревенски“... И я разсчиты-

валъ надолго остаться у него. Когда я вошелъ въ его чисто прибранную избу, просторную и вмѣстѣ уютную, на меня повѣяло чѣмъ-то роднымъ, близкимъ... Дѣтствомъ моимъ пахнуло на меня... Припомнилась родная изба... Въ переднемъ углу висѣлъ образъ Спаса, хорошаго, такъ называемаго „строгаго“, письма; передъ образомъ лампадка (мать у Башкирова—богомольная старушка). Подъ образомъ сидѣлъ постоянно сѣдой старикъ, глядѣвшій кротко своими, уже давно, какъ кажется, ничего невидящими очесами. Сѣдая борода его свалилась и висѣла двумя длинными косицами. Онъ былъ въ простой, изгребной рубахѣ и синихъ портахъ, босикомъ... Тихій, вздрагивающій свѣтъ лампы лился на его покойное, старческое лицо... Я не могъ оторвать глазъ отъ этого старика... То напоминалъ онъ мнѣ моего дѣда, то вызывалъ въ памяти рядъ родныхъ деревенскихъ картинъ... Онъ вновѣ вызвалъ было на мгновеніе во мнѣ творческую мысль. Онъ напомнилъ мнѣ другого такого же старца, котораго я раза два прежде встрѣчалъ на сельскихъ базарахъ, въ храмовые праздники. Можетъ быть, и ты припомнишь такую картину. (Не вѣдью мнѣ много писать, ну, да ужъ не могу удержаться! Вспомню хотя послѣдній разокъ свою родину!)

„Большая площадь въ селѣ полна народа, двигающагося у возовъ. Въ концѣ площади—каменная посѣрѣвшая церковь, съ маленькою оградой вокругъ; зеленая лужайка близъ нея; на лужайку падаетъ длинная тѣнь—и въ этой тѣни кучки бабъ съ котомками, слѣпые нищие... Съ колокольни несется пронзительный звонъ „къ отходу“; одни выходятъ изъ церкви, другіе, запоздавшіе, торопятся въ нее... Слепые нищие стараются пѣть еще громче... Но вотъ въ сторонѣ вы видите толпу... Она собралась около высокаго сѣдого старика...

„Вотъ уже двадцать лѣтъ, какъ и зимой, и лѣтомъ, въ валеныхъ истоптанныхъ, съ пробитыми подошвами сапогахъ, въ засаленной, когда-то сшитой изъ хорошаго „дворянскаго“ сукна чуйкѣ, съ головой, покрытой густою сѣдою гривой вмѣсто шапки, ходитъ онъ въ сопровожденіи своего неизмѣннаго спутника, „глупенькаго“ мужичонки Стешки, по всѣмъ окрестнымъ градамъ и весямъ... Давно всѣмъ и каждому знакома и его широкая, сбита въ войлокъ, сѣдая борода,

которую приглаживает онъ заскорузлую ладошю, и его добрые, „по глупости“, какъ говорятъ, глаза, и его высокій лобъ, на которомъ многіе видятъ слѣды бывшаго у него прежде „крѣпкаго разсудка“... Любилъ простой народъ слушать этого „блаженного“ старца, когда онъ, „изыди на площадь“, во время базаровъ, начиналъ „провѣщать“ что-то, помахивая легонько своею клюкою и медленно поглаживая бороду.. Часто прислушивались къ его рѣчамъ не только простой народъ, а и „умные“ люди—сановитые купцы, образованные чиновники и начальство, да ничего не поняли въ его мягко лившейся безалаберной рѣчи... „И чего эти дураки его слушаютъ!“ удивлялись только образованные люди... Но слушали его эти дураки не такъ, какъ люди образованные, не хитрымъ умомъ выискивали его рѣчи, а глазамъ ихъ пріятно было читать на его лицѣ то „блаженное“, что разливалось по его лицу и искрилось въ его полубезумномъ взглядѣ,—сердцемъ и душой слушали они его... Подойдетъ къ толпѣ старушка больная, долго и пристально взглядываетъ она на него и совѣмъ ничего не слышитъ, а вдругъ слезы и польются у нея ручьемъ, и польются... Шепчетъ молитву старуха, крестится и посылаетъ „блаженному“ всякія добрыя пожеланія... „Что, старушка, плачешь?“ спрашиваетъ ее мимоходомъ бойкій и добродушно-любопытный сынъ народа.—„А вотъ, красавецъ, Пименыча послушала... Посмотрѣла, какъ это отъ его лица такая ли мягкость да доброта исходитъ... Вотъ и плачу, и полегче мнѣ стало...“

— „Ну, дѣло хорошее! Такъ, такъ... Отъ Пименыча рѣчей, пожалуй, умнѣй не станешь, а что душевнѣе будешь—это вѣрно...“

„Вотъ картина, вся освѣщенная яркимъ лѣтнимъ солнцемъ, обливающимъ своимъ лучами пыльную площадь, на которой совершается купли-продажа тяжкаго народнаго труда...“

„Я передалъ всѣ эти, охватившія меня воспоминанія, Башкирову. „Вѣдь, вы, извѣстно, художники!“—сказалъ онъ, добродушно улыбаясь.—А что вотъ ему съ голоду пришлось было умирать подъ старость, такъ это тоже своего рода картина!..“ И долго мы въ этотъ вечеръ проболтали съ Башкировымъ о народѣ... И, вѣдь, чудакъ—самъ оказался такимъ же идеалистомъ! Какъ глубоко онъ чувст-

вуетъ и какъ беззавѣтно вѣрить!.. Ну, мы, наговорившись, наконецъ, уснули... Старикъ давно уже спалъ на той же лавкѣ подъ образами... Было два часа, а я еще не засыпалъ: вызванныя старикомъ въ моемъ воспоминаніи картины деревни, какъ въ панорамахъ, цѣпляясь одна за другую, безконечною вереницей вставали въ моемъ воображеніи... и... что я вижу?.. Во снѣ или наяву? Въ щель перегородки мнѣ виденъ весь старикъ... Онъ поднялся, осмотрѣлся и, крадучись, сталъ развизывать на худыхъ ногахъ онучи... Бережно, при свѣтѣ лампадки, развернулъ онъ эти проворнявшія и прогнившія почти тряпки... Дрожащими старческими руками, боязливо и чутко оглядываясь, сталъ онъ считать... деньги!.. Мнѣ стѣснило грудь, слезы подступили къ горлу... Я чуть не зарыдалъ... Я завернулся съ головой въ одѣяло, но спать уже не могъ... Едва забрезжилось, я поднялся, сказалъ Башкирову, что я ухожу—и вышелъ. Старикъ уже стоялъ на крыльцѣ, и обратился на востокъ, молился, едва держась на трясущихся ногахъ и цѣпляясь рукой за перила крылечка... Онъ посмотрѣлъ на меня своими безцвѣтными глазами... Не обертываясь, я побѣжалъ прочь все дальше и дальше отъ этого взгляда... Но онъ преслѣдуетъ меня и теперь! О, этотъ старикъ!.. Ты, можетъ быть, спросишь меня, какъ и Башкировъ: „Да что же тутъ такого?“ Не знаю, не знаю, не спрашивайте меня... Я чувствую только, что мое сердце ноетъ и ноетъ, что демонъ жи не оставляетъ меня даже у порога могилы...

„Прости, больше не могу... Рука ослабла... Усталъ... Лягу сейчасъ... Если бы забыться! Но этотъ демонъ жи, развратившій мою родину!..“

Здѣсь письмо кончалось словами, уже написанными, очевидно, поспѣ: „До свиданія, Петръ. Когда ты получишь это письмо, я, вѣроятно, уже буду на Ваганьковскомъ... Вспоминай иногда мою „злохудожную“ душу!.. Такихъ, какъ мы, уже, вѣроятно, не будетъ больше, или, по крайней мѣрѣ, не должно быть... Мы сдѣлали свое дѣло.“

„Мертвые въ мірѣ почли,
Дѣло настало живымъ!“

„Вотъ мое завѣщаніе...“

— Онъ не умретъ еще!—сказала Лизавета Николаевна:—этотъ покой, который былъ ему такъ нуженъ, спасетъ его...

— Онъ умеръ, — промолвилъ Морозовъ.

— Умеръ?!

— Да. Я сегодня получилъ телеграмму изъ Москвы.

Мраченъ былъ Морозовъ, говоря эти слова. Повидимому, посѣщеніе Павла и его скорая смерть произвели на его душу глубокое впечатлѣніе.

ГЛАВА IX.

Наканунѣ.

Наступившее ненастье надолго засадило меня въ моей избѣ, тѣсной, душевной, съ маленькими окнами, съ плохими рамами, привязанными бичевками къ косякамъ, съ безконечнымъ количествомъ мухъ и запахомъ кислой прошлогодней капусты, которую усердно ѣли мои хозяева, въ ожиданіи свѣжей, пользуясь постомъ, запрещающимъ имъ ѣсть скоромное, котораго у нихъ оказалось очень мало. Мелкій дождь сѣменилъ съ утра до вечера. Небо хмурилось кисло и слезливо. Скучно въ ненастье досужимъ людямъ въ горьдѣ, а въ деревнѣ еще скучнѣе. „Домъ природы“ обращается въ нѣчто грязное, мокрое, вязкое. Прекрасныя поселенки становятся злѣе, хмурѣе и молчаливѣе. Очень могло случиться, что, въ качествѣ досужаго человѣка, я окончательно затосковалъ бы отъ деревни, если бы не произошло одно обстоятельство, которое нѣсколько нарушило гнетущее одпообразіе деревенскаго ненастнаго дня. Это обстоятельство вызвало на улицу всю деревню и дало свѣжій матеріалъ для собесѣдованій. Обстоятельство это, если хотите, было очень обыкновенное. Какъ-то разъ, утромъ, когда вороны каркали особенно настойчиво и надоедливо, черезъ деревню проносили покойника. Впереди, задолго еще до гроба, показался мальчуганъ съ почернѣлой иконой въ рукахъ, которую онъ держалъ на лоскутѣ бѣлаго холста: чинно и солидно пространствовалъ онъ по жидкой грязи среди улицы; два другіе мальчугана, въ огромныхъ сапогахъ и въ длинныхъ материнскихъ какавейкахъ, съ шапками въ рукахъ и мокрыми головами, сопровождали его, стараясь возможно шире шагать черезъ лужи. Немного спусти показалась крышка, надѣтая на головы, принадлежавшія, вѣроятно, тѣмъ двумъ синимъ сибиркамъ, которыхъ длинныя полы раз-

вѣвались на ходу изъ-подъ крыши. Наконецъ, показался и гробъ, вымазанный охрой, покрытый вылинявшимъ и окончательно потерявшимъ позолоту старенькимъ церковнымъ покровомъ. Шестеро мокрыхъ мужиковъ несли его на сѣрыхъ холстинахъ. За гробомъ торопливо шли двѣ старухи; одна изъ нихъ неслѣ въ рукахъ узелокъ съ медомъ и кутьей. Въ нихъ я призналъ Павлу и Секлестею. Рядомъ съ ними шелъ Башкировъ, въ большихъ сапогахъ, въ старомъ черномъ пальтишкѣ до колѣнъ, безъ шапки, съ повязанными носовымъ платкомъ ушами. Нѣсколько сзади ковылялъ хромой мужикъ, размахивая одной рукой, въ которой была шапка, а другой опираясь на подогъ, да какаля-то старуха, сгорбившись „въ три погибели“, трусила за ними и постоянно сморкалась въ полу. Едва процессія вошла въ деревенскую улицу, какъ изъ всѣхъ воротъ повысыпали обыватели. Всѣ крестились, а многіе подходили къ гробу и кидали гроши въ деревянную чашку, поставленную въ ногахъ покойника, и молча кланялись Башкирову. Посрединѣ деревни мужики, неся гробъ, остановились, чтобъ перетянуть холсты съ однихъ плечъ на другія. Подошли обыватели и предложили отъ себя „смыну“. Трое усталыхъ носильщиковъ согласились. Всѣ разговаривали тихо, шопотомъ. Раздавались совѣты: „держи, держи прямѣй! Подтяни въ ногахъ-то! Господи Іисусе! Въ головахъ-то поддержи! Святой Боже, Святой крѣпкій! Ну, теперь ладно! Со святыми упокой!“ Бабы, благочестиво сложивъ на груди руки, разговаривали со старухами, поглядывая то на покойника, то на Башкирова, вставшаго къ гробу на смѣну одному изъ носильщиковъ. Дождь тихо барабанилъ въ сосновую крышку и пробирался за воротъ провожавшихъ. Звонко упалъ въ чашку послѣдній грошъ; процессія тронулась. Оставшіеся обыватели перекрестились, вздохнули и долго еще всея деревней смотрѣли вслѣдъ уходившимъ. Потомъ сбились въ кучу подъ одними воротами съ навѣсомъ и долго о чемъ-то толковали.

Послѣ обѣда погода начала разведриваться; сѣрыя тучи разсѣялись и превратились въ бѣлыя, молочные хлопья быстро мчавшихся по голубому небу облаковъ; заходящее солнце весело заиграло на мокрой листвѣ и соломённыхъ крышахъ избъ. Собаки вытѣзли сушиться

изъ-подъ воротъ на солнечныя полосы, легшія поперекъ улицы. Ребятишки отпра-влялись странствовать по лужамъ. Дерев-ня повеселѣла. И вышелъ на улицу и завелъ разговоръ съ первымъ же прохо-дившимъ мимо мужикомъ.

— Кого это мимо васъ утромъ про-несли?

— Пронесли-то? Мужика пронесли. Изъ сусѣдскихъ,—отвѣчалъ мужикъ и переложилъ хомутъ съ одного плеча на другое.

— Это тотъ, что вѣшаться хотѣлъ, да сняли?

— Онъ самый. Отъ смерти, братъ, не спасешь, коли она идетъ,—замѣтилъ онъ.

— Ну, а Иванъ-то Терентичъ Башкировъ при чемъ тутъ?

— Иванъ-то Терентичъ? — переспро-силъ мужикъ и сталъ внимательно вема-триваться въ меня.—А вотъ что я тебѣ скажу,—неожиданно прибавилъ онъ:—ты тутъ посидишь, что ли?

— Посижу.

— Ну, ладно, посиди коли... А я вотъ сейчасъ мигомъ вернусь, только хомутъ въ избу снесу... Такъ смотри, никуда не уходи!—крикнулъ онъ съ дороги, трус-пой пустившись къ своей избѣ.

Минутъ черезъ пять онъ шелъ обрат-но уже безъ хомута и нестѣ, тщательно разсматривая, какую-то бумагу. Не до-ходи до меня, онъ спряталъ ее за па-зуху.

— Доброго здоровья!—сказалъ онъ, подходи ко мнѣ и снимая шляпу;—вотъ и ведрышко Господь даетъ. Слава-те, Господи! Теперь какъ-ни-какъ управим-ся. А то бѣда, хлѣбъ весь, того гляди, погнили бы. И ты, чать, поди, радъ сол-нышку-то? Болѣешь, вѣдь?

— Да, радъ,

— Чтожъ у Ивана Терентича не лѣ-чишься?

— У меня есть лѣкарь тамъ, въ сто-лицѣ, свой...

— Такъ, такъ... У васъ свои лѣкаря. Иванъ Терентичъ, точно, по нашимъ, по мужицкимъ болѣзнямъ больше должно полагать?

— Иѣтъ, все одно: и онъ по всякимъ.

— Ну, гдѣ ужъ! Это, братецъ, кто что избралъ. Я одна, вотъ, въ горо-дѣ къ лѣкарю затесался съ дурныхъ глазъ, а онъ на меня какъ крикнетъ: „Развѣ ты не знаешь, что я барынь лѣ-чу только!“ Иѣтъ, это — кто къ чему. Тоже, вѣдь, съ нашимъ братомъ не вся-

кому валандаться повадно. Отъ насъ ба-рышей-то немного. Это ужъ кто развѣ изъ пріятельства,—резонировалъ мой со-бесѣдникъ, а между тѣмъ потихоньку вы-нималъ изъ-за пазухи бумажку.—Ну-ко, вотъ, посмотри,—сказалъ онъ тихонько, всовывая мнѣ бумажку въ руку, и отвер-нулся отъ меня вполоборота, какъ бы отстраняя себя отъ всякаго соучастія въ дальнѣйшемъ ходѣ дѣла.

— Что же это? Письмо?

— Письмо... Ребятамъ своимъ посы-лаю... въ Москву. Въ Москвѣ они у ме-ня на заработкахъ... Въ плотничьей ар-тели,—говорилъ онъ, изрѣдка оборачи-вая лицо ко мнѣ.

— Такъ прочесть тебѣ?

— Да. Проверку нужно сдѣлать. По-тому самый этотъ писецъ-то баловаться сталъ.

— Какъ баловаться? Онъ изъ какихъ?

— Изъ нашихъ, изъ крестьянъ... бо-быль. Что насчетъ письма—золотой былъ человекъ, а теперь только смотри за нимъ въ оба... Избаловался, да и ша-башъ! Пить, что ли, сталъ много: балу-еть — да и конецъ!

— Какъ же онъ балуетъ?

— А такъ вотъ: ты ему говоришь од-но, а онъ тебѣ напишетъ что ни то не-потребное... Намедничка что, вѣдь, при-думалъ: пишетъ вотъ также отъ одно-го мужичка. Мужичокъ говоритъ: пиши „у матки твоей зубы болятъ“, а онъ на-писалъ, что у матки всѣ зубы за ночь выпали, не пьетъ не ѣстъ, пришли, вишь ты, ей новыхъ зубовъ заморскихъ на дѣлый ротъ... Вотъ, вѣдь, охальникъ какой!.. Думаемъ поучить его когда при случаѣ...

— Да, вѣдь, онъ вамъ читаетъ?

— Читаетъ, какъ же, какъ быть над-лежитъ, а потомъ и объявится какое ни то непотребство... Ну-ко, прочти, да по-тише! А то услышитъ — осерчаетъ. Не любить онъ этихъ проверокъ.

И развернулъ четвертку сѣрой бумаги, всю исписанную толстымъ, такъ называе-мымъ „полууставнымъ“, почеркомъ и сталъ читать. Мужикъ сидѣлъ ко мнѣ мнѣ попржнему бокомъ, наклонивъ го-лову, и слушалъ, снявъ шляпу, перекла-дывая въ ней платокъ и постоянно при-говаривая: „Такъ, такъ! Какъ слѣдуетъ! Что вѣрно, то вѣрно!.. Вотъ-вотъ, какъ есть, все мое слово, все!“

Я не стану утомлять вниманіе читате-ли воспроизведеніемъ всѣмъ извѣстныхъ

пріемовъ крестьянскаго письма съ неизбѣжнымъ вступленіемъ „къ любезнѣйшимъ нашимъ кровнымъ“, съ „родительскимъ благословеніемъ, навѣки нерушимымъ“, съ отчетами о здоровьѣ всей родни, составляющей чуть не полдеревни, и съ вторичнымъ переименованіемъ ея же въ отдѣлѣ поклоновъ. Я постараюсь воспроизвести только одно мѣсто, можетъ быть, небезынтересное для читателя. „А что насчетъ свѣдомленья вашего объ Иванѣ Терентьичѣ и какъ просили вы отъ артели поклонъ ему передать, такъ мы все въ точности по вашей общей просьбѣ исполнили, сами со старухой къ нему въ Троицынъ день ходили и чаемъ отъ него угощались, а живетъ онъ попрежнему, и въ согласіи съ нами тоже попрежнему, и мы имъ довольны такожде попрежнему. А въ волости нашей большой вышелъ сюжетъ“...

— Вотъ, вотъ и пошелъ... Вотъ ужъ я этого слова въ жизнь свою не говорилъ,—перебилъ меня мужикъ.—Ну-ко, ну-ко, прочти еще... Вишь, вѣдь, попуталъ бѣсъ!.. Это что же значитъ?

— Да ничего особеннаго... Дальше видно, что это означаетъ просто „пронесеніе“, сумятица вышла.

— Ну, это такъ... такъ... точно, что сумятица... Такъ чего жъ онъ эдакое слово вернулъ?

— Такъ, захотѣлъ ученостью похвастать...

— Это, пожалуй что... У него эта повадка есть. Онъ прежде-то къ дворнѣ былъ приспособленъ, ну, и нашвырялся около баръ-то. Это вѣрно... Такъ оставить это слово-то? А то ужъ измѣни лучше, Бога для!

Я обѣщалъ ему поправить и продолжалъ читать: „Старухъ нашихъ Павлу да Аксентью Суровецкіе на мѣстѣ ихъ жительства очень убѣзпокоили, и что касательно земли и разныхъ наложеніевъ утѣснили. Слухъ идетъ, что отъ богатѣевъ это все учинилось. А старухи были въ большомъ огорченіи, съ міромъ и старшиной тѣгались. Слышно, уйтить хотять. А Иванъ Терентьичъ, слышь, у старшины по этимъ дѣламъ былъ и со стариками говорилъ, хлопоталъ, да тѣмъ временемъ старухи сами рѣшеніе устали—отойти. По сей причинѣ старшина нашъ, Филиппъ Ивановичъ, проситъ себѣ у начальства увольненіе, и какъ все это кончится—одному Богу извѣстно; о старухахъ же извѣстимъ. А онѣ вамъ кла-

няются и просятъ нижайше объ этомъ отписать. А Иванъ Терентьичъ всемъ кланяются и будетъ онъ къ осени опять въ столицѣ. И засимъ мы съ маткой живы и невредимы“.

— Такъ, такъ... это все точно, — перебилъ меня мужикъ;—только я тебя попросить хотѣлъ бы: пропиши ты тутъ еще, сдѣлай милость (вотъ тутъ, чистое мѣстечко осталось) пропиши на счетъ вотъ покойника-то, какъ и что: Иванъ, молъ, Терентьичъ за нимъ ходилъ неустанно, какъ его съ петли сняли, и схоронилъ на свои капиталы (у мужика-то только одна матка и была старуха, чуть съ голодухи не померла), самъ на вѣчное упокоеніе провожалъ!

Я сдѣлалъ мужику все, что онъ просилъ.

Наступающіе послѣ долгаго ненастья ведрыные дни бываютъ какъ-то особенно хороши: воздухъ, еще нѣсколько влажный, мягокъ и свѣжъ; вымытая зелень блеститъ ярко и пышно, какъ будто все убралось, вычистилось, выхолилось подъ праздникъ; по голубому небу весело бѣгутъ бѣлыя облака, словно гоняясь съ выюжными вверху стрижами и ласточками.

На другой день, совершенно неожиданно, на порогѣ моей отворенной комнаты появилась сгорбившаяся въ дверяхъ фигура Морозова.

— Вотъ и я къ вамъ забрелъ,—сказалъ онъ, съ добродушно-суровымъ выраженіемъ подавая мнѣ руку.

— Милости прошу!

— Я все поджидалъ васъ къ намъ, не утерпѣлъ, самъ пришелъ...

— Садитесь, будемъ чайничать...

— Нѣтъ, чайничать не стану, а такъ побесѣдуемъ.

Онъ было присѣлъ, но тотчасъ же, по обыкновенію, поднялся, зашагалъ по комнатѣ, скрипя половицами, и съ добродушной ироніей сталъ осматривать мое „обиталище“. Несмотря, однако, на его стараніе придать своему посѣщенію видъ простого, обычнаго визита, я замѣтилъ по его лицу, что оно не было обычно, что онъ что-то обдумывалъ; вообще замѣтно было, что онъ пришелъ неспроста.

— Что вы подѣлывали за это время?—спросилъ я.

Онъ быстро повернулся и сѣлъ къ окну на лавку.

— Собственно, дѣла никакого не дѣлалъ, а если хотите,—приканчивалъ дѣла и итоги подводилъ.

— Итоги? Чему?

— Всему. А прежде всего, дѣламъ по имѣнію жены, въ качествѣ честнаго управляющаго, который оставляетъ свой постъ.

— Значить, снова снимаете свои шатры?—спросилъ я шутливо и посмотрѣлъ на него. Онъ опять поднялся и сталъ ходить, потрепывая бороду.

— Да, снова снимаю свой шатеръ,—поправилъ онъ меня:—должно быть, пора...

— И Лизавета Николаевна?

— Нѣтъ, ужъ это зачѣмъ же!.. Будеть.

— Одни?

— Одинъ. Что же тутъ особеннаго? Намъ бы давно уже не мѣшало брать примѣръ съ народа. Безокойный, неусидчивый мужикъ, отправляющійся шляться по лицу безкопечной великой и малой Россіи, въ поискахъ за „устоемъ“, за тѣмъ, „гдѣ лучше“, не возьметъ съ собою жены. Вотъ, когда пойдетъ этотъ устой...

— А если не пойдетъ?

— Да, и это можетъ быть... очень можетъ быть. И вамъ расскажу про одного такого чудака, очень близкаго мнѣ человека. Онъ уже давно умеръ. Это былъ мужикъ сообразительный, бойкій самоучка. Благодаря этимъ качествамъ, онъ скоро пошелъ въ гору, нажилъ денегъ и открылъ даже собственную фабрику. Энергія и дѣятельность его были истинно изумительны; не имѣя раньше за душой сломаннаго гроша, презираемый всѣми, съ кѣмъ ему приходилось конкурировать, ежедневно бившійся изъ каждого рубля на смерть, онъ выказалъ замѣчательное терпѣніе и выносливость. Наконецъ, добился всего, чего желалъ, и именно самостоятельности и какого-то злораднаго довольства, что онъ можетъ теперь плевать въ бороду тѣмъ, кто прежде его гналъ и презиралъ. И онъ, дѣйствительно, наплевалъ. Когда стали лебезить предъ нимъ, онъ выгналъ всѣхъ. Семья его вздохнула: супружница завела себѣ пріятельницъ и налегла на самовары, которыхъ по десяти въ день выпивалось въ пріятной бесѣдѣ. Ребятишки шеголяли въ плисовыхъ кафтаняхъ, ставили, вмѣсто бабокъ, въ концы пятаки или писанные пряники. Казалось, чего лучше? Но чудакъ загрустил и зачудилъ. Не прошло и полгода, какъ онъ запылъ. Его домъ съ утра до ночи былъ полонъ самой оборванной, самой безшабаш-

ной бѣднотой. Она тащила правдами и неправдами все, что ей попадалось подъ руку; самъ онъ раздавалъ пригоршнями ей деньги и раздавалъ съ какой-то лихорадочной торопливостью, какъ будто боялся, что вотъ-вотъ скоро замѣтятъ это, и цѣлый кагалъ родни, съ женою и ребятишками, повиснутъ ему на руки и заголосятъ:—„Сумасшедшій! сумасшедшій! Вяжите его! Живота своего не бережете!“ Дѣйствительно, скоро такъ и случилось, но уже было поздно: онъ успѣлъ раздать все, что у него было. Ужасно было выраженіе его лица въ то время,—выраженіе насмѣшливое, злое, когда онъ смотрѣлъ, какъ жена его съ ругательствами каталась, какъ помѣшанная, по полу, въ отчаяніи, что ее лишили счастья выпивать десять самоваровъ, какъ ребятишки ходили вокругъ него злыми волчатами и, подзадориваемые окружающими, набрасывались на отца съ кулаченками, съ сверкающими глазами. Какъ много было въ нихъ благороднаго негодованія противъ сумасшедшаго, лишившаго ихъ возможности ѣсть писанные пряники! Но вотъ, наконецъ, чудакъ не вытерпѣлъ и въ одинъ прекрасный день, отколотивъ жепу, выпоровъ ребятишекъ, взялъ палку, подвязалъ за спину мѣшокъ, надѣлъ лапти и ушелъ...

Морозовъ прошелся нѣсколько разъ молча и вдругъ озабоченно сталъ рыться въ боковомъ карманѣ.

— Впрочемъ, я пришелъ къ вамъ вовсе не за тѣмъ, чтобы рассказывать про чудаковъ...

— А это интересно. Что же случилось съ этимъ чудакомъ и какое имѣетъ онъ отношеніе къ вамъ?

— Что съ нимъ случилось, объ этомъ не нужно много говорить: онъ скоро напился въ другой губерніи на фабрику, выпилъ кѣ себѣ семью—и потекла обычная тяжелая рабочая жизнь... Такъ онъ странствовалъ съ мѣста на мѣсто... до смерти. А что касается его отношенія ко мнѣ, къ „моей исторіи“... я вамъ на это одно могу сказать: онъ былъ очень близкій мнѣ человекъ, очень близкій... А пришелъ я къ вамъ вотъ зачѣмъ...

Морозовъ сѣлъ къ столу и, вынувъ изъ кармана пакетъ, положилъ его передъ собой.

— Вотъ зачѣмъ,—повторилъ онъ, повертывая пакетъ въ рукахъ.—Видите ли, у меня здѣсь мои записки... Такъ, ине-

гда находили на меня глупыя полосы откровенности... Впрочемъ, и по другимъ побужденіямъ. Собственно, я очень мало предаюсь личнымъ изліяніямъ, но я любилъ иногда записывать все выдававшееся въ моихъ глазахъ. Мнѣ приходилось сталкиваться съ разнообразными личностями, въ разнообразныхъ положеніяхъ, съ различными „направленіями“... Такъ вотъ это я и записывалъ... Самъ я съ своими записками, по крайней мѣрѣ теперь, ничего не могу сдѣлать... Возьмите-ка вы ихъ. Думалъ оставить жепѣ, да она ничего изъ нихъ, кромѣ „вѣчнаго памятника любви“, не сдѣлаетъ. Такъ вотъ вы и возьмите. Какъ только придетъ вѣсть...

— Да вы ужъ не умирать ли собираетесь?—въ невольномъ изумленіи вскричалъ я.

— Нѣтъ, я не собираюсь. Но почему-то мнѣ думается (Морозовъ лихорадочно сталъ повертывать въ рукахъ пакетъ все быстрѣе и быстрѣе), что врядъ ли я вернусь... У меня есть предразсудокъ: если навстрѣчу попадался покойникъ, я всегда ожидалъ, что въ моей жизни произойдетъ какая-нибудь радикальная перемѣна. И, вѣдь, всегда такъ случалось! Вчера я еще собрался было къ вамъ, и о запискахъ у меня не было и мысли, но, недалеко отъ насъ, встрѣтилъ покойника. Тутъ былъ и Башкировъ. Я тотчасъ же вернулся домой и принялся приводить эти записки въ порядокъ. А сегодня, какъ видите, принесъ ихъ къ вамъ. Вы, можетъ-быть, изъ нихъ что-нибудь и сдѣлаете...

— Но все же я не понимаю: къ чему завѣщаніе-то? Ну, не сдѣлаете здѣсь, сдѣлаете въ другомъ мѣстѣ:

— А есть у меня, видите ли, другой предразсудокъ (у русскаго человѣка, какъ романтика по преимуществу, очень много предразсудковъ: ни наука, ни скептицизмъ, ни жизнь, часто очень не ласковая, не могутъ еще выбить ихъ изъ него)... Мнѣ всегда казалось, что мы, русскіе, очень умѣемъ умирать за другихъ, даже за такое дѣло, въ которое только смутно вѣримъ... Но, какъ скоро это самое дѣло будетъ наше, будетъ притомъ вполне для насъ ясно и опредѣленно, ни за что не рѣшимся пойти за него. У насъ тотчасъ же начнется гамлетовщина, анализъ, расчетъ. Такъ вотъ я и думаю, что и со мной будетъ въ концѣ концовъ то же: за свое дѣло,

реальное, я жизнью не пожертвовалъ, а за романтическую идею, пожалуй, умру...

— Полноте, что вы!

— Конечно, это—предположеніе... мое личное предположеніе, но все же...

Петръ Петровичъ замолчалъ и задумался. Меня поразила его рѣчь; онъ говорилъ теперь не такъ, какъ прежде; въ его словахъ уже и слѣда не было добродушной ядовитости и раздраженія: напротивъ, въ ней звучали тоскливыя, тихія, грустные ноты, какія издастъ постепенно ослабѣвающая струна.

— Вотъ что еще: не говорите пока ничего жепѣ. Я лучше самъ постепенно приготавливаю...

Онъ опять помолчалъ.

— И вотъ еще что: у меня есть одинъ воспитанникъ... тамъ, въ Москвѣ, въ техническомъ училищѣ онъ... Онъ изъ крестьянъ, мальчикомъ я его взялъ. Вы его не знаете... Такъ вотъ онъ пріѣдетъ скоро. Я ему оставляю кое-какія дѣлшшки: артель эту, ну, и другое. Я обо всемъ ему писалъ подробно... Такъ вотъ онъ пріѣдетъ... Ну, конечно, юноша. Будетъ спрашивать обо мнѣ... Ну, за жену я ручаюсь... А такъ какъ, послѣ жены, знаете болѣе или менѣе мою „исторію“ только вы, да еще одна личность... такъ я просилъ бы васъ...

Петръ Петровичъ остановился и замолчалъ, какъ бы ища подходящаго выраженія. Но онъ не нашелъ его. Онъ вдругъ подошелъ ко мнѣ и, крѣпко пожимая мои руки въ своихъ, сказалъ: „Вы понимаете, что я хочу, чтобы сказали ему... Молодость и вѣра... Главное—вѣра... Вотъ что хотѣлъ я, чтобы сберечь этотъ юноша!“

Петръ Петровичъ сѣлъ и закрылъ руками лицо.

— Впереди меня—тьма, неразсвѣтная тьма, — продолжалъ онъ, не отнимая рукъ: — кругомъ и сзади — поверженные идола и потухшіе алтари... Я ничего не вижу, не ощущаю, кромѣ неуволимо быстро смѣняющихся одна другую стихійныхъ метаморфозъ, изъ которыхъ послѣдняя уничтожаетъ созданное первою. Сжигается то, чему поклонялись, и снова поклоняются тому, что сжигали... Вотъ каковъ результатъ двадцатилѣтняго опыта. Посмотрите, у меня уже волосъ сѣдой пробивается... Кажется, я имѣю право сказать, что назади кое-что испытано... И этимъ-то результатомъ я долженъ отвѣчать всему, что свѣжо и молодое, въ комъ еще бьется безсознатель-

но пульсъ жизни?! Итъ, никогда не повернется у меня на это языкъ. Пусть бьется этотъ пульсъ, пусть вѣра дольше, какъ можно дольше, поддерживаетъ это бѣніе. Я никогда кощунственно не посягну на эту вѣру... Пусть... Придетъ время, и сама собою развернется эта пропасть, гдѣ... гдѣ, — какъ это говорили поэты?.. „гдѣ будетъ тьма безъ темноты, гдѣ будетъ бездна пустоты, безъ неба, свѣта и свѣтилъ...“ Видите, и я когда-то не прочь былъ поэзіей заняться!

— Поэзія поэзіей, а знаете что? Миѣ кажется, вы сдѣлали слишкомъ поспѣшное умозаключение, слишкомъ поспѣшили „итогами“... Потому, конечно, что черзчуръ преувеличили свою опытность... По-моему, жизнь, по самой сущности своей, никого не оставляетъ безъ отвѣта, никого не ввергаетъ „въ бездну пустоты“... Миѣ кажется, какими бы струнами ни звучала душа человѣка, онъ непременно найдетъ себѣ въ жизни откликъ... Отвѣтовъ, которыми располагаетъ жизнь, безконечное множество. Только была бы охота искать... Если бы ваша опытность была въ тысячу разъ больше, если бы вами были поставлены себѣ самые крайніе вопросы, то и тогда вы не имѣли бы права сказать, что жизни нечѣмъ отвѣтить вамъ. Всмотритесь хорошенько, понизите, и вдругъ предъ вами, гдѣ вы и не ожидали, предстанетъ этотъ отвѣтъ въ лицѣ какой-нибудь замухристой бабенки, шляющейся по богомольямъ, или какого-нибудь чудака, въ родѣ приведеннаго вами... Скажите: вы, вѣдь, знаете Башкирова?

— Да, знаю...

— Что это, по вашему, за личность?

— Башкировъ? Башкировъ — фанатикъ... Очень можетъ быть, что Башкировы, эти ходячіе односторонніе оригиналы, сдѣлаютъ больше, чѣмъ мы, любители общихъ идей, искатели какой-то всеобщей гармоніи. Намъ всякій диссонансъ рѣжетъ ухо... Мы — аристократы, идейные аристократы...

— А знаете ли что, Петръ Петровичъ? Меня чрезвычайно интересуетъ Башкировъ... Сегодня я предъ вашимъ приходомъ совсѣмъ было собрался къ нему... И вотъ по какому поводу...

Я передалъ ему вчерашнюю похоронную сцену и затѣмъ содержаніе письма, которое читалъ мужику, съ необходимыми къ нему дополненіями относительно знакомства моего съ Павлой и Секлетеей.

— Ну, что же-съ?

— А то, что пойдете-ка сейчасъ къ нему вмѣстѣ. А?

— Къ Башкирову? Зачѣмъ? — Морозовъ какъ будто былъ нѣсколько удивленъ и даже испуганъ.

— А можетъ быть...

— Что можетъ быть? — быстро переспросилъ онъ.

— Да, вѣдь, вы, въ сущности, очень мало его знаете. Притомъ же, вамъ должно быть извѣстно, что онъ „отвѣчаетъ“ Катеринѣ Егоровнѣ... Что у него, значить, есть „отвѣтъ“, котораго нѣтъ у васъ...

— А что, какъ вы думаете, вернулась Катерина Егоровна? — спросилъ меня Морозовъ, вмѣсто отвѣта.

— Не знаю. Но нужно полагать, что вернулась, судя по ея словамъ... Такъ, что жъ, идемте?

Морозовъ ходилъ вдоль комнатки и молчалъ; потомъ взялъ со стола свою фуражку и, комкая ее въ рукахъ, еще прошелся нѣсколько разъ. Я сѣлъ набивать папиросы.

— Итъ, незачѣмъ!.. Теперь совсѣмъ незачѣмъ. Теперь ужъ поздно... Знаете: переломанныя кости хорошо и быстро срастаются только въ юности, — вдругъ заговорилъ онъ. — Прощайте! — Онъ подавъ мнѣ руку и, крѣпко сжимая въ ней мою, продолжалъ: — Прощайте! Наверно, я съ вами не увижусь здѣсь... Можетъ быть, впрочемъ, что послѣ гдѣ-нибудь и свидимся. Если же нѣтъ — не поминайте лихомъ... Вотъ здѣсь (онъ показал на лежавшій на столѣ пакетъ)... когда прочтете, вы, можетъ быть, будете лучшаго обо мнѣ мнѣнія... Во всякомъ случаѣ, мнѣ было бы обидно, если бы вы думали обо мнѣ плохо... Я васъ знаю давно, и вы — единственный человѣкъ, которому я могу довѣрить свою „исторію“. Когда придетъ время, вы прочтаете ее и, если будетъ возможно, прочтите Катѣ... Катеринѣ Егоровнѣ... она пойметъ... Но не юношѣ, о которомъ я говорилъ вамъ... Вы знаете, чего я не хотѣлъ бы, чтобы зналъ этотъ юноша... Прощайте!

— Да надолго ли, по крайней мѣрѣ?

— Можетъ быть, надолго, можетъ быть, и нѣтъ!..

Онъ надвинулъ фуражку на глаза, и, сгорбившись снова въ моихъ низенькихъ дверяхъ, его длинная фигура скрылась. У меня сжалось сердце, какъ будто что-то ушло изъ него и оставило послѣ себя

пустоту. Я любилъ Морозова, любилъ его той привязанностью, которая нѣкогда не высказывается, не выражается ни въ какихъ особенно пріятельскихъ формахъ (мы всегда были съ нимъ на „вы“ и не допускали между собой никакой дружеской фамиллярности); но я любилъ какъ-то издали любоваться его симпатичною личностью, его добродушной угрюмостью и раздражительностью и той тихой грустью, которая давно уже отгѣнила всю его нравственную фizioномію. Я отворилъ окно и перевѣсилъ въ него, чтобы еще разъ взглянуть на Морозова (итти къ нему я не хотѣлъ, такъ какъ онъ не желалъ

этого, чтобы не увеличить, повидимому, тяжесть объясненій съ женой); онъ обернулся; его доброе лицо еще разъ мелькнуло предо мной. На поворотѣ дороги, онъ немного приподнял фуражку и, спотыкаясь своими длинными ногами, повернулъ за уголъ.

Прошло три мѣсяца; я давно ужъ покинулъ деревенское убѣжище и жилъ въ Петербургѣ. Здѣсь я совершенно случайно узналъ отъ одного изъ возвратившихся изъ Сербіи добровольцевъ, что онъ видѣлъ Морозова подѣ Алексинацемъ.

1878 г.

БАРСКАЯ ДОЧЬ.

(РАЗСКАЗЪ ДОКТОРА)

БАРСКАЯ ДОЧЬ.

(РАЗСКАЗЪ ДОКТОРА).

Отпусти меня, родная,
Отпусти не споря!
Я не травка полевая,
Я выросла у моря:
Не рыбацкій парусъ малый,
Корабли мнѣ снятся...

Некрасовъ.

Прежде, когда были живы старики, родители моей жены, — началъ Иванъ Ивановичъ, занимая своею массивною спиною чуть не половину печи и поглаживая широкую лысину, — мы всегда разъ въ годъ имѣли обыкновеніе навѣщать ихъ. Я бралъ обыкновенно двадцативосьмидневный отпускъ, нанималъ тарантасъ „до мѣста“, если желѣзныхъ дорогъ въ виду не имѣлось, засаживался въ него со всею семьей — и вотъ мы трогались „на долгихъ“... Я такую ѣзду предпочитаю путешествію въ душныхъ вагонахъ, потому что страстно люблю тарантасъ, — съ нимъ сроднили меня семипалатинскія разстоянія. И я, и жена съ запоемъ наслаждаемся всею прелестью этой ѣзды и легко переносимъ ея некультурныя неудобства...

Такъ вотъ, лѣтъ восемь тому назадъ, мы отправились изъ П—ской губерніи въ В—скую, на побережья Оки. Весна стояла въ половинѣ: рѣки сошли, дороги окрѣпли, воздухъ, мягкій и влажный, ласкаетъ лицо, смягчитъ грудь, молодая зелень прямо такъ тебѣ и бьетъ въ ность... Вотъ пригорокъ: лошади идутъ шагомъ, ямщикъ спрыгнулъ и, ступая съ ними рядомъ, поглаживаетъ на ходу имъ холки. Выберешься и самъ вонъ изъ кузова и потянешься такъ, что подъ мышками затрещитъ; мягко и пріятно ступаетъ нога по свѣжей муравѣ... Э, да что тутъ! Маниловщина, извѣстное дѣло!..

Впрочемъ, объ одномъ нельзя не закинуть словечка, чтобы вы меня ужъ очень на смѣхъ не подняли. Нужно вамъ сказать, что изъ всѣхъ ямщиковъ, съ какими только я ни ѣзжалъ, — а Богу вѣдомо, сколько я ихъ на своемъ вѣку видалъ, — изъ десяти девять непременно Маниловы, т.-е. оно, конечно, не по-барски, а по-мужицки. Первымъ и единственнымъ собесѣдникомъ въ дорогѣ, конечно, бываетъ ямщикъ, котораго обязательно разспросишь о всемъ его семейномъ и хозяйственномъ состояніи и познакомишься непременно со всей его родней: зачѣмъ-то полюбопытствуешь, какъ и жену его зовутъ, и отца; въ раздѣлѣ они или нѣтъ, и почему. И ужъ обязательно же помечтаешь съ нимъ. И все въ такомъ родѣ, все такое извѣстное... Съ другимъ, особенно слабымъ до маниловщины, мужичкомъ за шесть часовъ ѣзды до того заговоришься по душѣ, что просто, кажись, въ вѣкъ бы не разстался... И столько въ немъ это и искренности и мягкости, теплоты, сердечности, столько беззабвѣтности! Но вотъ — станція. Отпрягаютъ лошадей. Торопишься воспользоваться часомъ, чтобы еще поговорить на прощаньи съ новымъ „другомъ“ за чашкой чая. Чокнешься съ нимъ стаканчикомъ — другимъ водки...

— Вотъ мы какъ съ тобой слюбилесь! — говоритъ „другъ“. — Господи, кажись, вѣкъ бы не разстался! Вотъ оно что значить хорошій-то человѣкъ! Съ хорошимъ человѣкомъ разомъ забудешь, чѣмъ — баринъ, чѣмъ — мужикъ... Ну, дай Богъ тебѣ здоровья — и съ дѣтками, и съ супругицей. Дай Богъ тебѣ!

— Прощай, Иванъ Егорычъ! — говоришь ему любовно, крѣпко жмешь ру-

ку и предупредительно суешь ему „на чашку“.

— Дай-ка Богъ, Иванычъ, еще свидѣться! Наговорились бы обо всемъ... Кабы пожить намъ съ тобой вмѣстѣ, — вотъ бы дружба-то пошла! Я вотъ день съ тобой поговорилъ, а ужъ чую, что поумнѣлъ... Право! Такъ вотъ какъ будто что-то тамъ народилось, въ нутрѣ-то. Право слово! А кабы эдакъ пожить-то... Ну, съ Богомъ!.. будь здоровъ! — заканчиваетъ „другъ“ Иванъ Егорычъ, уже стоя сбоку тарантаса, и въ его голосѣ чуть не слезы слышались: — Такъ вотъ и увидишь... Ровно и не видались будто все равно... Вотъ они — наши-то дѣла!

— Спасибо, Иванъ Егорычъ, спасибо! — говорите вы уже какъ-то растерянно, стараясь лучше уѣхать въ кузовъ.

Предъ вами уже торчатъ спина новаго ямщика. Образъ Ивана Егорыча уже блѣднѣетъ въ вашемъ воображеніи предъ этой новой спиной. Вотъ вы откинулись къ спинкѣ кузова, натянули фуражку плотнѣе на голову; сейчасъ новый ямщикъ замахнетъ кнутомъ: и стационный дворъ, и Иванъ Егорычъ, и старая лошадь — все останется позади, все ступуетея, какъ десятки имъ подобныхъ... Вспоминаешь; все ли взялъ, со всѣми ли раздѣлялся, далъ ли на водку *старому ямщику* (далъ!), и уже думаешь, смотря на спину новаго ямщика, каковъ-то будетъ онъ?..

А какъ полагаете вы, господа мои, что въ это время долженъ былъ думать Иванъ Егорычъ, когда фигура моя совсѣмъ скрылась въ кузовѣ? — Конечно, то же, что и я... Почему же долженъ онъ думать иначе? И вотъ лошади еще не успѣли дернуть, какъ вдругъ въ кузовъ къ вамъ просунулась чья-то, какъ будто знакомая, голова, безъ шапки, лицо такое приторно-слащавое.

— Ваше благородіе! — говоритъ голова чуть косившимъ отъ сладости голосомъ. — Ваше благородіе, не будетъ ли милости... пакинуть еще рубликъ... Эхъ, такъ бы ужъ за милую душу и расстались! Когда-то еще Богъ приведетъ встрѣтиться... Я бы не сталъ, да нужда... такая нужда...

Неужели это Иванъ Егорычъ? — Опъ, опъ...

И вотъ въ душѣ у тебя что-то надтреснуло, да чувствуешь, что что-то надтреснуло, должно быть, и въ душѣ Ивана Егорыча... Торопливо ищешь рублевку и суешь ему въ руку. Между тѣмъ лошади

дернули и позади остался уже не „Иванъ Егорычъ“, а „старый ямщикъ“, и тарантасъ унесилъ съ собою не „Иваныча“, а проѣзжаго „барина“...

Такъ-то и все у насъ съ народомъ: что я ему, что онъ мнѣ? Развѣхались — и шапки врозь. И думаешь, что ужъ между нами всѣ корабли сожжены...

А между тѣмъ, господа мои... Ну, да позвольте же мнѣ рассказать вамъ довольно-таки, признаюсь, исключительную исторію. Впрочемъ, думаю, что исключительность здѣсь не особенно много помѣшаетъ дѣлу.

Послѣдній ямщикъ, который ѣхалъ со мной, былъ до того ничѣмъ съ перваго раза не выдававшийся человекъ, что я уже совершенно равнодушно смотрѣлъ на его спину. Да и онъ, повидимому, былъ вовсе не расположенъ говорить со мной, какъ другіе. Это былъ парепъ лѣтъ двадцати, невысокаго роста, жидковатый, съ небольшимъ лицомъ, больше напоминавшимъ мѣшанина, чѣмъ крестьянина. Сидѣлъ онъ на облучкѣ нѣсколько осунувшись, бокомъ, но, впрочемъ, старался держать лицо такъ, чтобы я его не видалъ. Лошадей онъ не погонялъ, не подсвистывалъ на нихъ, не гикалъ, вожжами не дергалъ и только отъ времени до времени молча хлесталъ кнутомъ и затѣмъ легонько поигрывалъ имъ. Вообще, изъ всѣхъ ямщиковъ это былъ самый скучный. Я задремалъ и проснулся отъ странныхъ словъ, которые безвѣздно долетали до моего уха. Сначала я подумалъ, что это поетъ ямщикъ. Потомъ, когда я невольно сталъ вслушиваться въ обычный монотонный и унылый напѣвъ и разбирать слова, меня сразу что-то подняло: мнѣ показалось, что мы уже въѣхали въ городъ и на улицѣ какой-нибудь, можетъ быть, подгулявшій чиновникъ поетъ Некрасовскаго „Огородника“. Я протеръ глаза; кругомъ была все та же дорога: тѣ же мирныя поля по бокамъ; полуденная жаркая тишь висѣла въ воздухѣ; та же осунувшаяся фигура моего ямщика, поигрывавшаго кнутомъ; невдалекѣ виднѣлась деревенька... А между тѣмъ до меня теперь уже совершенно ясно долетѣли слова, пропѣтыя вполголоса: „Кто-то хитръ, а я плечо: держи вора! — кричитъ...“ Очевидно, пѣлъ мой ямщикъ. Я дослушалъ до конца. Вотъ онъ закончилъ, повторивъ послѣдній стихъ два раза:

„И уводят дружка отъ сторонки родной
И отъ лапушки прочь...
Знать, любить не рука мужику-вахлаку
Да боярскую дочь“...

Послѣдній стихъ онъ повторилъ тише, чѣмъ первый, затѣмъ какъ-то оборвалъ и не пошевелинулся, только еще ниже наклонилъ голову.

— Послушай, молодецъ, — сказалъ я ему; — ты это какъ же... откуда это ты взялъ? Вѣдь, это пѣсня не деревенская *).

Онъ немного повернулъ въ мою сторону лицо (мнѣ на первый разъ оно показалося какъ будто нѣсколько даже глуповатымъ, — такъ сонно, автоматически смотрѣли его сѣрые глаза), улыбнулся чуть-чуть и сказалъ:

— Не деревенская... Да цыгѣ поютъ и у насъ городскія... Самъ-то я на Дону ее вытвердилъ.

— А ты зачѣмъ на Донъ попалъ?

— Въ работу... У дяди я тамъ въ работѣ былъ... Въ Царицынѣ тоже бывалъ.

— Такъ ты не настоящій ямщикъ?

— Нѣтъ, это братья ѣздить. Я такъ, къ случаю поѣхалъ. Нонѣ оставили при домѣ.

— Что же такъ?

— Женихъ хотятъ, — отвѣчалъ онъ все попрежнему протяжно, неохотно и вяло.

— Женихъ хочешь, а самъ вонъ какія пѣсни поешь, — пошутилъ я.

Онъ отвернулся и тихо засмѣялся.

— Э, братецъ, — говорю, — да съ тобой тамъ, на Дону-то, чего такого не было ли? А?

— Нѣтъ, со мной не было, — отвѣчалъ, — а вотъ у насъ, по сосѣдству, на селѣ и посейчасъ барыня замужемъ за мужикомъ.

— Настоящая?

— Настоящая, — повторилъ онъ и, посмотрѣвъ на меня, улыбнулся уже веселѣе; все лицо его вдругъ заиграло какъ-то, стало живѣе. — Барская дочь какъ быть, — продолжалъ онъ. — Ихъ усадьба-то и посейчасъ недалеко отъ села. Только заброшенная, разоренное гнѣздо. И окна забиты... Совы тамъ по ночамъ только ухаютъ.

— Что же, богатый мужикъ?

— Нѣтъ, такъ, изъ средственныхъ. У старика-то всего только одинъ сынъ и есть, а то три дочери.

— И ладно живутъ они теперь?

— Бывало, какъ они поженились, — да и посейчасъ еще, — со всей округи бѣгали смотрѣть на нихъ. Говорили: Мироновой избы теперь и не узнаешь, словно освѣтило ее всю!

И парень вдругъ выпрямился и прищурилъ глаза, какъ будто ему этотъ свѣтъ и теперь рѣзалъ ихъ.

— А теперь Миронъ съ сыномъ, — продолжаетъ онъ (и вижу я, парень оживляется все больше и больше), — теперь ихъ не узнаешь: сквернаго слова не слышать, ни пьянства, али брани, али буйства — ничего!.. Слово монахи стали: степенные, разсудительные... А она, словно икона, такъ и свѣтится, такъ и льетъ отъ нея... Молись только... Да и вся семья предъ ней какъ предъ иконою ходить: сказать ли что, сдѣлать ли, — пять разъ подумаютъ прежде да перекрестятся.

— Ну, а эдакъ мужъ... не бьетъ ее? — спросилъ я. Очень ужъ мнѣ забавень показался восторгъ моего парня. Просто, знаете, совсѣмъ преобразился: глаза такъ и сияютъ, самъ весь приподнялся, приободрился, пріосанился; прежняго осунувшагося ямщика и слѣда не было.

И, можете себѣ представить, на мое замѣчаніе онъ даже вниманія не обратилъ: не дослышалъ ли онъ его, или преднамѣренно это было, только онъ какъ-то особенно выразительно махнулъ рукой въ воздухъ и сказалъ:

— У насъ ей одно имя: княгиня! Идетъ по улицѣ, предъ ней ровно трава клонится!.. Высокая такая, статная, черно-волосая... Глаза каріе... Орломъ глядитъ!.. Въ поля выйдутъ, въ луга, въ хороводъ, княгиня всегда впереди, всегда ей первое мѣсто. Даже зависти предъ ней не знаютъ. Ни у кого и подумать этого смѣлости не хватитъ... А на сходѣ соберутся, — мужики ли, бабы ли, — все къ ней: „схѣлай милость, выйди, разумница, скажи умное слово...“ Видать я ее не разъ на сходахъ. Рѣдко говоритъ, а только стоитъ, руки на груди сложить. Съ бабами смѣется, а глаза... глаза такъ, кажись, насквозь тебя видятъ!.. Рѣдко, баринъ, поди, и у васъ такія барыни бываютъ! — вдругъ заключилъ мой парень, снявъ картузъ, взмахнулъ кудрями и опять тихо засмѣялся.

Знаете, господа мои, несмотря на то, что я не могъ предполагать никакой мистификаціи, что кругомъ меня лежали поля, мелькали деревни, пыль поднима-

*) Некрасовскаго „Огородника“ можно довольно часто услышать въ селахъ центральной полосы, вѣстѣ съ Кольцовской: „Что ты спишь, мужичокъ?“

лась столбомъ изъ-подъ колесъ, по бокамъ дороги стояли такіе же пыльные кусты ивняка, лошади бѣжали мелкой трусцой, и ямщикъ сидѣлъ—обыкновенный ямщикъ (болѣе простого, реального положенія было бы трудно представить), — я, тѣмъ не менѣе, рѣшительно не вѣрилъ глазамъ: мнѣ казалось, что кругомъ меня декораціи и въ эти декораціи волшебною рукою загнаны заколдованные принцы, спящіе царевны, золотокудрые пейзажи и пейзажики...

— Вотъ что, братецъ мой,—спросилъ я своего загадочнаго собесѣдника (и, замѣтите, въ то же время думалъ: „какъ это такой откровенный и непосредственный восторгъ его, и самая рѣчь, и тонъ разсказа—все это какъ можетъ быть ложью, выдумкой? Да и можетъ ли онъ, наконецъ, все это такъ выдумать?“ думалъ я самъ такъ, по все же спросилъ), — и ты это, братецъ мой, правду говоришь?

— Чему же не вѣришь, баринъ?—спросилъ онъ не безъ лукавства.

— Да ничему.

Онъ опять засмѣялся и потомъ ужъ какъ-то серьезнѣе прибавилъ:

— Отчего не вѣришь? Всяко бываетъ по ногѣшнему времени,—время такое!..

— Ну, положимъ... Какъ же это, однако, могло случиться?

— Не знаю,—ужъ еще серьезнѣе и задумчивѣе заговорилъ мой паренъ, поглядывая куда-то вдаль, чрезъ поля.—Оно ужъ такъ все, должно быть, одно къ одному идетъ... Говорятъ, она еще въ дѣвочкахъ по десятому году бѣгала къ этому самому Миرونу въ избу изъ своей усадьбы. Ночью, бывало, слышъ, прибѣгутъ съ маленькой своей да сестрицей... потихоньку, чтобы кто не видалъ, да и скрываются день-другой... А потомъ ночью же опять вернутся къ себѣ. Миرونъ-то у нихъ прежде въ садовникахъ былъ, ну, и привѣчалъ... Баринъ-то самъ,—онъ не нашъ, мы казенные, а слышали,—баринъ-то ровню какой Навуходносоръ былъ, папенька то-есть ейный... Очень ужъ онъ спервоначалу-то гордъ былъ, одна гордыня!.. Въ усадьбѣ-то онъ, напослѣдяхъ, ровню Вавилонъ какой едѣлалъ, а самъ въ звѣриный образъ вошелъ. День и ночь въ халатѣ, бороду да брюхо отпустилъ, полюбовницы одѣ ему служили. А со стороны ни для кого доступа не было. Да хорошіе-то люди къ нему и не ходили... Какъ-есть Навуходносоръ! Наши начетчики его такъ про-

звали. Года два такъ-то побезобразилъ, а потомъ и издохъ, что собака... Да только ужъ никому ничего не оставилъ. Маленька-то ея умерла, а сестрица въ городъ замужъ вышла. Ну, а она вотъ не пожелала такъ-то,—Богъ ей указалъ другое...

— Ты грамотный?—спросилъ я, когда онъ попрежнему печально-равнодушно смолкъ и осунулся.

— Грамотный.

— И книги читаешь?

— Читаю... Всякія читаю... По церковной исторіи есть у меня, по гражданской тоже есть,—отвѣчалъ онъ тихо, неторопливо и даже лѣниво.

— А какъ тебя зовутъ?

— Иннокентій... А въ деревнѣ „монахомъ“ прозываютъ. Монахъ да монахъ,—прибавилъ онъ, усмѣхнувшись.

— За что же?

— А такъ,—говорятъ, имя такое монашеское... Да вотъ книги читаю, можетъ, за это...

Онъ помолчалъ, потомъ неожиданно какъ-то завозился на мѣстѣ, взглянулъ на меня разъ-другой и сказалъ:

— Только ей, баринъ, не жить у насъ долго.

— Отчего же?

— Такъ... Она изъ рѣдкихъ людей. Рѣдкіе люди, какъ другіе, не живутъ...

— Что же, работа ей тяжела?

— Нѣтъ, работа ей не тяжела. Работой она не тяготится. Она—здоровая, да и семья у нихъ мощная... Племянники еще съ ними живутъ...

И опять, помолчавъ, онъ посмотрѣлъ вдаль.

— Вотъ, — прибавилъ онъ, указывая кнутомъ на горизонтъ,—видалъ ты, какія кометы бываютъ на небѣ? Проявятся, посвѣтитъ-посвѣтитъ людямъ,—значить, прознаменуетъ Божье указаніе, какое ни на есть, и уйдетъ, и пропадетъ... Такъ, вотъ и Нина Петровна... Лицо у нея такое ужъ, глаза такіе...

— Какъ ты ее называлъ?—спросила Иннокентія моя жена.

— Ниной Петровной ее всѣ зовутъ,—по имени, по отчеству всѣ величаютъ.

Тутъ мы невольно переглянулись съ женой: всякая мысль о мистификаціи исчезла. Да это она; Нина... Но было больше никакого сомнѣнія.

— Ну, такъ почему... почему ты думаешь, что ей не жить у васъ? — спросилъ я, уже заинтересованный столько

же Ниной, сколько и своимъ страннымъ ямщикомъ.

— Я и самъ не разъ бѣгать собирался,—отвѣчалъ онъ, по обыкновению, не прямо на заданный вопросъ (онъ больше любилъ выражаться аллегоріями, уподобленіями и въ каждомъ мало-мальски необычномъ явленіи, повидимому, находилъ какой-то особый, таинственный смыслъ).—Прежде-то я былъ ничего, какъ быть мужикъ, а какъ у дѣдушки пожилъ (начетчикъ онъ), да книги сталъ разбирать, ну, и пошли всякія мысли...

— Куда же ты бѣжать собирался?

— Въ скитъ хотѣлъ бѣжать, въ монастырь... Въ разные города хотѣлъ... Въ Соловки... Всякаго, говорятъ, тамъ необнаковеннаго народу можно увидать и многому отъ нихъ научиться... Такъ ужъ какъ въ голову-то разъ забилось, оттуда не выбьешь...

Онъ засмѣялся и потомъ, помолчавъ, прибавилъ:

— Правда ли, нѣтъ ли, живеть, слышь, и поднесъ въ Соловкахъ, въ заточеніи, чловѣкъ большого ума. Былъ онъ прежде баринъ, богатый и мощный и великій для своего народа мучитель и злодѣй... И былъ ему гласъ во снѣ: „иди ты въ скитъ, одѣнься въ рубище и потрудишься въ потѣ лица тридцать три года, — и объявится тогда черезъ тебя дѣло великое, и претерпишь ты мученія, и тѣмъ все тебѣ простится и избавишься ты вѣчныхъ муки“. Такъ онъ и сдѣлалъ, и когда прошло тридцать три года, опять гласъ велѣлъ ему итти по землѣ и объявить народу волю... И пошелъ онъ ходить изъ града въ градъ и вездѣ объявлять волю (было это задолго еще до всемилостивѣйшаго манифеста). Тогда вознегодовали на него, схватили и ввергли въ заточеніе на Вѣломъ морѣ.

Въ такомъ мистическомъ тонѣ долго еще рассказывалъ мой ямщикъ. Но какъ ни любопытны были эти рассказы, какъ ни интересенъ онъ былъ самъ по себѣ, — я плохо его слушалъ: Нина не выходила у меня изъ головы, а о ней онъ больше уже ничего не сообщалъ.

II.

Какъ живой стоялъ въ моемъ воображеніи образъ странной дѣвочки, несмотря на то, что очертанія его были крайне прихотливы, неуловимы; притомъ же я ви-

дѣлъ ее всего два раза, да и то первый разъ, когда ей не было еще десяти лѣтъ, а во второй—восемнадцатилѣтней дѣвушкой. Когда я, попавъ волею судьбы въ провинціальную глушь на кондичію, въ первый разъ познакомился съ семьей моей жены, я встрѣтилъ у нихъ это маленькое, полууродливое, полуграціозное существо, съ черными кудрями, ввалившееся сухою грудью, тонкими, какъ жердочки, полуголыми руками, но полнымъ, розовенькимъ личикомъ. Это маленькое существо появлялось въ домѣ жены такъ же неожиданно и прихотливо, какъ метеоръ: каждый день нѣтъ-нѣтъ да и промелькнетъ ея личико предъ тобой, — именно „промелькнетъ“, и притомъ непременно съ различнымъ выраженіемъ: всего часть тому назадъ промелькнула она рѣзвая, игривая, веселая, раскрасѣвшаяся, съ блиставшими ребячьей веселостью глазками, а вотъ спустя этотъ часъ она уже пронеслась какъ блѣдная, легкая тѣнь, какъ скорбный образъ больной, умирающей малютки, у которой сверкаютъ потухающимъ блескомъ только большіе-большіе глаза (вѣдь, у больныхъ дѣтей всегда бываютъ такіе большіе, глубокіе глаза)... То метеоръ нашъ совсѣмъ исчезнетъ и не появляется недѣлю, двѣ, а пойдеши въ садъ — и вдругъ онъ мелькнетъ совершенно неожиданно: глядишь, подъ кустомъ шевелится маленькое существо, посмотритъ на васъ своими большими глазами и затѣмъ продолжаетъ создавать изъ цвѣтовъ, вѣтвей и листьевъ вокругъ себя какой-то своеобразный міръ: тутъ и гроты изъ натасканной кучи песку, украшенные плющемъ, и веранды изъ переплетенныхъ вѣтвями кустовъ, и цѣлые ковры изъ разноцвѣтныхъ, выложенныхъ узоромъ, лепестковъ.

Говорила она рѣдко, отвѣчала неохотно; а когда съ ней разговаривали, она только смотрѣла въ упоръ своими, какъ будто недоумѣвающими, глазами и изрѣдка кивала головой... Чудное, прелестное, но странное было это созданіе! Ее такъ иногда страстно хотѣлось любить, ласкать, цѣловать, и въ то же время рука, протянувшаяся, чтобы погладить ея кудри, останавливалась на полдорогѣ, потому что въ эту минуту она внезапно взглядывала на васъ такимъ холоднымъ и въ то же время полнымъ ужаса и мольбой взглядомъ... Помню, разъ я и жена играли на пюхонькомъ фортепіано въ четыре руки „Лѣснаго царя“. Не знаю, по какому-то

странному побужденію я обернулся назадъ: за нами въ углу сидѣла маленькая Нина, блѣдная, съ широко открытыми глазами, уставленными въ одну точку, блѣдненькія ручонки были сложены у нея, какъ безжизненные, на колѣняхъ. Едва я взглянулъ на нее, какъ она, словно отъ электрической пекры, вся затряслась въ истерическомъ припадкѣ. Мы съ женой бросились къ ней, но она въ ужасѣ билась, металась и кричала: „Прочь, прочь!.. Мнѣ не надо васъ... Никого не надо!.. Мама, мама!..“ Черезъ четверть часа она успокоилась, но едва пришла въ себя и увидѣла, что лежитъ на моихъ рукахъ, вдругъ въ испугѣ выскользнула, какъ змѣйка, и исчезла... Мы съ женой перестали играть при ней. Но это не всегда можно было исполнить, — она являлась такъ внезапно и незамѣтно. Она никогда ни съ кѣмъ не здоровалась и не прощалась. Большею частью исчезала она незамѣтно, сама собой. Но иногда за ней приходили, искали ее или суровая, грубая нянька, или лакеи... Помню я, однажды за ней пришелъ здоровенный лакей; она была въ саду и онъ передалъ ей приказъ „пожаловать къ папашѣ“. Нина съ обычнымъ ужасомъ припала къ кустамъ и не шевелилась. Тогда лакей взялъ ее насильно на руки. Она вцѣпилась ручонками въ его лицо. Онъ крѣпко скрутилъ ей руки и какъ котенка потащилъ домой... Иногда Нина приводила за руку свою младшую сестру, тихонькую, ласковую, ординарную дѣвочку. Но это бывало весьма рѣдко, — она не любила играть съ ней и звала „плаксою“. Таково было это полууродливое, полуграціозное созданіе.

Теперь мнѣ позволѣте сказать нѣсколько словъ объ ея отцѣ и матери.

Нина была дочь помѣщика Ростовцева. Года за два онъ только что переѣхалъ на житье въ городъ и пригласилъ мою жену давать дѣтямъ первоначальные уроки музыки (она въ городѣ была въ то время единственною „интеллигентною“ дѣвушкой, то-есть „по охотѣ“ занималась музыкой, читала книги, изучала языки и притомъ была бѣдна). Проходила она къ нимъ всего нѣсколько мѣсяцевъ и затѣмъ отказалась; въ домѣ помѣщика царилъ такая атмосфера, что въ ней тяжело было дышать даже въ теченіе часового урока. То была странная жизнь, — жизнь „на зло“, жизнь нелѣпая, дикая, въ которой умъ, знаніе, сердце, чувство — все приняло странное, невѣроятное направленіе. Какъ

самъ помѣщикъ, такъ и его жена были люди образованные, знали языки, занимались искусствомъ... И изъ всего этого ухитрились устроить адъ! Все было употреблено „на зло“, чтобы заполнить пустоту внутренняго содержанія: жена была лютеранка, а мужъ устраивалъ „на зло“ торжественныя религіозныя церемоніи; мужъ не терпѣлъ извѣстныхъ пьесъ, а жена по цѣлымъ днямъ играла и пѣла ихъ, заливалась слезами; мужъ любилъ французскій языкъ, жена же говорила съ нимъ и дѣтьми не иначе, какъ по-нѣмецки; мужъ былъ веселый общительный человекъ, а жена и терпѣть не могла молчаливыхъ изываній, сосредоточеннаго одиночества, вѣчнаго хныканья о вѣчно-недостижимыхъ и непонятныхъ идеалахъ; жена же какъ разъ была именно такая романтическая, въ нѣмецкомъ вкусѣ, особа; мужъ, блестящій и умный, мечтавшій объ аристократизмѣ и хвалившійся отдаленнымъ родствомъ съ какимъ-то родословнымъ древомъ, былъ крѣпостникъ до мозга костей, любившій пожить *comme il faut*, — и вотъ наступило „освобожденіе“... „на зло ему“. Тогда онъ уже принципиально пошелъ „на зло“ всему: дѣтямъ, женѣ, собственнымъ мужикамъ, духу времени, не разбирая средствъ, не жалѣя послѣднихъ остатковъ своего богатства. И во имя этой борьбы принесены были всѣ нравственныя чувства, все богатое умственное содержаніе тратилось на низменные цѣли, грубо-эгоистическія вождельнія... Жена хотѣла жить въ деревнѣ, — мужъ насильно перевозилъ ее въ городъ; она искала уединенія, — онъ заставлялъ ее выѣзжать, присутствовать на вечерахъ вмѣстѣ съ своими любовницами; она любила дѣтей, — онъ отнималъ ихъ; она съ своей стороны возстановляла дѣтей противъ отца, вмѣстѣ съ ними бѣгала по крестьянскимъ избамъ и, понятно, приводила мужа въ невѣроятное бѣшенство. Это былъ адъ, кромѣшній адъ, который создала жизнь богатая досугомъ, матеріальнымъ достаткомъ, умственнымъ содержаніемъ, всеми благами цивилизаціи, но лишенная идеала, лишенная смысла... И когда тамъ, гдѣ не было этого богатства, при подобныхъ же условіяхъ, спасало людей непосредственное чувство, мягкость и теплота души, — здѣсь все было изломано, и прежде всего это непосредственное чувство было поругано и смято.

Мою жену полюбила было барыня за то, что она любила нѣмецкій языкъ и

Гейне. Этого было достаточно мужу, чтобы онъ пустилъ въ ходъ самыя элегантныя пошлости и даже сдѣлалъ женѣ очень прозрачныя намеки... Она отказалась отъ урока, но барыня раза два потихоньку навѣстила ее съ дѣтми. Съ тѣхъ поръ Нина, потихоньку же, стала бѣгать къ намъ „въ садъ“. Въ августѣ мы обвѣчались и уѣхали въ Питеръ. Что случилось съ малюткой Ниной, мы такъ и не знали.

Прошло восемь лѣтъ. Мы опять прѣѣхали, по обыкновенію, къ старикамъ. Однажды я и жена, вспоминая свою молодость, усѣлись, по-старому, за старенькое фортепиано. Выбирая пьесу, мы остановились на „Лѣсномъ царѣ“. И вдругъ мнѣ припомнилось маленькое, граціозное созданіе, когда-то бившееся въ припадкѣ на моихъ рукахъ. Какъ и тогда, я невольно обернулся назадъ и... мои пальцы застыли на клавишахъ: у дверей стояла высокая, въ полномъ расцвѣтѣ жизни и здоровья, дѣвушка, съ крупными, неправильными, но энергичными чертами лица. Глаза большіе, каріе, холодные и серьезные... Я не успѣлъ еще отъ изумленія рѣшить, дѣйствительно ли это была Нина, какъ дѣвушка, не снимая шляпы и легкаго бурнуса, съ книгой въ одной рукѣ, крупнымъ, отрывистымъ шагомъ подошла къ намъ.

— Нина Ростовцева! — сказала она, крѣпко пожимая намъ руки своими мягкими, но крѣпкими и сильными пальцами.

Мы растерянно привѣтствовали ее.

— Вы меня не ожидали? По обыкновенію, слишкомъ неожиданно!.. Я осталась все та же, — говорила она. — Впрочемъ, вы, вѣроятно, забыли, — прибавила она, улыбнувшись съ гримасой. — Я не знала, что вы здѣсь... Я сама только на два дня вырвалась сюда... Прохожу мимо и — вдругъ слышу „Лѣснаго царя“... Я не могла устоять... Какъ много ужъ прошло тому назадъ! Помните, какъ я...

И тутъ мы стали со всѣми мельчайшими подробностями вспоминать ея дѣтскіе визиты къ намъ; мы рассказывали ей про ея странныя и забавныя выходки. Несмотря на то, что мы старались придать возможно-веселый тонъ этимъ воспоминаніямъ, Нина сидѣла на креслѣ неподвижная, какъ статуя, откинувшись всѣмъ корпусомъ къ его спинкѣ и опустивъ безсильно руки на колѣни, едва державшія книгу; ни одна черта ея застывшаго лица, казалось, не дрогнула и только боль-

шіе каріе глаза, полные прежняго холоднаго ужаса и молюбы, смотрѣли упорно на насъ. То были глаза раненой лани, которая смотритъ на суетящихся вокругъ нея охотниковъ...

— Да, жизнь ужасна! — выговорила она вполголоса и опустила глаза.

— Вы такая молодала, такая свѣжая, — не грѣхъ ли вамъ такъ говорить? — сказала жена.

— Зачѣмъ надо жить? — спросила Нина еще тише, и легкій румянецъ выступилъ на ея щекахъ.

— Вы слишкомъ мало жили, чтобы такъ говорить, — замѣтила опять жена.

— Я?... я слишкомъ много жила... — торопливо, волнуясь, заговорила Нина, вставая съ кресла. — Я теперь бѣдная, — у насъ уже ничего нѣтъ, — но я была богата... Мы были богаты, воспитаны, образованы. Я знаю языки, музыку, живопись, англійскую, нѣмецкую и французскую литературу. Я... Мы были приняты въ лучшихъ домахъ Москвы и Петербурга... Вы столько не жили, сколько я, — я увѣрена. Да, вы — плебеи... Я не знаю вашей жизни, но я знаю свою... и говорю: зачѣмъ жить, когда... все это — ложь, все это — зло, — когда все это не спасло ни моего отца, ни мать, ни сестру, ни меня, — когда все это никого не спасаетъ? Развѣ спасло все это моего отца отъ разврата и звѣрства, мою мать — отъ сумасшествія и ханжества, мою сестру — отъ продажи первому попавшемуся излицному мужчине?.. О, они всѣ, всѣ такіе — эти образованные, умные, излицные!.. Развѣ спасло меня...

Она вдругъ тутъ прервала рѣчь, вспыхнула какъ зарево и какъ будто замерла на мѣстѣ.

Вы меня извините, конечно, если я, можетъ быть, не совсѣмъ доподлинно передаю ея слова, но смыслъ ихъ былъ несомнѣнно таковъ.

— Вы все же мало знаете жизнь. Позжайте опять туда... въ Петербургъ, въ Москву.

— Опять туда?.. Къ кому? Къ тѣмъ же людямъ?

— Къ другимъ...

— А кто они: еще воспитаннѣе, образованнѣе, умнѣе?

— Да.

И холодный ужасъ, прежде глубоко скрывавшійся въ ея глазахъ, казалось, охватилъ все ея существо.

Она нѣсколько секундъ стояла молча,

потомъ нервно передернула плечами и спросила жену:

- Кто вашъ мужъ?
- Докторъ.
- А вы?
- Его жена.
- Вы счастливы?
- Счастливы.
- Чѣмъ?

Мы съ женой невольно улыбулись.

— Тѣмъ, что понимаемъ другъ друга... Вотъ видите, — шутила жена, — мы играемъ „Львенго царя“ въ четыре руки. Когда я читаю Гейне, Шиллера или другую книгу, онъ меня слушаетъ и понимаетъ, и я понимаю, по его одному взгляду, что онъ чувствуетъ такъ же, какъ и я... Охватить ли меня восторгъ или скорбь, или негодование, я чувствую, что хотя бы я ничего не говорила, онъ уже понимаетъ меня и инстинктивно отвѣчаетъ моему настроенію.

— И въ этомъ счастье? — спросила Инна.

— О, великое!.. Если бы всѣ...

Но Инна не дала докончить. По ея губамъ пробѣжала тонкая презрительная улыбка, въ которой такъ часто сказывается „порода“ въ отношеніяхъ къ людямъ другого круга, въ особенности аристократизма къ плебейству.

— До свиданія... Я, можетъ быть, еще зайду къ вамъ, если это не доставитъ вамъ непріятности, — неожиданно сказала она, подавая мнѣ руку.

И вышла гордая, надменная. Очевидно, борьба съ дѣтскихъ лѣтъ закалила ее и не прошла даромъ.

Но больше она къ намъ не заходила.

III.

Пока мы гостили у стариковъ, Инна не выходила у насъ изъ головы. Мы часто въ разговорахъ возвращались къ ней, разспрашивали объ ея странной судьбѣ, но къ тому, что мы уже знаемъ, мало прибавилось новаго. Ростовцевыхъ давно уже въ городѣ считали „захудалыми“, давно Инну знали за эксцентричную натуру и сулили ей гибель, и ея послѣдняя выходка, т.-е. замужество съ крестьяниномъ, почему-то представлялась для всѣхъ еще не особенно скандальнымъ событіемъ. Но среди разспросовъ мы сдѣлали случайно очень подходящее для насъ открытіе: крестьянинъ Миронъ, за сына котораго вышла

Инна, былъ тотъ самый садовникъ Миронъ, который нѣкогда по веснѣ и по осени приходилъ въ городъ за работой и часто занимался убирать садъ у нашихъ стариковъ, — однимъ словомъ, оказался человѣкомъ знакомымъ. Это обстоятельство значительно упростило вопросъ о возможности свиданія съ Ниной. Мы рѣшили на обратномъ пути заѣхать по дорогѣ къ Мирону.

Срокъ моего отпуска кончился и мы тронулись обратно. Не доѣзжая первой станціи, я велѣлъ ямщику свернуть въ сторону, въ село Красное.

Вы можете, господа мои, представить себѣ нетерпѣливое любопытство, съ которымъ мы подъѣзжали къ этому селу. Не только сама Инна, Миронъ, его сынъ, вся его семья, изба представляли для насъ интересъ какой-то необычной новизны, но даже само село, все цѣлкомъ, даже поля — и тѣ почему-то казались особенно любопытными, какъ будто и они должны быть не такія, какъ всѣ прочія. Невольно представлялось, какъ по этимъ полямъ и лугамъ должна была ходить Инна, какъ она работала, какъ гуляла она „стѣпкой“ съ бабами по этой улицѣ, сидѣла у этихъ избъ, и какъ эти поля, эти избы, эта улица смотрѣли на нее... Но село ничѣмъ особеннымъ не выдавалось: то было простое, небольшое, дворовъ во 100, ординарное селеніе, не особенно зажиточное; одинъ конецъ былъ даже и очень бѣдновать. Избы всѣ трехконныя, на половину крытыя тесомъ, на половину — соломою.

Стоялъ май въ исходѣ. Было около полудня, когда мы въѣхали въ село. Со всѣхъ дворовъ то и дѣло выѣзжали возы съ навозомъ. Надъ улицей повисъ какой-то парной, тяжелый туманъ, прѣлый и пахучій, перемѣшанный съ пылью, тѣмъ болѣе, что жара стояла непомѣрная. Намъ указали на избу Мирона, стоявшую среди села. Изба была, очевидно, заправлена заново; все вокругъ нея было упорядочено, прибрано: и дворъ глядѣлъ чище, опрятнѣе, не растрепаннымъ, какъ у другихъ, — и заборъ былъ вокругъ усадьбы починенъ и забранъ новыми, свѣжими ветлами, — и вокругъ избы не валялось ни сору, ни дровъ. Подъ окнами былъ даже раздѣланъ палисадникъ съ кустомъ бузины и тремя жидкими липками. За избой виднѣлся густой садъ съ яблонями, вишнями и разными кустами. Вообще, весь дворъ если не особенно значительно, то все же

выдавался среди других и глядѣлъ веселѣе.

Во дворѣ насъ встрѣтила, не мало изумленная, чуть не вся семья, старательно накладывавшая на телеги навозъ. Всѣ были въ грязныхъ рубашкахъ, запотѣвшіе, пропахнувшіе, стояли по лодыжки въ грязи. Тутъ былъ и самъ Миронъ, и его старуха, и двѣ дочери, и сынъ, и подростокъ-племянникъ, и даже маленькій парнишка годовъ трехъ, съ головою только что намоченною водою и причесанною, съ ватрушкой въ рукахъ. Но Нины мы тутъ не замѣтили.

Миронъ тотчасъ же призналъ насъ. Это былъ еще бодрый старикъ, съ рѣдкою просѣдою въ русыхъ волосахъ и бородѣ, по, по нѣкоторымъ приемамъ и отчасти по особенностямъ въ наружности, скорѣе напоминавшій выселившагося въ деревню двороваго, чѣмъ крестьянина: въ одномъ ухѣ была у него серьга, усы нѣсколько подстрижены и волосы тщательно подобраны на затылкѣ.

Онъ встрѣтилъ насъ самымъ искреннимъ восклицаніемъ:

— Ай-ай-ай!.. Натко-съ, въ какое время случай вышелъ захватъ! Время-то грязное, самое-то грязное время у насъ. Ну, нечего дѣлать, не взныщите. Милости просимъ... Деревня ужъ у насъ, хозяйственный обиходъ. Что подѣлаешь? Всякаго дѣла много при деревнѣ: и грязнаго, и чистаго. Хорошъ онъ, смотрѣть, хлѣбецъ-то, али фрухта, а безъ грязи при обиходѣ съ нимъ не обойдешься. Такой ужъ отъ природности всему указанъ законъ, — говорилъ Миронъ, идя впереди насъ по лѣстницѣ въ избу.

Неизвѣстно, хотѣлъ ли онъ этимъ длиннымъ вступленіемъ извиниться за невозможность обойтись безъ черноты, или высказать свое пониманіе „законовъ природности“.

— Вотъ сюда войдемте пока, — указалъ онъ намъ на дверь въ переднюю половину избы и потомъ крикнулъ съ крыльца. — А вы, дѣвки, самоваръ поставьте, да приготовьте все тамъ у Нины Петровны... въ горницѣ. — Вотъ эта половина-то попросторнѣе, такъ мы ужъ тутъ все ютимся, — ну, и погрязнѣе выглядить, — говорилъ онъ, входя за нами въ горницу. — А вопъ ту, заднюю-то, почище ужъ держимъ... для Нины Петровны. Какъ же, все оно ужъ кто къ чему прирожденъ, — ну, и получше, какъ поопрятнѣе-то. Повеселѣе дѣло-то глядить!.. Прежде-то, быва-

ло, жили безъ оглядки, погрязнѣе, — ну, а теперь и сами ужъ какъ-то поосмотрительнѣй въ окружности себя стали... Оно человѣку-то непривычному и повеселѣе, и на жизнь-то милѣе взглянуть.

Такъ рекомендовалъ и себя, и свою дѣйствительно примѣрную чистоту, видимо, довольный старикъ. Изба его по порядку и чистотѣ напоминала кельи зажиточныхъ раскольниковъ: стѣны, лавки, полъ—все было выскоблено, вымыто, выхолено.

— Вотъ, Миронъ Васильчъ, какую ты себѣ невѣстку подхватилъ, а? — пошутилъ я. — Думалъ ли во снѣ-то хоть прежде?

— Да, да, — сказалъ старикъ и покачалъ смиренно головой.

— Вотъ, что значить воля-то, а?..

— Да, воля... О, Господи, Господи! — вздохнулъ онъ. — Неписовѣдими, сударь, пути-то Господни, непосовѣдимъ Божіи промыслъ.

— Какъ же это случилось?

— Мудреное дѣло, сударь, — отвѣчалъ онъ, серьезно сдвинувъ брови. — Дѣло Божіе... Въ Его предопредѣленіяхъ указано, значить, такъ. Великія людямъ Господь посылалъ испытанія—и вельможамъ, и сильнымъ земнымъ властителямъ. Понимать этого намъ не дано.

— А гдѣ же Нина Петровна? Мы ее не видали съ вами на дворѣ, — спросила жена.

— Въ поле, сударыни, въ поле съ возомъ уѣхала... съ навозомъ! — прибавилъ онъ съ грустью. — Да, съ навозомъ!.. О, Господи, Господи! Грѣхъ бы намъ ее этимъ долить, допущать до этого... Большое ей и такъ Господь испытаніе послалъ, сударыни! — закончилъ онъ съ благочестивою покорностью судьбѣ. — Да удержать нельзя... Что только тихомолкомъ отъ нея погрязнѣе-то сдѣлаешь со старухой, то и есть...

Его слова были такъ искренни, такъ просты и такъ глубоко въ этой простотѣ захватывали всю суть этого непостижимаго и сложнаго явленія, что для насъ вдругъ все стало ясно, понятно, — по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ этой избы. Не было сомнѣнія, что взглядъ старика раздѣляла вся его семья и что имъ опредѣлялись сразу все, представлявшіеся на первый взглядъ такъ трудными и сложными по своей предполагаемой искусственности, отношенія.

— Ну, и что же, Миронъ Васильчъ,

доволенъ ты своею невѣсткой? — опять спросилъ я.

— Доволенъ ли я-то? — переспросилъ онъ, какъ будто даже нѣсколько сердито. — Ты, сударь, вотъ бы какъ спросилъ: она-то довольна ли нами? Вотъ мы о чемъ должны думать... Какое же, сударь, можетъ быть въ тебѣ недовольство, ежели былъ ты прежде непотребенъ, грязенъ — и сталъ чистъ, былъ загрубленъ, сквернословенъ — и сталъ воздержанъ? Какъ же можешь ты, сударь, быть недоволенъ, ежели тебѣ не зло принесли, а благодать, не брань и свару, а тишину; когда было у тебя всего что полъума, а стало полтора?.. Такъ-то, сударь... Плохи мы, точно, низкій народъ, черный, а Бога все же обижать себя не допустимъ... Премудры дѣла Его и пути.

— Ну, а какъ же она-то, довольна ли?

— Коли по любви-то ея къ намъ, да по обхожденію, да по веселію лица, какъ она страду свою великую переносить, — чего намъ еще ждать, сударь, зачѣмъ Бога гнѣвить? — отвѣчалъ старикъ, разводя руками. — А только все же скажу: чѣмъ быть отъ насъ ей довольной?.. Дѣло наше маленькое, дѣло небольшое. Изю дня въ день одно: трудись до поту лица... Какъ всѣхъ-то насъ, всѣмъ крестьянствомъ взять, — наше дѣло, точно, великое: хлѣбъ растимъ; а въ одиночку если взять, — простору въ нашемъ дѣлѣ мало. Какъ быть имъ довольнымъ, кому Господь и разумъ далъ, и таланъ, коли видить онъ, сударь, что значить и сила, и власть, сколь много съ нею можно и злого сдѣлать, да и добраго...

Чѣмъ больше развивалъ умный старикъ свою мысль, тѣмъ больше онъ поражалъ меня толковостью и ясностью своей рѣчи.

— Ну, поди, поди, Митюшенька, сюда, — заговорилъ ласково старикъ, когда въ отворенной двери, еле переползая высокій порогъ, показался трехлѣтній мальчуганъ въ красной кумачной рубахѣ.

— Внучекъ твой?

— Внучекъ, внучекъ, — сказалъ старикъ, помогая ему переползти черезъ порогъ.

— Важный будетъ крестьянинъ!

— Богъ вѣсть, какая ему планида указана... Особая его, думать надо, планида будетъ... Можетъ и жить долго въ здѣшнемъ мірѣ не будетъ, — возьметъ Господь къ себѣ, а можетъ и въ немъ какое прозnamenovanie будетъ.

Въ такомъ направленіи шелъ у насъ

разговоръ довольно долго: старикъ съ прежнимъ благочестиво-почтительнымъ выраженіемъ рассказывалъ о своей невѣсткѣ, рассказывалъ о томъ, какъ она обучила грамотѣ и мужа, и золовкѣ, да и его самого старика приохотила къ этому дѣлу (теперь онъ, хотя съ трудомъ, по складамъ, разбираетъ церковную печать), какъ она приохотила ихъ „къ душеполезному провозженію времени“, приохотила къ слушанію святыхъ книгъ, и что на эти чтенія заходили кое-кто и другіе изъ села... И, конечно, онъ мнѣ не передалъ еще и сотой доли интересныхъ подробностей своеобразно установившейся, по неисповѣдимымъ велѣніямъ Бога, его жизни, когда въ избу стали понемногу собираться семейные. Сначала пришла старуха, его жена. Это была сырая, съ широкимъ, плоскимъ лицомъ баба, типъ тѣхъ какъ будто глуповатыхъ, а въ сущности себѣ на умѣ бабъ, которыя наружно всегда подчиняются мужу, любить казаться смиренными, но на самомъ дѣлѣ крѣпко держать въ рукахъ весь домашній обиходъ.

— Ну, что, бабушка, — спросила моя жена, — какъ ты уживаешься со своей невѣсткой? Довольна ли?

— Что намъ быть недовольнымъ? Съ насъ не спрашиваютъ: довольна, али не довольна? Худо ли, хорошо ли — все бери, — отвѣчала старуха хотя и ворчливо, но въ добродушно-шутливомъ тонѣ. — Богъ послалъ, Богъ насъ съ ней и разберетъ... А ужъ по нашему дѣлу ей бы здѣсь ни къ чему... Ей бы ужъ, коли такъ, въ монастырь птти — людей учить, да Богу молиться... А мнѣ бы, старухѣ, кого бы попроще, — кто бы и лохань вытащить, кого бы и въ спину толкнуть можно было. А тутъ и сказалъ бы, да смѣлости нѣтъ. Она и за лохань бы, — она-то ничего, смѣтлива на это и усердіе въ ней есть, — а тутъ сама бѣжишь, не знаешь какъ, да у нея изъ-подъ рукъ берешь: дѣло, думаешь, для насъ плевое, а ей въ тягость. А все же я ужъ старуха, спину-то ломить; ну, и погрузишь другой разъ.

— Ты бы, старуха, мелево-то свое попридержала, — сказалъ недовольно старикъ. — Это наше съ тобой художество-то, думать надо, для господъ не любопытно.

— Да, вѣдь, я что жъ?.. Спрашиваютъ, такъ и говорю. Довольство, али недовольство наше извѣстное. Развѣ я про нее что худое говорю? Спаси, Господи! Я прямо скажу: такой до работы дотош-

ной и изъ нашихъ поискать... Еще на-шу-то, другую, оглоблей поворачивай;— и то толку мало... А у нея дѣло-то кипитъ: стряпать ли; ткать, до всего разомъ дойдетъ... Словно съ тѣмъ родилась. А нашу бабую правду все же скажу: гдѣ бы поворотать, али тукнуть,—анъ и побойшья; гдѣ бы на грязное дѣло по-слать,—анъ лишній разъ и пожалѣешь...

— Ну, ну, будетъ, говорю, старуха, будетъ!—прикрикнулъ на нее старикъ.— Господа не глуше насъ, сами разсудятъ. Готовь-ка тамъ, что нужно.

— Ну, что жъ, замолчу... На мнѣ, старухѣ, не взыщутъ.

И она, улыбаясь, стала готовить къ обѣду.

Вслѣдъ за старухой, наконецъ, явился интересовавшій меня не менѣе, чѣмъ сама Нина, ея мужъ, Андрей. Признаюсь, онъ не совсемъ оправдалъ мое ожиданіе. Вся предыдущая обстановка какъ-то сама собою располагала встрѣтить въ немъ настоящаго „пейзана“, лихача-кудрявича,— конечно, теперь остепенившагося,— типъ той своеобразной, чисто-деревенской красоты, которая поражаетъ соразмѣрностью физической мощи, съ дѣтски-наивнымъ выраженіемъ умишеннаго и нравственнаго облика. Ну, однимъ словомъ, какъ есть въ родѣ Некрасовскаго огородника. Оказалось нѣсколько иное. Въ горницу вошелъ молодой мужикъ, средняго роста, худощавый, въ суконномъ кафтанѣ поверхъ розовой рубахи и въ свѣтло вычищенныхъ сапогахъ; черные, тщательно причесанные волосы у него, дѣйствительно, нѣсколько кудрявились, но въ лицѣ не было замѣтно ничего ухарскаго; черты лица были даже слишкомъ обыкновенны, правильны, тонки, но ничѣмъ не выдавались. Лицо и руки были у него такъ чисто вымыты, да и самъ смотрѣлъ такъ щеголевато, что я сначала принялъ его за посторонняго посѣтителя (вѣдь, не могъ же я не знать, что онъ только-что старательно накладывалъ на дворѣ навозъ). Но онъ самъ же рекомендовался, какъ только вошелъ, спросивъ хлопотливо старика: „а что, тятенька, Нины Петровны все еще нѣтъ?“

Затѣмъ уже старикъ сталъ мнѣ рекомендовать сына.

— Вотъ онъ, Андрей-то мой, благо-вѣрный-то Нины Петровны,—сказалъ старикъ съ тѣмъ выраженіемъ полупечальнаго, полублагоговѣйнаго не то сожалѣнія, не то восторга, съ какимъ родители

рекомендуютъ своихъ дѣтей, „обреченныхъ“, помимо ихъ воли, на что-то высшее, непредвидѣнное, совершенно выходящее изъ предѣловъ даже ихъ мечтаний. Такъ показываютъ въ деревнѣ дѣвушекъ—Христовыхъ невѣстъ, обреченныхъ Богу, юродивыхъ, „монашковых“.

И, дѣйствительно, чѣмъ больше я вематривался въ полурастеряннаго Андрея, незнавшаго какъ сѣсть, что сказать (онъ, конечно, хорошо сознавалъ, что всякій имъ интересуется и не можетъ не интересоваться), тѣмъ больше напоминалъ онъ мнѣ молодого послушника, только-что вступившаго въ обитель и еще не успѣвшаго развратиться механизмомъ обительской обыденности. Все въ немъ свѣжо, юно, непосредственно... Онъ исто-во кладетъ земные поклоны, нелипцемѣрно-вѣрный уставу послушанія; каждый разъ, поднимаясь съ коленъ, истоиво встряхиваетъ длинными кудрями, закидываетъ ихъ за уши; въ новенькомъ полукафтанѣ и свѣтлыхъ сапогахъ, которые онъ старательно чиститъ каждый вечеръ, съ открытымъ лицомъ, полнымъ искренняго уваженія, выслушиваетъ онъ наставленія настоятеля или чтеніе священныхъ книгъ и толкованіе ихъ; затѣмъ, также искренно, съ смиреннымъ поклономъ, цѣлуетъ руку старика-монаха. Вся обитель представляется полною какого-то таинственнаго смысла, и самъ онъ весь просвѣтленъ имъ; все въ немъ—и умъ, и чувство, и помыслы—приподнято; онъ плохо понимаетъ, что съ нимъ сдѣлалось, но чувствуетъ, что онъ уже не тотъ, чѣмъ былъ тамъ, „въ мірѣ“, что на него легла печать чего-то новаго, другого, съ чѣмъ онъ долженъ постоянно поддерживать себя въ извѣстномъ соотвѣтствіи.

Я еще не успѣлъ хорошенько познакомиться съ нимъ, какъ вошла Нина.

IV.

Встрѣтъ мы Нинуслучайно, на деревенской улицѣ, мы врядъ ли признали бы ее. Во-первыхъ, она показалась намъ значительно выше той, которую мы знали,— вѣроятно, оттого, что теперь всѣ формы ея физически развились, окрѣпли; она стала полнѣе, мускулистѣе. Изъ-подъ засученныхъ по локоть бѣлыхъ рукавовъ рѣзко выступали загорѣлыя руки, шея и половина груди съ ялитарными бусами... А потомъ самое лицо совершенно измѣ-

нилось: отъ загара сдѣлалось смуглымъ, грубоватымъ, и прежній пунцовый румянецъ принялъ матовый оттѣнокъ; вмѣсто прежней лихорадочной игры, на немъ лежало почти беземѣнное выраженіе полупаивнаго смущенія. А знаменитые ея глаза почти совершенно утерали выраженіе холоднаго ужаса. Часто въ нихъ мелькало что-то подобное, но это было уже выраженіемъ какого-то глубокаго, тайнаго недуга и тихой грусти... Вѣроятно, иэтотъ недугъ, и эту грусть она скрывала даже отъ себя, потому что на мгновеніе вспыхивали они въ ея глазахъ каждый разъ, когда ей задавали неожиданный вопросъ.

— Ну, вотъ!—сказалъ старикъ, какъ только она показалась на порогѣ.—Вотъ насъ и гости навѣстили... Давно знакомы. Лѣтъ двадцать, поди, знаемъ,—рекомендоваль насъ старикъ.

— Видите, опять какая неожиданность!.. Вы, конечно, изумлены?—говорила Нина, подавая намъ смущенно руку, вытирая ее наскоро и стыдливо о фартукъ.—Да, да... Я все та же... Вся моя жизнь такая ужъ и почти все та же,—повторила она и глубокая грусть какъ-то неожиданно для нея самой прошла по ея лицу.

— Совершенно напрасно... Вы очень измѣнились на мой взглядъ,—сказала жена.

— Впрочемъ, можетъ быть... Они меня многому научили,—сказала она, нагибаясь къ полу, чтобы взять ребенка, и при этомъ яркій румянецъ залилъ ея щеки.—Вы не повѣрите, я только здѣсь, отъ нихъ, узнала, какъ я глупа, невѣжественна въ пониманіи самыхъ простыхъ вещей... И они меня научили понимать ихъ...

— Мы ее научили!.. Господи Боже!—въ искреннемъ изумленіи воскликнулъ старикъ, и оба они съ сыномъ засмѣялись. Засмѣялась даже старуха.

— Ну, вотъ, еще не доставало!—сказала она.

— Да, да... Это вѣрно, это ужасно вѣрно!—быстро подхватила Нина.—Они вамъ уже, вѣроятно, наговорили про меня, что я ихъ и читать выучила, и многому, многому,—что я чуть ли не проповѣдница у нихъ... И это все пустое!.. Вы имъ не вѣрите... Это такъ они, по любви... А въ сущности, я чувствую, что я ихъ стѣсняю, что я имъ... не нужна,—такой не нужна!

Нина опять опустила глаза, въ глубинѣ которыхъ сверкнуло что-то скорбное, болезненное.

— Ну, Нина Петровна, не ожидали мы отъ тебя такой обиды!.. И это чужимъ людямъ такъ про насъ...—искренно упрекнулъ старикъ и въ его словахъ чуть не слезы слышались.—Не заслужили мы это...

— Дѣдушка!—вскрикнула она, вскинувъ на старика свои большіе каріе глаза,—и слово „дѣдушка“ такъ хорошо, просто звучало у нея: очевидно, оно было пріятнѣе, сподручнѣе ей, чѣмъ слово „тятенька“.—Дѣдушка, ты, пожалуйста, не огорчайся,—я не хотѣла тебя обидѣть... Я, кромѣ матери, еще не видала ни отъ кого столько души, столько любви... А развѣ вы сами,—заговорила она, мѣняя тонъ на лукаво-веселый, но при этомъ вся вспыхнула отъ внутренняго волненія,—развѣ всѣ здѣсь не говорятъ потихоньку отъ меня, что мое ли дѣло коровъ доить, хлѣбъ жать, траву косить,—что на то ли Богъ наградилъ меня умомъ и „таланомъ“?..

— Да, вѣдь, милушка, отчего это: развѣ не по любви?—сказалъ старикъ.—И вѣрно: по любви болѣемъ, что Господь послалъ тебѣ такое испытаніе.

— Да, отъ любви... Слишкомъ много любви, дѣдушка!—отвѣтила она и улыбнулась, и затѣмъ прибавила въ шутливомъ тонѣ:—Хорошо, что у тебя другой снохи нѣтъ,—чтобы ты съ нами сталъ дѣлать?

— Вотъ какое дѣло!.. А мы въ раздѣлъ бы не ушли развѣ? Подѣлились бы и ушли... И я бы съ вами ушелъ... А старуху къ той бы снохѣ пристроили!—весело шутилъ старикъ.

— Ну, пойдемте на нашу половину!—пригласила Нина, поднималась и легко подбросивъ на руку тяжеловатого мальчугана.—Андрюша, ты самоваръ внеси къ намъ!—распоряжалась она, и все такъ просто, прямо, искренно. Кстати скажу, что ея языкъ отличался замѣчательною простотой, безъ малѣйшей поддѣлки подъ рѣчь и тонъ окружающихъ, и въ то же время сохранилъ все свое изящество... Я, конечно, господа мои, не могу вамъ передать его такимъ, каковъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Я замѣтилъ даже, что и рѣчь самого старика и Андрея значительно стала яснѣе, проще, хотя они и замѣнили многія вульгарныя выраженія „барскими“; она у нихъ даже стала какъ-то возвышеннѣе.

Мы перешли свѣтлыя сѣни и вошли на половину Нины. Я не буду вамъ описывать ее,—достаточно сказать, что все въ ней было чисто, свѣтло, уютно и отчасти „не по-деревенски“. Видно, Нина здѣсь

не стѣснялась: были и цвѣты на окнахъ, и книги, и портреты на стѣнахъ, двѣ-три картинки, даже статуетка. За пологомъ барскаго, старая, краснаго дерева, кровать... Очевидно, все это было остатки изъ прежняго барскаго „величія“ и, вѣроятно, только тѣ вещи, которыя были ей дороги, по какимъ-либо воспоминаніямъ. Вообще, мнѣ особенно понравилось въ Нинѣ то, что она, кажется, инстинктивно избѣгала всякаго маскарада въ „мужичку“, гдѣ это только было возможно. Она держалась естественно и просто, не стараясь всячески маскировать въ себѣ „барыню“, такъ какъ это было всеѣмъ извѣстно, и въ то же время по возможности уничтожая въ себѣ все, что могло бы рѣзать глаза. Ея золовки почти ничѣмъ не отличались отъ нея. Моя жена заговорила съ Ниной о хозяйствѣ, разсматривая основу на большомъ станкѣ, стоявшемъ у окна.

— О, я это лучше всего усвоила,—сказала Нина.—Надо же чѣмъ-нибудь мнѣ навестать... Многія работы, въ особенноти въ полѣ, до сихъ поръ у меня не спорятся... А они еще меня гоняютъ отъ нихъ,—все за барыню считаютъ.

— Полно, Нина Петровна; —сказалъ старикъ. — Матери дочерей жалѣютъ, а памъ грѣхъ тебя не пожалѣть. Много еще, Нинушка, впереди... Много у мужика всего увидишь... У мужика горе да работа всегда впереди.

— Какой онъ у тебя еще молодой! —сказалъ я старику про Андрея, когда мы все ушлись за самоваръ.

— Молодъ еще... Погоды, вѣдь, они съ Ниной Петровной... Бывало, вотъ она по десятомъ годку бѣгала сюда, балуются вотъ тутъ, подѣ окнами, или въ саду... А то, бывало, какъ у нихъ въ усадьбѣ садъ убиралъ, —возьму его съ собой, —тамъ играютъ. Другой разъ придетъ одинъ, просятъ съ сестрицей онѣ, молятъ, приведи, да приведи Андрюшу. Ну, тогда ужъ утрешь ему сопли-то, одѣнешъ по-пріятнѣй и поведешь... Думано ли дѣло! А тутъ вдругъ...

И старикъ не договорилъ.

— Что вдругъ?—спросилъ я его, видя, что старикъ разболтался.

Старикъ взглянулъ мелькомъ на Нину, какъ бы желая получить отъ нея разрѣшеніе, и продолжалъ:

— Восемь лѣтъ съ того прошло... Да, восемь лѣтъ,—продолжалъ онъ.—Восемь лѣтъ не видали мы господъ... А потомъ

опять стѣхались... О, Господи, Господи!.. Всеу времена и сроки,—прибавилъ старикъ задумчиво.—И-да, были времена... Все было: и богатство, и власть, и жизнь въ удовольствіе—и все прахъ!.. Великія дѣла Господни!.. Нинушка какъ-то забѣжала къ намъ—и не узнать: меня ростомъ больше. А сама, что поитъ, вонъ какъ только-что бутонъ расшибетъ... Молодо!.. Что молодости?.. Плохо ли кругомъ, хорошо ли, она все свою жизнь оказываетъ... Еще какъ ея тятенька живъ былъ, почестъ все лѣто у насъ пробыла: съ дѣвками моими въ поля, луга ходила, жала, косила. Да, вѣдь, до устали, право-слово! Любуемся ей, смѣемся... Что жъ, думаемъ; пушай позабавится: лихо ей было жить-то при тятенькѣ. Все на антресолихъ одна, все-то одна,—не люлила она содомской-то жизни. Бывало, съ отцомъ-то по мѣсяцамъ не видалась... Такъ-то у насъ и гостила. Другой разъ, ужинать сядетъ послѣ работы, какъ бытъ по-крестьянски. Вотъ какъ-то однажды поужинали мы, а она вдругъ скрыла эдакъ вотъ лицо въ руки,—скрыла, да какъ завоетъ горькимъ плачемъ, какъ завоетъ. Мы это все повскакали съ лавокъ... Смотримъ—стало ея трести. Положили мы ее на лавку, а сами со страху ни живы, ни мертвы,—думаемъ: не съ работы ли это съ ней, засудятъ насъ за барыню!.. А она пришла это въ себя, улыбается, блѣдная лежитъ... „Дѣдушка,—говоритъ,—я давно тебѣ хочу сказать: возьми ты меня къ себѣ въ дочку“. Перекрестился я, говорю: —Что ты, милушка, въ своемъ ли умѣ говоришь?.. Коли, молъ, тебѣ полегче, такъ мы ужъ тебѣ лошадку изготовимъ, да домой свеземъ... Попользуютъ тебя тамъ...“ А она опять: —„Возьми, говоритъ, а то мнѣ все одно худо будетъ...“ А Андрей, я знаю, меня полюбитъ... Вѣдь, мы съ нимъ давно дружны...“ Говорила она такъ-то, а я Андрею мигнулъ, чтобъ онъ лошадъ готовилъ... Ну, уговорили ее кое-какъ, отвезли домой, за лѣкаремъ тамъ сказали послать. А сами домой вернулись,—не передохнемъ, всю ночь не спали: ждали, что-то намъ будетъ!.. А на утро, глядь, она опять къ намъ: блѣдная, лица на ней нѣтъ, сурьезная... Пришла и говоритъ: —„Ты, говоритъ, дѣдушка думалъ, что я вчера безъ ума была, что больная этакъ говорила... Нѣтъ, говоритъ, я здорова, и тѣ слова въ правду тебѣ вчера сказала и теперь скажу...“ — „Да что съ тобой, спрашиваю, Нинушка?“ А она мнѣ: „Не

знаю, говорить, дѣдушка, зачѣмъ жить надо!.. — Что ты, говорю, матушка! Да вотъ мы и низкій народъ, черный, и житье наше горькое, — другіе вѣкъ-то какъ маются! — а и то никто такого слова не вымолвитъ, что у тебя сорвалось!.. Всякъ при своемъ дѣлѣ жизнь проводитъ, въ дѣлѣ и жизнь видитъ: кто хлѣбецъ раститъ, кто фрухту, всякіе плоды, кто одѣяніемъ промышляетъ... Такъ люди-то другъ отъ друга и питаются, одинъ другому нуженъ... Вотъ и вся тутъ правота наша: ей мы и живы!.. — „А я, говоритъ, никому не нужна!.. Ибѣтъ у меня никакой правоты!“ — И опять вся, что полотно сдѣлается. — „Какъ, говорю, не нужна? Вотъ Господь жениха пошлетъ, дѣточки пойдутъ, дѣточекъ уму-разуму научишь...“ — „Нечему у насъ дѣточекъ научить, говоритъ... Ты, дѣдушка, нашей жизни не знаешь... А вотъ, говоритъ, ежели ты не согласишь меня взять къ себѣ, такъ мнѣ, говоритъ, одинъ конецъ...“ Перекрестился я опять. Словно у меня это ея слово языкъ отняло. Молчу. А она взяла Андрея-то за руку и говоритъ: — „Развѣ ты не полюбишь меня, Андрюша?.. Что же ты за меня отца не просишь?..“ Андрей-то весь вспыхнулъ, тоже молчитъ, — тоже языкъ отнялся... — „А какъ же, спрашиваю я, тятенька-то?.. Можно ли такое дѣло до него довести?.. Вѣдь, и подумать страшно!..“ — „Папенька, говоритъ, давно меня забылъ... Да его ужъ парализъ разбилъ... Умереть онъ скоро... Я, говоритъ, сама себѣ госпожа...“ — „Ну, что жъ, — улыбулся это я, повеселѣе заговорилъ, — подождемъ до Рождества!.. У насъ по лѣтамъ, молъ, свадьбы не играютъ...“ Все, знаешь, думаю, не отойдетъ ли, молъ, отъ нея... А она это догадалась, должно-быть, и говоритъ: — „Вижу, не жалко тебѣ меня, старикъ“. И такъ это сказала, что у меня ноги затряслись. — „Ахъ, говорю, милушка, да ты бы вотъ лучше меня на край свѣта послала, камни бы для себя ворочать велѣла, и я бы ни словечка не сказалъ... Дай хоть одуматься, барышня моя, въ умъ притти... Задала ты глупому мужику задачу!..“ Съ тѣмъ и ушла она отъ меня... А у за шашку, да вонъ изъ избы. Жилъ у насъ тогда на селѣ одинъ старикъ-начетчикъ, благочестивой жизни старичокъ. Вотъ я къ нему, да все и поразказалъ. Выслушалъ меня старичокъ, подумалъ, и говоритъ: „Вотъ что, Миронъ, ты этому дѣлу не противься. Это,

говорить, [можетъ, дѣло великое, Божій перстъ... Были, говоритъ, такіа дѣла, — читывалъ я въ книгахъ... За грѣхи, говоритъ, родительскіе бываетъ искупленіе. Просится, говоритъ, она у тебя не въ плохое дѣло! Просится она матушкѣ-землѣ поработать... И будетъ, говоритъ, можетъ, черезъ это душѣ ея очищеніе... И, можетъ, Господь уготовалъ ей пути!..“ Облегчилъ меня этотъ старичокъ. Забѣжалъ я потомъ къ батюшкѣ: „Что же, говоритъ батюшка, ея дѣло—дѣло доброе... А она же, говоритъ, теперь въ обдѣлѣннѣй“. Думаю я, да раздумываю, а она ибѣтъ-ибѣтъ да къ намъ и зайдетъ, и все такая грустная ходитъ, такая ли скорбная, что у меня, какъ посмотрю на нее да вспомню всю ея жизнь, такъ слезы изъ глазъ-то и польются... Андрей мой тоже самъ не свой ходитъ. И его ровно всего перевернуло. „Не знаю, говоритъ, что со мной случилось... Какъ она, говоритъ, тятенька меня тогда взяла за руку, да сказала эти слова, такъ съ тѣхъ поръ это мѣсто на рукѣ какъ огнемъ жжетъ...“

Я взглянулъ на Андрея: онъ и теперь, какъ красная дѣвка, весь пунцовый сдѣлался. Инна, лаская ребенка, улыбалась на болтовню старика. Старикъ засмѣялся и вдругъ заговорилъ уже веселѣе:

— Ну, вкороости это, сударь, съ хлѣбомъ убрались, осень пришла. Благословились мы, да и повели ихъ въ церковь Божию... Господи Боже! Народу-то, народу-то, со всей округи... Въ лучшее свое барское платье разодѣлась, на руки да на шею золотыя вещи надѣла, что отъ маменьки ей остались... Ничего не пожалѣла! Народу-то любо, — говоритъ: „мужика не обидѣла!.. Все одно что за барина идетъ, — вотъ какъ разодѣлась!“ А старушки шепчутъ умильно: „Голубушка наша... Чаяла ли ты такую свою судьбину?..“ Привели это ихъ, сударь мой, въ домъ-то свой, какъ встрѣтилъ я ихъ это на порогѣ, да какъ взглянулъ ей въ лицо-то, свѣтлое и ясное, такъ у меня слезы въ три ручья... Припалъ это я къ ея ручкѣ да и завопилъ: „Милушка ты моя, говорю, да за что ты это насъ, недостойныхъ, такого счастья... Страдалница ты наша!..“ А она меня подымаетъ, въ губы цѣлуетъ, а у самой такъ слезы и льются, хоть и улыбается, чтобы, видишь, это народу-то, должно, показать, что, молъ, съ веселіемъ иду на страду вашу!.. Осыпали мы ихъ тутъ и хмелемъ, и зерномъ. Вошли въ избу: какъ сѣли они съ Андреемъ въ

передній уголь,—вся изба такъ и засвѣтилась ровню несказаннымъ свѣтомъ... И заглѣли тутъ дѣвушки, и стали величать ихъ княземъ со княгинюшкой... — Старикъ разболтался и повеселѣлъ. Замѣчу опять, господа мои, что Миронъ былъ во многомъ мужикъ еще стараго, крѣпостного закала. Но вдругъ мы всѣ въ испугѣ взглянули въ лицо Нинѣ. Она, крѣпко обнявъ своего сына, припала головой къ его головкѣ и зарыдала.

— Что ты, что съ тобой?.. Ахъ, я старый дуракъ! Ахъ, старый дуракъ! — сокрушался старикъ. — Лишнее, должно, наболталъ... Ну, прости меня, дурака, прости, Нинушка...

Нина утерла слезы, стараясь сдержать себя и улыбнуться старику и растерявшемуся Андрею.

— Это ничего, пройдетъ... А давно со мной не бывало! — проговорила она, но новый истерическій припадокъ всю потрясъ ее какъ молодую осину; каждая жилка въ ней затрепетала.

Мы всѣ вскочили съ мѣстъ и перенесли ее на кровать. Изумленные и растерянные стояли Андрей и Миронъ.

— Господи Боже! — говорилъ послѣдній, — никогда съ ней этого со свадьбы не бывало... Не натрудила ли она себя работой-то нашей... Вотъ оно — господское дѣло!..

— Не надо бы, тятенька, допускать ее на работѣ-то такъ убиваться... Уморимъ мы ее! — почти прошепталъ Андрей, держа въ рукахъ ребенка.

Нина очнулась.

— Ну, вотъ и прошло... Вы не бойтесь этого, — проговорила она старику и мужу, улыбаясь: — это — барская болѣзнь!.. Барская дочь! — прибавила она, обращаясь къ моей женѣ съ тѣмъ выраженіемъ тоскливаго отчаянія, съ которымъ говорятъ люди о своихъ органическихъ порокахъ. Она, пересиливая, видимо, себя, встала, стараясь показаться попрежнему бодрой. — Вотъ, — сказала она женѣ, беря ее за руку, — вы говорите, что я стала другая, а я... я боюсь, что осталась прежняя... Какая-то странная чуткость, порывистость... странная, неопредѣленная болѣзнь... А это здѣсь совсѣмъ, совсѣмъ не годится!.. Кругомъ меня столько вниманія, любви, — говорила она все тише и тише, садясь и низко наклонивъ горѣвшее лицо, — а между тѣмъ... я живу только для себя... Чѣмъ я заплачу имъ? Развѣ нужна имъ работа барышни?.. Другая слуха была бы имъ во

сто разъ полезнѣе меня... А ко мнѣ приходятъ, спрашиваютъ меня, зовутъ „разумницей“... Горе приходитъ, нужда, а я ничего не могу... Что я могу?

Такъ, примѣрно, говорила Нина, постоянно перебиваемая старикомъ и мужемъ.

— Полю, Нинушка, — говорилъ Миронъ, — на себя напраслину плести... Для себя, слышь, живеть!.. Да такъ ли бы тебѣ надо жить-то, ежели бы для себя-то?.. А горя-то, вѣдь, да пужды въ народѣ море: не засыпать его намъ, милушка... Это горе-то Богъ да царь одумаютъ, да умные люди, кому отъ Господа на это разумнѣе дано!.. А съ насъ Богъ не взыщеть: и то хорошо, что по силѣ-мочи отъ достатковъ своихъ подадимъ... А ты, вѣдь, милушка, и то все поразила, что у тебя было, все-то свое барское имущество... Послѣ свадьбы-то это, — обратился старикъ ко мнѣ, — всѣхъ моихъ дочерей, и сестеръ-то, тетокъ, всѣхъ кольцами золотыми одарила да серьгами... А ужъ что послѣ на сторону раздала — числа пѣтъ!..

Тутъ вошла старуха и позвала насъ всѣхъ обѣдать. Всей семьей усялись мы за общій столъ, который вела сама старуха при помощи старшей дочери.

— Вотъ видите, — сказала Нина, — меня постоянно обижаютъ... Молодуха должна столь вести, — это ей ужъ первое дѣло, — а матушка...

— Сиди, сиди! — прикрикнула старуха, — да ребенка-то корми, да гостей занимай... Придетъ время, состарѣюсь, да дочерей замужъ поведу, тогда находивъшься... Засадишь еще мать-то за печку!..

— Вотъ она, матушка-то, чего боится, — засмѣялся Андрей.

За обѣдомъ у насъ пошла оживленная бесѣда о хозяйствѣ. Молодые члены семьи, конечно, больше молчали. Разошедшійся насчетъ своей „хозяйственности“ старикъ тотчасъ послѣ обѣда пригласилъ насъ въ садъ. Когда мы заикнулись было насчетъ того, что не мѣшаемъ ли работѣ, старикъ замахалъ руками:

— Да что надъ нами каплетъ, что ли? Чай, мы не на фабрику: сами себѣ хозяева!.. Слава тебѣ, Господи!.. Отъ насъ наше не уйдетъ... Ты вотъ, невѣстушка, брагой насъ попотчуй-ка... Тамъ еще хранится, кажись у тебя, — сказалъ старикъ Нинѣ.

Нина взяла большой жестяной ковшъ и пошла на погребъ. Она совсѣмъ овла-

дѣла собой, стала такая бодрая, оживленная, и старикъ съ сыномъ советѣмъ повеселѣли, въ особенности показывая намъ свой фруктовый, хотя очень узкій, но густой садъ, за которымъ, видимо, ходили и старикъ, и Андрей съ любовью и знаніемъ дѣла.

Мы еще долго ходили по саду и не замѣтили, какъ наши собесѣдники одинъ за другимъ потихоньку исчезали: сначала исчезъ Андрей, потомъ старшая сестра его, а за ней и Нина. Когда мы это замѣтили, съ нами оставался уже одинъ старикъ, продолжавшій разсказывать исторію чуть не каждой яблони. Въ случайно отворившія заднія ворота мы увидали на дворѣ работорговую семью.

— Ничего, у насъ нынче недолго, — сказалъ старикъ, — только до скотины... Пригонять скотину, вотъ и всѣ гулять выйдемъ. Вы вотъ по селу у насъ погуляйте, а тамъ чайку попьемъ... Нина Петровна мнѣ ужъ шепнула, чтобы васъ не отпускать. Перепочуете у насъ, да завтра, по зорькѣ, и тронетесь. Попенялъ было я Нинѣ-то Петровнѣ, что отъ васъ ушла... Развѣ безъ нея не упрямились бы?... Да, вѣдь, съ ней... Охъ, Господи, Господи! — вздохнулъ старикъ, — все-то она вотъ такъ...

Мы съ удовольствіемъ приняли предложеніе старика и прошли чрезъ село въ тѣсъ. Вернулись мы уже вмѣстѣ со стадомъ. Во дворѣ Милона обычнымъ порядкомъ шла хозяйственная дѣятельность. Молодежь загоняла скотину. Старуха и Нина ходили по двору съ подойниками; старшая дочь носила траву и солому. Андрей отпрягалъ лошадей и водилъ на водопой, а старикъ усиленно раздувать въ сѣняхъ самоваръ. Послѣ уборки скотины мы всѣ опять собрались за чаемъ на половинѣ Нины. Андрей опять явился вымытый, причесанный и сіяющій. Нина тоже прибралась. Она теперь была веселѣе, чѣмъ утромъ, и даже не покидавшее ее смущеніе теперь стало не такъ замѣтно. Когда пришла старуха и начала свои грубовато-добродушныя шутки надъ „нашей барыней“, Нина подшучивала въ свою очередь надъ ней, хотя старикъ сердился на старуху и нѣсколько разъ, обращаясь ко мнѣ, говорилъ: „дура баба, дура!... Кабы не дура баба, на свѣтѣ грѣха, я такъ думаю, вдвое бы меньше было!“

Послѣ чая всѣ мы, по деревенскому обычаю, вышли посидѣть къ воротамъ,

„на улицу“. Помню, вечеръ былъ благодатный. Такъ какъ настоящая страдащене началась, то надъ деревенскою улицей и не висѣла еще та удручающая тишина, которая сопровождаетъ физическое изнуреніе, и когда полное наслажденіе такими вечерами въ деревнѣ значительно отравляется. Мимо насъ проходили мужики и бабы; одни изъ нихъ, приостанавливаясь, раскланивались и относились къ Нинѣ такъ же, какъ старикъ Миронъ, съ почтительнымъ уваженіемъ, другіе же, какъ ея свекровь, — съ грубовато-добродушной шуткой, на которую Нина отвѣчала весело и бойко.

Какъ вдругъ незначительный эпизодъ нѣсколько нарушилъ наше мирное настроеніе, — одинъ изъ тѣхъ эпизодовъ, которые такъ часто повторяются по городамъ и деревнямъ, что у всѣхъ какъ-то притупилось къ нимъ вниманіе. Предъ нами остановился мужичокъ, низенькій, безъ шапки, лохматый, уже съ просьбою, съ симпатичнымъ, однако, лицомъ, хотя и сильно подвыпившій. На видъ ему казалось лѣтъ за 45; на немъ была рубаша съ отстегнутымъ воротомъ и порты, а подъ мышкой держалъ онъ полуштофъ и постоянно поправлялъ его, такъ какъ онъ у него то-и-дѣло выскальзывалъ.

Онъ постоялъ съ минуту, покачиваясь и молча смотря на насъ пыльными глазами, Потомъ вдругъ заговорилъ, отчетливо выговаривая каждое слово:

— Господамъ-боярмамъ! Наше вамъ почтеніе!... Мужика полюбили?... Нина Петровна, низающе кланяюсь (онъ опять помолчалъ и сталъ морщиться, какъ-то безобразно-дикое ворочая бѣлками)... Грабители-мучители!... Зачѣмъ сюда пришли?... Ла-апотки надѣли, са-арафаны!.. Зачѣмъ, говорю? Отвѣчай!... Мало безъ тебя здѣсь народу?

— Карпъ Васильичъ, проходи... Проходи, Господь съ тобой, — заговорилъ Миронъ, — что тебѣ здѣсь нужно?.. Иди въ свое мѣсто, куда шель.

— Оставь!.. Я правду говорю... Я не обижу... Я ее люблю, уважаю Нинушку, почитаю, да!.. Дурочка, дурочка, — заговорилъ онъ мягкимъ голосомъ, обращаясь къ Нинѣ, державшей на рукахъ Митю, — ты бы мнѣ хлѣбца дала... У меня у самого малъ-мала меньше впучатки, шестеро ихъ... А хлѣбца пѣтъ, нѣтъ хлѣбца и коровки пѣтъ: пососать имъ нечего, сосункамъ... Молочка нѣтъ, пѣтъ молочка (у старичка изъ глазъ полились

слезы)... Мать-то убивается... Грудь отъ горя изсохла... А у тебя нѣтъ хлѣба, нѣтъ, Нинушка!... И защитить ты насъ не можешь отъ грабителей... Нѣтъ намъ нигдѣ заступника!...

— Карпъ Васильчъ, уходи, Господь съ тобой!—началъ было опять Миронъ.

— Постой!—закричалъ Карпъ.—Молчи!.. У самого у меня такіе малыши были, а я ихъ вскормилъ, молочкомъ воспиталъ... И коровка была, и кашка, и овечки были, и лѣсокъ былъ, теплота была въ избѣ, какъ въ банѣ... И растилъ я ихъ, какъ у Христа за пазухой. И обиды не было!... А кто все, Нинушка?—Барыня наша, Серафима Николаевна... Ангельская душа!.. Создай ей, Господи, вѣчный покой! (Карпъ истово сталъ креститься, потомъ опустился на колѣни и сталъ молиться на церковь.) Успокой, Батюшка, ея душечку въ селеніяхъ ангельскихъ!.. Воздай ей, Господи, по младенческимъ молитвамъ.

Карпъ поднялся и опять обратился къ Ниноѣ.

— Все у насъ было, Нина Петровна, все отъ нея: и лѣсокъ былъ, и скотина... Погоримъ ли, коровка ли падетъ,—все будетъ... А кто посмѣлъ насъ обидѣть?... Какой грабитель?.. Никто!.. Не могли!.. Сила была у нея, большая сила!.. Сколько, милая, она народу отъ грѣха спасла, сколько младенческихъ душъ отъ смерти охранила, сколько отъ грабительскаго разоренья защитила... Царь небесный, воздай ея душечку!..—Онъ опять перекрестился и потомъ умильно посмотрѣлъ на Митю, спавшаго уже на рукахъ Нины.

— Вишь, спитъ ужъ, пузанокъ... А мон, чай, ревутъ, и мать реветъ... Что набираютъ, то и есть... Черствыя корки... Вотъ принесу... вотъ, пяточекъ баранковъ,—показалъ онъ на рукѣ связку кренделей...

Я уже давно наблюдалъ надъ Ниной. Она сидѣла неподвижно, какъ застывшая, блѣдная... Да, точь въ точь какъ тогда, у насъ, вспоминая свое дѣтство: и тотъ же холодный ужасъ свѣтился въ ея упорно смотрѣвшихъ въ землю глазахъ.

Я боялся, чтобы съ ней не повторился припадокъ, и сказалъ ей: „Нина, подите домой... Уложите ребенка и опять приходите“...

Она не отвѣчала.

— Ступай, ступай,—услыхавъ мои слова

и бѣгло взглянувъ на жену, энергично наступалъ на пьяного мужичка Андрей,—ступай съ Богомъ!.. Коли жалѣешь своихъ малышей, водку-то не понесъ бы имъ вмѣсто молока.

— На, подавись, подавись!.. Возьми, коли тебѣ глаза колетъ,—въ какомъ-то изступленіи кричалъ Карпъ и совалъ полштофъ въ руки Андрея.

Нина вдругъ встала, прижала къ груди ребенка и быстро ушла въ избу. Мы, чтобы прекратить эту сцену, тоже ушли вмѣстѣ за ней.

Нина, паружно спокойная и твердая, раздѣвала и укладывала Митю, лаская его и что-то приговаривая. Скоро вошли и Миронъ съ Андреемъ.

— Вотъ какой здѣсь народъ!—говорилъ Андрей.—Много здѣсь всякаго народа... Они хорошему человѣку проходу не дадутъ... Зачѣмъ вниманіе такое обращать,—продолжалъ онъ, въ боязливомъ волненіи поглядывая на Нину.—Ежели все къ сердцу принимать, эдакъ и жить нельзя... Что съ пьяницы возьмешь?..

— Вотъ оно что значить!... Господи, Господи!—говорилъ и старикъ.—Хорошій и мужичокъ-то, хорошій былъ... А тутъ въ разоренье впалъ... И вся деревня ихъ въ раззоръ пошла... А прежде жили хорошо... Потомъ все разорились... Лѣса лишились... Сгорѣли, хотѣли построишь, —не изъ чего... Сбились кое-какъ на шалаши... А потомъ скотнику распродали... У старика-то, грѣшнымъ часомъ, сынъ угодилъ въ острогъ... Начальство, вишь, обидѣлъ при описи...

Нина ничего не говорила; она пошла помогать старухѣ собирать ужинъ. За ужиномъ все старались не говорить о недавней сценѣ.

Вечеръ прошелъ безъ особаго оживленія, хотя Нина старалась веселѣе говорить съ моей женой. Скоро разошлись мы все на покой.

Я заказалъ прибыть лошадямъ какъ можно раньше. Но когда лошади пріѣхали, Нина и вся Миронова семья уже были на ногахъ и работали на дворѣ. Когда мы встали, Нина оставила работу и стала готовить намъ самоваръ. Лѣтнее утро, работа на воздухѣ, хлопоты, очевидно, оживили Нину и, повидимому, совсѣмъ разсѣяли ея внутреннюю неопредѣленную тревогу. Мы наскоро напились чаю, закусили и стали прощаться.

— Ну, Нина, скажите же мнѣ на прощанье,—обратилась тихо къ ней моя же-

на, — дала ли деревня вамъ то, чего вы отъ нея ждали?

— Они дали мнѣ все, — я вся просвѣтлѣла, — сказала Нина, между тѣмъ какъ все лицо ея залило прежнее пассивное смущеніе. — Да, я просвѣтлѣла... Я, кажется, знала не мало, а между тѣмъ, какъ ни странно, я только здѣсь поняла самыя простыя вещи, да, самыя простыя, потому что они такъ ясно, просто говорятъ о нихъ, любя и болѣя за тебя... Вы слышали ихъ?

— Зачѣмъ надо жить? — спросила жена.

— Да, зачѣмъ надо жить, — отвѣчала она, все понижая голосъ. — И какъ это ужасно просто!... Я читала когда-то Байрона, Гете и Гейне, но я терялась въ необозримомъ величіи ихъ идей... И вдругъ теперь они для меня стали такъ ясны, понятны... Знаете ли, мнѣ хотѣлось бы теперь послушать Мейербергера. — Она взглянула на мужа и весело прибавила: — Ну, да это, конечно, все вздоръ! — и крѣпко пожала намъ руки.

— Впередъ будете въ нашихъ мѣстахъ, не забудьте насъ! — говорила семья, провожая насъ за ворота. — Все ей, Ниль-то Петровнѣ, съ вами повадиѣ, чѣмъ съ мужиками... Можетъ, она бы что и высказала намъ, да у насъ разуму не хватить понять, сударь, — говорилъ печально старикъ. — Надо судить по чело-вѣчеству, — свой чело-вѣкъ все понятнѣе...

— Ну, давай вамъ Богъ счастья, Нина, и впредь! — сказали мы, засаживаясь въ тарантасъ. — Да не хворайте — берегитесь...

— О, это пустяки! — сказала она. — Я чувствую все-таки теперь въ себѣ такъ много жизни, такія силы...

И, дѣйствительно, какъ-то вдругъ во всемъ ея существѣ и въ заблиставшихъ большихъ глазахъ сказался такъ роскошно весь тотъ расцвѣтъ, та полнота жизни, которая пробудили въ ней здоровый физическій трудъ, правота, ясная и простая, окружающихъ ея и любовь... Славно было смотрѣть на нее въ эти минуты, среди деревенской улицы, подъ ясными, палящими лучами солнца. Да, она, дѣйствительно, воскресла, дѣйствительно, предъ нею открывался смыслъ жизни...

Но тѣмъ не менѣе, когда я въ послѣдній разъ взглянулъ на всю Миронову семью, стоящую у воротъ, мнѣ показалось, что это была не обычная патриархальная деревенская семья, что она живетъ часть за часомъ въ постоянномъ

ожиданіи чего-то, что *должно*, обязательно должно, пронестись надъ нею... Она какъ будто чувствовала, что была „отмѣчена“ въ книгѣ судьбы, что должна выдержать „испытаніе“ во имя какихъ-то непостижимыхъ, но несомнѣнно великихъ, Божіихъ цѣлей... И она несла это испытаніе бодро, съ покорностью, съ любовью...

Изъ тарантаса еще долго, очень долго я могъ видѣть стоящую неподвижно у воротъ избы Нину и смотрѣвшую вслѣдъ намъ, прикрывъ рукой отъ солнца глаза.

Богъ вѣсть, о чемъ думала она тогда.

V.

На слѣдующую весну мы, по обстоятельствамъ, не рассчитывали ѣхать къ старикамъ, но осенью пришла телеграмма о безнадежной болѣзни тестя, и мы пріѣхали опять въ Н. Тесть уже умеръ и лежалъ въ гробу, когда пріѣхали мы. Служили панихиды и городскіе обыватели то-и-дѣло приходили прощаться. Какъ вдругъ въ толпѣ прощавшихся съ нимъ я замѣтилъ Мирона Васильича.

— Здравствуйте, сударь... И вы пріѣхали? А васъ было и не ждали ужъ, — сказалъ онъ.

— Ну, какъ поживаете? — спрашивалъ я, уводя его въ другую комнату.

Старикъ вздохнулъ.

— Какъ Нина Петрова?

— Нѣтъ у насъ ужъ Нины Петровны, — сказалъ старикъ, опустивъ глаза. — Неповѣдимы судьбы Божіи!..

— Умерла?!

— Нѣтъ-съ, сударь, не надо полагать... Ушла она тихо, непримѣтно, какъ ангелъ отлетѣла... Пришелъ, значитъ, часъ воли Божіей, чтобы закончиться ея испытанію, тяжелой ея страдѣ среди насъ, бѣдныхъ и немощныхъ...

— Куда же она ушла?

— А не знаемъ, какіе и куда указалъ ей Господь пути... Великому испытанію, думать надо, и великіе пути...

— Пишетъ она вамъ?

— Написала, и денегъ прислала, только мѣста своего не обозначила... Пишетъ, милушка, прощенья просить... Прощенья просить у насъ!.. „Прости меня, — пишетъ, — Андрюша, прости, голубчикъ... Всѣмъ больше я виновата предъ тобой. Да какъ, говоритъ, мнѣ извиниться

предъ тобой, не знаю, чтобы было тебѣ понятно, чтобы ты не завинилъ меня совѣмъ. Ты, говорить, не дѣдушка,—ты еще молодъ, жить хочешь... Будутъ тебѣ кругомъ говорить: вонъ она—барская-то дочь! Много ли съ ней пожилъ? Сколько волка не корми, а онъ все въ лѣсъ смотреть! Станешь, говорить, ты проклинать меня... Знаю, виновата я, только не этой виной. Сила,—пишетъ,—надо мной верхъ взяла, сила большая. А все, пишетъ, отъ любви вашей... Богъ ее знаетъ, что это она какъ говоритъ: Господь ей пути указываетъ, а она на насъ!.. „Придетъ, говоритъ, время и я вернусь къ вамъ... А если не вернусь, то погибну... Митю милого моего берегите и любите. Пусть онъ растетъ на вашей любви. Придетъ время и я сама приду за нимъ...“ А въ концѣ приписочку приписала: „Милые мои родные!.. Вы меня отъ смерти духовной и тѣлесной спасли, жизнь мнѣ новую дали своей любовью,—и я свою жизнь всю для васъ пожертвую!..“ —промокнулъ старикъ, вытирая рукавомъ лившіяся по его щекамъ и бородѣ слезы.—Письмо-то мы ужъ разъ сотню все читали, не начитаемся.

— Жалко тебѣ, старикъ, невѣстки?—спросилъ я.

— Зачѣмъ жалѣть?.. Мы, сударь, молиться должны, чтобы открылъ Господь ея разуму и талану надлежащіе пути за ея великія испытанія!.. Кому, сударь, отъ Бога большой талантъ дался, тому и дѣло великое, а мы при своемъ маломъ дѣлѣ и сами управимся. Не ѣздить, сударь, кораблямъ по малымъ рѣкамъ,—по малымъ рѣкамъ только плавать учатся...

— Что у васъ на селѣ новенькаго еще?

— Какія у насъ новости?.. Только вотъ съ однимъ мужичкомъ дѣло страшное приключилось... Карпомъ его звали...

— Что же такое?

— Вымолвить страшно: вичутъ своихъ топоромъ зарубилъ... Трочка-то за милостыней ходили, а малые-то дома оставались... Ихъ и зарубилъ. Пришла сноха, спрашиваетъ объ нихъ, а онъ и говоритъ: „Молись,—теперь тебѣ все легче будетъ. Вотъ они!“—Царь многомилостивый, будь милосердъ къ намъ, грѣшнымъ!.. Полное онъ, Карпъ-то, разоренье принялъ... А мягкій мужичокъ-то былъ... Любящий... Оголодалъ, да и вино-то... Вышло дѣло-то не задолго до того, какъ уйти Нинѣ-то Петровнѣ... Такъ, недѣль

за шесть... Прощенья просимъ, сударь,—заклучилъ, вставая и кланяясь, старикъ.—Безпокойство у васъ большое,—не затруднить бы васъ.

Я распрощался съ Миропомъ. Похоронивъ отца, мы продали домъ, взяли мать съ собой и разстались съ Н окончательно. Больше намъ туда ѣздить было не зачѣмъ. Бѣгство Нины изъ деревни, рассказъ старика, письмо ея—все это не выходило у насъ изъ головы; все это было такъ мало понятно, что невольно припоминались самыя мелкія событія нашего знакомства съ Ниной: иногда казалось, что бѣгство ея было неизбежно, фатально, что ужъ его можно было предвидѣть и раньше; но когда припоминался старикъ, ея положеніе въ семьѣ его, тѣ любовь и вниманіе, которыми она была окружена, тотъ общій подъемъ, умственный и нравственный, который оказался въ этой семьѣ, лишь только она „освѣтила ее“, исключивъ возможность многихъ явленій, неизбежныхъ при невѣжествѣ,—при всемъ этомъ бѣгство ея становилось мало понятнымъ... А если еще припомнить самую Нину, ея деликатную чуткость, глубокую, страстную, правдивую душу... Однимъ словомъ, мы терялись, не могли ни на чемъ остановиться. Хотѣли было на обратномъ пути опять захватить къ Мирону Васильчу, по опасенію поставить семью въ неловкое положеніе, разбередить еще незажившія раны удержало насъ. Мы ограничились только тѣмъ, что на первой станціи попробовали разыскать ямщика-мистика, который первый сообщилъ намъ о пребываніи Нины въ деревнѣ. На постояломъ дворѣ, который держали его отецъ и братья, насъ встрѣтилъ сѣдой, дряхлый старикъ. На мой вопросъ: гдѣ Иннокентій?—онъ, подозрительно поглядывая на меня, отвѣчалъ: нѣтъ Иннокентія, нѣтъ!.. Иннокентій ушелъ... Зачѣмъ кому Иннокентій нуженъ?.. Ушелъ, ушелъ Иннокентій. На заработки ушелъ...

— Вретъ онъ, дѣдушка-то,—вдругъ сказала мальчуганъ, съ обратью на плечѣ, остановившійся, вѣроятно, мимоходомъ посмотреть на насъ.—Онъ у нихъ, Иннокентій-то, сбѣжалъ, еще лѣтось... Они его женить было хотѣли, а онъ сбѣжалъ... Монаха женить вздумали!—И подростокъ засмѣялся.

Я успокоилъ старика относительно его опасеній на мой счетъ, и тогда онъ, перекрестившись, сказалъ: „Да, ушелъ Ин-

нокентій, Богъ вѣсть куда... Ничего объ немъ не знаемъ, и голосу не подаетъ... Опъ ужъ у насъ всегда такой былъ... Должно, Господь указалъ ему пути... Что сдѣлаешь, сударь: человекъ на человека не приходится!... Всякъ своему пути отмыченъ... А какъ вы его знаете?"

Я рассказалъ старику о нашей встрѣчѣ, и мы разстались, тѣмъ болѣе, что отъ старика я больше ничего не могъ узнать.

Это извѣстіе объ Иннокентіи напомнило мнѣ его мистическія предсказанія... И тогда во мнѣ почему-то явилось предчувствіе, что я еще увижу Инну, что она снова пронесется предъ нами, какъ и прежде, неожиданнымъ блестящимъ метеоромъ, свершая свои „пути“.

Иванъ Ивановичъ всталъ и, видимо взволнованный, нѣсколько разъ молча прошелъ по комнатѣ, вытирая свою вспотѣвшую лысину и сосредоточенно смотря предъ собой, какъ будто онъ еще разъ переживалъ происшедшія въ его воспоминаніи событія.

— Спустя три года, я былъ переведенъ на службу въ N—скій полкъ...— началъ было онъ, но вдругъ остановился. — Впрочемъ, господа мои, уже свѣтаетъ... Да притомъ я совсѣмъ забылъ, что для продолженія у меня здѣсь нѣтъ писемъ къ намъ Инны... А потому смѣю просить васъ пожаловать всѣмъ обществомъ завтра ко мнѣ, если мои рассказы васъ интересуютъ. Тогда я доскажу вамъ его, буде ничто не помѣшаетъ! — заключилъ онъ съ своей обычно-добродушной улыбкой.

VI.

Спустя, — насколько мнѣ помнится, — годъ или два послѣ того, о чемъ я вамъ рассказывалъ, — такъ началъ Иванъ Ивановичъ, когда все общество, слушавшее его наканунѣ, собралось въ его маленькой гостиной, — я былъ переведенъ въ N—скій полкъ, стоявшій въ O—ой губерніи, да и расквартированъ-то онъ былъ въ уѣздъ. Чувшъ и глушъ, знаете, были порядочныя... Но такъ какъ я переводился съ повышеніемъ, то и зазнаваться особенно было нечего.

Небезызвѣстно вамъ, конечно, господа мои, что рѣдкій изъ насъ, и особенно

мелкотравчатыхъ врачей, проживетъ вѣкъ, не натолкнувшись на какую-нибудь драму... Да еще хорошо, если на одну... Я говорю про заправскую драму, не считая тѣхъ неизбежныхъ трагическихъ моментовъ, которые сопровождаютъ всякую смерть и при которыхъ намъ нерѣдко приходится присутствовать. Такъ я говорю о заправской драмѣ. Да еще мало, что просто только натолкнешься. Случается, что какъ-то самъ собой, невѣдомо, и затянешься въ нее: сначала по сурдоболію, потомъ какъ-то обстоятельства ужъ такъ запутаются, а тамъ, глядишь, люди, съ которыми столкнула тебя судьба въ критическій моментъ, уже стали къ тебѣ такъ близки, какъ будто ты вѣкъ съ ними прожилъ.

Такъ вотъ, мѣсяца черезъ три, какъ только я устроился съ квартирой, къ вечеру (а начиналась осень и смеркалось рано), мнѣ подаетъ деньщикъ заклеенное облаткой письмо. Развернулъ: почеркъ женскій, бѣглый, дрожащій; нѣкоторыя слова отъ волненія или поспѣшности смазаны. Написано: „умоляю, докторъ, притти немедленно: еще минута — и будетъ все кончено“. Подписи нѣтъ. Я велѣлъ позвать принесшаго письмо. Вошла мѣщанка съ кривымъ глазомъ и большимъ краснымъ носомъ, но при этомъ стыдливая и застѣнчивая.

— Далеко? — спросилъ я.

— Ахъ, нѣту... Вотъ только что улличку пройти... Только ужъ грязь, несусѣтная грязь!.. Нивъ жизнь не пошла бы, кабы ежели не человекъ захворалъ... Только что и есть — по-человѣчеству жалко.

— У васъ?

— Ахъ, нѣту!.. У постояльцевъ...

— Кто такіе? Чиповники? — спрашивалъ я, между тѣмъ, наскоро вздѣвая на себя амуницію.

— Ахъ, нѣту... Изъ Петербурга, вишь, присланы... Сказано только что намъ: „присматривайте“, а больше мы ничего не знаемъ.

— Не знаете, что у нихъ случилось?

— Ахъ, нѣту... Богъ ихъ знаетъ!.. Мы живемъ съ мужемъ смирно, все равно вотъ — монахи: ни дѣтей у насъ, ни собакъ, ни родни какой (другая какая есть родня-то — изъ дому выживетъ), копекъ — и тѣхъ не держимъ... Мы ни до чего стараемся себя не допускать... Сказано намъ: „присматривайте перавно“, а мы больше ничего не знаемъ.

Мы уже грузно шлепали по грязи въ

застилавшей насъ все больше кромѣшной тѣмѣ, а мѣщанка все говорила, идя сзади меня.

— Мы имъ довольны: ни шума, ни драки отъ него, ни скандаловъ... Тихо живеть. А то на него, должно, находить: запрется, не говоритъ, къ себѣ дня три не пускаетъ, не пьетъ, не ѣстъ, водки только купить (ну, только безъ дебоша)... А тутъ вотъ дня три, какъ она стала ходить. И опять же ни шума, ни скандала отъ этого самого... Тихо ведутъ себя. А намъ что! мы сами боимся трогать, только бы насъ не трогали,—мы всякаго стыда боимся... А сказано намъ: „присматривайте неравно что“; мы больше ничего не знаемъ.

Такъ мы дошли до обычнаго мѣщанскаго трехконнаго домика, раздѣленнаго со двора сѣнями на двѣ половины. Хозяйка отворила мнѣ дверь направо.

— Докторъ?—спросилъ меня тихо женскій голосъ въ темной передней.

— Да.

— Хозяйка, пожалуйста, самоваръ... горячей воды,—сказалъ тотъ же голосъ, и затѣмъ холодная, сухая рука схватила мою руку и стремительно увлекла меня за перегородку.

— Можно спасти,—говорила молодая женщина, задыхаясь. — Всего пять минутъ... Не больше пяти минутъ, какъ... я успѣла дать ему молока... Рвота была вызвана...

Ни я, ни она не посмотрѣли другъ на друга. При свѣтѣ маленькой керосиновой лампы мы оба глядѣли въ блѣдное, вытянутое, постоянно спазматически морщившееся лицо больного, лежавшаго на кровати, въ черномъ сюртукѣ, съ разстегнутой голой грудью. Волосы на головѣ спутаны, зрачки расширены, бѣлки выразительно выкатились, взоръ блуждалъ безучастно и холодно... Для меня были ясны всѣ признаки отравленія.

Дѣйствительно, своевременная помощь возымѣла свои результаты: здоровье больного было внѣ всякой опасности. Но онъ былъ еще очень слабъ и нервенъ. Впрочемъ, нервность, повидимому, была уже его органическимъ недостаткомъ. Когда онъ пришелъ въ себя, первое движеніе, сдѣланное имъ, показывало раздраженіе и недовольство.

Когда Инна (я уже узналъ ее, хотя мы не говорили объ этомъ другъ другу ни слова) подала ему стаканъ съ водой, онъ нервнымъ жестомъ отвелъ ея руку

со стаканомъ, отвернулся лицомъ къ стѣнѣ и проговорилъ: „напрасно... совершенно напрасно! И замолчалъ. Инна съ выраженіемъ полурастерянной скорби отошла отъ него, поставила на маленький столикъ у его кровати стаканъ и вышла въ соседнюю комнату. Я присѣлъ къ больному и, слушая пульсъ, вематривался въ его фигуру. То былъ еще очень молодой человекъ, лѣтъ 27—28, повидимому, менѣе чѣмъ средняго роста, худой и слабый комплекціи, лицо тоже было худое, щеки ввалились; носъ и губы небольшіе, тонкіе, глаза изѣбра голубые, съ нависшими надъ ними полуутомленными вѣками; небольшая русая борода и русые волнистые волосы на головѣ,—все это, вмѣстѣ взятое, придавало ему ту красоту интеллигентнаго типа, который нестолько поражалъ изяществомъ и общей гармоніей, сколько рѣзкимъ, характернымъ выраженіемъ какой-нибудь одной части лица: глазъ, лба или губъ, бросавшихъ отраженные лучи уже на всю физиономію.

Иногда такое выраженіе бываетъ обаятельно, несмотря на самые грубые диссонансы, которые кладетъ на такіа лица происхождение изъ низшихъ общественныхъ слоевъ. То иногда въ губахъ остается непріятная слащаво-рабская и подхалюзническая складка, которую вы встрѣчали такъ часто у сельскаго подвыпившаго батюшки или у сидѣльца въ лавочкѣ, то расплуснутые, широкіе ногти и суставы на пальцахъ выдаютъ случайность породы. Это на первый разъ производитъ рѣзко-непріятное впечатлѣніе отъ такихъ фигуръ, въ особенності когда онѣ покойны. Но достаточно малѣйшаго импульса, чтобы основное выраженіе вдругъ освѣтило все ихъ существо и въ мигъ исчезли всѣ такіа шероховатости. У моего пациента именно была такая непріятная складка около губъ и такіе же некрасивые, расплуснутые ногти. Но зато въ изгибѣ мягкихъ бровей и линіи лба у волнистыхъ волосъ была какая-то неизъяснимая прелесть, говорившая объ упорной, беззавѣтной работѣ души и ума. Трудно, конечно, передать это словами...

Принесли лѣкарство; я далъ ему дозу и ждалъ, когда онъ успокоится или заснетъ. Заснулъ онъ скоро. Я тихо вышелъ въ соседнюю комнату. Инна сидѣла въ креслѣ, въ знакомой уже мнѣ позѣ, съ неменѣе знакомымъ выраженіемъ холоднаго ужаса на лицѣ, застывшая, неподвижная.

И как же она измѣнилась, господа мои!.. Я уже не видѣлъ въ ней ни той Нины, порывистой, страстной, нервной и гордой, но, вмѣстѣ, сіяющей молодой жизнью восемнадцатилѣтней дѣвушки, когда она навѣстила насъ съ женой въ N; не узнавалъ я въ ней и той робко-смущенной своимъ необычнымъ положеніемъ мужицкой жены, но полной женскаго, деревенскаго здоровья. Теперь я видѣлъ молодую женщину, молчаливую, замкнутую въ себѣ, сдержанную, съ задумчивою грустью на лицѣ, какъ будто она провела нѣсколько лѣтъ сидѣлкой въ больницѣ или сестрой милосердія въ военномъ лазаретѣ. Даже выраженіе холоднаго ужаса на ея лицѣ не было уже такимъ наивно-неожиданнымъ, какъ то было прежде: оно какъ-то казалось въ ней теперь обычнѣе. Впрочемъ, можетъ быть, это такъ казалось теперь именно. Обстоятельства, столкнувшія насъ, были не совсѣмъ обычныя... Она тотчасъ же замѣтила, что я вошелъ, и поднялась мнѣ навстрѣчу.

— Вы теперь вполнѣ увѣрены, докторъ, что нѣтъ никакой опасности?—спросила она, пытливо глядя мнѣ въ глаза, съ выраженіемъ такого гнетущаго страданія, что мнѣ стало страшно.

— Вполнѣ! Примите и вы полдозы... Вамъ необходимо... Успокойтесь,—сказалъ я, подавая ей лѣкарство.

— Вы меня узнали?—чуть улыбаясь, шепотомъ проговорила она и пожала мнѣ руку.

— Да, конечно...

— Вотъ судьба!—проговорила она еще тише. Затѣмъ она хотѣла что-то еще сказать, заикнулась, но промолчала, и потомъ спросила:—Скажите, что я должна буду дѣлать еще, когда вы уйдете? Что ему будетъ нужно?.. Какъ я счастлива, что судьба послала васъ,—прибавила она съ такой неожиданной искренностью и неподдѣльной радостью, что я смутился.

— Я вамъ скажу; но не можете ли вы мнѣ хотя намекнуть на причины... Отъ этого можетъ зависѣть...

Вдругъ она вся заволиновалась въ испугѣ и тѣнь неудовольствія мелькнула по ея лицу.

— Бога ради... Развѣ безъ этого нельзя? Вѣдь, можно? Скажите, докторъ, можно?—крѣпко сжимая мнѣ руку, говорила Нина чуть не со слезами на глазахъ.—Кромѣ меня и его, объ этомъ не знаетъ никто... Да вотъ вы... Неужели будетъ дознаніе, полиція?..

— Нѣтъ, нѣтъ, успокойтесь,—сказалъ я,—я васъ не вынуждаю... Если я спросилъ, то чисто въ медицинскихъ цѣляхъ.

— Вы мнѣ вѣрите? Онъ самъ принялъ ядъ. Вотъ его записка. Довольно?.. А больше зачѣмъ же?.. Выносить на позоръ... это... на пустое любопытство людей...

Нина закрыла лицо руками и помолчала.

— Нина, вы меня обижаете,—замѣтилъ я.—Я уже вамъ сказалъ...

Но Нина не слыхала, или не хотѣла слушать меня и продолжала, все еще закрывъ глаза руками:

— Причины?.. Да развѣ можно... это... измѣрить... передать въ двухъ словахъ... Эти муки... Ихъ надо чувствовать вотъ тутъ, вблизи ихъ... боясь прикоснуться къ нимъ... Все, что я знала, видѣла раньше,—и тамъ... и тамъ,—все это предъ ними... Докторъ, можно, чтобы все это осталось между нами? можно? скажите?—спросила она порывисто, опять сжимая мнѣ руку:

— Можно, можно... Будьте спокойны,—поторопился отвѣтить я.—Только скажите, ручаетесь ли вы, что онъ настолько все-таки владѣетъ собой, что не повторитъ чего-либо подобнаго? Иначе, надо предусмотрѣть...

— Да, ручаюсь!—твердо выговорила она, и даже какъ будто нѣсколько враждебный ко мнѣ огонь блеснулъ въ ея карихъ глазахъ.—Скажите, что и какъ я должна давать ему по вашему рецепту?

Я далъ ей наставленіе и поспѣшилъ уйти, обѣщавъ навѣстить больного завтра утромъ.

Нѣтъ, это ужъ не прежняя Нина, думалъ я,—нѣтъ. Даже этотъ враждебный огонекъ, мелькнувшій на минуту въ ея глазахъ и напомнившій что-то знакомое, даже и онъ не могъ изгладить того, совершенно новаго, впечатлѣнія, какое произвела на меня Нина... Жалко мнѣ ее съ чего-то стало, господа мои!.. Жалко, потому что полюбилъ я ее въ этотъ моментъ еще больше, ближе она какъ-то стала мнѣ, роднѣе.

На утро мнѣ къ нимъ, однако, попасть не удалось. Рано, чуть не съ разсвѣтомъ, я былъ потребованъ въ полковую больницу на ампутацію, гдѣ долженъ былъ провозиться, по крайней мѣрѣ, до обѣда. Впрочемъ, я сказалъ женѣ, что

если придетъ Нина, пусть дадутъ мнѣ знать тотчасъ же. Когда я вернуся домой, оказалось, что за мной Нина не присылала. Полагая, что никакой опасности, слѣдовательно, не предвидится для ея больного, я рѣшилъ немного отдохнуть, чтобы уже зайти къ ней вечеромъ. Было темно и грязно на улицѣ; еще темнѣе и грязнѣе было во дворѣ и сѣняхъ дома мѣщанки. Ворота и двери вездѣ были отперты, но ни огня, ни самой мѣщанки нигдѣ не было видно. Съ трудомъ пробравшись чрезъ дворъ, я, забывъ ходъ, совсѣмъ потерялся въ темныхъ сѣнахъ. Я только слышалъ, какъ за одной дверью громко раздавался чей-то раздражительный голосъ; мнѣ даже казалось, что эта дверь была приотворена, но я тщетно старался найти ее ощупью. Пока я нашелъ, наконецъ, ее,—я могъ совершенно ясно разслышать все, что говорили за дверью. По первымъ же фразамъ я понялъ, что это говоритъ мой пациентъ. То былъ голосъ слабый, но напряженный, который, казалось, готовъ былъ каждую минуту перейти въ отчаянный визгливый выкрикъ глубоко потрясеннаго человѣка. Онъ говорилъ скоро, словно теряя слова, путаясь.

— Вы знаете, я самъ сынъ мужика... *настоящаго* мужика,—говорилъ онъ приблизительно такъ.—Вы думаете, у насъ первъ нѣтъ?.. Вы думаете, нервы—это привилегія?.. Комки первъ!.. Какія красивыя слова!.. комки первъ!.. Я самъ сынъ мужика, — напряженно шепталъ онъ, хотя такъ ясно и отчетливо, что я могъ слышать его отъ слова до слова — и мнѣ говорить... про него!.. Мнѣ указываютъ... мнѣ рекомендуютъ его, мужика... Зачѣмъ вы тамъ? Отъ пресыщенія, отъ душевнаго зуда... Вы ищете... вамъ нужно сильныхъ ощущений... декорацій... вамъ хочется растратить свой вкусъ... свой притупленный вкусъ остротой... новыхъ (Мнѣ казалось, онъ задохнется: до такой степени напряженности достигъ его слабый голосъ)... Вы кощунствуете... Кощунствуете!—вдругъ закричалъ онъ, и въ его голосѣ послышались чуть не рыданія.

Я уже отворилъ дверь и мнѣ такъ показалось неловкимъ войти въ этотъ моментъ. Признаюсь вамъ, я былъ въ очень скверномъ положеніи. Несмотря на то, что я старался громче снимать калоши, собесѣдники, повидимому, рѣшительно забыли все окружающее. А, между тѣмъ, непрежнему, рѣзко и отчетливо доноси-

лись до меня слова возмущеннаго молодого человѣка.

— Если вы тамъ, у этого поскокнаго мужика... моего родича... если вы тамъ... отъ пресыщенія, то я... я здѣсь... я здѣсь—отъ голода!.. Зачѣмъ вы опять пришли ко мнѣ?.. Пристыдить... своими жертвами, своимъ великодушіемъ?.. Живите тамъ... Вы, можетъ быть, каетесь въ грѣхахъ? Мнѣ не въ чѣмъ каяться!.. Я не пойду... не пойду назадъ *туда*... Не пойду!—истерически выкрикнулъ онъ.

Я уже теперь могъ не только слышать, но и видѣть его. Онъ стоялъ, заложивъ руки за спину и прислонившись къ стѣнѣ (Нину я не могъ видѣть за дверью). Несмотря на страстность своей рѣчи, онъ, видимо, старался ни однимъ жестомъ не выдать своихъ ощущений. Притомъ, онъ, должно полагать, былъ очень слабъ еще; колѣни у него какъ будто подгибались, такъ какъ онъ постоянно переступалъ съ ноги на ногу; весь онъ какъ-то смотрѣлъ осунувшимся, голова постоянно уходила въ плечи, и только въ лихорадочной, безпокойной бѣготѣ глазъ, да въ напряженныхъ повышеніяхъ и пониженіяхъ голоса выражалась вся страстность его возмущенной души.

Я уже хотѣлъ войти, какъ услышалъ голосъ Нины, и невольно остановился въ дверяхъ.

— Вы неправы... относительно меня неправы,—чуть слышно донесся до меня ея голосъ, какой-то убитый, болѣзненный.

— Мы всегда предъ вами были неправы,—быстро сказала ея собесѣдникъ, — это не новость. Вы—подвижники... мы—эгоисты!.. Намъ, какъ извѣстно, нечего терять... Вы бѣжали отъ своихъ, отказались отъ всего этого, своего, а вотъ я, мужикъ, хочу взять все это, въ чемъ вы потеряли смыслъ... отъ пресыщенія... Все, все возьму! И всему придамъ свой смыслъ, вкусъ... При этихъ условіяхъ, конечно, не легко намъ понять другъ друга... Оставьте это! — вдругъ прервалъ онъ себя и перешелъ въ другой уголъ, засмѣявшись жиденькимъ смѣхомъ.

Я вошелъ и сказалъ:

— Часто приходится врачамъ быть невольными участниками интимныхъ минутъ, но я еще никогда не былъ въ такомъ безвыходно-неловкомъ положеніи.

Но мое оправданіе не произвело ни на Нину, ни на ея собесѣдника никакого впечатлѣнія. Онъ остановился въ углу, спокойный и сдержанный, а Нина, блѣд-

ная, худая (и такая она мнѣ показалась тогда маленькая, нѣжная, хрупкая!), медленно поднялась съ мѣста, протянула мнѣ руку и, указывая на моего пациента, сказала тихо, улыбаясь:

— Онъ не слушается меня, докторъ.

Молодой человѣкъ, не измѣняя позы, стоялъ у стѣны.

Мы познакомились другъ съ другомъ, пожавъ руки. Онъ спокойно далъ мнѣ выслушать пульсъ, хотя нѣсколько пренебрежительно, какъ на комедію, смотрѣлъ вообще на мой визитъ. Онъ былъ совсѣмъ здоровъ, хотя и слабъ еще. И это мнѣ какъ-то даже показалось неприятно. Мнѣ казалось, что больна-то и требуетъ помощи и вниманія Инна, а не онъ. Едва я внимательно взглянулъ на ея лицо, какъ меня поразила на немъ печать душевныхъ мученій и бессонныхъ ночей.

— Вы здоровы, — сказали я молодому господину, нѣсколько даже грубо отстранивъ его руку, — а вотъ она больна дѣйствительно, и намъ не мѣшало бы позаботиться о ней и не увеличивать, по крайней мѣрѣ...

И недоговорилъ въ недовольномъ раздраженіи, охватившемъ меня при видимомъ безсердечіи моего пациента. Я подошелъ къ Иннѣ.

— Какія наши боли! намъ терять нечего, — пробормоталъ молодой человѣкъ и, взявъ со стола шляпу, вышелъ.

Я былъ раздосадованъ. Инна чуть не съ мольбой смотрѣла мнѣ въ глаза, торопливо и внимательно ловила мои наставленія, обѣщала все, все исполнить, увѣряла, что вовсе не такъ больна, — вообще, старалась всячески сгладить неприятное впечатлѣніе на меня молодого человѣка... Но, повидимому, ей хотѣлось, чтобы я поскорѣе кончилъ свой визитъ. Она сказала:

— Теперь, докторъ, нѣтъ никакой особой опасности... Благодарю васъ от души (и она такъ искренно пожала руку)... Вы не беспокойтесь приходить завтра, если я не приду къ вамъ сама... А я непременно, непременно приду...

И она опять говорила съ такой мольбой, съ такимъ извѣщеніемъ. И опять она мнѣ показала такую маленькую, слабую, хрупкую, забитую.

Теперь она была въ простенькомъ, черномъ платьѣ, узкомъ и поношенномъ, но какъ разъ, кажется, теперь пришедшемся ей по нехудалому, слабому тѣлу; бѣ-

лый вязанный платокъ былъ накинутъ на плечи, и она старалась кутаться въ него, чтобы согрѣть свои охолодѣвшіе нервы, а отчасти, можетъ быть чтобы, скрыть и свой не совсѣмъ чистый воротничокъ, иногда мелькавшій изъ-подъ платка. Черная коса, не свитая, а чуть закрученная пальцами, тяжело держалась на гребенкѣ; густыя рѣсницы, казалось, едва поднимались надъ усталыми, большими глазами, съ синими кругами внизу... И при всемъ этомъ такая она была робкая, смиренная духомъ. И что это была за своеобразная, жгучая и жуткая красота!... Двѣ-три секунды я смотрѣлъ на нее, не спуская глазъ... Да, господа мои, есть красота, предъ которой... пасуемъ и мы, солидные эскулапы!.. Помню, мнѣ тогда пришла въ голову мысль: говорятъ, что красота—это нѣчто неизмѣнное, абсолютное... Нѣтъ!.. Есть только красота типа, столь же глубокая, столь же фатальная, органическая, непобѣдимая, сколько и разнообразная, разнообразная, но *всегда одинаковая и обязательная* для другого, однороднаго съ нею типа... Что мнѣ, напримѣръ, красота Венеры или Діаны, Сикстинской мадонны?.. Богъ съ ними! Можетъ быть, я профанъ, грубый бауэръ, но что же мнѣ, однако, дѣлать, если *типъ* этой красоты ничего не говоритъ моему сердцу? А вотъ красота Инны—это другое дѣло. И ее постигаю, ибо она присуща ей односторонностью рѣзала не только глаза, но и сердце... медицинское, господа мои, медицинское сердце стараго эскулапа. Можетъ быть, велико, по все же ужасно-время, создавшее типъ красоты истекающаго кровью сердца...

А, вѣдь, съ Инной это и было... Вы ужъ простите, что я впередъ забѣгаю. Вѣдь, Инна для насъ словно родная стала, своя... Вѣдь, предо мной вся-то ея безконечная драма вотъ какъ здѣсь, словно на блюдечкѣ... Какъ же мнѣ не знать теперь, какъ это сердце-то кровью истекало!.. Да я и тогда ужъ догадывался (чего догадывался! съ перваго же взгляда на нее зналъ, въ чемъ тутъ все будетъ дѣло!).. Ахъ, страданія, страданія!.. —сказалъ неожиданно Иванъ Ивановичъ, взволнованный, обычнымъ жестомъ глядя свою лысину. —Возвести въ перлъ красоты страданія души, муки Танталя—это прогрессъ!—закричалъ наивный пѣмецъ, стукнувъ краснымъ кулакомъ по столу и обводя всѣхъ слушателей добродушно выкатившимися и блестящими въ гнѣвъ

глазми:—Это не прогрессъ... Это чортъ знаетъ что такое, чортъ знаетъ что!.. Прогрессъ—довести людей до созданія страдальческаго типа красоты!..

Онъ помолчалъ и потомъ прибавилъ:

— Я, конечно, медикъ, человѣкъ объективной, такъ сказать, науки: вы можете сказать, что у меня, можетъ быть, нѣсколько специальный взглядъ на красоту... Это такъ, это такъ!.. Но вы не имѣете права думать, что у меня у самого нѣтъ сердца,—застучалъ онъ грозно на вѣхъ толстымъ пальцемъ по краю стола.—Я не лишился способности стонать, когда мнѣ больно... А мнѣ больно!—заклочилъ онъ и, съ глазами полными слезъ, шумно всталъ изъ-за стола и вышелъ въ другую комнату.

Такой неожиданный пассажъ со стороны добродушнаго доктора привелъ его гостей въ немалое смущеніе. Нѣсколько минутъ въ комнатѣ стояла тишина, пока не вернулись докторъ. Онъ принесъ съ собой огромный графинъ съ водой и стаканъ, серьезно поставилъ на столъ и, сконфузившись самъ, проговорилъ: „Вы ужъ меня простите... Вѣдь, господа, не любовную же я вамъ только исторію, въ самомъ дѣлѣ, передаю?“

Онъ положилъ голову на руки, помолчалъ и потомъ тихо и медленно сталъ продолжать:

— Ни во весь слѣдующій день, ни въ еще слѣдующій Инна къ намъ не заходила. Полагая, что она могла слезъ и, изъ ложнаго стыда или изъ самонадѣянности, въ надеждѣ на свою выносливость, она нарочно не посылается за мной, я зашелъ въ домъ мѣщанки. Мѣщанка сообщила мнѣ, что жилецъ ея съѣхалъ на другую квартиру, „можетъ, къ ней,—прибавила она,—вѣдь, она, сама-то, у насъ не жила; жилъ только онъ... А можетъ, и совсѣмъ уѣхалъ... Кто ихъ знаетъ! Имъ есть приказъ, чтобы безъ *отмѣтки* квартиру не мѣнять, а онъ вонъ до сихъ поръ *отмѣтки* не несетъ... Что имъ *отмѣтки*! А гдѣ они теперь,—я не знаю... Мы этому дѣлу не интересны...“ Въ такомъ же невѣдѣніи и недоумѣніи ушелъ и я отъ мѣщанки. Но Инна такъ часто исчезала съ моихъ глазъ и такъ всегда неожиданно, что—я уже привыкъ утѣшать себя мыслью, что я связанъ съ нею какими-то таинственными нитями и что я ее, въ концѣ-концовъ, непременно встрѣчу.

Вернулся я домой и еще не успѣлъ

въ точности передать своихъ соображеній женѣ насчетъ новаго исчезновенія Инны, какъ къ намъ вошла она.

Я взглянулъ на нее, и у меня сжалось сердце. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что ужъ тутъ все кончено... Тутъ не было ни порыва, ни увлеченія, ни заблужденія: тутъ былъ обѣтъ. Вотъ такой же обѣтъ, какой даютъ монахини предъ постриженіемъ.

Послѣ нѣсколькихъ обычно-житейскихъ фразъ Инна, неожиданно смутившись, тихо сказала мнѣ:

— Вы несправедливы къ *нему*... Вы обидѣлись на *него*, да?

— Мнѣ больно за васъ... Онъ былъ жестоко къ вамъ.

— Онъ? Жестокъ?—тихо повторила она и, какъ бы въ недоумѣніи, покачала головой.—И это вы говорите, вы, докторъ?!—упрекнула она меня.

— А что?

— Неужели для васъ жестокость страдающаго въ отношеніи къ другимъ больше жестокости самихъ этихъ страданій?..

— Смотри, конечно, по тому, какъ... сталъ было я оправдываться.

Какъ вдругъ Инна встала и быстро, въ волненіи, прошла раза два молча по комнатѣ.

— Я вамъ скажу: когда онъ вернулся послѣ васъ, онъ долго не говорилъ ни слова,—заговорила она, присѣвъ опять на стулъ, опустивъ глаза и не глядя ни на меня, ни на жену,—и ходилъ, шатаясь, какъ на вѣтру, вдоль комнаты и молчалъ, молчалъ упорно, когда я старалась заговорить съ нимъ, успокоить его... Потомъ вдругъ остановился, закрылъ рукой глаза и зарыдалъ... Я подбѣжала къ нему. „Уйдите,—заговорилъ онъ шопотомъ,—уйдите отъ меня, оставьте насъ.. Оставьте... однихъ!.. Что мы вамъ?.. Мы одни, мы одиночки, мы паріи... У насъ нѣтъ еще ни сестеръ, ни братьевъ, ни отцовъ, а тѣмъ болѣе...“

Инна не договорила и замолчала.

— Онъ еще слишкомъ слабъ,—замѣтилъ я.

Помолчавъ минуту, она сказала торопливо:

— Я пришла съ вами проститься... И теперь уже, навѣрно, надолго... навсегда, можетъ быть,—прибавила она, улынувшись.

— Да, я это предчувствовалъ,—быстро сказалъ я. И въ тонѣ моего голоса зазвучала ли какая-нибудь невольная

сердечная нота, или уже въ самомъ дѣлѣ между нами и Ниной, благодаря судьбѣ, установились, независимо отъ насъ, близкія, интимныя отношенія, только Нина съ особымъ чувствомъ пожалала мнѣ руку.

— Нина, не забывайте насъ; можетъ быть, мы будемъ вамъ чѣмъ-нибудь полезны... Будьте какъ родная съ нами, не стѣсняйтесь... Вѣдь, вы тоже одна на свѣтѣ,—сказала моя жена, беря Нину за руку.—Съ деревней, конечно, у васъ есть связи... но...

— И онъ одинъ,—прибавила Нина.

— Вы съ нимъ?

— Да, вѣроятно... я почти увѣрена.

— Далеко?

— Далеко... На востокъ...

Мы всѣ, по странному единодушію, замолчали.

И, господа мои, нѣмецъ, какъ вамъ извѣстно, а нѣмцы чувствительны. У меня, у стараго дурака, горло перехватило, въ груди стѣснило... Конечно, конечно... Я ничего не говорю... Я готовъ молиться на нее... Но... я нѣмецъ и притомъ врачъ: я не люблю страданій.

Я слышалъ, какъ жена тихо спросила Нину:

— Вы его любите, Нина?

Нина смутилась и растерянно смотрѣла въ лицо женѣ.

— Не знаю,—сказала она, словно въ недоумѣніи, и тихо покачала головой. Потомъ вдругъ поднялась и торопливо проговорила:—Если это любовь... то я никогда не знала и не буду знать выше этой любви! И вы, пожалуйста, обо мнѣ не грустите,—прибавила она такимъ неожиданно надменнымъ и холоднымъ тономъ, что, въ свою очередь, смутились мы.

— Если насъ судьба иногда сводила, то это не значитъ, что мы во всемъ понимаемъ другъ друга...

Это были ея послѣднія слова. Губы ея поблѣднѣли, глаза засвѣтились такъ знакомымъ мнѣ холоднымъ блескомъ; она выпрямилась, холодно пожалала намъ руки и, гордая, надменная, вышла... И какая прекрасная!.. Когда я смотрѣлъ влѣдъ ея стройной и строгой въ своей простотѣ фигурѣ, мнѣ казалось, что она вотъ тутъ, на моихъ глазахъ, постепенно росла и росла, изъ маленькаго, хилаго, слабого созданія вдругъ превратилась въ величавую тѣнь и скрылась.

Мы съ женой долго молчали, пораженные этой неожиданной переменой

въ настроеніи Нины. Положимъ, оно намъ было уже не новость, и, тѣмъ не менѣе, мы были поражены.

— Какъ она иногда ужасно похожа на своего отца,—затѣмила мнѣ жена.—Признаюсь, онъ мнѣ былъ всегда противенъ, и по крѣпостническимъ принципамъ, и по личной безправственности, но, случилось, когда онъ говорилъ о своихъ врагахъ... объ уступкахъ имъ... въ немъ что-то было... именно вотъ это... красивое... гордое... сильное...

— Барская дочь!—прибавилъ я, и хотя мнѣ было больно и горько, но почему-то... и эта ея всышка, и эти случайно сорвавшіеся съ языка слова меня ободрили... Ей-Богу! И не знаю, почему!—наивно заключилъ Иванъ Ивановичъ, весело предложивъ своимъ гостямъ отдохнуть и закусить.

VII.

— Ну-съ, а теперь пускай она рассказываетъ вамъ сама... Тутъ ужъ я ни за что не отвѣчаю!—сказалъ Иванъ Ивановичъ, снова собравъ гостей вокругъ себя и выпимая изъ бокового кармана пакетъ, видимо приготовленный заранѣе. Вотъ тутъ разныя письма... У меня они давно всѣ перенумерованы по порядку. Остановки не будетъ. А потому, безъ дальнихъ объясненій, мы прямо перейдемъ къ дѣлу.

Черезъ годъ послѣ этой странной встрѣчи съ Ниной, въ которой, конечно, многое показалось вамъ загадочнымъ, мы получили отъ нея одинъ за другимъ нѣсколько пакетовъ. При первомъ находилась такая приписка, какъ и слѣдовало ожидать, не безъ странностей:

Т—ъ, 18.. г.

Лизарь.

Я вамъ расскажу все... Да, вы были правы, когда говорили, что я—одна на свѣтѣ. Вѣдь, дѣйствительно, ближе васъ, случайныхъ и добрыхъ знакомыхъ, у меня никого болѣе не осталось уже тамъ, въ Россіи. И даже у насъ обоихъ,—и у Колыбина ближе васъ нѣтъ, хотя вы, докторъ, и недолюбливаете его... Какіе длинные здѣсь вечера и ночи!.. Но мы молоды, бодры, и свѣжи—и, Богъ дастъ, переживемъ ихъ... Итакъ, я передамъ вамъ все. Вы, можетъ быть, и не предполагаете, что я при своей замѣнутости, чуткой подозрительности и недовѣріи

страстно, однако, люблю откровенничать. Я всю жизнь тайно страдала, что у меня не было друга, которому я могла бы открыть свою душу, который не только понял бы ее безъ словъ, безъ объясненій, но и освѣтилъ бы для меня самой ея смутный міръ... Теперь есть Колобъинъ и сынъ, — но послѣдній слишкомъ малъ, а первый ужъ очень строгій и вдумчивый анатомъ, чтобы понимать то, что простая и добрая душа читаетъ между строками. Прочтите и не сердитесь больше на меня... Мнѣ самой такъ хочется вновь перечувствовать и продумать все, что я пережила. Я думаю, что переписка съ вами доставитъ мнѣ это удовольствіе.

Ваша Нина.

Января 15.

Я думала начать съ описанія всего, что случилось со мною съ того дня, какъ я вышла замужъ за Андрея. Я думала, что это будетъ легко, что мнѣ самой станетъ легче. Нѣтъ, это очень мудрено... и тяжело, кажется, хотя какъ будто вышло все такъ просто... Да и зачѣмъ вамъ рассказывать? Вы видѣли меня тамъ, въ деревенской хатѣ, знаете, кто мои деревенскіе родные, слышали, что и какъ они говорили... Вѣдь, они говорятъ все такъ искренно, такъ просто; какъ думаютъ, чувствуютъ, такъ и говорятъ. Бѣльшей правды не скажу и я сама. Что касается моихъ личныхъ, внутреннихъ ощущеній, то они были такъ неуловимы, опредѣленны и, въ то же время, такъ гнетущи (я говорю уже про послѣднее время)...

Можетъ быть, потому и гнетущи, что я не могла ихъ ясно сознать, опредѣлить... Иногда я цѣлыми часами смотрѣла на своего ребенка, не спуская глазъ, и въ моемъ воображеніи росли картины, одна другой ужаснѣе: иногда мнѣ казалось, что между мною и моимъ прошлымъ выросла уже страшная, глубокая, непроходимая пропасть. Не во снѣ, но наяву мнѣ чудилось, что я бѣгаю съ своимъ ребенкомъ по краю этой пропасти, ища хотя какого-нибудь мостика, хотя простой жерди, чтобы... нѣтъ, нѣтъ! не перейти туда, на тотъ, оставленный берегъ, а только просто узнать, убѣдиться, что вотъ эта жердь, этотъ мостикъ еще не исчезъ, еще онъ есть... Странная вещь! Мнѣ думалось, что какъ ни страшно казалось мнѣ это мое прошлое,

какъ ни отталкивало оно меня (собственно, оно ничѣмъ и нимало не тянуло меня къ себѣ), но мнѣ думалось, — останься для меня эта маленькая жердь, останься только эта надежда, не пугай меня эта пропасть своей непроходимостью, я бы успокоилась. Мнѣ казалось, что все-таки тамъ, за этой пропастью, осталось что-то, изъ чего я могла бы сдѣлать не то, что дѣлали всѣ тамъ, что дѣлала я...

Со мной былъ вскорѣ послѣ вашего отбѣзда случай. Какъ-то насъ позвали въ барскую усадьбу полоть гряды. Работы было много, такъ что мы оставались въ саду до поздняго вечера. Вдругъ заиграли на роялѣ. Это не особенно меня поразило, хотя я стала прислушиваться, — мнѣ было пріятно. Это было просто дѣло привычки. Мнѣ даже сначала нѣсколько не понравилось; я сразу поняла, что игрокъ былъ очень неискусный, постоянно фальшивилъ, но онъ скоро сталъ подпѣвать подъ аккомпанементъ слабымъ, жиденькимъ голосомъ. Пьесу онъ игралъ тоже очень мнѣ знакомую, которую мы тамъ играли обыкновенно просто въ шутку... Но я все слушала. И вотъ, что-то непонятное, тоскливое защемило у меня въ груди... Мнѣ хотѣлось плакать... Никогда, никогда не знавала, не чувствовала я раньше, что въ этой избитой пьескѣ былъ такой неожиданный-странный, новый, чарующій смыслъ. И этотъ смыслъ придалъ ей этотъ неискусный, безголовый артистъ. Я чувствовала, что это онъ, и никто больше. Онъ скоро сразу прервалъ пьесу и вышелъ на балконъ. Это былъ простой армейскій офицеръ, некрасивый, съ большою, гладко остриженной головой. Онъ прислонился къ столбу балкона и сталъ смотрѣть на насъ пристально, задумчиво. Кажется, онъ даже не различалъ насъ хорошенько.

Тогда мнѣ, не знаю почему, захотѣлось посмѣяться надъ нимъ.

— А хорошо ты поешь, баринъ! — сказала я.

Онъ взглянулъ на меня все тѣмъ же задумчивымъ взглядомъ, посмотрѣлъ внимательно и потомъ такъ серьезно сказалъ:

— Тебѣ не понять это. Ты — баба.

— Что же такъ? Али ужъ бабы не люди? — заговорили наши работники.

— Если бы вы поняли это... — возразилъ было молодой человекъ, но вдругъ замолчалъ, опять внимательно и задумчиво посмотрѣлъ на насъ и, повернувшись, медленно ушелъ съ балкона.

Что онъ хотѣлъ сказать послѣдними словами, я даже не поняла. Но я чувствовала, какъ кровь залила мнѣ все лицо, щеки и шею. Мнѣ сдѣлалось за что-то грустно, обидно, стыдно... Это ощущение, неопредѣленное, гнетущее, не покидало меня очень долго. Мнѣ казалось иногда, что, будь предо мною рояль, я въ тысячу, миллионъ разъ лучше сыграла бы то же самое, что игралъ онъ. Мнѣ казалось, что я уже уловила, поняла этотъ „новый смыслъ“, который онъ придумалъ избитой песнью; казалось, что я все бы оживила имъ, все, и это мое прошлое, и мое настоящее. Мнѣ снилось иногда, что подъ мою игру рыдали мой отецъ, моя мать, мои сестры и вѣстѣ съ ними рыдаютъ и мужъ, и свекровь, и эти работницы.

Но зачѣмъ все это я передаю вамъ! Пожалуйста, не придавайте этому особаго значенія. Этотъ случай только такъ, небольшую, очень небольшую представляеть страничку изъ того, что я чувствовала тогда... Онъ мнѣ просто такъ подвернулся. Этого офицера я больше никогда не встрѣчала. Только одно опредѣленное осталось у меня отъ этого эпизода: это тяжесть новыхъ совершенно ощущеній, которыя я не имѣла кому передать... кромѣ сына, и то въ безмолвныхъ взглядахъ, сидя у его кровати, когда онъ спалъ.

Добрые люди, окружавшіе меня, были слыхомъ добры, чтобы понимать эти загадочныя, запутанныя душевныя бури, которыя я плохо понимала сама.

Оставимъ это.

Вы слышали объ ужасномъ случаѣ со старикомъ Карпомъ, который—помните?—все молился объ успокоеніи „ангельской души“ своей доброй барыни и все сожалѣлъ обо мнѣ? Онъ зарубилъ своихъ маленькихъ внучатъ.

Не знаю, черезъ двѣ или три недѣли послѣ того, какъ у насъ разсказывали объ этомъ, я, не говоря никому ни слова изъ домашнихъ, боясь разспросовъ и отговариваній, собрала кое-какія, оставшіяся у меня отъ мамы на память золотыя вещи, пѣшкомъ дошла до станціи и поѣхала въ Москву.

Поѣхала бы я въ это именно время въ Москву или нѣтъ, не случись этого происшествія, я, право, не знаю... Вѣдь, вы, конечно, понимаете, что это былъ случай, и притомъ рѣдкій. Но онъ вдругъ что-то во мнѣ сдѣлалъ опредѣленнымъ,

яснымъ. До этого времени я какъ будто блуждала въ лѣсу, томительно, тяжело, тоскуя; я чувствовала, что кругомъ меня было тепло, хорошо, на зеленой муравѣ, въ цвѣтахъ, въ прохладной чащѣ, а, между тѣмъ, неопредѣленный ужасъ, боязнъ за что-то охватывали меня... И вотъ я вижу дорогу. Я выпрямилась, вздохнула и бойко пошла по ней. Я хорошенько не знала, куда приведетъ меня эта дорога, можетъ быть, совсѣмъ не туда, куда мнѣ пужно. Но это было все равно: я чувствовала одно, что я была уже не въ лѣсу, а на дорогѣ.

Я вамъ разскажу, отчего и какъ это вышло. Вотъ это важно... Это, дѣйствительно, можетъ вамъ дать понять многое.

Мнѣ шель всего шестнадцатый годъ. Я только что начинала показываться блѣдной, едва мерцающей звѣздочкой среди звѣздъ нашего „большого свѣта“. Меня стали вывозить на вечера. Однажды я съ отцомъ, утромъ, заѣхала къ моей подругѣ, дочери одного очень важнаго барина. Баринъ этотъ былъ очень умный и добрый старикъ (его всегда считали такимъ), но ужасно лѣнивый. Ему ничего не стоило бы добиться очень виднаго поста, но онъ не хотѣлъ разстаться съ своей собачкой, съ своимъ кабинетомъ и съ своимъ мягкимъ оттоманомъ. Можетъ быть, ему даже правилось больше, что за нимъ присылали „для совѣщаній“, когда были какія-нибудь важныя событія. Онъ этимъ гордился и былъ доволенъ. Его собачка (маленькій шпизль), которую онъ постоянно таскалъ на рукахъ, была извѣстна во всемъ нашемъ „свѣтѣ“. Онъ не разставался съ ней также, какъ съ своей табакеркой. Мой отецъ былъ хорошъ съ нимъ; его дочь, какъ я уже вамъ сказала, была моей подругой. Въ приемной насъ встрѣтили отецъ и дочь. Мы о чемъ-то заболтали и все еще оставались въ приемной, какъ слышимъ рѣзкій звонокъ у подъѣзда, одинъ, другой. Слуга, должно быть, отлучился. Князь хотя и былъ добрый человекъ, но не любилъ рѣзкихъ звонковъ. Онъ начиналъ волноваться и сердиться, и уже топнулъ ногой, когда вошелъ слуга и доложилъ, что какой-то молодой человекъ просить позволенія видѣть его с—ство по важному дѣлу. Князь внимательно разспросилъ лакея о молодомъ человекѣ, поморщился, подумалъ, почесалъ раза два подбородокъ и нѣсколько разъ повторилъ: „Уди-

вительно, какъ поздно является всегда мой секретарь". Слуга ждалъ.

— Скажи: рано, не принимаютъ, — наконецъ, рѣзко выговорилъ онъ.

Слуга вышелъ, но черезъ минуту вернулся опять, объяснивъ, что проситель не уходитъ и настаиваетъ, что имѣетъ сообщить о чемъ-то неотложно важномъ.

Князь уже сморщился совсѣмъ, что-то поворчалъ, потомъ сказалъ: „проводи въ канцелярію“. И самъ пошелъ туда. Мы продолжали разговаривать еще съ его дочерью въ приемной, которая не торопилась пригласить насъ въ гостиную, какъ кажется, очень заинтересованная просителемъ. Ходъ въ канцелярію былъ черезъ приемную. Скоро мимо насъ, вѣдъ за слугой, прошелъ невысокаго роста молодой человѣкъ, въ странномъ, мѣшкова-томъ сюртукѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы; большіе манжеты ужасно смѣшно выползали изъ рукавовъ чуть не до самыхъ ногтей. Было замѣтно, что онъ нарочно припарядился и чуть ли не съ чужихъ плечъ. Въ рукѣ у него былъ старый цилиндръ, который онъ не зналъ какъ держать. Волосы были у него мокрые и спутавшіеся, вѣроятно, отъ скорой ходьбы. Онъ былъ очень смущенъ и неловокъ; почему-то раскланялся даже съ нами. И только одинъ глаза какъ-то лихорадочно горѣли и почти вовсе не выражали смущенія. Лидія тотчасъ пригласила моего отца въ гостиную, а мы пешнута, чтобы я шла за ней. Мы почти бѣгомъ пустились по коридорамъ и подошли къ канцеляріи со стороны другой боковой двери, и здѣсь въ небольшую щель стали наблюдать, что дѣлалось за дверью. Разслышать и понять мы сумѣли немного, т. е. почти ничего. Слышали, что молодой человѣкъ за кого-то просилъ, за какого-то „парня“, какъ онъ говорилъ; слышали, что онъ, кажется, нарочно очень часто повторялъ „ваше сіятельство“, держалъ себя очень униженно, какъ слуга (намъ тогда такъ казалось), но, въ то же время, всл его рѣчь была книжна, попадались французскія и даже изысканныя выраженія. Князь на всѣ его слова что-то бурчалъ, отрицательно кивалъ головой, пожималъ плечами. Но глаза молодого человѣка разгорались все больше, все становились лихорадочнѣе. На щекахъ все ярче загоралась кровь. „Онъ хорошъ!“ — шепнула мнѣ Лидія. Какъ вдругъ молодой проситель вскрикнулъ, сорвавшись съ кресла:

„Ваше сіятельство! вѣдь, кровь... чело-вѣческая кровь... Положимъ, онъ — паря, ничтожество, отребье, но, вѣдь, онъ чело-вѣкъ... Вѣдь, вы поймите, изъ какихъ наивнѣйшихъ побужденій!“

Князь еще не успѣлъ отвѣтить, какъ молодой человѣкъ упалъ ему въ ноги: „ваше сіятельство!.. Онъ мнѣ чужой... Мнѣ онъ — все равно... А за кровь чело-вѣческую... за кровь! Вы можете сдѣлать, должны!“

Князь вскочилъ въ испугъ и изумленіи. Мы перепугались. Князь сталъ его уговаривать и успокаивать, и, наконецъ, должно быть, кое-какъ выпроводилъ.

Мы съ Лидой уже сидѣли въ гостини и таинственно переговаривались глазами, ожидая, когда войдетъ князь.

Князь вошелъ все еще съ непритворнымъ изумленіемъ на лицѣ, хотя и не забылъ взять подъ мышку шипца. Помахивая другой рукой съ табакеркой, онъ говорилъ:

— Признаюсь!.. Не встрѣчалъ!.. Я даже, знаете, сначала побаивался... Я думалъ онъ изъ этихъ, разныхъ... Даже велѣлъ слугѣ остаться у дверей... И вдругъ, представьте, образованный молодой человѣкъ, дѣльный, умный, — и вдругъ въ ноги, какъ мужикъ!.. Признаюсь... Не встрѣчалъ!.. Въ ноги — и плачетъ, весь трясется!..

— Что же такое съ нимъ?

— Да ничего-съ, ничего-съ съ нимъ-самимъ не дѣлалъ!.. Совсѣмъ за посторонняго человѣка, за негодя — парня, котораго на-дняхъ приговорили къ разстрѣлу за поджоги!..

И князь разсказалъ какую-то исторію, которую я теперь забыла уже, вѣроятно, потому, что плохо поняла ее тогда. Но мы съ Лидой долго разсказывали другимъ подругамъ про молодого просителя. Такъ или иначе, онъ насъ поразилъ тогда.

И вотъ онъ-то мнѣ вдругъ припомнился, тогда, послѣ исторіи со старичкомъ Карпомъ.

Я поѣхала въ Москву. „Зачѣмъ?“ — спрашивала я себя всю дорогу, и въ волненіи твердила одно: „я скажу, какъ живутъ люди... Вотъ этотъ старикъ Карпъ... Вѣдь они... я... мой сынъ... И зачѣмъ эта пропасть...“ Такъ повторяла я, тщетно стараясь самой себѣ уяснить собственные отвѣты. Определенно я знала одно: что я ѣду и что я должна ѣхать. И я чувствовала, что была

бодрѣе, сильнѣе, что меня уже не давила никакая гнетущая, неопредѣленная тяжесть.

Января 20.

Въ Москвѣ я, прежде всего, разсчитывала на одну старушку, бѣдную польскую дворянку, бывшую большой пріятельницей съ моею матерью. Эта старушка была предобрая и пречестная женщина. Болѣе десяти лѣтъ, какъ она овдовѣла и лишилась своихъ молодыхъ сыновей. Съ тѣхъ поръ она стала замкнутой, тихой и вся ушла въ свой внутренний міръ. Жила она одна, варила себѣ сама кофе и кушанье; перечитывала со слезами на глазахъ „великаго Адама“ (Мицкевича) и тихо, укромно, плакала по вечерамъ. Она не любила ходить къ своимъ знатымъ знакомымъ, не заискивала, не сплетничала. И только иногда, отъ скуки, вышивала коврики и дарила ихъ какой-нибудь вертушкѣ-барышнѣ или старой княгинѣ. Мама часто насть водила съ сестрой къ ней; она угощала насть польскими плясками и мазурками; мы съ большимъ аппетитомъ уничтожали ихъ, а онѣ съ мамой шептались о чемъ-то, по-польски вели длинныя бесѣды, то та, то другая поднося къ глазамъ бѣлые батистовыя платки. Такова была эта панна Зося, какъ звала ее мама; я могла разсчитывать и на ея радушіе, и на то, что она не знала еще моего „романа“, хотя, вѣроятно, знала о нашемъ разореніи.

Панна Зося уже десять лѣтъ жила все въ одной и той же комнатѣ, у той же нѣмки, отдававшей въаймы небольшія квартирки. И не ошиблась, отправившись прямо туда. Панна Зося все еще жила тамъ. Теперь она посѣдѣла, похудѣла, но была все та же.

Сначала панна Зося ахнула, потомъ поплакала, потомъ накормила меня, а черезъ два дня она, собравши кое-какое свое старье, обрядила меня во все черное, чуть не въ трауръ. А на третій день я уже звонила у того же княжескаго подъѣзда, гдѣ нѣкогда звонилъ странный молодой человекъ. Я сказала слугѣ фамилію моего отца и, конечно, была счастливѣе молодого человека: меня не держали у подъѣзда и въ лакейской.

Но я не стану описывать всей этой длинной комедіи моихъ странствованій въ „большомъ свѣтѣ“, въ которой, изъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, только у ме-

ня на душѣ что-то ломалось, сжигалось, оставляя послѣ себя удушливый смрадъ, чадъ и пустоту. Вы не думайте, что это оттого, что страдало мое личное самолюбіе. Нимало. Я и прежде этого не боялась. Мнѣ изумлялись, отъ меня приходили въ восторгъ, меня... даже уважали. Я знала ихъ. Выйди я замужъ за какого-нибудь гувернера, учителя, за адвоката, за актера, — вообще, за рагуveni, — о, сколько кислыхъ сожалѣній пришлось бы выслушать!.. А, главное дѣло, всѣ знали бы, что я пришла просить чего-нибудь для мужа, и всѣ спѣшили бы чѣмъ-нибудь помочь (по крайней мѣрѣ, на словахъ), восклицая: ахъ, да, да, вѣдь, мы понимаемъ, что ты должна нуждаться! etc. Но жена мужика — это что-то совсемъ не то, совсемъ другое... По крайней мѣрѣ, я не имѣла поводовъ краснѣть, хотя бы невольны... И за то спасибо!.. Я заставила относиться къ себѣ съ тѣмъ же уваженіемъ, съ какимъ относились ко мнѣ нѣкогда въ тѣхъ же залахъ. Ни Лидія, ни Агнія, ни Marie не вехлищывали: ахъ, мы понимаемъ, какъ ты должна быть несчастлива!.. и не спѣшили съ предложеніемъ устроить въ мою пользу базаръ или что-нибудь такое, philanthropique, или замолвить, въ хорошую минуту, словечко своему мужу о моемъ и т. п. Тутъ ужъ не было ничего подобнаго! Онѣ были изумлены и растерялись... Пропастъ, лежавшая между ними и мужикомъ, была такъ громадна, что даже не выработались формы какого-либо взаимодѣйствія между ними... Онѣ терялись, — что бы по добротѣ душевной могли предложить мужику: денегъ? Но, вѣдь, онъ не ѣздитъ въ каретахъ, въ театръ, онъ не носитъ сюртуковъ и цилиндровъ. Хлѣба? Но онъ самъ весь купается въ хлѣбѣ и сами же у него покупаютъ вес. Мѣсто? Но у него есть мѣсто — земля и кругомъ него столько земли, что онъ можетъ ходить по ней, куда и какъ хочетъ. Да, это совсемъ что-то другое, другой міръ, который удовлетворялъ всегда самъ всѣмъ своимъ потребностямъ и, вѣроятно, будетъ продолжать дѣлать также и послѣ, не тревожа ихъ. И это мнѣ, знаете, даже понравилось сначала, что тутъ лежитъ такая пропасть... Умный и добрый князь, встрѣтившій меня, по обыкновенію съ собачкой, представлялъ себѣ эту пропасть вполне уже лено.

— Я уважаю мужика, другъ мой, — сказалъ онъ, пожимая мѣ руку. — Мы —

здѣсь, онъ—тамъ; это необходимые элементы, безъ которыхъ не можетъ существовать государство...

— Что скажете, другъ мой?—еще при-
вѣтливѣе сказалъ старый князь, когда я
попросила у него два слова наединѣ и
когда мы усѣлись одинъ противъ друго-
го въ его кабинетѣ.

Сбиваясь, путаясь, волнуясь, я, дол-
жно быть, говорила очень непонятно, по-
тому что князь, внимательно выслушавъ,
сказалъ серьезно:

— Потрудитесь резюмировать, другъ
мой, все сказанное вами.

— Зачѣмъ эта пропасть, князь, за-
чѣмъ?.. Отъ нея весь ужасъ!—съ за-
пальчивостью воскликнула я.

— Я уже имѣлъ случай, другъ мой,
наекнуть вамъ на мой взглядъ по это-
му вопросу: я искренно желалъ бы, и
считаю это необходимымъ, чтобы мужикъ
всегда оставался мужикомъ... Всякая по-
пытка перейти пропасть—гибельна для
него... и для государства. Вдумайтесь въ
это, другъ мой.

— Но вы не знаете, князь, что вся-
кая мысль объ этой невозможности столь-
ко рождаетъ зависти, неудовлетворен-
ныхъ стремлений... Тамъ—бѣдность, не-
вѣжество...

— Зависть? Это нехорошее чувство. И
я думаю, что это завидуютъ нехорошіе лю-
ди, другъ мой, которые не уважаютъ се-
бя, свой трудъ... Да, я не желалъ бы
видѣть такихъ людей въ деревнѣ. Мнѣ
даже кажется, что собственно о „пропа-
сти“ это только вы говорите съ такимъ
чувствомъ, это ваши субъективные ощу-
щенія... Это вы не удовлетворяетесь, а
не народъ... Ему нечего дѣлать... среди
насъ, намъ—у него.

— Но эти потребности есть и растутъ...
Ихъ нужно удовлетворить...

— И-нѣтъ,—серьезно покачалъ голо-
вой князь,—народъ не развивать, а со-
кращать долженъ эти потребности.

Я была изумлена. Я привыкла считать
князя „умнымъ и добрымъ“ и не ожидала
встрѣтить отъ него такого страннаго ка-
тегорическаго убѣжденія. Насколько было
у меня силы убѣжденія и красокъ, я пе-
редала ему случай со старикомъ Карпомъ.

— Да, печальная, печальная исторія,—
сказалъ онъ, и не безъ искренности, хо-
тя тутъ же заволновался, когда неосто-
рожно придавилъ самъ же ланку своему
шпиду.—Скажите! Вотъ ужъ до чего до-
шло! Боже мой, Боже мой,—шепталъ онъ.

Я спросила его, что не находитъ ли онъ,
что и это произошло отъ возрастанія въ
народѣ лишнихъ потребностей, зависти?

— Да, да, именно!—вдругъ заговорилъ
онъ, быстро и въ волненіи вставая съ
кресла. — Вашъ народъ виноватъ въ
этомъ... Изъ среды его выросла сорная,
скверная трава... Это—люди, которые
грабятъ насъ и его, которые восстано-
вляютъ его противъ насъ, развивая въ
немъ зависть, потому что они сами за-
видуютъ намъ... Они не только грабятъ
народъ матеріально, — они грабятъ его
нравственно... И, если мы желаемъ счастья
народу, мы должны употребить все си-
лы противъ нихъ. Мы—здѣсь, народъ—
тамъ; это, другъ мой, законъ исторіи, ко-
торый нельзя нарушать безнаказанно...
Я всегда буду глубоко уважать васъ,
другъ мой, если вы внесете въ свою
семью, въ своихъ дѣтей сознаніе, что
положеніе крестьянина самое почтенное,
что всякая зависть къ намъ гибельна
для его правоты, что это непреложный
законъ исторіи.

Такъ заключилъ князь, прощаясь со
мною.

Я вышла, лицо мое горѣло, сердце би-
лось. Я была ошеломлена, растеряна.
Мнѣ было обидно, что я сознавала, что
князь былъ правъ... Зачѣмъ онъ не былъ
не правъ? Зачѣмъ онъ не былъ глупъ,
жестокъ, зачѣмъ не лѣдѣвался надо-
мною?... Зачѣмъ я не ползала въ его по-
гахъ, не молила его?... О старикѣ Кар-
пѣ онъ сказалъ, что его, навѣрное, по-
милуютъ, онъ позаботится, что этому не-
счастному надо молиться Богу... Но не-
ужели князь былъ правъ?... И что же та-
кое я? Вѣдь, я ушла изъ деревни не изъ
прихоти; она, эта деревня, сама мнѣ ука-
зывала путь... Кто же правъ?... Но все
одно,—я пойду ко всеѣмъ имъ, я всеѣмъ
имъ расскажу...

И я обходила всеѣхъ, всеѣхъ, кто толь-
ко зналъ меня (я уже почти не обраща-
ла вниманія, что мною интересуются, ме-
ня осматриваютъ, какъ Робинзона, возвра-
тившагося съ острова, населеннаго ди-
кими). И я рассказывала имъ все... Но я
вамъ всего этого рассказывать не буду...
Ну, что жъ, я была наивна, невѣжествен-
на, но я была искренна.

Июля 25-го.

У панны Зоси я жила уже третій мѣ-
сяцъ. Чтобы какъ-нибудь пропитаться и
помочь хотя немного въ деревню, я на-

шла кое-какіе уроки черезъ своихъ бывшихъ подругъ. Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ мое душевное состояніе становилось неспокойнѣе, невыносимѣе... Представьте: *исторія*, о которой говорилъ мнѣ князь N, не выходила у меня изъ головы. Во мнѣ что-то кипѣло, рвалось наружу, мнѣ хотѣлось рыдать за кого-то, молить, валяться въ ногахъ, быть униженной, страдать, страдать, чувствовать боль, муки, чтобы въ этомъ найти опредѣленный исходъ хаосу чувствъ и мыслей, который не давалъ мнѣ покоя... Вы поймете мое положеніе, если я вамъ скажу, что весь этотъ блескъ, въ которомъ я жила нѣкогда и теперь увидала снова, вызвалъ въ моей душѣ всю мучительную драму, которую я пережила и которую я стала забывать... Эта пустота интересовъ, окруженная роскошью, этотъ блескъ, образованія, искусства, изящества, наполнившій всю жизнь,—и среди нихъ тѣни моего отца, матери, сестеръ... Зачѣмъ я увидала опять все это? Зачѣмъ перенесли меня вдругъ въ это прошлое, отъ котораго я ушла и которое не измѣнилось ни на каплю? И все, все могла считать, какъ по пальцамъ,—что дѣлали Marie у Sophie, Natalie у Lise, о чемъ онѣ говорили, за чѣмъ были въ театрѣ, что видѣли тамъ, что чувствовали... Какая тоска, какая мука!... Нѣтъ, меня ничто не влекло къ нимъ. Что же, опять туда, въ деревню, на другой берегъ пропасти? Но, вѣдь, зачѣмъ-нибудь я ушла оттуда, что-то вырвало меня? Что же и кто кидаетъ меня, какъ мячъ, черезъ эту пропасть: отсюда—туда, оттуда—сюда и опять отсюда—туда?... Кто же это играетъ мной такъ безсердечно?... А, вѣдь, у меня захватываетъ духъ, пока я вижу, что вишу надъ пропастью... Ужъ лучше куда-нибудь: либо тамъ, либо здѣсь!... И съ каждымъ днемъ я чувствовала, что у меня нѣтъ больше силъ висѣть надъ пропастью; мнѣ казалось, что я вотъ-вотъ сорвусь и полечу въ нее, безъ сознанія, безъ воли...

Января 30-го.

— Знаете, панна Зося, какая смѣшная мысль пришла мнѣ въ голову,—сказала я за обѣдомъ и расхохоталась сама.—Мнѣ хочется побывать въ театрѣ... Я думаю сходить сегодня.

— Чего жъ ты смѣешься, брильянт мой?—сказала въ удивленіи панна Зося.—Давно бы пора тебѣ... Молодая дѣвица

(она все считала меня дѣвушкой-сиротой),—и никакихъ развлеченій!... Боже мой, какъ въ твои годы отплясывала я мазурку и краковякъ! О, какое то было хорошее время!

И панна Зося заплакала.

Я, дѣйствительно, пошла въ театръ, на самый верхній балконъ. Играли какую-то передѣлку изъ Шекспира, каждый актъ которой такъ и кипѣлъ раздирающими сценками. Шекспира даже я не могла узнать: всѣ монологи были сокращены и выпущены... Я помню, мнѣ стало скучно; блескъ декораций меня раздражалъ; музыка, игравшая избитые мотивы, тоже. Я стала разсматривать окружающую меня публику, въ среду которой я попала въ первый разъ. Я никогда прежде не видала этой публики,—ни въ садахъ, ни въ деревнѣ. Это что-то разнообразное, шумящее, толкающееся и неопредѣленное, какъ улица... Да, именно, именно улица. Я даже испугалась, такъ какъ не могла представить себѣ, чѣмъ и какъ эти люди живутъ, что думаютъ, какъ чувствуютъ; эта кинга была для меня закрыта. Тутъ были солдаты, какія-то дѣвушки-модистки, веселыя и хохочущія, приказчики изъ лавокъ, студенты, какія-то неопредѣленные личности въ попошенныхъ черныхъ сюртукахъ, пальто и шляпахъ. Какъ вдругъ меня поразила одна такая фигура. Это былъ молодой человѣкъ, невысокаго роста, худощавый, съ бородой; небольшие волосы были всклокочены, галстукъ на боку. Онъ стоялъ, прислонившись къ колоннѣ, и внимательно, задумчиво смотрѣлъ то на сцену, то на публику, не измѣняя ни позы, ни выраженія лица. Когда окружающіе начинали хлопать, онъ вдругъ изумленно осматривалъ всѣхъ служащими глазами, какъ будто спрашивалъ: „что съ вами?..“ Когда одинъ разъ онъ также вдругъ повернулся въ мою сторону, я испугалась... Это былъ тотъ самый молодой человѣкъ, котораго я, пять лѣтъ тому назадъ, видѣла валявшимся въ ногахъ у князя N. Я думала, что я ошиблась, и стала пристально наблюдать за нимъ. Да, это былъ онъ: тѣ же робкія движенія, то же умоляющее, смиренное, даже нѣсколько заискивающее выраженіе лица, какъ будто у каждаго онъ готовъ былъ просить извиненія, и тѣ же лихорадочные глаза, которые одни не гармонировали съ этимъ смиреніемъ: умные, острые, пронизывающіе.

И его испугалась, но не боялась; я чувствовала, что кто умѣетъ такъ плакать о другихъ, того нечего бояться. Онъ вышелъ еще до конца спектакля. Я тотчасъ же пошла за нимъ и окликнула его:

— Вамъ случалось бывать у князя N по дѣламъ?

— Да,—отвѣтилъ онъ, осматривая меня.—Вы тоже тамъ были по дѣламъ?

— Нѣтъ, я сама принадлежала къ ихъ обществу.

— А теперь?

— Теперь я учительница.

— А!.. Вы гдѣ живете? Я, кажется, встрѣчалъ васъ въ меблированныхъ комнатахъ Мейера?

— Да.

— Намъ съ вами по дорогѣ; я живу тамъ же.

Мы прошли нѣсколько шаговъ молча.

— Вы любите театръ?

— Нѣтъ, такъ зашелъ... чтобы не ходить уже никогда больше. Я смотрѣлъ на публику.

— Вы, можетъ быть, не любите искусство? Я слыхала, что теперь есть такіе...

— Я?—неожиданно спросилъ онъ.—Я люблю его, какъ любовницу... Я молюсь ему... Но не этому, не этому!... (Онъ помолчалъ). Все извращено, все растлило — живопись, скульптуру, музыку, поэзію...

— Вы художникъ?

— Да, я художникъ... Погодите, дайте мнѣ вздохнуть. (И онъ, дѣйствительно, остановился и вздохнулъ глубоко, сильно.) Я все это разрушу, это извращенное, дряхлое, дряблѣе... Я изгону изъ храма этихъ фарисеевъ, торгашей и паяцовъ; я разрушу самый храмъ и разгону эту глупую толпу, которая гогочетъ и ликуетъ, не понимая, что ее отравляютъ, извращаютъ ея сердце, ея мозгъ... Да, я разрушу и создамъ новое искусство, новую науку, философію... Погодите, дайте мнѣ только...

Я молчала, пораженная изумленіемъ. Мнѣ иногда думалось, что онъ сумасшедшій. Онъ все чаще ускорялъ шаги; я едва поспѣвала за нимъ. А онъ все говорилъ... о новомъ искусствѣ, о новой наукѣ.

Мы подошли къ дому.

— Заходите, если интересно,—сказалъ онъ, не подавая руки.—N 15, Колобынъ.

И вдругъ какъ-то съжившись, униженно, робко прѣскользнулъ онъ въ ворота мимо дворника.

Феврала 1-го.

Я зашла къ Колобыну на другой же день. Онъ жилъ на дворѣ, грязномъ и вонючемъ, во второмъ, дешевомъ отдѣленіи меблированныхъ комнатъ. По грязной, узкой и темной лѣстницѣ я кое-какъ добралась до его номера. Это была маленькая комнатка, въ одно окно, низкая и грязноватая, вся, по полу, столамъ и стульямъ, забросанная книгами, картинами, рукописями; мнѣ показалось, что онъ даже спалъ на книгахъ, такъ какъ ими заложена была желѣзная кровать, на которой не было видно ни одѣяла, ни подушки. Самъ Колобынъ сидѣлъ у стола, въ старомъ пиджакѣ, поджавъ подъ стуль ноги, и что-то внимательно читалъ. Увидавъ меня, онъ быстро всталъ, сконфузился и, освободивъ одинъ стулъ, съ замѣшательствомъ предложилъ мнѣ сѣсть.

— Вы гдѣ живете?—спросилъ онъ.

— Да вы же знаете...

— Ахъ, да, да... Знаю... Вы, кажется, общались прити ко мнѣ слушать Шекспира?.. Я помню, я вамъ общалъ,—говорилъ онъ, ища книгу.

— Нѣтъ, вы мнѣ ничего этого не говорили,—сказала я, улыбаясь. Меня забавляла его растерянность.

— Не говорилъ?.. Ну, все равно... Давайте читать... Вы знаете „Бурю“ Шекспира?

— Да, читала...

— Читали?—произнесъ онъ, смотря на меня съ грустью и сожалѣніемъ,—и ничего?

Я сконфузилась.

— Не смущайтесь... Для васъ... для всѣхъ вашихъ это такъ и должно быть...

Онъ взялъ книгу, раскрылъ и, положивъ на нее руку, сказалъ:

— Это—величайшее, гениальнѣйшее произведение, которое когда-либо создавалъ человѣкъ... Это великій пророкъ XVI вѣка говорить съ поколѣніемъ XX. Новое искусство создастъ ему новый храмъ и увѣнчаетъ новой славой...

Колобынъ сталъ читать. Что это было за чтеніе, я не могу вамъ передать... Только у меня спирало дыханіе, сердце билось. Кровь приступала къ щекамъ, голова кружилась. Я чувствовала, что меня охватило, оцѣпенило это „новое“, о

которомъ онъ говорилъ. Что это такое было, я не знаю. Я помню только одно, что тамъ, гдѣ прежде, какъ мнѣ казалось, пѣли птицы и ангелы,—раздавались стоны, предсмертныя муки и проклятія, а тамъ, гдѣ прежде рычали звѣри, гдѣ буйствовала пьяная и грязная толпа, гдѣ исчезало всякое подобіе человѣческаго горя, отчаянія, такіе могучіе клики высокой человѣческой души оглашали воздухъ, что мнѣ казалось, будто все перевернулось передо мной: день сталъ ночью, а ночь днемъ.

Онъ кончилъ и долго сидѣлъ молча, задумавшись надъ книгой.

— Вы были вчера въ театрѣ?—спросилъ онъ меня. (Онъ въ разсѣянности забылъ пашу встрѣчу).

— Да.

— Вы замѣтили, что вчерашняя пьеса была передѣлка этой „Бури“?

— Да.

— Вы видѣли тамъ это чудовище, этого звѣря, гадкаго, смѣшного и отвратительнаго, валявшагося по сценѣ, на потѣху гоготающей публики, предъ лучезарнымъ Просперо... Это Калибанъ. Это Калибанъ?!... Я—Калибанъ, я, я, я!..—вскричалъ онъ, вскакивая со стула.

Глаза Колобынина горѣли, румянецъ залилъ его щеки, весь онъ сіялъ ровнымъ, мягкимъ, робкимъ свѣтомъ восторженнаго художника. Я невольно поднялась съ мѣста вслѣдъ за нимъ.

— Подойдите сюда,—сказалъ онъ и, взявъ со стѣны покрытую холстомъ картину, поставилъ ее на мольбертъ и открылъ: на картинѣ былъ изображенъ самъ Колобынинъ, въ костюмѣ Калибана, валявшійся въ ногахъ Просперо.

Я смутилась и, краснѣя, спросила его:

— Это вы... а это...

— Это Калибанъ и Просперо,—холодно отвѣтилъ онъ.—Это вся исторія человѣчества, вся глубь ея, единственный фокусъ, въ которомъ сконцентрировано все... Вы знаете исторію?.. Это вотъ все исторія,—показывалъ онъ рукой на книги,—и тамъ, и тутъ... Знаете,—шопотомъ сказалъ онъ мнѣ, смотря боязливо на дверь,—мнѣ одного недостаетъ—знанія исторіи... Въ этомъ вся разница, все дѣло... Погодите, я ее узнаю... Я уже и теперь многое знаю... Я уже вижу то мѣсто, я уже намѣтилъ его... эту точку, въ которую надо упереть архимедовъ рычагъ...

Однако довольно. Я начинаю вамъ рассказывать даже про то, что можетъ представлять неключительный интересъ только для меня.

Февраля 2-го.

Шли дни за днями. Каждый вечеръ я возвращалась отъ Колобынина очень поздно, очень утомленной. Панна Зося не на шутку стала беспокоиться обо мнѣ. Я видѣла, что заставляла понапрасну тревожиться старушку и, однако, не въ состояніи была остановиться. Меня влекло что-то непонятное, но сильное, неудержимое. Меня обливалъ свѣтъ, и въ то же время мнѣ казалось, что я хожу въ туманѣ. Возвращаясь отъ Колобынина, я долго не засыпала, иногда цѣлыя ночи... Иногда бредила, тревожа панну Зосю даже по ночамъ. Она прикладывала къ моей разгоряченной головѣ холодныя компрессы, а въ моемъ бѣдномъ мозгу шла напряженная работа, помимо моей воли и сознанія: образы, фантастическіе и реальныя, цѣлыя вереницы мыслей наплывали одни на другія, какими-то новыми, неизвѣданными ощущеніями трепетало во мнѣ все... Я чувствовала, какъ передо мной все шире и шире открывался горизонтъ человѣческой исторіи, съ его загадочно-чарующимъ смысломъ... Великія произведенія искренности мыслей предъ мною всіми своими перлами... Я была въ восторгѣ, томленіи и мукѣ. Когда я закрывала глаза, забывалась, мнѣ чудилось, что я снова, какъ въ дѣтствѣ, „летаю“, расту вновь.

Иногда Колобынинъ пропадалъ дня два, на три. Однажды я встрѣтила его на толкучкѣ, среди кучки оборванцевъ; одинъ изъ нихъ что-то говорилъ, другіе слушали, смѣялись или ругались. Колобынинъ сидѣлъ съжавшись, низко опустивъ голову, и тоже слушалъ... Послѣ этихъ скитаній онъ возвращался домой по большей части грустный, и иногда говорилъ:

— Я каждый день смотрю на страшное, тяжелое, уродливое колесо, которое вертится неустанно и все мнетъ, давитъ на моихъ глазахъ... Я слышу, какъ лопается живое мясо, хрустятъ кости... Я ползаю предъ нимъ, умоляю—вертится!..

Иногда я заставляла его сидѣвшимъ въ углу, на книгахъ; онъ плакалъ.

Однажды онъ исчезъ на цѣлую недѣлю. Я не узнавала себя. Меня охватила

тоска. Безъ него я не находила мѣста. Я томилась, какъ будто вдругъ покинули меня въ безлюдной, безводной степи. Наконецъ, я не выдержала и пошла искать его; я ходила изъ улицы въ улицу, съ площади на площадь, надѣясь на случайную встрѣчу. Такъ продолжалось день, другой... И вдругъ я какъ будто проснулась, какъ будто внезапно спали сковывавшія меня чары: таинственный туманъ, окружавшій меня, разсѣлся. „Что это значитъ?—спрашивала я себя.—Зачѣмъ я здѣсь? Что это за человѣкъ? Куда онъ ведетъ меня? Я не вижу, не знаю ничего опредѣленнаго... Но развѣ за этимъ я шла сюда, бросила семью, ребенка?.. Зачѣмъ? Къ чему все это?..“ И меня охватила такая жажда раскаянія, покаянія, смиренія; такъ страстно захотѣлось мнѣ вернуться къ теплу деревенской семьи, къ простымъ, совершенно понятнымъ, опредѣленнымъ мыслямъ, чувствамъ, людямъ, къ своему сыну, что я немедленно собралась, къ изумленію панны Зоси, и въ тотъ же вечеръ, предъ поѣздомъ, зашла проститься къ Колобину.

— Я пришла съ вами проститься,—сказала я.—Благодарю васъ за тѣ минуты... которыя дали мнѣ такъ много... Но я должна... У меня есть обязанности... У меня семья въ деревнѣ...

— Что же вы тамъ будете дѣлать?

— Работать. Я—жена крестьянина.

— Вышли замужъ за мужика?—спросилъ онъ,

— Да.

— Зачѣмъ?

— Мнѣ казалось, такъ лучше... Это все-таки настоящая жизнь...

— А!... —сказалъ онъ, какъ будто что-то понявъ, и въ его глазахъ мелькнулъ злой, нехорошій огонь.—Желаю вамъ счастья!—проговорилъ онъ холодно и засмѣялся мнѣ вслѣдъ жиденькимъ, надтреснутымъ смѣхомъ.

Апрѣля 20-го.

Я такъ давно вамъ не писала, что и забыла, на чемъ остановилась... Но все равно—пора кончить. Я начинаю чувствовать, что дѣлаю изъ своей жизни, въ самомъ дѣлѣ, романъ. Это противно... Вы спрашиваете меня, какъ же встрѣтили меня въ деревнѣ? Какъ и слѣдовало. Простыя мысли, простыя чувства должны быть просты, искренни и грубы. Моя семья очень наивно изумилась, что я вернулась... къ нимъ.

Когда я подходила къ воротамъ, около нихъ стоялъ мой добрый свекоръ.

— Нинушка, да никакъ это ты?—сказалъ онъ.—Что же это съ тобой? Али не приняли ужъ свои-то? Ахъ, ты, горюшка моя, горюшка... Все еще не положишь, знать, Господь тебѣ предѣлъ...

— Развѣ ты мнѣ не радъ?—спросила я, улыбаясь, а у самой отъ предчувствія забилось сердце.

— Какъ не радъ!.. Я тебѣ не радъ?.. Да ужъ, право, зачѣмъ это ты опять... Страдѣе теперь будетъ, страдѣе...

И онъ качалъ головой и охалъ, когда мы входили въ избу.

— Да никакъ это Нина Петровна,—еще въ сѣняхъ заговорила испуганно и громко свекровь.—Да чтой-то такое, Господи!.. И опять въ сарафанѣ,—въ чемъ ушла, въ томъ и пришла!..

— А то какъ-же?—смѣялась я.

— А мы ужъ такъ ожидали, что, молъ, прѣдетъ наша Нина Петровна въ колымагѣ барской, четверкой... Встрѣтимъ, молъ, мы ее съ хлѣбомъ-солью... А при ней вельможа какой ни есть... въ орденѣхъ... Мужики-то мекали, что ревизія всему будетъ,—говорила умная мать, серьезно и громко и чуть-чуть насмѣшливо подмигивая старику и собравшимся золовкамъ и старухамъ.

— Ну, съ чего вы это взяли?—шутила я, стараясь казаться бодрѣе, и въ то же время чувствовала, какъ падало во мнѣ сердце.

— Да какъ же съ чего!.. Вѣдь, не въ пустое же ты мѣсто это дѣлала?.. Ну, сама посуди, кто ради пустого мѣста хозяйство бросить... мужа, али ребенка?.. Какой ни есть—тоже мужъ... Вѣдь, еще мужикъ молодой, въ силѣ...

— Старуха, старуха!—сказалъ дѣдушка, покачавъ головой,—эхъ, старуха!..

И чувствовала, какъ у меня сходила краска съ лица.

— Что же я? —отвѣчала свекровь,—правду говорю, мужицкую нашу правду... Она и всѣхъ не больно гладить... Ну, что жъ, пришла, такъ пришла! Милости просимъ... Робенокъ-то тоже не чужой, свой... Али свои-то ужъ не признали? Попачкалась, молъ, около мужиковъ-то?.. Вишь, вотъ и сарафанъ тотъ же, и узелокъ одинъ... Денегъ-то хоть накопила ли? Сначала-то вотъ присылала намъ, не забывала, спасибо... Ну, думаемъ, дай-то Богъ счастья Нинѣ Петровнѣ! Настъ, можетъ, не покинетъ... И сына, можетъ,

вотъ къ себѣ вытребуешь, приустроишь по-барски... А тутъ ужъ, послѣ-то, и слѣдъ простылъ... Забыла, молъ... Что говорить: барское дѣло!..

Я сидѣла, не говоря ни слова. Губы у меня замерли. Я думала одно: „да, такъ нужно, такъ нужно“. Я чувствовала себя виновной, я готова была перенести все...

— Ужъ пришла, такъ оставайся,— прибавила свекровь, — все свои люди... Не обидимъ... Авось, Богъ дастъ, опять приживетесь... Да, вѣдь, я знаю: уйдешь... Раньше ушла, а теперь и подавно уйдешь...

Добрый дѣдъ охалъ, тяжело, грустно, съ какимъ-то сдержаннымъ стономъ. Меня пугало еще больше то, что онъ сталъ какъ будто уже не тотъ, одряхлѣвъ, сдѣлался неразговорчивъ, не видѣлось прежней добродушно-хозяйственной веселости, и я винила въ этомъ себя.

Пришелъ и Андрей. Я поблѣднѣла. Я видѣла, какъ онъ, прежде чѣмъ рѣшиться войти въ избу, долго ходилъ по двору, нѣсколько разъ подходилъ къ двери и опять возвращался во дворъ.

Наконецъ, онъ вошелъ смущенный и весь покраснѣвъ какъ кумачъ.

— Нина Петровна!—проговорилъ онъ, подавъ мнѣ робко руку и сѣлъ.

— Вотъ Богъ и жену опять послалъ,— сказала мать.—Отъ закона, должно, не уйдешь.

— Ты скучалъ обо мнѣ, Андрюша?— спросила я.

— Скучалъ, — конфузясь отвѣчалъ онъ.—Какъ вы?

И вотъ именно въ эту минуту мнѣ припомнился мой разговоръ съ вами, пять лѣтъ тому назадъ. Я спрашивала васъ: и вы счастливы?—Да, счастливы, отвѣчали вы.—Чѣмъ? спрашивала васъ легкомысленная и надменная дѣвушка.— Тѣмъ, что понимаемъ другъ друга,—отвѣчали вы серьезно,—это великое дѣло... О, если бы всѣ! Но я васъ, помню, тогда даже не дослушала.

Какъ-то всѣ замолчали, тяжело, гнетуще.

Вбѣжала Митя. Точно молнія пробѣжала по моему тѣлу; я вся задрожала, схватила его на руки, прижала къ себѣ, бросилась вонъ изъ избы и зарыдала...

На утро рано начались обычные работы. Я поднялась вмѣстѣ съ другими. Жизнь сразу приняла серьезно-суровый ходъ, и я отдалась ей вся. Я была рада. Не съ упоеніемъ и увлеченіемъ, какъ

прежде, отдалась я работѣ, а съ суровымъ обѣтомъ подвижника. Я работала безустанно, молча, до полного изнеможения, и никто не говорилъ мнѣ ничего, да и никто не говорилъ другъ другу: всѣ дѣлали свое дѣло. Такъ прошелъ мѣсяцъ. Когда приходилось намъ бывать съ мужемъ, мы сидѣли смущенные, неловкіе и старались всячески избѣгать такихъ встрѣчъ. Что-то ужасное подымалось тогда въ моей душѣ; сердце unpleasantно билось; голова кружилась, и въ ней стоялъ туманъ. Я боялась сойти съ ума, и вотъ опять набрасывалась на работу. Я вся отдалась этой работѣ; я силилась ею заглушить въ себѣ всю внутреннюю жизнь, всѣ запросы, всѣ ощущенія. Я не слыхала, не видала, что дѣлалось кругомъ меня.

Наступила осень. Работы приходили къ концу. Какъ вдругъ Андрей сталъ пропадать дня на два, на три. Я его не смѣла спрашивать, — не имѣла права. Только однажды я замѣтила (впрочемъ, это я и раньше замѣчала, вскорѣ послѣ моего возвращенія), что онъ все прячетъ какія-то книжки, какіе-то списки. Одинъ разъ я застала его съ такимъ спискомъ. Онъ смутился, покраснѣвъ и тотчасъ же спрятать и собрался было уходить. Я просила его показать мнѣ. Онъ сказалъ: „что! не стоитъ... такъ... мужицкое“. Я не настаивала, но мнѣ стало обидно, горько... Я его выучила грамотѣ, я передала ему много изъ того, что знала и было ему доступно, и вдругъ, на какомъ-то пунктѣ, все оборвалось: онъ не понималъ меня, я перестала думать заодно съ нимъ. Вскорѣ я услышала въ деревнѣ, какъ мужъ мой „сбился“, что въ сосѣднюю деревню вернулся какой-то „бѣглый ямщикъ“, Инокентій, съ тремя „дѣвками-духовницами“, что у нихъ по ночамъ, въ избахъ, идутъ бесѣды и моленія; что они уже многихъ изъ окрестныхъ деревень „своротили въ хорошую жизнь“; указывали на многихъ мужиковъ, которые, приставъ къ нимъ, перестали пить, буянить и сдѣлались трудолюбивы, воздержны, честны. Только одного не могли оправдать разсказчики: для нихъ казалось „соблазномъ“ участіе въ этомъ „хорошемъ дѣлѣ“ дѣвокъ-духовницъ и слишкомъ свободный взглядъ „духовниковъ“ на брачныя отношенія. Эти новости какъ-то жутко подѣйствовали на меня; мое подвижническое уединеніе стало мнѣ противно... Одна изъ моихъ хорошихъ деревенскихъ по-

другъ однажды пригласила меня „смотръть на духовниковъ“; она имѣла возможность устроить это такъ, что насъ не замѣтятъ. Я согласилась. Мы увидали слабо освѣщенную избу, наполненную молодыми мужиками и дѣвками; всѣ были здоровые, румяные, бодрые, крѣпкіе, съ энергичными, веселыми лицами. Они сидѣли по лавкамъ. Въ переднемъ углу высокая, среднихъ лѣтъ женщина, читала нараспѣвъ псалмы. Послѣ каждаго двухъ стиховъ всѣ вставали и хоромъ повторяли послѣдній. Тутъ былъ и мой Андрей, сидѣвшій рядомъ съ своей „духовной“, молодой, высокой, полногрудой и здоровой дѣвушкой. За разъ, какъ по приказу, вскакивали и они, и громко пѣли, иногда взглядывая и чуть улыбаясь другъ на друга. И какъ было въ нихъ много жизни, счастья, вѣры, здоровья, энергии!.. И тѣни сомнѣнія не лежало на ихъ лицахъ...

Я не могла больше смотрѣть. Да и что же смотрѣть?.. Все было такъ просто, понятно, ясно... Черезъ недѣлю я, наединѣ, сказала Андрею, что думаю уйти въ городъ навсегда, что я просила бы его отдать мнѣ сына, что я постараюсь сдѣлать его счастливымъ. Андрей, по обыкновенію, смутился и молчалъ, вертя въ рукахъ подолъ рубахи.

— Что жъ?—сказалъ онъ.—Надо всякому жить, какъ ему по душѣ, по своей правдѣ... У всякаго своя правда,—прибавилъ онъ.

Я и Андрей никому ничего не сказали о нашемъ рѣшеніи. Вечеромъ я одѣла Митю и пошла съ нимъ на станцію... Прилагаемое письмо я просила бы васъ сохранить. Оно мнѣ дорого, и я не желала бы, чтобы оно попало въ постороннія руки. Письмо это, какъ вы увидите, писано Колобѣинымъ наканунѣ того дня, когда я пригласила васъ къ нему.

— Вотъ это письмо,—сказалъ сердито Иванъ Ивановичъ, вдругъ загрустившій и опечалившійся снова, по прочтеніи письма Нины.

„Я не знаю, зачѣмъ вы опять вернулись?.. Вы словно преслѣдуете меня... Что я, что мы вамъ? Можно играть съ кѣмъ и во что угодно, можно играть въ мужика, въ монаха, въ пророковъ, въ барина, въ генія и идіота, но *въ насъ* играть нельзя... Бойтесь! Если вы хотите играть *въ меня*,—это опасная игра... Но

я лично, вѣроятно, уже не доставлю вамъ этого удовольствія. Во всякомъ случаѣ предупреджу васъ относительно моего типа: насъ будетъ много. Я васъ познакомлю съ собой. Я сынъ очень бѣднаго мужика; отецъ плохо обрабатывалъ землю, любилъ пить, была у насъ крайняя нужда. Мать умерла рано; отецъ нанялся сторожемъ на шоссе. Насъ, троихъ братьевъ, разобрали по рукамъ, въ кабаки и лавки... Я попалъ въ лавку, гдѣ обращалъ вниманіе своей склонностью къ живописи. Однажды я нарисовалъ картину, которая понравилась одному барину. Онъ взялъ меня подъ свое покровительство и пристроилъ въ рисовальную школу. Но я оказался неблагодарнымъ. Когда меня заставляли рисовать голыхъ женщинъ, по заказу патрона, я рисовалъ кабатчиковъ и золоторотцевъ. Однажды я, подъ вліяніемъ какого-то злого порыва, со смѣхомъ, изрѣзалъ ложницами Діану—дорогой оригиналъ, съ котораго заказалъ мнѣ копію патронъ... Патронъ сталъ не любить меня и мои „злые“ глаза. Онъ меня прогналъ... Мнѣ захотѣлось учиться, читать книги. Я сталъ ходить по богатымъ, выпрашивать у нихъ деньги, и на-нихъ покушалъ книги. Наконецъ, меня стали отовсюду гонять. Тогда я занялся граверствомъ и кое-какъ добывалъ на пропитаніе. Но читать я не бросалъ. Чѣмъ больше я читалъ, тѣмъ во мнѣ больше развивался умственный и нравственный голодъ... Я былъ ненасытимъ... Иногда я рисовалъ картины, но никогда не носилъ ихъ продавать. Теперь всѣ, какія у меня были, я сжегъ и изрѣзалъ. Зачѣмъ онъ? Я умру, послѣ меня будутъ еще такіе же и напишутъ точь-въ-точь такіе же картины... Въ новомъ искусствѣ не будетъ геніевъ... Тамъ будетъ творить одинъ геній—геній исторіи...

Такъ я жилъ до послѣдняго времени. Ни отецъ, ни братья меня не вспоминали. У меня никого не было близкихъ. Но вскорѣ послѣ того, какъ я встрѣтился съ вами, ко мнѣ приходилъ братъ-кабатчикъ и говорилъ, что мой отецъ ходитъ по міру, что я обязанъ его кормить, что я занимаюсь пустымъ дѣломъ, когда всѣ люди дѣлаютъ настоящее дѣло; что я подлецъ, потому что укрывался отъ солдательства (да, я укрывался: я не хотѣлъ итти въ солдаты); что изъ-за меня долженъ былъ пойти братъ; что они думали, что я выйду человекомъ, а вмѣсто того вышелъ изъ меня негодяй и мерзавъ

вещь; что моего отца онъ кормить не намѣренъ за меня, и что я долженъ идти въ деревню и заняться „трудомъ, нести подати и повинности, помогать роднымъ; что въ деревняхъ старики—и тѣ для семейства работаютъ и законъ исполняютъ“; что онъ дастъ мнѣ мѣсто въ трактирѣ. Я бросился ему на грудь, изорвалъ рубашку, расцарапалъ лицо и выгналъ. Вскорѣ послѣ того меня взяли подъ арестъ за укрывательство отъ солдатчины. Вотъ и все. Счастливо оставаться!

„Экзъ-человѣкъ Колобынъ.“

„P. S. Впрочемъ, можетъ быть, я еще не покончу съ собой... Это у меня бывають такія полосы!.. Во всякомъ случаѣ я сознаю, что это очень глупое дѣло, такъ, зря... А, впрочемъ, это дѣло госпожи исторіи! Ужъ какъ ей тамъ съ нами будетъ угодно раздѣливаться...“

„К“.

Иванъ Ивановичъ дочиталъ скороговоркой, съ видимымъ неудовольствіемъ и раздраженіемъ, какъ-то оборвалъ рѣзко и сталъ лихорадочно засовывать письма въ пакетъ, не говоря ни слова.

— Скажите же, докторъ, — спросили гости, — гдѣ же теперь Нина? Вы ее не видали больше?

— Не знаю-съ!.. Не видалъ! — рѣзко отвѣтилъ онъ и, шумно поднявшись, въ волненіи ушелъ въ свой кабинетъ.

Черезъ десять минутъ онъ вернулся и, конфузливо отирая платкомъ потное лицо, сказалъ: „Вы меня, чувствительнаго нѣмца, ужъ больше не спрашивайте, господа мои... Въ первый и послѣдній разъ попробовалъ я передать всю эту исторію... Вздумалъ старый дуракъ забавлять ею гостей!..“

И Иванъ Ивановичъ нахмурился на цѣлый вечеръ.

1883 г.

СКИТАЛЕЦЪ.

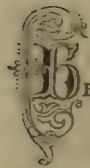
. (ЭПИЗОДЫ ИЗЪ ЖИЗНИ РУСАНОВА).

СКИТАЛЕЦЪ.

(ЭПИЗОДЫ ИЗЪ ЖИЗНИ РУСАНОВА).

Пріѣздъ въ деревню.

I.

Быль канунъ Покрова. Суровая осень только что начинала входить въ силу. Холодный сѣверо-восточный вѣтеръ неустанно гналъ и крутилъ день и ночь цѣлыя тучи желтыхъ, умершихъ листьевъ. Вечерній поѣздъ Н-ской дороги медленно подходилъ къ полустанку, засѣвшему среди густого кустарника. На сырой, усыпанной листьями, платформѣ, слабо освѣщенной лишь фонаремъ на семафорѣ да въ рукахъ сторожа, рядкомъ стояли съ пятокъ фигуръ въ нагольныхъ полушубкахъ. Очевидно, онѣ кого-то поджидали. Поѣздъ, пыхтя, не торопливо проползъ вдоль платформы и, почти не останавливаясь, высадилъ троихъ пассажировъ. Изъ оконъ вагоновъ быстро повыбросали на платформу багажъ.

Поѣздъ прошелъ. Двоихъ изъ пріѣхавшихъ — высокаго, статнаго мужчину въ синемъ халатѣ и картузѣ, съ торопливой, не безъ сознанія собственнаго достоинства, походкой, и довольно полную женщину въ шубкѣ, повязанную платкомъ, — окружили мужицкія фигуры. Слышалось цѣлованіе, привѣтственные возгласы. Пріѣхавшіе, видимо, были довольны пріемомъ, хотя и торопились собирать вещи. Третій пріѣхавшій — высокій, тонкій господинъ, съ рѣдкою черною бородой и немого худымъ лицомъ, въ пальто съ бобровымъ воротникомъ и пуховой шляпѣ — все еще стоялъ у своего чемоданчика и внимательно осматривался кругомъ. Онъ былъ одинокъ. Онъ прошелся разъ по платформѣ, по къ нему никто не подходилъ. Наконецъ, онъ уже рѣшилъ подойти къ группѣ, такъ привѣт-

ливо встрѣтившей пріѣхавшихъ съ нимъ вмѣстѣ, какъ на платформу, высматривая подслѣповатыми глазами, взмошелъ старичокъ съ кнутомъ въ рукахъ, въ нагольномъ рваномъ полушубкѣ.

— Никакъ это и есть молодой-то баринъ? — спросилъ онъ у кучки мужиковъ, показывая на сухого господина.

Всѣ обернулись въ ту сторону и молча приподняли фуражки, когда одинокій пріѣзжій опять прошелъ мимо нихъ.

Всѣ посмотрѣли ему внимательно въ лицо и сказали: „Надо думать, что онъ... больше сюда некому“.

Тогда старичокъ нагналъ молодого барина.

— Вы ли, батюшка, будете Сергѣй Андреевъ, племянникъ генеральскій? — спросилъ онъ.

— Я. Ты за мной, что ли?

— Такъ точно, за вашей милостью. Не признавъ ужъ мнѣ васъ... Вѣдь, я васъ вотъ эконькимъ...

— Что дядя? — перебилъ пріѣзжій.

— Дяденька-то плохи-съ будутъ... Нельзя скрыть: плохи-съ...

— Гдѣ же лошади?

— Тамъ я оставилъ... Одна лошада-то... Къ дереву привязалъ... Вотъ сюда пожалуйста! Недалечко пройти... Тутъ, вишь, Кабановскія подводы загородили дорогу-то... Пожалуйста, миленькій, имущество-то, — говорилъ старикъ, выхватывая изъ рукъ барина чемоданъ.

— Ничего, я самъ... Ты старъ... Тяжело...

— Что вы, добренькій, помилуйте!.. Рази намъ можно слабымъ быть для вашей милости? Господи помилуй, что вы!.. Пожалуйста, пожалуйста!.. Мы тоже господ-

хорошее будетъ,—у насъ народъ душевный, обходительный народъ... Господи! да какъ же инако-то: свой, вѣдь, баринъ-то, не чужой... Вѣдь, мы васъ вотъ эконькимъ...

Баринъ бросилъ окурокъ сигары и на его сухомъ лицѣ показалась улыбка довольства.

Больной старикъ — помѣщикъ всю ночь былъ въ забытьѣ. Онъ не узнавалъ никого. Пріѣхавшій молодой баринъ не спалъ всю ночь. Онъ изрѣдка прилегалъ, нераздѣтый, на диванъ въ гостиной, но затѣмъ вставалъ опять и тихо входилъ въ спальню больного. Кругомъ была мертвая тишина. Все спало. За окнами шумѣлъ вѣтеръ, и густыя вѣтви липъ лихорадочно билась въ закрои, выходившіе въ садъ, какъ будто жалобно и настойчиво просились впустить ихъ въ домъ, въ тепло и покой. Племянникъ стоялъ въ дверяхъ, полусознательно смотря на тусклый огонь лампы подъ зеленымъ абажуромъ, и чуть-чуть вслушивался въ чуть замѣтное дыханіе больного, сухая, маленькая фигура котораго была обращена лицомъ къ стѣнѣ. Изъ-подъ одѣяла видѣлись только пряди рѣдкихъ сѣдыхъ волосъ.

Утро начинало чуть брезжиться, когда молодой баринъ задремалъ на диванѣ. Сонъ одолѣлъ его. Черные длинные волосы упали на лицо, на которомъ отражалась усталость и какъ будто застывшая тихая, безмолвная скорбь. Едва первый лучъ солнца проскользнулъ въ окно сквозь густую чашу растений, какъ молодой человѣкъ испуганно проснулся, полусознательно оглянувшись кругомъ и тотчасъ же пошелъ къ больному. Старикъ уже былъ мертвъ. Теперь лицо его, худое и желтое, смотрѣло вверхъ, въ потолокъ. Безцвѣтные сѣрые глаза его глядѣли холодно и сурово. Молодой человѣкъ ощупалъ его пульсъ, прислушался къ груди и затѣмъ долго и внимательно смотрѣлъ въ его лицо. Потомъ онъ нагнулся, поцѣловалъ умершаго въ лобъ и закрылъ ему глаза.

Къ вечеру былъ доставленъ изъ города гробъ. По длиннымъ комнатамъ одноэтажнаго помѣщичьяго деревяннаго дома шла усиленная, хотя и сдержанная, ходьба. Черноватый, съ просѣдью, низенькій батюшка, въ старенькой зеленоватой ряскѣ, распорядился укладываніемъ тѣла въ гробъ. Давая сдержаннымъ голосомъ приказанія прислугѣ, онъ отъ времени

до времени говорилъ молодому человѣку: „Ничего-съ, не беспокойтесь, все сдѣлаемъ, какъ требуется... Вы, конечно, молодой человѣкъ,—вамъ эти обряды неизвестны... Не беспокойтесь!.. Что жъ, мы съ полнымъ удовольствіемъ...“

Гробъ съ тѣломъ поставленъ на столъ. Высокій, толстый дячокъ, раскланиваясь на обѣ стороны, принесъ изъ церкви покровъ и подсвѣчники. Другой дячокъ монотонно читалъ въ переднемъ углу Псалтирь. Два мужика—кучеръ въ бѣломъ фартукѣ, съ рыжею бородой, и другой съ неопредѣленнымъ выраженіемъ въ лицѣ—стояли вытянувшись въ дверяхъ и упорно смотрѣли на гробъ, какъ смотрятъ солдаты во фронтѣ на своего начальника. Тутъ же около нихъ, въ своемъ единственномъ изодранномъ нагольномъ полусубукѣ, терся старичокъ, привезшій вчера молодаго барина, и постоянно переходилъ съ мѣста на мѣсто, какъ будто онъ поминутно кому-то мѣшалъ. Ему постоянно говорили:

— Илья, отойди!.. Отойди въ переднюю... Ты чѣго тутъ, Илья, толкаешься?.. Встань къ сторонкѣ!

— Дѣлайте свое дѣло. Ничего, ничего, я не мѣшаю,—отвѣчалъ старичокъ.

Больше всѣхъ хлопотала тяжелая, полная женщина, въ платьѣ и платочкѣ. Она всемъ что-то приказывала сердито, шопотомъ, ходила изъ комнаты въ комнату, изъ дому во дворъ, со двора опять въ комнаты. Проходя мимо молодаго барина, она жалобно взглядывала ему въ лицо и каждый разъ говорила: „Извините, батюшка... Ужъ такъ мы прошиблись, такъ прошиблись!.. Все хлопоты эти... Два мѣсяца дяденька это съ постельки не вставали... Очень было утѣснительно... А, вѣдь, у насъ пара лошадей и экипажъ есть...“

И прощипательно метнувъ взглядомъ въ молчаливое лицо молодаго барина, она снова, въ неестественно-лихорадочной торпливости, уходила.

Батюшка надѣлъ епитрахиль и поправилъ рукава ряски и бороду, приготовляясь къ папихидѣ. Въ ожиданіи, пока дячокъ зажжетъ свѣчи и приготовить кадило, онъ подошелъ къ молодому барину, сложивъ руки подъ епитрахилью.

— Какъ жили въ тишинѣ, уединеніи, одиноко, такъ и опочили,—сказалъ батюшка, указывая взглядомъ на гробъ.

— А рѣдко его навѣщали?

— Очень рѣдко... Вотъ ужъ лѣтъ съ

десять какъ бы въ забвеніи ото всѣхъ находились... Только-что вотъ старые дворовые при нихъ были, да вотъ-съ мужичокъ этотъ,—показалъ батюшка на Пила,—рыбку съ нимъ-съ по лѣтамъ довили... Любили...

— А изъ города никто не навѣщалъ?

— Рѣдко-съ... Вначалѣ-то еще навѣзали... Конечно-съ, одинокая жизнь, хозяйственности ужъ не было, чтобы, значить, гостей принимать, ну, и...

— А народъ какъ съ нимъ?

Батюшка помолчалъ, незамѣтно обвелъ глазами комнату и сказалъ тихо:

— Народъ... черствый народъ!

Онъ вздохнулъ.

— Добродѣтель, сударь, всегда такъ въ жизни награждается,—прибавилъ онъ и затѣмъ поспѣшно спросилъ:—Осмѣлюсь полюбопытствовать, вы на государственной службѣ имѣли состоятъ?

— Нѣтъ, я кончилъ въ университетѣ. Потомъ... потомъ жилъ своимъ трудомъ, то-есть я работалъ, ни отъ кого независимо,—отвѣчалъ молодой человѣкъ и почему-то сконфузился.

— Тѣ-экъ-съ,—протянулъ батюшка и подозрительно, мелькомъ, взглянулъ въ его лицо.—А вы тоже одинокіе будете, безъ семейнаго состоянія то-есть?—спросилъ опять батюшка.

— Да, одинъ.

— Ну, это еще слава Богу! Все же легче. Вамъ, вѣдь, здѣсь ничего не очистится. Дядюшка вашъ, по своей добродѣтели, все народу раздѣлилъ. Онъ, вѣдь, имъ всю землю почестъ подарилъ. Конечно, добродѣтель, а для васъ все-таки...

Батюшка замаялся.

— Я это знаю. Насколько касалось моего наслѣдства, онъ сдѣлалъ это съ общаго нашего согласія...

— Тѣ-экъ-съ!—протянулъ батюшка и вскинулъ большими бровями.—Конечно, тамъ-съ все воздаяніе получимъ. Не иначе какъ тамъ... Коему-ждо по дѣломъ!—замѣтилъ батюшка, поднявъ глаза къ потолку, улыбуясь конфузливо и, взявъ у дядька кадило, тотчасъ же измѣнилъ тихій голосъ въ громкій тенорокъ и началъ нараспѣвъ: „Благословенъ Богъ нашъ“...

Въ передней уже толпился народъ. Комнаты наполнились дымомъ отъ ладана. Полная женщина въ платочкѣ опять торопливо шмыгнула мимо молодого барина и низко поклонилась, сказавъ: „Ужъ вы простите насъ, глупыхъ,—совсѣмъ

сбилась“, и, повалившись около гроба, начала плакать.

Послѣ панихиды стали прощаться.

Молодой парень, въ пиджакѣ, съ серебряною цѣпочкой на жилетѣ, поцѣловалъ въ лобъ покойника первый, встѣдъ за молодымъ бариномъ. Онъ было хотѣлъ отойти, какъ полная женщина строго сдѣлала ему знакъ глазами: онъ тотчасъ подошелъ къ молодому барину, поклонился и сталъ ловить его „ручку“. За нимъ то же продѣлала полная женщина сама уже, потомъ старики-поварь, мужъ ея... Молодой человѣкъ стыдливо не давалъ имъ цѣловать руку. Потомъ стали подходить мужики. Старики плакали, а молодые, поцѣловавъ вѣнчикъ покойника, молча и низко раскланивались съ бариномъ и сдержанно выходили.

— Батюшка-баринъ, позволъ твою ручку генеральскую расцѣловать!.. Позволь старику,—вдругъ раздалось среди молчаливаго прощанья, нарушаемаго только сдержаннымъ топотомъ и скребыханьемъ сапоговъ. Всѣ обернулись къ гробу. Тамъ сѣдой старичокъ, Нилъ, припадалъ то ко лбу, то къ одной рукѣ покойника, то къ другой, заливаясь слезами.—Доброхотъ нашъ... Андельская твоя душа... Отецъ... Праведный мужъ... Прости!—причиталъ онъ.

Среди публики появились двѣ-три улыбки добродушныхъ и наивныхъ.

— Будетъ, будетъ, старичокъ!—строго замѣтила ему полная женщина.—Не хорошо!..

Народъ выходилъ. Батюшка свертывалъ епитрахиль и, свернувъ ее, подошелъ опять къ молодому барину и тихо сказалъ:

— Домикъ еще вотъ этотъ вамъ пойдетъ, да порубь,—лѣсъ-то сведенъ ужъ весь, потому почестъ-что на этотъ лѣсокъ только и жилъ вашъ дяденька. Все, вѣдь, отдалъ, ничего ужъ не осталось.

— Я хочу и домъ отдать крестьянамъ, сказалъ молодой баринъ,—на школу.

— Гмъ... Что же-съ, доброе дѣло,—смутился батюшка.—А сами-съ? Опять, значить, въ отъѣздъ?..

— Я самъ хотѣлъ бы здѣсь поселиться, отдохнуть... Усталъ я,—говорилъ молодой баринъ, тихо улыбаясь.—Суровая тамъ жизнь, батюшка!.. Хотѣлось бы здѣсь пожить, въ дружбѣ съ вами, съ простыми людьми. Можетъ быть и я чѣмъ-нибудь былъ бы вамъ полезенъ... У меня тамъ никого нѣтъ, а мнѣ хотѣ-

лось бы сердечной, душевной теплоты, — знаете, теплаго, безхитростнаго отношенія, свободнаго, душевнаго... Просто хочется мнѣ вздохнуть, — торопливо старался выказать свою мысль Сергѣй Андреевичъ.

Батюшка все чаще и чаще вскидывалъ на него густыми бровями.

— Мнѣ нужно было уѣхать *оттуда*, — силъ не стало больше! Я думалъ, куда же лучше, какъ не къ вамъ?... Здѣсь у меня остались свѣтлыя дѣтскія впечатлѣнія. Притомъ и дядя... Если не мной, то имъ положены здѣсь крѣпкія душевныя связи. Я не буду чувствовать здѣсь себя одинокимъ, — здѣсь какъ никакъ, а все свои...

— Конечно, конечно... Милости просимъ! — заговорилъ весело батюшка, — и намъ, знаете, веселѣе, какъ же-съ!.. Васъ не принять радушно, такъ кого же и принимать?... Дай Богъ вамъ совѣтъ и любовь съ нами. Пока прощенья просимъ!.. Завтра какъ прикажете звонить къ выносу? Часовъ въ восемь?

— Да какъ вамъ будетъ угодно... Пожалуйста, не стѣсняйтесь.

— Такъ въ восемь часовъ, чтобы пораньше все управить.

Кое-кто еще продолжалъ по одиночкѣ приходить прощаться съ покойникомъ баринѣмъ: въ комнату входили то старушки съ платочками въ рукахъ, то молодые дѣвки, искоса, изъ-подъ руки, взглядывавшія на молодого барина. Старичокъ Нилъ все топтался въ дверяхъ, вызывая отъ каждаго изъ приходящихъ невольную улыбку и остроту, какъ будто все уже привыкли къ нему такъ относиться.

— Ишь, у насъ какой камардинъ про-явился, — говорили одни.

— Толчѣя-то здѣсь ужъ! — говорили другіе.

— Ай, старичокъ, и ты смерть чуетъ? спрашивали третьи. — Пора, пора!

Нилъ на все отвѣчалъ одной и той же фразой, переходя отъ одного косяка двери къ другому: „Проходите... Я не мѣшаю... Дѣлайте свое дѣло, за чѣмъ пришли“.

Когда народъ почти совсѣмъ схлынулъ, онъ тихо подошелъ къ задумчиво сидѣвшему въ углу молодому барину и сказалъ шопотомъ:

— Ты меня не гони. Ты мнѣ позволить здѣсь остаться при ѣмъ. Я ужъ послѣднюю почку посижу при ѣмъ, подремлю... И тебѣ, можетъ, не такъ жутко будетъ со мной.

— Сдѣлай милость, пожалуйста не стѣсняйся — улыбаясь отвѣтилъ молодой баринъ.

— Я вотъ къ тебѣ поближе присяду. Ты не гнѣвайся, — я съ твоимъ-то дяденькой, даромъ что генераль былъ, три года рядышкомъ сидѣлъ, — говорилъ старикъ, таща за собой плетеный стулъ.

Старичокъ сѣлъ и, низко наклонившись туловищемъ, опустилъ голову.

— Усталъ, толкавшись-то, — сказалъ онъ. — Вотъ три года ужъ я какъ приѣмъ на посидѣнкахъ сидѣлъ... Больной ужъ былъ, старый... Все его забросили... Вечеръ-то настанетъ, людишки все разбѣгутся — въ карты играть, а опъ, касатикъ, свернется комочкомъ, что сурокъ, на диванчикѣ, въ уголку, и сидитъ, сахарцу кубочекъ сосетъ, что малый ребенокъ, — любилъ онъ это, по барскому своему положенію... Сидитъ, сидитъ и жутко ему станетъ: велитъ меня разыскать... Я и сижу съ нимъ, разговариваю... А по лѣтамъ рыбку ловимъ на рѣчкѣ... Нино это осерчаетъ на меня за какое-нибудь невѣжество, — не дворян, вѣдь, я, а простой мужикъ, — затопаешь ногами, закричишь, того и гляди на конюшню велитъ отправить...

Старичка начинала клонить дремота все сильнѣе. Отъ времени до времени онъ замолкалъ и затѣмъ, какъ будто вдругъ приходя въ себя, опять продолжалъ:

— А допрежь-то, вѣдь, шибко мы жили, — онъ, вѣдь, былъ въ большомъ вантажѣ втѣпоры, до воли-то... Кипа-жевъ здѣсь всякихъ наѣдетъ... Губернаторъ бывалъ, министръ самъ заѣзжалъ... Малъ еще тогда ты былъ, какъ съ маменькой здѣсь проживалъ... Давно, вѣдь, ужъ тому, годовъ тридцать, поди, будетъ... Я ужъ почестъ на край свѣта сходилъ да и опять вернулся... Ты вотъ меня не помнишь.

И старикъ опять дремалъ. Большія свѣчи тускло горѣли въ тусклыхъ серебряныхъ подсвѣчникахъ. Все еще пахло ладаномъ и воскомъ. Дячокъ тихо читалъ, изрѣдка прерывая свой монотонный речитативъ и вслушиваясь въ такое же монотонное журчанье старика Нила. Молодой баринъ смотрѣлъ въ лицо покойника и ему, казалось, было пріятно сидѣть тутъ, глядѣть въ это лицо и слушать тихую болтовню Нила. Старый генераль, сухой, маленькій, сморщенный, какъ выжатый лимонъ, лежалъ въ гробу комически-строго и торжественно, въ расшитомъ золо-

томъ дворянскомъ мундирѣ, въ большомъ воротникѣ котораго почти пропадало все маленькое лицо, и только длинный, костистый носъ выдавался впередъ... Ни рта, ни усовъ, ни подбородка не было видно, — они провалились окончательно въ глубокий воротникъ мундира. Только со-вѣтъ бѣлые, сѣдые волосы, ключья ко-торыхъ прихотливо торчали около морщинистаго лба, „по-суворовски“, серебри-лись на бѣломъ коленкорѣ подушки... Старикъ рѣшительно не производилъ не-приятнаго впечатлѣнія трупа, такъ часто отвращающаго насъ даже отъ самыхъ до-рогихъ намъ лицъ. Такіе сухіе старич-ки, вообще, лежатъ въ гробу „какъ жи-вые“. Вѣроятно, поэтому, и выраженіе лица молодого барина было такое, какъ будто онъ сидѣлъ среди дѣйствительно жи-выхъ лицъ, съ которыми бесѣдоваль теп-ло и душевно: предъ нимъ живыми, дѣй-ствительными образами стояли — старый, умный, дипломатическій франкъ-масонъ, безкорыстный дѣлатель „освобожденія“, и безхитростный, признательный сынъ на-рода. Предъ этими образами совершенно исчезалъ ужасъ холоднаго одиночества и смерти. Душѣ молодого барина было теп-ло. Предъ нимъ вдругъ такъ ярко встали давніе, давніе годы... Припомнилась ему прежде всего старая, рѣденькая ал-лея изъ березокъ, тянувшаяся на нѣ-сколько десятковъ сажень при вѣздѣ въ деревню, по которой онъ такъ любилъ гулять, еще мальчикомъ, съ своею боль-ною матерью, которою любовался и по-слѣ, когда приходилось навѣщать въ рѣд-кія свободныя минуты дядю и которая первая пріятно бросилась ему въ глаза и теперь, когда онъ подъѣзжалъ къ де-ревнѣ. Но какъ она теперь, однако, по-старѣла и порѣдѣла! Нѣкоторыя березы посохли, другія вырублены или разбиты грозой, на третьихъ видны слѣды хищ-ническаго добыванія ребятишками слад-каго березоваго сока... На концѣ аллеи тогда стояли сѣрые ворота, въ видѣ три-умфальной арки (припомнились и они), съ вазами по бокамъ и фигурными, рѣшет-чатыми воротницами. Здѣсь было его лю-бимое мѣсто; тутъ игралъ онъ свободно съ деревенскими и дворовыми ребятиш-ками. Тутъ же, около нихъ, въ тѣни куд-рявой березы, любила сидѣть и его мать, любуясь имъ. Проходящіе мужики и ба-бы, обыкновенно, присаживались къ ней и, ведя длинные разговоры, ласкали его, когда онъ подходилъ къ матери. Мать съ

самаго ранняго дѣтства настойчиво уби-вала въ немъ врожденную брезгливость къ мужику. Поэтому ему очень хорошо помнится, какъ неловко чувствовалъ онъ себя, когда грязныя, грубыя руки гла-дили его по головѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ осталось отъ этихъ ласкъ ка-кое-то теплое и пріятное воспоминаніе. Теперь эти крѣпостные мужики и бабы уже были старики. Онъ никого изъ нихъ не помнилъ въ лицо, но это навѣрно бы-ли они, — тѣ старички, которые плакали у гроба стараго барина и которые такъ лю-бовно говорили ему, когда онъ сегодня вышелъ на крыльцо подышать чистымъ воздухомъ: „Вѣдь, мы тебя, милый ба-ринъ, еще вотъ эконоимъ на рукахъ но-сил...“ И сколько было въ этихъ сло-вахъ непритворной ласки, участія, теп-лоты и нѣжности!.. И предъ этими об-разами и ощущеніями не только исчезалъ въ душѣ молодого барина ужасъ холод-наго одиночества и смерти, но и все тя-желое, гнетущее, жесткое, что гнело его тамъ, откуда онъ, обезспленный, изму-ченный, бѣжалъ сюда...

Молодой человекъ вздрогнулъ, проведъ рукой по волосамъ, какъ будто онъ без-сознательно отгонялъ неотвязчивую, тя-желую думу, и вздохнулъ.

А онъ пока только этого, только воз-можности этого вздоха, легкаго и свобод-наго, и жаждалъ.

II.

Въ тотъ же канунъ Покрова, въ боль-шой, крытой желѣзомъ, съ вычурными рѣзными окнами, двухъэтажной избѣ ста-раго крестьянина Кабана, съ ранняго ут-ра, шла неустанная, хлопотливая толкот-ня. Письмо, извѣщавшее о пріѣздѣ сына, было получено всего дня за два и уже вѣсть объ этомъ успѣла обойти не толь-ко свою деревню, но и сосѣднія. Скоро потянулись къ дому старика Кабана изъ разныхъ мѣстъ пѣшіе и конные посѣти-тели: сваты и свахи, двоюродные и трою-родные дядя, племянники, внуки, ближ-ніе и дальніе шабры, мужского и жен-скаго пола. Обыкновенно, почти цѣлый годъ погруженный въ молчаливый покой, домъ Кабана вдругъ повеселѣлъ, оживъ, заговорилъ, какъ будто въ немъ посели-лась большая, трудолюбивая, хлопотли-вая крестьянская семья. Всѣ съѣхавшія-ся бабы тотчасъ принялись за рабо-

ту—мыть, чистить, мѣсить тѣсто—и под-
няли, что называется, дымъ коромысломъ.
Высокія, здоровыя, плотныя фигуры, съ
засученными по плечи руками, постоянно
двигались по всему дому, хлопая
дверями, таская шайки съ водой; неис-
тово скрипѣли и визжали половицы подъ
ихъ тяжелыми шагами—и весь домъ слов-
но заходилъ ходуномъ. Громкіе, горла-
стые голоса перекликались съ одного кон-
ца на другой. Самъ старикъ Кабанъ толь-
ко что вернулся изъ города съ цѣлымъ
возомъ всякихъ харчей. А вечеромъ у
его избы собралась цѣлая сходка своихъ
мужиковъ. Такъ какъ Кабанъ давно уже
жилъ на спокоѣ и крестьянскимъ хозяй-
ствомъ не занимался, то лошадей у него
не было. Обсудили вопросъ, какъ бы
поприличіе составить подводу для встрѣ-
чи „умственного“ мужика. Оказывалось,
что у одного мужика хорошъ тарантасъ,
да лошади подгуляли, у другого была
только одна подходящая къ экипажу ло-
шадь, у третьяго былъ хомутъ „нѣмец-
кій“. Наконецъ, порѣшили обзавестись „сбор-
ную“ подводу. Въ то же время бабы бѣ-
гали по всей деревнѣ, изъ избы въ избу,
собирая необходимую посуду: тащили чу-
гуны, корчаги, самовары...

На другой день, послѣ обѣдни, среди
большой комнаты верхняго этажа избы,
нѣсколько составленныхъ вмѣстѣ столовъ
были покрыты скатертями и уставлены
бутылками съ виномъ и водкой, выѣтъ
съ деревенскою закуской: дешевою кол-
басой, огурцами, накрошенною говядиной
и пирогами. И верхъ и низъ избы были
набиты народомъ, который сновалъ то и
дѣло по лѣстницѣ. Внизу преимуществен-
но столпились бабы, дѣти и все, что по-
убитье, побѣдѣе, что ходило въ лап-
тяхъ и сермягѣ, а вверху—все состоя-
тельное, умственное, хозяйственное, что
имѣло суконный халатъ, кожаный сапогъ
и бойчѣе глядѣло на свѣтъ Божій. И
вверху, и внизу уже шипѣли и пыхѣли
два пузатыхъ самовара, наполняя комна-
ты бѣловатымъ, жирнымъ паромъ. Въ
комнатахъ пахло баней, вмѣстѣ съ по-
томъ полусубковъ и печенымъ хлѣбомъ.

Обѣдня только что отошла и гости все
еще пировали. Подъ увѣситыми сапогами
неустанно визжала лѣстница и половицы.
Гости входили и видно было, какъ то и
дѣло подымались и опускались по нѣсколь-
ку разъ головы и руки, дѣлали размаши-
стыя, истовые кресты и поклоны.

Въ первой комнатѣ, наверху, виднѣе

всѣхъ вырисовывалась высокая, статная
фигура Артамона Кабанова, въ длинномъ
старомодномъ сюртукѣ, но въ глаженной
сорочкѣ съ большими манжетами, и вы-
сокихъ блестящихъ сапогахъ. Черные,
немного съ просѣдью, волосы и такая же
небольшая борода; умные, бойкіе глаза,
смотрѣвшіе нѣсколько неподобья, но
весело и самодовольно-добродушно, хотя
и не безъ сдержанной суровости. Такое
же полусдержанное возбужденіе не остав-
ляло его все время, почти весь день, по-
ка не приходилъ пародъ. Онъ не приса-
живался, но все время или стоялъ, или
ходилъ тутже по комнатѣ, здороваясь, рас-
кланиваясь, приглашая, устанавливая бу-
тылки, или уходилъ въ сосѣдную комна-
ту, гдѣ, въ такомъ же полусдержанномъ
возбужденіи, раскраснѣвался и хлопотли-
вая, принимала „женскую половину“ его
породистая, нѣсколько толстая и выгля-
давшая даже старше его, жена.

Вся эта картина не столько напомина-
ла собою официальный и лицемѣрный
пріемъ у какого-нибудь купца или по-
здравленія съ праздникомъ, принисимыя
лицами зависимыми, сколько простую де-
ревенскую свадьбу и поздравленія моло-
дыхъ, съ тою, конечно, разницею, что
„молодые“ здѣсь не были такъ наивны,
такъ смущены и какъ будто бы через-
чуръ уже сконфужены пріятною неожидан-
ностью всеобщаго вниманія. Въ су-
пругахъ Кабановыхъ все же изрѣдка
пробивалось нѣчто такое, что давало по-
водъ заключать, что они знаютъ свои до-
стоинства и что общее вниманіе не было
для нихъ совсѣмъ уже пріятною неожидан-
ностью.

Скорѣе настоящими „молодыми“, наив-
ными, сконфуженными и даже совсѣмъ
оробѣвшими, были тутъ старики—отецъ
и тестъ Артамона.

Послѣ того, какъ Артамонъ нѣсколько
разъ говорилъ старику Кабанову: „тя-
тенька, вы сядьте... Пожалуйста, не вол-
нуйтесь... Все съѣдаемъ... Вы только по-
жалуйста, сидите великатіе, съ тятень-
кой-тестемъ... Вотъ вы опять кафтанъ
не тотъ надѣли!.. Вѣдь приелалъ я вамъ
настоящій,—чего вы бережете?.. Да вы
уѣзъ, пожалуйста, оставьте эти расчеты!..
Мы это знаемъ сами...“—теперь старикъ
Кабановъ съ тестемъ сидѣли уже сми-
рно, какъ послушные ребята, въ перед-
немъ углу, и съ ихъ грубовато-загорѣ-
лыхъ, заросшихъ сѣдыми волосами лицъ
не сходила ребяческая улыбка, стыдли-

вая и пивная. Оба они какъ будто стѣснялись и стыдились входившихъ мужиковъ, которые кричали весело, кивая на нихъ:

— Вишь, разрядили королей-то!.. Вишь, сидятъ, ровно новопоставленные попы!.. Ха-ха-ха!

Старики советамъ приходили въ смущение и, обдергивая новыя рубахи, качали головами, какъ бы снимая съ себя всякую отвѣтственность за неожиданный маскарадъ. Впрочемъ, старикъ Кабановъ, истинный „сынъ земли“, любившій деревню и земледѣліе и сильно скучавшій на своемъ одинокомъ „спокоѣ“ съ тѣхъ поръ, какъ былъ нарушенъ его крестьянскій „хозяйственный дворъ“, смотрѣлъ и на маскарадъ, и на сына съ нѣсколько горькой пропѣй, хотя и не безъ удовольствія: „Хорошо оно, слова нѣтъ, умно, дѣльно, хорошо... Дай Богъ всякому такого сына!.. А все бы оно... кабы всѣ-то сыновья и внуки да кабы въ одной избѣ, здѣсь, при полномъ домѣ, при хозяйствѣ крестьянскомъ... А то ужъ вотъ теперь и бьешься здѣсь, на старости лѣтъ, что негодная тряпка на вѣтру...“ Но зато старикъ-тестъ, весь свой вѣкъ проколотившійся въ бѣдности, не могъ равнодушно смотрѣть на свою „раздобрѣвшую дочку“.

— А распозлалась у тебя дочка-то, Антипій Трофимичъ, — какъ бы не сглазить!.. И не признать ужъ, что когда-то Аришкой поджарой по селу бѣгала, — говорили гости.

— Раздобрѣла, Господь съ ней, раздобрѣла, — говоритъ старикъ. — Да, вѣдь, оно, мужицкое-то тѣло, если въ проголодь держать, то и оно умѣренно себя держитъ... А напуети его хотя малость на приволье-то, оно ужъ удержу не знаетъ. Не барская кость. Въ барина — что не въ коня кормъ: чѣмъ больше корми, тѣмъ онъ жиже выходитъ. А мужицкая кость — широкая кость, твердая, она и мяса больше требуетъ.

— Пожалуйте, проходите... Садитесь... Откушайте! — слышалось между тѣмъ вотъ уже въ продолженіе часа.

Гости входили, молились, цѣловались съ Артамономъ или просто пожимали руки, восклицая: „Ну вотъ и свидѣлись!.. Свой, вѣдь, человекъ!.. Лестно глянуть!“ — шаркали ногами, крикали; одни засаживались около стола и принимались разговаривать со стариками или громко шутили надъ Артамономъ, его женой и

публикой; другіе присаживались у дверей, молча сидѣли, не переставая улыбаться минутъ десять, затѣмъ выпивали двѣ-три рюмки, поздравляли, сыпали пожеланіями и уходили, давая мѣсто другимъ.

Артамонъ едва успѣвалъ присѣсть, какъ тотчасъ же вставалъ и опять съ кѣмъ-нибудь обнимался, цѣловался и приглашалъ:

— Пожалуйте... Присаживайтесь... Вотъ сюда... Тятенька, угощайте! — говорилъ онъ, обращаясь къ мужчинамъ и показывая на столъ съ водкой и закуской.

— Пожалуйте... Проходите вотъ сюда-съ, — говорилъ онъ женщинамъ, показывая на комнату жены.

— Пожалуйте... Все слава Богу! Какъ вы?.. Проходите... Благодаримъ... Пожалуйте!..

Между тѣмъ какъ одни посѣтители входили, другіе спускались съ лѣстницы, смачно крикая и чавкая закуску, иные даже доѣдали на лѣстницѣ или держали въ рукахъ кусокъ пирога, — многіе, въ особенности изъ женщинъ, уносили какіе-то свертки и тутъ же у крыльца нетерпѣливо развертывали ихъ и осматривали подарки, привезенные женой Артамона: платки, полотенца, ситцы, шерстяные чулки, бусы и тому подобную мелочь.

— Наткась, наткась, — говорили бабы, — не жалеть!.. Что говорить!.. Давно ли своя была.

— Что, бабы, рады? Вишь, васъ какъ Антиповна-то ублажаетъ! — кричали подошедшіе трое мужиковъ въ синихъ халатахъ. — Плохо молитесь!.. Кабы молились крѣпче, и у васъ бы мужья всѣ съ Артамона выросли.

— Вамъ и вырасти, пьяницамъ! — отвѣчали весело бабы. — Было бы съ чего расти.

Мужики, хохоча, гурьбой вошли наверхъ и прямо ввалились въ комнату, фамильярно махая руками и ногами кафтановъ.

— Артамону Матвѣичу! — кричали они. — Ахъ, ѣшь-те вошь, какой выправился!.. Здорово, другъ-приятель! Ну, давай подѣлуемся. Не побрезгуешь, чай?..

— Съ чего брезговать?.. Что вы!.. Помилуйте! Самі не велики мы господа. Тѣ же крестьяне.

— Это хорошо, братъ, что носъ не дерешь, а за что пужно, сами почтемъ.

— Это ужъ конечно.

— Ну, что, старички, рады небойсь?— обращались они къ старикамъ-отцамъ.— А?.. Не все въ сермягъ потѣтъ, пришла пора и вашимъ дѣтямъ суконце носить... Такъ-то!.. Всему свои сроки, свой предѣлъ.

— А помнишь, Артамонъ Матвѣичъ, чай не забылъ, какъ вмѣстѣ въ извозъ-то хаживали? Чуть не поль-Россіи обтопали, а?..

— Всего было...

— Вѣрно, что всего было... Потому вотъ и награда.

— Свое на свое возьметъ... Это ужъ вѣрно!—говорилъ Артамонъ Матвѣичъ.

— Вѣрно!.. Это твой?—показывали мужики на фотографическія карточки, только что привезенныя и гвоздиками прибитыя къ стѣнѣ.

— Все мои.

— Твой?.. Господа, одно слово, барскія дѣти!.. Гдѣ же они обучаются у тебя?..

— Въ техническомъ отдѣлѣ.

— Такъ... Ну, давай Богъ, давай Богъ больше!.. Теперь намъ, мужикамъ, такіе люди нужны,—не все за барскимъ умомъ жить... За барскимъ-то умомъ жить дорогоноко, дѣтушки! Такъ ли, а?..

— Ваше дѣло, Ваше дѣло теперь!—отговаривались старики.—Наше дѣло прожитое, дурно ли, хорошо ли... Живите, какъ сами знаете.

— Да ужъ это вѣрно, теперь самъ за собой оборачивайся.

И опять слышалось:

— Откушайте... Пожалуйте... Благодарствуемъ... Проходите...

Наконецъ, потянулся причтъ съ крестомъ: батюшка въ своей неизмѣнной старой зеленой ряскѣ, дьячокъ прямо въ подрясникѣ, дьячокъ и вмѣстѣ съ ними даже два его сына, франтовитые великовозрастные парни — студенты семинаріи. Всѣ присутствовавшіе вѣтали.

— Батюшка!.. Отецъ преподобный! — закричали было нѣкоторые мужики, но ихъ остановили.

— Повремените, повремените!..

Но едва отслужили молебень, едва успѣли приложиться къ кресту, какъ тѣ же, нѣсколько подвыпившіе, мужики закричали, окруживъ батюшку:

— Отецъ преподобный!.. Батюшка! Смотри-ка, а? Что, каковъ мужичокъ-то а? — Слава Богу!.. Дай Богъ, дай Богъ!.. Пріятно!—отговаривался батюшка, нѣсколько разъ пожимая руку Артамону.

— То-то вотъ и есть... Это вотъ кто, гляди-ка!—тащили мужики подъ руки батюшку къ фотографическимъ карточкамъ. — Чьи эти дѣти-то? Барскія, а? Смотри-ка, сюртучки-то, а?.. Чьи дѣти, преподобный говори!..

— Теряюсь,—пожималъ батюшка плечами и искусственно изумлялся.—Ваши?—обращался онъ съ улыбкой къ Артамону.

— Му-жиц-кіе, отецъ, мужицкіе!.. Ты и знай... Да!.. Мы вотъ съ отцомъ-то ихнимъ, съ Артамономъ-то, вмѣстѣ въ извозѣ поль-Рассен обтопали, а они... Вишь, они!.. Такъ-то, другъ, понимай!

— Конечно, ужъ времена,—темно отговаривался батюшка:—Теперь и мужичкамъ дай Богъ.

— Умеръ, вишь ты, старый баринъ въ ночь?—спрашивали мужики.

— Скончался.

— Царство ему небесное! Добрый былъ старикъ, что говорить... Давно ужъ пора было умирать,—и то ужъ какъ будто за умъ зажилъ... Поди, годовъ 80 было.

— Былъ ли у молодого-то барина?

— Заглядывалъ.

— Ну?

— Пустовато вокругъ, какъ будто эдакъ... нехозяѣйственно, сиротливо...

— А-а!

— Слышалъ отъ старичка Ила, будто, вишь, онъ ему говорилъ, что здѣсь, въ родномъ гнѣздѣ, хочетъ поселиться.

— Че-ево?—переспросили внимательно мужики.

— Здѣсь, молъ, хочетъ остаться молодой-то.

Всѣ молчали. Потомъ одинъ мужикъ сказалъ, какъ бы мимоходомъ: „У насъ документы...“

А надъ столомъ опять раздалось:

— Пожалуйте... Сдѣлайте милость... Присядьте... Откушайте...

— Пріятно, весьма пріятно,—говорилъ батюшка, усаживаясь около стариковъ-отцовъ.—Пора принять утѣшеніе въ преклонныхъ лѣтахъ... Господь добродѣтель всегда награждаетъ... Добродѣтель, Матвѣй Васильичъ, всегда будетъ награждена — и въ сей жизни, и въ будущей... Претерпѣли, ну, и что жъ?.. Господь взыщетъ... Всему времена и сроки...

— Сроки, батюшка, точно... Кушайте-ко-сь красненькаго-то!

Стали закусывать. Послѣ закуски подали обѣдъ. И вверху, и внизу повисъ въ воздухѣ сытый паръ отъ жирныхъ щей. Сначала обѣдали „парадно“, съ

причтомъ, съ близкими родными и уважаемыми знакомыми. Потомъ обѣдали „попроще“—съ бабами, близкими и дальними родственниками. Потомъ обѣдали „еще попроще“: кормили вдовъ, сиротъ, стариковъ: бобылей, пропившихся мужиковъ... Иногда Артамонъ сходилъ внизъ, и тогда ему кланялись въ поясъ. Какой-то пьяный мужичокъ, которому онъ прислазь денегъ на постройку избы послѣ пожара, теперь кланялся ему въ ноги, такъ какъ не могъ заплатить въ срокъ деньги. Артамонъ конфузливо и великодушно поднималъ мужика съ земли, махалъ рукой, говорилъ: „ну, ну... увидимъ послѣ, увидимъ, что дальше будетъ... Не будемъ старое поминать!.. Подождемъ!..“ Вотъ тутъ же полуслѣпой старикъ плакалъ въ умиленіи. Этотъ старикъ года два тому ослѣпъ и Артамонъ на свой счетъ выписалъ его въ тотъ городъ, гдѣ онъ проживалъ, помѣстилъ въ клиники, вылѣчилъ и обратно отправилъ домой... Тутъ же толкался, пилъ и ѣлъ и старикъ Нилъ, давно уже ходившій по міру.

А къ вечеру подпившіе мужики, сверстники Артамона, тащили изъ избы за руку и за полы Артамона Матвѣевича и Арину Антиповну.

— Пойдемъ, пойдемъ! — кричали они, надрывая на Артамона картузъ. — Али мы отпочтывать тебя не сможемъ? Али ты, думаешь, мы изъ-за вина къ тебѣ ходили?.. Нѣтъ, братъ, мы не изъ корысти... Мы тонко понимаемъ... Мы, братъ, Артамоша!.. Свой, вотъ, главное дѣло—свой! Ты пойми...

— Позвольте... Иванъ Егорычъ... Оадей Петровичъ... Мы это понимаемъ... Мы вполне цѣнимъ... Только очинно ужъ мы за день смучились, — отбивался Артамонъ.

Но его съ женой все-таки увели. Ихъ вели изъ избы въ избу, имъ показывали свои хозяйства, передъ ними старались наивно похвастаться всѣмъ, что могло рекомендовать мужичью умственность...

Была уже темная осенняя ночь. Народъ утомился. Въ избахъ вездѣ погасли послѣдніе огни и только свѣтились желтыми пятнами два окна въ барскомъ домѣ, гдѣ стоялъ гробъ стараго барина, да тускло горѣли свѣчи въ избѣ Кабана. Здѣсь вокругъ стола сидѣли усталые хозяева — самъ Кабанъ, старикъ-тестъ и только что возвратившійся Артамонъ съ

женой. Арина Антиповна сидѣла-сидѣла и вдругъ расплакалась.

— Чего ты, Ариша? — спросилъ ее отецъ.

— Тятенька, отъ радости... Отъ родной стороны... Очинно ужъ мнѣ это переносимо... — всхлипывая, отвѣчала Арина Антиповна.

— Ну, полно, полно, вишь, размякла...

— Думала ли я, тятенька, когда ни то, чтобы такое мнѣ счастье... такая ото всѣхъ къ намъ любовь... отъ родной стороны...

— За доброту вашу!

— Велика ли наша доброта!.. Нѣтъ, ужъ это такъ, Богъ знаетъ за что... Такъ ужъ это, отъ крови, — родная кровь... Вотъ, вѣдь, и мнѣ всѣхъ ихъ, нашихъ-то деревенскихъ, жалко, всѣхъ люблю... Другой разъ на чужой-то сторонѣ вспомнишь и зальешься.

— Ни-уу махнулъ на жену рукой Артамонъ, зѣвнувъ. — Значитъ не даромъ, а есть за что: ты вотъ какъ говори!.. Такъ ли, тятенька? — спросилъ онъ шутливо старика.

— Себялюбцы они, себя любятъ, вотъ они кого любятъ, — брюзгливо замѣтилъ старый Кабанъ. — Угорѣть съ ними не долго, коли головы не жалъ.

— Ежели безъ понятія, угорѣть тутъ даже очень возможно, — заключилъ Артамонъ.

III.

Прошла недѣля. Старый баринъ былъ похороненъ „съ торжествомъ“, какъ писали досужіе корреспонденты-обыватели, такъ какъ въ день похоронъ прискакали изъ города кое-какія административныя власти, вдругъ вспомнившія, что гдѣ-то тамъ неожиданно оказался существовавшимъ еще „одинъ изъ первыхъ сподвижниковъ великой реформы“. Всѣ они оказались, конечно, очень огорченными смертью старика, всѣ оказались такими глубокими цѣнителями „великой реформы“, что долго уговаривали племянника позволить отвезти тѣло стараго генерала въ городъ, гдѣ и предать его землѣ, въ подобающемъ ему мѣстѣ и съ подобающимъ почетомъ. Но племянникъ, вообще, чловѣкъ мягкій, на этотъ разъ очень упорно не соглашался и полагалъ, что самымъ подобающимъ мѣстомъ успокоенія стараго барина именно должно быть бѣдное сельское кладбище. Администраторы принуж-

дены были ограничиться тѣмъ „ торже-
ствомъ“, какое они своимъ присутствіемъ
придавали деревенскимъ похоронамъ. Ма-
ленькая сельская церковь была полна на-
рода. Было душно, дымно и пахло через-
чуръ уже плохимъ ладаномъ и мужчи-
нымъ полушубкомъ. Батюшка, не безъ
искренняго волненія сказалъ небольшое
слово, въ которомъ, въ энергичныхъ вы-
раженіяхъ обращаясь къ народу, указалъ
на добродѣтельную жизнь покойника, пол-
ную самоотрѣченія въ пользу своихъ ра-
бовъ; — упомянулъ, что добродѣтель ни-
когда не остается неопѣненной, на что
указываетъ присутствіе при гробѣ почет-
ныхъ гостей, и, наконецъ, указывая на
молодого барина, воскликнулъ: „И се, пе-
редъ вами, благочестивые слушатели, до-
стойный плодъ сей добродѣтели... Не
большая ли награда памѣ, братія, на
землѣ, ежели возвращенные нами и вскорм-
ленные пойдутъ по стопамъ нашимъ и
усугубятъ плоды добродѣтели? Да пребу-
дутъ же, братія, имена и память сихъ
подвижниковъ добродѣтели и печальни-
ковъ о насъ, бѣдныхъ и слѣпыхъ, свя-
щенны изъ рода въ родъ!“ Добрый ба-
тюшка прослезился. Народъ былъ взвол-
нованъ. Старики и женщины плакали. Мо-
лодой баринъ былъ блѣденъ.

Когда тѣло было предано землѣ и „все
кончилось“, молодой баринъ на кладби-
щѣ же объявилъ столпившимся около
него заплаканнымъ и соболѣзующимъ
крестьянамъ, что онъ пріѣхалъ къ нимъ
не за наслѣдствомъ, что, напротивъ, онъ,
по примѣру дяди, отдаетъ имъ и ту,
остальную, землю, такъ какъ вмѣстѣ съ
ними раздѣляетъ ихъ возрѣніе, что
земля должна принадлежать тому, кто
поливаетъ ее своимъ потомъ и кровью, —
что онъ проситъ отъ нихъ только одно-
го — радушія, что себѣ оставляетъ только
садъ съ клочкомъ земли, гдѣ онъ намѣ-
ренъ построить флигель и поселиться въ
немъ, что, взявъ ихъ радушія, онъ
предлагаетъ имъ всего себя — свой умъ,
знаніе, опытность, душу и сердце... Пусть
они идутъ къ нему прямо, какъ къ сво-
ему брату, за совѣтомъ, за добрымъ сло-
вомъ... Когда онъ кончилъ, стыдливо
пряча лицо, расчувствовавшіеся крестья-
не заговорили разомъ что-то очень нѣж-
ное, очень любовное; головы закачались
низкими поклонами, а старики ловили его
„барскую ручку“.

Прошла еще недѣля. Молодой баринъ,
блѣдный, худой, съ еще болѣе потемнѣв-

шимъ лицомъ, ходилъ по пустымъ комна-
тамъ барскаго дома. Вотъ уже три дня,
какъ онъ былъ совершенно одинъ. Но не
это, не свое одиночество гнело и ужаса-
ло его. Съ каждымъ часомъ въ его во-
ображеніи, во всемъ ужасѣ, все яснѣе вста-
вала картина десятилѣтняго одиночества
его старика-дяди, — одиночества вотъ
здѣсь, въ этихъ длинныхъ комнатахъ, съ
полуоткрытымъ, пробивающимся въ окна
сквозь густыя липы, которая, дичая все
больше и больше, окружила домъ какъ
будто крѣпостными стѣнами. Сначала это
одиночество было невольнымъ, — по велѣ-
ніямъ судьбы, — а затѣмъ старикъ, на
склонѣ лѣтъ, незамѣтно впадая въ дѣт-
ство, самъ уже полюбилъ его и не хо-
телъ съ нимъ разставаться.

Чѣмъ больше уходили часы за часа-
ми, сопровождаемые только гулкимъ сту-
комъ его каблуконъ, тѣмъ ужасъ моло-
дого человѣка возрасталъ все больше и
больше... Цѣлый міръ фантастическою
чередой проходитъ передъ нимъ, — міръ
грозныхъ противорѣчій и парадоксовъ
жизни, тяжелыхъ, непостижимыхъ; онъ
наступалъ на него, обволакивалъ его,
топилъ въ своей неизмѣримой глубинѣ...
Вотъ помнить онъ этотъ же домъ за
двадцать пять лѣтъ назадъ, во время
рабства, — и какою жизнью дышалъ онъ:
цѣлый рядъ живыхъ жизнью копошился
здѣсь около добраго барина, — цѣлая двор-
ня жила его умомъ, его сердцемъ, согрѣ-
ваемая его патриархальною добротой: онъ
считалъ ихъ всѣхъ *своими*, и они счита-
ли его *своимъ*, неразрывно связаннымъ съ
ними какими-то крѣпкими, непостижими-
ми, почти родственными связями. Даже
сама деревня — какъ она близко, вплот-
ную, стояла тогда къ этому дому... Въдъ,
вотъ этотъ домъ теперь стоитъ на томъ
же мѣстѣ, но какъ она теперь кажется
далеко, будто ушла куда-то, а тогда она
казалась вотъ здѣсь, тутъ, подъ окнами...
Вся жизнь деревни врывалась постоянно
вотъ сюда, въ самыя окна: барскій домъ
слышалъ плачь ребятишекъ, ругань му-
жей и женъ, шумъ сходки, горе и радости
каждой избы, — все это неслося сюда сплош-
нымъ, живымъ шумомъ жизни... И точно
такъ же изъ этого барскаго дома неслося
на деревню обратное теченіе: вся жизнь
барскаго дома, его тревоги и радости,
полнота или скудость его жизни, печаль
и торжество — все отражалось въ сотняхъ
отраженій въ каждой, самой маленькой,
крестьянской избѣ... „Нашъ баринъ...

Наша усадьба... Мы купили рощу... Мы запустили пчелъ... У насъ въ саду урожай яблокъ и сливъ... У насъ отъ швейцарской коровы бычокъ на племя пущень... Наша пияшкa скончалась; вчера хоронили... Мы отъ дая-батюшки благодарность получили: ленту нашему барину прислали... Наши поля... Наши луга... Нашъ урожай", — говорили мужики, складывая этотъ урожай въ барскіе закрома... И все это было въ то время, когда мы брали съ этихъ, которые насъ и которыхъ мы называли *своими*, все, что только можно было взять: свободу человѣческой личности, свободу его собственнаго ума, воли, желаній... А теперь?.. И въ воображеніи молодого барина ясно всталъ цѣлый рядъ годовъ, когда, шагъ за шагомъ, вся эта крѣпостная полнота и гармонія жизни расплывалась и таяла, какъ ледъ на припекѣ солнца, когда вся деревня — вся, цѣлкою — отступала и уплывала куда-то, все дальше и дальше отъ барскаго дома, — и какъ же она теперь далеко!.. И стала она уходить и уплывать именно съ того момента, когда ей сказали: „на, вотъ, это *твое*...“ И чѣмъ больше торопился старикъ сбросить съ себя и съ своего народа „клеймо рабства“, чѣмъ усерднѣе онъ хлопоталъ объ этомъ, тѣмъ ближе становился къ пропасти, тѣмъ быстрѣ увлекалъ его въ бездну потокъ жизненныхъ противорѣчій... Онъ, безкорыстный рыцарь „освобожденія“, съ донкихотскою беззаботностью откликнулся на „призывъ“, и когда ударилъ часъ этого освобожденія, ему сказали: „довольно, даже слишкомъ!“ — и предложили вкусить плоды этого освобожденія среди своихъ крѣпостныхъ, въ глуши собственнаго помѣстья —, онъ здѣсь сразу почувствовалъ исчезающую гармонію... Глухое, холодное одиночество наплывало на него съ каждымъ годомъ все настойчивѣе, какъ холодная весенняя вода разлива, охватывающая своими ледяными объятіями береговые дома.

— Что жъ онъ оставилъ мнѣ? — спрашивать молодой баринъ. — Неужели то же?

Онъ еще не имѣлъ на этотъ вопросъ прямого отвѣта, но уже одно это неимѣніе начинало его беспокоить и наполнять сердце гнетущими предчувствіями. Онъ рѣшилъ...

И въ ту минуту, когда онъ принялъ это рѣшеніе, скрипнула дверь его кабинета и въ ней остановились три фигуры: впереди стояла полная, пожилая женщи-

на, уже знакомая читателю, а сзади ея, рядомъ, старикъ-поваръ, ея мужъ, съ убитой и апатичной фizioноміей, и одѣтый „по-статскому“, съ толстою цѣпочкой на жилеткѣ, румяный, толстый и кудравый — ея сынъ.

— Къ вамъ мы, батюшка-баринъ, — заговорила мягкимъ и слезливымъ голосомъ полная женщина въ платѣ и платочкѣ, и всѣ три фигуры низко поклонились.

— Что вамъ нужно? — спросилъ баринъ ласково.

— Къ вашей милости, — проговорила неувѣренно женщина и стала дѣлать какіе-то грозные знаки глазами мужу и сыну, заставляя ихъ выступить на объясненіе; но тѣ, тоже мимикой и прячась за нее, упорно протестовали.

— Что же вы хотите? — спросилъ опять баринъ.

Пожилая женщина, поведя съ негодующимъ презрѣніемъ глазами на своего мужа, тотчасъ же измѣнила свою фizioномію на умоляющую и смиренную.

— Не смѣемъ васъ, батюшка-баринъ, беспокоить, какъ, выходитъ, очинно намъ это чужело... Потому какъ сымзлатѣства къ вашему дому привыкли, — начала полная женщина, путаясь въ словахъ. — Только мы, какъ, значить, теперь живемъ по увольнительному акту, — удумали мы ужъ давно самую эту деревню оставить... Потому сталъ народъ теперь вольница, пьяница, воры и мошенники безъ барской власти, и жить намъ съ ними, привыкли къ господскимъ порядкамъ, стало утѣнительно...

— Вы хотите уѣхать?

— Такъ точно-съ, батюшка, милый баринъ! Въ городъ удумали давно ужъ... Не хотѣли мы вамъ безпокойства этимъ дѣлать, да видючи, какъ мы вамъ будемъ больше въ тягость, нежели въ пользу, такъ ужъ...

— Какъ хотите, — поспѣшилъ сказать баринъ. — Я васъ не гоню... Напротивъ, я бы хотѣлъ, чтобы при мнѣ остались всѣ на своихъ мѣстахъ, по-старому, какъ при дядѣ были... Я никого не хочу выживать изъ дому... Притомъ, мнѣ все равно надобно и экономку, и повара или кухарку.

— Такъ, такъ... Это точно, милый баринъ, что и вамъ прислуга потребуется... Только какъ, одумали мы, что вамъ напрасно будетъ насъ содержать... Вы — одинокіе, милый баринъ, хозяйственности у васъ большой не будетъ, — куда вамъ

насъ, цѣлую ораву, откармливать!.. Вѣдь, это тоже расходъ, милый баринъ! Это мы тоже очинно понимаемъ... Къ чему же мы вамъ стѣсненіе будемъ дѣлать? Конечно, какъ въ старину, мы были бы обвязаны... Ну, а теперь, какъ по увольнительному свидѣтельству царскому...

— Если вы желаете, я...

— Лучше такъ вамъ будетъ, милый баринъ, повѣрьте, лучше... Гдѣ теперь дворию большую содержать!.. Харчи дорогие... А попробуйте-ка, сударь, ихъ напоить да накормить! Вѣдь, вонъ они какіе быки (показала женщина на своего мужа и сына). Я, вѣдь, у вашего дядошки десять лѣтъ хозяйствомъ завѣдывала и знаю, каково жить... А вы, милый баринъ, наймете бобылочку изъ деревни—и предостаточно будетъ для васъ... Мы вамъ даже принцемъ, такъ васъ не оставимъ... Помилуйте, вѣдь, въ насъ тоже чувство есть...

— Благодарю васъ. Я васъ не стѣсняю.

— Очинно вамъ много благодарны, милый баринъ... Въ вѣкъ вашу ласку съ дяденкой не забудемъ... Позвольте ручку вашу поцѣловать намъ... Дозвольте въ послѣдній разокъ къ вашей милости прикоснуться.

— Нѣтъ, ужъ это зачѣмъ же... Мы лучше такъ расцѣлуемся! — сказалъ баринъ, вспыхивая и быстро поднимаясь.

— Что вы, что вы, милый баринъ, — замахала руками полная женщина. — Ужъ очинно вы снисходительны... Нѣтъ ужъ, вы насъ не конфузьте, позвольте ручку одну... И то ужъ для насъ это будетъ большимъ, даже можно сказать черзмѣрнымъ, награжденіемъ.

И женщина сердитымъ взглядомъ дала знакъ мужчинамъ. Всѣ стали ловить барскую ручку.

— А теперича, милый баринъ, вы ужъ съ нашей совѣсти все снимите, до маковой росинки... Чтобы ужъ на нашей душѣ ниже вотъ на поготъ ничего не лежало, — прибавила женщина, опять кланяясь.

— Что же вамъ еще нужно?

— Примите отъ меня хозяйство ваше и дяденки, чтобъ ужъ изъ рукъ въ руки...

— Да какъ же я буду принимать? Развѣ есть списки постѣ дяди?

— Какіе списки!.. Что вы, милый баринъ!.. Мы вѣкъ при дядошкѣ прожили, родились при нихъ... Какіе списки!.. Все на совѣсти моей было...

— Ну, вотъ, видите... Значить, что же я могу?.. Все одно.

— Нѣтъ ужъ, милый баринъ, вы насъ не конфузьте предъ людьми и Богомъ... Народишко нонѣ сталъ подлый, извольничался,—мало ли чего наплетутъ да наговорятъ... Нѣтъ ужъ, милый баринъ, пожалуйста, снимите съ моей совѣсти... Пушай сами вы своимъ глазомъ увидите, что мы вѣрой и правдой служили, что ниже маковой росинки...

— Хорошо, хорошо,—прервалъ баринъ и пошелъ въ первый разъ осматривать хозяйство.

Пожилая женщина въ платочкѣ повела его въ буфетъ. Здѣсь заставила она его переглядѣть тщательно завернутыя въ бумажки полдюжины стертыхъ чайныхъ ложекъ, полдюжины разномастныхъ столовыхъ ложекъ, столько же попорченныхъ ножей и вилокъ и пр., и пр.

— Хорошо, хорошо,—говорилъ баринъ въ лихорадочномъ безпокойствѣ. Онъ уже начиналъ чувствовать приступъ „ужаса“.

— Все, все въ сохранности, милый баринъ, — говорила женщина. — Все, какъ свое око берегла, что только могла... Только дяденка вашъ очень добродѣтельны были черезъ мѣру,—очень много зря дарили. Даже мы очинно ихъ милостями были взысканы... Святая ихъ добродѣтель!..

— Вотъ сюда пожалуйста, и сюда, и сюда,—водила его женщина, сопровождаемая молчаливыми свидѣтелями—мужемъ и сыномъ.

— Хорошо, хорошо,—говорилъ баринъ совершенно машинально.

Пришли въ сарай, въ конюшни.

— Вотъ тарантасикъ вамъ остался, а шарабанчикъ-то этотъ новенькій—нашъ, милый баринъ, все своими трудами... Изъ жилъ тянулись, чтобъ эдакую вещицу приобрести... Лошадки-то вотъ вамъ только не осталось,—всѣ сѣрыя-то пали... А этихъ вотъ жеребчиковъ-то все ужъ мы выходили... Почестъ своей кровью вспоили-вскормили... Для бѣднаго человѣка это чего стоитъ!.. Не барское наше дѣло...

И когда баринъ кончилъ обходъ и осмотрѣлъ жалкаго барскаго инвентаря, когда онъ смотрѣлъ на стоявшіе у воротъ большіе воза съ „людскимъ скарбомъ“, готовые тронуться въ путь, когда въ ушахъ его звучалъ все еще слезливый голосъ экономки,—ужасъ совершавшагося на его глазахъ грабежа поднималъ волосы на его головѣ...

„Скорѣе, скорѣе... долой... весь этотъ прахъ рабства!.. Скорѣе стереть это ужасное клеймо, чтобы ничто не напоминало о немъ“, — шепталъ онъ. И его мысль все упорнѣе и чаще останавливалась на деревнѣ. Но и деревня, казалось, уходила все дальше отъ его глазъ, вмѣстѣ съ медленно исчезающими за березовой аллеей возами переселяющейся дворян.

Онъ рисковалъ остаться уже совершенно одинъ и захлебнуться волной холодного одиночества еще болѣе позорно, чѣмъ его дядя.

Онъ рѣшилъ... рѣшилъ самъ идти къ убѣгавшей отъ глазъ деревнѣ, но уже не ждать, пока она придетъ къ нему. Тутъ было послѣднее спасеніе.

IV.

Прошла еще недѣля. Баринъ все еще жилъ въ старомъ барскомъ домѣ. Его обычная уметвенная работа, подорванная въ самомъ корнѣ, шла вяло, безжизненно. Онъ еще ревнивѣе сталъ относиться къ небольшимъ сбереженіямъ, которыми онъ хотѣлъ обезпечить себѣ возможно большее право—уходить отъ жизни, отъ всего, что напоминало тамъ и что давало ему средства быть независимымъ здѣсь. Онъ сократилъ до minimum'a свои расходы, питаясь только тѣмъ, что могла предложить ему скудная избыткомъ деревня. Старая дворовая дѣвка одна жила у него на кухнѣ и кое-какъ вела его хозяйство. Онъ былъ все еще одинъ, и только старшій деревенскій нищій Нилъ, съ навязчивымъ раболобіемъ, толкался каждый вечеръ у дверей его кабинета. Странно, молодой баринъ начиналъ все больше чувствовать себя неловко въ присутствіи этого старика. Ему казалось, что старикъ видитъ, что совершается въ его душѣ, кругомъ него, и ему становилось досадно и стыдно... А старикъ все толкался и толкался у дверей. И чудилось иногда молодому барину, что онъ съ сожалѣніемъ, глядя на него, качаетъ своей лысой, большой головой.

Однажды между ними произошелъ такой разговоръ.

Стоялъ обычный осенній вечеръ. Холодный дождь стучалъ въ окна и дергалъ ставнями порывистый вѣтеръ. Молодой баринъ, едва высвободившись изъ глубокой грязи, стоявшей на деревенской улицѣ, только-что вернулся, нервный и не-

довольный, мокрый и перепачканный. Лицо его совсѣмъ потемнѣло.

— Проходи, проходи... Я не мѣшаю, — началъ своею обычною фразой старикъ Нилъ, толкаясь въ дверяхъ. — Я вотъ давно ужъ у тебя тутъ сижу... Совсѣмъ барскій домъ забросили... Ты хоть бы попенялъ дѣвкѣ-то: чего она космы-то по чужимъ дворамъ треплетъ и день и ночь, а барскій домъ безъ призора покидаетъ...

— Ничего... Никто здѣсь не ограбить, — пробормоталъ баринъ.

— Не про грабежъ, а порядку нѣтъ... Хозяйства нѣтъ надлежащаго... Вѣдь, народъ-то все видитъ, во всемъ оговаривается... Вотъ, что милячокъ!

Но баринъ махнулъ нетерпѣливо рукой, и Нилъ смолкъ.

— Самоваръ-то наставитъ ужъ, что ли? — спросилъ онъ, помолчавъ.

— Наставъ, — проговорилъ баринъ упавшимъ голосомъ и тяжело сѣлъ на кресло. Нилъ недовольно покачалъ головой и ушелъ на кухню. Прошелъ почти часъ, когда онъ вернулся, а баринъ сидѣлъ все на томъ же мѣстѣ, въ той же позѣ, погруженный въ тяжелое забытье.

Старикъ, по обыкновенію, сѣлъ въ противоположный уголокъ у двери и, тихонько покашливая, побрякивая, поплеывая и поюхивая табакъ, что-то бормоталъ шопотомъ и поглядывалъ на барина.

— Сергѣй Андренчъ! — вдругъ окликнулъ Нилъ.

— Что ты? — спросилъ испуганно баринъ.

— Я тебѣ что хочу сказать...

— Ну?

— Ужъ разступился бы ты, дѣлать нечего, купилъ бы, дружокъ, мужикамъ-то водки.

Молодой баринъ вздрогнулъ.

Нилъ ждалъ отвѣта, но баринъ молчалъ.

— Что терзаться-то, дружокъ!.. Купи, говорю, разступись ведеркомъ, да и наката ихъ... Можетъ, они и любовнѣе къ тебѣ будутъ... Вѣдь, нынче какой народъ-то? Вѣдь, они въ лицо-то тебѣ лаясь точатъ, а за глаза-то, какъ ты отъ нихъ изъ избы, такъ они всѣ по задворкамъ да къ старостѣ, да въ волость, да къ Артамоничу, кричатъ: „у насъ документы!.. Даромъ, слышь, отдавать... Приказали, такъ и отдавать... Мы царскіе теперь, мы у казны... Чего онъ изъ насъ душу-то тянетъ?... Чего онъ здѣсь сидитъ?.. Чего онъ выпытываетъ?..

Вѣдь, онъ насъ спокою лишилъ, сна не даетъ, кусокъ въ ротъ нейдетъ...“ Они ужъ вотъ по пяти разъ всѣ документы земельные осматривали... Ребятишкамъ своимъ строго-настрого заказали съ тобой говорить... Меня ругательски ругаютъ... Шатунъ, говорятъ, ты, попрошайка, лизоблюдь барскій.

Полнымъ скрытаго страданія и въ то же время боязливаго изумленія глазами смотрѣлъ Русановъ въ лицо нищаго.

— Знаешь ли ты, баринъ, кто я!.. Отчего я нищъ, сиръ и убогъ, а? Чего я по кабакамъ съ мѣшкомъ таскаюсь, да что собака у порога дрыхну, а?.. Знаешь ли?—заговорилъ опять старикъ, все ближе подступая къ барину.—Вѣдь, у меня домъ былъ, настоящій крестьянскій дворъ... Трехъ сыновей я вырастилъ. Держалъ ихъ въ страхъ Божиємъ... Кто предо мной смѣлъ пикнуть?.. Предо мной семья-то какъ листъ дрожала... Первымъ владыкой былъ я... На міру, въ волости—отъ всякаго почетъ, отъ всякаго уваженъе... А теперь?.. Ну, гоняли меня на долго, точно, въ Сибирь,—ну, это мое дѣло и за него одинъ я отвѣтственъ... А они-то что, какъ я вернулся, а? Вѣдь, они меня, что тряпку, чрезъ годъ выкинули... Мы, говорятъ, тятенька, сами теперь на возрастъ и сами теперь руки-то умѣемъ вертѣть да вожжами охаживать... Мы, говорятъ, не посмотримъ, что отецъ... Не очень нонѣ взбалмошнымъ-то старикамъ баловаться позволяютъ!.. Вотъ какъ заговорило негодное сѣмя!.. покоренья себѣ хочеть отъ меня...

Старикъ вдругъ остановился и усталый опустился на стулъ. Онъ долго еще ворчалъ что-то себѣ подъ носъ, сморкаясь и кашляя.

— Такъ-то, дружокъ... Ты ужъ извини меня, что я въ горячность при тебѣ вошелъ... Горячъ я, сызмладости... А ты имъ купи водки-то, купи имъ, негодному отродью... Лучше будетъ. Вѣрь Богу, лучше будетъ... А то смотри — худо не было бы.

Мраченъ былъ баринъ. Неясныя предчувствія томили его и раньше. Неловкость, какой-то стыдъ за себя и за мужиковъ постоянно ощущалъ онъ при встрѣчѣ съ ними. Какая-то безсердечная, жестокая ложъ отношеній между ними клала свое проклятое клеймо на самыя искреннія слова, на самыя прекрасныя движенія и порывы души какъ съ той, такъ и съ другой стороны... Но то-

го, что высказалъ ему старій Нилъ, не могъ подсказать ему самый мрачный пессимизмъ. Мысли его путались, на душѣ ощущалась пустота. Казалось, онъ былъ въ глухомъ лѣсу и предъ нимъ внезапно исчезла единственная тропинка, на которую онъ возлагалъ послѣднюю, хотя слабую, надежду.

V.

На утро, когда Сергій Андреевичъ Русановъ еще спалъ и не могъ высвободиться изъ-подъ тяжелаго кошмара, мучившаго его всю ночь, за дверями послышался разговоръ.

— Ты ужъ здѣсь?.. Что ты все тутъ толчешься,—строгимъ шопотомъ говорилъ батюшка, вытирая о половикъ большіе грязные сапоги въ передней.

— Ничего... Проходите, проходите, я не мѣшаю,—говорилъ старикъ Нилъ.

— Чего не мѣшаю? Что ты господина-то беспокоишь?.. Экій навязчивый, братецъ ты мой... Лучше бы при семьѣ жить, помогать бы въ чемъ при хозяйствѣ, смирился бы, чѣмъ шататься по міру да ко всѣмъ навязываться.

— Проходите, батюшка, проходите, я вамъ не мѣшаю,—ворчалъ старикъ.

— То-то, проходите!.. Богу бы молился, грѣхи бы тяжкіе замаливалъ... Тебѣ бы, по настоящему, изъ храма не выходить, постомъ и молитвой измождать себя всячески, чтобы Вседержитель смиловался, а ты...

И батюшка, не договоривъ, на цыпочкахъ и тихо покашливая, вошелъ въ залу.

— Кто тамъ?—окликнулъ Русановъ.

— Почиваете?—спросилъ въ свою очередь батюшка, просовывая голову въ отверстіе двери въ кабинетъ.

— Это вы, батюшка? Я сію минуту. Если не взыщете за безпорядокъ, входите, пожалуйста.

— Рано, должно быть, я, — замѣтилъ батюшка.

— Ничего. По-деревенски...

— Конечно, для насъ, напригѣръ, простота всего лучше, ну, а для васъ, знаете, въ ущербъ какъ бы...

— Отчего такъ?

— Да ужъ такъ-съ, что къ чему... А то подозрительныя мысли зарождаются въ окружающихъ...

— Полноте, батюшка... Изъ такихъ пустяковъ.

— Не говорите. Надо судить по жизни. Жизнь штука тонкая-съ, милостивый государь! Тонкая-съ,—засмѣлся батюшка.— У васъ все старичокъ-то толчется?—спросилъ онъ, кивнувъ головой за дверь.

— Да. Онъ полюбилъ меня за что-то.

— Не совѣтоваль бы вамъ приближать его къ своей особѣ.

— Отчего такъ?

— Плохого поведенія... Его, вѣдь, и семья не принимаетъ... Такой баламутный старичишка, взбалмошный, самодурный... Три сына у него, все крестьяне хозяйственные, дѣльные, а ни у одного не ужился. Безпокойный старикъ!..

— Что же мнѣ-то, батюшка!.. У нихъ свои дѣла, свои интересы.

— Такъ точно, у нихъ свои интересы... Ну, и притомъ, вѣдь, онъ въ Сибирь былъ сосланъ... Изъ Сибири возвращенъ по Всемилостивѣйшему манифесту,—пониживъ голосъ, сказалъ батюшка.—Вѣдь, онъ и къ барскому дѣлу былъ прикосновененъ.

— Какимъ же образомъ?

— Страшное дѣло!... Еще до „воли“, разсказываютъ, въ здѣшнемъ бору нашли тѣло сосѣдняго помѣщика, г. Ворыпаева... Много-съ прикосновенныхъ, сказываютъ, было, даже изъ чужихъ деревень. Тутъ и Нилъ былъ-съ, сказываютъ... Въ то время онъ былъ мужикъ состоятельный, глава большой семьи.

— Ну-съ?

— Ну, и всѣхъ ихъ тогда—кого плетми сѣкли, сквозь строй прогнали, на какому-то, кого на поселение... И старичокъ этотъ угодилъ... Вѣроломный крестьянинъ, по всему видно!

Молодой баринъ вдругъ засмѣялся тихимъ, первымъ, пролическимъ смѣхомъ.

— Батюшка!.. Вы правы: тонкая штука человѣческая жизнь,—замѣтилъ онъ, въ то время, какъ по лицу его пробѣгали какія-то странныя тѣни.

— Да-съ, выраженіе справедливое... Я вамъ говорю, — поддакивалъ батюшка и нѣсколько въ недоумѣвающемъ изумленіи поглядывалъ на молодого человѣка.

— Знаете, я къ вамъ-съ... по дѣлу,—вдругъ заговорилъ батюшка, какъ будто боясь, чтобы странное настроеніе молодого барина не помѣшало дѣлу, съ которою онъ къ нему пришелъ. — Третій разъ ко мнѣ ужъ мужички здѣшніе приходятъ... Въ большомъ они смущеніи... Извините, я, конечно, не отъ себя... Я

какъ бы ходатай—не болѣе... Потому даже крестьянки, простыя бабы, такъ скажемъ, и тѣ приходили.

— Въ чемъ же дѣло?

— Касательно васъ... Конечно, крестьяне—народъ робкій, ну, и понятія недостаточно крѣпкія... Я, конечно, говорилъ, утѣшалъ, увѣщавалъ, а они все въ одно твердятъ: „зачѣмъ онъ здѣсь? Чего ему? Если онъ ужъ добродѣтель намъ оказывалъ, такъ и ушелъ бы... Что онъ намъ покою не даетъ?... Вѣдь, мы сна лишились, отъ пищи отбились... Какъ-нибудь ты насъ съ нимъ разрѣши, батюшка!“ Просить... Повѣрите ли, и смѣхъ и горе... Конечно, говорю я, народъ робкій... Понятія твердаго объ жизни нѣтъ... Чудится ему великое... Я увѣщевалъ, утѣшалъ, а все же...

Батюшка остановился и внимательно посмотрѣлъ на барина.

— Продолжайте, батюшка, я слушаю.

— Да я вотъ-съ собственно только объ этомъ,—заговорилъ онъ опять, какъ будто срываясь съ мѣста. — Вы, извините, въ какомъ смыслѣ желаете здѣсь поселиться?

— Я ужъ вамъ говорилъ... Мнѣ хочется здѣсь просто вздохнуть, отдохнуть среди простыхъ людей, вдали отъ лжи и ужасовъ той жизни... Я вздоху, батюшка, нищу! Мнѣ ничего не надо, ничего не надо, кромѣ любви, душевнаго отношенія и довѣрія тѣхъ, кого я люблю, для которыхъ я работалъ, которымъ я жертвовалъ всѣмъ... Ничего мнѣ, батюшка, больше не нужно, поймите!—съ искреннимъ чувствомъ заключилъ Русановъ и въ его голосѣ послышалась даже дрожь.

Батюшка съ серьезнымъ глубокомыслиемъ покачалъ головой.

— Извините,—заговорилъ онъ.—Я, конечно, единственно какъ изъ сочувствія... Противъ добродѣтели я ничего не могу... А все же, думается, что ужъ ежели у васъ такое желаніе было—въ деревнѣ отдохнуть, то вы промашку сдѣлали... Впрочемъ, думаю, что можно еще это дѣло поправить, къ обоюдному удовольствію... И крестьяне, думаю, ничего противъ имѣть не будутъ.

— Что же я долженъ сдѣлать, батюшка?

— По всему, вамъ много удобнѣе будетъ при себѣ все оставить, что вы имъ пообѣщали, по своей добродѣтели, и домикъ, и порубъ, и лѣсокъ... Вѣдь, они и такъ достаточно вашимъ дяденькой награждены.

— А потомъ, батюшка?

— А потомъ-съ, ежели у васъ пѣтъ расположенія самимъ сельскимъ хозяйствомъ заняться, вы мужичкамъ же все въ аренду и сдадите... И они будутъ довольны, да и вашимъ доходамъ приращеніе... А цѣны у насъ здѣсь стоятъ на земли крѣпкія, приманчивыя.

Батюшка мелькомъ, но и пытливо взглянулъ въ лицо барина, и такъ какъ послѣдній молчалъ, то батюшка удвоилъ энергію.

— Тогда бы-съ все и просвѣтлѣло, — продолжалъ онъ, радостно улыбаясь: — и смущеній не было бы, и лишннихъ опасеній и мечтаній... И зажили бы вы, вотъ какъ господа сосѣдніе землевладѣльцы. Такъ ужъ, значить, васъ и понимали бы — въ прямомъ смыслѣ...

— Но, вѣдь, это... — возразилъ было Русановъ, но тотчасъ же остановился, повидимому, считая лишнимъ входить въ какія-либо объясненія, и прибавилъ просто: — Нѣтъ батюшка, я этого не могу.

Онъ всталъ и тихо прошелся по комнатѣ, опустивъ голову,

— Ну, какъ угодно... Какъ вы находите лучше, такъ и поступайте. Вамъ лучше знать, — сказали священникъ. — Я, конечно, только изъ сочувствія къ вамъ... Вы не подумайте... Вижу я, какъ будто въ вашемъ сердцѣ какое затменіе... Вотъ поэтому единственно... Вѣдь, я понимаю-съ... Конечно, вы желаете людямъ добро сдѣлать, а замѣсто того... Конечно, конечно, всякому пріятно за свое сочувствіе получить должное... Но что же дѣлать, милостивый государь, народъ у насъ... черствый народъ-съ, черствый!...

Батюшка склонилъ сокрушенную голову и опустилъ глаза въ полъ.

— А добродѣтель... только тамъ она вознаграждается по заслугамъ, тамъ-съ!.. Отецъ милосердый одинъ можетъ оцѣнить!...

И батюшка поднялся.

— Ничего-съ, не грустите очень, — утѣшалъ онъ молодого барина. — Поѣдете въ столицу опять, развѣтритесь. Все и пройдетъ... А вотъ мы-съ... такъ и уйтить, убѣжать-то отсюда некуда-съ!... Пока прощайте... Ежели что понадобится, милости прошу ко мнѣ во всякое время, — готовъ служить... Все же ужъ я человекъ старій, кое-что знаю... А старичка-то отъложите все же отъ себя, потому народъ думаетъ о немъ одно, а вотъ урядникъ съ землевладѣльцами иное

объ этомъ понимаютъ... Все, знаете, превратныя толкованія выходятъ... Счастливо оставаться! Не отчаивайтесь только, смиритесь... Что дѣлать!

И батюшка ушелъ.

— Старикъ! — вдругъ крикнулъ Русановъ взволнованнымъ и какимъ-то даже торжественнымъ голосомъ.

Нилъ испугался и несмѣло вошелъ въ кабинетъ.

— Старикъ, за что ты былъ въ Сибири? — спросилъ баринъ и весь впился сверкающими, пронизательными глазами въ испуганное лицо нищаго.

— Ну-у! — пробормоталъ старикъ недовольно, — попъ наболталъ ужъ... Успѣлъ...

— За что, старикъ?... Какъ это могло случиться съ тобой, именно съ тобой? — спрашивалъ нетерпѣливо Русановъ.

— Бунтовалъсъ мы... Бунтъ былъ тогда противу помѣщика... Народъ бунтовалъ за правду, — проговорилъ Нилъ и затѣмъ, помолчавъ, спросилъ, внимательно глядя въ лицо барина: — Али прогнать меня хочешь? Прогонишь теперь меня, баринъ, а? То-то вотъ... Все вы, должно, одни господа-то (Нилъ покачалъ головой)... Что жъ, гони...

— Тебя?... Такъ съ кѣмъ же я-то остаюсь? — какъ-то неожиданно почти выкрикнулъ баринъ.

Нилъ молчалъ. Баринъ все смотрѣлъ въ его лицо, казалось, силясь проникнуть въ „святая святыхъ“ этой сермяжной души... Но вотъ у него по губамъ пробѣжала горькая, проническая улыбка и, будто обезсиленный ею, онъ опустился на стулъ, закрывъ руками лицо. Нилъ потоптался нѣсколько минутъ молча предъ нимъ и затѣмъ, покачавъ головой, тихо вышелъ.

Время приближалось къ обѣду, а Сергѣй Андреевичъ Русановъ все еще не выходилъ изъ кабинета. Раза два толкались къ нему и Нилъ, и кухарка, но дверь была заперта и онъ не отзывался. Отъ времени до времени слышались только въ мрачной тишинѣ барскаго дома глухіе удары его каблучковъ. Но затѣмъ опять смолкали и они. Русановъ, истомленный, усталый и истерзанный тучей противорѣчій, носившихся въ его головѣ, бросился въ кресло предъ столомъ. Усталая мысль жаждала хотя какого-нибудь отвѣченія — и вотъ рука его безсознательно схватила со стола шестиствольный револь-

веръ. Уже не разъ осматрѣлъ онъ его до мельчайшихъ подробностей, внимательно изслѣдовалъ всѣ винты, рѣзбу на ручкѣ, сто разъ прочелъ вытисненную золотомъ фамилію заводчика—и затѣмъ бросалъ опять, когда новыи вихрь терзающихъ мыслей и образовъ начиналъ крутиться въ отдохнувшемъ мозгу.

Въ послѣдній разъ, взявъ револьверъ, онъ тщательно вычистилъ его курокъ и стволъ, спокойно вложилъ всѣ шесть зарядовъ и, положивъ его предъ собой, въ изнеможеніи опустилъ голову на грудь.

То былъ приливъ такого отчаянія, такой вопиющей безпомощности, кокого онъ еще ни разу не испытывалъ въ жизни. То не была сама пытка,—то было состояніе послѣ пытки: мысли и образы носились отрывочно, вызывая временно острую боль; весь организмъ нылъ томительно-однообразно: грудь сдавливалась какъ въ тискахъ, голова болѣла...

„Туда?.. Опять туда! — въ тысячный разъ спрашивалъ онъ себя.—Но что же такое я тамъ,—я, разумное Божіе созданіе, живое человѣческое существо?.. Я—нищій, паряженный въ жалкую театральную мантию короля,—фигляръ, котораго заставляютъ ломаться въ этой мантии на подмосткахъ и бьютъ палкою за кулисами... Позоръ, позоръ!.. Но зачѣмъ мы дали сознание этого позора?... Зачѣмъ живетъ во мнѣ сознание этой позорной роли?... Все—въ сознаниі, весь ужасъ въ сознаниі... Если бъ я могъ вырвать его изъ моего мозга...“—манинально шептали его губы въ то время, какъ глаза упорно остановились на револьверѣ: съ каждымъ мгновеніемъ зрачки ихъ становились больше, расширялись и въ нихъ уже начиналъ бѣгать безпокойный огонь, предвѣстникъ быстро исчезающаго сознания, воли...

Со стороны деревни неся какой-то невнятный шумъ, раздавались голоса: то былъ шумъ и говоръ мужицкой сходимки. Привычное къ этимъ звукамъ ухо барина вдругъ привлекло къ нимъ его вниманіе. Былъ ли то безсознательный порывъ къ жизни, непобѣдимое стремленіе утопающаго схватиться за соломинку, или то была новая мысль, мелькнувшая въ мозгу Русанова, но онъ быстро всталъ, надѣлъ шлупу, пальто, калоши и твердою поступью вышелъ на деревенскую улицу.

У дома крестьянина Кабанова стояла

толпа мужиковъ и бабъ, окруживъ заложенную въ тарантасъ пару лошадей.

Шумѣли бубенчики и изрѣдка позвякивали колокольчики. Въ крыльцо дома и по лѣстницѣ входили и выходили, вынося подушки, ящики, мѣшки...

На верху избы слышались возгласы, привѣтствій, поцѣлуи, всхлипыванья...

Вотъ на крыльцѣ, провожаемая бабамъ, вся въ слезахъ, показалась Арина Антиповна. Съ нею прощались и цѣловались бабы, за что-то благодарили, чего то просили.

— Не забывай насъ, Антиповна,—своя, вѣдь, ты... Помни...

— Ну, залѣзай, Антиповна, вотъ сюда!.. Повольготнѣе твоему тѣлу будетъ...

— Принасти подушку-то подъ бокъ, принасти!.. Сбочку-то, сбочку-то нажми... Ну, ладно ли?

Вотъ, наконецъ, и самъ Артамонъ Матвѣичъ. Онъ, видимо, взволнованъ, хотя улыбается и старается не безъ проини шутить.

— Главное, помни,—своя, вѣдь...—говорили провожавшіе мужики.—Ну, прощай, Артамонъ Матвѣичъ!.. Не забывай... Прямо, коли что, въ родное гнѣздо,—всяко бываетъ... Други! свои, вѣдь... Мы, братъ, ни за чѣмъ не стоимъ... Мы, братъ, коли за дѣло, уважимъ... Мы, братъ, за добродѣтель-то вотъ какъ—на колѣнкахъ ползая будемъ... А умъ-то всегда понимаемъ...

— Отецъ!.. По гробъ... Жизнь... Понимай, жизнь,—пу, и все... По гробъ, вотъ какъ!—и пьяный бѣлобрысый мужичонко валился ему въ ноги.

— Будетъ, будетъ... Довольно!.. Прощайте—говорилъ Артамонъ.

— Прощай, Артамонъ Матвѣичъ!.. Помни, насъ не забывай... А ежели сюда подумаешь,—всей душой... Своей, главное дѣло!.. Мы, братъ, понимаемъ!..

— Ладно, ладно!.. Увидимъ, придетъ время... Приѣдемъ!.. Съ вами, вѣдь, строго надо, а то угоришь... Прощайте,—отшучивался Артамонъ.

Лошади тронули. Деревня сняла шапки.

— Дай Богъ счастливо!.. Неравно, не оставь смотри!—крикнули мужики.

— Пѣтъ, пѣтъ... Прощайте... Благодарствуйте... Много довольны...

Русановъ стоялъ все на одномъ мѣстѣ и предъ объявившимъ его ужасомъ этой сцены исчезъ ужасъ его личнаго существованія...

Березовая роща, стоявшая невдалекѣ за деревней, вся пронизанная солнечными лучами, блестѣла и искрилась золотомъ и серебромъ. Иногда въ природѣ бываютъ такіа неожиданныя сочетанія свѣта и тѣней, что пораженный зритель въ безмолвномъ созерцаніи останавливается предъ ними, боясь на секунду отвести глаза, какъ будто чувствуя, что вотъ-вотъ сейчасъ это прихотливое видѣніе исчезнетъ и уже никогда, можетъ быть, больше не повторится. Маленькая рощица, обыкновенно сѣренькая, засоренная, жидкая и чахлая, именно теперь попала въ эту неожиданную игру свѣта, и вся она, весь міръ, наполнявшій ее, преобразились: сѣроватые стволы березъ превратились въ матово-серебристыя колонны, полусыпавшіяся верхушки—въ золотистыя короны, какъ будто собранныя изъ тонкихъ, трепетавшихъ червошцевъ; опавшая буро-желтая листва, густо укрывавшая почву, лежала ковромъ, мягкимъ и нѣжнымъ, подернутымъ тончайшимъ узоромъ искрившагося, серебристаго инея. Чахлая рощица мѣла и сіяла въ этомъ необычномъ паридѣ. Такъ жалкое, изстрадавшееся въ суровой жизни, юное существо, въ сошныхъ галлюцинаціяхъ, внезапно переносится въ волшебный, сверхчувственный міръ тепла, благоуханія и мѣтеть, все просвѣтленное трепетаніемъ божественнаго свѣта.

Это—легкій осенній морозъ, установившійся съ утра, все прибралъ, вычистилъ и оковалъ холоднымъ дыханіемъ вокругъ грязной еще наканунѣ деревеньки.

Русановъ не одинъ разъ прошелъ уже изъ конца въ конецъ рощу, но сопровождавшій его всюду внутренній ужасъ не поддавался никакому очарованію. Но вотъ онъ, усталый, какъ-то остановился на опушкѣ, снялъ шляпу, провелъ рукой по спутавшимся волосамъ, взглянулъ на рощу—и мысль, ясная, глубокая, страстная, охватила его мозгъ... Какъ сама хилая рощица, онъ попалъ неожиданно въ полосу свѣта. Мракъ, ужасъ, отчаяніе—все исчезло. Охваченный внезапнымъ напѣтиемъ вѣры, упования и порыва, онъ отдался весь озаирившей его мысли. Она блестѣла предъ нимъ какъ свѣточъ, окрашивая все окружающее своимъ соб-

ственнымъ блескомъ. Съ этого момента онъ понесъ этотъ свѣточъ всюду съ собою. Принесъ онъ его въ пріютъ своего холоднаго одиночества — и пріютъ этотъ просіялъ тепломъ и свѣтомъ.

Изумленный Нилъ, по обыкновенію, покачивалъ головой, но уже ни это покачиванье, ни подозрительныя взгляды бабюшки, ни сама деревня, чуравшаяся его, ни даже скандаль, произведенный пьянымъ бѣлобрысымъ мужичонкомъ, ползавшимъ недавно въ погахъ у Артамо-на, а теперь перебившій камнями окна въ избѣ Кабана и валявшійся посреди улицы, избитый мужиками, со скрученными назадъ локтями, въ ожиданіи начальства,—ничто, ничто не смущало его. То былъ влюбленный, охваченный страстью.

Онъ торопливо привелъ въ порядокъ свои дѣла по имѣнію и черезъ два дня, весело и любовно простившись съ деревней, уже ходилъ съ своимъ прежнимъ чемаданчикомъ по платформѣ полустака, ожидая поѣзда.

Единственный провожатый его, старикъ Нилъ, говорилъ ему отъ времени до времени: „Такъ-то лучше, милячокъ! Лучше къ своимъ-то поближе поселиться... Здѣсь, вѣдь, деревня, мужикъ... Поѣзжай, милячокъ, разищи своихъ-то и тепло, и уютно тебѣ будетъ... Гдѣ тебѣ крестъ нести!“

Русановъ любовно улыбался старику и утвердительно кивалъ головой; но не къ этимъ „своимъ“, о которыхъ говорилъ Нилъ, собирався онъ и не объ этихъ „своихъ“ онъ думалъ.

„Еще одно усиліе—и все кончено! Отрясти послѣдній прахъ съ своихъ ногъ и расплыться, раствориться, растаять въ могучемъ океанѣ массы, въ великомъ общемъ массовомъ сознаниі...“ — шепталъ онъ и полною грудью вдыхалъ свѣжіи, сыроватый вечерній воздухъ родныхъ полей.

Вдали показались два красныхъ глаза паровоза, послышалось его тяжелое нхтѣнье, громоханье цѣпей. Тихо подползъ поѣздъ и, захвативъ, какъ чудовище въ свою пасть, одинокаго пассажира, едва успѣвшаго позвать руку своему, тоже одинокому, проводнику, быстро помчался въ мракъ налегавшей на поля ночи...

Израильская жизнь.

I.

Расплыться, раствориться, растаять въ могучемъ океанѣ массы, въ великомъ обществѣ массовомъ сознаниі!—проговорилъ шопотомъ молодой человѣкъ средняго роста, худощавый, но коренастый въ плечахъ, по костюму, сложенію и землистому цвѣту лица напоминавшій мастерового или фабричнаго. Только голубые, полуутомленные, полуунылые, полные своеобразнаго выраженія, глаза какъ будто говорили о „породѣ“ другого разбора. Онъ снялъ запыленный картузъ, поправилъ рукой мягкіе, черные волосы, мокрые и спутавшіеся, сѣлъ на кучу шоссейнаго щебня и улыбнулся. Улыбнулся онъ потому, что ему припомнилось, что проговоренную имъ фразу онъ повторялъ уже года два чуть не каждый день. Мысль, заключенная въ ней, давно уже охватила все его существо: ясная, глубокая, страстная, она сіяла предъ нимъ, какъ свѣточъ, неугасаемо.

„Еще одно усиліе—и все кончено! Отрясти послѣдній прахъ съ своихъ ногъ и расплыться, раствориться, растаять...—проговорилъ онъ опять, но не закончилъ.—Тамъ, позади, все кончено, все порвано... Что можетъ остаться для меня тамъ еще, какія связи между мною и тѣмъ, что тамъ есть? Все, что тамъ было, все дорогое поругано, смято; все, что осталось, привело меня къ нулю!.. Какая гадость, какой позоръ!—подумалъ онъ, и лихорадочная дрожь пробѣжала по его тѣлу.—Если бы не эта мысль, не это рѣшеніе, то...“—Но Русановъ опять не закончилъ. Онъ вздохнулъ, выпрямился и посмотрѣлъ впередъ по извивавшемуся предъ нимъ шоссе.

„Теперь все тамъ... впереди,—прошепталъ онъ, напряженно всматриваясь въ безднѣвный изъ-за горы золотой крестъ сельской колокольни.—А что, если и тамъ...“—подумалъ Русановъ и боязливо оглянулся кругомъ, какъ будто, подъ давлениемъ суетнаго страха, лица добрыхъ или злыхъ предзнаменований вокругъ себя. Но надъ нимъ такъ привѣтливо шелестѣли свѣжими, зелеными листьями серебристыя березки, веселой, рѣденькой аллеей бѣжавшія вдоль дороги, такъ мягко ласкала взглядъ густая придорожная зелень, пестрала ширь и необъятная даль

луговъ и полей, такъ ярко и вмѣстѣ любовно какъ-то, освѣщая и согрѣвая все это, сіяло на чистомъ, безоблачномъ небѣ солнце, такъ ребячески беззаветно и звонко заливался жаворонокъ гдѣ-то невдалекѣ, такъ величаво плылъ въ вышнѣхъ, словно соперничая съ небольшимъ бѣлымъ облачкомъ, ястребъ, такъ, наконецъ, радушно зазывалъ къ себѣ веселый колокольный звонъ, несшійся отъ села. Вдругъ оттуда же потянуло вѣтромъ: донесся запахъ дыма, дегтя, сѣна. Привычныя ощущенія воскресили вдругъ дѣтство, мирное, сладкое, счастливое, любовное. Русановъ свернулъ изъ газетной бумаги сигаретку, закурилъ и бодро двинулся впередъ.

Онъ шелъ такъ быстро, что предъ нимъ какъ-то неожиданно оборвалась прямая дорога: шоссе круто стало спускаться съ косогора. Нѣсколько изумленный, онъ приостановился; его охватило невольное смущеніе. Подъ косогоромъ, ослѣпительно горѣвшая въ солнечныхъ лучахъ, плавно и лѣниво колыбалась рѣка, плескивая и брызгая на плашкоты моста; нагнувшись съ береговъ, глядѣлись въ ней старыя ветлы; застывшая тишина нависла надъ нею, молчаливая, млѣющая, а между тѣмъ съ противоположнаго берега, изъ-за чащи густыхъ вязывъ, за которыми засѣло большое село, несся сплошной гулъ тысячной ярмарочной толпы. Русановъ уже хорошо различалъ это шумливое море мужичьихъ головъ, двигавшихся въ неуловимо разнообразныхъ направленіяхъ. И представилось ему такимъ стихійнымъ, нелѣпымъ, какой-то кучей червей, безобразно-безсмысленно извивающихся, переползающихъ другъ черезъ друга, кишачихъ безъ опредѣленнаго толка и смысла. Самый гулъ доносился къ нему ошеломляющею массой звуковъ, крикливыхъ, напряженныхъ, дисгармоничныхъ. Все это какъ-то неприятно подѣйствовало на Русанова, въ особенности въ контрастѣ съ поэтической тишиной рѣки: тутъ было все такъ художественно-гармонично и... такъ манило къ себѣ. Русановъ, совѣмъ незамѣчая, все больше и больше замедлялъ шаги; неясныя мысли, противорѣчивыя, отрывочныя, образы, совершенно забытыя—неожиданно вставали въ головѣ.

Онъ уже стоялъ на мосту, облокотилъ

ся на перила и сталъ смотрѣть въ даль рѣки. И вдругъ ему захотѣлось тамъ отдохнуть, вонь подъ этими кустами ветлъ, на чистомъ, желтоватомъ, усѣянномъ ракушей, песчаномъ берегу. Вспомнилось дѣтство. Онъ лежитъ у потрескивающей теплинны, слѣгка обдуваемый острымъ, рѣжущимъ глаза и носъ, но пріятнымъ синеватымъ дымкомъ. Въ котелкѣ варится уха. Два мужика, въ одгѣхъ мокрыхъ рубахахъ и старыхъ, изорванныхъ шапченкахъ, съ голыми, волосатыми ногами, расправляютъ около воды бредень, вытаскивая изъ него застрявшую осоку, сучья, ракушу. Они что-то гогочутъ и перекликаются съ молодымъ бариномъ дубоватыми остротами. И молодому барину весело. Надъ ними висѣло темно-вато-синее звѣздное небо, стальная гладь воды беззвучно колебалась у самыхъ ногъ. Большая охотничья собака, серьезно-задумчиво опустивъ морду, чутко дремала, только отъ времени до времени поводя однимъ ухомъ и потягивая поздрями воздухъ, когда надъ рѣкой внезапно проносился хохотъ мужиковъ. И въ этихъ мужикахъ, и въ небѣ, и въ водѣ, и въ самой Данкѣ было столько любовнаго, столько душевнаго, мягкаго, ласкающаго!.. Да, онъ чувствовалъ, искренно чувствовалъ и зналъ, что въ данный моментъ все это попетигѣ любило другъ друга, и ни у кого на душѣ не было ни малѣйшей тѣни злобы, неискренности, подозрѣнія. Эти два мужичка, уже пожилые, развертывавшіе неводъ, носили его на рукахъ—«еще вотъ эконькимъ»; цѣлые годы провелъ онъ съ ними, ходя по тѣсамъ, по болотамъ, по поймѣ, по берегамъ родной рѣки. И это небо, и эта вода, и эта земля были для нихъ въ тотъ моментъ общія, Божьи, они одинаково наслаждались всѣмъ этимъ: одинаково вдыхали грудью здоровый, свѣжій воздухъ, одинаково наслаждались, когда птица падала подъ мѣткимъ выстрѣломъ. Они были одно, неразрывно связанное въ художественное цѣлое, въ одну поэтическую правду.

Русановымъ до того овладѣли эти давнія дѣтскія ощущенія, что ему казалось, онъ и теперь мѣбегъ, какъ нѣчто цѣльное съ этой поэтической правдой: по всѣмъ членамъ его переливалась пріятная истома, грудь свободно и съ наслажденіемъ вдыхала сыроватый воздухъ съ рѣки, на сердцѣ и въ головѣ незамѣтно водворился миръ—полугнѣвный, полу-

мечтательный. И такъ хотѣлось ему въ эту минуту всѣхъ любить, всѣхъ братски обнять, всѣмъ братски отдать всего себя...

Но галдѣнье ярмарочной толпы, песня ея съ того рокового берега, на который онъ еще не ступилъ, слишкомъ назойливо терзало ухо, и предъ этимъ галдѣньемъ моментально, какъ дымъ, разсыялась его наивная, дѣтская, поэтическая правда.

Онъ зналъ эту толпу, эту „массу“, и безотчетный страхъ овладѣлъ имъ при воспоминаніи о столкновеніяхъ съ ней. Онъ не разъ, уже не въ дѣтскіе годы, стоялъ съ нею лицомъ къ лицу: онъ видалъ ее молящей, униженно просящей, стонущей; онъ видалъ ее въ минуты холднаго, разсчитаннаго грабежа; онъ видалъ ее, наконецъ, грубой, жестокой, которая на всѣ жертвы, на всю любовь отвѣчала дикимъ, нелѣпымъ подозрѣніемъ. А между тѣмъ, вѣдь, въ ней же жила и та наивная, дѣтская, поэтическая правда... Въ чемъ же причина этого ужаса, который всталъ между нимъ и ею?

„Въ томъ, что я былъ не изъ нея, не единое съ нею во всемъ“,—рѣшилъ онъ.

„Вотъ только перейти мостъ... тамъ, — думалъ онъ, смотря на противоположный берегъ,—навсегда или нѣтъ?... А если опять?“—спрашивалъ онъ себя. И опять безотчетный страхъ и ужасъ охватили его. Вереницей пронеслись въ его голову воспоминанія, рядъ впечатлѣній, событій, приведшихъ его къ попыткѣ самоубійства. Удручающія противорѣчія налегали на его душу. Русановъ вдругъ почувствовалъ во всемъ тѣлѣ, такъ еще недавно бодромъ, полное изнеможеніе. Онъ присѣлъ на бортъ пашкота. Безсильною рукой онъ вяло поправилъ волосы, въ глазахъ у него стоялъ туманъ; на лицѣ появилось выраженіе болѣзненное, вялое, почти апатичное. А давно ли онъ шель такъ бодро, такъ ребячески-самодовольно пробовалъ крѣпость и силу своихъ ногъ, рукъ, мышцъ и, улыбаясь, находилъ, что двухгодичныя гимнастическія упражненія, возня съ разнообразными ремеслами, отъ столярнаго и слесарнаго до сапожнаго (онъ даже учился два лѣта на извѣстной фермѣ пахать, косить и, вообще, „мужицкому труду“), сдѣлали изъ него уже „почти совсѣмъ народъ“.

„Можетъ быть, можетъ быть все это повторится опять... здѣсь, — отвѣчалъ онъ на свои сомнѣнія; — по еще я этого,

во-первыхъ, не знаю навѣрное, и притомъ, однако, мнѣ *надо же* жить,—я *хочу* жить... Но не могу же я жить безъ этой „правды отношеній“ между мною и *ими*! Что такое я безъ нея? Какой смыслъ въ моемъ умѣ, знаніи, богатствахъ души, во всѣхъ тѣхъ пріобрѣтеніяхъ, которыми я вооружилъ себя, на счетъ *ихъ*, во всемъ томъ, что я удостоился воспринять отъ гениальнѣйшихъ умовъ человечества? Безъ нея, безъ этой правды это ненужный, тяжелый, бессмысленный, давящій грузъ. Я долженъ найти, вернуть къ себѣ эту дѣтскую, поэтическую правду, въ гармоніи съ которой нѣкогда жила моя душа. Наивно было тогда ощущение этой правды, но оно было глубоко, правдиво, искренно... Изъ него, какъ изъ зародыша, истекло, выросло все то, во имя чего я отказался отъ себя самого, отряхнулъ послѣдній прахъ съ своихъ ногъ и иду *туда*. По крайней мѣрѣ, такъ было для меня... И если эта „правда“ скрылась отъ меня, я потерялъ ее,—я долженъ открыть, гдѣ, въ какихъ формахъ, въ какихъ проявленіяхъ она живетъ. И если меня раздѣляетъ, разъединяетъ съ нею ложь, то гдѣ, въ чемъ эта проклятая ложь?.. А безъ этого я не могу... не могу дышать безъ этой простой, дѣтской, поэтической „правды“! Все одно, я долженъ идти искать ее“.

Русановъ повторилъ послѣднюю мысль нѣсколько разъ, блуждающими глазами продолжая смотрѣть въ даль рѣки. „А если опять?.. Но, вѣдь, я свободенъ!“—словно украдкой подумалъ онъ.

Такъ онъ сидѣлъ, погруженный въ свои тяжелыя, противорѣчивыя думы; онъ ничего не видѣлъ, ничего не слышалъ вокругъ себя, даже шумъ огромной ярмарки за визами—и тотъ не доходилъ до него. Но теперь, когда онъ поднялся, когда безконечная вереница мыслей обрвалась сразу, онъ вдругъ съ удивительною ленью услышалъ опять этотъ гулъ, какъ будто тысячная толпа, до того времени безмолвная, мертвая, внезапно ахнула, крикнула въ тысячу грудей и неистово загалдѣла. И контрастъ съ его удрученнымъ душевнымъ состояніемъ, разслабившимъ его, былъ такъ великъ, что онъ какъ-то горько засмѣялся: „Хорошъ же я пришелъ бы *туда*... въ *народъ*!“—проговорилъ онъ и усиленно выпрямился, расправилъ члены, какъ будто желая сбросить съ своихъ плечъ какой-то грузъ.

Въ это время по мосту, по направленію къ ярмаркѣ, шли два молодыхъ мужика.

Одинъ былъ высокаго роста, мясистый, съ широкимъ краснымъ лицомъ и рыжей лохматкой волосъ на головѣ, на которой картузь лежалъ какъ блинъ; другой былъ ниже, но коренастый, на короткихъ ногахъ. Оба мужика шли, торопясь съ напряженнымъ усиліемъ; рыжій мужикъ отчетливо отбѣривалъ саженные шаги, а коренастый постоянно силился поспѣвать за нимъ. Оба они говорили громко, во все горло, запыхавшись на ходу, рѣшительно не обращая вниманія на то, что было вокругъ нихъ. Говорилъ, впрочемъ, главнымъ образомъ коренастый, и говорилъ такъ громко и одушевленно, что Русановъ, еще издалека, прежде чѣмъ могъ разсмотрѣть ихъ фізіономіи, отчетливо слышалъ разговоръ.

— Ну, братецъ мой, дѣло мое съ Иваномъ Митревымъ пошло такъ, что только подмазывай... По рукамъ ужъ хлопнули, и задатокъ получилъ я, рублей съ пятьдесятъ... Дѣло было первый сортъ,—такое, братецъ, дѣло, одно слово—малина!.. Въ лобъ тебѣ навози, во снѣ не скоро приснится!.. Ъхать, значить, въ Ростовъ, по 600 рублей въ годъ... Всей семьей такъ мы и ахнули!.. А признаться, въ хозяйствѣ-то у насъ недостатки были... Только что это, братецъ мой, вдругъ старика моего свалило!.. Ахъ, въ ротъ тебѣ навози!..

Разсказчикъ начиналъ все усиленнѣе махать руками, говорить громче, словно съ каждымъ дальнѣйшимъ словомъ онъ веселѣе дѣлался. Когда они проходили мимо Русанова, послѣдній даже замѣтилъ, что у него какъ будто глаза блестѣли отъ удовольствія.

— А, вѣдь, здоровый былъ?

— Здоро-о-овый еще!.. Еще жить бы да жить... И жену-то (мачеха мнѣ) недавно только схоронилъ... Чего бы ему еще дѣлаться!..

— Ну?..

— Ну, братецъ, старикъ позвалъ насъ, говоритъ: пришла моя смерть... дѣлать, говоритъ, ребята, нечего... Рано-поздно умирать надо... Только чтобы, говоритъ, настоящую кончину принять надо... А умирать—не миновать... И точно: надо чести приписать—честно, благородно покончилось, хозяйственно вполнѣ!.. Всякому дай Богъ!..

— Допустилъ, значить, Богъ-то?..

— Попустилъ кончини какъ быть... Попа это позвалъ, причастіе принять, покаяніе... Потомъ это велѣлъ образа къ нему поднести, всѣхъ около себя поставилъ, благословеніе каждому дать, а мнѣ и говорить: „Ты, говоритъ, Серега, будь замѣсто меня отцомъ и всему нашему дому рачитель!.. Вотъ, говоритъ, благословляю тебя нерукотворнымъ!..“ Сползъ это съ лавки да мнѣ въ ноги... Ну, съ тѣмъ, значитъ, и умеръ... А надо тебѣ сказать, я только-то годъ какъ женился, а послѣ отца-чотверо ребятокъ осталось, еще отъ второй жены, малъ-мала меньше; изъ большихъ только сестра по шестнадцатому году...

— Хо-хо-хо! — загоготалъ рыжій мужикъ...

— Ты слушай, — забѣгая впередъ, все больше увлекался рассказчикъ, какъ будто онъ рассказывалъ презабавнѣйшую исторію. — Ну, значитъ, благословеніе принялъ — шабашъ! потому — кончина была истинная, такъ сказать тебѣ, на рѣдкость!.. Какъ тутъ быть?.. Подумалъ-подумалъ, надо дома оставаться... Давай хоронить... И самъ думаю, и со стороны говорятъ: принялъ отецъ кончину истинно-христіанскую, такую кончину — истинно-хозяйственную: всѣхъ благословилъ, всѣмъ слово сказалъ, всему распорядки сдѣлалъ... Ну вотъ, братецъ, ровно онъ въ извозъ собирался, а не то что ежели бы, примѣрно, въ домовище да въ яму!.. Такая кончина!.. Какъ быть? Надо ужъ поминки, все честь-честью, по кончинѣ, да задатокъ-то, братецъ, все и всадишь на эту самую тонсю операцію!..

— Хо-хо-хо! — гоготалъ рыжій мужикъ...

— Ха-ха-ха! — вторилъ ему рассказчикъ, все усиливая голосъ и размахивая руками. — Только что, братецъ прикончилъ я эту самую операцію, какъ, Господи благослови, корова пала... Ахъ ты, въ лобъ тебя накатай!..

— Ну?..

— Ну, только что, братецъ, сорокъ дней справилъ по отцѣ, Иванъ Митревъ, значитъ, на меня ко взысканію... Понимай, т.-е. задатокъ-то.

— Хо-хо-хо! — гоготалъ рыжій мужикъ.

— Ха-ха-ха! — какъ эхо, отозвался коренастый.

— Полосой, братецъ, полосой, такъ и претъ!.. Раздуй твою калыну! Помочи тоже откуда нити немного.

— Ну?..

— Ну, только что управился съ хлѣбомъ, продалъ лошадь, уплатилъ... Чисто, значитъ, веду!..

— Ну?..

— Ну, Господи благослови, эдакъ примѣрно, около Воздвиженья, ѣду съ базара (на подати хлѣбъ продавалъ), слышу — набатъ бьютъ у насъ!.. А я на чужой лошади... Гонию... Подѣхалъ къ своей избѣ, только думаю: вотъ хоть что нити успѣю вывезти на лошаденкѣ, а тутъ хозяйнѣ ея обѣжить, вырвалъ лошадь, да къ себѣ ко двору... Гляжу, а ужъ отъ меня черезъ три избы занялось... Чисто!.. Очищай, молъ, коли такъ все ужъ, разъ-такъ тебя перевертомъ...

— Хо-хо-хо!

— Ха-ха-ха! — донесся уже издали до Русанова хохотъ перешедшихъ черезъ мость мужиковъ, гулко прокатившихся въ нависшей надъ рѣкой тишинѣ. Русанова вдругъ словно что-то подняло. Этотъ хохотъ какъ будто сразу порвалъ скрывавшія его чары, снялъ пелену съ глазъ и для него стало все проясняться кругомъ. Онъ чувствовалъ, вотъ сейчасъ эти мужики сольются съ галдѣвшею толпой, и ихъ хохотъ войдетъ какъ элементъ въ это общее галдѣнье и еще больше усилитъ его. „Вотъ какимъ надо идти туда!“ — рѣшилъ Русановъ. Галдѣнье, которое прежде ему казалось такимъ безсмысленнымъ, нелѣпнымъ потокомъ выкриковъ, который оттолкнулъ было его отъ себя своей бессмысленностью, показалось ему теперь полнымъ не только глубокаго смысла, но и чарующей, воодушевляющей энергіи: вѣдь, можетъ быть, цѣлыя десятки, сотни такихъ мужиковъ также гогочутъ тамъ, въ этой ярмарочной толпѣ, и съ тѣмъ же выраженіемъ, по тѣмъ же поводамъ! И Русанову страстно захотѣлось догнать ихъ, войти въ эту толпу вмѣстѣ съ ними. Онъ почти побѣждалъ вѣдѣ за ними.

Коренастый мужикъ все еще продолжалъ усиленно поспѣвать за своимъ путникомъ, размахивая руками и, попрежнему, запыхавшись, рассказывалъ.

— Теперича, кое-какъ, помочами, избу справили... Да, вѣдь, много ли еще въ ней лиду!.. Вотъ теперь, благослови Создатель, первое дѣло — всего закупи: и горшокъ купи, и чашку, и ложку, и плошку купи... А потомъ, глядишь, помоги Царица Небесная, — соху, да косу, да топоръ, да борону, да... Вѣдь, все,

въ лобъ тебѣ навози, начисто!.. Поло-
сой!.. Хо-хо-хо!

— Хо-хо-хо! Одно слово—хоть бѣги!

— Бѣги!.. Кабы я былъ вольный, такъ
я бы убѣжалъ... Вотъ, подобралъ бы по-
лы ты, да и валяй-катай по всей Рос-
си!.. А, вѣдь, я, слава тебѣ Господи,
семьяный!.. Еще жена не беременѣла, а
ужъ у меня, благодаря Господа, четве-
ро на рукахъ ѣдаковъ-то, малъ-мала
меньше!.. Вотъ придешь, а они: тятень-
ка-крестный!.. да тятенька-крестный, мо-
лочка бы, да барапочку!..

— Хо-хо-хо!..—гоготалъ рыжій.

— Ха-ха-ха!.. такъ-то, разъ-такъ
твою коврижку!.. Вѣдь, ихъ тоже, сло-
мя голову, какъ щенять въ воду не су-
нешь?

— Какъ ихъ сунуть!.. знамо!..

— То и есть... Чужихъ вонь, другихъ
жалко, а, вѣдь, эти свои по благослове-
нію... Теперича опять сестренка... сю-
блалась, въ хвостъ ей шло!.. И спать и
видить, только бы въ церковь... Въ по-
гахъ валяется... Вотъ, вѣдь, тоже самую
эту операцію надо по чести произвести!..
Потому—батушкина кончина была истин-
ная... Всякій помнитъ... Тоже какъ буд-
то обидно, ежели супротивъ него про-
штрафишься... Наговорятъ велико: не въ
отца, да не въ отца, молъ, такъ и пой-
детъ... А, вѣдь, у насъ операція-то эта
меньше трехъ ведеръ уступки не бу-
детъ!.. Это ужъ, братъ, по самому то-
нису вѣрному расчету... Хотъ умри—ни
полштофа меньше!.. Ха-ха-ха!..

— Хо-хо-хо!—подхватилъ рыжій.

Скоро хохотавшіе мужики и самъ Ру-
сановъ потонули среди потныхъ, пыль-
ныхъ, галдящихъ, толкающихся мужи-
кихъ тѣлъ.

II.

Село собиралось встрѣтить Пасху. Ули-
ца, дворы, избы—все, было полно свое-
образнымъ движеніемъ и шумомъ. Соли-
це такъ и поливало деревню тепломъ и
свѣтомъ. Грѣясь въ его лучахъ и дыша
парнымъ весеннимъ воздухомъ, только
что выпущенная изъ хлѣвовъ скотина
медленно бродила всюду—по улицѣ, по
задворкамъ, или пѣжилась, лежа на пот-
ной землѣ. Звонкоголосые ребятишки тамъ
и здѣсь сновали между нею. Бабы шум-
но ходили въ избахъ съ подоткнутыми
подолами и шайками, повыгнавъ, вмѣстѣ
съ ребятишками и скотиной, изъ домовъ

и мужей, которые, пользуясь этимъ слу-
чаемъ, пригрѣлись около кабачка, поку-
ривая трубки, или уѣзжали въ городъ за
покупками. Шла весна, шель праздникъ.

Въ большой двукильной избѣ двухъ
братьевъ-крестьянъ, казалось, громче
и суетливѣе готовились къ празднику.
Братья жили на разныхъ половинахъ, въ
раздѣлѣ; двери между обѣими половина-
ми избы были заколочены, но это не мѣ-
шало имъ, а въ особенности ихъ бабамъ,
перекоряться изъ всякихъ пустяковъ.

Внизу, на половинѣ одного изъ брать-
евъ, снималъ квартиру сапожникъ Сте-
панъ Тимоенчъ Королевъ. Семья у него
была больша: самъ-другъ съ женой, пя-
теро дѣтей, старикъ-отецъ, полуразбитый
параличомъ, да работникъ, а помѣща-
лись они всего въ двухъ каморкахъ, изъ
которыхъ одна занята была большою
печью. Да, кромѣ того, эта печь была об-
щая, и жена сапожника, Анфиса Пет-
ровна, варила здѣсь кушанье вмѣстѣ съ
хозяйкой, что ее очень стѣсняло. Внизу
было душно и темновато, отчего дверь
была всегда открыта настежь, хотя самъ
Степанъ Тимоенчъ частенько покашли-
валъ.

У двухъ маленькихъ оконъ, на лав-
кахъ и стѣнахъ, размѣщены были не-
хитрые сапожные инструменты, а пе-
редъ ними, на обтянутыхъ кожей кадуш-
кахъ, сидѣли подмастерье и подростокъ,
лѣтъ двѣнадцать, сынъ Степана Тимо-
енча, Никита. Недалекъ отъ нихъ, на
старой машинкѣ, купленной въ городѣ
на базарѣ, дѣлала строчку къ ботин-
камъ старшая дочь сапожника, четыр-
надцатилѣтняя Агаша.

Все работало молча, напряженно, не
поднимая глазъ, спѣша закончить заказы.

Между тѣмъ, вокругъ этой напряженно
работавшей группы, изъ боковъ, и снизу,
и сверху, врывался въ дверь и окна, по-
сились тысячи разнообразныхъ звуковъ:
ревъ скотины, плачь и крики дѣтей, пе-
рекликиваніе бабъ, кудаханье куръ,
громкій споръ двухъ братьевъ-хозяевъ,
горластый окрикъ хозяекъ на куръ, сви-
ней, ребятишекъ, мужей и кетати на Ан-
фису Петровну, и, наконецъ сухой ка-
шель, надрывавшій отъ времени до вре-
мени грудь Степана Тимоенча. Онъ ле-
жалъ около двери на нарахъ, на набро-
санной кучѣ всякаго хлама, и когда го-
ворилъ или кашлялъ, то поднимался по-
стоянно.

— Поласковѣ, Анфисушка, поласко-

вѣс... Пообходительнѣе будь, полюбовнѣе!—говорилъ онъ, пользуясь первымъ перерывомъ кашля, когда то его жена, то хозяйка хлопотливо входили и выходили въ дверь, громко, обрывисто говоря одна съ другой.

— Ужъ ты-то лучше, Степанъ Тимоенчъ, помолчалъ бы... Хотя минутку полежалъ бы смирно... Грудь то пожалѣлъ бы...

— Говорили мы ему ужъ не разъ!—съ сердито соболевшими укоромъ, какъ будто сквозь слезы, проговорила дочь, на минуту отрываясь отъ работы.

— Грудь-то бы пожалѣлъ... Вѣдь, ужъ ты ее ни чуточку не жалѣешь, да и головѣ-то покой бы далъ: все-то говоришь, все говоришь... До всего-то тебѣ дѣло... А за меня не бойся: лишняя не скажу. Знаешь, чай, меня, не первый годъ живемъ,—говорила Анфиса Петровна, жепщина лѣтъ сорока, съ потнымъ, истомленнымъ отъ хлопотъ, лицомъ, съ тѣмъ тихимъ, невозмутимо, повидимому, спокойнымъ, привѣтливымъ выраженіемъ лица, которое замѣчается у женъ не только боющихся или любящихъ своихъ мужей, но и уважающихъ ихъ.

— Ты, Степанъ Тимоенчъ, поостерегся бы, поспокойнѣе полежалъ бы, въ самомъ дѣлѣ,—замѣтилъ и работникъ, худощавый, невысокаго роста молодой человекъ.

— Вы... вы меня оставьте, не оставливайте! — хрипло проговорилъ больной, сдерживая кашель, который глухо переливался у него въ горлѣ. — Я вамъ разъ навсегда сказалъ: не удерживайте меня,—продолжалъ онъ, уже строго обводя всѣхъ возбужденными, болѣзненными глазами:—если мнѣ Создатель смерть посылаетъ такъ...

— Ну, что „смерть“!.. Что пустое говорить... Ну, такъ прихватило... чай, не въ первой!.. Продуло... Весна...—разомъ подхватили всѣ присутствовавшіе, и въ тонѣ ихъ голоса дѣйствительно слышалось, что мысль ихъ была далека отъ смерти.

— Если мнѣ Создатель смерть посылаетъ,—опять отчетливо повторилъ Степанъ Тимоенчъ, приподымаясь на локоть,—то тѣмъ паче я долженъ говорить... хорошее слово говорить, ежели Господь его мнѣ на умъ приведетъ... Я при семействѣ поставленъ, народъ при мнѣ живетъ, я за него отвѣтственъ. Хорошее слово поплѣ рѣдко. Брань паче, сваря, а хо-

рошее слово рѣдко... Вотъ ты, Сергѣй, говоришь все: въ больницу,—обратился онъ къ работнику,—а я тебѣ скажу еще разъ: не пойду я въ больницу, нечего мнѣ тамъ дѣлать, ежели у меня семья и притомъ ежели я хозяинъ, народъ при мнѣ... Не долженъ я бѣжать... Что я тамъ буду за человекъ? Вотъ, ежели хочешь, на праздникъ, пойдемъ къ лѣкарю: ежели не пройдетъ, проводи меня... А въ больницу я не пойду. Ежели я отецъ и хозяинъ, и умереть мнѣ нужно на дѣтяхъ, на народѣ. Чтобы и смертный часъ шель имъ въ указаніе. Я—не одиночка...

Пока говорилъ Степанъ Тимоенчъ, всѣ опять смолкли, повидимому, рѣшивъ, что дальнѣйшія попытки уговорить Степана Тимоенча помолчать, останутся столь же тщетны, какъ и прежнія.

Степанъ Тимоенчъ, казалось, успокоился: онъ вытянулъ свое тонкое, но коренастое, широкое въ плечахъ, коротенькое тѣло вдоль лавки такъ, что худыя, тонкія волосатыя ноги выглядывали изъ-подъ стараго полушубка, которымъ онъ былъ прикрытъ. При постоянныхъ приливахъ крови къ головѣ во время кашля нѣсколько опухшее лицо его, широкая лысина и большой желтоватый лобъ какъ-то рѣзко выдѣлялись на ситцевой розовой наволочкѣ подушки, вмѣстѣ съ большими усами, такъ поразительно выступавшими изъ всего лица, что широкая борода—и та какъ-то дѣлалась незамѣтной.

Дѣйствительно, не прошло десяти минутъ, какъ Степанъ Тимоенчъ приподнялся опять на локоть и заговорилъ:

— Вотъ ты, Серега, говоришь: смерть,—началъ онъ, обращаясь къ работнику, хотя работникъ о смерти ничего не говорилъ,—а я тебѣ скажу: смерти бояться нечего, и я не боюсь... Я вотъ боюсь, ежели настоящей кончиной Богъ не попуститъ, ежели околѣешь гдѣ-нито, не въ надлежащемъ мѣстѣ, яко тварь... Этого я боюсь... А ежели настоящая кончина... потому кончина—великое дѣло!.. Кончиной жизнь держится!.. Худо ли я жилъ, хорошо ли, я всегда жизнь свою могу исправить, а кончину исправить нельзя...

Степанъ Тимоенчъ задохся и такъ какъ ему никто не возражалъ, онъ легъ опять навзничъ, сталъ смотрѣть въ потолокъ и продолжалъ уже въ такомъ положеніи:

— Благодарю Создателя,—заговорилъ онъ, истоиво перекрестившись,—могу ска-

зять прямо кому угодно: жизни мнѣ далъ Господь вполне изрательскую... Прожилъ я честно, благородно вполне, съ людьми былъ обходителенъ, ласковъ... Вотъ, глядишь, мнѣ и легко въ жизни-то станеть, и дѣточкамъ-то моимъ, и супругѣ, и курочкѣ-то моей, и всему моему обиходу... И живемъ мы какъ бы завсегда въ радости: здѣсь ли пріутимся, въ другое ли мѣсто передвинемся, въ третьемъ ли приспособимся—вездѣ мы свой уголъ знаемъ и отъ людской обиды отстраняемся... Слава Создателю!.. Все, что Господу угодно было мнѣ въ жизни указать, все выполнилъ въ лучшемъ видѣ, малыхъ возрастилъ, уму-разуму обучилъ, слабому въ жизни оказалъ опору, въ семействѣ своемъ всегда легкій духъ утверждалъ, чтобы отчаянія или непотребства какого не было... Это первое дѣло!..

— Вотъ ты, Серега, молодой еще человекъ, и это я для тебя говорю (а и дѣточкамъ моимъ тоже на пользу послужить... Малы они еще, неразумны, а все же что-нито застрянетъ изъ моего и у нихъ)... Такъ говорю тебѣ: какъ бы тебѣ жить ни привелось, будетъ у тебя семья—первое дѣло, легкій духъ въ ней утверждай!.. Будетъ тебѣ въ жизни и обида, и посмѣяніе, и разореніе всечасное, и будетъ у тебя отъ этого злора, ропотъ въ душѣ, а ты все это въ себѣ скрой, предъ семействомъ же своимъ будь всегда въ легкомъ духѣ!.. И у нихъ будетъ легкій духъ!

Степанъ Тимоѣичъ совсѣмъ увлекся, какъ будто онъ въ самомъ себѣ чувствовалъ вдругъ этотъ „легкій духъ“, побѣдившій въ немъ даже болѣзнь: каріе глазки его засверкали, онъ поднялся на локоть, замахалъ другой, свободной, худой рукой и уже спустилъ было ноги съ лавки, какъ припадокъ кашля вновь свалилъ его. Онъ кашлялъ долго, упорно, безостановочно, какъ будто исполнялъ какую-нибудь работу. Обезилениый, въ холодномъ поту, весь дрожащій, какъ лисъ, съ глубокимъ стономъ упалъ онъ навзничъ на лавку. Всѣ работавшіе чувствовали себя тяжело, у нихъ у самихъ спирало и саднило въ груди; по временамъ, каждый изъ нихъ бросалъ на больного безпокойные взгляды. Съ окончаніемъ кашля Степана Тимоѣича все въ каморкѣ вдругъ сдѣлалось какъ-то еще молчаливѣе; только еще рѣзче выстукивалъ молотъ по по-дошвѣ.

Но не прошло и четверти часа, какъ

опять голова Степана Тимоѣича начала безпокойно ворочаться по подушкѣ, глаза его лихорадочно-оживленно забѣгали и онъ заговорилъ, какъ будто продолжая прерванную рѣчь:

— Вотъ онъ что значитъ легкій-то духъ!.. Ты это, Серега, прими въ жизни своей во вниманіе... Потому говорю тебѣ...

— Господи, Царь небесный! Да помолчалъ бы ты хоть одну минуточку! — вдругъ рѣзко оборвала его вошедшая Апфиса Петровна.—Вѣдь, давно ли ты бухалъ на всю деревню... Вѣдь, вопъ сосѣдямъ—и тѣмъ сердце надорвалъ... А намъ-то каково?..

— Титенька, ты бы хоть часокъ... — прибавила и Агаша.

Степанъ Тимоѣичъ строго замахалъ на нихъ рукой, не говоря ни слова и только давая знакъ глазами, что всѣ ихъ упрасиванія бесполезны.

— Потому говорю тебѣ, Серега, что ты одиночка,—продолжалъ онъ, обращаясь къ работнику,—и что я тебя возлюбилъ истинно... Вотъ, предъ истиннымъ Создателемъ говорю, безъ лести, безъ расчета: много я видалъ нашего брата, много работниковъ и подмастерьевъ у меня у самого перебывало, а такого человека безмздомочнаго и духомъ кроткаго, и человека любовнаго не видалъ!.. И жалко мнѣ тебя поэтому, ежели ты отъ тяжести житейской себя погубишь... Отъ нея много народу гибнетъ!.. Въ жизни всяко бываетъ: вотъ ты теперь одинъ, и свободенъ, и самъ себѣ баринъ: куда захотѣлъ — туда и пошелъ, и мечтанія у тебя разныя, и все такое, а на завтра, глянь, ахъ жизнь-то къ себѣ прицѣпила, говоритъ: будетъ тебѣ, послужи-ка мнѣ... Ну и взвалить тебѣ на плечи искусь, да такой-то искусь, что поднять-то его о-ой сколько силы надо!.. Вотъ тутъ, Серега, легкій-то духъ Богъ и посылаетъ... Тутъ-то вотъ онъ для народа пуще злата, пуще почестей!.. А ты какъ думаешь, черезъ что Господь легкій духъ въ человекѣ укрѣпляетъ?—черезъ истинную кончину... Кто ежели истинную кончину видѣть удостоился (отпа ли, дѣда ли, ближняго ли кого, али совсѣмъ изъ постороннихъ—все едино), тотъ и легкій духъ въ себѣ укрѣпилъ, бодрость, и на всю жизнь свою получилъ указаніе... Вотъ почему и говорится, что кончиной жизнь держится.

Опять легъ навзничъ Степанъ Тимо-

осеичъ, протянуть вдоль лавки свои худыя, волосатыя ноги, положилъ на грудь руки и торжественно-серьезно смолкъ. Полное изнеможеніе выражалось во всей его фигурѣ—и въ обезсилѣвшихъ рукахъ, и въ осунувшемся лицѣ, и въ провалившейся груди... Но въ лихорадочно-блестѣвшихъ глазахъ, устремленныхъ къ потолку, много еще свѣтилось жизни, энергій и вмѣстѣ мысли, которая, казалось, именно теперь овладѣла всѣмъ его существомъ, какъ будто прежде для нея не было времени и мѣста.

— Развѣ бы теперьча во мнѣ или въ женѣ моей,—вдругъ раздалися снова слова Степана Тимоенча, — развѣ бы могъ быть, по жизни нашей (сколь много мы всего потерпѣли и сколь велико бремя было на насъ), развѣ могъ бы, сказываю, быть у насъ легкій духъ, ежели бы мы не удостоились истинной кончины предстоять?—никогда... Точно, что тятенька у меня еще живъ, да если бъ и покончился онъ, то истинной кончины отъ него ожидать я не могу, потому какъ по необходимости всей его жизни... Я не осуждаю и не ропщу, а говорю только, что онъ сызмладости меня бросилъ, самъ съ мачехой всю жизнь пилъ да кутилъ, а подъ конецъ жизни вотъ опять ко мнѣ пришелъ, когда ужъ работать обезсилѣлъ; говорить: корми, — я тебѣ отецъ... Я не ропщу... Видя его недуги, я въ кускъ ему отказать не могу, какъ вижу, что еще моей израильской жизни, значитъ, предѣлъ не вышелъ... Я говорю только, что жизнь свою до чиста я загубилъ бы, если бъ вмѣсто отца не послалъ мнѣ Господь узрѣть истинную кончину хоша и совсѣмъ чужого мнѣ чело-вѣка... Вотъ какъ теперь вижу, какъ онъ кончался: говорить: ну, смерть пришла!—началъ какъ-то умильно рассказывать Степанъ Тимоенчъ, смотрявъ потолокъ, какъ будто предъ его умственными очами носились какіе-то совершенно живые образы... Но тутъ прервалъ его работникъ.

— Что ты, Степанъ Тимоенчъ, все о смерти, о кончинѣ говоришь, — сказалъ онъ веселымъ тономъ,—себя растравляешь, да и другихъ всѣхъ въ тоску вогнаешь... Ужъ это, братъ, какой же легкій духъ! Что ты и въ самомъ дѣлѣ: умирать, что ли, собрался? Эка бѣда—простудился!.. Поотлежишься — пройдетъ... Вотъ какъ я тебя проберу горчишками, — глядишь, легкимъ духомъ векочишь съ лавки-то...

— Вѣрно, вѣрно!—весело подхватилъ и Степанъ Тимоенчъ,—вѣрно, Серега!.. Конечно, что я на Господа уповаю. Кончины своей не чувю... Во мнѣ эдакого чтобы предчувствія нѣтъ... Вотъ полежу недѣльку—и пойдетъ колесомъ!.. Еще мы, братъ Серега, съ тобой проживемъ... А только-что о кончинѣ всегда помнить надо: и что она есть, и какъ, и къ чему, и въ чемъ ея произволеніе...

— Да, помнить-то мы ее будемъ, а ужъ говорить-то объ ней подождемъ, — замѣтилъ работникъ. — Мы вотъ какъ нито на рыбной ловлѣ объ ней съ тобой рѣчь поведемъ, при теплинѣ, у рѣки за ухой.

— Это такъ, такъ... Конечно, что я не знаю, какой меня Господь кончиной попустить, а только что теперь у меня насчетъ ея есть смущеніе... Отчего я заболѣлъ? не отъ Божьей воли, а отъ зелья, отъ вина... Вишь, ты, братецъ, урѣзалъ въ какое время!.. По мѣсяцамъ воздерживаюсь, а тутъ, какъ сапожникъ, натянулся предъ великими страстными днями!.. Что это можетъ означать? Теперьча идетъ великій праздникъ... У всѣхъ будетъ радостно и пріятно... И я долженъ бы наипаче въ себѣ и въ семействѣ своемъ легкій духъ укрѣплять, а замѣсто того... Какую послѣ эдакого поведенія могу я себѣ устроить кончину? И могу ли я кончину эту предъ лицомъ всѣхъ принять съ легкимъ духомъ?.. Вотъ я бы теперь долженъ въ городъ сбѣгать, и пасочку купить, и куличикъ, и яичекъ на-красить... Потому все это—со младенца до дряхлаго чело-вѣка—легкій духъ укрѣпляетъ... Бѣдны мы, точно, и пріюта у насъ своего нѣтъ и защиты, жизнь мы ведемъ израильскую, но между прочимъ не должны мы быть хуже другихъ. У другихъ радостно и весело, и у насъ долженъ легкій духъ играть: у дѣточекъ чтобы платица и рубашечки были чистенькія и поменькія, и пасочка, и куличикъ, и яички...

— Да все это будетъ, все будетъ сдѣлано... Не впервой, вѣдь, намъ праздникъ-то встрѣчать!.. Угомонись ты, ради Господа! помолчи,—утѣшала его Анфиса Петровна.

— Будетъ, Степанъ Тимоенчъ, все будетъ сдѣлано... Вотъ я ботики закончу, и въ городъ смахаю, и все исполю... все сдѣлаю,—поддерживалъ и работникъ.

— Сдѣлай, Серега, сдѣлай!—усокоил-ся Степанъ Тимоенчъ: — для другихъ сдѣлаешь, себѣ лучше будетъ! Жить

учись... Не всегда живешь по своей воле, больше поневоле...

— Сдѣлаю, сдѣлаю... Будь спокоенъ... Только лежи смиренно, не волнуйся понапрасну.

И Степанъ Тимоенчъ, повидимому, успокоился совѣмъ. Несмотря на то, что неустанная разговорчивость была его второй натурой, онъ, видимо, утомился до того, что задремалъ...

Въ каморкѣ опять настала тишина, но зато масса разнообразныхъ звуковъ оживленной деревни, врывавшаяся въ окна и дверь, росла все больше и больше, обступила каморку сапожника съ боковъ, сзади, спереди и сверху. Казалось, сапожникъ, со всѣмъ своимъ обиходомъ, вотъ-вотъ потонетъ въ этомъ шумливомъ морѣ. Оно бушевало вокругъ этой „израильской жизни“, какъ около маленькаго, одинокаго островка, который обдавало брызгами, хлестало пѣнистыми волнами и, казалось, готово было захлестнуть совѣмъ. А островокъ только сжимался больше, только пугливѣе сжился и уходилъ въ себя.

Дѣйствительно, уличный шумъ не довольствовался тѣмъ, что гудѣлъ вокругъ каморки Степана Тимоенча, — онъ перѣдко врвался въ самый центръ, въ самую „святая святыхъ“ его „израильской жизни“.

Вотъ разпахнулась широко дверь, и на порогъ показался веселый, розовый, высокій мужикъ, и не перешагнувъ, а какъ-то перемахнувъ черезъ порогъ огромными ножищами въ сыромятныхъ сапогахъ.

— Гдѣ сапожникъ-то? Боленъ, слышно? — кричалъ онъ самымъ добродушнымъ голосомъ. — Эхъ ты, сапожникъ, сапожникъ! — обратился онъ къ Степану Тимоенчу, увидавъ его на лавкѣ: — прямой ты сапожникъ; а?.. Ну-ка, въ какое ты время нажрался зелья, а?.. У всякаго забота, всякъ старается, чтобы къ великому дню, а ты до чего достукался?.. Ты бы, братецъ, чинно, благородно праздничка дождался, честь-честью насъ пригласилъ бы... А ты вотъ привыкъ къ бродячей-то жизни... Ахъ, сапожникъ, сапожникъ! — говорилъ мужикъ, зашедшій больше отъ нечего дѣлать, и присѣлъ къ Степану Тимоенчу.

Но Степанъ Тимоенчъ вдругъ весь какъ-то съезжился, поднялся, сѣдъ на лавкѣ, сдѣлалъ умилые глаза и съ такой мольбой смотрѣлъ на мужика, какъ будто онъ пришелъ разразить его однимъ ударомъ и разнести по вѣтру всю его израильскую жизнь.

— Да, да... Это вѣрно... Вотъ что справедливо, то справедливо... Достойнъ казни, выполнѣ! — твердилъ онъ мягкимъ, ласковымъ, заискивающимъ голосомъ. — Извините, добрые люди... Простите меня, окаяннаго!.. Достойнъ казни, достойнъ выполнѣ!.. А что ежели насчетъ угощения, то мы хуже людей не будемъ... Будьте спокойны!.. Завсегда пожалуйста къ намъ!..

— Ну, вотъ такъ-то лучше!.. А все же мнѣ тебя жалко, по совѣсти... Какіе великіе дни, а ты, можно сказать, не удержался, — продолжалъ болтать бездѣльный мужикъ, выгнанный бабами на улицу и не знающій, къ чему приспособить себя, пока не наступитъ тотъ вождѣльный моментъ, когда около кулечей и пасокъ, самовара и вотрушекъ, не начнется настоящий праздникъ. — И-да, это, братъ, завсегда должно помнить... т.-е. великій день... Ежели кто при правильномъ хозяйствѣ, тотъ очень понимаетъ это... Ну, а вы, какъ значить бродяжіе люди. это вамъ, точно, не дано, чтобы все было хозяйственно, — продолжалъ болтать мужикъ, усиливаясь, съ особымъ напряженіемъ, прискивать наиболѣе поучительныя фразы.

— Да, да, — повторялъ какимъ-то шопотомъ, ужъ начиная дрожать, Степанъ Тимоенчъ: — достойнъ казни, выполнѣ!.. Справедливое твое слово, Иванъ Поликарпычъ, выполнѣ къ сердцу... принимаю...

И Степанъ Тимоенчъ вдругъ разразился кашлемъ.

— Ну, что ужъ, Иванъ Поликарпычъ, какое время нашли людей учить! — заговорила вошедшая Аифиса Петровна: — вы бы ужъ это о праздникѣ пожаловали... Ужъ мы какъ-нибудь проживемъ безъ ученья... Слава Богу, двадцать лѣтъ прожили, проживемъ и до конца вѣка...

— Да, вѣдь, я для васъ же... Пособолѣзновать пришелъ... Вотъ, молъ, думаю, сапожникова жена съ ребятишками убивается... Ну-ко, молъ, подлецъ эдакій, въ какіе дни рѣзануль... У всѣхъ-то къ празднику стараются...

— Итъ ужъ, вы сдѣлайте милость, ужъ оставьте, — заговорила было Аифиса Петровна, но Степанъ Тимоенчъ, продолжая кашлять, такъ усиленно замахалъ на нее руками, что мужикъ испугался и ушелъ.

— По-ла-а-асковѣ, Аифисушка, по-лю-ю-бовиѣ! — выговаривалъ среди кашля Степанъ Тимоенчъ.

— Ну, ну, хорошо! — утѣшала его Аифиса Петровна, укладывая на подушку.

Послѣ визита словоохотливаго мужика и продолжительнаго кашля Степанъ Тимоенчъ долго не могъ притти въ себя. Руки и ноги у него похолодѣли. Лицо напилось кровью. Онъ долго дрожалъ.

III.

Къ вечеру слѣдующаго дня хлопотливый шумъ смолкъ и по избамъ, и на улицѣ. Все и всюду прибралось, вычистилось, вымылось и прекратило работы. Даже у сапожника зашабашили, и его каморка тоже прибралась, вычистилась. Работникъ недавно вернулся изъ города, веселый и довольный, съ покупками, составлявшими такой важный предметъ заботъ для Степана Тимоенча. Онъ вымылся въ банѣ и въ чистой розовой ситцевой рубахѣ сидѣлъ теперь на лавкѣ, весело поглядывая то на Степана Тимоенча, то на ребятшекъ, возившихся по полу, укладываваясь спать. Степанъ Тимоенчъ теперь лежалъ смирно, изрѣдка только перекидываясь кое-какими замѣчаниями съ женой. Вымытый, причесанный руками самой Анфисы Петровны, сидѣлъ на печкѣ въ чистомъ бѣлѣ параличній старикъ-отецъ. И только сама Анфиса Петровна, перемывшая всѣхъ своихъ чадъ и домочадцевъ, ещё не покладывала рукъ. Керосиновая лампа тускло освѣщала квартиру. Было крайне бѣдно, непріятно кругомъ и убого, но всякій, взглянувъ на лицо работника, могъ бы сказать, что нѣтъ такого страшнаго положенія, которому духъ человѣческій не сообщилъ бы своего величія и красоты.

— Вотъ, Серега, спасибо... Вотъ у насъ и пріятство, и легкій духъ,—говорилъ отъ времени до времени Степанъ Тимоенчъ.—Великій я вижу для себя въ жизни милости... А все ты; кабы не ты, что стали бы мы, бѣдные, дѣлать?.. Серега!.. Я тебѣ скажу прямо: тебѣ уготована какая ни есть въ жизни планида... Ты не говоришь, а я полагаю такъ, что истинной кончинѣ ты предстоялъ... Чьюнибудь истинную кончину ты видѣлъ... И тебѣ истинная кончина уготована... Ты—не изъ простыхъ... Нѣтъ, не изъ простецовъ... Ты отиѣченъ...

И на лицѣ Сереги при этихъ рѣчахъ сіяло дѣтское, наивное самодовольство...

— Ты бы ложился, Сергѣй Андреевичъ,—говорила Анфиса Петровна:—пора ужъ и отдыхать всѣмъ.

И Серега послушно разостался на лавкѣ, на которой сидѣлъ, полушубокъ и легъ, бросивъ въ головы подушку.

Пріятное чувство отдыха послѣ напряженнаго физическаго труда еще болѣе усилило то внутреннее, ребяческое самодовольство, которое его не покидало съ тѣхъ поръ, какъ онъ вернулся изъ города. Ему такъ пріятно было чувствовать, что онъ весь, цѣликомъ, могъ отдать себя этой бѣдной семьѣ, могъ доставить ей ту микроскопическую долю довольства, которое, онъ видѣлъ это слишкомъ ясно, тѣмъ не менѣе вносило такую внутреннюю полноту въ ея существованіе. Онъ закрылъ глаза, и лучшія минуты жизни сами собой воскресли въ воспоминаніи. Онъ плавно и мирно, какъ волны тихой рѣки, скользили одна за другой.

— И что такое это за истинная кончина, о которой *они* всѣ говорятъ?—спрашивалъ онъ себя, внутренно улыбаясь наивности разсужденій Степана Тимоенча.—А въ самомъ дѣлѣ, былъ ли я свѣдѣтелемъ истинной кончины?..

И ему вспомнилась мать, эта „ангельская душа“, какъ звали ее крѣпостные крестьяне. Умирая, она, дѣйствительно, позвавъ его, перекрестила, положила на голову руку и, заливаясь слезами, сказала:—„Не забывай *этихъ* людей, дорогой мой; вездѣ, гдѣ бы ты ни былъ, отдавай имъ все, что можешь...“

Слова эти какъ-то смутно коснулись тогда его души, переполненной грустью и болью; хотя онъ не зналъ положительно, что мать его умираетъ, но онъ чувствовалъ, по той молчаливой торжественности, съ которою все дѣлалось вокругъ, по тяжелому предчувствію, что съ дорогимъ ему существомъ что-то дѣлается ужасное. Тогда ему было тринадцать лѣтъ. Отца онъ не помнилъ почти. Все дѣтство онъ провелъ неразлучно съ матерью. И не эти предсмертныя слова ея опредѣлили всю его дальнѣйшую судьбу, а вся жизнь ея, ея любовь, ея глубокая, чувствующая „ангельская душа“ научила его отдавать имъ *все*, что можно было... Ему припомнилось, какъ онъ на ярмаркѣ встрѣтился съ Степаномъ Тимоенчемъ.

Усталый, печальный, терзаемый сознаниемъ, что онъ *чужой* все еще этой толпѣ, этой массѣ, среди которой онъ толкался безъ дѣла и смысла, онъ выбрался изъ нея на поле и здѣсь присѣлъ. Вдругъ онъ замѣтилъ группу, двига-

шуются отъ ярмарки, видимо, покончивъ тамъ свои дѣла. Впереди самъ Степанъ Тимооенчъ, съ своей большой, несоразмѣрной съ туловищемъ, лысой головой, съ огромными толстыми, торчавшими усами, тоже какъ-то несоразмѣрно выступавшими надъ бородой, на короткихъ босыхъ ногахъ, запотѣлый, усталый, но торопливый, подвижный, вѣчно говорящій, везъ впереди, вмѣстѣ съ подросткомъ своимъ, ручную тележку, въ которой сидѣлъ дряхлый, сѣдой старикъ. За нимъ слѣдомъ бойко шла среднихъ лѣтъ женщина, съ малыми дѣтьми и худой, молоденькой дѣвушкой. Онѣ везли другую тележку, наполненную готовымъ сапожнымъ товаромъ и разнымъ хозяйственнымъ скарбомъ.

Эта своеобразная группа такъ поразила Русанова, а въ особенности ея предводитель, что онъ рѣшилъ тотчасъ же пойти вмѣстѣ съ лею, куда бы то ни было, и, наконецъ, добиться хоть чего-нибудь опредѣленнаго. Прежде всего, какъ и всегда, въ немъ заговорило гуманное чувство.

— Они, кажется, такъ бѣдны, что я уже для нихъ никакъ не буду лишнимъ и въ чемъ-нибудь да буду полезенъ. Покрытѣйшей мѣрой, я помогу имъ везти хоть старика.—И вотъ онъ нагналъ ихъ, и уже любезно и предупредительно раскланялся съ нимъ „поласковѣ“ и словоохотливый Степанъ Тимооенчъ. Не прошло получаса, какъ онъ уже совершенно сошелся съ этими бѣдными людьми. Оказалось, что это бродячій деревенскій сапожникъ, не имѣющій опредѣленнаго угла и со всею семьей кочующій изъ деревни въ деревню. И тогда-то впервые Степанъ Тимооенчъ объяснилъ ему основаніе „израильской жизни“, которую онъ проживалъ такъ бодро, неунываемо, „съ легкимъ духомъ“!..

И какъ доволенъ былъ тогда Русановъ, когда Степанъ Тимооенчъ согласился взять его въ работники! „Вотъ,—думалъ онъ,—я войду въ самую святая святыхъ этихъ пугающихся и обремененныхъ... Я сольюсь весь, цѣликомъ, наконецъ, съ той поэтической правдой, и уже между нами не ляжетъ ни тѣни, которая бы чѣмъ-нибудь затуманила правду и чистоту нашихъ отношеній...“

И, дѣйствительно, какъ будто дѣтская поэтическая правда сразу воскресла передъ нимъ!.. Мало того, говорливый и пытливый Степанъ Тимооенчъ оказался

нечуждымъ даже той „игры мысли“, той восприимчивости къ „идеѣ“ и къ романтическимъ грезамъ, которыя такъ дороги интеллигенціи. Часто цѣлыя ночи проводили они оба съ ребятишками на рыбной ловлѣ, у зажженной тепliny изъ свѣжихъ вѣтвей, и о чемъ только не вели они бесѣды! И полюбилъ Степанъ Тимооенчъ Русанова до того, что самъ ему признавался: „часто думаю: ну, какъ, молъ, предъ нашей жизнью обидится, или ѣда паша не понравится, или платы большой захочетъ, или кто изъ богатыхъ хозяевъ его сманить... А, вѣдь, мы, Серега, поистинѣ тебѣ скажу, при тебѣ вздохъ имѣемъ! Да нѣтъ, ты не протестуешь... Нѣтъ, если бы ты изъ таковыхъ, изъ всякихъ былъ, ты бы развѣ... Да нѣтъ... Гдѣ бы!.. Рѣдко!..“

И взаимное довольство ихъ другъ другомъ росло.

Степанъ Тимооенчъ все больше нитересовалъ его какимъ-то страшнымъ, непонятнымъ укладомъ своей души. Какъ физически поражала его фигура несоразмѣрностью своихъ членовъ, такая же несоразмѣрность была, казалось, и въ его нравственномъ укладѣ. То представится онъ гордымъ, надменнымъ, свободнымъ и независимымъ патріархомъ своей израильской жизни, то вдругъ расскажетъ, что не одинъ разъ, когда ему приходилось платить недомки за паспортъ, онъ ложился подъ розги, получалъ заслуженное и паспортъ, а на деньги покупалъ ребятишкамъ ситцу на новенькія рубашонки. То онъ былъ строгій, неуклонный ригористъ, то вдругъ зашивалъ отчаянно, кутить, пить, или спать безъ просыпу цѣлую недѣлю. И многое подобное припомнилось теперь Русанову.

Русановъ задремалъ. Спать онъ или нѣтъ еще, онъ не зналъ хорошенько, но онъ услышалъ какой-то странный шумъ и открылъ глаза. Прямо надъ его головой горѣла лампадка и блѣднымъ, колышавшимся, синеватымъ свѣтомъ освѣщала каморку. Всѣ уже, должно быть, спали; даже изъ странной доносился храпъ Анфисы Петровны. Дѣти спали на полу вповалку.

— Ты спишь, Серега? — вдругъ спросилъ его Степанъ Тимооенчъ. Русановъ приподнялся и смутился: около своей лавки стоялъ Степанъ Тимооенчъ на дрожащихъ ногахъ. Странно какъ-то глядѣла вся его несоразмѣрная фигура въ блѣноватомъ свѣтѣ лампадки: большая го-

лова съ широкой лысиной, около которой торчкомъ стояли жидкіе, всклокоченные волосы; осунувшееся лицо, на которомъ рѣзко выступали только блуждающіе и лихорадочные каріе глаза, да торчащія толстые жгуты усовъ; коренастое, короткое туловище и тонкія, худыя, словно ребячьи, руки и ноги—все это какъ будто поразило Русанова. Никогда еще образъ сапожника такъ рѣзко не очерчивался во всей его оригинальной несоразмѣрности, какъ теперь.

— Что же ты это, Степанъ Тимооенчъ, не спишь?—спросило онъ его.

— Жутко мнѣ что-то, Серега... Ты бы со мной поговорилъ, — сказалъ онъ, садясь на лавку.—Вотъ мы съ тобой насчетъ истинной кончины говорили вчера...

— Ну, вотъ объ чемъ опять вздумалъ!.. Ты бы объ этомъ не думалъ... Ты бы о чемъ другомъ...

— Нѣтъ, Серега... Ты меня послушай... Съ другимъ бы я не сталъ говорить, пожалуй... А ты... Я тебя какъ сына полюбилъ... Предъ истиннымъ Богомъ!.. За твою кротость, доброту, благородство... Послушай меня... Я тоже... Скажу тебѣ не въ похвалѣбу... Что мнѣ хвалиться? Можетъ, вотъ я скоро покончусь...

— Ну, оставь ты это... Что праздникъ себѣ портишь такими мыслями!

— Это такъ... А все же... Такъ вотъ я тебѣ хотѣлъ сказать: я, вѣдь, тоже изъ „отмѣченныхъ“ былъ,—проговорилъ Степанъ Тимооенчъ внушительнымъ шопотомъ, возможно понижая голосъ,—да, изъ нихъ. Во мнѣ, братъ, эдакое всякое играло въ молодости... Да я только никому не говорю объ этомъ, молчу... Вотъ развѣ въ пьяномъ одержаніи; иногда, эдакъ, въ головѣ-то и поидетъ старое колобродить: и зачѣмъ, молъ, это я жизнь свою загубилъ?.. Можетъ, молъ, былъ бы я теперь какой-нибудь архіерей, али бы (грѣхъ вымолвить!) какой-нибудь Арій... И проповѣдывалъ бы я слово, и надъ людьми надъ всѣми властвовалъ бы, и всѣ люди мнѣ поклонялись бы, моему приказу, и съ покорностью ницъ лежали бы... И творилъ бы я надо всѣми великій судъ... И возсѣлъ бы я въ златотканной одеждѣ!

Степанъ Тимооенчъ говорилъ все напряженнѣе и напряженнѣе, какъ будто желая, чтобы его шопотъ не коснулся ничьего слуха, кромѣ работника. Глаза его сверкали еще лихорадочнѣе, лицо

разгорѣлось. И вдругъ онъ пріостановился и потомъ прибавилъ:

— Это сапожникъ-то!.. Вотъ о чемъ я, мошенникъ, когда-то думалъ!.. Ты слышишь, Серега?

— Слышу, слышу.

— Ты вотъ пооди сюда, сядь ко мнѣ поближе, — показавъ онъ ему рукой на мѣсто возлѣ себя.

И когда Русановъ пріебѣлъ рядомъ съ нимъ, объятый неопредѣленнымъ смущеніемъ, Степанъ Тимооенчъ продолжалъ:

— Сядь вотъ... Слушай... Это я тебѣ только говорю... Опять скажу, что я за тобой примѣчаю... Ты тоже изъ отмѣченныхъ... Но всему я вижу, ты такъ же думаешь, какъ и я, мошенникъ, когда-то думалъ... Ты ужъ не разъ со мной нарыбной ловлѣ объ разномъ такомъ, не отъ настоящей жизни, заговаривалъ... Слушай, Серега, и прими во вниманіе своей жизни.

Пріостановился Степанъ Тимооенчъ, помолчалъ, упорно смотря предъ собою, какъ будто ужасъ охватывалъ его, и онъ все не рѣшался о чемъ-то говорить.

— Вотъ также было, — началъ онъ медленно: — было передъ великимъ днемъ... Да, вотъ какъ разъ... Слышь ты, Серега, вотъ точъ въ точъ такъ... Хозяинъ мой умиралъ... А я съ малолѣтства жилъ у него до восемнадцати лѣтъ, потому какъ былъ оброшенъ своимъ родителемъ... Хозяинъ былъ у меня человекъ твердый, строгихъ правилъ, держалъ насъ въ послушаніи... А было насъ у него, учениковъ, когда четверо, когда трое, но всѣ боялись его и не любили. Только я ему прилежалъ, потому, первое дѣло, что родительской ласки, родительскаго наставленія и примѣра не видалъ я съ молодости; второе дѣло потому, что строгость его и твердость была не отъ характера, а отъ разума... Что ни вечеръ, какъ только пошабашимъ, читалъ онъ божественныя книги Чикъ-Миши и ниня... Слушали его или нѣтъ—все равно было ему, онъ къ этому не понуждалъ, а читалъ себѣ ровно, голосомъ твердымъ и звонкимъ... Прочтеть, что положено, лептой заложить, помолится и ляжетъ спать. И опять — слушалъ его кто или нѣтъ—не спросить... И точно, рѣдко кто изъ насъ его слушалъ... Только я, окаянный мошенникъ, ровно татъ, упрусь въ него съ полатаей глазами и тихо, никому виду не давая, каждое слово ловлю, ровно вору, боюсь опустить... Говорилъ я тебѣ:

былъ я кровью кипучъ, сердцемъ горячъ, какъ огонь... Такъ-то, крадучись, и выслушалъ я отъ старика всю эту книгу Чикъ-Миней и инья... Слушалъ про подвижниковъ, и святителей, и патріарховъ... И какія мысли у меня, окаяннаго, возродились тогда въ головѣ, какихъ мечтаній не было: во снѣ и наяву видѣлъ я и вельможъ, и сильныхъ міра, что богатства и почестей отрѣшались и дѣлались нищи и наги, и босы; видѣлъ я, что и нищіе духомъ, босые и голые восходили до сана святительскаго и дѣлались мощными и сильными міра, и сами цари преклонялись имъ... Слыхалъ ты о святѣйшемъ патріархѣ Никонѣ, государѣ всея бѣлыя, и великія, и малыя Россіи? — спросилъ Степанъ Тимоѣенчъ какъ-то особенно тапшествоно.

— Слыхалъ! — отвѣчалъ Русановъ, все еще объятый непонятнымъ смущеніемъ.

— Слыхалъ?.. Ну, и оставимъ это!.. Такъ вотъ: было ужъ мнѣ шестнадцать лѣтъ, и вижу я — мечтанія мои одолѣваютъ меня... Говорю я однажды хозяину: „Хозяинъ, научи меня грамотѣ!“ — „А зачѣмъ, говоритъ, тебѣ она нужна?“ — „Хочу, говорю, книги читать“... — „Хорошо, говоритъ, тебѣ, Степанъ, учить стану, потому — примѣчаю за тобой, что ты не протестецъ...“ Учусь я, а, въ тожъ мѣсто, таю въ себѣ, скрытно отъ всякой души, свой умыселъ... А умыслилъ я бѣжать въ монахи и сталъ копить деньги, которыя положилъ мнѣ на семнадцатомъ году хозяинъ. Такъ прожилъ я два года, а умыселъ мой все крѣпнѣетъ... Къ тому времени хозяинъ захворалъ шибко. Мѣсяць или два не вставалъ съ постели. Которые были ученики — разбѣжались. А у хозяина были дѣти — все дочери, и старшей изъ нихъ Анфисѣ только что минулъ шестнадцатый годъ. Хозяйка же давно умерла. И говоритъ мнѣ хозяинъ: „Степанъ, не бѣги хоть ты... Что мнѣ будетъ дѣлать? Повремени, пока встану, тогда ступай съ Богомъ, куда хочешь“. Подумалъ я, и опять свой умыселъ до поры скрылъ въ себѣ, остался. Только, вотъ также ночью, наканунѣ великаго дня, вдругъ проснулся хозяинъ и кричитъ меня: „Степа, смерть моя пришла! Надо истинную кончину принять!.. Сходи за священникомъ!“ Ну, приобщился, покаялся... Потомъ велѣлъ образъ ему подать: дочерей своихъ каждую благословить и каждой слово сказать... А я эдакъ въ сторонкѣ стою... Потомъ,

гляжу, манитъ онъ меня, старикъ-то... „Подойди, говоритъ, Степа, я и тебя благословлю... Ты, вѣдь, все равно, что сирота...“ И меня образомъ благословилъ; потомъ, это, посмотрѣлъ на меня и говоритъ: „вижу, говоритъ, Степанъ, не простецомъ ты уродился... Молодъ ты, а умыслы у тебя большіе и разумомъ ты крѣпокъ и твердъ... Будетъ, говоритъ, для тебя въ жизни особая планида! Благословить тебя Господь и укрѣпитъ!“ Потомъ это, Серега, — заговорилъ вдругъ Степанъ Тимоѣенчъ опять напряженнымъ шопотомъ, — потомъ, это, старикъ-то сползъ съ лавки, трясется весь, да мнѣ, мальчишкѣ-то, въ ноги: „Степа, говоритъ, будь имъ, сиротамъ, заступникъ и защитникъ!.. Тебѣ, говоритъ, кланяюсь, одному тебѣ... Потому, говоритъ, кланяюсь, что у кого умыслы большіе, тотъ и малую тварь не покинетъ и не изобидитъ, и въ обиду ее не дастъ... Будь имъ отецъ!..“ Стоитъ старикъ предо мною на колѣняхъ, а подняться ужъ и не можетъ. А я совсѣмъ потерялся, стою да плачу, и сироты плачутъ... Ну, потомъ...

Степанъ Тимоѣенчъ не договорилъ, схватился за плечо Русанова и чуть слышно проговорилъ:

— Ослабъ я, Серега... Вишь, голосъ потерялъ... Я ужъ полежу... и ты поди лягъ...

Взволнованный, оторопѣлый, растерявшійся отошелъ отъ него Русановъ, какъ-то машинально сѣлъ на свою постель и сталъ внимательно слѣдить за дыханіемъ Степана Тимоѣенча. Странное дѣло: въ первый разъ только теперь вдругъ ему мелькнула смутная мысль о возможности внезапной смерти хозяина. Но эта мысль такъ и застряла у него въ мозгу одинокой. Она его просто поразила своей неожиданностью. Какъ-то оказалось такъ, что въ то время, когда вся его душа, всѣ мысли были заняты народомъ, „массой“, ему никогда не приходилъ вопросъ о томъ, какъ умираетъ крестьянинъ и какой смыслъ имѣетъ „смертний-часъ“ въ его жизни. Только въ последнее время его поразили разсужденія объ „истинной копчинѣ“, по поразили какъ необъяснимый, своеобразный фактъ.

Онъ сидѣлъ неподвижно уже цѣлый часъ и чутько велушивался въ дыханіе больного, слѣдилъ за малѣйшимъ его движеніемъ. Какъ вдругъ больной повернулся быстро, неожиданно, приподнялся съ

постели, уставился неподвижно зрачками въ стѣну и потомъ громко, торопливо и четко выговорилъ: „Вставайте! Смерть пришла!.. Душить!..“ Русановъ, вскочившій въ испугъ еще при первомъ его движеніи, подбѣжалъ къ нему.

— Вотъ здѣсь, грудь... Три!—торопливо говорилъ Степанъ Тимоѣенчъ, падая навзничъ.

Русановъ быстро сталъ растирать рукой ему грудь, потомъ растерялся, не зная, за что взяться.

Больной сталъ стонать. Проснулись Анфиса Петровна, Агаша. Всѣ суетились, бѣгали, пораженные, растерянные. Параличный старикъ вдругъ сползъ съ печи самъ и, едва держась на дрожащихъ ногахъ, опершись на клюку, съдой и дряхлый, остановился у изголовья больного и сурово-строго смотрѣлъ, не сводя глазъ съ его лица. Словно на стражѣ чего-то остановился онъ. Степану Тимоѣенчу стало хуже; боли усиливались. Побѣждали за священникомъ. Степанъ Тимоѣенчъ причастился съ трудомъ. Силился нѣсколько разъ благословить дѣтей образомъ, который старался всунуть ему въ руку старикъ, но не могъ. Здоровое, еще не стариковское тѣло сильно боролось за жизнь и не легко разставалось съ нею. Два часа онъ стоналъ и кричалъ; два часа глухо и сдержанно рыдала и терзалась семья. Напряженные нервы не выдерживали больше.

— Создатель! Пошли мнѣ смерть... Смерть пошли поскорѣе!.. Смерть!—не то стоналъ, не то кричалъ Степанъ Тимоѣенчъ.

— Полоумный, что ты говоришь?—вдругъ какимъ-то рыдающимъ и вмѣстѣ отчаяннымъ голосомъ закричалъ на него старикъ-отецъ:—о чемъ ты просишь?..

— Смерть! поскорѣе смерть!

— О чемъ ты просишь, полоумный? Опомнись!.. О комъ ты думаешь при кончинѣ? О себѣ? Тебѣ смерть, а намъ что? Намъ что будетъ? Намъ?—кричалъ старикъ, дрожалъ весь самъ, дрожалъ костыль въ его рукахъ и стучалъ въ полъ.— Степа! молись за насъ!—зарыдалъ онъ, какъ ребенокъ.

— Степанъ Тимоѣенчъ, живи!.. Тятенька, живи!.. О жизни моли... Зачѣмъ смерть! Жизни будемъ молить... Рано смерть тебѣ... Пожалѣй сиротъ!—рыдала, перебивая другъ друга, Анфиса Петровна и Агаша.

Вдругъ Степанъ Тимоѣенчъ усиленнымъ

порывомъ поднялся и сталъ искать кого-то блуждающими глазами. Потомъ быстро сползъ съ паръ и повалился въ ноги Русанову.

— Серега!.. Ты... не покинешь... Ты! Отдайте ему все, все... Онъ не такой... Онъ... защититъ...

Но Степанъ Тимоѣенчъ не договорилъ.

— Подымите!—крикнулъ онъ, хватался за грудь.

Его положили опять на пары. Вдругъ боли стихли, стихъ и Степанъ Тимоѣенчъ, стихли всѣ и недоумѣвающе-изумленно смотрѣли на него. Черезъ десять минутъ онъ поманилъ кого-то слабой рукой. Подошли всѣ.

— Серега! — проговорилъ онъ чуть слышнымъ шепотомъ, усиленно дыша и словно роняя слово за словомъ, — израильскую... жизнь... чтобы... главное... Легче будетъ!..

Степанъ Тимоѣенчъ глубоко вздохнулъ и смолкъ, сдѣлавъ въ воздухѣ рукой подобіе креста.

Молодой работникъ стоялъ давно уже блѣдный, какъ полотно.

Едва первый, чуть брезжившій свѣтъ зари заглянулъ въ каморку, сапожника уже не было въ живыхъ.

IV.

Былъ май. Рѣки вошли въ берега, но почва еще не просохла, отъ нея поднимались пары и теплый воздухъ былъ влаженъ, мягокъ и пахучъ. Кругомъ все покрылось яркой зеленью, повесѣло и ожило въ теплѣ нѣжныхъ солнечныхъ лучей. Въ большомъ прирѣчномъ селѣ былъ первый весенній большой базаръ, и, казалось, теперь еще оживленнѣе, еще могучѣе галдѣла тысячная толпа. И точно такъ же теперь, какъ и раньше, переходили черезъ только что наведенный мостъ тѣ же знакомые намъ два мужика: одинъ высокій, рыжій, другой низкій и коренастый, и попрежнему надъ полной рѣкой гулко разносился ихъ громкій говоръ.

— Ну?—спрашивалъ рыжій лохматый великанъ, отбѣривая сажениые шаги.

— Ну, братецъ ты мой,—продолжалъ, очевидно, начатый раньше разговоръ коренастый, задыхаясь и едва поспѣвая бѣжать за пріятелемъ...—Ну, братецъ, только что это Господь далъ—сбилъ я съ избой, сестренку пристроилъ, въ хозяйственный оборотъ, какъ быть должно,

вплотную вошли... Одно слово—направилъ машину въ лучшемъ видѣ...

— Ну?

— Ну, любезный другъ, сижу это я себѣ посиживаю въ новой-то хороминѣ, оглядываю да обдумываю, въ чемъ нехватка: дровъ за зиму навозить, жердей новыхъ наготовить... Вотъ, думаю, братецъ, поѣдемся... Хлѣбъ соберемъ, крыши покрою, а къ осени ужъ безотѣйно въ Ростовъ надо угодить, потому съ этой самой операціей... вотъ она гдѣ у меня сидитъ, эта операція-то, въ ротъ ей сто возовъ!.. Сотни двѣ рублей себѣ въ горбъ-то накачалъ!.. Э-э!..

— Хо-хо-хо!..—откликнулся рыжій.

— Ха-ха-ха!..—отвѣтилъ ему коренастый.

— Ну?

— Ну, такъ вотъ, говорю,—сижу себѣ, посиживаю въ новой-то хороминѣ, въ окошко поглядываю... Хвать—сотекій бѣжить!.. Гляжу—прямокомъ на меня поровить... Иди, говорить, въ волость тебя требуютъ, на сходи... Ахъ драть тебя на шесть, думаю—что за статья!.. „Иди, говорить, тамъ узнаешь!“ У меня, эдакъ, на нутрѣ, замѣчаю, будто что засвербѣло... Вижу, на бабѣ лица нѣтъ: „не наблудилъ ли ты, говорить, что нито, Кузьма Терептычъ?..“ Слышь: не наблудилъ ли, говорить... А сотекій смѣется: вѣрно, наблудилъ, говорить... А я ужъ и самъ думаю: да не наблудилъ ли и впрямь?.. Ахъ ты, мать честная!.. Кажись, ужъ какъ воздерживался, чтобы

все по родителю было, аиъ тутъ тебѣ—во какалъ линія!.. Еще выпорють, поди того... Ха-ха-ха!..

— Хо-хо-хо!.. Ну?

— Ну, обрядился, побѣжалъ... У волости народу видимо-невидимо... Старшина на меня: „ты говорить, что мірского дѣла бѣгаешь?..“ Виновать, говорю, точно: не зналъ... недѣлю въ лѣсу бревна пилилъ... „Ну такъ, говорить, вотъ міръ честной избралъ тебя къ мірскому дѣлу...“—„За какую, говорю, вину-провинность, міръ православный?..“—„Не за вину, кричать, а за то, что родителя почитаешь... Вотъ за что чествуемъ тебя довѣріемъ!..“ Тутъ я и ахнулъ... Ахъ ты, разъ-такъ твою коврижку!.. Вотъ это такъ полоса!.. Ха-ха-ха!..

— Хо-хо-хо! — гремѣлъ по рѣкѣ рыжій.—Ну?..

— Ну, вотъ теперь и иду въ волость, бумаги выправлять: пятерыхъ насъ избрали, чтобы значить въ отъѣздъ... А тамъ—Твоя святая воля!.. Что послѣ съ нами будетъ, того намъ знать не дано... А единственно какъ одно: живъ Богъ—жива душа моя!.. Ха-ха-ха!

— Хо-хо-хо!..

Мужики перешли мостъ, и ихъ хохотъ еще долго, казалось, носился надъ покой рѣкой и перекатывался вдоль береговъ.

Въ это время изъ-подъ береговыхъ ракии поднялся Русановъ, приѣхшій тутъ отдохнуть, вдали отъ шума и гама толпы. Онъ уходилъ изъ деревни...

Миша и Гриша.

(Изъ переписки Русанова).

I.

Хорошо, старый пріятель! Идетъ! Вотъ что значить ударить въ надлежащую струну и въ надлежащій часъ. Ты мнѣ пишешь: „Баста! плюю на все. Пусть, какъ хотятъ, безъ насъ... Даже не хочу знать: кто не годится, мы или они... А потому залѣзаю въ халатъ, сажусь съ погами въ уголъ дивана—и баста!.. Попробую, не буду ли счастливѣе!..“ Стало быть, мы свободны и можемъ переписываться. Надѣюсь, за мной на этотъ счетъ дѣло не станеть.

Прежде всего, поздравь меня: сегодня мнѣ минуло тридцать пять лѣтъ (да, ка-

жется, и тебѣ немного больше, если еще не меньше). Какъ ты думаешь: много это или еще не много? Я думаю, что еще очень-очень немного, хотя я и помыслилъ изрядно, и согнуло меня тоже изрядно, и выгляжу я, братъ, совсѣмъ какимъ-то „дяденькой“ (кетати, меня даже зовутъ такъ мои воспитанники). И въ тридцать пять лѣтъ мы не находимъ ничего лучше, какъ писать мемуары и пріятельски „бередить раны другъ другу“!.. И это въ такое-то время, каково наше?.. Ну, еще, конечно, не было бы обидно, если бѣ такая бѣда стряслась только съ нами двоими... Нѣтъ, посмотри, такими байбаками клипши кишать и столицы, и про-

винция... И все хорошіе люди! все хорошіе, даже прекрасные люди!.. Что же, однако, мы за люди, хотя бы и хорошіе? Вотъ ты поймешь, что знать не хочешь—ты ли негоденъ для жизни, или жизнь негодна для тебя!.. Очевидно, въ тебѣ еще шевелится червячокъ, еще ты *недостаточно* сбитъ, не со всѣхъ пунктовъ... Ну, а я, пріятель, *уби́дился*, и очень достаточно... Не утѣшать меня банальныя фразы и о томъ, что мы, молъ, люди извѣстные— „Гамлеты“, „Лишніе люди“, „Рудины“... Говорю искренно: сбитый на всѣхъ пунктахъ, я чувствую въ глубинѣ души только одно: *смирение*... Смирение предъ чѣмъ-то необъятнымъ, великимъ, предъ тѣмъ, что называютъ „процессомъ жизни“... Тяжело это сознаніе, но я принимаю его, принимаю потому, что видѣлъ и узналъ кое-что изъ этого „процесса жизни“ очень близко... Совѣтую и тебѣ сдѣлать то же, чѣмъ ломать изъ себя угнетенную невинность... Это будетъ, право, благородіе, чѣмъ ехидничать въ глубинѣ собственныхъ кабинетовъ и разражаться заклятіями... Вѣдь, все одно, ихъ не услышатъ, а если и услышатъ, то пройдутъ мимо...

II.

Что же это такое? Я уже съ перваго письма начинаю философствовать, а ты еще и не знаешь, вѣроятно, хорошенько: что я теперь и какъ, „чѣмъ былъ и что сталъ, и что есть у меня“.

Ну, такъ слушай же. Начну съ того самаго момента, какъ мы съ тобой разстались въ Петербургѣ. Ты помнишь, это было въ то знаменитое время, когда мы, только-что выпущенные изъ *alma mater*, кипѣли свѣтозарными надеждами. О, какъ много мы мечтали сдѣлать въ канцеляріяхъ нашихъ дядошекъ-генераловъ, запрятавшихся на время подъ ихъ крылушки и думая, что мы проведемъ на мякинѣ старыхъ воробьевъ.... Предъ нами развертывалась торная дорога — новые суды, земство, преобразование высшихъ государственныхъ учреждений... Мы уже мечтали (да что—„мечтали!“—для насъ было песомігнпно), что заберемся высоко-высоко, какъ только можно, чтобы излить на благо родинѣ весь запасъ своихъ добрыхъ чувствъ, все приобрѣтенное знаніе претворить въ дѣло... Но тутъ... ты знаешь, что тутъ случилось? Мы бѣжали въ

провинцію... Я былъ въ учителяхъ, ты ушелъ въ земство и въ рациональное хозяйство... Потомъ и я ушелъ въ земство... Потомъ я бѣжалъ въ свою деревню... Это было послѣднее убѣжище для бѣгства „добрыхъ намереній и чувствъ“, гдѣ искалъ я „оскорбленному чувству уголокъ“... Я рѣшилъ заплатить цѣною уединенія, самопожертвованія, всего своего состоянія, лишь бы дали хотя ничтожную возможность проявиться моимъ „добрымъ чувствамъ“... Но я не купилъ и такую цѣную этого уголка. Я схоронилъ тутъ заброшеннаго, всѣми забытаго, обворованнаго дворней, своего дядю, — помнишь, того „рыцаря освобожденія“, отъ котораго мы приходили, бывало, въ такой восторгъ и который часто рисовался въ нашихъ мечтахъ, какъ свѣтлый и чистый идеаль?.. Да, такъ вотъ его схоронилъ... получивъ въ наследство одно холодное одиночество никому ненужнаго, заподозрѣннаго барина, въ которомъ онъ еще до меня изнывалъ цѣлыя десять лѣтъ... Тогда я положилъ на столъ револьверъ... Но, должно быть, это было и глупо, и невозвышенно... Такъ вотъ послѣ того я отрясъ прахъ отъ ногъ своихъ и ушелъ *въ народъ*... Ты, пожалуйста, не пугайся: тутъ даже и въ зародышѣ не было чего-нибудь этакаго, устрашающаго... Вѣдь, „добрыя-то“ чувства, которыхъ намъ отпущено судьбой такъ много, все-таки меня переполняли, исхода просили... Притомъ же былъ я одинъ, былъ молодъ, силы кипѣли.

Итакъ, я пошелъ въ самый водоворотъ, былъ сапожникомъ, работалъ, и...

Теперь я, другъ мой, конечно, опять не сапожникъ, но... зато и не прежній. Не минутной экзальтированной выходкой было это „хождение“, не результатомъ „юношескихъ и незрѣлыхъ теорій“, оно было стихійнымъ, безсознательнымъ, эпидемическимъ влеченіемъ, результатомъ причинъ, для насъ теперь пока еще невыясненныхъ... Но я знаю лично одно, что, только переболѣвъ этой „болѣзью“, я понималъ теперь призрачность *прежняго* своего существованія (въ высотѣ предназначенія котораго смѣли ли мы даже усомниться тогда), ибо было оно не больше, какъ „послѣдывшемъ“ стараго, все равно—хорошаго или дурного, но *старая* режима жизни... И это тѣмъ поучительнѣе...

Есть болѣзни, которыя перерождаютъ до мозга костей весь организмъ. Такую болѣзнь пережилъ я. И благо!

III.

Если ты, старый пріятель, задумаешь вытѣзть изъ своего халата и, вмѣсто того, чтобы злобствовать въ одиночку, захочешь повидаться съ „живыми“ людьми и со старымъ другомъ, то пріѣзжай въ Москву, прямо съ вокзала нанмай извозчика на Никитскій бульваръ; здѣсь, въ домѣ подъ № 00, ты найдешь меблированные комнаты „Карсъ“, а въ нихъ своего стараго пріятеля и свободный номеръ для себя. Говорю откровенно: за особыя удобства „Карса“ ручаться не могу. Номера и малы, и грязноваты, — однимъ словомъ „студенческіе“. Хотя я и живу въ нихъ уже лѣтъ пять, но и то больше въ виду экономическихъ соображеній (вѣдь, я теперь — „умственный пролетарій“; ничего, привыкъ), да по нѣкоторымъ стариннымъ традиціямъ. Извольте видѣть, эти самыя комнаты „Карсъ“ держитъ не кто иной, какъ *Катай*, или, что то же, бывший дворовый поваръ моего дяди массона. Если ты встрѣтишь какого-нибудь московскаго студента, то онъ объяснитъ тебѣ, что Катаемъ прозванъ мой хозяинъ потому, что въ его дешевой кухмистерской бѣдняга-студентъ можетъ побობать на всякую сумму. Если у него только пятиалтынный, то Катай говоритъ: „Ну, что жъ! Нечего дѣлать, катай барину на пятиалтынный!“ Впрочемъ, теперь репутація Катая держится больше по преданію. Съ тѣхъ поръ, какъ сынъ его сталъ ворочать капиталами въ званіи артельщика, дочь — снимать „отдѣльную фатеру“ на сторонѣ и ѣздить не иначе, какъ на рысакѣхъ, а его старуха, съ другой дочерью, советѣмъ вошла во вкусъ столичнаго обихода, — обороты его приняли довольно порядочные размѣры и самъ Катай теперь отошелъ уже отъ дѣлъ, передавъ ихъ своей женѣ и дочери, и предался покою. Теперь онъ у насъ нѣчто въ родѣ Цербера при „Карсѣ“. Проникнуть въ „Карсъ“, минуя его, невозможно. Какъ только ты войдешь въ переднюю, направо замѣтишь сейчасъ же толстую, дряблую и трупобразную фигуру Катая. Сырой, дряхлый, раздутый отъ бездѣйствія и полной неподвижности водянкой, съ опухшимъ лицомъ, принявшимъ какой-то землисто-фіолетовый цвѣтъ, онъ представлялъ изъ себя нѣчто въ родѣ муміи и почти вовсе не покидалъ своего пзлюбленнаго мѣста на старомъ диванѣ, у дверей. Доволенъ онъ собой, какъ только можетъ быть доволь-

но человѣческое существо. Въ старомъ барскомъ шлафрокѣ, шерстяныхъ чулкахъ и туфляхъ онъ благодушно встрѣчаетъ пріветливой улыбкой каждаго входящаго въ „Карсъ“.

Такъ вотъ въ этихъ меблированныхъ комнатахъ я и живу подѣ приемотромъ и попеченіемъ Катая.

Если ты пріѣдешь и не застанешь меня дома, то будь увѣренъ, что Катай пригласитъ тебя самымъ обязательнымъ образомъ подождать и предложить сыграть съ нимъ въ шашки, которыя у него всегда подѣ руками. За одну-двѣ партіи ты можешь получить отъ него все свѣдѣнія обо мнѣ, начиная съ самыхъ древнихъ моихъ праотцевъ, и съ приличными разсужденіями по поводу моего настоящаго „поведенія“. Онъ остроумей, иногда мѣтокъ и проницателенъ. Частенько я обѣдаю и живу у него въ долгъ, нѣрѣдко занимаю деньги подѣ проценты. Онъ даетъ охотно.

IV.

Извини, что я такъ долго остановился на Катаѣ. Дѣло въ томъ, что, признаться-сказать, я многимъ обязанъ ему въ уясненіи философскаго взгляда на собственную жизнь, и, вообще, *нашимъ*. Да, я въ этомъ смыслѣ многимъ обязанъ ему. Въ первое время я частенько любилъ играть съ нимъ въ шашки, потому что во время игры мы всегда вспоминали съ нимъ „старое время“... Съ изумительной ясностью умѣлъ онъ вызывать въ воспоминаніи самыя мельчайшія детали... и, какъ нарочно, именно тѣ, которыя самую-то суть и составляютъ. Чувствуешь, какъ вѣетъ на тебя „старымъ“ деревенскимъ воздухомъ, свѣжестью первоначальныхъ впечатлѣній... Жиденькая березовая аллея, бѣгущая за полверсты отъ узорчатыхъ воротъ, поставленныхъ на самой дорогѣ... Сѣрый, длинный барскій домъ, съ длинными крыльцами и балконами. Деревия недалеко... мельница... рѣка... роши... прудъ... садъ... Мягкій блескъ солнца надъ всѣмъ этимъ... и — покой, покой лѣнливый, полусозерцательный, тихій и, главное, „добрый“... Добрый баринъ и мужики добрые, и лошади — „добрыя“, и кучеръ Селифанъ — „добрый“, и Осипъ — поваръ — „добрый“, и собаки — „добрыя“, и самый сѣрый барскій домъ — „добрый“. Это впечатлѣніе всеобщей „доброты“ особенно рѣзко запечатлѣлось во

миѣ... Да, мы всѣ, всѣ „хорошіе люди“ родились именно изъ этого источника; въ этомъ, если хочешь; все то свѣтлое, что случайно охраняло въ насъ человеческое достоинство, при условіяхъ всеобщаго царившаго безчеловѣчія. Но въ этомъ же и нашъ злосчастный фатумъ.

Однажды какъ-то я (въ первый, братъ, разъ!), краснѣя, взволнованный, заикнулся Катаю насчетъ кредита. (Что подѣлаешь! частными уруками и переводами перебивался, а на это не всегда разсчитывать можно; у меня же на рукахъ была семья... не своя, положимъ, но это все одно... Ну, да объ этомъ я тебѣ послѣ какъ-нибудь сообщу.) Такъ вотъ тоже хитрость употребилъ. Сѣлъ съ нимъ сначала въ шашки поиграть и такъ, между прочимъ, какъ будто мимоходомъ, и забросилъ словечко... Эхъ, старій пріятель, какія это все новыя для нашего брата ощущенія!.. Какъ подумаешь, что этими ощущеніями живутъ миллионы и что только мы, счастливое меньшинство, были облегчены судьбой отъ нихъ, то невольно смиришься и поймешь, что *одного* такого ощущенія достаточно, чтобы заставить человѣка во всемъ, во всемъ *иначе* чувствовать, иначе думать, иначе дѣйствовать... Тутъ-то и закрадется сомнѣніе: почему же это только наши ощущенія, наши мысли должны являть собою возвышенный и обязательный для другихъ идеалъ, а не чувства и рождаемая ими мысли и дѣйствія этихъ миллионныхъ?.. Вотъ какъ разъ-другой выворотить у тебя такъ-то всю душу, такъ оно, другъ мой, какъ-то ужъ и зазорно ломаться въ угнетенную невинность или въ оскорбленныхъ Чацкихъ.

Катай ничего не сказалъ и продолжалъ играть, только какъ-то игривѣе сталъ придумывать шуточки, сопровождая ими ходы. Отыграли мы. Тогда онъ, продолжая миѣ рассказывать какую-то смѣшную исторію, самъ, между тѣмъ, слазилъ въ сундучокъ, вынулъ старій, засаленный кожаный бумажникъ и, отвернувшись отъ меня, сталъ отсчитывать бумажки, громко шлепая губами. Затѣмъ онъ повернулся ко миѣ и, сунувъ миѣ въ руку кредитки, какъ бы желая даже отъ самихъ насъ скрыть „позорную“ операцію, сказалъ, сердито покачивая головой и не глядя миѣ въ лицо:

— Э-эхъ, сударь! Сами вы добротой своей себя загубили.

— Какъ такъ, Осипъ Петровичъ?—спросилъ я, конечно, „списходительно“ улыбаясь такой „наивности“.

— Вѣдь, я васъ, вотъ эконькимъ, сударь, зналъ, по шестому годочку, когда вы съ маменькой своей, папешку схоронивши, къ дядюшкѣ въ усадьбу переехали... Такъ я вамъ скажу,—не обидьтесь,—ужъ и тогда мы примѣчали, что загубить вамъ себя...

— Что вы, Осипъ Петровичъ?—говорю я,—да какіе же признаки были?

— Ужъ очень мы были всѣ вами довольны—и дяденькой вашимъ, и маменькой. Вѣдь, про наше житье у васъ—знаете—по всей округѣ слава шла... Вотъ какое было житье! Всѣ пятьсотъ душъ равно у Бога за пазухой жили! Да-съ, вотъ она какова была доброта-то ваша!

— Что же тутъ худого, Осипъ Петровичъ?—удивлялся я.

— Что худого! Развѣ я говорю, что худое... Господи Боже мой, худое! Вотъ хоть бы дяденька вашъ—какой умный былъ господинъ: и серьезенъ, и строгъ, и выдержанъ, и въ чувствахъ легкій... Вѣдь, мы развѣ въ чемъ своимъ-то умомъ при немъ жили? Ничуть!.. Даже можно сказать, самое пустое дѣло—бабамъ за ребятишками присмотрѣть—и то ума не прикладывали! Ейи-Богу-съ!.. Родится, бывало, ребенокъ: э, думаешь, баринъ мѣсто ему найдетъ, и дѣло дать, и прокормить... Живъ будетъ!.. Вотъ, вѣдь, какъ насъ учили разсуждать... Бывало, это, дяденька вашъ отъ книжекъ не отходитъ, а по воскресеньямъ всѣмъ намъ осмотръ дѣлалъ; говори каждый, кому что нужно... Всею сейчасть распорядки сдѣлаетъ, каждому рѣчь проговоритъ и отъ божественнаго, и отъ разума, чтобы, значить, во все вникали... Ну, и жили—рай былъ.

— Рай—раемъ, Осипъ Петровичъ, а все-таки были рабы.

— Рабы! Разныя разсужденія тутъ быть могутъ... А вотъ маменька ваша, такъ та была такой доброты—истинно рѣдкой. Бывало, это тоже все книжки съ вами читали... А потомъ пойдетъ по людскимъ, по избамъ... Всѣхъ опроситъ, во всякую нужду выпикнетъ... И сейчасть все это запишетъ, а потомъ приказъ, чтобы сдѣлать такое вотъ доброе дѣло... И вы съ маменькой тогда,—вамъ десятый годочекъ ужъ шель,—тоже вездѣ ходите... Вотъ, вѣдь, съ конхъ поръ!.. А то, бывало, вы намъ изъ книжекъ рассказывали: вотъ, молъ, говорите, какимъ хорошимъ чело-вѣкомъ падо быть!

• И, представь, Катай отъ умиленія даже прослезился!

— Эхъ, сударь, сударь! — неожиданно заключилъ онъ, — все въ жизни ко времени и мѣсту, обо всемъ свое разсужденіе есть... Съ того времени мало ли мѣста ушло, а вы все поведенія своего не мѣняете! Кто же теперь вамъ это поведеніе дозволить, да и кто на него вниманіе обращать будетъ?.. Въдь, вѣпоры для этого вашего поведенія все ужъ такъ и приноровлено было... А кто же теперь для васъ въ такомъ дѣлѣ стараться будетъ?..

И Осипъ Петровичъ покачалъ съ сомнѣніемъ головой.

— Вотъ-съ, послѣ воли и пяти лѣтъ не прошло, а ужъ дяденьку вашего совѣмъ начисто обобрали... Все свои же, дворовые-съ... (Любопытно, что послѣднимъ изъ производившихъ этотъ грабежъ, прямо ужъ на моихъ глазахъ, былъ самъ Осипъ, съ своей женой и сыномъ.) А отчего?—Оттого, что вмѣсто, чтобы своему поведенію другой по жизни оборотъ дать, вашъ дяденька нуще на старомъ упорствовать. Гдѣ же ужъ старое вернуть, сударь! Старого никто не вернетъ.

Ну, однако, я тебѣ совѣмъ заморилъ Катаемъ. Впрочемъ, не расканваюсь. Эта философія стараго двороваго, какъ я тебѣ говорилъ, была для меня очень поучительна... Предлагаю подумать надъ ней и тебѣ. Положимъ, выводы его иногда очень неожиданны, но нельзя отказать имъ въ нѣкоторой глубинѣ. Но крайней мѣрѣ, мы все полагали, что эти выводы имѣютъ значеніе относительно лишь „злыхъ и худыхъ господъ“ и что насъ, „хорошихъ людей“, они не касаются... Это было, конечно, утѣшеніе, которымъ, можетъ быть, ты еще живешь до сихъ поръ... Ну, я имѣлъ случай получить должное на этотъ счетъ разъясненіе не отъ одного Катая, а потому давно потерялъ въ немъ вкусъ.

V.

Итакъ, я, бывшій наслѣдникъ крупнаго имѣнія, живу въ маленькомъ, грязноватомъ номеркѣ, въ гостиницѣ своего стараго двороваго, беру у него въ долгъ деньги и выслушиваю житойскія поученія, а, между тѣмъ, бѣгаю по урокамъ съ утра до вечера, зарабатываю на пропитаніе себя и тѣмъ, съ которыми я связанъ. Ты, можетъ быть, скажешь: „все это прекрасно... но къ чему вся эта траги-комедія? Но крайней мѣрѣ, доволенъ ли ты собой? Вотъ что сомнитель-

но... Что толку, если это все, въ концѣ-концовъ, самообманъ, даже неискренній?“ Да, да, я знаю, что ты такъ думаешь, знаю именно потому, что самъ прежде также думалъ и заподозривалъ въ неискренности другихъ, поставленныхъ жизнью въ мое положеніе. Но, и зная все это, я тебѣ скажу, что я доволенъ.

Итакъ, я доволенъ; мало того, недавно (еще такъ недавно!) я даже былъ счастливъ—года три-четыре тому назадъ; это былъ уже послѣдній пунктъ, за который было я и уцѣпился,—ну, да и съ этого пункта снесло! Потому что все еще было во мнѣ самомнѣніе „старого“ режима или „поведенія“, какъ говоритъ Катай.

Если бъ ты пришелъ ко мнѣ года два или три тому, или даже полгода назадъ, ты увидалъ бы слѣдующую картину: длинный, сыроватый номеръ нашего „Карса“, въ два окна, съ потускнѣвшими подъ слоемъ пыли и грязи гардинами, съ полинявшею, замасленною и запятанною старою мебелью; клубы табачнаго дыма, паръ и угаръ отъ самовара, талкающая и шумящая группа разношерстной молодежи и среди нея волнующійся, вспотѣвшій, весь беззавѣтно отданный спору пожилой (сравнительно) господинъ, въ старенькомъ пиджакѣ, съ длинными кудрями, значительно повылѣзшими и понетрепавшимися, съ худыми, провалившимися щеками, съ рѣденькою, длинною черною бородой и тусклыми сѣрыми глазами. Онъ постоянно, при каждомъ возраженіи, впадаетъ въ какую-то смѣшную и нетерпѣливую ажитацию и начинаетъ что-то, махая руками, провѣщать. Его слушаютъ: онъ — весь упоеніе, горячее, страстное; вотъ что онъ говоритъ...

Впрочемъ, я чувствую, что какъ ни стараюсь густо класть краски на свою картину, ты останешься холоденъ къ ея внутреннему смыслу... Да и понятно. Чтобы войти въ самую сокровенную суть ея, въ ту всезахватывающую сферу внутреннихъ ощущеній, которыми она полна, тебѣ, по крайней мѣрѣ, нужно знать весь тотъ сложный „болѣзненный“ процессъ, которымъ переболѣлъ я. Но это—тема, касаться которой мимоходомъ и страшно, и больно: страшно—потому, что какую же болѣзнь легко переживать вновь? Когда-нибудь, впрочемъ, я рискну передать тебѣ обо всемъ точно, правдиво, безъ сожалѣнія къ себѣ, безъ страха предъ истиной. У меня кое-какіе эпизоды и набросаны уже изъ области этой „израиль-

ской жизни"... Когда-нибудь соберу ихъ всѣ воедино и представлю тебѣ вещь па-зидательную...

А теперь я тебѣ скажу только кое о чемъ кратко...

VI.

Послѣ того, какъ я былъ „выбитъ“ изъ послѣдняго уже (какъ я тогда думалъ) пункта, изъ своей деревни, гдѣ, несмотрѣ на свои жертвы, для моего „старого поведенія“, однако, никто не хотѣлъ становиться въ „старое положеніе“, я, наконецъ, заболѣлъ... И что всего страннѣе, самъ не знаю какъ и когда, и по какому поводу, заболѣлъ болѣзью „скитальчества“ (вѣроятно, эта болѣзнь уже въ воздухѣ носилась).

Въ одно прекрасное утро (дѣйствительно, было прекрасное осеннее утро) я рѣшилъ совлечь совсѣмъ „ветхаго человѣка“ (будто это такъ легко!), отрясти прахъ съ ногъ своихъ и расплыться, растаять въ массѣ, въ могучемъ массовомъ сознаніи... Нужно же было подыскать какую-нибудь форму для изліянія переполнявшихъ меня „добрыхъ чувствъ“! И вотъ я пошелъ искать эти формы „въ народъ“.

Не подумай, пожалуйста, что тутъ была хоть капля рисовки или моднаго увлеченія. О, это было совершенно искренно и честно,—до того искренно и честно, что я употребилъ всѣ усилія, чтобы уже отрѣзать себѣ всякое отступленіе: съ рыцарскою поспѣшностью я освободилъ себя отъ великихъ вѣйшинныхъ связей съ „ветхимъ человѣкомъ“, сполна, цѣликомъ, все отдалъ своимъ мужикамъ, что только имѣлъ. Я чувствовалъ себя легко, я воображалъ, что, дѣйствительно, все отдалъ, что *ничего* изъ того, изъ прежняго, съ собой не взялъ, что, *дѣйствительно*, отрѣзалъ себѣ всякое отступленіе...

А это было не больше, какъ великое и горькое заблужденіе.

„Ветхій человѣкъ“ сказался съ первыхъ же шаговъ по новой дорогѣ: подвернулось мѣсто волостного писаря. Я туда, конечно, съ пламенемъ въ сердцѣ... ну, и вышлили сразу же! Потому, оная, кто же это для моего „старого поведенія“ обязанъ былъ изготавлять почву?.. Я хочу дѣлать добро, а мнѣ вмѣсто того, чтобъ мои „добрыя“ предначертанія исполнить, въ шею да въ шею, и доносомъ, и клеветой, и прямымъ издѣва-

тельствомъ!.. То ли дѣло было у дяди-массона: бывало, захотѣлъ доброе дѣло сдѣлать, приказалъ старостѣ—и мигомъ все готово, и никто ослушаться не смѣлъ. Ну, а теперь, кто же будетъ для насъ распинаться, чтобы помочь намъ „добрыя чувства“ изливаться?..

И сколько насъ, обиженныхъ и оскорбленныхъ хорошихъ людей, бѣжало съ первыхъ же шаговъ *назадъ*!

Что меня спасло: простая ли случайность, или мой темпераментъ, не знаю, да это и неважно, только я предпочелъ заглушить въ себѣ вопли оскорбленнаго самолюбія „ветхаго человѣка“ и пошелъ дальше, въ „глубь“... пить чашу до дна.

Подучился я кое-какъ ремесламъ и двинулся наниматься по ярмаркамъ. Тутъ сошелся я съ однимъ бродячимъ сапожникомъ, Степаномъ Тимооенчемъ Королевымъ, сошелся такъ, что мы другъ въ другѣ души не чаяли. Вошелъ я къ нему въ семью, какъ свой человѣкъ. Былъ онъ настоящій бродячій израильскій патріархъ. Полюбилъ онъ меня несказанно, и я было вздохнулъ всею грудью: вотъ, молъ, гдѣ она, суть-то сліянія... А мой Степанъ Тимооенчъ возьми, да и вздумай умирать... А, умирали, и говоритъ мнѣ: „Сергея! ты меня любилъ и я тебя любилъ... Ты хорошій парень, на рѣдкость. А коли ты хорошій человѣкъ и доброта у тебя въ душѣ рѣдкая, будь имъ, моимъ ребятишкамъ, замѣсто меня кормилецъ и отецъ!“ Сползъ съ лавки, да мнѣ въ ноги... Съ тѣмъ и умеръ. А *изъ* у него было пять человѣкъ, что называется, малъ-мала меньше... Помню, у меня тогда голова закружилась...

Сначала я ничего еще не понималъ хорошенько, разобраться не могъ; ну, а потомъ, понемногу, какъ вникъ въ самую *суть*, что мнѣ сапожникъ завѣщаль...

Только тутъ, другъ мой, я понималъ, что за пропасть лежала между тѣмъ „хорошимъ человѣкомъ“, идеаломъ котораго когда-то мы съ тобой восхищались въ Петербургѣ, и тѣмъ, котораго указалъ мнѣ сапожникъ. Не по качеству указываю на эту разницу, а, такъ сказать, по пространству, одного отъ другого отдѣляющему. И ужъ теперь не только не пошевелился у меня языкъ для какихъ-либо заклятіи направо и налево, но даже самое представленіе о возможности какого-нибудь ехидства или ломанья было невозможно! Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!..

И тутъ-то, другъ мой, и оказалось для

меня возможнымъ одно смиреніе... Но это было не то бодрое, энергическое, входящее на костеръ смиреніе, какимъ оно бываетъ у людей, уже дѣйствительно понявшихъ настоящую суть жизненнаго процесса, а это пока была просто соломинка, за которую я и ухватился ради собственного спасенія... Ошеломленный, пораженный, пригнетенный не призранными препятствіями на пути изліянія добрыхъ чувствъ, а глубиной реального, многозначительнаго факта жизни миллионной массы, я шепталъ: „Нѣтъ, не могу... Я ничтоженъ предъ этимъ фактомъ... Нѣтъ, нѣтъ! я—баринъ, баринъ, баринъ! Я все сдѣлаю, но только не это, или не въ этой формѣ, по крайней мѣрѣ...“

И съ какимъ-то чувствомъ ребяческой радости встрѣтилъ я инстинктивно шевельнувшуюся въ головѣ мысль, что, вѣдь, *въ сущности-то*, я вовсе не сажу за собой всѣхъ кораблей, что еще осталось *ничто*, чѣмъ я пожертвовать не могу!

Но я еще не сразу освоился съ этой мыслью. Стыдно ли мнѣ было сознаться въ ней, или меня уже стихійно влекло все дальше и дальше въ „глубь“, какъ манить къ себѣ невольно пропасть, только я еще долго не рѣшался, пока не выпилъ, съ какимъ-то ужъ чувствомъ даже болѣзненнаго удовольствія, всю чашу другихъ, глубоко потрясающихъ огорченій и оскорбленій.

Я переболѣлъ всю болѣзнь до конца. Впрочемъ, объ этомъ послѣ, когда-нибудь. А теперь вернусь къ этой сделкѣ изъ моей будничной жизни въ „Карсѣ“, которую я набросалъ въ предыдущемъ письмѣ.

VII.

Впрочемъ, погоди еще разъ... Только одинъ необходимый переходный эпизодъ.

Однажды (это было уже въ концѣ моей „болѣзни“) я по какому-то дѣлу (право, забылъ теперь) зашелъ въ школу нашего села. Школка у насъ была неказистая, хотя и каменная, но сырая, холодная, грязноватая, облупившаяся и полнявшаяся. Надо тебѣ сказать, что наше село было очень бойкое, съ разношерстными населеніемъ: тутъ были и земледѣльцы, и промышленники, и торговцы, и рабочіе, даже маленькія фабрики.

Да; такъ вотъ вхожу я въ школу и застаю уже конецъ такой сцены. По классной комнатѣ школы (она была теперь

свободна) маленькими, но быстрыми шагами, постукивая высокими каблучками ботинокъ, бѣгала взволнованная учительница... Признаюсь, какъ ни справедливо догадывался я объ серьезномъ смыслѣ происходившей здѣсь сцены, но не могъ не улыбнуться... Нужно тебѣ сказать, что я, просто случайно, какъ-то мало зная и интересовался этой учительницей, тѣмъ болѣе, что ихъ было у насъ дѣлхъ три. Тѣмъ не менѣе, она на меня всегда производила странное впечатлѣніе, когда случайно приходилось видѣть ее бѣгущей по улицѣ (она всегда ходила быстрыми, легкими, сѣменящими шажками). Представь себѣ маленькое, низенькое, худенькое и при этомъ еще сутуловатое, съ высокими, какъ старый лимонъ, лицомъ, какое-то полувоздушное и вмѣстѣ съ претензіей на изящество, существо. Ходила она всегда въ коротенькой юбочкѣ, даже въ сухую погоду осторожно поднимая ее и ступая на носки ботинокъ, какъ будто боялась ихъ замочить; на головѣ черненькая шапочка съ перомъ и вуалью, подъ которой она цѣломудренно скрывала свое лицо, а въ рукахъ, представь, всегда неизбѣжный и классическій ридикюль (это въ деревнѣ-то!). Смотрѣла она чрезвычайно сурово на всѣхъ мужиковъ, а ея быстрые глазки какъ будто постоянно бросали стрѣлы негодованія. Но—увы!—мужики-то именно съ нею обращались наиболѣе добродушнымъ образомъ. И при всемъ этомъ она была старая дѣвушка... и, какъ ты послѣ узнаешь, добрейшее, беззаветнѣйшее существо. Звали ее Клеопатрой Павловной.

Такъ вотъ, предъ нею теперь, около дверей, стоялъ высокій, среднихъ лѣтъ, веселый, повидимому, мужикъ, а рядомъ съ нимъ его сынншка, лѣтъ 12, котораго онъ гладилъ по головѣ. Мужикъ улыбался, чуть не растянувъ ротъ до самыхъ ушей, между тѣмъ какъ Клеопатра Павловна, очевидно, выходила изъ себя; у нея даже распустились булки около висковъ отъ волненія.

— Какъ ты смѣешь такъ дѣлать?—кричала она.—Ты безсовѣстный, жадный... Ты просто... просто плантаторъ! Ты торгуешь собственными дѣтьми!.. Онъ у меня лучший, самый даровитый изъ всѣхъ, а ты ему не даешь просидѣть въ школѣ лишній годъ!.. Ты его, вмѣсто школы, гонишь въ кабакъ!..

— Точно-съ, въ питейное заведеніе,—поправилъ мужикъ.—Да вы не извольте

тревожиться такъ, Клеопатра Павловна... совѣтъ понапрасну; мы оченно... даже чувствительно вами довольны,—мальчишка вполне произведенъ, даже весьма достаточно...

— Да хоть бы не въ кабакъ!.. Вѣдь, это, вѣдь, это...—перебила его Клеопатра Павловна.

— Да, вѣдь, примѣнительность... какъ безъ примѣнительности... ежели то-ишь?.. Нельзя-съ мальчишку безъ примѣнительности!..

— Ну, ступай, ступай съ глазъ моихъ долой!—какъ-то взвизгнула Клеопатра Павловна и первно притопнула на него каблукъ.

— Напрасно... И ей-Богу напрасно такъ разгасились... Мы даже весьма чувствительно довольны,—говорилъ мужикъ, тѣмъ не менѣе выбираясь съ сынишкомъ неторопливо изъ сѣней.

Я взглянула на Клеопатру Павловну. Вдругъ все ея маленькое личико передернуло судорога; она бросилась на стулъ около стола и зарыдала громко, истерически, такъ что все ея жидкое тѣло такъ и поднимало.

Я смотрѣлъ на нее и, представъ, почувствовалъ, какъ какое-то необъяснимое, но повидимому, одинаковое ощущение охватываетъ и меня; что-то и у меня защемило сердце и чуть не подступали къ глазамъ слезы.

— О чемъ вы плачете?—спросилъ я, когда она начала уже рыдать тише и тише.

— Какъ о чемъ? Какъ?—быстро отдернула она отъ заплаканнаго лица руки и закричала, рѣшительно не обращая вниманія, что передъ нею былъ совершенно чужой человѣкъ. — Какъ о чемъ? Вѣдь, это совершается предо мною изо дня въ день... Вѣдь, это шесть лѣтъ, цѣлыхъ шесть лѣтъ! Я не вижу дѣтей, не вижу—что, какъ, гдѣ мои воспитанники... Они плывутъ изъ моихъ рукъ... Нѣтъ, ихъ просто рвутъ отъ меня; рвутъ отцы, рвутъ матери, рветъ всякое начальство. Зачѣмъ я здѣсь, зачѣмъ?.. Я—генеральская дочь. Я шла сюда, чтобы принести совѣтъ и добро... Я для этого всею пожертвовала... Я имѣла право разсчитывать, что мнѣ помогутъ, окажутъ сочувствіе все, все... И гдѣ же плоды?.. Я спрашиваю, покажите мнѣ плоды моихъ трудовъ, моихъ жертвъ!..

Я чувствовалъ, какъ меня охватывало непонятное волненіе все больше; у меня

что-то подступило къ горлу. Мнѣ было и больно, и грустно, и радостно, какъ бываетъ при встрѣчѣ съ близкимъ, роднымъ, послѣ долгаго одиночества среди чужихъ. Да, роднымъ повѣяло!

— Клеопатра Павловна, я васъ понимаю!—порывисто сказалъ я, крѣпко сжимая ея руку.

Она осталовилась и въ изумленіи смотрѣла на меня. Только тутъ я вспомнилъ, что былъ въ рабочемъ платьѣ.

Но ужъ мнѣ было все равно; съ этой минуты я любилъ эту старую дѣвушку всеми силами души, какъ сестру, какъ друга! Я рассказывалъ ей, открывъ все, путаясь и волнуясь. Мы просидѣли цѣлый вечеръ и разстались не только какъ давніе знакомые, а какъ самые близкіе родные. Такъ было каждому изъ насъ все ясно и понятно другъ въ другъ! А черезъ недѣлю у насъ уже былъ составленъ планъ *бѣства изъ деревни*. Мы нашли соломенку, ухватились за нее и рѣшили, съ помощью ея, благородно отступить. Мы придумали хитрую штуку, которою еще разъ думали „обойти жизнь“. Я долженъ былъ, по нашему плану, отправиться въ Москву, сыскать тамъ „интеллигентную работу“ для себя и для Клеопатры и подыскать подходящую квартиру. Въ это время Клеопатра выбирала любимѣйшихъ изъ своихъ воспитанниковъ и воспитанницъ, вступая въ переговоры съ ихъ отцами и матерями (по преимуществу съ тѣми, которые поподатливѣе и побѣднѣе), чтобы они отдали ихъ ей „въ науку“, пожалуй, даже по контракту, а мы обязались „сдѣлать изъ нихъ людей“. Затѣмъ, послѣ такой вербовки, Клеопатра, по полученіи отъ меня благопріятнаго письма, вмѣстѣ съ завербованными и съ семьей сапожника, которую я облизывался пристроить въ Москвѣ, ѣхала ко мнѣ.

О, какіе чистые и наивно-хитрые, какіе безгрѣшные и увлекательные были у насъ планы! Клеопатра рѣшительно ожила. Если бы ты видѣлъ ее въ это время: она вся какъ-то просвѣтлѣла. „Хорошо же, хорошо! Мы покажемъ теперь себя деревнѣ, кто мы такіе... Мы ей отомстимъ за все! О, она и не замѣтитъ, кого мы для нея приготовимъ! Это ужъ не мы будемъ! Они сумѣютъ съ нею сладить!—такъ съ дѣтскимъ восторгомъ постоянно твердила моя бѣдная Клеопатра.—Намъ ужъ теперь ничто не помѣшаетъ, ничто не вырветъ у насъ изъ рукъ!“

Ну, и прочее такое, все въ томъ же экзальтированномъ родѣ. Бѣдная Клеопатра!

VIII.

Знаешь ли ты, мой другъ, что значить „схватиться за соломинку“? Это значить превратить эту соломинку въ божество, въ кумиръ, въ любовницу, въ конечный смыслъ своего существованія, слиться съ ней пераздѣльно всѣмъ существомъ, охватить ее своими объятіями такъ крѣпко, чтобы уже никакая сила не могла ее отъ тебя оторвать. Эта соломинка превращается тогда въ твой жизненный руль, поглощаетъ все твое существованіе, всѣ силы души твоей сосредоточиваетъ на себѣ, потому что въ ней все твое дыханіе! И вотъ почему предъ нею восторгъ, умиленіе, въ ней надежда, вѣра—все! Потому что

Мигъ одинъ—и нѣтъ волшебной сказки...

И ты пересталъ дышать; и тебя мрачно и зловѣще охватываютъ и тянутъ въ бездонную глубину жадно свирѣпыхъ волны!..

Итакъ, вотъ что значила для меня и Клеопатры, вотъ какимъ внутреннимъ смысломъ была полна та картина, эскизъ которой я было сталъ набрасывать тебѣ.

Все устраивалось такъ, какъ мы мечтали. Черезъ четыре года мы уже были среди „своихъ“. Вокругъ насъ уже выросли тѣ прекрасныя, мраморныя созданія Прометеевскаго сада, которыя такъ радовали и восторгали нѣкогда этого „отца интеллигенціи“. Да, мы чувствовали себя такими же маленькими Прометеями. Не смѣйся, это глубоко вѣрно, можетъ быть глубже, чѣмъ ты можешь предположить. Клеопатра всѣмъ существомъ, всею душой, умомъ, сердцемъ ушла въ эту творческую работу лѣпки новыхъ созданій. Была ли въ то время хоть одна минута въ ея жизни, которая не носила бы на себѣ отблеска великаго подъема ея души, которая не была бы свѣтла и непорочна, какъ подвигъ! На ней не лежало даже признака житейской пошлости.

Да, вотъ какова она, эта „соломинка“. И какъ ты хочешь, а въ этой „соломинкѣ“, дѣйствительно, все наше спасеніе, все наше дыханіе, подѣ ей, дѣйствительно, скрыто все истинно-прекрасное, истинно-великое! И жалко, очень жалко, что многіе изъ насъ предпочли гордо и надменно оттолкнуть эту соломинку и на-

ивному преклоненію предъ ней предпочли эхидныя злобствованія на судьбу и судьбу, черствое хихиканье надъ „идеалами“ въ глуши собственныхъ кабинетовъ... Чего вы ждете и отъ кого? Почему кто-то обязанъ *для васъ* и *за васъ* что-то сдѣлать, приготовить арену для изліянія вашихъ добрыхъ чувствъ, а вы тогда придете и по-хозяйски усядетесь на приготовленные для васъ стулья! Если это такъ, если, дѣйствительно, кто-нибудь, эту арену приготовить, то будьте же, по крайней мѣрѣ, настолько честны, чтобы смиренно сознать безсиліе своей натуры! Да, мы—„хорошіе люди“, но будемте настолько смѣлы нравственно, по крайней мѣрѣ, чтобы смиренно преклониться предъ тѣмъ, что выше насъ, и сознать, что бываютъ времена, когда мало, бесконечно мало быть хорошимъ, и когда надо, кромѣ того и прежде всего, *быть сильнымъ*! Съ жизнью надо вести *крупные* счеты... А чтобы быть сильнымъ, надо стоять не внѣ этого „процесса жизни“, а занять въ немъ подобающее мѣсто, какъ живалъ, органическая струя его.

IX.

Черезъ четыре года, какъ я писалъ уже тебѣ, я и Клеопатра были въ самомъ зенитѣ счастья, полного нравственнаго счастья. Я и она переводили, репортерствовали, бѣгали по урокамъ и, вообще, жили „интеллигентнымъ трудомъ“, а между тѣмъ близъ насъ и вокругъ насъ уже расцвѣтали юныя созданія всею прелестью распускающейся молодой жизни. Нѣкоторымъ было уже по 16—17 лѣтъ; однихъ мы устраивали въ учебныя заведенія на казенный счетъ, другіе жили при насъ, напримѣръ, Никаша (сынъ сапожника Степана Тимошенча) и Агаша. Какая расцвѣтала изъ нея милая, славная дѣвушка!.. Хорошо и пріятно было стѣдить за развитіемъ этихъ существъ, когда еще они были очень малы и юны, но во сколько же разъ было пріятнѣе для насъ чувствовать, когда въ нихъ начинали уже загораться первые проблески сознанія, когда они начинали какъ будто еще осязую, но съ напряженнымъ и все увеличивающимся интересомъ вникать въ самый смыслъ не только нашихъ рѣчей, но и нашей жизни, и, наконецъ, въ смыслъ жизни вообще. Въ наивно-дѣтскомъ недоумѣніи и невинности остано-

вились они теперь передъ этой панорамой жизни, и, устремивъ на насъ полные томительныхъ запросовъ глубокіе глаза, горѣвшіе энергіей, спрашивали: что теперь и куда?

Оставалось только „дунуть“ въ души этихъ юныхъ созданий, какъ умѣлъ „дунуть“ Прометей.

Но вотъ тутъ-то...

X.

Это было года два тому назадъ. Стояла осень. На дворѣ шелъ дождь со свѣгомъ, былъ вѣтеръ; было сыро, холодно, неприглядно. Было неприглядно и сыровато и въ „меблированныхъ комнатахъ“ нашего „Карса“, но я уже писалъ тебѣ, что мы съ Клеопатрой были въ то время въ зенитѣ счастья, а потому у насъ казалось уютно, тепло и свѣтло. Я только что вернулся къ вечернему чаю съ уроковъ. Была суббота, а потому наши юные протеже уже вернулись въ отпускъ (съ субботы на воскресенье они всегда приходили къ намъ). На столѣ шипѣлъ самоваръ, около котораго хлопотала Клеопатра. Эта старая дѣвушка теперь совсѣмъ смотрѣла матерью; именно такъ матери встрѣчаютъ изъ школъ своихъ дѣтей. И я присѣлъ тутъ же; шумно, весело пошла у насъ бесѣда (пришли дватри человѣка изъ „хорошихъ людей“ — учителя), и такой несказанной теплотой было охвачено все мое существо! Не широка, говорилъ я, арена, не велико поприще для славы, ну, да все-таки есть, молъ, „хорошему человѣку“ еще вздохъ. Кто же можетъ что-нибудь сказать противъ той ясной, безспорной, „безусловной правды“, которая здѣсь витаетъ надъ нами, согрѣваетъ все и освѣщаетъ?!“

Сидимъ это мы въ мирной бесѣдѣ, какъ кто-то постучалъ въ номеръ. Я пошелъ отворить и, къ моей пущей радости, встрѣтилъ нашихъ старыхъ хорошихъ знакомыхъ „изъ народа“.

— Вотъ какъ вы кстати!.. Вотъ и прекрасно! Входите, входите, Вакула Петровичъ! — приглашалъ я.

Навстрѣчу гостямъ выбѣжала и Клеопатра. Мы были оба, дѣйствительно, искренно рады. Только меня нѣсколько удивило, что Вакула Петровичъ пріѣхалъ нынче не одинъ, а съ женой.

Гости сложили мѣшки въ передней и робко вошли въ номеръ. Это были ста-

рички Горбуновы, рабочіе на одной небольшой фабричкѣ стальныхъ издѣлій около того села, гдѣ нѣкогда жили я и Клеопатра. Прежде они были кустари, держали свое небольшое заведѣльце, но затѣмъ, не имѣя возможности конкурировать съ большимъ заведеніемъ, должны были прикрыть свое и поступить въ наемные мастера.

Клеопатра знала ихъ давно и давно съ ними подружилась, еще въ первые годы своего „подвижничества“ въ народныхъ учительницахъ. Въ то время у нея въ школѣ учились два ихъ сына, Миша и Гриша, — первые мальчики, которые особенно поразили ее своими способностями. Съ обычной беззащитностью она просто влюбилась въ нихъ и, когда они кончили курсъ ея школы, она уговорила стариковъ отпустить ихъ учиться въ одно желѣзнодорожное техническое училище, куда общалась найти протекцію черезъ своихъ знакомыхъ въ Москвѣ. Старики хотя и были очень рады этому, но упирались, такъ какъ имъ уже мечтался скорый отдыхъ отъ тяжелой работы при помощникахъ. Однако, Клеопатра такъ настаивала, что старики уступили. Теперь же у насъ жилъ и готовился въ техническое училище ихъ послѣдній, младшій сынъ, который былъ лѣтъ на шесть моложе братьевъ. Клеопатра такъ любила эту семью и была отъ нея въ восторгѣ; полюбилъ ее и я. Впрочемъ, старшихъ сыновей я не зналъ, но старикъ и старуха были простые, богобоязненные, трезвые и безусловно честные и работающіе люди. Младшій ихъ сынъ, Вася, — прекрасная, ибжная, романтическая натура.

Вакула Петровичъ наѣзжалъ въ Москву очень рѣдко, и то по случаю, когда хозяинъ поручалъ ему какое-нибудь дѣло, а жена его и совсѣмъ никогда здѣсь не бывала. Тѣмъ пріятнѣе былъ намъ ихъ пріѣздъ.

Вакула Петровичъ и его жена, раздѣвшись, робко вошли въ комнату и сѣли у дверей. Это старички низенькіе, худенькіе, маленькіе, съ сильной просьбью въ волосахъ и оба съ лицами нѣсколько темными, землистаго цвѣта (старушка помогала тоже въ работѣ мужу, при очисткѣ и шлифовкѣ вещей). Вакула Петровичъ ходилъ, однако, уже въ пиджакѣ, а его жена — въ платьѣ и косыночкѣ на головѣ.

Старички раскланялись съ нами, молча перецѣловались съ Васей и смиренно

уѣлись рядышкомъ у дверей, положивъ руки степенно на колѣни.

— Ну, что, Вакула Петровичъ, какъ поживаете? Какими судьбами сюда?—спросилъ я.—Опять по хозяйскому порученію?

— Никакъ нѣтъ-съ... Теперь мы по своему дѣлу... Именно... судьба наша!—проговорилъ петоропливо, робко и какъ-то съ разстановками старикъ. И вдругъ оба стали утирать слезы.

Это меня поразило, и только теперь я замѣтилъ на лицахъ стариковъ не совсемъ обычное, строго скорбное выраженіе.

— Что такое?—съ обычнымъ порывистымъ вниманіемъ спросила Клеопатра.

— Такъ-съ... Большое дѣло, Клеопатра Павловна, большое, — отвѣчалъ, вздохнувъ, старикъ.—Скоро не расскажешь... Скучно вамъ будетъ.

И и Клеопатра стали ихъ упрашивать, чтобъ они рассказали все сейчасъ же, обнадеживая, что мы постараемся имъ тотчасъ же помочь, что стѣсняться нечего, такъ какъ здѣсь всѣ „свои люди“.

— Все объ сынкахъ, Клеопатра Павловна... На Гришу-то съ Мишей, да и на насъ что-то Господь Вседержитель обидѣлся. Не потрафили Ему, Батюшкѣ,—сказала, наконецъ, старушка.

— Что же съ ними?—спросили мы въ одинъ голосъ.—Мы, вѣдь, уже давно ихъ изъ виду упустили... Давно объ нихъ не слышать было.

— Да, вѣдь, и мы давно объ нихъ не были извѣстны,—началъ Вакула Петровичъ, откашлявшись въ руку.—Помните, съ тѣхъ поръ, какъ они изъ этого дорожнаго училища вышли, съ тѣхъ поръ и не видѣлись ни разу... Годовъ этому ужъ пять будетъ... Миша-то все же частенько писалъ, что, вишь, и еще гдѣ-то обучался, „надо было, пишетъ, подучиться еще поспеціальнѣе...“ А послѣ этой специальности опять писалъ, что, молъ, скоро думаетъ хорошее мѣсто достать, у какой-то вдовы-заводчицы, въ управляющіе... „Съ перваго слова, пишетъ, три тысячи въ годъ даетъ, на всемъ готовомъ... И васъ, говоритъ, тогда выпишу къ себѣ... Вотъ, пишетъ, тятенька, и на нашей улицѣ праздникъ! Не все бѣдствовать! Будетъ—потерпѣли! А сколько, пишетъ, тятенька, въ нашей рабочей натурѣ силы, такъ даже удивительно! Вотъ, господа говорили, что мы „черная кость“, что нѣтъ у насъ ни ума,

ни таланта... что мы рождены къ тому, чтобы въ черномъ тѣлѣ, да въ каторжномъ трудѣ быть... И все это, тятенька, одна неправда. Я это по себѣ знаю. Сквозь огонь и воду и мѣдныя трубы прогнали меня... все претерпѣлъ... И превозмогъ!“ Много онъ такъ писалъ... Вы ужъ извините меня, старика, ежели что я здѣсь неводержно выскажу.

Мы увѣрили старика, что никто его „неводержностями“ не обидится и чтобы онъ не стѣснялся, передавалъ все.

— Слушаю-съ,—сказалъ Вакула Петровичъ, и продолжалъ:—Раза два такъ-то отписывалъ, по большому письму... Ну, радовались мы искренно, радовались со старухой, и молебень благодарственный отслужили... Ужъ извините, сударь и сударыня... отецъ, мать... родное все... Какъ не порадоваться?

Мы всѣ улыбнулись.

— Всяко бываетъ... Въ жизни надо во всемъ осмотрительность, — повидимому, оправдывался серьезно старикъ.—Да-съ, такъ вотъ отъ Миши нѣтъ-нѣтъ, да письмо и получимъ. А отъ Гриши, почестъ, и совсѣмъ ничего не получали... Такъ, развѣ записочку приложить, когда денегъ пришлетъ (деньги завсегда присылалъ аккуратно,—немного, а аккуратно)... Написать, что, молъ, живъ и здоровъ и намъ того же желаетъ, съ тѣмъ и все... Только каждую записочку всегда ужъ подписать вполнѣ: „ученный слесарь Григорій Вакуловъ Горбуновъ“... Ну, мы и за Гришу радовались... Чѣмъ наше рабочее занятіе безчестно, или предъ Богомъ грѣшно, или правоты въ немъ нѣтъ? Слава Богу, вотъ мы со старухой шестидесять лѣтъ прожили, благородно и честно, и никогда у насъ мысли не было своимъ званіемъ гнушаться... И дѣтямъ всегда такъ говорили. Еще, бывало, такъ скажешь: „еще имъ до Бога-то дойти надо... Мы къ Богу-то ближе! У насъ правды-то побольше... т.-е. ежели въ разуміи взять...“ И касательственно богатѣевъ и господъ нѣкоторыхъ такъ выражались. Да, вѣдь, много, въ горькій часъ, чего не скажешь! Что дѣлать, сударь и сударыня, горя много въ жизни видѣли всякаго! Какъ, бывало, ребячишку-то нянчишь и растишь въ холодѣ, да голодѣ,—ну, всякое съ языка слово полѣзетъ... Извините!..

— Да полноте, Вакула Петровичъ!—говорили мы ему.

— Нѣтъ-съ, какъ же-съ... Нельзя-съ,

пужно со всякимъ человѣкомъ быть обходительнымъ... Нужно непрестанно имѣть въ виду, какъ бы другому обиду не сдѣлать, непріятности... Обидѣть долго ли! Такъ, вотъ, радовались мы и Господа Бога благодарили, и за васъ молились, а все же... тоскливо было! Одни-одиношеньки мы, старики, остались... Хотя и бѣдные мы люди, а все же въ дѣтяхъ утѣшеніе находимъ... Что дѣлать-съ! Помощенъ человѣкъ! А въ это время вотъ и Васю вы взяли... Последняго! Не хотѣлось уже съ остальнымъ разставаться, да думалось, какъ бы и васъ не обидѣть. Потому, какъ видѣли столько отъ васъ доброты...

— Ну, что жъ, Богъ дастъ, всѣ соберутся около васъ! Зато ужъ тогда...

— Все Богъ! Все Богъ-съ! — вдругъ порывисто перебилъ старикъ, и опять оба стали утирать слезы. Помолчали.

— Ну-съ, — отеревъ платкомъ лицо, сталъ продолжать Вакула Петровичъ, — отписали мы тогда и Гришѣ, и Мишѣ въ такомъ родѣ, что хотя мы и благодаримъ за нихъ Господа Бога, а все же хотѣлось бы, если бы они родителей навѣстили, какъ значить противу натуры итти трудно, да и на родину побывать не мѣшаетъ. И что же, сударь, двухъ недѣль не прошло, какъ сначала отъ Миши получили извѣстіе, что, молъ, на праздникъ (Воздвиженъ у насъ празднуютъ) безпрѣмѣнно думаетъ быть, а тутъ въ скорости и отъ Гриши также, что онъ будетъ... И что всего, сударыня, удивительнѣе: какъ есть въ одно число оба намѣтили пріѣхать, какъ будто оба сговорились. А пужно вамъ сказать, что никогда они въ своихъ письмахъ другъ о другѣ не любопытствовали: обо всѣхъ опросить, а другъ о дружкѣ чтобы — никогда... А, вѣдь, какіе они прежде одинъ другому товарищи были, такъ даже всѣ у насъ на селѣ такой дружбѣ удивлялись! Ну, мы такъ и думали, что, молъ, они другъ о другѣ сами въ извѣстность поставлены... Потомъ и числа у нихъ въ письмахъ сошлись... А оказалось, сударь, что въ числахъ-то таинственный смыслъ былъ сокрытъ, непостижимый Промыселъ Божій!

Старикъ перекрестился; перекрестилась за нимъ и старушка.

— Только, конечно, въ то время еще смыслъ этотъ намъ не открылся, и рѣдко мы такой радостью радовались... Да я ужъ и не запомню, была ли когда еще

такая... Что-то ужъ какъ будто необычайное съ нами случилось! Конечно, натуральный законъ, кровь! Праздникъ все ближе, а мы все больше какъ бы въ волненіе приходимъ. Просто, знаете, великаго дня такъ не ожидали, къ великому дню такъ не прибирались. Всю избушку свою вычистили, вымыли, клоповъ и таракановъ повывели; кое-гдѣ обоями да бѣлой бумагой изукрасили... Кровати имъ устроили. Бывало, о кроватяхъ, да о подушкахъ цѣлыми вечерами со старухой говорили. Ровно малыя дѣти стали! А какъ Воздвиженъ-то пришло, такъ, не повѣрите, руки у насъ тряслись, словно съ похмелья... Смотримъ со старухой другъ на друга, да сквозь слезы и смѣемся, а сердце такъ голубемъ и бьется. Признаться вамъ сказать, не разъ подумалъ, какъ бы это къ худу не было... Главное, сударь и сударыня, насъ то удивляло и радовало, что въ одно число они надумались насъ навѣстить... Вотъ, думаемъ, долго ждали, анъ Богъ какой большой праздникъ намъ уготовилъ!.. О, Господи, Господи!.. что есть человѣкъ?

Весь свой вѣкъ, бѣдный, мечтаетъ;
Счастіе сыскать желаетъ,
А того не размышляетъ,
Что судьба имъ управляетъ!—

съ чувствомъ проговорилъ нараспѣвъ старикъ и опять прослезился.

— Извините... Такъ ужъ это, отъ чувства полноты, — сказала онъ и задумался, опустивъ голову внизъ. Онъ, кажется, такъ былъ погруженъ въ свои внутреннія ощущенія, что, дѣйствительно, забылъ все окружающее. Старушка продолжала плакать, утирая концомъ платка слезы.

— Сходили это мы утромъ къ ранней обѣдѣ, вернулись, ждемъ... Разошлись со старухой. Какъ же-съ, ученые, вѣдь, сынки-то стали, — все приглядыве будетъ!.. Ждемъ, утренняя машина у насъ къ десяти часамъ приходитъ. Слышимъ — свистокъ... Полчаса не прошло (а ужъ у насъ на столѣ и самоваръ во всѣ пары валить, и самъ какъ жаръ горитъ!), глядимъ въ окно, анъ ѣдетъ съ полустапка Миша въ шарабанчикѣ. Такой бравый, смотримъ, веселый, въ драповомъ пальто, въ шляпѣ, чрезъ плечо сумка аглицкая, руки какъ бы фертомъ поставилъ, самъ это держитъ себя открыто, наотлетѣ, и всѣмъ такъ весело смотритъ и улыбается. А народъ изъ воротъ да оконъ глядитъ: „Вонъ, молъ, Михайла Ваку-

лычъ къ старикамъ ѣдетъ!“ Все, вѣдь, извѣстно, отъ насъ давно ужъ узнали. А Гриши, смотримъ, съ братомъ нѣтъ. Ну, встрѣтили, расцѣловались. А онъ веселый, кровь съ молокомъ, борода кудрявится, такой бравый. Сила-то изъ него такъ и бьетъ! И, точно, подумали мы грѣшныя: должно, онъ это все вѣрно писалъ: и насъ Господь разумомъ не обидѣлъ, и наша правота сказалась! Посмотри, въ грязи родился, въ тряпичахъ рослѣлся, а чѣмъ не „бѣлая кость“!.. Говорить съ нами сталъ любовно, весело, шутить, а старуху нѣтъ-нѣтъ да въ голову поцѣлуетъ: „ахъ, маменька, какъ я давно васъ не видалъ, голубушка!.. Эхъ, старички, скажете, не унывайте, теперь заживемъ! И на нашей улицѣ праздникъ будетъ! Будетъ вамъ страду-то терпѣть!.. Покажемъ, что и мы не хуже другихъ! Только бы намъ силы побольше забрать, воздуху побольше захватить!..“ Поразказалъ онъ тутъ намъ, чего ему эта наука стоила, сколько онъ нужды принялъ, сколько униженій всякихъ перенесъ; съ утра, говоритъ, да, пожалуй, до другого утра то по урокамъ бѣгалъ, то переписывалъ, то въ газеты писалъ то рисунки чертилъ, чтобы одѣться, прокормиться, да и то, говоритъ, по мѣсяцамъ сыто не ѣдалъ... „А вотъ, говоритъ, выбрался, не загибъ! Мы, говоритъ, теперь покажемъ, кто мы! Нѣтъ ужъ, говоритъ, у насъ изъ рукъ-то не вырвутъ, иѣ-ѣтъ!“ Говорить онъ такъ, а насъ ужъ и страхъ сталъ забирать со старухой; открещиваемся. „Полно, Миша, говоримъ, ты бы помирнѣе... Благодарю Господа въ душѣ, знай про себя, а на вѣтеръ не бросай. Гордость, вѣдь, это! Не любить Богъ гордости! Ты смиреннько, смиреннько.“—„Нѣтъ ужъ, говоритъ, тятенька, будетъ! ползали, унижались—достаточно!.. Теперь ужъ отъ насъ не вырвешь!.. Нѣтъ, вѣдь, *это*—кровь да потъ, вѣдь, *это* все (постукалъ онъ себя въ лобъ) какой цѣной куплено? Это—не по наслѣдству, не съ дядьками да съ няньками взято...“ Извините, такъ ужъ это онъ, отъ радости, болталъ... Конечно, молодъ еще очень, — ну, какъ молодой жеребенокъ и скачетъ. А мы все, сударь и сударыня, нѣтъ-нѣтъ да и посмотримъ въ окно: все Гришу поджидаемъ, не запоздалъ ли, молъ, онъ на полустанкѣ.—„Не видалъ, молъ, ты на побѣдъ Гришу-то?“—„Нѣтъ, говоритъ, а развѣ онъ тоже хотѣлъ пріѣхать?“ спра-

шиваетъ.—„Да развѣ, молъ, ты не знаешь? Мы, молъ, думали, что вы вмѣстѣ списались“. — „Нѣтъ, говоритъ, я объ немъ ничего не знаю... Мы съ нимъ давно ужъ другъ другу ничего не пишемъ“. — „Что такъ? А мы думали...“ Ну, Миша тутъ о чемъ-то другомъ заговорилъ. Видимо было, что какъ будто ему тяжело о Гришѣ говорить... Ну, и опять это мы съ нимъ болтаемъ всякое разное... Привезъ онъ съ собой цѣлый погребецъ, съ водкой московской, да съ виномъ, да кусокъ разныхъ. Признаться, и я немножко съ нимъ вмѣстѣ на радостяхъ подвыпилъ... Что дѣлать!

И старикъ засмѣялся такимъ дѣтскимъ смѣхомъ и, къ удивленію, такимъ же радостнымъ и довольнымъ, какимъ онъ, вѣроятно, смѣялся именно въ то время.

— Время ужъ и къ обѣду подвигалось; старуха столъ накрывала. Только взглянулъ я въ окно, а по дорогѣ, отъ полустанка, вижу, идетъ кто-то незнакомый... Сталъ я присматриваться: высокій такой (Гриша-то выше старшаго брата, только худѣе, а Миша плотнѣе, круглѣе, хоть и ниже), высокій, тонкій, въ длинномъ пальто; на головѣ картузь, а изъ-подъ него длинные кудри чуть не до плечъ, въ родѣ какъ бы послушникъ какой... Идетъ этакъ неслышно, въ рукахъ только палочка тоненькая, идетъ и головой не шевелитъ по сторонамъ, глаза внизъ, въ землю, опустилъ. Говорю я старухѣ: „Кто бы это такой?“ — А она взглянула да какъ крикнетъ: „Вѣдь, это Гриша!“ Засуетились это мы; а Миша слова не говоритъ и даже какъ будто смутился, всталъ и про себя что-то замурлыкалъ... Ну, вошелъ Гриша (мать ему еще раньше навстрѣчу къ воротамъ побѣжала), и такой-то сурьезный, степенный, молчаливый (а всего ему двадцать первый годъ минулъ). Вошелъ неторопливо, сначала тросточку (простая липовая тросточка-то) и картузь на скамью положилъ, со мной, съ матерью поцѣловался, и все это тихо, ровно больной... Глазами, такими сердитыми и задумчивыми, будто поверхъ всѣхъ смотреть; лицо усталое совсѣмъ, худое, длинное, а въ кудряхъ-то еще длиннѣе показалось; и носъ вытянулся... Поцѣловался съ нами и сѣлъ на лавку, а брату ни слова не сказалъ, ни руки не подаль. Какъ будто они только что вмѣстѣ всю дорогу ѣхали. — „Какъ же это ты пріѣхалъ?“ спросили.—„Я на товарномъ, говоритъ,

по рабочему билету". — "Что же это ты, Гриша, съ братомъ не поздоровался?" — опять спрашиваемъ его съ матерью (а Миша глаза въ столъ опустилъ да барабанить по немъ пальцами). — "Мы, говоритъ, съ нимъ видѣлись..." Не показалось намъ это, — ну, да смолчали: думаемъ, обойдутся. Стали разспрашивать Гришу (а онъ одѣтъ какъ совсѣмъ простой рабочій, изъ мастеровыхъ нашихъ), какъ онъ теперь и что? — "Мастеръ, говоритъ, кѣмъ же мнѣ больше быть?.. Али ужъ вы, на старости лѣтъ, своимъ званіемъ гнушаться стали?" — "Что ты, говоримъ, развѣ мы учили васъ этому? Слава Господу, шестьдесятъ лѣтъ въ этомъ званіи честно, благородно прожили, грабежомъ и обманомъ не занимались, и для васъ только этого и молимъ у Бога". — "Ну, такъ что же, говоритъ, спрашиваете? И я, говоритъ, грабить не захотѣлъ". На этомъ и кончили. Сталъ онъ послѣ разспрашивать о знакомыхъ своихъ, что у насъ на фабрикѣ да на селѣ жили, о товарищахъ, и все доподлинно допрашивалъ объ каждомъ, какъ и гдѣ, и что, и сколько получаетъ, цѣтъ или нѣтъ, женатъ ли, какъ съ женою живетъ, кто изъ нихъ въ "грабители" угодили (это хозяевъ онъ называлъ такъ) и какъ удалось ему: по наукѣ ли до грабительства дошелъ, или безъ науки... И все только спрашиваетъ, самъ ничего не говоритъ ни о комъ, ни хорошо, ни дурно. Ну, тутъ обѣдать сѣли. Только ужъ что-то все не такъ пошло. Глядимъ, и Миша какъ-то какъ будто не совсѣмъ въ себѣ, нѣтъ ужъ въ немъ этакой свободы и отважности въ обращеніи, какъ прежде. А все норовитъ, видимо, переломить себя: виномъ насъ угощаетъ. Пьемъ мы, а Гриша до рюмки не дотрогивается. "Да вы въ разныхъ, что ли, училищахъ учились, по разнымъ наукамъ, что ли?" — спросила ихъ мать. Гриша улыбнулся и говоритъ: "Нѣтъ, въ одномъ... Изъ одного колодца пили да разную воду..." Не поняли мы, конечно, что это значить. Да и доселѣ не знаемъ. Одно знаемъ: Божій промыселъ всяко себя проявляетъ!

Опять остановился старикъ, глубоко и скорбно вздохнулъ и опустилъ попрежнему глаза внизъ.

Всѣ мы уже давно напряжено молчали и въ комнатѣ было до того тихо, что слышался каждый шорохъ.

— Пообѣдали мы. Я, признаться, съ

непривычки охмелѣлъ немного, и потянуло меня ко сну... "Ну, говорю, ребятки, давайте въ мирѣ отдохнемъ! Вы же съ дороги... Ложитесь-ка здѣсь, я пойду на мосту полежу"... Гляжу, а на мосту ребятки, да и на улицѣ бабы, да мужики въ окна смотрятъ... Известно, любопытствуютъ. Прогналъ я ребятшекъ съ мосту, а самъ легъ, и таково было сладко заснулъ. Мало ли, много ли я спалъ, только слышу говоръ. Словно бранятся. Я прислушался: у насъ въ избѣ, слышу. Разобралъ голоса: Гриша и Миша, слышу, говорятъ, и таково крупно разговариваютъ. Я вслушиваться—слова все мудренныя, почестъ, ничего не понималъ... Слушаю дальше да больше, Гриша ужъ кричать начинаетъ на брата, и такимъ голосомъ страшнымъ, что мнѣ самому стало жутко. А Миша (онъ тихо говорилъ, такъ, что я разобрать его не могъ), скажетъ что-нибудь, и какъ будто тихонько засмѣется... А Гришу отъ этого такъ и подымаетъ. Только вдругъ Гриша какъ закричитъ: "Разбойникъ ты! Грабитель!.. Хуже! Иуда предатель! Ты пьешь родную кровь! Ты всѣхъ подлѣе! Другіе родились такъ, а ты, мерзавецъ, на что пошелъ..." Тутъ ужъ я, признаться, не понялъ, что-то онъ мудреное сталъ говорить... Сажу я на полу, а подняться не могу, словно ноги отнялись... Слышу ужъ и Миша сталъ громче говорить. "Юродивые, говоритъ, полоумные всѣ вы!.. Юродивые—одно вамъ слово!" Скажетъ и захочетъ... "Вы, говоритъ, отцовъ губите! Вы!.. Изъ-за васъ ихъ хуже будутъ гнать и толкать... Изъ-за вашего юродства... Вы только мутите, да хорошимъ людямъ помѣхи ставите! Эхъ, юродивые!" Къ чему онъ это сказалъ, право, не знаю, а все запомнилъ, все. Каждое слово ихъ у меня въ ушахъ-то ровно молотомъ било. Слышу, и старуха что-то говоритъ. Должно быть, уговариваетъ, умиряетъ. А тутъ Миша еще что-то сказалъ непонятное, и опять засмѣялся. А ужъ тутъ... Господи-батюшка! Согрѣшили мы, согрѣшили, окаянны!.. (старикъ приостановился). Слышу, кручатъ ужъ—и Гриша кричитъ, и мать... Я вскочилъ, да въ избу. Гляжу, а посреди избѣ Гриша впился рукой въ Мишину грудь (такъ всю глаженую рубашку на Мишѣ и смялъ) и кричитъ: "Ты мнѣ отвѣтишь за это слово, Иуда! Ты мнѣ отвѣтишь... Слышишь?" Старуха, гляжу, бросилась между нихъ, раз-

нять хочетъ, плачетъ, да кричитъ: „Рябятки мои! да что съ вами? Кровные мои! что вы? Господи, Царица Небесная!.. утиши, матушка, родную кровь!“ — „Слышишь?“ — кричитъ Гриша-то (а Миша все улыбается, да токово злобно), кричитъ, а самъ его трясетъ: „а то я тебя...“ Простите, не могу я выговорить этихъ словъ, языка у меня на эти слова нѣтъ! Простите... А сраму что на народъ-то было! Родные братья! Народъ-то давно ужъ во все щели смотрѣлъ, да слушалъ... Братья-то больше часу такъ-то другъ съ другомъ, по рождественному, по родному, бесѣду вели... И хоть бы пьяные, хоть бы попросту, какъ простые люди ссорятся... Боже мой, Боже мой!..

Старикъ смолкъ. Молчалъ онъ долго и долго плакалъ. Наконецъ, я его спросилъ: „Ну, и все обошлось мирно? Чѣмъ же кончилось?“

— Не хорошо, сударь, не хорошо... Не противъ кого, противъ самого Господа бунтъ оказали, противу природы человеческой! А это, сударь, не прощается... Нѣтъ ужъ. Все простится, все можетъ быть прощено, только Каиновъ грѣхъ... О, Боже мой, Боже мой! Послѣ того цѣлый вечеръ никто ни съ кѣмъ почти не говорилъ: молча пили, да ѣли, и налегъ на нашу обитель, вмѣсто радости, мира и совѣта, гнѣвъ Божій. Скоро и спать разошлись, а къ утру начальство пріѣхало... Урядникъ это, али кто другой... Много народу ихъ рѣчи слушало!.. Такъ съ начальствомъ и ушли оба... И не видали мы ихъ больше...

Старикъ всталъ, поклонился и сказалъ:

— Простите, милостивые господа! Можетъ лишнее что выговорилъ, не поставьте въ вину! Потому, сами не знаемъ, что въ этомъ дѣлѣ зло и что добро... Отецъ, мать... Я бы съ вами, сударь и сударыня, хотѣлъ словечко наединѣ сказать,—вдругъ прибавилъ Вакула Петровичъ, обращаясь ко мнѣ и къ Клеопатрѣ.

Мы провели его въ сосѣдній пустой номеръ.

Онъ долго кашлялъ въ руку, пока, наконецъ, собрался сказать:

— Простите насъ; глупыхъ... Чувствительно мы вамъ, значить, отъ всего сердца... А только что... Пожалѣйте стариковъ...

— Что же вы хотите, Вакула Петровичъ?

— Вы ужъ отпустите намъ Васю... Хотя одинъ будетъ при насъ... зачѣмъ еще? Будетъ... Гордость это... Возгордились мы... гнѣвъ Божій!

Ты можешь себѣ представить, какъ мы были поражены. Мы стали его уговаривать, но онъ до того былъ потрясенъ, что опустился на стулъ и уже говорилъ что-то безсвязное.

— Нѣтъ ужъ, зачѣмъ? Гнѣвъ Божій видно!.. Вотъ я и старуху нарочно прихватилъ... Думалъ, что вы мнѣ одному не повѣрите. Послѣ того къ отцу протопопу ходилъ, наединѣ съ нимъ цѣлый часъ говорилъ... Много, много онъ мнѣ разъяснилъ, много! Гнѣвъ Господень! Страшно, сударь и сударыня... Зачѣмъ намъ наука? Смирненько надо, смирненько... Отецъ-то протопопъ говорилъ... Ахъ, много онъ говорилъ, много! Послѣ того самъ еще не разъ ко мнѣ приходилъ... Объ Васѣ все спрашивалъ... Пожалѣйте, сударь и сударыня! Слезно васъ молимъ!

Мы растерялись и сами были взволнованы. Позвали Васю (ему уже 16 лѣтъ) и передали ему желаніе отца и матери; тутъ же и старушка пришла. Вася, услыхавъ эту вѣсть, вдругъ весь покраснѣлъ до корня волосъ, глаза его растерянно забѣгали.

— Что же, Вася, надо будетъ, значить, прикончить?—сказалъ я.

— Я не пойду,—прошепталъ онъ глухимъ голосомъ, какъ-то весь напряжившись.

Старикъ заплакалъ. Все это было невѣроятно тяжело... У насъ у самихъ сердце рвало на части. И жалость, и скорбь, и обида... Объяснять тебѣ всего разсказаннаго я, конечно, не буду. Что тутъ объяснять?..

Семья Кремлевыхъ.

I.

— Сергѣй Андреевичъ! Батюшка! Да никакъ это вы?.. Скажите, пожалуйста, какая пріятная неожиданность: въ столицѣ, среди столь многочисленнаго населенія, и вдругъ встрѣтить пріятнаго стараго знакомаго! Вотъ, говорите послѣ этого противъ симпатическаго влеченія души! Нѣтъ-съ, знаете, свой своему поневолѣ другъ, свой своего на днѣ моря сыщеть!

Всю эту длинную тираду какъ-то восторженно, залпомъ, начавъ еще за десять шаговъ отъ Русанова и кончивъ ее, уже сжимая ему обѣими пухлыми руками и ладонь, и рукавъ, и даже локоть, проговорилъ Уваръ Капитонычъ Кремлевъ, помѣщикъ ...ской губерніи. Онъ поймалъ Русанова безцѣльно шагавшимъ вдоль набережной у храма Спасителя.

Русановъ, пораженный столь неожиданнымъ потокомъ словъ и дружескихъ изліяній, не имѣлъ даже возможности улучшить секунду, чтобы вернуть и съ своей стороны словечко, и только, добродушно улыбаясь, смотрѣлъ на знакомую фигуру. давно уже, однако, забытаго имъ старика Кремлева. Впрочемъ, его всегда можно было вспомнить моментально, тѣмъ болѣе, что его привычка—при разговорѣ подносить свое широкое, розовое, одутловатое лицо съ маленькимъ носомъ и нечесаною сѣдою бородой прямо къ лицу собесѣдника—еще болѣе усилилась вмѣстѣ съ усиленіемъ близорукости. Передъ Русановымъ, лишь только ощутилъ онъ близость этого пыщащаго жаромъ и лѣтомъ лица, этотъ особый „сытный“ запахъ, выходившій изъ рта Кремлева, внезапно исчезла площадь храма Спасителя съ ея вычурной панорамой Москвы,—и воображеніе моментально перенесло его на ржанья и яровья поля одного изъ глухихъ великороссійскихъ уѣздовъ, на лѣсную опушку, рѣвшую свѣжею зеленью подъ мягкимъ блескомъ заходящаго солнца, ласково пригрѣвшаго классическую группу старо-деревенскаго режима. На привольно раскинувшейся зеленой полянѣ, подъ тѣнью молоденькаго, душистаго березняка, изволило кушать чай многочисленное семейство господъ Кремлевыхъ, въ виду полей, на которыхъ шла спѣшная уборка хлѣбровъ. И кого-кого не считало въ своихъ пѣдрахъ семейство Крем-

левыхъ, сдѣлавшееся по своей многочисленности притчей во языцѣхъ среди мѣстныхъ дворянъ и крестьянъ: тутъ были кадеты и гимназисты, студенты различныхъ факультетовъ и невѣсты различныхъ возрастовъ и различныхъ воззрѣній на „идеаль“, и даже тѣ созданія средняго рода, для которыхъ существовалъ пока одинъ „идеаль“,—это пухлая, тяжелая на подъемъ, вѣчно ходившая, какъ въ колоколѣ, въ накрахмаленной блузѣ „мама“. И среди этой „благословенной семейки“ въ полномъ смыслѣ слова „мѣлъ“ чадолюбивый Уваръ Капитонычъ, считавшій счастливѣйшимъ временемъ своей жизни тотъ каникулярный періодъ, когда всѣ его разнообразныя чада стекались подъ семейный кровъ, „къ очагу“, всѣ „сливались въ одну душу“, „одной душой жили“. „А это великое дѣло-съ!.. Каждый бодрѣ себя чувствуетъ въ жизни!.. Великое дѣло, какъ вы ни говорите!“—обыкновенно увѣрялъ Уваръ Капитонычъ, горячо протестуя противъ „насмѣшниковъ“.—Это глупцы только видятъ въ большой семьѣ отягощеніе, что будто она обезсиливаетъ... Вздоръ-съ! Она именно каждому члену силу придаетъ, энергію, бодрость... Чувствуетъ, что не одинъ онъ, всегда у него уголъ есть... Это ужъ наше, народное, и никто этого у насъ не отниметъ... Посмотрите-ка на мужиковъ: вѣдь, это ихъ идеаль-съ!“ и т. д. Въ такомъ родѣ очень горячо любилъ разсуждать Уваръ Капитонычъ. Нѣтъ сомнѣнія, что изъ такого чадолюбія проистекало и пристрастіе Кремлева ко всякой молодежи. Достаточно было назваться товарищемъ кого-либо изъ его сыновей, чтобы, безъ дальнѣйшихъ церемоній, стать самымъ близкимъ членомъ Увара Капитоныча. Въ такомъ именно родѣ познакомился съ нимъ и Русановъ, учившійся вмѣстѣ съ однимъ изъ его среднихъ сыновей. Мало этого, свое пристрастіе къ молодежи и право быть среди нея Уваръ Капитонычъ умѣлъ и имѣлъ основаніе поддерживать и укрѣплять кое-чѣмъ. Нерѣдко онъ, въ минуту откровенности, говорилъ на ухо кому-нибудь „постарше“: „Э, батюшка, мы сами были молоды...“ И молодежь любила Увара Капитоныча.

И вотъ этотъ самый Уваръ Капитонычъ Кремлевъ теперь оживленно топтался

предъ Русановымъ на своихъ коротенькихъ, выгнутыхъ дугой ногахъ, ракланиваясь всѣмъ туловищемъ, захлебываясь, улыбаясь и, какъ иноходецъ, быстро двигая своимъ широкимъ задомъ. Онъ былъ теперь, очевидно, одѣтъ по-столичному, въ сѣрое пальто, изъ котораго такъ и лѣзли вонъ его коренастые члены; на сѣдой головѣ торчала у него новенькая шапка, съ пуговкой на маковицѣ.

И Русанову была пріятна, чрезвычайно пріятна эта встрѣча теперь, и онъ продолжалъ улыбаться, уже не покушался прерывать словоохотливаго старика.

— И не навѣститъ! а? — продолжалъ выкрикивать старикъ. — Мы уже здѣсь вотъ съ недѣлю... А вы давно ли?

— Да ужъ лѣтъ пять...

— Пять лѣтъ! И ни у кого изъ нашихъ не были?

— Да развѣ они здѣсь? Я зналъ только про одного Модеста Уварыча...

— Что Модестъ Уварычъ!.. Помилуйте!.. Всѣ здѣсь, всѣ, вотъ уже три года: Аполлонъ, Модестъ, Савва, Вуколь и даже Анна...

Русановъ невольно сконфузился и покраснѣлъ.

— Право, я не могъ знать... Они сами...

— Ай, ай, ай! — жалобно закачалъ головой старикъ. — И это свои люди!.. а?.. Да, помилуйте, помилуйте... Впрочемъ, что дивить: ужъ ежели близкіе, кровные, — заговорилъ было Кремлевъ съ сердечной грустью, но вдругъ повернулъ Русанова за рукавъ назадъ и прямо поставилъ его предъ высокимъ, румянымъ, полнощекимъ юношей, съ большими, умными глазами и темными кудрями, выбивавшимися изъ-подъ шапо-кляка.

— Рекомендую: мой сынъ, Конрадъ... то-есть собственно Кондратій... Но ужъ мы съ женой и всѣ такъ привыкли: Конрадъ... Это ужъ послѣдній, „послѣдышекъ“... Хе-хе! Но зато-съ... (и Кремлевъ припалъ губами къ уху Русанова), зато-съ не тѣмъ чета-съ, — о-о какой!.. Помните, — Конрадъ Валенродъ!.. Хе-хе-хе!.. Вотъ, въ университетъ пріѣхалъ... Только что аттестованъ созрѣвшимъ. Классикъ!.. Ну... энтото... того... Что бишь я?.. Да! Теперь, батюшка, къ намъ!.. Итъ ужъ, теперь не отпущу. Прямо къ завтраку... Вы свободны?

— Да, свободенъ теперь...

— Вы какъ же... т.-е. откуда и куда?..

— Я даю уроки, такъ, частнымъ об-

разомъ... въ одномъ частномъ училищѣ... Былъ сейчасъ на пріемныхъ... Классовъ еще нѣтъ.

— А! Прекрасно, прекрасно... Вы что же? Почувствовали особое расположеніе, такъ сказать, призваніе къ этой профессіи? — все, попрежнему, занескивающе улыбаясь, спрашивалъ старикъ.

— Да... т.-е. какъ вамъ сказать? — замялся Русановъ и опять покраснѣлъ, и разсердился на себя за то, что покраснѣлъ. Но Кремлевъ и не думалъ настаивать на отвѣтъ.

— Ну, идемте... Мы живемъ на Никитской... Зашелъ вотъ полюбопытствовать... на это... энтото... того... византійское изилчество и величіе, — показалъ онъ на храмъ Спасителя. — Признаюсь, изумительно!.. И больше ничего сказать не могу... Изумительно!.. А ваше обиталище?

— Я тоже на Никитской.

— Скажите на милость!.. Явный промыселъ!.. А, между тѣмъ, въ три года — свои люди рядомъ живутъ — и не видались даже!.. Ахъ, господа, господа!.. Впрочемъ, что же дивить?.. — сказалъ старикъ, уже сходя съ площади и направляясь къ Моховой вмѣстѣ съ Русановымъ и Конрадомъ. Старикъ не договорилъ и они нѣсколько времени шли молча, такъ какъ Уваръ Капитонычъ постоянно заглядывалъ въ окна магазиновъ, поднося носъ къ самымъ стекламъ.

II.

Улица была очень оживлена. Стояла та осенняя перемежающаяся погода, когда солнце словно заигрываетъ съ людьми: то оно спрячется совсѣмъ за цѣлую гряду хмурыхъ облаковъ, которыя начнутъ сѣять, словно сквозь сито, дождь цѣлые часы; то внезапно свѣжій вѣтеръ все это сдуетъ съ неба, и солнце опять весело, радостно сіяетъ на прозрачномъ горизонтѣ, обливая улицы мягкимъ и все еще горячимъ свѣтомъ, сверкая на ярко-зеленыхъ, облитыхъ дождемъ крышахъ, на глинявитыхъ камняхъ мостовыхъ и на разрумяненныхъ лицахъ тоже внезапно оживившихся пѣшеходовъ. Теперь именно такъ весела была какъ будто „умытая“ улица, по которой шли Кремлевы и Русановъ.

Пока старикъ Кремлевъ заглядывалъ въ стекла магазиновъ, Русановъ продолжалъ идти рука объ руку съ Конрадомъ.

(Русановъ такъ много видѣлъ вблизи себя юныхъ существъ, такъ часто приходилось ему имѣть дѣло съ ихъ нѣжной, непосредственной натурой, что, не говоря еще съ Конрадомъ ни слова, по однимъ взглядамъ, по жестамъ, по пріемамъ, по походкѣ, въ особенности по неуловимой робости, скрытой подъ видимымъ желаніемъ казаться развязнѣе и старше,—робости, соединенной съ уваженіемъ, Русановъ уже догадывался, каковъ долженъ быть этотъ юноша, и онъ заговорилъ съ нимъ тотчасъ же, безъ принужденія, свободно, лишь только отецъ отсталъ позади).

— Вы въ университетъ или въ какое-нибудь специальное высшее заведеніе? — спросилъ Русановъ.

— Да, я лично предпочелъ бы университетъ, — отвѣчалъ юноша, дѣлая лишній шагъ, чтобы поравняться съ Русановымъ. — Впрочемъ, это будетъ зависеть отъ того, что скажутъ мнѣ здѣсь... братья или, вообще, тѣ, мнѣніемъ которыхъ я дорожу, — выговорилъ Конрадъ.

— Почему же вы уважаете именно мнѣніе братьевъ? — быстро спросилъ Русановъ, какъ будто этотъ вопросъ лично касался его, и взглянулъ въ открытое, прямое, нѣсколько даже излишне-серьезное лицо юноши.

— Потому что я привыкъ ихъ уважать. Они лучшіе люди изъ всѣхъ, кого я встрѣчалъ... Прежде я получалъ отъ нихъ часто письма, хотя въ послѣднее время я рѣдко ихъ видѣлъ... Притомъ, если бы не они, то...

Юноша не договорилъ, какъ будто боясь для перваго знакомства высказывать слишкомъ грубыя и рѣзкія вещи.

— А товарищи у васъ здѣсь есть? — спросилъ Русановъ.

— Товарищи есть, но друзей нѣтъ... Я жилъ въ губернскомъ городѣ у класснаго наставника, какъ въ пансіонѣ или бурсѣ, и жилъ больше замкнуто... Мнѣ не нравилась эта жизнь... Я считалъ это время ученія очень тяжелымъ для себя, обязанностью во что бы то ни стало получить аттестатъ зрѣлости... Любилъ я только одного отца и нашу усадьбу... Это было лучшее время, когда я пріѣзжалъ домой.

Юноша говорилъ такъ просто, что Русановъ сразу полюбилъ его и тотчасъ, по привычкѣ, невольно подчинился тому влеченію „сближаться“ съ юношей, которое охватывало его постоянно, когда онъ встрѣчался съ тѣмъ, что онъ называлъ „натурой“.

— Если у васъ нѣтъ здѣсь друзей, — сказалъ онъ съ искренней сердечностью, — вы, пожалуйста, приходите ко мнѣ... къ намъ... Надѣюсь, сообща мы ихъ съищемъ... Вы тамъ встрѣтите кое-кого изъ сверстниковъ... У насъ раньше было много... — заикнулся было Русановъ, но остановился, и легкая тѣнь горечи и скорби прошла по его лицу. Онъ какъ будто даже испугался своего приглашенія. „За чѣмъ еще?“ подумалъ было онъ. Но, взглянувъ на юношу, повидимому, успокоился и спросилъ:

— Я—Русановъ. Вы меня не знаете?

— Нѣтъ, знаю. Я васъ видѣлъ одинъ разъ у насъ въ деревнѣ. Я былъ еще очень малъ, но запомнилъ, потому что братья мнѣ не разъ послѣ писали и говорили о васъ... Вѣдь, вы, кажется, отъ казались отъ своего имѣнія? — спросилъ юноша совершенно ровнымъ и, попрежнему, наивно-серьезнымъ тономъ.

Русановъ невольно сконфузился при этомъ неожиданномъ вопросѣ юноши и улыбнулся той наивной серьезности, съ которою онъ былъ заданъ. Не отвѣчалъ, Русановъ протянулъ быстро юношѣ руку и сказалъ:

— Пожалуйста, непременно приходите... Я вамъ запишу мой адресъ.

— Я буду очень радъ, — сказалъ Конрадъ, въ свою очередь, крѣпко сжимая руку Русанова; и по этому пожатію, и по смущенному выраженію довольнаго лица Русановъ понялъ, что этотъ юноша, дѣйствительно, его уважаетъ, и ему было пріятно. Но выскетъ съ тѣмъ онъ опять почувствовалъ робкое смущеніе и безотчетный страхъ,—чувство, котораго прежде, въ недавніе годы, онъ почти не испытывалъ; и въ особенности смущалъ его и заставлялъ робѣть этотъ прямой, искренній, но упорный взглядъ юноши,—признакъ глубоко-честной и впечатлительной натуры, для которой имѣеть вѣсъ самое ничтожное слово.

— Подождите! Задохся! — закричалъ увлекшимся бесѣдой спутникамъ старикъ Кремлевъ, въ перевалку, быстро сѣменя ногами, старавшійся ихъ догнать. — Фу, батюшки!.. — Ну, и бѣгаете же вы здѣсь!.. Виновать! Извините!.. А я вотъ кое къ чему присматривался... Такъ, къ тряпкамъ... дочь и жена просили... Да! Такъ на чемъ это я остановился? — спросилъ старикъ, усиленно почесывая за ушами. — Такъ вы говорите, что видали одного Мохеста?

— Да, я къ нему заходилъ.

— Ну, Модестъ, — это особа!.. Персона!..

— Да, сколько мнѣ приходилось слышать, онъ пользуется въ Москвѣ большою извѣстностью въ ученомъ мѣрѣ... Онъ составилъ себѣ репоне...

— Вотъ, вотъ... Именно репоне... Модестъ—это персона!.. Признаться вамъ сказать, даже я его нѣсколько смущаюсь... т.-е. эдакой недоступности, которая вкругъ него... Впрочемъ, вы не подумайте, что это что-нибудь такое... врожденное... Боже упаси!.. У насъ этого въ роду нѣтъ... Онъ милый, добрый... Только какъ будто напустилъ на себя... Вотъ именно: я за всѣми ими замѣчаю, что какъ будто всѣ наши Кремлевы напустили на себя... И знаете что?.. Я могу говорить съ вами откровенно... Вѣдь, вы намъ были близки... И зачѣмъ скрываться отъ своихъ?.. Это—грѣхъ противъ природы человеческой!—говорилъ старикъ; въ тоже время, понизивъ голосъ и взявъ подъ руку Русанова, онъ нѣсколько отвелъ его отъ Конрада.—Я съ вами могу быть откровеннымъ,—продолжалъ онъ (Конраду не надо еще всего знать... Онъ такой... воспримчивый...). Знаете, я, признаться, ихъ не понимаю, всѣхъ васъ, господа, не понимаю... Вѣдь, я ихъ, своихъ—то самъ едва разыскалъ по Москвѣ... Адресовъ даже не знаютъ другъ друга... Въ адресный столъ ѣздилъ... Да-съ, самъ въ адресный столъ ѣздилъ... Какъ-то немножко неловко было справляться о дѣтихъ, о братьяхъ,—съ грустью прибавилъ старикъ.—Впрочемъ, все уладилось... Вѣдь, тутъ никакой ссоры или чего-нибудь такого... Я, признаться, побаивался: не вышло ли чего... Напротивъ, всѣ, какъ и были, вы знаете, прекрасные, достойные люди... Всѣ другъ друга любятъ, говорятъ съ уваженіемъ... Я очень радъ... Такъ вы, говорите, были у Модеста?

— Да, былъ раза два—три... Но, къ сожалѣнію, не могъ добиться съ нимъ свиданія, хотя оставлялъ свою карточку... Онъ не считъ нужнымъ захватить и ко мнѣ,—отвѣчалъ Русановъ съ неприятнымъ чувствомъ досады въ душѣ.

— Ахъ, господа, господа! — покачалъ опять сокрушенно головой старикъ.—Впрочемъ, я, какъ отецъ, смѣю васъ заверить, что съ его стороны не можетъ быть ничего преднамѣреннаго въ отношеніи васъ... Это—достойный человѣкъ, и такой же добрый и милый, какимъ вы

позволили знать его раньше... Вы, пожалуйста, не сердитесь... Повѣрьте мнѣ, какъ отцу...

— Да я не сержусь, Уваръ Капитонычъ,—улыбаясь сказалъ Русановъ.

— И прекрасно-съ... Въ жизни много недоразумѣній бываетъ. Къ сожалѣнію, люди такъ склонны относиться къ нимъ слишкомъ ревниво... И даже люди, одинаковые по духу, часто расходятся изъ совершенно непонятныхъ и фальшивыхъ поводовъ... Ну, да я радъ, очень радъ... Я чувствую, что я васъ всѣхъ опять сведу, что я всѣ эти недоразумѣнія развѣю однимъ дуновеніемъ... Хе-хе-хе!.. Во мнѣ, знаете, есть эта способность—округлять вкругъ себя жизнь. Это у всякаго отца, который любитъ семейный очагъ. Я очень радъ...

— Это было бы прекрасно, Уваръ Капитонычъ,—замѣтилъ Русановъ.—Боюсь только, что у современнаго человѣка недоразумѣнія слишкомъ сложны и что эта болѣзнь серьезна...

— А зачѣмъ вы ее преувеличиваете?.. Въ этомъ-то вся и суть, что вы преувеличиваете пустяки... Пустое, пустое!.. Такіе хорошие все люди, а между тѣмъ... Былъ и у Вукла-съ... Тоже достойный вышелъ человѣкъ... Только, знаете, этотъ сталъ какъ-то ужъ даже не отъ міра сего... И жена у него—прекрасная, достойная женщина... Живутъ они скромно (не такъ, какъ Модестъ; у этого палаты-съ: ковры, бронза), но также съ достоинствомъ... Ихъ всего двое—мужъ и жена... Комнатки маленькія, но убраны... какъ бы вамъ сказать?.. съ аскетической изящностью... Это — пуритане, русскіе пуритане! Новый типъ... Теперь онъ занимается въ архивѣ духовныхъ дѣлъ...

— А гдѣ же Савва?—спросилъ Русановъ съ особымъ любопытствомъ, такъ какъ именно товарищемъ его былъ Савва, третій сынъ Увара Капитоныча, котораго онъ какъ-то уже много лѣтъ потерялъ изъ вида.

— Саввушка?—вскрикнулъ старикъ и даже руками всплеснулъ.—Да, вѣдь, мы же къ нему и идемъ!.. Ахъ, господа, господа! Я у него остановился... Я люблю-съ... попроще онъ, какъ-то знакомѣе намъ... Израильская жизнь, какъ говорятъ мужички... Саввушка такой у меня добрый, милый... Женьушка у него...

— Развѣ онъ женатъ?

— Какъ же-съ, какъ же-съ!.. Внолиѣ

израильская жизнь... Онъ полюбилъ простую, скромную дѣвушку... Теперь около нихъ—царство небесное, ей Богу-съ: пятеро малютокъ, мамки, няньки—шумъ, гамъ, столпотвореніе!.. Умиленіе, сударь мой!.. А они, представьте, стыдятся... Хе-хе-хе!.. Самихъ себя стыдятся, что у нихъ такая благодать... И никому не показываются, забились въ уголокъ отъ вѣхъ... Савва, кромѣ своей банковской конторы, ни къ кому ни ногой!.. Стыдятся, царства небеснаго стыдятся! А?..

— Такъ вотъ онъ какъ, Саввушка-то!—невольно воскликнулъ Русановъ, улыбаясь и чувствуя въ глубинѣ души приливъ самой сердечной веселости.

Всякій разъ, когда Русановъ вспоминалъ о Саввѣ, онъ не могъ иначе вообразить его, какъ въ самый критическій моментъ его жизни, когда онъ уже былъ на третьемъ курсѣ. Савва былъ веселый, добрый малый, не особенно бойкій и прилежный студентъ, но за то самый прилежный посѣтитель всякаго рода вечеринокъ. Однажды, предъ самымъ экзаменомъ, когда Русановъ съ Саввой только что поусерднѣе застѣли за книги (они въ это время жили вмѣстѣ), въ комнату вошла молоденькая дѣвушка, въ черной шапочкѣ на бокрень, съ волнистыми подстриженными русыми кудрями, бойкимъ взглядомъ веселыхъ глазъ и розовымъ пухлымъ личикомъ. Не обращая вниманія на смущеніе Саввы, дѣвушка (фельдшерица, какъ оказалось), надувъ губки и сердито сверкая глазами, сказала: „Кремлевъ! вы, наконецъ, покончили съ своимъ малодушіемъ?.. Я васъ жду...“ Савва, что-то бормоча, схватилъ фуражку и увелъ за собою сердитую дѣвушку. Это было утромъ, а во время обѣда Савва, когда Русанова не было дома, схватилъ свой чемоданчикъ и исчезъ совсѣмъ не только съ квартиры, но и изъ университета. Послѣ Русановъ слышалъ, что они жили гдѣ-то на Волгѣ, въ страшной нуждѣ. Затѣмъ перенесли тамъ всего много.

— Да-съ!.. Вотъ онъ, Саввушка-то нашъ!—шутилъ старикъ.—А вы какъ бы думали?.. Вы думаете, можно грѣшить противъ духа жизни? Нѣтъ-съ, батюшка! Это такой же великій грѣхъ, какъ и противъ Духа Святого... А вы, чай, тоже стыдитесь? Малютки у васъ есть?

— Да я не женатъ, Уваръ Капитонычъ.
— Напрасно, напрасно-съ... Помните меня: грѣхъ противъ духа природы не прощается...

— А если измѣнишь Духу Святому?—спрашивалъ, все улыбаясь, Русановъ.

— Вотъ у васъ все такъ!—махнулъ сердито рукой Уваръ Капитонычъ.—Поневолѣ такъ будетъ, когда естества будете стыдиться, естествомъ небрежить будете... Поневолѣ-съ, коли по угламъ другъ отъ друга разбѣжитесь, стыда ради... И Духу Святому мало послужите!.. Мало, мало-съ!.. А вотъ мы сейчасъ и дома-съ... Оставимъ все это... Я очень радъ... Вы меня извините, простите старика, если я что-нибудь сказалъ лишнее,—я болтливъ съ близкимъ, хорошимъ человекомъ... Говорю искренно: я очень, очень радъ!—закончилъ старикъ Кремлевъ у самыхъ воротъ, беря въ обѣ пухлые руки руку Русанова и встряхивая ее.—Пожалуйте... Милости прошу!—приглашалъ онъ, пропуская Русанова въ калитку, которая вела на широкой дворъ одного только въ Москвѣ сохранившейся старой архитектуры дома, стоявшаго позади двора, со множествомъ палисадинокъ.

III.

По одному изъ многочисленныхъ крылецъ Кремлевъ и Русановъ, поднявшись на нѣсколько ступеней, подходили къ двери квартиры Саввы, изъ-за которой уже былъ слышенъ глухой шумъ голосовъ.

— Слышите, слышите?—улыбаясь, спрашивалъ Уваръ Капитонычъ.—Вотъ откуда даютъ знать... Это у Саввушки... Улей!

А когда позвонили, слышно было, что за дверью внезапно произошелъ между кѣмъ-то разладъ, собственно изъ-за того, кажется, кому удостоиться чести отложить крючокъ.

— Кто тамъ?—спросилъ тоненькій голосокъ.

— Да отворяйте же, плуты... Это я—дѣдушка!—крикнулъ старикъ.

— Дѣдушка! дѣдушка!—закричали голоса за дверью и захлопали въ ладоши.

Наконецъ, тяжелый крючокъ былъ отложенъ, кажется, не безъ помощи подошедшей няньки, дверь отворилась и дѣлая вереница столпившихся въ передней курточекъ, матросокъ, сарафанчиковъ устремила на вошедшихъ свои бойкіе, свѣтлые глазки.

— Ну, ну, плуты, о чемъ вы спорили, отчего такъ долго не отворяли дверь?—

спрашивалъ, раздѣвался, старикъ Кремлевъ, захвативъ изъ кармана пальто коробку конфетъ, которая, главнымъ образомъ, и заинтересовала дѣтей.

— Ну, ну... берите, только, пожалуйста, по-любви, по-милу, по равенію... Слышите? — говорилъ старикъ, отдавая коробку старшей внучкѣ.

— Дѣти, подите вонъ изъ передней! Что за гадкая привычка выскакивать?.. Вы не дадите никому войти, — раздался изъ дальней комнаты хотя рѣзкій, крикливый и строгій женскій голосъ, но именно тотъ, котораго наименѣе боялся и слушаются дѣти.

Когда гости, велѣвъ за гурьбой дѣтей, вошли въ небольшое зальцо, имъ навстрѣчу изъ сосѣдней комнаты вышла молодая блонкурая женщина, низенькая, худая, съ ввалившейся грудью, но съ полнымъ, миловиднымъ, румянымъ лицомъ, съ тѣмъ „домашнимъ“ выраженіемъ, когда хозяйка дома никого не ожидаетъ встрѣтить изъ постороннихъ. Она уже приготовилась строго наморщить брови и отодуть губы, чтобы сдѣлать выговоръ дѣтямъ, когда увидала сзади старика Кремлева Русанова.

„Да, это она!“ — чуть было не вскрикнулъ Русановъ.

— Рекомендую, — сказалъ старикъ, — моя невѣстка, Глафира Трифоновна... Сергій Андренчъ Русановъ, Глашенька: первѣйшій, старшій нашъ другъ съ Саввушкой, премилый, предобрый, свой человекъ...

Глашенька вспыхнула и такъ была поражена неожиданностью, что схватилась холодной, поблѣднѣвшей рукой за край стола; ея глаза безпокойно забѣгали и она едва протянула дрожащую руку Русанову, чуть выговоривъ совершенно беззвучно приглашеніе.

— А это все Саввушкины и Глашенькины, мелюзга-то... Во-о-пъ ихъ сколько!.. Посмотрите-ка туда — тамъ еще двое, — говорилъ, смѣясь, старикъ, показывая Русанову въ сосѣдней комнатѣ кормилицу съ дѣтьми. — Царство-то небесное, не правда ли, а?.. А зачѣмъ краснѣть, Глашенька, краснѣть зачѣмъ? — потрепавъ онъ по щекамъ невѣстку. — Вишь, зарумянилась, какъ піонъ...

Дѣйствительно, Глашенька зардѣлась еще больше; но такъ какъ она все же была теперь не наивная дѣвушка, а мать, то у нея тотчасъ же нашелся случай выйти изъ смущенія, такъ какъ одного

изъ членовъ „царства небеснаго“ необходимо и неотложно надо было вывести.

Старикъ Кремлевъ тяжело опустился въ широкое, довольно потертое и обсиженное кресло и отъ души хохоталъ.

— Ну, мелюзга, ну, къ дѣдушкѣ на колѣни... Гопъ, гопъ! — кричалъ онъ, разставляя свои кривыя ноги.

Мелюзга бросилась къ нему и облѣпила его, какъ пчелы, съ визгомъ и крикомъ. Одинъ, самый юркій, забрался наверхъ спинки, сѣлъ на нее верхомъ и, постукивая Кремлева ладонью по лысинѣ кричалъ: „У дѣдушки на головѣ арбузъ, арбузъ!..“

Кремлевъ такъ и заливался смѣхомъ. Смѣялся, хотя добродушно, но какъ-то вынужденно, и Русановъ, рѣшительно не имѣя возможности войти во вкусъ непривычной для него сцены.

Выразивъ сочувствіе удовольствію старика, Русановъ невольно остановилъ вниманіе на обстановкѣ. Квартира Саввы была обычная, средняя квартира для „такъ-называемой интеллигенціи“, съ небольшою залой и столовой, замѣняющей и гостинную, и съ тремя-четырьмя небольшими комнатками сзади, обыкновенно сплошь обращенными въ спальни, изъ которыхъ одна ходитъ за хозяйскіи „кабинетъ“; простенькая, „рыночная“ мебель стояла только въ залѣ, въ прочихъ же комнатахъ полагались, для экономіи, табуреты и столы, а стулья, когда нужно, переправлялись изъ комнаты въ комнату. Русановъ замѣтилъ, что хозяйка, очевидно, совсѣмъ оправившись отъ смущенія, хлопотала уже около двухъ сдвинутыхъ въ столовой столовъ, стараясь возможно ровнѣе покрыть ихъ скатертью, которой, оказывалось, на два стола не хватало. Это хозяйку смущало, какъ смущалъ, повидимому, недостатокъ и еще чего-то, о чемъ она очень серьезно говорила съ прислугой, вынимая изъ старенькаго портмонея деньги.

— А скоро, Глашенька, придетъ Саввушка? — крикнулъ старикъ.

— Я думаю, скоро, папаша, — отвѣтила изъ столовой невѣстка уже совсѣмъ ровнымъ, увѣреннымъ голосомъ.

— А Нюта гдѣ же? Еще не пришла?

— Нѣтъ еще... Но и она скоро придетъ. У нихъ нынче не полный день.

— А Аполлонъ гдѣ же?

— Дома; онъ въ кабинетѣ.

— Это тоже мон... Анна и Аполлонъ, — сказалъ старикъ Русанову. — Одно могу

сказать про нихъ, что... живутъ пока здѣсь... Оно, конечно, тѣсненько Саввушкѣ и трудненько, но я все-таки радъ, очень радъ... Анюта занимается въ конторѣ, въ банкирской... Своимъ трудомъ, видите ли... А Аполлонъ... Впрочемъ, увидите сами... Узнаете послѣ...

Скоро явился и Савва. Быстро скидая въ передней пальто и калоши и отбиваясь отъ дѣтей, онъ въ то же время, въ боязливомъ недоумѣніи, силился разсмотрѣть сквозь запотѣвшія золотыя очки и узнать Русанова, сидѣвшаго противъ двери.

— Сергѣй, это ты?—сказалъ Савва, быстро входя въ залу и по дорогѣ положивъ на столъ портфель и новую книгу.

Пріятели, улыбаясь, взглянули другъ на друга, вспыхнули въ невольномъ смущеніи и расцѣловались.

— Какими судьбами? Ты давно здѣсь?

— Пять лѣтъ.

Савва засмѣялся тихимъ, но надтреснувшимъ смѣхомъ, и на его кругломъ, но миловидномъ и симпатичномъ лицѣ, появившемъ на себѣ печать не то физическаго, не то нравственнаго угнетенія, пробѣжала тѣнь легкой грусти, неудовольствія и той тайной, непріязненной раздражительности, въ которой трудно различить, чѣмъ человекъ недоволенъ: собой или другими. Глаза его, между тѣмъ разсѣянно и смущенно бѣгали за стеклами очковъ съ дѣтей на старика, со старика на Русанова и Конрада. Савва весь былъ въ отца: такой же коренастый, средняго роста и на такихъ же изогнутыхъ ногахъ.

И вся фигура его, съ широкимъ задомъ, такая же неуклюже - подвижная, какъ у отца, теперь двигалась отъ смущенія, какъ на шарнирахъ.

— Пять лѣтъ уже? Да-а, не мало,—протянулъ онъ, стоя и задумчиво скручивая папиросу.—Ну, однако, все-таки какими же судьбами?—спросилъ онъ, вскидывая на Русанова свои бархатныя рѣшеницы, придававшія его лицу что-то женственное.

— А-а!... Какими судьбами? Вотъ отгадай-ка,—крикнулъ старикъ Кремлевъ, сіяя удовольствіемъ.

— Папа затащилъ? Вѣрно?

— То-то вотъ и есть! Погодите, я васъ всѣхъ здѣсь со дна моря вытащу, всѣхъ разищу и всѣхъ сведу.

— Ну-у! — грустно опять замѣтилъ

Савва, чуть кивнувъ сомнительно головой.—Впрочемъ, у тебя есть несомнѣнно эти... организаторскія способности.

— Да никакихъ способностей, голубчикъ мой, не требуется! Одно: чадолюбивый отецъ, — смѣясь, замѣтилъ старикъ.

— Старые дворяне мнѣ всегда говорили, что въ былое время никто лучше отца не умѣлъ сьорганизовать, сплотить дворянскихъ партій... Онъ считался по этому силой, его боялись... Не знаю, какъ теперь въ земствѣ своемъ ты орудуешь...

— Земство!—сердито вскрикнулъ старикъ, вскакивая съ кресла. — Земства нѣтъ... Какое это органическое учреждение, когда въ немъ толкуются только или разорившіеся дворяне, червонные валеты какіе-то, или хорошіе люди въродѣ васъ,—извините!—которыхъ, чтобы свести вмѣстѣ, надо со дна моря вытаскивать да веревками другъ къ другу тащить?... А гдѣ въ немъ органическая сила—старое дворянство и мужикъ съ своей семьей, съ женами, дѣтьми, двоюродными и троюродными дядьями и братьями, съ шабрами?... Вотъ!..

— Ну, такого земства, конечно, у насъ нѣтъ, съ женами и дѣтьми,—улыбнулся Савва,—а что касается хорошихъ людей, то, кажется, извѣстно, что были пробы... плачивались...

— Были „пробы“!—перебилъ нетерпѣливо старикъ. — Вы намъ не „пробы“ дайте, не искусственное сплоченіе на какихъ-нибудь тамъ теоріяхъ, а вы намъ органическую силу дайте, которая бы сама изъ себя истекала... Вотъ это сила!... Вотъ, бывало, у насъ на дворянскихъ выборахъ, въ старину, все въ ходъ идетъ: и жены, и дочери, и братья всѣ заинтересованы... И у мужиковъ также... Свой интересъ у всѣхъ, да не единичный, не интересъ члена управы, или гласнаго, которому хочется ту или иную идейку провести и осуществить, а интересъ всѣхъ—мужей, женъ, дочерей, сыновей, шабровъ... Вотъ,—разошелся старикъ Кремлевъ, махая руками.—Это я понимаю... Это—земство...

— Но что же ты сдѣлаешь, когда его нѣтъ?—спросилъ тихо Савва.

— Конечно, нѣтъ... и не будетъ!—запальчиво возразилъ старикъ,—и не будетъ, пока вотъ я буду вынужденъ свою собственную семью разыскивать въ одномъ городѣ.

Савва стыдливо опустил свои густыя, бархатныя рѣсницы на глаза и, наклонивъ голову, раздраженно провелъ рукою по лицу.

Старикъ что-то хотѣлъ еще сказать, все еще сверкая глазами изъ-подъ сѣдыхъ бровей, но остановился.

— Вотъ что, голубчикъ мой,—заговорилъ онъ мягко и съ обычною добродушною улыбкой.—Ты вотъ засмѣлся, когда я сказалъ, что, молъ, земство съ женами и дѣтми... А это вѣрно!.. А ты вотъ стыдишься этого... царства-то небеснаго,—мотнулъ головой старикъ по направлению къ дѣтямъ.

— Когда же я стыдился?—дѣйствительно, покраснѣвъ отъ такого неожиданнаго оборота рѣчи, сказалъ Савва.

— И ты стыдишься, и Глашенька стыдится...

— И почему это вы такъ думаете, папаша?—спросила, входя, Глафира Трифоновна, все еще краснѣя и избѣгая взгляда Русанова, хотя уже совершенно спокойнымъ и увѣреннымъ голосомъ.—Напротивъ, я думаю, что для насъ... для меня (поторопилась она поправить) въ нихъ уже все въ жизни,—прибавила она, медленно переводя свои большіе каріе глаза съ одного ребенка на другого съ тою грустною задумчивостью, которая всегда является у матерей, когда касаются будущности ихъ дѣтей.

— Да, напротивъ, для насъ уже тутъ все, что осталось, въ чемъ еще понимаешь и находишь какой-нибудь смыслъ,—быстро проговорилъ Савва съ глубокимъ вздохомъ, котораго онъ не умѣлъ сдерживать. Онъ поднялся и, также избѣгая встрѣтиться взглядомъ съ Русановымъ, сталъ смотрѣть въ окно,

— А-а!—тихо и лукаво засмѣлся старикъ, подмигивая Русанову на сына и невѣстку.—А зачѣмъ вздыхать, если такъ?.. Зачѣмъ? Зачѣмъ говорить: „Мы ужъ перешли Рубиконъ! Мы ужъ отрѣзаны!?“ Почему такъ? По ту сторону, молъ, все великое, славное, а здѣсь—низменное, житейское,—а? Такъ?

— А развѣ не такъ?—какъ будто проронилъ чуть слышно Савва, быстро отвертываясь отъ окна и стараясь скрыть лицо, по которому пробѣжала чуть замѣтная судорога.—Что же, Глаша, затрахать?—нетерпѣливо перебилъ онъ.

— Да, да, пора,—подхватилъ и старикъ.—Ну, оставимъ это... Все это мы устроимъ, выяснимъ,—потрепалъ онъ по

плечу Савву.—А теперь я очень радъ, очень радъ. А вотъ и Анна... Рекомендую: моя вторая дочь,—показалъ онъ Русанову на входившую въ залу худую, блѣдную, но съ замѣчательно красивымъ, холоднымъ и суровымъ лицомъ женщину не первой молодости, въ черномъ простомъ платьѣ, въ черной же тюлевой наколкѣ на головѣ.

Прежде чѣмъ подать руку Русанову, она вопросительно посмотрѣла на отца и брата, какъ будто спрашивая, кому именно ее рекомендуютъ.

— Русановъ... Сергѣй Андреечъ... Помнишь?

Она медленно провела по лицу Русанова холодными, черными, какъ уголь, глазами, протянула ему такую же холодную, сухую руку съ тонкими, маленькими пальцами и, не говоря ни слова, медленно прошла въ столовую, поразивъ Русанова своимъ все еще граціознымъ станомъ.

За нею пошли всѣ.

IV.

Столъ уже былъ готовъ. Глашенька успѣла загнать всѣхъ дѣтей въ дѣтскую.

— Ну, я очень радъ... Милости прошу,—приглашалъ старикъ Русанова сѣсть рядомъ съ собой.—Я очень радъ, что мы всѣ начинаемъ понемногу, по старинному прекрасному обычаю, сходиться за однимъ столомъ... Помнишь, Савва, Анна?.. Помните, какъ у меня... ха-ха-ха!.. бывало, засидеть за столъ восемнадцать душъ обоюбого пола?

— Помню, папа,—отвѣчала дочь гортаннымъ, съ переливами въ горлѣ, голосомъ, еще болѣе усиливавшимъ сухую холодность ея обращенія.—Могу я взять, Глафира Трифоновна, этотъ кусокъ?—спросила она съ лишне-изысканною деликатностью.

— Пожалуйста... Вотъ этотъ лучше... Позвольте, я положу вамъ,—съ лихорадочной предупредительностью отвѣчала Глашенька.

— Не беспокойтесь... Я возьму... Благодарю васъ.

Тщательно поправляя бѣлые рукавички и методически приготовляясь ѣсть, Анна пристально устремила свои черные, угольные глаза въ тарелку.

— Какъ это хорошимъ людямъ не ѣсть вмѣстѣ, не раздѣлять хлѣба-соли? Это измѣна-съ,—говорилъ между тѣмъ старикъ Кремлевъ,—народнымъ началамъ измѣ-

на... Вотъ вы все эти мелочи пустяками считаете... А, вѣдь, на мелочахъ этихъ жизни держится, да и не ими ли еще она и управляется?.. Постоите, не пройдетъ трехъ дней, какъ за этимъ столомъ соберется у меня тоже восемнадцать душъ... Не могу, не могу жить безъ этого!.. Смысла въ жизни не вижу, господа, какъ хотите смѣйтесь надъ старикомъ... Я тебѣ, кажется, говорилъ, Саввушка, что Вуколь и Модестъ обѣщали собраться завтра всѣ здѣсь... Знаешь, вечеромъ, по-родственному, по-любви... Мнѣ хочется, чтобы у насъ все это шло... въ любви и совѣтѣ. И Конрадъ также хочетъ этого... чтобы, такъ сказать, сообща намѣтить дальнѣйшіе пути въ его жизни...

— Что жъ? Я очень радъ, — послѣшилъ отвѣтомъ Савва, все время упорно смотрѣвшій на вилку, которую онъ повертывалъ въ рукахъ.

— А что же Аполлонъ? Гдѣ же Аполлонъ? — вскрикнулъ старикъ. — Отчего онъ не идетъ? Конрадъ, сходи, голубчикъ, за нимъ... И тащи его сюда... этого сепаратиста!

Конрадъ вышелъ и скоро вернулся, сказавъ, что Аполлонъ заявилъ рѣшительно, что не желаетъ ни ѣсть, ни выходить.

Старикъ Кремлевъ осердился и что-то проворчалъ, пошлепавъ отдутыми губами.

— Аполлонъ Уварычъ, папаша, отказывается у насъ настойчиво и отъ завтрака, и отъ закусокъ... А за обѣдомъ ѣсть одно блюдо... Онъ какъ будто сдерживается ѣсть у насъ, — сказала Глашенка. — Савва и то сердится на него за это...

Старикъ поднялся и пошелъ за Аполлономъ самъ, но скоро вернулся, сѣлъ, ничего не сказавъ и принялся сердито рѣзать кусокъ мяса. Молчали и всѣ Кремлевы и какъ-то особенно настойчиво и усиленно стучали по тарелкамъ ножами и вилками, словно они были на жельзно-дорожной станціи.

Но старикъ Кремлевъ, быстро покончивъ съ кускомъ мяса, откинулся къ спинкѣ стула и уже опять добродушно улыбался.

— Ну, оставимъ Аполлона... Онъ молодой еще... дурачится... Хе-хе-хе!.. Да, Глашенка!.. Вотъ какъ мы соберемся всѣ, тогда всѣ придутъ... въ царство-то небесное... Такъ, Глашенка?

— Я вамъ вполне сочувствую, папаша, но какъ это сдѣлать? — отвѣчала Глашенка наивнымъ, дѣтскимъ тономъ.

— Да, какъ это сдѣлать? — задумчиво

подтвердилъ Савва, постукивая концомъ вилки о край тарелки и смотря на нее, попрежнему, упорнымъ взглядомъ.

— А вотъ какъ... хе-хе-хе! — сказалъ старикъ, весело подмигивая Глашенкѣ. — Ну-ка, дай мнѣ эту бутылку... Я вижу, ты, Савва, совсемъ разучился угощать хорошихъ друзей.

— Ахъ, да, виноватъ! — сконфузился Савва. — Ты пьешь, Сергѣй?

— Да, иногда... съ своей молодежью... мы не прочь распить бутылочку-другую...

— А еще около тебя все молодежь, попрежнему? — спросилъ Савва, какъ будто нѣсколько съ изумленіемъ даже, и покраснѣлъ отъ мысли, зачѣмъ онъ сдѣлалъ этотъ вопросъ такимъ изумленнымъ голосомъ.

— Да... еще есть... кое-кто... Но уже немного, — краснѣя отчего-то, въ свою очередь, проговорилъ Русановъ.

— А-а! Это прекрасно! — сказалъ старикъ, вооружаясь бутылкой. — Ну-съ, ваши стаканы... А ты, Анна?

— Благодарю, папа, я не виношу...

— Напрасно... Тебѣ это было бы полезно... Ты себя замаешь совсемъ... Ну, что, какъ твои банкиры?

— Дѣла нашихъ банкировъ плохи. Каждый день мы получаемъ очень неблагоприятныя извѣстія съ лондонской и берлинской биржи... Я съ ужасомъ думаю объ этомъ, — проговорила Анна, попрежнему, методично вытирая салфеткой руки.

— Отчего же съ ужасомъ? — спросилъ старикъ. — Что тебѣ Гекуба и что ты Гекубъ? Хе-хе-хе!..

— Оттого, папа, — сказала Анна и подняла на отца изумленные черные глаза, — оттого, что я принуждена буду оставаться только съ работой... на этого профессора... съ однимъ этимъ уродскимъ переводомъ уродливой книги, надъ которой я измучилась... Я не специалистка... Оттого, — выразительно добавила она, — что я тогда не ручаюсь за собственное существованіе.

— Анна, зачѣмъ такъ рѣзко выражаться? — замѣтилъ Савва, а губы его задержала въ углахъ судорога, появлявшаяся каждый разъ, когда ему приходилось говорить со своими братьями и сестрами.

— Зачѣмъ? — перенесла Анна на брата свои сверкающіе холоднымъ огнемъ глаза, въ которыхъ загорѣлось раздраженіе. — Затѣмъ, что я не желаю своимъ существованіемъ мѣшать кому бы ни было, какъ хочъ, чтобы не мѣшали мнѣ. Я же-

лаю, чтобы въ моей жизни былъ смыслъ,— отчетливо подчеркнула она послѣднюю фразу.

— Но ты можешь, наконецъ, опять въ деревню... ко мнѣ... Что жъ банкиры! Господь съ ними! Какъ будто безъ банкировъ нѣтъ ужъ и смысла въ жизни?!— съ искренней наивностью спросилъ старикъ Кремлевъ.

— Благодарю васъ,—проговорила Анна, тщательно отряхивая съ коленъ крошки хлѣба, и встала.

— Ты куда же?—крикнулъ старикъ.

— Я къ себѣ... Виновата!.. Мнѣ нужно отдохнуть.

— Хе-хе-хе!—неестественно засмѣялся старикъ.—Что за народъ нынче!.. Вотъ и обидѣлась!.. Чирьи!.. Ей-Богу, чирьи... Самые наболѣвшіе, зеленые чирьи... Прошу извинить за сравненіе,—смѣялся старикъ,—но не сумѣю подобрать лучше... Вотъ и Аполлонъ... Конечно, онъ несчастливъ,—печально проговорилъ старикъ, сдвигая съдыя брови и замолкая на нѣсколько секундъ.—Да, большое несчастіе и ему должно простить... Но все-таки зачѣмъ такъ?.. „Я, говоритъ, инвалидъ (это въ двадцать-то пять лѣтъ!). Мы говоритъ, только въ тягость... Это не прежде... Теперь у *нихъ* у всѣхъ свои хлѣба, свои интересы... Гдѣ ужъ намъ *ихъ* стѣснять?.. Это, говоритъ, даже совѣмъ подло... Саввушкѣ едва свою семью прокормить, а ужъ гдѣ ему объ насъ, инвалидахъ, заботиться!..“ Вѣдь, вотъ какъ говорятъ!—прибавилъ старикъ.—Ну, не великое ли несчастіе, если человѣкъ, уже въ молодыхъ лѣтахъ, доведенъ до того, что поворачивается языкомъ выговаривать такіа рѣчи?.. Ахъ, какое несчастіе!—говорилъ старикъ, сокрушенно покачивая головой.

А Савва все сидѣлъ, опустивъ внизъ свои пушистыя рѣсницы, и пернио игралъ часовымъ ключомъ, между тѣмъ какъ судорожныя подергиванья въ углахъ губъ все усиливались.

— Вотъ и Вуколь,—продолжалъ старикъ,—вонъ что говоритъ: „Мы всѣ другъ друга любимъ и уважаемъ, и даже христіанскій долгъ предписываетъ... Но, папаша, не буду ли я лишнимъ? Мои убѣжденія... мой образъ жизни... столь расходятся съ общимъ мнѣніемъ...“ Ахъ-ахъ-ахъ!.. „Убѣжденіе, образъ мыслей!..“ А кровныя-то узы, простыя человѣческія чувства? Инстинктъ-то, инстинктъ-то? Или они уже ничего не говорятъ?.. „Сво-

бода отношеній!..“ „Не стѣснять другъ друга!..“ Позвольте, господа,—разгорячился старикъ,—свобода — прекрасная вещь, и я противъ нея ничего не имѣю... Но любовь, дружба, симпатія, семья—это не свобода, а стѣсненіе-съ... Основа любви—не свобода, а стѣсненіе себя... Извините!.. Да-съ, стѣсненіе себя во имя другого...

— Ну, однако, пойдете, папа, въ залу,—быстро вставая, сказалъ Савва,—и оставимъ это... Сергѣю не можетъ быть въ этомъ, папа, никакого интереса... Все это дѣлишки, имѣющія смыслъ только для насъ...

— Напротивъ... Хе-хе-хе!—засмѣялся старикъ, деликатно дотрогиваясь рукой до плеча Русанова.—Я, признаюсь, думаю, что все это можетъ имѣть значеніе и въ общемъ смыслѣ... Извините, я думаю, всѣ мы грѣшны одними грѣшками... Такъ ли-съ?

— Пожалуй, что вѣрно,—задумчиво отвѣтилъ Русановъ, какъ будто припоминая что-то недавнее, какой-то новый рядъ впечатлѣній, значеніе которыхъ онъ не умѣлъ уяснить себѣ раньше.—Мы жаждемъ свободы для братства, а въ концѣ находимъ одиночество... Это одинъ изъ жестокихъ житейскихъ парадоксовъ...

Эта мысль въ послѣднее время какъ-то гнетуще занимала Русанова и, высказавъ ее, онъ даже покраснѣлъ, какъ будто уличилъ себя въ ренегатствѣ, и, чтобы успокоить себя, взглянулъ на Савву. Но Савва, въ свою очередь, при послѣднихъ словахъ Русанова, съ недоувѣрчивымъ изумленіемъ посмотрѣлъ мелькомъ на него и затѣмъ, взглянувъ на часы, сказалъ: „А читали вы сегодня газеты?.. Знаете, папа...“ И Савва торопливо заговорилъ о политикѣ, какъ будто спѣша перебрать всѣ газетныя новости. Для Русанова было очевидно, что какъ Савва ни старался, повидимому, горячо говорить о литературѣ, церкви, школѣ,—все это было для него чѣмъ-то далекимъ, постороннимъ, потерявшимъ „вкусъ“. И въ политикѣ наиболѣе искренно и непосредственно заинтересованнымъ оказался старый Кремлевъ. Онъ опять, махая руками, пустился развивать свою „органическую теорію“ съ признаніемъ „права на участіе въ жизни женъ, дочерей, дядьевъ, шабровъ...“

— Все это старая исторія,—сказалъ Савва.—Всѣ эти ваши „органическіе элементы“ достаточно, кажется, очень даже внушительно испробованы... Опытъ...

— Въ чемъ опытъ, сударь, въ чемъ? — перебилъ старикъ, поднося свое улыбающееся лицо къ лицу сына. — Опыты бываютъ разные... Можно дѣйствительно сдѣлать опытъ, а можно просто пальцы только обжечь и принять отъ личной боли (несомнѣнной, несомнѣнной!) свои ощущенія за истинный результатъ опыта.

— Впрочемъ, Богъ съ вами, — сказалъ Савва и махнулъ рукой. — Мы ужъ отрѣзанные ломти...

— Теперь ужъ, молъ, дѣло вамъ, старикамъ, а наше, молъ, дѣло отжитое!.. Хе-хе-хе!.. Ахъ вы, инвалиды, инвалиды! — добродушно смѣялся старикъ и вдругъ, что-то вспомнивъ, вышелъ.

— Нда-а! — протянулъ, вздохнувъ, Савва и весь какъ-то заметался, когда вышелъ отецъ, какъ будто онъ оставилъ его совершенно безпомощнымъ, съ глазу на глазъ со злѣйшимъ врагомъ.

Онъ не зналъ, о чемъ заговорить съ Русановымъ, и сидѣлъ, опустивъ голову внизъ и нервно раскачивая одну ногу. Русановъ тоже не зналъ, что сказать.

— А много у тебя дѣтей? — вдругъ спросилъ онъ, чувствуя всю неумѣстность этого вопроса.

— Да... есть... много... А что? — быстро переспросилъ Савва, поднявъ на Русанова пылливый и почти непріязненный взглядъ.

— Нѣтъ, я такъ, — смутился Русановъ, и, чтобы поправить дѣло, спросилъ о новой книжкѣ либеральнаго направленія, принесенной Саввой и, очевидно, только что купленной. — Ты, попрежнему, еще сохранилъ страсть къ новымъ книжкамъ?

— Да, изрѣдка покупаю... А что?.. Ты, однако, зачѣмъ это спрашиваешь? Или ты думаешь... — что-то хотѣлъ сказать Савва, прищуривая глаза.

— Право, я ничего не думаю, Савва, — улыбнулся Русановъ.

— Или ты думаешь, что ужъ я... Впрочемъ, ты, конечно, правъ, ты имѣешь основаніе, — залепеталъ Савва, какъ стыдливый ребенокъ, себѣ подъ носъ и весь съежился, какъ улитка.

Вдругъ вернулся старикъ Кремлевъ съ озабоченнымъ лицомъ, совершенно непохожимъ на то, съ какимъ все время видѣлъ его Русановъ.

Старикъ подошелъ къ Саввѣ и тихо сказалъ:

— Анна плачетъ!

И на лицѣ старика при этихъ словахъ

отразилось такъ много горечи, недоумѣнія и жалости.

Савва молча поднялъ глаза на отца и его пушистыя рѣсницы вдругъ заморгали, судорога задергала углы губъ; онъ вскопчилъ и, стараясь спрятать лицо, взглянулъ на часы.

— Ну, пора мнѣ... Извини... Если хочешь, ты побесѣдуй съ отцомъ, — сказалъ онъ, обернувшись, Русанову, но несмотря на него. Русанову показалось, что Савва сейчасъ заплачетъ самъ.

— Я тоже пойду, — сказалъ Русановъ.

— Какъ хочешь... Я къ тебѣ зайду непременно... Ты въ „Карсѣ“? Заходи ко мнѣ... Впрочемъ, какъ видишь, у меня интереснаго мало...

Когда Русановъ разошелся у воротъ съ Саввой, — несмотря ни на увѣреніе старика „всѣхъ сплотить, все округлить“, ни на обещаніе Саввы зайти къ нему, — онъ чувствовалъ одно — чувствовалъ, какъ страшно и больно „бередить раны другъ другу“, когда, опережая тебя, уже вырастаетъ новая жизнь и чутко прислушивается къ біенію твоего пульса.

V.

Дней черезъ пять, въ субботу, вечеромъ, когда у Русанова собрался, по обыкновенію, кружокъ своихъ людей, нынѣ уже небольшой, къ нему пришелъ старикъ Кремлевъ съ Конрадомъ.

Едва старикъ увидалъ мирную группу, собравшуюся, по обыкновенію, за чайнымъ столомъ въ комнатѣ Клеопатры, едва услыхалъ живой и веселый говоръ молодежи, едва уловилъ матерински-внимательное и любовное выраженіе на лицѣ Клеопатры, какъ пришелъ въ неописанный восторгъ.

— Ахъ, какъ я радъ, какъ радъ! — говорилъ онъ, нѣсколько разъ сжимая руки Русанова и сладкими, умильными глазами обводя всѣхъ присутствовавшихъ и каждому любовно улыбаясь. — Право, я самъ не свой становлюсь, когда вижу такое прекрасное общество... Очень приятно!.. Сударыня! — обратился онъ къ Клеопатрѣ, — вы счастливѣйшая женщина на свѣтѣ!

— О, да... Я была еще счастливѣе недавно! — воскликнула, въ свою очередь, обычнымъ экзальтированнымъ тономъ Клеопатра. — Насъ теперь, къ сожалѣнію, становится все меньше...

— Отчего же, сударыня? Отчего-съ? — спросил старикъ такимъ жалобнымъ голосомъ, какъ будто дѣло касалось его семейства.

— Я не знаю... Я боюсь думать объ этомъ, — тихо отвѣчала Клеопатра, опустивъ глаза, въ которыхъ слишкомъ замѣтно отражалось тайное раздраженіе.

— Да-да-да! — заговорилъ грустно старикъ. — Въ жизни много таинственнаго и, — извините, если выражусь попросту, — и совѣмъ безтолковаго. Какая-то толчея-съ!.. Право!.. А между тѣмъ, такъ много слезъ, несчастій, страданій... Впрочемъ, виноваты! — спохватился Уваръ Капитонычъ, вскакивая и обѣими потными руками пожимая маленькую сухую руку Клеопатры. — Простите старика!.. Зря болтаю... Здѣсь, и въ особенности здѣсь, среди этой юности, грѣшно говорить такія рѣчи. „Уныніе — великій грѣхъ“, сказалъ кто-то. Напротивъ, сударыня, я искренно радъ, что есть еще въ жизни уголки, гдѣ... Что я имѣю удовольствіе быть съ сыномъ среди такого прекраснаго общества!.. Сударыня, позвольте надѣяться, что вы приглубите и моего юнца?.. Онъ такъ въ этомъ нуждается и притомъ онъ самъ такъ желаетъ съ вами сойтись, — понизивъ голосъ, прибавилъ старикъ, — такаа, знаете, впечатлительная натура... Я особенно дрожу за него... Послѣдній изъ Кремлевыхъ, послѣдшій!

— Будьте увѣрены... Я сама такъ радуюсь всякому новому живому существованію въ нашемъ уголкѣ, — отвѣчала Клеопатра, всматриваясь сіяющими отъ удовольствія глазами въ юную, бодрую, полную здоровья и свѣжести, красивую фигуру Конрада, съ его темными мелкими кудрями, какъ шапка нависшими надъ высокимъ бѣлымъ лбомъ, съ его черными глазами, такими пылливо-унылыми и, въ то же время, такими мягкими и задумчивыми (они напоминали нѣсколько глаза Анны).

На эти глаза обратила давно уже вниманіе и еще одна личность, посматривавшая неслѣдно изъ-за самовара; то была Агаша, робкая, добрая и беззавѣтно преданная Клеопатрѣ дѣвушка (дочь покойнаго сапожника Королева). Клеопатра представила ее старику Кремлеву съ сыномъ, какъ „самую близкую къ ней душу“.

Старикъ и Конрадъ разговаривались съ пей, но какъ ни старался старикъ казаться оживленнымъ, Русановъ замѣтилъ,

что онъ былъ чѣмъ-то сильно озабоченъ: очевидно, старику тяжело было держать себя въ тонъ съ юной молодежью, не смотря на все желаніе не выказать „унынія“.

Русановъ предложилъ ему войти въ его номеръ, оставивъ молодежь на попеченіи Клеопатры. Старикъ поспѣшно согласился. Когда они вошли въ сосѣднюю комнату, Кремлевъ тяжело и устало опустился въ кресло и, склонивъ голову на грудь, молчалъ нѣсколько секундъ.

— Пора къ шабрамъ... домой, — сказалъ онъ, наконецъ, проведя рукой по лицу. — Вотъ пришелъ съ вами проститься.

— Что вы торопитесь?

— Нельзя-съ... Тоже служба.

— Вы служите все еще?

— Какъ же-съ! Кто изъ насъ теперь не служить?.. Я мировой судья... Впрочемъ, какой я судья! Я *мировая судья*, какъ насъ тамъ прозываютъ... Хе-хе-хе!.. У насъ такъ одинъ почтенный собратъ изъ лабазниковъ подписывался: „почетная мировая судья“. Ну, съ тѣхъ поръ и пошло! Да, вѣдь, и у меня, признаться, все больше писемоводитель... Дѣла много, вникнуть надо, а у меня у самого заботы... Семейство, знаете, не малое, хозяйство...

— А какъ ваше хозяйство?

— Какое наше хозяйство! — сокрушенно сказалъ старикъ. — Про наши хозяйства всѣ уши прожужжали... И, дѣйствительно, плохо... Не будь я *мировая судья*, совѣмъ хоть брось дѣло... А между тѣмъ наше помѣстье было большое, да и теперь еще есть надъ чѣмъ потрудиться...

— Что же такъ?

— Объясненія, конечно, давно извѣстны: отсутствіе крѣпостного труда... Это вѣрно, но я все-таки нѣсколько иначе на это смотрю, по старинѣ. Думаю, что оттого зло, что мы дома перестали жить, „домъ“ потеряли... Прежде, конечно, и крѣпостной трудъ имѣлъ значеніе; — прежде всѣ дома были, за службой и посторонними занятіями не гнались; а коли дома, все нѣтъ-нѣтъ да въ землю смотришь!.. Да, у насъ было большое помѣстье, и хорошее!.. Были лѣса... Ну, сначала дочери повыклевали... Хе-хе-хе!.. Вотъ Анна взяла... Конечно, я ничего не говорю: съ ея стороны все это было прекраснымъ, благороднымъ побужденіемъ... У насъ, у Кремлевыхъ, это въ роду... А все-таки теперь ужъ этого куса-то нѣтъ

у насъ... Вотъ, онъ у кабатчика у нашего! А славный былъ кусокъ!.. Да, но обидно то, что взамѣнъ, вѣдь, и другое-то ничто не уцѣлѣло; все, вихремъ словно сдуло: всѣ эти женскіе учительскіе институты, школы съ физическими кабинетами, ясли тамъ эти разныя... Ахъ, Анна, добрая Анна! — вздохнулъ старикъ; опять опуская на грудь голову, и смолкъ.

— Она, видите, вышла замужъ за одного „энергичнаго“ господина, — началъ опять старикъ, съ особымъ выраженіемъ тайной непріязни подчеркнувъ слово „энергичный“. — Такой былъ мужчина съ открытымъ взглядомъ и благородной рѣчью. Ну, онъ сначала велъ у нея разныя финансовыя операціи по осуществленію его „хорошихъ дѣлъ“... А потомъ, — Богъ его знаетъ! — очень ли онъ ужъ этими финансовыми операціями проникся, или раньше-то очень пострадалъ, бѣдняга (сынъ дьякона сельскаго былъ), только онъ скоро взглянулъ на „хорошія дѣла“ Анны скептически и практически... Дѣйствительно, скоро имѣніе было продано, половина денегъ, уложенная на ясли, вмѣстѣ съ этими яслями и погибла, другая... грѣшить не хочу, — не знаю... Только Анна скоро разошлась съ мужемъ и съ шестилѣтней дочерью уѣхала въ Петербургъ учиться; жила безъ средствъ почти, кочевала по меблированнымъ комнатамъ и потеряла дочку уже въ десять лѣтъ... И теперь...

У старика пробѣжала по щекамъ одинокая слеза и застыла въ серебряной бордѣ; онъ стряхнулъ ее носовымъ платкомъ.

— Какое хозяйство! — продолжалъ онъ, помолчавъ. — Хлопотъ много, я уже старъ, ни помощника, ни на смѣну никого нѣтъ... Несмотря на то, что угоды у насъ прекрасныя, а приходится признаться, что и мы ведемъ хозяйство не лучше другихъ... Модестъ вотъ тоже выпросилъ выдѣлъ... Ну, отдалъ ему. Что-то онъ хотѣлъ съ нимъ сдѣлать (право, такъ и теперь не знаю, что именно, что-то только интеллигентное, въ родѣ какъ бы образцовой для мужиковъ деревни... вотъ, вѣдь, что загнулъ!), да такъ и теперь валяется: мужикамъ въ аренду не сдаетъ и самъ не обрабатываетъ...

Старикъ вдругъ остановился, помолчалъ и спросилъ, внимательно смотря въ лицо Русанова:

— Скажите, пожалуйста, вы ничего не знаете о Модестѣ? То-есть, я хочу ска-

зать, неизвѣстно вамъ что-нибудь относительно его образа жизни здѣсь?

— Право, я не знаю, — сказалъ, смущаясь, Русановъ. — Слышалъ я здѣсь только, что его считаютъ оригиналомъ, эксцентрикомъ...

— Оригиналомъ! — прошепталъ задумчиво старикъ. — А не слышали вы, что онъ пьетъ запоемъ? Изъ своихъ, близкихъ по духу и по профессіи, ни съ кѣмъ не сходится, отъ всѣхъ бѣжитъ, а между тѣмъ пьетъ съ какими-то странными личностями, которыхъ самъ не уважаетъ... Со всѣми другими холодеетъ, надмененъ... Я слышалъ, при немъ живетъ маленькая дѣвочка на рукахъ швейцарки... А онъ мнѣ ее не показывалъ!.. А какъ онъ въ науки?

— Онъ пользуется большой извѣстностью.

— Гм... Странное у него къ ней отношеніе... Я, конечно, мало тутъ что понимаю, но все-таки полагаю, что ученый любить свою науку, какъ жену, какъ друга... страстно эдакъ... Третьего дня собрались мы у Саввы всѣ... Приѣхалъ и Модестъ (въ каретѣ), забрался въ уголъ (онъ на меня похожъ, только брюнетъ... Да, вѣдь, когда-то и я былъ брюнетъ!.. Хе-хе-хе!), — да, забрался въ уголъ, сидитъ, пожичекъ вытащилъ изъ кармана и ногти стругаетъ. Спросятъ — отвѣтитъ, взглянетъ словно сонными глазами, улыбнется и опять за ногти. Вотъ я и спрашиваю: „Какъ же ты думаешь, Модестъ? Ты спеціалистъ: есть ли резонъ поступать Копраду именно на естественный факультетъ?“ — „Можетъ быть есть, а можетъ и нѣтъ“. — „Не лучше ли на медицинскій? Все-таки спеціальность, прямо ближнему пригодная“. — „Что жъ, и на медицинскій хорошо, пожалуй“. — „Т.-е. какъ же это — пожалуй? Вѣдь, ты вотъ полюбилъ науку, значить...“ — „Ничего, говорить, не значить... Все это — пустяки: призваніе тамъ, „служеніе“ и прочее... Важно одно: талантъ и успѣхъ... Есть они — все твое будетъ вездѣ, нѣтъ — пресмыкайся или отирайся *ad patres*... Это ужъ какъ кому по вкусу“. И это при Копрадѣ!.. И, знаете, чуть ротъ ему не загнулъ платкомъ.

Старикъ замолкъ.

— Говорятъ (мнѣ это и Савва подтверждалъ)... Вы не слышали?.. Говорятъ, у него гдѣ-то недалеко отъ Москвы есть собственная дача, и тамъ у него живетъ тигрица, т.-е. не кака-нибудь иносказательная, а въ прямомъ смыслѣ... Тамъ

за ней смотреть дворецкіе, лакеи... Онъ самъ ѣздитъ туда каждый мѣсяцъ пить съ пріятелями... Тѣ пьютъ, а на самихъ лица нѣтъ, а Модестъ дразнить тигрицу (онъ ее гдѣ-то щенкомъ купилъ), начнеть бороться съ ней...

Старикъ говорилъ объ этомъ, все понижая голосъ, и съ болѣе и болѣе возрастающимъ ужасомъ смотрѣлъ на Русанова, какъ будто тотъ ему объ этомъ рассказывалъ, а не онъ ему...

— Говорятъ, дочь свою и самъ онъ по цѣлымъ мѣсяцамъ не видитъ, не велитъ приводить ее на свою половину... А то ночью пріѣдетъ вдругъ, и прямо къ ней, въ спальню... Сядетъ у ея кровати и плачетъ по цѣлымъ часамъ... Вы не замѣчаете, что съ Кремлевыми дѣлается что-то неладное?—спросилъ вдругъ старикъ, попрежнему внимательно смотря въ лицо Русанову, который жадно слушалъ его.

Русановъ смутился, хотѣлъ что-то сказать, но опустилъ глаза и промолчалъ.

— А про Вукола вы ничего не слыхали? Вы не встрѣчались съ нимъ?—опять заговорилъ Кремлевъ.

— Нѣтъ. Я меньше всѣхъ его знаю.

— Милый, добрый такой... Признаюсь, я не ожидалъ... Мнѣ его больше всѣхъ жалко стало... Я его тоже давно не видалъ... Былъ у него только набѣгомъ... А вотъ третьяго дня, какъ всѣ мы собрались...

Старикъ нервно провелъ по лицу рукой и вздохнулъ, какъ будто воспоминаніе объ этомъ вечерѣ ложилось на него гнетущей тяжестью, изъ-подъ которой онъ не могъ выбиться.

— Вѣдь, вотъ,—сказалъ Русановъ,—какъ вы ожидали, съ вашимъ пріѣздомъ снова всѣ собрались вокругъ васъ.

— Да, да, я очень радъ!—заговорилъ поспѣшно Уваръ Капитонычъ.—Все-таки сошлись на вечерю. Хотя не надолго, а сошлись всѣ... И Модестъ, и Вуколъ, и Савва... и Аполлонъ... да... и Анна... Цѣлая больница!—прибавилъ онъ, засмѣявшись сдержаннымъ, надтреснутымъ смѣхомъ.—Живого мѣста ни у кого нѣтъ... Признаюсь, я былъ словно на угольяхъ... Того и жду: вдругъ кто-нибудь скажетъ что неосторожное — и все вспыхнетъ! Я ужъ, признаться, порадовался, что Аполлонъ покашлялъ, покашлялъ, поворачалъ что-то про себя и ушелъ... Хорошо, что свое мнѣніе онъ высказалъ мнѣ ужъ послѣ, когда я зашелъ къ нему въ комнату:

„Нечего сказать! Благодарю, говоритъ, не ожидалъ! Вотъ ужъ никакъ не думалъ, что въ такую компанію придется вернуться черезъ семь лѣтъ (онъ только что возвратился: больной, разбитый, нервный, желтый, — желчь, что ли, у него разлилась!). Компанія! Какіе-то ученые безъ страсти къ наукѣ, идеалисты бозъ вѣры въ идеалы, народники безъ народа и насѣдки, краснѣющія за цыплятъ... Какал прочная и сильная организація!..“ Выпалъ все это, пожелтѣвъ еще больше и закашлялся.

— А вотъ вы, однако, не зашли къ намъ, на наше семейное собраніе, а обѣщали? — круто оборвалъ свой рассказъ старикъ Кремлевъ и вопросительно взглянулъ на Русанова, который опять съ какой-то жадностью, даже удивлявшею его самого, вслушивался въ его рассказъ.

Послѣдній вопросъ какъ будто толкнулъ Русанова.

— Виновать, —сказалъ онъ, собираясь съ мыслями.—Я думалъ, что буду лишній, что могу помѣшать...

— А-а, да, да!.. Ну, что же? Не будемте мѣшать другъ другу, не будемъ мѣшать!—проговорилъ старикъ съ такой глубокой грустью, что Русанову сдѣлалось ужасно жалко его. Но подъ впечатлѣніемъ ли его рассказовъ, которые взволновали самого Русанова, или подъ давленіемъ собственнаго душевнаго настроенія, только у Русанова не нашлось для него словъ утѣшенія.

Старикъ Кремлевъ быстро поднялся съ кресла, встряхнулся, будто сбрасывая тяжелый грузъ, лицо его приняло вдругъ прежнее обычно-ласковое, доброе и заискивающее выраженіе добряка-помѣщика, онъ взялъ въ обѣ руки руку Русанова и сказалъ:

— Ну, оставимъ все это... Только, пожалуйста... Конрада... поберегите моего... Прошу васъ, прошу какъ отецъ!—проговорилъ онъ, все ближе поднося свое лицо къ лицу Русанова, такъ что послѣдній могъ видѣть, какъ блестѣли его влажные, полные слезъ глаза.

— Послѣдишекъ! Послѣдній изъ Кремлевыхъ! — продолжалъ старикъ мягкимъ, умоляющимъ, дрожащимъ голосомъ, не выпуская руки Русанова изъ своихъ.— Если бъ вы знали только, что это за дитя!.. Нѣтъ, я даже не хочу быть пристрастнымъ, какъ отецъ... Вы сами это можете понять... Замѣтили вы его глаза?

Это глаза моей бабушки (у Анны такіе же). Моя бабушка когда-то держала масонскую ложу въ Москвѣ, около Мясницкой... Въ Копрадѣ — все лучшее, Кремлевское... Въ тѣхъ, въ другихъ — все это разбросалось... а въ Копрадѣ, какъ въ фокусѣ!.. Все... Онъ еще такъ юнъ, такъ нѣженъ... Если бъ ему окрѣпнуть, только бы окрѣпнуть!..

— Послушайте, еще нѣсколько минутъ... Я болтунъ — и какъ старикъ, и какъ Кремлевъ (это у насъ есть въ роду), и какъ отецъ... Я слишкомъ злоупотребляю вашимъ вниманіемъ... Но еще пять минутъ! Только пять минутъ... на Копрада.

— Пожалуйста... Я очень радъ, — улыбнулся Русановъ.

— Признаться вамъ сказать, — началъ старикъ рассказывать, какъ будто по секрету, взявъ Русанова подъ руку и ходя съ нимъ вдоль комнаты, — признаться сказать, я полюбилъ ужасно Копрада уже въ тотъ почти день, когда онъ родился... Не умью вамъ объяснить, отчего это... Даже, знаете, я стыдился этой любви... Помилуйте, послѣ столькихъ ребятишекъ, уже почти старикъ — и вдругъ такіа нѣжности!.. Не знаю, не знаю почему, только (можетъ быть оттого, что послѣдышекъ, можетъ за глаза, за весь этотъ *Кремлевскій*, такъ сказать, обликъ, можетъ тутъ трепетала родовая жилка: она есть, есть...) я привязался къ нему страстно... Никто мнѣ не доставлялъ столько заботъ. Я самъ разыскалъ для него лучшую женщину въ нашихъ деревняхъ въ кормилицы, изъ лучшей крестьянской семьи. Чтобы она не скучала, я взялъ ее въ домъ вмѣстѣ съ ея ребенкомъ. Потомъ няня... Няня у него была изъ старыхъ, изъ такихъ, которыя теперь рѣдки... Потомъ онъ росъ... росъ онъ у меня на всемъ Божьемъ привольѣ луговъ, полей и лѣсовъ... И въ какое время!.. То было счастливѣйшее время въ моей жизни... Ему было тогда лѣтъ девять-десять. Значитъ, самая первая, прекрасная впечатлѣнія на немъ отразились... Все тогда вокругъ меня зеленѣло, цвѣло молодое, бодрое, свѣжее... шумное, такое любящее, веселое!.. Помните, помните капикулы? Вѣдь, вы къ намъ тогда наѣзжали?

— Да, да... Помню! — какъ-то радостно и восторженно невольно воскликнулъ и самъ Русановъ, словно и на него пахнуло вдругъ изъ-за десятка лѣтъ этою первоначальною свѣжестью.

— Ну, вотъ!.. Потомъ я его отдалъ

въ гимназію; впрочемъ, я долго воспитывалъ его дома... У меня жили молодые учителя, по рекомендаціи старшихъ сыновей... Да-съ, потомъ я отдалъ его въ гимназію... Я, признаюсь, побаивался, отпуская его туда одного... Но мои опасенія скоро разсѣялись: черезъ годъ онъ уже явился такимъ... Какъ вамъ сказать?.. Трудно это опредѣлить... Да вотъ вамъ: когда онъ пріѣзжалъ, прислуга не знала — былъ оно дома, или нѣтъ. Его комнаты никогда не касалась рука лакея или горничной. Онъ спалъ на жесткомъ войлокѣ, носилъ парусинныя блузы, самъ мелъ свою комнату, безъ стыда и жеманства, самъ чистилъ свои сапоги и одежду, самъ запрягалъ или сѣдлалъ лошадь... Деликатный, мягкій и серьезный со всѣми, онъ, признаюсь, даже тревожилъ меня своею впечатлительностью, а въ особенности тѣмъ, что очень, очень рѣдко высказывался... Все что-то онъ копилъ, копилъ въ своей душѣ, какъ драгоценный кладъ... Занимался онъ упорно. Уроки ему давались трудно, въ особенности языки... И онъ съ ужаснымъ упорствомъ проходилъ этотъ некусъ, безъ слова жалобы, почти съ равнодушіемъ, какъ что-то неизбежное для чего-то тамъ... впереди... Да... А что тамъ? — остановился старикъ, упорно смотря въ лицо Русанова, и замолчалъ.

— Ну, все равно... Не будемъ пророками... Мы такъ всѣ изболѣли, что склонны принимать свои личныя ощущенія за непреложныя истины... А гдѣ тотъ, кто осмѣлился бы сказать, что онъ знаетъ истину? Такъ ли?

Русановъ молчалъ.

— Прошу васъ объ одномъ: больше живости, свѣта... Больше живости... Повеселѣе... Вотъ! Поддерживайте этотъ огонекъ, который горитъ у васъ, тамъ, — показавъ онъ по направленію къ комнатѣ Клеопатры. — Объ одномъ прошу: не разбивайте этого свѣтлаго у Копрада, во что бы онъ ни вѣрилъ... все одно... Но только бы искренно, только бы не уныніе, не отчаяніе. Прошу васъ, прошу! — опять крѣпко жаль старикъ руку Русанова со слезами на глазахъ.

VI.

Русановъ былъ взволнованъ.

Вдругъ все, что еще недавно было такъ мучительно парежито, передумано и по-

речувствовало, все, что онъ только что въ такой жесткой и безжалостной формѣ излил въ письмахъ къ своему старому пріятелю,—все это вдругъ снова налегло на его душу, и стало ему и больно, и страшно... Вѣра!.. Но гдѣ слова для ея выраженія? Гдѣ музыка души, которая прежде вдохновляла его рѣчи? Гдѣ пламень, который зажигалъ кровь, вливалъ энергію въ мышцы, страсть въ сердце, отвагу въ душу? Слова... слова остались тѣ же, но вѣяли холодомъ, безжизненностью; музыка смолкла и отдавалась на глубинѣ души только чуть внятные, отдаленные какъ будто, мучительно-могучіе, скорбные аккорды; пламень погасалъ, чуть мигая неровными, порывистыми вспышками... Зачѣмъ же опять и еще? Зачѣмъ эти встрѣчи?

Такъ думалъ Русановъ въ эту ночь, проводивъ старика Кремлева съ сыномъ. Безнадежный, мрачный пессимизмъ охватывалъ его своимъ холоднымъ дыханіемъ все больше и больше. Онъ чувствовалъ, какъ подгибались его колѣни, ноги переставали держать его, апатія и вялость прокрадывались во всѣ жилы, пульсъ переставалъ биться и все медленнѣе, лѣнивѣе работала въ головѣ мысль...

И, какъ старикъ Кремлевъ, онъ, измученный и угнетенный, безсилно опустился въ кресло.

— Serge! вы еще не ложились? Можно къ вамъ войти?—спросила Клеопатра за дверь.

— Итъ еще, входите, — тихо вздохнувъ, отвѣчалъ Русановъ, чувствуя, что онъ не въ силахъ подняться.

Клеопатра вошла въ его маленькій, полуосвѣщенный лампой съ зеленымъ абажуромъ номеръ и сѣла возлѣ него, не замѣчая его настроенія, сама вся погруженная въ міръ собственныхъ мыслей.

— Serge,—заговорила она,—вы хорошо знаете этого юношу, Конрада?

Русановъ поднялъ на Клеопатру глаза, и его сильно поразило ея взволнованное лицо.

— Итъ. Я уже говорилъ вамъ, что встрѣтилъ его въ первый разъ на улицѣ, съ отцомъ... А что?

— Онъ произвелъ на меня страшное... поразительное впечатлѣніе... Знаете что? Я страстно полюбила его, какъ никогда еще никого не любила въ жизни, какъ не любила бы, можетъ быть, своего сына, если бы онъ не былъ Конрадъ,—проговорила все это Клеопатра быстро, опустивъ глаза, въ сильномъ волненіи.

— Его взглядъ, — продолжала она, — его взглядъ... этихъ черныхъ глазъ... рветъ мнѣ сердце... Я чувствую, что при одномъ воспоминаніи я испытываю смущеніе... Знаете, Serge, мнѣ кажется... у меня засѣла неотвязная мысль, что этотъ загадочный юноша внесетъ въ мою жизнь что-нибудь чрезвычайное... А замѣтили что-нибудь въ Агашѣ? Впрочемъ, онъ произвелъ на всю нашу молодежь, кажется, сильное впечатлѣніе... Этотъ взглядъ — безмолвный, проникательный и невыразимо грустный... Это — ужасный взглядъ! Serge, намъ надо беречь его и лелѣять, какъ хрусталь...

— Да, да! — воскликнулъ порывисто Русановъ, вскакивая съ кресла, какъ будто поднятый электрическимъ ударомъ. Ему вспомнился этотъ Конрадъ, когда онъ встрѣтилъ его въ первый разъ; припомнилось это робкое уваженіе къ нему, Русанову, ко всѣмъ имъ, этимъ „людямъ стараго поведенія“, которое, казалось, проникало все существо его; припомнилась эта страстная жажда услышать отъ нихъ рѣшающее слово и эта твердая, дѣтская вѣра, что это рѣшающее слово есть у нихъ, есть потому, что они — „солъ земли“, и эта робкая еще, колеблющаяся, но упорная рѣшимость слѣдовать за ними.

VII.

Прошло около трехъ мѣсяцевъ. Конрадъ продолжалъ навѣщать Русанова; но въ послѣднее время эти визиты стали рѣже и короче. Русановъ и Клеопатра замѣчали, что все увеличивающаяся грусть Конрада стала перемежаться припадками какой-то первой раздражительности. Въ его взглядѣ исчезала прежняя мягкость и та добрая, ровная увѣренность и стойкость, которая прежде такъ ярко свѣтилась въ немъ. Усилия Русанова и Клеопатры, по возможности, разсѣять сгущавшуюся надъ душой Конрада тучу оставались все менѣе и менѣе успешными.

Русановъ и Клеопатра, наконецъ, съ какой-то неопредѣленной боязнью стали слѣдить за Конрадомъ. Русановъ пѣсколько разъ навѣстилъ даже Савву. Повидимому, въ семьѣ Саввы дѣла не измѣнились къ лучшему. Напротивъ, Анна, послѣ крушенія конторы, нашла себѣ новое мѣсто съ еще меньшимъ вознагражденіемъ, а между тѣмъ болѣе тяжелое.

Она хирѣла и замораживалась на глазахъ у всѣхъ съ каждымъ часомъ. Между тѣмъ семья Саввы увеличилась еще, вслѣдствіе чего Аполлонъ ушелъ отъ него окончательно, жилъ въ невозможной камеркѣ гдѣ-то, безъ всякихъ занятій, и почти умиралъ съ добровольнаго голода. Понятно, что при такихъ условіяхъ Русановъ, заикнувшись поговорить съ Саввой о Конрадѣ, услыхалъ въ отвѣтъ только мрачную фразу: „Да, надъ Кремлевыми тяготѣетъ рокъ...“, при чемъ Савва чуть не разрыдался.

Тревога Русанова и Клеопатры усиливалась, кромѣ того, опасеніями не за одного Конрада, а и за Агашу, которая, очевидно, находилась подъ сильнымъ вліяніемъ Конрада, и подъ страннымъ вліяніемъ: она походила на птицу, все больше и больше запутывавшуюся въ сѣть, изъ которой съ испугомъ и безсильно старалась выбиться.

Агаша была взята Клеопатрой и Русановымъ къ себѣ въ Москву, вмѣстѣ съ братомъ, когда ей было уже пятнадцать лѣтъ, взята прямо изъ деревни, изъ камерки сапожника Степана Тимошенча Королева. Теперь ей было двадцать лѣтъ слишкомъ. Это была дѣвушка полная, бѣлокурая, съ длинной и толстой бѣлой косой, какія бываютъ только у дѣвушекъ изъ народа. И какъ вообще дѣвушки изъ народа, она, едва попала въ сравнительно болѣе благоприятныя условія жизни, тотчасъ распустилась, „какъ маковъ цвѣтъ“, что ее немножко даже смущало: смущали слишкомъ полныя и розовыя щеки, смущали черезчуръ упругія руки, грудь и ноги. Лицо ея не было красиво, но было миловидно, какъ вообще лица простыхъ русскихъ дѣвушекъ,—миловидно дѣтски-простымъ, искреннимъ и наивнымъ отраженіемъ ихъ несложной душевной жизни. И душа ея также привольно и свободно распускалась въ новой жизни. Новая обстановка устранила отъ нея даже тотъ рядъ впечатлѣній, которыя она испытывала у отца: грустное сознаніе бѣдности, мелочныхъ обидъ за отца, за мать, за братьевъ и сестеръ. Всего этого уже не было, но не было и мучительныхъ пытокъ сознанія отъ новыхъ впечатлѣній, въ которыхъ изнывали ея воспитатели и которыя она если и понимала, то разсудочно только. Но зато въ ней развилась одна черта, которую невозможно было искоренить даже въ теченіе пяти лѣтъ: добрая, тихая, любящая, она тѣмъ не

менѣе постоянно была въ какомъ-то испугѣ и почти невозможно было вызвать ее на откровенность. Это не была замкнутость, а просто непонятная боязнь, растерянность. И она предпочитала лучше молчать, чѣмъ говорить. Несмотря на пятилѣтнее пребываніе въ новыхъ условіяхъ, она жила среди нихъ какъ-то оцупью, съ боязливымъ недоумѣніемъ. Всего годъ, какъ Клеопатра устроила ее младшей помощницей учительницы въ одной частной школѣ, но жила она вмѣстѣ съ Клеопатрой.

Однажды, не задолго до Рождества, Русанову пришлось проходить по одному очень отдаленному бульвару, какъ вдругъ онъ замѣтилъ на одной изъ скамеекъ Конрада и Агашу. Чтобы не смутить ихъ, онъ повернулъ съ бульвара на панель и прошелъ мимо незамѣченнымъ. Агаша въ этотъ день вернулась позднѣе обыкновеннаго и ничего не сказала. Очевидно, это свиданіе ихъ было не первымъ. Русановъ только еще яснѣе замѣтилъ, что Агаша стала грустнѣе, серьезнѣе, а ея испуганность и растерянность приняли уже слишкомъ рѣзкій характеръ; въ ея взглядѣ было столько недоумѣвающего ужаса, что Русановъ рѣшился даже переговорить съ Клеопатрой, тѣмъ болѣе, что если это были первыя вспышки молодой страсти, то онъ былъ черезчуръ странный.

Черезъ день послѣ этого у Русанова былъ обычный вечеръ. Пришелъ братъ Агаша, Никаша, кончившій курсъ въ одной ремесленной школѣ, пришли и другіе изъ молодежи. Пришелъ и Конрадъ. Но сегодня онъ былъ грустнѣе обыкновеннаго и, притомъ, во всемъ немъ сказывалось что-то неестественно-развязное; глаза у него горѣли и растерянно скользили какъ-то съ предмета на предметъ. Русановъ замѣтилъ, что то же настроеніе тотчасъ передалось и Агашѣ, едва появился Конрадъ. Онъ неоднократно, мелькомъ, взглядывалъ на Агашу нѣсколько вызывающимъ взглядомъ; но она, словно въ испугѣ, избѣгала этого взгляда.

У Конрада былъ прекрасный, хотя и слабый и необработанный, баритонъ. Онъ любилъ пѣть, и Русановъ перѣдко упрямилъ его на вечерахъ спѣть ту или другую пѣсню, которая ему особенно удавалась. Иногда онъ разучивалъ новыя, особенно ему понравившіяся пѣссы, самъ подбирая мотивы.

Русановъ попросилъ его спѣть и сегодня, чтобы разсѣять его, такъ какъ по-

слѣ пѣнія Конрадъ обыкновенно дѣлался веселѣе и довольнѣе.

Конрадъ не отказался и сегодня.

— Я вотъ уже два дня настойчиво разучиваю одну вещицу, которую вычиталъ у Гёте и которая мнѣ очень понравилась... Не знаю, удастся ли...

Онъ, по обыкновенію, всталъ позади стула, оперся руками на его спинку и, нѣсколько раскачиваясь корпусомъ и опустивъ внизъ глаза, пропѣлъ какъ-то особенно мягко и задумчиво, хотя во многихъ мѣстахъ фальшиво и неудачно:

Одежды бѣлой не снимайте
Съ меня,—пристала мнѣ она...
Съ земли прекрасной скоро, знайте,
Въ могилу я сойти должна.
Но день придетъ,—я скоро вѣжды
Свои открою, наконецъ!
Покину свѣтлыя одежды,
Покину поясъ и вѣнецъ.

И бѣды не знала, но скорбѣла
И буду вѣкъ душой скорбѣть.
И слишкомъ рано постарѣла:
Хочу навѣкъ помолодѣть!

Конрадъ какъ-то оборвалъ послѣдній стихъ и замолчалъ, но остался на прежнемъ мѣстѣ, опустивъ смущенно глаза и разсѣянно и нервно перебирая пальцами по спинкѣ стула. Ждали ли всѣ, что Конрадъ еще будетъ пѣть, или подѣ впечатлѣніемъ только что пропѣтаго—всѣ молчали довольно долго. Повидимому, и это молчаніе, и самое настроеніе, вызванное пѣсней, подѣйствовало на Русанова какъ-то раздражающее. Онъ поднялся и, нервно взбивъ волосы на головѣ, прошелъ нѣсколько разъ вдоль комнаты, какъ будто что-то обдумывая, и потомъ заговорилъ, не обращаясь лично ни къ кому, какъ это часто съ нимъ случалось,—заговорилъ на тему о „вмѣненіи“. Эта тема играетъ немаловажную роль въ психопессимизмѣ и она особенно занимала Русанова въ послѣднее время. На эту же тему отчасти намекало и гётевское стихотвореніе.

Русановъ сталъ говорить; какъ и всегда, онъ говорилъ просто, безъ всякой вычурности, не стараясь подбирать эффектныхъ фразы, жесты и округлять періоды; какъ и всегда, путался часто, иногда долго подыскивая выраженія и, какъ всегда, рѣчь его, прежде всего, отличалась искренностью, которая и подкупала въ его пользу даже и тогда, когда онъ самъ смутно сомнѣвался въ справедливости своихъ положеній. За послѣднее

время, впрочемъ, въ его рѣчь вкрадывалась все чаще и чаще невольная раздражительность, непредѣленная и непонятная для него самого.

Русановъ въ послѣднее время сильно согнулся и постарѣлъ. Въ его жидкіе, сухіе, какъ сѣно, но все еще длинные кудри пробивалась сѣдина; борода тоже порѣдѣла. На лицѣ появились какія-то судорожныя подергиванія, сильно увеличивавшія его раздражительность.

Тѣмъ не менѣе сегодня онъ увлекся, казалось, попрежнему, такъ что Клеопатра Павловна — и та съ пріятнымъ и восторженнымъ изумленіемъ слушала его. Русановъ говорилъ долго, въ особенности горячо возставалъ противъ пессимистическаго міровоззрѣнія, которое такъ губитъ нашу интеллигенцію, но только его протестъ противъ пессимизма звучалъ слишкомъ уже сердечною мягкостью, какъ будто онъ былъ ему слишкомъ близокъ и какъ будто онъ боялся слишкомъ больно коснуться чего-то. Но ему самому и Клеопатрѣ казалось, что въ его рѣчи игралъ такой восторженный идеализмъ, какого они даже не ожидали.

Русановъ еще говорилъ, когда Конрадъ тихо поднялся и сталъ искать свою шляпу. Русановъ приостановился и присѣлъ рядомъ съ Клеопатрой, когда Конрадъ подошелъ къ нимъ проститься. Онъ былъ взволнованъ; глаза его горѣли и блуждали еще больше. То настроеніе непонятной тревоги, съ которой онъ пришелъ къ нимъ, стало еще замѣтнѣе.

— Простите меня, я не могу... больше, — сказалъ Конрадъ, подавая руку Клеопатрѣ.

— Вамъ не понравилось, что говорилъ Serge?—спросила она шутя.

— О, напротивъ!.. Это все такъ хорошо! — горячо возразилъ Конрадъ и въ то же время остановилъ свой блуждающій взглядъ на ней и Русановѣ.

То былъ взглядъ такого скорбнаго унынія, любви и недовѣрія, жалобы и отчаянія, что Русановъ почувствовалъ, какъ этотъ взглядъ угнеталъ его и что ужъ онъ больше не произнесетъ ни слова такъ, какъ онъ говорилъ раньше. Настроеніе ли самого Русанова подсказывало ему, или въ самомъ взглядѣ Конрада слишкомъ ясно свѣтилось это, только Русанову и Клеопатрѣ казалось, что онъ читалъ въ ихъ сердцахъ и говорилъ: „О, добрые, хорошіе люди! Прекрасны ваши рѣчи, но онѣ облиты кровью... Я уже

чую часть, когда разразится надъ вами послѣдній ударъ и вы смолкнете совсѣмъ. Вѣдь, вы — живое противорѣчіе вашихъ словъ; ваша судьба опровергаетъ васъ: безсильному нѣтъ въ жизни мѣста...“

— Вы сегодня особенно взволнованы. Что съ вами? — спросилъ его тихо Русановъ, отводя подъ руку въ сторону.

— Я не знаю... Но я... Анна умираетъ, — отвѣчалъ порывисто Конрадъ. — Это я въ честь ея разучилъ пѣсню, — прибавилъ онъ, грустно улыбувшись.

— Что съ ней?

— Вѣроятно, простудилась, — пробормоталъ онъ невнятно и быстро подошелъ къ Агашѣ, особенно крѣпко и вызывающе пожалъ ей руку и вышелъ. И Русановъ, и Клеопатра не могли не замѣтить, какъ побѣдигла Агаша и съ какимъ молчаливымъ испугомъ смотрѣла она вслѣдъ Конраду.

Никаша, коренастый юноша, съ широкимъ, бѣлесоватымъ и некрасивымъ плебейскимъ лицомъ, съ нѣсколько вызывающимъ взлядомъ челоуѣка, который полонъ сознаніемъ каждаго завоеваннаго шага въ жизни, хотя бы онъ не шелъ еще дальше одиобортнаго школьнаго вицмундира съ мѣдными пуговицами, уже давно подергивалъ нервно плечомъ во все время, пока Конрадъ объяснялся съ Русановымъ.

— Не нравится мнѣ этотъ баринъ, — выговорилъ, наконецъ, онъ съ плохо скрытой неприязнью, когда Конрадъ ушелъ. — Жеманство одно...

— Отчего вы, Никаша, всегда нападаете на Конрада? Онъ славный юноша, — замѣтилъ Русановъ.

— Можетъ быть, — проворчалъ Никаша съ утрированнымъ пренебреженіемъ. — Только мнѣ кажется, это актеры, а не простые люди... Для нихъ личный успѣхъ или неуспѣхъ, личные ощущенія — все... Они вѣлились въ нихъ...

— Нѣтъ, Никаша... Вы несправедливы... Нѣтъ! Я этого не ожидалъ отъ васъ, — съ неудовольствіемъ сказалъ Русановъ.

Это явное неудовольствіе кольнуло Никашу.

— Не знаю, можетъ быть... Вы послушали бы, что онъ про васъ говоритъ, — сказалъ Никаша раздраженно и покраснѣлъ отъ внутренняго сознанія гадливости произнесенной имъ фразы, но онъ не въ силахъ былъ удержаться. — Это эгоисты и больше ничего! — заключилъ онъ съ упорствомъ раздраженной ревности.

Русановъ былъ очень педоволенъ, и первая судорога постоянно дергала его щеку и придавала непріятное выраженіе его обыкновенно мягкому и симпатичному лицу. Эта судорога еще больше раздражала его. Онъ окончательно замолчалъ.

Вообще, вечеръ былъ испорченъ и скоро всѣ разошлись. Агаша становилась все страннѣе; ей, очевидно, было не по себѣ, и она постоянно пугливо взглядывала на Клеопатру, когда та смотрѣла на нее. Одинъ разъ она уже надѣла было шапочку, собираясь итти, но потомъ опять сняла и осталась.

— Агаша, что съ вами? — спросила Клеопатра.

— Ничего, Клеопатра Павловна, — быстро отвѣтила Агаша, опять пугливо взглянувъ на нее.

— Какъ ничего? Вы сами не въ себѣ... Скажите мнѣ, голубушка, если можете...

— Право, я не знаю... Я сама не понимаю...

— Чего вы не понимаете?

— Право... Я не знаю... Мнѣ такъ страшно какъ-то... — говорила Агаша и во всѣ глаза съ такимъ наивнымъ выраженіемъ недоумѣнія смотрѣла на Клеопатру, что послѣдняя ни на секунду не сомнѣвалась въ ея искренности, но не сомнѣвалась также и въ томъ, что она ей не въ состояніи ничего объяснить.

— Съ вами говорилъ Конрадъ? — спросила она.

— Да, говорилъ... Онъ много говорилъ мнѣ.

— Не сказалъ онъ вамъ чего-нибудь особеннаго?

— Нѣтъ, онъ такъ много говорилъ... Только я не могу всего передать... Говорилъ о своихъ братьяхъ и о сестрахъ... О своей жизни... Только я не понимаю... Такъ, мнѣ страшно какъ-то...

— Агаша, вы любите его? — тихо спросила Клеопатра, взявъ ее за руку.

— Нѣтъ... Да... Право, я ничего не понимаю, — въ испугъ вскочила Агаша.

— Ну, простите меня, дитя мое, что я васъ словно допрашиваю, — сказала Клеопатра, цѣлуя ее... — Но вы сами такъ безпоконтесь. Ложитесь, милая, и усните.

Агаша, дѣйствительно, скоро раздѣлась и легла, съ тѣмъ же ребяческимъ испугомъ, совсѣмъ закутавшись въ одѣяло, какъ будто она думала, что уже тутъ

никто больше не побеспокоитъ ея и пугать не будетъ.

„Господи, помилуй меня! Господи, помилуй!“ — прошептала она, не отдавая себѣ отчета, какъ нѣкогда шептала въ деревенской хибаркѣ, залѣзая на полати подъ старыи отцовскій тулупъ.

VIII.

Между тѣмъ Русановъ долго ходилъ по своему номеру, мрачно передумывая свои думы все о томъ же „процессѣ жизни“, который не давалъ забыться на минуту, не давалъ укрыться отъ себя никуда. Онъ видѣлъ, что этотъ „процессъ жизни“ врывается даже въ ихъ мирный уголокъ и налагалъ свою тяжелую печать на самыя заветныя упованія. Русановъ никакъ не ожидалъ, чтобы въ Никашѣ могло сказаться такъ много затаенной вражды къ тѣмъ, которые по убѣжденію были все такіе же „хорошіе люди“, какъ и онъ. Русановъ сильно былъ раздосадованъ Никашей въ этотъ вечеръ и внутренно краснѣлъ отъ негодованія каждый разъ, когда вспоминалъ о немъ. Русановъ чувствовалъ, что на душѣ его стало все мрачнѣе. Чтобы нѣсколько разсѣяться и освѣжиться, онъ вышелъ на улицу, хотя было уже около часа ночи.

Тихая, зимняя, безмолвная ночь лежала надъ Москвой, одна изъ тѣхъ морозныхъ, свѣжихъ и ядреныхъ ночей, которыя дѣлаютъ суровую зиму такую обаятельной для русскаго. Темное небо, сплошь усеянное мириадами звѣздъ, перепоясанное бѣлымъ звѣзднымъ поясомъ Млечнаго Пути, какъ будто уходило все дальше и дальше отъ земли въ темную надзвѣздную бездну. Воздухъ былъ чистъ, прозраченъ и какъ-то жгучъ; блестящая мелкая изморось искрилась около фонарей. Занимательныя деревья Тверскаго бульвара недвижно стояли въ глубокомъ снѣгѣ. Пѣшеходовъ почти не было уже. Только недалекъ поскрипывали по жесткому снѣгу шаги уныло и медленно ходившаго городского да изрѣдка сбоку провизжать полозья саней съ зашнурованной лошадежкой и согнувшимися отъ холода Валькой и съдокомъ.

Когда Русановъ подошелъ къ памятнику Пушкина, онъ чувствовалъ себя уже не только бодрѣе, но даже повеселѣвшимъ. Онъ какъ-то обрадовался этому новому настроенію. Увидавъ огни на углу

въ гостиницѣ, исключительно посѣщаемой запоздавшими кутилами и студентами и гдѣ ему самому иногда приходилось выпивать съ тѣми же студентами, онъ повернулъ къ ней. У крыльца стояли два извозчика, ожидавшіе „счастливаго“ съдока. Въ гостиницѣ народу было, видимо, немного. Въ первой залѣ сидѣлъ только какой-то мрачный господинъ съ большими усами и бритымъ подбородкомъ и лѣниво и сонно пилъ стаканъ за стаканомъ пиво. Русановъ спросилъ тоже пива и помѣстился въ этой же залѣ, гдѣ, по нвидимому, все дремало: дремали полуогашенные канделябры, дремали половые, дремалъ буфетчикъ и даже жиденькія поджарыя пальмы, стоявшія въ углахъ въ зеленыхъ кадושкахъ. Зато въ соседнемъ залѣ шелъ оживленный говоръ: кто-то спорилъ, кто-то смѣялся, кто-то дребезжалъ стаканами и бутылками. Русановъ долго не могъ, да и не хотѣлъ особенно разобратъ, о чемъ шла рѣчь въ веселой компаніи, какъ вдругъ раздался тонкій, рѣзкій, почти визгливый голосъ, покрывшій собою все прочіе голоса, которые скоро все смолкли совсѣмъ.

— Я говорю-съ, — кричалъ визгливый господинъ, видимо, силясь перекричать всѣхъ, — я говорю-съ, что болѣе печальнаго положенія трудно себѣ вообразить-съ... Какъ вамъ угодно-съ: я всегда говорилъ и говорю-съ!.. Мальчикъ-съ, у котораго еще молоко на губахъ не обсохло, не выдержавъ экзамена или поссорившись съ инспекторомъ, у насъ считаетъ себя въ правѣ щеголять пессимизмомъ, третируетъ en canaille восьмидесяти-милліонный народъ, о которомъ онъ даже по географіи порядочныхъ свѣдѣній не имѣетъ-съ... А позвольте узнать, что выходитъ изъ этихъ мальчиковъ въ тридцать лѣтъ-съ? Какое общество?.. Въ тридцать лѣтъ, когда собственно человѣкъ и долженъ былъ бы представить изъ себя умственную и нравственную силу-съ, когда... однимъ словомъ-съ, мы вмѣсто того видимъ-съ цѣлыя легіоны байбаковъ-господчиковъ, оскорбленныхъ якобы героевъ, которые заражаютъ воздухъ безнадежнымъ нытьемъ... Они даже-съ не въ состояніи помочь сами себѣ, лучшимъ изъ своихъ-съ, которые гибнутъ, съ женами и дѣтьми, на ихъ глазахъ-съ отъ позорной нужды-съ... Постыдитесь! Очнитесь! Настоящіе пессимисты умѣли, по крайней мѣрѣ-съ, умирать! — закончилъ ораторъ даже съ визгомъ, обращаясь къ кому-то.

„Пожалуй, онъ былъ бы правъ, если бы...“ — подумалъ было про себя Русановъ, отпивая глотокъ, какъ вдругъ стаканъ задрожалъ въ его рукѣ.

— Пошелъ вонъ!.. Вонъ отсюда, или я расшибу твою тупую, безмозглую, вагнеровскую башку! — вдругъ загремѣлъ звучный, сильный, но еще очень молодой голосъ.

Не было сомнѣнія, это былъ голосъ Конрада.

— Вы сумасшедшій, Кремлевъ! — пропичалъ визгливый голосъ.

— Пошелъ вонъ отсюда, или я тебѣ докажу, что Кремлевы умѣютъ лучше умирать, чѣмъ жить съ такими... ослами!

— Вы пьяны... Я не хочу имѣть теперь съ вами дѣла. Но вы мнѣ отвѣтите, Кремлевъ, отвѣтите! — провизжалъ низенькій господинъ, тонкій и юркій, въ золотыхъ очкахъ, съ большимъ носомъ, маленькими, мелкими шажками быстро проходя мимо Русанова въ швейцарскую.

Русановъ узналъ въ немъ Зобова, фельетониста одной маленькой московской газеты, постоянно тершагося среди молодежи.

Половые давно уже повскакали и стояли готовые на всякій случай въ дверяхъ залы.

Русановъ въ волненіи взглянулъ изъ-за нихъ на шумѣвшую группу, которая продолжала ожесточенно спорить. Одни доказывали, что Зобовъ правъ, другіе возражали. Между тѣмъ какъ Конрадъ, весь розовый, пошатываясь, съ бутылкой въ одной рукѣ, а другою поддерживая повисшую на его локтѣ молоденькую женщину съ усталыми глазами и блѣдную, стоялъ предъ столомъ и силился, кажется, произнести за что-то тостъ.

— Господа! За единственный... За единственный, господа!.. За единственный счастливѣйшій день, господа, какой можетъ быть въ жизни!.. Господа, пьемъ! — кричалъ онъ уже осипшимъ, но все еще нѣжнымъ юношескимъ голосомъ.

— Пей, Marie!

Русановъ, сурово нагнувъ брови, быстро подошелъ къ своему столу, наскоро расплатился и вышелъ вонъ.

На утро Русановъ, едва вставъ, тотчасъ же пошелъ къ Саввѣ узнать о Конрадѣ. Оказалось, что Конрадъ не ночевалъ дома уже двѣ ночи. Русановъ ничего не разказывалъ Саввѣ, только про-

силъ сказать Конраду, когда онъ вернется, чтобы тотъ непременно зашелъ къ нему. Но Конрадъ не пришелъ въ этотъ день.

На слѣдующее утро, за утреннимъ чаемъ, Русановъ, читавшій газету, вдругъ опустилъ ее и измѣнился въ лицѣ.

— Что съ вами? — спросила изумленная Клеопатра.

Скрывать было невозможно.

— Конрадъ застрѣлся, въ номерѣ, въ гостиницѣ... Но это, можетъ быть, ошибка, — прибавилъ онъ, совершенно увѣренный, что это очень могло быть.

Агаша, слабо вскрикнувъ, вскочила и замерла на мѣстѣ, съ выраженіемъ ужаса въ глазахъ; казалось, испугъ, который не покидалъ ея, достигъ теперь высочайшей степени.

Клеопатра Павловна сначала поблѣднѣла, замерла, даже не вскрикнула, не сняла со стола поблѣтѣвшую руку, но потомъ съ ней случилось что-то странное: она взглянула сердитыми, непріязненными глазами сначала на Агашу, потомъ на Русанова и медленно вышла изъ номера.

Русановъ побѣжалъ къ Кремлевымъ. У Саввы дверь была раскрыта настежь. Шубы, свалившіяся съ вѣшалки, валялись на полу. Въ залѣ толкался народъ и о чемъ-то, кажется, совершенно безсознательно хлопоталъ. Глашенька суетливо бѣгала изъ комнаты въ комнату. Савва ходилъ изъ угла въ уголъ, незамѣчая сновавшихъ ему подъ ноги дѣтей; тутъ же нянька и кухарка зачѣмъ-то топтались, вздыхая и заставляя дѣтей совершенно безъ толку переходить съ мѣста на мѣсто.

Тутъ были уже и Вуколь, и Аполлонъ. Вуколь, высокій и тонкій мужчина, лѣтъ сорока слишкомъ, въ черномъ сюртукѣ, застегнутомъ на все пуговицы вилоть до шен, на которой виднѣлся только черншій галстукъ, ходилъ медленно и осторожно, какъ будто боясь кого-нибудь побеспокоить, около стола и отъ времени до времени бралъ измятый номеръ газеты, пробѣгалъ внимательно прискорбное извѣстіе и снова начиналъ ходить, погруженный въ глубокое созерцаніе. Его взглядъ, жесты, движенія были мягки, плавны и какъ-то даже излишне предупредительны. Тѣмъ не менѣе, было замѣтно, что этотъ человѣкъ весь настолько поглощенъ внутреннимъ, совершающимся въ немъ процессомъ, что врядъ ли кто-либо могъ разсчитывать на его откровенность. Вообще,

несмотря на утрированную даже мягкость его движеній, голосъ и взгляды, онъ производилъ странное, нѣсколько какъ бы пугающее, впечатлѣніе; особенно это было замѣтно по дѣтямъ, которыя, сконфуженно ускользая отъ его ласки, совершенно свободно терлись около мрачнаго дяди Аполлона. А Аполлонъ былъ, дѣйствительно, мраченъ и какъ-то вызывающе спокоенъ. Онъ сидѣлъ въ креслѣ, бокомъ ко всѣмъ, въ старомъ, измятомъ и долго немытомъ парусинномъ пальто, несмотря на зиму, въ протертыхъ брюкахъ и сильно поношенныхъ штиблетахъ. Длинное, худое лицо его было желто и жестко, сѣрые глаза угрюмо стрѣляли исподлобья, но неуловимая иронія, проникавшая все существо его и придававшая лицу его нѣчто дѣтски-вызывающее, значительно смягчала впечатлѣніе отъ его „мрачности“. Онъ уже переходилъ на третье мѣсто, скрываясь отъ дѣтей Саввы, и, наконецъ, вскрикнулъ: „Это чортъ знаетъ что! Отъ твоего „Божьяго благословенія“ дѣваться некуда! И что за маіера держать дѣтей заодно съ серьезными людьми?“ Савва и Глашенька переконфузились не на шутку, но, должно быть, въ тонѣ Аполлона звучало такъ мало устрашающаго для дѣтей, что его негодованіе нисколько не помѣшало двоимъ изъ нихъ забраться снова къ нему на коѣбни.

— Ну, вотъ, я тебѣ говорилъ,—плаксиво началъ Савва, здороваясь съ Русановымъ,—вотъ и началось съ Кремлевыми.

— Полно!.. Вы ничего не знаете о Конрадѣ, что съ нимъ было до этого?

— Ничего.

Русановъ сталъ рассказывать все, что знаетъ о настроеніи Конрада за послѣднее время. Слушать рассказъ собрались всѣ чада и домочадцы Саввы... Вуколь слушалъ стончески-спокойно (было замѣтно даже это напряженіе). Аполлонъ равнодушно-спокойно. Савва все подергивалъ головой, какъ будто постоянно подтверждалъ, что это именно такъ все и должно было быть и что это ему и раньше было извѣстно. Давно уже слушалъ молча и Модестъ, оставившійся въ дверяхъ, въ ильковой шубѣ, съ бояркой и тростью въ рукѣ. Онъ слушалъ, какъ слушаетъ профессоръ на экзаменѣ студента.

Модестъ, несмотря на то, что онъ былъ старшій изъ братьевъ и что въ черной

бородѣ его сильно пробивалась сѣдина, былъ красивѣе всѣхъ, напоминая Анну. Это была одна изъ тѣхъ фizioномій съ печатно-благородной грусти, при видѣ которыхъ невольно думается: „да, этотъ господинъ пережилъ не одинъ любовный романъ!“

— Ну, вотъ, — сказала Савва, когда кончилъ Русановъ, — я тебѣ говорилъ...

Вуколь ничего не сказалъ.

Но Аполлонъ очень внятно и внушительно произнесъ: „Нечего сказать! Стоило родиться, чтобы доказать столь интересное положеніе!“

Модестъ аккуратно переносилъ свои холодно-внимательные глаза съ одного дѣлавшаго замѣчанія на другого. Наконецъ, онъ обвелъ всѣхъ быстрымъ взглядомъ и спросилъ:

— Однако, гдѣ же онъ теперь?

— На томъ свѣтѣ - съ! — сострилъ Аполлонъ.

— Нѣтъ, т.-е. тѣло...

— Я, право, не знаю,—замѣтилъ хлопотливо и растерянно Савва.—Все такъ неожиданно... Мы только сами узнали... Вѣдь, это должна полиція, что ли...

— Гдѣ эта гостиница?—спросилъ Модестъ.

Ему сказали.

— Я сѣзжу... Да прошу не говорить Аннѣ, — сказалъ онъ. — Положимъ, она все равно умретъ, но тѣмъ менѣе слѣдуетъ ей интересоваться тѣмъ, что дѣлается на землѣ,—прибавилъ онъ, улыбуясь и ушелъ.

Русановъ взялъ на себя порученіе отправить телеграмму старику Кремлеву.

Во весь этотъ день Клеопатра, видимо, избѣгала встрѣчаться съ Русановымъ и даже не интересовалась, что къ обѣду не пришла Агаша, и они отобѣдали вдвоемъ молча. Русановъ замѣтилъ, что выраженіе непріязни на ея лицѣ, казалось, такъ и застыло. Наступилъ вечеръ, а Агаша все не приходила. Русановъ начиналъ беспокоиться, когда вдругъ на столѣтѣ Агаши, въ номерѣ Клеопатры, замѣтилъ запечатанное письмо. Онъ передалъ его Клеопатрѣ. Та прочтала и не сказала ничего. На нее напалъ нервный столбнякъ. Она, попрежнему, сѣла на диванчикъ и стала смотрѣть неподвижно въ стѣну.

Агаша писала: „Простите меня... Я, ей Богу, ничего не могу сообразить, что

со мной дѣлается. Только мнѣ страшно... Только я не могу больше... Не кляните меня, неблагодарную... Я уйду къ маменькѣ“.

Перевертывая задумчиво это письмо въ рукахъ, Русановъ замѣтилъ другое, вѣдавшееся подъ столомъ и писанное рукой Конрада.

Онъ поднялъ и прочиталъ.

„Я васъ жду завтра. Будетъ вамъ малодушествовать! Тяжело видѣть сильную молодую натуру, ведущую какую-то растительную жизнь. И неужели вамъ ни разу не было тошно отъ постоянного сосѣдства сорокалѣтнихъ старичковъ, безвкусно перетрачивающихъ старье, въ которое извѣрились сами? Впрочемъ, объ этомъ я, кажется, достаточно толковалъ съ вами! Я не люблю повторяться. Слышите же! Я жду васъ на мой „праздникъ жизни“. Ахъ, какъ хороша хоть одна минута, но полная, захватывающая!.. Если не придете, да будетъ надъ вами вѣчно тяготѣть мое презрѣніе! Адресъ и время вамъ извѣстны“.

„Глупенькая! даже не сумѣла спрятать концы въ воду“,—подумалъ Русановъ въ первую минуту, но затѣмъ онъ почувствовалъ, какъ начинали выступать у него багровыя пятна на щекахъ, на лбу. Онъ инстинктивно сунулъ записку въ карманъ и быстро вышелъ, боясь, чтобы Клеопатра не вернула его и не потребовала это письмо.

Скоро онъ ушелъ изъ квартиры, со всѣмъ даже забывъ, что оставляетъ Клеопатру почти безпомощной. Онъ вернулся только къ ночи и измученный повалился на постель.

На третье утро послѣ смерти Конрада Русановъ и Клеопатра, молчаливые, угрюмые, избѣгая смотрѣть другъ на друга, сидѣли по угламъ чайнаго стола, когда

въ номерѣ Русанова послышался торопливый, тяжелый шумъ, тяжелое, прерывистое дыханіе; дверь настежь отворилась, и предъ изумленными до ужаса глазами Русанова и Клеопатры показалась фигура старика Кремлева. Въ медвѣжьей шубѣ, надѣтой на одинъ рукавъ, въ мерлушней шапкѣ на включенныхъ сѣдыхъ волосахъ, со сбитой на сторону, мокрой отъ инея, бородой, весь красный, безумно ворочая воспаленными глазами, старикъ, трясая толстой съ круглымъ набалдашикомъ палкой, закричалъ, едва переступивъ порогъ:

— Вы мнѣ отвѣтите за него!.. Отвѣтите! Клянусь истиннымъ Богомъ, отвѣтите!

Клеопатра вскрикнула, истерически зарыдала и въ первомъ припадкѣ откинулась къ стѣнкѣ кресла. Русановъ бросился къ ней, а старикъ между тѣмъ кричалъ:

— Отдайте моего сына! Отдайте... моего Конрада, Конрада... Мнѣ больше ничего не нужно... Ничего больше!..

И старикъ завылъ какъ-то: это были не то рыданія, не то стоны.

— Что я говорю?.. Я съ ума схожу... Умъ у меня мѣшается... Сударыня, простите меня... глупаго, сумасшедшаго старика! Простите, сударыня!—вдругъ сталъ онъ умолять, ползая на коѣняхъ предъ Клеопатрой и волоча за собой полы тяжелой шубы. Русановъ, уложивъ на постель Клеопатру, бросился къ старику, кое-какъ поднявъ его съ полу и усадилъ въ кресло.

Кремлевъ, безпомощно опустивъ голову на грудь, слабо и тихо нылъ и стоналъ. По лицу его и бородѣ лились слезы, изъ рта текла слюна, какъ у разбитаго параличомъ.

Русановъ невольно на секунду отвернулся, закрывъ лицо руками. Слезы душили его.

Конецъ Русанова.

I.

Тяжелый, старой конструкторки, колесный пароходъ „Елатъма“ не то что шелъ, а скорѣе пробирался, напряженно, неуверенно по Окѣ, каждая пять минутъ мѣняя курсъ: онъ то и дѣло лавировалъ между отмелями, то и дѣло слышалось громоханье по палубѣ постоянно передвижаемыхъ рулевыхъ цѣпей; то и дѣло дно парохода скользило по песку и чувствовалось напряженное пыхтѣніе паровика, силывшагося то переднимъ, то заднимъ ходомъ выбиться изъ песчаной пучины.

При каждомъ изъ такихъ пассажей съ пароходомъ въ каютѣ второго класса раздавались веселые остроты, хохотъ, перемѣшанныя восклицаніями и молитвами испуганныхъ, и затѣмъ непременно слѣдовалъ рядъ разсказовъ о пароходныхъ приключеніяхъ, въ родѣ того, какъ однажды вотъ „эдакимъ же манеромъ“ пришлось засѣсть, а потомъ, по приглашенію капитана, покорнѣйше „очистить“ и „облегчить“ пароходъ, прогулявшись въ бродъ на берегъ“, и т. п.

Во второмъ классѣ теперь, впрочемъ, было не особенно много пассажировъ: два купца, нѣсколько молодыхъ приказчиковъ, сѣденькій старичокъ-священникъ, два гимназиста и нѣсколько неизвѣстныхъ лицъ, повидимому, пароходныхъ служащихъ, которые давно уже, совсѣмъ по-домашнему, сняли съ себя все платье, вплоть до нижняго бѣлья, постлали по боковымъ диванамъ постели, закутались въ одѣяла и спали, совершенно равнодушные къ репримандамъ пароходнаго путешествія. Наконецъ, на среднемъ диванѣ, предъ столомъ съ чайнымъ приборомъ, освѣщеннымъ висѣщей съ потолка лампой, сидѣли другъ противъ друга два интеллигентныхъ господина: одинъ постарше, темно-русый, съ просѣдью въ длинныхъ жидкихъ волосахъ и въ такой же жидкой, узкой бородѣ, въ старой пуховой шляпѣ и драповомъ, сильно поношенномъ пальто, съ блѣднымъ, худымъ, вытянутымъ лицомъ и мягкими, задумчивыми глазами; другой—бѣлокурый, значительно моложе, лѣтъ около 25-ти, съ лицомъ не столь полнымъ, сколько здоровымъ, круглымъ и красивымъ, купеческаго типа, съ бѣлой кудрявой бородкой и карими, умными, по

нѣсколько раскосыми глазами, въ фуражкѣ нѣмецкаго покроя и гуттаперчевомъ пальто.

Было часовъ около десяти вечера, когда съ пароходомъ снова приключилась „оказія“.

— Святъ! святъ! святъ! Опять?! Ахъ ты, Господи, улечся не дадутъ!—сказалъ одинъ изъ купцовъ, только что начавшій снимать сапоги и укладываться. — Какъ же, господа, надѣвать опять, значитъ, сапоги-то?—спрашивалъ онъ, обращаясь къ публикѣ и подымая руку съ сапогомъ.

— Не безпокойтесь... Что вы? Укладывайтесь... съ Богомъ! Помолитесь покрѣпче и—на боковую... Вѣдь, это, чай, только-съ больше для остратки, чтобы Бога чаще вспоминали... Ха-ха-ха!—утѣшалъ купца одинъ изъ приказчиковъ.

— Ну, то-то,—сказалъ купецъ.—Да и то сказать: коли въ воду лѣзть придется, такъ еще оно свободнѣй налегкѣ-то!

— На что лучше-съ! Вотъ въ прошломъ году были случаи... — заговорилъ было другой приказчикъ.

— Э-э!.. Нѣтъ, должно быть, надо одѣться... Вишь-те деретъ какъ по дну-то... Это что же? Значитъ, заднимъ ходомъ теперича двинется?

— Такъ точно-съ... Заднимъ ходомъ обойдемъ, вздоху дадимъ ей, а тамъ ужъ — Господи благослови — полегоньку и впередъ двинемся,—утѣшалъ все тотъ же приказчикъ.

Но оказалось, что и задній ходъ помогать плохо; стащить съ мели стащили, но слишкомъ поспѣшно рванулись вбокъ, и опять врѣзались въ отмель такъ, что пароходъ накренило.

— Вотъ такъ чисто засѣли!.. Это еще плотикъ будетъ, чѣмъ прежде,—сказалъ кто-то.

Купецъ пересталъ уже смѣяться и торопливо одѣвался, шепча молитву. Старичокъ-священникъ боязливо озирался и истохо крестился; гимназистики перетрусили... На палубѣ поднялась бѣготня; слышно было, какъ ругался капитанъ на весь пароходъ; взбудораженные волны хлестали въ борта и окна. Половина пассажировъ изъ каютъ выбѣжала на палубу.

Только два интеллигентныхъ собесѣдника продолжали спокойно сидѣть за чайнымъ столомъ, поглядывая на происхо-

дившую суматоху, да какой-то юноша, худой, съ болѣзненно-грустнымъ лицомъ, смиренно и, повидимому, безучастно ко всему происходившему сидѣлъ невдалекѣ отъ нихъ на краю дивана и изрѣдка взглядывалъ на собесѣдниковъ.

— Право, въ Россіи все одно къ одному, — сказалъ блѣдный молодой собесѣдникъ, улыбаясь своему спутнику. — Да это и понятно: каждая страна на все кладетъ свой собственный отпечатокъ... Посмотрите, что выдѣлываетъ пародокъ: очевидно, онъ идетъ наобумъ, зря, ощупью... Фарватеръ не провѣренъ, капитанъ пьянъ, лоцманы невѣжи... А публика?.. Нигдѣ я не видалъ за границей такой публики: то она кричитъ, гогочетъ, шалки вверхъ бросаетъ отъ непонятнаго восторга, то, при малѣйшемъ замѣшательствѣ, начинается соваться изъ угла въ уголъ, ныть, креститься, творить молитвы, и каждый думаетъ единственно о спасеніи своей грѣшной души.

— Отчего же это, какъ вы думаете? — спросилъ господинъ съ просѣдою.

— Отъ непривычки къ жизни, отъ домошества, отъ косности... За границей совсѣмъ другое дѣло...

— Вы уже не разъ были за границей?

— Да. Я часто бываю тамъ.

— Скажите: дѣйствительно замѣтна рѣзкая разница между тойи нашей жизнью?

— Несомнѣнная, — воскликнулъ молодой человѣкъ, вскинувъ на собесѣдника свои свѣтлые, умные и загорѣвшіеся удовольствіемъ глаза. — Да вотъ возьмите хоть опять это сравненіе... Въдѣ и за границей такого рода приключенія не только не рѣдкость, но они тамъ чаще и далеко серьезнѣе... Вамъ извѣстно, конечно, какія тамъ бываютъ акціи и реакціи! — замѣтилъ онъ, тонко улыбувшись. — Но дѣло въ томъ, что эти акціи и реакціи, не смотря на ихъ напряженность, никогда не колеблютъ самыхъ основъ жизни, т.-е., я хочу сказать, не приводятъ въ замѣшательство, не производятъ стихійной и безалаберной сумятицы... Вы чувствуете — какіе бы громы не гремѣли въ воздухѣ — основной процессъ жизни не колеблется ни на минуту; онъ совершается неуклонно, могуче, энергично...

„Процессъ жизни!“ подумалъ про себя пожилой господинъ, и, улыбаясь своими мягкими, задумчивыми глазами, пристально смотрѣлъ на своего молодого собесѣдника. Онъ любовался имъ, любовался съ тѣмъ болѣзненнымъ и завистливымъ удо-

вольствіемъ, съ какимъ больной любитъ-ся здоровой, рѣзвой юностью. Надо отдать справедливость, молодой человѣкъ представлялъ настолько характерное явленіе, что не могъ не обратить особаго вниманія. Прежде всего, онъ писколько не походилъ на тѣхъ нашихъ заграничныхъ жуировъ, которые, сохранивъ въ неприкосновенности безпорядочность русскихъ культурныхъ правовъ, кичливо фырчутъ своимъ европеизмомъ въ носъ всякому встрѣчному. Его сдержанность, при всей рѣзкости выражений, самый сюртукъ, скромно застегнутый почти на всѣ пуговицы, и, наконецъ, полное, пѣсколько даже утрированное, самообладаніе, державшее его постоянно на сторожѣ, — все это говорило, что онъ человѣкъ особаго закала.

— Вы очень любите Европу? — спросилъ его пожилой господинъ.

— Да... То-есть собственно не Европу, а я люблю цивилизацію... Люблю и уважаю цивилизованнаго человѣка *вообще*... Люблю за его энергію, трудъ, самообладаніе, расчетливую экономизацію силъ, — за все то, чего, къ сожалѣнію, такъ мало у насъ, — опять съ тонкой улыбкой прибавилъ онъ.

— Но, можетъ быть, у насъ есть другія достоинства...

— Какъ ихъ не знать!.. Но... я очень, очень желалъ бы къ этимъ достоинствамъ прибавить... вотъ тѣ, которыя я вамъ пересчиталъ... Я люблю нашъ народъ, но ненавижу безсиліе, — отчетливо произнесъ молодой человѣкъ послѣднюю фразу, а въ его раскосыхъ глазахъ сверкнулъ огонекъ затаеннаго раздраженія.

Легкая судорога пробѣжала по лицу пожилого господина; онъ слегка поблѣднѣлъ и горькая улыбка искривила его губы. Но собесѣдникъ этого не замѣтилъ, а пожилой господинъ ничего не сказалъ, но зато сидѣвшій на краю больнои юноша приподнялся и пересѣлъ ближе къ разговаривавшимъ.

— Вотъ вамъ примѣръ, — продолжалъ прежнимъ, ровнымъ, деликатнымъ тономъ, очевидно, сдерживая себя, молодой человѣкъ, — возьмите нашего рабочаго и европейскаго... Вамъ, конечно, извѣстно, въ какомъ положеніи этотъ европейскій рабочій находится... А между тѣмъ онъ настолько же внимательно слѣдитъ за всѣмъ и даже участвуетъ въ рѣшеніи „собственного вопроса“, насколько, въ то же время, остается энергичнымъ, трудолюбивымъ, исполнительнымъ работникомъ... А

у насъ?.. Малѣйшая неудача,—и мужикъ теряетъ голову, впадаетъ въ апатію, все у него валится изъ рукъ, онъ портитъ работу, обманываетъ въ контрактахъ, плачетъ, поетъ... Да и одинъ ли мужикъ?

— Вотъ это основательно! Вотъ это вѣрно господинъ говоритъ! За что есть похвалить, такъ всегда похвалишь... Ну, ну! Разговаривай дальше, какъ тамъ, у пѣмцевъ-то.. Думалъ было заснуть, да, признаться, тебя заслушался,—неожиданно заявилъ купецъ, уже давно успокоившійся насчетъ оказіи съ пароходомъ и лежавшій вверхъ животомъ вблизи себе-ѣдниковъ, по другую сторону стѣны дивана.

При словахъ купца молодой человѣкъ непріятно поморщился, какъ будто поймавши себя на неумѣстной откровенности и неловкости.

— Вы, конечно, понимаете меня, что я собственно хочу этимъ сказать?—замѣтилъ онъ пожилому господину.

— Да, понимаю... Но, вѣдь, это все одно,—какъ будто про себя добавилъ пожилой господинъ.

— Да, вѣдь, и я понимаю! Ты что думаешь?—закричалъ и купецъ.—Понимаю, братъ, что все мы одного поля ягоды... Тоже и нашего брата малость распусти, онъ и раскисъ... Давай мертвую пить... Охъ, съ нашимъ братомъ держи ухо востро! Чуть поблажку сдѣлалъ—пропало!

Молодой человѣкъ улыбнулся и не сказалъ ничего. Подошелъ буфетчикъ собирать со стола посуду. Бѣлокурый господинъ продолжалъ молчать, хотя ему, очевидно, хотѣлось что-то досказать, какъ будто ему казалось, что его можно понять не такъ, какъ слѣдуетъ. Однако, онъ ждалъ, пока буфетчикъ не только унесъ посуду, но и стряхнулъ салфетку, поправилъ фитиль лампы, получилъ деньги, принесъ сдачу, и только уже увѣрившись, что буфетчикъ рѣшительно кончилъ съ ними всевозможныя съ его стороны операціи, бѣлокурый господинъ началъ говорить, но уже значительно понизивъ голосъ и не глядя на своего себе-ѣдника.

— Я все-таки наставляю на томъ, что надъ нами еще до сихъ поръ слишкомъ тяготѣютъ традиціи крѣпостного права,—началъ онъ, почему-то предполагая въ пожиломъ господинѣ молчаливаго своего оппонента.—Домосѣдство насъ загубило, прикрѣпощенность своему мѣсту, углу... Развѣ вы не замѣчаете, какою мы все

отличаемся позорною неподвижностью? Вы только представьте себѣ, что цѣлые легіоны мужиковъ гдѣ-нибудь въ Архангельской или Вологодской губ. даже самаго смутнаго представленія не имѣютъ о томъ, какой и какъ живетъ мужикъ въ Астрахани, въ Малороссіи; казанецъ не имѣетъ понятія о Бѣлороссіи, не говоря уже объ инородцахъ, о Сибири... Что ужъ говорить о мужикѣ! Возьмите самые культурные наши классы,—они-то имѣютъ ли, кромѣ какъ изъ учебника по географіи, какое-нибудь представленіе о живыхъ, не отвлеченныхъ, а живыхъ своихъ собратьяхъ, раскинутыхъ по отдаленнѣйшимъ окраинамъ.

— Что касается культурныхъ классовъ, да и народа, пожалуй,—замѣтилъ пожилой господинъ,—то, вѣдь, существуютъ общія психическія, такъ сказать, характеристики, которыя при извѣстныхъ условіяхъ болѣе или менѣе аналогичны, однородны...

— Да, вѣдь, это все отвлеченные представленія!—раздраженно возразилъ бѣлокурый господинъ, повидимому, задѣтый за больное мѣсто.—Живого человѣка мы не знаемъ... А живой человѣкъ конкретен понимается только въ живомъ общеніи, только... А у насъ живой человѣкъ въ Архангельскѣ представляетъ собой нѣкоторымъ образомъ лермонтовскую сосну, которая „дремлетъ, качаясь“ и платонически вздыхаетъ о пальмѣ, изнывающей гдѣ-то тамъ, въ Каменецъ-Подольскѣ... Умственный и нравственный голодъ такъ же ужасенъ для націи, какъ и голодъ физическій... Мы еще недостаточно развились до сознанія этой истины... Мы, напрямѣръ, додумались (т.-е. собственно изъ Европы взяли), что желѣзными дорогами мы очень удобно можемъ залежавшійся въ Одессѣ хлѣбъ двинуть въ голодающую Пинегу и спасти ее, но что такія же желѣзныя дороги необходимы для живого умственного и нравственного общенія, до этого... Мы даже, видите ли, все это находимъ антинаціональнымъ! Мы копаемся каждый въ своемъ муравейникѣ... Въ углу этомъ душно, плохо, затхло... Все наши усилія сдѣлать что-нибудь въ пень оканчиваются вздоромъ... Мы доходили до невѣроятныхъ нравственныхъ жертвъ—и только обезсиливали себя... Мы въ этихъ углахъ топимся, вѣшаемъ, стрѣляемся, воображая, что на нашихъ уголкахъ весь міръ клиномъ сошелся.

Бѣлокурый господинъ замолчалъ, облокотился на столъ и сталъ нервно вертѣть между пальцами папирсницу. Его возбужденное лицо пылало широкимъ румянцемъ во всю щеку, а раскосые глаза, немного прищуренные, блестѣли раздраженно-иронически.

Пожилой господинъ, попрежнему, задумчивыми глазами продолжалъ любоваться своимъ собесѣдникомъ; только онъ теперь никакъ не могъ объяснить себѣ такого неожиданно-страстного его возбужденія; ему казалось даже, что его собесѣдникъ собственно говорилъ вовсе не для него; въ особенности это стало замѣтнѣе по мѣрѣ того, какъ юноша, сидѣвшій вдали отъ нихъ, подвигался къ нимъ все ближе и вслушивался все внимательнѣе. Ему даже казалось, что бѣлокурый молодой человѣкъ, хотя и не оборачивался назадъ и все время обращался въ разговоръ къ нему, чувствовалъ, однако, за своей спиной даже самое дыханіе болѣзненного юноши.

— Жизнь—штука суровая, — проговорилъ бѣлокурый господинъ опять улыбаясь пожилому своему собесѣднику блестящими насмѣшливой ироніей глазами (и опять пожилому господину показалось, что эта улыбка предназначалась собственно вовсе не для него).

— Да, суровая, — продолжалъ онъ. — Нужно быть сильнымъ.

— Но если я... если кто не можетъ? — спросилъ пожилой господинъ и вдругъ весь вспыхнулъ и смутился какъ школьникъ.

Это смущеніе замѣтилъ и бѣлокурый молодой человѣкъ и въ изумленіи взглянулъ на своего пожилого собесѣдника: такимъ страннымъ, дѣтскимъ выраженіемъ дѣйствительнаго безсилія свѣтилось это лицо, изборожденное морщинами и складками. Бѣлокурый молодой человѣкъ еще соображалъ, какъ отвѣтить, какъ предъ обоими собесѣдниками вдругъ остановилась худая, высокая фигура болѣзненного юноши. Опершись руками о столѣикъ, какъ будто ему тяжело было сдерживать свое худощавое тѣло, съ сверкавшими болѣзненно-лихорадочнымъ огнемъ глазами, смотрѣвшими изъ глубокихъ впадинъ, онъ почти сердито, какъ смотреть больные на недоѣвшаго врача, остановилъ свой взглядъ на молодомъ бѣлокуромъ человѣкѣ и повторилъ тихимъ, слабымъ, но внушительнымъ голосомъ:

— Да... если кто не можетъ?.. Вотъ ты тутъ долго говорилъ... Все это пре-

красно... Очень хорошо...—Ну, а если... кто не можетъ?

— Ты, пожалуйста, только не волнуйся, — съ предупредительностью сидѣлки къ больному сказалъ бѣлокурый молодой человѣкъ, слегка дотрогиваясь рукой до плеча юноши.

— Я не волнуюсь... Тебя спрашиваю не одинъ я: если кто не можетъ? — опять повторилъ юноша, продолжая упорно смотрѣть въ глаза своего товарища.

Чувство непріятнаго раздраженія охватывало бѣлокураго молодого человѣка, но онъ, видимо, сдерживался и молчалъ, лихорадочно сдувая пепель съ сигары.

Пожилой господинъ не спускалъ глазъ съ юноши: такъ поразительно рѣзокъ былъ контрастъ между нимъ и цвѣтущимъ, крѣпкимъ, коренастымъ бѣлокурымъ собесѣдникомъ. Юноша все стоялъ, опершись на столъ, какъ воплощеніе полнаго безсилія, съ блѣднымъ лицомъ, на которомъ только пятнами вспыхивалъ румянецъ; русые длинные волосы выбивались волнистыми космами изъ-подъ шляпы; бѣловатые усы и борода только что показывались на свѣтъ Божій; весь костюмъ его, очевидно, былъ цѣпный, но онъ висѣлъ на немъ, какъ на вѣшалкѣ, да и юноша, кажется, мало обращалъ на него вниманія: нѣсколько пуговицъ на пальто висѣло полуоторванными на ниточкахъ, одинъ рукавъ былъ испачканъ въ дегтѣ, на воротникѣ глаженной сорочки не было галстука.

Бѣлокурый молодой человѣкъ продолжалъ молчать.

— Вы признаете какъ будто право на жизнь за одними сильными... Но есть же и право безсильныхъ? — спросилъ пожилой господинъ, настолько же желая, кажется, разрѣшить какую-то внутреннюю собственную тревогу, насколько помогая выйти изъ затрудненія обоимъ молодымъ людямъ.

— Какое такое право безсильныхъ? — спросилъ бѣлокурый человѣкъ, не поднимая глазъ и продолжая нервно курить. — Я не знаю... Есть одно общее право у всѣхъ—право стать сильнымъ... Вы объ этомъ говорите?

Глаза юноши блестѣли все больше и онъ лихорадочно переводилъ ихъ съ одного собесѣдника на другого.

— Нѣтъ, — сказалъ задумчиво пожилой господинъ. — Я хочу сказать: если имѣть право на жизнь сильный, то отчего не имѣть этого права безсильный?... Простого права жить...

— Такого правантъ, не можетъ быть... и не должно быть, — какъ-то проворчалъ сквозь зубы молодой блѣлокурый человѣкъ, быстро туша сигару, и затѣмъ, вынувъ изъ саквояжа гуттаперчевую подушку, сталъ усиленно надувать её. Его раскосые глаза свѣтились все большимъ раздраженіемъ, а надутыя щеки стали красны какъ кумачъ. — Жизнь дѣло суровое, — прибавилъ онъ, затыкая подушку пробкой, — и это ужъ не наша вина... Станемъ всё сильны — и тогда всё получимъ право жить, — прибавилъ онъ еще, уже веселѣе, поднимаясь и съ улыбкой взглядывая на пожилого господина и юношу.

— А до тѣхъ поръ... если кто не можетъ, — спросилъ глухо юноша, — умереть?

Блѣлокурый молодой человѣкъ, все еще улыбаясь, пожалъ иронически плечами, взглянулъ сначала на внезапно смущеннаго и поблѣднѣвшаго пожилого господина, затѣмъ на юношу, у котораго румянецъ выступилъ во всю щеку, и, съ тайной неприязнью сильнаго человѣка къ безсилію своихъ ближнихъ, проговорилъ: „Намъ трудно понять другъ друга“.

— Виновать, — прибавилъ онъ, бросая подушку въ изголовье и разстлалая пледъ, — я васъ утомилъ... Пора отдохнуть.

Онъ легъ на диванъ, вытянулъ сначала ноги, затѣмъ руки, наконецъ, потянулся весь своимъ коренастымъ корпусомъ, какъ будто наслаждался переливами крови въ здоровыхъ мускулахъ, и закрылъ глаза, сложивъ крестомъ на груди руки.

Блѣдный юноша, съ секунду постоявъ около него, какъ тѣнь медленно прошелъ къ своему мѣсту и, свернувшись суркомъ, прикорнулъ къ уголку дивана.

Пожилый господинъ долго, молча, слѣдилъ за нимъ, потомъ опустилъ голову и задумался. Этотъ пожилой господинъ былъ Русановъ.

II.

На пороходѣ все уже давно успокоилось; давнымъ-давно храпѣлъ на всю каюту купецъ; ему разнобразными носовыми свистками подтягивали приказчики. Только сѣденькій старичокъ — священникъ что-то долго не рѣшался ложиться, но вотъ и онъ, тщательно помолвившись, улегся. Наконецъ, и самъ буфетчикъ, съ выраженіемъ человѣка, неуклонно исполнившаго свой долгъ и потому имѣющаго право смотрѣть на всёъ съ высоты нѣкотораго величія, методически и неторопливо началъ от-

стегивать подтяжки, снимать штаны, сапоги. Эта методичность исполнившаго свой долгъ человѣка и несокрушимая уравнищенность какъ-то странно занимали вниманіе Русанова: онъ чувствовалъ, какъ его напряженная душевная тревога смиралась подъ этой методичностью; ему становилось легко, сердцебилось ровнѣе, мозгъ заснулъ. Онъ прослѣдилъ всю операцію раздѣванья буфетчика до конца. Прежде чѣмъ лечь, буфетчикъ долго сидѣлъ на своей постели, равнодушно поглядывая на Русанова; потомъ онъ быстро повернулся къ нему задомъ, какъ бы желая окончательно подавить его равнодушіемъ человѣка, исполнившаго свой долгъ, закутался съ головою въ одеяло и тотчасъ же уснулъ, какъ мертвый, не пошевелившись ни однимъ членомъ. „Вотъ и опять я одинъ!“ — съ улыбкой подумалъ Русановъ, какъ будто искренно сожалѣя, что даже буфетчикъ съ такимъ равнодушіемъ повернулся къ нему спиной.

Онъ поднялся, медленно оглянулъ погруженную въ сонъ каюту и вдругъ вздрогнулъ: изъ противоположнаго угла, въ которомъ, какъ ему казалось, мирно успокоился свернувшійся суркомъ юноша, на него внимательно смотрѣли изъ глубокихъ впадинъ два блестящихъ глаза. Образъ юноши съ блѣдными щеками, съ безсилно двигающимися членами внезапно всталъ предъ нимъ и, какъ бы протягивая къ нему руки, шепталъ: „Умереть? Да?..“ Русановъ почувствовалъ, какъ какія-то старыя, знакомыя ощущенія охватили всю его душу, — ощущенія любви, сожалѣнія, участія; онъ чувствовалъ, что какая-то невидимая сила тянетъ его къ юношѣ; ему такъ страстно хотѣлось бы приблизить къ себѣ эту юную душу, вызвать въ ней довѣріе къ себѣ, проникнуть въ тайну этого молодого существованія и затѣмъ... „Нѣтъ, нѣтъ!“ — быстро, почти вслухъ, проговорилъ Русановъ, весь вскинувшись, и съ ужасомъ отвернувшись, избѣгая взгляда юноши, чувствуя, какъ ознобъ пробѣгалъ по его головѣ и какъ гнетущіе образы изъ недавняго прошлаго будто встаютъ одинъ за другимъ въ его воспоминаніи. Ему стало жутко.

Онъ поспѣшно поднялъ огонь лампы, вынулъ изъ кармана письмо и, какъ будто нища въ немъ спасенія, принялся внимательно читать. Это письмо было получено Русановымъ наканунѣ отъѣзда изъ Москвы. Онъ вспомнилъ, что письмо явилось тогда очень не кстати, что, только пробѣжавъ

первыя строки письма, онъ уже раздраженно бросить его на столъ и съ тѣхъ поръ о немъ не вспоминалъ. Теперь онъ, какъ человѣкъ, „покончившій со всѣмъ (такъ ему казалось), со всѣмъ *прежнимъ*“, могъ, какъ думалъ онъ, прочесть письмо хладнокровно и внимательно. Вотъ что писалъ ему старый пріятель, съ которымъ онъ пѣкогда началъ было оживленную переписку.

„Что же это ты смолкъ, старый дружище? Живъ ты или, можетъ быть, *смирно* поконился на Ваганьковскомъ, какъ многіе изъ нашихъ, о смерти которыхъ всегда какъ-то нашъ братъ узнаетъ не раньше, какъ спустя годъ или два, и то случайно? Впрочемъ, ты, можетъ быть, обидѣлся, что я въ отвѣтъ на твои письма подтрунилъ надъ твоей проповѣдью *смирнія* и даже подсадовалъ на тебя за измѣну своимъ? Напрасно. Я очень былъ радъ твоимъ письмамъ. Среди нашей уѣздной скуки, съ безконечнымъ винтомъ и другими безобразіями, они доставляли мнѣ, признаюсь, истинное удовольствіе. А этотъ „учительный“ тонъ и потомъ несомнѣнный, дружище, талантъ, съ которымъ ты описываешь разныя сценки изъ жизни *нашихъ*, право, отъ души меня забавляли! А что бы тебѣ, въ самомъ дѣлѣ, въ литературу пуститься? Можетъ быть, и объ насъ бы словечко замолвилъ... Пора намъ, въ самомъ дѣлѣ, и самихъ себя вспомнить! Пиши же! Ну, а насчетъ *смирнія*, извини, другъ мой. Это еще мы посмотримъ... Гордости въ тебѣ нѣтъ, благородной обиды ты не чувствуешь! Это была всегдашняя твоя слабость, впрочемъ... Да, еще посмотримъ... Скажу тебѣ откровенно: вотъ я теперь занимаю, другъ, казенное мѣсто, спокойное, безгрѣшное, не требующее напряженія ни ума, ни совѣсти (по акцизному вѣдомству), играю въ винтъ по вечерамъ, а больше сижу въ халатѣ дома, почитываю газетки и, признаюсь, съ величайшимъ удовольствіемъ слѣжу, какіе это выкрутасы выдѣлываетъ та тѣлѣга, которую ты возвышенно называешь „процессомъ жизни“! Посмотримъ, далеко-ли укачетъ!... Твой Страховъ“.

Русановъ съ напряженнымъ вниманіемъ дочиталъ письмо и ему стало смѣшно, грустно и больно. „Что это: смерть, которая силится улыбнуться своими костистыми челюстями?“—подумалъ онъ, и ему представился кабинетъ его пріятеля, диванъ и на немъ, поджавъ ноги, въ халатѣ, безобразный, ехидно улыбающійся скелетъ,

съ голымъ желтымъ черепомъ. Русановъ невольно взглянулъ въ уголокъ каюты, и оттуда тоже смотрѣли, казалось, одни глубокія впадины, вмѣсто глазъ. Онъ раздраженно засунулъ письмо въ портъ-напье и, не обертываясь, надивнувъ плотнѣе на голову шляпу, быстро вышелъ на палубу.

Палубная сѣрая публика тоже спала, валяясь кое-какъ по лавкамъ и полу. На него никто не обратилъ вниманія. Даже прислуга пароходилъ—и та спала, прикорнувъ кое-какъ около машинной трубы. Только бодрствовалъ рулевой, изрѣдка поворачивая рычагъ, да лопмалъ время отъ времени монотонно выкрикивалъ „пять! шесть! пять! шесть!“.

На палубѣ было холодно и сыровато. Свѣжій, влажный вѣтеръ порывисто обдувалъ ее, нанося мелкую водяную пыль отъ колесъ. Темная, съ той особой прозрачностью, которая свойственна весеннему воздуху, тихая ночь висѣла надъ Окой. Рѣдкія, мелкія звѣздочки мелькали кое-гдѣ въ безграничной темной дали. Сплошной, однообразной пеленой окутывалъ мракъ всю окрестность и только на краю горизонта, сзади парохода, чуть брежила тонкая полоска догорающей зари. Полная, беззвучная тишина царилъ кругомъ—и на водѣ, на отлогихъ берегахъ, и на самомъ пароходѣ, который шелъ, мѣрно разсѣкая воду, какъ заколдованный; даже монотонные, шипящіе звуки отъ колесъ, кипятившихъ волны, и размѣренные крики лоцмана не нарушали общей гармонической тишины.

Русановъ, облокотившись на бортъ, неподвижно и упорно смотрѣлъ на темныя волны, съ изумительнымъ однообразіемъ поглощавшія одна другую и песнясь ему навстрѣчу. Онъ чувствовалъ, какъ это царство соннаго, однообразно-механическаго движенія захватывало и его своими умиряющими чарами: исчезла порывистая раздражительность, сердце билось въ тактъ съ прибоемъ волнъ о носъ парохода.

„Догорѣла!“ подумалъ онъ, когда исчезъ съ горизонта послѣдній отблескъ потухшей зари, и ему стало грустно, и въ его воспоминаніи понеслись легкія, меланхолическія тѣни знакомыхъ образовъ: вотъ юный Конрадъ мелькнулъ съ своими черными, задумчивыми глазами и кивалъ ему головой; за нимъ Аполлонъ, мрачный, желтый, съ своей иронически-грустной и скорбной улыбкой; Анна, вся укутанная въ бѣлое покрывало, теперь величаво-спокойная, съ триумфомъ побѣды въ большихъ черныхъ глазахъ, съ

маленькой дѣвочкой съ черными кудрями, сидѣвшей на рукахъ матери и прильнувшей къ ея плечу... А вотъ худенькое, все прозрачное, сухое существо, съ жидкими, подрѣзанными волосами, въ бѣломъ кружевномъ чепчикѣ, съ сурово-серьезнымъ и какъ будто сердитымъ выраженіемъ на исхудаломъ, истомленномъ лицѣ... „Хорошо! Хорошо!.. Не извиняйтесь... Я васъ понимаю... Благодарю васъ“, шепчетъ она, не открывая блѣдныхъ, безкровныхъ губъ. Это—Клеопатра. Онъ именно такую видѣлъ ее наканунѣ ея смерти, въ сыроватомъ, грязненькомъ номеркѣ „Карса“, на желѣзной кровати, скорчившеюся, какъ больной ребенокъ, подъ несообразно-толстымъ байковымъ „номернымъ“ одѣяломъ. Еще раньше она ему какъ-то говорила: „Отчего это такъ хочется умереть тамъ, гдѣ родилась? А у меня такая была славная, теплая, большая, сухая дѣтская, съ тяжелыми драпри на окнахъ (этнхъ противныхъ колесъ не было слышно вовсе и вотъ этого ужаснаго лязганья подъ ихъ ударами желѣзной рѣшетки надъ водотводной трубой!). Я помню, мнѣ очень нравилась большая изразцовая, съ лѣпными украшеніями, печь и каминъ... И надъ нимъ всегда стояли двѣ вазы съ свѣжими цвѣтами. Это каждое утро мнѣ мама ставила... Потомъ у меня была бопна швейцарка, маленькая, но съ такимъ большимъ, горбатымъ носомъ, ходившая всегда въ короткой юбкѣ, изъ-подъ которой виднѣлись синіе чулки... И такая была веселая и болтливая старуха!.. Бывало, она каждый вечеръ, уперевъ руки въ бока, скакала со мной по цѣлымъ часамъ, а папа и мама смотрѣли на насъ... Мнѣ такъ напоминали ея нѣкоторые фламанскіе жанры...“ Но, однако, Клеопатра, умирая, была сурова. Она только сказала: „Потрудитесь передать мнѣ мой ридикюль и флаконъ... Благодарю васъ!“ А у самой губы были блѣды и дрожали. Потомъ онъ помнитъ, какъ его поразило ея худое, все высохшее тѣло, безъ мышцъ, безъ крови, съ плоскою, какъ доска, грудью, съ желтымъ, сморщеннымъ старческимъ лицомъ, когда толстый, жирный Катай, схвативъ ея тѣло въ охапку, сунулъ въ гробъ. „Полвѣка прожила барыня, а посмотрѣть не на что!“ сказалъ онъ съ замѣтнымъ досадливымъ сожалѣніемъ къ такому вопіющему воплощенію человѣческаго безсилія. Потомъ онъ помнитъ, какъ „жиличку“ въ то же утро

поспѣшно „стационари“ на дроги, какъ тогда же Катай принялся выкуривать укусомъ изъ сыроватаго номерка даже самый воздухъ, которымъ нѣкогда это существо дышало, торопясь замести всякій слѣдъ его. Потомъ двѣ заморенныя клички „поволокли“ это миниатюрное тѣло на расшатавшихся дрогахъ по грязнымъ улицамъ Москвы, почти одинокое... А когда любопытные спрашивали возницу о скромной покойницѣ, онъ лаконично отвѣчалъ: „Жиличка! жиличка изъ номеровъ!“ Потомъ Русановъ долго стоялъ около ея свѣжей могилы, увязая по колѣни въ мокрой отъ весенней распутицы глинѣ. Холодноватый вѣтеръ раздражительно трепалъ его волосы, мелкій дождь щекоталъ лицо, забирался подъ галстукъ. По небу быстро неслись, какъ дымъ, разорванные облака, сквозь которыя иногда, на мгновеніе, проскальзывалъ солнечный лучъ. Дождь мелкой пылью крутился около него, застилалъ все вокругъ туманной пеленой. Русановъ слѣдилъ, какъ свѣжій холмикъ на могилѣ расплзался, таялъ, проваливался на его глазахъ. Еще нѣсколько часовъ—и отъ него не останется слѣда. Русановъ пошатнулся, жгучія рыданія душили его, и онъ помнитъ, что чуть не упалъ въ эту липкую глину на колѣни, предъ прахомъ этой жертвы суроваго процесса жизни.

„Могилы, могилы!“—шепталъ Русановъ и смотрѣлъ въ безграничную даль полупрозрачныхъ сумерекъ весенней ночи, гдѣ только изрѣдка сверкали отдаленные огоньки сторожевыхъ теплинъ. И ему казалось, что пароходъ торопливо уноситъ его въ безграничный мракъ вѣчнаго покоя и забвенія.

„Вѣдь и тамъ, куда я ѣду, для меня тоже только одніѣ могилы... тамъ, на этой моей родинѣ... Это вотъ уже мои, мои родные луга. Пройдетъ еще два часа, и я буду „тамъ, гдѣ я рожденъ“. Но къ кому я постучусь тамъ, въ родной деревнѣ? Кто приметъ меня, кто пуститъ только на одинъ ночлегъ? Съ кѣмъ осталась у меня тамъ—хотя какая-нибудь связь? Знаю ли я хоть чье-нибудь имя? А мое? О, оно, вѣроятно, давно уже стерлось тамъ, какъ гербъ на истертой полущкѣ... Десять лѣтъ! Уже если десять лѣтъ назадъ, — думалъ Русановъ, между тѣмъ какъ дрожь пробѣгала по его кожѣ при воспоминаніи о холодномъ могильномъ „одиночествѣ“, которое испыталъ нѣкогда онъ, „заподозрѣнный ба-

ринъ“, въ своемъ собственномъ барскомъ домѣ,—ужъ если десять лѣтъ назадъ, когда я былъ „силенъ“ еще; когда... Что же теперь для этой родины я, безцѣльный? Умереть?—спросилъ онъ себя, поблѣднѣвъ, и ему показалось, что это спросилъ не его голосъ. Онъ вздрогнулъ и обернулся. Не вдалекѣ отъ него, также облокотившись на бортъ парохода, стоялъ болѣзненный юноша и внимательно слѣдилъ за нимъ большими, блестящими глазами. Встрѣтившись взглядами, они оба тотчасъ же смущенно отвернулись другъ отъ друга и стали напряженно глядѣть въ сумрачную, лежавшую предъ ними даль рѣки. Но Русановъ чувствовалъ, что какая-то таинственная, непонятная, странная связь должна существовать между нимъ и этимъ юношей. Смутно какъ будто сознавалъ это и юноша, и въ то же время что-то стояло между ними и не давало имъ сблизиться. Они продолжали молча неподвижно сидѣть недалеко другъ отъ друга, кажется, чувствуя каждое дыханіе груди, каждое бѣшеніе сердца одинъ у другого.

А между тѣмъ, впереди нихъ, на востока, уже прорѣзывалась на краю горизонта свѣтлая полоса утренней зарни, то исчезая, то вновь вспыхивая, какъ будто борясь съ мракомъ и разгоняя кучившіяся надъ нею и постоянно заслонявшія ее гряды облаковъ.

III.

Половина неба уже была охвачена блѣловато-розовыми лучами разсвѣта, гнавшими предъ собою, вмѣстѣ съ сумракомъ ночи, и веревницы разорванныхъ облаковъ, когда вдали начала показываться пристань. Сквозь туманъ, клубившіяся надъ засеребрившеюся рѣкой и зазеленѣвшими лугами, рѣзкими очертаніями вырисовывался крутой, гористый берегъ.

Вдругъ пароходъ зычно загудѣлъ надъ самымъ ухомъ Русанова, весело вымахнувъ кверху высокую струю пара, и дерзко нарушилъ торжественное молчаніе еще спавшаго утра. Гулко, пронзительно и тяжело пронесло эхо этотъ звукъ—и какъ будто именно этого только оклика и ждала охваченная чарами сна окрестность.

Пароходъ кричалъ все упорнѣе, все сильнѣе. Ему, казалось, самому стало весело отъ своего зычнаго крика, и вотъ онъ, прибавивъ паровъ, пошелъ бойчѣе, увѣреннѣе, огибая песчаную косу отло-

гаго противоположнаго берега. Проснувшись жизнь и на пароходѣ. На трапѣ появился капитанъ; палубные пассажиры, крестясь, приподнимались.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ скалистая стѣна берега достигаетъ наибольшей высоты и переходитъ почти въ гору, пароходъ пошелъ тише и, наконецъ, присталъ къ „конторкѣ“.

Наверху горы лѣпились избушки деревеньки; самую грудь склона прорѣзывала узкая ложбина, вся заросшая зеленымъ дубякомъ, между которымъ вилась узкая дорога къ самой вершинѣ. Внизу, какъ будто нѣжась въ лучахъ разсвѣта, сонно колыбалась подернутая легкою рябью рѣка. Первые солнечные лучи ударили прямо въ вершину горы и она зардѣлась розовымъ огнемъ. Прозрачный воздухъ былъ свѣжъ, здоровъ, пахучъ. Русановъ обернулся назадъ: за рѣкой, на противоположной сторонѣ, лежала безграничная зелень поймы.

Какъ ни мрачны были починны думы и видѣнія Русанова, но и онѣ разсѣялись и растаяли, какъ бѣловатый туманъ поймы, и Русановъ какъ-то невольно, въ умиленіи, снялъ шляпу и вздохнулъ всею грудью, какъ уже давно не вздыхалъ.

Мимо него сходили на берегъ пассажиры и входили новые. Вотъ быстро прошелъ бѣлокурый его собесѣдникъ, съ саквояжемъ, и слѣдомъ за нимъ юноша, который показался теперь Русанову значительно бодрѣе и здоровѣе, чѣмъ въ полутьмѣ парходной каюты, и даже глаза его не сверкали такъ злобѣще. Молодые люди, проходя мимо него, съ улыбкой приподнимали шляпы и быстро побѣжали по качающимся сходямъ на берегъ. Русановъ, спустившись въ каюту и захвативъ вещи, сошелъ вскорѣ вѣдѣ за ними. Но когда онъ, пройдя черезъ „конторку“, спустился на землю, молодые люди уже сидѣли въ большомъ старинномъ тараптасѣ. Пара вороныхъ здоровыхъ жеребцовъ, ловко затянутыхъ вожжами бойкими молодыми ямщиками, круто подхватили экипажъ и, раздувая красныя ноздри, азартно помчали вверхъ на самую крутизну ската.

„Неужели это купцы?“ подумалъ Русановъ, нѣсколько какъ будто изумленный этимъ обстоятельствомъ, между тѣмъ какъ его окружили ямщики.

Родная деревня Русанова не близко, верстъ на 18, была отъ рѣки, путешествіе по которой онъ предпочелъ желѣзной дорогѣ.

Лошади бѣжали бойко, ямщикъ былъ веселый, и свѣжее, розоватое, пахучее весеннее утро разсѣяло въ воспоминаніи Русанова даже маленькія дорожныя непріятности. Можетъ быть, онъ вполне отдался бы наслажденію чарующей прелести родного пейзажа; если бы довольно скоро не пришла ему въ голову одна мысль, которая, послѣ тѣхъ таинственно-фантастическихъ и напряженныхъ бредней, которыя терзали его ночью на пароходѣ, изумила его своей реальной простотой. Да и мысль была не повал, — она уже явилась ему и раньше, но она тогда какъ-то скользнула мимоходомъ только.

„А въ самомъ дѣлѣ, къ кому я ѣду? — спросилъ самъ себя Русановъ, бросая окурокъ сигары. — Вѣдь, ужъ у меня тамъ, кромѣ могилъ, ничего и никого нѣтъ! Давнымъ-давно мною порваны всѣ связи, какія были тамъ, въ *моей* деревнѣ... Да и были ли онѣ у меня? Вѣдь, тѣ, *старыя* связи были не мною заложены, а дядей, матерью... и онѣ уже, конечно, давно умерли вмѣстѣ съ тѣми, *старыми* людьми... А гдѣ и съ кѣмъ мои связи? Я убѣждалъ изъ своей деревни, убѣждалъ огорченный, разобиженный. Положимъ, мнѣ было, дѣйствительно, обидно, тяжело, больно, но, вѣдь, что жъ изъ того? Вѣдь, не могъ же я, однако, предположить, что если я, интеллигентный баринъ, всегда имѣлъ и имѣю возможность *бѣжать* отъ того, что мнѣ непріятно, то и деревня тоже убѣжитъ куда-нибудь отъ разныхъ „умственныхъ“ чадъ своихъ въ родѣ страшнаго Кабанова (при этомъ воспоминаніи невольное чувство глубокаго отвращенія, обиды и непріязни вдругъ больно зашевелилось въ груди). Нѣтъ, ей, *моей* деревнѣ, некуда бѣжать, и силъ у нея нѣтъ. Да и куда убѣжить она отъ Кабановыхъ, когда это ея собственныя чада? Такъ или иначе, хорошо или дурно, но ей самой, своими средствами и силами, оставалось на свой собственный страхъ вѣдаться съ своими горями и бѣдами. А бѣжать ей некуда, ибо для деревни нѣтъ такихъ значныхъ мѣстъ, „гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ“ и гдѣ можно, поджавъ ноги на диванѣ, слѣдить за тѣми выкрутасами, которыя выдѣлываетъ телѣга, возвышенно называемая процессомъ жизни (Русанову опять припомнился, съ чувствомъ ужаса и отвращенія, „акционный“ скелетъ, въ халатѣ, съ сигарой въ зубахъ,

съ картами въ рукѣ, съ улыбкой „винтящій“ безконечный винтъ). Нѣтъ, некуда бѣжать *моей* деревнѣ... А я вотъ *опять* ѣду въ нее... Положимъ, я теперь ѣду *только къ могиламъ*... Да, а всетаки вотъ я *опять* ѣду въ нее... А между тѣмъ, никого, никого какъ есть я тамъ уже не помню. Даже ни одного мужика по имени и отчеству не знаю... Даже объ этомъ не позаботился“.

И Русановъ покраснѣлъ, какъ самый легкомысленный школьникъ, пойманный на феноменальной глупости, изумившей его самого.

„Какіе-то идеалисты безъ вѣры въ идеалы, народники безъ народа“, — звучали отчетливо въ его ушахъ слова Аполона Кремлева, показавшіяся ему когда-то такими рѣзкими и почти несправедливыми, клеветой.

Чѣмъ ближе подвигался Русановъ къ своей деревнѣ, чѣмъ больше вдумывался въ эту изумительно простую мысль, на которую онъ никакъ не могъ отыскать столь же простого отвѣта, тѣмъ внутренній стыдъ снѣдалъ его больше и больше; ему просто было стыдно даже спины ямщика. А онъ еще такъ недавно думалъ, съ чувствомъ тайной внутренней обиды и глубокаго огорченія, — думалъ, что, вѣроятно, имя его, такого добраго и изстрадавшагося барина, давно стерлось въ воспоминаніи мужиковъ, которые теперь ползаютъ въ ногахъ предъ какимъ-нибудь хищнымъ Кабановымъ... Да, обидно, слова нѣтъ... Ну, а онъ самъ, добрый баринъ („Землю отдалъ! Да какъ бы онъ еѣ не отдалъ? Приказали, такъ и отдалъ... Чать, онъ за это жалованье получаетъ“, — припомнились ему слова мужиковъ о его самоотреченіи), — ну, а онъ помнилъ, зналъ кого-нибудь изъ этихъ мужиковъ, изъ этого народа?

И вотъ теперь, когда ему приходилось обратиться къ этому настоящему, реальному, а не „синтетическому“ мужику, къ живой индивидуальности, — обратиться по поводу простого житейскаго факта: „у кого и гдѣ я могу остановиться въ *нужной* мнѣ деревнѣ? Кто приметъ меня, какъ *своего* хорошаго, давнишняго знакомаго, съ которыми давно, не прерываясь, поддерживалась связь по такимъ же простымъ, *самымъ простымъ* обиходнымъ человѣческимъ отношеніямъ?...“ теперь, когда всталъ предъ нимъ этотъ вопросъ, Русановъ воскликнулъ въ душѣ: „Боже мой! Вѣдь, у насъ, у большихъ-

ства насъ, этихъ „хорошихъ людей“, добрыхъ сочувственниковъ народа, нѣтъ, — я знаю, вѣрно знаю, — нѣтъ ни одной знакомой деревни, нѣтъ ни одного знакомаго, близкаго мужика...“

Плетенный тарантасикъ ходко катился по укатанной дорогѣ; ямщикъ посвистывалъ; солнце косыми лучами ударило прямо въ щеку Русанова и играло на ней яркимъ румянцемъ; свѣжій вѣтерокъ обдувалъ его взволнованное лицо и трепалъ посѣдѣвшія кудри; надъ полями то и дѣло поднимались жаворонки и звонко заливались въ вышинѣ; вдали блестяла серебристая лента Оки; высокій берегъ синѣлъ полосой лѣса; поля смѣнялись оврагами и ложбинами, заросшими березовыми рощами, обдававшими влажностью и пахучимъ смолистымъ ароматомъ лопающихся и едва зеленѣющихъ почекъ.

— Экое утречко Господь далъ, братецъ мой! — не утерпѣлъ сказать даже ямщикъ. — Лошади — и тѣ чуютъ... Даромъ что животное... Вишь, какъ бойко березнячкомъ-то бѣгутъ! Какъ хвостомъ машутъ, какъ уши поставятъ, — я ужъ вижу, что веселится животинка...

Но Русановъ ничего не чувствовалъ, ничего не видалъ изъ того, что даже лошади видѣли и чувствовали. Ему было стыдно, совѣстно, больно все это видѣть и чувствовать. Въ его головѣ упорно жила и жгла мозгъ одна и та же простая, страшная въ своей элементарности мысль.

„Да и въ самомъ дѣлѣ, — продолжалъ онъ безжалостно терзать себя, некупая хоть этимъ невозможность оправдаться, — въ самомъ дѣлѣ, любилъ ли я кого-нибудь изъ моей деревни, какую-нибудь одну индивидуальную личность, — не „политической“ или „экономической“ любовью только, не любовью „гуманнаго барина“, а простой, самой простой *христіанской* любовью, которая прежде всего любитъ не человѣка вообще, не націю, не раба, а личность, — живую личность, чья бы она ни была, со всеми ея скорбями и радостями, недугами и достоинствами, и непрестанно, неуклонно стоитъ на стражѣ этихъ скорбей, какъ бы мелки и ничтожны онѣ ни были въ общемъ смыслѣ?“

Ему, прежде всего, какъ отрадный лучъ, мелькнулъ образъ сапожника Степана Тимофеевича Королева, въ хибаркѣ котораго онъ прожилъ цѣлый годъ, дѣля съ нимъ радости, напасти и горе. Но,

во-первыхъ, это было уже *послѣ всего*, на концѣ, такъ сказать, *всего стараго поведенія*, а притомъ, вѣдь, онъ и оттуда, изъ этой хибарки сапожника, все же *бѣжалъ*.

Потомъ припомнился ему *одинъ* мужикъ (*одинъ*, а какой — онъ давно забылъ), приславшій ему въ Москву письмо и просившій его, какъ „добраго барина“, принять участіе въ его горѣ: третій годъ, какъ страдалъ у него сынокъ-юноша каменной болѣзnią, истерзалъ сердце и себѣ, и всей семьѣ. „Говорятъ, — писалъ мужичокъ — слухи до насъ дошли, что въ Москвѣ пользуютъ отъ этихъ болѣзней, только мы въ своей темнотѣ и немощи не знаемъ, какъ и черезъ кого къ этому дѣлу приступить. Богъ васъ не оставитъ своей милостью, доброжелатель нашъ, буде вы горю нашему приклоните вниманіе“. И Русановъ помнилъ, что онъ раза два съ этимъ письмомъ ходилъ къ Модесту Кремлеву, но Модестъ Кремлевъ его не принялъ „по принципу“, Русановъ обидѣлся на Кремлева за неприѣмъ и очень долго волновался по поводу странныхъ отношеній между „хорошими людьми“, а потомъ письмо, вмѣстѣ съ адресомъ затерялъ, а справиться не зналъ какъ, а потомъ совѣсть забылъ.

Припомнилось и еще нѣчто подобное; и еще, и еще... и все кончалось такимъ же манеромъ: то ему, Русанову, нельзя было сходить къ одной нужной личности, потому что „что же можетъ быть между ними общаго?“ То, обратившись за помощью къ одному литератору-народнику, который могъ похлопотать у знакомаго ему адвоката, онъ услышалъ въ отвѣтъ изумленный вопросъ: „Помилуйте! Чтобы я чѣмъ-нибудь обязался этому либеральному пройдохѣ?!“ Да, все въ томъ же родѣ. А между тѣмъ мальчикъ-страдалецъ, вѣроятно, продолжалъ, попрежнему, испытывать муки и терзать сердце отца и близкихъ, а отецъ забывалъ о добромъ баринѣ и вотъ, можетъ быть, въ самомъ преданномъ ему сердцѣ, въ самой честной головѣ шевелилось сомнѣніе и мысль: „А, вѣдь, должно про всѣхъ про нихъ, про баръ-то, правду говорить это... Зря болтать не станутъ“.

И чудилось Русанову, что онъ слышитъ стоны малютки и эти рѣчи его отца, и болѣзненно сжалась его грудь.

Припомнилось ему и еще, еще...

Такъ терзалъ свою совѣсть, подъ гнетомъ житейскихъ неудачъ, этотъ уже

посѣдѣвшій почти человѣкъ, какъ раскаивающійся въ своемъ легкомыслии школьникъ, пскрепняя, глубоководствующая и прямая душа котораго готова, ради искупленія, принять на себя всѣ вины, какія не въ силахъ поднять никакая отдѣльная человѣческая личность.

— Ну, теперь ужъ скоро, — сказала ямщикъ.

— Скоро? — переспросилъ, какъ будто приходя въ себя, Русановъ. — Что скоро?

— Приклонъ скоро (Приклономъ звалась деревня Русанова). Сначала вотъ будетъ новый Приклонъ, Кабановскій, а потомъ старый, Барскій, Приклонъ будетъ... Вишь, ты какъ поиѣ: былъ прежде, видишь ты, одинъ Приклонъ, а поиѣ ужъ вотъ два стало! Ты и гляди, какъ времена-то идутъ, — разсуждалъ ямщикъ. — Да, былъ одинъ раньше-то Приклонъ, да и то плохонькій, а поиѣ два... Время-то идетъ — насъ не ждетъ...

— Какой же это еще Кабановскій Приклонъ? — спросилъ Русановъ въ удивленіи.

— Аѣ вы не знаете? — быстро повернувшись къ нему, спросилъ не менѣе изумленный ямщикъ. — Ка-акъ же!.. А Артамона Матвѣичево заведеніе? Развѣ не извѣстны вы?

— Нѣтъ, я давно здѣсь не бывалъ.

— Ка-акъ же!.. Такое-то онъ здѣсь гнѣздо развелъ — страсть Божья... Что говорить! мужикъ съ понятіемъ! Что! Одно слово — здѣшнему народу жистъ далъ!

— Вотъ какъ!

— Настоящее дѣло... Жистъ далъ вполне... А то мы такъ всѣ было давно порѣшили, что приклонскому мужику стибнуть оставалось — одно... послѣ этой, значить, воли-то...

— Отчего же? Вѣдь, у нихъ, кажется, земли было порядочно, — несмѣло и стыдливо рѣшился замѣтить Русановъ.

— Было, точно. Подарилъ, слышно было, баринъ кое мѣсто землишки... Ну, да кою часть сами растранижирили (лѣшишко-то на подати свели, да пожарами смучались), а коя часть такъ прахомъ пошла... Все неурожаи. Стали было льны сѣять. А лѣнь, знаешь, какой? Онъ, вѣдь, жадный; онъ тебѣ въ три года такъ землю-то высосетъ, что послѣ ты изъ нея травы не выжмешь... Привыкли было ткать, а тутъ лѣнь пересталъ родиться... Какаѣ ужъ тоже землишка была!.. И много еѣ, точно, да землишка ужъ выпачанная, братецъ мой, изморенная... Мало развѣ на еѣ народу выросло!.. Тоже, вѣдь,

черезъ силу не потянешь... Мужику-то ужъ взять-то и нечего стало...

— А когда же Кабановъ пріѣхалъ? Вѣдь, онъ раньше не жилъ здѣсь?

— Нѣтъ, не жилъ. Онъ въ Адестѣ жилъ... А вотъ и пріѣхалъ, какъ льны-то перестали родиться. Годовъ ужъ съ восемь эдакъ будетъ. Пріѣхалъ, высмотрѣлъ, повышохалъ да и запустилъ заведение, — такъ пощичекъ, спервоначалу, для приглядки, значить, чтобы не промахнуться... Ну, мужики видятъ — подмога, а онъ посмотрѣлъ въ карманъ — барышъ. Ну, и тѣмъ, и другому вышло дѣло-то въ лоботу... Онъ тутъ и еще распространился, значить, гнѣздомъ-то... А мужикамъ опять въ пользу: бывало, ребятишки-то такъ, что галки, дарма по улицѣ трепались, аѣ теперь деньгу понесли... Такъ они теперь ребятишекъ-то, чуть мало отъ земли поднялся, сейчасъ на заведение... А Кабановъ, значить, все распространяется въ гнѣздѣ-то... Теперь посмотри, что тутъ дѣлается! Теперь ужъ онъ не одинъ Приклонъ, а всю округу кормить... Вотъ сейчасъ подымемся на горку, тутъ и трубу видно будетъ.

„Могилы, одиѣ могилы! — думалъ онъ. — Могилы тамъ, позади, могилы здѣсь... И больше ничего, ничего не осталось! Умереть? Но неужели ужъ я такъ виноватъ, такъ негоденъ ни на что? Неужели ужъ такъ ничего нѣтъ въ моей груди, въ моей головѣ, въ моемъ сердцѣ, что могло бы быть не бесполезнымъ и для другихъ? Неужели отъ моей жизни, наконецъ, ничего не осталось такого, что хотя бы на малую каплю искупило мои вины, если уже онъ такъ велики?“

Такъ, низко опустивъ голову, ничего не види и не слыша, шепталъ про себя этотъ несчастный человѣкъ, и глубокій мракъ все гуще и гуще застилалъ предъ нимъ живую жизнь...

IV.

Когда съ вершины горы, на которую поднялся Русановъ, вдругъ открылись на далекое пространство родныя, знакомыя окрестности, онъ былъ изумленъ совершенно незнакомымъ пейзажемъ, внезапно выросшимъ предъ нимъ въ самомъ сердцѣ его родины; этотъ пейзажъ былъ настолько свѣжъ, новъ и неожиданъ, что Русановъ только при очень большомъ напряженіи могъ возстановить его прежнюю

физиономію. Новый Приклонъ совершенно подавилъ и стеръ съ поля зрѣнія старшій, Барскій. Высокая чугунная труба, съ длинной, медленно расплзавшейся надъ вершиной тѣса полосой дыма, царила надъ кучкой маленькихъ избъ и домиковъ и надъ двумя большими зданіями, съ флагомъ на высокой мачтѣ. И только уже за этими громадами, изъ поэтической лощинки, съ замѣтно погустѣвшей зеленью, скромно мелькали постарѣвшіе отъ времени жилища стараго, Барскаго, Приклона, со старинною маленькою церковью и съ длиннымъ барскимъ, наглухо заколоченнымъ, домомъ, около котораго все еще шуршали вѣковыми вершными старыми липы. Чѣмъ очертаніе пейзажа стало вырисовываться ярче, рѣзче, тѣмъ Русановъ пристальнѣе, съ какимъ-то пугливымъ замираніемъ всматривался жадно въ каждую деталь, какъ будто ждалъ, что все это должно поразить и подавить его чѣмъ-то еще болѣе неожиданнымъ.

Ушедшій весь въ это напряженное вниманіе, онъ опять забылъ ту простую мысль, которая вызвала въ немъ такъ много душевныхъ мукъ и отвѣтъ на которую онъ все-таки такъ и не придумалъ, и только когда онъ вѣхалъ уже въ самый центръ „Кабановскаго гнѣзда“ и ящикъ, уже съ неудовольствіемъ, спросилъ — куда же ѣхать? — Русановъ, въ перѣшительности, какъ будто не имѣя силъ притти въ себя, велѣлъ остановиться.

Грохотъ колесъ и шумъ паровой машины, отъ которыхъ замѣтно колебалась почва, говоръ рабочей „смѣны“, толпившейся у фабричнаго зданія, крикъ ребятишекъ и бабъ, чьи-то громкія, увѣренныя приказанія, разносившіеся въ свѣжемъ воздухѣ, и какое-то невольное-бодрящее, веселое ощущеніе отъ этой оживленной муравьиной дѣятельности, — все это такъ было не похоже на „добрый“, полулѣтний покой прежняго Приклона! Даже люди говорили и смотрѣли совсѣмъ не такъ, какъ прежде. Полутѣнивая, неторопливо-размѣренная, согбенная походка пахаря замѣнилась спѣшной, бойкой, вызывающей походкой фабричнаго. Не видно размѣренныхъ движеній и согбенныхъ спинъ, не замѣтно уже и добродушно-закискивающей, рабской приниженности на лицахъ: все смотрѣло прямо, открыто, бойко... Что это было: ростъ сознанія личности? Азартъ игрока, пускающаго въ ходъ послѣднюю копейку? Или это „власть машины“, уже наложившая

на все „старое“ свою зловѣщую печать, — печать той механической, тупобезсознательной самоувѣренности и наглости, съ которою гордо несется по рельсамъ бездушный паровозъ, грозя задавить и задавить все живое, что осмѣлилось бы встать на его пути, и также ухарски готовый слетѣть въ пропасть и разбиться вдребезги самъ, чуть сломается подъ нимъ ничтожный винтъ?

— Что же, баринъ, найдемъ мы гдѣ пристанище-то, али пѣтъ? — наконецъ спросилъ ящикъ.

— Побѣжай къ барскому дому, — сказалъ растерянный Русановъ.

И прежде, чѣмъ лошади успѣли дернуть, Русановъ могъ уже замѣтить, какую сенсацию произвелъ его прѣздъ; пиджакъ быстро побѣжалъ къ крыльцу, на который высыпали уже другіе пиджаки, — въ штанахъ за сапогами, и въ штанахъ поверхъ сапоговъ, тоненькіе и толстыя, юркіе и солидные — и все пристально смотрѣли ему велѣлъ; потомъ одинъ изъ самыхъ юркихъ пиджаковъ, не спуская съ него глазъ, сторонкой побѣжалъ велѣлъ за нимъ. Рабочая смѣна, шумливая и крикливая, съ надрывными на затылокъ рваными картузами и накинутыми на плечи пиджаками и свитками, перешла ему дорогу съ свистомъ, гамомъ, хохотомъ выпущенныхъ изъ школы ребятишекъ. Русанова никто не узнавалъ: онъ былъ чужой для нихъ, они были чужіе ему. Весь этотъ безалаберный шумъ фабрики, хаосъ непривычныхъ, новыхъ впечатлѣній, досадливое ощущеніе раздраженія и недовольства, чувство неудовлетвореннаго ожиданія, невольное вызваннаго воспоминаніемъ старыхъ, всегда поэтически-грустныхъ и тихихъ впечатлѣній, — все это подѣйствовало на Русанова такъ гнетуще, что, казалось ему, никогда еще онъ не чувствовалъ себя столь безпомощнымъ и безсильнымъ, какъ въ этотъ короткій прѣздъ отъ новаго Приклона къ старому.

Дѣла въ старомъ Приклонѣ нѣсколько какъ будто пошли лучше. Во-первыхъ, отъ самаго стараго Приклона вдругъ повѣяло самой старинной стариной, а густо разросшіеся по деревенской улицѣ ветлы, столь тицетно когда-то насаждавшіеся его дядей-масономъ, теперь гостеприимно шумѣли навстрѣчу ему; у сѣрыхъ избушекъ попрежнему качались съ грудными ребятишками, подъ присмотромъ грязныхъ и растрепанныхъ

дѣвочекъ-пняекъ; попадались уже и самые старинные старики, такъ уже и не распрямившіе своихъ спинъ, все съ тѣмъ же классическимъ выраженіемъ спокойной покорности раскланивавшіеся со всѣми встрѣчными. Вотъ она, можетъ-быть и ужасная, но все же милая старая поэзія, сама такая робкая, пугливая, безсильная, но такая добрая и задумчиво-грустная!

Затѣмъ у барскаго дома встрѣтившаяся старуха „сразу признала“, по ея словамъ, „старого барина“, хотя, впрочемъ, послѣ того уже, какъ ей прямо заявилъ Русановъ, кто онъ. Однако, старушка, всплеснувъ въ удивленіи руками о колѣни и всплакнувъ, куда-то убѣжала и исчезла.

Наконецъ, въ-третьихъ, кое-какъ разысканный съ помощью ребятишекъ староста, еще молодой мужикъ, стоялъ предъ Русановымъ безъ шапки, но не столько почтительно, сколько растерянно.

— Что же, могу я пока помѣститься въ барскомъ домѣ? — спрашивалъ Русановъ.

— Не могу знать-съ, — отвѣчалъ староста, — потому какъ теперь училище тутъ...

— Кто же здѣсь распоряжается имъ?

— Да у насъ все Артамонъ Матвѣичъ ужъ тутъ хозяйствуетъ, да учитель... Ну, только теперь ихъ нѣту, по лѣтнему времени...

— Такъ какъ же съ этимъ быть?

— Какъ вашей милости будетъ угодно... Прикажете ежели отпереть...

— Ну, хорошо. Отопри. Я пока помѣшусь здѣсь.

— Слушаю-съ.

Однако, дѣло все еще далеко не достигло благополучнаго конца. Хотя Русанова и выпустили въ барскій домъ (нѣкогда подаренный имъ подъ школу) и староста предупредительно растворилъ закрон у оконъ, но Русановъ могъ видѣть въ окно, какъ посланные за нимъ въ догонку „пиджаки“ изъ Новаго Приклона энергично атаковали старосту и привели его въ такое недоумѣніе, что онъ половину закроевъ такъ и оставилъ полуоткрытыми. Затѣмъ и пиджаки, и староста куда-то скрылись, и только уже когда явившійся урядникъ окончательно удостоверилъ, что всѣ требемыя Новымъ Приклономъ законныя предосторожности были выполнены, Русановъ могъ спокойно осматривать свой старый домъ и, если желаетъ, предаться приятнымъ воспоминаніямъ о прошломъ.

Русановъ, дѣйствительно, медленно переходилъ изъ комнаты въ комнату. Въ пустомъ домѣ было сыро, темновато и затхло; свободныя парты вверхъ ногами торчали, придвинутыя къ стѣнамъ. Вездѣ было голо и пусто, и только въ прежней гостиной, гдѣ десять лѣтъ провелъ сидя, поджавъ на кровать ноги, худенькій генераль-массонъ, сося кусочки сахару, — теперь висѣлъ на стѣнѣ большой портретъ, писанный масляными красками. Русановъ остановился и долго, пристально смотрѣлъ на него. Это былъ портретъ Артамона Кабанова. Съ большою черною, съ просѣдою, бородой, съ выпяченными глазами, съ проборомъ по серединѣ лба и медалью на выгнутой груди, онъ сидѣлъ съ такимъ напряженнымъ выраженіемъ на лицѣ; съ какимъ обыкновенно сидятъ и стригутся люди въ цирюльнѣ. Трудно сказать, какой идеей руководился художникъ, но несомнѣнно, что онъ представилъ фигуру, которая всѣми своими деталями „перла въ пространство, ни на что ни взиралъ“. Русановъ улыбулся и подумалъ: „А что-жъ? Можетъ быть, оно такъ и слѣдуетъ... Процессъ жизни!“

Осмотръ барскаго дома, несмотря на помѣщенію въ немъ школу и на портретъ ея попечителя, мало утѣшилъ Русанова. Когда онъ утѣлся за самоваръ, обязательно приготовленный для него старостой, и остался одинъ, его вновь охватило то же гнетущее чувство безпомощности, безсилія и глухого, жуткаго одиночества, которое онъ испытывалъ нѣкогда въ этомъ же домѣ, десять лѣтъ назадъ, въ виду еще только первыхъ триумфовъ торжественнаго вступленія въ жизнь прежняго его крѣпостного крестьянина Артамона Кабанова.

Попрежнему, мрачная тишина царилъ въ домѣ, и Русанову казалось даже, что еще теперь въ гостиной стоитъ гробъ со старымъ дядей-массономъ въ шитомъ золотомъ генеральскомъ мундирѣ и сурово смотритъ на портретъ Кабанова тѣмъ же начальнически-неукоснительнымъ взглядомъ, какимъ, нѣкогда, вѣроятно, Суворовъ съ вершины Альпъ поглядывалъ на Европу.

По прежнему, со стороны сада, липовые сучки тоскливо билась въ окна, застилая солнечный свѣтъ. И вотъ, попрежнему, тутъ же одинокимъ сидѣлъ меланхолическій потомокъ стараго дворянскаго гнѣзда, опустивъ на грудь свою посѣдѣвшую голову.

Вдругъ скрипнула дверь и, несмѣло и

неловко переступая порогъ, снимая пзмятую шляпу, вошелъ знакомый пароходный спутникъ—болѣзненный юноша. Встрѣча эта здѣсь была, кажется, такъ неожиданна для обоихъ, что Русановъ и юноша съ минутой въ испуганномъ смущеніи смотрѣли другъ на друга. Смущеніе же Русанова было тѣмъ больше, что изъ глубокихъ впадинъ теперь смотрѣли на него не злобще сверкавшіе зрачки живого мертвеца, а мягкіе, полные радостнаго дѣтскаго смущенія голубые глаза.

— Такъ это вы и есть?!—пролепеталъ юноша, совершенно сконфуженный.—Сергѣй Андреевичъ... Русановъ?... Нашъ старый баринъ? (И юноша при этихъ словахъ добродушно засмѣялся).

— Да нѣтъ, это какъ же!... Такъ нельзя... Одинъ... въ пустомъ домѣ... Васъ не обидѣли наши эти пиджаки-то, собаки-то?... Вѣдь, это собаки... Да!—вдохнулъ юноша.—Растерзать могутъ... Могутъ... Ну, да теперь (и юноша опять засмѣялся), теперь... вы вѣтъ всякой опасности! (и онъ засмѣялся еще добродушнѣе). Кто можетъ здѣсь что-нибудь сдѣлать противъ Кабанова?

— Вы сынъ Артамона Кабанова?

— Да,—прошенталъ юноша и, смущенно конфузясь, опустилъ глаза.—Вы меня извините... Я, конечно, еще не имѣлъ права... на ваше расположеніе... Вниманіе, которое, можетъ быть, вы...

— Да, вѣдь, мы уже съ вами знакомы,—сказалъ, вспоминая пароходъ и улыбаясь, Русановъ и, съ невольнымъ выраженіемъ дѣйствительной близости между ними, не смотря на разницу лѣтъ, онъ радушно протянулъ ему руку.

Юноша схватилъ ее и, сжимая, смотрѣлъ въ лицо Русанова: онъ былъ и изумленъ, и смущенъ; ему хотѣлось и плакать, и смѣяться.

— Да лѣтъ, такъ нельзя. Какъ это можно!

И юноша, схвативъ шляпу бросился вонъ изъ дому.

— Что вы хотите?—крикнулъ ему вслѣдъ Русановъ.

Но юноша не отвѣчалъ. Черезъ пять минутъ онъ опять прибѣжалъ, запыхавшійся, волнуемый. Розовыя пятна переливались по его блѣднымъ щекамъ.

— Берите, берите... Несите... Прямо въ мою комнату, ко мнѣ!—кричалъ онъ.

И тѣ же пиджаки-собаки теперь подобострастно подхватили вещи Русанова.

— Пожалуйста!—проговорилъ юноша, опять сжимая руку Русанова.

Охваченный безсознательнымъ влеченіемъ, которое превозмогало и чувство затаенной гордости, и неприязни, и силу старыхъ впечатлѣній, Русановъ медленно и несмѣло пошелъ вслѣдъ за юношей въ Новый Приклонъ.

V.

Было часовъ десять вечера, когда Русановъ и Капитонъ Кабановъ (такъ звали болѣзненнаго юношу), только-что вернувшись въ домъ, усталые, лежали другъ противъ друга на кроватяхъ, облокотившись на подушки и молчали. Въ открытое окно смотрѣла свѣжая, пахучая безлунная весенняя ночь. Съ высоты второго этажа, въ которомъ помѣщалась ихъ комната, открывался безграничный горизонтъ, и теперь, въ окно, Русановъ видѣлъ кусокъ этого горизонта съ перспективой холмовъ, лѣсовъ и облаковъ, охваченныхъ розоватымъ свѣтомъ заката.

— Ну, теперь, кажется, я вамъ все показалъ,—сказалъ юноша.—Мнѣ хотѣлось сразу васъ поставить въ извѣстность обо всемъ этомъ... виѣшнемъ, чтобъ уже не возвращаться къ этому... Вы устали?

— Да, порядкомъ.

— Отдохните,—прибавилъ наивно Капитоша, вздохнувъ.—Хорошо ли вамъ? Вы, право, пожалуйста, говорите прямо, не стѣсняясь... ей-Богу! Чтожестѣсняться?

— Хорошо, хорошо!—улыбнулся Русановъ, припоминая, что ему приходилось отвѣчать такимъ образомъ уже въ сотый разъ.

— Ну, и я вамъ больше мѣшать не буду,—проговорилъ Капитоша, легъ на спину и, подложивъ руки подъ голову, замолчалъ, какъ послушный ребенокъ.

Русанову, дѣйствительно, хотѣлось отдохнуть, хотя сколько-нибудь разобраться въ массѣ совершенно новыхъ и неожиданныхъ впечатлѣній. Не то, чтобы онъ никогда и не видалъ фабрикъ, а такъ все какъ-то складывалось именно здѣсь, въ этомъ Новомъ Приклонѣ, въ странный хаосъ, какъ будто нарочно соединявшій въ трудно-разрѣшимую загадку трудно-совмѣстимое одно съ другимъ. Да, именно его поражалъ этотъ Новый Приклонъ: и эта встрѣча съ Капитошей, и то, что вотъ онъ, Русановъ, „старый баринъ“, теперь тутъ, у Артамона Кабанова, въ этомъ странномъ домѣ...

А громадный домъ былъ, дѣйствительно, странный: строго смотрѣли эти бревенча-

тия, ничѣмъ не обитія, изъ вѣковыхъ сосенъ, смолистыя стѣны, и тутъ же богатія драпри на окнахъ, дорогая гнутая мебель; большія иконы въ золотыхъ ризахъ, стараго письма, съ вычурными лампадами, и тутъ же, воть въ этой комнатѣ, смотрѣли на Русанова со стѣнъ Шекспиры, Гоголи, Бокли; „пиджаки-собаки“, сновавшіе, какъ ящерицы, въ своихъ глянцевитыхъ сапогахъ, со своими змѣиными ужимками, по всему дому и Приклоу, и большая, въ дорогой рамѣ, копія Рѣпинскихъ „Бурлаковъ“—въ залѣ; цѣнные столовые и чайные приборы, дорогія вина и закуски—и тутъ же, вмѣсто прислуги, какія-то подобострастные старушки, сновавшія въ своихъ мягкихъ, цокромковыхъ башмакахъ и собиравшія со стола крошки въ подолъ или передникъ; самъ Артамонъ Кабановъ, — тотъ Кабановъ, который жилъ въ воображеніи Русанова (теперешняго Кабанова онъ еще не видалъ: онъ былъ въ отъѣздѣ).—этотъ нахально гордый своею „умственностью“ мужикъ—и его двоюродные и троюродные дядя, братья, сватья и шабры, лохматые, нечесанные, перепачканные, стоявшіе на фабрикѣ у ступокъ... А воть, наконецъ, къ довершенію всѣхъ этихъ изумительныхъ контрастовъ, рядомъ съ этой комнатою, таинственная келья, въ которой обитаетъ какая-то таинственная „старая бабка“, древняя „бѣгушка“, которую никто не видитъ, не слышитъ, а здѣсь воть, на кровати, опять облокотившись на подушку и устремивъ на Русанова большіе голубые глаза, смотрѣвшіе изъ глубокихъ впадинъ, ея внукъ или правнукъ, болѣзненный юноша, нервный, порывистый, изстрадавшійся внутреннею борьбой, ревнивый владѣлецъ воть этого шкафика, стоящаго у его изголовья, съ полками книгъ, и всѣхъ этихъ Шекспировъ и Гоголей, строго смотрѣвшихъ на него со стѣнъ...

Въ странную, изумительную амальгаму, невѣдомыми, таинственными путями соединилось здѣсь, въ этомъ Новомъ Приклопѣ, все то, что, казалось, никакими силами человѣческими не могло бы быть соединено въ одномъ мѣстѣ, еслибы соединило все это творческая мысль, ясное сознаніе, правда, а не стихія, не „процессъ жизни“, не безсознательная игра исторіи. И что же за муки, за пытки испытывало все это, собранное здѣсь, одно другое ненавидѣвшее, одно другому мѣшавшее, взаимно мучившееся и все-таки соединившееся и не имѣвшее силъ еще порвать другъ съ другомъ!

Давно уже откуда-то сталъ доноситься безалаберный грохотъ разстроеннаго рояля, потомъ послышался хохотъ, крики, звонъ колоколовъ и бубновъ, потомъ разомъ рывнули по зарѣ визгливые голоса приклонскихъ дѣвокъ... А воть тутъ, за этой стѣной, можетъ быть, тупая, но глубоко послѣдовательная старая фанатичка, зажавъ уши, отплевывается отъ „антихриста“, а лицо ея правнука становится все блѣднѣе и блѣднѣе, и снова начинаетъ Русанову казаться, что глаза юноши блестятъ изъ глубокихъ впадинъ.

— Это наши идіоты, братцы мои, балуются, пока титеньки пѣтъ... Мы еще не были съ вами у нихъ во флигелѣ... Да пѣтъ, я васъ туда не поведу, — сказалъ юноша, какъ будто отвѣчая на недоумѣніе Русанова.

Потомъ онъ, облокотившись на подушку, повернулся лицомъ къ Русанову и, остановивъ на немъ свой грустный взглядъ, сталъ говорить, прерываясь и пугаясь:

— Все наше несчастіе—мое и отца—въ томъ, что мы любимъ другъ друга... И мать у меня добрая... простая баба... Да, отецъ меня любитъ... И я его люблю... То-есть я ему не прощаю, многого не прощаю, пѣтъ! — воскликнулъ юноша въ наивномъ гнѣвѣ. — Но... онъ ужъ, вѣдь, теперь не тотъ, что прежде... Потому онъ все-таки былъ всегда такой энергичный... И потомъ умъ у него есть... Ни одинъ изъ рабочихъ не сравнивалъ его съ братьями... Его боялся, можетъ быть, проклинали, но уважаютъ... А другіе и любятъ даже... Онъ все же мужикъ... Воть тутъ бабка его... въ кельѣ... Онъ иногда посмѣивается надъ ней, но онъ ее почитаетъ... А этихъ идіотовъ не любить и не уважаетъ... Нѣтъ!... И этихъ собакъ-пиджаковъ онъ ненавидитъ... Онъ говоритъ мнѣ: „что жъ, коли лучше ничего не придумали люди?..“ Нѣтъ, право, онъ все же не такой, какъ эти... саврасы безъ узды... такіе жадные, наглые... Изъ нихъ ничего ужъ не сдѣлаешь... Нѣтъ! — говорилъ юноша, отчаянно и скорбно качая головой, — а отецъ могъ бы быть другимъ... Онъ во многомъ не виноватъ...

Капитоша грустно замолчалъ.

— Если бы онъ меня не любилъ, меня давно бы не было здѣсь, или я умеръ бы... давно (и голосъ юноши дрогнулъ на этомъ словѣ). А если я умру, меня

здѣсь не будетъ,—отецъ не будетъ знать правды. Ему будутъ ужасы говорить про народъ, а онъ суровъ и скупъ... Его такимъ сдѣлала жизнь... А когда я открываю ему всю правду, онъ все готовъ сдѣлать,—хоть и пожметъ, а сдѣлаетъ,—потому что онъ самъ еще близокъ къ правдѣ этой... къ народу. Вѣдь, у насъ еще родственниковъ много среди рабочихъ... А если умереть отецъ—меня... убьютъ!.. Что вы? Убьютъ! убьютъ! — повторилъ юноша, блѣдный, дрожащимъ голосомъ, поднимаясь на кровати, — то-есть такъ ли, эдакъ ли, можетъ быть, не уголовной смертью, а такъ изведуть... Ну, возмуть въ опеку, или... или... тамъ еще какъ-нибудь... Развѣ нельзя?

И Русановъ чувствовалъ, какъ ужасъ охватывалъ юношу, чѣмъ больше онъ говорилъ.

— Да, изведуть... И что могу сдѣлать противъ нихъ я, безсильный?.. И теперь мнѣ это чего стоитъ! Да, очень трудно!.. То-есть очень мучительно все это... Я не хочу сказать, чтобы это было какое большое дѣло, а мучительно очень...

И Русанову припомнилось, какія, дѣйствительно, пытки испытывалъ этотъ юноша въ продолженіе даже тѣхъ немногихъ часовъ, въ которые они обходили фабрику. То и дѣло кто-нибудь изъ рабочихъ тихонько и незамѣтно дергалъ его за рукавъ. И Капитоша зналъ, что это значить. Онъ тоже, не подавая никому вида, какъ-нибудь выводилъ рабочего за уголъ и выслушивалъ его. Поэтому бѣжалъ въ контору или другое отдѣленіе фабрики, разыскивалъ кого-нибудь изъ братьевъ и затѣмъ, запыхавшись, возвращался къ Русанову, опять блѣдный, съ яркими красными пятнами по всему лицу, въ холодномъ поту, весь дрожащій отъ перваго волненія.

— И отецъ знаетъ это, — продолжалъ юноша, — то-есть, что если онъ умереть, то и я умру... или, можетъ быть, что-нибудь ужасное изъ меня будетъ... А если меня не будетъ, онъ знаетъ, что тутъ будетъ одинъ грабежъ... и что его память народъ проклинать будетъ... и что прахомъ пойдетъ все его богатство... А ему не хочется, чтобы народъ проклиналъ его... Ну, кое-что онъ и дѣлаетъ для него. И я еще что-нибудь могу чрезъ него, могу убѣдить его... А если онъ умретъ, я не смогу,—нѣтъ, даже этого не смогу, — потому что мнѣ нужно быть...

тогда... собакой... да!.. Или вотъ какъ Павелъ... Байкаловъ... Вотъ... Вы знаете его, Павла Байкалова?

— Нѣтъ.

— Это тотъ, бѣлокурый, который съ нами бесѣдовалъ на пароходѣ.

— Да, помню... Такой сердитый и суровый.

— Да, да... Ахъ, я его глубоко уважаю! Да! — воскликнулъ Капитоша, совсемъ вскакивая съ кровати. — Это — натура!.. Вотъ такимъ быть!.. Вотъ вы его еще, можетъ быть, увидите... Онъ уѣхалъ къ отцу на мельницу и вернется вмѣстѣ съ нимъ. Онъ нашъ дальній родственникъ... сынъ или внукъ одного изъ крестьянъ сосѣдней деревни, сосланнаго за что-то въ Сибирь еще при крѣпостномъ правѣ... Да, онъ самъ себя называетъ „человѣкомъ случайнымъ“. Онъ—рѣдкій. Онъ еще мальчикомъ былъ отданъ на прински... И тогда ужъ, говорить, мнѣ хотѣлось быть „богатымъ“, т.-е., попросту, независимымъ. Въ двѣнадцать лѣтъ онъ золото искалъ, на принсковой конторѣ игралъ въ карты, чтобы накопить денегъ, и въ то же время учился у всѣхъ, у кого только было можно: у ссыльнаго поляка, у заѣзжаго въ глушь врача... Ну, просто, видите — натура! А для природы всякія условія ничто, — натура выше условій... Такъ ли?.. Легко сказать: будь сильнымъ! Еще легче сознавать, что надо быть сильнымъ... Но какъ это сдѣлать?.. А? Не такъ ли?.. Знаете, я ужасно мучаюсь этой мыслью. Но, вѣдь, могутъ быть такія условія, которыя выше даже силы сильныхъ... да, и сильный можетъ оказаться безсильнымъ... Такъ ли?.. А должно быть иначе, должно быть такъ, чтобы можно было жить и безсильному. Мнѣ очень понравилось, когда вы это сказали Павлу... *Право безсильныхъ на жизнь!*.. Да это есть—все!.. все!..

— Да, это все, — сказалъ Русановъ, не спуская внимательныхъ глазъ съ оживленнаго лица Капитоши, въ которомъ играла, кажется, всякая жилка. Всѣ члены его оживленно и нервно двигались постоянно, выраженіе лица мѣнялось и почти ни одной минуты онъ не могъ пробыть въ одномъ положеніи.

— Ну, вотъ! А что же они говорятъ: „умереть“? Я не понимаю... Нужно сдѣлать такъ, чтобы безсильный могъ жить, а не умирать... Такъ ли!.. Байкаловъ—сила... Да, я ничего не говорю... Онъ

независимъ — у него есть специальность, ремесло (онъ техникъ). Да, его не скоро заберешь въ лапы... Потомъ онъ агентъ отъ различныхъ здѣшнихъ и иностранныхъ фирмъ, какой-то „гражданинъ міра“: сегодня онъ здѣсь, завтра въ Одессѣ, послѣзавтра въ Марсели, въ Парижѣ... въ Нью-Йоркѣ... Это прелестно!.. Правда?.. У него связи всюду, онъ всѣхъ и все знаетъ, начиная отъ парижскаго рабочаго до сибирскаго миллионера-промышленника... Мой отецъ его очень уважаетъ, хотя, кажется, не совсѣмъ понимаетъ... Да, я самъ знаю, что онъ — не мы... Мы — разрыхленные... Что же дѣлать, если я не могу... такъ смотрѣть на вещи... съ высоты силы? Я и теперь изнемогаю: сегодня пытка, завтра — борьба... нынче съ братьями, завтра съ отцомъ, то противъ нихъ, то отецъ разсердится ужъ на меня — и всѣ тогда на меня... И это за что же? За какой-нибудь лишній грошъ для рабочаго, за самое маленькое человѣческое чувство... И этотъ ужасъ изо дня въ день... И знать, что это безъ конца... что вездѣ и всюду такъ... Ахъ, нѣтъ!.. Я не хочу быть сильнымъ... Нѣтъ! Да и не могу, не могу... Что же мнѣ дѣлать?.. Я могу только вотъ — снять рубашку и отдать... вотъ! — проговорилъ юноша чуть слышно, совсѣмъ ослабѣвшимъ голосомъ. Страшное утомленіе видѣлось на его блѣдномъ лицѣ, и онъ, обезсиленный, упалъ на кровать.

Русановъ поднялся, подошелъ къ нему и положилъ ему руку на холодный лобъ. — Вы усните... Будетъ... Вы устали сегодня, вы просто измучены...

— А знаете, какъ меня зоветъ отецъ? „Ты, — говоритъ, — крестъ мой!.. За грѣхъ крестъ мнѣ!“ А послѣ какой-нибудь сцены съ братьями и со мной придется ко мнѣ и скажетъ: „На, расточитель! Отдай поди имъ“. И сунетъ, сколько я просилъ: на избу тамъ кому-нибудь, или на что другое...

И юноша засмѣялся тихимъ, дѣтскимъ смѣхомъ.

„И это сынъ моего бывшаго крѣпостного!“ — вдругъ, какъ молнія, пронеслась мысль въ головѣ Русанова. И тихо пристылъ онъ около юноши на край кровати, и, взявъ его холодную руку, долго крѣпко и нѣжно жалъ въ своей, не сводя глазъ съ его блѣднаго, какъ мраморъ, молодого лица съ полузакрытыми, обезсиленными глазами и перепутавшимися прядями длинныхъ русыхъ волосъ.

— А знаете ли... — началъ было опять юноша, открывая тяжелыя вѣки.

— Молчите... Будетъ! — сказала Русановъ.

— Нѣтъ, я еще только объ одномъ... Вѣдь, я васъ знаю давно, т.-е. слыхалъ объ васъ много... Объ васъ часто отецъ говорилъ: „Хорошій, говорить, баринъ... Только что жъ изъ того? Чай, теперь вотъ гдѣ-нибудь жалованье получаетъ, въ зависимости предъ другими... поди, заискиваетъ, принижается, слово пикнуть боится...“ — И юноша засмѣялся, вспоминая эти слова. Улыбнулся и Русановъ.

— Вы, пожалуйста, не обижайтесь... Конечно, онъ иначе и не могъ говорить... Потомъ я слышалъ объ васъ здѣсь много, когда мы изъ Одессы сюда перѣехали... Когда я потомъ уѣхалъ въ Москву, въ техническое училище (только я не кончилъ; отецъ взялъ меня, не знаю почему: жалко ли ему меня было, такъ какъ я сильно хворалъ, или онъ чего боялся, или ему просто нужно было здѣсь „вѣрнаго“ человѣка, который бы за конторой и за братьями слѣдилъ во время его разъѣздовъ, — право не знаю; кажется, все тутъ было). Такъ вотъ, когда я пріѣзжалъ на каникулы, я постоянно ходилъ къ Аграфенѣ Петровнѣ... Такая она простая, славная... Я съ ней черезъ нашихъ рабочихъ познакомился... Вдова она, дьячкова дочь... Она изъ близняго села, отсюда верстахъ въ пяти... Она давно ужъ здѣсь учитъ всѣхъ, лѣзчить... Весь округъ ее верстъ на тридцать знаетъ. Такъ вотъ она много намъ объ васъ рассказывала, о своихъ братьяхъ... И какъ рассказывала!.. Знаете что? — снова волнуясь и порывисто приподнимаясь, сказала Капитоша, — поѣдете къ ней завтра утромъ, чѣмъ свѣтъ... по холодку... Вотъ хорошо будетъ!.. А какъ она вамъ будетъ рада!.. А вечеромъ, послѣ работъ, я васъ свожу къ нашимъ крестьянамъ — рабочимъ (у насъ еще, слава Богу, половина при землѣ держится, при общинѣ свое хозяйство имѣетъ... Вѣдь, и какъ имъ немного надо!.. Только бы чуточку поддержать при своемъ хозяйствѣ, при землѣ!). Они васъ тоже всѣ знаютъ, все объ васъ слышали... А какъ они рады будутъ! Вы не вѣрите?.. Не вѣрите?.. Знаете, какіе изъ нихъ люди есть? — сказала Капитоша, сердито сдвигая брови и сверкая на Русанова своими лихорадочно-подвижными глаза-

ми.—Изъ нихъ есть подвижники... Да!.. Подвижники... Имъ всего (ихъ два товарища) по двадцати пяти лѣтъ, а они ужъ вериги носили... Отъ всѣхъ удовольствій (это они-то, мужики) отказывались: не знали, что такое водка, табакъ, гулянки... Всю Библию самоучкой отъ доски до доски прочитали... И какіе люди вышли!.. Но итъ, вы, конечно не вѣрите... А я, вѣдь, съ ними — вотъ какъ! Родные!.. Да, голову могу имъ на руки отдать... Я вамъ всѣхъ ихъ покажу... живыми... вотъ, какъ есть... А какъ они-то будутъ рады, если вы... да съ ними... по-человѣчески-то... хоть одно слово... Да, итъ, я знаю, вы теперь все одно не повѣрите,—грустно проговорилъ юноша.—А вотъ ужъ завтра...

Русановъ, пожавъ руку Капитошѣ, улыбаясь его дѣтскому восторгу, поднялся и чуть не упалъ: сердце его усиленно билось, ноги дрожали; небывалое волненіе охватило все его существо. Онъ чувствовалъ самъ, какъ щеки его горѣли и все лицо... сіяло... Шатаясь, онъ добрался до кровати.

„Что это такое: свѣтъ? оплата? или все тотъ же „процессъ жизни“?“.

Но онъ не могъ думать. Объятый смутнымъ, безсознательнымъ чувствомъ довольства и радости, онъ уснулъ крѣпкимъ спокойнымъ сномъ, какого не знавалъ уже давно.

VI.

— Куда же мы, однако, идемъ? Я что-то забылъ уже эту мѣстность,—проговорилъ Русановъ, когда раннимъ утромъ поднимались они на вершину глинистаго, изрытаго промоинами и колеями, холма; въ полуусталой, но пріятной истомѣ, поджидал своего отставшаго спутника, Русановъ прислонился къ влажному стволу одной изъ сосенъ, кучкой сбѣжавшихся на этой голой вершинѣ, и его обдало густымъ смолистымъ запахомъ и цѣлымъ дождемъ мелкихъ росинокъ, чуть державшихся на зеленыхъ иглахъ. Русановъ закурилъ сигару и съ какимъ-то дѣтскимъ удовольствіемъ долго слѣдилъ за тонкой струей пахучаго дыма, быстро таявшаго въ свѣжемъ рѣдкомъ воздухѣ.

— А идемъ мы вонъ туда... Забыли? сказать, подходя, Капитоша, запыхавшійся и раздумывавшійся отъ ходьбы въ гору.

Русановъ обернулся въ сторону, указавшую Капитошей, и въ томъ мѣстѣ,

гдѣ сбѣжавшая съ холма дорога поворачивала въ бокъ къ рѣчкѣ, онъ увидать знакомую блѣую, жестяную главу маленькой, выкрашенной желтою охрой церкви бѣднаго, древняго погоста Прихолмскаго.

— А! — слабо протянулъ Русановъ, глубоко вздыхая. Онъ что-то хотѣлъ сказать, но удержался.

— Ну, что жъ! Пойдемте,—прибавилъ онъ, какъ челоуѣкъ, настолько обремененный ношей, что лишняя прибавка новой тяжести для него была бы почти нечувствительна.

Они спустились къ рѣчкѣ, обогнули заросшій орѣшникомъ крутой скатъ оврага и въ болотистой лоцинкѣ, на берегу пруда, увидали съ десятокъ домиковъ и избъ погоста, скучившихся между церковною оградой и кладбищемъ.

Все это Русановъ узналъ сразу; все, видимо, стояло неприкосновенно, какъ и пятнадцать лѣтъ назадъ: тѣ же одряхлѣвшіе домики съ вишневыми садами на задахъ; тотъ же колодезь посреди улицы съ прогнившей и заплѣсневѣвшею крышей; тотъ же батюшкинъ домъ съ огромнымъ покосившимся крыльцомъ, обвѣшаннымъ по периламъ сушившимся бѣльемъ и всякою дрянью, и, наконецъ, все также знакомая большая, старая и закопченная, съ непомѣрно высокой и остроконечною крышей изба дьячка Петра Прихолмскаго. Да, вотъ она, старуха!..

И Русанову припомнилось, какъ много хорошихъ юношескихъ мыслей зародилось въ этой избѣ и какъ еще больше было высказано хорошихъ словъ. Почему-то именно теперь ему припомнилось, какъ когда-то въ этой избѣ шелъ оживленный споръ о сліяніи, о формѣ его. Все это обсуждалось горячо, искренно: одни безусловно стояли за лапотъ, другіе предпочитали кувшинный сапогъ, а третьи, и въ томъ числѣ онъ, указывали на Лассалю, который покорялъ сердца массъ, несмотря на то, что ѣздилъ на митинги въ лайковыхъ перчаткахъ и каретѣ. И обо всемъ этомъ серьезно толковали добрые, хорошіе люди,—говорили вотъ тутъ, гдѣ „настоящій-то“ мужикъ былъ съ ними бокъ-о-бокъ. Все это, можетъ быть, было наивно, но и вспоминая объ этомъ теперь, Русановъ не смѣялся; онъ сурово сдвинулъ брови и глубокія морщины выступили на его лбу; подъ смѣшнымъ символомъ сапога оказалась скрытой тайна пятнадцатилѣтней жизни, а можетъ быть и всей, до гробовой

доски. Подъ символомъ этого смазного сапога, вотъ здѣсь, въ этой старушкѣ-избѣ, аристократъ-барченокъ, перенимая перьяшливость плебея, *смиралъ* въ себѣ гордаго, сильного человѣка, а плебей, съ утрированнымъ цинизмомъ пронося этотъ смазной сапогъ въ гостиную, за-влялялъ права безсильнаго.

— Капитонъ Артамоничъ! не къ намъ ли, батюшка, пожаловали? Милости прошу!.. Входите!—крикнула высунувшаяся изъ окна здоровая старуха съ перепачканнымъ мукой большимъ мясистымъ носомъ, спряталась опять за окно и встрѣтила уже вошедшихъ въ сѣняхъ избы, одергивая подолъ платья съ тѣмъ, нѣсколько сдержаннымъ, подобострастіемъ, съ которымъ русскій человѣкъ всегда встрѣчаетъ „сильнаго“ человѣка, хотя бы онъ въ немъ вовсе не нуждался. Русановъ тотчасъ же узналъ дьячиху, почти не измѣнившуюся: высокая, костистая, серьезная женщина, что называется съ „крѣпкимъ разсудкомъ“, а потому грубоватая и плутоватая, какъ все люди „деревенскаго здраваго смысла“.

— Вотъ какъ, и ваше высокоблагородіе, черезъ кои-то вѣки, задумали насъ навѣстить,—сказала старуха, не выказывая особаго изумленія при видѣ Русанова, но плотно поджимая губы, съ тонкой улыбкой „человѣка здраваго смысла“, который привыкъ считаться съ жизнью и смотрѣть ей прямо въ глаза.—Какъ васъ, батюшка, Господь милуетъ?

— Ничего, благодарю васъ, — растерянно отвѣчалъ Русановъ.—Какъ выживаете?

— Что мнѣ теперь? Теперь мнѣ Бога гнѣвить нечего... Вдовствуемъ мы вотъ здѣсь вдвоемъ съ дочкой, съ Грuneй... вдовствуемъ... Присядьте... Она скоро придетъ... А мы вотъ пока, честь-честью, чайку поьемъ...

И старуха вышла, захвативъ ведро.

Русановъ оглядѣлъ старую избу, теперь пустую, почти безмолвную, а когда-то полную кипятившейся, боровшейся за существованіе, рвавшей на свѣтъ, на свободу жизни. И только цѣлый рядъ старыхъ, полувыцвѣтшихъ фотографическихъ карточекъ, бросившихся въ глаза Русанову со стѣны, напоминали о томъ, сколько жизненныхъ силъ вышло на просторъ изъ этой избы деревенскаго дьячка. Онъ подошелъ къ портретамъ и цѣлый рядъ знакомыхъ и забытыхъ образовъ прошелъ въ его воспоминаніи: тутъ

были военные и статскіе мундиры, рясы и купеческія поддевки, лица—суровыя и сухія, добрыя и симпатичныя, наглыя и тупыя, скорбныя и грустныя. А вотъ и родоначальникъ всей этой массы выпущенныхъ изъ этой избы жизней: маленький, лысый съ жидкими косичками, съ добрымъ, но съ печатью вѣчнаго смиреннаго „послушанія“ лицомъ, старичокъ-дьячокъ Петръ Прихольскій. Сбоку его—полустертая, старая карточка молодой бѣлокурсой, шестнадцатилѣтней дѣвушки, словно застывшей съ выраженіемъ добраго, наивнаго изумленія на лицѣ. А тутъ вдругъ, въ сторонкѣ отъ нея, какъ то спрятавшись за картиной Побѣдоносца Георгія, поражающаго змѣя, совсемъ выпѣвшій, въ смѣшной самодѣльной рамкѣ и золотого бордюра, портретъ красиваго, темнокудраго юноши, съ тонкими, породистыми, аристократическими чертами лица, и подъ нимъ, приколотая булавкой, заспеленная мухами, визитная карточка, Богъ вѣсть зачѣмъ-то и кѣмъ-то сохраненная. Русановъ узналъ портретъ и карточку, вспыхнулъ и въ растерянномъ смущеніи отвернулся отъ стѣны.

— А мы вотъ здѣсь вдовствуемъ вдвоемъ съ дочкой, съ Грuneнкой,—повторила, входя, старуха. — Потихоньку да помаленечку живемъ.

— А какъ ваши сынки: устроились, довольны?—спросилъ Русановъ, торопясь подавить въ себѣ внутреннее волненіе.

— Что имъ не быть, батюшка, довольными? Попрежнему то половина изъ нихъ на колокольняхъ бы звонила, да по яйцы по деревнямъ долгія-то помы трепала... А теперь, поди-ка, какія изъ нихъ тузы есть,—отвѣчала грубоватая дьячиха, приготовляя самоваръ.—Вонъ глиньте-ка на стѣну-то, кого-кого нѣтъ! Ежели посчитать сыновей, да дядевъ,—тутъ тебѣ и профессора, и благочинные, и анженеры, и такъ какія-то безпризорные, художники да адвокаты... Мы, вѣдь, большое сѣмя со старикомъ-то запустили! Кто въ Кіевѣ, кто въ Петербургѣ, кто въ Москвѣ, кто въ Одессѣ, кто въ Сибиріи... Признаться сказать, кабы не Груня, я бы и адресовъ-то половинны не знала... Мало ли ихъ у меня!—продолжала говорить старуха, торопливо и привычно, то насыпая угли въ самоваръ, то щепля лучину, то перетирая посуду, но не теряя, попрежнему, собственнаго достоинства.—Все бы

нужно быть довольнымъ да Бога благодарить, а признаться, по мнѣ, такъ изъ нихъ только и есть настоящаго то народу, что двое или трое: анжинеръ одинъ у меня есть... Ну, этого человѣка—такъ ужъ и видишь, что на линіи стоитъ твердо: прѣдѣтъ въ деревню, эполетой поведетъ, сразу видно, что начальникъ и свое мѣсто знаетъ! А другой вотъ, старшій изъ всѣхъ, хоть и въ несчастіи онъ (кажись, товарищъ онъ-то вамъ и былъ), да добрый былъ, на братьевъ чуть не всего себя уходилъ, самъ-то пробивался, да и ихъ всѣхъ за собою тянулъ... Кабы не онъ, гдѣ бы имъ еще людямъ быть! Ну, да ужъ воть самому-то и ничего не осталось... Да, вѣдь, одно дѣло: себя ли обмундировать, или другихъ... Такимъ-то людямъ все такая награда... А вотъ ужъ другіе-то, такъ тѣ всѣ ровно развинченные какіе-то... Художникъ у меня теперь есть, ко мнѣ все по лѣтамъ ѣздитъ; прѣдетъ да цѣлое лѣто на снѣгъ или по травѣ валяется... Прежде-то онъ все мужиковъ рисовалъ, а теперь и это бросилъ. Другой разъ скажешь ему: „Посмотрю-ка я, Алексѣй, все ты пустяками занимаешься, а дѣла отъ тебя не видно“. А онъ молчитъ... А другой разъ вцѣпится въ волосы-то руками, да и реветъ, что корова. А то есть такіе, развинченные-то, что и старшаго брата не стыдятся носить... Что, вишь, будто онъ ихъ судьбу загубилъ!.. Всякіе, всякіе, есть!.. Въ большой семьѣ всего много... Вотъ откушайте-ка деревенскаго угощенія, по старой памяти,—угощала старуха.—А признаться-то сказать, намъ, старикамъ, да вотъ Грунѣ всѣхъ тяжелѣе пришлось, пока еще молодцы-то въ люди вышли,—начала она, присаживаясь къ столу, поставила на него локти и, подперевъ щеку, стала смотрѣть въ лицо Русанова.—А вы, чай, помните Груню-то?—спросила она, по-прежнему поджимая губы съ тонкой замшеловатою улыбкой.

— Да,—отвѣчалъ Русановъ, смущенно опуская глаза.

— То-то... Ну, да, чай, ужъ плохо... Гдѣ помнить!.. А ужъ чего-то, чего не приняла она изъ-за васъ да изъ-за братьевъ! Еще въ то-то время, бывало, какъ вы здѣсь, молодые-то, собирались, такъ и тогда ей ни про кого изъ васъ лишняго слова сказать нельзя было: такъ вся и задрожитъ, и загорится, готова глаза выцарапать... А ужъ про васъ... такъ

я и не знаю. Ужъ и такой-то вы хорошій, такой-то вы пригожій... Чуть не святой!.. Ровно на икону она на васъ молилась! Другой разъ скажешь: „Да выбрось ты его изъ головы... Ну, ровня ли онъ намъ?“ Такъ она даже помертвѣетъ вся: „Лучше бы вы меня зарѣзали, чѣмъ такими словами меня терзать“. Лучше старшаго брата да васъ кромѣ у нея никого и на свѣтѣ не было... Да... А вотъ весь свой дѣвичій вѣкъ здѣсь промаялась! Васъ, соколовъ, тоже голыми-то руками въ люди-то не выведешь. Бывало, это, одинъ соколъ вылетѣлъ, а за нимъ слѣдомъ другой, а тамъ третій. Одинъ въ училище, другой въ семинарію, тотъ въ университетъ, этотъ въ академію. Одинъ пишетъ: подюжины бы рубашекъ, другой—подштанниковъ, третій—полотенецъ, четвертому—штаны, этому — блузу... Да такъ съ Груней-то, бывало, и сидимъ одинъ, съ утра до поздней ночи, спины не разгибая. А тутъ сестренки замужъ повыскакали (онѣ не больно разборчивы на людей-то, не то что Груня), да еще свое хозяйство. Только и утѣшенія было у Груни, что вотъ все письма читала отъ васъ да отъ братьевъ... И все-то, все слѣдила, гдѣ вы, да что вы... „Не грѣхъ, говоритъ, маменька, на нихъ и поработать!“ А тѣмъ временемъ стало намъ здѣсь все хуже, да хуже: повелась у насъ эта язва—сталовѣры да нововѣры. Ото всюду спросу много, а взятыся ничѣмъ... Помощи еще ни отъ кого не было; трое братьевъ еще въ училищѣ да семинаріи были... Вѣдь, ихъ всѣхъ обути, одѣть надо было... А тутъ у насъ открылась ваканція діаконская... Мы съ отцомъ-то да къ Грунѣ-то въ поги... „Грушенька, пожалѣй, говоримъ, братьевъ, дай имъ въ люди выйти... Не забудутъ!“ Помертвѣла вся, ровно бѣлый снѣгъ, да слова не сказала—пошла къ вѣнцу... Ну, думаемъ, вдохнемъ за затемъ, да не то вышло... Задался онъ злодѣй, завистливый да жадный (вишь, за то злобствовалъ, что изъ семинаріи исключили). Бывало, напьется, станетъ попрекать Груню вами да братьями... Станетъ бить ее: „Я, говоритъ, вышибу изъ тебя эти формсы да модели-то!“ Господи, бывало, прибѣжитъ къ намъ Груня-то, вся въ слезахъ, голубушка, истерзанная; запремся мы въ избѣ-то здѣсь наглухо, да втроемъ, со старикомъ-то покойникомъ, и режемъ, и воємъ, несчастные... Потомъ дѣ-

ти у нея пошли—того больше надсады. Не успѣть родиться—умреть, не успѣть умереть—опять беременна... А злодѣй все злодѣйствуетъ!.. Рази-рази когда Груня вырвется да у насъ, гдѣ ни-то въ уголку, письма-то всѣ старыя ваши перечитаешь, или книжку какую-нибудь, да все урывочками... Карточки-то ваши да братьевъ все ужъ въ подпольцу прятала... Ну, да всего года четыре помялась, а тамъ ужъ какъ-то сразу Господь, за долгое терпѣніе, насъ милостію разыскалъ. Умеръ злодѣй-то, а тутъ ужъ кое-кто и изъ соколовъ въ люди вышли... Помогать стали... Вскорости старикъ мой померъ, остались мы съ Груней вдвоемъ, только мальчикъ при ней одинъ остался... Ну, стала она тутъ грамотѣ приходскихъ дѣтей учить... Потомъ это, Богъ ей послалъ, въ Москву съѣздила, тамъ съ годъ-другой лѣкарству поучилась, и опять вернулась... Ожила совсѣмъ!.. Теперь у ней вся округа знакома, а мужики да бабы души въ ней не чаютъ... Ну, да, вѣдь, страданія-то ея да доброта у всѣхъ на глазахъ были!.. А ужъ объ васъ-то она, объ васъ-то и теперь безъ молитвы слова не скажетъ! Нѣтъ того малаго мальчонки, чтобъ она кому объ васъ да объ старшемъ братѣ не говорила: что вы и отъ богатства-то и почести отрѣшились, что какъ вы и мужиковъ-то по христіански любили, и какъ это вы имъ земли-то свои отдали... И все это, вѣдь, хвалить не изъ-чего, всякій видѣлъ, что безъ хитрости, безъ умыслу, безъ расчета, а единственно отъ сердца... Ну, да простите меня, старуху, что я такъ разболталась... Да, вѣдь, и то сказать: не все намъ, господа, на васъ молиться; дайте намъ и про себя слово молвить!.. Тоже, вѣдь, Богъ знаетъ, далеко ли соколики-то улетѣли, кабы мы здѣсь не плакали, да въ норахъ-то, около грязи, не копались!—прибавила хитрая старуха, съ лукавой улыбкой взглядывая на блѣдное лицо Русанова. Она бросилась къ закипѣвшему самовару, а изъ груди Русанова неволью, вмѣстѣ со вздохомъ, вырвался болѣзненный стонъ,—стонъ послѣ такой пытки, которой еще онъ никогда въ жизни не испытывалъ.

— А вонъ и Груня!—сказала старуха, увидавъ дочь въ полукоторенную дверь въ сѣняхъ. Русановъ не успѣлъ еще притти въ себя, какъ черезъ порогъ переступила высокая, худая женщина, лѣтъ тридцати, въ простомъ сит-

цевомъ платьѣ и легкомъ шерстяномъ платкѣ на головѣ, съ добрымъ, худымъ, блѣднымъ лицомъ и съ знакомыми, наивными карими глазами. Она сначала было весело и привѣтливо взглянула на гостей, узнавши одного „Капитошу“, но вдругъ поблѣднѣла, потомъ вспыхнула, пошатнулась: на ея лицѣ отразились разомъ тайная любовь, радость, испугъ, стыдъ и благоговѣніе. Потомъ руки ея задрожали, щеки задергало судорою и, закрывъ лицо, она вдругъ заплакала, опустившись на скамью. Но черезъ секунду она овладѣла собой, быстро встала и, утирая платкомъ слезы, веселая, радостная, разрумянившаяся, улыбаясь, подошла къ Русанову и протянула руку ему и Капитошѣ.

— Вы меня извините... право... Такая я стала чувствительная... Я и сама на себя сержусь, что нѣтъ во мнѣ эдакой выдержки, да ничего сдѣлать не могу... Какой ужъ отъ насъ выдержки ждать!.. Какъ это вы надумали?—спрашивала она Русанова, садясь около стола, волнуясь и избѣгая смотрѣть на него.—Право, какъ это хорошо, что вы, наконецъ, надумали... Послѣ столькихъ лѣтъ... Какъ мы вамъ здѣсь рады будемъ... Вѣдь, мы васъ хорошо помнимъ... Вы рады, Капитонъ Артамонычъ, да?

— Я-то?.. Какая вы чудная, Аграфена Петровна!—махнулъ рукой Капитоша.

— Право, какъ это хорошо... Да и не мы одни рады будемъ... Васъ здѣсь знаютъ такіе люди, о которыхъ вы и не думали... Только все такіе хорошіе... Вы, пожалуйста, не бойтесь, не подумайте, что какіе-нибудь... Ну, вотъ, давайте чай пить!—говорила она, постоянно то садясь, то опять вставая, то вспыхивая, то улыбаясь.

— Ну, ужъ вотъ ты теперь угощай, какъ знаешь,—сказала старуха.— Это твои гости.

VII.

Было уже далеко за полдень. Русановъ, не ощущая ни жары, ни пыли, быстро шелъ отъ Прихольмскаго погоста къ Приклону. Ему казалось, что ужъ очень-очень давно онъ не ходилъ такъ легко, свободно. Притомъ, ему вовсе не было нисколько нужды торопиться куда-либо, а между тѣмъ его что-то непонятное влекло, уносило, какъ будто у него выросли крылья, и онъ иногда даже нарочно

крѣпче ступалъ ногой, чтобы ощутить подъ собою землю. Что-то радостное, мирное, свѣтлое охватило его. Въ головѣ не было ни одной устойчивой мысли; онѣ мелькали тамъ одна за другой, какъ тѣ игривые, желтые мотыльки, которые, не отставая, крутились предъ нимъ вотъ уже всю дорогу. Онъ былъ одинъ, кругомъ не видно было ни одной живой души, а поля, рощи, холмы безмолвно покоились подъ пригрѣвшими ихъ солнечными лучами. И Русановъ былъ радъ, что ни одно внѣшнее впечатлѣніе „изъ жизни“ не нарушало воцарившейся въ его душѣ гармоніи... И Капитоши не было съ нимъ: онъ и то все утро сидѣлъ, какъ на иголкахъ; его подвигналъ, нервная натура, одинаково приходившая въ волненіе какъ отъ собственныхъ внутреннихъ ощущеній, такъ и отъ внѣшнихъ впечатлѣній, не могла ни на минуту успокоиться; въ концѣ-концовъ онъ убѣждалъ, сказавъ, что ему „неотложно“ пужно на фабрику, что, вѣроятно, пріѣхалъ отецъ, что онъ боится, что между нимъ и братьями произойдетъ „стычка“, и что можетъ выйти изъ этого „ерунда“, за которую въ концѣ-концовъ придется расплачиваться все тѣмъ же рабочимъ.

Какъ ни пріятно было Русанову сосѣдство Капитоши, но, въ глубинѣ души, онъ чувствовалъ, что былъ доволенъ теперь отсутствіемъ этой напряженной, воспримчивой и звучащей, какъ туго натянутая струна, юпой души.

Вдали показывалась фабричная труба, но уже теперь ни фабричный послѣбоденный свистокъ, глухо доносившійся до него, ни самъ новый Приклонъ, ни даже неизбежная скорая встрѣча съ самимъ „хищнымъ“ Артамономъ Кабановымъ не смущали, не пугали его. Русановъ продолжалъ легко и быстро идти, не анализируя, какъ прежде, своего настроенія, не копаясь, съ прежней обычной привычкой, въ самыхъ тайныхъ уголкахъ души, не отдавая себѣ отчета ни въ бродившихъ въ головѣ мысляхъ, ни въ душевныхъ ощущеніяхъ.

Также быстро, съ открытымъ, оживленнымъ, раскраснѣвшимся лицомъ, вбѣжалъ онъ по ступенямъ широкой, въ старинномъ вкусѣ, со множествомъ балясъ, лѣстницѣ въ верхній этажъ Кабановскаго дома, вошелъ въ коридоръ и вдругъ, не давая себѣ отчета, остановился. Въ полуотворенную дверь, которая вела изъ коридора въ гостиную, онъ увидалъ пѣ-

мую, какъ будто на мгновеніе застывшую группу. Въ глубинѣ компаты, положивъ безмолвно дрожащую руку на столъ и тяжело дыша, сидѣлъ самъ Артамонъ Матвѣичъ Кабановъ. Ни то, какимъ все время рисовался онъ въ воспоминаніи и воображеніи Русанова, ни портретъ его, висѣвшій въ школѣ, не давали почти никакого намека на то, что онъ видѣлъ предъ собой. Въ длинномъ суконномъ купеческомъ сюртукѣ нараспашку, изъ-подъ котораго виднѣлись жилетка, выпущенная клѣтчатая рубашка и такія же шаровары, полусидѣвшій, съ просѣдою въ волосахъ и бородѣ, удрученный и какъ будто обезсилѣвшій сидѣлъ онъ, опустивъ голову, и только лихорадочно бѣгали его умные, суровые глаза. Вбокъ отъ него, въ уголѣ, около двери стояла рыхлая и добрая его супруга, вся — воплощеніе напряженного испуга и, казалось, шептавшая про себя молитвы. А впереди родителей, около стѣны, стояли ихъ сыновья—трое молодыхъ въ пиджакахъ, раздушенные, въ разнообразныхъ галстукахъ и манжетахъ, съ вычурными золотыми массивными часовыми цѣпочками поверхъ жилетовъ.

Все они были, очевидно, погодки, все были молодые—отъ двадцати до двадцати пяти лѣтъ, все были здоровы, румяны, красивы, и все, какъ по уговору, совершенно одинаковымъ, тупо-упорнымъ, вызывающимъ, возбужденнымъ взглядомъ, не моргалъ, смотрѣли на отца. Наконецъ, не вдалекѣ отъ братьевъ и отца, въ углу между стѣной и окномъ, прислонившись плечомъ, стоялъ Капитоша, какъ и всегда, блѣдный, съ легкимъ болѣзненнымъ румянцемъ и съ лихорадочнымъ блескомъ въ глазахъ. Чувствовалось, какъ ходила въ немъ ходономъ каждая жилка, дрожали ноги, руки и блѣдныя губы.

Вдругъ отецъ обвелъ быстрымъ взглядомъ всѣхъ своихъ сыновей, нервно вскопчилъ и, сверкая глазами въ ту и другую сторону, не закричалъ, а какъ-то зашипѣлъ: „Лиходѣи! ненавистники!.. Что вы такъ другъ на друга смотрите?.. Что вы?.. Есть ли на васъ ликъ-то Божій?.. Видѣ, на васъ, на всѣхъ, Божьяго лика не видать!

— Батюшка, Артамонъ Матвѣичъ, умирись!.. Пожалѣй себя... Долго ли до грѣха!—бросилась къ нему жена, останавливая его за рукавъ.

— Прочь!—оттолкнулъ ее Кабановъ,—прочь, говорятъ! Что вы меня мучаете? Что вы меня терзаете?—сдержанно шеп-

талъ онъ, подступая то къ старшимъ сыновьямъ, то къ Капитошѣ. — Каждый день, каждый часъ... Что вы изъ моего дома дѣлаете? Мало вамъ отцовскихъ денегъ, мало все на безобразія — то ваши? Чего вамъ еще недостаетъ? Чего? — говорилъ онъ, раздраженно срывая съ груди сыновей цѣпочки и теребя ихъ за борты пиджаковъ. — А ты что, полоумный? — накинудся онъ на Капитона. — Посмотри, вѣдь, тебя въ гробъ класть! Что ты хочешь? Расточить, все расточить? Кто тебѣ такое право далъ на отцовскія деньги? Чѣмъ ты это право взялъ, — имъ дворцы-то строить на отцовскія деньги?

— Вѣдь, мы, папаша, объ томъ же... Вѣдь, это одно безобразіе, — заговорили разомъ старшіе сыновья. — Или вести дѣло какъ слѣдуетъ, или расточать... Помилуйте! Гдѣ это видало, въ какихъ фирмахъ, чтобы всѣ хозяева въ розницу думали, въ разныхъ направленіяхъ?.. Этого позволить нельзя... Мы тоже допустить не можемъ. Наши интересы страдаютъ...

— Все мое, все! — не выдержавъ, зарычалъ какъ-то Артамонъ Кабановъ, и его лицо налилось кровью. — Все мое! Слышите? Нѣтъ тутъ вашего ни капли... Все мое! Плохъ я, дуракъ — самъ отвѣчу; грабитель я, воръ — и за это самъ отвѣчу!.. Все мое!.. Нѣтъ вашихъ здѣсь никакихъ правовъ: ни вамъ съ мамзелями гулять, ни тебѣ расточать!.. Вонъ пошли, вонъ! Чтобы глаза мои васъ, ненавистниковъ, не видали!

И, обезсиленный, дрожащій, Артамонъ Кабановъ упалъ въ кресло.

VIII.

Русановъ, пораженный и смущенный, какъ будто очнулся и, повернувшись назадъ, быстро сбѣжалъ съ лѣстницы и зашагалъ куда-то машинально, не отдавая себѣ отчета. Когда онъ нѣсколько припелъ въ себя, онъ почувствовалъ что-то похожее на радость, на самодовольство. Но ему тотчасъ же стало стыдно и гадко отъ этого чувства. „А если и тутъ могли?“ — мелькнуло у него въ головѣ. Онъ обогнулъ задами фабрику и пошелъ къ Старому Приклону.

Онъ подходилъ къ нему съзадовъ, и теперь Старый Приклонъ еще больше, чѣмъ прежде, произвелъ на него грустно-утѣшающее впечатлѣніе. Каждая самая мел-

кая деталь вызывала въ немъ воспоминаніе о чемъ-то очень близкомъ, родномъ. Бани по берегу пруда, карявые и раскидистыя ветлы, полуразрушенные овины и сѣпицы — все это, казалось, мягко, радушно, гостеприимно встрѣчало его и манило къ себѣ. Вонъ дѣвушки и ребятишки группами собираются не вдалекѣ и, останавливаясь, внимательно осматриваютъ его, показываютъ пальцами. „Это — старый баринъ нашъ, — какъ будто, слышится Русанову, шепчутъ они. — Вотъ самый тотъ, про котораго Аграфена Петровна говорила... Это онъ самый!“ — „Ахъ, болѣзненный! Какъ-то теперь ему живется?“ — опять, кажется ему, думаютъ старухи, провожая его глазами. А вонъ два парня фабричныхъ стоятъ въ сторонѣ и еще болѣе внимательными взглядами смотрятъ за нимъ. Вотъ они, не подобострастно, какъ прежде, и не съ фабричною вызывающе ухарскою повадкой, а съ истиннымъ уваженіемъ низко раскланились съ нимъ, и по ихъ глазамъ видно, что имъ очень хотѣлось бы побесѣдовать съ нимъ, сойтись поближе. Ужъ не тѣ ли это два товарища-подвижника, въ веригахъ, о которыхъ говорилъ Капитоша?

Русановъ шелъ все тише и медленнѣе, весело и любовно улыбаясь всему, что онъ встрѣчалъ. Онъ чувствовалъ, какъ душевная гармонія снова воцарилась въ немъ, и даже недавняя видѣнная имъ тяжелая сцена въ домѣ Кабанова нисколько не смущала этой гармоніи.

Что-то теплое, ласкающее мало-помалу охватило всю его душу. Съ тихимъ чувствомъ умиленія и какой-то дѣтской благодарности вспоминалъ Русановъ о Грунѣ, о Капитошѣ, объ этихъ рабочихъ, о другихъ „такихъ хорошихъ людяхъ“, которые здѣсь его давно знаютъ, по словамъ Аграфены Петровны, и которые такъ ему будутъ рады; вспоминалъ и еще многихъ, которые только здѣсь, можетъ быть, помнятъ его... О, этого уже никто не отниметъ отъ него, даже самая смерть!

И то, что въ жизни взято разъ,
Не въ силахъ рокъ отнять у насъ!

Вспомнилъ даже объ этой старой приклонской общинѣ, которая все еще стоитъ и существуетъ попрежнему, туго постукаясь своими миролюбивыми „устоями“. И вотъ какъ-то украдкой, робко, у него мелькала мысль, при которой онъ стыдливо вспыхивалъ: „Не здѣсь ли конецъ и

отрада? Не въ этой ли пристани отвѣтъ на все: отплата за прошлое, надежды на будущее? Не здѣсь ли, наконецъ, успокоеніе?“

Такъ думалъ онъ, когда, не замѣчая, гдѣ онъ бродилъ, вдругъ очутился на маленькомъ кладбищѣ за оградой церкви, вблизи своихъ „фамилійныхъ плитъ“, покоившихся подъ густой тѣнью черемухъ, липъ и рябинъ.

Онъ вошелъ подъ ихъ прохладную сѣнь и смущенно остановился, вперивъ взглядъ въ эти тяжелые, заросшіе густою травой памятники. „Могилы! — шептала онъ. — Могилы!.. Тотъ народъ великъ, у котораго есть великія могилы“, — припомнилось ему чье-то выраженіе, и его обдало холодомъ и ужасомъ. И опять цѣлый рядъ то унылыхъ, меланхолическихъ, то гордыхъ и побѣдоносно глядѣвшихъ тѣней пронесся въ его воображеніи. А вотъ среди нихъ и образы дяди-массона, и матери—этой „ангельской души“, какъ звали ее крестьяне. Высокая, стройная, съ гордымъ, унынъ, бѣлымъ, какъ слоновою костью, лбомъ, съ уныло-доброю улыбкой, но съ мечтательною энергіей въ голубыхъ глазахъ, какъ будто озиравшихъ безграничную даль, встала она предъ нимъ.

Вотъ онъ—этотъ милый, свѣтлый, дорогой образъ! Вотъ она, лучшая кровь которой текла въ его жилахъ.

— Мать, мать!—вдругъ сквозь рыданія вырвалось изъ груди Русанова.—Такимъ ли ждала ты видѣть сына у своей могилы? Гдѣ тѣ широкіе, орлиные захваты, уносившіе насъ въ царство мирной, безграничной свободы?—тѣ великіе образы Вашингтоновъ, Франклиновъ, которые ты умѣла вызвать въ моемъ дѣтскомъ воображеніи въ такой обольстительно-величавой красотѣ?.. О, дорогая моя!.. Я слабъ... Я изнемогаю...

Русанова вдругъ охватило что-то сильное, непобѣдимое и какъ будто сжало своими могучими объятіями; онъ чувствовалъ, что теряетъ волю, самообладаніе: колѣна его подкашивались; глаза застилалъ мракъ; въ ушахъ раздавался шумъ... „Безсильный! Безсильный!“ — слышалось ему и въ лепетѣ листьевъ, и въ тихомъ вѣяніи вѣтра. Ему казалось, что кругомъ обступала его шумная, торжествующая толпа, и всѣ указывали на него

пальцами... Ему стало стыдно, горько и обидно... Онъ отчаянно, собравъ послѣднія силы, рванулся отъ плиты, которая, казалось, притягивала его къ себѣ непобѣдимой силой, но вдругъ схватился за сердце и упалъ снова на холодный чугунъ...

И вдругъ ему показалось такъ хорошо, такъ сладко лежать на этой прохладной плитѣ. Онъ теперь не только уже не дѣлалъ отчаянныхъ попытокъ оторваться отъ нея, но, напротивъ, съ каждой секундой начиналъ ощущать приливъ неизреченнаго блаженства. И ему казалось, что этотъ приливъ исходилъ изъ его собственнаго сердца, неся отъ него все болѣе и болѣе быстрою и широкою струей и разливаясь по всему организму. Сквозь трепетавшіе надъ нимъ сочные и свѣжіе листья рябины на него спускались причудливыя грезы. Ему казалось, что вмѣстѣ съ потокомъ золотыхъ лучей, пробивавшихсясквозь густую листву, къ нему отовсюду неслись знакомыя тѣни. Онѣ прибывали съ каждою секундой; онѣ тѣснились вокругъ него толпой, привѣтливо и любовно протягивая къ нему руки. Онѣ неслись къ нему изъ бѣдной избы стараго дѣяча Прихольмскаго, изъ маленькихъ номеровъ „Карса“, изъ каморки переходжаго сапожника, отъ уютныхъ залъ стараго дворянскаго дома и отъ соломенныхъ избъ приклонской общины; отъ страшныхъ хоромъ страшнаго Кабанова и отъ рабочихъ станковъ его мрачныхъ корпусовъ; отъ шумныхъ улицъ столицъ и съ безмолвныхъ холодныхъ тундръ Сибири...

— Хорошо!—хотѣлъ было прошептать Русановъ, вдохнувъ полною грудью, но его губы уже были холодны и плотно стиснуты, а въ груди почувствовалась острая, жгучая боль. Онъ простоналъ, повернулся навзничъ, вытянулся, конвульсивно вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ — и къ нему, какъ къ измученному путнику, быстро сошелъ крѣпкій, благодатный сонъ. Русановъ успокоился навсегда.

Спустя немного времени Русановъ былъ перенесенъ въ домъ Кабанова. По заключенію врача, съ великимъ трудомъ разысканнаго Капитошей, смерть послѣдовала отъ разрыва сердца, вслѣдствіе продолжительныхъ душевныхъ потрясеній...

1881—1884 гг.

МОИ ВИДѢНІЯ.

(РАЗСКАЗЪ ОДНОГО МАЛЕНЬКАГО ЧЕЛОВѢКА).

МОИ ВИДѢНІЯ.

(РАЗСКАЗЪ ОДНОГО МАЛЕНЬКАГО ЧЕЛОВѢКА).

 недавно на своемъ столѣ я нашелъ рукопись, оставленную кѣмъ-то въ мое отсутствіе. Я долго ломалъ голову, вѣматриваясь въ почеркъ, чтобы узнать таинственнаго автора, и только прочитавъ начало рукописи, я понялъ, кто это могъ быть. Въ самомъ концѣ было приписано: „Можете распорядиться ею, какъ знаете. Мнѣ все равно“. Предполагая, что современный читатель можетъ найти кое-что небезынтересное въ этомъ странномъ произведеніи, я рѣшился его напечатать. Авторъ его, какъ видно и изъ самаго разсказа, — нѣкто Иванъ Петровичъ Кузнецовъ, мало кому извѣстный художникъ изъ мѣщанъ. Онъ иногда заходилъ ко мнѣ, но рѣдко. Я зналъ его всегда за очень добраго, скромнаго и очень работающаго человѣка, никогда не заявлявшаго никакихъ особыхъ претензій. Всѣ видѣли въ немъ самую ординарную личность и мало интересовались имъ. Повидимому, онъ то же думалъ самъ и никогда никому ничего о себѣ не разсказывалъ. Содержаніе его разсказа меня поразило своею неожиданностью. Кстати замѣчу, что названіе рукописи дано самимъ авторомъ.

I.

Я провелъ долгую, мрачную, безсонную ночь, полную видѣній. Безкопечная вереница образовъ неустанно носилась предо мной; тутъ собрались всѣ, живые и умершіе, всѣ, которыхъ я когда-либо встрѣчалъ въ жизни, и тѣ, которыхъ я никогда не видывалъ; тутъ были мои братья и сестры, по духу и крови, были мои дѣти и дѣти моихъ дѣтей; были мои дѣды и отцы, и дѣды и отцы моихъ друзей;

были эти друзья и дѣти моихъ друзей; были всѣ тѣ, которыхъ я когда-либо любилъ и которымъ сочувствовалъ въ жизни, и съ ними ихъ отцы, ихъ дѣти и ихъ присные. И вотъ всѣ они толпились предо мной, быстро смѣняя одинъ другихъ, пелся какъ бы въ вихрѣ, и всѣ обращали ко мнѣ, полные муки, тоски, умоляющіе взгляды, всѣ, томимые неудовлетворенною жаждой. И каждую секунду, когда проносился мимо меня одинъ изъ этихъ образовъ, я долженъ былъ всѣмъ своимъ существомъ переживать всѣ тѣ муки, которыя терзали его; я рыдалъ съ однимъ о безвременно погибшихъ надеждахъ; я ломалъ въ отчаяніи руки съ другимъ, вспоминая могилы павшихъ; мое лицо искривляли судороги съ третьимъ, и изъ души неслись крики отчаянія, негодованія, мести; я испытывалъ всѣ муки то физическаго, то умственнаго и нравственнаго голода съ четвертымъ, пятымъ, десятымъ... Это было ужасно. Чтобы прекратить эти боли и муки, я отдавалъ каждому все, что могъ отдать: когда взывали къ моей любви, я отдавалъ любовь; когда просили хлѣба, я отдавалъ хлѣбъ; когда молили меня о свободѣ и, протягивая руки, заставляли меня снять съ нихъ оковы, я снималъ ихъ... И каждый разъ, на мгновеніе, я ощущалъ величайшее блаженство. Но образы продолжали нестись неустанно, непрерываемой цѣпью. Я чувствовалъ, что начинаю изнемогать; тогда я сталъ успокаивать себя: скоро ужъ, скоро конецъ!.. Только еще одно усиліе! И когда я почувствовалъ, что мое истерзанное сердце почти перестало биться, мозгъ усталъ, силы ослабли, я вдругъ замѣтилъ, что среди уже начинавшей рѣдѣть вере-

ницы новыхъ образовъ вдругъ стали появляться вновь тѣ, которые прошли мимо меня раньше, которымъ я уже отдалъ и мою любовь, и мой хлѣбъ; и когда они коснулись меня, я почувствовалъ вмѣстѣ съ ними такія муки неудовлетворенной жажды, предъ которыми прежнія были только слабымъ, дѣтскимъ, наивнымъ капризомъ. Тогда охватилъ меня ужасъ и я бросился вонъ изъ душевной кельи...

II.

Наступило уже утро, но на улицахъ было еще тихо и пустынно. Едва свѣжій воздухъ коснулся моей головы, какъ видѣнія меня оставили и я почувствовалъ ничто, похожее на успокоеніе. Но это не было удовлетвореніе, удовольствіе, наслажденіе или даже простой отдыхъ; я чувствовалъ только тяжелый покой безчувствія, какой-то томящей пустоты, такъ какъ я зналъ, что съ наступленіемъ ночи тѣ же видѣнія снова принесутся ко мнѣ. И я повторялъ только, удрученный сознаніемъ безсилія: „что же мнѣ дѣлать? что мнѣ дѣлать?“

Я припоминалъ всѣ отвѣты, когда-либо слышанные мною отъ тѣхъ, которые были въ моемъ положеніи и, повидимому, удовлетворились этими отвѣтами. Одинъ говорили: „признай это, какъ неизбежное, и постарайся убѣдить себя не принимать въ этомъ процессѣ никакого участія“. Другіе говорили: „признай все это, какъ неизбежное, но постарайся такъ умѣренно расходовать свои душевные силы, чтобы ихъ хватало на все, не приводя къ колебанію въ балансахъ“. Третьи говорили: „признай все это, какъ неизбежное, но постарайся убѣдить себя, что въ этомъ-то и есть величайшій смыслъ жизни и единственное величайшее твое наслажденіе“. Я не могъ, однако, удовлетвориться ни однимъ изъ этихъ отвѣтовъ.

Такъ ходилъ я до полного восхода солнца, когда городъ уже проснулся и на улицахъ началось оживленное движеніе. Но такъ какъ суতোлка живой жизни слишкомъ напомнила мнѣ такую же сутолоку моихъ ночныхъ видѣній, то я поспѣшилъ уйти на самую отдаленную окраину съ своими мучительными запросами: „гдѣ и въ чемъ причина этой неудовлетворенности моей и тѣхъ, которыхъ я зналъ въ жизни, которыхъ любилъ и ко-

торымъ отдалъ все? И есть ли ей конецъ, и гдѣ онъ, и въ чемъ? И если эта неудовлетворенность неизбежна, какъ законъ жизни, то почему тотъ путь, какимъ мы старались отвѣтить ей, несетъ муки и зло, вмѣсто наслажденія и добра?“

III.

Такъ думалъ я въ безысходной тоскѣ и томленіи, перебирая всѣ тѣ отвѣты, которые кто-либо давалъ раньше; но какъ внимательно я ни вдумывался въ нихъ, они не давали мнѣ разрѣшенія. И я сталъ замѣчать, какъ мало-по-малу охватывало меня отчаяніе, и мракъ все гуще скрывалъ и заволакивалъ предо мной конечный смыслъ человѣческой жизни и цѣль моего существованія. Я видѣлъ, что мнѣ остается примкнуть къ тѣмъ утѣшеніямъ, къ которымъ пришли всѣ, жившіе раньше меня. Но едва я вспоминалъ предшествующую ночь и представлялъ ту, которая скоро должна наступить, какъ тотчасъ убѣждался, что эти утѣшенія не могли ничего измѣнить въ томъ, что было раньше и что будетъ впередъ для меня.

Такъ продолжая томительно перебирать все, о чемъ я думалъ, говорилъ и читалъ въ послѣдніе дни, я вышелъ совсемъ за городъ. Здѣсь, въ изнеможеніи, опустился я на траву, среди полного безлюдья и тишины, въ виду огромнаго города, отъ котораго доносился до меня невнятный глухой шумъ, какъ отъ могучаго водопада. Я чувствовалъ, какъ этотъ несмолкаемый однообразный шумъ оковывалъ мои члены; я едва могъ поднимать отяжелѣвшія вѣки, едва могъ держать голову. Кажется, я задремалъ, но чувствовалъ, что связь моя съ живой жизнью не прекращалась, только все то, что я прежде мыслить отвлеченно, теперь приняло плоть и кровь, воплотилось въ живые образы.

Вотъ, казалось мнѣ, мимо меня, по большой дорогѣ, быстро двигались разнообразныя группы: одиѣ изъ нихъ направлялись изъ города, другія—въ городъ. Среди первыхъ я замѣтилъ и себя, быстро и сосредоточенно шедшаго по дорогѣ, увлекаемого вслѣдъ за другими какою-то необъяснимою силой.

Черезъ четверть часа ходьбы я, вмѣстѣ съ другими, подошелъ къ большому, дряхлому, странной старо-русской архитектуры дому, стоявшему вбокъ отъ до-

роги, среди запущеннаго липоваго сада. Въ отворенныя настежь ворота, пикѣтъ не охраняемыя, входили и выходили разныя лица.

Я остановился и внимательно сталъ наблюдать: меня поразило странное разнообразіе посѣтителей, возможное только въ храмѣ. Я видѣлъ подъѣзжавшія кареты, изъ которыхъ выходили старые и молодые аристократы и аристократки, статскіе и военные генералы, графы и князья; видѣлъ простыя дрожки, подвозившія людей различнаго средняго положенія и достатка: профессоровъ, чиновниковъ, купцовъ; видѣлъ пѣшеходовъ: учительницъ и гувернантокъ, мелкихъ литераторовъ и артистовъ съ задумчивыми или гордо вызывающими фізіономіями; наконецъ, я видѣлъ входившихъ и выходившихъ, вмѣстѣ съ другими, оборванныхъ нищихъ, въ рубищѣ или потасканныхъ старыхъ мундирахъ, крестьянъ, фабричныхъ рабочихъ, ремесленниковъ...

На мой вопросъ, кто живетъ въ этомъ домѣ, одни говорили: это—мудрецъ; другіе: это—кающійся; третьи: это—ищущій правды; четвертые и пятые, что это—большой человѣкъ.

IV.

Я подошелъ ближе къ воротамъ и сталъ слѣдить за выходившими и входившими; среди нихъ я замѣтилъ не мало лицъ, пользующихся въ обществѣ большимъ уваженіемъ, какъ ученые и художники. Вслѣдъ за ними вошелъ и я. По большой глѣбѣ свободно, никѣмъ не опрашиваемые, сходили и подымались посѣтители; всѣ они проходили или молча, или вполголоса говоря другъ съ другомъ; всѣ были сосредоточены и унылы.

Наконецъ, мы вошли въ комнату, заставленную только необходимою мебелью. На ней размѣстились теперь посѣтители вокругъ человѣка, сидѣвшаго у передней стѣны на деревянномъ стулѣ. Это былъ высокій, корпусный, сѣдой старикъ, въ простой рабочей блузѣ, подпоясанный ремнемъ. Въ его лицѣ, во всей фигурѣ и жестахъ было что-то величественное, гордое, прирожденное ему, но въ то же время, глубокіе, сѣрые, добрые глаза и длинная сѣдая борода какъ будто силились постоянно умѣрить это впечатлѣніе гордой величавости и придавали его лицу

выраженіе той спокойной, серьезной, вдумчивой полусозерцательности, какая свойственна нашему сыну полей...

Внимательно слушая то, что говорилось ему, онъ, казалось, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ погруженъ въ міръ собственныхъ внутреннихъ ощущеній.

Каждый вновь приходившій ожидалъ своей очереди, пока предшественникъ кончить говорить то, что пришелъ сказать; тогда слѣдующій за нимъ занималъ стулъ вблизи хозяина и, зная, что ожидаютъ очереди много другихъ, торопливо и волнуясь, полусловами и намеками торопился передать все, что онъ считалъ наиболѣе важнымъ въ своей жизни. Когда же кто не умѣлъ это сдѣлать и отклонился въ сторону, Большой человѣкъ поправлялъ его, самъ уяснялъ ему суть того, что онъ хотѣлъ передать, такъ какъ Большой человѣкъ умѣлъ читать въ сердцѣ другого и съ полунамека понималъ то, что передававшему было самому неясно. Такъ одинъ за другимъ, — иные громко и не стѣняясь, другіе смущенно и шопотомъ, — открывали ему тайны своей жизни и мучившихъ ихъ недоумѣній. И когда я смотрѣлъ на лицо Большого человѣка, я замѣчалъ, что онъ переживалъ такъ же всѣ муки, терзанія и волненія бесѣдовавшихъ съ нимъ, какъ переживалъ въ безсонныя ночи я муки и томленія моихъ видѣній. Онъ слушалъ скорбно и внимательно; иногда плакалъ, иногда пожималъ руку рассказчику, безмолвно утѣшая его; иногда взглядъ его сверкалъ скорбнымъ негодованіемъ, когда бесѣдовавшій съ нимъ, вмѣсто разсказа, пускался въ задорный споръ, и тогда Большой человѣкъ переставалъ слушать его, терпѣливо выжидалъ, когда онъ пойметъ неумѣстность своего поведенія. А всѣ тѣ, которые искренно хотѣли пайти у него указанія, заканчивали свои разсказы почти одними и тѣми же словами: „скажите, что же мнѣ дѣлать? И въ чемъ истина? И гдѣ спасеніе?“

Тогда онъ отвѣчалъ большею частью такъ, задумчиво опустивъ глаза:

— Внимательно вдумываюсь я теперь и еще долѣе и внимательнѣе вдумывался раньше въ то, что я слышалъ здѣсь сегодня и что слышалъ раньше много разъ. И я вижу, что всѣ мои и ваши томленія и муки, несмотря на разницу того положенія, какое занимаемъ всѣ мы въ жизни, въ большинствѣ случаевъ одинаковы. И я радуюсь этому, что намъ,

слѣдовательно, легко съ одного слова понять другъ друга и что то, въ чемъ, наконецъ, нашелъ я истину и спасеніе для своей жизни, не можетъ не быть спасеніемъ и истиной для васъ.

Тогда всѣ присутствовавшіе затаили совѣмъ дыханіе.

— *Не противьтесь злу насиліемъ*, — вотъ все, что я могу сказать вамъ, — проговорилъ онъ не столько убѣждающимъ, сколько молящимъ голосомъ, и смущенно опустилъ глаза, какъ будто уже онъ заранѣе зналъ, какое впечатлѣніе произведутъ эти его слова.

На секунду всѣ мы, присутствовавшіе тутъ, почувствовали тоже смущеніе; нѣкоторые вспыхнули, какъ будто имъ стало чего-то стыдно, другіе силились улыбнуться, третьи сурово сдвинули брови, — и всѣ невольно, какъ бы желая провѣрить свое впечатлѣніе, взглянули другъ на друга. Но едва глаза всѣхъ этихъ разнообразныхъ человѣческихъ существъ, собранныхъ здѣсь вмѣстѣ непонятною властью, встрѣтились взглядами, какъ внезапно изъ каждой груди вырвались крики такого негодованія, злобы, ненависти, мести, презрѣнія, недовѣрія другъ къ другу и отчаянія, что мнѣ казалось, мы всѣ бросимся другъ на друга и вмѣстѣ всѣ на того, кто сказалъ эти простые слова.

Но въ слѣдующую затѣмъ минуту, какъ будто гонимые одними и тѣми же побужденіями, толкаясь и обгоняя одинъ другого, мы быстро спѣшили выбраться изъ этого дома, куда случайно загнала вмѣстѣ чья-то странная прихоть всѣхъ насъ, никогда не желавшихъ встрѣчаться въ жизни.

Одни изъ насъ, не оборачиваясь, какъ будто боясь быть остановленными, быстро сбѣжали вонъ съ тѣсницы, мрачные, негодующіе; другіе, въ недоумѣніи, отдѣльными кружками собирались въ сторонѣ и покачивали головами; третьи громко смѣялись сухимъ металлическимъ смѣхомъ, въ то время какъ губы ихъ были блѣдны отъ негодованія и презрѣнія.

И я смѣялся такимъ же смѣхомъ съ ними. Многіе старались остановить своихъ знакомыхъ, которые еще только входили, но тѣ не останавливались и, не довѣряя тому, что передавали имъ, шли къ Большому человѣку, влекомые неодолимою силой.

V.

Я опять провелъ мрачную, безсонную ночь, полную видѣній. Тѣ же образы, тѣ же терзанія, тѣ же муки неудовлетворенной жажды.

Я забылъ все, что думалъ, что видѣлъ днемъ; забылъ Большого человѣка, забылъ его заповѣдь, забылъ его посятителей. Все это мнѣ казалось такъ далекимъ отъ того, чѣмъ терзали меня мои ночныя видѣнія. Но когда я, раннимъ утромъ, гонимый ужасомъ, вновь выбѣжалъ изъ своей кельи, когда свѣжій воздухъ, охлаждая мой разгоряченный мозгъ, приносилъ мнѣ если не удовольствіе, не наслажденіе, не отдыхъ даже, а только одно томленіе безчувствія и спокойя пустоты, — ясно и отчетливо мнѣ припомнился весь вчерашній день, и Большой человѣкъ, и его заповѣдь, и его посятители.

Я припомнилъ, какъ, выходя съ его посятителями, я смѣялся вмѣстѣ съ другими или пожималъ плечами, или недоумѣвалъ, или негодовалъ.

Я припоминалъ, какъ одни говорили: „Что же, наконецъ, онъ — ребенокъ или мистификаторъ? Что же онъ — искренній невѣжда или неискренній авгуръ, сознательно скрывающій то, что доказано исторіей и наукой человѣчества? Или ему незнакомы ихъ выводы? Или онъ умышленно путаетъ и мутитъ у насъ первые проблески только что начавшагося вырываться изъ пеленъ мрака сознанія?.. Это дерзость или безуміе!“

Но, тѣмъ не менѣе, когда я припоминалъ всѣ знакомые мнѣ „выводы“ и утѣшенія, я въ глубинѣ души чувствовалъ, что ни другіе, ни самъ я не знали ничего болѣе высокаго, простаго, понятнаго безусловно для каждого, какъ то, что было сказано Большимъ человѣкомъ.

Я припоминалъ, какъ другіе говорили: „И онъ думаетъ, что сказалъ что-нибудь новое? И всѣ думаютъ, что если сказалъ онъ, то въ этомъ скрытъ какой-нибудь таинственный, глубокий смыслъ? Но, вѣдь, кто же не вѣруетъ, что любовь — это будущій лучезарный вѣнецъ, на увѣчаніе которымъ отдаленнѣйшихъ нашихъ потомковъ мы должны споспѣшествовать нашею настоящею жизнью? Кто не убѣжденъ, что величайшее зло есть насиліе, и что придетъ время, когда будущее человѣчество будетъ наслаждаться жизнью безъ насилія? Какое дитя не убѣждено

въ томъ, что это такъ? Что же это—ребячество или злая шутка?”

И, тѣмъ не менѣе, когда я вдругъ припомнилъ ихъ лица въ тотъ злополучный моментъ, когда они услышали секретъ Большого человѣка, для меня стало ясно, что... что то, что онъ сказалъ, должно было сказать.

Такъ думалъ я, и чѣмъ больше думалъ надъ этимъ, тѣмъ больше негодовалъ, зачѣмъ я позволилъ себѣ вчера такъ поддаться общему настроенію. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, я чувствовалъ, что моя душа, въ сущности, была далека отъ всего этого. „О, Богъ съ ними,—думалъ я,—что мнѣ до нихъ, что имъ всѣмъ до меня? Давно уже большіе люди вѣщали великія истины, — и за это они большіе люди,—но эти великія истины не остановили крови, которая льется изъ сердецъ маленькихъ людей, но эти истины безсильны предъ тою тьмой дановскихъ тѣней, которыя терзаютъ меня по почамъ. Конечно, дико было услышать, что не пужно противиться злу насиліемъ, и какъ всякая простая, но великая мысль, она и мнѣ показалась невѣроятной... Да я и смѣялся только потому, что она ничего не говорила мнѣ... Что мнѣ до ея величія? Она прибавитъ только лишній вѣпокъ на голову Большого человѣка и на каплю не уменьшитъ крови, льющейся изъ ранъ моего сердца, далекаго отъ всякой мысли о насиліи. Напротивъ, о, напротивъ! „сердце мое, психодящее кровью, полно всевыносящей любовью“.

Вотъ гдѣ суть... И что могутъ представить для меня поучительнаго эти благородныя истины о любви и христіанской заповѣди непротивленія злу насиліемъ? Я не только зналъ ихъ раньше, я не только во имя ихъ отдалъ всю свою жизнь, но я еще живу ими... Живу?! Да, живу, потому что не могу не жить, не могу не любить, не могу не истекать кровью...

Въ эту ночь мои дорогія видѣнія терзали меня, казалось, еще болѣе жестоко.

VI.

На третій день я почувствовалъ опять неодолимое влеченіе увидать Большого человѣка. Но я тщетно искалъ то мѣсто, гдѣ предполагалъ его домъ. „Это сонъ“, — подумалъ я, и мнѣ стало грустно. Я опять въ изнеможеніи упалъ на траву, въ виду

большого города, и снова задремалъ подъ несшійся отъ него гулъ.

Тогда мнѣ показалось, что это опять я, быстро и сосредоточенно, прошелъ изъ города по дорогѣ къ дому Большого человѣка. Но теперь я былъ одинъ.

Когда я подошелъ къ дому, я не замѣтилъ около него ни экипажей, ни входившихъ и выходившихъ посѣтителей, хотя ворота и крыльцо были отперты попрежнему. Я былъ доволенъ этимъ. Я вошелъ. Большой человѣкъ теперь сидѣлъ въ креслѣ, подперевъ рукой свою большую сѣдую голову, и тихо бесѣдовалъ съ немногими, окружавшими его лицами; то были двѣ женщины, въ траурныхъ платьяхъ, съ худыми и блѣдными лицами, неподвижно, какъ изваянія, застывшія въ глубокихъ креслахъ, съ большими грустными глазами, устремленными на лицо Большого человѣка; затѣмъ, сѣдой старичокъ-крестьянинъ, съ добрымъ дѣтски-умильнымъ лицомъ, тоже не сводившій своихъ ласково мигающихъ глазъ съ его лица, сидѣлъ, сгорбившись, на краешкѣ неприличнаго для него мягкаго кресла, и, наконецъ, нѣсколько лицъ разнообразнаго общественнаго положенія, изъ тѣхъ, которыхъ я уже разъ встрѣтилъ у него и которые тогда вмѣстѣ со мною быстро вышли послѣ его словъ, возмущенные, негодующіе. Теперь они сидѣли, какъ будто прячась отъ него и другъ отъ друга, все больше отодвигаясь къ стѣнамъ; по опущеннымъ внизъ глазамъ, по напружившимся морщинамъ на ихъ лбахъ было замѣтно, что они переживали сильное умственное и душевное напряженіе, какъ будто на мозгъ ихъ налегла какая-то тяжесть, которую они, при всѣхъ усиліяхъ, уже не могли свалить съ него.

— И сердечно радъ, что вы вернулись ко мнѣ, — сказалъ Большой человѣкъ, протягивая мнѣ руку и подымая на меня свои какъ будто усталые глаза.

Да и на всемъ его лицѣ видѣлись изнеможеніе и слабость; морщины вырѣзались глубже на крутомъ лбу и ввалившихся щекахъ; кожа приняла блѣдно-сизый, старческий, землистый цвѣтъ; сѣдыя брови угрюмо и круто нависли надъ глазами, — такъ выглядятъ люди, перенесшіе сильныя душевныя потрясенія.

— Кто дѣйствительно испыталъ муки и терзанія сердца, тѣ всегда возвращаются ко мнѣ, хотя бы сначала ихъ души, заполненной предразсудками, и не былъ доступенъ секретъ моего спасенія,—про-

должалъ онъ задумчиво.—Да, они всегда возвращаются... А вотъ тѣ, которыхъ терзанія были такъ глубоки, какъ этихъ матерей, или же тѣ, у которыхъ чистая, дѣтская душа, какъ у него,—показалъ онъ рукой на сидѣвшихъ по бокамъ его двухъ женщинъ въ траурѣ и сѣдого мужичка,—тѣ уже не расстаются со мною... Мы—одно... О чемъ вы желали бы спросить меня?—обратился онъ ко мнѣ.—Вѣроятно, поясненій, какъ и всѣ?

— Да, — отвѣчалъ я, стараясь показать, что все это, тѣмъ не менѣе, имѣетъ для меня совершенно виѣшній интерес.—Что вы хотѣли сказать вашими словами тѣмъ, которые жаждали найти у васъ секретъ спасенія?

— То, именно, что я сказалъ,—скромно отвѣчалъ онъ.

Но я почувствовалъ, что онъ понялъ мое насиліе надъ собой—казаться хладнокровнымъ.

— И вы не считаете пужнымъ допустить какихъ-либо послабленій или сдѣлокъ, или примѣненій къ дѣйствительности?

— Никакихъ. Безусловно, — отвѣчалъ онъ, упорно смотря мнѣ въ глаза.

Я пожалъ плечами, но невольно покраснѣлъ и смутился.

— Но, въ такомъ случаѣ, не рискуете ли вы, что живая жизнь отвернется отъ васъ и отъ вашего спасенія? — глухо и несмѣло спросилъ кто-то изъ сидѣвшихъ вдали.

Онъ отрицательно покачалъ головой и, указавъ опять на сидѣвшихъ сбоку съ нимъ, сказалъ:

— Вотъ они, эти матери и этотъ послѣдній изъ звеньевъ, на которыхъ вы разбили все человѣчество,—они, которые вынесли на плечахъ весь гнетъ насилія,—они за меня... И если насъ будетъ даже столько, мы пересоздадимъ весь вашъ міръ, какъ бы ни были сильны ваши гениі міра. На нихъ—фундаментъ міра, прочіе котораго нѣтъ ничего.

— Но что же дѣлать противъ зла безъ насилія?

— Все, что могутъ указать человѣку его разумъ и чувство, но только не насиліе.

— Но разумъ человѣческій ничего не можетъ найти лучшаго?

— Какое глубокое, ужасное недоразумѣніе!.. Какая жестокая, позорная ложь!.. Ложь!.. Ложь, за которую уже начинаютъ нести муки тѣ, о которыхъ вы не можете даже и предполагать этого... Но скоро

придетъ время, и вы узнаете, вы увидите этихъ мучениковъ,—не одного, не двухъ, а сотни, тысячи, и тогда содрогнется ваше сердце при видѣ этихъ мученій. Но тогда наступитъ и часъ вашего спасенія.

Все это проговорилъ онъ какъ-то глухо, какъ будто насильно сдерживая въ груди, готовый вырваться оттуда, бурный потокъ накипѣвшаго негодованія.

Но я не придалъ этому особаго значенія.

— Однакоже,—сказалъ я,—есть виды насилія, въ законности которыхъ никто не сомнѣвался; напримѣръ, разума надъ неразуміемъ, сознанія надъ безсознательнымъ, высшаго типа развитія надъ низшимъ, генія надъ простымъ смертнымъ.

— Вы художникъ?—спросилъ онъ меня, опуская глаза, какъ будто желая скрыть ихъ странную игру, которой я не могъ понять.

— Да.

Онъ холодно и сурово отвернулъ отъ меня лицо и не сказалъ ничего.

Мы всѣ замолчали. Но черезъ минуту кто-то глубоко вздохнулъ и робко сказалъ:

— Да, все это такъ... но это мечта... утопія... прекрасная, свѣтлая, высокая.

— Мечта?—быстро спросилъ Большой человѣкъ, обративъ на него загорѣвшіеся глаза. — Кто тотъ несчастный, который первый бросилъ людямъ эту ужасную мысль?.. Мечта!.. Но Богъ, которому вы поклоняетесь, который далъ вамъ высочайшую заповѣдь любви и непротивленія злу насиліемъ,—развѣ Онъ... понималъ свое ученіе, какъ какой-то далекій идеалъ человѣчества, исполненіе котораго невозможно, какъ мечтательныя поэтическія фантазіи, которыми Онъ плѣнялъ простодушныхъ жителей Галилеи? Онъ понималъ свое ученіе, какъ дѣло, такое дѣло, которое спасетъ человѣчество, и Онъ не мечталъ на крестѣ, а кричалъ, и умеръ за свое ученіе... И также умирали и умрутъ еще много людей. Нельзя говорить про такое ученіе, что оно мечта.

Въ возбужденіи, онъ быстро поднялся было съ кресла, но тотчасъ же опустился вновь, какъ человѣкъ, котораго угнетаетъ частое и нерѣдко безплодное повтореніе дорогихъ ему мыслей. Помолчавъ, онъ взялъ со стола большую рукопись и тихимъ, сдержаннымъ голосомъ, несмотря ни на кого, сталъ читать:

— Ученіе Христа о непротивленіи злу насиліемъ—мечта! Но стоитъ понять его, чтобъ убѣдиться, что міръ... не тотъ міръ,

который данъ Богомъ для радости чело-
вѣка, а тотъ міръ, который учрежденъ
людьми для погибели ихъ, есть мечта, и
мечта самая дикая, ужасная, бредъ су-
машедшаго, отъ котораго стоитъ только
разъ проснуться, чтобы уже никогда не
возвращаться къ этому страшному сно-
видѣнію!...

Онъ продолжалъ читать, и чѣмъ даль-
ше читалъ онъ свою рукопись, тѣмъ все
больше охватывало его волненіе. Я видѣлъ,
какъ волненіе охватывало и его слушате-
лей. Я чувствовалъ, какъ самъ невольно
подчинился обаянію этой замѣчательной
книги. Слышались задержанные вздохи. Я
видѣлъ, какъ нѣкоторые, съ поблѣднѣв-
шими лицами, сжимали руками, какъ въ
тискахъ, головы.

Онъ читалъ о Христѣ, о непониманіи
Его ученія, о нагорной проповѣди, о не-
противленіи злу насиліемъ и, главнымъ
образомъ, о возможности жить по Его за-
повѣди теперь же, сейчасъ, и что мы не-
счастливы только потому, что отвергаемъ,
не признаемъ этой возможности и что по-
этому наша жизнь — мечта, призракъ,
безсмыслица.

Рука мастера-художника чувствовалась
въ каждой строкѣ: рельефные, вырази-
тельные, полные жизни образы смѣняли
одни другіе, усиливая впечатлѣніе.

Онъ дочиталъ главу и отложилъ ру-
копись.

— Вотъ въ чемъ моя вѣра! Вотъ въ
чемъ мое спасеніе!—сказалъ онъ тихо.

Одинъ высокій, сѣдой старикъ, съ топ-
кими чертами лица, блѣдный, очевидно,
близкій Большому челоѣку по происхож-
денію, все время молча сидѣвшій въ даль-
немъ углу, поднялся и быстро подошелъ
къ нему.

— Вы — великій челоѣкъ... Я теперь
все понимаю... Мнѣ все ясно... Да, намъ
первымъ надо понять значеніе того, что
вы говорили... Намъ первымъ, потому что
мы своей жизнью даемъ примѣръ,—про-
говорилъ онъ въ волненіи.—Вы служите
великому дѣлу... Простите... Я больше не
могу... Я слишкомъ потрясенъ... Свѣтъ
мнѣ рѣжетъ глаза.

И, сказавъ это, онъ, въ сильномъ воз-
бужденіи, вышелъ.

Молодой челоѣкъ, румяный, здоровый,
свѣжій, весь охваченный молодою, сильною
жизнью, въ необычайномъ волненіи, лю-
бовно смотря въ лицо Большого челоѣка
своими добрыми глазами, что-то долго по-
рывался ему сказать и, наконецъ, вско-

чивъ, схватилъ его руку и прогово-
рилъ:

— Я весь вашъ... Все мое состояніе...
Я... Говорите, указывайте... Больше той,
прежней моей жизни для меня не суще-
ствуетъ.

Какая-то старушка, въ сѣдыхъ букляхъ,
приложивъ платокъ къ лицу, рыдала.

Я былъ взволнованъ. Я вспомнилъ, ка-
кая ночь предстоптъ мнѣ, и чувствовалъ,
что мнѣ еще никто, ничто не указалъ спа-
сенія... Что мнѣ всѣ эти кающіеся ари-
стократы, чиновники, купцы, офицеры,
которые только теперь еще „прозрѣли“? Развѣ для меня давно уже не сіялъ этотъ
свѣтъ? Развѣ въ стремленіи къ нему я
не принесъ все мое существованіе? Развѣ
не отвергъ я давно уже всѣ *тому*, всѣ
пустые идолы? Развѣ не ненавидѣлъ я
всею душой насиліе? А любовь... Но, вѣдь,
давно

Сердце мое, исходящее кровью,
Всевыносящею полно любовью...

А я чувствую, какъ чувствовалъ вчера,
три дня назадъ, что и въ эту ночь мои
дорогія видѣнія слетятся терзать меня.

Я поднялся съ обычной тяжелой по-
шей на своемъ сердцѣ, о которой зналъ
только я одинъ; я хотѣлъ выйти такъ,
чтобы меня никто не замѣтилъ.

Какъ вдругъ до меня долетѣли слова
Большого челоѣка, разговаривавшаго съ
кѣмъ-то.

— Да, я теперь счастливъ, счастливъ
безусловно, съ тѣхъ поръ, какъ понялъ
суть того, чѣмъ былъ я раньше, такъ
какъ раньше все было ложь, мечта, при-
зракъ, безумное самообольщеніе.

— Но ваша дѣятельность?—робко за-
мѣтилъ его собесѣдникъ.

— Я уже прожилъ болѣе полвѣка,—
продолжалъ Большой челоѣкъ, не отвѣ-
чая прямо на вопросъ.—Я испыталъ нѣчто
большее, чѣмъ всѣ вы... Можетъ быть, я
не испыталъ и тыслчной доли вашихъ жи-
тейскихъ скорбей и страданій, но я испы-
талъ зато, въ полномъ объемѣ, все то,
въ чемъ люди видятъ высочайшее счастье
жизни и къ чему направлены всѣ ихъ
стремленія... Я испыталъ всѣ удовольствія,
имѣя возможность не отказывать никакой
своей прихоти, я испыталъ всѣ тѣ, по
мнѣнію людей, высочайшія умственныя
наслажденія, которыя только могли доста-
вить мнѣ наука и искусство, я, наконецъ,
самъ усовершенствовалъ свой умъ и всѣ
свои способности до такой высоты, что
меня всѣ превозносили, какъ счастливѣй-

шаго изъ смертныхъ, какъ воплотившаго въ себѣ то, что считалось людьми одною изъ высшихъ ступеней человѣческаго благополучія... Казалось, куда же было идти выше и зачѣмъ? Я видѣлъ, что тѣмъ выше я взбирался по ступенямъ совершенствованія, тѣмъ, вмѣсто удовлетворенія, меня охватывала все болѣе и болѣе ненасытимая жажда, и, если что-нибудь мѣшало мнѣ насытить ее, я чувствовалъ самыя низкія и мелочныя, но мучительныя страданія страстей и, прежде всего, гордости. Окружающая среда поддерживала меня въ этомъ самообольщеніи, потому что сама жила тѣми же побужденіями, какъ и я... Чтобы оправдать эти побужденія къ безконечному совершенствованію, была поставлена теорія. Теорія утверждала, что жизнь, вообще, идетъ развиваясь и что въ этомъ развитіи главное участіе принимаемъ мы, люди мысли, а изъ людей мысли главное вліяніе имѣемъ мы, художники и поэты. Наше призваніе—учить людей, не зная чему: художникъ-де и поэтъ учатъ бессознательно. Я считался чудеснымъ художникомъ и поэтомъ, и потому мнѣ очень естественно было усвоить эту теорію. И вотъ я, художникъ, поэтъ, писалъ и училъ, самъ не зная чему. Мнѣ за это платили деньги, у меня былъ прекрасный столъ, квартира, женщины, общество, у меня была слава,—значитъ, то, чему я училъ, было хорошо. Но вотъ... И не буду передавать теперь вамъ весь процессъ, какимъ я пришелъ къ сомнѣнію въ томъ, что все это было хорошо и что такъ должно было быть... Только, когда зародившееся сомнѣніе заставило меня вдуматься въ смыслъ окружающей меня жизни и моей собственной, предо мной вдругъ раскинулася картина... Это было нѣчто ужасное, чудовищное!... Я видѣлъ составленную изъ цѣлаго ряда лѣстницъ пирамиду, на самой почти вершинѣ которой стоялъ я и много другихъ „избранниковъ“, успѣвшихъ вскарабкаться на эту вышину. Подъ нами, на всѣхъ ступеняхъ, я увидалъ цѣлыя полчища такихъ же несчастныхъ, какъ мы, которые, охваченные неудовлетворенною жаждою добратъся до насъ, толкали и мяти одинъ другихъ, карабкались другъ черезъ друга, терзали свои руки, ноги и груди и груди своихъ ближнихъ. Слышались стоны, крики отчаянія срывавшихся со ступеней или столкнувшихся опять внизъ, самодовольные крики успѣвшихъ подняться на ступень выше. Я слышалъ эти вопли и крики, я видѣлъ

лившуюся по лѣстницѣ кровь... Мнѣ стало мучительно страшно. Я хотѣлъ крикнуть всѣмъ этимъ полчищамъ, которые кишѣли внизу меня: „Зачѣмъ вы, несчастные, стремитесь сюда? Въдѣ, здѣсь мечта, фикція, безумное самообольщеніе!“ — И когда я взвѣсилъ, сколькихъ жертвъ стоила эта мечта, мнѣ опротивѣли люди, я опротивѣлъ самъ себѣ... Я не зналъ, гдѣ и въ чемъ другой смыслъ жизни. Я только понималъ, что въ томъ, что я видѣлъ предъ собой, я уже не могъ находить смысла... Я не знаю, что было бы со мной, когда въ самомъ низу пирамиды, я сталъ мало-помалу различать цѣлыя милліоны маленькихъ, чуть примѣтныхъ для меня съ высоты пирамиды, человѣческихъ существъ, которые жили какимъ-то особымъ отъ пирамиды смысломъ жизни и одни не карабкались на нее! Одни они не знали меня, одни они не считали меня за идеалъ, не топорщились достигнуть моего мнимаго величія, одни не преклонялись предъ силой моего знанія... А, между тѣмъ, они жили помимо насъ и безъ насъ... Маленькіе люди, кишѣвшіе внизу, были пахари, люди труда, мира и вѣры, что въ этомъ-то и есть смыслъ жизни, вложенный въ нее Богомъ, что жизнь—не эти залы, не пирамида человѣческой борьбы за само совершенствованіе, что жизнь—это храмъ безъ идоловъ, безъ жрецовъ, безъ жертвъ...

Я уже не слышалъ больше, что говорилъ Большой человѣкъ. Я тихо, крадучись, выскользнулъ изъ его дома.

VII.

Я, Иванъ Петровичъ Кузнецовъ, маленькій человѣкъ: я—выписавшійся изъ крестьянъ мѣщанинъ, литераторъ, живописецъ, граверъ,—однимъ словомъ, свободный художникъ. Живу я въ Каретномъ ряду, нанимаю двѣ комнаты и кухню; при мнѣ живутъ больная мать (у нея отнялись ноги, такъ какъ полжизни она проработала прачкой) и младшая сестра, которая учится въ гимназіи. Зачѣмъ у меня есть еще сестра, Липа, актриса, есть братъ, адвокатъ, есть еще сестра, но гдѣ она—не скажу, потому что самъ не знаю. Кромѣ того, у меня много братьевъ и сестеръ еще примерло на пути нашей жизненной карьеры. Вотъ и весь мой скромный формуляръ. Но не въ немъ собственно дѣло, а въ томъ, что я почему-то вдругъ все это такъ ярко припомнилъ, какъ ни-

когда не случалось раньше въ моей жизни. Припомнилъ наши двѣ комнатки, немощно сыроватая и грязноватая, безногую старуху-мать на кровати, смиренное, безотвѣтное, доброе существо, сестренку-гимназистку, въ потертомъ на локтяхъ форменномъ коричневомъ платьѣ (единственномъ), длинную, прямую, какъ вѣха, съ худю, какъ доска, грудью, съ зеленовато-блѣднымъ лицомъ и сухими руками, смирную, молчаливую, прилежную, но вялую, страдающую малокровіемъ. Припомнилъ еще яснѣе сестру Липу, которая какъ разъ вчера вечеромъ прибѣжала къ намъ. Она только-что „вырвалась изъ провинціи на донецъ“.

— Страшно тамъ, Ваня, въ провинціи зимой, какъ въ лѣсу... Такъ и рвешься хоть на часокъ побывать въ Москву, только взглянуть, и какъ будто веселѣе станетъ... А то...

И Липа, выговоривъ все это, по своей обычной живости, залпомъ, махнула отчаянно рукой. Липа помоложе меня, лѣтъ 25-ти, маленькая, кругленькая, юркая, миловидная, такъ ужъ она какъ-то самимъ Богомъ въ актрисы предназначена. Впрочемъ, мы всѣ артисты по натурѣ, кто въ чемъ,—такія ужъ „талантливыя“ натуры.

— Ну, Ваня, голубчикъ... Маменька заснула, да?.. Все она попрежнему?.. Ваня, милый, пошлемъ винца,—говорить она, краснѣя и улыбаясь.

— Давно ли, Липа?

— Да нѣтъ, дорогой мой... Ты не думай... Такъ, легкаго, воронцовскаго...

Я покачалъ головой, собираясь послать, тѣмъ не менѣе, за виномъ.

— Вотъ, нѣ, — говоритъ она, давая десятирублевую бумажку, и опять вспыхиваетъ. — Ты знаешь, съ кѣмъ я пріѣхала? Ну, съ этимъ толстымъ земцемъ... Только ты, ради Бога, не смущайся... Эти деньги... Ахъ, Боже мой, какія мы проклятыя созданія: каждый лишній рубль, каждое наше слово... подозрительны... Ну, прости, голубчикъ Ваня!... Я тебя не хотѣла обидѣть. Такъ ужъ это, отъ меланхоліи у меня...

И Липа крѣпко чмокнула меня въ щеку.

Пока я посылалъ за виномъ старушку, готовившую намъ кушанье, Липа успѣла перевернуть все вверхъ дномъ: всѣ мои книги, работы, успѣла разспросить сестру Катю о всѣхъ ученицахъ.

— Ну, а гдѣ твоя картина... „вѣчная-то“? Эта, да?—спросила она, подбѣгая къ полотну, задвинутому за шкапъ.

— Липа, ради Бога!—проговорилъ я.

— Ахъ, да... Ну, не буду, не буду... „Вѣчное искусство!“ Перлы!

И вдругъ, забравшись въ уголокъ дивана, она замолкла. Я обернулся: закрывъ лицо руками, она уже плакала.

— Липа!

— Молчи, ни слова... Не буди маму.

Я присѣлъ около стола и молча, опустивъ голову, слушалъ, какъ клокотало у нея въ груди.

— Ваня, зачѣмъ мы родились? Зачѣмъ мы живемъ? — спросила она почти шепотомъ.

— Но, вѣдь, Липочка, ты сама выбрала сцену... Ты была такъ довольна, помнишь?

— Да, да, конечно, голубчикъ мой, помню... „Святое искусство“!

Я взглянулъ на нее; она быстро вытерла платкомъ полныя слезъ каріе глаза, усмѣхнулась мнѣ и спросила уже другимъ тономъ.

— А помнишь ты, Ваня, нашу деревню?

— Помню.

— Хорошо?.. Я была еще очень, вѣдь, маленькая, когда мы тамъ жили, а все хорошо помню: у насъ была изба въ три окна; около нея, на задахъ, былъ огромный вязъ. Я всегда боялась, какъ онъ шумѣлъ въ вѣтеръ по ночамъ. Потомъ у насъ была лошадь, корова, телка, куры, овцы... Шарикъ былъ... Назадъ—огороды, смородина, малина. А тамъ овины, рига, а потомъ поле. Улица у насъ подъ окнами была вся зеленая, потому что мимо насъ рѣдко ѣздили. Видишь, какъ я все это помню? Дѣдушку помню... Мнѣ кажется, что я теперь чувствую его старую руку, какъ онъ гладилъ меня по головѣ; борода у него была большая, ротъ беззубый... Самъ бѣлый и такой добрый... Ахъ, Ваня, Ваня!

— Какая ты, Липа, становишься странная,—замѣтилъ я.

— Что тебѣ показалось? Нѣтъ, голубчикъ, ты, пожалуйста, не думай. Я часто вспоминаю деревню. Я прежде очень любила играть въ народныхъ сценахъ. А теперь, впрочемъ, нѣтъ, не люблю. Все это фальшь, декорации, картонъ, тряпки, роли, проспектацкія, суфлеры, режиссеры... и потомъ эти зрители. А потомъ грязные номера, ужины въ трактирахъ... поклонники... соперницы... Ну, чокнемся!.. Вотъ такъ! За что бы только? Ну, да все равно, за прошлое, за настоящее, за будущее!.. Катя, выпей; ты вѣдь, какъ блѣдная немочь.

Сестры мои! въ нашей судьбѣ
Что-то лежитъ роковое!—

продекламировала Липа преднамѣренно-искусственнымъ тономъ.

— Липа!—прошенталь я.

— Ну, не будемъ объ этомъ. А помнишь, какъ отецъ, бывало, пьяный (онъ такой былъ славный подвыпивши)... Что, бишь, онъ такое пѣлъ? Вотъ, не помню... Я только самый мотивъ помню; помню, что и слова были такіа хорошія, а какія—не знаю... А помнишь, когда мы, по твоимъ вызовамъ (а гдѣ тотъ „добрый баринъ“, который тебя полюбилъ такъ, потомъ въ училище въ городъ опредѣлилъ, потомъ въ гимназію?.. Что-то онъ теперь? Мнѣ нынче всѣхъ какъ-то жалко. Право, всѣ-то, всѣ словно какіе потерянные стали)... Да, такъ помнишь, мы все въ деревнѣ продали: и лошадь, и корову, и избу... Отецъ тобой соблазнился. „Нечего, говорить, дѣлать, поѣдемъ, мать, ребятъ въ люди выводить: не намъ жить — имъ“. Помню, сначала отецъ къ купцу въ приказчики поступилъ, къ мяснику... Два года, кажется, мы жили ничего себѣ, потомъ что-то такое сдѣлалось—не помню... Потомъ сталъ отецъ запивать, былъ безъ мѣста. Мама стала тогда ходить бѣлье стирать... Груша въ горничныя къ губернатору опредѣлилась... Помнишь, мы все еще шутили надъ ней, что она такъ гордилась этимъ мѣстомъ? Гдѣ-то она? Такъ и сгинула, вѣдь?

— Липа, что тебѣ это сегодня?..

— Нѣтъ, ужъ, дай мнѣ все припомнить... Такая полоса... Не останавливай меня... Постой, на чемъ это я остановилась?.. Да! Потомъ у насъ постоянный дворъ былъ, кабакъ отецъ открылъ... Потомъ все это прогорѣло, разорился онъ и совсемъ запилъ... Тогда ты насъ всѣхъ уроками содержалъ... Да такъ ужъ съ тѣхъ поръ мы всѣ на твоихъ плечахъ и выкарабкались... Помню, какъ ты съ уроковъ прибѣжишь, да за насъ примешься, да потомъ самъ корпишь... Да еще книги намъ читалъ... А потомъ вотъ и сюда всѣхъ перетанилъ, которые живы остались... А тятя умеръ... Добрый онъ былъ человекъ, только зачѣмъ онъ тебѣ тогда эти страшныя слова сказалъ: „Ну, говорить, Ванюша, загубилъ ты насъ всѣхъ: изъ-за тебя мы всѣ погибели приняи!“ Жалко ему деревни было—вотъ что!.. А мамка, бывало, начнетъ, потихоньку отъ тебя, вспоминать съ нами—и какаа корова-то у нея была, и телки-то,

и сама-то она въ своемъ дому, что у Христа за пазухой... Ахъ, Ваня, Ваня!.. Герой ты нашъ, подвижникъ!.. Ты одинъ не унывалъ!.. Тамъ, говорилъ ты, свѣтъ!.. Вотъ ужъ немного дотянуты!.. Святое искусство! Идеалы!.. И какъ ты молился на нихъ!.. Какими свѣтлыми, чистыми берегъ ты ихъ... Бывало, кто вздумаетъ при насъ подтрунить надъ ними, такъ ты чуть не съ ножомъ бросался!

Липа опять запряталась въ уголь стараго дивана и замолкла. Я уже не смотрѣлъ на нее.

— Мнѣ сейчасъ припомнилось, какъ братъ Костя умиралъ въ третьемъ году... Вѣдь, онъ тоже все хотѣлъ что-то такое „большое“, „вѣчное“ создать... „Это, говорилъ, все поденщина проклятая... А вотъ только бы немножко намъ поддержаться, только бы вотъ еще на ступеньку подняться, мы бы, говорить, всю эту музыку-то насчетъ формъ и всякихъ тамъ аксессуаровъ не хуже ея, плеяды-то, произвели... Мы бы имъ показали себя!“ Нѣтъ, какъ онъ умиралъ!.. Я ужасно твердо запомнила, что онъ говорилъ... Я иногда репетирую его... Другой разъ, ночью, одна-одинешенька и начну его представлять: и жутко мнѣ, и ужасъ беретъ... Помню какъ теперь: поднялся это онъ на кровати, глаза большіе, блестящіе, волосы сухіе, какъ смоль, носъ острый, тонкій, лицо такое серьезное... „Неудачникъ!—кричалъ онъ. — Вы говорите: „неудачникъ“—и бросаете этимъ словомъ, какъ грязною тряпичей, въ лицо несчастнаго... Понимаете ли вы, что дѣлаете? Неудачникъ! Вы клеймите этимъ словомъ убожество, слабость, безсиліе, и символъ скорби, несчастія, глубочайшаго страданія, которое когда-либо видѣлъ міръ до вашей цивилизаціи, вы сдѣлали символомъ насмѣшки, презрѣнія... Скажите, — горячился онъ все больше, а мы, всѣ, дрожа, забрались по угламъ и угрюмо слушали оттуда, — скажите, кто вамъ далъ это право? Кто далъ вамъ право выкидывать за бортъ жизни цѣлыя тысячи (о, ихъ будутъ скоро еще десятки тысячъ!), цѣлыя тысячи слабыхъ и несчастныхъ неудачниковъ, не умѣвшихъ въ должной мѣрѣ постичь тайны вашихъ кровожадныхъ наукъ и искусствъ?“

Липа быстро сошла съ дивана и, увлекаясь передачей монолога, „читала“ его какъ на сценѣ, жестикулируя, волнуясь, обращаясь къ пустой стѣнѣ. Было жалко

и печально мнѣ смотрѣть на нее и мнѣ хотѣлось плакать.

— „Скажите,—кричалъ онъ, задыхаясь какъ чахоточный,—кто далъ вамъ право утверждать, что эти гекатомбы необходимы, необходимы для того, чтобы на этой кучѣ труповъ вознести одного удачника, который озаритъ міръ великою идеей?.. Но я васъ спрашиваю: искупить ли величіе самой величайшей идеи гибелью только одной человѣческой личности?.. Говорите, отвѣчайте!.. Да что—идеи!.. Если бы идеи еще!.. Ради формъ, условныхъ формъ, ради фикцій, ради научнаго хлама вы приносите и требуете эти человѣческія гекатомбы...“ А потомъ онъ, обливаясь холоднымъ потомъ, упалъ на подушку, замолчалъ и долго едва-едва дышалъ. Мы думали, что онъ ужъ умеръ. А потомъ онъ протянулъ тебѣ руку: „Братъ, прости... Я знаю, что ты-то ужъ не виноватъ въ этой трагикомедіи... Ты, конечно, не этого хотѣлъ, да все одно это вышло... Великая истина, почаше ты ее вспоминай: „не вливайте вино новое въ мѣхи старые“. Потомъ онъ опять замолкъ. Положила я ему руку на лобъ, а онъ у него какъ кусокъ льда—мокрый и холодный. А руками онъ едва могъ натянуть на себя жиденькій пледъ нашъ. „Вотъ мнѣ ужъ умирать пора,—опять говорить,—прости меня, Ваня... Ты... что про тебя говорить! Ты святой... Я не хочу даже сравнивать себя... А все же ты меня прости, что я... не смогу... даже десятой доли изъ того, о чемъ мечталъ ранѣе... да... Вотъ видишь, и за это умираю „прелюбодѣмъ мысли“, поденщикомъ, хозяйскимъ батракомъ, бесполезнымъ, даже вреднымъ для своихъ братьевъ, потому что ничѣмъ не послужилъ имъ, ни одною строкой прямо для нихъ, а послужилъ сытой, торжествующей, наглою и жадной улыцѣ... Да, прелюбодѣмъ мысли!.. Ну, да туда ему и дорога; сваливайте въ яму неудачника!.. А, вѣдь, подумаешь, сколько затрачено силъ, годовъ, сколько перенесено тобой и близкими несчастій, горя, сколько труда, волненій, злобы, скрежета зубовъ, катаровъ, первыхъ разстройствъ, цѣлыхъ двадцать лѣтъ одного только *подготовительнаго ученія*... Къ чему?!“

— Липа... Липа... будетъ! Пощади себя и меня,—чуть не плача, прошепталъ я.

Она какъ-то сразу оборвала, взглянула на меня растерянными и возбужден-

ными глазами и вдругъ истерически за-хохотала и зарыдала.

Я долго стоялъ около нея, пораженный, убитый, потерявшийся, пока она билась и металась въ первомъ припадкѣ. Потомъ она еще долго не могла придти въ себя, долго сидѣла, поджавъ подъ себя ноги, какъ ребенокъ, въ углу дивана и смотрѣла на меня широко открытыми, блуждающими глазами.

Я отошелъ отъ нея и попрежнему сѣлъ около стола, стараясь не обращать на нее вниманія. Какъ вдругъ, спустя нѣсколько минутъ, она быстро соскользнула съ дивана, неслышно очутилась возлѣ меня и, схвативъ мою голову холодными руками, стала покрывать ее поцѣлуями.

— Ваня, милый!—напряженно шептала она, задыхаясь,—вѣдь, мы всѣ тебѣ обязаны, одному... Ты герой нашъ! Ты отецъ нашъ!.. Ты велъ насъ къ свѣту, ты вѣрилъ въ него и въ насъ... Ваня, дорогой!—шептала она еще напряженнѣе, еще тише,—спаси меня... Спаси... Я погибну... Я теряю смыслъ... въ жизни... Укажи мнѣ—гдѣ, что и какъ?.. Ахъ, Ваня, какъ ужасно въ этомъ мірѣ быть неудачницей!.. А, вѣдь, насъ... Боже мой! сколько насъ плодится съ каждымъ годомъ...

VIII.

Было еще очень раннее утро, когда я вернулся на свою квартиру. Гдѣ я пролуталъ всю ночь, о чемъ я думалъ,—я ничего не помнилъ. Я былъ словно съ похмѣлья: въ глазахъ стоялъ туманъ, голова кружилась, мысли путались, ноги едва меня держали. А, между тѣмъ, я чувствовалъ, что мнѣ никогда не было такъ легко, какъ теперь, и именно потому легко, что во мнѣ созрѣло какое-то рѣшеніе. Но въ чемъ оно состояло — я не могъ дать себѣ яснаго отчета. Тѣмъ не менѣе, вернувшись, я тотчасъ же, съ самоувѣренностью и сосредоточенностью человека, вполне управляющаго собой, сталъ разбирать свои работы, записки: большинство изъ нихъ рвалъ и бросалъ въ печку, немногія откидывалъ въ сторону, завертывая въ пакетъ. Мать и сестра Катя хотя и нѣсколько удивленно смотрѣли за мною, но не смутились и ничего не сказали, такъ какъ онѣ привыкли вѣрить, что я не сдѣлаю ничего нехорошаго, ничего такого, что оставило бы ихъ вдругъ безпомощными въ жестокой житейской

борьбѣ. Мы—мужицкія дѣти и привыкли этому вѣрить.

Но, не докончивъ и на половину разборки своихъ бумагъ, я надѣлъ шляпу и молча, и также сосредоточенно вышелъ.

Я пошелъ къ Липочкѣ.

Липочка только-что встала. Когда я отворилъ дверь ея номера (она оставалась въ меблированныхъ комнатахъ на Дмитровкѣ), она, въ бѣлой ночной кофточкѣ и юбкѣ, стояла около умывальника. Ея розовое, припухлое отъ сна, миловидное личико было такъ дѣтски-самодовольно, что я никакъ не могъ хорошенько представить ее себѣ такою, какою видѣлъ вчера. Впрочемъ, я не могъ особенно вдумываться въ это въ тотъ моментъ, когда вошелъ къ ней.

— Это ты, Ваня? Что такъ рано? Развѣ что случилось? — изумленно вскрикнула она и потомъ лукаво прибавила. — Если бы это не былъ ты, я подумала бы, что за мной слѣдятъ.

— Да... извини... есть дѣло... Я по вчерашнему, — сказалъ я, напирая на послѣднемъ словѣ.

— А! — протянула Липочка тѣмъ спокойнымъ тономъ, когда узнаютъ, что ничего особеннаго, вопреки ожиданію, не можетъ предвидѣться.

— Ну, давай же, голубчикъ, чай пить со мной. Я, вѣдь, очень рада, что ты пришелъ. Я терпѣть не могу пить чай одна: ужасная тоска! Ну, такъ что же ты мнѣ скажешь? — спросила она, усаживаясь предъ самоваромъ, такая милая, свѣжая, румяная, веселая какъ ребенокъ. — Какое, однако, у тебя лицо! Ты спалъ?

— Нѣтъ?

— Отчего?

— Видишь, Липочка, — заговорилъ я, собираясь съ силами и отхлебывая ложечкой чай изъ стакана, — я по вчерашнему нашему дѣлу.

— Ну?

— Я, видишь ли, наконецъ, нашелъ, т.-е. открылъ, узналъ въ чемъ наше спасеніе... Или нѣтъ, лучше сказать: въ чемъ наше несчастье. Я вотъ и хочу спасти и тебя, и себя... Пока насъ двоихъ, — говорилъ я, насильно вытягивая слово за словомъ и не подымая глазъ отъ стакана. Но я замѣтилъ, какъ Липочка грустно покачала головой.

— Такъ я и знала, — сказала она. — Я вчера и то ужъ ругала себя. Я знала, что что-нибудь такое изъ этого выйдетъ. Только,

голубчикъ, оставь ты это. Сколько разъ тебѣ спасать насъ? Да и какъ спасти?

— Я рѣшилъ!..

— Что?

— Уйти туда... къ своимъ... совсѣмъ...

— Въ деревню?

— Да. И зову тебя.

Липочка смутилась и напряженно смотрѣла на меня.

— Я знаю, — проговорила она, какъ будто въ раздумьи, — объ этомъ говорятъ многіе. Можетъ быть, это и хорошо. Только что же мы тамъ будемъ дѣлать? Пахать? Вѣдь, у насъ тамъ уже ничего нѣтъ... Пахать!

Липочка улыбнулась и покачала головой, но тотчасъ же печально сжала губы и вздохнула: можетъ быть, ей, какъ мнѣ же, въ эту минуту припомнился отецъ.

— Что же мы тамъ будемъ дѣлать? — опять задумчиво переспросила она.

— Я не знаю, — рѣзко отвѣчалъ я и быстро поднялся съ мѣста.

Я чувствовалъ, что во мнѣ что-то клокотало, кипѣло; тутъ были и злорадства, и досада, и жалость, страшная жалость и грусть о чемъ-то дорогомъ, завѣтномъ, на что была отдана цѣлая жизнь.

Липочка въ испуганномъ недоумѣніи вскинула на меня свои припухлыя вѣки съ пушистыми рѣсницами.

— Не знаешь даже? — почти прошептала она.

Да, ей было странно услышать, чтобы я когда-нибудь рѣшился на то, чего не зналъ опредѣленно.

— Не знаю, — сказалъ я въ волненіи. — Я знаю, Липочка, только одно, что мы съ тобой мужицкія дѣти, деревенскія; мы зашли сюда искать свѣтъ. Мы вѣрили, что мы здѣсь найдемъ много такого, хорошаго, свѣтлаго, чего нѣтъ въ деревнѣ. Мы знаемъ, что теперь тянутся за нами уже много такихъ, какъ мы. Ихъ будетъ съ каждымъ годомъ все больше и больше. Народная мысль все растетъ къ свѣту, свободѣ. Мы, Липочка, обязаны... да, обязаны къ нимъ туда... назадъ... принести свое разбитое сердце... и всѣ эти муки. Больше ничего. Вотъ и все! Просто, Липочка, вотъ придемъ съ тобой, да какъ ты вчера у меня, вотъ точь въ точь какъ ты, всю скорбь... также со слезами предъ всѣми...

Я сталъ предъ Липочкой и упорно смотрѣлъ въ ея лицо, весь поглощенный тѣмъ, что дѣлалось въ моей собственной душѣ. Но я видѣлъ, какъ Липочка все больше

блѣднѣла, какъ мелкія морщинки быстро собирались на ея маленькомъ лбу отъ неожиданной задачи—успоить то, что я говорилъ; я видѣлъ, какъ брови ея подергивала легкая судорога, какъ будто она собиралась зарыдать. Мнѣ было ее жалко, да и ее ли одну?

— Вотъ и все, Липочка,—повторилъ я возможно ласково, садясь опять возлѣ нея.—Да и что можемъ еще сказать мы, захламощенные, изувѣченные, истерзанные,—мы, которые дѣлали только одно, что напояли на себя всякую барскую рухлядь и считали себя счастливыми, когда лучше кому-нибудь удавалось этой рухлядью щегольнуть? И вотъ намъ урокъ! И эти уроки намъ будутъ все жесточе и жесточе... О, какой урокъ она далъ намъ! Какой урокъ!.. Ты какъ-то спрашивала меня, гдѣ тотъ „добрый баринъ“, который первый когда-то указалъ мнѣ путь къ свѣту. Я видѣлъ его.

Липочка молчала, продолжая напряженно глядѣть предъ собой; я видѣлъ, какъ глаза ея все больше и больше мутнѣли.

— Липочка,—сказалъ я, взявъ ее за руку,—мы маленькіе люди. А маленькимъ людямъ нельзя такъ жить, нельзя жить цѣной смерти и страданій родныхъ братьевъ и сестеръ, цѣной отчужденія отъ материнской груди, цѣной... Липочка, уйдемъ отсюда... уйдемъ туда и скажемъ имъ все, что мы знаемъ... Мы скажемъ, что нельзя такъ маленькимъ людямъ, что маленькіе люди должны сами о себѣ подумать, маленькіе люди должны свой путь найти, свое, все свое съ собой принести... Ахъ, Липочка! А мы? Принесли ли мы съ собой это свое? Мы забыли его, мы на-

смѣялись еще надъ нимъ, мы продали его за чечевичную похлебку... Липочка, Липочка!.. Уйти отсюда и раскрыть тамъ свое сердце, и рыдать... Больше ничего!.. Вотъ какъ блудный сынъ—припасть къ материнской груди... Лучше этого нѣтъ словъ любви, нѣтъ поучительнѣе указаній!.. И все будетъ ясно, и будетъ легко... И пройдемъ мы съ тобой съ своими рыданіями изъ конца въ конецъ.

Я еще говорилъ что-то, а уже Липочка плакала навзрыдь.

— Ваня, Ваня!.. Будетъ рыдать и терзаться... Я не хочу рыдать... Я не хочу больше... Я жить хочу, Ваня!

Потомъ мы долго молчали. Потомъ мнѣ стало ее ужасно жалко.

— Липочка,—сказалъ я, собираясь уходить,—живи!.. Я знаю, трудно тебѣ, тяжело... Ты не виновата... А я...

— Ваня!.. Милый!—сказала Липочка, охвативъ мою шею холодными руками и смотря мнѣ въ глаза сквозь слезы.—Поѣдемъ съ нами... туда, на вольный просторъ... Опъ везетъ меня за границу... Я скажу ему, что и ты... съ нами... Только одинъ разъ въ жизни вздохнуть вольно, полной грудью, забывши все, Ваня! Тамъ искусство всего міра, тамъ все творчество свободного человѣческаго духа... Тамъ...

— Липочка, живи!.. Тебѣ простится... А я...

Потомъ я ушелъ.

На этомъ рукопись кончается. Ивана Петровича Кузнецова ни я, ни мои знакомые постѣ уже нигдѣ не встрѣчали.

1885 г.

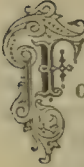
ГОСПОДА КАРАВАЕВЫ.

Р А З С К А З Ъ.

ГОСПОДА КАРАВАЕВЫ.

(РАЗСКАЗЪ).

I.

ода два тому я дня на три заѣхалъ въ глухой уѣздный городъ N. погостить у стараго пріятеля, Петра Павловича Караваева. Уже пять или шесть лѣтъ какъ онъ мытарствовалъ съ мѣста на мѣсто въ качествѣ техника, терпѣливо ожидая случая прочнѣе законтраковать себя какой нибудь фирмѣ. Я его потерялъ было совсѣмъ изъ виду, какъ вдругъ получилъ отъ него короткое письмо съ извѣщеніемъ, что онъ пристроился, наконецъ („упрочень!!!“ — писалъ онъ съ тремя знаками восклицанія) и съ приказаніемъ обязательно пріѣзжать къ нему. Такимъ образомъ я очутился въ плохомъ изъ самыхъ плохихъ городишекъ, о существованіи котораго до того времени даже по географіи не зналъ. Пріѣздъ мой совпалъ, какъ на грѣхъ, съ обычнымъ у пріятеля недѣльнымъ „soirée“, и вотъ я имѣлъ неудовольствіе сразу испытать на себѣ весь гнетъ провинціальной скуки. Всѣ гости поголовно усѣлись за винтъ, на два стола, вмѣстѣ съ хозяйномъ, какъ только кончили пить чай. Я играть въ винтъ не умѣлъ — и остался одинъ-одинешенекъ, успѣлъ осмотрѣть всѣ картины на стѣнахъ, статуэтки на этажеркахъ и книги, обнюхать астры и олеандры, стоявшіе по угламъ, чуть не свернулъ себѣ скулы отъ зѣванья и нѣсколько разъ уже поддакивался къ игрокамъ. При этомъ каждый разъ мой добрый другъ, ласково пожимая мою руку powyше локтя, говорилъ: — „Скучаешь? Ничего, другъ, не сдѣлаешь... Надо потерпѣть, если не научился играть... „Надо годить“, — знаешь, какъ у Щедрина?“ — Мой другъ былъ добрыйшее суще-

ство. Я его любилъ. Въ свое время онъ былъ очень привлекательный студентъ, но имѣлъ большой порокъ — крайнюю вспыльчивость и раздражительность; въ минуты аффекта готовъ былъ лѣзть на ножи, бросаться въ огонь, — и изъ-за этого не разъ рисковалъ загубить свою карьеру, хотя его вспышки имѣли всегда высокій и благородный источникъ. Этотъ порокъ онъ сохранилъ, повидому, и теперь, несмотря на то, что онъ, низенькій, сутуловатый и крѣпкій, теперь успѣлъ еще болѣе округлиться со всѣхъ сторонъ, какъ наливное яблочко. Я замѣтилъ, что онъ все болѣе начиналъ походить на своего отца — бѣднаго дьякона въ одномъ селѣ: такой же румяный, съ такимъ же елеино-добродушнымъ выраженіемъ на лицѣ, съ маленькой пролысиной на головѣ; когда онъ надѣвалъ свой шлафрокъ, въ видѣ полубакафтанья, — это былъ истинный сынъ своего отца.

И такъ, я продолжалъ безнадежно зѣвать когда на выручку мнѣ явилась жена Караваева, уложившая, наконецъ, дѣтей на покой. Это была очень милая и добрая дама, по своему умная и образованная. Я зналъ ее еще въ дѣвцахъ, когда она была на фельдшерскихъ курсахъ. Какъ и самъ Караваевъ, она была очень оживленная особа, съ острыми черными глазами, низенькая, по стройная и тоже крѣпкая; теперь она тоже пополнилась, округлилась, какъ и мужъ, но такъ же, повидому, не потеряла ни блеска черныхъ глазъ, ни прежней оживленности, принявшей, впрочемъ, какой-то болѣзненно-нервный характеръ. Я замѣтилъ это въ ея обращеніи съ дѣтьми: она, при всемъ усилии сдерживать себя, часто раздражалась. Вообще, въ ней не

замѣчалось той чисто-материнской ровности, увѣренности въ себѣ и самообладания, какія мы привыкли видѣть въ такъ-называемыхъ „устойныхъ“ типахъ матерей.

Мы сѣли съ ней на диванъ въ гостиной, при полусвѣтѣ лампы, и, подъ допосившійся къ намъ говоръ все болѣе и болѣе оживлявшихся игроковъ, принялись за разговоръ. Говорили объ искусствѣ, литературѣ, даже наукѣ; говорили о мѣстныхъ новостяхъ и людяхъ.

— Кто ваши гости? — спросилъ я. — Познакомьте.

— Извольте, — отвѣчала Караваева съ легкой улыбкой; — тутъ есть дворяне, которые превратились въ прокуроровъ, медиковъ, адвокатовъ, а другіе понемногу превращаются въ дворянъ: вонъ видите, этотъ высокій, представительный и изящный, съ цвѣточкомъ въ петлицѣ, здѣшній мировой судья. Онъ сынъ просвирни; прежде онъ былъ судебный слѣдователь, но почему-то вышелъ, купилъ здѣсь небольшое имѣніе сначала, потомъ сталъ торговать лѣсомъ... Вотъ этотъ, носъ крючкомъ, худелькій, черноватый, это — врачъ, прекрасный человекъ, остроумный, образованный, но чудакъ, пьетъ запоемъ и тогда бѣгаетъ по улицамъ въ одномъ нижнемъ бельѣ. Говоритъ — органическій порокъ. Онъ сынъ дячка. Рядомъ съ мужемъ — смотритель училища. Ну, это — труженикъ... Этотъ — лѣсничій, сынъ мѣщанина... Тамъ нотаріусъ — сынъ бѣднаго чиновника. Теперь у него, впрочемъ, хорошая лѣсная дача... Это его жена — бывшая барышня, единственная умѣющая здѣсь говорить по-французски, а такъ какъ ее здѣсь никто не понимаетъ, то она постоянно такъ и сыплетъ французскими фразами... Но вретъ она или говоритъ правильно, право, никто не знаетъ. Изъ настоящихъ дворянъ здѣсь только и есть, что вотъ этотъ, весь заросшій мохомъ, старичокъ (отъ него нестерпимо пахнетъ не то потомъ, не то конюшней и табакомъ), сутяга и кляузникъ ужасный, — и вотъ эта старушка въ очкахъ, замѣчательная тѣмъ, что ни одна пуля не обходитъ въ городѣ безъ нея и что она въ состояніи, несмотря на свою старость, просиживать напролетъ за картами по три ночи... Вотъ и всѣ... А тамъ полиція (мы съ ней незнаемся), уѣздный предводитель, который, впрочемъ, только наѣзжаетъ... А тамъ купцы, лабазники, мѣщане... Съ ними мы, конечно, знаемъ только по дѣламъ.

Все это Караваева передала мнѣ съ тономъ той легкой насмѣшки, въ которой всегда есть примѣсь глубокой внутренней грусти.

Мы помолчали и стали прислушиваться къ игрокамъ, невольно всматриваясь въ выраженіе ихъ лицъ. Меня поразила здѣсь одна маленькая странность. Бывало, въ давнія времена, мнѣ приходилось также смотрѣть по цѣлымъ вечерамъ за игрой у помѣщиковъ и купцовъ. И какая разница! Смотришь на нихъ и только улыбаешься: такіе они все румяные, добродушные, — лица у всѣхъ дѣтски-самодовольныя, наивно животныя; при каждомъ ходѣ подпускали они нехитрыя остроты, въ вульгарномъ вкусѣ: „а вотъ мы его по усамъ“ и т. д. И только ужъ какія-нибудь исключительныя особы, въ печоринскомъ жапрѣ, придавали своей игрѣ нѣсколько демоническій характеръ. Теперь совсѣмъ другое дѣло. За исключеніемъ развѣ только старушки и старичка-сутяги, я видѣлъ предъ собой болѣею частію умныя, выразительныя физиономіи, съ той печатью интеллигентности, которая говоритъ о чемъ-то высокомъ, благородно-человѣчномъ — если не пережитомъ, то въ глубинѣ души пережитомъ, когда-то даже тѣмъ, которые были менѣе всего къ этому склонны. Я видѣлъ, какъ съ каждой игрой эти выразительныя физиономіи становились все напряженнѣе, блѣднѣли, какъ будто вытягивались; у многихъ глаза то и дѣло загорались тайнымъ огнемъ раздраженія и недовольства, даже при удачѣ; мнѣ казалось, я чувствовалъ, какъ дрожали ихъ холодныя пальцы, держа карты, и сухія губы, когда они, вмѣсто дубовато-добродушныхъ остротъ стараго времени, язвительно приговаривали что-нибудь „по шедрински“. Я видѣлъ, какъ послѣ каждого робера, всегда и обязательно недовольные другъ другомъ, партнеры съ трескомъ отодвигали стулья, вскакивали и, отворачиваясь одинъ отъ другого, пожимая плечами, выговаривали сквозь зубы: „что вы хотите, если человѣку Богъ дастъ фаршированную голову?...“ — „Не думаю, чтобы голова съ органикомъ имѣла какое-нибудь особое преимущество!“ — несется въ отвѣтъ такой же полусдержанный шепотъ. И у обоихъ трясутся губы, — и въ этомъ вы замѣчаете вовсе не страстный трепетъ игрока, всецѣло поглощеннаго интересами выигрыша или искусства игры, а проявленіе какого-то глубокаго и жгу-

чаго безпредметнаго недовольства. И мой добрый другъ блѣднѣлъ все больше и больше, несмотря на то, что послѣ каждаго робера онъ подходилъ къ столу съ закуской и первню выпивалъ залпомъ по двѣ рюмки.

— Не люблю я этой игры, — сказала Караваева: — она какъ будто нарочно сочинена для нашего времени, — не столько азартная, сколько задирающая и обидная. Нельзя представить ни одного положенія, при которомъ самые даже искусные партнеры не могли бы пайти случая быть недовольными и обидѣть одинъ другого... И между тѣмъ, какъ нарочно, всѣ именно эту игру любятъ... Всѣ и безъ того такіе первые...

— И часто у васъ играютъ такъ?

— Да почти каждый день... Лѣтомъ меньше, — жарко... А зимой — выйдутъ гулять послѣ обѣда и ищутъ, пѣтъ ли гдѣ огоньковъ...

— Но, вѣдь, это не весело?

— Да, скучно... Пойдемте къ окну... Здѣсь душно, сказала она, выпрямляясь и вздохнувъ полной грудью.

Мы перешли. Она распахнула сильнымъ ударомъ раму, облокотилась обѣими руками на подоконникъ и упорно стала смотрѣть въ тьму влажной, послѣ дождя, ночи. Я сидѣлъ сбоку отъ нея и смотрѣлъ на ея блѣдный, красивый профиль, неподвижно застывшій въ одномъ положеніи; только полураскрытыя губы жадно, но почти незамѣтно, втягивали въ себя пахучій, пропитанный запахомъ травы и липы, воздухъ. Мнѣ невольно припомнилось, какъ лѣтъ десять назадъ, я встрѣчалъ въ Петербургѣ, на Пескахъ, молоденькую, бойкую дѣвушку, въ полярковой шапочкѣ на волнистыхъ черныхъ кудряхъ, со связкой книгъ подъ мышкой, идущую бойкой мужской походкой. Была ли это она, я не знаю, но я часто любилъ останавливаться при встрѣчѣ съ нею и долго внимательно провожалъ глазами, между тѣмъ, какъ душа моя переполнялась такой чистой любовью къ ней, такимъ захватывающимъ, хорошимъ чувствомъ... И вотъ все это теперь вдругъ пробудилось во мнѣ, и у меня болѣзненно сжалось сердце. „Зачѣмъ она такъ грустна?“ — думалъ я, не спуская глазъ съ этого блѣднаго профиля. Не знаю, чувствовала ли она этотъ мой взглядъ, или нѣтъ, только она, не оборачиваясь, спросила меня:

— Вы читали за послѣднее время газеты?

— Да, читалъ.

— Не правда ли, замѣтили, какъ много самоубійствъ?

— Да...

— И все какія разнообразныя, странныя... Вотъ, примѣръ, помните, покой въ трактирѣ повѣсился и даже записку оставилъ, что не видитъ смысла въ своей жизни... Можетъ быть, оттого, что ему не удалось сдѣлаться буфетчикомъ?.. Или вотъ еще одинъ лабазникъ; призвалъ священника, отслужилъ молебенъ, а потомъ пошелъ въ сарай и тоже повѣсился — „вслѣдствіе разстройства денежныхъ дѣлъ“... А потомъ эта дѣвушка-акушерка... Потомъ этотъ юноша-студентъ. „Умираю, — пишетъ, — а могъ бы писать не дурные стишки!“

Но она не договорила и смолкла какъ-то разомъ, все еще не оборачиваясь, не измѣняя положенія.

— Вы знаете какіе-нибудь случаи самоубійствъ? — спросила она, въ смущеніи опускающая внизъ глаза.

— Знаю.

— Расскажите...

— Что это вамъ пришла въ голову такая страшная тема для разговоровъ?

— Такъ... Въ этихъ случаяхъ, знаете, всегда такая глубина содержанія... Они такъ много даютъ пищи для мысли...

— И для воображенія?

— Да, и для воображенія... Они не даютъ заснуть мозгу, душѣ...

— Страшное средство для пробужденія!..

Она чуть замѣтно пожала плечомъ и ничего не сказала на это, только прибавила: „ну, расскажите же“.

Я рассказалъ ей два-три случая. Она слушала молча, съ напряженнымъ вниманіемъ, не прерывая меня, опустивъ глаза на подоконникъ и играя пальцами съ окуркомъ папирсы.

— Да, это очень знаменательный случай, — сказала она, когда я кончилъ. Благодарю васъ... Только, знаете, не рассказывайте мужу... Вообще, объ этомъ не говорите.

— Почему?

— Онъ очень первень и раздражителенъ, въ особенности послѣ этой проклятой игры.

— Напротивъ, вамъ не лужно бы мнѣ рассказывать... Вы — женщина...

— Напрасно... Мы должны знать это... Мы — матери, — проговорила она озабоченно-серьезнымъ тономъ.

— Почему?

— Такъ... Это мое личное мнѣніе.

Мы опять замолчали.

— Скажите, зачѣмъ всѣ здѣсь играютъ съ такимъ азартомъ, съ такимъ глубокомысліемъ и напряженіемъ всѣхъ умственныхъ способностей, какъ будто и нѣтъ какое дѣло дѣлаютъ?.. Мнѣ даже какъ-то забавно. У Петра только на экзаменахъ я видалъ такое лицо. Неужели для выигрыша?

— О, нѣтъ... Для сильныхъ ощущеній... Мы всѣ здѣсь какъ будто нарочно ищемъ чего-то остраго, раздражающаго... Я вамъ говорила, что впитъ—это игра нашего времени...

— А вы играете?

— Рѣдко... Притомъ я занята... У меня хозяйство, дѣти...

— Большой?

— Да, мальчикамъ больше десяти... Вотъ придется отправлять въ губернский городъ, или въ Москву.

— Въ гимназію?

— Да, конечно... Какъ же иначе? Я не знаю... Мы не знаемъ... Мы думаемъ, но... не знаемъ,—заговорила она быстро и вся смущенная и потомъ вдругъ спросила:—Вы холостой?

— Да...

— Ну, вамъ этого еще не понять... Да, вотъ я вамъ говорила, что я—мать...

Она весело и вмѣстѣ грустно взглянула мнѣ въ лицо и улыбнулась...

— Какія это новыя, совершенно новыя ощущенія!.. Все, все другое... Мать!.. Вы никогда не думали объ этомъ?

— Признаюсь, нѣтъ...

— Не замѣчали вы, что въ литературѣ... у насъ и вообще... мало говорятъ о матеряхъ... Даже цѣльныхъ, самостоятельныхъ типовъ нѣтъ... въ родѣ, напри- мѣръ, Лира, Корделии... Есть отцы, жены, любовницы, но матерей мало, — все второстепенныя лица... А какъ много въ этомъ маленькомъ словѣ содержанія!.. Впрочемъ, можетъ быть, для матерей еще не пришелъ чередъ... Мы вотъ, кажется, совѣмъ будемъ другія матери, чѣмъ наши, совѣмъ другія, то-есть... что-то такое выступаетъ, чего не было раньше, не могло быть... А будетъ!.. будетъ!..

Она опять грустно улыбнулась и, подавая мнѣ руку, сказала:

— Ну, прощайте, я пойду спать... Ихъ не дожدهшься... А я утомилась...

И она тихо прошла мимо меня. Но мнѣ казалось, что на мѣстѣ, гдѣ она сидѣла,

что-то осталось такое безформенное, невещественное, нетлѣнное, осталась атмосфера, но проникнутая живымъ содержаніемъ, какъ тѣнь, какъ отраженіе безысходной грусти и томленія...

II.

Было уже около пяти часовъ утра, когда меня разбудилъ какой-то шумъ. Я заснулъ на диванѣ въ хозяйскомъ кабинетѣ; въ полуотворенную дверь я, при мерцающемъ сѣроватомъ утреннемъ свѣтѣ, сквозь облака табачнаго дыма, наполнявшаго залу, видѣлъ огарки догоравшихъ свѣчей съ блѣднымъ, чуть видимымъ пламенемъ, и блѣдныя, утомленныя фигуры взволнованныхъ игроковъ. Всѣ они что-то говорили напряженнымъ, полусдержаннымъ голосомъ, поочередно набрасываясь одинъ на другого. До меня долетали все болѣе и болѣе рѣзкіе и извительные обрывки фразъ. Я видѣлъ моего друга тоже блѣднаго, съ блиставшими глазами, съ нервною дрожью бросавшаго вызывающія и обидныя выраженія изящному мировому судѣ, не остававшемуся, въ свою очередь, въ долгу... Но вотъ громко кто-то хлопнулъ брошенною колодой по столу, загорѣли стулья, потомъ захлопали дверями, и игроки, не прощаясь другъ съ другомъ и съ хозяиномъ, раздраженные, вышли. Вдругъ все смолкло. Я слышалъ тиканье часовъ и нервныя, порывистыя шаги ходившаго по гостиной моего друга. Наконецъ, онъ вошелъ ко мнѣ.

— Ты не спишь?

— Нѣтъ. Что это вы, поругались?

— Такъ, вздоръ... Это каждый разъ... Черезъ день опять сойдемся всѣ... Но вотъ что...

Караваяевъ не договорилъ и вышелъ. Потомъ онъ вернулся съ пачкой сигаръ и недопитой бутылкой вина. Поставивъ ее на столъ, онъ опустился тяжело въ кресло около меня, повидимому, нѣсколько успокоившись, но все еще блѣдный; когда онъ раскуривалъ сигару, я замѣтилъ, какъ дрожали его руки...

— Нѣтъ, такъ невозможно! — сказалъ онъ, опустивъ голову.

— Конечно, невозможно!

— Да нѣтъ, ты не такъ меня понялъ... Ты думаешь про игру? Это вздоръ... Неужели ты воображаешь, что мы въ самомъ дѣлѣ заправскіе игроки?.. Нѣтъ,

дли этого, братъ, въ нашихъ жилахъ и надлежащей крови нѣтъ... А тутъ обида, вотъ здѣсь лязвить, кипить... сосетъ...

Онъ повертѣлъ пальцами около груди, потомъ, помолчавъ и потрепавъ меня по плечу, тихо проговорилъ:

— Ничего, братъ... не выходитъ...

Послѣднее слово онъ произнесъ, какъ-то совсѣмъ беззвучно, словно проглотилъ, тотчасъ же отвернувшись отъ меня и налилъ изъ бутылки вина. Но я видѣлъ, какъ слезы блеснули въ его глазахъ и тихо, неудержимо потекли по лицу. «Вѣдь, вотъ до чего довелъ свои нервы», — подумалъ я.

— Да, братъ! — сказалъ онъ, выпивъ и все еще не оборачиваясь ко мнѣ.

— Ну, положимъ, это ты говоришь вздоръ...

— Вздоръ!.. То-есть, какъ ничего не выходитъ?.. Если хочешь, выходить, по сравненію съ прежними: во-первыхъ, насъ больше; во-вторыхъ, мы — гуманисты; въ-третьихъ, мы усердно лѣчимъ, судимъ, учимъ, строимъ мосты, наконецъ, кое-что знаемъ, чего не знали раньше... Потомъ... и по существу... большинство изъ насъ люди честные и хорошіе, прошедшіе жизнь своимъ, трудовымъ путемъ... А это великое дѣло... Это надо дѣлать... И кроме того...

Но Караевъ, не докончивъ, вдругъ сталъ къ чему-то прислушиваться, потомъ поднялся и вышелъ, тихо ступая на носки. Минутъ черезъ десять онъ вернулся и опять сѣлъ молча въ кресло.

— Да, такъ я говорилъ, что всѣ мы по существу... началъ онъ и потомъ вдругъ перебилъ: — Ты ничего такого особеннаго вчера вечеромъ съ женой не говорилъ?

— Не знаю, какъ тебѣ сказать... Кажется, нѣтъ, — отвѣчалъ я уклончиво, припоминая просьбу Караевы. — А что?

— Такъ... Она тоже не спала всю ночь... Странная женщина!.. Да, впрочемъ, это понятно, все понятно... Съ ней это не рѣдко бываетъ: войдешь въ дѣтскую ночь, а она сидитъ въ креслѣ, неподвижная, блѣдная, опустивъ голову, и только молча переноситъ глаза съ кровати на кровать... Да!.. Такъ мы говорили о томъ, что, во всякомъ случаѣ, мы люди недурные... Да... т.-е. относительно, можетъ быть, лучше предыдущихъ нашего типа... Да.. Но у меня на этотъ счетъ есть своя теорія... Впрочемъ, можетъ быть, ты съ ней не согласишься... Но я за нее стою крѣпко...

— Какая же?

— Прогрессъ! — заговорилъ Караевъ, опять выпивъ вина. — Что не прогрессируетъ въ мірѣ? По-моему, нѣтъ ни одного мгновенья во всеобщей, когда бы жизнь не прогрессировала, не развивалась... Кажется, законъ всемірной эволюціи уже достаточно... Впрочемъ, бросимъ говорить по научному... Ты меня заподозришь въ предвзятости, въ томъ, что я хочу щегольнуть... А мнѣ, право, теперь не до этого... Я хочу сказать тебѣ по душѣ, просто, что вотъ накопило, наслонилось здѣсь... на сердцѣ...

— Ну, я не буду тебя перебивать.

— Да, такъ вотъ, по-моему, есть прогрессъ и прогрессъ... И эта, такъ называемая эволюція есть просто органический прогрессъ... Конечно, подчиненъ ему и человѣкъ. Но человѣкъ есть человѣкъ... у него есть, долженъ быть свой прогрессъ, прогрессъ — творческий. Это — могучій порывъ сознанія, проникающій въ глубь времени. Это тотъ прогрессъ, который поднимаетъ душу человѣческую изъ праха, наполняетъ ее непоборимой мощью и властью; дѣлаетъ ее царемъ міра. Вотъ это я понимаю... Когда творческая идея проникаетъ все твое духовное содержаніе, все озаряетъ и оживляетъ кругомъ тебя новымъ свѣтомъ...

— Ты кончишь? — спросилъ я.

— Да... А что?.. Немножко возвышенно, витіевато?.. И я самъ чувствую, что немножко не у мѣста, не подходитъ... Да что у насъ теперь у мѣста?.. Вотъ я говорю тебѣ: мы усердно лѣчимъ, учимъ, судимъ, строимъ машины... И все, вѣдь, это чужое, все чужое, — *ничего своего абсолютно*, своего личнаго, творческаго!.. Гдѣ во всемъ этомъ я, какъ живое, самостоятельное, себя сознающее существо?.. Ну, не будемъ говорить про слѣдователей, судей, учителей. Ты возьми меня... Кажется, профессія свободная, — всѣ законы физики и химіи въ моихъ рукахъ, — а попробуй я, осмѣлюсь только приложить къ чему-нибудь свое свободное творчество... Вотъ вздумай, напри- мѣръ, я набросаю проектъ машины такъ, какъ говорятъ мнѣ мой умъ, мое *чувство*, — да, *чувство* (я на этомъ настаиваю, какъ, можетъ быть, страннымъ ни покажется это)... О, напрасно: тутъ все уже дано впередъ, все предусмотрено, все предопредѣлено, каждый шагъ — и никакое творчество, хотя бы пришелъ самъ Прометей, не можетъ осмѣлиться придать машинѣ *иной типъ*, чѣмъ тотъ,

который предрѣшенъ требованіями рынка и интересами фабриканта!.. Для всѣхъ насъ все предопредѣлено заранее: направление нашего ума, нашего вкуса, препровождение времени, даже нашихъ чувствъ; даже судьба нашихъ дѣтей,—все!.. Мы ничего не можемъ... Мы—рабы своего положенія, рабы постыдныя...

— Петръ, ты преувеличиваешь... Ты слишкомъ мрачно настроенъ... Тебѣ надо успокоиться, уснуть, сказалъ я. — Знаешь, взойдетъ солнце...

— Какое солнце! Бываетъ такое солнце, которое, какъ поприщевская луна, дѣлается тоже въ Гамбургѣ, и прескверно дѣлается! — процѣдилъ онъ, сморщился неприятно и потомъ опять потихоньку вышелъ.

Вернувшись снова черезъ нѣсколько минутъ, онъ сказалъ: „уснула!“ и затѣмъ началъ говорить почти шопотъ:

— Вотъ ты сказалъ: солнце... Господи, кто не жаждетъ его? Кто не ждетъ его ежесекундно?.. Но утѣшать имъ нынче, завтра, — нѣтъ, это плохое утѣшеніе!.. Это, можетъ быть, для васъ, тамъ... ничего... достаточно... Но мы, которые принуждены жить здѣсь, въ самомъ центрѣ жизни... настоящей, будничной... Солнце!.. Но пока взойдетъ это солнце, мы видимъ каждую минуту, какъ всѣхъ насъ, невольно, стихійно засасываетъ страшная тина жизни... Вѣдь, мы... вѣдь, мы *поторяемся*... понимаешь ли ты? Вѣдь, мы повторяемся!.. — какъ-то зашипѣлъ Караваяевъ, поднося къ моему лицу сжатые кулаки. — Все можно простить... все можно переждать... но это!.. Одна мысль объ этомъ можетъ истерзать сердце... Вотъ посмотри, — говорилъ онъ, чуть не въ ужасѣ протягивая руки къ окну: — цѣлая „Мертвая души“ воскресаютъ!.. Безсмертные, петлѣнные образы!.. Вотъ Чичиковъ—пріобрѣтатель... Видѣлъ этого... мирового судью?.. Это онъ... былъ прежде теоретикъ, а теперь, видишь ли, сталъ „практикъ“, занимается сельскимъ хозяйствомъ (потому — „народно“) и учитываетъ уже мужицкія плутни, разочаровываясь въ быломъ „идеализмѣ“, съ точки зрѣнія „приктическаго“ сельского хозяина... Вотъ — Маниловъ, товарищъ прокурора, строитъ для крестьянъ мосты съ лавками; вотъ Загорѣцкій, Репетиловъ, а вотъ разочарованный Чацкій, Чертопхановъ—врачъ... А что идетъ сюда изъ народа? Вотъ откупщикъ въ видѣ моего хозяина, вонъ цѣлой тучей

возрождается старый крѣпостной мужикъ—бурмистръ, рабъ и плутъ, въ видѣ десятичника, конторщика, приказчика... Вонъ несчастный рабочій, больной, зараженный, дѣвушки и женщины, пьяныя, развращающіяся, вонъ дѣти — вырожки каторжнаго труда... Я тебѣ какъ-нибудь скажу, какія они здѣсь пѣсни поютъ. Вотъ, напримѣръ, одна начинается такъ:

Мать моя меня безъ мужа зачала,
Не видать со младости я батюшки-отца...

Это лепечутъ здѣсь младенцы... Страшно!..

Караваяевъ сѣлъ и вдругъ какъ-то весь осунулся послѣ продолжительнаго нервнаго напряженія; голова свалилась у него на бокъ, глаза закрылись, и онъ только вяло крутилъ папиросу.

— Что же дѣлать! До поры до времени, — сказалъ было я: — чего-жъ упивать? Хотя что-нибудь...

При этихъ словахъ Караваяева какъ будто что-то вдругъ передернуло всего: глаза у него опять нервно оживились, самъ онъ выпрямился.

— Хорошо... Я тебѣ, пожалуй, теперь, такъ и быть, расскажу, — началъ онъ. — Былъ у меня въ жизни одинъ періодъ... очень для меня важный... И не такъ это давно... Бился я тогда ужасно... была уже жена, дѣти пошли... И вотъ началась у меня эта битва за „хоть что-нибудь“... И все это, конечно, во имя идеала; — ну, однимъ словомъ, вѣруя и надеясь, что вотъ, молъ, до поры до времени, не нынче-завтра... А вѣрить было чему, братъ, самъ знаешь... Потому, были люди — не намъ чета, были идеи, но не... какъ бы тебѣ сказать? не биологическія только... Было, братъ, было, вѣдь, все это?.. Не были отъ Бога одѣлены и забыты?.. Кому другому, а ужъ намъ-то пожаловаться грѣхъ, что Богомъ были обижены... Такъ ли?.. Ну, да это оставимъ... Такъ вотъ, во имя памяти-то объ этихъ людяхъ, все терпѣлось, все можно было „переждать“... Вдругъ, самъ не знаю отчего, все то, что прежде переносилось такъ легко, всѣ тѣ ужасы и мерзости, съ которыми приходилось считаться, но, которые, такъ сказать, ступшевывались, покрывались какъ бы дымкой, — вдругъ теперь все это сдѣлалось невыносимо, жутко, все оголилось, все замесалось въ глаза во всей своей вопіющей мерзости... И ужъ прикрыть было не чѣмъ!.. И все это оголялось не передъ тобой только однимъ, а предъ женой и

предъ дѣтьми, и никакимъ флеромъ прикрыть этого предъ ними было нельзя... Но, вѣдь, какъ же быть: вѣдь, невозможно же было, по крайней мѣрѣ тогда, прямо этой наготой щеголять, какъ это стало возможнымъ, должно быть, теперь?.. Съ чего я все это долженъ переносить?.. Если ужъ нагота, то почему одна лучше другой?.. Понятно, что *тогда* я отъ этого вопроса дрожалъ, а тѣмъ болѣе не повернулся бы у меня языкъ отвѣчать на него утвердительно... И вотъ я (жилъ я тогда тоже въ глуши) собралъ кое-какія деньжонки — маршъ въ столицу, разыскивать друзей-пріятелей: чтó они, какъ?.. Пріѣзжаю къ тому, къ другому... Вижу, они уже значительно, такъ сказать, уравниловненили нашего житья... Спрашиваютъ: „ты что? зачѣмъ?“ — „А вотъ, говорю: такъ и такъ...“ „А не хочешь ли, говорятъ, ты въ театръ, въ оперу... на выставку... Вѣдь, поди, давно не видалъ? тоскуешь?“ — „Нѣтъ, говорю, не хочу... развѣ послѣ, а вотъ мнѣ бы сначала то-то и то-то...“ „Чудакъ!—говорятъ:—за этимъ ты приходи къ намъ на журфиксы,—тамъ все узнаешь и всѣхъ сразу увидишь...“—Сталъ я ходить на журфиксы, нынче къ одному, завтра къ другому... И что же, братецъ, изъ всѣхъ этихъ журфиксовъ вышло?—Игра въ жмурки... Я и самъ себѣ не вѣрилъ было сначала, а вышло такъ, что я цѣлый мѣсяцъ только и дѣлалъ, что въ жмурки игралъ: я хочу одного схватить, а онъ, какъ ужъ, у меня изъ рукъ, такъ деликатно, весело, съ улыбочкой, съ пріятнымъ комплиментомъ, и выскользнетъ; я другого—то же; третьяго, четвертаго... Потъ съ меня градомъ, а кругомъ только и слышу: „ха-ха-ха!.. Огонь, огонь!.. Ха-ха-ха!.. И тутъ огонь!.. огонь!..“ Вижу, выбился изъ силъ, а толку нѣтъ. Я и говорю пріятелю: „мнѣ, другъ, не до потѣхи... Что же это ты?“ — „А ты чего же хотѣлъ еще?“—отвѣчаетъ. —Такъ ты ступай къ тѣмъ, которые такъ или иначе творятъ исторію... Мы ужъ на нихъ полагаемся: имъ и книги въ руки, потому они—люди ученые, а мы сознали себя невѣждами и въ это дѣло не встряемъ!..“ Поднялся я отъ средняго человѣка на ступень повыше. Гляжу, люди все солидные, дѣйствительно, въ жмурки не играютъ, а больше какъ будто „въ свои со-сѣди“. Допустили меня. Я, конечно, весь—вниманіе. „По-моему, все въ „фор-

махъ“ и безъ формъ быть ничего не можетъ“,—началъ одинъ изъ самыхъ солидныхъ.—Совершенно вѣрно: это святая истина... Но осмѣлюсь замѣтить на вашу достойную мысль: достаточны ли будутъ и надежны ли формы, не опирающіяся на прочное сознаніе?—замѣтилъ другой, тоже солидный человѣкъ, по-моложе.—По-моему, ни формы, ни сознаніе не могутъ имѣть существеннаго значенія, если не лежатъ подъ ними прочныя экономическія основы,—замѣтилъ третій.—Я совершенно раздѣляю вашу мысль и вполнѣ ей сочувствую, по думая, что немислимо установленіе экономическихъ нормъ безъ надлежащихъ „формъ“,—замѣтилъ опять первый.—Но будутъ ли, осмѣлюсь заявить, прочны формы и экономическія отношенія, если не будетъ прочнаго сознанія?..“ Ну и такъ далѣе, все въ такомъ же родѣ. Медленно и напряженно переводилъ я глаза съ одного солиднаго человѣка на другого, дѣлая такимъ образомъ кругъ, потомъ опять начиналъ снова, и опять... Я только чувствовалъ, какъ съ каждымъ разомъ мои глаза открывались все шире и шире отъ недоумѣнія: когда же будетъ конецъ этому заколдованному кругу? Но конца не было... Солидные люди отужинали и разошлись по домамъ „творить исторію“. Тогда я направился къ моему старому учителю, къ человѣку, котораго я глубоко и искренно уважалъ. Онъ принялъ меня тепло и искренно, обласкалъ и пригрѣлъ и потомъ грустно спросилъ меня:—„Вы ищите правду?“—„Да“.—„По она заключается не въ томъ, въ чемъ видѣли вы ее до сихъ поръ“.—„Въ чемъ же?“—робко и съ тайнымъ трепетомъ спросилъ я, чуть не проиницая своими глазами до его сердца.—„Что есть истина?“—грустно сказалъ онъ:—истина такъ же условна, какъ и все“...—Я ушелъ. Если бы меня ударили желѣзнымъ молотомъ по головѣ, это было бы лучше, потому что тогда мозгъ разлетѣлся бы вдребезги. Но меня ударили молотомъ изъ такого металла, что мозгъ мой остался цѣлъ, но ударъ ошеломилъ мой умъ;—предъ моими глазами стояла уже не мгла, а тьма... Два дня и двѣ ночи упорно, настойчиво взвѣшивалъ я и оцѣнивалъ то, что сказалъ мнѣ учитель. И я понялъ, что это было однимъ изъ мудрѣйшихъ и глубочайшихъ изреченій, проникающихъ въ сокровенную суть нашего времени... Но вмѣстѣ съ тѣмъ это было и ужаснѣйшимъ приговоромъ

надъ нимъ,—надъ этимъ временемъ, отъ котораго отлетѣлъ духъ Божій, великій *духъ творчества*... Я тогда заплакалъ... Пожалуй, ты можешь издѣваться надо мной, смѣяться (для нашего времени все прощительно), но я... я говорю искренно, такъ, какъ чувствую... И не раскаиваюсь въ этомъ, потому что во мнѣ плачетъ что-то *наше*, общее съ тобой, о чемъ ты тоже не можешь не стонать... Баста! Тогда я тотчасъ же вернулся къ женѣ и дѣтямъ, и уже больше ничего и ни о чемъ такомъ не говорилъ съ ними... Все оголенное было уже для всѣхъ ясно и прикрытъ его было нечѣмъ!... Вотъ и все!.. И живемъ мы здѣсь всѣ, какъ „первые челоѣки“ въ раю, когда они вдругъ узрѣли свою наготу... Точь въ точь!..

Караваяевъ замолчалъ.

— А мнѣ все еще кажется, что ты увеличиваешь,—замѣтилъ я.

— Вотъ что,—сказалъ онъ:—такъ ужъ все это какъ-то глупо вышло... Развѣ я тебя такъ думалъ принять? Развѣ я для того тебя выписалъ, чтобы свою наготу тебѣ раскрывать?.. Ну, да ужъ въ такой часъ попалъ... Но лучше, что я вылился... А то, братъ, когда одинъ—все такія скверныя, безобразныя мысли вертятся въ головѣ... Уйдешь сутокъ на двое въ кабинетъ, да такъ и не показываешься никому—ни женѣ, ни дѣтямъ... Такъ вотъ видишь, прямо тебѣ скажу, во многихъ изъ насъ одно есть несомнѣнно хорошее: мы искренни, искренно чувствуемъ про себя, а иногда... иногда и говоримъ...

— За то я тебя и люблю... Если, какъ ты увѣряешь, все повторяется здѣсь у насъ, то должны повторяться и...

— Рудины?.. Есть, есть и будутъ... и будетъ ихъ еще больше...

— Тупое самодовольство—вотъ что страшно,—говорилъ я.

— Рудинъ... Да,—задумчиво продолжалъ Караваяевъ, повидимому, не слушая меня и только пожимая плечики мою руку своими влажными, холодными пальцами.—Спасибо и за это... Только... зачѣмъ же повторенія?... Повтореніе—вотъ что ужасно!.. Неужели это пѣчто неизбѣжное, національное?

— Я думаю, нѣтъ... Национальное давало и не такіе типы...

Караваяевъ грустно, въ раздумьи, покачалъ головой...

III.

Я жилъ у своего стараго друга уже третьи сутки. Жизнь шла обычной мирной колеей. Самъ Караваяевъ успокоился, сталъ, по обыкновенію, добродушенъ, немощно, какъ и всегда, лѣнливъ, въ карты играть отказывался безусловно и „всего себя, какъ говорилъ онъ, посвятилъ узамъ дружбы“. Послѣ обѣда разваливались мы съ нимъ по диванамъ и, за бутылкой вина и сигарами, пролеживали до полночи, вспоминая бывшее и по десяти разъ возвращаясь уже къ извѣстной изъ предыдущаго темѣ, только далеко не въ такомъ напряженномъ настроеніи. Въ концѣ-концовъ острота этой темы настолько притупилась, что прежніе мрачные выводы уже и самому Караваяеву стали казаться не столь „отчаянными“ и что, вообще, ежели посмотрѣть похладнокровнѣе, то дѣло обстоитъ много благополучнѣе. Меня смущало только одно, что госпожа Караваяева рѣдко присутствовала на нашихъ *far niente* и, вообще, она жаловалась на нездоровье. Но Караваяевъ, повидимому, уже привыкъ къ этому.

На третій день, однако, наше идиллическое настроеніе снова затуманилось. Караваяевъ возвратился съ фабрики къ обѣду опять разстроенный и взволнованный, блѣдный, нервный. Что-то вышло у него съ хозяиномъ, онъ вспыхнулъ, наговорилъ непріятныхъ вещей, но хозяинъ на все это только пожалъ плечами и улизнулъ отъ всякихъ объясненій. Это Караваяева обидѣло; онъ сталъ искать его, но хозяинъ благоразумно исчезалъ отовсюду, гдѣ его настигалъ Караваяевъ, а между тѣмъ распоряженія, сдѣланныя Караваяевымъ и непонравившіяся хозяину, никакъ не исполнялись. Однимъ словомъ, была очень обычная исторія. Караваяевъ волновался пѣлый обѣдъ. Опять пошли разговоры на тему „о рабскомъ положеніи“ и проч.

Г-жа Караваяева слушала все время молча, опустивъ глаза внизъ и слегка постукивая концомъ ножа о край тарелки. Наконецъ, она сказала, не подымая, впрочемъ, головы.

— Ты уже слишкомъ умаляешь свои труды, заслуги...

— Какіе?!—закричалъ Караваяевъ, но ему все-таки, видимо, было пріятно, что жена сказала именно это.

— Ты, напримѣръ, упростилъ его попра-

вить корпусъ для рабочихъ... выстроить больницу...

— Больница! Корпусъ!.. Да ужъ если на то пошло, душа моя, чтобы считаться, то, клянусь истиннымъ Богомъ, не вижу никакой разницы, если бы, помимо моихъ упрасиваній и „вліянія“, выстроилъ онъ самъ по себѣ богадѣльню... Развѣ они не строили и не строятъ? Э, матушка, мы всѣ свои разговоры о такъ называемомъ „народѣ“ давно уже въ существѣ то на эти богадѣльныя дѣла свели... Только клочки перемѣнили... Больница!.. А знаешь, отчего онъ привязывается? Ему хочется вытѣснить тебя оттуда... Потому что ему приказники постоянно нашептываютъ, что тебѣ при мужѣ и безъ этого можно жить, что есть у нихъ знакомые фельдшера, которымъ пить-ѣсть надо... Однимъ словомъ—гадость.

— Ну, что жъ? Это, конечно, справедливо... Я уйду... И ты напрасно подвергаешь себя риску...

— Но, вѣдь, это противъ условій?.. Когда мы строили больницу, я именно говорилъ... Я, матушка, и такъ виноватъ предъ тобой вотъ по этимъ поръ,—показалъ Караваевъ на горло...

Караваева удивленно и вмѣстѣ какъ-то испуганно вскинула на мужа глаза.

— Ну, да... Я прямо признаюсь: я загубилъ твою карьеру... женился рано... Ты была бы теперь, можетъ быть, докторомъ...

— Ты меня до сихъ поръ не понимаешь,—вдругъ вспыхнула Караваева вся, какъ зарево, въ глазахъ у нея загорѣлось почти негодованіе, и она вышла.

Но Караваевъ и теперь, повидимому, не понялъ вспышки своей жены, но принялъ, кажется, это просто за выраженіе скромной супружеской признательности. Этотъ разговоръ съ женой его даже значительно успокоилъ.

— Признаться,—сказалъ я,—я тоже плохо понимаю твою жену... Она какая-то необычная... Много въ ней чего-то загадочнаго... Вотъ, напримѣръ, почему она такъ интересуется самоубійствами и всякій рассказъ про нихъ производитъ на нее такое глубокое впечатлѣніе?—сорвалось какъ-то у меня совсѣмъ неожиданно.

— Да?.. А развѣ ты съ нею говорилъ объ этомъ?—спросилъ быстро Караваевъ, и я замѣтилъ, какъ краска понемногу выступала на его щеки.

— Да, говорилъ.

— Это понятно, все понятно,—началъ онъ въ полголоса.—Видишь ли: она много перенесла въ молодые годы. Она изъ купеческаго семейства... Вырваться на свободу ей стоило большихъ, почти геройскихъ усилій... Отецъ ее проклялъ, или что-то въ этомъ родѣ, лишилъ наследства... Вѣдствовала она въ Петербургѣ ужасно... Да, было время, когда она сама была на волоскѣ отъ самоубійства... Потомъ мы съ ней встрѣтились, пригланулись другъ другу... Ну, тутъ пошла другая полоса: пошли дѣти... нужда... бользни... горе... Не повѣришь, бывало, каждое зачатіе ребенка и меня и ее бросало въ трепетъ... Мы оба избѣгали глядѣть другъ другу въ глаза, оба мучились, терзались, страдали... и молились (да, хоть и хладными, можетъ быть, устами, а молились), чтобы „миновала чаша сія“... Потомъ...

И тутъ Караваевъ весь вспыхнулъ сразу и смущенно опустилъ глаза.

— Ну, да что тутъ!.. законъ Мальтуса... Ужасъ!.. И все переносилось, все перестрадалось... Пройдутъ эти минуты—и опять весело, бодро взглянешь на жизнь!... Да, все переносилось, потому что, потому что... было прошлое!... А потомъ (Караваевъ становился все серьезнѣе, все грустнѣе)... потомъ стало все оголяться... вся эта нагота пошла... эта мгла... которой нѣтъ конца-краю... А жизнь, вѣдь, по существу-то, осталась та же... Только... во имя чего же?..

Караваевъ замолчалъ.

— Понялъ?—спросилъ онъ меня.

— Да, теперь понимаю...

— Вотъ, видишь ли... когда я теперь это все припомнилъ, я и самъ теперь понялъ, что не въ дипломахъ дѣло, и не въ томъ, что она рецептуру знаетъ... А въ томъ, что она переживала, пережила... что открыло ей освобожденное сознаніе матери. И въ то время, какъ мы всѣ повторяемся, не повторяется только она одна!...

— Пойдемъ-ка въ кабинетъ,—въ это, братъ, наше единственное убѣжище отъ всякихъ бѣдъ,—сказалъ Караваевъ, усиливаясь попасть на шутивый тонъ.—Какъ никакъ, а что-то для насъ въ этомъ вотъ привлекательное есть, притягательное... Должно быть, тоже національное?—шутить онъ, засаживаясь съ ногами на широкій, мягкій оттоманъ.—Эхъ, хорошо! Только вотъ въ такія минуты и чувствуешь себя порядочно, когда забудешь-

ся... Ну-ка, двинь сюда бутылку-то!... Да, жена,—опять началъ онъ, помолчавъ:—она, дѣйствительно, немножко загадочная женщина... скорѣе эксцентричная... есть странности... Но она—такая добрая, любящая, хорошая (впрочемъ, по части чувства когда же у насъ были плохи жены и матери?)... и вдумчивая... да... вдумчивая (это было рѣдко, да и теперь встрѣчается не часто)... Да и опять еще не въ томъ суть,—а суть въ томъ... Ну, я тебѣ говорилъ уже—въ чемъ!... Это—наши мученицы, воть въ чемъ суть!... Наши дѣти мавзолей имъ должны возвести!...—совсѣмъ разнѣжился Караваевъ и началъ было продолжать въ этомъ нѣсколько возвышенно-сентиментальномъ тонѣ, какъ въ комнату шумно ворвались дѣти, всѣ черноголовые и черноглазые, съ сильнымъ преобладаніемъ материнскаго элемента, даже и въ выговорѣ, въ жестахъ, взглядахъ, очевидно, отъ постоянного присутствія въ обществѣ матери и отъ ея вліянія.

— Дѣти тебя почти совсѣмъ не видятъ,—сказала, входя вслѣдъ за дѣтьми, Караваева, на лицѣ которой уже не было и тѣни недавняго неудовольствія. Да, теперь, при дѣтяхъ, она и смотрѣла совсѣмъ иначе: вмѣсто грустной подавленности, въ ней замѣтно было что-то властное, самостоятельное и даже веселое. — Утромъ онъ занятъ, а вечеромъ... сказала—было она, обращаясь ко мнѣ.

— Не говори, не говори!...—перебилъ Караваевъ:—онъ знаетъ... Онъ все знаетъ, какъ мы... какъ я... Да, я бѣгаю отъ дѣтей, отъ своихъ дѣтей, потому что... Ну, да однимъ словомъ онъ знаетъ...

И Караваевъ выпилъ стаканъ вина.

— Лидя,—сказалъ онъ, протягивая руку женѣ,—ты прости меня, что я... я тебя обидѣлъ.

— Когда?

— Итъ, вѣдь, я тебя понимаю... Итъ, право, я все для тебя готовъ сдѣлать... Только погоди, дай притти въ себя... Ты не тоскуй... Все устроимъ, обдумаемъ... Дай воть немножко только этой мглѣ-то пройти,—говорилъ Караваевъ, закрывая лицо руками, путаясь отъ волненія и отъ вина...

— Что мы можемъ сдѣлать... здѣсь... одни?...—сказала Караваева.—Я прошу тебя только объ одномъ, чтобы ты былъ спокойнѣе, не раздражался, не рисковалъ

изъ-за того, что измѣнить ты одинъ не въ силахъ...

— Я знаю, знаю!... — опять началъ Караваевъ въ минорномъ тонѣ:—рабы своего положенія!... рабы! рабы!...

И онъ опять повелъ разсказъ о своихъ столкновеніяхъ съ разными хозяевами, у которыхъ ему пришлось служить, о своихъ мытарствахъ, о цыганствѣ съ мѣста на мѣсто, о полной необезпеченности, неувѣренности за завтрашній день—ни за себя, ни за жену, ни за дѣтей; напаль опять на свое послѣднее столкновение съ хозяиномъ, вспомнилъ карточную игру,—раздражился окончательно и закончилъ опять:—Рабы!... Рабы постыдные!... Мы не только рабы своего положенія, мы—ничто безъ этого положенія!... И мы, и наши дѣти... Мало того, что мы осуждены на повтореніе, насъ могутъ извести изморомъ, уничтожить, стереть съ лица земли... Пусть, пусть дѣти знаютъ это теперь же, что ожидаетъ ихъ отца и мать, ихъ самихъ... Пусть!

Госпожа Караваева незамѣтно, шутя съ дѣтьми и поглаживая ихъ головы, вывела ихъ изъ кабинета.

Караваевъ, какъ-то вскользь замѣтивъ это, опять усѣлся съ ногами на диванъ, медленно приходя въ себя отъ волненія.

— Чортъ знаетъ!—сказалъ онъ,—не могу сдерживаться... Да и не зачѣмъ, впрочемъ, не зачѣмъ!... А она думаетъ охранить ихъ... отъ повтореній!...

Караваевъ грустно покачалъ головой.

IV.

— Странная она... немножко эксцентричная... по хорошая, хорошая,—началъ онъ опять.—Конечно, странности ея останутся странностями, но въ этихъ странностяхъ есть что-то такое... знаешь, очень, очень знаменательное... (Караваевъ улыбнулся).—Не замѣчаешь ты, что я, какъ будто, все защищаю свою жену отъ тебя?... А это оттого, что... что, видишь ли, боюсь я, что ее не такъ поймутъ... не такъ понимаютъ... Вѣдь, объ ней здѣсь чего-чего не говорятъ!... Чуть не прямо въ глазахъ у меня вертять пальцами около лба,—что, дескать, madame Караваева немножко того... И даже находились такіе артисты, которые мнѣ, не шутя, дѣлали предостереженіе на счетъ ея вліянія на дѣтей... Однимъ

словомъ, безобразіе... Обѣ ней уже давно такое мѣшье составилось, а тутъ... вотъ въ прошломъ году... вышла еще маленькая исторія. Я тебѣ расскажу... Это вотъ на счетъ самоубійствъ... Такъ какъ ты уже съ ней бесѣдовалъ объ этомъ, то тебѣ, можетъ быть, будетъ интересно.—Какъ-то эдакъ, весной, послѣ обѣда, лежу вотъ я также на диванѣ, хандрю жестоко, вотъ также какъ теперь съ тобой, только молчкомъ,—потому что жена тоже была чѣмъ-то недовольна и грустна... Раздумывалъ я, что вотъ ничего не могу сдѣлать ни для себя, ни для нея, — что жизнь цѣлая складывается какъ-то дико, нелѣпо, въ какую-то одну ноющую, безвыходную юдоль... Ну и все такое, тебѣ уже, кажется, теперь очень хорошо знакомое... Повторять нечего... Только вдругъ къ окну подходитъ нашъ слѣдователь (такой бонвивантъ, джентльменъ, страстный охотникъ и страшный педать въ своей профессіи).—„Петръ Павловичъ,—кричить,—ѣдемъ со мной на слѣдствіе... Ты, говоритъ, давно просилъ, и кстати — рѣдкій и интересный случай: самоубійство!—Кто? гдѣ? почему?—говорю.—Да въ Дерюгинѣ, въ молканской деревнѣ... Кто и что,—я еще самъ не знаю. Сейчасъ только получилъ донесеніе. Но характерѣе всего то, что это у молканъ. Вещь неслыханная... Такъ ѣдемъ?—ѣдемъ, ѣдемъ,—говорю,—только не кричите такъ... мы съ вами потихоньку... (Мнѣ не хотѣлось, признаться, чтобы узнала объ этомъ жена, которая была и безъ того разстроена). Я тотчасъ же захватилъ шляпу и сказалъ прислугѣ, что ѣду съ слѣдователемъ на охоту въ Дерюгино. Лошади у слѣдователя уже были готовы и мы тотчасъ же двинулись. Дорогой я кое-что поразспросилъ слѣдователя на счетъ молканъ. Но онъ немного могъ мнѣ сообщить. Сказалъ только, что ихъ въ уѣздѣ разбросано не мало, что сектантовъ въ этой мѣстности, вообще, много, но что, въ особенности, молкане никогда почти „не утруждаютъ начальство“, такъ сказать, по собственной „злой волѣ“, по что иногда ихъ беспокоитъ полиція. Такъ имъ недавно заключенъ въ острогъ одинъ молодой молканинъ по оговору своимъ односельцемъ—православнымъ „въ дерзкомъ поношеніи“ установленныхъ обрядовъ. Слѣдователь, однако, прибавилъ, что онъ его скоро выпуститъ и дѣло прекратитъ, такъ какъ оно, очевидно, под-

нято изъ-за личныхъ счетовъ;—что, вообще, ему этотъ молканинъ нравится—молодой, бодрый, убѣжденный,—что онъ во время слѣдствія познакомился съ его отцомъ... Часа черезъ полтора ѣзды мы пріѣхали въ Дерюгино. Это—небольшая деревня дворовъ въ 100, изъ которыхъ половина православныхъ, половина молканскихъ. Деревня лежала въ самой глуши нашего глухого уѣзда, среди тѣсовъ; ничѣмъ особеннымъ не выдавалась, кромѣ развѣ того, что, при изобиліи тѣса, избы какъ у православныхъ, такъ и у молканъ поражали какой-то особенной солидностью, уютностью и устойчивостью. Видимо, что здѣсь люди успѣлись давно, прочно и полагаютъ и впредь сидѣть также устойчиво. Населеніе, очевидно, взволновано; по улицамъ толпятся народъ и въ особенности около одной молканской избы, какъ разъ у того самага стараго молканина, сынъ котораго сидѣлъ въ острогѣ. Слѣдователь (мы ѣхали безъ кучера) прямо направился къ этой избѣ и передалъ лошадей подъ присмотръ вышедшаго намъ навстрѣчу хозяина, высокаго, худого старика, съ рѣдкой сѣдою бородой и густыми сивыми волосами на головѣ.—„Что это у тебя, старикъ, такое?—спросилъ слѣдователь:—какъ такъ могло быть, а?“—„Безстыдники! Нѣтъ стыда-совѣсти, нѣтъ истинной вѣры“,—отвѣчалъ старикъ какимъ-то глухимъ, грубымъ, деревяннымъ, не отчетливымъ, увѣреннымъ голосомъ, сердито и негодуя.—„Изъ твоихъ кто-нибудь?“—спросилъ опять слѣдователь.—„Спаси Господи!—быстро отвѣчалъ старикъ, въ ужасѣ, и подозрительно взглянулъ на насъ:—развѣ такъ можно у насъ?.. Нѣтъ, это дальней родни... почестъ, что и не родня вовсе... Изъ городскихъ... Да вотъ не выбралъ другого мѣста для грѣхота. Пришелъ ко мнѣ, безстыдникъ... Теперь про молканъ пойдетъ слава: „молканинъ да молканинъ, молъ“.

Старикъ сталъ убирать лошадей, а намъ указалъ на зады, къ гумнамъ, гдѣ уже слѣдователя ожидали около трупа всѣ мѣстныя власти и врачъ (тотъ, знаешь, Чертопановъ): онъ, мрачный, сидѣлъ далеко въ сторонѣ отъ всѣхъ, у другого гумна, одинъ-одинешенекъ, на обрубокѣ бревна. Самоубійца былъ еще юноша, лѣтъ двадцати. Онъ лежалъ навзничъ, съ открытою, гладко остриженной русою головой; усики только что пробивались на верхней губѣ; полузакрытые глаза смо-

трѣли въ какомъ-то добродушномъ изумленіи; одна рука протянулась было къ головѣ, въ висѣхъ которой зияла рана, но остановилась на груди, судорожно сжавъ борть сѣренкаго, легкаго пиджака, изъподъ котораго виднѣлась красная навывпускъ рубаха. Когда мы подошли, Чертопановъ медленно и неохотно поднялся, отвернувшись ко всѣмъ спиной, и я замѣтилъ, какъ онъ глотнулъ изъ фляжки съ водкой и опять сунулъ ее въ карманъ. Затѣмъ онъ, какъ и прежде, мрачный подошелъ къ намъ. Началось слѣдствіе осмотровъ трупа и мѣстности... Я не могу смотрѣть на трупъ... у меня расходились нервы... Постоявъ немного, я хотѣлъ уйти, какъ вдругъ, обернувшись, въ изумленіи увидѣлъ невдалекѣ Лидію Николаевну... Она разговаривала съ какой-то молодой крестьянкой. — «И ты?» — спросилъ я ее. Она улыбнулась. — «А вы хотѣли потихоньку отъ меня?» — Но она была сильно блѣдна и нервно дрожала. Я попенялъ ей и предложилъ уйти; молодая крестьянка пригласила насъ въ избу. Она оказалась дочерью стараго молоканина. Мы вошли и повели съ ней разговоръ. Она передала намъ, что юноша — сынъ одного приказчика на городской фабрикѣ; что онъ учился въ фельдшерской или другой какой-то школѣ; что недавно пріѣхалъ съ ученья, но дома не засталъ ни матери, ни отца, которые уѣхали въ губернский городъ; что онъ къ нимъ пришелъ по родству, просто разгуляться; былъ мало разговорчивъ, задумчивъ и ничѣмъ словно не интересовался. Крестьянка часто вздыхала при разсказѣ и покачивала грустно и неодобрительно головой; но она не ахала и не охала, не причитала; что-то въ ней было солидное, сдержанное такое. Жестъ она, видимо, очень понравилась. Дѣйствительно, было въ ней что-то такое... какъ бы тебѣ сказать... дѣвственно-наивное, чистое; каждое ея движеніе, словомъ, все это, видимо, было гармонически связано какъ совсѣмъ окружающимъ ее, такъ и съ ея внутреннимъ міромъ, — и притомъ было замѣтно, что эта гармонія была дорога ей, цѣнилась ею высоко, и что самая эта сдержанность показывала, насколько она чутко относилась ко всему, чтобы чѣмъ-нибудь, въ особенности въ глазахъ другихъ, не опрофанировать этой гармоніи... Ну, однимъ словомъ, ты понимаешь... Я не могу хорошенько тебѣ это выразить... Когда она разсказывала, въ

избу вошли два подростка, лѣтъ 12—13, веселые, бодрые, но тоже сдержанные; молоканка улыбнулась имъ и намъ, — и что-то довольное, счастливое, опять это дѣвственно-наивное, матерински-чистое и радостное отразилось на ея лицѣ. — «Этотъ твой?» — «Да», — сказала она и погладила дѣтей по головѣ. Оказалось, что это ея мужъ и ихъ отецъ сидѣлъ въ тюрьмѣ. — Мы проговорили съ нею цѣлый часъ; жепя такъ и впилась въ нее глазами. Разспрашивали объ ихъ ученьи, объ ихъ обычаяхъ, объ отношеніяхъ между ними другъ къ другу и православнымъ... ну, и все такое... Когда она излагала свое ученіе, краснѣя и запинаясь, я не могъ сдерживать улыбки: столько было во всемъ этомъ наивнаго невѣжества, грубо-суевѣрнаго, даже какъ-то рѣзко нелѣпаго, и между тѣмъ, въ особенности въ устахъ этой молодой матери, все это, братецъ, какъ-то было проникнуто такою невинностью, такою чистотой, такою глубокой, «идейной», что называется, вѣрой, что даже меня, скептика, охватило какое-то давно забытое, но младенчески-чистое умиление... Прошло больше часу, когда въ избу вошелъ слѣдователь, чтобы дописать окончательный протоколъ слѣдствія. За нимъ вошла въ избу толпа молоканъ. Впереди ихъ былъ старикъ и потомъ трое его сыновей, изъ которыхъ старшему было уже около пятидесяти лѣтъ; другіе нѣсколько моложе. Всѣ они жили, какъ оказалось, вмѣстѣ, нераздѣленной семьей. Хозяева сѣли вблизи стола на лавкахъ, посторонніе остались стоять у дверей. Всѣ молокане производили, какъ и молодая наша собеседница, прежде всего впечатлѣніе именно той сдержанности... или, лучше сказать, того сдержаннаго уваженія къ внутренней и вѣншей гармоніи, всюду сопровождавшей ихъ, о которой я тебѣ говорилъ... Но, кромѣ того, всѣ они, видимо, были, въ глубинѣ души, возбуждены; ихъ сильно волновало это несчастное событіе, и этотъ пріѣздъ слѣдователя, и самый фактъ самоубійства, ворвавшійся, хотя и со стороны, такой рѣзкой дисгармоніей въ ихъ жизнь. Но они сдерживали, очевидно, и это возбужденіе. Въ особенности меня поразили старшій сынъ старика: насколько самъ старикъ былъ какъ-то дико грубоватъ, тупо фанатиченъ, настолько сынъ его былъ мягокъ, вѣжливъ, деликатенъ: глаза его смотрѣли вдумчиво и грустно, и въ нихъ часто

проглядывало то добродушіе, которое встрѣчается у добрыхъ, ласковыхъ крестьянъ... Впрочемъ, всего я тебѣ не стану описывать... Это не мое дѣло. — „Ну, что?—спросилъ я слѣдователя, — въ чемъ дѣло?“ — „А, и вы, сударини, здѣсь! — сказалъ онъ моей женѣ, не отвѣчая на вопросъ. — Напрасно... Совсѣмъ вамъ не слѣдовало бы за нами гоняться... Какъ это можно!.. Признаюсь, я всегда противъ того, чтобы женщины вездѣ и во всѣмъ подражали мужчинамъ... Вы — мать и жена — должны беречь свои нервы“. — Жена молча улыбнулась ему. — „Въ чемъ дѣло?“ — переспросилъ онъ, засаживаясь за столъ и раскладывая бумаги: — извѣстная исторія: *taedium vitae*. Вотъ записочку нашли въ карманѣ. „Прошу господъ чиновъ полиціи и г. слѣдователя никого не винить въ окончаніи моей жизни, кромѣ собственного моего усмотрѣнія. Иванъ Павловъ“, — прочиталъ слѣдователь, улыбуясь и, показывая намъ лоскутокъ бумаги, сказалъ: — видите, даже расчеркнулся по-министерски... А вотъ еще книжечка записалъ съ разными афоризмами и замѣтками. Вотъ послѣдніе, напримѣръ: „Что есть жизнь? Жизнь есть юдоль страданій... Жизнь есть мечта, мечтательное представленіе... Жизнь есть не болѣе, какъ вѣчный казематъ человѣческаго существа... Но позвольте спросить — на какомъ это основаніи? Почему уже съ самаго рожденія своего, еще въ утробѣ матери зачатый въ болѣзняхъ, я долженъ въ мученіяхъ до конца проводить свою жизнь? На какомъ основаніи?.. По какой причинѣ и цѣли?.. Жизнь есть — прохожденіе карьеры... Что есть я, ничтожная тварь, попираемая, гонимая?.. Стремлюсь? Куда?.. Одинъ мигъ — и карьеры моей жизни не существуетъ... Попался маленькій камешекъ на моемъ пути — и вотъ я обратился въ ничто... Что такое я? Мученіе для себя, тягость и терзаніе для ближнихъ, въ болѣзняхъ и трудахъ воспитавшихъ и родившихъ меня...“ и такъ дальше, все въ такомъ же родѣ читалъ слѣдователь... Я теперь не помню, конечно, дословно всего, но помню, что какое-то подавляющее, ужасное впечатлѣніе производилъ этотъ однообразный наборъ вычурныхъ фразъ, какъ-то неожиданно законченный словами: „Родители, простите меня!.. Простите и вы всѣ, добрые люди!“ И опять: „Иванъ Павловъ“.

— Вотъ и все, — сказалъ слѣдователь и принялся бойко писать протоколъ. Лидія Николаевна была блѣдна. Кругомъ наступило мертвое молчаніе и только слышался скрипъ слѣдовательскаго пера. Вдругъ, среди этой тишины, раздались тихій, мягкій голосъ старшаго сына старика; задумчиво опустивъ внизъ голову и сжавъ руки, онъ сталъ говорить что-то: сначала я не вслушался; слышалъ только библейскіе тексты; но потомъ онъ сталъ говорить громче, внушительнѣе... Я опять, конечно, не могу тебѣ типично передать все это... Но смыслъ былъ таковъ: „Братъ мой! Что ты сдѣлалъ?—говорилъ онъ, какъ будто обращаясь къ духу покойника. — Кого ты убилъ и изничтожилъ? Вѣдь, ты не себя убилъ, братъ мой, а убилъ въ себѣ образъ Божій, вѣчное подобіе его; изничтожилъ ты въ себѣ сѣмя, плодъ... на который права ты не имѣешь, ибо сѣмя это посѣяно не тобой и не для тебя одного... Какъ ты могъ знать, что должно было изъ него произрасти? Въ тебѣ было дано оно, чтобы ты посѣялъ его въ почву земли, на душевную ниву... Сѣй — и сѣмя твое возраститъ плодъ... Потому что, братъ мой, всякой душѣ, — хотя бы и низменной, — доступно слово истины и добра... Что есть истина? Истина, братъ мой, проста, и Господь не скрылъ ее даже отъ ничтожнѣйшаго изъ чадъ своихъ: воздѣлай трудомъ рукъ своихъ виноградникъ твой, полюби ближняго твоего, вскорми и воспитай прилежныхъ твоихъ и, взявъ сѣмя духовное, иди и сѣй на душевную ниву братьевъ своихъ!..“ Все въ такомъ родѣ онъ говорилъ еще долго, когда слѣдователь, оставивъ писать, вдругъ спросилъ его: „А ты, должно быть, проповѣдникъ, а? Проповѣдистъ?“

— Нѣтъ-съ, это мы такъ, для собственного поученія... Повторяемъ... Намъ, значитъ, допущено по закону... — скромно отвѣчалъ онъ, но не безъ лукавства и задней мысли, и замолчалъ; но по его блестящимъ глазамъ я видѣлъ, что въ немъ уже загорѣлся проповѣдническій жаръ, — что ему и еще хотѣлось говорить, но присутствіе слѣдователя его сдерживало... Ну, да, Впрочемъ, не въ этомъ дѣло... Я вижу, что не могу передать этой проповѣди такъ, какъ она была сказана... Только чувствую, что тамъ все это было какъ-то иначе сказано... Я, братъ, не литераторъ... А вотъ что: сѣздимъ — ка мы съ тобой прогулять-

ся къ молоканамъ, а? Прейнтересный народъ.

Я согласился съ удовольствіемъ.

— Ну, такъ я тебѣ ужъ dokonчу. Надо было, братецъ, посмотреть на молоканъ, когда говорилъ ихъ братъ,—и въ особенности на эту молодую мать: она стояла около своихъ дѣтей, положила имъ руки на плечи,—и столько было въ ней довольства собой, дѣтми,—опять-таки всей этой гармоніей,—что мнѣ казалось, вся эта группа молоканъ была проникнута живымъ укоромъ несчастному самоубійцѣ. Лидія Николаевна такъ и впилась въ нихъ глазами.

Цѣлую недѣлю потомъ жена была очень задумчива и ни разу не говорила ни съ кѣмъ ни о самоубійцѣ, ни о молоканахъ. Но потомъ она сказала мнѣ, что ей хотѣлось бы переселиться на лѣто въ Дерюгино съ дѣтми. Я ей, конечно, не противорѣчилъ, но въ нашемъ глупомъ городѣ послѣ ея отъѣзда чуть не поднялся цѣлый скандалъ. Однимъ словомъ, ее не только записали въ молоканки, но и совѣмъ въ сумасшедшія... Даже исправникъ—и тотъ что-то взволновался... Но, конечно, все это чепуха... Тутъ просто... ей пужень былъ воздухъ... Потому что, согласись, воздухъ въ нашемъ городишкѣ, у насъ, и тамъ!... Такъ ѣдемъ въ Дерюгино?—перебилъ онъ.

— Ёдемъ.

— Прекрасно... Повторяю, преинтересный народъ... Ты не думай, что я идеализирую... Нѣтъ! У нихъ, братецъ, много этой всякой ерунды... Только все же скажу—и на меня чѣмъ-то повѣяло оттуда... ну, вотъ все одно, какъ изъ сосноваго лѣса на чахоточнаго... Опять повторяю, ничего у нихъ тамъ, братецъ, такого особеннаго и въ поминѣ нѣтъ, какихъ-нибудь тамъ эдакихъ разныхъ новыхъ социальныхъ формъ, что ли... Совѣмъ нѣтъ! Та же обыкновенная русская мужицкая община, та же семья, тѣ же идеалы труда, земледѣлія, патриархальной чистоты нравовъ,—но только все это, понимаешь, какъ будто, среди окружающей будничной приниженности,—все это приподнято, одухотворено, просвѣтлено... А, впрочемъ, можетъ быть, я и преувеличиваю... Можетъ быть, *именно* мнѣ это такъ кажется...

На другой день мы съѣздили въ Дерюгино, а затѣмъ я сталъ собираться въ отъѣздъ.

V.

На слѣдующій день я уѣзжалъ отъ Караваевыхъ.

— Ну, прощай, братъ,—говорилъ, крѣпко цѣлуясь со мной, Караваевъ чуть не со слезами на глазахъ.—Гдѣ-то еще судьба велитъ встрѣтиться?... Спасибо, другъ, что навѣстилъ... Измоталъ, чай, я тебя своимъ нытьемъ?... Ну, да.. Спасибо, братикъ, и за то, что далъ мнѣ случай вылиться... А то, вѣдь, все въ себя это мнешь, въ глубь, да такъ и таскаешь съ собой... Здѣсь, вѣдь, мы другъ съ другомъ такъ не говоримъ; здѣсь мы какъ встрѣтимся, такъ только и знаемъ, что—либо въ карты, либо объ одномъ думаешь, какъ подальше убѣжать одинъ отъ другого; а коли ни того, ни другого нельзя, такъ шинимъ одни на другихъ, какъ змѣи, язвительныя словечки подбираемъ, чтобы какъ позабористѣе другъ надъ другомъ душу отвести... И, вѣдь, такъ-то даже между самыми хорошими людьми!.. Какъ будто насъ много, чтобы самимъ помогать изводить себя!... Плохо, плохо, братъ!... Этого ужъ даже и въ „старомъ“ не бывало... Плотнѣе жили... Ну, да, легче себя чувствовали, „устойнѣе“ жили... Хотя бы Рудина взять!... Вѣдь, ему стоило только на время забыть, на какихъ „устояхъ“ онъ держится,—и вотъ могъ онъ даже въ дамскихъ будуарахъ произносить зажигательныя рѣчи и прожигать сердца барышень... Потому, „устой“, молъ, эти—дѣло не мое, личное, а „историческіе грѣхи“... Ну, у насъ будетъ не такъ легко дѣлать ссылки на эти „историческіе грѣхи“... Да, такъ вотъ, братъ, какъ!... Тяжело!... Подлю, положимъ, а позавидуешь другой разъ вонъ этому... ну!... повторительному типу-то... мировому судѣ...

— Ну, полно... Ужъ ежели этому завидовать...

— А что?—быстро перебилъ меня Караваевъ.—Иначе нельзя... Для насъ середины быть не можетъ: или повторяйся, бери старое, или ужъ—совѣмъ новое... Еще въ серединку между этимъ можно было бы какъ-нибудь пролѣзть, если бы... если бы можно было забыть... Еслибы, однимъ словомъ, могла найтись такая сила, которая могла бы вычеркивать изъ исторіи то, что „не правится“ или „мѣшаетъ“... нашему благополучному обстоянію... Но такой силы, къ сча-

стію или несчастію человѣчества, нѣтъ.. Оно-то вотъ и стало вѣковѣчнымъ бревномъ на пути всякаго такого нашего безпечальнаго и благополучнаго обсто-
 нія... Ну, я опять въ нѣтъ пустился... Знаю, глупо это, плоско, повторительно, да (Караваяевъ махнулъ рукой)... да лучше, братъ, все же лучше, чѣмъ ехидно шипѣть другъ на дружку и злобно кусать свой собственный хвостъ... Прощай же, братикъ!.. Гдѣ-нибудь свидимся еще. Только знай: если тебѣ я буду нуженъ, зывай ко мнѣ смѣло! Я всегда буду съ вами...

И въ его словахъ звучало такъ много грусти и искренней, беззавѣтной любви, что не могло быть сомнѣнія въ его словахъ.

И уже сидѣлъ въ тарантасѣ, когда на крыльцо вышла Лидія Николаевна Караваяева со всѣми своими дѣтьми. Я раскла-

нялся съ ней. Лошади дернули. Но я долго еще обертывался на эту прекрасную группу—единственный „лучъ свѣта“, мелькнувшій для меня въ этой глуши уѣзднаго городка. „Только она одна здѣсь не повторяется!“,—повторилъ я слова Караваяева.—Да, но найдетъ ли она силы (и какія же должны быть силы!), найдетъ ли способы и средства, удастся ли этому „освобожденному сознанию матери“ охранить здѣсь отъ „повторенія“ своихъ дѣтей?

Я обернулся въ послѣдній разъ. Госпожа Караваяева все еще стояла съ дѣтьми на крыльцѣ, и теперь къ ихъ группѣ прибавилась еще печальная фигура моего добраго друга, съ открытою головою: онъ медленно, какъ бы въ раздумьи и приходя въ себя, потиралъ ладонью лысину, поправляя развѣваемые вѣтромъ рѣдкія пряди волосъ.

1885 г.

НАДО ТОРОПИТЬСЯ.

Р А З С К А З Ъ.

НАДО ТОРОПИТЬСЯ.

(Посвящается памяти В—ой).

Suum cuique...

I.

Въ небольшомъ трехкошномъ домикѣ чиновника Побѣдинскаго, стоявшемъ на крутомъ обрывѣ къ гнилой рѣчкѣ города N, произошло очень важное для обитателей его событіе: вчера умеръ отъ скоротечной чахотки единственный сынъ хозяина, гимназистъ 6-го класса. Болѣзнь свалила его быстро. Еще недѣлю тому назадъ можно было каждое утро, въ обычные восемь часовъ, встрѣтить Костю Побѣдинскаго, — этого длиннаго, сухого, сгорбленнаго, съ худымъ лицомъ и близорукими глазами въ очкахъ, юношу, поднимавшагося съ трудомъ на высокій валь, для сокращенія пути въ гимназію.

Это былъ юноша тихій, смиренный, способный, — одинъ изъ первыхъ учениковъ гимназіи. Всѣ прочили ему хорошую карьеру, и только черезчуръ напряженное прилежаніе и какая-то лихорадочная торопливость, которая замѣчалась во всѣхъ его дѣйствіяхъ, да какъ будто нѣсколько блуждающая мысль — признакъ челоуѣка, постоянно сосредоточеннаго на какомъ-нибудь одномъ пунктѣ, вызывали нѣкоторое опасеніе за его судьбу. Но, вообще, имъ были довольны всѣ. Даже былъ доволенъ отецъ, добрый въ сущности челоуѣкъ, но имѣвшій странный взглядъ на воспитаніе: онъ считалъ обязательнымъ быть суровымъ съ дѣтьми и не допускать „нѣжностей“. Онъ говорилъ: „паша жизнь трудная. Намъ не къ сердцу миндальничать... Нужно, чтобы нашъ братъ съ пеленокъ закалялъ себя, чтобы каждый часъ у него былъ разсчитанъ... Намъ время терять нельзя...“ II, благодаря такому взгляду, онъ упорно душилъ въ себѣ всякое проявленіе чувства, чтобы не вы-

казать „слабости“. Тѣмъ не менѣе дѣти хотя и боялись его, но уважали. Отецъ былъ суровъ и съ Костей, но Костя чувствовалъ по интонаціи въ голосѣ отца, по нѣкоторымъ, чуть примѣтнымъ, взглядамъ, на которыхъ онъ ловилъ его, что отецъ имъ доволенъ, что онъ любитъ его, что онъ вѣритъ въ него и ждетъ отъ него многого. Дѣйствительно, отецъ возлагалъ на своего единственнаго сына большія надежды, что, наконецъ, онъ выведетъ ихъ всѣхъ въ „люди“. Это былъ самолюбивый челоуѣкъ. Въ свое время онъ самъ мечталъ „выйти въ люди“, выбиться изъ всеивеличующей пошлости и приниженности — на это онъ потратилъ много энергій (уже будучи чиновникомъ, онъ приглашалъ къ себѣ на уроки семинаристовъ, платилъ имъ изъ своего скуднаго жалованья, мечталъ, при помощи ихъ, пополнить недостатки собственнаго образованія). Когда у него родился Костя, онъ еще самъ мечталъ сдать вступительный экзаменъ въ университетъ! Но нужда и неудачи часъ за часомъ обрывали крылья этой энергій, и, не выигрывая въ осуществленіи своихъ мечтаній, онъ только проигрывалъ по службѣ, какъ челоуѣкъ, смотрѣвшій нѣсколько свысока на своихъ начальниковъ и на сотоварищей. Это его озлобляло. Костя росъ, и, понятно, что всѣ мечты отца-неудачника сосредоточились на сынѣ. Онъ слѣдилъ за нимъ, за каждымъ шагомъ въ его развитіи съ какимъ-то мучительнымъ томленіемъ. Трудно сказать, кому было больше и обидѣе отъ cadaго неудовлетворительнаго балла — отцу или сыну. Отецъ почти никогда не наказывалъ Костю, но послѣдній въ тысячу разъ больше всякаго наказанія боялся взгляда отца, этого не-

вѣроятнo мученическаго и страдальческаго взгляда, какъ будто съ него заживоснимали кожу. — „Эхъ, Константинъ! — бывало скажетъ отецъ такимъ невыносимо-страдальческимъ тономъ, что въ Костѣ перевернется вся душа. — Неужели, братецъ, намъ всѣмъ такъ и суждено сгнбнуть?.. Вѣдь, кажется, Богъ не обидѣлъ насъ ни умомъ, ни талантами, а?..“ И этого было достаточно, чтобы въ Костѣ вызвать всю силу напряженія, которая въ немъ могла найтись. Цѣлыя ночи пролетали за латинскими и греческими вокабулами; портились глаза, горбилась спина, преждевременная дряхлость сказывалась въ молодомъ организмѣ... Вотъ уже проходили послѣдніе годы гимназическаго ученія, еще нѣсколько шаговъ и — Рубиконъ будетъ перейденъ; тамъ, впереди, все же будетъ легче... И еще томительно-мучительнѣе наблюдалъ молча за сыномъ отецъ, и лихорадочно-торопливѣе напрягался сынъ.

Костя умеръ въ концѣ осени. Легко вообразить, какое впечатлѣніе произвела его смерть на отца. Стоило только взглянуть на эту высокую, сухую фигуру, суровую и строгую, съ гладко выбритымъ подбородкомъ и ввалившимися, зеленоватого цвѣта, щеками, съ посѣдѣвшими за одну ночь волосами, — фигуру, неподвижно стоявшую цѣлыми часами въ маленькой залѣ у гроба сына, чтобы понять, какую душевную муку переживалъ Побѣдинскій. Всѣ три дня, пока шло „убиранье“ покойника, прощанье, похороны, поминки, Побѣдинскій почти ничего ни съ кѣмъ не говорилъ. Когда кто-то изъ педагоговъ захотѣлъ пособолезновать и сказалъ Побѣдинскому, что Костя „надорвался“, что надо бы ему полегче относиться къ дѣлу, что, вѣдь, такъ невозможно...

— Что невозможно? — сурово перебилъ его Побѣдинскій.

— Такъ надрываться... Надо легче относиться къ жизни.

— Легче-съ?.. А позвольте васъ спросить, если бы мы не надрывались въ школѣ, легче намъ было бы жить?.. Я васъ спрашиваю: легче было бы намъ жить?.. Нѣтъ, вы при нашихъ дѣтяхъ этого не говорите...

— Но, вѣдь, вотъ какой результатъ...

— Пусть! — сурово проговорилъ Побѣдинскій: — Это лучше... Не вывезло, ну, что жъ?.. Лучше смерть, чѣмъ прозябаніе... Для насъ иначе нельзя... Для насъ отдыхъ только впереди...

II.

Когда Костя лежалъ уже мертвый, сначала на постели, потомъ въ гробу на столѣ, потомъ въ церкви, за нимъ, въ наивномъ недоумѣніи, упорно, со страхомъ и любопытствомъ слѣдили два бойкихъ голубыхъ глаза. То была краснощекая, съ густыми кудрями, двѣнадцатилѣтняя сестренка его Надя, прозванная „чемоданчикомъ“ самымъ Костей за ея изумительный аппетитъ. Когда Надя увидала рыдающую мать и мрачное, смоченное слезами лицо отца, она игриво и неслышно, какъ кошка, просунула голову въ дверную щель въ комнату, гдѣ лежалъ на кровати трупъ Кости, и долго внимательно смотрѣла въ его сухое, зеленое лицо и спрашивала: что же это такое? Это и значитъ умеръ? Значитъ, онъ больше не будетъ сидѣть въ кабинетѣ за латинской грамматикой или заниматься съ нею по арметикѣ? Или онъ полежитъ такъ еще съ недѣлю, другую и потомъ встанетъ, и опять она будетъ видѣть его за тѣмъ же столомъ, сгорбленнаго, въ очкахъ, у лампы съ голубымъ абажуромъ, низко уткнувшаго свой носъ въ толстый лексиконъ? Да, конечно такъ, рѣшила она и убѣгала прыгать на улицу.

Но вотъ принесли гробъ. Костю нарядили, положили въ гробъ и поставили среди залы на столѣ. И опять, когда всѣ ушли, два быстрыхъ и внимательныхъ глаза сверкнули въ дверной щели, потомъ высунулась кудрявая головка, потомъ два несмѣлыхъ шага и Надя опять въ недоумѣніи всматривается въ новую незнакомую ей картину. Она уже ничего не думаетъ, она поражена и только спрашиваетъ: „ну, что же дальше будетъ?“

Потомъ пришли вдругъ разомъ всѣ товарищи Кости, весь классъ, подняли на руки гробъ и унесли въ церковь, а оттуда такъ же понесли на рукахъ на кладбище.

Особенно забавны были ей двое, которые надѣли на головы крышку гроба, словно одну большую шляпу... И Надя все продолжала спрашивать себя: „что же дальше?“ Дальше — Костю закидали землей и уѣхали...

— Только-то? — это былъ послѣдній вопросъ, который такъ и застылъ въ ея большихъ глазахъ. — И больше ужъ Костя не будетъ учить свои латинскія вокабулы? Не будетъ сидѣть сгорбившись цѣлыя ночи за своимъ столомъ, у голубого аба-

жура лампы? И для этого только онъ сидѣлъ сторбившись столько дней и ночей, дней и ночей?

И опять она спрашивала себя: „только-то? И больше ничего не будетъ? И все тутъ?“—И никакъ она не могла съ этимъ примириться, и все думалось ей, что Костя вернется и опять сядетъ у голубого абажура, потомъ будетъ сдавать экзамень, все будутъ довольны — и онъ, и папа, и мама... Всемъ будетъ такъ весело, потому что все будутъ мечтать, какъ скоро Костя „выйдетъ настоящимъ человекомъ“, какъ для всехъ нихъ начнется какая-то новая, не такая — „настоящая жизнь“.

Какъ для отца и матери, такъ и для нея въ Костѣ заключались все представленія, все мечты о будущемъ: что-то такое неизвѣстное, но несомѣнно новое, хорошее, какія-то громадныя перспективы должны были открытъ имъ Костя. На нее, дѣвочку, хотя ей и было уже двѣнадцать лѣтъ, мало обращали вниманія; если мать, стоя у ея постельки, и мечтала иногда объ ея судьбѣ, то судьба эта какъ-то неизбѣжно всегда приурочивалась опять-таки къ тому же Костѣ. Костя же занимался съ нею въ свободное время; хотя въ городѣ два года была уже открыта женская гимназія, но Надю отдавать не торопились, стѣняясь средствами.

Кудрявая и краснощекая, она все еще беззаботно носилась по улицамъ, по садамъ и огородамъ, перепачканная, пыльная, больше напоминавшая рѣзваго уличнаго мальчишку, чѣмъ степенную барышню.

Смерть Кости какъ-то сразу оборвала даже ея беззавѣтную рѣзвость: даже для нея стало понятно, что что-то оборвалось. Бѣгаетъ-бѣгаетъ она теперь, и потомъ вдругъ, совершенно невольно, забѣжитъ въ кабинетъ, въ залу, и присядетъ въ уголокъ, и долго смотритъ въ передній уголъ, гдѣ недавно стоялъ дѣйчокъ, читалъ псалтирь, пскрился и блестя большой серебряный подсвѣчникъ въ изголовь гроба, — а вотъ тутъ гробъ и въ немъ Костя... И ее охватывало какое-то страшное, гнетущее недоумѣніе, и ей казалось, что теперь ужъ нельзя почему-то больше бѣгать и лазать по деревьямъ такъ, какъ она бѣгала и лазала раньше, „при Костѣ“... Что же пужало было дѣлать, какъ жить „по-новому“ она не знала, но чувствовала, что что-то надо было дѣлать по-другому.

Однажды, когда она также сидѣла въ уголокъ зала, раннимъ утромъ, вернувшійся откуда-то отецъ вдругъ заговорилъ съ ней.

— Надежда, — сказалъ онъ съ обычною суровостью, — одѣнься получше... Поди, мать одѣнетъ... Да скорѣе, надо торопиться!..

Надя сначала вздрогнула (она боялась отца безсознательно; онъ былъ для нея такимъ же воплощеніемъ грозной правды, какъ громовержецъ), потомъ она вся вспыхнула, вскочила и робко стала смотрѣть на отца широко открытыми глазами.

— Ну, ступай же... Говорю: торопиться надо! Еще, можетъ быть, успѣемъ... — повторилъ отецъ.

Надя робко и смиренно опустила глаза, сконфузилась и степенной, торопливой (совсѣмъ, совсѣмъ не прежней прыгающей, козьею) походкой пошла къ матери: во всемъ ея существѣ вдругъ сказалось, что вотъ теперь наступило это „новое“, и новое это заключалось прежде всего въ томъ, что куда-то, зачѣмъ-то неизбѣжно, необходимо „надо торопиться“...

Мать одѣвала ее плача и крестя (изъ ея головы, конечно, не выходилъ Костя, и, можетъ быть, въ ея воображеніи мелькнулъ уже новый гробикъ)... Вотъ Надя въ голубомъ платьицѣ, бѣлой пелеринкѣ, капорѣ и старенькомъ драповомъ пальто, вышла съ отцомъ изъ дому. Отецъ шагаль широкимъ, торопливымъ шагомъ, Надя сѣменила, едва поспѣвая за нимъ, взволнованная, запыхавшаяся, полная неясныхъ, тревожныхъ ощущеній.

— Ну, Надя, — говорилъ отецъ, — теперь ужъ ты... Теперь на тебя вся наша надежда... Тебя и зовутъ Надеждой, — улыбнулся онъ ей. — Почему знать, можетъ быть, это и недаромъ... Богъ знаетъ, къ чему все ведетъ!.. Конечно, ты не мальчикъ, не Костя... Ужъ отъ тебя ждать того нельзя, а все-таки... Намъ больше нечего дѣлать: мы не баре, чтобы выѣзжать на балы, заниматься изящными искусствами и обольщать богатыхъ жениховъ; мы и не купцы, — у насъ нѣтъ средствъ дѣлать тебѣ приданое... Все наше, — мальчикъ ли, дѣвочка ли, все равно, — все наше вотъ здѣсь, — постукалъ онъ себя набалдачникомъ трости въ околышъ фуражки: — Умъ, Надя, знаніе... прилежаніе... вотъ твое приданое!..

Такъ говорилъ Побѣдинскій, какъ будто, дѣйствительно, думалъ, что въ жизни

разночинца нѣтъ ни старыхъ, ни молодыхъ, что одинаково для всѣхъ должно быть присуще сознание суровой борьбы съ жизнью.

Побѣдинскій велѣ Надю опредѣлять въ гимназію, въ которой уже начались занятія. Надо было торопиться поступленіемъ. Кое-какъ, хотя и съ грѣхомъ пополамъ, Надя сдала экзаменъ во второй классъ, и ей сейчасъ же опять надо было торопиться — догонять своихъ одноклассницъ.

III.

Прошло пять лѣтъ (и какъ изумительно быстро они пролетѣли!), и вотъ въ томъ же трехъ-оконномъ домикѣ, въ томъ же узенькомъ и душномъ кабинетѣ, предъ той же лампой съ голубымъ абажуромъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда сидѣлъ Костя, также всѣ пять лѣтъ сидѣла Надя. И какъ она стала похожа на Костю! Давно уже нѣтъ у нея ни прежнихъ розовыхъ щекъ, ни пухленькихъ ручекъ, ни того завиднаго аппетита, за который прозвалъ ее Костя, „чемоданчикомъ“... Высокая, длинная, съ выдавшимися лопатками и плоскою грудью, съ тою же лихорадочною торопливостью, какъ и Костя, въ обычные восемь часовъ утра шла она по дорожкѣ въ гимназію... Иногда утомленный организмъ просилъ отдыха, такая нападала страстная потребность лѣни, что Надя бросалась на кровать и долго неподвижно лежала, не думая ни о чемъ, не чувствуя ничего... Это полное бездѣйствіе, когда утомленный мозгъ переставалъ напряженно работать, доставляло Надѣ единственное, безмѣрное наслажденіе... И, казалось, пролежала бы она такъ долго, бесконечно долго.

— Надя, ты приготовила ужъ уроки? — раздается ровный, тихій голосъ отца, заглядывающаго осторожно въ комнатку Нади, когда что-то долго не долетало до его слуха шуршанье книжныхъ листовъ. — Намъ бы, Надичка, только теперь поналечь... Ужъ недолго... Только бы теперь не застрясть.. Поналечь, поторопиться... А ужъ тамъ...

Отецъ не договариваетъ, что такое будетъ „тамъ“, — да не зналъ этого ни онъ, ни Надя... Надя только видѣла предъ собой все тотъ же невѣроятно-страдальческій, мученическій взглядъ отца, въ которомъ такъ ярко свѣтились и надежда, и несбывшіяся мечты, и эти вѣчныя, тре-

вожныя потуги достичь чего-то „новаго“, хорошаго, — не такого, какъ эта окружающая жизнь.

Надо торопиться...

Надя хорошенько не можетъ опредѣлить, когда именно это совершилось. Ни мать, ни отецъ ей ничего не говорили; сама она въ своей безотчетной, лихорадочной торопливости, погруженная въ учебники, не могла всматриваться внимательно въ то, что происходило вокругъ нея. Только уже спустя недѣлю она стала замѣчать, что отецъ позеленѣлъ и посѣдѣлъ, что онъ весь вдругъ какъ-то опустился. Аккуратный, исполнительный и трудолюбивый всегда, — онъ теперь сидѣлъ цѣлыми часами и днями у окна, молчаливый и мрачный, и курилъ трубку за трубкой; цѣлыми недѣлями онъ не снималъ халата, не дѣлалъ шага изъ дому, не брился... Онъ забывалъ пить и ѣсть, пока его не звали...

— Мамаша, что такое сдѣлалось съ папой? — спросила Надя мать.

— Ну что же такое? Ничего... Все Богъ дастъ исправится! Очень ужъ онъ къ сердцу принимаетъ... А ты не думай объ этомъ. Все Богъ дастъ уладится...

Надя догадывалась, что отецъ отказался отъ мѣста. Она уже замѣчала, какъ начали исчезать изъ дому болѣе цѣнные вещи, наконецъ, материны платья; потому не стало кухарки, и мама, всегда молчаливая, кроткая, простая, сама возилась въ кухнѣ. Однажды Надя взглянула въ окно и вдругъ вспыхнула: мама, накинувъ на голову шаль, несла съ колодда черезъ улицу на коромыслѣ ведра съ водой...

Надя встала, тихонько пріотворила дверь въ сосѣднюю комнату и посмотрѣла отца: глаза его были красны и какая-то судорога сводила его губы (онъ не замѣчалъ ея). Она тихо подошла къ нему. Онъ вздрогнулъ и такъ умоляюще, такъ ребячески-безпомощно взглянулъ ей въ лицо, что у нея сжалось сердце и подступили къ горлу слезы.

— Папочка, папа! Заѣмъ такъ убиваться... Я для васъ все... сдѣлаю... Я... готова на все... только ужъ немного подождать... Вотъ экзамены, — говорила, волнуясь, заикаясь и плача, Надя, сжимая руку отца.

— Надя, я, конечно, знаю, вы меня любите... Мать меня любитъ... Но я не выношу этого смиренія. Это слишкомъ... Это значитъ — укорять меня... Но я не

могъ... Я самолюбивый человѣкъ, я не могъ стерпѣть, когда видѣлъ, что мою голову, мой умъ, мои труды другіе... безсвѣстно и почти пагло... не стѣсняясь, не стыдясь... выдаютъ за свои и... торжествуютъ!.. Потому что они начальники, а я—письмоводитель... служу по найму... что это такъ и должно быть... что я получаю деньги... за это... Впрочемъ, ступай, учись,—сказалъ отецъ и какъ-то торопливо поднялся, погладилъ ее рукой по головѣ и сталъ одѣваться.

Въ этотъ день пришелъ онъ поздно. Надя только что легла. Она стала прислушиваться. Отецъ былъ необычайно веселъ, смѣялся надъ матерью, шутилъ, считалъ какія-то деньги... Потомъ онъ, нераздѣтый, повалился на диванъ и сразу заснулъ. Надя вскочила и, приотворивъ дверь, взглянула сначала на спавшаго отца. Лицо его изумило ее: у него никогда не было такого выраженія, какого-то блаженно-глуповатаго, какъ у пьянаго... Онъ то храпѣлъ, то что-то бормоталъ безсвязное, искривляя губы въ глупую улыбку... Надя испугалась и подошла къ комнаткѣ матери и также тихо заглянула въ дверь. Мать стояла на колѣняхъ предъ образомъ и, припадая къ полу, жарко молилась, обливаясь слезами... У стѣны, на кроваткѣ, спала крѣпко маленькая шестилѣтняя сестренка Нади... И какъ пуста, неуютна показалась Надѣ комнатка матери, въ которой прежде такъ было хорошо, такъ много было вещей на этажеркѣ, на комодахъ,—еще остатокъ материнскаго приданаго... Сколько бывало хорошихъ вечеровъ провела Надя въ этой комнаткѣ съ матерью, которая показывала ей каждую бездѣлку, и долго-долго рассказывала длинную повѣсть о своей дѣвической жизни. Надя также тихо вернулась въ свою комнатку; сердце ея усиленно билось, на глазахъ навернулись слезы... Вотъ ей такъ ясно представлялся Костя, сидѣвшій по ночамъ у лампы съ голубымъ абажуромъ. Надя забралась подъ одѣяло на кровати, а голова продолжала работать.

— Нѣтъ, я не такая, какъ онъ... Я лѣнивая... Мнѣ такъ тяжело сидѣть за учебниками... А если я не выдержу?.. Господи, помоги мнѣ!.. Нѣтъ, надо торопиться... Такъ нельзя...

Мысли носились разорванныя, безсвязныя въ головѣ; куда, зачѣмъ торопиться—Надя опять-таки не знала опредѣленно, но она чувствовала всеобщее существованіе,

что на нее ложится все настойчивѣе какой-то фатальный долгъ,—долгъ жизни... И ни на минуту въ ея голову не закрадось сомнѣніе въ необходимости этого долга. Ея доброе, юное сердце говорило ей одно, что она должна быть на все, на все готова...

Это было уже спустя полгода, незадолго до выпускныхъ экзаменовъ. Отецъ опустился совсѣмъ; онъ каждую ночь приходилъ навеселѣ и иногда приносилъ денегъ, иногда самъ уносилъ послѣднія цѣнные вещи. Ихъ уютная квартира пустѣла часть за часомъ. А мать смирялась все больше и больше, все уходила въ себя, все сокращалась, какъ улитка, все становилась молчаливѣе, и только съ какою-то подвижническою настойчивостью отдавалась хлопотамъ по хозяйству. Съ утра до ночи она варила, шила, стирала, безъ слова упрека, и даже иногда весело смѣялась, когда въ праздничный вечеръ собиралась вся семья около чистаго самовара. И ея веселость была такъ заразительна, что самъ Побѣдинскій пускался рассказывать городскія новости, и всѣмъ было такъ хорошо, какъ будто лучшаго они не знали раньше и лучшаго не желали... Но это были очень рѣдкія минуты; достаточно было кому-нибудь припомнить какую-нибудь недостающую вещь—и вдругъ иллюзія разлеталась, опять болезненно сжималось сердце, отецъ какъ-то порывисто поднимался и торопился скрыться.

Однажды, часовъ въ семь вечера, отецъ воротился не одинъ; съ нимъ пришелъ молодой человѣкъ, недавно пріѣхавшій въ городъ, кандидатъ на судебныя должности. Его высокую, съ гордо поднятой головой, франтоватую фигуру Надя встрѣчала на городскомъ бульварѣ, когда ей приходилось проходить изъ гимназіи съ подругами. Эти же подруги давно и ей указывали на молодого человѣка, котораго звали „подававшимъ надежды“, такъ какъ первая защитительная рѣчь его въ судѣ произвела эффектъ, а слухъ, что у него есть въ Петербургѣ въ сенатѣ двоюродный дядя, совсѣмъ утвердилъ прочно его репутацію, какъ выгоднаго жениха. Надя сидѣла за учебникомъ въ своей комнаткѣ, когда въ залѣцу вошли отецъ и молодой юристъ. Она какъ-то вся замерла и почему-то сердце ея забилося. Какъ ни заставляла она себя погрузиться въ учебникъ, по это было выше ея силъ. И не столько молодой чело-

вѣкъ занимать ее, сколько все то, что связывалось съ нимъ... Она слышала, какъ весело говорилъ ей отецъ, какъ вдругъ онъ преобразился и сталъ тѣмъ *прежнимъ*, гордымъ, энергичнымъ, умнымъ, она чувствовала, что онъ какъ будто вновь воскресъ... Чувствовала она и то, что молодой юристъ не былъ пустой фатъ, что онъ былъ и уменъ, и проницателенъ, что онъ умѣлъ находить и цѣнить хорошихъ, честныхъ людей и что это онъ преобразилъ ее отца, потому что сумѣлъ оцѣнить его и сочувствовалъ ему, несмотря на его вѣдущую приниженность и опущенность... Они говорили оживленно и долго. Отецъ ея съ давно уже небывалымъ увлеченіемъ рассказывалъ о своихъ прежнихъ планахъ и стремленіяхъ, о томъ, какъ ему трудно было выбиться и быть оцѣненнымъ среди окружающей косности. Надя пошла было къ двери, чтобы въ щель полюбоваться отцомъ, когда увидѣла, какъ молодой юристъ вскочилъ и съ чувствомъ пожалъ руку отцу. „Я васъ понимаю, я васъ понимаю“, — сказалъ онъ.

Отецъ сіялъ...

Надѣ показалось, что они оба направились въ ея сторону... Она въ безсознательномъ испугѣ отшатнулась отъ двери, поспѣшно сѣла за столъ и уткнула голову въ книгу.

Черезъ нѣсколько минутъ, дѣйствительно, дверь тихо отворилась и въ нее, словно крадучись, вошелъ отецъ. Надя взглянула на него... Господи! что это было за лицо: тутъ и стыдъ, и робость, и мольба, и страданіе, и боязнь за что-то.

— Надя, — прошепталъ онъ ей, чуть не умоляя, — пойдемъ къ намъ, посиди съ нами... Онъ такой хорошій, такой умный, такой...

Побѣдинскій не договорилъ.

— Вотъ, — подумала Надя, — вотъ, значитъ, это самое...

Кровь ей бросилась въ голову, руки побѣтели и задрожали; взволнованная, она поднялась и вышла въ залу...

IV.

Была осень. По одной изъ крайнихъ улицъ „Песковъ“, въ Петербургѣ, грязной и воючей, торопливо шла дѣвушка лѣтъ 23; въ черномъ платьѣ, старенькомъ драповомъ пальто, поношенномъ пледѣ и чер-

ной шапочкѣ. Мелкій дождь, перемѣшанный съ снѣжными хлопьями, застилалъ воздухъ. Утро было сѣро, холодно, мрачно... Дѣвушка приостановилась, вынула наскоро записку изъ кармана, взглянула расписание лекцій и часовъ уроковъ, затѣмъ посмотрѣла на поношенные, обтертые никкелевые часы и маленькими шагами еще быстрѣе продолжала путь. Часы показывали всего четверть девятого. Дѣвушка шла по направленію къ Николаевскому госпиталю, куда въ то же время только что были переведены женскіе медицинскіе курсы. Дѣвушка была студентка. По устремленнымъ безпокойно впередъ взглядамъ, по лихорадочной торопливости, по всей той напряженной заботливости, которая замѣчалась во всемъ ея существѣ, было очевидно, что ей надо куда-то торопиться и что эта торопливость стала для нея настолько обычной, необходимой, что придавала какой-то особый типичный отпечатокъ всей ея фигурѣ, походкѣ, жестамъ и даже костюму.

Впрочемъ, какъ ни озабочена была эта дѣвушка, сегодня, казалось, мысли ея сосредоточены были на чемъ-то далекомъ не только отъ лекцій, грязныхъ улицъ Песковъ, длинныхъ казармъ Николаевского госпиталя, отъ уроковъ съ лѣгкими и прилежными учениками и ученицами, но даже отъ выпускныхъ экзаменовъ, которые уже должны были начаться скоро.

Вотъ ей встрѣтились гимназистки, торопившіяся въ классы, и одна изъ нихъ почему-то особенно обратила ея вниманіе. Она приостановилась, посмотрѣла ей вслѣдъ и улыбнулась:

„Это, должно быть, семиклассница“, подумала она. Мнѣ кажется, я была очень похожа на нее, въ то время, тамъ, въ нашемъ городишкѣ... Та же неопредѣленная торопливость куда-то, тотъ же блуждающій взглядъ и то же наивное невѣдѣніе своего пути, цѣлей, силъ... Господи! И вотъ еще пролетѣло пять лѣтъ... И какихъ еще лѣтъ! Какой горизонтъ вдругъ открылся предо мной, какая масса новыхъ, неожиданныхъ впечатлѣній! Какая жизнь, о которой я не имѣла никакого представленія, вдругъ стала моею жизнью! Я стала участницей въ ней. Пять лѣтъ назадъ была ли у меня хотя мысль о томъ, что это будетъ со мною?.. Удивительно, какъ все это непостижимо дѣлается у насъ!.. Право, часто думается, что мы—такія ничтожныя, маленькія существа

со всѣмъ нашимъ знаніемъ, со всей нашей волей, энергіей... Не случись *того*, въ сущности такого незамѣтнаго обстоятельства, пройди этотъ *разговоръ*, простой разговоръ двухъ дѣвочекъ-гимназистокъ, мимо меня, ну, просто даже не вслушайся я въ него хорошенько,—и вотъ я не была бы, можетъ быть, здѣсь, не были бы всѣ мои здѣсь, не было всей моей жизни: было бы совсѣмъ другое настоящее, другое будущее... Можетъ — быть я была бы уже давно, давно замужемъ, за молодымъ юристомъ (теперь, говорятъ, онъ уже прокуроръ, значитъ—я была бы прокуроршей) у меня были бы дѣти, мамки, няньки, хозяйство, вечера, игра въ винтъ, визиты къ судейскимъ женамъ, читали бы романы, ѣздили въ театр... И папа былъ бы доволенъ или, по крайней мѣрѣ, матеріально обезпеченъ... Мужъ навѣрно пристроилъ бы его... Мама ходила бы опять въ шляпкахъ, не стирала бы бѣлье, не посила бы воду... И все это было бы дѣломъ одного мѣсяца, одной недѣли!.. Прямо послѣ выпускныхъ экзаменовъ въ гимназій могла бы быть моя свадьба... И вдругъ... Какъ точно я вспоминаю всю эту сцену! Вотъ мы всѣ, выпускныя, собрались послѣ педагогическаго совѣта слушать объявленіе о результатахъ экзаменовъ... Вотъ вышла начальница, съ вѣдомостью въ рукахъ, сопровождаемая всѣмъ совѣтомъ. Я чувствовала, что глаза всѣхъ обращены на меня. Вотъ начальница подходитъ ко мнѣ, подаетъ свою руку: всѣ улыбаются — и поздравляютъ меня съ золотою медалью. Она говоритъ, что я — звѣзда не только нашей гимназій, но всей губерніи, что я поддерживала честь всѣхъ нашихъ женщинъ, всего нашего молодого женскаго образованія; что теперь моими успѣхами, моимъ усердіемъ упрочено существованіе нашей гимназій; что я оправдала возлагавшіяся на меня надежды; что теперь враги женскаго образованія обезоружены мною!.. „Браво, Надежда Побѣдинская: мы побѣдили въ лицѣ вашемъ! О, педаромъ, педаромъ у васъ такія имя и фамилія!“—говорить начальница, добродушно улыбаясь... Нѣтъ, я этого не ожидала, такого триумфа, я чувствовала, что едва стою на ногахъ, что у меня дрожатъ руки. Но, что всего важнѣе, я почувствовала, что вдругъ въ мою душу проникло что-то новое, какія-то неизвѣданныя никогда прежде ощущенія. Помню, я была сильно взволнована: на

меня всѣ смотрѣли, какъ на диво, даже всѣ наши ученицы, какъ будто я въ самомъ дѣлѣ была героиня, какъ будто я, дѣйствительно, совершила необычайный подвигъ!.. Вотъ чтеніе вѣдомости было, наконецъ, кончено... Шумная толпа ученицъ разсыпалась по рекреационному залу. Еще вся трепещущая, я подошла къ окну съ одной изъ своихъ подругъ и о чемъ-то говорила съ ней, плохо слушая ее. Въ это время, невдалекѣ отъ насъ о чемъ-то горячо говорила собравшейся группѣ одна изъ нашихъ выпускныхъ. Это была дѣвушка простого званія, старше насъ всѣхъ, изъ дальняго уѣзднаго городка: она поступила къ намъ уже въ старшій классъ прямо. Говорили, что она была прежде учительницей въ селѣ, затѣмъ въ свободное время приготовилась одна, безъ всякой помощи, къ экзамену въ старшій классъ. Признаться сказать, мы всѣ предъ ней казались дѣтьми. Мы почему-то боялись ее, чуждались, избѣгали говорить съ ней, даже когда она сама заговаривала. Она читала какія-то книги, о которыхъ мы ничего не знали; она знала въ жизни то, о чемъ мы не имѣли понятія; она говорила всегда такъ серьезно, когда намъ хотѣлось или шалить, или хохотать, или торопиться учить уроки, какъ мнѣ... Теперь, прислонившись къ подоконнику и постукивая по коленкамъ книгой, она говорила собравшейся вокругъ нея кучкѣ нашихъ.

— Ну, господа... или какъ вы теперь—mesdames?.. Куда? Замужъ?.. На отдыхъ?.. Утомились?.. Говорятъ, у многихъ изъ васъ уже есть женихи... Вотъ, говорятъ, у Крыловой (самая младшая изъ насъ, маленькая и совсѣмъ выглядывавшая дѣвочкой), говорятъ, даже у нея есть женихъ,—говорила она, смѣясь и показывая на Крылову.

Крылова засмѣялась сама, покраснѣла. Засмѣялись и всѣ.

— Впрочемъ, шутки въ сторону... Въ самомъ дѣлѣ, меня изумляютъ наши... дочери разныхъ всякихъ такихъ... разночинцевъ. (О богачахъ я уже не говорю!) Не понимаю!... Учатся въ женской гимназій, которая содержитъ на счетъ земства, выучатся на чужой, мужицкій счетъ, получаютъ золотыя медали, и вдругъ—замужъ!.. играть въ ералашъ, танцовать на вечерахъ, читать романы, ѣздить по визитамъ... Изумительно!.. И, главное дѣло, всѣмъ имъ кажется еще, что онѣ героини, что онѣ въ самомъ дѣ-

лѣ кому-то большое одолженіе сдѣлали... А по моему—это просто подло!..

И говорившая пожала презрительно плечами. Всѣ окружавшія слушали ее молча, съ какимъ-то страхомъ и стыдомъ, какъ будто онѣ дѣйствительно только что сдѣлали большую шалость.

— Побѣдинская!—вдругъ обратилась она ко мнѣ, несмотря, впрочемъ, прямо мнѣ въ лицо.—Вы замужъ... съ золотой медалью? (она, бѣдная, едва получила удовлетворительные баллы, потому, какъ говорили классныя дамы, что много травила времени на чтеніе „необязательныхъ“ книгъ). А вы, Петрова, неужели тоже? И вы, Кольцова? И вы, mesdames?..

Но въ это время начальница громко сказала:

— Ну, дѣти, теперь на отдыхъ!.. Будьте здоровы, веселы, счастливы!..

— Да, конечно... теперь уже отдыхать... Чего же больше!—замѣтила суровая дѣвушка.—И всѣ стали расходиться.

Не знаю, какъ ни тяжело мнѣ было жить здѣсь, чего только не перенесли мы, но, кажется, болѣе тяжелыхъ минутъ, какъ тогда, я не переживала.

Я вышла изъ гимназін. Я не замѣчала, скоро или тихо я шла, одна или съ подругами. Я помню только, какъ у меня стучало въ вискахъ, кровь то бросалась въ лицо, то отливала, мысли безсвязно носились въ головѣ. Все перемѣшалось: торжество и позоръ, радость и отчаяніе, жажда отдыха (просто даже физическаго отдыха) и рѣшеніе тотчасъ же, не теряя ни минуты, снова итти и итти. Но какъ итти? Это безуміе, невозможность!.. Бросить всѣхъ своихъ? И вотъ опять мысль о матери, объ отцѣ... А онъ теперь такой сталъ бодрый, хорошій... въ немъ только что вдругъ все поднялось, воскресло!..

— Ну, Надечка!—сказали въ разѣ отецъ и мать, встрѣчая меня такими сердечными поцѣлуями!.. А мама такъ радовалась, что ужъ теперь я отдохну, и все крестила меня.

Но дальше я ничего не помню. Прошли три невыразимо томительныхъ, тяжелыхъ дня: у меня была горячка, и вотъ, предъ кризисомъ, я, помню, пережила такихъ же три, четыре дня... пока, наконецъ, все оборвалось. Я не выдержала и разразилась истерическимъ плачемъ. Я плакала громко и неудержимо, плакала цѣлые часы. Отецъ былъ осо-

бенно нѣженъ со мной. Однажды онъ подошелъ къ моей кровати, робко присѣлъ сбоку и сталъ гладить меня по волосамъ. Потомъ, видя, что я немного успокоилась, онъ тихо сказалъ:

— Надечка, ты вышла бы въ залу; тебѣ было бы лучше...

— Я не хочу, я не люблю его, — закричала я, не понимая сама, что говорю, зачѣмъ... и не въ силахъ была сдержать себя.—Я пойду, скажу ему,—говорила я, быстро вскакивая съ кровати и въ то же время смутно сознавая, что я дѣлаю что-то нелѣпное, что я все брежу, сумасшедшая...

Отецъ былъ блѣденъ,—даже я это замѣтила. Онъ быстро положилъ мнѣ на горячія губы свою холодную ладонь, уложилъ меня на кровать и вышелъ...

Побѣдинская оглянулась. Тамъ и здѣсь по тротуарамъ шли, обгоняя и догоняя ее, студентки. Впередъ видѣлся Николаевскій госпиталь. Воспоминанія Побѣдинской рѣзко оборвались, и мысль пошла какими-то неуволнимо быстрыми скачками, будто торопясь что-то закончить.

Вотъ Побѣдинской почему-то вспомнился вагонъ желѣзной дороги. Поѣздъ словно плыветъ, покачиваясь и погромыхивая цѣпями; тутъ и сердитый, молчаливый отецъ, и мать, которая то и дѣло крестится, и сестренка, съ любопытствомъ осматривающая пассажировъ, и она, которой почему-то неловко смотрѣть и на отца, и на мать, и на сестру... Да и всѣ они, хотя и сидятъ другъ противъ друга, избѣгаютъ смотрѣть одинъ на другого. Когда же глаза ея встрѣчались съ глазами отца или матери, у нея вдругъ почему-то сильно начинало биться сердце: она вспыхивала и опускала свои глаза...

Странно! У нея изъ головы не выходило сравненіе ихъ поѣзда съ кораблемъ. Ей казалось, что вотъ именно такъ, должно быть, совершалъ свое знаменитое путешествіе Колумбъ... Кругомъ безграничное море. Корабль плавно несется, чуть покачиваясь и скрипя снастями; пассажиры молча стоятъ на палубѣ и смотрятъ вопрошающе то въ безвѣстную даль, то на стоящаго впереди ихъ, со сложенными на груди руками, вперившаго взоръ въ туманную дымку горизонта, большого человѣка. Этотъ человѣкъ тоже невольно опускаетъ глаза, когда случайно встрѣчается обращенные къ нему взоры спутниковъ. О, онъ такъ хорошо знаетъ, о чемъ спрашиваютъ его эти взгляды, онъ

такъ страшно сознаетъ отвѣтственность, которую возложила на него судьба!.. И ей казалось, что и у него, должно быть, замираетъ сердце,—у этого большого человека, какъ и у нея, слабой, худой, безсильной дѣвушки.

Потомъ быстро проносится въ ея головѣ другая картина. Сырая, холодная квартира въ одномъ изъ узкихъ переулковъ Выборгской стороны (тогда они еще жили тамъ). Всѣ они тѣснятся въ одной маленькой полутемной комнаткѣ, потому что двѣ сосѣднія сдаютъ жильцамъ. Вечеръ... Побѣдинская возвращается съ урока. У воротъ дома съ чѣмъ-то возится народъ: это привезли ея отца, въ продранномъ пальто, растерзаннаго; его тащатъ дворники во дворъ, вотъ его вволокли въ ихъ комнату и положили на старый, провалившійся диванъ...

И первая мысль, которая пробѣгаетъ въ головѣ Нади, это — мысль скверная. Господи, когда же будетъ конецъ?..

Несчастный неудачникъ измучился самъ, измучилъ другихъ и падалъ все ниже и ниже...

На утро онъ лежалъ уже на столѣ подъ образами.

— Это онъ отъ меня погибъ... Зачѣмъ я ихъ всѣхъ завлекла сюда?.. Онъ понадеялся на мои убѣжденія, что его здѣсь лучше оцѣнятъ... Я сама вѣрила въ это искренно. Но какъ же я могла иначе?.. Отчего онъ не дожилъ?.. Вотъ ужъ... скоро... конецъ... Вотъ еще послѣдніе шаги, послѣднее...

Побѣдинская стояла уже у госпиталя. Она отворила массивную дверь. На нее хлынулъ знакомый шумъ, рядъ воспоминаній моментально оборвался и потонулъ въ совершенно новомъ, другомъ кругѣ представленій, интересовъ, идей.

V.

По широкимъ коридорамъ и пустымъ палатамъ были разбѣяны своеобразныя группы студентокъ. Однѣ кого-то слушали, другія горячо разговаривали, третьи поспѣшно списывали программы и расписание экзаменовъ.

— Господа!—крикнула одна высокая студентка, съ черными кудрями дѣвушка, поднимая кверху свертокъ лекцій. — Господа! Кто идетъ къ Р.? У него сегодня послѣдняя операція. Больше намъ не удастся уже видѣть... торопитесь, а то

провалимся всѣ на позоръ всему женскому міру!

— Это ужасно!—также громко отвѣчала ей кто-то изъ группы.—Ужтеперь только и слышишь: а вотъ посмотримъ, какъ-то вы оправдаете надежды?.. Говорятъ, на наши экзамены соберется вся знать: словно—спектакль!..

— Ну, авангардъ крѣпнись!—крикнула первая черноволосая дѣвушка: — за тобой пойдутъ цѣлыя полки!..

— Побѣдинская, я совѣмъ трушу... Ей-Богу же!.. Никогда, никогда я такъ не трусила, бѣдненькая,—говорила одна молоденькая студентка, съ розовыми щеками и почти дѣтскимъ лицомъ, беря подъ руку Надю Побѣдинскую и скрывая подъ шуточно-поддѣльнымъ ужасомъ дѣйствительное волненіе.—У васъ всѣ есть программы? Намъ надо торопиться, торопиться...

— Да, Петрова, надо торопиться... и не падать духомъ!.. Уже теперь остается дать одинъ, послѣдній ходъ... А тамъ!..

Побѣдинская улыбнулась своими блѣдными безкровными губами и тотчасъ же заторопилась.—Я вотъ только сейчасъ сбѣгаю на урокъ. Никакъ, знаете, не могу оставить уроковъ даже на этотъ мѣсяцъ... Право, такое стеченіе обстоятельствъ... А вы спешите расписание и ждите меня черезъ полтора часа.

И Побѣдинская сбѣжала внизъ по лѣстницѣ, вышла изъ госпиталя и почти бѣгомъ пустилась на урокъ, вся поглощенная тою напряженною торопливостью, которая, казалось, никогда уже въ жизни не покинетъ ее: такъ она слилась съ ея натурой.

Между тѣмъ въ одной группѣ студентокъ шелъ такой разговоръ по ея уходѣ.

— А у Побѣдинской какое нехорошее лицо, замѣтили вы? Ей-Богу, такъ и кажется, что ей не протянуть недѣли...

— Если бы вы знали, какъ она живетъ, что ей стоили всѣ эти пять лѣтъ,—это возмутительно!.. Она содержала почти все это время мать, сестру и даже отца. Мать у нея ходитъ по найму стирать въ прачкахъ, тихонько отъ нея, а она сама, тихонько отъ матери, набираетъ столько уроковъ, что у нея уже буквально нѣтъ свободной минуты...

— Право?

— Да, я ее знаю... по она никому ни слова. Ее, вѣдь, почти не встрѣчаешь на вечеринкахъ... Изумительно чуткая и де-

ликатная натура!.. Я никогда не встрѣчала такой.

— Ну... вы, Петрова, вѣчная идеалистка: постоянно преувеличиваете.

— Право, право... Что вы?.. Я знаю это по себѣ, по вѣсьмъ нашимъ... Наша жизнь мало-мальски деликатную натуру доводитъ до такой чуткости, что или въ концѣ убиваетъ совѣсьмъ наповалъ, не давая вдоха, или уже выдѣлываетъ тупое, забитое, индифферентное существо.

— А еще какихъ два мѣсяца предстоитъ пережить ей!.. Хотя бы выхлопотать ей какое-нибудь пособіе на это время.

— Нѣтъ, знаете, ей лучше посоветовать бы остаться еще на годъ.

— Что вы, что вы? Это значить ухлопать ее окончательно... Еще годъ такой жизни!.. Она, вѣдь, только и живетъ надеждой, что вотъ, наконецъ, будетъ вдохъ, хотя немного... Притомъ, она обидится, если ей заикнутся объ этомъ.

— Что дѣлать!

Даромъ ничто не дается—судьба
Жертвъ искупительныхъ просить,—

продекламировалъ кто-то.

— Какіе, однако, мы, господа, все еще эгоисты!.. А народъ? Милліоны...

Въ группѣ разговоры смолкли. Потомъ кто-то тихо спросилъ что-то насчетъ лекцій и всѣ стали расходиться. Кто-то совершенно, повидимому, непроизвольно запѣлъ про себя: „Укажи мнѣ такую обитель“...

VI.

Два мѣсяца спустя, въ самый скверный петербургскій вечеръ, когда обыкновенно, въ концѣ ноября, идетъ суровая борьба упорствующей осени съ зимой, въ квартирѣ Побѣдинскихъ справляли окончаніе курса Надежды Павловны. Но если бы посторонній человѣкъ заглянулъ въ эту слабо освѣщенную единственною лампой съ полуразбитымъ абажуромъ комнату, то онъ затруднился бы сказать, что здѣсь справляли—праздникъ или поминки. Въ комнатѣ было всего пятеро. Предъ столомъ, на которомъ стояла бутылка дешеваго портвейна, на старомъ креслѣ сидѣлъ лысый господинъ, съ большою русою бородой, такими же большими, добрыми, голубыми глазами, чаще смотрѣвшими поверхъ очковъ, чѣмъ въ нихъ. Онъ былъ высокъ, плечистъ и плотенъ; но скорбно-наивный взглядъ и добродушная улыбка

плохо гармонировали съ его геркулесовскимъ тѣлосложеніемъ. Онъ иногда отпивалъ по глотку изъ стоявшаго передъ нимъ стакана и упорно смотрѣлъ поверхъ очковъ на сидѣвшую на диванѣ Надежду Павловну. Побѣдинская чувствовала этотъ взглядъ, полный такой томительной скорби... и любви, и участія, и избѣгала встрѣчаться съ нимъ. Она сидѣла откинувшись къ спинкѣ дивана и закинувъ руки за голову,—поза, которую она никогда прежде не знавала. Въ этой позѣ она такъ была похожа на трудно-больную, которую вывезли въ креслахъ на свѣжій воздухъ и позволили „вдохнуть“. И вотъ она „вдыхала“, вся отдавшись этой невыразимо сладкой истомѣ изболѣвшаго организма.

На другомъ концѣ дивана, облокотясь на столъ, сидѣла подруга Надежды Павловны, „розовая“ Петрова, какъ ее прозывали, и наивно-ребячески не сводила глазъ съ Побѣдинской. Тутъ же, около нихъ, пристроилась и Ашота, сестра Побѣдинской, на высокомъ кожаномъ стулѣ, и, положивъ руки на колѣни, недоумѣвающимъ какъ будто глазами смотрѣла и на сестру, и на ея подругу, и на почтеннаго собесѣдника. Мать Побѣдинской присѣла въ уголку, какъ-то совѣсьмъ неудобно, и силилась, надѣвъ большія очки, всмотрѣться при тускломъ свѣтѣ въ шовъ платья, которое она чинила. Вотъ уже минуты три какъ собесѣдники молчали.

— Знаете что?—сказала, наконецъ, Побѣдинская.—Сегодня, кажется, единственный день, когда мнѣ некуда торопиться.. И мнѣ скучно!.. Что значить привычка!.. Я думаю, что то же должна чувствовать обозная лошадь, когда ей долго не приходится везти возъ.

— Что за сравненіе! Это мило!—съ удовольствіемъ воскликнула Петрова.

— Вы—героиня Надежда Павловна,—серьезно произнесъ, даже не безъ волненія, почтенный господинъ и отпилъ глотокъ вина.

— Что за вздоръ!—вспыхнула Побѣдинская.—Если вы, Василій Ивановичъ, еще разъ повторите эти слова, я съ вами разберусь... Зачѣмъ кощунствовать! Какіе мы герои? Если бы вы знали, сколько разъ въ моей жизни я роптала на свою судьбу, сколько разъ мнѣ, въ глубинѣ души, хотѣлось уйти, уйти отъ всего этого... на покой. Сколько разъ я завидовала какой-нибудь баринѣ, которая спокойно, развалившись въ коляскѣ, мчител.

И это—героиня!.. Въ такомъ случаѣ см

жите мнѣ, сколько же героевъ живутъ тамъ, по деревнямъ, которые изодня въ день, изъ часа въ часъ трудятся, не разгибая спины, не видя просвѣта...

— Она еще, чего добраго, пзмучаетъ себя угрызениями совѣсти, — сказала Петрова: — этого еще недостаетъ!..

— Клеветать на себя можно, — проговорилъ Василій Ивановичъ.

— Инсколько, — сказала Надежда Павловна: — я говорю правду... Какіе мы герои?.. Мы всѣ просто — *люди своего типа*, какъ пахарь — *человѣкъ своего типа*.

— Прекрасно, — улыбнулся Василій Ивановичъ: — это не умаляетъ его достоинства... И я повторяю опять: вамъ необходимо, обязательно — отдохнуть. Если вы не хотите воспользоваться моимъ... приглашеніемъ (тутъ Василій Ивановичъ весь вспыхнулъ)... въ помѣстьи у моей матери, то во всякомъ случаѣ... какъ-нибудь иначе... но только пора перестать *торопиться*... Это невозможно, это возмутительно!..

— Это дѣло не мое... Какъ велитъ судьба, — улыбувшись, проговорила Побѣдинская.

— Надо бы, Василіи Ивановичъ, очень надо, — прибавила и мать, — да, вѣдь, точно... Все у насъ отъ Бога!.. Все въ Его рукахъ!.. Надо Его молить, чтобы Онъ хотя на годокъ далъ вздоху...

— Потерпите, мама... Мы уже привыкли... Хуже пережили, — опять улыбаясь, говорила Побѣдинская.

— Вотъ и еще доказательство, что вамъ необходимъ обязательно отдыхъ. Вы впадаете въ какой-то мрачный фатализмъ, а это признакъ упадка воли, — сказалъ Василій Ивановичъ, не безъ искренняго безпокойства взглядывая на Надежду Павловну. — Судьба!.. Но, вѣдь, у каждаго есть свой умъ, свое сердце, которые тоже имѣютъ право...

— Это, конечно, такъ... Но есть еще что-то!.. Я, право, не умѣю вамъ сказать, — задумчиво возразила Побѣдинская, — не умѣю назвать что это: совѣсть... или какой-то долгъ, долгъ типа... Вотъ именно... мнѣ кажется, что у всякаго типа есть свой долгъ... И этотъ долгъ фаталенъ...

Въ это время кто-то позвонилъ. Всѣ вздрогнули, такъ какъ никого не могли ждать. Вышедшая на звонокъ мать принесла городское письмо Надеждѣ Павловнѣ.

Вслѣдствіе ли настроенія отъ предыдущаго разговора или отъ неожиданности

руки Побѣдинской дрожали, распечатывал письмо. Она быстро пробѣжала первыя строки и улыбнулась, хотя руки ея поблѣзли и похолодѣли совѣсть.

— Ну, вотъ!.. — сказала она и, стараясь скрыть дрожаніе въ голосѣ, прочла слѣдующее:

„Ура, Побѣдинская! Поздравляю васъ отъ всей души... Сегодня утромъ я зашла въ госпиталь, гдѣ встрѣтила начальницу. Она просила меня передать вамъ, что, по ея рекомендаціи, мѣсто врача въ —скомъ земствѣ упрочено за вами, что она очень, очень рада этому случаю, и за васъ, и за курсы, что она надѣется — въ вашемъ лицѣ не будетъ скомпрометирована судьба русской женщины-врача... Всѣ мы тоже искренно рады, что первое мѣсто получаете — вы... Лучшаго выбора судьба не могла сдѣлать. Вы вполне достойны... Ну, Побѣдинская, впередъ!.. Не выдавайте насъ... Знаете — на васъ теперь будетъ смотрѣть вся Россія; отъ васъ зависить связать узами прочнаго довѣрія интеллигенцію и народъ... О, какое широкое поле открывается передъ вами!.. Помогай же вамъ Богъ, collega! Сообщите намъ, когда поѣдете. Всѣ наши желаютъ васъ проводить и проститься съ вами.“

Ваша

Курбатова.

P.S. Да, и забыла: вамъ *надо торопиться* представляться управѣ — особенно на этомъ настаиваютъ, такъ какъ у нихъ среди деревень сильно распространяется эпидемія“.

Дочитавъ письмо, Побѣдинская, въ волненіи, вышла изъ-за стола и быстро обняла мать.

— Ну, вотъ, мама... Вотъ и все!..

— Вы не можете ѣхать... Это — безуміе! — сказалъ, вставая, Василій Ивановичъ (онъ былъ совершенно красивъ отъ сильнаго волненія). — Вы посмотрите на себя только: вѣдь, у васъ ни крови, ни мускуловъ, вѣдь, у васъ полное истощеніе всего организма, вѣдь, у васъ... Вы сознаете ли ясно, что предстоить вамъ? Вѣдь, этотъ уѣздъ чуть не въ Западной Сибири, за двѣ тысячи верстъ, вѣдь, это непросвѣтная глушь, гдѣ вы не встрѣтите даже русскаго мужика, гдѣ живутъ, по уши въ грязи, одни башкиры, гдѣ почти не говорятъ по-русски...

Василій Ивановичъ пріостановился, какъ будто ожидая результатовъ своей рѣчи.

— Побѣдинская! — крикнула, всаки-

вая Петрова, — пустите меня — я поѣду за вась!.. Право!.. Я обязываюсь высылать до тѣхъ поръ, пока вы не получите черезъ годъ другого мѣста и не выздоровѣете, — высылать вамъ половину жалованья...

— Bravo, Петрова, bravo! — закричалъ въ восторгѣ Василій Ивановичъ.

— Согласны? Вы согласны? — спрашивала Петрова, впиваясь глазами въ Надежду Павловну...

— Какіе славные вы! — проговорила Побѣдинская, крѣпко пожимая руки тому и другой. — Давайте-ка выпьемъ лучше да поздравимся!.. А затѣмъ — надо торопиться...

VII.

Черезъ три мѣсяца въ квартирѣ Петровой происходила такая сцена. Петрова, облокотившись на столъ, плакала. Три-четыре студентки, въ шляпахъ и пальто, не раздѣваясь, наскоро читали какое-то письмо, передавая одна другой, и разсматривали лежавшую на столѣ фотографію.

„Милая Лидія Николаевна, — писала мать Побѣдинской Петровой на засаленномъ лоскуткѣ почтовой бумаги, крупнымъ стариннымъ почеркомъ, — вотъ и все кончилось съ нами, бѣдными, по волѣ Божіей!.. Вотъ и вся наша короткая радость и надежда!.. Изъ глубины сердца и день, и ночь только спрашиваешь: Господь милосердный, затѣмъ же далъ Ты намъ земную жизнь?.. Впрочемъ, все въ Твоихъ всемогущихъ рукахъ! Неповѣдимъ Твой Промыселъ... Вотъ и дорогой нашей Надечки не стало, милая Лидія Николаевна... Не стало, — нѣтъ ея больше у насъ... Ахъ, матери, матери!.. На что вы родитесь, на что зачинаете дѣтей своихъ? Словно кровью поливаете вы землю, а земля эту кровь пьетъ, какъ ненасытная губка... Посылаю вамъ, милая Лидія Николаевна, карточку, — по заказу предсѣдателя снимали... Спасибо имъ, схоронили съ честью и съ вѣнками дорогую нашу... Дорога была дальняя. Когда еще ѣхали, видѣла я, что Надечка утомилась. А тамъ пріѣхали въ деревню: съ утра до поздней ночи народъ... А Надечка, такая дели-

катная, ѣдетъ и въ ночь, и въ непогоду... А помощи никакой нѣтъ — одинъ фельдшеръ... Случится операцию дѣлать трудную, — сама дрожитъ вся, боится за больного, по новости, а посоветоваться съ кѣмъ или помочь — некому... Извелась совсѣмъ отъ одной думы, не только что отъ дѣла... А въ деревняхъ бѣдность, грязь, всѣ въ тифу перевалялись и мыто... А послѣ всѣхъ и Наденька не вынесла... Простите, милая, не могу писать. Вчера только похоронили... Мы съ Аничкой не знаемъ, что дѣлать. Сообщите, милая, примутъ ли опять Аничку въ гимназію. Будемъ ждать вашего отвѣта съ нетерпѣніемъ. Какъ-нибудь перебьемся, — пока предсѣдатель не оставляетъ. Добрый человѣкъ... А все же надо торопиться Аничкѣ... До свиданія, милая Лидія Николаевна, не оставьте насъ, бѣдныхъ. Хорошо, если бы вы телеграммой извѣстили. Мы бы сейчасъ же поторопились выѣхать. Все въ Питерѣ лучше, я бы работой могла Аничку поддерживать, пока на ноги встанетъ. Что дѣлать! Теперь одна надежда“.

Приложенная къ письму фотографическая группа, несмотря на нѣкоторый расчетъ на эффектъ со стороны фотографа, производитъ удручающее впечатлѣніе, видимо, на всѣхъ дѣвушекъ, собравшихся у Петровой. Содержаніе группы, впрочемъ, было неособенно сложно: скромная комната, посреди бѣлаго гроба, серебряные подсвѣчники по бокамъ и впереди; въ гробу — маленькое, высохшее совсѣмъ тѣло, какъ у ребенка; въ головахъ — вѣнокъ, а близъ гроба — двѣ фигуры: мать въ черномъ платьѣ, повязанная платкомъ, — эта простая, скромная, робкая и смиренная предъ великими судьбами русская женщина, съ нею рядомъ двѣнадцатилѣтняя дѣвочка, съ широко открытыми глазами, обращенными на лицо покойницы... „Только-то! — говорили эти глаза: — тутъ все? Нѣтъ, это не можетъ быть...“

О, конечно, не можетъ быть, потому что въ маленькой Анютѣ уже несомнѣнно воскреснетъ ея сестра... Вѣдь, въ экономіи мірового блага все равно: Костя, Надя или Анюта...

БЕЗУМЕЦЪ.

(ВЫПИСКА).

I.

Онъ шелъ изнеможенный и усталый, покрытый пылью. Путь его былъ дологъ, суровъ и утомителенъ. Впереди и позади его лежала желтая, высохшая, какъ камень, степь. Солнце палило ее горячими лучами; жгучій вѣтеръ, не освѣжая, носился и рвался по ней, переговля тучи сухого песку и пыли. Кое-гдѣ бродили только сѣрые стада овецъ да табуны кобылъ. Селенія попадались рѣдко, да и тѣ были жалки и убоги. Онъ ненадолго останавливался въ нихъ и снова торопился впередъ. Онъ чувствовалъ, что изнемогаетъ. Но то, что оставалось ему пройти и вынести теперь, было безконечно мало въ сравненіи съ тѣмъ, что было имъ пройдено и испытано позади. Это придавало ему бодрости и силы. А когда онъ прижималъ руку къ груди и чувствовалъ, что драгоценный кладъ, найденный имъ, лежитъ около его сердца, ему становилось такъ легко, отрадно, какъ будто погн его не чувствовали усталости, голова — истомы, и ему казалось, что его несли невидимыя крылья.

Онъ еще болѣе ускорялъ шаги и говорилъ себѣ: „Скорѣе! скорѣе! пора! дойду ли я? Я чувствую, что мои силы изсякаютъ съ каждымъ шагомъ... Увы! — ихъ едва хватило, чтобы совершить только то, что я успѣлъ. Кого я застаю тамъ, дома? Каковы они теперь, мои братья, сестры и дѣти? Ждутъ ли они меня или же давно похоронили и сочли погибшимъ навѣки мечтателя — безумца? Или, можетъ быть, они отвернутся отъ меня, отрекутся и, устыдясь своего отца и брата, скажутъ: „мы не знаемъ тебя

и не хотимъ слушать твой безумный бредъ“!

При этой мысли онъ вдругъ поблѣднѣлъ, приостановился и медленно провелъ рукою по горячему лбу.

— Бредъ! — повторилъ онъ. — И это — бредъ!?

Онъ снова приложилъ руку къ сердцу и, просіявъ младенческою радостью, быстро двинулся впередъ.

Къ концу пути какъ будто еще жесточе палило солнце; какъ будто еще злѣе крутилась вокругъ него горячая пыль; какъ будто вся степь, окутанная распаленною дымкой, дышала зноемъ и истомой; онъ шелъ все быстрѣе и быстрѣе. Лицо его уже давно обгорѣло и стало мѣдно-краснымъ, руки были покрыты истрескавшимися сухими мозолями, на босыхъ ногахъ видѣлись язвы; посконная рубаха взмокла отъ пота; сквозь слой пыли, покрывавшей его бороду, проступала сѣдина.

II.

На этотъ путь онъ вышелъ рано, когда еще только занималась заря его жизни, когда горячая кровь еще ключемъ билась въ его жилахъ, когда онъ только-что испыталъ первыя ласки взаимной любви, когда все сулило ему впереди покой, довольство, досугъ и блага земныхъ счастливцевъ, — вотъ еще когда безумная мысль забралась въ его душу и стала терзать его бѣдную голову.

Вначалѣ никто не замѣчалъ приступовъ его безумія, но когда онъ робко заявилъ сомнѣніе въ правотѣ и прочности сулимаго ему благополучія, его стали подозрѣвать...

Онъ ушелъ не одинъ: ихъ было много вмѣстѣ съ нимъ, такихъ же безумцевъ. Что они были безумцы,—для всѣхъ скоро стало ясно и безспорно. Когда они уходили, они дали другъ другу клятву: „мы не вернемся къ своимъ, пока не испытаемъ и не перенесемъ на себѣ всѣ язвы страждущихъ и угнетенныхъ, не сносимъ на себѣ всей проказы, развѣдающей ихъ, не причастимся ихъ скорбей и радостей, не переживемъ ихъ печалей и упований...“ Они ушли. Это былъ путь долгій, крестный и тернистый: они шли по городамъ, спу-скались въ вертепы нищеты и разврата, били камни на мостовыхъ и выгребали нечистоты; страдали и валялись, какъ прокаженные, вмѣстѣ съ другими по приютамъ и больницамъ; они входили на фабрики и стояли за станками до ломоты въ костяхъ, до оцупѣнія головы, до онѣмѣнія членовъ; они спали на нарахъ, переполненныхъ паразитами, среди женъ, незнавшихъ мужей, и среди матерей и отцовъ, не узнававшихъ дѣтей; они рыдали съ запроданными въ рабство младенцами и закабаленными стариками. Они шли въ деревни—и корчевали пни, бороздили тяжелымъ плугомъ подъ палящимъ зноемъ каменистую почву; становились къ пылающимъ горнамъ кузницъ. Они шли на широкія рѣки съ толпами голодныхъ рабочихъ и тянули бурлацкую ямку; они спускались въ темныя подземныя шахты и, подъ страхомъ смерти, какъ черви ползали по порамъ; они голодали съ переселенцами, мокли по поясъ въ грязныхъ ямахъ съ землекопами; терпѣли отъ штрафовъ, обмана и безработицы; ложились подъ розги; сидѣли по казематамъ и острогамъ...

Таково было это безуміе.

III.

Ему оставалось немного до конца пути, всего два-три ночлега. Онъ присѣлъ отдохнуть у верстового столба, и когда взглянулъ на свои ноги, грудь и руки, когда почувствовалъ, что всѣ члены его онѣмѣли и застонали кости,—ему вдругъ вспомнился весь его добровольный крестный путь, и ему стало страшно. Онъ невольно оглянулся кругомъ себя: онъ былъ одинъ, совсѣмъ одинъ въ безпредѣльной, пылающей зноемъ степи. Немного осталось ихъ изъ этой кучки безумцевъ: одни давно измѣнили и продали

себя, другіе не вынесли, „устали впередъ идти“ и вернулись, третьи... третьи погибли, какъ безвѣстныя пловцы въ безбрежномъ и глубокомъ морѣ. Ему стало тяжело, горько и больно; казалось, онъ только теперь ощутилъ всю безконечную тяжесть поднятаго креста; казалось, онъ только теперь понялъ всю глубину своего безумія... „Зачѣмъ? Зачѣмъ было все это? И кому будетъ отъ этого легче, кому прибавится хотя на ноготь счастья, силы, энергіи, славы?.. Безуміе! Безуміе!“—готовъ былъ онъ крикнуть въ отчаяніи, какъ почувствовалъ, что его сердце радостно забилося и тихая врачующая теплота разлилась по всему тѣлу: онъ не слышалъ уже ни стона костей, ни боли язвъ. Онъ схватился за грудь, почувствовалъ драгоценный кладъ, лежавшій около сердца, и отчаяніе смѣнилось трепетной боязнью: — „Скорѣе, скорѣе! Только бы донести... Богъ вѣсть, будутъ ли изъ насъ еще такіе безумцы, какъ мы!.. А если... если опять и опять тамъ не повѣрятъ въ слѣпомъ самодовольствѣ? Если мои слезы и восторги опять и опять обзовутъ безуміемъ даже родныхъ дѣти?!.. О, тогда... тогда я уйду назадъ!“ — И глаза его, дѣйствительно, заблестали безумнымъ огнемъ.

IV.

„Скорѣе, скорѣе!“ — твердилъ онъ и шелъ впередъ. На четвертыя сутки онъ вошелъ въ родной городъ. Робость овладѣла имъ среди шумной и многочисленной улицы. Многіе останавливались въ изумленіи и смѣялись надъ его лохмотьями. Одни говорили съ жалостью и состраданіемъ:—„онъ еще все бредитъ, несчастный!“ Другіе восклицали, въ недоумѣніи и испугѣ: — „онъ еще живъ, безумецъ!“ И среди тѣхъ и другихъ онъ примѣтилъ нѣкоторыхъ изъ своихъ друзей и близкихъ, которые не желали признать его. Третьи указывали на его грудь и кричали, самодовольные и упитанные:—„онъ думаетъ, что несетъ настоящіе перлы! Не вѣрьте ему... Онъ лжецъ и смутитель. Вотъ у насъ настоящіе перлы, потому что мы сами оттуда, откуда пришелъ онъ!“—И они шумно и нагло продавали поддѣльные перлы, вынося ихъ на уличный рынокъ. То были народные луды.

Его охватилъ ужасъ. Но онъ скоро разслышалъ, что многіе, видя кровь, сочившуюся изъ его ранъ, робко и огля-

диваясь, уже стали шептать другъ другу:—„Нѣтъ, онъ искрененъ... Его перлы не могутъ быть поддѣльны...“

Тогда въ душѣ его мелькнула искра надежды.

Смущенный и робкій, переступилъ онъ черезъ родной порогъ.

И когда онъ увидалъ своихъ близкихъ, изможденныхъ отъ труда и заботъ, грустныхъ отъ пережитыхъ потерь и измѣнъ, изнуренныхъ отъ духовной жажды и неудовлетворенности, и когда двое—юноша и дѣвушка, его дѣти—бросились къ нему, цѣлуя прахъ его ногъ, онъ, безумецъ старый, упалъ и обезсилѣвшею рукой едва успѣлъ передать съ груди своей драгоценный кладъ.

— Это—перлы, которые досталъ я съ глубины народнаго моря... Въ нихъ залогъ его и вашего воскресенія и спасенія.

И когда увидалъ онъ, какъ благоговѣйно приняли они эти перлы на свои груди, онъ радостно улыбнулся имъ и едва слышно прошепталъ:

— Я чувствую,—мой конецъ близокъ... Мои силы изсякли... Взлелѣйте же вы эти перлы въ своей душѣ... Освятите ихъ творчествомъ мысли и теплотою сердца... Когда же вы будете достойны, чтобы возвратить ихъ народу въ блескъ и сіяніи торжества и славы, скажите тогда: *твою отъ твоихъ тебѣ приношу...*

Послѣ того мечтатель-безумецъ тихо скончался.

1887 г.

Г Е Т М А Н Ъ.

(ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ОЧЕРЕКЪ).

ГЕТМАНЪ.

(ПСИХОЛОГИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

I.

Однажды, зимнимъ вечеромъ, въ дверяхъ моего кабинета неслышно появилась темная фигура молодого человѣка, высокаго и нѣсколько сутуловатаго, съ гладко остриженною головою, плохо выбритымъ подбородкомъ и длинными усами. Прежде чѣмъ что-нибудь сказать, онъ громко высморкался въ большой ситцевый съ цвѣтами платокъ и тѣмъ далъ мнѣ знать о своемъ визитѣ. Должно быть, я очень долго всматривался въ него въ полумракѣ отъ абажура, потому что, засунувъ неторопливо платокъ въ задній карманъ узкаго, застегнутаго на всѣ пуговицы сюртука, гость сказалъ басовитымъ голосомъ:

— Не узнали? Гетманъ...

— А, Гетманъ!—вскрикнулъ я не безъ пріятнаго изумленія, такъ какъ Гетманъ никому на свѣтѣ, кажется, не приносилъ еще непріятностей и никто не встрѣчалъ его безъ пріятнаго изумленія; всегда онъ являлся какъ-то неожиданно, послѣ долгаго отсутствія.

— Откуда вы? Садитесь,—предложилъ я молодому человѣку.

— Хорошо. Я сяду,—неторопливо говорилъ онъ, но не сѣлъ, а сталъ молча ходить по комнатѣ, разминая длинные ноги и потирая большія, красныя отъ холода; руки.

Молодой человѣкъ этотъ (какъ-то даже странно называть его молодымъ человѣкомъ, хотя ему было всего двадцать два года: такъ онъ былъ солидно-неукладистъ и старообразно-глубокомысленъ) былъ, прежде всего, хохоль, студентъ и притомъ филологъ, человѣкъ очень бѣдный. Фамилія его была Подопригора, но

всѣ знавшіе его и самъ онъ называлъ себя Гетманомъ. Былъ ли онъ дѣйствительно какъ-нибудь прикосновененъ къ гетманству и были ли когда-нибудь въ исторической Малороссіи гетманы съ такой выразительною фамиліей, какъ Подопригора, я не знаю; тѣмъ не менѣе всѣ звали его Гетманомъ и находили почему-то, что къ нему это прозвище подходитъ какъ нельзя лучше.

Да, онъ былъ хохоль, истый хохоль, упрямый, „мовъ той віль“, и вмѣстѣ добродушный, любящій и пѣжный, какъ женщина: то бывалъ буенъ и порывистъ, какъ степной вихрь, то чаще всего грустенъ и задумчивъ, какъ воплощенная меланхолія, вѣчно мурлыкавшій себѣ въ усы свои „пѣсни“ и „думки“. Бывая въ обществѣ или компаніи своихъ товарищей, онъ больше молчалъ, засѣвъ въ углу, и слушалъ споры, рѣдко принимая въ нихъ участіе, а чаще всего созерцательно смотрѣлъ поверхъ спорящихъ своими темными, мягкими глазами, какъ будто онъ постоянно парилъ надъ этою мелкою юдолюю жизни. Но иногда, подъ конецъ вечера, когда кто-нибудь запѣвалъ пѣню или самъ онъ домурлыкивался до того, что невольно начиналъ пѣть громко, или разговоръ принималъ такой подымающій характеръ, — Гетманъ вдругъ сбрасывалъ съ себя, вмѣстѣ съ сюртукомъ, хмурость и придавленность и, оставшись въ одной своей грубой хохлацкой рубахѣ съ расшитою грудью, выпрямлялся во весь свой гетманскій ростъ, выгибалъ дугой широкую грудь, бралъ себя за длинный усъ и тогда начиналъ расходиться его сильный баритонъ, къ ужасу сосѣднихъ квартиръ. Тогда ему уже не было удержу: онъ не останавливался до тѣхъ поръ,

пока не пропѣвалъ весь малорусскій репертуаръ, совсѣмъ не интересуясь, слушалъ его кто или нѣтъ. Начавъ съ какой-нибудь унылѣйшей „думы“, онъ постепенно переходилъ въ историческій циклъ, — и тогда его голосъ начиналъ забирать все могучее, самъ онъ какъ будто росъ все выше, грудь ширилась и вздымалась горой, горѣли глаза, сжимались могучіе красные кулаки, и предъ слушателями стоялъ уже не согбенный студентъ-филологъ, а дикій сынъ степей, правнукъ стараго Бульбы... Дѣйствительно, что-то величаво-дикое было въ немъ въ эти минуты и вмѣстѣ неудержимо-захватывающее, — удалъ, которой, казалось, не было ни границъ, ни мѣры.

Но достаточно было одного слова какого-нибудь пріятеля, чтобы сразу расхолодить всю эту удалъ.

Обыкновенно, когда упражненія Гетмана продолжались слишкомъ долго и грозили перейти границы не только студенческой квартиры, но и самыхъ степей, кто-нибудь изъ товарищей клалъ ему на плечо руку и говорилъ:

— Гетманъ, пора въ Элладу!..

Гетманъ прерывалъ на полсловъ свою пѣсню, долго, не понимая, смотрѣлъ въ лицо товарища, наконецъ понуро опускалъ голову, поглаживая усы, и медленно начиналъ натягивать свой старый, узкій сюртукъ.

Таковъ былъ пришедшій ко мнѣ гость, и если я къ этому прибавлю, что онъ былъ очень бѣденъ, что пробивался почти исключительно уроками, что былъ онъ сынъ простого чиншевика, когда-то занимавшаго видный постъ у магната, что отецъ его былъ грубый и дикій самодуръ, чуть еще въ отрочествѣ не отправившій его на тотъ свѣтъ, а со времени своего паденія до простого чиншевика возненавидѣвшій все, что было добродушно, нѣжно, мягко и беззавѣтно, а вмѣстѣ съ тѣмъ самого Гетмана и его добрую, любящую мать, то я скажу почти все, что мы знали о Гетманѣ. Намъ былъ онъ понятенъ съ его задумчивою тоской, и только одна филологія стояла въ его гармонической фигурѣ тѣмъ нѣчто, чего не могли переварить ни мы, ни онъ самъ.

— Ну, гдѣ же вы живете, Гетманъ? Съ кѣмъ? Давно я не видалъ васъ, — сказалъ я. — Да садитесь же!

— Давно, — проговорилъ Гетманъ, садясь, наконецъ, по обыкновенію, въ уголъ, въ самую густую тѣнь отъ абажура. — А

живу я теперь... Да вотъ пойдемте къ намъ. Это не такъ чтобы далеко... Я за вами и пришелъ, пане.

Гетманъ говорилъ съ сильнымъ малорусскимъ акцентомъ, съ придыханіями, и часто вставлялъ въ рѣчь не только одни хохлацкія слова, но цѣлыя выраженія.

— Какъ за мной, Гетманъ?

— А такъ, пане... Я живу теперь не одинъ, живу съ землякомъ... Кто его знаетъ, что съ нимъ случилось: заболѣлъ или другое что... Загрустилъ старикъ, — такъ загрустилъ, что свѣтъ сталъ не милъ...

— А кто же онъ такой, вашъ землякъ?

— Да пашъ же хохоль, съ Украйны... Сначала былъ ничего, веселый хохоль, даромъ что старина: цѣлый день все по Москвѣ бродить, говорить: „Москву пытаю“, а вечеромъ выйдетъ въ коридоръ, сядетъ возлѣ буфетчика, сосетъ себѣ люльку, да хохлацкія басни рассказываетъ... А знаетъ онъ ихъ — такъ и конца нѣтъ! Изъ номеровъ кругомъ него народъ соберется, горничныя, коридорныя... Хохотъ! А ему еще то веселѣе! Бывало, и въ номеръ не затащишь за науку (мы, пане, изъ-за того, видите, сжились съ нимъ, что я его разнымъ наукамъ обучаю, а онъ меня за это чаемъ общался понтъ, да и за номеръ дешевле сойдесть... Удивительное такое дѣло, пане, вышло!). А то меня пѣсни украинскія нѣтъ заставитъ... — „Э, скажетъ, дытино! заспівайка пѣсню, якъ наши чумаки співають, а я послухаю та посумую... Не даромъ же я тебя, бурсака, кормить буду... Хе! Потіть старого хохла!..“ Стапу нѣтъ ему, а мой старикъ то рѣкой слезы льетъ, то въ плясъ пустится... А теперь вонъ совсѣмъ загрустилъ. Цѣлый день все дома, и на улицу не выходитъ, лежитъ, голову подперши, да люльку тянетъ... И говорить сталъ мало... Да вотъ сегодня кричитъ мнѣ: — „Э, панъ Гетманъ! Послушайте, що я вамъ сказати хочу: есть у тебе якій панъ знакомый, — такіи панъ, щобъ бувъ не такіи старый, якъ самъ я, и не такіи молодой, якъ ты, молокососъ?.. Щобъ бувъ панъ настоящій, якъ бутъ пану: и щобъ научений, и мало-мало не дурень“. Говорю: — „Найдется!.. А зачѣмъ вамъ, землякъ, пана?“ — „А тоска меня съѣла, говорить, такъ вотъ хочу сердце на немъ сорвать наконецъ всего, да и до дому!.. Живите вы тутъ себѣ сами, коли вамъ живеться!..“ — „Хорошо, говорю, землякъ, есть; пойдемте хоть сего-

дня". — „Э, нѣтъ, говоритъ, дытино: не пойду я самъ въ паньски хоромы... Куда мнѣ, старику, еще мундиръ надѣвать!.. А ты вотъ какъ, дытино: приведи его сюда вечеркомъ, какъ бы ненарокомъ... ну, пісень, что ли, твоихъ послушать, горілки разопьемъ сткляницу, або що!.. Вотъ такъ, по-крестьянскому... Я бѣ выпилъ чарку горілки, да ему бѣ и высказалъ усе, що на душі маю... вотъ какъ, хе!.. Слышь же, дытино: якъ бы ненарокомъ...“ — „Хорошо, говорю, быть такъ, землякъ“. Вотъ я и надумалъ, пане, васъ позвать къ намъ въ гости... Что жѣ, можете старика послушать?

— Чудакъ же вашъ землякъ! Что жѣ онъ здѣсь дѣлаетъ?

— А я и самъ не знаю. Всего съ осени, какъ съ Украины пріѣхалъ. Москву, говоритъ, пытать. А впрочемъ и дѣло у него есть до опекунскаго совѣта, что ли... Вотъ и живемъ... Жили ничего... Да загрустилъ теперь... А я, вѣдь, знаете, пане, другой разъ по мѣсяцамъ молчу, якъ медвѣдь, — ну, и онъ молчитъ, и загруститъ.

— То-то, Гетманъ, не вы ли это и навели на старика тоску своими думками да пѣснями? — пошутилъ я. — Поди, мурлыкали, мурлыкали себѣ въ усы: „а молодость не вернется, не вернется вона“, ну, и домурлыкали его.

— А може и такъ, пане... Може со мной не всякому жить здорово... Много Гетманъ нынче скорбитъ... А може мы одинъ другого доходили, бо оба хохлы... Такъ пойдемте, пане, коли доброжелательство есть къ малому человеку.

Оба хохла такъ заинтересовали меня, что я съ готовностью принялъ предложеніе Гетмана, и мы вышли.

II.

Была тихая зимняя звѣздная ночь, одна изъ тѣхъ, которыя такъ милы нашему сѣверному сердцу. Я замѣтилъ, что она производила какое-то особое вліяніе и на Гетмана. Несмотря на то, что онъ ѣжился отъ холода въ своемъ легкомъ, ватномъ, старенькомъ пальтишкѣ, что былъ безъ калошъ, безъ шарфа и безъ перчатокъ, ему, видимо, не хотѣлось уходить скоро съ улицы; онъ нарочно замедлялъ шаги, а одинъ разъ вдругъ остановился и началъ смотрѣть въ темную бездну неба.

— Эхъ, пане, сколько звѣздъ повысы-

пало на святое небо! — воскликнулъ онъ такъ ребячески-наивно, что я не могъ не улыбнуться въ душѣ. — Хорошо бы теперь коня, пане: занесся бы... на край свѣта!..

Онъ еще постоялъ, посмотрѣлъ еще на звѣзды и затѣмъ вдругъ ушелъ въ себя, что-то замурыкалъ въ усы и, крупно зашагавъ по тротуару, кажется, совсѣмъ забылъ обо мнѣ.

Мнѣ показался подозрительнымъ приступъ этой „хохлацкой меланхоли“, которая могла въ концѣ концовъ разразиться чѣмъ-нибудь не относящимся совсѣмъ къ дѣлу, по которому мы шли. Напримѣръ, какъ я слышалъ про Гетмана, могло случиться, что онъ вдругъ повернулся бы ко мнѣ, протянулъ бы руку и, сказавъ: „прощайте!“ — бросилъ бы меня на полпути. А если бы я спросилъ его въ удивленіи: „да какъ же это, Гетманъ? А дѣло то?“ — онъ неторопливо отвѣтилъ бы: — „А идите вы, пане, своею дорогой, а я своею пойду, только бѣ намъ обоимъ до одного мѣста дойти...“

И вотъ, чтобы отвлечь его отъ такихъ возможныхъ послѣдствій хохлацкой меланхоли, я спросилъ его, когда и какъ онъ сошелся съ своимъ сожителемъ. Къ удивленію моему, Гетманъ разговаривалъ такъ, какъ никогда еще не говорилъ со мной, и не только съ большими подробностями передать мнѣ о своемъ сближеніи со старымъ землякомъ, но и о многомъ такомъ, что навсегда осталось для меня дорогимъ и неразрывнымъ съ воспоминаніемъ о Гетманѣ.

Началъ онъ съ того, какъ, вернувшись осенью съ каникулъ въ Москву, пошелъ онъ разыскивать товарищей, чтобы договориться съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ жить вмѣстѣ на квартирѣ. Нашелъ ихъ, наконецъ, въ номерѣ.

— Вхожу. Сидятъ за столомъ нашихъ душъ восемь. Не признаютъ, — вотъ какъ вы же. А я тогда весь волосомъ обросъ, потому что все по степи гулялъ... Скопилъ къ лѣту грѣшей, — ну, и гулялъ... съ чумаками по степи... траву косилъ, снопы возилъ... Спрашиваю: „Не признали, земляки, Гетмана?“ — „Да неужели это ты, Гетманище?“ — кричатъ. — Ну, и спалила же тебя степь-то!.. Гдѣ жѣ тебя Богъ посылъ?“ — „А въ степи, — говорю, — гулялъ, траву косилъ, галушки ѣлъ, горілку пилъ...“ — „Ну, а теперь что жѣ, Гетманъ, — спрашиваютъ, — опять въ Элладу?“ — „Въ Элладу“, — говорю. — „И какая эта бісова сила тебя съ Элладой

свела?— „А потому,—говорю,—панове, что такой я историчный человекъ родился... Какъ быть Гетману не историчнымъ? Это и батько зналъ... „Будеть,—говорить,—пань съ тобой, Хомко, свиней гонять съ несуматыми хлопцами да съ матерью, какъ тотъ теленокъ, пѣжиться... Не па то мы съ тобой были рождены... Ёдемъ въ городъ, въ науку... Не умру безъ того, чтобы тебя богатымъ да важнымъ паномъ не видать... Слышишь, Хомко? Коли отъ науки убѣжишь или прогонишь за лѣность, коли поганымъ хлопкомъ доведется моему сыну быть, своею рукой на глазахъ у матери пристрѣлю!..“ Какъ сказалъ да стукнулъ кулакомъ, такъ у насъ съ матерью поджилки затряслись... Мы знали: батько шутить не любилъ... Ну, думаю, пане, коли ужъ наука, такъ така, щобъ по душѣ была... А що жъ Гетману по душѣ, якъ не исторія?.. Вотъ такъ-то и угодила я въ Элладу... А батько все ждетъ, что Хомка сначала панъ-судья будетъ, а потомъ и самъ панъ-губернаторъ... Такъ вотъ, говорю, панове, какъ дѣло шло!— „Ну, изъ губернаторовъ тебѣ прямая дорога въ гетманы!..“ Шутимъ, разговорились, сталъ я имъ про степь рассказывать, да и запѣлъ... А вы знаете, пане, какъ я пѣсни пою: все, думаю, въ степи, забываюсь... Гляжу, а надо мной ужъ и небо украинское засинѣло... степнымъ цвѣткомъ запахло... вѣтеръ въ лицо пахнулъ... А вотъ у номері ужъ и стѣны пропали, одна степь стала безъ конца и границъ нѣтъ... „Оце такъ! гарно!.. Гарно, хлопче“—слышу говорятъ будто близъ меня чумакъ и люлька тянутъ... Отъ костра дымъ бѣжитъ по степи... въ котлѣ кулишь варится... „Гарно, хлопче, отъ такъ, земляче!..“ Гляжу, а предо мной въ дверяхъ и точно хохоль стоитъ, настоящій: усь сѣдой да длинный, свита, изъ-подъ бровей глазами такъ и стрѣляетъ въ меня, и люлька въ зубахъ... „Ото-жъ вишь самый я есть, земляк!—закричалъ хохоль,—найшовъ, найшовъ!.. Иди до мене, дытино! Иди у мій нумерь!.. Чего, дытино, хочешь? Сала?.. И сало есть... Грѣшей?.. И гроши есть!.. Усе есть... Иди до мене, потішь старого!.. Всю Москву обігавъ, усе пытавъ, якъ тутъ наши хлопцы живутъ... А вотъ и найшовъ!.. Чувъ я тутъ, хлопче, що хаты не ма?.. Такъ иди жъ до мене жить!.. Одинъ я тутъ, якъ той дубъ у степу: ни жинки, ни хлопцівъ нема... Хе!.. Одинъ

старый загулявъ!.. Потішь старого... Я тобі сала буду давать, а ты мене наукамъ учи, та пісни украински співай! Ну, хочеш до земляка идти, хлопче?..“ — „Что жъ,—говорю,—землякъ, должно такъ тому быть: сама судьба насъ свела...“ Съ того мы съ нимъ и сжились якъ двѣ вербы край дороги... Да, пане, судьба!—совсѣмъ неожиданно какъ-то заключилъ мой Гетманъ и, остановившись, снова сталъ смотрѣть на небо. — Хорошо!—проговорилъ онъ.—Вотъ у насъ на Украинѣ такія ночи по лѣтамъ: темныя, а звѣздныя... Вы бывали, пане, на Украинѣ? Побывайте... Другое почувствуете... Главное, думается лучше... Ляжешь на степи, смотришь въ небо, а на душѣ такъ мягко становится... И полюбишь всѣхъ... И обнялъ бы всю громаду... И, кажется, жизнь бы ей отдалъ... А всего тебя на просторъ тянетъ, сердце словно изъ клѣтки на свободу вырваться хочетъ!.. А тутъ, пане, не могу я... Морозъ здѣсь... И звѣзды горятъ, да не грѣютъ,—тепла нѣтъ...

— О, какой же вы хохоль, Гетманъ! Скажите мнѣ, отчего это вы все тоскуете?—спросилъ я, когда мы опять двинулись вперёдъ.

Гетманъ пристально посмотрѣлъ на меня изъ-подъ своей сивой барашковой шапки, низко спустившейся на лобъ, и сказалъ:

— А знаете, пане, отчего?

Онъ задумчиво помолчалъ съ минуту, опутивъ голову, какъ будто не рѣшаясь что-то высказать даже самому себѣ.

— Я вамъ скажу, пане, отчего: дідъ мене кличе до себе!.. Вотъ отчего... Дідъ у меня былъ, бравый такой казачина, рослый да сурьезный, ходилъ по-старинному, чуть что не оселедецъ на маковницѣ носилъ. Жили мы тогда всѣ на своемъ хуторѣ: дідъ да два его сына—отецъ мой и дядько; дідъ всему былъ голова и крѣпко въ рукахъ держалъ своихъ сыновей... Ну, и была жъ тогда у насъ на хуторѣ полная чаша!.. Только что въ то время отъ пана отошли... Громада любила и уважала діда,—на хуторъ то и дѣло народъ шель къ диду за совѣтомъ. Къ тому же времени у нашей громады только что большое дѣло съ паномъ нашимъ кончилось, а дідъ тѣмъ дѣломъ правилъ. И дідъ былъ доволенъ,—такъ доволенъ, какъ, можетъ быть, никогда въ жизни! Сидитъ онъ у своей хаты подъ вербой, люльку сосетъ, да усь поглаживаетъ, за-

ломивъ на затылокъ шапку, и чортъ ему не братъ!.. А мы, бывало, хлопцы, около его штановъ трѣмся, промежъ ногъ лазимъ, пока матери въ поляхъ убираются. И любилъ я, пане, нашъ хуторъ такъ, что послѣ матери ничего такъ не любилъ!.. Не знаю отчего: оттого ли, что я малъ былъ, горя не видалъ еще, или оттого, что къ природѣ я такой чувствительный,—а вы не повѣрите, теленкомъ ревѣлъ я надъ нашею вербой, подъ которой дѣдъ сиживалъ, когда пришлось уѣзжать въ городъ... И все-то мнѣ тутъ было мило: и хаты наши, и дѣдъ, и вишневый садъ, и Дибиръ, и громада наша, и самый воздухъ этотъ — мягкій и нѣжный, якъ материна ласка... Есть, значитъ, въ этомъ, пане, что-то непобѣдимое, вѣчное, какъ сама природа... И никакою, пане, риторикой этого не вытравить!.. Только развѣ черезъ цѣлыя поколѣнія, которыя вырастивъ въ другихъ условіяхъ, вытравивъ ты *это*... Не знаю, понимаете ли вы меня, пане? — какъ-то задумчиво спросилъ Гетманъ и помолчалъ.

— Нѣтъ, не вытравить,—продолжалъ онъ, какъ будто отвѣчая самому себѣ.— И борюсь я, пане, противъ *этого*, и много мнѣ за него отъ товарищей достается, и самъ я, умою-то холоднымъ, иногда чую, что не надо *ему* поддаваться, а есть что-то надо мной, пане, высшее, непобѣдимое, въ чемъ я не могу убѣдить другихъ и не въ силахъ *этого* передать, какъ не въ силахъ влить въ нихъ свою кровь... Но что *это* такое, пане?

— Гетманъ,—сказалъ я, невольно обращаясь къ нему, какъ къ наивному ребенку, съ отглагольнымъ сожалѣніемъ,—это просто... землячество,—то, чѣмъ заражены всѣ хохлы. Неужели вы этого не знаете?

Гетманъ отрицательно покачалъ головой.

— Нѣтъ, пане, это не то... не только то... Сядемте здѣсь, — сказалъ онъ, когда мы проходили однимъ изъ бульваровъ. Мы сѣли на скамью. Гетманъ задумался: очевидно было, какой-то вопросъ крѣпко тревожилъ его умъ и сердце, и никогда еще не былъ онъ такъ разговорчивъ, какъ сегодня.

— Такъ вотъ про дѣда я вамъ доскажу. Мой батько давно ужъ не полюбилъ наше житье. Не будь дѣдъ такой крутой и крѣпкій въ своей власти, батько давно бы ушелъ отъ него. Почему онъ не полюбилъ деревню, трудно сказать: или хотѣлось ему лучшей, свободной доли, или

онъ былъ по натурѣ тщеславенъ, или обидѣла его громада чѣмъ... Бывало, какъ дѣдъ начнетъ намъ, хлопцамъ, рассказывать про громаду или про украинское казачество, о которомъ онъ много зналъ, самъ любилъ слушать и говорить,—отецъ или станетъ подсмѣиваться надъ дѣдомъ, или уйдетъ. Можетъ быть, и оттого это было, что ужъ другой жизни онъ повидалъ, панской: еще до воли онъ мальчикомъ жилъ у пана въ дворѣ. Такъ ли, иначе ли, только однажды отецъ вернулся изъ города и объявилъ дѣду, что хочетъ совсѣмъ перебраться въ городъ, что старый панъ обѣщалъ ему мѣсто дворецкого. А нашъ панъ былъ чуть не магнатъ; выгодное было мѣсто. Дѣдъ разсердился, до того разсердился, что схватилъ съ головы шапку и ударилъ ею оземь.—„Ну, коли такъ, иди жъ видъ мене босый и голый: нема тобі ничего!“—крикнулъ дѣдъ. Чувалъ дѣдъ — парунится нашъ хуторъ; пойдетъ все врозь, уменьшится достатокъ, потому что дядя мой былъ большой, смирный, лядящій человекъ, а самъ дѣдъ старѣлъ все больше; чувалъ дѣдъ, что пропадаетъ слава его крестьянскаго рода и некому быть ему на смѣну...

Горько было дѣду, да нечего было подѣлать: мой батько былъ крутъ и упрямъ, якъ и самъ дѣдъ. Собрались мы уѣзжать... Вотъ же я плакалъ съ мамой около вербы, такъ что и дѣдъ засопѣлъ, захлипалъ, а это рѣдко съ нимъ бывало. Уѣхали мы въ городъ, въ панскій домъ, но отецъ по лѣтамъ отпускалъ меня къ дѣду... Тутъ я ему всѣ жалобы свои приносилъ... „Дѣду,—говорилъ,—батько меня въ науку хочетъ сдать, хочетъ, чтобъ я настоящимъ паномъ сталъ. Будетъ, каже, тебѣ съ хлопами жить... А я, дѣду, не хочу въ науку, не хочу паномъ быть,—я, дѣду, до тебѣ утечу...“—„Э, дитино, не дѣлай этого,—говорилъ дѣдъ,—отъ ученья не бѣгай... Велике то діло—ученье, самъ я знавъ... Коли бъ, дитино, да намъ бы отту науку, такая ли бъ наша громада была!.. Э!.. Отъ горе: забудешь ты дѣда, усіхъ насъ забудешь... Э!.. Я это тоже узнавъ... Біжить отъ насъ наученный человекъ, біжить усе въ городъ: какъ тільки-що, такъ и ушелъ... Такъ-то, дитино, вотъ чего я плачу!.. Хе!.. Посмотрю-ка я и теперь нашу громаду: стары громадяне або повирали, або постаріли, грамотный въ городъ біжить, якъ твій батько, до панства, а богатый

дурень жиріе мовъ кабанъ, та силы набирайтесь... Эхе, дитино! Ось воно куды веде, куды ріка течет!.. — „Нѣтъ, дѣду, — говорю, — я тебя не забуду... И хату нашу не забуду, и вербы, и Дигіпръ, и громаду...“ — „Э, серденько, не кажи слова не помолясь: забудешь!..“ И увидалъ я, какъ у дѣда потекли по усамъ слезы... И я заплакалъ...

Вдругъ Гетманъ что-то вспомнилъ и прервавъ свой рассказъ, сталъ смотрѣть вверхъ и что-то искать на небосклонѣ.

— А что, пане, вы знаете разбирать звѣзды? — спросилъ онъ.

— Нѣтъ, плохо...

— Вотъ дѣдъ мой былъ на это чело-вѣкъ ученый: онъ все звѣзды по пальцамъ зналъ, — такъ мнѣ тогда вѣрилось, — зналъ, какая звѣзда что означаетъ, что предвѣщаетъ, какъ называется... У него и книга была какал-то таинственная: оракулъ или звѣздочетъ — не помню хорошо... Такъ вотъ въ тотъ разъ, когда я жаловался дѣду, что разлучили насъ, онъ, предъ тѣмъ, какъ спать итти, кликнулъ меня на улицу и сказалъ:

— Видишь ты, дитино, на Божіимъ небѣ вонъ ту звѣздочку? Хорошо она теперь видна, хоть и потускнѣла, а прежде, дитино, куда ярко горѣла, якъ той алмазъ!.... Это моя звѣздочка; подъ ней я родился, съ ней и умру... Такъ вотъ, серденько, когда ты увидишь, какъ эта звѣздочка съ неба сорвется, тогда ты дѣда вспомнишь: это я тебя звать буду... И еще тебѣ скажу: смотри сюда — это будетъ тебѣ Малая Медвѣдица (по ученому такъ прозываютъ); а отъ нея смотри правѣе да пониже, между двухъ близнецовъ, вонъ маленькая звѣздочка, якъ лампадка у Бога свѣтится, — это твоя звѣздочка. И вотъ коли ты примѣтишь, что эта звѣздочка вырастетъ и станетъ якъ хрусталь играть и разгораться, будетъ тогда тебѣ судьба, какой ты не ждешь... А когда и эта звѣздочка съ Божьяго неба сорвется, то ты опять дѣда вспомнишь: значить, на тотъ свѣтъ я тебя зову...

— Удивительное дѣло! — продолжалъ, улыбаясь, Гетманъ, — какіе вздорные пустишки, а какое иногда имѣютъ значеніе. Былъ я, должно быть, уже въ третьемъ классѣ гимназіи. Пришлось мнѣ однажды итти ночью, засмотрѣлся я на небо — и вдругъ показалось мнѣ, что именно эта самая дѣдова звѣзда вспыхнула, вздрогнула и исчезла... Послѣ того я не могъ

уснуть всю ночь. На меня напала тоска. Цѣлыми днями я ходилъ самъ не свой. Всегда я былъ такой впечатлительный... Я рѣшилъ, что это дѣдъ меня зоветъ... И вотъ составилъ я себѣ, пане, совсемъ невѣроятный планъ. Осѣдлалъ я ночью у нашего пана въ конюшнѣ лошадь, изъ кладовой, которая была подъ присмотромъ отца, взялъ казацкую сбрую, себѣ тоже приготовилъ подобіе стараго казакаго костюма, какой, я видалъ на картинкахъ, носили встарину, вооружился пистолетомъ и кривымъ турецкимъ кинжаломъ и потихоньку выѣхалъ за городъ по пути къ нашему хутору. Чѣмъ я воображалъ себя, зачѣмъ я ѣхалъ — я хорошенько теперь не помню, но знаю только, — я не сомнѣвался, — что ѣду по вызову дѣда на какое-то важное, большое дѣло, въ помощь ему. Я очень хорошо помню, что въ ночномъ мракѣ мнѣ рисовалась наша громада, вооруженная, шумная: кто еще заносилъ ногу въ стремя, кто еще прощался съ матерями, женами, дѣтьми, кто уже, изъ такихъ же молодыхъ хлопцевъ, какъ я самъ, носился вдоль улицы, пробуя свою удачу... Но все еще кого-то, какъ думалось мнѣ, ждали: это ждали дѣда и меня, — и я торопилъ своего коня. Когда, раннимъ утромъ, подѣхалъ я къ селу, конечно, ничего подобнаго не было: все спало мирно, тишь была невозмутимая, туманъ поднимался съ балки... И только, когда заржала моя лошадь, изъ степи донеслось въ отвѣтъ такое же ржанье. Я подумалъ, что сборъ громадъ еще не назначенъ и подѣхалъ къ нашему хутору, стреножилъ тутъ своего коня и пустилъ на траву, а самъ пошелъ въ хату. Въ хатѣ меня встрѣтила тетка. Она была такъ сильно озабочена чѣмъ-то, что даже не обратила вниманія на мой необычный костюмъ, а мой пріѣздъ сочла совсемъ естественнымъ дѣломъ. „Поди, — сказала она, — вонъ тамъ дѣдъ лежитъ... Онъ все объ тебѣ бредилъ“. Все это поддерживало мои ребячьи фантазіи, пока я не увидалъ дѣда: онъ лежалъ худой, изсохшій, блѣдный, покрытый овчиною... Онъ едва призналъ меня. „Это ты, дитино? — говорилъ, — ну, и хорошо, что вспомнилъ, пришелъ проститься... Дай тебѣ Боже счастья!... А мнѣ ужъ умирать пора“. Я былъ такъ пираженъ, что стоялъ, какъ дуракъ, ничего не понимая. Тетка шепотомъ спросила меня: — „Или кто вамъ изъ нашихъ въ городъ извѣстилъ, что

дідь помпраєть?" Тутъ я понялъ все и заревѣлъ. Дома меня, конечно, скоро хватились и еще скорѣе догадались, что я поѣхалъ къ дѣду: все знали, какъ я тосковалъ эти дни. Отецъ прїѣхалъ замной, но вмѣстѣ и на похороны къ дѣду. Онъ былъ такъ пораженъ моимъ страннымъ предчувствіемъ, что на этотъ разъ ничего не сказалъ мнѣ. Но постѣ... Случилось такъ, что мой батько крѣпко поссорился съ паномъ и панъ его прогналъ. Батько сильно огорчился: все его мечты, якъ дымъ, разсѣялись... Приходилось покинуть городъ, и вотъ все мы снова переселились на хуторъ, сначала къ дядѣ, а потомъ на свой участокъ. Постѣ этого удара батько словно изъ ума вышелъ, а праву его удержу не стало; все его раздражало и злило, каждая мелочь: сталъ онъ бить мать, меня, брата, сестру, поссорился съ дядей и теткой, перебранился съ сосѣдями, съ рабочими, а громадѣ и не показывался, отъ гордости и стыда... Вотъ теперь-то, пане, онъ и припомнилъ мнѣ мое военное путешествіе... Видите ли, брата, который былъ моложе меня, онъ долженъ былъ взять изъ училища, такъ какъ и одного содержать теперь въ городѣ былъ не въ силахъ, да и дома для работы на хуторѣ нуженъ былъ помощникъ. Но меня взять изъ гимназіи онъ не рѣшился, за то сказалъ мнѣ такъ, что у меня и теперь по спишѣ мурашки бѣгаютъ: „Слышь, Хомко, если ты, дурень, задумаешь еще разъ такъ убѣжать изъ ученья, какъ сбѣжалъ къ дѣду, если ты не будешь панъ, лучше самъ умри раньше!“

Гетманъ порывисто смолкъ, поднялся и сталъ задумчиво ходить возлѣ скамьи. Потомъ, остановившись противъ меня, онъ вдругъ заговорилъ до того измѣнившимся тономъ, что я не узналъ Гетмана: всегда медлительный, тихій, скупой на слово, какъ малорусскій мужикъ, онъ теперь говорилъ оживленно, быстро, какъ будто торопясь сразу излить все, что долго-долго копилось, перерабатывалось, пережигалось въ скрытомъ огнѣ его души.

— Знаете ли, пане, какъ трудно идти противъ строя натуры? Нѣтъ, вы не знаете, да и вообще мы объ этомъ мало думаемъ... А это такія муки, такая борьба, пане... Вы не переходили изъ одного строя жизни въ другой? Ну, вы не можете знать этихъ мукъ. Иногда намъ какъ будто и кажется, что рядомъ логическихъ доказательствъ мы убѣдили

себя и другихъ поступать иначе, чѣмъ куда влечетъ насъ строй нашей натуры. Но это—миражъ, пане, самообманъ... Мы только декорацію мѣняемъ, только обходимъ влеченіе и требованіе натуры,—пу, можетъ статься, заглушимъ на время, но она все равно скажется, только ужъ скажется въ такихъ скрытыхъ и мучительныхъ формахъ, что мы будемъ думать, что эти муки зависятъ отъ какихъ-нибудь другихъ причинъ. А это только сила строя, въ которомъ ваша натура воспиталась... Сколько мы, пане, видимъ спившихся, душевно-больныхъ, мизантроповъ, самоубійцъ изъ среды тѣхъ, которые, казалось бы, совсѣмъ, совсѣмъ застрахованы отъ этого: и воспитаны они, и образованы, и въ условіяхъ благоприятныхъ для преуспѣянія всякаго прожизиваютъ... и другіе видятъ, и сами они, головнымъ образомъ, убѣждены, что ихъ положеніе наилучшее для нихъ,—а вотъ гибнуть... Мы думаемъ объяснить это по разному: и то придумаемъ, и другое (возьмемъ, напримѣръ, да и прикажемъ, чтобъ бѣлая кость была всегда бѣлою, а черная чтобы всегда была черною и чтобъ одна къ другой не тянулась; и думаемъ, что этимъ все зло излѣчимъ), а вемотрѣться повнимательнѣе въ строй натуры, объ этомъ мы не думаемъ... А онъ свое возьметъ, возьметъ свое, а за то, что гнуть, увѣчать и убиваютъ его, онъ заплатитъ такими муками, пане, отъ которыхъ сердце содрогнется!...

— Что вы говорите, Гетманъ? — сказалъ я.—Вѣдь это фатализмъ!

— А что же, пане, можетъ-быть и фатализмъ... Да, фатализмъ—сама исторія, пане, больше ничего!—проговорилъ онъ съ особымъ оживленіемъ, какъ будто радовался, что нашлось такое простое выраженіе для его мысли.

— Вѣрно ли это, Гетманъ?—усомнился я.

— Вѣрно ли?... Такъ вѣрно, какъ то что въ моей груди мое собственное сердце бьется,—проговорилъ онъ съ такою силой убѣжденія, что я невольно взглянулъ на него. — Нѣтъ, пане, вы этого знать не можете,—отвѣчалъ онъ на мой удивленный взглядъ.—Еслибъ вы, пане, знали это,—сами бы его и почувствовали... Эти муки,—проговорилъ онъ тихо, помолчавъ и снова усаживаясь рядомъ со мной.—Вотъ какъ, пане: судьба!

— Я не зналъ, что вы такой философъ, Гетманъ, да еще и мистикъ.

— Какой я философ! Простая хохладская натура, непосредственная... Маленький я человек, такой же маленький как моя звездочка... Кончу курс, зашлють меня куда-нибудь в городок, наденут мундир... потяну лямку... ну, и...

Голос у Гетмана дрогнул, в горле у него как будто что-то осеклось, он не договорил и стал глядеть поверх деревьев. Малая Медведица как раз была перед нами и Гетман долго смотрел на свою звездочку. Я снова начал опасаться за приступ хохладской меланхолии, а потому предложил Гетману отправиться дальше и спросил его:

— Ну, как же вы теперь замечаете за собой, Гетман: забываете вы постепенно дѣла все больше, или нѣтъ?

Гетман приостановился и сначала в недоумѣнии посмотрел на меня, как будто его самого поразило этот вопрос, но затѣм он, что-то вспомнив, весело отвѣчал:

— Да я же вам говорил, пане: дѣла мене кличе до себя!

И он лукаво улыбнулся мнѣ.

— Не вѣрите? Правда, пане,—продолжал он,—вот по ночам так и грезится—кричит дѣла: „Э, дытино! забудь дѣла, забудь!“—„Какъ, говорю, забылъ? Съ чего это ты взял, дѣла? Это потому ты так говоришь, дѣла, что ты необразован... Развѣ я только тѣм могу служить тебѣ, что около тебя, как теленок, тереться буду? Эхъ, дѣла, много ты не понимаешь... Вѣдь, я могу, и паномъ будучи, говорить за тебя другимъ, важнымъ панамъ, а они, глядишь, и полюбятъ тебя, и... Вотъ буду я учителемъ, буду юношамъ говорить о тебѣ, о твоей долѣ и недолѣ, о твоихъ радостяхъ и горестяхъ, я воспитаю для тебя... (а можетъ-быть и сошьюсь, пане—этого тоже впередъ сказать нельзя,—неожиданно вставил он какъ бы мимоходомъ). Говорю я, а дѣла знай себя кричить: „Э, дытино, забудь дѣла. А у дѣла ужъ злые вороны очи клюютъ. А вокругъ дѣла худая трава выше пояса растаетъ!...“—„Дѣла, дѣла! — кричу я ему,—еслибъ ты зналъ, какъ я мучаюсь за тебя... Погоди, дѣла, потерпи... Вотъ ужъ мы, паны, слава Богу, начинаемъ объ тебѣ вспоминать и у насъ къ тебѣ сердце открывается.“—„Э, дытино! хоба-жъ я, спаси Боже, що маю противъ хорошаго паньча? Э! дай ему Боже до-

браго здоровья и долгой жизни... А я того горюю, дытино, що не йде никто на підмогу дѣла... А що паньчи, то и Господь съ ними: може они що и лучше насъ придумаютъ... А що нѣтъ на підмогу дѣла своего человека, то кто-жъ это лучше мене знае и чуе?“—Вотъ мы какіе, пане, съ дѣломъ разговоры по ночамъ ведемъ,—заклучилъ онъ.

— А поди мой землякъ заснулъ ужъ,—прибавилъ Гетманъ.—Идемте, пане, поскорѣй... Что-то, гляжу я, дѣлается неладное со мной: съ чего рассыпался, якъ той горохъ по дорожѣ?

Гетманъ, дѣйствительно, какъ будто испугался своей необычной разговорчивости; онъ, какъ улитка, быстро ушелъ въ себя и „хохладская меланхолия“, повидимому, окончательно оковала его.

III.

Мы тихо и молча вошли въ маленький номеръ грязноватыхъ и дешевенныхъ меблированныхъ комнатъ, въ которыхъ проживалъ Гетманъ съ своимъ землякомъ.

— Это вы будете, панъ Гетманъ?—кто-то окликнулъ насъ изъ глубины полутемнаго номера и тотчасъ же сердито и нетерпѣливо плюнулъ.

— Это я, землякъ,—отвѣчалъ Гетманъ. Пока они переговаривались, а я раздѣвался въ маленькой передней, отдѣленной рѣденькою занавѣскою, я успѣлъ разглядѣть въ глубинѣ номера лежавшаго на диванѣ пожилого человека; диванъ былъ очень коротокъ, почему онъ поджалъ подъ себя ноги такъ, что колѣни чуть не касались груди. Онъ курилъ люльку; сѣдые волосы на головѣ у него были подстрижены и торчали какъ солома на жнивѣ, что еще болѣе придавало ему мрачный видъ. Онъ, дѣйствительно, казался удрученнымъ и грустнымъ.

Мы вошли. Землякъ Гетмана, очевидно, ожидалъ увидать только своего сожителя и, замѣтивъ меня, долго, не измѣняя положенія и суроваго взгляда, вематривался въ мою фигуру. Но вдругъ, что то сообразивъ, онъ быстро спустился съ дивана колѣни, поднялся и, пыхнувъ наскоро раза два въ трубку, проговорилъ: „Хе!“—и мелькомъ подмигнулъ Гетману. По его лицу мгновенно пробѣжала та добродушно-хитрая улыбка, которая такъ свойственна хохлу и которая, разъ появившись, мѣняетъ его настроеніе.

Старикъ спряталъ въ карманъ трубку и, смотря съ улыбкой то на Гетмана, то на меня, спросилъ:

— Се той самый панъ-управитель буде?

— Онъ самый, землякъ, — отвѣтилъ Гетманъ.

— Хе! — откашлялся старикъ, — оце добре!.. Могу, пане, и себя рекомендовать: одиодворецъ Полуботокъ, хохоль, землякъ ему, тільки що прямо зъ Украйны, якъ дытына изъ материной утробы... Хе-хе!..

Старикъ какъ-то сразу повеселѣлъ и оживился; онъ всталъ посреди комнаты, разставилъ ноги въ широкихъ шароварахъ и порыжѣлыхъ, давно немазанныхъ сапогахъ, вынулъ опять изъ одного кармана своего казакиша люльку, изъ другого — кисеть съ табакомъ и сталъ набивать, улыбаясь и склонивъ голову набокъ. Онъ молчалъ и покрывалъ, какъ будто никакъ не могъ сразу подыскать подобающую матерію для начала разговора. Наконецъ, закуривъ трубку, онъ вдругъ и рѣшительно сказалъ:

— Ну, що-жъ, пане, горілку будемъ пить, або чаемъ баловаться, щобъ ему пусто було!.. Не люблю я эту пустую траву!.. Лучше горілку?.. Да? Ну, горілку, такъ горілку!.. Посылай, дытыно, по горілку... да й пива прихвати, щобъ було чимъ зашити!

Гетманъ пошелъ посылать въ лавку, а старый хохоль сѣлъ противъ меня на стулъ, разставивъ во всю ширину своихъ шароваръ ноги, и, хитро посматрѣвъ на меня съ улыбкой изъ-подъ густыхъ бровей, сказалъ:

— Ну, що-жъ, пане, будетъ що зъ Москвы, або таки ничего й не буде?

Я былъ изумленъ, конечно, такимъ неожиданнымъ вопросомъ и взглянулъ на него.

— Чего же вы, панъ Полуботокъ, хотите?

— Чего я хочу?!.. Хе!.. Я хочу знать, панъ-управитель, будетъ що зъ Москвы, або-жъ снова мнѣ, старику, въ хату залѣзати, да на печь подъ бокъ къ жинкѣ заливаться?.. А панъ?

— Не знаю, панъ Полуботокъ, чего вы отъ Москвы ждете?..

— Хе! Вотъ то-то и есть, панъ-управитель, что вы не знаете, чего я жду!.. Я вамъ, пане, пожалуй, скажу, чтобъ вы знали... Что, панъ Гетманъ, готово? — спросилъ онъ возвратившагося Гетмана.

— Готово, землякъ.

— Оце добре!.. Ну, панъ-управитель, выпьемте жъ по чарці горілки!..

Мы выпили. Выпилъ и Гетманъ, но тотчасъ же забрался хмуро въ самый темный уголь. Это, повидимому, замѣтилъ его землякъ и сердито потрясъ головой.

— Э!.. Не хорошо, панъ-управитель, не ладно у васъ на Москвѣ, — сказалъ онъ.

— Что же такое вамъ не нравится, панъ Полуботокъ?

— А чего хмурится хлопецъ, якъ той волкъ?.. Э!.. У насъ того и дома багато... Пійшовъ на Москву, такъ гадаю: Москва усеі Россіи голова — отъ де люди живутъ по-людски!.. Чого люди на Москву бігуть?.. Дай попытаю: може тамъ и справді якъ люди живутъ, да и насъ, дурней, поучать... А що найшовъ?.. Одно тільки, що по улицамъ товкуться швидко да бігають, якъ ті жиды за грошима... Бігають бігають цілий день білий, а тамъ усе по угламъ разбігуться, въ одиночку, да и спать!.. Вотъ то и Москва... Да у насъ того и на селі багато!..

— А чего жъ бы вы хотѣли, панъ Полуботокъ?

— Вотъ то и догадайтесь, пане, чего я хочу?.. Мені жинка тежъ каже: — „И чего тобі, дурень, треба?.. Лежи собі на печи, старій, да Богу молись, — отъ тобі и вся треба!.. А я одно кажу: — „Не ладно такъ!.. Э! не ладно!.. Що-жъ, говорю, жинка, хіба такъ и треба валяться на печи, поки ни сгнієшь, якъ той пєсь старій!“ — „Ото-жъ, дурень, — лається жинка. — Сь жиру бѣсишь, старій... Якъ раньше ходивъ на работу, такъ блажъ въ головѣ не заводилась... А вотъ теперь, какъ сыны всімъ управляютъ, такъ и задурилъ старій...“ А я лежу, лежу, да и снова: — „Не ладно, кажу, жинка!.. Э, не ладно!.. Да хіба-жъ такъ люди живутъ, якъ мы теперь?.. Хе!.. Пійдешъ на громаду, — що тамъ?.. Тільки за грошима бігають да бьются цілий вікъ: якъ зародився, тільки и знає... А за гроши одинъ другому яму копає, одинъ другого бігає... Гдѣ на народѣ веселье?... Якъ тільки що — все по угламъ бігають, мовъ кроты... Ото-жъ жизнь!.. Що сь народу зъ того буде? Якого добра ждять?.. Сердцемъ закаменіє... Хе!.. Не такъ, дідъ говорилъ, въ старину жили на Украйнѣ!.. А сь того и народъ былъ иній: бравый, веселый, да сильный, да и сь громады не бігавъ...“ — „А ты собі лежи, дурень, да и Бога моли, що сить, да живь, да

на паньщину не гоияють,—кричить жинка,—дывись що вінъ придумавъ съ жиру!..“ А я усе свое: лежу, лежу, да и зновъ кажу:—„Жинка, кажу, а я надумавъ у Москву сходити: хочу пытать, якъ тамъ люди живуть и намъ зъ Москвы буде що, чи ні?..“ Вотъ-то старуха моя сбѣсилась, якъ то сказавъ!.. А на той грѣхъ и умри у меня у Києвѣ братъ двоюродный!.. Совѣмъ былъ одинокій: дѣвочка одна слѣпая осталась... А былъ богатый: постоялый дворъ держаль... Меня и вызывають до опекунства...— „Ну, — каже жинка, — теперь старый у мене совсѣмъ задурить!..“ Такъ и вышло: поїхавъ сначала до Києва, а тамъ и до Москвы сбѣжавъ... Хе... Вотъ оно що бываетъ, якъ мужику блажь въ голову забредетъ!.. Хе-хе!.. Що-жъ, пане, выпьемте ще по чарці горілки, а?

— Выпьемте, панъ Полуботокъ.

— Ото-жъ гарни!.. Гарно, що вы панъ не спѣсвий!.. Слава Тобі, Боже, що и такого найшовъ!.. А то ужъ и горілки выпить не съ кѣмъ було мужику... Ге!.. Заспѣвай, хлопче, пісню... потишь старого!—крикнулъ онъ Гетману.

Но Гетманъ упорно молчалъ.

Старый хохоль опять недовольно потрясъ головой и самъ замолчалъ, изрѣдка покрѣпкая и стрѣляя изъ-подъ бровей на Гетмана.

— Такъ вы, можетъ, хотите, пане, знать, съ чего такая блажь забрела въ голову старому дурню? — началъ снова панъ Полуботокъ, смачно и аппетитно закусивъ стакань водки, какъ только смачно могутъ закусывать одни хохлы.— А съ того, пане, що такій дідъ у меня былъ... А у моего діда былъ еще дідъ, который такъ давно жилъ, що и паньства не зналъ, и солдатчины не бачилъ... Вотъ какъ давно!.. Ну, и поразказавъ онъ моему діду, якъ тоді люди живали... Можетъ що и прихвастнувъ старый, тай Богъ же съ нимъ, коли ему то, старому, въ утіху было,—добре разказувавъ!

Старикъ снова ожилъ при воспоминаніи о дѣдѣ и долго разказывалъ мнѣ про старое житіе-бытіе на Украинѣ. И что это были за разказы: тутъ и народныя преданія, и отрывки изъ исторій, и украинскія думки, и гоголевскій Тарасъ Бульба,—все смѣшалось во что-то до того прихотливое и невѣроятное, что только наивная непосредственность стараго хохла могла принять все это за дѣйствительную правду... И старый хохоль былъ

такъ увѣренъ въ сущей правдѣ всего этого, что съ восторгомъ передалъ мнѣ всю повѣсть Тараса Бульбы, которую онъ прочиталъ когда-то и принялъ за настоящую исторію... Но вдругъ онъ остановился, посмотрѣлъ на Гетмана и на меня подозрительнымъ взглядомъ и, замѣтивъ, что я улыбнулся на его наивность, онъ сдвинулъ брови и внушительно сказалъ:

— Оттакъ жила громада у той вікъ!.. Хе!.. Не бігали ни старый, ни хлопцы отъ громады... усн тудыназадъ вертались... И було жъ усе у громады: и достатокъ, и веселье, и кобзарь іій пісни спѣвавъ, и музыка въ громаді свій бувъ, и научный хлопецъ у громаді живъ, а не бігавъ до паньства... Вотъ то и весело было и самимъ хлопцамъ и дівчатамъ до вінця идти, и старымъ умирать... Хе!.. Що вы, пане, смієтесь? Можетъ вы думаете, що вінъ справді дурень старый и есть, що правду каже про его жинка!.. Э!.. И старый хохоль выдавъ виды: бувъ и я у науки, до цифири и грамоты дошелъ, да убігъ... до дому, бо баловень бувъ великій... Ну, и сказали мнѣ: такъ сиди жъ себѣ дома, да роби, коли счастья не понимаешь!.. А я, дурень, ждавъ, що за мною и всѣ хлопцы, що у науки были, до громады прійдуть... Ждавъ, ждавъ, да вотъ ужъ и въ гробъ ложиться пора старому, а вінъ никого не дождался... Свои два хлопца въ науку ушли—и тѣ запропали...

Онъ тихо подошелъ къ Гетману и ласково сказалъ, какъ своему ребенку, положивъ ему на голову руку:

— Що-жъ, дитино, потишь старого. Заспѣвай мени пісню...

— Не просите, землякъ, не могу я теперь спѣвать вамъ пісень,—проговорилъ какъ-то глухо Гетманъ.

Вдругъ старый хохоль утеръ кулакомъ глаза, отвернувшись въ уголъ, и угрюмо замолчалъ.

Молчалъ упорно Гетманъ, молчалъ и я. Что-то гнетущее было въ этой наступившей внезапно тишинѣ. Какая-то туга натянутая струна лопнула—и замерла. Чувствовалось, что въ отвѣтъ ей не было ни у кого изъ насъ ни отклика, ни утѣшенія, а праздное слово было бы только дикимъ и грубымъ ударомъ по больному мѣсту.

Я скоро распрощался и ушелъ.

Всю дорогу до дому я думалъ о Гетманѣ. Личность этого юноши, неожидан-

но, въ теченіе двухъ-трехъ часовъ, освѣтилась для меня съ такихъ сторонъ, о которыхъ я не могъ раньше имѣть никакого представленія: онъ стоялъ предо мной воплощеніемъ именно какой-то фатальной, непобѣдимой логичности. Я почти не сомнѣвался, что не нынче—завтра, не въ этотъ годъ, то въ слѣдующій, не въ разсвѣтъ своей жизни, то въ концѣ онъ совершитъ какой-нибудь необычайный, но неотвратимо-логическій для его натуры поступокъ.

Я шелъ, все думая о немъ, и совершенно непроизвольно иногда оборачивался назадъ и искалъ глазами Малую Медвѣдицу...

Дѣйствительно, поступокъ (или „проступокъ“, какъ, можетъ быть, назовутъ другіе, подобно „проступку“, совершенному имъ въ формѣ воинственнаго путешествія къ дѣду), на который онъ рѣшился, превзошелъ всѣ мои предположенія; онъ былъ поразителенъ именно по своей жизненной, а не отвлеченной послѣдовательности и запечатлѣнъ какою-то почти дикою, своеобразною оригинальностью.

IV.

Прошло довольно много времени, прежде чѣмъ я увидалъ Гетмана. Я все поджидаль, что онъ придетъ ко мнѣ, но онъ не приходилъ, а въ номерѣ, въ которомъ онъ жилъ съ землякомъ, уже давно не было ни его, ни стараго хохла. Наконецъ, какъ-то вечеромъ, возвратившись домой, я засталъ Гетмана у себя въ кабинетѣ. Онъ медленно ходилъ изъ угла въ уголъ, подергивая задумчиво свой длинный усъ, въ ожиданіи меня. Онъ похудѣлъ, былъ блѣденъ и хмуръ, какъ послѣ долгой болѣзни, и весь какъ-то постарѣлъ.

Я невольно воскликнулъ:

— Гетманъ! Да вы ли это? Вы были больны?

— Нѣтъ, пане, тѣломъ не болѣлъ...

— А душой?

Онъ не отвѣчалъ.

— Давно я у васъ, пане, не былъ... Не стоило ходить,—Гетманъ все тосковалъ... Плохо Гетману было... А вотъ теперь пришелъ прощаться, пане...

— Куда же вы?

— Пока до дому... Я, пане, въ солдаты иду... за брата... У брата семья... Батько померъ... Весь хуторъ теперь на

братъ... Маты кормить... сестру убогую... Вотъ видите, пане, какъ же это можно: онъ пойдетъ въ солдаты, всю семью побросаетъ, а я буду по льготѣ гулять? Вѣдь, несправедливо это?.. Не такъ ли, пане?.. И, притомъ же, ежели я справлю солдатчину, мнѣ всего два года служить, а ему, пане, цѣлыхъ пять... Что жъ съ нашимъ домомъ и семьей будетъ?.. Хорошо ли такъ это дѣло оставлять?.. Вѣдь, нехорошо, пане?—спрашивалъ Гетманъ и въ то же время проникательно и какъ-то вызывающе смотрѣлъ мнѣ въ глаза.

— Позвольте, Гетманъ, — сказалъ я, совершенно изумленный, — тутъ что-нибудь не такъ, или я не совсѣмъ понимаю... Вы какъ-то странно говорите...

— А що, пане, вы не можете понять?

— Значитъ, вы здѣсь все теряете?

— Можетъ быть, пане...

— Отправите солдатчину, а потомъ?..

— До дому... въ свою громаду, пане... Помните, пане, я вамъ говорилъ, що мене дідъ до дому зове?.. Такъ и сдѣлось...

И Гетманъ улыбнулся.

— Гетманъ!—вскрикнулъ я,—что вы дѣлаете? Вѣдь, вы губите себя!..

— Можетъ и погибну, пане... Цю-жъ, пане, хоть и погибну, тѣлько бѣ за доброе дѣло...

— Вѣдь, вы погибните безъ слѣда, въ неизвѣстности... Обдумали ли вы все это?

— Пане, видите вы, каковъ я сталъ?

— Да, Гетманъ, вы нехороши...

— Захирѣю я здѣсь, пане... Все одно... Думалъ я, пане, думалъ до того, что волосъ посвѣдѣлъ: пойду я направо — коня потеряю, пойду налѣво — самъ погибну...

Мы оба замолчали. Я пытался еще отговаривать его, но это было повтореніе одного и того же. Онъ слушалъ молча, все подергивая свой усъ.

— Нѣтъ, пане, вы не отговаривайте меня,—наконецъ, сказалъ онъ, подымаясь.—Здѣсь и безъ Гетмана пановъ много... Почему, пане, знать: може и Гетманъ не сгине даромъ?

— Дай вамъ Богъ счастья, Гетманъ,—сказалъ я, но мнѣ было грустно,—путь, выбранный Гетманомъ, слишкомъ выходилъ за обычныя рамки жизни и, конечно,

былъ преисполненъ суровыхъ случайностей. И Гетманъ, повидимому, замѣтилъ это. Онъ что-то хотѣлъ сказать, но только покачалъ головой и торопливо сталъ собираться уходить.

— Прощайте, пане, — проговорилъ онъ, — не забывайте насъ, а мы васъ не забудемъ.

— Гетманъ, подумайте еще! — сказалъ

я уже въ дверяхъ, крѣпко пожимая ему руку.

Но онъ словно испугался меня, махнулъ рукой и вышелъ, оставивъ меня за дверью.

И мнѣ осталось только, какъ тургеневскому Увару Ивановичу, поиграть перстами и устремить въ даль загадочнаго будущаго свой блуждающій взоръ.

1888 г.

КАКЪ ЭТО БЫЛО.

ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ О «ДѢТЯХЪ ОСВОБОЖДЕНІЯ».

ВЪ СТАРОМЪ ДОМѢ.

Я помню хорошо его, этотъ стар-
рый, дряхлый домъ, колыбель мо-
ихъ дѣтскихъ и отроческихъ
лѣтъ. Вижу я его съ болтающи-

мися на полуоторванныхъ петляхъ за-
кроями, съ побурѣвшими отъ времени
стеклами, проплѣсневѣвшій по угламъ,
ушедшій въ землю, среди ряда другихъ
такихъ же домишекъ, закинутыхъ въ глушь
маленькаго городка. Мало того, что самъ
этотъ городокъ почти не имѣлъ никакой
связи съ тѣмъ, что лежало за предѣлами
его, но и самые эти домишки не были
связаны между собою никакимъ единствомъ
интересовъ и симпатій: каждый изъ нихъ
влечилъ свое жалкое существованіе на
собственный страхъ и рискъ. Всѣ мы,
обитатели этихъ домишекъ, были мелко-
та и — къ добру или къ худу — мы ни-
когда не заглядывали въ тѣ высшіе слои,
гдѣ пировала чиновная бюрократія, раз-
нообразя свою жизнь взаимными подси-
живаніями, интригами и ералашемъ. Пыл-
ная и грязная улица, вся заросшая по
заборамъ бурьяномъ да столѣтними вя-
зами, усаженными вороньими глѣздами, —
вотъ, прежде всего, чѣмъ міръ Божій
показывался намъ. Зато все, что на-
полюило наше дѣтское сердце горемъ или
радостью, что закладывало въ наши души
сѣмя добра и любви, — все это было тамъ,
у семейнаго очага, за покосившимися
стѣнами нашихъ домишекъ. Холодно было
въ нихъ въ суровыя осеннія и зимнія
стужи, голодно было въ тяжелые дни
жизнейскихъ неудачъ, когда родительское
сердце тоскливо пыло и надрывалось въ
когтяхъ нужды, но наивное дѣтское серд-
це и здѣсь успѣвало находить теплый
уголокъ и трепетно забиралось въ него,
и наполняло его поэзіей.

Бывало очень, очень долго тянутся эти
суровые и холодные дни и ночи, — такъ

долго, что даже дѣтскому сердцу, кажет-
ся, не вынести ихъ, и вдругъ откуда-то
прорвется ясный, теплый лучъ, и оза-
рить, и согрѣть душу, и наполнить ее
жаждой вѣры и жизни.

Не знаю почему, — можетъ быть, пото-
му, что они всего чаще встрѣчались въ
моей жизни, — моя мысль, прежде всего,
останавливается на этихъ холодныхъ ве-
черахъ.

Вспоминается отецъ, то въ вицмун-
дирѣ и фуражкѣ съ цвѣтнымъ околышемъ,
вѣчно просыпавшій по утрамъ и пото-
му всегда хмуро торопившійся на служ-
бу или на эту „каторгу“, какъ выражал-
ся онъ, то вижу я его въ старомъ ха-
латѣ, подпоясаниомъ полотенцемъ, какъ
онъ ходитъ въ высокихъ валенкахъ изъ
угла въ уголокъ нашей маленькой залы,
укачивая на рукахъ больного корью или
скарлатиной брата или сестру. А мы
хворали часто: изъ-подъ прогнившаго
пола такъ дуло холодомъ по зимамъ, а
старинныя печи такъ много просили
дровъ.

Я сижу тутъ же, за катехизисомъ, по
мое вниманіе тщетно ловитъ мертвыя
буквы: больная сестренка на рукахъ от-
ца такъ жалобно стонетъ, а тамъ, въ
спальной, грудной ребенокъ надсаживает-
ся и слышится первыя восклицанія боль-
ной матери: „Ахъ, Царица моя небес-
ная! Мученица я, мученица!“ Но вотъ
стонъ и плачь на время стихаютъ; отецъ,
закачавъ больного ребенка, уходитъ въ
свой „кабинетъ“, маленькую холодную
каморку, и я слышу, какъ онъ глубоко
вздыхаетъ... Почему-то этотъ вздохъ и
восклицанія матери меня ужасно терза-
ли: у меня замирало тоскливо сердце и
на глазахъ навертывались слезы. Я зналъ
эти вздохи: тайное предчувствіе уже го-
ворило мнѣ, что за ними послѣдуетъ еще

что-то, тяжелое, глупое, нелѣпое, потому что эти задержанные вздохи, въ концѣ-концовъ, разразятся бурной вспышкой, въ которой выльется вся внутренняя, глухо живущая въ сердцѣ, неудовлетворенность.

Проходить полчаса, и снова начинается падаться грудной ребенокъ, за нимъ стонетъ другой, просыпается третій; снова слышится голосъ матери, тщетно старающейся ихъ успокоить, и, наконецъ, опять первые выкрики: „Да что вы меня одну-то на каторгу оставили? Не слышите вы, что ли? Мучители вы мои!“

— Ахъ, Боже мой, Боже мой,—вздыхаетъ отецъ,—гдѣ же Акулина? позовите Акулину!

— Акулина! Акулина!—кричатъ и мать, и отецъ черезъ сѣни въ кухню.

— О, чтобъ васъ!—чудится мнѣ, какъ сердито ворчитъ кривая Акулина, сползая нехотя съ теплой печи.—Экая жизнь каторжная! Господи! Пресвятые угодники! ни часочку-то днемъ спокою не видишь, да и въ темную ночь глазъ не сомкнешь... Убѣгу, вотъ, ей-Богу, убѣгу на прорубь, да туда и махону... Одинъ конецъ!...

— Акулина!—раздается опять,—да ты оглохла, что ли?

— Иду... О, чтобъ васъ!..

— Да ты что, забыла, къ чему ты приставлена? а?.. Забыла?—перво вскрикиваетъ мать.—Ты зачѣмъ живешь? На печи лежать день и ночь?.. А я здѣсь мучайся... Есть ли въ тебѣ Богъ-то?

— Во мнѣ-то есть,—грубитъ разсерженная Акулина, хватая изъ кровати ребенка и перебрасывая его съ руки на руку, какъ мячъ.—Ну, нишкин, нишкин!.. А вотъ въ васъ-то есть ли,—продолжаетъ она,—есть ли Богъ-то? Я вамъ тоже не на каторгу далась... Думаешь, деньги заплатили въ кои-то вѣки, такъ и со свѣту сжить готовы... У насъ большіе господа были, да и то такой каторги отъ нихъ не видала... А вы еще не Богъ вѣсть какіе господа...

— Ахъ, ты неблагодарная!.. Да какъ ты смѣешь такъ говорить?.. Вонъ съ глазъ моихъ, вонъ, неблагодарная!.. Ее же выкупили, изъ-за нея же въ долги вошли... триста рублей какъ одну копейку внесли... Вонъ, вонъ, чтобы глаза мои тебя не видали!—еще раздраженнѣе кричитъ мать, выхватывая изъ рукъ Акулины ребенка и снова кладя его въ люльку.—Вонъ, вонъ, голубушка! Нѣтъ, послѣ

такихъ словъ... осмѣлилась ты сказать!.. Вонъ, вонъ! Чтобы сейчасъ же и ноги твоей здѣсь не было...

И раздраженная мать толкаетъ ее въ спину за дверь, черезъ сѣни, въ кухню.

— Богъ съ вами, Ивановна, Богъ съ вами, коли моихъ заслугъ не считаете... Воздай вамъ Господь!

И я слышу, какъ Акулина начинаетъ горько всхлипывать.

— Вонъ, вонъ! И знать ничего не хочу!—продолжаетъ кричать мать, выбрасывая за порогъ дырявую, вытертую шубенку Акулины и какіе-то мѣшки. Матушка выталкиваетъ окончательно Акулину за дверь на холодъ осенней ночи.

Я уже давно выскочилъ изъ-за катехизиса и изъ-за двери слѣжу за всѣмъ, что происходитъ между матерью и Акулиной; я чувствую, какъ мое сердце болѣзненно бьется, какъ весь я дрожу, какъ въ лихорадкѣ, между тѣмъ какъ щеки горятъ отъ негодованія, жалости и стыда за мать. И едва только матушка возвращается въ комнату, запыхавшаяся отъ нервнаго возбужденія, какъ я выскакиваю и, задыхаясь, едва выговаривая слова, съ горящими глазами кричу на нее:

— Ты... ты... злая, злая!..

— Вотъ такъ, вотъ такъ,—это мать-то?—говоритъ матушка, вдругъ вся вспыхнувъ отъ неожиданной обиды.—Хорошъ сынокъ! Вотъ такъ дѣти!.. Господи, Царица небесная!.. До чего я дожила? До чего они довели меня!

Я чувствую, какъ въ моемъ дѣтскомъ сердцѣ начинается невыносимая борьба: мнѣ стыдно, горько, что я обидѣлъ матушку (вѣдь, она такая добрая, нѣжная; вѣдь, я люблю ее!), но мнѣ обидно и горько за Акулину, мнѣ жалко ее, меня возмущаетъ такая несправедливость къ ней (вѣдь, и она добрая, вѣдь, она насъ какъ любить!). И, чтобы заглушить эту борьбу, я истерически кричу, съ глазами полными слезъ:

— Впусти ее... Она замерзнетъ!..

— Поди съ глазъ моихъ прочь!.. Ты мнѣ не сынъ!

Но я уже ничего не слышу. Мнѣ представляется, какъ Акулина, эта „старая нянька“, теперь замерзаетъ за дверью, и вотъ я быстро лечу въ сѣни, и, къ удовольствію своему, нахожу Акулину сидящую на порогѣ съ узелкомъ въ колѣняхъ и по особому сморканью заключаю, что она

тихо плачетъ и жива. Я оставляю нарочно отворенною дверь и бѣгу обратно къ матери и, всхлипывая, захлебываясь слезами, бросаюсь къ ней въ колѣни.

— Прочь, прочь съ глазъ моихъ,— кричитъ въ конецъ разобиженная матушка,—ненавижу я тебя!.. Ступай къ Акулинь, ступай къ отцу... Онъ вамъ потатчикъ!.. Что вамъ я?.. Вы все сговорились уморить меня!.. Варвары вы, варвары!.. Что вы со мной дѣлаете? До чего вы меня довели?.. Какую вы мнѣ жизнь устроили? О томъ ли я думала?.. Уйду, уйду отъ васъ къ дѣдушкѣ, пока вы меня совсѣмъ въ гробъ не загнали... Господи, сжался надо мной!

И матушка разражается цѣлымъ потокомъ совершенно искреннихъ слезъ. Плачетъ она, истерически рыдаю я, надъ рывается грудной ребенокъ, за нами плачутъ сестренки...

— Сумасшедшая! Сумасшедшая!—кричитъ внѣ себя отецъ на матушку.—Что ты дѣлаешь изъ дому-то, изъ семьи?.. Вѣдь, это одинъ адъ кромѣшный... Что ты дѣлаешь?.. Ты меня до петли хочешь довести?.. Мало вы изломали мою жизнь?.. Мало ты ее еще загубила?.. Смерти моей хочешь?.. Дождетесь, дождетесь скоро!..

И я чувствую, какъ голосъ отца дрожитъ и онъ глотаетъ слезы; но, чтобы не выдать предъ нами всей глубины своего волненія, онъ быстро скрывается въ свой кабинетъ... А оттуда уже слышится опять прежній вздохъ: „Ахъ, Боже мой, Беже мой!.. Когда же и чѣмъ это кончится?.. Тамъ — безмысленная каторга; здѣсь... да что же можетъ и быть здѣсь иное?.. Ахъ, дѣти, дѣти!.. Что же съ вами будетъ?“

Гроза прошла и все мало-по-малу успокаивается, смолкаетъ. Какъ-то разомъ наступаетъ гнетущая тишина, но я недовѣряю ей. Мое дѣтское сердце еще томить тяжелыя предчувствія, и я потихоньку начинаю осмотрѣть: неслышно заглядываю сначала въ спальню къ матери,—она еще плачетъ, но уже безъ словъ, безъ причитаній, тихо склонившись головою надъ засыпающею малюткой-сестренкой; въ глазахъ ея свѣтятся уже материнская грустная ласка и любовь, побѣдившія раздраженіе и горечь жизни; потомъ я на цыпочкахъ подхожу къ кабинету отца и въ дверную щель смотрю на его убитое, грустное лицо; но на этомъ лицѣ я уже не замѣчаю ничего зловѣщаго, на немъ видится только одна упорная мысль, что надо, надо какъ-ни-

будь жить иначе, не такъ, что такъ жить нельзя... Но какъ?... Я знаю уже, что послѣ этого онъ засядетъ за письменный столъ и будетъ писать какія-то письма къ какимъ-то важнымъ и высокопоставленнымъ лицамъ въ столицѣ, прося ихъ дать ему какой-нибудь „осмысленный трудъ“, увѣряя ихъ, что онъ чувствуетъ въ себѣ и силы, и желаніе отдаться этому труду (впослѣдствіи я много нашелъ этихъ писемъ въ ящикѣ отцовскаго письменнаго стола, вмѣстѣ съ различными благородными проектами и даже литературными статьями и, увы! почти столько же, иногда жесткихъ, иногда доброжелательныхъ, признававшихъ его заслуги и способности, отвѣтовъ съ отказами, сожалѣніями и обещаніями). Теперь я только смутно, непосредственнымъ чутьемъ догадывался о значеніи этихъ длинныхъ писемъ, когда онъ, въ минуты свѣтлаго настроенія, прочитывалъ нѣкоторые изъ нихъ матери. Наконецъ, я пробирался и на кухню, незамѣтно для матери, чтобы справиться о существованіи Акулины, и когда находилъ ее свернувшуюся въ уголку около двери на лавкѣ, совсѣмъ одѣтою и готовою на всякій случай двинуться въ путь, но, тѣмъ не менѣе, спавшею теперь крѣпкимъ сномъ; я успокаивался и ложился спать, какъ и всѣ, съ тяжелою головою, все еще съ тоской на сердцѣ. И мое маленькое сердце никакъ не хотѣло успокоиться и я вслѣдъ за отцомъ спрашивалъ: „Зачѣмъ же все это, зачѣмъ? И что же такое будетъ? Вѣдь, я знаю, что все они, все мы вовсе не злые, что и мама совсѣмъ незлая, что и незлая и Акулина, что и папа не „варваръ“, что и я вовсе не „извергъ“, что, напротивъ, я очень люблю маму... но и Акулину люблю... Вѣдь, бываютъ же дни у насъ, когда всѣмъ такъ хорошо, когда все такъ любить другъ друга... Ахъ, еслибъ поскорѣе праздники!“

Съ этою послѣднею мыслью, усталый, измученный, я крѣпко засыпаю; и вотъ мое дѣтское воображеніе уже рисуетъ мнѣ во снѣ мирныя, безмятежныя, дорогія дѣтскому сердцу картины.

Еще задолго до праздниковъ уже начинается чувствоваться ихъ приближеніе. Не знаю почему, отецъ всегда принималъ, во-первыхъ, видъ особой торжественности, строгой и суровой; во-вторыхъ, несмотря на то, что онъ уже былъ зараженъ нѣкоторымъ свободомысліемъ, по крайней мѣрѣ, сравнительно съ матушкой, жен-

щиной беззавѣтно-религіозной, онъ въ тотъ же день, когда насъ распускали изъ училищъ, бралъ библію или евангеліе, садился въ зальцѣ за большой столъ, и мы всѣ охотно усаживались вокругъ него, и дѣти, и матушка, и даже Акулина. Акулина даже приносила съ собой гребень, скамейку и мочки льна, и ея веретено такъ гармонично всегда жужжало подъ мѣрное и торжественное чтеніе отца. Мы, дѣти, да, вѣроятно, и матушка, и Акулина, далеко не все понимали въ славянскомъ текстѣ божественной книги, а отецъ не считалъ нужнымъ разъяснять намъ, но намъ не было скучно, намъ такъ было отрадно вслушиваться въ мѣрный речитативъ, какъ въ музыку, и еще отраднѣе чувствовать тотъ миръ и душевную теплоту, которую вносили эти книги вмѣстѣ съ собой. Прикорнувъ къ колѣнямъ матушки или Акулины, долго, долго всматриваешься въ лица отца, матери и Акулины,—въ эти внезапно преображенные лица,—и почему-то такъ захочется обнять ихъ и цѣловать,—такъ они вдругъ сдѣлались и добры, и красивы, и свѣжи.

Наканунѣ праздниковъ наша мирная аудитория увеличивается: прѣзжаютъ обыкновенно родственницы матушки, двоюродныя сестры и тетки, съ ея родины, изъ села; прѣзжаютъ и къ Акулинѣ кое-кто изъ ея родныхъ,—то сестры-вѣковушки, то братья, то старичокъ-отецъ. Тогда наши мирныя бесѣды изъ зальцы, послѣ чтенія евангелія, уже переходятъ или въ спальную къ матушкѣ, или же въ кухню, къ Акулинѣ, за теплую большую печь, и далеко за полночь тянутся простые, безхитростные рассказы деревенскихъ гостей.

Наконецъ, праздникъ нашъ достигаетъ полнаго расцвѣта, когда вмѣстѣ съ веселымъ звономъ колоколовъ и цѣлымъ облакомъ пара,—если этотъ праздникъ Рождество,—въ широкоотворенную дверь врывается „нашъ дорогой ополченецъ“, коренастый, лѣтъ подь сорокъ мужчина, въ черкесской папахѣ, черномъ полшубкѣ и валеныхъ сапогахъ... Нашему дѣтскому восторгу нѣтъ конца!... Едва онъ переступаетъ за порогъ зальцы, едва показывается намъ его широкое, румяное, гладко выбритое, съ большими усами и широчайшею, но, въ то же время, дѣвически-стыдливою улыбкой лицо,—мы чувствуемъ, что теперь „праздникъ“ нашей жизни обезпеченъ надолго, что нѣчто новое, такое любовное, свѣжее и бодрое озаритъ наше существованіе...

— Вотъ и опять мы!—говоритъ намъ

ополченецъ, сіяя на всѣхъ своею стыдливою улыбкой и вытирая наскоро запыленные усы. Онъ медленно снимаетъ, какъ бы не рѣшаясь еще остаться, свою папаху, полшубокъ и, наконецъ, остается въ сѣромъ ополченскомъ кафтанѣ съ большимъ мѣднымъ крестомъ на груди.

— Простите... не утерпѣлъ... по обыкновенію... Скучно одному торчать въ своей деревнюшкѣ!—прибавляетъ онъ, широко, и какъ будто извиняясь, размахивая красными руками.

— Чтo вы это?... Да вы для насъ... все равно, какъ родной!... Не стыдно ли вамъ такъ говорить?—восклицаетъ матушка.

А отецъ уже весь размякъ какъ-то отъ внутренняго удовольствія и только топчется на одномъ мѣстѣ, да повторяетъ: „Ну!.. ну!.. полно!..“

Наконецъ, когда, расцѣловавшись троекратно съ матерью и отцомъ, нашъ ополченецъ,—этотъ одинокій холостякъ и мелкопомѣстный дворянинъ, раненый въ ногу и вернувшійся изъ Севастополя,—усаживается около печки и закуриваетъ длинную трубку „Жукова“, какъ вполне „свой человѣкъ“,—является и сама Акулина „поклониться барину“.

— Милости просимъ,—говоритъ она.—Хорошее это дѣло, что опять пожаловали, батюшка...

— Здравствуй, старая... А что хорошего—другимъ надоѣдать, коли некуда себя дѣвать?

— И-п, батюшка, какъ хорошо-то людямъ!... Что одному?... Къ чужой семьѣ прилѣпиться и то свѣтъ увидишь...

— Должно быть, что правда твоя, старуха... А подика ты тамъ съ Прошкой опорожни-ка сани, да прибери...

— Вынесли, батюшка, все ужъ вынесли: и поросятъ, и гусей...

— Ну-ну-ну!.. Знай про себя!... Ступай съ Богомъ!...—говоритъ ополченецъ и опять весь стыдливо вспыхиваетъ, какъ красная дѣвка.

Насъ, дѣтей, ополченецъ старается не замѣчать совсѣмъ и даже бѣгло и боязливо отводитъ глаза, когда они невольно встрѣтятся съ кѣмъ-нибудь изъ насъ. Но мы уже знаемъ, что въ ближайшемъ будущемъ ополченецъ весь будетъ „нашъ“, со всею своею тройкой, съ бубенцами и широкими санями, съ севастопольскими рассказами и *Жизненнымъ обзоромъ*, запряганнымъ до поры гдѣ-нибудь у кучера Прошки, вплоть... до вырѣзыванія бумажныхъ коньковъ и транспарантовъ. Но только не надо насиловать ополченца,

не надо приставать къ нему, иначе... можетъ случиться, что онъ вдругъ „сconfузится этого своего поведения“ и стыдливо уйдетъ въ себя и даже, какъ бывало, возьметъ и неожиданно уйдетъ. Мы съ дѣтскою чуткостью уже хорошо понимали его. Знали мы, что ему нужно дать время, чтобы самъ онъ „вошелъ въ роль“.

Вотъ, сначала, въ первые два-три дня, усѣвшись съ отцомъ и матерью въ „гостиную“, между жарко натопленными печами, попыхивая „Ижуковъ“ въ черешневые чубуки, безконечно долго и неторопливо поведутся бесѣды. Иногда мы, ребята, очень мало понимали, о чемъ говорили они, но намъ пріятно было, усѣвшись въ уголку, смотрѣть на ополченца, на батюшку и матушку, лица которыхъ оживлялись все больше и больше и взгляды ихъ становились такими любовными, добрыми. Притомъ же, мы знали, что ополченецъ будетъ оживляться все больше съ каждою бесѣдой, что все чаще будетъ онъ закручивать свои длинные усы и вотъ, наконецъ, перейдетъ къ своимъ „севастопольскимъ разсказамъ“... Шагъ за шагомъ, день за днемъ разскажетъ онъ весь походъ „нашего“ ополченца: и проводы ополченцевъ съ родины, и встрѣчи ихъ въ попутныхъ городахъ, и ихъ тяжелый путь подъ дождемъ, въ грязи, часто въ изодранныхъ сапогахъ и армякахъ, которые расплзались раньше, чѣмъ приходили они къ мѣсту назначенія... А потомъ и Севастополь!... Подвиги простой сѣрой массы, самоотверженіе героевъ и сестеръ милосердія, страданія раненыхъ, скорбь братьевъ, отцовъ и матерей,—все это вставало передъ нами, какъ живое, и, затанувъ дыханіе, мы не спускали по цѣлымъ часамъ глазъ съ нашего „ополченца“, который, совсѣмъ забывъ свою дѣвическую стыдливость, стоялъ передъ нами среди комнаты уже настоящимъ севастопольскимъ героемъ, воиномъ, который вмѣстѣ съ нами снова переживалъ великіе дни великой борьбы за родину... Какъ онъ хорошъ былъ тогда! А умиленію окружающихъ не было конца: слушать его собирались не только мы, но и всѣ наши сельскіе гости, и матушка вызывала даже Акулину изъ кухни; совсѣмъ ея родными, какіе въ то время гостили у нея, называла ее „Акулинушкой“ и усаживала у двери.

Помню особенно хорошо одинъ случай, который произвелъ на насъ сильное впечатлѣніе. „Нашъ ополченецъ“ былъ особенно оживленъ, когда робко подошли къ

дверямъ „послушать барина“ Акулина съ своей старухой-теткой и старикомъ-отцомъ.

— Садитесь, садитесь, старики,—сказалъ ополченецъ,—послушайте, что я вамъ про вашихъ братьевъ разскажу... Да, вотъ я, баринъ, полѣвка въ деревнѣ прожилъ, а до этого времени не зналъ, не понималъ, кто такой мой братъ по-Христѣ, каковъ таковъ этотъ простой человѣкъ.. И только вотъ, какъ за одно съ нимъ прошелъ я, подъ зноємъ и непогодой, тысячи верстъ, какъ пришлось мнѣ не разъ вмѣстѣ съ нимъ трепетать подъ Божьею грозой, какъ вотъ вмѣстѣ съ нимъ рядомъ валялся и стоналъ я, раненый, собираясь умирать за общее дѣло, вотъ когда я понялъ своего брата по Христѣ и узналъ его!

И по раскраснѣвшемуся лицу ополченца потекли слезы. Онъ быстро отвернулся и вышелъ въ другую комнату.

И такимъ навсегда запечатлѣлся въ моей душѣ образъ нашего ополченца. Не думаю, чтобы онъ говорилъ тогда именно такими словами, но когда я сталъ уже юношей, вспоминаю ополченца, я люблю вкладывать такія рѣчи въ его уста... А на это, значитъ, имѣлись основанія.

Но праздники проходили. Ополченецъ, какъ улитка, забирался въ глушь своей деревни, и снова будничная наша сѣренькая жизнь, съ холодомъ зимнихъ вечеровъ и почей, вступала въ свои права. Снова отецъ вздыхалъ и охалъ отъ „бессмысленной лямки“, которую тянуть безъ вкуса и любви, снова тщетно зывалъ въ Петербургъ объ „осмысленномъ трудѣ“...

Попрежнему матушка ежегодно рожала и мучилась въ заботахъ о насъ, попрежнему то ругалась съ Акулиной, то вмигнуты покаяннаго прилива кланялась ей въ поясъ и говорила со слезами на глазахъ: „Прости меня, Акулинушка, въ сердцахъ это я тебя обидѣла!“... И Акулина, попрежнему, тянула свою „крѣпостную лямку“, хотя вовсе не была у насъ крѣпостной... И попрежнему даи насъ изъ учебниковъ мелькали „мертвыя буквы“—и мы безвкусно тянули свою „школьную лямку“, такъ какъ и сама школа была мертва и холодна.

Крѣпостное право еще въ полной силѣ царило надъ жизнью. Но „великій праздникъ“, одинъ изъ тѣхъ „праздниковъ“, которые вѣнчаютъ собою усилія, муки и надежды цѣлаго ряда поколѣній, былъ уже наканунѣ... Наше поколѣніе родилось подъ счастливою звѣздой...

МОЙ МАЛЕНЬКІЙ ДѢДУШКА И ФІМУШКА.

Вотъ ужъ сорокъ лѣтъ прошло, а какъ хорошо я помню своего дѣда. Какая пестрая вереница разнообразныхъ существованій за эти долгіе годы прошла предо мной,—то гордыхъ и надменныхъ, стоящихъ на самомъ „верху горы“, то окруженныхъ ореоломъ славы и почестей, предъ которыми склонялись цѣлыя толпы, то полныхъ величаваго самопожертвованія, останавливавшихъ на себѣ изумленіе всего міра,—и между тѣмъ никакъ, никакъ не могли они стереть съ глубины души это, такое ничтожное, маленькое существованіе... Проходятъ долгіе годы, полные душевныхъ смуть, и вдругъ изъ-за этой массы пережитыхъ впечатлѣній нѣтъ-пѣтъ и встанетъ предъ тобой это маленькое существованіе, такое живое, такое одушевленное, полное плоти и крови... Да и не одно оно, а непременно вмѣстѣ съ нимъ и еще много такихъ маленькихъ и ничтожныхъ существованій,—я охватить душу тихое упоеніе дѣтской вѣры и любви...

Чаще всего дѣдъ является мнѣ, послѣ долгихъ и тяжкихъ душевныхъ смуть, въ видѣ маленькой-маленькой фигурки, низенькой, худенькой, въ камлотовомъ подрясникѣ, съ жиденькою темно-русою бородкой клинышкомъ, съ сухою загорѣлою лысиной, около которой выютея остатки кудреватыхъ косичекъ; смотритъ онъ на меня съжившимися маленькими глазками, смотритъ и смѣется,—и я засмѣюсь... Потомъ онъ непременно вынетъ изъ длиннаго кармана кубовый платокъ и берестяную табакерку и, будто подхрапывая меня, начнетъ постукивать объ нее костлявыми суставами, а самъ опять подсмѣивается: „Вотъ, Коляка, видишь дьякона-то—какой онъ!.. Хе-хе-хе!.. А, вѣдь, онъ, дьяконъ-то, дѣдуш-

ка твой!.. Видалъ ли дьяконѣвъ-то? Да гдѣ!.. Развѣ у васъ въ городѣ такіе дьякона-то?.. А у насъ вотъ какъ, Коляка, дьякона-то живутъ, ну-ка!..“

И вдругъ маленькая фигурка въ подрясникѣ, раскинувъ руки, прямо предъ всею деревенскою улицей начинаетъ слегка присѣдать и притоптывать, а тоненькій-тоненькій тенорокъ, какъ комариный звонокъ, кажется, сейчасъ еще звенитъ у меня около уха:

„Какъ подъ яблонькой такой,
Подъ кудрявой зеленой!..“

— Хе-хе-хе!.. Вотъ у насъ, Коляка, какъ дьякона-то весело живутъ!.. Коли погостишь у дѣда подольше, такъ я тебѣ еще то ли покажу!.. Хе-хе-хе!—смѣется опять дѣдъ прямо мнѣ въ лицо, и я смѣюсь, и вся бѣлая, вся душистая яблоня смѣется вмѣстѣ съ нами, и вся деревенская улица смѣется.

— Онъ тебѣ, дѣдушка-то, еще то ли покажетъ: погости-ка у насъ подольше!—подтверждаетъ деревенская улица. И мнѣ кажется, что мой „маленькій дѣдушка“ (я звалъ его такъ въ отличіе отъ „толстаго“ дѣдушки — благочиннаго, по матушкѣ),—мнѣ кажется, что онъ дѣйствительно показываетъ мнѣ что-то важное, любовное, веселое: то—мое дѣтство, самое раннее, зеленое дѣтство проносится предо мною и, какъ блѣдная зорька, гонитъ съ души тусклый сумракъ душевныхъ смуть... Но отчего-жъ такъ дороги мнѣ эти дѣтскія раннія зори?..

Я расскажу вамъ теперь объ этомъ, потому что въ послѣднее время какъ-то чаще, чѣмъ прежде, сталъ посѣщать меня мой „маленькій дѣдушка“, приводя съ собой, изъ тѣмъ позорнаго забвенія, ряды такихъ же, какъ онъ, маленькихъ и ничтожныхъ существованій.

Прошло всего, кажется, сорокъ лѣтъ, а какое ужъ далекое это время было, — такое далекое, что если бы вы могли перенестись усиленнымъ воображеніемъ на тогдашнюю сельскую улицу, вы увидали бы, какъ нашъ батюшка-попъ, съ большимъ животомъ и свую бородой, въ тихій лѣтній полдень сидитъ на своей завальнѣ въ одной, длинной по колѣна, бѣлой, безъ пояса, рубахѣ и, сложивъ на этомъ большомъ животѣ красныя руки, беззвучно хохочетъ вмѣстѣ со всею деревенскою улицей — надъ чѣмъ? А надъ моимъ „маленькимъ дѣдушкой“, котораго тутъ же, на этой самой деревенской улицѣ, моя толстая, высокая, суровая бабка, съ большими бровями, въ красномъ повойникѣ, съ подоткнутымъ за поясъ подоломъ, бьетъ кочергой по его сухой и костлявой спинѣ, а я верещу благимъ матомъ, схватившись за ея подолъ и стараясь оттащить ее отъ несчастнаго и оробѣвшаго дѣда. Вы увидали бы такъ же, какъ въ тотъ моментъ, когда неожиданное для деревенской улицы веселье уже достигало, кажется, наивысшей степени, вдругъ раздается пугливый окрикъ: „господа идутъ!“ — и все живое, что было на этой улицѣ: и батюшка-попъ въ бѣлой рубахѣ, и цѣлая уйма мужичкиихъ смѣющихся бородъ, и сама моя суровая бабка, схватившая за что попало меня и дѣда, внезапно и безъ остатка исчезло за заборами и калитками своихъ убогихъ хатъ. Вотъ какое далекое это было время, когда жили на свѣтѣ близкія мнѣ маленькія и ничтожныя существованія!

Да, невозможно мнѣ скрыть, что нерѣдко случались съ моимъ „маленькимъ дѣдушкой“ эти непріятности, потому что дѣдушка любилъ выпить, а выпивши любилъ, прежде всего, цѣлый день денской гулять по этой деревенской улицѣ и, оставившись предъ своею хатой, дразнить бабушку своимъ комаринымъ теноркомъ съ притопываніемъ. Ну, да простятся же старой, запуганной и угнетенной сельской улицѣ эти невинныя минуты патриархальнаго увеселенія, такъ какъ все же не потушили онѣ мои дѣтскія раннія зори и изъ-за нихъ не переставала тлѣться въ маленькихъ, ничтожныхъ существованіяхъ „искра Божія“!

И вотъ, когда мой „маленькій дѣдушка“, являясь мнѣ, переносилъ меня въ это далекое прошлое, мнѣ, прежде всего, припоминалось одно изъ самыхъ важныхъ событій моей юности, имѣвшее боль-

шое значеніе какъ для всей моей жизни, такъ и для жизни близкихъ мнѣ по крови и духу. И это потому, конечно, что самое событіе запечатлѣлось во мнѣ неразрывно съ образомъ дѣда. Событіе это, въ общемъ, всегда представлялось мнѣ довольно смутнымъ: оно прошло чрезъ мою душу только какими-то отрывочными, но яркими полосами свѣта и оставило на ней неизгладимый слѣдъ.

Шелъ мнѣ тогда уже двѣнадцатый годъ. Въ началѣ лѣта мы, я и двѣ моихъ сестры — одна погодка со мной, другая еще грудная — съ матушкой приѣхали, по обыкновенію, гостить къ дѣдушкѣ изъ города. Приѣздъ свой мы всегда пригоняли къ престольному празднику въ дѣдушкиномъ селѣ, а затѣмъ оставались гостить на нѣсколько недѣль; я же, другой разъ, оставался одинъ у дѣдушки на цѣлое лѣто.

Однажды, — вспоминается мнѣ, — сидѣли мы съ дѣдушкой, какъ и всегда, около хаты, подъ любимую его старую яблоней, которая, перевѣсившись изъ сада чрезъ плетень на проулокъ, осыпала насъ своею широкою тѣнью и обливала нѣжнымъ своимъ ароматомъ. Здѣсь было любимое прибѣжище дѣдушки — и потому, что онъ въ свободное время, сидя на опрокинутой кадушкѣ, занимался здѣсь сапожнымъ ремесломъ, и потому, что „бѣгалъ“ сюда отъ ворчливой и хозяйственной бабки, которая „не давала ему вздоха“, когда онъ сидѣлъ въ избѣ, и потому, наконецъ, что былъ онъ челоуѣкъ, дѣйствительно, „уличный“, какъ обзывала его бабка, — и только на этой деревенской улицѣ, „на людяхъ“, чувствовалъ онъ себя вполне довольнымъ и счастливымъ. Сидитъ, сгорбившись, дѣдъ и тачаетъ какой-нибудь разбитый мужичкій сапогъ, я и сестренка копошимся около него, а матушка, сидя тутъ же на муравѣ, шьетъ и тихонько мурлыкаетъ какой-нибудь „стихъ“.

— Ты бы, Настя, про прекрасную мать-пустыню мнѣ спѣла... Люблю, — говоритъ дѣдъ, умильно улыбаясь.

— Хорошо, папенька, — говоритъ матушка и тоненькимъ голоскомъ начинаетъ „мать-пустыню“. Я любилъ слушать, когда пѣла матушка, любилъ, думается мнѣ, потому, что она всею душой уходила въ пѣсню; бывало подопретъ голову рѣкой, сама смотреть въ невѣдомую даль, а изъ ея большихъ темно-карихъ глазъ потокомъ льются слезы... Отчего она плака-

ла, для меня въ то время всегда оставалось загадкой, приводившей меня въ недоумѣніе, но пѣніе ея слушать я не могъ равнодушно: и у меня захватывало горло, сердце отчего-то билось, и мнѣ хотѣлось уйти куда-то далеко-далеко за эту пѣсней... Не даромъ любилъ и дѣдъ эти ея пѣсни. Да они всегда были между собою большіе пріатели; оттого ли, что ужъ искони свекровь съ снохой не уживаются, или потому, что слишкомъ ужъ онѣ разнились по складу души, только матушка жила не въ ладахъ съ бабушкой и зато крѣпче дружилась съ дѣдомъ. Матушка, — сколько я ни запомню ее въ молодые годы, — всегда представлялась мнѣ какою-то... „необычной“, въ особенности съ тѣхъ поръ, когда я случайно услышалъ смутный рассказъ о томъ, какъ она въ дѣвushкахъ „бѣгала“. Говорили, что былъ уже назначенъ у нея сговоръ съ однимъ молодымъ богословомъ, который долженъ былъ взять съ нею „мѣсто“, какъ вдругъ она пропала изъ дому съ одною молодою черничкой, наказавъ сказать дома, что пошла „къ святымъ мѣстамъ“. Долго бродила она съ мѣста на мѣсто, жила гдѣ-то въ женскомъ скиту и, наконецъ, вернулась исхудалая и изможденная, съ истерзанными и опухшими ногами. А женихъ пожедалъ-пожедалъ и взялъ другую, съ другимъ „мѣстомъ“... Послѣ, когда я былъ уже постарше, я иногда съ удивленіемъ, незаметно, слѣдила за нею, когда она вдругъ, бросивъ хозяйство, остановится предъ окномъ и долго-долго, сложивъ молитвенно руки, смотреть въ безпредѣльную небесную лазурь... Я съ боязнью думалъ тогда, что вдругъ моя мама уйдетъ отъ насъ... Бѣгство моей матушки невѣстой изъ-подъ родительскаго крова имѣло, однако, для нея тѣ послѣдствія, что „солдаты“ женихи свататься за нее боялись и „мѣсто“ было сдано за младшею ея сестрой. Трудно сказать, что случилось бы съ „бѣглою невѣстой“, если бы случайно не встрѣтилась она съ другимъ „мечтателемъ“ — моимъ отцомъ. Онъ тоже бѣжалъ отъ „мѣста“. Кончивъ курсъ въ семинаріи, онъ, когда суровая и хозяйственная бабушка уже пріискала ему „невѣсту съ мѣстомъ“, бѣжалъ въ Москву „отъ свадьбы“, думая поступить въ университетъ, но у него не было ни средствъ, ни силы, чтобы перебиться годъ, необходимый для подготовки къ экзамену, и онъ вернулся, изголодавшій и обносившійся. Духов-

ное начальство подозрительно отнеслось къ „блудному сыну“ и для него уже не оказалось „мѣста“, къ ужасу бабушки.

Тогда два „мечтателя“ встрѣтились и неразрывными узами связали себя на долгую страду „чиновничьей“ жизни. И это была для нихъ, дѣйствительно, одна безконечная страда, отъ которой уже не было силъ убѣжать, — страда, полная взаимныхъ огорченій и недоумѣній... И вотъ почему въ отрочествѣ осталось у меня такое впечатлѣніе, что какъ будто и бабушка, и матушка, и мы всѣ живемъ не на своемъ мѣстѣ, какъ будто всѣ мы тутъ только „временно“ и что каждому изъ насъ гдѣ-то должно находиться совсѣмъ въ другихъ мѣстахъ и служить другому Богу...

Спѣла матушка „мать-пустыню“ и долго-долго, какъ всегда, смотрѣла своими большими, темными, полными слезъ глазами въ безпредѣльную даль.

— Ахъ, хорошо, Настя! — говорилъ дѣдъ въ умиленіи. — Хорошо-то какъ, хорошо!.. И что это нынче Фимушка не пришла послушать?.. Не пришла вотъ — и на-поди. А ты, сдается, никогда такъ хорошо еще не пѣла...

Только что дѣдъ упомянулъ о Фимушкѣ, какъ она и сама издалика показалась. Только теперь чего-то бѣжить она, торопится...

Фимушка тоже была большая пріятельница дѣда, и не было того дня, чтобы они вмѣстѣ не сидѣли здѣсь подъ любимой яблоней. Жила Фимушка какъ разъ напротивъ, въ избѣ у брата, въ большой крестьянской семьѣ. Фимушку мы всѣ такъ давно знали, что почти за родную считали, да и вся деревня ее родной считала. Совсѣмъ это было какое-то безгрѣшное существо. Она была старушка, убогая, слѣпая съ дѣтства, „съ самой воспы“, какъ говорила она, — вся такая же маленькая, худенькая, хрупкая, но живая, юркая, какъ и мой „маленькій дѣдушка“. Ходила она всегда въ синемъ изгребномъ сарафанѣ, который висѣлъ на ней какъ на худомъ ребенкѣ; на головѣ носила черный платокъ съ бѣлою каймой, изъ-подъ котораго видѣлось худое, сморщенное въ комочекъ лицо, но съ длиннымъ сухимъ посомъ; тотъ длинный носъ и потухшіе, но полные какого-то своеобразнаго, необъяснимаго блеска и выраженія глаза придавали ея лицу необычайно сильный и энергичный характеръ. Но нисколько оно не было сурово,

а вмѣстѣ съ ея маленькими сухими губами какъ будто сдержанно и любовно смѣялось. Ходила она всегда скоро, увѣренно, постоянно помахивая подогомъ впередъ себя, какъ будто загребала воздухъ и плыла.

Это маленькое, ничтожное, но дивное существо всегда жило въ моемъ воспоминаніи вмѣстѣ съ дѣдомъ. Откуда взялась она, откуда и какъ явилась на этой грѣшной и суровой землѣ, въ то грѣшное и суровое время, это была для меня такая же необъяснимая, но чувствуемая всѣмъ существомъ тайна природы, какую была и эта—вся такая бѣлая, разубранная, какъ невѣста, вся душистая, нѣжная и веселая яблоня, подъ которой мы сидѣли. Одно, впрочемъ, я зналъ тогда изъ этой тайны, да и то потому, что намъ открыла ее сама Фимушка, когда мы спросили ее, какъ она ходитъ и бѣгаетъ—не упадетъ и не спотыкнется, какъ она всякую ямку и жердочку знаетъ лучше насъ?

— А передо мной облачко ходить,—объяснила она.—Какъ встану, пойду, а облачко предо мной... Я и хожу-то не сама, а облачко меня водить, бѣлое да свѣтлое... Куда оно поведетъ, туда и я... И ни предъ чѣмъ у меня съ нимъ страху нѣтъ!...

И не только мы, малые ребята, не только легковѣрные бабы, но и бородастые мужики, и самъ дѣдушка, даже сами „баринъ съ барыней“ какъ-то боязливо и безспорно вѣрили, что предъ Фимушкой ходитъ „бѣлое облако“ и водить ее за собой, и указываетъ ей путь, и если къ кому Фимушка придетъ, то это значить, не сама она пришла, а облако ее привело. Да и сама Фимушка не только безусловно вѣрила въ это облачко, но она, можетъ быть, дѣйствительно постоянно видѣла его предъ собой.

Если бы я въ то время зналъ и видѣлъ больше, чѣмъ могъ знать и видѣть, я понялъ бы, откуда и какъ явилась эта легенда о „бѣломъ облачкѣ“ и какое большое значеніе имѣла она не только въ жизни такого маленькаго и ничтожнаго существа, какъ Фимушка, но и въ жизни другихъ такихъ же ничтожныхъ существовацій. Но понялъ я это только уже впоследствии и, къ стыду моему, довольно поздно. Не задавался я тогда вопросомъ и о томъ, какими образами жила душа этого убогаго существа, что за миръ тѣней носился предъ ея духов-

нымъ окомъ съ тѣхъ поръ, какъ, въ самомъ разсвѣтѣ жизни, упала зловѣщая завѣса между нею и озареннымъ солнцемъ міромъ. Кто такіе были для нея мы всѣ изъ этого свѣтлаго міра и какими таинственными нитями душа ея была связана съ нашими? Я не могъ отвѣчать на эти вопросы, но вмѣстѣ съ другими я былъ увѣренъ, что Фимушка не только знала и видѣла все, что дѣлалось кругомъ, но знала и понимала лучше, чѣмъ всѣ мы, и потому именно, что ей на все свѣтило ея „бѣлое облачко“. Понятно, почему я, вмѣстѣ со всѣми, испытывалъ предъ этимъ воображаемымъ „облачкомъ“ какой-то необъяснимый страхъ, смѣшанный съ такимъ же необъяснимымъ уваженіемъ и изумленіемъ. Понятно было мнѣ также, почему предъ этимъ хрупкимъ, худенькимъ и ничтожнымъ существомъ нерѣдко смущенно стихалъ разбушевавшійся сродъ бородастыхъ мужиковъ, боязливо заискивали предъ нею моя суровая бабка и самъ нашъ толстый батюшка, знавшій за собой пороки мздоимства и стяжанія, и бывали случаи,—какъ приходилось мнѣ слышать подъ секретомъ изъ близкихъ устъ,—что Фимушку заводило бѣлое облачко къ самимъ „господамъ“, и даже эти „господа“ не менѣе смущенно опускали предъ нею глаза и старались задобрить это бѣдное, но любвеобильное, правдивое и сострадательное существо. Дѣйствительно, вся она была преисполнена необычайной чуткости къ малѣйшему страданію самаго малѣйшаго изъ живыхъ существъ. Поэтому вся жизнь ея была однимъ напряженнымъ волненіемъ, одною неустанно-чуткою заботой. Вотъ сидитъ она съ моимъ дѣдушкой, слушаетъ его, кажется, кругомъ тишина полная, миръ и покой, но напряженный слухъ ея уже вдругъ насторожился, въ безцвѣтныхъ глазахъ загорѣлся беспокойный огонь, и Фимушка быстро срывается съ мѣста и уже бѣжитъ куда-то мелкою сѣменящею походкой, быстро-быстро загребая впередъ себя подогомъ: это коршунъ откуда-то спускается медленными мѣрными кругами надъ селомъ—и бѣдная насѣдка встревожилась и заметалась по задворкамъ. Заметалась съ ними и Фимушка; бѣгаетъ, волнуется, выкрикиваетъ своимъ тоненькимъ голоскомъ и грозитъ своему,—увы!—невидимому и невиданному ею врагу, который невдалекѣ быстро схватываетъ и раздираетъ свою жертву. Фимушка слы-

шить только болѣзненный крикъ жертвы и, кажется, онъ слышится ею во сто, въ тысячу разъ пронзительнѣе и громче, чѣмъ всѣмъ другимъ, и, значить, во столько же разъ жесточе рѣжетъ ея сердце. Вокругъ ея мечутся и кричать перепуганные куры, гуси, утки, вверху—цѣлый содомъ галочьяго стада, и она еще больше мечется изъ стороны въ сторону, опять кому-то грозить, кого-то молить и просить и, наконецъ, утомленная, обезсиленная, садится на землю и плачетъ горькими-горькими слезами. И не было, кажется, такого черстваго сердца, которое въ эти минуты не прониклось бы къ ней самую искреннюю, сострадательную нѣжность.

— Ахъ, ты, бѣдная, ахъ, ты, голубка! Вишь какъ она вездѣ горе-то чувствуетъ, какъ она надъ нимъ сердце-то надрыгаетъ!.. То-то Богу-то, поди, на нее съ неба-то радостно смотрѣть!.. Вѣдь, вотъ, уродится же такая Божья душа среди насъ грѣшныхъ!—такъ говорятъ, бывало, бабы и мужики, остановившись возлѣ нея.

Да и я теперь, когда безтѣлесный образъ этого бѣднаго существа проносится въ моемъ воображеніи, изумляюсь и спрашиваю: зачѣмъ, зачѣмъ это такое любвеобильное и правдивое существо Богъ послалъ на нашу суровую и грѣшную землю?.. И когда я вспоминаю, что сдѣлать съ нею нашъ грѣшный и суровый міръ, мое сердце обливается кровью, и это сердце могло бы разорваться на части отъ отчаянія, если-бы вѣчно-юная и могучая природа не украсила ея бѣдную и забытую могилу такою яркою зеленью и не вырастила изъ праха ея этихъ нѣжныхъ, веселыхъ, голубыхъ и розовыхъ цвѣтовъ... И мнѣ вѣрится, что это доброе маленькое существо не только не успѣло „загубить“ нашъ грѣховный міръ, но что оно живетъ духовно вокругъ насъ еще полиѣе, чѣмъ прежде,—и въ этомъ нѣжномъ благоуханіи ландыша, и въ милой дѣтской пѣснѣ малиновки, и среди молодой жизни, такъ пышно распускающейся надъ прахомъ могилъ...

Когда Фимушка подбѣжала къ намъ въ тотъ злополучный для нея день, то, мнѣ вспоминается, она была именно охвачена вся тѣмъ напряженнымъ волненіемъ, какъ я привыкъ ее видѣть: она дрожала, какъ мелкій листъ на березкѣ, подогъ прыгала въ ея сухой рукѣ, пока она старалась имъ ощупать дѣдушку; въ глазахъ

ей свѣтились изумленіе и страхъ и они горѣли тѣмъ страннымъ блескомъ, который мы замѣчали только у одной Фимушки и считали чѣмъ-то особеннымъ, „нездѣшнимъ“. Она, наконецъ, ощутила дѣдушку и быстро постучала подогомъ по его плечу.

— Дьяконъ, пойдемъ! — сказала она рѣзкимъ, отрывистымъ и увѣреннымъ голосомъ, взявъ дѣдушку за руку.

— Куда, Фимушка, куда итти?.. Али кто кого обидѣлъ?—спрашивалъ дѣдушка, съ нѣкоторымъ страхомъ всматриваясь въ ея лицо.

— Пойдемъ!—выкрикнула она, словно собиралась сейчасъ зарыдать, и потащила дѣдушку за собой.

Я и сестренка побѣжали за ними. Мы подошли къ Фимушкиной избѣ. Смутно помню, что въ растворенныя настежь двери мы увидали въ избѣ всю семью Фимушки, чѣмъ-то взволнованную и озабоченную. Посрединѣ стоялъ высокій мужикъ, племянникъ Фимушки (старшій сынъ ея брата-большака), и старался надѣть поддевку, но ему мѣшали старухамать и жена, которые плакали назврьдъ и постоянно припадали къ его плечамъ и груди. Въ переднемъ углу неподвижно, словно застывъ, стоялъ старикъ-отецъ въ изгребной рубашкѣ и порткахъ, подпоясанный лыковымъ поясомъ, на которомъ висѣлъ большой ключъ. Старикъ, какъ будто въ испугѣ, не говоря ни слова, смотрѣлъ, что предъ нимъ происходило, и изрѣдка медленно крестился. Малые ребяташки,—наши сверстники и пріятели,—стояли въ углу около печки и, какъ мы же, кажется, ничего не понимали. Другіе сыновья старика, подростки, что-то озабоченно хлопотали: кто искалъ сбрую, кто складывалъ одежду, одинъ закладывалъ на дворѣ лошадь.

Фимушка необычайно волновалась: она то подходила къ старшему племяннику и, любовно заглядывая ему въ лицо своими потухшими глазами, гладила костлявою рукой его волосы, мотала головой, то подбѣгала къ старику и слегка похлопывала его по плечу и что-то таинственно шептала ему, то убѣгала за дверь, кому-то махала подогомъ и къ чему-то прислушивалась, то подходила къ дѣдушкѣ и спрашивала его нѣсколько разъ на ухо: „Ты слышишь ли дьяконъ, слышишь?“

Дѣдушка тоже долго не могъ понять, что такое тутъ сдѣлалось, какое горе

стряслось надъ бѣдною семьей. Наконецъ, ему что-то коротко сказалъ старикъ. Дѣдушка закричалъ и полѣзъ за табакеркой и долго постукивалъ по ней пальцами, но не нюхалъ: это всегда было признакомъ, что онъ сильно взволнованъ. А когда Фимушка опять подошла къ нему и, заглянувъ ему въ глаза, такъ же, какъ и племянника, погладила его по головѣ, онъ вдругъ отвернулся въ уголь.

Я видѣлъ, какъ онъ долго, отвернувшись, утиралъ глаза синимъ клѣтчатымъ платкомъ. Потомъ пришелъ староста и съ нимъ два мужика. Они долго топтались въ дверяхъ, не рѣшаясь войти. Потомъ староста, нехотя и несмѣло, подошелъ къ Мironу, котораго всѣ оплакивали, и, держа себя за кушакъ, сказалъ:

— Надоть, Мironъ, связать... Мимо барскаго дома поѣдемъ.

— Выхите,—тихо сказалъ Мironъ и, мнѣ показалось, онъ улыбнулся.—Меня свяжете,—всѣхъ не перевяжете.

Всѣ молчали, какъ будто нашелъ на нихъ столбнякъ. Никто не двигался съ мѣста. Наконецъ, староста снялъ съ себя кушакъ и сталъ завязывать сзади Мironовы руки. Старикъ-отецъ опять медленно перекрестился. Бабы разомъ заголосили и припали опять къ Мironу. Фимушка, дрожа какъ въ лихорадкѣ, остановилась среди избы и долго къ чему-то прислушивалась.

— Совсѣмъ?—спросилъ кто-то.

— Совсѣмъ.

Фимушку словно что-то подрѣзало: она вдругъ опустилась на полъ, припала къ нему своею старою головою и, затрепетавъ вся, какъ подстрѣленная птица, зарыдала, какъ больной ребенокъ, тоскливымъ и мучительнымъ рыданіемъ. Мол сестренка схватила меня за руку: она была блѣдна и тоже вся дрожала.

— Ну, скорѣе ужъ!—сказалъ Мironъ. Потомъ какъ-то разомъ всѣ опять на минуту замолчали.

Намъ съ сестренкой, которая держала меня за руку, стало вдругъ такъ страшно, такой охватилъ насъ ужасъ, что мы, не разнимая рукъ, бросились вонъ и бѣжали, безъ звука, едва переводя дыханіе, вплоть до матушки и бросились ей на колѣни. Объяснить мы ей ничего не могли: мы чувствовали только одинъ невыразимый ужасъ.

Немного спустя пришелъ и дѣдушка и что-то долго шопотомъ говорилъ матушкѣ.

А вечеромъ кто-то постучалъ въ окно, когда мы укладывались спать, и спросилъ: не видали ли гдѣ Фимушки?.. Фимушка пропала. Потомъ, впросонкахъ, я слышала, какъ съ кѣмъ-то дѣдушка разговаривалъ и кто-то говорилъ, что Фимушку нашли на барскомъ дворѣ, что она что-то „у господъ натворила“... Но больше я не слышала. Послѣ того мнѣ всю ночь снилась Фимушка, какъ она металась и бѣгала по улицѣ, словно гусыня съ поломаннымъ крыломъ, когда коршунъ утащилъ ея цыпленка, какъ она помахиwała и грозила, повидимому, ея врагу своею липовою палочкой и, наконецъ, припала къ землѣ и плакала тоненькимъ, жалостнымъ плачемъ, какъ маленький ребенокъ...

На утро кто-то изъ ребятинекъ сказалъ намъ, что Фимушку заперли на барскомъ дворѣ въ холодную баню и что они потихоньку бѣжали туда. Намъ опять стало съ сестрой страшно и мы долго не рѣшались идти вмѣстѣ съ ребятами. Но я и теперь вспоминаю, какъ что-то странное, непреодолимое тинило меня за ними, только это не было простое дѣтское любопытство: мнѣ смутно что-то хотѣлось сдѣлать, но что именно, я не могъ опредѣлить—сказать ли что Фимушкѣ отъ дѣдушки, какъ посылалъ онъ иногда меня къ ней, или подать ей „тихую молодостыню“, какъ это иногда дѣлала матушка... Наконецъ, я пошелъ, но не сразу; нѣсколько разъ возвращался опять назадъ. Я стоялъ за плетнемъ и изъ-за угла смотрѣлъ на таинственную баню, въ которой сидѣла маленькая старушка; мнѣ хотѣлось дожидаться, не увижу ли я ее въ окно. Настъ, ребятъ, было тутъ человекъ съ десять; всѣ перешептывались и постоянно озирались по сторонамъ, чтобы кому изъ „барскихъ“ не попасть на глаза. Повидимому, всѣмъ намъ одинаково хотѣлось дожидаться зачѣмъ-то, не покажется ли Фимушка въ окнѣ. Не знаю, почувала ли она наше присутствіе, или, какъ съ нею часто случалось, просто разговаривала съ тѣми таинственными тѣнями, которыя ей замѣняли дѣйствительный миръ, только вдругъ мы услышали, какъ Фимушка сильно застучала въ раму и закричала своимъ тоненькимъ голоскомъ:

— Уйду, уйду, скажите! Не удержатъ меня запоромъ!.. Придетъ срокъ—уйду, изъ-подъ чугуныхъ замковъ уйду отъ васъ!.. Господь-батюшка поможетъ мнѣ, старушкѣ Божьей!..

Я бѣжалъ вмѣстѣ съ другими, не чуя подъ собою ногъ, и мнѣ слышалось только, какъ маленькая, худенькая старушка изъ-за „бѣлаго облака“ грозно кричала, помахивая подогомъ: „Уйду!.. уйду!.. уйду!..“

За обѣдомъ дѣдушка сказалъ, что Фимушка дома теперь, что она говоритъ, что невѣдомо кто отперъ ей дверь у „темницы“, что она стукнула въ нее легонько подожкомъ, дверь и отворилась, что потомъ за ней барыня молодая приехала, дала ей пирогъ и все говорила: „Молись за меня, Фимушка, молись за меня, грѣшную!..“

Прошло два дня, я все ждалъ, что вотъ скоро увижу Фимушку на улицѣ, но Фимушка не показывалась, а намъ съ сестрой такъ хотѣлось узнать, „какая она теперь“. Итти же къ ней въ избу мы боялись. И вотъ мы всѣ эти два дня почему-то были очень тихи и скромны и все чего-то ждали. Мнѣ казалось, что съ тѣхъ поръ, какъ увезли Мирона, и на деревнѣ стало вдругъ такъ тихо, какъ никогда не бывало, и тамъ всѣ какъ будто чего-то ждали. Дѣдушка тоже присмирѣлъ и все чаще и чаще нюхалъ табакъ и покрывалъ, а на наши ласки и вопросы отвѣчалъ какъ-то мимоходомъ, полусловами. Вечеромъ онъ уходилъ куда-то на зады, за деревню, гдѣ собирались мужики, а потомъ, за ужиномъ, о чемъ-то тихо передавалъ матушкѣ и бабушкѣ. Я помню только одно, когда онъ рассказывалъ про какого-то „старого солдата“, который проходилъ черезъ село и говорилъ, что „скоро всему будетъ конецъ“. И эта напряженная тишина сельской жизни, и эти таинственные, непонятные для насъ рассказы еще больше запугали насъ съ сестрой; мы чаще, чѣмъ прежде, не отдавая себѣ отчета, вертѣлись около матушки и пытливно вглядывались въ лицо дѣдушки, когда онъ возвращался отъ кого-нибудь изъ крестьянъ. Но никакого утѣшенія ни отъ матушки, ни отъ дѣдушки мы не получали. Поэтому мы очень обрадовались, когда пріѣхалъ изъ города батюшка и сказалъ, что онъ возьметъ насъ „домой“. Какъ ни любилъ я дѣдушку, какимъ великимъ счастьемъ и удовольствіемъ ни было для меня всегда то время, когда я гостилъ въ деревнѣ, какъ ни рвался я обыкновенно туда изъ города, но на этотъ разъ мнѣ какъ-то было тутъ жутко и мы съ сестрой съ удовольствіемъ ожидали отъѣзда. Отецъ тоже мало привезъ съ собой на этотъ разъ веселья. Больше,

чѣмъ прежде, онъ былъ скученъ и недоволенъ, и тоже передавалъ дѣдушкѣ какія-то вѣсти, вычитывая ихъ изъ газетъ. Дѣдушка, казалось, не довѣрялъ батюшкѣ, „чтобы такъ могли писать вслухъ всѣмъ“ и, надѣвъ очки, бралъ у него изъ рукъ газету и внимательно, чуть не по складамъ, но шопотомъ перечитывалъ все снова и покачивалъ головой.

Мы уже собирались уѣзжать и дѣдушка пошелъ на село договариваться насчетъ подводы, когда вдругъ послышался на улицѣ звонъ ямщицкаго колокольчика и бубенцовъ, и передъ черною, закоптѣлою, старою избой дѣдушки остановилась тройка взмыленныхъ лошадей: кучеръ въ плисовой безрукавкѣ и въ поярковой шляпѣ съ павлиньимъ перомъ, новый „барскій“ тарантасъ, коренастый мужчина съ длинными усами въ бѣлой фуражкѣ и сѣромъ полукафтани съ большимъ мѣднымъ крестомъ на груди,—все это было, по тому времени, совсѣмъ необычнымъ явленіемъ для старой сельской улицы. Не только дѣдушка, но и суровая бабка моя были до того смущены пріѣздомъ какого-то „важнаго барина“, что все время, пока пріѣзжіи гости бесѣдовали съ моимъ батюшкой, они стояли въ стряпной половинѣ, въ уголку, около печи и, тихонько вздыхая, крестились, словно ждали какого-то несчастія.

Но мы съ сестрой не боялись неожиданнаго гостя такъ, какъ дѣдушка съ бабушкой: это былъ тотъ знакомый намъ добрый ополченецъ, который иногда гостилъ у насъ въ городѣ и привозилъ намъ гостинцы. Я не могъ понять, почему это такъ испугались этого добраго челоуѣка и дѣдушка, и бабушка, и наша старая работница дѣвка-вѣковуша, и крестьяне, которыхъ засталъ въ нашей кухнѣ пріѣздъ гостя, и я уже собирался было успокоить дѣдушку, сообщивъ ему насчетъ гостинцевъ, когда снова звякнули бубенцы, прогремѣлъ по улицѣ тарантасъ и страшный „баринъ“ уѣхалъ. А когда я вошелъ вслѣдъ за дѣдушкой въ переднюю горницу, я замѣтилъ, что что-то совершилось важное въ нашей жизни: отецъ былъ взволнованъ, но веселъ и доволенъ; мать молилась на колѣняхъ предъ образомъ.

Когда вошелъ дѣдушка, батюшка радостно вскрикнулъ:

— Тятенька!.. Какъ я радъ! Какъ я счастливъ, тятенька!.. Знаете ли, куда

они меня зовутъ, къ какому дѣлу?—и, добродушно и весело посмѣиваясь, батюшка что-то сталъ передавать дѣдушкѣ.

Мы съ сестренкой во все глаза смотрѣли на нихъ, но ничего не понимали... Потомъ батюшка весело сталъ торопить ѣхать въ городъ. Мы стали укладываться... Но я не узналъ своего веселаго „маленькаго дѣдушки“: всегда прежде при проводахъ или встрѣчѣ онъ бывалъ такъ оживленъ, добродушно-веселъ, подшучивалъ надъ нами, угощалъ и самъ угощался „на дорожку“ и, весь раскраснѣвшійся, постоянно со всеми цѣловался. Теперь онъ словно совсѣмъ потерялся, ходилъ постоянно изъ горницы въ стряпную, изъ стряпной на дворъ и опять въ горницу, покрикивалъ и изрѣдка, какъ будто тихонько отъ другихъ, крестился. Оттого ли, что я все эти дни не понималъ хорошенько, что дѣлалось вокругъ меня, или потому, что на насъ отражалось невольное общее настроеніе окружающихъ, только мнѣ чувствовалось тоже какъ-то не по себѣ, и я невольно ходилъ безъ цѣли за дѣдушкой съ одного мѣста въ другое. Когда я проходилъ черезъ кухню, одинъ мужичокъ сказалъ мнѣ: „Скажи тятенькѣ, что, молъ, готова подвода... Подавать, что ли?.. А слышь, теперь тятенька-то твой господамъ служить будетъ?.. Ась?.. Правда, али нѣтъ?“—спросилъ онъ какъ будто мимоходомъ.

Я въ недоумѣніи посмотрѣлъ на него и не зналъ, что отвѣтить: хорошее или дурное это было дѣло со стороны отца. Какъ вдругъ ко мнѣ подошелъ дѣдушка и шопотомъ спросилъ:

— У васъ бывалъ, слышь, въ городѣ этотъ баринъ?

— Бывалъ, дѣдушка!—обрадовался я случаю успокоить дѣдушку и поспѣшилъ сказать:—Онъ добрый!..

— Добрый, говоришь?

— Совсѣмъ добрый...

И дѣдушка перекрестился, но, кажется, мало успокоился.

Прежнее общее напряженное состояніе продолжалось. Матушка укладывалась; отецъ перебиралъ какія-то бумаги; бабушка особенно усиленно хлопотала, собирая обѣдъ на дорогу. И она какъ-то совсѣмъ затихла. Я вышелъ къ воротамъ, и тамъ мнѣ показалось какъ-то сумрачно, скучно. Никто ко мнѣ не подходилъ изъ товарищей: всехъ, очевидно, напугалъ прїѣздъ „барина“, и они съ любопыт-

ствомъ смотрѣли на меня издали... Мнѣ отчего-то стало грустно, хотѣлось плакать, и такъ захотѣлось почему-то увидать еще разъ предъ отъѣздомъ Фимушку. И вдругъ я замѣтилъ, что Фимушка бѣжитъ прямо на меня, торопится, помахивая подогомъ.

— Гдѣ дяконъ-то? Гдѣ онъ? гдѣ?—быстро спрашиваетъ она кого-то и, оцупывая подогомъ дверь нашего крыльца, идетъ въ кухню. Я за нею.

— Здѣсь ли ты, дяконъ?—спрашиваетъ она въ кухнѣ, взволнованная, дрожащая.

— Здѣсь, Фимушка, здѣсь,—говоритъ дѣдушка.

И вдругъ Фимушка стала молиться и повалилась предъ нимъ въ ноги.

— Прощай, дяконъ, помолись за меня, бѣдную... Благослови меня, дяконъ,—заговорила она.

— Что съ тобой, Фимушка?

— Молиться надо итти!.. къ Угодникамъ!.. Всѣмъ надо молиться!.. И ты, дяконъ, молись!.. Молись, дяконъ, паче всего. Дай я тебя благословлю...

И Фимушка стала крестить его сухою, маленькою, коричневою рукой.

Я смотрѣлъ и дрожалъ: меня охватывалъ безотчетный страхъ; почему-то мнѣ показалось, что мы въ чемъ-то вдругъ стали все виноваты.

— Молись, дяконъ!—говорила все Фимушка и стала гладить его по головѣ,—и Александрѣ (моему отцу) скажи, чтобы молился. Пропадетъ безъ молитвы... Такъ и скажи: „пропадешь безъ молитвы“... Молиться надо!.. Всѣмъ надо молиться!.. Прощай, побѣгу... Богомолки ждутъ!..

И Фимушка быстро, какъ мотылекъ, такая же легкая и словно вся прозрачная, вылетѣла изъ избы и исчезла.

Я еще не опомнился, какъ послышался голосъ отца:

— Тятенька, гдѣ вы?

— Я здѣсь, здѣсь... Закусили ли?—спросилъ растерянно дѣдушка, повидимому, не зная, что сказать, и заторопился навстрѣчу отцу.

— Пора, тятенька, ѣхать,—говорилъ отецъ уже въ горницѣ.—Что-жъ это вы нынче... хоть бы бражки на прощанье?.. У меня такой нынче день.... Хоть бы поздравили меня...

Я видѣлъ, что отецъ былъ очень веселъ, и это меня нѣсколько успокоило, и мнѣ хотѣлось, чтобы и дѣдушка былъ веселъ, попрежнему. Но дѣдушка сдѣ-

лаился еще серьезнѣе. Вдругъ онъ какъ-то весь выпрямился и голосомъ, какимъ онъ обыкновенно говорилъ только въ церкви, и то во время особенно торжественной службы, сказалъ строго бабушкѣ:

— Анна, подай-ка мнѣ образъ!..

— Ну, присядемте всѣ, какъ по порядку,—прибавилъ онъ, когда бабушка подала ему образъ.

Бабушка теперь совсѣмъ измѣнилась и стала такая смирная, послушная дѣду.

Мы всѣ сѣли. Посидѣвъ нѣсколько минутъ молча, всѣ поднялись. Дѣдушка сталъ молиться, потомъ благословилъ образомъ батюшку и матушку, потомъ меня съ сестрой.

Потомъ дѣдушка совсѣмъ заволиновался: руки у него дрожали; обыкновенно влажные и мягкіе, глазки его теперь смотрѣли строго, почти сурово.

— Саша,—заговорилъ онъ батюшкѣ,—дай я тебя перекрещу... Смотри... будь твердъ... духомъ.... Время идетъ большое... Помни Іуду... сребренники... али мздоимство... али искательство... у насъ въ роду... этого не было... Бѣдные мы... простые... Долго ли до грѣха! Ну, прощайте... Господь благословитъ васъ!..

Никогда, никогда еще деревня и дѣдушка не провожали насъ такъ. Я смутно чувствовалъ, что въ жизни и моей, и моихъ кровныхъ, и въ жизни всѣхъ этихъ близкихъ мнѣ простыхъ людей, которые окружали меня въ деревнѣ, готово совершиться что-то важное и чрезвычайное...

Когда мы выѣхали изъ села, мнѣ самому почему-то хотѣлось и плакать, и молиться.

СТАРЫЯ ТѢНИ.

уже говорилъ, что въ минуты тяжкихъ душевныхъ смутъ особенно любилъ навѣщать меня мой „маленькій дѣдушка“, приводя съ собою изъ тѣмы забвенія ряды такихъ же, какъ онъ, маленькихъ и ничтожныхъ существованій. Мое дѣтство и отрочество, кажется, неразрывно связаны съ этими маленькими существованіями. Особенно вспоминаются мнѣ тѣ странные таинственные образы, которые вдругъ являлись неизвѣстно откуда—и въ нашемъ „старомъ домѣ“ въ провинціальномъ городѣ, и въ старой сельской почернѣлой избѣ моего дѣда,—и также исчезали неизвѣстно куда. Это были какія-то блуждающія тѣни, пугавшія наше дѣтское воображеніе,—тѣмъ болѣе, что моя старая бабка, которую я не могу иначе вообразить себѣ, какъ въ огромномъ повойникѣ, съ нависшими бровями и грознымъ сковородникомъ въ рукѣ, сильно ихъ недолюбливала и называла „шатунами“, „шатущими людьми“ и „людишками“. Несмотря однако на существованіе моей старой суровой бабки, которая являлась предо мной всегда какъ бы воплощеніемъ того суроваго времени,—эти „шатушіе людишки“, казалось мнѣ, все больше и больше плодились на русской землѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ все больше доставалось отъ суровой бабки и моей мечтательной матушкѣ, и „уличному пустомелѣ“, — маленькому дѣдушкѣ, которые привѣчали этихъ людишекъ и къ которымъ, казалось, льнули они, какъ мотыльки къ свѣту.

Смутно проходятъ предо мной эти странные, таинственные образы, которыхъ такъ много создавало то невозвратно-минувшее время. Вспоминается высокая, сколоченная изъ толстыхъ бревенъ, старая, закомѣлая, но крѣпкая дѣдушкина изба. Въ ней тепло, но на волѣ морозъ къ ве-

черу все крѣпчаетъ. Вотъ уже половина стеколъ покрылась пушистымъ инеемъ: по угламъ то тамъ, то здѣсь постукиваетъ и потрескиваетъ. Дѣдушка сидитъ у сальной свѣчи и торопится заплатитъ кускомъ кожи пробитый валеный сапогъ. Матушка истоиво и пѣвуче читаетъ, неторопливо выговаривая слова, стихотворныя переложенія псалмовъ,—и мнѣ очень правится, какъ звучно и складно льются слова одно за другимъ, но я плохо понимаю ихъ смыслъ. Мы съ сестрѣнкой уже прикорнули подъ теплымъ овчиннымъ тулупомъ—и молча витаемъ въ какомъ-то легкомысленномъ сказочномъ мірѣ, для котораго нѣтъ ни времени, ни пространства: изъ фантастическихъ странъ восточной Шахерезады быстро переносишься то на теплые, мягкіе берега Іордана, то въ суровое царство фараоновъ, то вдругъ уже вертишься въ вихрѣ веселаго, яркаго свѣта, среди моря торжественныхъ звуковъ музыки, въ блескѣ новаго легкомысленнаго міра европейскихъ столицъ, куда такъ чарующе манитъ и зоветъ все молодое, бодрое, свѣжее, что раньше насъ успѣло уже выбратъ и выбиться изъ суровыхъ и темныхъ обиталищъ крѣпостныхъ деревень... Хотя мы съ сестрой ничего не говоримъ другъ другу, но я совершенно увѣренъ, что она носитъ своей мыслью тамъ же, гдѣ и я; мнѣ стоитъ только спросить ее: „а помнишь, вчера мама читала письмо дяди Саши изъ Петербурга?“ чтобы быть увѣрену, что юная фантазія тотчасъ же унесетъ ее, какъ и меня, далеко-далеко отъ этихъ—хотя и теплыхъ, но тусклыхъ и темныхъ стѣнъ дѣдушкиной избы.

И вдругъ слышится тяжелый скрипъ по мосту; стукнуло кольцо у калитки; кто-то откашлялся за дверью. Мы всѣ прислушиваемся; робко и неувѣренно от-

воряется дверь и, заволокнутая холоднымъ паромъ, на порогѣ появляется незнакомая, высокая, худая фигура: длинный овчинный подрясникъ, запесенный свѣгомъ, толстая и высокая, набитая хлопками, скѣфы на головѣ, въ рукахъ—длинный посохъ; на спинѣ—подбитый телячьей шкурой мѣшокъ; худое, длинное, съ провалившимися щеками, мокрое лицо, съ жидкими ключьями сѣдоватой бородки, и черные, болязливо бѣгающіе подъ длинными бровями глаза.

— Миръ и благословіе дому вашему!—отчетливо выговариваетъ пришедшій, стоя у порога, и не трогается съ мѣста.

— Благодарствуемъ; — говоритъ дѣдушка. — Куда странствуете?—Мама, принеси-ка отъ бабки коровашекъ... для странника, молъ.

— Не призналъ, отецъ?—спрашиваетъ между тѣмъ странникъ, все еще не отходя отъ порога.

— Нѣтъ, нѣтъ... Али знакомы?—говоритъ дѣдушка, ища очки. — Кто же будете?

Странникъ пугливо окидываетъ комнату своими черными, пронизывающими насквозь, глазами и тихо говоритъ:

— Презрѣнный рабъ Божій, рабъ человѣческій... дворовый человѣкъ Александръ... вѣчный жидовинъ, Агасферъ треклятый...

— О? Александръ!.. Признаю, признаю,—говоритъ дѣдушка. — Обогрѣться, переночевать, поди, хочешь; пзусталъ чай?.. Мѣсто будетъ... Садись, Александръ, садись, странникъ Божій...

— Дозволяешь, отецъ?—все еще спрашиваетъ странникъ, робко опять озираясь кругомъ.

— Не бойся, не бойся... Входи съ Богомъ, располагайся...

И вотъ странникъ медленно и неуверенно начинаетъ снимать съ себя мѣшокъ и съ тяжелымъ вздохомъ садится на скамью.

— Что жъ, Александръ, али все не нашель успокоенія душѣ своей?—спрашиваетъ дѣдушка.

Но странникъ сидитъ молча, опустивъ голову.

Потомъ слышно, какъ снова глубокий вздохъ вырывается изъ его груди. Потомъ онъ заговорилъ истово, неторопливо, опустивъ внизъ глаза, какъ будто стыдясь смотрѣть на насъ.

— Прошелъ всѣ предѣлы... вездѣ былъ... всѣ обители посѣтилъ... Былъ на

полдняхъ и на полунощъ... на знойномъ Афонѣ и въ хладныхъ Соловецкихъ обителяхъ... Вездѣ, отецъ... Искаль неустанно грядущаго града, и нѣтъ пріюта презрѣнному рабу!.. Исхолодалъ, отецъ, изголодалъ... И въ лѣто, и въ зиму, какъ тать, скрываюсь отъ свѣта и брожу въ нощи... Прихожу въ грады—и изгоняють, стучусь у обителей—и не принимаютъ отверженнаго... Не вижу ни кровныхъ своихъ, ни сродственниковъ, ни жены, ни дѣтей, въ неволѣ пребывающихъ... И да будешь проклять ты, рабъ презрѣнный, что возмнилъ о свободѣ и покинулъ кровь свою, и отжегился ближнихъ своихъ!.. Нѣтъ тебѣ угла въ пространномъ мірѣ Моемъ и не будетъ успокоенія душѣ твоей!.. Захочешь возвратиться въ домъ господина твоего—и отречутся, страха ради іудейска, дѣти твои отъ тебя, и ближніе, и предастъ тебя поруганію и истязанію господинъ твой... Убоясься вернуться въ неволю—и будешь скитаться, какъ воръ, и пріютъ твой будетъ логовище звѣрей...

И вдругъ странникъ съ глухимъ шумомъ падаетъ на колѣна и начинаетъ молиться. Долго слышится, среди полного молчанія, только одни глухіе вздохи странника, да рѣдкія покрякиванія дѣдушки.

И матушка, и я, и сестренка давно уже впились глазами въ это худое, словно отлитое изъ бронзы, тусклое и костистое лицо, на которомъ такъ ярко лежали слѣды безконечныхъ скитаній и безмѣрной скорби.

Странникъ поднялся, выпрямился и все еще не спускалъ глазъ съ образа. По щекамъ его текли крупныя слезы, между тѣмъ какъ черные глаза блестѣли въ одно и то же время злымъ отчаяніемъ и суровою вѣрой.

— Отецъ!..—вдругъ заговорилъ онъ, подымая къ образу руку. — Тамъ... тамъ взыщемъ грядущаго града!.. Тамъ единственно!.. Тамъ—не отринуть...

— Да, не отчаявайся, Александръ... Богъ тебя поддержитъ,—говоритъ дѣдушка. — Нѣтъ той слезы, Александръ, чтобы пролилась тщетно и не была услышана у престола Всевышняго!.. И волосъ не упадетъ даромъ съ головы человѣческой... Ищи—и всегда обрѣцешь... Толпыте—и отверзятся врата правды... Сядь, Александръ, подкрѣпись, чѣмъ Богъ пошлетъ...

И странникъ, нѣсколько успокоенный какъ будто, опять садится на лавку: "по

теперь голова его поднята и блестяще глаза его смотрят куда-то вдаль, какъ будто пронзаютъ стѣны нашей избы, и свѣтится въ нихъ какая-то странная борьба, какъ будто не знаютъ еще они на чемъ остановить свой выборъ: на небѣ или на землѣ...

— Ну, Александръ, расскажи намъ про мѣръ Божій. Вамъ, странникамъ, многое открыто... Поди сюда, присядь здѣсь.

Странникъ садится у стола—и я вижу, какъ матушка, съ загорѣвшими таинственнымъ любопытствомъ глазами, уже подвигается къ нему, поставивъ на столъ руки и склонивъ на нихъ голову, и своимъ обычнымъ мечтательнымъ взглядомъ вшивается въ лицо странника.

И странникъ начинаетъ говорить... Но мое дѣтское воображеніе, запечатлѣвъ въ себѣ его туманно-суровый образъ, уже не сохраняетъ ничего больше, и его рѣчи вспоминаются мнѣ только какъ шумъ бурнаго; но смутнаго потока, несущагося чрезъ безграничныя степи... А по этимъ степямъ, гонимая вѣтромъ, быстро шагаетъ высокая, суровая фигура, тщетно ищущая, гдѣ преклонить главу сыну человѣческому...

И мнѣ представляется, что еще не успѣлъ кончить странникъ свои рассказы, которые такъ длинны, кажется, что длятся цѣлую ночь, и день, и еще ночь, какъ уже за нимъ появляется въ дверяхъ нашей избы новое странное и поражающее наше дѣтское воображеніе существо.

Прежде всего виденъ только одинъ огромный старый нагольный тулупъ, перепоясанный кушакомъ, и большія старыя валенки, но совершенно невозможно опредѣлить ни пола, ни возраста, ни званія того, кто скрывается въ нѣдрахъ этого огромнаго тулупа, вверху котораго едва виднѣется голова, такъ плотно окутанная заицѣвълою шалью, что изъ-за нея не видно даже глазъ. Но вотъ странный тулупъ быстро и нервно дѣлаетъ наотманъ три поклона предъ образомъ, затѣмъ въ углы избы и также быстро начинается развертывать съ головы шаль, и мало-по-малу сначала показывается женская, блѣсоватая бородавка, потомъ длинный тонкій носъ, маленькіе, словно мышинные, сѣрые глазки и, наконецъ, изъ-подъ бараньей шапки освобождается большая лысина, кое-гдѣ опушенная вкоченными косичками бѣловато-рыжихъ волосъ. А когда разомъ и неожиданно свалился въ уголъ тулупъ, — предъ нами

вдругъ объявился самый обыкновенный, самый „ничтожный“ изъ „людишекъ“, какіе только живутъ на свѣтѣ, по мнѣнію моей бабки: старый крѣпостной мужичка, въ заплатанной и изодранной сѣрой свиткѣ. Едва только мужичокъ этотъ почувствовалъ себя на свободѣ отъ угнетавшей его тяжести огромной овчины, какъ вдругъ онъ весь озабоченно оживился, умильно улыбнулся веѣмъ намъ, поклонился еще и еще разъ въ оба угла и, быстро засмѣявъ предъ дѣдушкой короткими ногами, также умильно выкрикнулъ: „Преподобный!.. Отецъ!.. Пріюти!.. Подкрѣпи!.. Обпадежь!..“

— Ахъ, Филимонъ, Филимонъ!.. Да не ужъ это опять ты?..—говоритъ мой „маленькій дѣдушка“ въ видимомъ волненіи, стараясь найти свою табакерку...

— Я, преподобный... Не обезсудь,—выговариваетъ мужичокъ до того тихо, что, кажется, боится собственного голоса.

— Ахъ, Филимонъ!—качаетъ почему-то сокрушенно головой дѣдушка и торопится успокоить себя понышкой табаку,—доколь же ты не успокоишься?.. Другъ, есть ли въ тебѣ мѣсто живо?

И намъ казалось, что въ мужичкѣ, дѣйствительно, не было живого мѣста: ни мускуловъ, ни мяса, ни крови, — только однѣ крѣпкія и несокрушимыя кости, обтянутыя темно-бурою кожей.

Мужичокъ на слова дѣдушки еще умильнѣе улыбнулся, еще меньше, казалось, сдѣлались его сѣрые глазки, — и вдругъ онъ опять весь оживился, заволновался, задвигался веѣми своими костистыми членами и, охваченный какою-то необычайною заботой, сталъ что-то искать за пазухой своей рваной чуйки.

Вотъ онъ вытащилъ оттуда что-то завернутое въ темный платокъ; бережно, дрожащими корявыми пальцами развернулъ его и, обернувшись пугливо по сторонамъ, съ заботливымъ взглядомъ положилъ предъ дѣдушкой какія-то старыя, замасленные бумаги и опять поклонился ему въ поясъ.

— Преподобный... Докука!..

— Ахъ, Филимонъ! Ахъ, Филимонъ!..—вздыхаетъ дѣдушка, снова сокрушенно качая головой,—и затѣмъ испытываетъ Господа-Бога?.. Себя не жалѣешь,—пожалѣй кровныхъ... Умиришь духомъ... Будетъ!.. Будетъ, Филимонъ!.. Послужилъ, другъ... Господь видитъ, Господь взвѣсилъ и взмѣрилъ... Онъ не потребуетъ изможденія до конца... Не испытуй судьбу!..

— Преподобный... Иду!.. Забота въ людяхъ... Надо итти!..

— Куда идешь, безумецъ?.. Вздохни... Залѣчи хоть язвы старыя... Дай поджечь...

— Отецъ... залѣчились... Не обезсудь!.. Иду... до-высиныхъ предѣловъ!..

И мужичокъ опять умильно смотритъ въ лицо дѣдушки, и кажется намъ, что дѣдушка никакъ не можетъ спокойно выдержать этого умильнаго взгляда.

И вотъ дѣдушка встаетъ, взглядъ его дѣлается суровъ и серьезенъ и онъ строго говоритъ:

— Филимонъ!.. Пожалѣй меня... Съ меня Богъ выщеть за тебя... съ меня, — попустителя и помощника!..

— Отецъ... не жалѣй!.. Постучусь еще... Стукъ! Стукъ! Стукъ!.. А можетъ, Господь дастъ... Вотъ такъ, легонько, отецъ: стукъ, стукъ, стукъ!.. „Кто, спросятъ, тамъ?“ — Все молъ мы, безсмѣнные, стучимъ... Все мы...

— А который разъ ходишь стучать?

— Осьмой, отецъ... Осьмой, ежели до высиныхъ предѣловъ... Шесть разовъ этапомъ гнали... Шесть—шкуру спущали...

— Филимонушка, много ли жъ съ тебя останется?.. Пожалѣй!.. Меня, прошу, пожалѣй, мою душу: за что я пособничаю твоей мукѣ-погибели?..

Мужичокъ еще разъ умильно улыбнулся въ самое лицо дѣдушки и вдругъ быстро повалился ему въ ноги.

— Преподобный!.. не жалѣй!..

И такъ же быстро поднявшись, онъ первно и возбужденно задвигалъ и замалхалъ своими сухими, какъ скалки, руками, забѣгалъ пугливо по угламъ мышиными глазами и заговорилъ, заговорилъ неудержимо, словно сразу пролилось изъ него дождемъ все, что долго, бережно и опасливо несъ онъ сюда цѣлые дни и цѣлые десятки верстъ... Это былъ одинъ, казалось, нескончаемый, напряженный шопотъ, какъ отдаленный шумъ воды на мельницѣ, прерываемый какими-то неожиданными выкриками, отъ которыхъ трепетало наше дѣтское сердце... Я помню, что отъ этого напряженнаго шопота костистаго мужичка у меня голова сжималась, какъ въ тискахъ, страшно стучала и билась кровь въ виски до того, что мнѣ хотѣлось разрыдаться и выбѣжать вонъ изъ избы и бѣжать, бѣжать куда-то далеко отъ этого страшнаго шопота, не смотря ни на морозъ, ни на глубокіе сугробы, ни на ночныя вьюги, сурово гудѣвшія вокругъ нашей избы... И если бы

еще хотя на минуту продолжился этотъ ужасный шопотъ, истерзавшій мои нервы, я вырвался бы изъ-подъ теплой шубы и, дѣйствительно, убѣжалъ бы, какъ въ горячечномъ бреду. Но „маленькій дѣдушка“ подошелъ къ намъ и погладилъ задумчиво наши головы. Зачѣмъ? Онъ, казалось, и самъ не замѣчалъ этого. А можетъ быть, онъ невольно хотѣлъ, какъ будто, спросить нашего согласія на что-то. И онъ сказалъ, прерывая мужичка:

— Филимонъ!.. Въ послѣдній разъ... такъ и быть... Чую, что въ послѣдній разъ... Быть концу!.. Нельзя!.. Надо быть концу!.. Великъ Господь въ своемъ долготерпѣнн — точно... но и страшенъ во гнѣвѣ своемъ!..

Мужичокъ просіялъ весь и вдругъ какъ-то сразу прекратилъ свой шопотъ.

— О чемъ писать? — спросилъ дѣдушка.

— Отецъ, пиши всю правду... Говори прямо обо всемъ. Ничего не скрывай... И насъ не милуй: казни Іудину кровь!.. Іудина кровь надъ народомъ лютовать стала!.. Главное, чтобы по правдѣ, отецъ, обо всемъ...

И мужичокъ торжественно поднималъ кверху руки.

— Пиши!.. Терпѣли, претерпимъ еще. Не убоюсь ни новой тюрьмы, ни новыхъ кайдоловъ... Преподобный, не жалѣй!.. Пиши!..

И долго-долго, въ безмолвной тишинѣ зимней ночи, съвѣзъ тревожный сонъ, видится намъ и костистый мужичокъ, съ своей умильной улыбкой и какой-то дѣтски-наивной рѣшимостью и вѣрой, ослѣщающей все его маленькое лицо, — и нашъ „маленькій дѣдушка“, вдругъ сдѣлавшійся такимъ серьезнымъ и строгимъ и, съ суровымъ сознаніемъ какого-то великаго долга, истово и неторопливо выводившій на бумагѣ четкія полууставныя буквы...

— Пиши, пиши, отецъ!.. Есть правда!.. Правда будетъ!.. — все еще слышится намъ голосъ костистаго мужичка, и чѣмъ дальше слѣдитъ онъ за перомъ дѣдушки, тѣмъ, кажется, лицо его все свѣтлѣетъ больше и больше.

Мы почему-то радуемся и за мужичка, и за дѣдушку, но въ то же время насъ томитъ какое-то тайное чувство страха и боязни, потому что кажется намъ, что вотъ сейчасъ войдетъ изъ стряпной половины наша суровая бабка, сердито окинетъ подозрительнымъ взглядомъ всѣхъ насъ, „непутныхъ“ и „шатущихъ“ людей и крикнетъ:

„Что за людишки опять набрались? Откуда Богъ привелъ?.. Не берутъ, должно, ни казни, ни угрозы шатущихъ... Чего нашли другъ въ другъ, что льнете, какъ мухи къ меду?.. Ну, эта хошь полоумная зародилась,—мотаетъ головой бабка на матушку,—а ты что, старый?.. Ой, дьяконъ! Не одобровать тебѣ, не одобровать!.. Попомни мое слово... Дождешься ты себѣ за этихъ людишекъ награды!..“

Но „людишки“, на первое время какъ бы дѣйствительно смущенные и оробѣвшіе отъ грознаго окрика суровой бабки,—однако не только не исчезаютъ, но какъ будто вырастаютъ ихъ еще больше...

Вотъ я вижу, что уже около дѣдуш-

ки, выводящаго предъ салнымъ огаркомъ полууставныя буквы, сидитъ уже не одинъ костистый мужичокъ Филимонъ, а вмѣстѣ съ нимъ и наша слѣпая деревенская печальница и самая близкая дѣдушкина подруга Фимушка, и суровый бѣглый человѣкъ Александръ, и еще дватри какихъ-то новыхъ таинственныхъ, „маленькихъ и ничтожныхъ существованій“, которыхъ, однако, я очень смутно различаю,—и всѣ, съ внимательно-устрашенными взорами, слушаютъ сидящую предъ нами Аннушку,—слушаютъ до того напряженно и внимательно, какъ будто не слова, а нектаръ и чудное благоуханіе льются изъ ея устъ

АННУШКА.

Аннушка! Какъ передать мнѣ вамъ этотъ дивный въ своей простотѣ образъ, который давно уже заполонилъ наши юныя сердца, который не разъ постѣ, въ тяжкія минуты духовнаго изнеможенія и надорванной энергіи, вдругъ яркой звѣздочкой выплывалъ предъ нами изъ-за сумрака сѣрыхъ тучъ и о чемъ-то говорилъ намъ съ высоты небесной, и какъ будто манилъ къ себѣ, въ надзвѣздную высь, своимъ мягкимъ, ровнымъ блескомъ?...

Мы мало ее знали: это была тоже одна изъ блуждающихъ тѣней, которая разъ-другой проносились мимо насъ, какъ видѣнія,—и исчезали, казалось, безслѣдно; но это такъ казалось намъ, пока легкомысленный утаръ молодой жизни еще туманилъ наши духовныя очи, и мы съ дѣтской надменностію полагали, что между нами и прошлымъ нѣтъ уже никакой связи, что все благодатное, что было въ насъ, родилось вмѣстѣ съ нами и изъ самихъ насъ...

Я расскажу лучше всего, что мы знали объ Аннушкѣ.

Однажды, когда „нашъ ополченецъ“ гостилъ по обыкновенію у насъ, въ нашемъ старомъ провинціальномъ трех-окопномъ домикѣ, сокращая скучные зимніе вечера своего одинокаго деревенскаго существованія, онъ, сидя на диванѣ и покуривая Жуковъ изъ длиннаго чубука, постѣ довольно продолжительнаго молчанія, вдругъ сказалъ, обращаясь къ матушкѣ:

— А знаете ли, вѣдь въ молодости я чуть было не женился на своей крѣпостной дѣвушкѣ?...

Онъ таинственно улыбнулся и усиленно сталъ сопѣть трубкой.

— Да,—продолжалъ онъ,—и навѣрно бы женился и сдѣлалъ бы свою крѣпо-

стную дѣвку барыней, если бы судьба такъ же охотно исполняла всѣ глупости, которыя намъ взбредутъ въ голову, какъ мы сами.

Мы были еще такъ юны, что подобное сообщеніе нашего ополченца, — имѣвшее для него повидимому большое значеніе и которое онъ не безъ труда рѣшился сдѣлать,—не особенно насъ заинтересовало бы, если бы онъ не началъ дальше рассказывать о какой-то черноглазой дѣвочкѣ, смуглой, какъ цыганенокъ, которую его мать взяла къ себѣ въ „горницы“ изъ дальней деревни и которую всѣ у нихъ прозвали „галченкомъ“. Это обстоятельство заставило меня и сестренку бросить вырѣзываніе транспарантовъ и внимательно выслушать весь рассказъ ополченца, хотя мы понимали въ немъ далеко не все.

— Н-да, удивительная вещь, — говорилъ задумчиво нашъ ополченецъ, прерывая свою рѣчь долгими попыханіями въ чубукъ: — не то удивительно, что я хотѣлъ жениться... Это глупости, вздоръ!.. А то, что вотъ она... этотъ „галченочекъ“... засѣла гдѣ-то тамъ... въ подоплечѣ... въ глубинѣ юнкерско-дворянской подоплеки... и свербитъ тамъ... Да, по временамъ...

И ополченецъ опять началъ сопѣть въ чубукъ и при этомъ долго и внимательно, съ таинственной улыбкой, смотрѣлъ на мою сестренку.

— Вотъ,—сказалъ онъ, указывая на нее чубукомъ:—вотъ, помню, такая же была... Мнѣ было лѣтъ четырнадцать, а я все еще жилъ дома, былъ сорванецъ-мальчишка и балбесъ. Одинъ былъ у маменьки; была раньше сестренка, да умерла лѣтъ десяти; мать долго и очень объ ней тосковала. Помню, однажды, когда матушка вернулась изъ поѣздки въ одну изъ нашихъ деревенекъ, на югѣ,—я замѣтилъ

въ людской новаго человѣчка, маленькаго, худенькаго, черномазенькаго, съ черными глазами, запрятавшася въ уголь за печкой... „Вотъ нашли еще сокровище!“ сказала наша ключница: — „настоищій галченкокъ изовутъ то, слышь, Галькой... Полюбуйтесь! Хохлушка, слышь, а можетъ арапка“... Галченкокъ!... И мнѣ, и всѣмъ въ людской это очень понравилось... Съ тѣхъ поръ галченкокъ сталъ галченкомъ, и на другой же день принялся было, грязный и босой, какъ и всѣ другіе дворовые галчата, прыгать на заднемъ дворѣ — какъ вдругъ матушка вспомнила о галченкѣ, приказала вымыть, причесать, одѣть Гальку и представить къ ней „въ горницы“... Священнику, который ходилъ къ намъ давать мнѣ уроки, приказано было учить Гальку грамотѣ... Матушка стала ее держать при себѣ цѣлые дни, занималась съ ней сама, учила ее вышивать и даже баловала лакомствами... Иногда она, смотря на нее, тихо плакала... Но такъ продолжалось не долго; матушка вдругъ ее забывала... Глядишь, а ужъ галченкокъ снова толкается въ людской, на кухню, бѣгаетъ на посылахъ у ключницы, перетираетъ тарелки, ходитъ въ рваномъ затрапезномъ платьишкѣ, нечесанный и немытый; опять урывками играетъ съ дворовыми ребятишками на заднемъ дворѣ... А тамъ опять — смирно и робко галченкокъ по цѣлымъ днямъ сидитъ въ комнатѣ матушки, четко выговаривая толенькимъ голосомъ склады, сложивъ подъ столомъ ручки, и только бойко прыгають по буквамъ его черные глаза... Ну, да... все это, какъ видите, въ порядкѣ вещей... Гм!... — вдругъ почему-то завопывался нашъ ополченецъ и, поставивъ въ уголь трубку, онъ протянулъ руки къ моей сестренкѣ и тихонько привлекъ ее къ себѣ.

— Да, вотъ галченкокъ былъ такой же тогда!.. Я хорошо помню... Вотъ и глаза, — говорилъ онъ, какъ-то особенно любовно смотря въ лицо сестры. — Ну, послѣ я его забылъ... Меня увезли въ Москву... Вообще... изъ стараго ничего не осталось... Новые интересы, новая жизнь... Все было забыто... Да... все... А потомъ... потомъ, знаете, какъ это бываетъ: вдругъ все, сразу, неожиданно и хлынетъ.

Ополченецъ помолчалъ, забился въ самый уголь дивана и, какъ мнѣ показалось, весь съежился, смутился, пересталъ смотрѣть на насъ, робко опустилъ глаза и, вообще, совсѣмъ не сталъ походить на браваго ополченца.

— Да, все было забыто, — повторилъ онъ: — ну, сначала корпусъ... Былъ и въ лицѣ... И за границу ѣздилъ... Прошло, вѣроятно, лѣтъ десять... Наѣзжалъ и въ деревню, — но все это такъ... мимоходомъ... Другіе интересы, другая жизнь... А это все... старое, что тутъ осталось, — такъ мелкоало только... мимо... Одно мельканіе было... Вотъ однажды получаю письмо отъ матушки, что она очень больна... Приѣхалъ... Кругомъ, конечно, заботы... Врачъ дежуритъ... Дворян ходитъ на пыпочкахъ... Проходилъ день за днемъ... Матушка моя будто стала поправляться... Вхожу къ ней какъ-то вечеромъ... Около нея сидитъ дѣвушка съ Евангеліемъ въ рукахъ и читаетъ... Дѣвушка показалась мнѣ очень скромной, съ маленькимъ, смуглымъ, худощавымъ лицомъ... да и вся она была не столько худая, сколько именно маленькая: и носъ у нея, съ горбинкой, тоже былъ маленький, и руки маленькія, только глаза были большіе, какъ крупныя вишни, да толстая черная коса... И я вдругъ вспомнилъ „галченка“...

Я сталъ всматриваться въ нее, чтобы припомнить хорошенько сходство, но тутъ почему-то мнѣ пришла въ голову мысль, что она, вѣроятно, вотъ уже за мужемъ за кѣмъ-нибудь изъ лакеевъ или кучеровъ... И мнѣ стало не интересно... Ну, да, потому что все это такъ... въ порядкѣ вещей...

— Ну, матушка однако не поправилась: черезъ недѣлю она умерла... Надо было привести дѣла въ порядокъ... Впрочемъ, все это долженъ былъ приготовить мой дворецкій... А я больше, грустный и меланхолическій, ходилъ по саду, по берегу рѣки, и думалъ, что это и есть самое хорошее дѣло. Забрелъ я какъ-то однажды въ самый глухой уголь сада, уже въ сумерки — и слышу, что кто-то очень близко отъ меня тихонько всхлипываетъ. Гляжу, прямо предо мной, на скамьѣ сидитъ дѣвушка, закрывъ лицо фартукомъ.

— О чемъ ты плачешь? — спросилъ я, но еще не узналъ — кто эта дѣвушка. Она вздрогнула, опустила фартукъ, быстро поднялась и стала смотрѣть мнѣ боязливо въ лицо: я замѣтилъ, какъ блестяли отъ слезъ ея черные глаза...

— Ты — Аннушка, да?... О чемъ ты плакала? — спрашивалъ я. — Можешь ты мнѣ сказать искренно?...

— Мнѣ... тоска... бываетъ... Мнѣ хо-

чется тоже... умереть,—прошептала она такъ тихо, что я едва слышалъ ея голосъ.

Я никогда еще не слышалъ такихъ словъ... отъ дворян. Да, въ романахъ читалъ, но тамъ—другіе люди... свои...

— Сядь, — сказалъ я: — сядь, Бога ради...

Она присѣла на самый краешекъ скамьи.

— Отчего жъ ты тоскуешь?... Можетъ быть, не хорошо живешь съ тобой мужъ?..

— Я—дѣвушка...

Это меня нѣсколько изумило, но вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ было почему-то пріятно.

— Отчего жъ ты до сихъ поръ не вышла замужъ? Никто не любилъ?...

— Я была при вашей мамашѣ... все время... Она меня любила... очень любила и нигде не отпускала... А у меня часто бываетъ такъ... тоска... Еще когда я моложе была, ко мнѣ по ночамъ все приходили то дѣдушка, то бабушка... И все корили за что-то... Я все плакала... Я просилась у мамы—отпустить меня къ своимъ... А онѣ говорятъ: „Ни за что!.. Лучше убей меня!.. Вотъ умру—ступай!..“ Мнѣ ихъ жалко было... Они меня всему научили... Я имъ книжки читала... Всѣ книжки, какія у васъ въ шкафу были, всѣ почти перечитала... А которыя и не одинъ разъ... А только на вашу мамашу тоже другой разъ находило... и она не любила тогда меня... прогоняла отъ себя... А на меня тогда еще пуще тоска... Собиралась убѣжать, уйти—да не смогла... Простите меня... Это во мнѣ, говорятъ, кровь говорила... Родная кровь.

И она опять заплакала.

Я старался успокоить ее, но въ то же время я не хотѣлъ ее и смущать еще больше,—и ушелъ. Я проходилъ всю ночь до разсвѣта по мокрому лугу... Что-то во мнѣ тогда вдругъ заговорило, поднялось, смутное, неопредѣленное, что-то воскресло старое, все это, забытое... „Всѣ лучшіе годы, всю молодость... не отпускала!.. Собиралась бѣжать—и не смогла, жалко было“... всѣ эти отрывочныя слова дѣвушки тысячу разъ вертѣлись въ моей головѣ,—и она стояла предо мною, какъ живая: такая маленькая, худенькая, а въ глазахъ ея было столько тоски и слезъ...

Мнѣ казалось, что послѣ бессонной ночи я пришелъ къ какому-то важному рѣшенію—и заснулъ. На другой день я позвалъ къ себѣ стараго дворецкаго и,

какъ бы мимоходомъ, разспросилъ объ Аннушкѣ. Вся дворня смотрѣла на нее, какъ на странную дѣвушку, немножко будто „попорченную“... „Барыня-покойница очень привѣчали ее при себѣ — точно“, говорилъ дворецкій: „иной разъ, слышно, такъ говорили: кабы ты, слышь, моя дочь была... Да нѣтъ, говорятъ, нѣтъ... Уйди, говорятъ, уйди прочь отъ меня!“ И прогонялъ. А то отъ себя не отпускаютъ: всему ее обучили, и книжки все себѣ заставляли читать... Ну, а она, другой разъ, выбѣжитъ къ дѣвкамъ (извѣстно, молодость!... тоже—въ охотку), побѣгаетъ съ ними въ горѣлки, пѣсенъ попоетъ... А тамъ, глядишь, найдетъ на нее—гдѣ-нибудь въ уголкѣ по ночамъ плачетъ и все Богу молится...“

Къ изумленію своего дворецкаго, я вдругъ объявилъ ему, что на этотъ годъ я останусь съ ними, а можетъ быть и навсегда.

— Я забылъ васъ совсѣмъ!.. Да, совсѣмъ забылъ!—прибавилъ я, чувствуя, что голосъ у меня дрожитъ. Но мой добрый старикъ-дворецкій, повидимому, не оцѣнилъ этого и, не осмѣливаясь высказать свое недоумѣніе, проговорилъ, почесавъ за ухомъ: „слушаемъ-съ!..“

Да, я рѣшилъ „вспомнить ихъ всѣхъ“... Я справился у ключницы объ Аннушкѣ,—что она, не тоскуетъ ли... Ключница подозрительно взглянула на меня и сказала: „что ей, сударь, дѣлать: извѣстно о барынѣ-покойницѣ тоскуетъ...“ Я все думалъ, что бы мнѣ для нея сдѣлать, и ничего не могъ придумать... Я позвалъ ее и сказалъ, чтобы она мнѣ что-нибудь прочитала... такъ же, какъ матушкѣ. Я далъ ей новую, только что появившуюся тогда замѣчательную повѣсть, которую привезъ съ собой. Она скромно сѣла за столъ и стала читать. Лицо ея было серьезно; худыя, смуглыя, съ пробивающимся румянцемъ, щеки, опущенныя рѣсницы, пѣвучій тонкій голосъ напоминали мнѣ тѣхъ молодыхъ крылошанокъ, которыхъ я любилъ такъ смотрѣть и слушать въ московскихъ монастыряхъ... Она читала и, повидимому, начала все больше увлекаться сама чтеніемъ. Она читала долго, не смотря на меня. Я не мѣшалъ ей. Я смотрѣлъ на нее и не могъ отвести глазъ. Потомъ какъ-то она подняла на меня свои темные глаза и покраснѣла. Я чувствовалъ, что самъ покраснѣлъ и смутился... Вечеромъ я опять просилъ ее читать. Она принялась

охотно, и мы кончили повѣсть. Но она все время не подыала на меня глазъ. Такъ продолжалось день и другой, и третій... Я просилъ ее читать мнѣ, какъ матери. Она не отказывалась и аккуратно исполняла свой „урокъ“. Да и могла ли она подумать отказаться, она, крѣпостная дѣвушка? Но я не думалъ объ этомъ. Мнѣ было пріятно слышать ее нѣжный, молодой голосъ, слѣдить за переливами стыдливой крови на ея смуглыхъ щекахъ и ловить робкій взглядъ ея темныхъ глазъ, которые она изрѣдка подымала отъ книги. И я думалъ: „какъ мнѣ хорошо здѣсь, при ней... Я останусь здѣсь... Что-же: мнѣ стоитъ только протянуть ей руку—и я спасу ее и сразу испулю грѣхъ моей матери противъ нея...“ Я чувствовалъ, что становился великодушнѣе и нѣжнѣе.

Однимъ утромъ, когда я только всталъ, вдругъ отворилась тихо дверь и на порогѣ робко остановилась Аннушка. Она не смотрѣла на меня, но я чувствовалъ, что въ глазахъ ея стояли слезы... А мнѣ почему-то было пріятно, что она сама вошла ко мнѣ.

— Что Аннушка?—спросилъ я.

— Я къ вамъ,—стала она говорить такъ тихо, что едва можно было ее слышать:—я пришла... просить васъ, Петръ Григорьичъ... Отпустите меня... на волю... Прошу, ради Господа... Я и барыню просила... Да не пустила: говоритъ, умру—тогда... Пустите... Я вѣдь не для себя... Я въ монастырь уйду... Только на родину схожу... Если не вѣрите, я клятвенно предъ образомъ побожусь... Если я обману, что для себя это я, по этапу тогда меня вытребуеете... Да вѣдь я и не нужна вамъ, Петръ Григорьичъ... Для мамаша была нужна... А для васъ я къ чему годна?.. Петръ Григорьичъ, Богъ вамъ воздастъ за меня сторицею, потому что не для себя я... Я вотъ только на родину схожу... Отпустите,—тихо пропентала она,—ради мамаша, ради памяти...

Я, понятно, былъ изумленъ и смущенъ.

— Что съ тобой, Аннушка?.. За чѣмъ это ты... хочешь похоронить себя въ такихъ молодыхъ годахъ?—заговорилъ я.—Вѣдь ты ужъ и такъ... вѣдь, мать моя тебя и безъ того держала, какъ въ монастырь... Она молодость твою загубила... Нѣтъ, нѣтъ!.. Это ты хочешь меня наказать... Ты хочешь, чтобы я тебя въ

конецъ загубилъ... Проси, что хочешь... другое... я готовъ... Вотъ я останусь здѣсь... Я постараюсь устроить твою жизнь... Выпущу сюда твоихъ стариковъ... Можетъ быть, ты полюбишь... кого-нибудь... Будешь счастлива...

И вдругъ Аннушка покачнулася, какъ былинка отъ вѣтра, и упала мнѣ въ ноги.

— Петръ Григорьичъ, не погубите,—пентала она глухо, сквозь слезы.—Отпустите... Тоска мнѣ... Ради памяти маменьки... Я не для баловства... Клятвенно говорю вамъ... Если что—по этапу...

— Хорошо, хорошо,—быстро сказалъ я, испугавшись, что она будетъ продолжать какія-то страшныя слова...

Она вышла. А я почувствовалъ, какъ у меня заняло сердце... да такъ и застыло вотъ что-то съ тѣхъ поръ въ дворянской подошкѣ... И свербить...

Ополченецъ замолчалъ и взялся за трубку. Магушка, какъ мы замѣтили, была взволнована, но долго молчала, прежде чѣмъ спросила его:—„И она ушла? И вы съ тѣхъ поръ не видали ее больше?“

— Нѣтъ, не видаль... Но справлялся, разспрашивалъ... Говорили: что съ нею взять? Извѣстно, чудная была—такой и осталась. Слышно, живетъ, что птица, что Божія птаха. Летаетъ съ мѣста на мѣсто: то тамъ объявится, то здѣсь. Гдѣ облюбуетъ мѣстечко въ деревнѣ, советъ гнѣздышко—поживетъ, а тамъ опять—вспорхнула и полетѣла... Вообще, я замѣтилъ, что когда разсказывали о ней наши дворовые, то старались теперь говорить какъ-то нѣжнѣе, любовнѣе... Разсказывали, что она часто ходитъ по городамъ, по богатымъ, собираетъ деньги на что-то. На что—наши не знали, но были увѣрены, „что деньги эти ни къ чему ей, какъ на Божье дѣло... Потому что старики у нея умерли, совсѣмъ одинопчка, какъ перекати-поле“... Однажды, когда я уѣзжалъ, говорили, что Аннушка заходила къ намъ, просила мнѣ поклонъ передать и чтобы я не думалъ, что она меня обманула: что она въ монастырь была не долго, только ей не показалось тамъ, что если она теперь и живетъ на-міру, на народѣ, то все равно, что черничка, что ей самой ничего не нужно... Просила слезно меня въ этомъ увѣрить... Что она давно думала побывать у насъ, что тосковала очень, да и то думала: что вотъ я такой добрый—

вольную ей дать, а она будетъ людямъ, съ которыми свой дѣвичій вѣкъ изжила, глаза мозолить своей вольностью... Грѣхъ, слышь, это... А что она меня очень поинитъ и часто молится за меня, чтобы Богъ открылъ мнѣ сердце... Къ чему она это говорила—не знаютъ: многое она говорила, что птица щебечетъ... Ночевала ночку, а тамъ и опять улетѣла... „Чтожъ“, замѣтилъ мой старый дворецкій:—„отъ нея вѣдь вреда нѣту, Петръ Григорьевичъ, а больше какъ бы утѣшеніе простому народу... Я такъ думаю...“—„И я то же думаю, Прохоръ Петровичъ“, сказалъ я... Ну, вотъ и все, что я о ней зналъ, и никогда ее не видалъ уже... Но это, впрочемъ, не значить, чтобы я могъ ее забыть!.. Гм... Это не такъ легко, пожалуй, какъ дать „вольную...“

— Да, знаете ли,—прибавилъ ополченецъ и тихо засмѣялся,—вѣдь я вотъ часто во снѣ леталъ за этой „Божьей птицей“?.. Да, дворянская фантазія разыгрывалась: то будто я ввожу ее въ московскій свѣтъ, и мы кружимся съ нею въ вальсѣ... И всѣ на насъ смотреть... То будто она Жанна д'Аркъ (а я знаю, она должна была про нее читать съ матушкой), а я будто рыцарь Ліонель, стою предъ нею на колѣняхъ на полѣ битвы (ополченецъ засмѣялся уже громкимъ смѣхомъ)... Да, а вотъ какъ она теперь въ дѣйствительности-то, мы это не знаемъ, и фантазіи у насъ на это не хватить...

Ополченецъ окончательно задумчиво замолчалъ, пуская густые клубы дыма, и какъ-то особенно выразительно и долго смотрѣлъ тогда на мою черноглазую сестренку. А матушка встала, подошла къ окну и долго смотрѣла куда-то въ невѣдомую даль полными слезъ глазами. Мы съ сестренкой совсѣмъ присмирѣли и тоже почему-то загрустили. Намъ всегда какъ-то становилось грустно и жутко, когда матушка выпадала въ это мечтательно-грустное настроеніе.

Намъ все думалось тогда, что вдругъ мама уйдетъ отъ насъ. Если вы припомните, что матушка наша тоже была „мечтательница“ и когда-то въ дѣвушкахъ „бѣжала“, наканунѣ свадьбы своей, съ одною молодою черничкой къ „святымъ мѣстамъ“, то будетъ понятно впечатлѣніе, какое произвелъ на всѣхъ насъ рассказъ нашего ополченца, хотя, повторяю, въ то время мы понимали въ немъ далеко не все. Передъ нами посился только

въ смутномъ очертаніи какой-то очень милый и грустный образъ маленькой черноглазой дѣвушки, съ большой черной косой и смуглыми щеками, которую похитила отъ ея папы и мамы какая-то злая волшебница, и съ тѣхъ поръ она дни и ночи принуждена была читать у кровати больной и капризной барыни. Потомъ, когда барыня умерла, ее выпустили изъ влѣтки и вотъ она, какъ вольная птичка, думалось намъ, летаетъ теперь по такимъ-же деревенькамъ, въ какой жилъ нашъ „маленькій дѣдушка“.

Въ какой послѣдовательности случилось все это, скоро или долго спустя,—не знаю, но хорошо помню, какъ однажды, когда мы съ матушкой по обыкновенію пріѣхали лѣтомъ гостить въ село къ нашему „маленькому дѣдушкѣ“,—матушка намъ сказала, что на утро мы поѣдемъ въ лѣсъ, „въ пустынь“,—прибавила она, чтобы, вѣроятно, яснѣе опредѣлить цѣль нашей поѣздки. Матушка нерѣдко предпринимала съ нами такіа поѣздки по монастырямъ, скитамъ и пустынямъ, вѣчно ища отвѣтовъ на безпокойные, неудовлетворенные запросы своей души. А мнѣ и сестренкѣ, среди скудости впечатлѣній нашей глухой провинціальной жизни,—такія поѣздки были истинными свѣтлыми праздниками и чрезвычайно намъ нравились: вѣдь, столько было вѣчно-живой и свѣтлой поэзіи въ сочной, яркой зелени лѣсовъ, черезъ которые приходилось намъ проѣзжать, и въ мягкомъ, ласкающемъ воздухѣ тихихъ большихъ рѣкъ, переправляясь черезъ которыя на утлыхъ паромехъ переживешь такъ много разнообразныхъ ощущеній! Впрочемъ, эти поѣздки для насъ съ матушкой рѣдко проходили безнаказанно. Прежде всего, недолюбливалъ ихъ и самъ батюшка, скорѣе просто изъ зависти, такъ какъ ему приходилось въ одиночку тянуть свою крѣпостную чиновничью ляжку, оставаясь на цѣлую недѣлю съ одною вивой Акулиной; главнымъ-же врагомъ этихъ нашихъ романтическихъ поѣздокъ была бабка, которая приходила отъ нихъ всякій разъ въ негодованіе, обзывая матушку и „полоумной“, и „транжиркой“, которая совсѣмъ расточить все хозяйство и пустить мужа по-міру. Матушка, обыкновенно, на все это вздыхала, жаловалась на свою мученическую жизнь, проливая потоки слезъ,—и тѣмъ не менѣе, въ кон-

цѣ-концовъ, всегда дѣлала по своему: неожиданно подъѣзжала подвода, и мы уѣзжали. Такъ было и теперь. Бабка весь вечеръ ворчала, и въ особенности доставалось отъ нея какой-то „шатушей бабенкѣ“, которая неизвѣстно откуда еще съ утра забралась къ матушкѣ и все о чемъ-то съ ней шепталась: очевидно, она и была главной „смутьянкой“ и виновницей нашей поѣздки. Къ ночи бабка совсѣмъ расходилась и окончательно запретила дѣдушкѣ давать намъ лошадей — „шататься не вѣсть по какимъ мѣстамъ, незнаемо зачѣмъ!“ Дѣдушка покряхтѣлъ и усиленно понюхалъ табакъ, матушка горько поплакалась на свою судьбу, но когда только что чуть-чуть начало разсвѣтать, матушка разбудила насъ, наскоро и тихомолкомъ собрала и велѣла выходить къ задворкамъ. Скоро подъѣхала лошадь, которою правила „шатушая бабенка“, а дѣдушка наскоро затискивалъ въ роспуски два наполненныхъ тѣмъ-то мѣшка. Мы „духомъ“ усѣлись, покрестились и торопливо по росѣ тронулись въ путь, сопровождаемые успокоительными знаками нашего „маленькаго дѣдушки“.

Ѣхали мы, помнится мнѣ, очень долго, все больше забирался въ самую тѣсную глушь. Помнится, намъ съ сестренкой уже становилось жутко въ узкой просѣлкѣ, между высокими, нескончаемыми стѣнами вѣковѣчныхъ сосенъ, цѣплявшихся за насъ старыми, мшистыми вѣтвями. При каждомъ шорохѣ, раздававшемся въ тѣсу, мы боязливо бросались и прижимались къ матушкѣ. „Э, малыши, что боитесь? Нечего бояться, — и здѣсь Божіи люди живутъ. А гдѣ люди живутъ, тамъ и Христосъ живетъ. Чего бояться?“ — утѣшала насъ „шатушая бабенка“, замѣнявшая намъ теперь кучера. Дѣйствительно, скоро и какъ-то совсѣмъ неожиданно, вдругъ въ тѣсной прогалинѣ, на зеленомъ отлогомъ спускѣ, къ заросшей камышомъ рѣчкѣ, высилась предъ нами небольшая деревенька. „Здѣсь?..“ — спросила матушка. „Здѣсь, здѣсь, — отвѣчала почему-то шопотомъ баба и тотчасъ же свернула съ дороги и поѣхала задомъ. — Вотъ сейчасъ тутъ и изба моя... И она у меня... Я вѣдь бобылка, съ дочкой только живу, убогая у меня дочка — глухонѣмая съ рожденія... Такъ и жили вдвоемъ, а вотъ какъ она поселилась у насъ, ровню просвѣтлѣло все, народъ около насъ сталъ ютиться; старички, странники заходятъ всякіе, безродные, больные кото-

рые... Такъ будто другъ другомъ и держимся, и веселѣе, и въ Бога-то батюшку будто больше вѣруешь... Вѣдь намъ, милая, на кого надѣяться? Никто къ намъ, милая, не снизойдетъ... А ежели Господь и пошлетъ къ тебѣ добрую душу съ утѣшеніемъ, то и то оберегаешься, все тихомолкомъ“.

Лошадь остановилась на задворкахъ двойной старинной избы. Баба торопливо вскинула себѣ на спину мѣшки и, шопотомъ пригласивъ насъ за собой, повела подъ темный навѣсъ двора.

— Вотъ сюда, сюда входите, — говорила баба все болѣе и болѣе таинственнымъ шопотомъ.

И этотъ странный шопотъ, и напряженные впечатлѣнія дремучаго лѣса, и вообще вся таинственность нашей поѣздки, — все это такъ и запечатлѣлось въ нашей душѣ въ смутныхъ образахъ тѣхъ же пугающихъ тѣней, какія тревожили наше дѣтское воображеніе въ избѣ нашего „маленькаго дѣдушки“.

Мнѣ припоминается большая темная изба, освѣщенная блѣдноватымъ свѣтомъ спускающихся сумерекъ. Вдоль стѣны, гдѣ должна быть печь, висѣлъ пологъ; за нимъ была постель. На постели лежало что-то длинное и худое, чего мы не могли еще разобрать, но отъ чего изъ-за полога распространялся по избѣ тяжелый, смердящій запахъ трупъ. Близъ полога у изголовья сидѣла маленькая, худая, смуглая женщина, съ большими темными глазами, повязанная чернымъ, съ бѣлыми горошинами, платкомъ; рядомъ съ ней по лавкамъ сидѣли какія-то дѣвушки въ синихъ сарафанахъ, старухи, два-три старика. Привезшая насъ баба ходила хлопотливо по избѣ и продолжала со всѣми говорить шопотомъ.

Но мы напряженно и съ какимъ-то неопредѣленнымъ страхомъ смотрѣли на смердящій пологъ и сидящую близъ него женщину, въ рукахъ у которой была книга.

— Мама! Это — Аннушка? — вдругъ спросила моя сестренка. — А тутъ... за пологомъ... тутъ старая барыня умираетъ?..

Маленькая женщина удивленно посмотрѣла на насъ своими темными глазами и, казалось, хотѣла подойти къ намъ. Но въ это время пологъ раздвинулся чѣмъ-то длинными и сухими, какъ тонкія палки, руками и на кровати поднялась жидкая и сухая фигура темно-коричневаго

цвѣта, едва прикрытая синей изгребной рубахой. Это былъ мальчикъ лѣтъ 15—16, съ извѣденнымъ оспой лицомъ и бѣлыми испорченными оспой же глазами, блестящими какими-то страннымъ, восторженнымъ и лихорадочнымъ взглядомъ.

Онъ вдругъ закивалъ намъ черной кудрявой головой, выразительно улыбаясь сверкающими бѣлыми глазами, и сказалъ, показывая на сидѣвшую около него женщину: „Вы къ ней?.. Я знаю, что къ ней... Послушайте.. Да, да, послушайте ее! Ничего... Она вѣдь для всѣхъ рассказываетъ, у кого къ тому желаніе есть...“

И мальчикъ, радостно улынувшись, опять легъ навзничъ, устремивъ въ потолокъ свои сверкающіе глаза.

— Это вотъ тотъ самый паренекъ... сусѣдскаго мужичка, — говорила шопотомъ матушкѣ хозяйка — бобылка. — Смердитъ, поди?.. Да, да... Точно, ежели съ непривычки... Вотъ мы притерпѣлись — ничего... Что дѣлать?.. Божье дѣло... Вотъ ужъ седьмой годокъ, какъ у отца все на печи лежало... Былъ прежде паренекъ справный, годковъ до девяти, — отцу ужъ помогать... А тутъ ѣхалъ какъ-то изъ ночного, лошадь сшибла — упалъ, да съ того и прикинулось: хуже, да хуже... Да вотъ седьмой годокъ съ одра не сходитъ, — ни тебѣ солнышка, ни тебѣ людей, ни травку, ни скотинку — ничего не видывать... Такъ и лежалъ одинъ въ избѣ... Всѣ на работу уйдутъ, у всѣхъ заботы, гдѣ имъ заняться: и лежитъ одинъ — одинешенекъ, да въ темный уголъ смотреть...

Маленькая женщина съ добрыми темными глазами поднялась и, подойдя ко мнѣ съ сестрой, стала гладить насъ по волосамъ.

— Хорошо, что пріѣхали... Хорошо, — заговорила она чистымъ, звонкимъ, пѣвучимъ голосомъ. — Посмотрите, какъ живутъ здѣсь бѣдные — то... Доброе дѣло, сударыня, что съ собой ихъ берете... Какъ знать, что имъ впередъ уготовано... Можетъ, придетъ время — вдругъ сердце имъ и откроется... и вспомнятся имъ обо всемъ, что видѣли, да слышали... Я вѣдь по себѣ знаю... Вонъ какая востроглазая!.. Я вотъ такая же была, — говорила она, любовно и весело смотря на мою сестренку. — Выростешь — не забудь меня...

Вдругъ худой мальчикъ опять поднялся на кровати, замахалъ намъ руками и головой и заговорилъ:

— Семь лѣтъ... не видалъ Божьего солнышка... теплаго вѣтерка не чувалъ...

Птичьего гласа не слыхивалъ... цвѣточковъ, травушки зеленой не видывалъ... Одна тьма вокругъ стояла, — говорилъ мальчикъ, порывисто, задыхаясь, нервно и торопливо. — А теперь... теперь все вижу и знаю!.. Теперь она мнѣ солнышко красное, мѣсяцъ свѣтлый, звѣзды яркія!.. Теперь я вездѣ — мори-океаны переплыву, жаркія и холодныя страны пройду... Вотъ Авраамъ патриархъ странствуетъ въ шатрахъ своихъ, со стадами... Вотъ Моисей пророкъ народъ свой избранный изводитъ изъ плѣна Фараонова... Вотъ молодой юноша царь Давидъ... И самъ Христосъ на Голгофѣ... И великіе мученики, за насъ бѣдныхъ кровь пролившіе... И что я вижу: времена и пространства... и несметное полчище людей проходить... И были для всѣхъ времена тяжкія, изживали казни лютыя... И все проходило!.. Нарождались мужи великіе, приходили къ бѣдному народу, провѣщали могучіе глаголы — и погибала неправда великая!.. Что я теперь вижу, стѣпецъ прозрѣвшій!..

Въ испугъ смотрѣли мы, не спуская глазъ, на мальчика: онъ весь былъ какъ въ лихорадкѣ, коричневое лицо его перередергивалось все, онъ постоянно поднималъ кверху руки и восторженно сіявшіе глаза.

— Петя, лягъ... Лягъ, болѣзненный, умиришься... Не хорошо тебѣ такъ... Вотъ поправишься, окрѣпнешь... Вотъ тогда ужъ... — говорила маленькая женщина, заботливо укладывая мальчика.

— Безпокойся очень, — говорила бобылка: — того гляди не выживетъ... Очепно ужъ его все сразу освѣтило... А паренекъ то добрый, до всего чуткій...

— Почитай имъ!.. Расскажи имъ!.. — вдругъ тихо сказалъ мальчикъ маленькой женщинѣ: — пусть послушаютъ...

И когда мальчикъ нѣсколько успокоился, маленькая женщина начала рассказывать...

Но утомленные ли дорогой, или всѣми этими страшными, напряженными и необычными впечатлѣніями, мы съ сестренкой, прикорнувъ въ противоположномъ углу, скоро заснули подъ пѣвучій, размѣренный рассказъ маленькой женщины, — и для насъ все смѣшалось съ міромъ фантастическихъ сновидѣній и потонуло въ нихъ.

И чудится мнѣ опять старая дѣдушкина изба, зимній морозный вечеръ и таинственныя блуждающія тѣни, которыя

одна за другой собираются робко „обогрѣться“ въ гостепріимной дѣдушкиной хранилѣ. Вотъ тутъ и мрачный дворовый человѣкъ Александръ, и костистый мужичокъ Филимонъ, и самъ мой маленькій дѣдушка, и его пріятельница слѣпая Фимушка, и моя мечтательная матушка, и батюшка съ ополченцемъ и еще какія-то маленькія и ничтожныя существованія, и бобылка, у которой мы были въ дѣсу, и худой убогій Петя съ восторженными бѣлыми глазами, и сама Аннушка, и будто она все говоритъ и говоритъ долго-долго своимъ пѣвучимъ, размѣреннымъ складомъ. Говоритъ она о великихъ пророкахъ и ходатаяхъ народныхъ, о подвижникахъ и мученикахъ за правду, и обо всемъ, что сохранила ей память... Часто въ ея разказахъ правда перепутывалась съ вымысломъ, перепутывались событія, но одно только горѣло въ нихъ непреходящимъ свѣтомъ — правда любви, самоотреченія и подвига за униженныхъ и обремененныхъ.

И вотъ, когда она рассказываетъ что-то изъ событій близкихъ къ нашему времени, чудится мнѣ, какъ мрачный Александръ поднимается и, сверкая своими пронизывающими глазами, говоритъ:

— Стой, женщина, останови лукавыя уста!.. Кого хочешь обольстить рѣчами сладкими? Зачѣмъ обманомъ хочешь наполнить душу, дабы потомъ ввергнуть ее въ пасть отчаянія?.. Зачѣмъ?..

— Александръ, не отчаявайся!.. Вѣрь— говоритъ дѣдушка; но Александръ продолжаетъ сверкать своими острыми глазами на Аннушку.

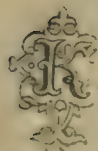
— Вѣрь!.. Чему вѣрить?.. Нѣтъ теперь защитниковъ бѣдныхъ и сирыхъ, нѣтъ подвижниковъ правды!.. То были древніе люди,—и не посылаетъ Господь болѣе къ людямъ спасителей... Все померкло во мракѣ грѣха и суеты!.. Рабу презрѣнному нѣтъ надежды, кромѣ петли Іуды!.. И вотъ конецъ ему, Агасферу треклятому... Отецъ!—вдругъ съ какой-то дикой мольбой, чудится мнѣ, обращается онъ къ моему дѣду, — отецъ, скажи, укрѣпи: неужели не ложь говорить устами обольстительными этой женщины?.. Неужели и въ наши дни Господь можетъ говорить черезъ избранныхъ—въ защиту сирыхъ и бѣдныхъ, въ поношеніе и обличеніе міра зла и неправды?.. Отецъ!.. Спаси—или... одинъ конецъ ему, Агасферу треклятому!..

— Александръ, не отчаявайся... Слушай эту женщину, и сердце твое откроется кроткой вѣрѣ, и миръ, и радость, и надежду обрѣтетъ душа твоя!..

— Говори, умница, рассказывай, рассказывай намъ, слѣпымъ и темнымъ! — говоритъ вдругъ и костистый мужичокъ.— Вѣрно это: быть правдѣ, быть!.. Стучись, умница, стучись — и вскроется правда!..

КАНУНЪ „ВЕЛІКАГО ПРАЗДНИКА“.

Когда мы съ батюшкой и матушкой вернулись отъ дѣдушки, изъ села, въ свой „старый домъ“, мы скоро почувствовали, что весь нашъ прежній жизненный обиходъ быстро сталъ измѣняться. Батюшку нельзя было узнать: онъ сталъ веселѣе и бодрѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ серьезнѣе и озабоченнѣе. „Нашъ ополченецъ“ совсѣмъ переселился въ городъ и сталъ бывать у насъ чуть не каждый день. Но для насъ, дѣтей, и онъ сталъ уже далеко не прежнимъ. Прежнихъ вечеровъ, съ длинными благодушными и неторопливыми бесѣдами, съ покуриваніемъ „Жукова“ въ длинные чубуки, уже не повторялось больше,—не стало больше ни севастопольскихъ разсказовъ, ни *Живописнаго Обозрѣнія*, ни вырѣзыванія коньковъ. Батюшка теперь уже не нянчилъ больныхъ сестренокъ, ходя въ халатѣ и валенкахъ вдоль зальца, а ополченецъ насъ не занималъ и не замѣчалъ, казалось. Но мы теперь не огорчались на это; напротивъ, мы стали смотрѣть на батюшку и ополченца отчасти съ какимъ-то тайнымъ страхомъ, отчасти съ благоговѣніемъ, тѣмъ болѣе, вѣроятно, что насъ постоянно гоняли теперь изъ зальца, куда стали приходиться какія-то незнакомыя, но важныя лица, а батюшка съ ополченцемъ теперь что-то долго по вечерамъ читали, писали, о чемъ-то говорили часто шопотомъ, наглухо запершись въ „кабинетъ“. И вотъ этотъ маленькій, жалкій, вѣчно холодный „кабинетъ“ и наша зальца съ дырявыми и покосившимися полами вдругъ стали для насъ вмѣстилищемъ чего-то таинственнаго, но важнаго и серьезнаго. Въ особенности такое впечатлѣніе укрѣпилось въ насъ послѣ того, какъ эту зальцу и батюшкинъ кабинетъ оклеили новыми обоями, перебрали въ нихъ полъ и

поправили рамы, поставили новые стулья и обили новою матеріей старый нашъ диванъ. Послѣ этого „важные гости“, какъ называла ихъ Акулина, стали насъ навѣщать еще чаще (это были, большею частью, помѣщики и чиновники, всегда только мужчины), а мы съ матушкой еще укротнѣе забирались въ спальную и дѣтскую, и только, благодаря дѣтскому любопытству, мы съ сестренкой знакомились съ происходившимъ въ нашей зальцѣ черезъ замочныя скважины или полуотворенныя двери; да иногда батюшка, когда гости расходились, приходилъ къ намъ, веселый и оживленный, бралъ насъ на колѣни, гладилъ ласково по головамъ и что-то весело передавалъ матушкѣ. Матушка грустно улыбалась ему и часто крестила его, и говорила: „Ты, Саша, будь поосмотрительнѣе... Поосторожнѣе... Боюсь я“.

— Да чего ты боишься?—спрашивалъ, улыбаясь, батюшка.

— Я не знаю... такъ... сердце болитъ. Вотъ, зачѣмъ къ тебѣ сталъ ходить этотъ рыжій поповъ сынъ?.. Дѣдушка говорилъ, нехорошій онъ человекъ, и весь родъ ихъ жадный, да вѣроломный.

— Пустяки, голубушка!.. Это вы, женщины, всегда такъ... всего боитесь. И меня только смущаешь... А теперь не такое время: ты меня должна поддерживать... А ты, вотъ, забереешься въ дѣтскую, ну, тебѣ и кажутся всякіе страхи... Ты бы, вотъ, когда-нибудь къ гостямъ вышла... Что-жъ, мы не люди, что ли?.. Вотъ другія... настоящія дамы! А у насъ закуску ли подать, или чай—все Акулина.

— Ну, ты ужъ знаешь, что мы всегда были не такъ, какъ другіе,—отвѣчала матушка.

— Ну, отчего-же такъ?.. Чѣмъ же мы

хуже другихъ?... Ты вотъ увидишь... куда мы взлетимъ!

И батюшка весело и добродушно смѣялся и подхватывалъ сестренку подъ мышки и поднималъ къ потолку. Намъ и самимъ всѣмъ послѣ того становилось весело. Только матушка грустно улыбалась на насъ, а когда батюшка уходилъ, она становилась на колѣни передъ образомъ и долго молилась... Тогда намъ опять дѣлалось чего-то боязно и жутко, и мы тихонько выбирались на кухню къ Акулинѣ.

Но и кухня, и сама Акулина теперь тоже были не прежнія. Съ тѣхъ поръ, какъ матушка сшила Акулинѣ новый сарафанъ и ярко-розовые рукава и ее заставили подавать гостямъ чай и закуски, она пренеполнилась какой-то особой важности: начала говорить шопотомъ, съ растяжкой, и стала намъ читать даже правоученіе, какъ нужно вести себя „господамъ“, когда къ нимъ „важные гости“ прѣзжаютъ. Мы весело смѣялись на это, но, тѣмъ не менѣе, Акулина все больше укрѣплялась въ своей новой роли. И это шло, какъ оказалось, свои основанія и послѣдствія, получившія и для насъ особый интересъ. Едва только Акулина почувала, что съ нашимъ „тятенькой“ совершилось что-то „важное“, какъ она въ скоромъ времени, на первомъ же базарѣ, поставила въ извѣстность (конечно, шопотомъ и подъ большимъ секретомъ) объ этой „важности“ всѣхъ своихъ деревенскихъ родныхъ и знакомыхъ. Что и какъ она имъ передавала—это трудно сказать, но только случилось такъ, что въ то время, когда все чаще и чаще стали наполнять нашу залуцу „важные гости“, въ кухню къ Акулинѣ, робко и крадучись, стали все чаще заходить „неважные гости“, къ великому нашему дѣтекому удовольствію. И вотъ наша „старая“ закопченная кухня, такъ похожая на деревенскую избу, вдругъ оживилась, заговорила съ нами ласковыми и нѣжными голосами, какъ будто къ намъ сюда, въ городъ, переселилась дѣдушкина деревня, ѣздитъ въ которою для насъ было всегда такимъ великимъ удовольствіемъ.

Но теперь эта „деревня“, которая собиралась въ кухнѣ Акулины, была до того робкая и смиренная, что насъ самихъ невольно охватывала какая-то необъяснимая робость и, странно, постоянная боязнь, что вотъ не сегодня - завтра

вдругъ совершится надъ этою робкою деревней и надъ всѣми нами, вмѣстѣ съ нею, что-то ужасное, какъ приговоръ надъ пойманными и внезапно уличенными въ чемъ-то преступниками. „Неважные гости“ нашей кривой Акулины все являлись больше то въ видѣ богомолокъ, то какихъ то странниковъ и странницъ. Завидѣвъ насъ въ кухнѣ, онѣ сначала приходили въ недоумѣніе и какъ будто боялись насъ и начинали рассказывать о монастыряхъ и другихъ святыхъ мѣстахъ, но потомъ скоро осваивались, гладили насъ по головамъ, угощали насъ деревенскими лепешками и начинали шопотомъ разговаривать между собою, причемъ оказывалось, что та или другая были солдатики, у которыхъ „неправдой забрили“ мужей или сыновей, то какіе-то „бѣглые“ которые изъ своей деревни „ушли уходомъ“, потихоньку, „не спросясь“, и теперь плакали, вздыхали и говорили, что не знаютъ, „что съ ними будетъ, если ихъ вызнутъ“... Всѣ рассказы этихъ бѣдныхъ и робкихъ людей были какіе-то томительные, тоскливые, модливые и шопотливые... А потомъ мы стали замѣчать, какъ тотъ или другой изъ этихъ „неважныхъ гостей“ вдругъ незамѣтно выскальзывалъ за дверь въ сѣни или уходилъ на дворъ за избу, и здѣсь долго шептался съ Акулиной и что-то передавалъ ей то изъ суроваго мѣшка, то изъ-за пазухи и потомъ, вмѣстѣ съ Акулиной, крестились, что-то внушительно кивали головой другъ другу и, какъ ничего не бывало, „гость“ затѣмъ возвращался въ кухню и начиналъ молча вздыхать и рассказывать о святыхъ мѣстахъ.

Но такъ было только въ началѣ; скоро стали являться къ Акулинѣ гости другого разбора, уже не такіе смиренные и робкіе: то были большею частью высокіе, бородатые мужики въ толстыхъ нагольныхъ шубахъ, въ большихъ валенкахъ, въ огромныхъ мѣховыхъ шапкахъ и кожаныхъ голицахъ. Прѣзжали они всегда поздно къ вечеру, никогда ничего съ нами не говорили и въ нашей кухнѣ ночевать не оставались; поговоривъ о чемъ-то короткими фразами съ Акулиной, они сейчасъ же уходили опять, но за ними тотчасъ же скрывалась и Акулина. Иногда при этомъ она намъ говорила:

— Неравно, спаси Богъ, хватится मामынька, скажите: къ землякамъ, молъ, побѣжала, одною минутой обернется...

Вообще значеніе Акулины въ нашихъ глазахъ выростало съ каждымъ часомъ и мы теперь уже не только не смѣялись ей въ глаза, когда она читала намъ правоученіе, а начинали на нее смотрѣть съ такимъ же почти страхомъ и почтеніемъ, какъ и на „важныхъ гостей“, сидѣвшихъ въ нашей залѣцѣ. А Акулина забирала все выше и выше: она уже теперь секретно шепталась о какихъ то важныхъ дѣлахъ не только съ своими деревенскими гостями, но и съ самимъ батюшкой. Мы стали замѣчать, что она часто вызывала батюшку въ прихожую (говорить о своихъ „важныхъ дѣлахъ“ въ „чистыхъ“ комнатахъ она не рѣшалась), передавала ему завернутые въ платокъ какія-то бумаги и долго о чемъ-то ему внушительно сообщала. Батюшка, обыкновенно, надъ нею подсмѣивался, но, тѣмъ не менѣе, бумаги бралъ и прочитывалъ ихъ вмѣстѣ съ ополченцемъ. А Акулина, покончивъ съ батюшкой, тоже украдкой, гдѣ-нибудь въ углу за печкой, передавала матушкѣ какіе-то сверточкы, мѣшечки, то съ масломъ, то съ порошкомъ или курицей.

— Бери, бери!—уговаривала она матушку,—это тебѣ деревенскій гостинецъ.

— Да откуда у тебя, Акулина, нынче столько гостинцевъ этихъ появилось?—спрашивала матушка.

— А ты бери—не брезгуй!.. Даютъ такъ и бери!.. Другіе-то еще то-ли берутъ... силкомъ дерутъ!

Вотъ какое было это „доброе старое время“, когда даже Акулина брала безгрѣшныя приношенія!

Но когда матушка спрашивала ее, о чемъ это она съ батюшкой шепчется и какія у нея съ нимъ дѣла повелись, Акулина обыкновенно отвѣчала:

— А вы, барыня, молитесь знай, укоромъ!.. Не нашей сестры это дѣло!.. Большія это дѣла!.. Куда намъ ихъ знать!

А въ дѣйствительности Акулина знала, какъ намъ казалось, очень многое и куда больше, чѣмъ знала матушка. Однажды вечеромъ вошла Акулина къ матушкѣ въ спальню и, по обыкновенію, стала ей что-то шептать.

— Да откуда ты все это знаешь, Акулина?—спрашивала матушка.

— Э, сударыня, какъ свои дѣла не знать!.. Кровные свои, вѣдь, эти дѣла-то!.. Ужъ вы меня, Настасья Ивановна, пустите завтречка!.. Я и печку чѣмъ свѣтъ вамъ отоплю!.. Мнѣ, вѣдь, только

за заставу проводить ихъ, сердечныхъ, да попечаловаться!.. Хошь и далекіе они намъ, а все какъ будто свои, близкіе!.. Жалко!..—И Акулина кончикомъ головного платка чуть примѣтно утирала слезы.

— Что-жъ, ступай.

— Въ кандалахъ, слышно, гонять, въ желѣзныхъ цѣпяхъ.

— Спаси ихъ, Господи!—перекрестилась матушка.

Мы съ сестренкой давно уже насторожили все свое вниманіе, но плохо понимали, въ чемъ дѣло, а, между тѣмъ, у насъ отчего-то уже щемило сердце.

Странное впечатлѣніе вообще производило то время на нашу дѣтскую душу: совершавшіяся большія событія стояли, конечно, выше нашего пониманія, а между тѣмъ какая-то жуткая напряженность и таинственность, сказывавшіяся въ самыхъ даже простыхъ явленіяхъ, насъ окружавшихъ, мучительно трогали наше сердце и заставляли его постоянно быть насторожѣ, чутко ловить каждый неясный звукъ и жизненный откликъ.

— Да не напечъ ли бы намъ, сударыня,—продолжала опять шопотомъ Акулина,—пирожковъ, такъ, сочешковъ бы съ кашей?.. Какъ бы хорошо-то было!.. Чтѣ говорить, дорога дальняя!.. Погонять ихъ, слышно, до самой Китайской земли!.. А у насъ и мука-то есть залишняя, что давѣ изъ деревни-то въ гостинецъ прислали!..

— Ну, что жъ, это хорошо будетъ, Акулина,—вздыхнувъ, сказала матушка.—Господи, сколько грѣха, сколько грѣха въ жизни!—мечтательно воскликнула она, и, по обыкновенію, долго-долго задумчиво смотрѣла на образъ.

Все это еще больше затрогивало наше дѣтское воображеніе, но ни отъ Акулины, ни отъ матушки мы не получили никакихъ разъясненій. Поэтому, все слѣдующее утро мы съ сестрой тщательно слѣдили за каждымъ шагомъ Акулины и почти не выходили изъ кухни, смотря, какъ она дѣлала загадочные пироги и сочни. А потомъ, когда она, собравъ ихъ въ мѣшокъ, пошла куда-то, мы незамѣтно скользнули за нею. Она подошла къ большой улицѣ, къ той общезвѣстной въ то время „Владиміркѣ“, которая проходила черезъ нашъ городъ. Она долго, стоя посреди улицъ и держа подъ рукой мѣшокъ, всматривалась въ даль и ждала чего-то. И вотъ скоро мы увидели большую толпу, послышался лягъ цѣпей,

чьи-то завыванія и плачь... Мы не могли осилить долго назрѣвавшихъ уже раньше и теперь сразу нахлынувшихъ впечатлѣній, намъ стало такъ чего-то страшно, что, схватившись за руки, мы, дрожа, бросились бѣжать, какъ когда-то бѣжали отъ „темницы“ Фимушки, услыхавъ ея полубезумные выкрики. А это былъ этапъ переселяемыхъ взбунтовавшихся крестьянъ, но уже послѣдній этапъ, послѣдній актъ великой несправедливости того времени... Послѣ объ этомъ много говорили и даже, какъ я впоследствии узналъ, несчастныхъ крестьянъ черезъ мѣсяцъ вернули по высочайшему повелѣнію, а дикаго самодура, продѣлавшаго все это на зло „новому духу времени“, отдали подъ судъ.

Но это мы уже узнали послѣ, а пока... пока наше дѣтское сердце жило тоскливыми впечатлѣніями какой-то неотвратимой двойственности, въ которой мы вмѣстѣ съ матушкой бились, какъ птицы въ клеткѣ. Тамъ, у батюшки, — „важные гости“, возбуждавшіе и въ матушкѣ, и въ насъ, да, пожалуй, и въ самомъ батюшкѣ, какіе-то неясные страхи, неопредѣленную боязнь за что-то и неуверенность; здѣсь, въ кухнѣ Акулины, — другіе, „неважные гости“, приносившіе съ собой къ намъ что-то дорогое, заветное, которымъ они хотѣли бы искренно и сердечно подѣлиться съ нами, излить все это, накопившееся въ ихъ душѣ, и въ то же время всѣ они говорили только намеками, шопотомъ, по угламъ и боязливо, дрожа за каждое слово, за каждый лишній вздохъ... Ощущеніе этой двойственности въ моемъ дѣтствѣ было такъ велико, что оно наложило на мою душу неизгладимую печать на всю жизнь, и продолжала биться эта душа долгіе годы все тою же птицей въ клеткѣ, ища у жизни выхода изъ жестокихъ тисковъ этой двойственности, которая терзаетъ нашу бѣдную русскую жизнь... Когда же, наконецъ, заря истинной свободы сниметъ съ насъ ея позорныя путы?..

Между тѣмъ, время шло быстро, или такъ казалось намъ, потому что мы все чего-то ждали, хотя наша жизнь и теперь уже далеко не была похожа на прежнюю... „Важные гости“ прибывали въ нашу залу все больше и больше, все были важнѣе и важнѣе, вмѣстѣ съ этимъ улучшалось и наше матеріальное положеніе; мы чувствовали, что значеніе батюшки все

возрастало, говорили, что у него „талантъ“, что никто такъ хорошо не умѣетъ писать бумагъ, какъ онъ, что „онъ теперь — птица“, какъ сказалъ матушкѣ о немъ рыжій поповъ сынъ, служившій вмѣстѣ съ батюшкой, и при этомъ облизнулъ языкомъ губы, какъ облизывается жадная и завистливая собака при видѣ жирнаго куска.

Съ возрастаніемъ „важныхъ гостей“ въ нашей залѣ возрастали въ свою очередь и „неважные гости“ Акулины, и, казалось, вмѣстѣ съ значеніемъ батюшки росло и значеніе Акулины. Теперь она уже не довольствовалась ролью только посредницы, она начала прямо „доводить“ своихъ „неважныхъ гостей“ до батюшки и ополченца и они уже теперь сами осмѣливались переступать порогъ той самой залы, которую посѣщали такіе „важные гости“. Мы съ удивленіемъ, а матушка съ обычной тайною боязнью слѣдили за такими необыкновенными въ той нашей жизни событіями и напряженно ожидали, чѣмъ все это кончится, когда, однажды вечеромъ, вдругъ вмѣстѣ съ новыми „неважными гостями“ въ нашу кухню явились папъ „маленькій дѣдушка“ и Фимушка. Это было въ концѣ ноября, въ самую морозную зиму. Приѣхали они всѣ покрытые снѣгомъ, заиндевѣлые, до того закутанные въ нагольные бараньи шубы и увязанные платками, что сразу трудно было дѣдушку отличить отъ Фимушки, несмотря даже на его мѣховую ушастую шапку. Дѣдушка, обыкновенно, навѣщалъ насъ очень рѣдко (село его отстояло отъ города больше чѣмъ на сто верстѣ), а потому такое внезапное появленіе его было для насъ большою неожиданностью, да, притомъ, вмѣстѣ съ Фимушкой и еще какимъ-то тоже маленькимъ и худенькимъ шестипалымъ мужичкомъ, который назвался ихъ извозчикомъ. Батюшка съ матушкой удивлялись, спрашивали дѣдушку, какими судьбами надумалъ онъ къ намъ приѣхать, не случилось ли чего-нибудь, но дѣдушка только шутилъ, смѣялся, ничего особеннаго не говорилъ, а все больше забавлялся съ нами, ребятами.

— Вотъ и мы къ вамъ, Коляка, забрались! Думаешь, ужъ мы и не дождемъ до васъ!.. А мы и тутъ, какъ спѣгъ на голову, съ Фимушкой!.. Хе-хе-хе!.. Ну, какъ, Коляка, живете?

— Хорошо, — говоримъ, — весело. У насъ теперь все гости...

— Слышали, слышали...

И мы тотчасъ же поставили дѣдушку въ извѣстность о всѣхъ превращеніяхъ нашей жизни, даже до такихъ подробностей, что батюшка, напримѣръ, купилъ себѣ черную шляпу-цилиндръ, а матушкѣ подарилъ „дамскую шляпку“.

Дѣдушка отъ всего приходилъ въ изумленіе, въ то же время покрывалъ и часто понюхивалъ изъ своей берестяной табакерки. Мы замѣтили, что и дѣдушка былъ въ озабоченномъ и дѣловитомъ настроеніи, какъ и всѣ, хотя и шутилъ съ нами, казалось, попрежнему. Несмотря на просьбы батюшки ночевать въ „кабинетѣ“, дѣдушка настойчиво отказался и помѣстился въ кухнѣ. „Ты меня, Саша, оставь,—говорилъ онъ отцу,—лучше мнѣ здѣсь, среди своихъ... А тамъ у тебя теперь все такое важное... И не уснуть мнѣ!.. А вотъ днемъ-то я изъ-за двери послушаю тихомолкомъ да посмотрю на васъ“. Батюшка обижался, хотѣлъ дѣдушку во что бы то ни стало представить своимъ гостямъ, но дѣдушка ужасно смущался, присаживался только на минуту гдѣ-нибудь въ уголку зальцы и затѣмъ незамѣтно скрывался опять за дверь. Но изъ-за двери онъ, казалось, прислушивался внимательно и чутко ко всему, что происходило въ зальцѣ среди „важныхъ гостей“. А когда батюшка, веселый и довольный, послѣ ухода гостей говорилъ объ успѣхѣ „ихъ дѣла“ и своихъ личныхъ преуспѣяніяхъ, дѣдушка, по обыкновенію, только покрывалъ подозрительно и говорилъ: „Ну, ну, дай Богъ, дай Богъ!.. Пора!“ А днемъ онъ все сидѣлъ либо у матушки, либо въ кухнѣ и о чемъ-то говорилъ съ „неважными гостями“; я одинъ разъ даже засталъ его, когда онъ, потихоньку, какъ мнѣ показалось, что-то писалъ за печкой, надѣвъ большія мѣдныя очки, крупнымъ полуставнымъ почеркомъ, а около него сидѣлъ привезшій его шестипалый мушкетеръ и что-то, кажется, диктовалъ ему. Но когда пришелъ со службы батюшка, дѣдушка наскоро всѣ бумаги спряталъ и ничего ему не сказалъ.

Прошло нѣсколько дней и мы стали замѣчать, что дѣдушка становился озабоченнѣе, даже какъ-то смотрѣлъ на все подозрительнѣе и шутить сталъ меньше; говорилъ съ нами мало, развѣ только зайдетъ къ матушкѣ, которая очень обрадовалась Фимушкѣ и вела съ ней длинныя разговоры на любимую свою тему о „святыхъ женахъ-мученицахъ“. Наконецъ,

какъ-то вечеромъ дѣдушка сказалъ, что уже пора имъ и ѣхать и что завтра онъ будетъ собираться, какъ неожиданно произошло важное обстоятельство. На утро батюшка вернулся со службы очень рано, весь сіяющій, веселый, и сообщилъ, что его назначили на очень важное мѣсто и что вмѣстѣ съ тѣмъ изъ Петербурга пришли „крайне серьезныя вѣсти“, что теперь „ихъ дѣло“ окончательно восторжествуетъ. Батюшка былъ радъ несказанно: цѣловалъ матушку, насъ и даже дѣдушку. Затѣмъ сказалъ, что къ нему завтра соберутся всѣ „важные гости“, что Акулигѣ одной не справиться и что надо подыскать ей на подмогу повара, и затѣмъ уѣхалъ дѣлать закупки. Дѣдушку онъ окончательно отговорилъ уѣзжать, пока онъ не отпразднуетъ этотъ „дорогой день“, какъ онъ называлъ. Дѣдушка остался.

Мы, ребята, ожидали завтрашній день съ какимъ-то трепетомъ и волненіемъ, и, что всего было удивительнѣе, съ не меньшимъ волненіемъ ожидалъ его и дѣдушка. Про матушку и говорить нечего: она съ Фимушкой весь вечеръ этотъ промолчала. Фимушка даже молитву особую придумала—„объ укрѣпленіи въ духѣ боярина Александра“.

На другой день у насъ съ утра въ домѣ начались хлопоты. На помощь Акулигѣ пришелъ какой-то безусый поваренокъ, который „всячески помыкалъ ею“, какъ она говорила, „а и всего-то въ немъ званія, что бѣлый колпакъ надѣлъ!..“

Гости, по-провинциальному, стали собираться рано, „къ закускѣ“. Всѣхъ раньше пріѣхалъ ополченецъ. Онъ былъ теперь такой же сіяющій и веселый, какъ и батюшка; вспомнилъ, наконецъ, и о насъ, забрался къ намъ на матушкину половину, поздравилъ матушку и сталъ шутить съ нами и даже съ дѣдушкой. Онъ былъ такъ беззавѣтно веселъ, что даже дѣдушкины озабоченности и подозрительности пропали было. Гости собрались уже почти всѣ, какъ вдругъ пріѣхалъ „самый важный гость“: такой чести для отца никто не могъ ожидать. Нашъ праздникъ принималъ характеръ важнаго событія. Батюшка, възволнованный, прибѣжалъ на нашу половину и приказалъ намъ надѣть самое лучшее платье. Затѣмъ насъ съ сестрой (матушка считалась, попрежнему, больной и выходить отказывалась) повели въ зальцу и поставили „самому важному гостю“, кото-

рый подставилъ намъ для поцѣлуя тщательно выбритую и обсыпанную душистою пудрой щеку. Былъ представленъ, почти насильно, батюшкою и дѣдушка, который совсѣмъ смутился отъ этой чести и не зналъ куда дѣвать себя. А между тѣмъ я замѣтилъ, что дѣдушку охватило такое же волненіе, какъ это было въ день нашего отъѣзда изъ деревни. Онъ стоялъ въ самомъ углу, у порога, какъ будто ничего не видя, смотрѣлъ на гостей, вздрагивалъ и то и дѣло искалъ карманъ съ табакеркой и никакъ не могъ найти. Среди гостей уже шли шумные разговоры. Но вотъ принесли вина и закуски. Стали выпивать, и начались поздравленія. Дѣдушка весь такъ и впился глазами, полнымъ страха, въ толстаго важнаго гостя, съ крестомъ на груди, и высокаго рыжаго попава сына, когда они подошли къ отцу съ поздравленіями. Я стоялъ рядомъ съ дѣдушкой и онъ ловилъ все мою руку, какъ будто хотѣлъ опереться. Я взглядывалъ на него и не понималъ, что съ нимъ дѣлается, только чувствовалъ, какъ рука его дрожала, какъ будто его била лихорадка.

Между тѣмъ, бесѣда среди гостей стала оживленнѣе, веселѣе. Самъ важный гость сталъ шутить, и предметомъ шутки выбралъ разряженную нашу Акулину.

— Ну, кривая,—говорилъ онъ,—хочешь быть вольной? а?.. Чай, спишь и видишь, поди? а?.. Хе-хе-хе!.. Только бы, моль, дождаться, а тамъ бы я показала хвостъ-то, даромъ что кривая! а?.. Такъ, что ли?..

— Ась? Чего-то я въ толкъ не возьму, вашекорodie,—говорила, кланясь въ поясъ, Акулина.—Совсѣмъ съ пахлей сбилась съ хлопотами-то, да вотъ поваренокъ меня съ ума-понятія совсѣмъ сбиль...

— А ты зубы-то, кривая, не заговаривай!.. Говори прямо: какъ только объявятъ волю, такъ сейчасъ и въ бѣга отъ хозяевъ, въ деревню? а?..

— Да съ чего жъ мнѣ тагда бѣжать-то, сударь, коли вольная буду?—выпала Акулина и даже осмѣлилась улыбнуться всѣмъ гостямъ.

— Ишь, хитрая!.. Крива, крива, а въ оба глаза видить! — смѣялся важный гость.

А дѣдушку все трясла лихорадка. Вотъ онъ зачѣмъ-то вышелъ. Потомъ опять появился въ дверяхъ въ то время, какъ подали „донскую шипучку“ и всѣ снова

стали поздравлять батюшку, жали ему руки, обнимались другъ съ другомъ и съ чѣмъ-то тоже поздравлялись. Вдругъ важный гость разчувствовался до того, что обнялъ батюшку и троекратно облобызалъ его. Увидѣвъ это, рыжій поповъ сынъ тоже обнялъ батюшку и потомъ бросился обнимать и цѣловать дѣдушку. Дѣдушка затрепеталъ весь, какъ осиновый листъ, и его охватилъ невыразимый страхъ. Но чрезъ минуту онъ вдругъ выпрямился, его влажные глазки засверкали, онъ сдѣлалъ два шага къ батюшкѣ и громкимъ, слегка дрожащимъ голосомъ, какимъ онъ читалъ въ церкви ектеніи, поднявъ правую руку, вдругъ сказалъ: — Александръ!.. Бога помни... Помни... Бо-ога-а!

Всѣ сразу смогли и стали смотрѣть въ изумленіи на дѣдушку. Батюшка былъ смущенъ и не зналъ, что сказать. Дѣдушка смотрѣлъ все на него, дрожалъ и силился что-то сказать, но его губы только беззвучно шевелились. И вдругъ онъ заплакалъ, опустивъ голову.

— Саша,—заговорилъ онъ,—мы бѣдные... простые... У насъ въ роду этого... не было... сребренниковъ... али мздоимства... Помни Іуду... Вспомни, Саша, въ избѣ родился... Ахъ, додго ли до грѣха! Соблазнъ-то какой, соблазнъ-то!.. Почести барскія, яства, приношенія... Закупать, закупать!

— Да, что вы, тятенька, что съ вами?.. Какой вы чудакъ,—заговорилъ батюшка.—Вотъ какъ вы засидѣлись въ деревнѣ-то, вамъ все въ страхъ, да въ новинку... Неужели, думаете вы, мы не знаемъ себя?

Батюшка весело засмѣялся, засмѣялись за нимъ и гости, какъ вдругъ изъ-за двери показалась Фимушка и, помахивая впередъ себя подождомъ, заговорила:

— Дьяконъ, ты гдѣ?.. Слышно, говоришь?.. Учи сына-то, учи... Ты—отецъ; на тебѣ спросится тамъ... А ты, Александра, молись... чтобы духомъ укрѣпиться!.. Молись, голубы!.. Ну, прощайте, добрые мои!.. Пора намъ... ждуть насъ.

И Фимушка съ дѣдушкой вышли.

Потрясенный всею этою странною сценой, я чуть не разрыдался и бросился за дѣдушкой: мнѣ казалось, что его кто-то больно и горько чѣмъ-то обидѣлъ. Увидавъ его въ комнатѣ матушки утирающимъ слезы, я бросился къ нему на грудь и разразился рыданіями, совершенно непонятными и неожиданными.

Гости скоро разъѣхались. Батюшка ничего не упоминалъ объ этой сценѣ, но былъ сдержанъ и молчаливъ съ дѣдушкой. Дѣдушка тоже былъ серьезенъ и молчаливъ. А къ вечеру онъ съ Фимушкой уѣхалъ.

Все это долго и глубоко волновало мою ребячью душу; я часто видѣлъ во снѣ своего „маленькаго дѣдушку“, грозно возглашающаго что-то, съ поднятою кверху, дрожащею рукой, и мнѣ становилось и страшно чего-то, и больно за что-то. Но я долго совѣмъ не понималъ значенія всего этого, и только уже много послѣ, изъ разсказовъ отца и матушки, я узналъ, что дѣдушка въ этотъ разъ прѣзжалъ къ намъ неспроста: его послала къ намъ съ Фимушкой, въ сопровожденіи шестипалаго мужичка, наша родная деревня, такъ какъ до нея дошли слухи, что „Лександра запродадеся господамъ“... А еще послѣ я узналъ о своемъ „маленькомъ дѣдушкѣ“ нѣчто болѣе важное и поразительное. Но объ этомъ я разскажу когда-нибудь въ другой разъ.

Не знаю, спустя сколько времени послѣ того, какъ уѣхалъ отъ насъ дѣдушка, батюшка однажды вошелъ къ намъ въ дѣтскую грустный, озабоченный и усталый. Все это время онъ съ ополченцемъ работалъ сильно; часто просиживали они въ нашемъ кабинетикѣ цѣлыя ночи. Матушка съ безпокойствомъ вглядывалась въ его лицо, мы тоже.

— Ну, Настя, — сказалъ батюшка, — завтра... важный день... Богъ знаетъ, что можетъ быть... и для насъ, и, вообще, для дѣла... Страхъ меня беретъ...

— Все Богъ, — сказала матушка, — зачѣмъ упивать?

— Я прежде не думалъ, — продолжалъ батюшка, — а теперь вижу... много враговъ... Вотъ и тогда остались недовольны, что папенька такъ... позволилъ себѣ, что зачѣмъ, вообще, около насъ простой народъ... ну, и прочее... Можно все потерять...

— А ты, Саша, укрѣпись духомъ... Вспомни, что папенька говорилъ.

— Да ужъ мы рѣшили говорить до конца... всю правду... Будь, что будетъ! — сказалъ батюшка, поцѣловалъ насъ и ушелъ.

На другое утро батюшка, уже одѣтый въ полную парадную форму, вошелъ опять къ намъ и велѣлъ меня одѣть, ска-

завъ, что онъ возьметъ меня съ собою. „Пусть это для него будетъ на память“. Когда я одѣлся, матушка перекрестила насъ обоихъ, и мы вышли. Батюшка шелъ быстро; я едва поспѣвалъ за нимъ. Мы подошли къ большому дому, около котораго стояло уже много экипажей, но еще больше ихъ подъѣзжало. Въ дверяхъ стоялъ швейцаръ съ булавою и толпились лакеи; изъ просторныхъ сѣней кверху шла широкая лѣстница, теперь покрытая зеленымъ ковромъ. Мы поднялись вверхъ: большая зала была переполнена народомъ. Батюшка посадилъ меня въ уголокъ около двери и я въ изумленіи смотрѣлъ, какъ мимо меня проходили дворяне во фракахъ, въ гусарскихъ венгеркахъ, въ военныхъ и дворянскихъ мундирахъ. Вотъ пришелъ ополченецъ; я замѣтилъ, что онъ былъ теперь въ бѣлыхъ перчаткахъ; онъ потрепалъ меня ласково по щекѣ, улыбнулся какъ-то таинственно батюшкѣ и прошелъ въ глубь залы. Наконецъ, посѣтители мало по малу разсѣлись по стульямъ. Разговоры стихли. Началось какое-то чтеніе. Я узналъ голосъ нашего ополченца. Чѣмъ дальше онъ читалъ, тѣмъ въ залѣ все стихало больше и больше; наконецъ, наступила мертвая тишина. Батюшка взялъ меня за руку; я почувствовалъ, что его рука была холодна и дрожала. Онъ, облокотившись о косякъ двери, не спуская глазъ, смотрѣлъ на ополченца, читавшаго впереди на возвышеніи, покрытомъ краснымъ сукномъ, около стола. Батюшка былъ блѣденъ. Я тревожно спросилъ его, о чемъ это читаютъ. Онъ тихо сжалъ мою руку и прошепталъ мнѣ: „Слушай, это — твой отецъ писалъ“... Но сколько я ни напиргалъ вниманія, я плохо слышалъ и понималъ, только мнѣ представлялось почему-то, что ополченецъ теперь былъ именно такимъ, какъ я привыкъ его видѣть на нашихъ прежнихъ семейныхъ праздникахъ, и я былъ увѣренъ, что онъ и говорилъ то же, что тогда, и тѣми же словами. Я еще не зналъ тогда и того, что мой бѣдный отецъ не могъ отъ своего лица читать своей записки, такъ какъ не былъ дворяниномъ.

Но вотъ скоро мертвую тишину началъ смѣнять какой-то невнятный шумъ въ разныхъ мѣстахъ залы: чтеніе начали прерывать какіе-то возгласы, потомъ иногда вырывалось шиканье, наконецъ, стали раздаваться громкіе, угрожающіе окрики, двиганье и стучанье стульями. Потомъ

поднялся невообразимый шумъ, всѣ повскакали съ мѣстъ. Мнѣ показалось, что одинъ, схватившись за спинку стульевъ, наступали на другихъ. Я чувствовалъ, что руки отца дрожали еще сильнѣе; онъ былъ еще блѣднѣе и какъ-то совсѣмъ растерялся. Ополченца уже не было видно. Мимо насъ то входили, то выходили взволнованныя лица, большею частью красныя, потныя и негодующія, громко, размахивая руками, что-то говорившія. Нѣкоторые, какъ мнѣ казалось, взглядывали на насъ съ недовѣріемъ и презрѣніемъ. Вдругъ кто-то, проходя мимо насъ, громко сказалъ: „подлецъ!“—и быстро прошель мимо. Отецъ тяжело опустился на стулъ, но тотчасъ же опять поднялся, какъ будто не зная, на что рѣшиться. Онъ тицетно, кажется, искалъ глазами ополченца, можетъ быть, думая отъ него найти утѣшеніе и успокоеніе. Въ это время вдругъ подошелъ къ намъ съ широкою, заискивающею улыбкой рыжій поповъ сынъ и, пожимая руку отцу, сталъ поздравлять его съ чѣмъ-то.

Я замѣтить, что батюшка теперь весь затрепеталъ точно также, какъ дѣдушка, когда попалъ въ собраніе „важныхъ

гостей“, и его охватилъ такой страхъ, что, взявъ меня опять за руку, онъ быстро потащилъ меня вонъ изъ залы по лѣстницѣ.

Прошли долгіе дни какого-то томительнаго и напряженнаго ожиданія; „важные гости“ нашей залы мало по малу сокращались, а „неважные гости“ тоже почему-то вдругъ исчезли. И отецъ, и ополченецъ, и мы, и всѣ кругомъ, какъ мнѣ казалось, чего-то ждали. Мнѣ все представлялось еще, что гдѣ-то, въ какой-то огромной залѣ идетъ шумная и напряженная борьба, откуда-то глухо несутся ея отклики, и всѣ ждутъ, съ боязнью и страхомъ, когда и чѣмъ это кончится.

Наконецъ, „великій праздникъ“ наступилъ.

Но когда я уже началъ не только смутно чувствовать, но и понимать все, что совершилось вокругъ меня,—въ жизни и моей, и батюшки съ матушкой, и „маленькаго дѣдушки“, и всего нашего „старого дома“, и всей Фимушкиной деревни, и вмѣстѣ съ нами многихъ-многихъ другихъ наступалъ глубокий кризисъ.

ПОТАНИНЪ ВЕРТОГРАДЪ.

Иногда, кажется, нѣтъ столько „мечтателей“, какъ среди насъ, русскихъ. Это явленіе въ высокой степени знаменательное. Мечта,—что бы ни говорили противъ нея люди практическіе,—вѣдь это поэзія жизни, заглушенный порывъ къ идеалу, страстное желаніе взмахнуть духовными крыльями, чтобы хотя на мгновенье подняться надъ скорбною и сѣрой юдолюю жизни. И никогда, кажется, не плодилось у насъ столько этихъ „мечтателей“, какъ въ годы, непосредственно предшествовавшіе и слѣдовавшіе за „освобожденіемъ“. Предо мною прошло много такихъ фигуръ, которыя оставили на душѣ глубокий слѣдъ.

Освободительныя идеи уже носились въ воздухъ и проникали все глубже и глубже въ самыя глухіе закоулки нашей родины—и вотъ изъ этихъ глухихъ „нѣдръ“ вдругъ потянулись, какъ изъ пещеръ на мерцающій вдали свѣтъ, какія-то странныя личности, удивительныя, приводившія всѣхъ въ изумленіе, а иногда даже и въ страхъ, о существованіи которыхъ никто, кажется, не могъ даже и подозрѣвать. Эти странныя личности иногда появлялись и въ залѣцѣ моего отца, поражая наше дѣтское воображеніе. Личности были, дѣйствительно, странныя: помѣщичьи—дохматые, бородатые, въ нагольныхъ или суконныхъ полушубкахъ и личныхъ сапогахъ или валенкахъ, но въ тоже время въ очкахъ или съ какими-то особыми перстнями „съ сувенирами“ на грубыхъ, толстыхъ загорѣлыхъ пальцахъ, курившіе изъ какихъ-то особыхъ „турецкихъ“ трубокъ съ причудливыми чубуками; говорили они большею частію громко и грубовато, хотя нерѣдко вставляли французскія фразы,—и очень много выпивали водки. Но зато надъ ними всѣ добродушно подсмѣивались и говорили, что это са-

мый милѣйшій и добрѣйшій народъ, за исключеніемъ, впрочемъ, истинныхъ „баръ“, которые ими брезговали и посматривали на нихъ очень подозрительно, встрѣчая ихъ теперь, къ своему изумленію, на дворянскихъ собраніяхъ. Всѣ они пріѣзжали въ городъ обыкновенно въ простыхъ крестьянскихъ пошевняхъ или телѣгахъ, всегда рядомъ съ „братомъ-мужикомъ“, который, однако, непременно оказывался какимъ-нибудь особеннымъ, „феноменальнымъ мужикомъ“; этого „феноменальнаго“ брата-мужика они, почти насильно, тащили съ собой въ комнаты, къ гостямъ и въ гости, поили водкой и рассказывали присутствующимъ про его какія-нибудь необыкновенныя дарованія: то онъ оказывался замѣчательнымъ ораторомъ и знатокомъ народныхъ пѣсень и мотивовъ, то изобрѣтателемъ удивительныхъ машинъ, то настоящимъ „министромъ“ по уму... „Вотъ оно гдѣ сидитъ—это будущее-то!.. Вотъ здѣсь-съ... Дайте только намъ съ нимъ ходъ!.. Ужъ повѣрьте намъ, мы съ нимъ изъ одной чашки одной ложкой хлебаемъ!..“ И увлеченный патронъ, похлопывая по плечу своего протеже, машетъ возбужденно руками, ерошитъ на головѣ волосы и особенно выразительно сверкаетъ на всѣхъ глазами, въ которыхъ такъ ясно свѣтится какая-то неизрѣченная „мечта“...

Потомъ—какіе-то удивительные добровольцы изъ духовнаго званія, добровольцы-разстриги, чрезвычайно неловко чувствовавшіе себя въ мѣшковатыхъ, купленныхъ на-скоро и по случаю сюртукахъ и брюкахъ, не знавшіе, куда дѣвать свои руки и ноги и стыдившіеся своихъ подстриженныхъ затылковъ и бритыхъ бородъ. Это они вдругъ разстались съ своими „пещерами“, и гонимые какой-то изумительной „мечтой“, выношенной въ длин-

ные вечера въ своихъ берлогахъ, двинулись въ города и столицы „приложить свои силы къ дѣлу... на свѣтскомъ поприщѣ“.

А вотъ какой-то толстенный, низенький, съ просьбью, человекъ,—мѣшанинъ, надѣвший барскій сюртукъ, но забывшій переменить сапоги-кубышки, подбрывающій попрежнему, какъ рекрутъ, затылокъ и носящій оловянную серьгу въ ухѣ. Это—бывшая правая рука знаменитаго откупщика, вдругъ взбунтовавшійся какой-то дикой мечтой,—и теперь вотъ чего-то волнуется, бѣгаетъ, суетится, плюется, на чемъ свѣтъ ругаетъ и проклинаетъ и своего бывшего „хозяина“, и свою собственную „продажную душу“, не дастъ никому покоя своимъ покаяннымъ порывомъ и допосами на всевозможныя откупныя фортели и плутни и какими-то невѣроятными реформаторскими проектами, которые онъ сочиняетъ сотнями, просяживая напролетъ цѣлыя ночи въ грязныхъ номерахъ гостиницъ. А вотъ еще—высокій, бѣлобрысый, длинный и сухой, какъ вѣха, юный послушникъ, съ висящими косицами желтыми волосами, въ шумящемъ коленкоровомъ полукафтанѣ. Онъ постоянно всѣхъ проситъ шопотомъ на пару словъ, „по секретному дѣлу“, и затѣмъ, уведя собесѣдника куда-нибудь за печку, цѣлый часъ мучаетъ его какими-то странными, мало-вразумительными сообщениями, вытаскивая въ то-же время таинственно изъ-за пазухи цѣлый ворохъ стихотворныхъ упражненій „обличительнаго направленія“...

Было тутъ же не мало и крестьянъ,—но такъ какъ всѣ они въ то время принадлежали къ какому-то особому „секретному“ разряду людей, съ которыми разговаривали не иначе, какъ въ темныхъ переднихъ, или сѣняхъ, или прямо на кухнѣ, и то какими-то полунамеками, то въ началѣ мы, дѣти, имѣли объ нихъ очень смутное представление.

Начались уже въ то время личности и нѣсколько другого характера, такъ сказать, „обратнаго теченія“—не „изъ нѣдра“, а „въ нѣдра“. Я помню хорошо одного мелкаго чиновника, человека уже не молодого, лѣтъ тридцати, который до того заинтересовался „начавшимся дѣломъ“, что чуть не каждый день приходилъ къ намъ, говорилъ съ отцомъ, прислушивался ко всему, что только имѣло какое-нибудь отношеніе къ дѣлу, но самъ не высказывался, а между тѣмъ

все болѣе становилось замѣтно, что онъ что-то носилъ въ душѣ, что-то въ немъ назрѣвало. Это былъ раньше просто скромный, задумчивый, одинокій человекъ, а теперь вдругъ онъ сдѣлался оживленнымъ, нервнымъ; онъ чего-то ждалъ напряженно, со страхомъ, но вмѣстѣ и съ надеждой на что-то такое, что должно было его спасти чуть не отъ смерти. Онъ былъ словно заключенный, считавшій лихорадочно минуты своего освобожденія, о которомъ до него долетѣла смутная молва. И, дѣйствительно, когда „вопросъ“ былъ уже окончательно рѣшенъ, онъ пришелъ къ намъ и торжественно объявилъ отцу, что „онъ теперь свободенъ!“ И въ доказательство прибавилъ, что уже продалъ довольно удачно „всю форменную свою пару“. Оказалось, что Будневъ (такъ его звали) подалъ въ отставку и заявилъ его пресвященству о своемъ смиренномъ желаніи „принять иноческій чинъ“. Это было такъ неожиданно, что даже отецъ былъ изумленъ. И только впоследствии оказалось, что тайною мечтою Буднева было поступить въ миссіонеры... Но почему онъ не могъ все это сдѣлать раньше, почему все это было приурочено имъ къ освобожденію крестьянъ, къ которому онъ могъ имѣть только очень отдаленное отношеніе,—это, какъ и многое другое, касавшееся всѣхъ этихъ странныхъ личностей, составляло загадку, еще разъ доказывавшую только, что 19 февраля было у насъ явленіемъ далеко не сословнаго только характера: оно являлось преддверіемъ великаго освобожденія личности, вообще, какъ матеріальнаго, такъ и духовнаго. Чтобы хотя нѣсколько понять это и почувствовать, достаточно было въ то время взглянуть на Буднева, когда, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ „искуса“ въ какомъ-то монастырѣ, онъ явился къ намъ, вмѣсто знакомаго, шаблоннаго вице-мундира, въ новенькомъ черномъ подрясникѣ, подпоясанномъ широкимъ кожанымъ поясомъ, съ отпущенной бородкой и уже длинными волосами: глаза его вдохновенно горѣли, все въ немъ было возвышенно и торжественно... Да, дѣйствительно, „онъ, наконецъ, былъ свободенъ!“ И въ сіяющихъ взорахъ этого чудака свѣтилась та же таинственная всепокоряющая „мечта“, которая раскрывала предъ нимъ какія то неизреченныя перспективы.

Все это были, конечно, „чудаки“, лич-

ности нѣсколько исключительныя, но въ этихъ оригинальныхъ „уродцахъ“, выброшенныхъ со дна взбудораженной общественной и пародной стихіи, можетъ-быть невидимо прозябали тѣ ростки, которые постѣ сказались въ явленіяхъ изумительныхъ и большого значенія.

Но эти „чудаки“ были и въ глазахъ своихъ собственниковъ, и нашихъ—„люди серьезные“, а потому исключительно имѣли дѣло съ своимъ отцомъ и всегда наполняли только нашу зальцу. Но у насъ, на дѣтской половинѣ, у матушки, хотя и не призванной къ „серьезной“, дѣловой жизни“—были, однако, свои „мечтатели“, свои чудаки и оригиналы, заявлявшие какія-то свои права на жизнь, и, конечно, это были, прежде всего, женщины. И въ то время, когда для насъ, дѣтей, серьезные люди батюшкиной половины были мало понятны и являлись только чужаками и оригиналами,—мечтатели, ютившіеся скромно и робко около матушки, напротивъ, всегда какъ то очень скоро становились для насъ своими людьми, „живыми“, къ которымъ мы сразу привязывались своей дѣтской душой.

Бывало вдругъ выширнеть на свѣтъ Божій изъ какихъ-то невѣдомыхъ ни для кого палестинъ такая „душа“ (и вѣро-лѣтнѣ всего еще крѣпостная), заявится къ намъ, всегда сначала по какимъ-то „дѣламъ“, а тамъ, глядишь, и живетъ у насъ недѣлю, и другую: насъ спать укладываетъ, сказки рассказываетъ, грудного ребенка по цѣлымъ часамъ нянчить, съ матушкой по ночамъ какія-то таинственныя бесѣды ведетъ, словно она съ нами вѣкъ прожила, выходила насъ и вынянчила. Живетъ-живетъ такъ, бережно храня на сердцѣ что-то дорогое и завѣтное,—и вдругъ снова нырнетъ, иной разъ навсегда и безслѣдно, и исчезнетъ въ необозримой глуши нашихъ палестинъ. А иной разъ... иной разъ такая бродячая душа неожиданно соединитъ свои судьбы съ твоими невидимыми и непостижимыми узами...

— Ну, вотъ и опять я прилетѣла къ вамъ, милые птенчики! Прилетѣла опять, падоѣдница!

Эти слова обыкновенно произносились такимъ яснымъ, звонкимъ птичьимъ тоненькимъ голоскомъ, что онъ, мнѣ кажется, еще сейчасъ звенитъ около меня.

Мы, малые птенцы, слышавъ этотъ

голосъ, восторженно поднимали кверху руки и, какъ испуганные цыплята, еще не поздоровавшись съ прилетѣвшей гостьей, летѣли стремглавъ въ дѣтскую къ мамѣ, въ кабинетъ къ отцу.

— Папа! мама!.. Прилетѣла! Прилетѣла!..

— Кто?

— Потаня! Да... Опять прилетѣла!... Потаня!..

— А! Это опять она... Не сидится ей дома! Вотъ достанется ей на пряники... за эти шатанья,—притворно-сердито ворчитъ отецъ и, съ недовольнымъ видомъ нервнаго, раздраженнаго чловѣка, спускаетъ на носъ очки и продолжаетъ прерванное чтеніе.

Но мы мало обращаемъ вниманія на слова отца и на тонъ, съ которымъ они сказаны: мы чувствуемъ, что намъ почему-то вдругъ стало ужасно весело, смѣшно, радостно... Пробѣжавъ обратно дѣтскую, гдѣ мама нервно возилась съ больнымъ ребенкомъ, мы уже неслись снова навстрѣчу прилетѣвшей гостьѣ.

А „прилетѣвшая“ гостья, по обыкновенію прежде, чѣмъ войти въ горницы, заходила на кухню и здѣсь, развязавъ мѣшокъ, въ уголокъ, укропно, тщательно переодѣвалась изъ дорожнаго въ визитный костюмъ. Это одѣваніе почему-то имѣло для насъ особый, таинственный смыслъ. Мы останавливались молча за дверью и терпѣливо ждали, когда кончится таинственный обрядъ. Наконецъ, дверь тихо скрипѣла—и на порогъ появлялась Потаня...

Это—такое маленькое, такое жалкое существо, о которомъ я никогда не могъ вспоминать безъ чувства какого-то особаго грустнаго и тихаго умиленія. Она стала ходить къ намъ еще задолго до того, какъ странные чудаки-мечтатели начали заполнять нашу маленькую зальцу. Потаня была уродецъ; съ двумя горбами—на спинѣ и груди, съ маленькими ручками и ножками—она была до того низенькаго роста, что казалась даже ниже насъ, десятилѣтнихъ дѣтей; несмотря на то, что голова ея была несоразмѣрно велика, что на подбородкѣ у нея сидѣла большая волосатая бородавка, что носъ у нея былъ очень длинный и что ей было не меньше тридцати лѣтъ,—лицо ея было такое улыбающееся, дѣтски-наивное, а быстрые глаза такъ живо бѣгали подъ густыми рѣсницами, что намъ казалось всегда, что она вотъ-вотъ пустится пры-

гать и играть съ нами въ жмурки или въ лошади. И это было бы, вѣроятно, такъ, еслибъ, по нашему мнѣнью, не мѣшалъ ей парадный нарядъ. Въ этомъ парадномъ нарядѣ она желала быть такой солидной, чопорной, степенной и... и даже падменной!.. Да и какъ же могло быть иначе? Вѣдь это былъ ея генеральскій мундиръ, ея драгоценность, ея родовое наслѣдство, которое она хранила пуще глаза, никогда не разставалась съ нимъ, постоянно носила бережно въ мѣшечкѣ и надѣвала только въ самыхъ важныхъ случаяхъ жизни. Такими важными случаями были, между прочимъ, тайныя посѣщенія ея нашего маленькаго городка. Я даже не могу сказать навѣрное, знали ли кто-нибудь въ ея деревнѣ и господской дворнѣ, къ которой она была приписана, о существованіи ея параднаго наряда. И что это было за изумительный нарядъ! Въ особенности для насъ. Онъ былъ необычаенъ. Вы легко поймете нашъ восторгъ и изумленіе, когда послѣ таинственнаго переодѣванія, Потаня вдругъ являлась передъ нами въ яркомъ пунцовомъ сарафанѣ, спереди котораго тонулся безконечный рядъ блестящихъ пуговицъ среди петель изъ золотого шнура; подолъ этого удивительнаго сарафана былъ отороченъ широчайшей каймой изъ позумента и цѣлой прихотливой гирляндой цвѣтовъ и листьевъ, вышитыхъ шелкомъ. Затѣмъ на Потанѣ была надѣта обыкновенно душегрѣйка палеваго цвѣта, значительно полнившая, отороченная также позументомъ, а по воротнику и по бортамъ кромѣ того узкой мѣховой опушкой, мѣстами, впрочемъ, повылъзшей, и только на головѣ Потани былъ скромный платочекъ, изъ-подъ котораго висала чуть не до подолъ ея черная густая коса. Если къ этому прибавить нѣсколько колецъ и перстней, которые появлялись на ея тонкихъ пальцахъ только въ то время, когда она одѣвалась въ свой знаменитый нарядъ, и наконецъ, неизбѣжный чистый бѣлый платочекъ, который она держала въ рукахъ и въ который всегда было завернуто „что-то важное“,—то мы легко можемъ представить Потаню въ тотъ моментъ, когда она являлась неожиданно изъ далекой деревни по какимъ-то „важнымъ дѣламъ“ въ нашъ городъ. Очевидно, важныя дѣла требовали, по ея мнѣнью, и важнаго костюма.

И вотъ въ такомъ-то торжественномъ видѣ наша маленькая Потаня, какъ-то

особенно присѣдая и порхая, степенно входила въ нашу залу, въ то же время весело и любовно здороваясь съ нами своими быстрыми, бѣгающими глазками.

— Ну, какъ живы, милые птенчики? Что папешка, что мамешка? Все грустятъ? Ничего, потерпимъ Господу... Будетъ весело, будетъ, милые птенчики!..—быстро звѣла она своимъ птичьимъ голосомъ.

И затѣмъ, чинно протянувъ батюшкѣ, съ низкими поклонами, кончики своихъ маленькихъ тонкихъ пальчиковъ, украшенныхъ перстнями, и едва прикоснувшись ими къ рукѣ отца, она степенно садилась передъ нимъ на краешекъ стула, едва дотрогиваясь до полу маленькими ножками.

— Ну-ну! опять прилетѣла!—говорилъ, подсмѣиваясь и поглядывая на нее батюшка.—А затѣмъ?

— Затѣмъ, сударь?... А все за тѣмъ же... Мы все за тѣмъ же...

И маленькая Потаня, не безъ тайной хитрости, какъ-то двусмысленно поигрывая глазками, смотритъ въ упоръ на батюшку.

— Ну, смотри! грозилъ ей батюшка:—вѣдь вы все бредите тамъ? А объ чемъ?.. Вздоръ все... все пустая болтовня... Ничего не будетъ... Зададутъ вотъ вамъ всѣмъ: чикъ! чикъ!..

— Будто ужъ, сударь, ничего еще объ иномъ о чемъ неизвѣстно?—недовѣрчиво спрашиваетъ Потаня и стыдливо опускаетъ глаза при таинственныхъ словахъ: „чикъ! чикъ!“

— Ни о чемъ еще неизвѣстно... Ну, о чемъ? О чемъ тебѣ нужно? Ничего нѣтъ, ровно ничего нѣтъ... и не будетъ!.. Что вы тамъ, съ ума сошли всѣ?—сердито ворчитъ батюшка на Потаню.

— Ну, это вы, сударь, напрасно... скрытность эту оказываете... Напрасно!.. Мы ужъ тоже извѣстны кое-о-чемъ...

— Вздоръ, говорю тебѣ... Выбросьте изъ головы эти бредни, пока бѣды не нажили... Ну, что шлещеся безъ толку? Вѣдь, поди, потихоньку сбѣжала? Вѣдь опять, какъ въ прошлый разъ, посадятъ на мѣсяцъ на хлѣбъ да на воду... засадятъ въ свинарню... Или немется? А то и того хуже будетъ... Не посмотрятъ, что золотой сарафанъ...

Батюшка начиналъ сердиться и уже раздраженно ходилъ по комнатѣ, а Потаня еще стыдливѣе опускала при послѣднихъ словахъ отца глаза, но по таин-

ственнымъ блеску ихъ было замѣтно, что такими словами Потаню трудно смутить.

— Ну, что будетъ? что?—вдругъ сердито останавливался батюшка предъ Потаней:—пу, ежели кому и будетъ что-нибудь, такъ не намъ съ тобой, калѣкамъ. Мы все одно будемъ каторжную-то ляжку тянуть. Для кого мы живемъ? Кому служимъ? Для своей-то души живемъ ли мы?

— Для души, сударь,—вотъ-вотъ истинное слово!.. Для души будемъ жить, всё... сообща... Вотъ-вотъ золотое слово!..—вдругъ подхватывала Потаня и начинала восторженно-дѣтски махать своими ручками.

— Ну, что замахала?.. Чему обрадовалась?—еще сердитѣе ворчалъ батюшка:—пу кто тебѣ это позволить, сумасшедшая? Кто? откуда тебѣ что извѣстно?

— Ахъ, ахъ, сударь... Какой мало-вѣрь! — качала головой Потаня, весело играя глазами.

— Ну, вотъ, не угодно ли! И ей еще весело! Она всѣми глазами смѣется! — говорилъ батюшка, махая на нее въ отчаяннѣйшей рукой, какъ на неисправимую сумасшедшую.

— Стало-быть погодить велѣно, сударь?.. — обыкновенно спрашивала Потаня:—Въ секретѣ еще это самое слово держать, стало-быть, приказано?.. Ну что жъ, погодимъ... А мы вотъ ужъ удумали... Такъ рѣшили: какъ, Господи благослови, объявится это слово, — такъ чтобы, благословясь, и начать...

— Что такое удумали?

— А вотъ-съ, извольте взглянуть...

И Потаня бережно развѣтывала свой чистый бѣлый платочекъ и подавала торжественно отцу кабую-то таинственную бумагу.

Отецъ развѣтывалъ засаленный листъ бумаги и внимательно начиналъ читать, повидимому, съ большимъ напряженіемъ стараясь понять, въ чемъ дѣло. И вдругъ, не дочитавъ до половины, онъ бросалъ листъ на столъ, вскакивалъ въ еще большемъ раздраженіи и, снова махнувъ безнадежно рукой, уходилъ въ кабинетъ.

Потаня совсѣмъ конфузилась, въ недоумѣніи покачивала головой и тихо пошептала, свертывая опять бумагу въ платочекъ:

— Ахъ, какіе маловѣры!.. Ахъ, какіе!..

Намъ очень было жаль, что батюшка почему-то ни въ чемъ не вѣрилъ Потанѣ и называлъ ее сумасшедшей, и выѣстъ

съ тѣмъ очень хотѣлось узнать, что такое было въ ея завѣтной бумажкѣ. — Какъ-то одинъ разъ, когда Потаня осталась у насъ почивать и мы собрались въ нашей дѣтской, матушка спросила ее:

— Это что же у тебя, Потаня, въ бумажкѣ-то, вотъ что ты показываешь?

— А это, сударыня... Это—вертоградъ... Вотъ тотъ самый, что я вамъ говорила.

— Вертоградъ-то твой, Потаня? — задумчиво переспросила матушка.

— Онъ! Онъ!.. Теперь ужъ тутъ все изложено доподлинно, обдуманно, облюбовано, осмотрѣно... А онъ вотъ, сударь-то, вонъ какъ... не вѣрить!.. Ахъ, какіе маловѣры!..

— Извѣрились, Потаня, мы... Что дѣлать!.. Одни извѣрились, получше-то, у кого еще совѣсть есть, а другимъ-то и такъ хорошо, и желать лучше ничего не хотятъ.

— Ахъ, милая сударыня, надо вѣрить... и помогать надо,—говорила Потаня:—Богъ это любить... А безъ вѣры что же мы будемъ? Трава... Тварь безсмысленная... Такъ ли, милые птенчики?.. Надо вѣрить и надо помогать... Какъ вертоградъ-то земной мы насадимъ, такъ всѣ расцвѣтемъ тогда и душою воскреснемъ!..

И Потаня весело оглянула насъ такими восторженными, такими сіяющими глазами, какъ будто въ нихъ отражался весь ея чудный вертоградъ!..

О, добрая, наивная Потаня!.. Изъ всѣхъ „мечтателей“, которыхъ мы знали въ то время,—врядъ-ли кто могъ создать что-либо болѣе поэтическое, чѣмъ вертоградъ Потани.

И создать этотъ мечтательный вертоградъ, можетъ быть, могла именно только Потаня, этотъ несчастный уродецъ, съ такой поэтической и чистой душой, разбитый вдребезги раньше, чѣмъ онъ успѣлъ узнать отъ кого-нибудь первое слово и поцѣлуй любви. Съ тѣхъ поръ, какъ она помнитъ, она знала себя уже уродцемъ, которому знакомы были ласки только одной матери, проливавшей надъ нимъ горькія слезы. Такъ навсегда въ памяти Потани и остались и эти слезы, и это блѣдное, красивое, чернобровое лицо, которое съ такой грустью склонялось надъ ея колыбелью... Помнитъ, что онъ жилъ въ барскомъ домѣ, въ большомъ-большомъ флигелѣ, что мать ея ходила всегда нарядно, наряжала и ее, но рѣдко пускала ее дальше флигеля; потомъ по-

мнить, какъ часто приходилъ къ нимъ высокій, черный мужчина—и что всё болѣли его: это былъ „самъ баринъ“... Только она и знала объ немъ. А потомъ ихъ увезли куда-то далеко, въ другую деревню... И вмѣсто чернаго барина сталъ жить съ ними какой-то сѣдой, толстый, обрюзглый старикъ, отставной дворецкій—и велѣлъ его звать „тятенькой“... А мать все плакала, прижавъ къ своей груди свою единственную Потаню,—а потомъ ея не стало: ее снесли на кладбище и схоронили вблизи зеленой рощи... У стараго дворецкаго было много дѣтей—и маленькую Потаню заставляли ходить за ними; у стараго дворецкаго было еще больше гусей, куръ, утокъ и поросятъ—Потаню заставляли ходить и за ними; у дворни много было ребятишекъ—и Потанѣ велѣно было за всѣми ими смотрѣть, когда матери заняты были работой. Маленькій уродецъ хлопотливо и заботливо, съ утра до ночи, не зная усталы, бѣгалъ по господскому двору съ хворостинкой въ рукахъ, принимая на себя всѣ попреки и побои за шумливое и блудливое свое стадо... Но она все же пока росла на волѣ, подъ голубымъ божьимъ небомъ, уходя со своимъ веселымъ стадомъ на цѣлые подни то „на могилку къ матушкѣ“, подъ зеленый шатеръ березовой рощи, то на веселую, шумящую въ камышахъ рѣчку, то въ залитые душистымъ цвѣтомъ луга. А когда ей минуло четырнадцать лѣтъ—и невмѣстѣ съ другими дѣвушками загнали въ душныя, темныя „дѣвичьи“, гдѣ, не покладая рукъ, изо дня въ день, плели онѣ нескончаемыя кружева и вышивали нескончаемые узоры.—„Ахъ, дѣвушки, дѣвушки!—вздыхала бывало Потаня:—какъ хорошо теперь на волѣ-то!.. Хотя бы на часокъ сбѣгать туда на маменькину могилку!..“—„Что на часокъ!.. Советъ бы намъ убѣжать, дѣвушки... Такъ бы убѣжать, чтобъ и слѣда нашего никто не открылъ... Да куда убѣжишь?.. Въ монастырь—и въ тотъ не пустятъ... Пытались бѣгать, да опять вернули...“—„А есть, говорятъ, дѣвушки,—разсказывалъ кто-нибудь,—такія мѣста... скрытныя отъ всѣхъ... въ дальнихъ зеленыхъ лѣсахъ... И кого, говорятъ, Господь доведетъ туда, тому счастье на всю жизнь откроетъ... Стоять въ этихъ зеленыхъ лѣсахъ обители: избы выведены большія, чистыя, свѣтлыя... Вокругъ довольство всякое: и рѣки многорыбныя, и сады посажены... И живутъ тамъ все однѣ дѣвушки, жи-

вуть на полной своей волѣ—на свободѣ, честнымъ трудомъ сами себя во всемъ продовольтвуютъ; шьютъ онѣ себѣ одежды самодѣльные, вышиваютъ шелками и золотомъ... Всѣ сами книгочен—начетчицы, ни отъ какихъ мужей-начальниковъ не подневольныя... И никому въ тѣ обители доступу нѣту, кромѣ какъ сиротамъ убогимъ, или вдовамъ, или дѣвушкамъ, что отъ горя да насилія бѣгутъ... Только, дѣвушки, не всѣмъ счастье, не всѣмъ пути въ тѣ обители открываются... Пытались, слышно, бѣжать и отъ насъ, да ловили ихъ скоро и опять на пущую неволю ворочали. Не всѣмъ пути туда вѣдомы!..“ Идутъ годы подневольной дѣвичьей жизни, вырастаютъ тихомолкомъ дѣвичьи подневольныя мечты, а Потаня все слушаетъ и слушаетъ дѣвичьи секретныя разговоры, все чаще-чаще вспоминается ей любимая матушка, ея скорбная молодость, смоченная слезами, прибитая горемъ красота... Ноетъ все больше и больше сердце у Потани, не даетъ ей покою дѣвичье горе... Вотъ и надумала она у старой строгой ключницы попроситься на богомолье сходить. Долго не сдавалась ключница, да видитъ, что уродецъ далеко не уйдетъ,—пустила ее. Идетъ Потаня съ котомкой по селамъ, по деревнямъ, по малымъ и большимъ городамъ и ко всему прислушивается, обо всемъ выпрашиваетъ. И вотъ было веселье и удовольствіе дѣвушкамъ, когда она вернулась!.. Какихъ-то какихъ разсказовъ не разсказала имъ, подневольнымъ, Потаня изъ своихъ страстей. „Вотъ божье дѣло!“—радовалась себѣ Потаня—и стала у ключницы опять проситься. Но только старая ключница теперь не поддавалась—не пустила Потаню. Подумала-подумала Потаня: „Что-жъ! Для хорошаго, для божьяго дѣла и потерпѣть хорошо!..“ помолилась Богу, да темною ночью поднялась и ушла убѣгомъ. Пропадала съ недѣлю, вернулась, стала было у старой ключницы прощенія просить,—да та и словъ не принимаетъ: посадили Потаню на мѣсяцъ въ свѣтелку на хлѣбъ да на воду... Высиживаетъ Потаня свой срокъ въ заключеніи, и не только не грустить и не убивается, а какъ будто даже радуется, что ей пришлось претерпѣть „за большое, за божье дѣло“,—а какое это дѣло, никто у нея никакой силой изъ сердца не вырветъ. Выпустили Потаню, опять ее въ дѣвичью „на урокъ“ посадили. Смотрятъ на нее дѣвушки съ

великимъ любопытствомъ, потому что по играющимъ глазамъ ея видять, что хранишь она что-то на сердцѣ такое, о чемъ имъ, подневольнымъ, и не снилось. Ждутъ онѣ только темной ночи, когда тихимъ-тихимъ шопотомъ передастъ имъ Потаня свои новыя тайны:—можетъ быть, не узнала ли она „пути“ къ той удивительной обители, о которыхъ мечтала вся „дѣвичья“. И точно, повѣдала имъ Потаня такимъ тихимъ шопотомъ, что, пожалуй, и сами стѣны его не слышали, свою великую тайну: слышно, по большимъ городамъ, среди большихъ господъ, молва идетъ, будто въ скорости по всему государству объявится „слово“, чтобы быть имъ, подневольнымъ, отъ того часа вольными, чтобы всѣ заставы, приказы и воспрещенія были нарушены и чтобы всѣ пути-дороги открылись вольные для всего простого народа черного... Удивилась, перепугалась дѣвушка отъ такой тайны до того, что не хотѣли вѣрить Потанѣ и даже въ явной лжи ее стали попрекать, что такими рѣчами она только попусту мутитъ ихъ души да не доведетъ до добра ни ихъ, ни себя... Перепугалась и сама Потаня, и сама усумнилась—ужъ точно ли она такія вѣсти слышала и точно ли тѣ вѣсти достоверныя? И вотъ снится одной ночью Потанѣ такой удивительный сонъ: сидитъ будто она на матушкиной могилѣ, подъ вечеръ, а вечеръ будто такой розовый весь да теплый, и во все-то небо будто заря играетъ, а надъ ней зеленая роща веселымъ шопотомъ шумитъ; и видитъ она, будто къ ней изъ рощи ея родимая матушка идетъ, и такая же разряженная, какъ и прежде ходила, такая веселая, привѣтливая, какой она ее ужъ и не запомнить. Стала она этакъ поодаль, стоитъ, а вблизи не подходитъ, и такъ любовно да радостно на Потаню смотритъ,—а Потаня ни жива ни мертва сидитъ. Матушка и говоритъ: „Ты, говоритъ, Потанюшка, не бойся; это я самая есть, твоя матушка. Только, говоритъ, мнѣ подойти къ тебѣ теперь нельзя, потому какъ ты—земной человекъ, а свидимся съ тобой вблизи ужъ на томъ свѣтѣ... А пришла, говоритъ, я къ тебѣ на этотъ разъ, чтобы вѣру въ тебѣ укрѣпить... и чтобы въ отчаянность ты не впадала. Вѣрно говорятъ, я знаю, что Господь васъ, бѣдныхъ и подневольныхъ, не оставитъ, и что, точно, то „слово“ по всему русскому царству объявится и что всѣмъ вамъ, простымъ лю-

демъ, страда ваша зачтется... А тебѣ, моя дочка милая, я завѣтъ даю: какъ придетъ время тому слову объявиться, какъ снимутся всѣ заставы, запреты, приказы подневольные,—на томъ мѣстѣ, гдѣ могила моя, гдѣ мы съ тобой страдали свою изнывали,—устрой-насади ты, дочка, веселый зеленый вертоградъ, а въ томъ вертоградѣ возведи ты обитель свѣтлую-высокую и раствори ты эту обитель для всѣхъ сиротъ несчастныхъ и бѣдныхъ, дѣвушекъ и честныхъ вдовъ, что терпятъ въ жизни страду-насиліе, и пусть живутъ онѣ здѣсь на полной своей женской волюшкѣ, честнымъ трудомъ занимаются, книжнаго разуму набираются, ни отъ какихъ мужей-начальниковъ не подневольны! И будутъ тебѣ, дочка, всякія помѣхи, и предадутъ тебя посмѣянію,—а ты укрѣпись вѣрой и неуклонно помогайся!

Проснулась Потаня и сама себя не узнала: и духомъ стала бодрѣе, и на душѣ у нея все просвѣтлѣло, и будто сила и бодрость въ ней такія проявились, ровно выросли у нея невидимыя крылья...

Вотъ что, мало-по-малу, узнали мы отъ маленькой Потани, когда она, случайная нянька, долгими зимними вечерами убаюкивала насъ своими рассказами.

Такъ вотъ онъ каковъ былъ Потанинъ вертоградъ и вотъ о чемъ было подробно „облюбовано-обдуманно“ въ „важныхъ бумагахъ“, которыя носила Потаня въ своемъ чистомъ бѣломъ платочкѣ!

И долго тревожилъ наше дѣтское воображеніе этотъ чудный фантастическій вертоградъ, неразрывно-связанный для насъ съ именемъ маленькой Потани.

Помню, это былъ особенно мрачный годъ для насъ. Чѣмъ ближе былъ часъ, когда должна была загорѣться заря „новой жизни“, тѣмъ сумрачныя облака ночи сгущались, кажется, больше и больше. Отецъ былъ мраченъ и раздражителенъ; тяготѣвшее надъ нимъ подозрѣніе въ „новомъ духѣ“ ничего не сулило хорошаго въ будущемъ. Матушка была больна, а вмѣстѣ съ ней захворала и моя сестренка. Всѣ мы притихли, нахохлились, какъ воробы въ пенасте. Въ это время заглянула къ намъ наша „надоѣдница“ Потаня,—и чуть ли это было уже не послѣдній разъ.

—Что, милые птенчики? Грустите?.. Ничего, ничего... Не унывайте!.. Будетъ весело, будетъ, милые птенчики...—щебетала она. И какъ чудно ласкала тогда.

насъ ея птичій голосокъ! А чудный вертоградъ ея, кажется, расцвѣлъ тогда въ ея воображеніи еще пышнѣе, еще фантастичнѣе! Она уже не довольствовалась бѣдной маленькой дѣвичьей обителью: она любовно призывала къ насажденію вертограда всѣхъ чающихъ и взыскующихъ грядущаго града.

Ахъ, какъ отрадно было слышать намъ эти пѣвучіе звуки, взывавшіе къ жизни свѣтлой и радостной, среди зеленыхъ благоухающихъ рощъ, на берегахъ много-рыбныхъ водъ... Намъ, „маленькимъ людямъ“, вѣдь такъ холодно было въ нашихъ жалкихъ и бѣдныхъ сырыхъ углахъ!

Помню, моя бѣдная сестренка слушала Потаню, смотря на нее своими большими лихорадочно-блестѣвшими глазами, облокотившись на подушку худой бѣлой ручонкой.

— А ты, Потаня,пустишь насъ въ свой... этотъ... вертоградъ? — спросила она задумчиво и съ нѣкоторымъ страхомъ, что Потаня откажетъ ей въ этомъ наслѣденіи.

— Ахъ, милые птенчики!.. Да какъ же это можно, чтобы не пустить?.. Вѣдь это дѣло-то общее будетъ, у всѣхъ общее... Унывать только не надо да отчаиваться... Поневоля мы брать не будемъ только, неволи этой у насъ не будетъ,—а коли кто охоту такую возмѣтитъ, желаніе, чтобы жить съ нами въ любви, такъ мы только будемъ радоваться да молиться, что открылъ Господь вашимъ душенькамъ такіе пути...

— И мамѣ съ нами можно будетъ?

— И маменькѣ... Какъ же можно безъ маменьки!..

— И... и... па-апѣ тоже?—спрашивала сестренка опять съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ.

— И папенькѣ... Только бы, милые птенчики, желаніе было... А намъ всякіе хорошіе люди нужны... Всѣ вѣдь, сообща, мы будемъ вертоградъ-то насаждать... Намъ вѣдь только одного не нужно: неволи да мздоимства... Что Господь сказалъ? „Приидите,скажутъ, въ вертоградъ Мой всѣ труждающіеся, и Я успокою васъ...“ Вотъ, милые птенчики, что Господь сказалъ... Не надо только въ уныніе, въ отчаянность впадать... Вѣрить надо и помогать надо!..

Это было послѣднее, что сохранила мнѣ о Потанѣ моя дѣтская память.

Шли годы. Давно уже „объявилось великое слово“ и, увы! давно уже волны новой жизни унесли насъ далеко отъ доброй, наивной Потани, и эти же волны, въ свою очередь, далеко унесли отъ насъ Потаню... Мы забыли другъ-друга... И чудный Потанинъ „вертоградъ“ отступалъ передъ нами, какъ миражъ, все дальше и дальше... А сама Потаня?

Это было уже долго спустя, десятка два лѣтъ

Случайно пришлось мнѣ проѣзжать черезъ свою далекую, давно покинутую родину, и какъ-то само собой во мнѣ всплыли забытыя воспоминанія, а съ ними вмѣстѣ и Потаня. Въ самомъ дѣлѣ: что она теперь? и какъ? жива ли? гдѣ бродитъ и о чемъ бредитъ?—задавалъ невольно мой утомленный и саркастически настроенный умъ эти вопросы, имѣвшіе для меня теперь значеніе только празднаго любопытства: не могъ же я, въ самомъ дѣлѣ, думать, что она дѣйствительно „насадила свой земной вертоградъ!“

Но и на мои праздные запросы никто ничего не могъ мнѣ отвѣтить, и я, вѣроятно, покинувъ родину, снова забылъ бы, можетъ-быть навсегда, этого несчастнаго уродца. Но случай... случай отвѣтилъ на мои смутныя воспоминанія.

Возвращаясь съ родины, я проѣзжалъ черезъ тѣ палестины, изъ „гнѣдръ“ которыхъ нѣкогда появилась Потаня. Разговаривая съ ямщикомъ, я припомнилъ названіе прежняго барскаго имѣнія, въ которомъ она жила. Оказалось, что это было дѣйствительно оно: Остановивъ на селѣ какую-то женщину, я спросилъ ее о Потанѣ. Она сказала: точно, что Потаня—„горбатенькая дворовая“—живетъ тутъ,—и мнѣ указали на маленькую келью, стоявшую на отлетѣ отъ деревни, между кладбищемъ и жалкими остатками бывшаго барскаго парка.

Когда я подъѣхалъ къ кельѣ, на крыльчѣ стояла дѣвушка-подростокъ и на мой вопросъ долго въ недоумѣніи смотрѣла на меня и, наконецъ, спросила:

— Это бабыньку, можетъ, вамъ нужно?

— Да, да, бабыньку, — отвѣчалъ я, припоминая, какимъ малышомъ былъ еще я, когда впервые узналъ Потаню.

— Большая она, бабынька... Вонъ тамъ, на огородѣ она... На огородѣ просилась вынести ее, на солнышко...

Я прошелъ на задворки—и только те-

перъ замѣтилъ, что сзади кельи былъ разведенъ длинный, узкій огорождъ, а среди грядъ были насажены цѣлые ряды яблонь, грушъ и кустовъ малины и смородины, густо зарослившихъ всю правую сторону огорода.

Было прекрасное лѣтнее утро. Солнце уже стояло высоко, но въ воздухѣ не чувствовалось еще ни истомы, ни пыли, ни духоты. Въ садикѣ Потани весело чиркали великія пичужки, или „малые птенчики“, по ея любимому выраженію, а въ грядкахъ пололи траву еще три дѣвушки-подростка. Около плетеного двора, на самомъ припекѣ лежала на разостланномъ войлокѣ маленькая старушка, покрытая нагольнымъ полшубкомъ, и кашляла, прикрывая ротъ маленькой худой рукой. Откашлявшись, она подняла на меня глаза — и я сразу узналъ Потаню.

— Здравствуй, бабушка, — сказалъ я, — я вотъ ужъ и не знаю, какъ тебя звать-то... Прежде мы тебя Потаней звали...

— Меня и теперь на деревнѣ все Потаней зовутъ... Я люблю это... Маменька-покойница все бывало меня такъ звала, — отвѣчала Потаня, и голосъ у нея, хотя и хриплый, но все попрежнему былъ пѣвучій.

— А ты не узнаешь меня?

— Нѣтъ, не признаю... Много вѣдь я за свое-то время господъ перевидала.

Я напомнилъ ей нашъ городъ и семью.

— Какъ же, вспоминаю... Только гдѣ же всѣхъ узнать! Давно ужъ разошлись... У васъ свои дѣла пошли, у насъ свои... Гдѣ помнить!.. Гдѣ помнить!..

И махнувъ своей маленькой рукой, Потаня снова закашлялась тѣмъ томительнымъ кашлемъ, который готовъ былъ на части разорвать ея сухую, узенькую грудь.

— Вотъ больна я... говорить-то не могу... Вотъ ужъ мѣсяца два валяюся... Да это пройдетъ... Еще какая я старуха!.. Такія ли старухи бываютъ... Еще я вотъ, погоди, горошкомъ вскочу да скорѣе молодыхъ побѣгу... Хоть въ горѣлки играть, — такъ и то смогу!

— Ну, дай Богъ тебѣ!.. Довольна ли ты?.. Помнишь, бабушка какъ ты намъ про вертоградъ-то рассказывала? — спро-

силъ я, улыбаясь ей, какъ ребенку, осматривая жалкую лачужку и крохотный садикъ.

— Какъ же не помнить!.. Умру съ этимъ... Вотъ Господь помогъ, слава Создателю, — починокъ поставила, — отвѣчала Потаня такимъ серьезнымъ тономъ, что мнѣ стало стыдно за свою насмѣшку: — починокъ вотъ... Вотъ у меня пять сиротокъ кормятся... Еще двѣ вдовы честныхъ при мнѣ... Вотъ трудимся, слава Богу, въ любви, въ согласіи... Малыхъ же дѣвочекъ книжному дѣлу обучаемъ... Пушай растутъ, да уму-разуму набираются, а окрѣпнуть духомъ — пушай тогда выбираютъ, какая доля лучше приглетится!.. Вотъ у меня тутъ и могилка маменькина подъ глазами... Вербой я ее обсадила... Вотъ только рощу-то маклаки-кушцы всю свели... А какая была роща-прекрасная!.. Думала я тогда: въ ней бы заложить обитель... Домогалась всячески, вѣрой не падала... ну, стало быть, не вышло — все опять же въ досужія руки пошло. Ну, что дѣлать!.. Вотъ починокъ есть... Маль онъ, что говорить!.. И пропитаться чуть что хватаетъ... Да въ людяхъ все разбѣжалось — вотъ причина!.. Слово-то, точно, объявилось, а въ людяхъ-то все разбѣжалось... Помогитъ другъ-другу ужъ и нѣтъ!.. Вотъ подымусь, отдышусь, встану — опять побѣгу по людямъ, надобница, опять запою!.. А умру — молодые за меня останутся... Домогаться, милая дочка, надоть, помогать и вѣрить, — говорила мнѣ маменька-покойница, — и удостоишься, говорить, за то узрѣть вертограда небеснаго!

Старушка оживилась, зашебетала, снова заискрились и заиграли ея глазки и мнѣ казалось, что передо мной опять прежняя Потаня, а я — маленький-маленькій мальчикъ...

Я присѣлъ рядомъ съ ней на кошму и долго-долго слушалъ ея щебетанье. Мнѣ было такъ тепло, отрадно, мнѣ даже не было стыдно чувствовать себя ребенкомъ... Меня захватило всего, цѣлкомъ, это дивное чувство неумирающей дѣвственной вѣры и мечты — и во мнѣ вдругъ вспыхнули всѣ бодрія и свѣтлыя упованія моей юности!..

ЗАБЫТАЯ.

(РАЗСКАЗЪ ЗНАКОМАГО).

Это вышло совершенно случайно. Я ѣхалъ по одному глухому уѣзду — ой губерніи. По дѣламъ мнѣ нужно было остановиться у священника. Батюшка принялъ меня въ залѣцѣ, гдѣ была приготовлена закуска и сидѣло нѣсколько мужчинъ (батюшка былъ именинникъ), между тѣмъ какъ „женскій полъ“ сидѣлъ за самоваромъ въ сосѣдней комнатѣ и изрѣдка, въ полуотворенную дверь, засматривалъ на нашу половину. Мы съ своей стороны платили ему тѣмъ же. Вдругъ мнѣ мелькнуло знакомое лицо... Господи! Какъ это было давно уже! Я зналъ ее въ столицѣ: это было милое, юное существо, такое нѣжное, хрупкое, что всѣ мы въ то время боялись, что она расшибется при первомъ же ударѣ жизни... Ей тогда едва исполнилось шестнадцать лѣтъ. Потомъ она исчезла какъ-то внезапно — и ни въ комъ не было сомнѣнія, что она погибла. Такъ порѣшили всѣ, даже ея близкіе знакомые, вздохнули, заплакали — и стали забывать...

Забылъ ее и я, между тѣмъ ея чудные, большіе темные глаза такъ часто съ нѣжной, довѣрчивою лаской смотрѣли на меня, а маленькая ручка иногда долго лежала въ моей рукѣ, то холодѣя, то вздрагивая и пылая отъ полноты чистаго, дѣвственнаго чувства, которыми мы были полны тогда оба. То было чувство безконечнаго и полнаго довѣрія другъ къ другу; но въ то время, какъ она, со всею полнотою женскаго чувства, довѣрялась мнѣ тепло и радостно, я все-таки смотрѣлъ на нее, какъ на милаго, граціознаго ребенка, постоянно опасаясь, какъ бы она не расшиблась на моихъ глазахъ... Передъ тѣмъ, какъ она исчезла безвозвратно съ нашихъ глазъ, я на своемъ столѣ нашелъ малень-

кую записку, въ которой было только пять словъ: „Я ѣду. До скораго свиданія!“

Я очень хорошо понималъ, что значили эти слова: она ждала меня. Но я не... я не пошелъ за нею; мнѣ было только грустно и больно, что такъ скоро совершилось то, что я предполагалъ: милое, хрупкое, граціозное существо „разбилось“ — и притомъ разбилось само, такъ, какъ разбивается ребенокъ, несясь, сломя голову, къ определенной цѣли. Я ждалъ еще, что она вернется... но она не вернулась, она даже не написала мнѣ уже болѣе ни строчки. Изрѣдка вспоминая о ней, мы пожимали грустно плечами, а потомъ забывали.

Теперь я едва могъ ее признать: смуглое, загорѣлое лицо, нѣсколько заскорузлыя руки, сутуловатая, но не столько худая, сколько жилистая, она напоминала старыхъ дѣвушекъ-вѣковушъ; только лицо ея, нѣсколько загорѣвшее, не было ни сухимъ, ни слишкомъ строгимъ, а въ глазахъ свѣтилось что-то прежнее, дѣвственно-ребяческое. Ей было теперь, вѣроятно, лѣтъ 25 — 27, но она казалась старѣе. Она была весела и чувствовала себя у батюшки какъ дома.

Повидимому, она меня замѣтила и стала все чаще и чаще всматриваться въ меня изъ-за широкой фигуры матушки, сидѣвшей за самоваромъ.

Когда насъ познакомили, она слегка поблѣднѣла, но не подала виду, что знаетъ меня. Я счелъ тоже ненужнымъ открывать это... Потомъ она скоро ушла.

Черезъ два дня я былъ у нея въ школѣ — старый церковный флигель, холодный и сырой. Мы уже были какъ давніе знакомые. Я сидѣлъ въ ея маленькой-маленькой комнаткѣ, съ полками полурастрепанныхъ книжекъ, съ заплѣсневѣ-

лымъ крохотнымъ оконцемъ, сосновымъ столомъ, самодѣльными плетеными стульями, съ постелью, посланною на кровать въ родѣ положенныхъ на козелки досокъ. Это была ея келья, ея дѣвственная кровать, той, которой нѣжныя подушки когда-то скользили по паркету залъ и гостиныхъ, освѣщенныхъ люстрами, среди газа и дорогихъ матерій, одѣвавшихъ ея родныхъ и ихъ покой.

Все время она была нѣсколько смущена и, чтобы скрыть это, старалась какъ-то первно говорить о всевозможныхъ предметахъ, перебѣгая съ одного на другой.

Мы такимъ образомъ проговорили долго, избѣгая вспоминать о прошломъ. Только разъ я замѣтилъ:

— Я очень радъ, что васъ встрѣтилъ... Конечно, это все... тяжело вамъ... Но все же—вы живы, а мы уже все васъ отъшли...

Она молчала.

— И вы не жалѣете о прежнемъ?—спросилъ я.

— Нѣтъ,—отвѣчала она, вспыхнувъ и опустивъ глаза:—но иногда... впрочемъ—это раньше—да, я тосковала, но о чемъ—не могла бы сказать опредѣленно.

Она быстро вскинула на меня глаза и тотчасъ же снова опустила ихъ, нервно схватившись рукою за грудь, какъ будто ее что-то душило.

— А теперь... теперь мнѣ хорошо,—сказала она, помолчавъ минуту:—я привыкла... Кругомъ меня здѣсь столько уже „своихъ“... Вы не вѣрите?—спросила она какъ-то особенно пылливо.

— Не знаю, какъ вамъ сказать,—отвѣчалъ я:—можетъ быть... Но все это для нашего времени такъ еще необычно, такъ... И притомъ—деревня... глушь... тьма... и эта... нищета...

— О, это все... все это не такъ, какъ вы думаете!—быстро перебила она.—Все это имѣетъ столько же страшнаго въ себѣ, сколько и милаго, хорошаго. Впрочемъ, это можетъ быть понятно только для меня: я привыкла... Да, чтобы понять это—нужно быть здѣсь... Но иногда мнѣ бывало очень грустно... Но отчего—я не знаю... Да я и не старалась вникать въ это... Я тотчасъ же настойчиво гнала это настроеніе... Постѣ стало оно приходить все рѣже и рѣже... Я вѣдь постарѣла... Я—уже старая дѣвушка... Я похолодѣла... Да, я—монашка... Для меня здѣсь уже нѣтъ... (Она всѣ поблѣднѣла и на минуту замолкла).

— Ну, будетъ объ этомъ... Это—пустое!.. Я живу здѣсь давно уже другимъ... Я радуюсь радостями „моей“ молодежи... Я счастлива ихъ счастьемъ.

Мы разошлись.

Черезъ день я былъ опять у нея.

Она была, видимо, сдержаннѣе теперь и старалась казаться ровнѣе и хладнокровнѣе, старалась быть, какъ мнѣ казалось, именно „монашкой“, но когда я уходилъ, она мнѣ сказала, сильно смущаясь и покраснѣвъ:

— Вы меня портите... Ко мнѣ возвращается... это прежнее настроеніе... Я боюсь...

— Какое же это настроеніе? Чего вы боитесь?..

— Не знаю... Мнѣ такъ хочется васъ видѣть, говорить съ вами... Слышать вашу голосъ... ваши выраженія, когда вы говорите о томъ, о старомъ... обо всемъ этомъ, *прежнемъ*...

Она окончательно смутилась и не договорила. Можетъ быть, ей показалось, что я могу понять ее не такъ.

Скоро я долженъ былъ уѣхать. Я пришелъ къ ней проститься. У нея были гости—деревенская молодежь—парни и дѣвушки; все они сидѣли въ самой школѣ и она угощала ихъ орѣхами, пряниками, чаемъ, и весело говорила и смѣялась съ ними. Очевидно, она все ихъ любила, какъ „свою молодежь“, какъ говорила она, радости и горе которой были для нея такъ близки и дороги. Ей было, кажется, пріятно, что я засталъ ее въ этомъ обществѣ, что у нихъ было такъ хорошо, весело, любовно... Весело она встрѣтила и меня. Мы продолжали вмѣстѣ шутить, смѣяться.

Гости скоро разошлись и мы остались одни.

Я сказалъ ей, что уѣзжаю завтра. Вдругъ смущеніе, видимо, охватило ее всю.

— Такъ уже скоро?.. И надолго?—спросила она разсѣянно.

— Да, вѣроятно... къ сожалѣнію... Буду въ столицу.

Она вспыхнула, губы ея задрожали; вдругъ она быстро поднялась и хотѣла выйти, но не успѣла—слезы вырвались у нея изъ глазъ и она, закрывъ лицо, зарыдала...

— Зачѣмъ вы пріѣзжали сюда? Зачѣмъ вы встрѣтились со мной?—шептала она.—Вы отвратили меня... Вы привезли съ собою весь этотъ ядъ... изъ прежняго. Онъ

невидимо пробрался въ мою кровь, въ сердце... Я принимала всѣ мѣры, чтобы вытравить его... Нѣтъ, не могу!.. Я одна, опять одна!.. Вы, всѣ бросили меня... Я забыта, забыта!.. Что вамъ всѣмъ до меня!.. Я для васъ — мертвецъ... Такъ... зачѣмъ же, зачѣмъ вы воскресили во мнѣ ту прежнюю?..

Такъ долго говорила она сквозь рыданія. Я былъ смущенъ въ свою очередь и не зналъ, что сказать.

Потомъ она немного успокоилась.

— Вы, конечно, Богъ знаетъ что подумаете обо мнѣ,—заговорила она.

— Нѣтъ, нѣтъ,—поспѣшилъ я ее успокоить.—Я васъ понимаю.

— Понимаете?—недовѣрчиво переспросила она.—Но мнѣ все равно теперь... Васъ завтра не будетъ—и я опять буду та же, какая была до вашего пріѣзда... Все это исчезнетъ, какъ тяжелое воспоминаніе о тяжеломъ прошломъ.

Она долго сидѣла, опустивъ руки на колѣна, наклонивъ голову, задумчивая и неподвижная, не смотря на меня.

Я собрался уходить и протянулъ ей руку.

— Простите,—заговорилъ было я,—что мнѣ пришлось невольно напомнить вамъ...

Она вдругъ схватила мою руку своими холодными пальцами, сжала ее и, смотря на меня блестящими, полными мольбы и почти отчаянія глазами, тихо и напряженно прошептала:

— Останьтесь здѣсь... съ нами... Вѣдь вы свободны?.. А мы... какъ бы мы васъ любили!..

Я молчалъ, пораженный.

— Останьтесь... Останьтесь!..—повторила она прерывисто и почти машинально.

Я чувствовалъ, какъ пальцы ея, сжимавшіе мою руку, слабѣли все больше и больше. Я тихо высвободилъ руку и пробормоталъ: „Простите... Не могу... Дѣла... Все это такъ странно“...

Я разслышалъ звонъ колокольчика своей тройки...

— Простите еще разъ, — проговорилъ я.

Она все сидѣла неподвижная, безмолвная, опустивъ голову на грудь. захвативъ

— Можетъ быть, вамъ самимъ воротъ будетъ туда... къ намъ... Тамъ оживете... Будетъ легче... Правсущейся майте... Вы вновь помолодѣете, —ъ уже рилъ я, заминаясь, плохо понимая смысла собственныхъ словъ.

Она поднялась, выпрямилась, блѣднѣясь мокрыми щеками и, гордо взглянувъ мое лицо, протянула руку и холодно сказала: „прощайте“!

Да, это была опять „монашка“.

Я вышелъ. Послѣ того прошло два года,—забылъ опять ее и я... да вотъ теперь вы невольно напомнили. Да, страшныя у насъ вещи бываютъ на Руси! Кажется, это только у насъ и возможно...

МЕЧТА.

(ВАРИАНТЪ НА СТАРУЮ ТЕМУ).

уже жалкій и дряхлый старикъ. Все, что было когда-то въ умѣ и въ сердцѣ,—все истрачено, отдано жизни, но она не возвратила ничего. Я жалкій и дряхлый старикъ, потому что одинокъ въ этой мятущейся суетѣ большого города. Когда я лежу въ маленькомъ померкѣ третьяго этажа, мнѣ очень холодно и жутко. Вало работаетъ утомленный мозгъ и работа уже не согрѣваетъ ни моего брэннаго тѣла, ни моего сердца: похолодѣвшіе, старчески-неподвижные пальцы какъ-то механически держать перо и безъ порывовъ, безъ страсти, безучастно выводятъ заученныя буквы... Я одинокъ,—и вотъ все, что оставила мнѣ судьба, и трудно было бы придумать что-либо болѣе жестокое, потому что все, что я когда-то любилъ, во имя чего пожертвовалъ всѣмъ, что было для меня дорогого, за что напрягалъ всѣ силы моего ума и сердца—это была одна страстная жажда всеобщаго, любовнаго человѣческаго общенія. И это не была одна безумная мечта, бредъ разгоряченнаго воображенія... О, нѣтъ!.. Если даже это была и мечта, то я знаю, гдѣ и какъ она родилась и какими живыми нитями была связана съ живой землей.

И вотъ почему, когда мнѣ особенно становится жутко и холодно, я забираюсь въ самую глубь моего старенькаго диванчика и, склонивъ отяжелѣвшую голову, скоро засыпаю. Я знаю, что мнѣ будетъ хорошо и тепло, потому что я во снѣ непременно увижу нашъ „старый домъ“,—тамъ, въ самой глубинѣ моей дорогой отчизны,—эту колыбель моихъ дѣтскихъ лѣтъ...

Такъ было и теперь.

Мнѣ снился мой „старый домъ“, и мой

отецъ, и моя мать, и братья, и сестры—и мнѣ казалось, что всѣ они были тогда такіе же бѣдные и жалкіе, какъ и я, такіе же одинокіе, и также было холодно и сыро въ старомъ домѣ, какъ и здѣсь.

Но вотъ въ нашемъ „старомъ домѣ“ начинается совершаться что-то удивительное. Въ маленькое зальце, съ дырявымъ поломъ и облупившимися обоями, все чаще, какъ казалось намъ, малымъ дѣтямъ, начинаютъ заглядывать мягкіе, теплые лучи: поиграютъ игривыми „зайчиками“ по стѣнамъ и потолку—и снова исчезнутъ.

Я помню ихъ, эти игривые и шаловливые „зайчики“, помню, въ какой неописанный восторгъ приходилъ я въ тѣ дни, когда радостное, веселое утреннее солнце иногда заглядывало въ нашъ бѣдный, старый, дряхлый домикъ и весь заливало его своими лучами. Помню, какъ я и сестренка, схватившись за руки, принимались неистово прыгать и кричать, стараясь поймать мерцающую пыль въ золотистыхъ полосахъ свѣта. Для насъ было тогда все забыто: и холодъ зимнихъ ночей, и сырыя, провалившіяся половицы стараго пола, и клочья изодранныхъ, полинявшихъ обоевъ съ зіяющими щелями, — старое, полуразрушенное гнѣздо преображалось въ чертогъ, а отблескъ этого радостнаго солнечнаго сіянія еще долго-долго спустя согрѣвалъ и ласкалъ наши маленькія существованія...

Да, это, значитъ, они, блестящіе и радостные, манили къ намъ всѣ эти свѣтлыя, мягкія, любвеобильныя души невѣдомыхъ людей.

Но что же это такое было въ нихъ, въ этихъ золотистыхъ лучахъ, которые, блуждая, весело заглядывали въ полутемныя и сырыя наши обиталища?.. И когда мы

ближе присматривались къ нашимъ добрымъ, ласковымъ, любвеобильнымъ гостямъ, когда ихъ мягкая ласка покоряла имъ наши, полуодичавшія въ одиночествѣ, боязливыя дѣтскія души,—мы смутно почувствовали, что это такое было.

Это была „мечта“!.. Та удивительная мечта, которая, какъ мягкое, теплое, бодрящее и животворное дуновение, вдругъ принеслась неизвѣстно откуда, невѣдомо какъ: она носилась надъ нашими бѣдными полями, то убаюкивая и утѣшая все скорбнѣе предчувствіемъ неизреченныхъ благъ, то пугая грозною неизвѣстностью надвигающагося будущаго.

Она, неясная, туманная, принимая безчисленныя формы и образы, носилась тогда всюду, и не было такого жалкаго и бѣднаго угла, куда бы она не проникла, првивая, живая, неуловимая, какъ ласточка.

Но, какъ ласточка, она была и нѣма. И когда она залетала подъ соломенные кровли нашихъ бѣдныхъ хижинъ и свивала здѣсь свое гнѣздо,—ея хотя и молчаливое, но живое присутствіе, ея хлопотливый, порывистый полетъ наполняли наши бѣдныя души какимъ-то несказаннымъ, чуднымъ волненіемъ. Охваченное имъ, все живое, что ютилось подъ этими кровлями, выходило на волю и долго слѣдило за таинственнымъ полетомъ своей новой гостьи.

— Прилетѣла! — говорили они съ затаеннымъ радостнымъ волненіемъ другъ-другу.

— Да, да, прилетѣла!..

— Что-то будетъ! Что-то будетъ!..

И грубыя, заскорузлыя руки въковѣчныхъ тружениковъ истоиво складывались въ крестное знаменіе.

О, какъ хорошо я помню эти мгновенія... когда бѣдную жизнь маленькихъ и ничтожныхъ существованій, которую такъ радовались даже простой, заблудшій солнечный лучъ, вдругъ озарялъ другой, еще болѣе животворящій свѣтъ, свѣтъ, призывавшій къ новой жизни, полной свободного человѣческаго существованія, къ жизни равенства и братства, жизни сознательнаго труда и подвига во имя ближняго! И этотъ животворящій свѣтъ согрѣвалъ и ласкалъ все, что дотолѣ томилось во мракѣ и холодѣ суроваго существованія униженныхъ и оскорбленныхъ.

Прошли года—и я понялъ, что лишь этими мгновеніями живетъ человечество, и потому благословляетъ ихъ!...

Благословилъ и я...

Я чувствовалъ, какъ при этихъ воспоминаніяхъ несказанно-ласкающая теплота охватывала все мое старчески-хладѣющее существованіе, она убаюкивала чудными грезами мой умъ, она наполняла восторгомъ и умиленіемъ мое сердце...

И вдругъ я проснулся... Было сумрачно, сыро и пусто въ моемъ номерѣ... Я былъ одинокъ... Я подошелъ къ окну. Изъ туманнаго полусвѣта сумерекъ глухо доносились невнятный шумъ мятущейся суеты большого города, и мнѣ казалось, что вмѣстѣ съ этимъ шумомъ невидимо проникалъ ко мнѣ леденящій холодъ безучастнаго механическаго движенія, въ которомъ все кружилось, вертѣлось, молотилось съ невѣроятной быстротой, захватывая въ свой стихійный круговоротъ все, что попадалось на пути...

Мнѣ казалось, что между этой мятущейся суетой и моимъ одиночествомъ нѣтъ уже никакой связи, что между ними легла безграничная пустота...

И страшное, мертвящее уныніе охватывало меня,—и никогда еще мое одиночество не было для меня такъ ужасно.

И вотъ я опять стараюсь вызвать тѣ чудныя, ласкающіе лучи изъ далекаго прошлаго, чтобы хоть на мгновеніе обогрѣть мое сердце... Но это было напрасно, потому что мой мозгъ сверлитъ уже ядовитая мысль: развѣ не жалкое это утѣшеніе искать все лучшее только въ прошломъ?.. Да, жалкое,—какъ дѣтская дорогая игрушка, поданная голодному вмѣсто хлѣба.

И уныніе все больше и больше душило меня въ своихъ леденящихъ объятіяхъ.

Я забылся. Я чувствовалъ, что я начинаю въ этихъ объятіяхъ засыпать, какъ засыпаетъ замерзающій!..

Я еще чувствую, какъ сквозь одежду проникаетъ до самаго моего тѣла мокрая, холодная струя. Эти безконечныя потоки холодной воды сверху, снизу, съ боковъ, непрерывавшіеся въ теченіе двухъ сутокъ, способны были привести въ отчаяніе. Но наконецъ разведрилось!.. Непрестанно лившій дождь держалъ насъ въ душныхъ и сырыхъ пароводныхъ каютахъ, какъ въ тюремныхъ камерахъ.

Мы уже миновали мрачную и мутную Каму, какъ надъ нами заблестѣло солнце. Мы входили въ Бѣлую, въ эту полную своеобразной дикой поэзіи рѣку, къ ко-

торой такъ шелъ этотъ веселый блескъ вырвавшася изъ-за тучъ на свободу солнца. Не прошло и полчаса, какъ мы, каютные пассажиры, заполнили всю палубу и долго, какъ очарованные, смотрѣли на раскрывающуюся передъ нами чудную панораму. „Солнце, солнце!!“ въ восторгѣ повторялъ мысленно каждый изъ насъ... Я чувствовалъ, какъ мягкая, нѣжная теплота медленно разливалась по всѣмъ моимъ жиламъ, я испытывалъ несказанное наслажденіе... А солнце, тихо опускаясь сзади кормы, косыми лучами озаряло передъ нами дикую, темнозеленую перспективу густого, дремучаго лѣса, по обоимъ берегамъ, какъ чудная аллея, нависаго надъ рѣкой. Полная, какъ чаша, Бѣлая медленно и мягко катила свои бѣлесоватыя волны, нѣжась въ зеленыхъ объятіяхъ родного лѣса. Воздухъ былъ весь пропитанъ свѣжимъ ароматомъ этихъ вѣковыхъ дебрей; въ пріятной истомѣ нѣсколько кружилась голова и замирало сердце. А Бѣлая, казалось, все упорнѣе рвалась намъ навстрѣчу изъ самой глубины этихъ дебрей.

Несмотря на стоявшее нѣсколько сутокъ ненастье, палуба нашего парохода была переполнена пассажирами и мы, счастливые обитатели каютъ, недоумѣвали, какимъ образомъ вся эта масса палубнаго люда не размокла и не растаяла отъ сырости за эти сутки. А народъ все еще прибывалъ; на послѣдней пристани была принята на палубу еще цѣлая артель татаръ—рабочихъ. Всякое свободное мѣстечко палубы было занято вилотною,—и удивительно было, какъ ухитрились, прыгая черезъ ноги и туловища лежавшихъ пассажировъ, бѣгать по палубѣ взадъ и впередъ матросы. Маленькій пароходикъ все глубже садился въ воду, и пыхтѣлъ все сильнѣе, все тяжелѣе, какъ будто напрягаясь изъ послѣднихъ силъ. Я съ трудомъ прошелъ отъ носа до кормы. При видѣ весело прощавшася съ нами солнца, которое словно говорило, чтобы мы не отчаивались, что оно только ненадолго уйдетъ отъ насъ отдохнуть, что черезъ нѣсколько часовъ оно снова вернется, еще болѣе яркое, горячее, веселое, и обсушитъ и обрадуетъ всѣхъ насъ,—всѣ казалось повеселѣли и особенно дружелюбно смотрѣли другъ на друга.

А между тѣмъ, что за пестрое сборище было скучено на этой мокрой, грязноватой палубѣ: были тутъ малороссы и ве-

ликороссы, башкиры и татары, черемисы и мордва, евреи и поляки, цыгане и нѣмцы... Что это такое? Переселенцы? Откуда? Куда? Зачѣмъ?.. Я не могъ опредѣлить... Если это переселенцы, — то зачѣмъ я тутъ и всѣ мы, каютные пассажиры: и вотъ эта худая, блѣдная женщина, вся въ черномъ, вдова при живомъ мужѣ, съ двумя юношами и дѣвочкой—подросткомъ; и этотъ сѣдой старикъ въ черномъ длинномъ сюртукѣ и большой черной пуховой шляпѣ, съ большими нависшими бровями надъ добрыми, мягкими сѣрыми глазами, который всю ночь на пролетѣ провелъ за какими то хитрыми математическими вычисленіями; и этотъ молодой юноша-поэтъ съ шапкой кудрей на головѣ, съ восторженными блещущими таинственнымъ огнемъ глазами, то бѣгавшій, какъ лъвеночъ въ клѣткѣ, по своей каютѣ, потрясая воздухъ полу-безумными импровизаціями, похожими на пѣвучій, мелодическій бредъ, то бросавшійся головой въ подушки, заглушая взрывъ неудержимыхъ рыданій, взрывъ горькаго полуподавленнаго отчаянія... И эта чудная молодая женщина, — „полнощныхъ странъ краса и диво“, которая то убаюкивала или терзала наше сердце дивными звуками, полными чарующей гармоніи и силы,—и вся сіяла воспоминаніями о блестящей эстрадѣ, съ которой она видѣла упоенные восторгомъ отъ нея тысячи слушателей и слышала громъ неистовыхъ рукоплесканій, — то уходила мрачная и подавленная, въ свою каютку и ни мольбы, ни слезы наши не могли уже вызвать ее оттуда... Она только шептала: „о, погодите!.. погодите!..“

— Куда же это мы?.. Куда?.. Зачѣмъ? спрашивалъ я—и никто не отвѣчалъ мнѣ. Только сѣдой старикъ въ черной пуховой шляпѣ, глядя на меня поверхъ очковъ добрыми глазами, сказалъ полу-проницательно, полу-мечтательно: „на бѣлыя воды!“ Тогда я прошелъ опять къ кормѣ, среди густой толпы бѣдняковъ, съ тѣмъ же просительнымъ недоумѣніемъ обращаясь къ нимъ, но никто мнѣ ничего не отвѣтилъ. Всѣ, какъ будто изумленно, взглядывали на меня и молчали. Тогда я сталъ молча и пристально наблюдать за ними.

Чѣмъ ниже спускалось солнце, тѣмъ на пароходѣ становилось тише, молчаливѣе. Всѣ были какъ-то особенно сдержаны: лежа или сидя прямо на полу тѣсно-смянутыми кучками, одни кончали ужинъ или чай, другіе, молча и вздыхая, при-

готовляли на ночь постель, третьи также молча лежали, какъ будто ожидая, когда спустится ночь и окутаетъ насъ чернымъ пологомъ. Разговоры велись рѣдко и отрывочно и то въ полголоса: казалось, каждый былъ сосредоточенъ въ себѣ. Очевидно было, что не о чемъ теперь имъ разговаривать: все что нужно было обдумать и рѣшить, — рѣшено и обдумано уже раньше и безповоротно. Роковой шагъ былъ сдѣланъ: прошлое оставалось все дальше и дальше позади, а роковая сила невидимо уносила ихъ въ неизвѣстное будущее... Каково же оно будетъ? Гдѣ же эта желанная пристань? Очевидно было, что этого никто не знаетъ... Это знаетъ только та роковая могучая сила, которая сорвала ихъ съ мѣста и понесла вдоль необозримого пространства, какъ вѣтеръ срываетъ съ вѣтвей и разсѣваетъ по лицу земли созрѣвшія сѣмена.

И всѣ они вѣрятъ, что эта роковая сила не обманетъ ихъ: вѣдь она сѣетъ сѣмена будущаго... и уже конечно сѣмена добра, а не зла, такъ какъ сила эта — сама безконечная доброта и любовь. А если изъ сѣмянъ выйдетъ зловерный куколь, то въ этомъ будемъ виноваты уже мы, слѣпые, слабоумные и малодушные, не оправдавшіе ея великихъ предначертаній! И вотъ, можетъ быть потому, что всѣ эти бѣдныя преисполнены этой вѣры въ таинственные предначертанія роковой силы, теперь всѣ такъ сдержаны и сосредоточены. И только дѣти да невнятный ропотъ матерей нарушали эту сдержанную тишину.

Упоенный влажной теплотой благоухающаго воздуха, я, какъ очарованный, смотрѣлъ, какъ чудное свѣтило, сіявшее своей лучистой короной, величественно спускалось къ горизонту... И мнѣ казалось, что оно какъ будто говорило мнѣ: „малодушный! смотри, какъ весело уступаю я мѣсто темной ночи, — но только затѣмъ, чтобы завтра засіять надъ вашимъ міромъ во всемъ царственномъ величій!.. И я почувствовалъ, какъ все мое существо вдругъ охватило торжественно-молитвенный трепетъ...

На палубѣ почти совсѣмъ стихло; слышался только равномерный лязгъ рулевыхъ цѣпей да шумъ колесъ. Вдругъ пронесся какой-то порывистый, странный, невнятный, какъ будто откуда-то издалека донесшійся призывный кличъ. Я видѣлъ, какъ всѣ смотрѣли на солнце,

готовое потонуть въ пурпурномъ морѣ заката.

Но вотъ снова раздался тотъ же невнятный призывный кличъ — и правотверный мусульманскій мулла, надѣвъ бѣлую чалму, разостлалъ тщательно коврикъ, поставилъ возлѣ него туфли и благоговѣнно опустился на колѣна... Толпа богомольныхъ мусульманъ молитвенно застыла на мѣстѣ, опустивъ головы къ приподнятымъ ладонямъ...

Вотъ, спрятавъ голову въ самый уголъ между трубой и капитанской каютой, загудѣлъ сухимъ, трескучимъ голосомъ длинный худой еврейскій раввинъ, около котораго собралась кучка его покорныхъ черноглазыхъ, бойкихъ и юркихъ учениковъ.

Вотъ заколыхались цѣлыя сотни открытыхъ русыхъ кудрявыхъ славянскихъ головъ, крестясь широкими размахами могучихъ мозолистыхъ рукъ, — и вмѣсто молитвы поднялся къ небу одинъ общій сдержанный вздохъ изъ ихъ могучихъ грудей...

Вотъ вижу я, какъ на самой кормѣ, какъ чудное изваяніе, застыла въ такомъ же торжественно-молитвенномъ трепетѣ молодая дѣвушка: мягкій, едва ощутимый вѣтеръ игралъ мелкими шелковистыми завитками ея волосъ, и послѣдніе розовые солнечные лучи озаряли ея милое восторженно-свѣтлое лицо... Я не знаю — молилась ли она и какъ, — или же изъ груди ея беззвучно рвалась только дѣвственно-чистый торжественный гимнъ... Но вотъ она, повидимому, не выдержавъ золотистаго блеска послѣднихъ лучей, прикрыла рукою свои прекрасные глаза, и, опустивъ голову, нѣсколько мгновений продолжала неподвижно стоять, какъ будто ожидая чьего-то призыва...

Скользнувъ по трубѣ, поигравъ на верхушкѣ мачты, исчезъ послѣдній прощальный лучъ... Смолкли послѣднія слова молитвы, послѣдніе подавленные вздохи... И когда, подъ покровомъ благоухающихъ сумерекъ, тихо и медленно спустилась на палубу торжественная тишина, — молодая дѣвушка, какъ легкая тѣнь, какъ безплотное видѣніе, чуть замѣтнымъ, неторопливымъ движеніемъ прошла между этими усталыми, бѣдными путниками, готовыми уже склонить на покой свои удрученные заботами головы. Она остановилась около заснувшихъ уже дѣтей и чутко прислушивалась къ ихъ дыханію; она обращалась къ матерямъ и говорила

имъ слова ласки и одобренія; она подходила къ больнымъ и утѣшала и ободряла ихъ.

Но вотъ она опустилась среди группы сидѣвшихъ и лежавшихъ матерей—и раздался ея чудный ласкающій голосъ...

Что это такое? Гдѣ, когда я слышалъ этотъ голосъ? Гдѣ, когда видѣлъ я это милое лицо? спрашивалъ я себя въ невольномъ волненіи и смущеніи, которое я ничѣмъ не могъ объяснить.

А она говорила... Ея добрые глаза сіяли ровнымъ, веселымъ, полнымъ беззавѣтной надежды и вѣры свѣтомъ. Ея голосъ звучалъ, какъ мелодія, несшаяся изъ того таинственнаго, чуднаго „будущаго“, куда уносила насъ роковая сила.

И вотъ около нея все больше и больше растетъ, расширяется тѣсно сомкнутый кругъ слушателей: казалось, волшебной силой она единила вокругъ себя всѣ эти простыя, наивныя души тружениковъ, и здѣсь исчезало вблизи ея все, что только за минуту передъ тѣмъ могло разъединить ихъ: не было здѣсь ни эллина, ни іудея, ни раба, ни свободнаго...

Вотъ я вижу—здѣсь уже стоитъ вблизи ея и чутко внимаетъ ея словамъ и бѣдная вдова съ юношами и дочерью; и, вперивъ въ нее жадные взгляды, какъ нектаръ, пьетъ каждое ея слово чудная „дива“ искусства; и сжавъ губы, боясь, чтобы не вырвалось изъ груди безумное слово восторга, пожирая ее воспаленнымъ взоромъ, стоитъ въ отдаленіи полубезумный юноша—импровизаторъ; и, почтительно склонивъ свою многотумную сѣдую голо-

ву, молча внимаетъ ея рѣчамъ старикъ-математикъ.

Я чувствую, какъ непонятное, неудержимое волненіе охватываетъ меня съ каждою секундой: я чувствую въ ней что-то близкое, кровное—мое, дорогое...

— Кто? кто она?—спрашиваю я, не въ силахъ удержать свое волненіе:—О, скажите мнѣ!..

— Это—любовь,—отвѣчала мнѣ бѣдная крестьянка, закачивая ребенка.

— Это—свобода!—сказалъ восторженный юноша.

— Это—мысль!—проговорилъ сѣдой старикъ въ черной шляпѣ.

И въ это мгновеніе она взглянула на меня.

— Дочь моя!.. Это ты, ты!.. вскрикнулъ я, хватаясь за сердце, которое, казалось, перестало биться: — Но вѣдь ты погибла? ты померла?..

Она отрицательно покачала головой, и тихая, свѣтлая улыбка засіяла на ея лицѣ...

Я схватилъ ея руки, мои слезы неудержимо обливали ихъ...

Я проснулся... Мой маленький, сырой и холодный номеръ былъ все тотъ же, но... но мнѣ было въ немъ тепло и уютно. Я подошелъ къ окну: въ него несея тотъ же шумъ мятущейся суеты большого города, но онъ не леденилъ меня: сквозь этотъ шумъ я слышалъ, различалъ дивные звуки небесной мелодіи... Я былъ тотъ же бѣдный и дряхлый старикъ, но... я не чувствовалъ себя одинокимъ: со мной была опять моя мечта.

1890—95 г.г.

